Годъ XXXI-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893

5.

Стр.

5. Указы **Екатерины Великой** М. А. Яковлеву, съ предисловіемъ **А. А. Титова** и съ родословіемъ Яковлевыхъ.

18. Изъ воспоминаній молодости. **Н. Я. Скарятина.**

23. Летучія воспоминанія Севастопольца. **Д. В Ильинскаго.**

33. Богатырь-казакъ Илья-Муромецъ, какъ историческое лицо. **Д. И. Иловайскаго.**

59. Къ исторіи Еврейства. I—V. **Н. С. Граве.**

105. Къ біографіи А. С. Хомякова: 1) Статья его о зодчествѣ, 2) Письмо къ нему отца его въ Парижъ о событіи 14 Декабря 1825 года.

129. Переписка **князя А. Н. Голицына** съ **З. Я. Карнѣевымъ.**

135. Изъ бумагъ С. Д. Нечаева: письма къ нему **Александра и Андрея Николаевичей Муравьевыхъ, графа М. С Воронцова, А. И. Войцеховича, Игнатія Брянчанинова и А. А. Краевскаго.**

Приложенъ видъ Сенатской площади 14 Декабря 1825 года.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1893.

„АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА“.

Сборникъ историческихъ бумагъ, писемъ и записокъ, относящихся къ жизни и дѣятельности графовъ и князей Воронцовыхъ, а также документовъ, ими сбереженныхъ. Вышло **тридцать восемь** книгъ. Цѣна первымъ семи книгамъ и книгѣ 24-й—по **два** рубля; остальнымъ по **три** рубля.

Складъ изданія въ Петербургѣ: для первыхъ 26-ти книгъ—по Мойкѣ, въ домѣ свѣтлѣйшей княгини Воронцовой; для остальныхъ—на Моховой, въ домѣ свѣтлѣйшаго князя Воронцова-графа Шувалова.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1893.

2.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ въ концѣ третьей книги—общій для всего годоваго изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

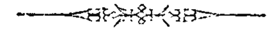
Въ любви къ Отечеству должно быть столько же любви отеческой, какъ и любви сыновней.

Слова князя П. А. Вяземскаго.

1893.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ
1893.

УКАЗЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРУ М. А. ЯКОВЛЕВУ (1763—1768 гг.).

Нижеслѣдующіе указы императрицы Екатерины генералъ-маіору Яковлеву пріобрѣтены нами въ 1881 году, при посредствѣ Е. В. Барсова, отъ одного изъ наслѣдниковъ Яковлева. Указы всѣ своеручно подписаны Императрицею. Они переплетены въ два складня (сафьянные) съ подкладкой изъ зеленой тафты и съ металическими замками. Бумаги сохранились такъ хорошо, что даже золотой песокъ, которымъ засыпалась подпись Императрицы, уцѣлѣлъ какъ бы вчера разсыпанный.

Первый складень заключаетъ въ себѣ, кромѣ указовъ, письмо Глѣбова и докладную записку по дѣлу С.-Петербургскаго купца Дьяконова; во 2-мъ, также кромѣ указовъ, вплетены письма князя А. А Вяземскаго и графа Н. И. Панина. Оба складня снабжены описями заключающимся въ нихъ указамъ.

Тутъ же хранится „Родословіе Яковлевыхъ“ *въ кругахъ*, на большомъ листѣ, съ лѣвой стороны котораго, въ верху, находится превосходно исполненное изображеніе герба дворянъ Яковлевыхъ, а въ кругахъ подъ каждымъ именемъ краткія біографическія свѣдѣнія о потомкахъ. Мы приводимъ эту поколѣнную роспись, придерживаясь обычной формы родословій. Эта „Родословная Яковлевыхъ“ представлялась Александромъ Алексѣевичемъ Яковлевымъ въ 1798 г. въ Сенатъ и, кромѣ того, какъ доказательство о дворянствѣ, въ Мальтійскій Орденъ. Она, между прочимъ, не была извѣстна составителю „Россійской Родословной книги“ князю Долгорукову, у котораго родъ Яковлевыхъ показанъ угасшимъ въ XVI вѣкѣ; за тѣмъ въ „Родословной книгѣ“ изд. „Русской Старины“ хотя и приведена поколѣнная роспись Яковлевыхъ, но противъ приводимой нами она значительно сокращена въ біографическихъ данныхъ и начинается *№ 1, съ Якова Захарьевича*, который по нашей рукописи № 18-й.

*

Родословіе Яковлевыхъ, съ означеніемъ и другихъ родовъ, которые произошли отъ общаго имъ родоначальника, Прусскаго владѣтеля Вейдевутова потомка Гланды Камбилы, выѣхавшаго съ сыномъ своимъ въ Россію въ XII столѣтіи.

Гербъ рода: На золотомъ щитѣ въ лавровомъ вѣнкѣ красное поле, въ которомъ золотая королевская корона. Подъ щитомъ сверхъ лавроваго вѣнка и надъ другою короной „Дубъ“ (означающій тотъ кумиропоклонный дубъ,

подъ которымъ отправлялось идолослуженіе, гдѣ Прусскій и Аландскій король Прутено, уступивъ королевство брату своему Вейдевуту, былъ первымъ жрецомъ (на мѣстѣ этого дуба нынѣ городъ Гейлигенбейль). По сторонамъ „Дуба“ двѣ звѣзды Щитоносцы „Львы“ съ золотыми лбами (означая страхъ на сопротивныхъ) держатъ одною лапою щитъ, а въ другой: левъ съ правой стороны—скипетръ, а левъ съ лѣвой—державу (означая самодержавство потомковъ Вейдевутовыхъ); во рту „Львы“ имѣютъ вѣтви лавровую и масличную. Снизу, по обѣимъ сторонамъ герба, два укоренившіеся дуба съ обрубленными сучьями; на вершинѣ тѣхъ дубовъ надѣты городскія стѣнныя короны, а подъ ними подвѣшены ключи отъ взятыхъ предками сего рода непріятельскихъ городовъ; тутъ же изображены разныхъ націй знамена и воинскія орудія, ими завоеванныя. Подъ гербомъ мечъ, копье, лежащіе крестообразно надъ полумѣсяцемъ и горлатная шапка, служившая отличіемъ для бояръ. Въ округѣ герба знаки ордена Святаго Равноапостольнаго Великаго Князя Владиміра 3-й степени; подъ нимъ свитокъ, изображающій актъ разграниченія Россійской имперіи съ королевствомъ Прусскимъ, заключенный въ 1796 году 21 Іюня (2 Іюля) въ Гроднѣ, гдѣ, въ качествѣ императорскаго полномочнаго, присутствовалъ Александръ Алексѣевичъ Яковлевъ. Подо всѣмъ этимъ лента съ надписью: Deus, honor et gloria, т. е. Богъ, честь и слава (фамильный девизъ).

Поколѣнная роспись.

1. *Андрей Ивановичъ Камбила,* происходитъ отъ короля Прусскаго и Аландскаго Вейдевута, которому въ 305 году по Рождествѣ Христовѣ старшій братъ король Прутено, уступивъ царство свое, пошелъ въ первые жрецы къ идолослуженію, что было около зеленаго кумиропоклоннаго дуба въ Романовѣ, первой столицѣ Прусской; по раззореніи этого города, тутъ былъ выстроенъ другой—Гейлигенбейль, т. е. святые топоры, которые даны были тому городу въ гербъ. Король Вейдевутъ раздѣлилъ царство свое двѣнадцати сыновьямъ. Потомокъ четвертаго сына его Недрона, владѣтель Судовіи, Самогиціи и проч. Гланда Камбила Дивоновичъ, утомленный въ битвѣ противъ Крыжаковъ и будучи ими побѣжденъ, выѣхалъ въ Россію со множествомъ подданныхъ своихъ и съ сыномъ, къ великому князю Александру Ярославичу Невскому въ 1241 году; принялъ крещеніе, при чемъ имя ему было дано Іоаннъ, а сыну Андрей. Андрей Ивановичъ Камбила (въ просторѣчіи Кобыла) пользовался дружбою и особымъ довѣріемъ великаго князя Симеона Іоанновича Гордаго. У него было пять сыновей.
2. *Ѳедоръ Андреевичъ*, по прозванію *Кошка,* въ 1381 г. былъ при сочиненіи духовной великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго; въ 1393 г. посланъ былъ посломъ въ Новгородъ для приведенія мятежниковъ къ послушанію, въ чемъ и успѣлъ своими распоряженіями. 1

3. *Гаврило Андреевичъ,* по прозванію *Гавша.* Отъ него произошли Бабарыкины.. 1
4. *Василій Андреевичъ,* по прозванію *Вантей;* бездѣтенъ........... 1
5. *Александръ Андреевичъ,* по прозванію *Елко;* отъ него ведутъ свое поколѣніе Колычевы и Неплюевы.......... 1
6. *Семенъ Андреевичъ;* отъ него ведутъ свое поколѣніе Кобылины, Лодыгины, Коновницыны, Кокоревы, Образцовы 1
7. *Михаилъ Өедоровичъ,* по прозванію *Дурной;* скончался бездѣтнымъ. 2
8 *Никифоръ Өедоровичъ*... 2
9. *Александръ Өедоровичъ,* по прозванію *Беззубецъ.* Отъ него ведутъ свое поколѣніе Шереметевы, Добрынскіе, Бирдюкины, Зайцовы, Елизаровы, Викентьевы... 2
10. *Дочь* въ замужествѣ за сыномъ великаго князя Тверскаго Александра Михаиловича.. 2
10. *Өедоръ Өедоровичъ,* по прозванію *Голтяй*......................... 2
11. *Иванъ Өедоровичъ*... 2
12. *Дочь* Өедора Өедоровича въ замужествѣ была за княземъ Ярославомъ Владимировичемъ.. 10
12. *Андрей Өедоровичъ,* убитъ въ Суздальскомъ бою, бездѣтенъ....... 10
13. *Иванъ Ивановичъ,* бездѣтный.......... 11
14. *Өедоръ Ивановичъ,* по прозванію *Голтяй*.......................... 11
15. *Яковъ Ивановичъ,* по прозванію *Козакъ;* сыновей не было. Изъ двухъ дочерей одна была въ замужествѣ за Плещеевымъ, а другая за княземъ Ушатовымъ 11
16. *Захарій Ивановичъ,* былъ при дворѣ Василія III-го Васильевича Темнаго въ знатныхъ чинахъ.. 11
17. *Василій Өедоровичъ,* убитъ въ Лысковѣ; бездѣтенъ............... 14
18. *Яковъ Захарьичъ,* бояринъ при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ; былъ во многихъ походахъ главнымъ полковымъ воеводою; въ 1485 г. въ Новгородѣ намѣстникомъ и былъ посланъ съ Новгородскою ратью противъ князя Михаила Борисовича Тверскаго. Въ 1500 г. былъ посланъ къ Стародубскимъ князьямъ, взялъ городъ Брянскъ, князей покорилъ Россіи, привелъ къ крестному цѣлованію, пошелъ съ ними въ походъ на Литву, взялъ городъ Путивль, полонилъ князя Богдана Глинскаго съ супругой въ 1508 году. Умеръ 15 Апрѣля 1530 г.. 16
От него пошли Яковлевы
19. *Юрій Захарьичъ;* отъ него пошли Юрьевы, а потомъ Романовы... 16
20. *Василій Захарьичъ,* по прозванью *Ляцкой*......................... 16
21. У него сынъ *Иванъ,* уѣхавшій въ 1533 году въ Литву съ сыномъ. 20
22. *Петръ Яковлевичъ,* имѣлъ чинъ окольничаго и въ разныхъ походахъ бывалъ воеводою; скончался 1520 г............................ 18
23. *Василій Яковлевичъ;* при в. князѣ Василіѣ Ивановичѣ былъ спальничимъ; служилъ воеводою въ разныхъ походахъ; скончался 1523 г. 18

24. *Гавріилъ Петровичъ;* 1549 г. при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ пожалованъ былъ въ бояре, умеръ въ слѣдующемъ же году, бездѣтенъ... 22
25. *Захарій Петровичъ;* въ 1559 г. получилъ отъ государя царя Іоанна Васильевича помѣстье, въ томъ же году въ Коломнѣ былъ полковымъ воеводою. 1552 г. при взятіи Казани посланъ былъ воеводою; 1554 г. былъ на Коломнѣ полковымъ бояриномъ; 1555 г. отправленъ былъ на Казанскія мѣста съ войскомъ на луговыхъ людей полковымъ бояриномъ и воеводою; скончался бездѣтенъ.... 22
26. *Иванъ Петровичъ,* по прозванью *Дуронъ*; служилъ при дворцѣ и на войнѣ былъ въ походахъ съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ; 1547 г. на Коломнѣ и 1548 во Владимирѣ рындою; 1550 г. получилъ въ помѣстье 200 четвертей близъ Москвы; 1567 г. былъ въ Москвѣ воеводою 22
27. *Василій Петровичъ;* 1551 г. былъ съ братомъ своимъ Иваномъ Петровичемъ въ Мценскѣ воеводою; въ 1552 г. на Тулѣ воеводою же; 1559 г. спальничимъ, 1568 г. въ походѣ бояриномъ; 1571 г. въ походѣ противъ Крымскаго царя бояриномъ же; 1617 г. находился въ Ярославлѣ при сборѣ ратныхъ людей и въ 1619 г. посланъ былъ въ Волоколамскъ съ войскомъ.............................. 22
Дочь Петра Яковлевича въ замужествѣ за княземъ Иваномъ Ивановичемъ Бѣльскимъ.. 22
28. *Семенъ Васильевичъ,* служилъ при дворцѣ и на войнѣ; въ службу поступилъ 1547 г. и бывалъ рындою въ походахъ царскихъ; 1556 г. былъ спальничимъ и вторымъ воеводою въ большомъ полку; былъ при взятіи Астрахани; въ 1560 г. воеводою въ Смоленскѣ; въ 1565 г. пожалованъ бояриномъ 23
У него *дочь Агрипина* умерла въ 1570 г...................... 28
29. *Михаилъ Васильевичъ;* въ 1549 г. былъ воеводою въ Костромѣ; 1555 г. спальничимъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, бездѣтенъ.... 23
30. *Иванъ Ивановичъ;* 1619 г писанъ дворовымъ воеводою и за храбрость при защитѣ Москвы во время осады отъ Поляковъ получилъ въ награду вотчины.. 26
31. *Тимоѳей Ивановичъ;* 1558 г. былъ воеводою и посланъ на Болховъ для годоваго тамъ пребыванія 26
32. *Андреянъ Ивановичъ;* 1664 г. засѣдалъ въ Помѣстномъ Приказѣ ... 30
33. *Александръ Андреяновичъ*; 1716 г. находился при императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ I-й докладчикомъ и былъ въ свитѣ ея величества въ Копенгагенѣ и Шверинѣ.............................. 32
34. *Михаилъ Александровичъ,* генералъ-маіоръ, членъ Государственной Военной Коллегіи, въ супружествѣ съ княжной Маріей Хилковой.. 33
35. *Алексѣй Александровичъ;* 1781 г. дѣйствительный статскій совѣтникъ Юстицъ-Коллегіи; произведенъ потомъ Монетной экспедиціи главнымъ членомъ; въ супружествѣ съ княжной Наталіей Мещерской. 33
Екатерина Александровна.................................... 33

36. *Николай Михайловичъ*, статскій совѣтникъ, род. 1756 г. 34
37. *Михаилъ Михайловичъ*, маіоръ, родился 1764 г. 34
Екатерина Михайловна, дѣвица 34
38. *Петръ Алексѣевичъ;* военный совѣтникъ и кавалеръ. Государственной Военной Коллегіи провіантской экспедиціи членъ. Род. 1760 г. ... 35
39. *Александръ Алексѣевичъ*, статскій совѣтникъ и кавалеръ. Въ 1796 г. былъ полномочнымъ при разграниченіи Россіи съ Пруссіей; родился 1762 года 35
40. *Левъ Алексѣевичъ*, лейбъ-гвардіи капитанъ; род. 1764 г. Былъ въ походахъ противъ Шведовъ 35
41. *Иванъ Алексѣевичъ*, лейбъ гвардіи капитанъ, род. 1787 г. (отецъ Герцена). Участвовалъ въ тѣхъ же походахъ 35
Марія Алексѣевна; въ замужествѣ за Ѳедоромъ Сергѣевичемъ княземъ Хованскимъ 35
Екатерина Алексѣевна; въ дѣвствѣ 35
Елисавета Алексѣевна, въ замужествѣ за бригадиромъ Павломъ Ивановичемъ Голохвастовымъ 35

На родословной таблицѣ подпись: „Къ сей родословной статскій совѣтникъ и кавалеръ Александръ Алексѣевъ сынъ Яковлевъ руку приложилъ“.

За тѣмъ идутъ свидѣтельства нижеслѣдующихъ лицъ въ томъ, что изображенный на таблицѣ гербъ и родословная *„таковые точно“* у Колычевыхъ, Яковлевыхъ и Шереметевыхъ: „Въ томъ свидѣтельствую оберъ-гофмаршалъ дѣйствительный камергеръ сенаторъ Россійскихъ орденовъ орд. Бѣлаго Орла кавалеръ графъ Михаилъ Петровъ сынъ Шереметевъ. Въ томъ же свидѣтельствую тайный совѣтникъ и кавалеръ Степанъ Алексѣевъ сынъ Колычевъ. Тайный совѣтникъ дѣйствительный камергеръ и кавалъ Степанъ Степановъ сынъ Колычевъ“.

А. Титовъ.

Ростовъ Великій. 1893, Марта 5-го.

УКАЗЫ.

1.

Секретно.

Господинъ брегадиръ Яковлевъ.

Повелѣваемъ вамъ для переводу къ находящимся при иностранныхъ дворахъ нашимъ министрамъ сдать здѣсь въ Петербургѣ изъ экспедиціи вѣдомства вашего передѣла мѣдныхъ денегъ триста тысячъ рублей Аглицкому купцу Гому или Санктпетербургскимъ купцамъ Володимерову и Саввѣ Сабакину, чрезъ кого будетъ для казны нашей упомянутой переводъ произвесть полезнѣй, какъ вамъ о томъ объявлено будетъ отъ нашего генералъ-прокурора, которому отъ насъ особливое о семъ повелѣніе дано. *Екатерина.* Генваря 30 дня 763 году.

По секретному указу о исполненіи.

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ императрицѣ и самодержицѣ Всероссійской докладъ генералъ-маіора Яковлева.

30 числа Генваря сего году по данному мнѣ имянному Вашего Величества указу объ отпускѣ для извѣстнаго переводу повелѣнной суммы, я дѣйствительное исполненіе отпускомъ трехсотъ тысячъ рублей куппу Гому учинилъ; токмо какъ въ росходъ оные записать, т.-е. на что отпущены, за силою содержанія сего секретно, такъ и копіи въ Правительствующій Сенатъ съ того указу не смѣю подать.

А какъ впредъ потребуютъ у меня въ тѣхъ деньгахъ отчету, коего дать буду безъ Высочайшей воли Вашего Императорскаго Величества не въ состояніи, то всеподданѣйше смѣлость и пріемлю просить о запискѣ тѣхъ денегъ на какой нибудь точной расходъ указу, дабы уже съ оного могъ я какъ копію въ Сенатъ представить, такъ и въ расходѣ ихъ на што издержаны именовать. Михайла Яковлевъ. Іюля 31 дня 1763 г.

Резолюція. «Записать, что употреблены на выписку серебра, которое отдано на монетный дворъ Шлатеру, и содержать секретно до указа».

2.

Секретно.

Господинъ генералъ-маіоръ Яковлевъ.

Повелѣваемъ вамъ по ассигнаціямъ нашихъ генерала-прокурора Глѣбова и штатскаго дѣйствительнаго совѣтника Елагина изъ находящихся въ вѣдомствѣ вашемъ главной передѣла мѣдныхъ денегъ экспедиціи отпустить мѣдною монетою пятьсотъ тысячъ рублевъ. Естли-жъ толикаго числа нынѣ въ наличности нѣтъ, то изъ тѣхъ, кои въ первомъ караванѣ изъ Екатеринбурга въ оную экспедицію прибудутъ; и по исполненіи сего подать намъ репортъ. Екатерина. Августа 17 дня 1763 года.

3.

Указъ нашему генералъ-маіору Яковлеву.

Изъ суммы мѣдныхъ денегъ, привезенной сюда съ прибывшимъ изъ Екатеринбурга караваномъ, повелѣваемъ на нѣкоторую выдачу взнесть немедленно въ нашъ кабинетъ четыре тысячи рублевъ. Екатерина. С.-Петербургъ, 30 Октября 1763 года.

4.

Указъ нашему генералъ-маіору Яковлеву.

Повелѣваемъ вамъ перевесть въ Петербургъ, какъ изъ Екатеринбурга триста тысячъ рублевъ, такъ и изъ оставленныхъ изъ каравана сего году въ Ярославлѣ и изъ Москвы вѣдомства вашего двѣсти пятьдесятъ тысячъ, всего пятьсотъ пятьдесятъ тысячъ рублевъ, и конешно бы отнынѣ въ четыре мѣсяца вся упомянутая сумма у насъ здѣсь въ готовности была, которой безъ особливаго нашего указу

ни въ какіе расходы не употреблять; а чтобы при перевозкѣ изъ Екатеринбурга и изъ Ярославля до Москвы обывателямъ тягости не произошло, въ случаѣ такомъ, когда бы вольныхъ наемниковъ не сыскалось, то повелѣваемъ платить прогоновъ по копѣйкѣ на версту.

При такомъ доставленіи сюда денегъ мы заключаемъ, что вымѣнъ легковѣсныхъ денегъ на нѣкоторое время не столь скорое теченіе свое имѣть будетъ; то вы однакожъ должны стараться совсѣмъ онаго не остановить, но производить изъ получаемыхъ долговыхъ денегъ, кои вступаютъ и вступать по временамъ должны въ экспедицію вѣдомства вашего, а сверхъ того и болѣе еще послужитъ будущаго году Екатеринбургскій денежный караванъ. Екатерина. Ноября 13 дня 763 года. С.-Петерб.

5.

Секретной.

Указъ нашему генералъ маіору Яковлеву.

Повелѣли мы отдать вамъ изъ дворянскихъ и изъ коммерческаго банка всѣ наличныя процентныя деньги, сколько ихъ по послѣднимъ рапортамъ состоитъ. Вы, принявъ оныя, какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ, имѣете отдать для переводу къ находящимся при иностранныхъ дворахъ нашимъ министрамъ по ассигнаціямъ нашихъ тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Панина, генералъ-прокурора Глѣбова и статскаго дѣйствительнаго совѣтника Елагина, кому отъ нихъ опредѣлено будетъ. Екатерина. Декабря 1 дня 1763 года.

6.

Господинъ генералъ-маіоръ Яковлевъ.

Повелѣли мы нашему генералу фельдцейхмейстеру отпуситъ вѣдомства вашего мѣднаго передѣла въ монетную экспедицію изъ Московскаго артиллерійскаго арсенала мѣди отъ двадцати до тридцати пудъ въ артиллерійскихъ негодныхъ орудіяхъ для опыту на дѣло мѣдной монеты. А какъ въ упомянутыхъ орудіяхъ мѣдь гораздо суше, нежели для дѣла монетъ потребна, и подъ штемпелями въ тисненіи можетъ трескаться: то вы имѣете, во первыхъ, сколько можно чрезъ огонь, лигатуру или сушь изъ той мѣди истребить, и потомъ, для приведенія оной въ мягкость, треть или хотя и до половины чистой штыковой мѣди присовокупя сплавить, и что̀ по опытамъ окажется и во что̀ пудъ обойдется со всѣми расходами, подать намъ репортъ и нѣсколько изъ оной сдѣланныхъ монетъ. Екатерина, Декабря 1 дня 1763 года.

7.

Секретно.

Господинъ генералъ-маiоръ Яковлевъ.

Принятыя вами изъ Иностранной Коллегiи девяносто одну тысячу рублей мѣдною монетою отдайте на внутреннiе расходы въ Штатсъ-Контору, а вмѣсто оныхъ толикое-жъ число повелѣли мы къ вамъ отпустить статскому дѣйствительному совѣтнику Шлатеру серебряною монетою. Вы, оныя принявъ, отдайте по ассигнацiи нашего тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Панина. Екатерина. Декабря 12 дня 1763 года.

8.

Господинъ генералъ-маiоръ Яковлевъ.

Ея Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволила работника, которой изъ привезеннаго сюда каравана съ мѣдными деньгами выносящ деньги уронилъ въ воду нечаянно (гдѣ едва и самъ спасся отъ утопленiя) восемьдесятъ рублевъ, для наступающихъ праздниковъ изъ-подъ караула свободить и тѣхъ денегъ съ него не взыскивать. Генералъ-прокуроръ Александръ Глѣбовъ. Декабря 15 дня 1763 года.

9.

Господинъ генералъ-маiоръ Яковлевъ.

Мы повелѣли нашему генералъ-фельдцейхмейстеру Вилбое отпустить къ вамъ въ разныхъ негодныхъ атриллерiйскихъ орудiяхъ и въ штукахъ мѣди сорокъ двѣ тысячи девятьсотъ шестьдесятъ три пуда одиннадцать фунтовъ по требованiю вашему. Вы, получая оную, имѣете всю передѣлывать, сколь скоро возможно, въ пятикопѣешную монету въ разныхъ по разсмотрѣнiю вашему мѣстахъ, гдѣ способнѣе и безубыточнѣе, употребя при томъ всѣ удобь возможные способы въ приведенiи оной въ мягкость какъ прибавленiемъ нѣкотораго числа штыковой мѣди, такъ и другими средствами, въ чемъ мы на вашу прилежность и попеченiе полагаемся. Какоежъ число денегъ для необходимыхъ расходовъ при передѣлѣ упомянутой мѣди потребно, оное можете вы на первой случай употребить заимообразно изъ долговыхъ вступаемыхъ по мѣдной монетной экспедицiи денегъ, а потомъ какъ долговыя возвратить, такъ и въ расходы при передѣлѣ употреблять изъ вновь по сему надѣланныхъ. А сколько когда надѣлано денегъ, и съ какимъ успѣхомъ все сiе дѣло происходить будетъ, о томъ имѣете намъ подавать ежемѣсячно обстоятельные репорты. Екатерина. Генваря 7 дня 764 года.

10.

Господинъ генералъ-маіоръ Яковлевъ.

За внесенныя къ намъ разныя бриліантовыя вещи отъ нашего генерала-прокурора Глѣбова, цѣною на шестнадцать тысячъ рублевъ, повелѣваемъ вамъ оныя деньги зачесть въ числяющійся на немъ по мѣдной монетной экспедиціи долгъ. Екатерина. Въ 16 день Генваря 1764 года въ С.-Петербургѣ.

11.

Указъ нашему генералъ-маіору Яковлеву.

Даннымъ вамъ указомъ отъ 13 Ноября прошлаго 1763 года повелѣли мы перевесть въ Петербургъ изъ Екатеринбурга и протчихъ мѣстъ пятьсотъ пятьдесятъ тысячъ рублевъ, изъ которыхъ надѣемся уже нѣкоторыя суммы сюда и доставлены, а и достальныя во свое время доставляются. Того для повелѣваемъ вамъ изъ оныхъ отпустить немедленно къ нашему генералъ-фельдцейхмейстеру Вильбоу на довольство артиллерійскаго и инженернаго корпусовъ и для разныхъ надобностей восемьдесятъ тысячъ рублевъ, а толикое число возвратить изъ будущаго въ нынѣшнемъ году денежнаго Екатеринбургскаго каравана. Екатерина. С.-Петербургъ, Генваря 22 дня 1764 года.

12.

Секретной.

Господинъ генералъ-маіоръ Яковлевъ *).

Отпустите изъ находящейся у васъ серебрянной монеты семьдесятъ пять тысячъ рублевъ для переводу къ министрамъ нашимъ при иностранныхъ дворахъ по ассигнаціи нашего сенатора Никиты Ивановича Панина, а толикую жъ сумму имѣете вы принять изъ нашей Иностранной Коллегіи мѣдною монетою, которую и обмѣнять вамъ на серебряную чрезъ Штатсъ-Контору такимъ образомъ, какъ уже вамъ предъ симъ о обмѣнѣ деньгахъ повелѣніе дано. Екатерина. С.-Петербургъ, 24 Марта 1764 года.

13.

Секретно.

Отпустите изъ повелѣнныхъ вамъ предъ симъ приготовить пятисотъ пятидесятъ тысячъ рублевъ суммы двѣсти сорокъ тысячъ рублевъ по ассигнаціи нашего сенатора и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Панина серебрянною монетою, не требуя въ оныхъ росписки; но какъ у васъ теперь въ числѣ пятисотъ пятидесятъ тысячъ руб-

---

*) Въ дальнѣйшихъ письмахъ это обычное обращеніе, для краткости, опускается. П. Б.

левъ въ наличности двухъ сотъ сорока тысячъ нѣтъ, то вы имѣете въ число оныхъ двухъ сотъ сорока тысячъ рублевъ отпустить изъ другихъ въ вѣдомствѣ вашемъ находящихся денегъ, какого-бъ оныя званія ни были, а по времени оныя возвратить въ тѣжъ суммы, изъ которыхъ взяты будутъ, изъ предписанныхъ пятисотъ пятидесятъ тысячъ, когда оные изъ подлежащихъ мѣстъ вступятъ. Екатерина. Марта 31 дня 1764 года.

14.

Секретно.

Указъ нашему генералъ-маіору Яковлеву.

Изъ имѣющихся у васъ денегъ повелѣваемъ отпустить въ Военную Коллегію шестьдесятъ тысячъ рублевъ серебряною монетою. Екатерина. Іюня 9 дня 1764 года.

15.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Ваше Императорское Величество, уповаю, соизволите знать о долгѣ моемъ, что я его имѣю въ мѣдной банкъ, до пятидесятъ тысячъ рублевъ, и платежъ того долгу наступилъ въ нынѣшнемъ Мартѣ мѣсяцѣ, и неотступно заплатить принуждаютъ, и уже за неплатежъ заложенной мой домъ описываютъ, и оцѣнить неоднократно присыланы были, и я въ горестномъ моемъ состояніи дошелъ отъ того по чести моей до самой крайности, и хотя бъ послѣднія мои вещи заложилъ, да чтобъ сей случай могъ миновать; но причина довольная для меня, что и занять подъ закладъ нигдѣ не найду.

Состояніе моей крайности болѣе приключилось отъ отнятія въ бывшее владѣніе двухъ у меня Лифляндскихъ деревень, съ коихъ доходовъ я имѣлъ до пяти тысячъ рублевъ въ годъ, и ими себя обнадеживалъ всегда оной долгъ уплачивать.

Во избѣжаніе же онаго горестнаго мнѣ приключенія, я принужденнымъ себя нашелъ чрезъ мою челобитную Бергъ-Коллегіи объявить, чтобъ за тотъ долгъ взятъ былъ мѣдиплавиленной заводъ, которой коштуетъ гораздо болѣе оной долговой суммы, на что и Высочайшая Вашего Императорскаго Величества матерняя воля послѣдовала оной заводъ осмотрѣть, и тѣмъ я себя ласкаю, что всеконечно за долгъ въ казну Вашего Императорскаго Величества принятъ будетъ.

И въ разсужденіи онаго обстоятельства, а особливо при теперешнемъ горестномъ для меня состояніи принялъ мою рабскую всеподданѣйшую смѣлость Вашего Императорскаго Величества утруждать, чтобы мой домъ за неплатежъ долгу моего повелѣть Высочайше монетной экспедиціи отъ описи свободить, и пока заводъ мой осмотрѣнъ и въ казну принятъ не будетъ, тотъ долгъ съ меня взысканіемъ обождать, чѣмъ Ваше Императорское Величество большую матернюю милость мнѣ учинить соизволите.

Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйшій рабъ графъ Карлъ Сиверсъ.

Резолюція Императрицы: „Обождать до тѣхъ поръ, покамѣстъ заводы его осмотрятся". Въ 30 число Іюля 1764 года. С.-Петербургъ.

15.

Докладная записка.

По дѣлу С.-Петербургскаго купца Ивана Дьяконова.

1) Въ казну Вашего Императорскаго Величества долженъ онъ по мѣдной экспедиціи пятьдесятъ тысячъ рублей, выданныхъ ему въ 1760 году и съ процентами на десять лѣтъ. А нынѣ по милосердому Вашего Величества указу срокъ положенъ платить тѣ деньги въ восемь лѣтъ въ каждой годъ по равнымъ частямъ.

2) Проситъ, чтобъ одиннадцать вновь построенныхъ его каменныхъ лавокъ взять въ наемъ подъ соль и тѣмъ его долгъ оплачивать.

3) Чтобъ имѣніе его все изъ подъ заклада свободить, а казну увѣрить только сими его одиннадцатью лавками. А по справкамъ оказалось, что на немъ, Дьяконовѣ, казеннаго долгу монетной экспедиціи пятьдесятъ тысячъ рублей, да на оные процентовъ семь тысячъ четыреста восемьдесятъ девять рублей пятьдесятъ копѣекъ,—итого пятьдесятъ семь тысячъ четыреста восемьдесятъ девять рублей пятьдесятъ копѣекъ.

Въ оной суммѣ взято отъ него въ закладъ собственныхъ его въ Санктпетербургѣ на гостиномъ деревянномъ дворѣ три лавки съ товарами, по его показанію обращающагося въ нихъ капиталу до шестидесяти тысячъ рублей; семь собственныхъ-же лавокъ безъ товаровъ, отданныхъ въ наймы; шелковая фабрика со всѣмъ строеніемъ съ припасами и инструментами, и собственный его домъ со всемъ строеніемъ; сверхъ того поруки два человѣка купцовъ. Августа 28 дня 1762 года онъ, Дьяконовъ, доношеніемъ представилъ въ обнадеженіе казны къ означенному закладу еще строящихся имъ въ морскомъ рынкѣ на обѣ стороны казенныхъ шесть лавокъ, изъ коихъ по достройкѣ учинитъ двѣнадцать.

Коммерческой банкъ присланною въ Санктпетербургскую экспедицію промеморіею объявилъ, что означенной купецъ Дьяконовъ долженъ коммерческому банку тринадцать тысячъ рублей, которому долгу срокъ платежу минулъ въ разныхъ числахъ, и въ оной суммѣ заложено отъ него собственной его каменной домъ со всѣмъ при немъ хоромнымъ строеніемъ и садомъ, да въ гостиномъ дворѣ три лавки съ находящимися въ нихъ собственными его товарами.

(Оной домъ и лавки тѣжъ, которыя имъ-же, Дьяконовымъ, и въ мѣдной экспедиціи заложены).

И на оное его имѣніе того-же числа и запрещеніе учинено. Сверхъ сего вступили на него ко взысканію отъ разныхъ людей вексельные протесты суммою на четыре тысячи четыреста восемьдесятъ четыре рубли восемьдесятъ пять копѣекъ.

А по мнѣнію генерала-маіора Яковлева:

Ежели лавки его взять въ наемъ по примѣрной цѣнѣ, какъ нынѣ за каждую по двѣсти рублей, то за всѣ въ годъ придетъ платежа по двѣ тысячи по двѣсти рублей; слѣдовательно сей долгъ съ небольшимъ въ двадцать

четыре года такимъ наймомъ оплатится; а ему, Дьяконову, отсрочено токмо на восемь лѣтъ и то, когда закладомъ казну увѣритъ и явится правъ, что не закладывалъ того имѣнія, кое въ монетную экспедицію заложилъ и въ коммерческій банкъ. При томъ видно главная соляная контора намѣрена изъ казны лавки построить или купить, что для казны полезнѣе будетъ. Такожъ, чтобъ взять тѣ его, Дьяконова, лавки подъ соль за каждую въ годъ по двѣсти рублей, не учиня прежде о томъ торгу съ прочими охотниками, кажется, для казны не полезно жъ.

Оныя одиннадцать лавокъ Дьяконова больше не стоютъ двадцати двухъ тысячъ рублей, въ чемъ бы ихъ въ закладъ принять, то и затѣмъ еще не достанетъ въ обнадеженіе казеннаго долгу закладу на тридцать пять тысячъ четыреста восемьдесятъ девять рублей. Почему и имѣнія его изъ закладу выключить, кромѣ тѣхъ его лавокъ, невозможно.

И какъ нынѣ слѣдуетъ съ него, Дьяконова, изъ капиталу долговаго съ процентами въ уплату получить семь тысячъ сто восемьдесятъ шесть рублей, котораго онъ еще не платилъ, и къ полученію съ него мало надежды въ разсужденіи вышеупомянутыхъ обстоятельствъ, и что онъ, Дьяконовъ, заложилъ тотъ-же самой закладъ въ мѣдной экспедиціи, который уже заложилъ-же въ коммерческомъ банкѣ, то теперь зависитъ единственно отъ Всевысочайшей Вашего Императорскаго Величества воли: учинить-ли ему по силѣ мнѣнія коммиссіи наказаніе и въ прочемъ поступить съ нимъ въ конфискацію, или принять тѣ одиннадцать лавокъ въ казну за такую съ публичнаго торгу цѣну, какой меньше прочіе купцы за свои лавки не возьмутъ, и отдать ихъ въ вѣдомство соляной конторы съ возвратомъ за нихъ въ экспедицію денегъ, а въ прочемъ оставшемся долгу отсрочить на восемь лѣтъ съ платежемъ въ тѣ восемь лѣтъ каждогодно капиталу и процентовъ по равной части, и отдать тотъ его закладъ и взысканіе съ него по срокамъ долгу и процентовъ въ опекунство тѣхъ судей, кои ему сперва выдачу денегъ учинили.

А по мнѣнію коммиссіи опредѣлено: ежели по достовѣрнымъ выправкамъ окажется, что онъ, Дьяконовъ, такіе воровскіе поступки противъ казны учинилъ, то его за оное по указамъ безъ упущенія наказать. А въ уплату казенному дому конфисковать, что изъ его собственнаго имѣнія въ лицахъ найдется, достальное же взыскать съ поручителей. Августа 11 дня 1764 года.

Резолюція Императрицы: „Хотя Дьяконовъ и подлежитъ наказанію, однакожъ потому, что онъ до милостиваго нашего указа впалъ въ вину, изъ Высочайшей нашей милости прощается. Долгъ и проценты взыскать съ него по разнымъ частямъ въ восемь лѣтъ, такъ какъ и прежде о томъ повелѣно. А закладъ имѣть во увѣреніе казнѣ тотъ-же, который и теперь есть. Каменныя лавки взять отъ него (буде надобны) въ вѣдомство соляной конторы за надлежащую цѣну, и деньги за нихъ заплатить въ главную экспедицію въ число его долгу; а буде онъ, Дьяконовъ, продать ихъ будетъ не въ состояніи, то оставить ихъ закладомъ въ томъ-же банкѣ, отдавая въ наемъ охочимъ людямъ; и тѣ за наемъ лавокъ деньги брать погодно въ казну въ число долгу. А когда долгъ станетъ оплачиваться, тогда и закладъ выключать по разсчету

сколько когда лишняго будетъ на оставшую долговую сумму; однакожъ не прежде какъ коммерческой банкъ съ Дьяконова или свой долгъ получитъ или удостовѣренъ будетъ надежнымъ закладомъ. И сіе все передается въ вѣдомство и исполненіе главной экспедиціи мѣднаго банка. Екатерина. Августа 11 дня 1764 года".

16.

Секретно.

Когда вамъ отъ живущихъ здѣсь чужестранныхъ конторъ Риттера, Торнтона и Палея да Линдемана и комп. предъявлены будутъ два векселя, каждой въ шестьдесятъ тысячъ рублевъ, данные отъ нашего въ Варшавѣ чрезвычайнаго посла графа Кейзерлинга на имя нашего же дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сенатора Панина, то повелѣваемъ изъ имѣющихся у васъ серебряною монетою наличныхъ денегъ по онымъ векселямъ немедленно платежъ произвесть, а самые векселі принявъ отдать помянутому дѣйствительному тайному совѣтнику Панину для поднесенія намъ. Екатерина. Сентября 5 дня 1764 года.

17.

Секретно.

За неимѣніемъ у васъ серебряныхъ денегъ повелѣли мы отпустить пятьдесятъ тысячъ рублевъ Аглинскому купцу Гому изъ капитала монетнаго двора, а вмѣсто того въ капиталъ монетной толикое-жъ число замѣнить изъ вступаемаго статсъ-конторскаго серебра; напротивъ же того въ статсъ-контору имѣете вы оныя пятьдесятъ тысячъ рублевъ заплатить мѣдными деньгами изъ прибывшаго каравана. Екатерина. Октября 14 дня 1764 года.

18.

Повелѣваемъ вамъ опустить нашему генералъ-поручику Бецкому на расплату состоящимъ по канцеляріи отъ строеній, равно и на пріуготовленіе матеріаловъ, изъ привезенныхъ въ караванѣ мѣдныхъ денегъ восемьдесятъ восемь тысячъ рублевъ, которые имѣете получить обратно въ ваше вѣдомство изъ нашего кабинета въ будущемъ году въ три срока. Екатерина. Октября 26 дня 1764 года.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МОЛОДОСТИ.

Въ 1840-мъ году гвардейскимъ корпусомъ командовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Онъ былъ человѣкъ крайне вспыльчивый и за самое небольшое упущеніе по службѣ или неисправность въ формѣ одежды взыскивалъ чрезвычайно строго. Взглядъ у него былъ до того наметанъ, что, ѣдучи въ экипажѣ, онъ тотчасъ замѣчалъ малѣйшее отступленіе отъ формы въ проходящемъ по тротуару офицерѣ или нижнемъ чинѣ, даже нечаянно растегнувшуюся пуговицу или крючекъ. Когда онъ распекалъ, то терпѣть не могъ, чтобы ему отвѣчали; но въ обыкновенномъ разговорѣ любилъ ловкій, удачный отвѣтъ, хотя бы иногда и рѣзкій. Великій князь имѣлъ обыкновеніе время отъ времени ходить или ѣздить для того, чтобы изловлять неисправности караульныхъ или дежурныхъ офицеровъ, а также упущенія въ формѣ одежды, въ отданіи чести и проч. Прогулки эти продолжались долго, и великій князь въ эти дни возвращался во дворецъ очень поздно. А между тѣмъ онъ былъ очень добръ, никогда не отказывалъ, въ чемъ могъ помочь, и всякій гвардейскій офицеръ могъ къ нему обращаться по своему личному дѣлу въ опредѣленные на то часы и принимался совершенно-частно, черезъ камердинера, въ кабинетѣ. Бѣднымъ молодымъ людямъ, которые выходили въ офицеры изъ кадетскихъ корпусовъ и были извѣстны великому князю съ хорошей стороны, онъ помогалъ въ обмундировкѣ; бывали и такіе, которымъ онъ ежегодно оказывалъ пособіе. Не ошибаясь можно сказать, что его чрезвычайная строгость и безпощадная взыскательность были отчасти напускныя; они истекали изъ той основной мысли, что пусть за нихъ его бранятъ какъ корпуснаго командира, но лишь бы не роптали на Государя. Онъ обожалъ своего августѣйшаго брата и во всемъ былъ его первымъ вѣрноподданнымъ.

Въ то время, о которомъ я вспоминаю, юнкера принимались только въ гвардейскіе сапёры и конно-піонеры, въ пѣшую и конную артиллерію. Послѣ двухлѣтней службы юнкерами, для производства въ гвардію прапорщиками, сапёры держали экзаменъ въ Инженерномъ училищѣ, въ старшемъ офицерскомъ классѣ (нынѣ Николаевская Инженерная Академія), а артиллеристы въ Артиллерійскомъ училищѣ. Не выдержавшіе этихъ спеціальныхъ экзаменовъ

выходили въ армейскіе полки по своему выбору. Въ остальныхъ гвардейскихъ полкахъ тогда еще юнкеровъ не было, а выпускались они изъ разныхъ кадетскихъ корпусовъ, Пажескаго корпуса, Юнкерской школы, и только около половины 1840-хъ годовъ стали принимать юнкеровъ во всѣ гвардейскіе полки.

Юнкера, какъ нижніе чины, носили мундиры и шинели изъ толстаго сукна, суконный галстукъ, солдатскіе кивера и сабли; разница была лишь въ томъ, что юнкера не могли носить усовъ и, выходя на улицу, должны были быть при саблѣ и въ киверѣ, солдаты-же безъ оружія и въ фуражкѣ. Юнкерамъ воспрещено было ѣздить въ экипажахъ, и какъ солдаты они должны были ходить пѣшкомъ; театры, балы и вообще всѣ общественныя собранія имъ строго запрещено было посѣщать. Почти всѣ поименованныя строгости были излишни; запрещеніе-же ѣздить въ экипажахъ, а ходить всегда и всюду пѣшкомъ было положительно неисполнимо. Юнкера жили у своихъ родителей, большею частью въ центрѣ города, а казармы находились, напримѣръ конно-піонерныя, у Измайловскаго моста, въ такъ называемомъ Гарновскомъ домѣ, и каждое утро къ 7—8 часамъ требовалось быть уже тамъ. Затѣмъ, по окончаніи ученія коннаго или пѣшаго, около 11 часовъ, нужно было возвращаться домой и заниматься приготовленіемъ уроковъ для выдержанія въ свое время весьма серьезнаго экзамена въ старшемъ офицерскомъ классѣ тогдашнихъ Инженернаго или Артиллерійскаго училищъ. Вотъ и приходилось подъ большимъ рискомъ, могущимъ испортить всю будущность молодаго человѣка, обходить этотъ законъ. Для этого, недалеко отъ казармъ, въ какомъ нибудь глухомъ переулкѣ, юнкера всѣ вмѣстѣ нанимали одну комнату у бѣднаго семейства. Рано утромъ, когда наступало время отправляться въ казармы, они одѣвались въ штатское платье, пріѣзжали туда, переодѣвались въ надлежащую форму и шли на ученіе. По окончаніи ученія, кто былъ посмѣлѣе, не смотря на поздній часъ, такимъ-же образомъ возвращался домой; ну а кто не обладалъ такою смѣлостью, тотъ шелъ домой пѣшкомъ. Да еще должно добавить, что въ то время приготовляли юнкеровъ по разнымъ предметамъ къ экзамену большею частью инженерные офицеры, но они не иначе соглашались заниматься съ ними какъ у себя на квартирѣ. Все это были люди очень небогатые и жили, кто на Васильевскомъ острову, кто въ Коломнѣ и тому подобныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ города. Спрашивается, была ли возможность ходить пѣшкомъ на эти уроки? И вотъ устраивали такъ, чтобы урокъ приходился вечеромъ, и тогда сверхъ мундира надѣвалась штатская шинель и такая же фуражка на голову.

Въ Декабрѣ 1840 года я поступилъ юнкеромъ въ л.-гв. конно-піонерный дивизіонъ. Въ Рождественскій-Сочельникъ я былъ званъ къ дядѣ моему князю Сергію Григорьевичу Щербатову на семейную ёлку. Какъ новоиспеченный юнкеръ, я еще не освоился съ солдатской формой: она еще не пришлась мнѣ, такъ сказать, по костямъ; въ особенности давилъ мнѣ голову тя-

желый киверъ, да и тяжелая солдатская сабля на толстой ременной портупеѣ порядкомъ потирала бокъ Я вздумалъ не надѣвать ни кивера, ни сабли, а просто по солдатски, накинувъ шинель и надѣвъ фуражку, отправился въ 7 часовъ вечера на ёлку. Жилъ я съ матушкой и братьями на Михайловской площади, рядомъ съ Дворянскимъ Собраніемъ, въ домѣ Сумбатова, что̀ нынѣ, кажется, Лазарева. Вышелъ я, повернулъ на Михайловскую улицу и только сошелъ съ тротуара, чтобы обойти широкое крытое крыльцо, какъ съ другой стороны (точно также, чтобы обойти тоже самое крыльцо) сошелъ съ тротуара на встрѣчу мнѣ великій князь. Можно себѣ представить, что̀ я почувствовалъ и какъ у меня, 17-ти лѣтняго мальчика, душа ушла, кажется, уже не въ пятки, а дальше сквозь пятки. Ну да дѣлать нечего: я сталъ во фронтъ и по тогдашнему снялъ фуражку. Великій князь сначала, должно быть, принялъ меня за солдата, но тутъ рядомъ предательскій газовый фонарь выдалъ меня. Великій князь громко крикнулъ: Ты, подойди сюда! Я подошелъ. Кто ты? сейчасъ же узналъ меня, громко и весьма сердито проговорилъ: Какъ ты смѣешь въ такой формѣ ходить! и началъ меня всячески распекать. Вокругъ въ почтительномъ отдаленіи собралась порядочная толпа народу разнаго званія. Покричавъ на меня таки довольно долго, съ угрозами, что сошлетъ меня въ Оренбургскіе линейные баталіоны или на Кавказъ, онъ приказалъ мнѣ идти за нимъ.

Поплелся я къ его дворцу. Дорогою онъ не разъ останавливался и опять принимался меня бранить; всякій разъ приходилось снимать фуражку и стоять передъ нимъ, вытянувшись въ струнку; а морозъ-то былъ сильный, и ушамъ порядочно доставалось. Наконецъ пришли мы во дворецъ съ его особеннаго маленькаго подъѣзда, на его половину. Великій князь приказалъ мнѣ остаться въ пріемной, а самъ ушелъ. Какъ я узналъ послѣ, онъ пошелъ обѣдать; онъ въ этотъ день ходилъ именно на ловлю неисправностей, и охота оказалась удачною: поймано были за разныя упущенія 11 офицеровъ, да я двѣнадцатый. Ожидалъ я около 2 часовъ, но мнѣ показалось цѣлою вѣчностью это томительное ожиданіе. Я зналъ, что будетъ строго взыскано, но не могъ знать только, какъ и чѣмъ. Тутъ на память мнѣ пришли разсказы о томъ, какъ за несоблюденіе надлежащей формы случалось, что юнкеровъ немедленно переводили въ армію. У великаго князя въ числѣ прислуги были сѣдые инвалиды унтеръ-офицеры, почтенной и внушительной наружности; двое изъ нихъ подошли ко мнѣ, разспросили меня, добродушно ободряли и удивлялись моей неосторожности. Наконецъ, вошелъ великій князь въ сопровожденіи состоявшаго при немъ генерала-маіора Николая Матвѣича Толстаго *), еще какого-то полковника и своего дежурнаго адъютанта, Василія Сергѣевича Шереметева (впослѣдствіи свояка моего брата Владиміра Яковлевича, который, будучи егермейстеромъ, былъ въ концѣ Декабря 1870 года убитъ на царской охотѣ оберъ-егермейстеромъ, графомъ Ферзеномъ).

*) Впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи и генералъ-адъютантъ.

Подойдя ко мнѣ, великій князь обратился къ сопровождавшимъ его, указалъ на меня и сердито сказалъ: Вотъ встрѣтился со мною, какъ слѣдуетъ сталъ во фронтъ, но оказался юнкеромъ, и посмотрите, въ какой формѣ! Затѣмъ, приблизившись, осмотрѣлъ мой мундиръ, галстукъ и видя, что я, хоть и безъ кивера и сабли, а всетаки одѣтъ по солдатски въ толстое сукно и суконный галстукъ, спросилъ: Ты вѣдь зналъ, что такъ ходить запрещено? Я слышалъ, что онъ не любитъ, чтобы ему отвѣчали, а потому молчалъ. Онъ опять повторилъ: Я тебя спрашиваю, ты зналъ? Я молчу. Подойдя ко мнѣ совсѣмъ близко, великій князь съ запальчивостью закричалъ: Что̀ ты языкъ что ли проглотилъ, что не отвѣчаешь; говори же, ты зналъ? Я только что началъ было: Зззн.... А, ты еще разговаривать вздумалъ со мною, опять еще запальчивѣе закричалъ великій князь и, повернувшись къ Шереметеву, приказалъ: Вези его къ начальнику инженеровъ; пусть полюбуется, какъ у него ходятъ юнкера, а оттуда, чтобы его отправили въ дивизіонъ и посадили на конюшню; эскадроннаго же его командира на три дня на гауптвахту. Это послѣднее приказаніе было для меня самое чувствительное и тяжелое: изъ за меня сажали на гауптвахту моего ближайшаго начальника, добрѣйшаго Ѳедора Петровича Ставицкаго, а онъ въ это время былъ женихомъ и, можетъ быть готовился весело провести праздники со своей невѣстой.

Шереметевъ поѣхалъ со мною въ дежурныхъ санкахъ къ Таврическому саду, въ саперныя казармы, гдѣ жилъ начальникъ инженеровъ г.-м. Павелъ Александровичъ Витовтовъ [1]). Это былъ честный, обходительный, добрый человѣкъ. Доро̀гою я просилъ Шереметева дать знать моей матушкѣ, куда я попалъ и какъ я очутился не на ёлкѣ, а на конюшнѣ. Генералъ Витовтовъ, выслушавъ сперва Шереметева, а потомъ меня, гдѣ и какъ я попался, сдѣлалъ мнѣ очень добродушно выговоръ и окончилъ его словами: Вы-съ пошли не по формѣ одѣтые-съ, въ фуражкѣ по такой-съ улицѣ, по которой мы и въ шляпахъ-то боимся ѣздить, и дѣйствительно такъ-съ (генералъ имѣлъ привычку въ разговорѣ прибавлять слова: и дѣйствительно такъ, и частичку съ). Видя, что я совсѣмъ перезябъ, ѣхавъ въ сильный морозъ въ холодной солдатской шинели, онъ приказалъ подать мнѣ чаю, покуда въ канцеляріи писали обо мнѣ бумагу. По изготовленіи ея генералъ подписалъ, и адъютантъ сапернаго баталіона Фитингофъ повезъ меня въ казармы конно-піонернаго дивизіона, гдѣ сдалъ дежурному офицеру Александру Николаевичу Лонгинову [2]), который отвелъ меня къ командиру дивизіона полковнику Петру Михайловичу Дарагану [3]). Тутъ я выслушалъ очень строгую распеканцію и отправился на конюшню.

---

[1]) Впослѣдствіи начальникъ штаба гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, когда ими командовалъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, будучи тогда наслѣдникомъ престола.

[2]) Впослѣдствіи былъ адъютантомъ Кавказскаго намѣстника графа Воронцова и убитъ въ экспедицію 1845 года. Это братъ извѣстнаго писателя М. Н. Лонгинова.

[3]) Впослѣдствіи былъ Тульскимъ губернаторомъ.

Тогда кавалерійскихъ нижнихъ чиновъ арестовали сажаніемъ на конюшню на болѣе или менѣе долгій срокъ, смотря по проступку или, лучше сказать, по произволу начальства. Посаженный такимъ образомъ считался дневальнымъ, и когда начальство приходило, онъ обязанъ былъ брать метелку и, держа ее у ноги, какъ ружье, вытянуться, не снимая фуражки. Все это продѣлывать досталось и мнѣ. Подобный арестъ былъ отчасти и физическое наказаніе не слишкомъ полезное для здоровья: приходилось безотлучно находиться въ конюшнѣ порядочно-сырой, сидѣть на передвижной небольшой узенькой скамейкѣ, на ней и обѣдать, и чай пить, такъ какъ, конечно, стола не было; спать въ пустомъ стойлѣ. Въ Петербургѣ зимою, особенно въ Декабрѣ мѣсяцѣ, съ третьяго часа становится темновато, въ конюшнѣ же гораздо ранѣе; свѣчки, разумѣется, зажечь нельзя, и свѣтъ проходилъ только отъ фонарей, въ верху около потолка повѣшенныхъ; этого свѣту такъ недостаточно, что читать и писать нѣтъ возможности. Вотъ и сидишь въ полусвѣтѣ между лошадьми, почти съ двухъ часовъ дня ничего не дѣлая!

Такъ и просидѣлъ я съ вечера Рождественскаго Сочельника, встрѣтивъ тутъ праздники и новый годъ, до утра Крещенскаго Сочельника. Въ это утро мнѣ объявлено было, что арестъ мой окончился, и я свободенъ. Я пробылъ 12 дней и, освободившись, былъ весьма доволенъ; но все-таки долгое сидѣнье подъ арестомъ при такой обстановкѣ оставило во мнѣ нѣкоторое озлобленіе, по тогдашнимъ моимъ лѣтамъ, разумѣется, не на долго.

Около недѣли спустя, идя по Дворцовой набережной возлѣ Лѣтняго Сада, увидѣлъ я великаго князя, который пѣшкомъ шелъ мнѣ на встрѣчу. Будучи безукоризненно одѣтъ по формѣ, я смѣло сталъ во фронтъ. Великій князь поздоровался со мною, какъ здоровается начальство съ нижнимъ чиномъ, остановился и спросилъ, куда я иду? Я промолчалъ; онъ повторилъ вопросъ: Куда же ты идешь?—Не знаю, ваше императорское высочество, отвѣчалъ я. —Какъ не знаешь! возразилъ великій князь.—Ваше императорское высочество, сказалъ я, въ Рождественскій Сочельникъ я шелъ на ёлку, а попалъ на конюшню; теперь же не знаю, куда я попаду. Великій князь молча улыбнулся, слегка погрозилъ пальцемъ и пошелъ, а я отправился своею дорогою.

Да, въ 53 года много, куда какъ много все измѣнилось. Кажется, и тѣни прежняго не остается.

Н. Скарятинъ.

ЛЕТУЧІЯ ВОСПОМИНАНІЯ СЕВАСТОПОЛЬЦА *).

I.

О канцлерѣ князѣ Горчаковѣ.

Покойный канцлеръ, одного съ поэтомъ Пушкинымъ выпуска изъ Царско-сельскаго Лицея, былъ особенно друженъ съ Александромъ Алексѣевичемъ Корниловымъ, тоже лицеистомъ, братомъ вице-адмирала Владимира Алексѣевича. Призванный, по окончаніи Крымской войны, на должность министра иностранныхъ дѣлъ, онъ, по обязанности своей, долженъ былъ показываться на позднихъ обѣдахъ и позднихъ вечерахъ; но съ 10 часовъ до полуночи любилъ проводить свои предвечерія (ses avants-soirées) за чаемъ у этого друга молодости. Я бывалъ единственнымъ свидѣтелемъ и слушателемъ ихъ задушевной по искренности и увлекательности бесѣды, пріютившись въ то время жить у Корнилова (моего родственника) и занимая комнату въ его просторной квартирѣ.

Нѣкоторые разсказы князя Горчакова остались у меня въ памяти.

«Вы не имѣете права», сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, «сомнѣваться въ правдивости моихъ словъ, если я скажу, что предпочелъ бы стоять простымъ солдатомъ съ ружьемъ въ рукахъ на брустверѣ самаго угрожаемаго пункта, какъ напримѣръ на 4-мъ бастіонѣ, чѣмъ быть представителемъ Россіи на Вѣнской конференціи. Вы, защитники Севастополя, я думаю, не разъ вспоминали лихомъ про насъ дипломатовъ, будто за роскошными пиршествами и торжествами забывавшихъ, что Севастопольская почва такъ обильно орошается Русскою кровью; но вы ошибались: таже самая кровь стѣсняла нашу грудь и болѣзненно обливала сердца наши».

Вѣнская конференція имѣла цѣлью отвлечь Россію отъ военныхъ вооруженій, подавая надежду на мирный исходъ переговоровъ, между тѣмъ какъ союзники принимали рѣшительныя мѣры и приготовлялись

---

*) См. «Русскій Архивъ» сего года, вып. 1—4.

усиленно бомбардировать Севастополь въ недѣлю Святой Пасхи Христовой. Конференція открылась въ началѣ поста, и все какъ будто указывало на возможность придти къ соглашенію; но всякій разъ, при опредѣленіи условій, какое-нибудь новое дополненіе, предложенное президентомъ конференціи, Австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Буолемъ-Шауенштейномъ, дѣлало подписаніе протокола невозможнымъ.

Задержки и вмѣшательства эти до того были недобросовѣстны, что приводили въ бѣшенство князя Горчакова; онъ едва удерживался, чтобы, вопреки всѣмъ дипломатическимъ пріемамъ, не дать пощечины или не вызвать чрезъ платокъ на дуэль.

За болѣзнію Французскаго представителя Буркене́, совѣщанія прервались; но Буркене все-таки появлялся въ Вѣнскомъ обществѣ и лишь для засѣданій числился больнымъ. На Страстной недѣлѣ совѣщанія, наконецъ, возобновились; послѣднимъ пріѣхалъ Буркене́ и писклпво-крикливымъ тономъ нагло объявилъ: «Maintenant la question d'Orient doit être envisager sous un autre point de vue. Sébastopol va être rasé» [1]). «Болѣзненно защемило и похолодѣло у меня сердце», говорилъ князь Горчаковъ. «Но чтобы своимъ смущеніемъ не доставить удовольствія врагамъ, я со спокойною улыбкою сказалъ: C'est comme la barbe; plus on la rase, plus elle pousse [2]). Вслѣдъ за тѣмъ совѣщанія совсѣмъ были прерваны, и военныя дѣйствія продолжались съ прежнимъ ожесточеніемъ.

—

Участвуя, какъ путеводитель, въ ночной армейской вылазкѣ, мичманъ Титовъ былъ раненъ штуцерной пулей въ грудь на вылетъ и на излѣченіе отправился вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Завалишинымъ къ роднымъ въ Новгородскую (кажется) губернію. Тамъ дворянство изъ своихъ суммъ дало имъ средства поѣхать для окончательнаго излѣченія за границу, и по совѣту докторовъ именно въ Неаполь. Остановившись на суточный отдыхъ въ Вѣнѣ, они за табль-дотомъ гостинницы познакомились съ секретаремъ Русскаго посольства N. N., который предложилъ имъ представиться послу князю Горчакову; но мы, Черноморцы, часто имѣвъ сношенія съ Константинопольскою миссіею, всегда старались видаться съ дипломатами какъ возможно рѣже, а потому никакія убѣжденія секретаря не подѣйствовали на юношей, и они упорно отказались отъ представленія. Возвратясь въ

---

[1]) Теперь на Восточный вопросъ надо глядѣть иначе. Севастополь долженъ быть уничтоженъ.

[2]) Точно борода: чѣмъ больше ее стрижешь, тѣмъ гуще она растетъ. (Непереводимая игра Французскимъ словомъ *raser*: брить и уничтожать).

посольство, секретарь передалъ все послу; но князь Горчаковъ прервалъ его донесеніе словами: «Я запрещаю вамъ дѣйствовать отъ моего имени; но требую, чтобъ вашими убѣжденіями и уговоромъ завтра утромъ къ 11 часамъ морскіе раненые офицеры были мнѣ представлены». Секретарь вернулся въ гостинницу къ мичманамъ и успѣлъ получить отъ нихъ обѣщаніе исполнить его совѣтъ и отдать долгъ вѣжливости и почтенія представителю родной земли.

Князь принялъ мичмановъ очень любезно, обласкалъ ихъ и позвалъ на завтрашній день обѣдать; къ этому обѣду князь пригласилъ эрцъ-герцоговъ и знатныхъ особъ Вѣнскаго общества; на почетномъ мѣстѣ возлѣ него сидѣли Севастопольскіе храбрецы, и за пожеланіе имъ скораго выздоровленія былъ провозглашенъ застольный тостъ.

Вѣсть о пріемѣ въ Вѣнѣ мичмановъ, должно быть, дошла и во Флоренцію; оттого что, по пріѣздѣ ихъ въ этотъ городъ, оба они получили отъ Демидова приглашеніе поселиться во дворцѣ его въ Санъ-Донато, до полнаго ихъ излѣченія; но они, поблагодаривъ его за предложенное гостепріимство, продолжали свой путь въ Неаполь, какъ было опредѣлено докторами. Лѣченіе уже начинало оказывать благопріятныя послѣдствія, какъ получено было отъ графа Шувалова изъ Ниццы письмо съ извѣщеніемъ, что императрица Александра Ѳеодоровна пожелала ихъ видѣть и чтобъ они пріѣхали представиться, запросто въ штатскомъ платьѣ. Лѣченіе было прервано, и они пріѣхали въ Ниццу, гдѣ гр. Шуваловъ назначилъ имъ въ 12 час. явиться во дворецъ. Во второмъ часу Государыня вышла, спросила фамиліи раненыхъ, гдѣ и успѣшно ли идетъ ихъ лѣченіе, и наклоненіемъ головы дозволила имъ уйти. Графъ Шуваловъ передалъ имъ по полугодовому жалованью, и прерванное лѣченіе возобновилось.

—

Въ числѣ торжественныхъ празднествъ коронаціи Александра II-го былъ назначенъ spectacle galà къ 8 часамъ вечера. Билетъ въ кресла получилъ и я. Въ половинѣ 8-го всѣ ложи и партеръ были полны приглашенными. Предъ ослѣпительной игрой бриліантовъ и богатыхъ дамскихъ уборовъ меркло восковое освѣщеніе. Начались визиты, точно въ бальной залѣ; въ половинѣ девятаго часа, уже ощущалось общее томленіе ожиданія... Наконецъ, въ исходѣ девятаго, Государь, подъ руку съ Государыней, вошли въ царскую ложу, окруженные высокимъ дворомъ ихъ высочествъ. На громогласное «ура» Государь отвѣчалъ поклонами; но лицо его было болѣзненно-блѣдно и выражало сильное утомленіе. Оказалось, что предъ отъѣздомъ въ театръ князь

Горчаковъ передалъ Государю дерзкую по выраженіямъ ноту, совмѣстно посланную правительствами Англіи и Австріи по пустому поводу, будто Россія недобросовѣстно выполняетъ условія мира, такъ какъ пароходъ, посланный для занятія маяка на Змѣиномъ островѣ (во время разграниченія) получилъ отъ Русскихъ чиновниковъ отказъ въ передачѣ, подъ предлогомъ неполученія приказаній.

Послѣ перваго акта представленія назначенъ былъ дипломатическій пріемъ. По выходѣ изъ ложи Государь съ Государыней подошли къ дамамъ и разговаривали съ ними, а дипломаты стояли, имѣя во главѣ князя Горчакова, каждый въ ожиданіи своей очереди. Въ первой линіи были лордъ Гранвиль, Морни и Эстергази, и князь Горчаковъ ясно слышитъ за спиной его происходящій между ними разговоръ. Первымъ сказалъ Эстергази: «Remarquez comme l'Empereur est pâle».—«Oui, отвѣчаетъ Гранвиль, la dose a été trop forte»[1]).—«Nous avons enterré la sinagogue», слышится опять голосъ Эстергази. Морни, чувствуя свое неловкое положеніе показать молчаніемъ единомысліе съ обоими коллегами, неумолкаемою рѣчью начинаетъ провозглашать доброту Императора, который, не смотря на нездоровье и утомленье, не лишаетъ пословъ чести принимать Его Величество у себя. Только что рѣчь эта умолкла, какъ Государь подошелъ къ дипломатическому корпусу. Тогда князь Горчаковъ, выждавъ нѣсколько мгновеній, чтобъ привлечь на себя общее вниманіе, презрительно повернулъ голову чрезъ плечо, по направленію къ лорду Гранвилю, и громкимъ голосомъ сказалъ: «N'est-ce pas, mylord, que l'homme dont on fait tant d'éloges, mérite au moins, qu'on soit poli envers lui?»[2]) и, сдѣлавъ шагъ въ сторону, представилъ неуча-лорда Его Величеству.

*

Во время Польскаго возстанія въ 1863 году, Европа вновь задумала произвести дипломатическое давленіе на Россію, забрасывая наше министерство тучею коллективныхъ и сепаратныхъ депешъ, обвиняя наше правительство въ вѣронетерпимости, во враждебномъ отношеніи къ католическому исповѣданію, да и кстати требуя объясненій касательно гоненій на раскольниковъ. Дѣла запутывались такъ, что предстояла возможность возобновленія Европейскаго конфликта.

Русскій народъ, всегда чутьемъ сознающій, когда надвигается на-

[1]) Посмотрите, какъ Императоръ блѣденъ — Да, пріемъ (лекарства) былъ слишкомъ силенъ.—Мы хорошо обдѣлали (слово въ слово: схоронили синагогу, старинное выраженіе, сохранившееся въ употребленіи у дипломатовъ. П. Б.).

[2]) Не правда ли, милордъ, что человѣкъ, которому воздаютъ столько похвалъ, заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ, чтобы съ нимъ были вѣжливы?

стоящая вражья бѣда, тревожился мыслію, что Помазанникъ Божій, его Царь, послѣ несчастнаго исхода Крымской войны, изъ опасенія подвергнуть народъ свой новымъ испытаніямъ и бѣдствіямъ, не рѣшится единолично принять на себя предъ Богомъ такую тяжкую отвѣтственность. Русскій народъ, на основаніи устныхъ преданій своей народной исторіи, считалъ своевременнымъ заявить, что принимаетъ отвѣтственность и бѣдствія войны на себя и, избравъ представителей отъ каждаго сословія, заявилъ батюшкѣ-Царю, что сильна еще на святой Руси молитва: «Сами себя и другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ». Депутаціи эти первоначально являлись къ канцлеру и имъ уже были представляемы Государю.

Одновременно съ просьбой раскольниковъ принять депутацію безпоповщинскаго толка *), получена была бумага отъ Англинскаго посла о назначеніи ему часа для словесныхъ объясненій, по случаю полученныхъ имъ отъ своего правительства предписаній. Князь Горчаковъ назначилъ для обоихъ 2 часа по полудни, въ одинъ и тотъ же день. Тутъ разыграна была маленькая закулисная комедія. Ровно въ 2 часа вышелъ къ безпоповцамъ князь Горчаковъ и въ разговорѣ сообщилъ имъ, что Государь милостиво приметъ ихъ и что ихъ чувства вѣрноподданности приносятъ отраду его отческому сердцу, какъ вдругъ стремительно вбѣгаетъ дежурный секретарь и торопливо докладываетъ, что посолъ Великобританіи пріѣхалъ и проситъ аудіенціи. Канцлеръ высокомѣрнымъ тономъ прерываетъ секретаря: «Когда я говорю съ Русскимъ народомъ, посолъ Великобританіи можетъ подождать». Оставшись съ ними еще нѣсколько минутъ, онъ говорилъ о томъ, какъ силенъ и непобѣдимъ Русскій Царь, пользующійся любовію своихъ подданныхъ; затѣмъ сказалъ, чтобъ они подождали его возвращенія и перешелъ въ гостиную для пріема посла. Оказалось, цѣлью посѣщенія посла было заявить, что Англія, изъ гуманности, считаетъ своимъ долгомъ вступиться за жестокія преслѣдованія раскольниковъ - безпоповцевъ. Князь Горчаковъ съ насмѣшливымъ видомъ пригласилъ посла слѣдовать за нимъ, чтобы доставить ему удовольствіе передать своему правительству сообщенія, которыя онъ услышитъ отъ угнетенныхъ раскольниковъ. Говорятъ, что не понравились высокому лорду физіономіи нашихъ старообрядцевъ!

Когда въ Вѣнѣ разнеслась вѣсть о назначеніи князя Горчакова министромъ иностранныхъ дѣлъ, всѣ послы на другой же день съѣхались поздравить его.

*) Рѣчь безпоповцевъ Государю (написанная для нихъ, какъ было слышно, И. С. Аксаковымъ) и отвѣтныя царскія слова на нее напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1889 года, тетрадь 4-я, стр. 159. П. Б.

Князь принималъ пословъ въ своемъ помѣстительномъ кабинетѣ; на стѣнѣ помѣщался портретъ Екатерины Великой во весь ростъ. Это была копія съ подлиннаго портрета Екатерины, работы Лампи, но въ бо́льшемъ размѣрѣ съ прибавленіемъ императорскихъ регалій.

Когда разговоръ зашелъ о личныхъ политическихъ мнѣніяхъ князя, то онъ отвѣчалъ, что политика Россіи, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ его личнымъ убѣжденіямъ, и что она несомнѣнно одна. «Вотъ она», сказалъ онъ, указывая на портретъ Екатерины, «и другой быть не можетъ».

II.

Неудавшаяся экспедиція.

Вскорѣ послѣ перехода союзниковъ на южную сторону Севастополя, занятія ими Балаклавы и Арнольдовой горы, Французскій пароходъ, среди бѣла - дня, вошелъ въ Стрѣлецкую бухту. Изъ батарей Константиновской и Карташевскаго открытъ былъ по немъ огонь; но ядра не достигали до него. За нимъ показался и Австрійскій паровой транспортъ. При началѣ пушечной пальбы немедленно явились на 5-й бастіонъ Корниловъ и Нахимовъ, для обозрѣнія происходившаго въ морѣ. «Думалъ ли я дожить до того, чтобъ видѣть непріятельскій пароходъ безнаказанно входящій въ Стрѣлецкую бухту!»

Эти слова Нахимова задѣли меня заживое. Я расчиталъ, что Французы обыкновенно обѣдаютъ въ 2 часа пополудни, что, подъ конвоемъ трехъ казаковъ, я быстро проскачу пятиверстное разстояніе до Стрѣлецкой бухты и, осмотрѣвъ, какъ пароходъ стоитъ у берега, въ ночь могу сжечь его конгревовыми ракетами. Оставивъ въ двухъ низменностяхъ по казаку, чтобъ на обратномъ пути не наскочить на засаду, я съ третьимъ доскакалъ до крутизны берега, прямо на то мѣсто, гдѣ лежали два непріятельскіе офицера, погруженные въ чтеніе такой-то толстой книги. Увидѣвъ насъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя разстоянія, они быстро вскочили и, забывъ въ торопяхъ книгу и шапку, стремглавъ побѣжали съ горы на пароходъ. Казакъ поднялъ наши трофеи, и мы возвратились всѣ благополучно на бастіонъ. Книга была старинное историческое повѣствованіе о Крымскомъ полуостровѣ, а шапку я подарилъ маіору Макарову (впослѣдствіи бывшему свидѣтелемъ убійства Мезенцова).

Пароходъ оказался отшвартованнымъ къ самому берегу; позиція была весьма удобна для предполагаемой атаки, но экспедиція не состоялась за неимѣніемъ въ наличности конгревовыхъ зажигательныхъ ракетъ.

III.

По приказу начальника Севастопольскаго гарнизона графа Остенъ-Сакена, послѣ 4-й бомбардировки, я былъ назначенъ состоять по особымъ порученіямъ при генералѣ Степанѣ Александровичѣ Хрулевѣ; но мнѣ не долго пришлось исполнять эту обязанность: начальникъ 5-го отдѣленія командиръ корабля «Парижъ» П. А. Перелѣшинъ предложилъ мнѣ чередоваться съ нимъ понедѣльно, такъ такъ физическія силы его были надорваны отъ постояннаго напряженія (днемъ и ночью слѣдилъ онъ за все болѣе и болѣе возраставшимъ натискомъ непріятельскихъ осадныхъ работъ и неусыпно предпринималъ соотвѣтствующія мѣры противудѣйствія). Получивъ позволеніе генерала Хрулева, я охотно согласился на предложеніе Перелѣшина и вступилъ въ исполненіе моей новой отвѣтственной обязанности. Начальникомъ войскъ на 5-мъ отдѣленіи былъ командиръ 8-й дивизіи свиты Его Величества г-лъ князь Павелъ Александровичъ Урусовъ, храбрый и очень заботливый о благосостояніи своихъ подчиненныхъ начальникъ. Знакомство съ нимъ доставляло мнѣ большое удовольствіе.

Князь Урусовъ сообщилъ мнѣ, что желаютъ въ Главномъ Штабѣ представить къ наградѣ гвардейскаго полковника, кажется, сколько помню, по фамиліи Иванова, и что для исполненія необходимо имѣть реляцію какихъ нибудь выдающихся дѣйствій или распоряженій по оборонѣ, за подписью начальника отдѣленія. Отобравъ всѣ надлежащія по этому предмету свѣдѣнія, я поручилъ составленіе этой реляціи одному адъютанту Кременчугскаго полка, по рекомендаціи жившаго съ нами въ лабораторной казармѣ батальоннаго командира капитана того полка Вакемейстера, очень образованнаго, храбраго и добросовѣстно заботившагося о благосостояніи солдатъ офицера.

Наступило, послѣ сраженія на Черной, 5-е бомбардированье, и я, возвратясь съ моего утренняго обхода по отдѣленію въ казематъ моего предшественника, былъ очень обрадованъ тѣмъ, что деньщикъ мой Гаврила Таранъ позаботился приготовить мнѣ утренній чай и утреннюю закуску, а также и извѣщеніемъ, что онъ съ Павловской батареи принесъ мнѣ обѣдъ, который, какъ искусный поваръ, подастъ въ свое время. Я былъ очень голоденъ и немилосердно приступилъ къ уничтоженію всего мнѣ поданнаго. Въ это время вошелъ адъютантъ и, началъ, стоя у моего кресла, читать мнѣ составленную имъ письменную реляцію; но вдругъ на самомъ интересномъ мѣстѣ голосъ его оборвался: осколокъ разорвавшейся бомбы, пробивъ вставленный вмѣсто стекла флагтухъ, оторвалъ болѣе половины листа, а въ рукахъ чтеца осталась только небольшая частичка

его. Я взглянулъ на пораженное изумленіемъ лицо адъютанта и громко расхохотался. Стремительно вбѣжали ко мнѣ въ казематъ князь Урусовъ и многіе другіе офицеры; слышались слова, что начальникъ отдѣленія убитъ. Тутъ только оказалось, что осколокъ, проскочивъ досчатую въ казематѣ перегородку, убилъ на повалъ одного солдата, сильно ранилъ другаго, и, увы, не пощадилъ и принесеннаго мнѣ Тараномъ вкуснаго обѣда: онъ лежалъ на полу между разбросанными черепками посуды. Всѣ поздравляли меня со спасеніемъ и сочли смѣхъ мой бравадой.

Князь Урусовъ пригласилъ меня, по примѣру предшественника моего, обѣдать съ нимъ за общимъ столомъ.

IV.

Обруганная граната.

Отъ лабораторной казармы глубокая траншея вела прямо на 2-й бастіонъ. Съ моей стороны она была защищена отъ выстрѣловъ съ Киленъ-балочныхъ высотъ и отъ штуцернаго огня довольно надежнымъ бруствероиъ, но за то анфилировалась во всю длину одной пушкой съ Камчатскаго редута и оттуда была видна какъ на ладони. При входѣ изъ нея на 2-й бастіонъ, справа, образовался за бруствероиъ этого бастіона безопасный отъ прицѣльныхъ выстрѣловъ плацъ-дармъ, въ которомъ, послѣ крѣпостныхъ денныхъ работъ, солдаты, составлявшіе гарнизонъ, обыкновенно отдыхали. Почти всякій разъ, когда я посѣщалъ этотъ бастіонъ, меня встрѣчала у входа «лохматка» (какъ называли въ Севастополѣ гранату). Однажды «лохматка» промелькнула мимо меня и разорвалась надъ спавшими безмятежнымъ сномъ солдатами; одинъ изъ нихъ, разбуженный вѣроятно болѣе близкимъ взрывомъ, вскочилъ на ноги и, грозя кулакомъ по направленію къ разорвавшейся гранатѣ, съ досадой крикнулъ ей во слѣдъ «я тебѣ... такая—сякая, всѣ зубы вышибу» и, повернувшись на другой бокъ, тутъ же захрапѣлъ здоровымъ сномъ труженика.

V.

Юныя понятія о храбрости.

Обходя во время шестой бомбардировки мою дистанцію ко 2-му бастіону, я водворилъ новаго назначеннаго мною на немъ начальника мичмана Полозова; потомъ, отдохнувши въ лабораторной казармѣ, продолжалъ свой утренній обходъ къ 1-му бастіону, чтобъ умѣрить болѣе обыкновеннаго раздававшіеся на немъ выстрѣлы, такъ какъ наканунѣ было предписано какъ можно быть экономнѣе въ тратѣ по-

роха и скоростью отвѣтнаго огня не возбуждать и безъ того убійственной перестрѣлки.

Подходя къ исходящему фасу, я увидѣлъ, что бомба упала вблизи одного орудія и шипя вертѣлась предъ разрывомъ. Матросы, привыкшіе видѣть это, шарахнулись въ разныя стороны, чтобъ укрыться отъ осколковъ. Одинъ только артиллерійскій прапорщикъ Ладыженскій стоялъ, выпрямившись, на своемъ мѣстѣ и глазомъ не моргнулъ, когда произошелъ взрывъ; но, довольный своей отвагой, онъ назвалъ матросовъ трусами и стыдилъ ихъ тѣмъ, что они прятались. Матросы, не обращая особеннаго вниманія на эти укоризны, окончили заряжать орудіе, и командиръ сдѣлалъ выстрѣлъ. Тогда я подошелъ къ молодому прапорщику и, отведя его нѣсколько въ сторону, сказалъ, что врядъ ли кто изъ начальниковъ можетъ рѣшиться оскорбить матроса названіемъ труса, такъ какъ съ начала осады они стоятъ у пушекъ, и имъ отдано приказаніе безъ нужды не рисковать своею жизнію. Ладыженскій очень внимательно выслушалъ мое наставленіе, потомъ согласился со мной, и на обратномъ пути я видѣлъ, что онъ, сидя на лафетѣ пушки, велъ съ матросами дружескую бесѣду. Мнѣ очень понравился этотъ юноша съ открытымъ, честнымъ лицемъ.

Два дня спустя, мнѣ дали знать, что назначенный мною командиръ 2-го бастіона мичманъ Полозовъ убитъ; я тотчасъ отправился на бастіонъ, и о ужасъ! бастіонъ былъ пустъ: прислуга у орудій и солдаты гарнизона всѣ укрылись въ пещеры и блиндажи, а между тѣмъ непріятельская траншея была въ 20-ти саженяхъ, а съ окружающихъ высотъ Камчатскаго люнета и съ высотъ взятыхъ у насъ редутовъ весь бастіонъ былъ виденъ какъ на ладони.

Что̀ было дѣлать? Показать, что я замѣтилъ временную нестойкость подчиненныхъ, въ отсутствіи начальника, болѣе чѣмъ предосудительно; а строго винить ихъ несправедливо, такъ какъ бомбардировка въ это утро была дѣйствительно ужасная. Со мной были два тѣлохранителя унтеръ-офицеры; я замѣтилъ, что одинъ матросикъ сидѣлъ у самаго бруствера и былъ вѣроятно поставленъ часовымъ. Этого было достаточно, чтобъ придти къ возможно-благоразумному исходу. Я сказалъ сопровождавшимъ меня унтеръ-офицерамъ, что прикажу имъ наказать этого матроса линьками, но чтобъ они не причиняли ему никакой боли, а только замахивались; затѣмъ, когда матросъ былъ поставленъ на самомъ открытомъ мѣстѣ и экзекуція началась, я сказалъ ему, что если онъ громко не будетъ умолять о пощадѣ, то его будутъ стегать больно; самъ же, стоя спиной къ орудіямъ, гнѣвно приказывалъ наказать жесточе. Не болѣе какъ чрезъ пять минутъ, вся прислуга стояла у своихъ орудій. Чтобъ показать примѣръ, я не пода-

валъ виду, что замѣтилъ что-либо, становился на каждое орудіе, осматривалъ непріятельскія траншеи, и порядокъ такимъ способомъ былъ водворенъ. На отдѣленіи не было свободнаго офицера, чтобъ замѣнить убитаго; я вспомнилъ объ артиллерійскомъ прапорщикѣ Ладыженскомъ, а самъ сталъ дожидаться его прихода на бастіонъ. Вмѣсто него я увидѣлъ входящаго со стороны лабораторной казармы, чрезъ проходъ изъ траншеи, офицера генеральнаго штаба, который, замѣтивъ меня, приближался по моему направленію. Это былъ стройный молодой человѣкъ съ красивымъ, привѣтливымъ лицомъ, съ весьма изящными, но сдержанными манерами; казалось, что такъ долженъ себя держать человѣкъ высшаго круга, входя въ изящную гостиную. «Я Мейндорфъ и присланъ отъ главнокомандующаго, чтобъ предложить вамъ, не нуждаетесь ли вы въ полевой батареѣ, болѣе удобной для обстрѣливанія мантелета, чтобъ замедлять прицѣльнымъ огнемъ тихій сапъ непріятеля, и мнѣ поручено узнать вашъ словесный отвѣтъ». Я понялъ, въ какой деликатной формѣ передавалось это приказаніе, которое въ болѣе грубомъ видѣ могло оскорбить меня, и предложилъ Мейндорфу, не пожелаетъ ли онъ видѣть самъ обстрѣливаніе мантелета на практикѣ. Я приказалъ фейерверку, не открывая замаскированной амбразуры, заблаговременно приготовиться сдѣлать изъ полеваго орудія три прицѣльныхъ выстрѣла и тотчасъ спрятать орудіе за брустверъ. Когда все было готово, я велѣлъ открыть амбразуру и сдѣлать три выстрѣла; но едва успѣли спрятать орудіе, какъ по крайней мѣрѣ десять послѣдовательныхъ непріятельскихъ ядеръ и разрывныхъ снарядовъ окончательно ее засыпали, т. е. мы потеряли одно орудіе для отбитія внезапнаго штурма. Мейндорфъ поблагодарилъ меня и сказалъ, что онъ въ точности передастъ все имъ видѣнное.

Въ послѣдствіи мнѣ разсказывали про него, что, во время сраженія у Ѳедюхиныхъ горъ, свита князя Горчакова очень уменьшилась; но когда возвратились въ главную квартиру, то за обѣденнымъ столомъ нѣкоторымъ не достало мѣстъ. «Замѣтивъ это, Мейндорфъ громко сказалъ «Il me semble, que la suite du prince était moins nombreuse à la bataille de Ѳедюхинъ qu'à son dîner *).

Искренно жалѣю, что армія лишилась такого много обѣщавшаго офицера какъ Мейндорфъ: онъ былъ убитъ, когда исполнялъ словесное порученіе князя Горчакова передать приказаніе на Малаховъ курганъ.

---

*) Мнѣ кажется, что въ Ѳедюхинскомъ сраженіи при князѣ было меньше людей, нежели у него за обѣдомъ.

БОГАТЫРЬ-КАЗАКЪ ИЛЬЯ-МУРОМЕЦЪ КАКЪ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЛИЦО.

По поводу изслѣдованія Всеволода Миллера «Экскурсы въ область Русскаго народнаго эпоса». Москва 1892.

Извѣстно, что Русскій былинный эпосъ имѣетъ уже довольно обширную литературу: многіе писатели и ученые посвящали ему свои труды, какъ въ качествѣ собирателей и толкователей, такъ и въ качествѣ изслѣдователей. Укажу въ особенности на труды Кирѣевскаго, Рыбникова, Гильфердинга, В. В. Стасова, Л. Н. Майкова, П. А. Безсонова, Ѳ. И. Буслаева, Е. В. Барсова, А. Н. Веселовскаго, И. Н. Жданова, гг. Дашкевича, Халанскаго и др.

Изъ героевъ этого эпоса, какъ и слѣдовало ожидать, самое большое вниманіе привлекалъ на себя наиболѣе крупный его представитель, т. е. Илья Муромецъ. Между прочимъ, ему было посвящено покойнымъ Петербургскимъ профессоромъ О. Ѳ. Миллеромъ обширное изслѣдованіе, появившееся въ 1869 году. Тому же богатырю главнымъ образомъ посвятилъ свой трудъ Московскій профессоръ Всеволодъ Ѳедоровичъ Миллеръ. Этотъ любопытный трудъ, озаглавленный «Экскурсы въ область Русскаго народнаго эпоса», появился въ прошломъ 1892 году.

Авторъ «экскурсовъ» для того, чтобы выяснить характеръ, содержаніе и отчасти самое происхожденіе нашихъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, обратился въ область Иранскаго эпоса и въ параллель съ этими былинами поставилъ Рустеміаду, т. е. Персидскія сказанія о древнемъ Иранскомъ богатырѣ Рустемѣ. Такимъ сравнительнымъ путемъ ему удается дѣйствительно освѣтить нѣкоторыя стороны нашего эпоса и представить немало данныхъ для того, чтобы опредѣлить его мѣсто въ общей исторіи народныхъ сказаній. Что же касается его конечныхъ выводовъ, то нѣкоторые изъ нихъ представляются спорными, подлежащими провѣркѣ или дальнѣйшимъ разслѣдованіямъ.

Въ настоящей своей замѣткѣ я желаю остановить вниманіе интересующихся предметомъ только на тѣхъ вопросахъ, которые возбуждены авторомъ въ VII «экскурсѣ», разслѣдующемъ о *типѣ* Ильи Муромца, т. е. о его происхожденіи, имени, прозвищѣ и его, такъ сказать, историчности. По поводу этихъ вопросовъ предложу здѣсь коекакія догадки и соображенія.

По вопросу о томъ, какъ стары на Руси пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, и существовали ли онѣ уже въ Кіевскомъ періодѣ Русской исторіи, мы имѣемъ два иноземныхъ свидѣтельства, относящихся къ началу XIII вѣка и къ его половинѣ, именно Германской поэмы Ортнитъ и Норвежской Тидрекъ-саги. Въ первой, одно изъ дѣйствующихъ лицъ называется Илья *Русскій* или собственно Илья изъ Руси (Ilias von Riuzen); а во второй въ числѣ князей Россіи (Ruzciland'а) встрѣчается Илья, какъ незаконный сынъ короля Гертнита; отецъ сдѣлалъ его ярломъ Греціи, почему онъ называется Илья *Греческій* (Ilias af Greca). Большинство ученыхъ изслѣдователей, и въ томъ числѣ В. Ѳ. Миллеръ (стр. 176—179), не сомнѣваются, что въ этихъ иноземныхъ сказаніяхъ отражался Русскій эпосъ съ его главными лицами, богатыремъ Ильей и княземъ Владиміромъ (въ названной сагѣ есть и король Владиміръ или Вальдемаръ, сынъ того же Гертнита, но законный). Названіе Ильи «Греческимъ» не представляетъ никакого противорѣчія, ибо въ средневѣковыхъ западныхъ извѣстіяхъ Русь, принявшая вѣру отъ Грековъ, иногда смѣшивается съ Греціей.

Тутъ мы еще не находимъ названія Ильи *Муромцемъ*. Кромѣ того, В. Ѳ. Миллеръ основательно указываетъ на его знатное происхожденіе, съ которымъ онъ конечно и является въ древнѣйшемъ періодѣ Русскаго эпоса, т. е. ранѣе той эпохи, когда онъ сталъ «крестьянскимъ сыномъ изъ села Карачарова» и (прибавлю отъ себя), когда онъ не получилъ еще названія *стараго козака.*

Итакъ въ этомъ древнѣйшемъ періодѣ главная фигура нашихъ богатырскихъ былинъ, во первыхъ, именовалась просто Илья безъ прибавленія Муромецъ, а во вторыхъ, ему приписывалось, если не княжеское, то по крайней мѣрѣ боярское происхожденіе.

Затѣмъ рождается вопросъ: существовало ли на Руси какое-либо дѣйствительное историческое лицо, подвиги котораго послужили основою для этого былиннаго типа?

Вопросъ этотъ представляется вполнѣ естественнымъ въ виду того, что съ именами нѣкоторыхъ героевъ двухъ эпическихъ цикловъ, Кіевскаго и Новгородскаго, мы встрѣчаемся въ нашихъ лѣтописяхъ какъ съ историческими лицами. Такъ, самъ былинный князь Владиміръ Кіевскій несомнѣнно пошелъ отъ Владиміра Святаго или Великаго съ присоединеніемъ къ нему Владиміра Мономаха, слѣдовательно отъ двухъ Владиміровъ. Добрыня пошелъ отъ извѣстнаго Добрыни, дяди Владимирова; упоминается еще въ XII в. въ Новгородѣ посадникъ Добрыня. Алеша, собственно Александръ Поповичъ, упоминается по нѣкоторымъ лѣтописнымъ сводамъ еще при Владимірѣ Великомъ (Л. Н. Майковъ въ своемъ изслѣдованіи о былинахъ отчасти исправляетъ хронологію этихъ упоминаній); а потомъ, уже въ качествѣ легендарнаго богатыря, онъ встрѣчается въ Липецкой битвѣ 1216 года и въ Калкской 1224 г.; въ послѣдней вмѣстѣ съ Добрынею «Златымъ Поясомъ», который къ эпохѣ лѣтописныхъ сводовъ очевидно уже успѣлъ также сдѣлаться легендарнымъ героемъ. Далѣе Ставръ, какъ историческое лицо, встрѣчается въ Новгородѣ при Владимірѣ Мономахѣ. Въ XII вѣкѣ упоминаются Василій Буслаевичъ и Садко, по Новгородскимъ лѣтописямъ то Сотко Богатый, то Садко Сытиничъ; а Волынскій бояринъ Дунай въ XIII вѣкѣ. Въ былинахъ о Вольгѣ Всеславичѣ, какъ полагаютъ, отразился историческій князь Олегъ Святославичъ съ прибавленіемъ и другаго Олега, перваго Кіевскаго князя, которому лѣтописное сказаніе приписываетъ баснословный походъ на Византію. Былинному князю Роману могутъ соотвѣтствовать, во первыхъ, знаменитый Романъ Волынскій, а во вторыхъ Романъ Брянскій, тоже довольно крупное лицо въ XIII вѣкѣ *). Два богатыря Данилы, Игнатьевичъ и Денисьевичъ, своими именами могутъ напоминать двухъ историческихъ князей Даніиловъ: Романовича Галицкаго и Александровича, перваго Московскаго.

Какое же Русское историческое лицо легло въ основу сказаній объ Ильѣ Муромцѣ?

Такого лица изслѣдователями былинъ доселѣ не найдено, и авторъ «экскурсовъ» вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе о его не дѣйствительномъ, а *идеальномъ* существованіи, т. е. считаетъ его «продуктомъ народной фантазіи», воплотившей въ его образѣ свой идеалъ Русскаго бога-

*) Указываю на этого другаго князя Романа, имѣя въ виду прекрасную монографію И. Н. Жданова „Пѣсни о князѣ Романѣ“ (Ж. М. Н. Пр. 1890. Апрѣль и Май); онъ эти пѣсни пріурочиваетъ только къ одному Роману Волынскому.

тыря: «онъ носитъ такое же не историческое имя, какъ Святогоръ и Микула *Селяниновичъ*» (193). А въ конечныхъ своихъ выводахъ авторъ выдвигаетъ гипотезу о томъ, будто бы основныя сказанія объ Ильѣ перешли къ намъ съ Востока изъ Иранскаго эпоса, т. е. изъ Персидской Рустеміады, чрезъ посредство сосѣднихъ Тюркскихъ кочевниковъ, а именно Половцевъ (225).

Въ этихъ выводахъ я нахожу близкимъ къ истинѣ только указаніе на такія же не-историческія имена Святогора и Микулы, при чемъ долженъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Нѣкоторые изслѣдователи (К. Аксаковъ, Безсоновъ, Рыбниковъ, Буслаевъ, О. Ѳ. Миллеръ, Квашнинъ-Самаринъ) причисляютъ этихъ двухъ богатырей къ другому циклу былинъ, болѣе древнему, чѣмъ Владимировъ, т. е. къ циклу языческой эпохи, и называетъ ихъ «старшими» богатырями, представлявшими собою какихъ-то миѳическихъ титановъ, при чемъ имя Святогора сближаютъ съ Святой горой. Къ такому же мнѣнію, повидимому, склоняется и авторъ «экскурсовъ». Я полагаю, что это мнѣніе ошибочное, и что подобнаго древнѣйшаго цикла, съ Святогоромъ во главѣ, на Руси не существовало. Напротивъ, подобные титаническіе, нечеловѣчные типы богатырей суть плоды позднѣйшаго народнаго творчества, продукты того періода, когда дружинно-княжеская поэзія съ ея человѣчными героями окончательно замолкла, и герои эти, перешедшіе въ среду темной народной массы, подверглись дѣйствію ея ничѣмъ несдерживаемой фантазіи, отличающейся въ особенности преувеличеніемъ внѣшняго объема и матеріальной силы. Названные богатыри самыми своими именами свидѣтельствуютъ не объ языческой, а именно о гораздо позднѣйшей христіанской эпохѣ. Микула очевидно произошелъ тогда, когда изъ всѣхъ святыхъ христіанской церкви на Руси самымъ популярнымъ сдѣлался Николай угодникъ; а его прозваніе Селяниновичъ прямо указываетъ на извѣстную тенденцію считать его по преимуществу покровителемъ крестьянъ-пахарей. Святогоръ иногда отождествляется съ Самсономъ-богатыремъ; а послѣдній прямо указываетъ на христіанскую эпоху и притомъ довольно позднюю: ибо вліяніе библейскихъ преданій тутъ проявилось не прямо изъ Библіи, а уже въ то время, когда на Руси распространились сборники апокрифическихъ сказаній, извѣстные подъ именемъ Палеи. Имя Святогора напрасно связываютъ со Святой горой: такая связь и въ народныхъ сказаніяхъ явилась уже позднѣйшимъ осмысленіемъ; первоначально же оно означало Святого Георгія или Егорія, Егора, какъ произноситъ это имя нашъ народъ. А это христіанское имя носитъ цѣлый рядъ Русскихъ князей, начиная съ Ярослава Мудраго, въ томъ числѣ и знаменитый

Юрій Долгорукій; ибо Георгій, по другому произношенію (Гюргій) обратился въ Юрія. Въ этой формѣ, т. е. Юрій или Юръ, его сближаютъ съ названіемъ языческаго божества *Яръ*, болѣе извѣстнаго у народа въ видѣ *Ярило*. А въ формѣ Егорій или Егоръ оно получало созвучіе съ древнерусскимъ именемъ Игорь, и вѣроятно по этой причинѣ мы находимъ, что нѣсколько князей Игорей также имѣли христіанское имя Георгія, въ томъ числѣ Игорь Святославичъ, герой Слова о полку Игоревѣ *). Храмы во имя Св. Георгія являются въ числѣ древнѣйшихъ на Руси Но самою-то древнѣйшею церковью во имя этого святаго является та, которая, по свидѣтельству лѣтописи, существовала въ Кіевѣ еще при Игорѣ и въ которой христіанская часть его дружины присягала на договорѣ съ Греками, между тѣмъ какъ языческая часть произнесла клятву передъ идоломъ Перуна.

Не буду повторять извѣстныхъ предположеній о томъ, что съ принятіемъ христіанства Русь перенесла на Илью пророка свое представленіе о Перунѣ или богѣ-громовникѣ, и что это представленіе отразилось на былинномъ типѣ Ильи Муромца. Подобныя толкованія искусственны и гадательны. Констатируемъ только факты: во первыхъ, что главный богатырь Владимирова цикла получилъ имя того святаго, почитаніе котораго въ Кіевѣ является наиболѣе древнимъ, а во вторыхъ, что и самъ онъ отнесенъ къ числу угодниковъ, почивающихъ въ Кіевскихъ пещерахъ. Слѣдовательно эпическій образъ его также возникъ не безъ связи съ нашею церковностію.

Въ свое время я имѣлъ уже случай представить мои соображенія о существованіи на Руси дружинно-княжеской поэзіи, которая воспѣвала подвиги князей и отличившихся дружинниковъ, и великолѣпный образецъ которой мы имѣемъ въ Словѣ о полку Игоревѣ (см. мою *Исторію Россіи*, вторую часть I-го тома, гл. XIX и прим. 47).

Весьма возможно, что уже въ XI или XII столѣтіи въ числѣ героевъ этой дружинной поэзіи прославлялись подвиги какого-то знатнаго витязя Ильи; ибо отсюда, изъ этого источника вѣроятно появился отголосокъ ихъ въ названныхъ выше Германской поэмѣ и Норвежской сагѣ. А въ послѣдствіи этимъ героемъ овладѣлъ собственно народный эпосъ и разработалъ его въ своемъ вкусѣ. Это моя догадка,

---

*) О связи Святогора по имени съ Игоремъ и св. Георгіемъ говорится въ моихъ *Розысканіяхъ о началѣ Руси* на стр. 354, со ссылкою на письмо покойнаго проф. Аристова («Былъ на землѣ богатырь *Егоръ* - Святогоръ»).

основанная на очень вѣроятной связи народнаго эпоса съ древнимъ эпосомъ историческимъ или дружиннымъ.

Во всякомъ случаѣ, судя по иностраннымъ свидѣтельствамъ, пѣсни объ Ильѣ несомнѣнно возникли не позднѣе XII вѣка. Но, по тѣмъ же свидѣтельствамъ, Муромцемъ онъ еще не назывался и крестьянскимъ сыномъ еще не былъ, а тѣмъ менѣе казакомъ. Когда же онъ получилъ свое прозваніе и, такъ сказать, демократизовался или опростонародился въ эпическихъ сказаніяхъ?

Мы имѣемъ нѣсколько историческихъ свидѣтельствъ, которыя проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на подобные вопросы. Но свидѣтельства эти оставляютъ большой промежутокъ: изъ XIII вѣка переходимъ прямо во вторую половину XVI-го. Въ 1574 году одинъ изъ Литовскихъ воеводъ Кмита Чернобыльскій называетъ Илью *Муровленинъ*. Затѣмъ Нѣмецкій путешественникъ Ляссота (впрочемъ родомъ Славянинъ), посѣтившій Кіевъ въ 1594 году, описываетъ его святыни и между прочимъ тутъ упоминаетъ о «капеллѣ», въ которой погребенъ Илья *Моровлинъ*, «знаменитый герой или богатырь, какъ его называютъ, о которомъ разсказываютъ много басенъ» (Ор. Миллеръ «Илья Муромецъ», 799). Это первыя хронологическія указанія на прозвище Ильи. Но что̀ такое значитъ «Муровленинъ» или «Моровлинъ?» Есть ли это тоже что̀ Муромецъ или нѣчто другое? В. Ѳ. Миллеръ останавливается надъ этимъ прозвищемъ и вслѣдъ за нѣкоторыми другими изслѣдователями (А. Н. Веселовскій, Каллашъ) пытается производить его отъ названія древняго города Моровійска (теперь села Моровска), лежавшаго на берегу Десны, между Черниговомъ и Кіевомъ, и принадлежавшаго къ Черниговскому княжеству. По сему поводу онъ хочетъ пріурочить Илью вообще къ Черниговскому или Сѣверскому краю, а пріуроченіе его къ Муромской области считаетъ позднѣйшимъ переносомъ, основаннымъ на созвучіи. На мѣсто же села Карачарова онъ предлагаетъ подставить древній городъ Карачевъ (182 стр. и слѣд.). Любопытно, что слѣдующее затѣмъ хронологическое извѣстіе принадлежитъ Кіево-Печерскому монаху Кальнофойскому въ первой половинѣ XVII вѣка: говоря объ Ильѣ, почивающемъ въ пещерахъ, онъ прибавляетъ, что «народъ напрасно назвалъ его *Чеботокъ*» и что по росту онъ представляетъ большаго, но не огромнаго человѣка (Ор. Миллеръ, 799). Тутъ указывается на смѣшеніе Ильи съ другимъ богатыремъ, который прозывался Чеботкомъ. Дальнѣйшее извѣстіе относится къ 1701 году и принадлежитъ одному Русскому паломнику, который пи-

шетъ, что онъ видѣлъ въ Кіевскихъ пещерахъ мощи Ильи *Муромца*, и повторяетъ, что росту онъ былъ только крупнаго, не болѣе (ibid.).

Рождается вопросъ: въ промежутокъ времени отъ конца XVI вѣка до начала XVIII успѣло ли прозваніе Ильи «Муравленинъ» или «Моровлинъ» измѣниться въ «Муромецъ», какъ то выходитъ изъ соображеній В. Ѳ. Миллера и нѣкоторыхъ другихъ, или онъ и въ XVI вѣкѣ уже слылъ Муромцемъ?

Тѣ, которые стоятъ за первое прозваніе, пытаются поддержать свое мнѣніе цѣлымъ рядомъ другихъ ссылокъ, гдѣ Илья называется *Муровицъ* или *Муровецъ*, напримѣръ у Испанца Луиса-де-Кастильо и въ Финскихъ переводахъ Русскихъ былинъ (см. А. Н. Веселовскаго, Ж. М. Н. Пр. 1883. Апрѣль и 1890 Мартъ). Но все это для меня недостаточно убѣдительно. Я полагаю, что тутъ есть недоразумѣніе и что подобные варіанты объясняются отчасти искаженіями, а отчасти вліяніемъ различныхъ говоровъ. Тотъ самый городъ Моровійскъ, который стоялъ на рѣкѣ Деснѣ, по извѣстіямъ о Смутномъ времени, въ Сѣверныхъ или Московскихъ лѣтописныхъ сводахъ иногда называется *Муромскъ*, а Путивль пишется *Путимлъ*, т. е. *в* переходитъ въ *м* (Иное Сказаніе., Лѣт. о Мят., Никонов. лѣт. и др.). Но также и обратно, названія Сѣверо-восточной Руси въ юго-западныхъ говорахъ могли являться съ переходомъ *м* въ *в*. По такой замѣнѣ прозваніе Ильи Муровленинъ или Моровлинъ, пріуроченное къ Юго-Западной Руси, на Сѣверѣ должно было произноситься «Муромлинъ». И дѣйствительно Илья въ былинахъ иногда называется «Муромлянъ-богатырь». (Напр. у Гильфердинга «Онеж. былины», 904). Слѣдовательно прозваніе Муромецъ имѣло своимъ варіантомъ Муромлянинъ или Муромлянъ. Въ Финскихъ пересказахъ встрѣчаются формы и Муровицъ, и Муромицъ, какъ это видно изъ примѣровъ, приведенныхъ академикомъ Веселовскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1890. Мартъ). Но Луисъ-де-Кастильо, бывшій въ Петербургѣ въ послѣднемъ десятилѣтіи XVIII вѣка и въ своихъ запискахъ употребляющій форму *Муровецъ*, только можетъ подтвердить существованіе нѣкоторыхъ варіантовъ или искаженій; ибо нѣтъ вѣроятія, чтобы въ это время Илья все еще назывался не Муромцемъ, а какъ-либо иначе, особенно въ нашей Сѣверной столицѣ. (Тоже можно повторить и относительно ссылки на Григорія Панкѣева, Корсунскаго единовѣрческаго монаха, который жилъ въ первой половинѣ XIX вѣка и писалъ Илья *Муровецъ* вмѣсто *Муромецъ*, но прямо разсказывалъ о поѣздкѣ Ильи въ Кіевъ *изъ Мурома*. Ор. Миллеръ. 261.) Прибавлю еще, что городъ Моровійскъ былъ слишкомъ мало извѣстенъ и незна-

чителенъ, чтобы главный герой нашего эпоса получилъ отъ него свое прозваніе.

Мы видѣли, что въ концѣ Кіевскаго періода Илья повидимому еще не имѣлъ прозваніе Муромецъ, считался знатнымъ человѣкомъ и пріурочивался къ Южной или Кіевской Руси. Когда же онъ сдѣлался Муромцемъ и крестьянскимъ сыномъ?

По всѣмъ соображеніямъ этотъ переносъ произошелъ послѣ Татарскаго разгрома Южной Руси, когда Русская народная жизнь сосредоточилась въ болѣе Сѣверныхъ областяхъ, т. е. въ эпоху Владиміро-Суздальскую, приблизительно во второй половинѣ XIII или въ первой XIV столѣтія. Кромѣ естественнаго хода вещей, въ этомъ случаѣ я имѣю и слѣдующую аналогію. Друзьями или наиболѣе близкими къ Ильѣ товарищами по былинному циклу Владимира являются два богатыря: Добрыня и Алеша Поповичъ. Вмѣстѣ они представляютъ родъ тріумвирата. Первоначально Добрыня и Алеша тоже по всѣмъ признакамъ были южанами, а потомъ въ былинахъ они уже пріурочиваются къ Сѣверо-Восточной Руси: Добрыня называется Рязанцемъ, а Алеша (Александръ) Поповичъ выводится изъ Ростова. Очевидно въ туже эпоху Илья сталъ пріурочиваться къ Мурому. Ростовъ, Рязань и Муромъ—это были политическіе и культурные центры Сѣверовосточной Руси. Муромъ и въ Суздальскую, и въ Московскую эпоху даже особенно выдвинулся своими легендами и книжными сказаніями (о Петрѣ и Ѳевроніи, Юліаніи Лазаревской и другихъ); во всякомъ случаѣ онъ не чета какому-нибудь Моровійску. Наконецъ, позднѣйшее и болѣе точное пріуроченіе Ильи къ селу Карачарову еще болѣе подтверждаетъ, что прозваніе его не произошло вслѣдствіе смѣшенія Мурома съ Моровійскимъ, такъ какъ Карачарово или Карачаево лежитъ подъ самымъ Муромомъ, есть его подгородное селеніе. И тутъ сложились разныя мѣстныя преданія, связанныя съ именемъ Ильи; напримѣръ указываютъ колодезь, выбитый копытомъ богатырскаго коня во время его ускоковъ, и т. п. А что подобныя преданія въ Муромѣ и окрестностяхъ уже существовали въ XVI вѣкѣ, на то имѣемъ намеки въ Сотной (выписи) Муромскаго посада 1574 года (Акты Юрид., № 229): тутъ, кромѣ храма св. Ильи и Большой Ильинской улицы, упоминаются *Богатырева гора* «противъ Оки рѣки» и еще *Скокова гора*, очевидно намекающая на скоки или ускоки богатырскаго коня все того же Ильи Муромца. Съ переносомъ въ Муромскій край началась конечно и демократизація Ильи, а послѣдующее закрѣпленіе его за селомъ Карачаровымъ уже прямо упрочило за нимъ крестьянское происхожденіе.

Итакъ мы имѣемъ нѣкоторыя историческія указанія, благодаря которымъ можно дать хотя приблизительные отвѣты на вопросы: какъ и когда Илья сдѣлался Муромцемъ и крестьянскимъ сыномъ въ Русскомъ эпосѣ?

Теперь обратимся къ другому его прозванію или эпитету.

Въ большинствѣ записанныхъ на Сѣверѣ былинъ онъ именуется «старый казакъ» или «матерой казакъ», иногда «атаманъ». Авторъ «экскурсовъ» потрудился сосчитать, во сколькихъ былинахъ Ильѣ придается эпитетъ *казака*, и нашелъ, что изъ 201 былины это названіе встрѣчается въ 132, слѣдовательно почти въ двухъ третяхъ всего числа. Откуда взялось это его казачество, тѣмъ болѣе бросающееся въ глаза, что казакомъ, сколько мнѣ извѣстно, не называется въ былинахъ никакой другой богатырь Владимирова цикла, за исключеніемъ конечно Ермака, иногда насильственно привлекаемаго къ этому циклу, и притомъ не ранѣе XVII вѣка?

В. Ѳ. Миллеръ отодвигаетъ казачество Ильи къ болѣе древнему времени чѣмъ прикрѣпленіе Ильи къ Мурому и крестьянской средѣ, считаетъ слово *казакъ* заимствованнымъ у Половцевъ съ значеніемъ *стражъ*, и пытается объяснить это второе обычное прозванье Ильи тѣмъ, что онъ въ народномъ представленіи олицетворилъ собою борьбу Руси со степью, т. е. съ Тюркскими кочевниками, Половцами и Татарами, при чемъ и начало казачества онъ вслѣдъ за нѣкоторыми историками отодвигаетъ въ Дотатарскую эпоху (226—229).

Въ этихъ послѣднихъ вопросахъ я уже совсѣмъ расхожусь съ достоуважаемымъ изслѣдователемъ. Начать съ того, что слово казакъ перешло къ намъ отъ Татаръ, а ранѣе ихъ оно на Руси не встрѣчается. Въ Золотой Ордѣ имъ называли простыхъ людей, чернь и вообще низшій ратный слой. У насъ это слово получило широкое распространеніе и довольно разнообразное значеніе. Кромѣ собственно легковооруженныхъ служилыхъ людей и военной вольницы, оно означало и простаго рабочаго. Такъ, судя по актамъ XVI вѣка, по всему Поволжью *казаками* назывался рабочій людъ, нанимавшійся на торговыхъ судахъ, родъ батраковъ, бурлаковъ и т. п. (Напр. см. Слѣдственное дѣло о смерти царевича Дмитрія). Но широкое распространеніе вольнаго казачества начинается въ XVI вѣкѣ; а ихъ громкая извѣстность идетъ только съ конца этого столѣтія и съ начала XVII (Запорожскія возстанія, подвигъ Ермака, казачество въ Смутное

время). Что же касается борьбы со степью или съ Тюркскими кочевниками, то эту борьбу олицетворяютъ собою и другіе богатыри Владимирова цикла; однако, повторяю, никто изъ нихъ не называется казакомъ, а только одинъ Илья.

Чтобы выяснить казачество Ильи Муромца, я долженъ прежде всего напомнить о тѣхъ главныхъ наслоеніяхъ, которымъ постепенно подвергался эпическій Владимировъ циклъ. На Кіевскую его основу налегли сначала Татарщина и Владимиро-Суздальскій періодъ, потомъ Московскій періодъ, съ его подраздѣленіями, каковы эпоха Ивановъ, Смутное время и эпоха первыхъ царей изъ дома Романовыхъ. Само центральное лицо эпоса, князь Владимиръ отразилъ на себѣ почти всѣ эти наслоенія. Такъ, рядомъ съ ласковымъ княземъ и Краснымъ Солнышкомъ мы находимъ нерѣдко черты не симпатичныя; а иногда онъ просто грубъ, коваренъ и жестокъ. Но дѣло въ томъ, что на немъ несомнѣнно отразились такія противоположныя впечатлѣнія, которыя получились въ народѣ напримѣръ и отъ Ивана Грознаго, и отъ тишайшаго Алексѣя Михайловича. Вообще ошибаются тѣ, которые въ нашемъ былинномъ эпосѣ ищутъ прежде всего отраженія удѣльнаго склада. Нѣтъ: въ томъ видѣ, въ какомъ мы его теперь имѣемъ, онъ болѣе всего отражаетъ складъ Московской Руси; ибо объ удѣльныхъ князьяхъ въ немъ почти нѣтъ и помину (развѣ остались кое-какіе намеки). Земля Русская представляется въ немъ цѣльною и единою, а богатырская дружина пируетъ и служитъ только единому ея представителю.

Въ этихъ историческихъ наслоеніяхъ доселѣ слишкомъ мало придавали значенія Смутной эпохѣ; а между тѣмъ она выдается очень замѣтно. Да иначе не могло и быть. Столь великое потрясеніе, испытанное всѣмъ Русскимъ народомъ, не могло не оставить рѣзкихъ чертъ и на его пѣсенномъ творчествѣ. Напримѣръ, съ этого времени въ числѣ враговъ, съ которыми сражаются Владимировы богатыри, появляются *Люторы*, т. е. Лютеране; такъ какъ въ Польшѣ и Западной Руси тогда процвѣтала реформація, и многіе Польско-литовскіе паны и шляхта, разорявшіе Московское государство, были реформатами. Съ того же времени появляется въ былинахъ Маринка въ качествѣ коварной жены - чародѣйки, напримѣръ въ былинахъ о Добрынѣ; подъ нею разумѣется извѣстная Марина Мнишекъ, и т. д. Съ того же времени преобразился въ казака и нашъ Илья Муромецъ.

Въ первое десятилѣтіе XVII вѣка, т. е. въ Смутную эпоху, у насъ на Руси подвизался дѣйствительный, историческій казакъ Илья

Муромецъ. И любопытно, что изслѣдователи нашего былиннаго эпоса, столь много потрудившіеся ради его объясненія, усердно рывшіеся въ Русскихъ и частію иностранныхъ источникахъ, доселѣ какъ-то не примѣтили этого, не скажу, слона, а все таки довольно видную историческую личность.

Я говорю объ одномъ изъ самозванцевъ, именно о Лжепетрѣ.

Въ Октябрѣ 1609 года, вмѣстѣ съ другими мятежниками или ворами (какъ ихъ тогда называли) изъ осажденной Тулы вышли казаки Донскіе, Волжскіе, Терскіе и Запорожскіе и сдались царю Василію Шуйскому, вмѣстѣ съ своимъ атаманомъ Илейкой Муромцемъ. Послѣдній былъ подвергнутъ боярскому допросу, конечно сопровождавшемуся пыткой, и вотъ что̀ онъ самъ разсказалъ о своемъ родѣ и о своихъ любопытныхъ похожденіяхъ.

Родина Ильи городъ Муромъ. Мать его звали Ульяной; она была вдовою торговаго человѣка Тихона Юрьева. Илья родился внѣ брака. Отца его звали Иванъ Коровинъ. Послѣ смерти Ивана Коровина и по его завѣту Ульяна постриглась въ Воскресенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, подъ именемъ старицы Улиты. Когда и она умерла, для молодаго Илейки настали годы бездомовной, скитальческой жизни. Сначала какой-то Нижегородецъ Тарасъ Грозильниковъ взялъ его къ себѣ въ Нижній, гдѣ Илейка около трехъ лѣтъ сидѣлъ въ его лавкѣ и торговалъ яблоками и горшками. Отсюда онъ ушелъ на Низъ въ Астрахань на суднѣ торговаго Ярославца Козмы Огнева, у котораго нанялся кормовымъ *казакомъ* для стряпни, т. е. служившимъ при кухнѣ. Въ Астрахани онъ зимовалъ и въ это время ходилъ на Татарскій базаръ торговать кожами и сапогами. Изъ Астрахани Илейка ходилъ вверхъ до Казани, нанявшись казакомъ на стругу къ одному Ярославскому гостю. Поживъ недѣль десять въ Казани у одного посадскаго человѣка (опускаю имена), нанялся онъ опять въ казаки на судно нѣкоего Вятскаго торговаго человѣка и жилъ у него въ Хлыновѣ года полтора. Съ Вятки онъ опять пошелъ на судахъ съ хозяйскимъ товаромъ на Низъ въ Астрахань. Тутъ онъ годовалъ, живя у одного Астраханскаго стрѣльца и торгуя на Татарскомъ базарѣ холстами и кожами, которые забиралъ у торговыхъ людей, и тѣмъ кормился. Изъ Астрахани онъ опять ходилъ въ судовыхъ казакахъ вверхъ, то до Нижняго, то до Царицына. Но собственно военныя его похожденія начинаются съ того времени, какъ онъ изъ Астрахани попалъ въ городокъ Тер-

ки, т. е. въ главное поселеніе Терскихъ казаковъ. Здѣсь онъ нанялся уже въ служилые или ратные люди къ одному стрѣлецкому пятидесятнику по имени Пятого *Моромцу* (вѣроятно тоже родомъ изъ Мурома); нанялся для того, чтобы вмѣсто его заболѣвшаго племянника идти съ царскими воеводами въ походъ на Тарковскаго шамхала. По возвращеніи изъ похода Илейка зимовалъ въ Теркахъ, служа во дворѣ у какого-то Григорья Елагина. На лѣто онъ снова поплылъ въ Астрахань. Онъ присталъ къ Волжскимъ казакамъ, и тутъ начинаются его похожденія уже не какъ рабочаго, а какъ ратнаго служилаго казака. Въ концѣ царствованія Бориса Годунова Илейка находился подъ начальствомъ воеводы князя Ивана Хворостинина; а когда этотъ воевода послалъ казачій отрядъ изъ Астрахани въ Терки, Илейка пошелъ съ симъ отрядомъ.

Волжскіе и Терскіе казаки, какъ извѣстно, въ то время нерѣдко изъ служилыхъ людей обращались въ вольныхъ и составляли грабительскія шайки. Терскіе казаки забунтовали, начали говорить, что царь хотѣлъ ихъ пожаловать великимъ жалованьемъ, да «лихіе бояре» этого жалованья имъ не дали и себѣ присвоили. Они замышляли идти къ устью рѣки Куры, чтобы «громить Турскихъ людей», а если тамъ на счетъ добычи не посчастливится, то поступить на службу къ Кизыльбашскому (Персидскому) шаху Аббасу. Но тутъ человѣкъ съ триста Терскихъ и Волжскихъ казаковъ отдѣлились и задумали другое дѣло. Въ то время на Терекъ дошла вѣсть о сверженіи Годуновыхъ и воцареніи перваго Лжедимитрія; помогавшіе ему Донскіе казаки, по слухамъ, получили щедрыя награды; это обстоятельство возбудило зависть у Терскихъ. Отдѣлившіеся 300 человѣкъ хотѣли тоже попытать счастья и придумали выставить изъ своей среды тоже самозваннаго претендента на Московскій престолъ, подъ знаменемъ котораго можно было бы прежде всего идти на Волгу «громить торговыя суда». Они изобрѣли царевича Петра Ѳедоровича. Извѣстно, что у послѣдняго Рюриковича Ѳедора Ивановича была только дочь, умершая въ младенчествѣ; казаки сочинили басню о томъ, что родился собственно сынъ, но что вѣрные люди, опасаясь козней Годунова, подмѣнили его дочерью, а сына укрыли и воспитали тайно. Очевидно повторялась басня подобная той, которую разсказывалъ о себѣ Лжедимитрій.

Возникъ вопросъ, на кого возложить роль мнимаго царевича Петра. Между «молодыми товарищами» казаки намѣтили выбрать одного изъ двухъ: или Илейку Муромца, или Митьку Астраханца, который былъ сыномъ одного Астраханскаго стрѣльца. Митька самъ отказался

отъ этой чести, говоря, что онъ въ Москвѣ не бывалъ и никого не знаетъ, а родился въ Астрахани и тамъ всегда жилъ. А Илейка Муромецъ, какъ оказалось, въ Москвѣ былъ: онъ пріѣзжалъ сюда изъ Нижняго и жилъ тутъ отъ Святокъ до Петрова дня у подъячаго Тимоѳеева, который служилъ у дьяка Василія Петровича; а этотъ дьякъ находился въ томъ приказѣ, въ вѣдѣніи котораго были Устюгъ и Вятка. Итакъ роль царевича Петра возложили на Илейку Муромца.

Эта воровская шайка съ Илейкой, тайкомъ отъ Терскаго воеводы Петра Головина, ушла изъ города Тѐрокъ на стругахъ въ Каспійское море и остановилась на островѣ, противъ устья Терека. Тутъ пристали къ ней еще многіе казаки изъ сосѣднихъ мѣстъ. Отсюда они поплыли къ Астрахани, но въ Астрахань не были впущены и двинулись вверхъ по Волгѣ, при чемъ Илейка Муромецъ послалъ гонца съ грамотой къ Лжедимитрію, называя его своимъ дядей. Хитрый Лжедимитрій отвѣчалъ ему ласково и звалъ его къ себѣ въ Москву, гдѣ вѣроятно готовилъ ему западню. Эту отвѣтную грамоту Илейка получилъ подъ Самарой. Но едва онъ миновалъ Свіяжскъ и въ десяти верстахъ отъ него достигъ Вязовыхъ горъ, какъ пришла вѣсть о трагической судьбѣ перваго Лжедимитрія. Тогда Лжепетръ и его шайка повернули назадъ и занялись разбоемъ и грабежами. Изъ Волги потомъ они переволоклись на Донъ, изъ Дона поднялись вверхъ по Донцу. Тутъ пришла къ нимъ грамота изъ Путивля отъ извѣстнаго дѣятеля Смутнаго времени князя Григорія Шаховскаго, съ извѣстіемъ, будто Димитрій вновь спасся отъ смерти, и съ приглашеніемъ спѣшить на помощь.

Доскажу въ немногихъ словахъ дальнѣйшую роль и судьбу Лжепетра или Илейки Муромца.

Онъ очутился во главѣ полчища, состоявшаго изъ казаковъ Терскихъ, Волжскихъ и Донскихъ; потомъ къ нему пришли еще Запорожцы, такъ что у него оказалось болѣе 10.000 войска. По дорогѣ къ Путивлю этотъ казацкій самозванецъ взялъ и разграбилъ нѣсколько городовъ. Вообще онъ отличался хищнымъ разбойничьимъ характеромъ и, какъ истый представитель чернаго народа, особенно свирѣпствовалъ противъ бояръ и дворянъ. Многихъ попавшихъ въ его руки онъ замучилъ; между прочимъ князя Андрея Бахтеярова, бывшаго прежде Путивльскимъ воеводой, Илейка не только убилъ, но и опозорилъ его боярскую честь, въ лицѣ его дочери. По всѣмъ признакамъ онъ ока-

зался и недюжиннымъ атаманомъ въ военномъ дѣлѣ. Онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ царскими воеводами, захватилъ Тулу и, соединясь съ другимъ предводителемъ крестьянскихъ и казацкихъ шаекъ, извѣстнымъ Болотниковымъ, готовился идти на Москву. Царь Шуйскій напрягъ всѣ усилія, собралъ стотысячную рать и во главѣ ея лично осадилъ Тулу. Осажденные защищались очень мужественно; осада такъ затянулась, что уже приходилось думать объ отступленіи, когда неожиданное обстоятельство помогло царю Василію: боярскій сынъ Ѳома Суминъ Кровковъ, родомъ изъ Мурома, слѣдовательно землякъ Илейки Муромца, предложилъ царю запрудить рѣку Упу и затопить городъ Тулу; просилъ только дать ему сколько нужно народу. Дѣйствительно онъ затопилъ городъ, и осажденные сдались. Илейку въ числѣ другихъ отправили въ Москву. Тамъ его повѣсили, предварительно снявъ съ него показанія, о которыхъ была рѣчь выше.

Таковъ былъ дѣйствительный историческій казакъ Илья Муромецъ. По моему крайнему разумѣнію, его имя и званіе несомнѣнно смѣшались, слились въ народномъ представленіи съ главнымъ богатыремъ Русскаго былиннаго эпоса. Совпаденіе имени Илья и прозванія Муромецъ было повидимому совершенно случайное; но оно повело къ тому, что богатырь въ народныхъ пѣсняхъ съ того времени получилъ эпитетъ «казака», перешедшій къ нему прямо отъ казацкаго самозванца. Надобно замѣтить, что по всѣмъ признакамъ молва объ этомъ самозванцѣ тогда довольно широко распространилась на Руси, и въ народѣ онъ сдѣлался извѣстенъ прямо подъ своимъ именемъ Ильи, Илейки Муромца. Этой извѣстности способствовало само Московское правительство, которое, получивъ въ свои руки самозванца и допросивъ его, немедля разослало по городамъ грамоту съ изложеніемъ его повѣсти о самомъ себѣ. Въ Актахъ Археогр. Экспедиціи, во II-мъ томѣ подъ № 81, напечатана сія грамота, найденная въ Соль-Вычегодскомъ соборномъ архивѣ. На оборотѣ ея помѣчено мѣстнымъ подъячимъ: «116 (1608) Декабря въ 11 день пришла (въ Соль-Вычегодскъ) съ казакомъ съ Евтихейкомъ Хлѣбникомъ». Впрочемъ это не единственный экземпляръ грамоты, который до насъ дошелъ; вообще Московское правительство въ тѣ времена имѣло обыкновеніе подобными, такъ сказать, циркулярными, грамотами оповѣщать всѣ области о важныхъ событіяхъ, въ особенности когда требовалось предостеречь населеніе въ виду распространенія ложныхъ и вредныхъ слуховъ или толковъ. Василій Шуйскій при своемъ воцареніи усердно разсылалъ такія циркулярныя грамоты о похожденіяхъ и смерти Лжедимитрія. Эти грамоты, упорно называя его Гришкой Отрепьевымъ и Разстригой, упро-

чили за нимъ такое названіе въ народѣ и въ лѣтописяхъ, хотя первый Лжедимитрій, не будучи истиннымъ царевичемъ Димитріемъ, не былъ, какъ оказывается, и Гришкой Отрепьевымъ.

Въ данномъ случаѣ не произошло подобной ошибки, и Московская окружная грамота точно установила настоящее имя и происхожденіе Лжепетра. Любопытно однако, что, не смотря на этотъ документъ, лѣтописцы XVII вѣка замѣтно путаются въ его именованіи и происхожденіи: въ нихъ онъ называется, то «воръ Петрушка», то «воръ Илюшка», или Илейко; въ одномъ хронографѣ онъ даже именуется «родомъ Звенигородецъ, художествомъ гончаръ»; поэтому въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ ему дается фамилія Гончарова, или Гончаровскаго, а въ другихъ эта фамилія переиначивается въ Горчакова; въ третьихъ онъ считается холопомъ Свіяжскаго стрѣлецкаго головы Елагина (Никонов., Лѣт. о мят., Палицынъ, Нов. Лѣт., Ин. Сказ., Псковская, три хронографа у Андр. Попова., Рукоп. Филарета). Понятно, что значеніе Лжепетра было не такъ велико какъ Лжедимитрія, лѣтописцы сравнительно мало имъ занимались и повидимому не справлялись непосредственно съ означенною правительственною грамотою. Тѣмъ не менѣе въ народѣ все таки распространились слухи и толки о настоящемъ званіи и происхожденіи казацкаго самозванца. Особенно память его нѣкоторое время жила среди казацкихъ шаекъ, разсѣявшихся по всей Руси. Несомнѣнно дѣянія его нашли себѣ сочувственный отголосокъ и въ казачествѣ, и въ крестьянствѣ, какъ впослѣдствіи дѣянія подобнаго ему атамана Стеньки Разина. А потому нѣтъ ничего удивительнаго, что личность историческаго казачьяго атамана Ильи Муромца слилась съ легендарнымъ его, такъ сказать, теской и однофамильцемъ. Съ тѣхъ поръ богатырь Илья представляется не только казакомъ, но и окончательно закрѣпляется за Муромомъ. По всей вѣроятности дальнѣйшимъ фазисомъ этого закрѣпленія и вмѣстѣ демократизаціи богатыря было пріуроченіе его къ подгородному селу Карачарову и къ крестьянскому роду. Подъ такимъ историческимъ наслоеніемъ воспѣваютъ его до нынѣ крестьяне - сказатели Олонецкіе и Архангельскіе.

—

Только что приведенныя замѣтки о былинномъ эпосѣ вообще и о происхожденіи обычнаго эпитета Ильи Муромца «старый казакъ» были сообщены мною на засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества 17 Февраля текущаго 1893 года, и встрѣтили нѣкоторыя возра-

женія. Остановлюсь на возраженіяхъ профессора В. Ѳ. Миллера и приватъ-доцента г. Каллаша, какъ спеціалистовъ, извѣстныхъ своими печатными работами по Русскому эпосу.

В. Ѳ. Миллеръ, авторъ труда, вызвавшаго мои замѣтки, заявилъ, что указанная мною грамота и сопровождающія ее обстоятельства, разъясняющія личность Лжепетра или Илейки Муромца, дѣйствительно не были имъ приняты во вниманіе; ибо это собственно дѣло Русскихъ историковъ, а они доселѣ на эту личность не указывали, т. е. не приводили ее въ связь съ главнымъ героемъ нашихъ былинъ. Но при этомъ онъ выразилъ сомнѣніе въ сей связи по нѣсколькимъ причинамъ: во первыхъ, едва ли такое лицо какъ самозванецъ, выдававшійся только своимъ обманомъ и злодѣяніями, могъ быть отождествленъ съ богатыремъ, къ которому былины относятся съ особымъ уваженіемъ и любовью; во вторыхъ, изъ исторіи видно, что Илейка былъ еще молодой человѣкъ, а Илья называется «старый казакъ»; въ третьихъ трудно предположить, чтобы извѣстія объ Илейкѣ проникли далеко на Сѣверъ, гдѣ и казаковъ никакихъ не было; въ четвертыхъ, похожденія этого лица ничѣмъ не отразились на содержаніи былинъ объ Ильѣ.

На сіи возраженія съ своей стороны я отвѣчалъ и повторяю слѣдующее.

Народныя (собственно простонародныя) симпатіи и представленія нельзя разсматривать съ точки зрѣнія настоящаго образованнаго класса. Напротивъ, демократическія тенденціи этого самозванца, его свирѣпствованіе противъ бояръ и дворянъ и вообще роль недюжиннаго казацкаго атамана могли вполнѣ возбудить симпатіи простонародья, такъ же какъ ихъ возбудили разбойничьи дѣянія Стеньки Разина, который сдѣлался популярнымъ героемъ народныхъ пѣсенъ не только по причинѣ своей удали, но и потому, что съ его лицомъ какъ бы связывался протестъ чернаго люда противъ боярскаго и дворянскаго гнета или вообще противъ высшихъ классовъ. Относительно прозванія «старый» казакъ, надобно имѣть въ виду, что въ былинахъ Илья Муромецъ постоянно изображается человѣкомъ пожилымъ; онъ и на подвиги выступилъ изъ родительскаго дома уже не въ молодыхъ лѣтахъ; а про возрастъ историческаго Илейки народъ могъ не знать, да онъ и не былъ особенно молодъ, когда явился въ роли казачьяго атамана: по всѣмъ соображеніямъ ему было уже за 30 лѣтъ. Илья Муромецъ называется не только «старый», но и «матерой», т. е. истый, коренной

казакъ; съ этимъ же оттѣнкомъ конечно соединяется и прозваніе «старый (т. т. бывалый) казакъ»; оно совсѣмъ не означаетъ собственно старца. Относительно распространенія сего прозванія на сѣверные края, гдѣ и казаковъ будто бы никогда не было, это невѣрно: въ Смутное время казачьи шайки свирѣпствовали до самыхъ сѣверныхъ областей; особенно много страдали отъ этихъ шаекъ мѣста верхневолжскія и даже заволжскія. Что же касается до содержанія былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, то оно уже успѣло вполнѣ сложиться и опредѣлиться къ тому времени, когда историческій Илья смѣшался съ былиннымъ, передавъ ему только эпитетъ «казака».

Возраженія г. Каллаша главнымъ образомъ относились къ защитѣ того мнѣнія, по которому богатырь Илья въ древнѣйшую пору будто бы имѣлъ прозваніе не Муромца, а Моровца или Моравленина, которое-де получилъ отъ города Моровска. Но въ защиту этой догадки онъ не привелъ никакихъ другихъ фактическихъ данныхъ кромѣ тѣхъ, на которыя я указываю въ своемъ сообщеніи и на которыхъ г. Каллашъ основывается въ своихъ печатныхъ замѣткахъ (Этнографич. Обозрѣніе, №№ III и V). Но уже въ этихъ замѣткахъ онъ тщетно оспариваетъ возраженія своего рецензента, появившіяся въ Русскомъ Филологич. Вѣстникѣ (за 1890 г. I); а другому своему возражателю, проф. Соболевскому, онъ доселѣ ничего не отвѣчалъ. Г. Соболевскій, подобно мнѣ, считаетъ «Муровецъ» искаженіемъ прозвища «Муромецъ», и подкрѣпляетъ свое мнѣніе ссылкою на два примѣра: Синопсисъ Кіевскаго изданія 1674 года и Сербскій Синксарь 1340 года, гдѣ вмѣсто «Муромъ» стоитъ «Муровъ» (Этнограф. Обозр. № VI).

Я остановлюсь собственно на другомъ замѣчаніи г. Каллаша, замѣчаніи, относящемся къ главному выводу моего сообщенія, т. е. къ вопросу, съ какого времени и почему былины стали называть Илью «казакомъ».

Г. Каллашъ заявилъ, что объ Илейкѣ-Лжепетрѣ по отношенію къ нашему богатырю уже было говорено въ печати, именно въ одной изъ статей г. Квашнина-Самарина, и что слѣдовательно мой упрекъ въ игнорированіи этого историческаго лица долженъ быть снятъ съ изслѣдователей эпическаго Владимирова цикла.

Я имѣлъ въ виду собственно изслѣдователей послѣдняго времени, которые весьма оживили вопросъ объ этомъ циклѣ и болѣе или менѣе освѣтили его съ разныхъ сторонъ, и въ особенности тѣхъ изслѣ-

дователей, которые попытались разъяснить происхожденіе главныхъ эпитетовъ Ильи, т. е. «Муромца» и «казака». Но разъ мнѣ указали на давнія и забытыя мною статьи г. Квашнина-Самарина, пришлось вновь ихъ пересмотрѣть и затѣмъ вкратцѣ высказать свое о нихъ мнѣніе.

Рѣчь идетъ о четырехъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ двухъ №№ «Бесѣды» 1871 года, IV и V («Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи») и въ двухъ №№ Русскаго Вѣстника 1874 г., 9 и 10 («Новые источники для изученія Русскаго эпоса»). Объ Илейкѣ-Лжепетрѣ г. Квашнинъ-Самаринъ говоритъ въ Октябрьской книжкѣ Русскаго Вѣстника за 1874 годъ. Но что̀ такое онъ говоритъ? Онъ слегка, мимоходомъ упоминаетъ о немъ по поводу двухъ былинъ: одна изъ нихъ находится въ сборникѣ Гильфердинга и озаглавлена «Князь Карамышевскій» (стр. 91), а другая, въ сборникѣ Кирѣевскаго, безъ заглавія (вып. I, стр 90). Въ первой является какой-то «Илья-кумъ, темный разбойникъ», который убиваетъ князя Ивана Карамышевскаго съ женой и маленькимъ сыномъ и въ свою очередь гибнетъ отъ руки старшаго княжескаго сына Василія, находившагося на службѣ у Владимира Кіевскаго. Вторая былина, или собственно отрывокъ изъ былины, живописно рисуетъ, какъ по Волгѣ «коло Муромскихъ лѣсовъ» плывутъ лодки; гребцы поютъ пѣсни и величаютъ своего «эсаула молодца, Илью Муромца.» Г. Квашнинъ-Самаринъ безъ всякихъ разсужденій рѣшаетъ, что обѣ эти былины имѣютъ отношеніе не къ богатырю Ильѣ-Муромцу, а именно къ Илейкѣ - Лжепетру, и болѣе ничего. Такимъ образомъ онъ прямо отрицаетъ какую-либо связь богатыря съ историческимъ Муромцемъ, и вообще совсѣмъ не задается вопросомъ, откуда пошло въ былинахъ казачество Ильи. Слѣдовательно онъ не только не навелъ послѣдующихъ изслѣдователей на объясненіе этого вопроса, а прямо отклонилъ ихъ отъ настоящаго пути, и дѣйствительно никто изъ нихъ потомъ этой связи не коснулся.

Между тѣмъ, если первая былина въ самомъ дѣлѣ имѣетъ отношеніе не къ богатырю, а только къ Илейкѣ-Лжепетру, то она показываетъ, что это лицо оставило замѣтный слѣдъ въ народныхъ пѣсняхъ и что были пѣсни, гдѣ оно изображалось злымъ атаманомъ разбойниковъ. Вторая же былина, уже прямо называющая его Ильей Муромцемъ и изображающая его въ симпатичномъ видѣ эсаула-молодца, плывущаго со своей дружиной по Волгѣ, составляетъ явный переходъ къ смѣшенію историческаго Муромца съ былиннымъ бога-

тыремъ. Этотъ переходъ можно услѣдить и въ нѣкоторыхъ другихъ былинахъ.

Въ томъ же сборникѣ Кирѣевскаго есть еще два отрывка (стр. 22 и 40), въ которыхъ говорится, какъ Илья Муромецъ плавалъ *тридцать лѣтъ* (въ другомъ *тринадцать*) по Хвалынскому морю на кораблѣ Соколѣ и наводилъ страхъ на «горскихъ Татаръ съ Калмыками» — опять явное указаніе на историческаго Муромца, дѣйствительно плававшаго по Каспійскому морю и участвовавшаго въ походахъ противъ горскихъ племенъ. Но кромѣ Илейки Муромца тутъ къ представленію о нашемъ богатырѣ очевидно примѣшался и Стенька Разинъ, какъ извѣстно, имѣвшій корабль съ прозваніемъ «Сокола». Второй изъ этихъ отрывковъ заканчивается тѣмъ, что Илья Муромецъ покидаетъ корабль и ѣдетъ на конѣ черезъ лѣса Брынскіе и горы Сарачинскія мимо Соловья Разбойника къ царю Владимиру. Г. Квашнинъ-Самаринъ упоминаетъ объ этихъ отрывкахъ въ другой своей статьѣ («Бесѣда», 1871, № IV), и не сомнѣвается, что тутъ воспѣтъ былинный богатырь, но не подозрѣваетъ никакой связи съ Волжскимъ казачествомъ и Илейкой-Лжепетромъ, а объясняетъ его морское плаваніе мнимыми воспоминаніями о Русскихъ набѣгахъ на Каспійскіе берега въ IX и X столѣтіяхъ, о которыхъ и лѣтописцы-то Русскіе ничего не знали, и только Арабскіе источники сохранили память о нихъ для исторіи. Такъ далеки объясненія г. Квашнина-Самарина отъ исторической истины, и не въ одномъ только этомъ случаѣ. А потому его статьи не имѣли почти никакого научнаго значенія и прошли, можно сказать, безслѣдно. Относительно Илейки-Лжепетра онъ повидимому пользовался только краткими извѣстіями о немъ лѣтописей; по крайней мѣрѣ онъ не обнаружилъ знакомства съ тою грамотою, гдѣ Илейка самъ разсказалъ свои похожденія.

Чтобы не быть голословнымъ и на фактахъ показать, какъ авторъ названныхъ статей, взявшій на себя раскрыть связь Русскихъ былинъ съ исторіей, весьма поверхностно и произвольно относился къ своей задачѣ, приведу нѣсколько примѣровъ изъ той же статьи, гдѣ онъ коснулся Лжепетра. При семъ имѣю въ виду сообщить нѣкоторыя собственныя мысли и объясненія для этихъ примѣровъ.

Возьмемъ изъ цикла Владимирова былину о князѣ Карамышевскомъ, который встрѣчается и въ другой былинѣ, именно объ осадѣ Пскова, гдѣ онъ замѣняетъ князя Шуйскаго. Г. Квашнинъ-Самаринъ вѣрно указываетъ на воеводу Ивана Карамышева, провожавшаго Ту-

рецкое посольство и убитаго на Дону казаками въ 1630 году. Но онъ теряется въ догадкахъ, почему это, по его словамъ «малоизвѣстное», имя введено въ циклъ Владимира, причемъ объясняетъ его смѣшеніемъ съ Васильемъ-пьяницей, котораго по отечеству называетъ Казимировичъ, а сіе отечество, по его толкованію, перешло въ «Карамышевичъ», откуда и явился князь Карамышевскій, и уже отъ созвучія съ сими словами пѣсни величаютъ его по отчеству «Константиновичъ». Выходитъ ужасная путаница, главная причина которой заключается въ томъ, что историческія свѣдѣнія автора слишкомъ неполны. Какъ историческое лицо, воевода Иванъ *Константиновичъ* Карамышевъ довольно извѣстенъ и притомъ не безславною гибелью на Дону, а славною обороною Волока Ламскаго въ 1612 году, въ концѣ Смутнаго времени. Когда Москва была очищена отъ Поляковъ ополченіемъ Пожарскаго, король Сигизмундъ III, еще не зная объ этомъ событіи, двинулся на помощь своимъ и дошелъ до Волока Ламскаго, гдѣ воеводою былъ Карамышевъ. Гарнизонъ этого города, состоявшій преимущественно изъ казаковъ, отбилъ всѣ приступы непріятелей, и король со стыдомъ отступилъ. Понятно отсюда, почему народная пѣсня потомъ, смѣшавъ два сходныя событія, на мѣсто князя Шуйскаго поставила князя Карамышева при оборонѣ Пскова отъ Стефана Баторія. Имя этого воеводы, вплетенное въ былины Владимирова цикла, только подтверждаетъ мое положеніе о томъ наслоеніи, какое къ сему циклу прибавила Смутная эпоха. Если и такой (во всякомъ случаѣ второстепенный) дѣятель, какъ воевода Карамышевъ, нашелъ себѣ мѣсто въ означенномъ циклѣ, то еще болѣе естественнымъ является привлеченіе къ нему одной изъ крупныхъ личностей той эпохи, т. е. Илейки-Лжепетра.

Увлеченный своей догадкой о томъ, что вмѣсто «Карамышевичъ» прежде стояло «Казимировичъ», г. Квашнинъ-Самаринъ прямо ставитъ его въ связь съ Польскимъ королемъ Казимиромъ I, а рѣку Ветлу, на берегу которой, по словамъ былины, жилъ князь Карамышевскій, обращаетъ въ Вислу; тогда какъ она и по имени, и по мѣсту дѣйствія гораздо ближе подходитъ къ нашей сѣверной Ветлугѣ. Очевидно онъ не додумался до позднѣйшихъ наслоеній, а все пытался объяснять изъ древнѣйшаго или перваго періода Русской исторіи *).

---

*) Такъ, волшебница Маринка у него существуетъ съ самаго начала эпоса, соотвѣтствуетъ Брингильдѣ Нибелунговъ и только впослѣдствіи отождествляется съ Мариной Мнишекъ; Алеша Поповичъ, по его фантастичному толкованію, произошелъ изъ Лешка или Ляшка, одного изъ убійцъ св. Бориса; а другой изъ убійцъ, Путша, будто бы обратился въ былиннаго

Далѣе г. Квашнинъ-Самаринъ, вслѣдъ за Ѳ. И. Буслаевымъ, отечество Добрыни «Никитичъ», переиначиваетъ въ «Низкиничъ», т. е. производитъ его отъ слова «Низкиня», которое является варіантомъ имени извѣстнаго Древлянскаго князя Мала. Но вмѣсто того, чтобы ходить такъ далеко въ древность, надобно было задать себѣ вопросъ: съ какой эпохи Добрыня въ былинахъ именуется Никитичемъ? Возможно, что не ранѣе XVI вѣка, т. е. Московскаго же періода, и что сѣверныя былины дали ему въ отцы не иного кого, а именно боярина Никиту Романовича, популярное лицо въ эпосѣ собственно Московскомъ. Есть былина, которая прямо называетъ отца Добрыни Никитой Романовичемъ (Рыбник. II, 5); а другая былина считаетъ его отца Никиту богатымъ гостемъ Рязанскимъ, разумѣется подъ вліяніемъ помянутаго выше извѣстія о Рязанцѣ Добрынѣ «Златомъ Поясѣ». Напомнимъ, что въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка пять сыновей Московскаго боярина Никиты Романовича слыли въ народѣ просто подъ именемъ «Никитичи», а особенно старшій изъ нихъ Ѳеодоръ, отецъ царя Михаила Ѳеодоровича, впослѣдствіи патріархъ Московскій. Возможно также, что имя жены Добрыни, былинной Настасьи Никуличны, явилось отраженіемъ сестры Никиты Романовича, знаменитой Анастасіи, первой супруги Грознаго: недаромъ же по представленію былинъ она является въ образѣ болѣе или менѣе свѣтломъ. А г. Квашнинъ-Самаринъ на основаніи отчества считаетъ ее дочерью Микулы Селяниновича, котораго въ свою очередь отождествляетъ со Стрибогомъ Славянской миѳологіи.

По моему крайнему разумѣнію, изслѣдователь былинныхъ именъ и типовъ никакъ не долженъ упускать изъ виду приведенныхъ исто-

---

Путяту, отца Запавы Путятичны; былинный Ермакъ будто бы является варіантомъ или просто „перевираніемъ" болѣе древняго былиннаго лица, боярина Бермяты! Между прочимъ царь Калинъ толкуется глаголомъ калить, закалять. Таракашка или Тараканчикъ Корабликовъ, по былинѣ зять Батыя, объясняется Угорскимъ (?) достоинствомъ *тархана*; а прозвище Корабликовъ будто бы «взято изъ былины о Соломонѣ, гдѣ этотъ же Таракашка подъ видомъ торговаго гостя увозитъ на кораблѣ жену у Соломона». Г. Квашнинъ-Самаринъ упустилъ изъ виду существованіе фамиліи Таракановыхъ. Въ Москвѣ при Иванѣ III былъ купецъ Тараканъ; онъ сдѣлался извѣстенъ тѣмъ, что выстроилъ себѣ каменныя палаты, въ тѣ времена составлявшія рѣдкость. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ имѣемъ Московскаго богатаго купчину или гостя Тараканова, у котораго весьма могли быть и собственные корабли или торговыя суда. А романическое похищеніе женщинъ изъ чужихъ краевъ отнюдь не было чуждо знатнымъ или богатымъ Русскимъ людямъ того времени: такъ современникъ гостя Тараканова князь Тюфякинъ, бывшій Московскимъ посломъ въ Персіи у шаха Аббаса, въ Кумыкской землѣ, выкралъ одну дѣвицу и провезъ ее, спрятавъ въ сундукѣ, на что потомъ шахъ жаловался царю Михаилу.

рическихъ фактовъ; я указываю на нихъ, но конечно не настаиваю на окончательномъ рѣшеніи вопросовъ, отсюда возникающихъ и подлежащихъ затѣмъ тщательному пересмотру.

Точно также г. Квашнинъ - Самаринъ, вслѣдъ за своими предшественниками-толкователями, былиннаго богатыря Суровца-Суздальца, имѣющаго по нѣкоторымъ варіантамъ эпитетъ «Суроженина», считаетъ «купцомъ съ Сурожскаго или Азовскаго моря», причемъ отождествляетъ его съ былиннымъ царевичемъ Сауровичемъ или Константиномъ Сауловичемъ. Можетъ быть эпитетъ «Суровецъ» или «Суровенъ», переходившій въ «Сyроженинъ» (Рыбник. вып. 3), дѣйствительно въ народномъ представленіи смѣшался съ понятіемъ о гостяхъ Сурожскихъ, которыми назывались однако не уроженцы Таврическаго города Сурожа (Судака), а Московскіе купцы, ѣздившіе для торговли на Югъ къ берегамъ Сурожскаго (Азовскаго) моря. Но мѣстомъ дѣйствія этого богатыря прямо указанъ Сѣверный или Суздальскій край, именно города Угличъ и сказочный Китежъ; да и самъ онъ недаромъ же назывался Суздалецъ и родомъ выводился изъ города Суздаля. Въ Суздальской области встрѣчается, по грамотамъ XIV—XV вв., и село Суровцово, и волость Сурожекъ. А главное, если бы г. Квашнинъ-Самаринъ былъ знакомъ съ тою грамотой, въ которой Лжепетръ разсказываетъ о своихъ похожденіяхъ, то онъ нашелъ бы тамъ упоминаніе о «Суровскихъ послужильцахъ» или «Суровскихъ казакахъ». Ясно, что эти служилые казаки жили на рѣкѣ Сурѣ, т. е. на восточной окраинѣ Суздальской области. Очень возможно, что былинный богатырь Суровецъ-Суздалецъ имѣетъ къ этимъ казакамъ непосредственное отношеніе.

Не буду останавливаться надъ тѣми домыслами и гаданіями, которые г. Квашнинъ-Самаринъ проявилъ въ своихъ объясненіяхъ такъ называемыхъ старшихъ богатырей, т. е. Святогора, Самсона, Вольги, Колывана и Микулы. Они, конечно, выставляются у него остатками древнѣйшаго Русскаго эпоса, непосредственно связанными съ языческой миѳологіей, однимъ словомъ титанами-полубогами. Въ былинахъ объ нихъ онъ вездѣ видитъ архаизмы, дошедшіе до насъ изъ глубокой древности. Между тѣмъ изслѣдователю, сколько нибудь знакомому съ Русской исторіей и народнымъ языкомъ, наоборотъ, въ этихъ былинахъ бросаются въ глаза именно черты позднѣйшей, Московской Руси. Напримѣръ, г. Квашнинъ-Самаринъ приводитъ отвѣтъ Микулы Вольгѣ: «А я ржи напашу, да во скирды сложу; во скирды складу, домой выволочу; домой выволочу, дома вымолочу. Драни на-

деру, да и пива наварю; пива наварю, мужичковъ напою» и пр. Это постоянное упоминаніе о «мужикахъ», «мужичкахъ» и даже «мужичонкахъ», а равно картина быта очень близкая къ нашему времени и къ сѣверной полосѣ Россіи отнюдь не заключаютъ въ себѣ глубокихъ архаизмовъ. Или приводится мѣсто о Вольгѣ, какъ онъ, ставъ на Волховскомъ мосту, «казнилъ народъ безщадно, безпошлинно, рылъ народъ въ матушку Волхову и всѣхъ купцовъ Новгородскіихъ». Какой же это архаическій сюжетъ, когда тутъ прямо отражается Новгородскій погромъ Ивана Грознаго? Изъ всѣхъ Русскихъ богатырей «древнѣйшимъ и славнѣйшимъ» г. Квашнину-Самарину представляется Колыванъ, котораго «и самое имя, находитъ онъ, очень архаичнымъ». Неужели авторъ не слыхивалъ объ Эстонскомъ городѣ Колывани (Ревель) и о Корельско-эстонскомъ эпосѣ, воспѣвающемъ Калеву и его сына Калеви-поегъ? Въ противномъ случаѣ онъ бы догадался, что этотъ богатырь зашелъ въ Русскій эпосъ отъ сосѣднихъ Финновъ, точно такъ же какъ въ Финскій эпосъ зашелъ нашъ Илья Муромецъ.

Вообще г. Квашнинъ - Самаринъ не различаетъ ни позднѣйшихъ наслоеній, ни Византійскихъ вліяній. Такъ у него имя короля Еммануйла или Етмануйла «образовалось изъ Польскаго титула гетманъ», при чемъ «окончаніе *уйло* напоминаетъ Литовскихъ Ягайла и Свидригайла» (Бесѣда 1871, IV); между тѣмъ въ этомъ имени заключается несомнѣнное указаніе на Византійскаго императора Мануила Комнена. Дюка Степановича онъ считаетъ не только чисто-Галицкимъ аристократомъ, но и представителемъ Западной или Латинской цивилизаціи, т. е. не подозрѣваетъ его Византійскаго происхожденія. Да оно и понятно: чтобы раскрыть сіе послѣднее, требовались не малая эрудиція и дѣйствительно научные пріемы. Съ помощію сихъ качествъ г. Ждановъ, какъ извѣстно, удачно сблизилъ Русскую былину о Дюкѣ Степановичѣ съ Греческими сказаніями о Дигенисѣ Акритѣ и самое его имя объяснилъ родствомъ Дигениса съ знатною Византійскою фамиліей Дуковъ (о «Рус. былевой поэзіи», Кіевъ, 1881). Но уже въ изслѣдованіи Ор. Миллера была указана одна черта, роднящая нашу былину съ Византійскою словесностію, именно «Посланіе царя Ивана Индѣйскаго къ царю Мануилу Греческому» (594).

Я также и потому остановился нѣсколько на объясненіяхъ г. Квашнина-Самарина, что въ значительной части онъ повторяетъ мнѣнія, существующія и доселѣ въ литературѣ о былинахъ *). Но

---

*) Напримѣръ, выше указанныя мною мнѣнія о Святогорѣ и такъ называемыхъ старшихъ богатыряхъ. Еще примѣръ: почти тоже, что и г. Квашнинъ-Самаринъ, говоритъ о бога-

многое прибавилъ онъ и отъ себя; при чемъ превзошелъ всѣхъ своею смѣлостію и свободнымъ отношеніемъ къ принятой на себя задачѣ. Не владѣя достаточными историческими свѣдѣніями и научными пріемами, онъ отважно объясняетъ почти все и ни передъ чѣмъ не останавливается. Естественно поэтому, что его статьи о былинахъ прошли почти безслѣдно для науки или если имѣли какое значеніе, то болѣе отрицательное. Такъ въ настоящемъ случаѣ, то есть, въ вопросѣ, откуда пошло казачество Ильи Муромца, онъ хотя вскользь упомянулъ объ историческомъ Ильѣ Муромцѣ-Лжепетрѣ; но упомянулъ въ смыслѣ отрицательномъ, въ смыслѣ неимѣнія между ними ничего общаго; да и самаго вопроса о казачествѣ богатыря совсѣмъ не коснулся. Поэтому заявленіе г. Каллаша, что, благодаря г. Квашнину-Самарину съ изслѣдователей былинъ долженъ быть снять мой упрекъ въ опущеніи историческаго Ильи при объясненіи даннаго предмета—это заявленіе я оставляю открытымъ вопросомъ.

Возвращаясь къ возраженіямъ В. Θ. Миллера, я снова и ближе коснусь двухъ его пунктовъ, а именно: 1) невѣроятнаго распространенія извѣстій о казачьемъ атаманѣ Илейкѣ-Лжепетрѣ на Сѣверѣ, гдѣ будто бы казаковъ никогда не было, и 2) отсутствія какихъ-либо указаній на него въ содержаніи былинъ.

По поводу перваго пункта, приведу одну подробность изъ той же грамоты, въ которой Илейка разсказываетъ свои похожденія, подробность, которую я прежде не счелъ нужнымъ привести. Когда Илейка присталъ къ Волжскимъ служилымъ или ратнымъ казакамъ, то онъ сначала поступилъ въ товарищи къ казачьему мелкому атаману Нагибѣ; послѣ Нагиба передалъ его казаку Наметкѣ, а отъ Наметки онъ перешелъ въ ватагу казака Неустройка, прозвищемъ «Четыре здоровья». (Прозвище очевидно указывающее на его богатырскую мощь). Впослѣдствіи первые два казака, т. е. Нагиба и Наметка, вмѣстѣ съ Илейкой и Болотниковымъ, выдерживали Тульскую осаду и также были взяты въ плѣнъ. Нагиба вмѣстѣ съ Болотниковымъ былъ сосланъ въ поморскіе города, и тамъ царь Василій велѣлъ ихъ каз-

---

тырѣ Суровцѣ-Суздальцѣ А. Н. Веселовскій въ своемъ превосходномъ трудѣ „Южнорусскія былины“ (Сборн. Отд. Рус. яз. и слов. Акад. Н. XXXVI). Также замѣтна у него наклонность обращаться за объясненіями болѣе ко временамъ древнѣйшимъ, чѣмъ къ позднѣйшимъ наслоеніямъ. Поддерживая гипотезу о первоначальномъ прозваніи Ильи *Муровецъ* или *Моровлинъ*, А. Н. Веселовскій идетъ дальше и предполагаетъ варіантъ *Бравлинъ*, т. е. сближаетъ его съ тѣмъ Бравлиномъ, о которомъ повѣствуетъ житіе св. Стефана Сурожскаго (Ж. М. Н. Просв. 1890, Мартъ).

нить. Объ этомъ повелѣніи говоритъ Никонов. лѣтопись (91); но оно не было исполнено по отношенію къ Нагибѣ: очевидно онъ успѣлъ бѣжать. Спустя четыре года, именно въ Декабрѣ 1612 г., слѣдовательно уже послѣ очищенія Москвы отъ Поляковъ, Бѣлозерскій воевода Григорій Образцовъ увѣдомляетъ временное правительство (т. е. князей Трубецкаго и Пожарскаго), что Нагиба съ воровской казацкой шайкой около того времени свирѣпствовалъ въ Пошехоньѣ по сосѣдству съ Бѣлозерскимъ уѣздомъ (Акты Эксп. II, № 218). Въ тоже время изъ Вологды также идутъ жалобы на грабежи Литовскихъ и воровскихъ шаекъ, которыя, какъ извѣстно, главнымъ образомъ составлялись изъ казаковъ (тоже № 220). Ясно, что въ такихъ шайкахъ участвовали многіе сподвижники Илейки, которые разносили его память и вѣроятно складывали о немъ пѣсни. Вообще въ Сѣверной Россіи потомъ долго, дольше чѣмъ въ другихъ краяхъ, жили воспоминанія о Литовскомъ и казацкомъ разореніи Смутной эпохи; а слѣдовательно имена выдававшихся казацкихъ атамановъ той эпохи могли хорошо сохраниться въ мѣстномъ населеніи.

Относительно втораго пункта возраженія, т. е. содержанія былинъ, я могу прямо указать, что исторія Илейки-Лжепетра не прошла для нихъ безслѣдно. О томъ свидѣтельствуютъ вышеприведенные отрывки, въ которыхъ Илья Муромецъ разгуливаетъ на кораблѣ Соколѣ по Волгѣ и Каспійскому морю, во главѣ казацкой дружины. А затѣмъ укажу на одно мѣстное Муромское преданіе, приведенное Ор. Миллеромъ въ его изслѣдованіи (285) и повторенное В. Ѳ. Миллеромъ въ его «экскурсахъ» (189). Это преданіе разсказываетъ о томъ, какъ Карачаровцы задумали приблизить русло Оки къ своему селу, чтобы поставить преграду нападавшимъ на нихъ разбойничьимъ шайкамъ. Для того они порѣшили очистить берегъ отъ дубняка, побросать деревья въ рѣку, запрудить ее съ одной стороны и такимъ образомъ измѣнить русло. Каждой семьѣ назначенъ былъ свой пай для работы. Илья Муромецъ, исцѣленный странниками и получившій необыкновенную силу, явился на мѣсто работъ, гдѣ его родители безплодно трудились надъ своимъ паемъ. Онъ въ короткое время очистилъ ихъ долю отъ дубовъ, которые вырывалъ съ корнемъ и бросалъ въ рѣку. Это преданіе, по моему крайнему разумѣнію, есть несомнѣнный отголосокъ того историческаго факта, который былъ мною приведенъ изъ исторіи Илейки-Лжепетра. Подобными работами Ѳома Кровковъ запрудилъ рѣку Упу подъ Тулою, вслѣдствіе чего Лжепетръ и Болотниковъ были принуждены къ сдачѣ. Только въ народномъ преданіи, какъ

это часто бываетъ, факты и лица спутаны: то что̀ было сдѣлано противъ Ильи, отнесено къ его подвигамъ.

*

Въ заключеніе моего небольшаго «экскурса» въ область Русскаго эпоса напомню, что возражатели мои держатся старыхъ взглядовъ на болѣе древнее образованіе казачества; а потому для нихъ не совсѣмъ было понятно мое положеніе, что ранѣе XVII вѣка, т. е. ранѣе Смутной эпохи, не могъ и появиться эпитетъ «казака», какъ чего то славнаго и общеизвѣстнаго. Но вопросъ о началѣ казачества былъ подвергнутъ мною довольно тщательному пересмотру въ моей *Исторіи Россіи:* тамъ они найдутъ, что названіе «казакъ» на Руси появилось только съ XV вѣка, а служилое казацкое сословіе развилось только въ XVI вѣкѣ. (Между прочимъ этому предмету посвящено у меня примѣчаніе 98-е III тома, гдѣ я указываю на прежнюю неправильную постановку вопроса о началѣ казачества Малороссійскаго; о казачествѣ Великорусскомъ говорится на стр. 380 и далѣе). А затѣмъ Смутное время было именно тою эпохою, когда казачество явилось едвали не главною дѣйствующею силою въ событіяхъ: всѣ самозванцы, начиная съ перваго, опирались болѣе всего на казачество; свои кровавыя дѣянія оно распространило по всему лицу Русской земли, а потому естественно поразило народное воображеніе и оставило глубокіе слѣды въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ. Замѣтимъ при семъ, что не всегда казачество въ эту эпоху являлось противуобщественной стихіей; иногда оно совершало и добрые подвиги на пользу государства. Если Ермакъ закончилъ свои разбои покореніемъ цѣлаго царства, то и воровскіе казаки, служившіе Тушинскому и Калужскому вору, потомъ усердно сражались противъ Поляковъ и помогли Нижегородскому ополченію освободить отъ нихъ Москву.

Д. Иловайскій.

КЪ ИСТОРІИ ЕВРЕЙСТВА.

Еврейская печать въ Россіи уже много лѣтъ славословитъ на всѣ лады дарованіе Евреямъ равноправности народами западной Европы, вслѣдствіе чего Евреи, будто-бы, слились съ кореннымъ населеніемъ и превратились въ полезныхъ гражданъ. Въ тоже время, не имѣя возможности опровергать сообщаемые правительственными учрежденіями и газетами, во множествѣ, факты объ уклоненіи Евреевъ отъ исполненія государственныхъ законовъ и о вредной дѣятельности ихъ для нееврейскаго населенія, она постоянно твердитъ, что причина этому существующія ограниченія правъ Евреевъ и сохраненіе черты ихъ постоянной осѣдлости. Между тѣмъ, достаточно выяснившіеся результаты дарованнаго Евреямъ равноправія въ западной Европѣ и расширенія ихъ правъ въ бывшей Польшѣ и въ прошлое царствованіе въ Россіи, не только не подтверждаютъ этихъ славословій и требованій Еврейской печати, а, напротивъ, доказываютъ большой вредъ того и другаго для христіанскаго населенія.

Заинтересовавшись Еврейскимъ вопросомъ въ Россіи съ семидесятыхъ годовъ, сначала по обязанностямъ службы [1]), а потомъ по желанію принести посильную пользу въ разъясненіе его, мы слѣдили за явленіями въ Еврейской жизни въ Россіи и за границей по сообщеніямъ нашей печати и записывали въ тетради факты, которые намъ казались почему либо характерными, дѣлая нерѣдко и свои примѣчанія.

Въ настоящее время у насъ образовался матеріалъ, заключающій въ себѣ много фактовъ изъ жизни Евреевъ въ западной Европѣ и въ Россіи, особенно въ послѣдней: объ отношеніи Евреевъ къ государственнымъ законамъ и эксплуатаціи населенія; о пользованіи Евреями расширенными гражданскими и политическими правами и о дѣятельности Евреевъ-купцовъ и ремесленниковъ, проживающихъ внѣ черты ихъ постоянной осѣдлости. На основаніи этихъ фактовъ, нѣкоторыхъ сочиненій по Еврейскому вопросу и личныхъ наблюденій, въ настоящей статьѣ, мы имѣемъ цѣлью выяснить вредъ, происходившій отъ расширенія гражданскихъ и политическихъ правъ Евреевъ въ западной Европѣ и въ Россіи.

---

[1]) Авторъ 12 лѣтъ занималъ должность совѣтника административнаго отдѣленія Калишскаго Губернскаго Правленія, въ которомъ производились дѣла Еврейскихъ общинъ Калишской губерніи. П. Б.

Для выполненія нашей задачи, мы обратимся прежде всего къ описанію главныхъ результатовъ расширенія правъ Евреевъ въ средніе вѣка въ бывшей Польшѣ и дарованія имъ равноправности, послѣ Французской революціи, въ трехъ важнѣйшихъ государствахъ западной Европы, Франціи, Германіи и Австріи. Затѣмъ, мы перейдемъ къ объясненію причинъ ограниченій и вредныхъ слѣдствій расширенія ихъ правъ въ Россіи.

I.

Въ исторіи разсказывается, какія жестокія гоненія Евреи перенесли отъ христіанскихъ народовъ западной Европы въ средніе вѣка [2]). Особенно гоненія эти усилились во время Крестовыхъ походовъ, съ началомъ которыхъ по XVII столѣтіе Евреи постепенно изгоняются изъ всей западной Европы. Большая часть ихъ переселилась въ Польшу, а остальная—съ Пиринейскаго полуострова преимущественно въ Турцію [3]).

Главной причиной изгнанія Евреевъ была религіозная нетерпимость христіанъ, чрезвычайно возбужденная Крестовыми походами, но другой—не менѣе важной—было желаніе развивавшихся съ XII столѣтія городовъ избавиться отъ отверженнаго класса жителей, которые хотя и жили въ отдѣльныхъ частяхъ городовъ, въ „Гетто", и не пользовались правами гражданъ, однако ростовщичествомъ приносили имъ громадный вредъ [4]). Занятіе Евреевъ ростовщичествомъ, въ средніе вѣка, ихъ писатели обыкновенно оправдываютъ запрещеніемъ христіанскаго духовенства промышлять ростовщичествомъ христіанамъ и требованіемъ чтобы оно, какъ позорное занятіе, было дѣломъ исключительно Евреевъ. Кромѣ того, они же утверждаютъ, что Евреи не могли заниматься всѣми ремеслами и земледѣліемъ и потому, будто бы, были вынуждены обратиться къ ростовщичеству и торговлѣ и напрасно терпѣть за это взрывы народнаго гнѣва, изгнанія и ограбленія отъ правителей разныхъ средневѣковыхъ государствъ, завѣдомо допускавшихъ Евреевъ эксплуатировать народъ. Но утвержденія Еврейскихъ писателей, что ихъ соплеменники были вынуждены промышлять ростовщичествомъ и напрасно терпѣли преслѣдованія и изгнанія, несогласны съ историческими фактами. Епископъ Мартенсенъ, въ своемъ классическомъ сочиненіи „Ученіе о христіанской нравственности", между прочимъ, замѣчаетъ: „Положеніе Іудеевъ въ христіанскомъ мірѣ сначала было положеніе угнетенныхъ, и нельзя отрицать, что они,

---

[2]) «Очеркъ исторіи Еврейскаго народа», Э. Гехта, перев. съ Нѣмец. Бакста, стр. 112 и 121 изд. 1881 г.

[3]) И. Шершевскій „О книгѣ Кагала" стр. 74, изд. 1872 г.

[4]) Канадскій профессоръ Голдуинъ-Смитъ, въ своей статьѣ „Еврейскій вопросъ", напечатанной въ Англійскомъ журналѣ The Nineteenth Century, за 1881 г., между прочимъ, говоритъ, что изгнаніе Евреевъ изъ Англіи въ 1290 г. Эдуардомъ I было несомнѣнно задумано королемъ и привѣтствуемо націей «какъ мѣра соціальной реформы и облегченіе для народа». «Эдуардъ былъ великимъ, благороднымъ и благодѣтельнымъ королемъ, и онъ сдѣлалъ немалую фискальную жертву, выславъ вонъ злосчастную расу, ловкость которой наполняла сундуки его и предковъ». Новое Время 1881 г. № 2003.

въ особенности въ средніе вѣка, потерпѣли много зла и различныхъ бѣдствій отъ христіанъ, *къ чему они, конечно, сами давали поводъ своимъ искусствомъ ростовщическаго высасыванія*" [5]). Въ XIV вѣкѣ Французскіе короли издавали эдикты, въ которыхъ ясно и категорически говорилось, что за королями сохраняется право призванныхъ во Францію Евреевъ изгнать по истеченіи положеннаго срока. Такія льготы существованія Евреевъ во Франціи по королевскимъ эдиктамъ давались на 12 и на 20 лѣтъ [6]).

Такимъ образомъ, будучи изгнаны за ростовщичество и эксплуатацію народа изъ Франціи и добровольно возвращаясь туда же, Евреи очень хорошо знали, что̀ ихъ тамъ ожидаетъ и если снова занимались ростовщичествомъ, чтобы потерпѣть насилія отъ народа и затѣмъ изгнаніе, то разумѣется потому, что находили такую дѣятельность для себя хотя и опасной, но болѣе выгодной, чѣмъ занятіе всякимъ производительнымъ трудомъ. Впрочемъ, средневѣковыя отношенія христіанъ къ Евреямъ вовсе не измѣнили природы послѣднихъ въ худшую сторону: они остались такими же эксплуататорами народовъ, какими были въ древніе вѣка въ Римской имперіи. Извѣстный богословъ Фарраръ, въ сочиненіи „Первые дни христіанства" говоритъ о занятіяхъ Евреевъ въ этой имперіи слѣдующее: „Главнымъ занятіемъ ихъ была торговля. Мелочная торговля и вообще мелкіе денежные обороты (большіе обороты находились въ рукахъ Римскихъ всадниковъ, банкировъ того времени) почти исключительно находились въ ихъ рукахъ и, благодаря своей обычной изворотливости, они такъ умѣли пользоваться ими, *что напр. Малоазійскіе города жаловались императору, что Іудеи всецѣло высасывали изъ нихъ соки*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они захватили въ свои руки даже и оптовую торговлю" [7]).

Переселившись изъ западной Европы въ Польшу, Евреи получили отъ ея королей такія привилегіи, которыя по словамъ Еврейскаго писателя И. Шершевскаго составляютъ во мнѣніи историковъ „драгоцѣнный камень въ средневѣковомъ законодательствѣ" и были „такою же неожиданностью въ тогдашней Европѣ, какъ принципы революціи въ прошломъ столѣтіи" [8]). Дѣйствительно, Евреямъ, вреднымъ по дѣятельности и завѣдомо враждебнымъ по религіи къ христіанскому населенію, нельзя было ожидать отъ Польскаго государства правъ, которыя имъ были предоставлены: полное самоуправленіе, свой судъ, огражденіе ихъ личности отъ нанесенія ранъ, побоевъ и убійства христіанами, свобода торговли, широкія льготы по отдачѣ денегъ подъ залогъ и проч. [9]). Такія права поставили Евреевъ рядомъ съ шляхтой, выше го-

---

[5]) Мартенсенъ „Ученіе о христіанской нравственности". Перев. съ Англійск. А. Лопухина. Изд. 1890 г., Т. II, стр. 538 и 539.

[6]) «Евреи въ южной Россіи» К. Р—ій. «Русскій Міръ» 1873 г. № 309.

[7]) Фарраръ „Первые дни христіанства". Перев. съ Англійск. А. Лопухина, стр. 34, изд. 1888 г.

[8]) И. Шершевскій „О книгѣ Кагала" стр. 78, изд. 1872 г.

[9]) Приводимъ изъ статьи К. Р—скаго «Евреи въ южной Россіи», напечатанной въ «Русскомъ Мірѣ» № 293 за 1873 г. слѣдующія существенныя мѣста этихъ правъ: «Приви-

родскаго и крестьянскаго сословій и были со стороны Польскихъ королей вопіющею несправедливостью, особенно къ крестьянамъ, находившимся въ жестокомъ рабствѣ.

Но какъ же Евреи отблагодарили Польшу за столь великія льготы и права? Вотъ что́ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ исторія.

Главная причина предоставленія Евреямъ широкихъ правъ и дозволенія поселяться, въ неограниченномъ числѣ, въ Польшѣ, преимущественно въ городахъ, заключалась въ желаніи Польскихъ королей увеличить свои доходы отъ промысловъ и торговли Евреевъ, такъ какъ города первоначально считались собственностью короны въ финансовомъ отношеніи. Потому первые Польскіе короли, Казимиръ Великій и другіе оказывали Евреямъ особое покровительство. Пользуясь этимъ и дѣйствуя солидарно, Евреи уже въ XV вѣкѣ своими злоупотребленіями и стѣсненіями торговли христіанъ возбудили такое раздраженіе въ народѣ, въ Литовскомъ княжествѣ, что правительство было вынуждено ихъ оттуда изгнать, а дома отдать христіанамъ. Въ тоже время и Польское правительство, напуганное усиленіемъ Евреевъ, стало ограничивать данныя имъ права и конституціею 1496 г. было отмѣнено все что̀ „противно праву божескому и человѣческому“ [10]). Послѣ своего изгнанія Евреи, однако, скоро возвратились въ Литву, и права ихъ были возстановлены въ царствованіе Сигизмунда V (1506—1548 г.) въ Литвѣ и въ Коронной Польшѣ. Въ послѣдней купцы—христіане городовъ Познани и Львова ходатайствовали на сеймѣ въ Краковѣ объ ограниченіи привилегій Евреевъ, но безуспѣшно; потому что Евреи уже тогда находили поддержку и въ дворянствѣ [11]). Еще въ XVI вѣкѣ въ Польшѣ опять были установлены законодательнымъ порядкомъ разныя ограниченія правъ Евреевъ, которыя послѣ издавались въ XVII и XVIII столѣтіяхъ до самаго паденія Польши. Такъ въ XVI вѣкѣ было воспрещено: отдавать Евреямъ въ содержаніе таможенный сборъ, торговать въ

легіею (1264 г.) Болеслава князя Калишскаго, подтвержденною (1343 г.) Польскимъ королемъ Казимиромъ Великимъ и впослѣдствіи при королѣ Александрѣ внесенною (1505 г.) въ собраніе мѣстныхъ законовъ, Евреямъ предоставлено полное самоуправленіе. Они имѣли свой судъ, и въ дѣла, возникающія между Евреями, кромѣ короля и воеводы, никто изъ правительственныхъ урядниковъ не имѣлъ права вмѣшиваться. За нанесеніе ранъ, побоевъ и убійство Еврея христіаниномъ—виновный подвергался тѣмъ же наказаніямъ, какія были опредѣлены за преступленія эти совершенныя противъ лицъ дворянскаго сословія. За разогнаніе Еврейскихъ собраній и оскорбленіе Еврейскихъ школъ и кладбищъ виновные судились какъ за святотатство. Въ дѣлахъ гражданскихъ между христіанами и Евреями, христіанинъ въ своемъ дѣлѣ не допускался къ присягѣ противъ Еврея, а обязывался доказывать свою претензію чрезъ другаго Еврея и христіанина. Евреямъ предоставлена была свобода торговли, и въ платежѣ торговыхъ пошлинъ они сравнены съ мѣщанами тѣхъ городовъ, въ которыхъ жили. Евреи имѣли право давать деньги подъ залогъ не только движимыхъ имуществъ, но даже и святынь христіанскихъ съ тѣмъ, чтобы сіи послѣднія были отдаваемы на храненіе духовному лицу. Дозволено было также Евреямъ, давая деньги взаймы подъ закладъ, получать лихву и даже ростъ на лихву, если должникъ по взятіи заклада не заплатилъ бы лихвы. Великій князь Витовтъ въ 1388 г. далъ Евреямъ тѣже самыя права».

[10]) „Евреи въ Южной Россіи“. К. Р—кій. Русскій Міръ 1873 г. № 293.

[11]) И. Шерешевскій «О книгѣ Кагала», стр. 81 и 82.

селахъ и въ городахъ тѣми предметами, которые не показаны въ условіяхъ, заключенныхъ ими съ городами, имѣть Евреямъ рабовъ и мамокъ изъ христіанъ, допускать ихъ къ какимъ бы то ни было должностямъ и проч. Постановленіями сеймовъ 1678 и 1690 г. запрещено Евреямъ держать королевскія имѣнія по какому бы то ни было праву на свое или чужое имя, и арендовать или брать въ аренду государственныя подати и налоги какого бы то ни было названія. Но всѣ эти ограниченія Евреи могли легко обходить при содѣйствіи шляхты, интересы которой были тѣсно связаны съ ихъ интересами. Не смотря на условія, заключаемыя съ городами, пользовавшимися Магдебургскимъ правомъ, Евреи постоянно нарушали ихъ, захватывая въ свои руки торговлю, промыслы и аренды на разныя статьи городскихъ доходовъ. Въ такой незаконной дѣятельности Евреи находили полное содѣйствіе и покровительство старостъ, особенно въ городахъ, не пользовавшихся полнымъ Магденбургскимъ правомъ и подчинявшихся наслѣдственнымъ или пожизненнымъ старостамъ. Въ городѣ Каменцѣ, въ которомъ, по его важному стратегическому положенію, многими королевскими декретами и законами, изданными въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ, было воспрещено Евреямъ не только поселяться, но и проживать болѣе 3-хъ дней, Евреи, пользуясь покровительствомъ старосты, поселились и стали заниматься шинкарствомъ, ростовщичествомъ и арендой городскихъ доходовъ, разоривъ христіанъ. По жалобѣ послѣднихъ на злоупотребленія старосты Потоцкаго, въ 1750 г. была назначена королевская коммиссія, которая издала декретъ объ изгнаніи Евреевъ въ 24 часа; но при господствовавшей неурядицѣ, декретъ этотъ остался неисполненнымъ [12]).

Въ городахъ владѣльческихъ положеніе жителей было еще тягостнѣе. Почти всѣ эти города возникли неестественно, не по требованіямъ торговли и промышленности, а по корыстнымъ разсчетамъ Польскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые обращали принадлежащія имъ селенія въ города и мѣстечки и призывали въ нихъ Евреевъ, по примѣру королей, для увеличенія своихъ доходовъ отъ торговли и промысловъ. Подобныхъ искусственныхъ городовъ возникло въ Польшѣ много. Въ юго-западномъ краѣ еще и теперь считаются владѣльческими 8 городовъ и 339 мѣстечекъ [13]), а въ Царствѣ Польскомъ, на основаніи закона 1869 г., обращено въ посады болѣе 300 владѣльческихъ городовъ, не имѣющихъ характера городскихъ поселеній. При отсутствіи въ селеніяхъ, обращенныхъ въ города, торговцевъ и ремесленниковъ изъ христіанъ, призванные Евреи прямо заняли ихъ мѣста и подъ покровительствомъ владѣльцевъ еще шире развили свою дѣятельность по обиранію жителей: мошенничествами въ торговлѣ (употребленіемъ невѣрныхъ вѣсовъ и мѣръ, стачками и проч.), шинкарствомъ, ростовщичествомъ и изобрѣтеніемъ разнаго рода сборовъ, которые отдавались имъ владѣльцами въ аренду. Какъ велико было число такихъ сборовъ, можно судить напр. по городу

---

[12]) «Евреи въ Южной Россіи» К. Р--кій. Русскій Міръ 1873 г. № 293.

[13]) И. Оршанскій «Евреи въ Россіи», стр. 45, изд. 1872 г.

Бердичеву, въ которомъ указомъ Сената 1834 г. перечислено 28 статей сбора въ пользу владѣльца: сборъ съ питейной продажи, чиншъ съ домовъ, лавокъ и складовъ, акцизъ съ убоя скота, сборъ съ каждой лошади подъ товаромъ, вступающей въ черту города, съ заводовъ, мельницъ и другихъ промышленныхъ заведеній, съ каждой штуки скота, приводимой на продажу и т. д. [14]).

Вообще покровительство, которое оказывало Евреямъ, послѣ первыхъ королей, Польское дворянство, много способствовало развитію ихъ эксплуататорской дѣятельности, тѣмъ болѣе, что Евреи находили сильную поддержку въ своихъ прочно организованныхъ обществахъ—кагалахъ [15]). При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, христіане и въ городахъ, пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ, не могли успѣшно конкурировать съ Евреями. Послѣдніе еще въ XVI вѣкѣ наполнили почти всѣ города въ Польшѣ и Литвѣ и, занявъ въ нихъ мѣсто средняго класса, но враждебнаго по религіи и организаціи христіанскому населенію, сосредоточили въ своихъ рукахъ капиталы, торговлю и промыслы. Одинъ изъ Русскихъ, Михаилъ Литвинъ, жившій въ концѣ XVI вѣка, говоритъ о Евреяхъ и ихъ дѣятельности слѣдующее: „Въ эту страну собрался отовсюду самый дурной изъ всѣхъ народовъ, Іудейскій, распространившійся по всѣмъ городамъ Подоліи, Волыни и другихъ плодородныхъ областей, *народъ вѣроломный, хитрый, вредный, который портитъ наши товары, поддѣлываетъ деньги, подписи, печати, на всѣхъ рынкахъ отнимаетъ у христіанъ средства къ жизни, не знаетъ другаго искусства, кромѣ обмана и клеветы*“ и проч. [16]).

До самаго паденія Польши жители городовъ постоянно жаловались правительству на захватъ Евреями промысловъ и торговли, на скупку ими городскаго имущества, аренду городскихъ доходовъ, вытѣсненіе мѣщанъ изъ городовъ, на отказъ Евреевъ въ несеніи городскихъ повинностей. Но всѣ жалобы не повели ни къ чему, такъ какъ уже съ половины XVII столѣтія началось разложеніе Польскаго государства и въ немъ воцарилась анархія.

Какъ ни была печальна участь городовъ, всетаки, въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ примѣнялось Магдебургское право, Евреи встрѣчали препятствія, хотя и слабыя, для своей эксплуататорской дѣятельности; въ многочисленныхъ

---

[14]) И. Оршанскій «Евреи въ Россіи», стр. 46 и 47, изд. 1872 г.

[15]) Устройство Еврейскихъ обществъ въ Польшѣ заключалось въ слѣдующемъ. Еврейское населеніе каждаго города составляло отдѣльное общество (кагалъ), которое подлежало суду и управленію коллегіи изъ выборныхъ лицъ, называемыхъ: «старшіе Жидовскіе кагальные судьи, школьники» подъ предсѣдательствомъ раввина. Послѣдній утверждался въ должности королевскимъ управленіемъ или владѣльцемъ города. Всѣ Евреи, населявшіе болѣе мелкіе города, составляли прикагалки, зависѣвшіе отъ главнаго кагала; разсѣянные же по селамъ были также приписаны къ ближайшимъ кагаламъ. Для принятія общихъ мѣръ, для раскладки податей и т. п., депутаты отъ кагаловъ съѣзжались ежегодно въ каждомъ воеводствѣ, поочередно, въ кагальные города, составляли такъ называемые „Жидовскіе сеймики», издавали на нихъ постановленія, обязательныя для всѣхъ Евреевъ воеводства и избирали „генеральнаго Жидовскаго писаря» воеводства, который завѣдывалъ сборомъ податей и сносился съ короннымъ подскарбіемъ. „Евреи въ южной Россіи“ К. Р—кій. Русскій Міръ 1873 г. № 300.

[16]) „Евреи въ южной Россіи“ К. Р—кій. Русскій Міръ 1873 года, № 293.

же селеніяхъ Польскаго дворянства, отдававшихся имъ въ аренду, она ничѣмъ не была сдерживаема и ознаменовалась такимъ хищничествомъ, жестокостью и кощунствомъ, что ничего подобнаго нельзя найти во Всемірной Исторіи. Получая вмѣстѣ съ арендой селеній и владѣльческія права судить и казнить смертью крестьянъ, Евреи проявляли особенно всѣ эти ужасныя стороны своей дѣятельности при арендѣ селеній Польскихъ дворянъ съ православнымъ населеніемъ. Въ нихъ, съ началомъ Уніи, Евреямъ были отданы въ аренду даже православныя церкви, и они стали брать съ прихожанъ разные сборы, жестоко оскорблявшіе ихъ религіозныя чувства. Объ этомъ лѣтописецъ говоритъ слѣдующее: „Церкви несогласившихся на Унію прихожанъ отданы Жидамъ въ аренду, и положена въ оныхъ за всякую отправу денежная плата отъ одного до пяти талеровъ, а за крещеніе младенцевъ и за похороны мертвыхъ отъ одного до пяти злотыхъ; Жиды, яко непримиримые враги христіанства, сіи вселенскіе побродяги и притчи въ человѣчествѣ, съ восхищеніемъ принялись за такъ надежное для нихъ скверноприбыточество и тотчасъ ключи церковные и веревки колокольные отобрали къ себѣ въ корчмы. При всякой требѣ христіанской идти къ Жиду, торжиться съ нимъ, и по важности отправы заплатить за нее и выпросить ключи; а Жидъ притомъ, насмѣявшись довольно богослуженію христіанскому и перехуливши все христіанами чинимое, называя его языческимъ или Гойскимъ, приказывалъ ктитору возвращать ему ключи, съ клятвою, что ничего въ запасъ не отправлено" [17]). Въ началѣ XVII столѣтія торгъ пасхами былъ отданъ Евреямъ на откупъ, и православные были обязаны давать Евреямъ опредѣленную плату за покупныя и домашнія пасхи. Лѣтописецъ между прочимъ, замѣчаетъ, что эта плата, „похожа на дань Апоколипсическую, во дни Антихристовы описываемую" и дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: „Итакъ, производя жидовство надъ христанами, въ ихъ собственной землѣ, такую тяжкую наругу (поруганіе), сами между тѣмъ пейсахи свои отправляли свободно и проклинали христіанъ и вѣру ихъ въ синагогахъ своихъ, на Русской землѣ устроенныхъ, невозбранно; а Поляки тѣмъ утѣшались, всѣ пособія и потачки Жидамъ дѣлая" [18]). Въ одной лѣтописи находится такой перечень даней взимаемыхъ Евреями: „отъ игранія на дудкѣ, на свирѣли, на скрипицѣ и прочаго... отъ дѣтей новорожденныхъ за повіячъ, отъ всякихъ садовихъ и огороднихъ плодовъ, отъ каждой хаты, подушенній окладъ, отъ вступающихъ въ бракъ, отъ улія пчелъ, отъ рыболовни, изъ стодоли, отъ вѣтрянныхъ млиновъ и жорновей, судніе посули т. е.—на... позвахъ для судящихъ; откупы Жидовскіе церквей Божіихъ, также и всякихъ питейныхъ вещей; пороговщину отъ каждаго рога воловаго и короваго... [19]).

Извѣстно, къ чему привела эта безпримѣрная въ исторіи эксплуатація народа и каковы были гоненія православныхъ, предпринятыя Поляками съ вве-

[17]) Исторія Малороссіи Н. Маркевича, стр. 93 и 94, изд. 1842 г.

[18]) Исторія Малороссіи Н. Маркевича, стр. 120 и 121.

[19]) „Евреи въ южной Россіи. К. Р—кій Русскій Міръ 1873 г. № 293.

деніемъ Уніи. Потерявъ, наконецъ, терпѣніе, народъ въ Малороссіи поголовно возсталъ противъ своихъ угнетателей подъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго и ожесточенный вѣковыми страданіями началъ ужасное истребленіе Евреевъ и Поляковъ. Но при этомъ истребленіи своихъ враговъ, казаки все-таки болѣе щадили Поляковъ. Такъ въ укрѣпленный замокъ Тульчинъ укрылись Поляки и Евреи. Казаки подъ начальствомъ полковника Ганжи осадили замокъ и, открывъ артиллерійскій огонь, принудили Поляковъ просить мира и пощады ихъ жизни за выкупъ. Казаки объявили имъ: „Васъ пощадимъ; если заплатите за себя окупъ, мы отойдемъ, а Жидовъ ни за какія деньги не помилуемъ: они наши заклятые враги; они оскорбили нашу вѣру, и мы поклялись истребить все ихъ племя. Выгоните изъ города и не будьте съ ними въ согласіи". Спасаясь отъ неизбѣжной смерти, Поляки выдали казакамъ всѣхъ находившихся въ Тульчинѣ Евреевъ Одинъ раввинъ, описывая ужасныя сцены истребленія Евреевъ казаками, говоритъ, что число убитыхъ ими Евреевъ простиралось до 100,000, „кромѣ погибшихъ отъ голода и жажды и потонувшихъ въ рѣкахъ во время безполезнаго бѣгства; вездѣ по полямъ, по горамъ лежали тѣла нашихъ братьевъ, ибо гонители ихъ были быстрѣе орловъ небесныхъ" [20]).

Народное возмездіе Евреямъ и Полякамъ было разумѣется, ужасно Кромѣ того, оно повлекло за собою присоединеніе части Малороссіи къ Московскому государству по Андрусовскому миру въ 1667 г. и, сильно пошатнувъ весь организмъ Польши, положило начало ея паденію. Но все это не послужило хорошимъ урокомъ для Евреевъ и Поляковъ. Возвратившись въ оставшуюся за Польшей часть Малороссіи, они по прежнему принялись угнетать народъ и черезъ сто лѣтъ въ 1768 г. опять вызвали народъ къ возстанію, во главѣ котораго стали Гонта и Запорожецъ Зализнякъ съ Запорожскими казаками. Возстаніе это, сопровождавшееся также рѣзней Евреевъ и Поляковъ, было усмирено Польскими и Русскими войсками.

Въ коронныхъ владѣніяхъ Польши, уже наканунѣ ея паденія, печать указывала на вредную дѣятельность Евреевъ Издававшійся въ Варшавѣ (1786—1791 г.) „Dziennik Handlowego" постоянно приводилъ факты эксплуатаціи народа Евреями и указывалъ на вредъ ея для народнаго хозяйства: требовалъ смертной казни для Евреевъ, торгующихъ лошадьми, большею частью крадеными, а также ограниченія правъ Евреевъ въ арендѣ имѣній, лишенія права винокуренія и шинкарства, ограниченія права по торговлѣ для предупрежденія скупки ими товаровъ и искусственнаго повышенія цѣнъ на всѣ продукты первой необходимости и т. д. [21]).

Мы ограничиваемся приведенными существенно-важными историческими фактами для отвѣта на поставленный нами вопросъ: какъ Евреи отблагодарили Польшу за дарованныя имъ льготы и права? Эти факты достаточно объясняютъ, какой огромный вредъ сдѣлали Польшѣ Евреи, получивъ отъ ея

---

[20]) Евреи въ Южной Россіи. К. Р—кій. Русскій Міръ 1873 г., № 293.
[21]) Новое Время 1890 г. № 5302.

правителей дозволеніе селиться въ ней въ неограниченномъ числѣ и широкія права. Въ непродолжительный періодъ времени, Евреи наполнили всѣ города Польши и, пользуясь своею солидарностью, а главное широкими правами и покровительствомъ шляхты, захватили во всей странѣ торговлю и промыслы, разорили городское и сельское населеніе и много способствовали развращенію своихъ покровителей и союзниковъ - дворянъ. Занявъ въ Польшѣ положеніе средняго сословія, вмѣсто того, чтобы способствовать развитію городовъ, Евреи способствовали упадку ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ гибели Польши. Какъ извѣстно, ученые указываютъ нѣсколько важныхъ причинъ гибели ея; но въ послѣднее время Русскіе ученые приходятъ къ заключенію, что *главною изъ этихъ причинъ слѣдуетъ считать переселеніе Евреевъ изъ Западной Европы въ Польшу и вредную ихъ дѣятельность*. Такъ г. Каманинъ въ своемъ обширномъ трудѣ „Статистическія данныя о Евреяхъ въ юго-западномъ краѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка (1765—1791 г.)“, по поводу жалобъ христіанскаго населенія на Еврейскую эксплуатацію, говоритъ слѣдующее: „Мы не будемъ перечислять всѣхъ этимъ жалобъ, какъ потому, что этотъ скорбный листъ... вышелъ бы слишкомъ дологъ и тяжелъ, такъ и потому, что жалующіеся, исключительно въ Еврейскомъ гнетѣ видя причину упадка промышленности и торговли и обнищанія городовъ и селъ и всеобщаго разоренія, быть можетъ невольно сгущали краски и безъ того мрачной, удручающей картины того времени: тѣмъ не менѣе, однакоже, нельзя не признать этихъ жалобъ имѣющими реальное основаніе и близкими къ истинѣ, такъ какъ Евреи дѣйствительно были одною изъ главныхъ причинъ, хотя и не единственною, внутренняго разложенія Польскаго государства“ [22]). Болѣе опредѣленное мнѣніе высказалъ о томъ же г. Владимировъ въ статьѣ „Что погубило Польшу?“, помѣщенной въ „Новомъ Времени“ (№ 4994 за 1890 г.). Объяснивъ напередъ, какимъ образомъ феодальный городъ пересоздалъ феодальный міръ въ Западной Европѣ, онъ указываетъ далѣе, что въ феодальной Польшѣ такого пересозданія не произошло, потому что въ ней не было самаго города. Сначала онъ былъ и достигъ довольно значительнаго развитія; но съ утвержденіемъ въ немъ обособленныхъ въ кагалы Евреевъ и съ захватомъ ими торговли и промышленности упалъ и предался разложенію. „Такимъ образомъ, когда, вслѣдствіе общаго жизненнаго хода, потребовались въ Польшѣ новые государственные элементы, ихъ въ ней не оказалось, потому что не было города, который ихъ могъ выработать“, и она погибла.

Вотъ чѣмъ поплатилось большое, легкомысленное Славянское государство за то, что приняло къ себѣ массу Евреевъ, выгнанныхъ Западною Европой, и предоставило имъ широкія права.

II.

Если расширеніе правъ Евреевъ въ Польшѣ, въ средніе вѣка, было со стороны ея правителей вопіющею несправедливостью по отношенію къ кореннымъ жителямъ и въ тоже время роковою политическою ошибкой, то дарова-

---

[22]) Новое Время 1890 и 1891 г. №№ 5302 и 5595.

ніе Французскимъ Евреямъ равноправности 15 (27) Сентября 1791 года національнымъ собраніемъ было мѣрою, находившеюся въ логической связи со множествомъ мѣръ, принятыхъ руководителями Французской революціи для уничтоженія христіанскихъ началъ въ жизни и дѣятельности христіанскихъ народовъ и вообще исторически сложившагося у нихъ общественнаго порядка и для основанія государствъ безъ Бога по ученію о природѣ человѣка и его разумѣ, какъ единственномъ источникѣ власти, права и справедливости [23]). Дарованіе равноправности Французскимъ Евреямъ является только слѣдствіемъ такого ученія [24]); но, будучи ошибкой по ошибочности самой доктрины, оно принесло человѣчеству гораздо больше зла, чѣмъ расширеніе правъ Евреевъ въ Польшѣ. Для выясненія этого зла мы укажемъ сначала на существенные факты, характеризующіе дѣятельность и жизнь Евреевъ во Франціи, а затѣмъ въ Германіи, преимущественно въ Пруссіи и въ Австріи, какъ въ главныхъ государствахъ Западной Европы, даровавшихъ Евреямъ равноправность по примѣру Франціи [25]).

Прошло всего 14 лѣтъ послѣ полученія Евреями равноправности во Франціи, а они уже такъ хорошо воспользовались ею для занятія растовщичествомъ, что не менѣе шестой части крестьянскихъ земель въ Эльзасѣ попало къ нимъ въ залогъ и, въ слѣдствіе неуплаты долговъ, много крестьянскихъ участковъ было присуждено Евреямъ. Значительное число Эльзасскихъ крестьянъ оказалось въ бѣдственномъ положеніи, и къ правительству поступала масса жалобъ, въ которыхъ Евреи обвинялись не только въ ростовщичествѣ, но и въ стремленіи обезземелить крестьянъ. Наполеонъ обратилъ серіозное вниманіе на это и поручилъ государственному совѣту проектировать мѣры для огражденія христіанъ отъ вредной дѣятельности Евреевъ. Нѣкоторые члены совѣта настаивали на томъ, чтобы отмѣнить равноправность Евреевъ и издать для нихъ разныя ограниченія; но Наполеонъ не согласился съ этими мнѣніями, рѣшивъ принять мѣры для сліянія Евреевъ съ Французами и такимъ образомъ сдѣлать ихъ безвредными въ государствѣ. Въ 1806 году отъ Французскихъ Еврейскихъ обществъ были призваны въ Парижъ депутаты, которымъ предложено дать отвѣты на 12 вопросовъ о томъ: признаютъ ли Французскіе Евреи обязательными для себя государственные за-

---

[23]) Епископъ Фреппель «Французская революція по случаю столѣтія 1789 года». Журналъ „Странникъ“ 1889 г., т. III, стр. 128. Ип. Тэнъ «Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи“, переводъ съ Французскаго, изд. 1880 г., стр. 274, 308 и 332.

[24]) Обязанное на основаніи ученія о естественныхъ правахъ человѣка распространить равноправность и на Евреевъ, націанальное собраніе, въ виду сильныхъ возраженій противъ этого значительнаго числа депутатовъ, долго не могло постановить рѣшеніе о равноправности Евреевъ, не смотря на горячія и талантливыя рѣчи о справедливости такого рѣшенія Мирабо, Талейрана и аббата Грегуара, которые, какъ теперь окончательно доказано, были подкуплены Евреями. Четырнадцать разъ въ теченіе двухъ лѣтъ вносился проектъ о равноправности Евреевъ, и всякій разъ національное собраніе его отвергало. Проектъ прошелъ только за три дня до распущенія учредительнаго собранія. Сынъ Отечества 1891 г. № 259.

[25]) Не послѣдовала примѣру Франціи только одна Испанія, въ которую Евреи до сихъ поръ не допускаются.

косы, допускають ли Еврейскіе законы ростовщичество, браки между христіанами и Евреями и другіе менѣе важные вопросы. Отвѣты на нихъ депутатовъ соотвѣтствовали желаніямъ Наполеона, какъ то, что государственные законы имѣютъ и для Евреевъ обязательную силу, что всякое честное занятіе Еврейскимъ ученіемъ дозволено, а ростовщичество запрещено и т. д., исключая отвѣта о смѣшанныхъ бракахъ Евреевъ съ христіанами. Не осмѣлившись дать грозному властителю Франціи ясный отрицательный отвѣтъ, согласно закону Моисея и Талмуда, они отвѣчали уклончиво, но все-таки отрицательно, слѣдующими словами: „Хотя смѣшанные браки между Евреями и христіанами *не могутъ быть облекаемы въ религіозную форму*, они однакожь не влекутъ за собою никакой анаѳемы“ [26]. Чтобы придать отвѣтамъ депутатовъ обязательную силу для всѣхъ Евреевъ утвержденіемъ ихъ духовною властью, Наполеонъ распорядился о созваніи въ Парижѣ великаго Синедріона, по образцу древне-еврейскаго—изъ 71 члена; въ немъ двѣ трети членовъ должны были состоять изъ раввиновъ, которымъ Наполеонъ придавалъ значеніе христіанскаго духовенства. Въ слѣдующемъ 1808 году великій Синедріонъ собрался и утвердилъ всѣ отвѣты Еврейскихъ депутатовъ.

Такимъ образомъ Французскіе Евреи дали удовлетворительные отвѣты на вопросы, предложенные имъ Наполеономъ, исключая вопроса о смѣшанныхъ бракахъ; но отрицательный отвѣтъ Евреевъ на этотъ самый важный вопросъ въ предпринятой Наполеономъ реформѣ ихъ быта показалъ, что главная цѣль ея: сліяніе Евреевъ съ Французами не можетъ осуществиться. Потому Наполеонъ уже не повѣрилъ добровольному исправленію Евреевъ, согласно принятымъ ими другимъ условіямъ реформы, и обратился къ ограничительнымъ мѣрамъ Въ 1808 г. изданъ законъ, по которому ни одинъ Французскій Еврей не имѣлъ права заняться торговлей безъ разрѣшенія префекта, который могъ дать его только на основаніи удостовѣренія мѣстной власти о благонадежности просителя. Пріемъ залоговъ по ссудамъ былъ ограниченъ. Ни одинъ посторонній Еврей не могъ селиться въ Нѣмецкихъ департаментахъ, и ни одинъ изъ нихъ не могъ переселяться въ другіе департаменты и проч. Между тѣмъ, все еще придавая раввинамъ значеніе христіанскаго духовенства и разсчитывая на ихъ содѣйствіе правительству въ исправленіи Евреевъ, Наполеонъ оставилъ Синедріонъ и учредилъ въ имперіи провинціальныя раввинскія консистоpiи съ дисциплинарною властью надъ Евреями.

Послѣ возвращенія прежней династіи во Францію, ограниченія правъ Евреевъ были отмѣнены; Синедріонъ обратился въ центральную консисторію, а раввинамъ наравнѣ съ католическимъ и лютеранскимъ духовенствомъ было назначено содержаніе изъ казны [27]. Въ результатѣ отъ реформы Наполеона Еврейскаго быта осталась во Франціи Іудейская лжеіерархія изъ раввиновъ.

---

[26]) И. Шершевскій „О книгѣ Кагала“, стр. 26.

[27]) Брафманъ. Книга Кагала, стр. 245—253; Песковскій, Роковое недоразумѣніе, стр. 112—118; Шершевскій, О книгѣ Кагала, стр. 22—27; Гехтъ, Очеркъ исторіи Еврейскаго народа», стр. 200 и 201, пер. съ Нѣмец. Бакста.

которые, получивъ права государственныхъ должностныхъ лицъ, могли болѣе чѣмъ прежде препятствовать слiянію Евреевъ съ Французами. Но ошибка, сдѣланная Наполеономъ въ предоставленіи раввинамъ правъ государственныхъ чиновниковъ, въ связи съ равноправностью Евреевъ, имѣла важныя послѣдствія не для одной Франціи, а для всѣхъ христіанъ.

Для объясненія этого напомнимъ, что послѣ жестокаго усмиренія возстанія Еврейскаго въ Палестинѣ подъ предводительствомъ Баръ-Кохбы въ 135 году при импер. Адріанѣ [28]), они окончательно разсѣялись по Римской имперіи и хотя образовали въ разныхъ ея областяхъ значительныя общины, но эти общины уже не имѣли между собою прочной связи, вслѣдствіе утраты политическаго центра съ разрушеніемъ Іерусалима. По мѣрѣ утвержденія христіанства въ Западной Европѣ, связь эта все болѣе ослабѣвала, отъ ограниченія правъ, преслѣдованій и изгнаній Евреевъ. Кромѣ того, многія Еврейскія общины враждовали между собою, принимая сторону тѣхъ или другихъ раввиновъ и ученыхъ, нерѣдко спорившихъ съ ожесточеніемъ изъ-за объясненій Пятикнижія и Талмуда и основавшихъ религіозныя секты. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ XIX вѣка раздоры незначительныхъ Еврейскихъ общинъ въ Западной Европѣ [29]), подъ вліяніемъ распространенія между Евреями христіанскаго образованія, усилились. Предпринятая Моисеемъ Мендельсономъ и его послѣдователями реформа іудейства въ духѣ современной философіи, для поднятія образованія между Евреями и ослабленія ихъ отчужденности отъ христіанъ, не способствовала прекращенію этихъ раздоровъ [30]). Напротивъ, между приверженцами реформы Мендельсона и ихъ многочисленными противниками правовѣрными Евреями возникла ожесточенная борьба [31]), и іудейство очевидно разлагалось... Вдругъ на помощь ему пришли учрежденные Наполеономъ Синедріонъ и раввинскія консисторіи, по образцу которыхъ, вслѣдствіе просьбъ Евреевъ, были учреждены такія же консисторіи и въ другихъ государствахъ Западной Европы [32]). Раввины, строгіе блюстители и толкователи Еврейскаго закона, были соединены правительствами христіанскихъ государстъ для дружнаго и властнаго вліянія на Еврейское стадо, которое шло въ разбродъ и могло погибнуть для іудейства. Разумѣется, они умѣло вос-

[28]) Гехтъ «Очеркъ исторіи Еврейскаго народа», стр. 59—63, пер. съ Нѣм. Бакста.

[29]) Въ Еврейской общинѣ въ Парижѣ въ 1791 г. было всего 500 челов. «Сынъ Отечества» 1891 г. № 259.

[30]) Самое важное сочиненіе Мендельсонъ написалъ въ защиту равноправности Евреевъ подъ названіемъ «Іерусалимъ, или о силѣ религіи и іудейства». Въ немъ онъ изложилъ свои взгляды на отношенія церкви къ государству, свободу мысли и религіи. На просвѣщеніе Евреевъ онъ оказалъ большое вліяніе переводомъ Пятикнижія на Нѣмецкій языкъ, такъ какъ они стали изучать его, Нѣмецкую науку и литературу. «Очеркъ исторіи Евреевъ», Гехта, стр. 197 и 214, пер. съ Нѣм. Бакста.

[31]) «Очеркъ исторіи Евреевъ» Гехта, стр. 214, пер. съ Нѣмец. Бакста.

[32]) Въ Россіи эти консисторіи вѣроятно были поводомъ устройства въ 1848 г. раввинской коммисіи изъ предсѣдателя и четырехъ раввиновъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и назначенія особыхъ ученыхъ Евреевъ при генералъ-губернаторахъ и губернаторахъ въ чертѣ осѣдлости, для рѣшенія недоумѣній въ дѣлахъ религіи.

пользовались этою неожиданною помощью христіанъ для собранія Еврейскаго стада. Еще во время занятій Еврейскихъ депутатовъ, призванныхъ Наполеономъ, состоялось примиреніе сильно враждовавшихъ Еврейскихъ общинъ во Франціи, восточныхъ Нѣмецкихъ и южныхъ Португальскихъ [33]). Учрежденныя же раввинскія консисторіи, во Франціи и въ другихъ государствахъ, задавшись цѣлью укрѣпить іудейство и расширить его, начали устраивать раввинскія училища и духовныя семинаріи для воспитанія подростающихъ поколѣній въ Іудейскомъ духѣ и въ тоже время путемъ проповѣдей и печати старались возбуждать его въ Евреяхъ. Старанія ихъ вскорѣ увѣнчались большими успѣхами: вездѣ стали возникать мѣстные и всемірные союзы (братства) для соединенія Евреевъ, а въ 1860 г. въ Парижѣ былъ основанъ самый важный изъ нихъ: „Всемірный Израильскій союзъ" [34]). Цѣли и устройство этого союза такъ исключительны, а результаты его дѣятельности, особенно въ послѣднее время, на столько важны для христіанъ и всего міра, что мы должны остановиться долѣе на этомъ явленіи Еврейской жизни.

„Всемірный Израильскій союзъ" былъ основанъ по мысли Кремье (извѣстнаго юриста), Нориса Левена, Исидора Когена и другихъ Французскихъ Евреевъ для объединенія Евреевъ всего міра, такъ какъ ихъ религія была признана ими недостаточною для этого [35]). Въ основныхъ статьяхъ союзнаго устава эта цѣль не высказана, а въ нихъ говорится, что цѣли союза состоятъ: въ содѣйствіи нравственному прогрессу Евреевъ, въ уравненіи ихъ въ правахъ съ народами, среди которыхъ они живутъ и въ поддержкѣ тѣхъ Евреевъ, которые страдаютъ за свое происхожденіе; но въ оффиціальномъ циркулярѣ, изданномъ союзомъ, при его открытіи и въ рѣчи Кремье, произнесенной при избраніи его въ предсѣдатели союза въ 1863 г., въ многословномъ объясненіи основныхъ цѣлей союза, высказано намѣреніе установить между Евреями всего міра тѣснѣйшее единство и солидарность [36]). Эта же послѣдняя цѣль наглядно выражена изображеніемъ на отчетахъ союза *земнаго шара,* осѣненнаго скрижалями Моисея и словъ Талмуда: „всѣ Евреи за одного, и одинъ за всѣхъ".

Какъ ни были трудны принятыя на себя „Всемірнымъ Израильскимъ союзомъ" задачи, особенно послѣдняя, дѣятельность его показала, что онѣ исполняются имъ съ большимъ успѣхомъ. Въ главѣ XXVII „Книги Кагала" Брафмана находится много свѣдѣній объ устройствѣ и дѣятельности союза, и потому мы приведемъ только болѣе важныя.

„Ст. 5. *Всемірный союзъ управляется Центральнымъ Комитетомъ, находящимся въ Парижѣ.* Центральный Комитетъ сносится съ комитетами областными (центральными для даннаго государства) и мѣстными".

---

[33]) Шершевскій «О книгѣ Кагала», стр. 23.

[34]) Брафманъ «Книга Кагала», стр. 252—254.

[35]) Еврейскій сборникъ «Палестина», изд. 1884 г., стр. 116. Брафманъ «Книга Кагала», стр. 320.

[36]) Сочиненія И. С. Аксакова, т. III, стр. 827 и 828. Изд. 1886 г.

„Ст. 8. *Центральный комитетъ выбирается всеобщимъ голосованіемъ членовъ союза по большинству голосовъ*“ и проч.

„Ст. 15. *Во всякой мѣстности, гдѣ находится 10 членовъ союза, можетъ возникнуть мѣстный комитетъ;* число членовъ такого комитета опредѣляется членами союза, приглашенными на выборы“.

„Ст. 16. *Во всякомъ государствѣ,* гдѣ имѣется уже нѣсколько комитетовъ мѣстныхъ, *учреждаются областные комитеты*“.

„Ст. 18. Областные и мѣстные комитеты *самостоятельно рѣшаютъ вопросы исключительно мѣстнаго характера* и притомъ самое рѣшеніе берутъ на свою отвѣтственность“.

„Ст. 19. *Они доносятъ Центральному Комитету* и получаютъ отъ него всѣ свѣдѣнія, касающіяся союза“.

„Ст. 20. *Они открываютъ подписку, принимаютъ и посылаютъ деньги въ кассу Центральнаго Комитета*“.

„Ст. 21. *Каждый уполномоченный областного или мѣстнаго комитета имѣетъ право присутствовать въ засѣданіи Центральнаго Комитета*“.

Согласно такому устройству союза, число областныхъ и мѣстныхъ комитетовъ и членовъ его можетъ со временемъ такъ увеличиться, что въ составъ союза войдутъ всѣ Евреи, разсѣянные по земному шару. Это объединеніе Евреевъ уже и совершается и гораздо скорѣе, чѣмъ смѣли думать основатели союза. Такъ по отчетамъ союза, въ немъ въ 1866 г. насчитывалось 5,000 членовъ, а къ началу 1882 г. – 24,176 чл. въ разныхъ государствахъ Европы [37]), Азіи, Африки и Америки. На общемъ собраніи членовъ союза въ Парижѣ въ 1881 г., почетный президентъ союза и главный раввинъ Франціи М. Изидоръ, въ своей рѣчи о распространеніи органовъ и задачахъ союза, высказалъ между прочимъ слѣдующее: „Развѣ не повсюду нашлись союзники нашего дѣла? *По всѣмъ государствамъ міра, гдѣ только есть Евреи,* во всѣхъ концахъ земнаго шара: и въ Багдадѣ, и въ Алжирѣ, и въ Индіи, и въ Германіи, и въ Италіи *образовались комитеты изъ людей,* задавшихся цѣлью поддерживать братьевъ, все еще страдающихъ отъ религіознаго предубѣжденія. Мы не перестанемъ поддерживать союзъ. *Какіе-нибудь два десятка лѣтъ онъ существуетъ, и вы видите, до какихъ размѣровъ онъ дошелъ, и это потому, что только Евреямъ могла быть понятна мысль „Всемірнаго союза Евреевъ!*“

Дѣятельность союза заключалась въ заботахъ о просвѣщеніи Еврейскихъ дѣтей въ Іудейскомъ духѣ [38]), для чего бо́льшая часть доходовъ Цен-

[37]) О числѣ областныхъ и мѣстныхъ комитетовъ и членовъ союза въ Россіи въ отчетахъ умалчивается, такъ какъ дѣятельность союза въ ней закономъ не дозволена; но что они существуютъ въ ней, служитъ доказательствомъ участіе Русскихъ Еврейскихъ общинъ въ пожертвованіяхъ Евреевъ въ пользу Іерусалима, которыя они посылали въ кассу Центральнаго Комитета. Областнымъ комитетомъ въ Россіи считается «Общество распространенія просвѣщенія между Евреями въ Россіи», которое открыто въ Петербургѣ въ 1863 г., спустя три года послѣ основанія «Всемірнаго Израильскаго союза». Сочин. И. С. Аксакова. т. III, стр. 840. Брафманъ «Книга Кагала», стр. 328.

[38]) Даже Евреи-студенты въ Парижѣ получаютъ стипендіи отъ „Всемірнаго Израильска-

тральнаго Комитета расходовалась на содержаніе училищъ. Напримѣръ, въ 1880 г., изъ 250,510 франковъ общаго расхода, на училища израсходовано 165,813 фр. Въ тоже время союзъ не упускалъ случая домогаться у правительствъ расширенія правъ Евреевъ и защищать ихъ интересы. Такъ, въ 1867 г., по поводу Еврейскаго погрома въ Румыніи, союзъ просилъ Французское правительство возбудить вопросъ о распространеніи равноправности на Румынскихъ Евреевъ. О дарованіи равноправности Евреямъ въ Румыніи, Сербіи, Болгаріи и Румеліи союзъ просилъ въ 1878 г. циркуляромъ „Берлинскій Конгрессъ". Кромѣ того, для ходатайства объ этомъ у конгресса онъ посылалъ въ Берлинъ своихъ депутатовъ: Кана, Неттера и Вениціани. Двое послѣднихъ были имъ посланы въ 1880 г. депутатами въ Мадридъ на Европейскую конференцію по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ о положеніи христіанскаго населенія въ Марокко, на которой они возбудили вопросъ о Евреяхъ. Для защиты Русскихъ Евреевъ, союзъ вмѣшался въ 1867 г. въ дѣло Минскаго Еврея Бороды, приговореннаго за поджогъ къ смертной казни; вошелъ въ 1868 г. въ переписку съ Русскимъ посланникомъ въ Парижѣ по случаю перехода Еврейки въ православную вѣру; устроилъ въ 1869 г., по случаю работъ Еврейской коммиссіи въ Вильнѣ, особый съѣздъ членовъ союза въ Берлинѣ, а въ 1874 г.—новый съѣздъ тамъ же по поводу преобразованія въ Россіи воинской повинности; жаловался президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ на Русское правительство за гоненіе на Евреевъ и т д. [39]).

Приведенныя свѣдѣнія объ устройствѣ и дѣятельности союза, взятыя изъ его отчетовъ, доказываютъ, что онъ представляетъ собою невиданное въ мірѣ политическое учрежденіе, которое предназначено для возрожденія іудейства и объединенія Евреевъ и которое въ двадцать лѣтъ существованія достигло большихъ успѣховъ въ своихъ стремленіяхъ; но въ этихъ офиціальныхъ свѣдѣніяхъ, доступныхъ и для не-Евреевъ, не говорится ни о планѣ, ни о конечной цѣли объединенія Евреевъ и представлялось неяснымъ, какъ оно можетъ осуществиться. Въ 1883 году это было вполнѣ объяснено для христіанъ важнымъ секретнымъ документомъ союза, напечатаннымъ сначала въ газетѣ „L'Antisémitique", а послѣ въ газетахъ „Deutsche Volkszeitung, Organ für social Reform" и въ „Руси" въ № 21 [40]). Обнародованный христіанскою печатью документъ оказался тайнымъ мемуаромъ Кремье, который онъ предъявилъ союзу еще въ 1874 г. [41]). Изъ мемуара видно, что талантливый руководитель союза уже тогда считалъ его на столько окрѣпшимъ, что съ полною откровенностью объяснилъ Евреямъ истинныя причины ихъ обособленности и грандіозную цѣль союза основать новое Іудейское всемірное царство [42]), пользуясь денежнымъ могуществомъ Евреевъ. Въ силь-

го Союза" *съ условіемъ соблюдать Еврейскіе религіозные обряды* и по большимъ праздникамъ ходить въ синагогу. «Новое Время» 1888 г. № 4561.

[39]) Сочиненія И. С. Аксакова, т. III, стр. 832. Брафманъ, „Книга Кагала" стр 342.

[40]) Сочиненія И. С. Аксакова, т. III, стр. 829.

[41]) Сочиненія И. С. Аксакова, т. III, стр. 844.

[42]) А. Шмаковъ, въ своей статьѣ „Евреи въ Исторіи" сообщилъ, что еще на первомъ

ныхъ выраженіяхъ мемуара Кремье [43]) опредѣляется, что народность Евреевъ—ихъ религія, что только Еврейство представляетъ религіозную и политическую истину и что Евреи будутъ согражданами и друзьями христіанъ и мусульманъ не раньше какъ Еврейское ученіе наполнитъ весь міръ. Затѣмъ, Евреи призываются для содѣйствія союзу къ совершенію этого великаго и святаго дѣла, успѣхъ котораго обезпеченъ, такъ какъ христіанство гибнетъ, а могущество Евреевъ постоянно усиливается и „недалекъ день, когда всѣ богатства земли будутъ исключительно принадлежать Евреямъ".

Русская Еврейская печать подняла ужасный шумъ по поводу выдержекъ изъ воззванія Кремье (какъ былъ сначала названъ его мемуаръ), напечатанныхъ и комментированныхъ въ газ. „Русь" и утверждая, что это воззваніе есть фальсификація, заявила, что оно не могло существовать, такъ какъ противорѣчитъ *убѣжденіямъ*, *стремленіямъ* и *чаяніямъ* Еврейскаго народа.

Въ отвѣтъ на весь шумъ, поднятый Еврейскою печатью, И. С. Аксаковъ, въ большой передовой статьѣ въ „Руси", отъ 1 Декабря 1883 г. подробно разобравъ воззваніе, съ замѣчательной логикой и талантомъ доказалъ, что въ немъ нѣтъ „ничего новаго, ничего такого, чего бы по частямъ, врозь, не находилось въ различныхъ Еврейскихъ сказаніяхъ и писаніяхъ". Относительно же подлинности документа онъ замѣтилъ, что онъ появился въ „Руси" 1 Ноября 1883 г. мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ былъ напечатанъ въ Берлинѣ въ газетѣ „Deutsche Volkszeitung, Organ für sociale Reform", въ № отъ 11 Октября новаго стиля и также въ переводѣ съ текста помѣщеннаго въ „L'An-

---

генеральномъ собраніи „Всемірнаго Израильскаго Союза" Кремье сказалъ: „Новое Мессіино царство, новый Іерусалимъ, должно возстать на мѣстѣ императоровъ и папъ". „Московскій Листокъ" 1892 г. № 26.

[43]) Этотъ мемуаръ слѣдующаго содержанія: „Мы не имѣемъ согражданъ, а лишь религіозныхъ послѣдователей. *Наша національность — религія отцовъ нашихъ, другой національности* мы не признаемъ никакой.. Вѣра предковъ *нашъ единственный патріотизмъ.* Мы обитаемъ въ *чуждыхъ* земляхъ, *но не взирая на эти наши внѣшнія національности*, остаемся и останемся Евреями, однимъ, единымъ народомъ... Израильтяне, хотя и разсѣянные по всѣмъ краямъ земнаго шара, пребывайте всегда какъ члены избраннаго народа!.. *Только Еврейство представляетъ собою религіозную и политическую истину!*"

„Мы не можемъ интересоваться перемѣнчивыми интересами *чуждыхъ* странъ, въ которыхъ обитаемъ, пока наши собственные нравственные и матеріальные интересы будутъ въ опасности. *Не раньше* станетъ *Еврей другомъ христіанина и мусульманина*, какъ въ то лишь время, когда свѣтъ Израильской вѣры будетъ свѣтиться *повсюду*... Въ наступившій къ тому день *Еврейское ученіе наполнитъ весь міръ!*"

„Евреи всего міра, придите и внемлите этотъ призывъ нашъ, окажите намъ ваше содѣйствіе; ибо дѣло велико и свято, *и успѣхъ обезпеченъ*. Христіанская церковь—нашъ вѣковой врагъ—лежитъ уже пораженная въ голову. Каждый день будетъ *расширяться сѣть распростертая по земному шару Израилемъ*, и священныя пророчества нашихъ книгъ исполнятся: настанетъ пора, когда Іерусалимъ сдѣлается домомъ молитвы для всѣхъ народовъ, когда знамя *Еврейскаго* единобожія будетъ развѣваться въ отдаленнѣйшихъ концахъ земли... *Пользуйтесь же всѣми обстоятельствами! Наше могущество велико*, учитесь же употреблять его въ дѣло. Чего намъ страшиться? Не далекъ день, когда *всѣ богатства земли будутъ исключительно принадлежать Евреямъ!*" „Русь" 1883 г, № 21.

tisémitique", а Евреями въ Германіи и Франціи вопросъ о подлинности документа не возбуждался [44]).

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1889 г. печатью оглашено новое воззваніе союза къ Евреямъ Галиціи, которымъ онъ призываетъ ихъ къ усердной дѣятельности для окончательнаго завладѣнія несчастной страной, уже на половину захваченной Евреями, и извѣщаетъ, что для этой цѣли жертвуютъ богачи міра: Гиршъ, Ротшильды, Блейхредеръ и Мендельсоны [45]). Вѣрность послѣдняго факта, указаннаго въ воззваніи, приглашающемъ Евреевъ основать въ Галиціи какъ бы первую провинцію ново-іудейскаго царства, подтвердилась въ 1889 же году тѣмъ, что Парижскій банкиръ Гиршъ изъявилъ желаніе пожертвовать 50 мил. франковъ Русскому правительству и 12 мил. гульденъ Австрійскому на устройство рабочихъ домовъ и земледѣльческихъ фермъ въ губерніяхъ Кіевской и Волынской и въ Галиціи для обученія Евреевъ ремесламъ и земледѣлію [46]); но Русское правительство и Австрійское отказались принять пожертвованія Гирша, такъ какъ исполненіе условій пожертвованій много усилило бы эсплуатацію Евреями мѣстнаго христіанскаго населенія [47]).

Черезъ два года послѣ попытки Гирша помочь Евреямъ скорѣе завладѣть Галиціей [48]) произошли явленія, которыя показали всему міру финансовое могущество соединенныхъ Евреевъ. Говоря это, мы имѣемъ въ виду отказъ въ 1891 г. главы Парижскаго дома Ротшильдовъ, Альфонса Ротшильда, отъ исполненія подписаннаго имъ договора съ Русскимъ правительствомъ о выпускѣ 3% займа и затѣмъ открытую имъ съ соплеменниками войну противъ Русскихъ финансовъ. Подписавъ договоръ, Альфонсъ Ротшильдъ нашелъ удобнымъ предъявить министерству финансовъ домогательство въ пользу Русскихъ Евреевъ, но получилъ отъ министра финансовъ отвѣтъ съ рѣшительнымъ указаніемъ на неумѣстность подобныхъ домогательствъ. Тогда Ротшильдъ объявилъ, что онъ отказывается отъ исполненія обязательствъ по договору о выпускѣ 3% зай-

---

[44]) Сочиненія И. С. Аксакова, т. III, стр. 827—843.

[45]) Приводимъ и это воззваніе, напечатанное первоначально, въ „Червонной Руси" за 1889 г.: „Братья и единовѣрцы! Въ мірѣ нѣтъ болѣе удобнаго для насъ угла земли какъ Галиція, которымъ бы такъ легко можно было намъ овладѣть. Этотъ край долженъ быть непремѣнно нашимъ, потому что всѣ тамошнія условія намъ на руку. Старайтесь, же братья, всѣми силами, чтобы захватить эту землю въ свои руки. Старайтесь окончательно вытѣснить христіанъ изъ всѣхъ сферъ ихъ дѣятельности и стать исключительно хозяевами страны. Старайтесь все то, что нынѣ принадлежитъ христанамъ перевести въ свое владѣніе; если у васъ мало для этого средствъ, то нашъ союзъ ихъ вамъ доставитъ. Сборъ пожертвованій для этой цѣли уже начатъ и идетъ необыкновенно успѣшно. Для окончательнаго перехода Галицкой земли изъ рукъ Галичанъ въ наши жертвуютъ богачи міра: Гиршъ, Ротшильдъ, Блейхредеръ и Мендельсоны. Вамъ остается только употребить нѣкоторыя усилія, и цѣль будетъ достигнута". „Новое Время" 1889 г. № 4845.

[46]) „Новое Время" 1888 г. № 4281 и 1889 г. № 4826.

[47]) „Новое Время" 1889 г. №№ 4780 и 4826.

[48]) Въ недалекомъ будущемъ мѣстные Евреи и безъ помощи Гирша и „Всемірнаго Израильскаго союза" завладѣютъ Галиціей, какъ мы объяснимъ дальше при описаніи положенія Евреевъ въ Австріи.

ма и одновременно открылъ въ союзѣ съ Еврейскими капиталистами кампанію противъ Русскихъ цѣнностей и много повредилъ имъ [49]). Сдѣлать этотъ неблаговидный поступокъ, имѣющій видъ мести Русскому правительству за отказъ расширить права Евреевъ, Ротшильда побудило давленіе „Всемірнаго Израильскаго Союза“ или всемірнаго Еврейства. Въ „Кельнскую газету“ телеграфировали изъ Парижа, что на Ротшильда повліяли также представленія Французскаго великаго раввина [50]).

Таковы извѣстные намъ грозные результаты для народовъ гласной и тайной дѣятельности „Всемірнаго Израильскаго Союза“, который возникъ подъ вліяніемъ основанной Наполеономъ лжеіерархіи изъ раввиновъ и, пользуясь равноправностью Евреевъ и космополитическимъ характеромъ Французовъ, обратился въ правительство какого-то ново-іудейскаго царства, объявляющее народамъ экономическую войну или миръ.

III.

Теперь обратимся къ другимъ сторонамъ жизни и дѣятельности Французскихъ Евреевъ. Прежде всего замѣтимъ, что Еврейское поселеніе во Франціи сравнительно съ Еврейскимъ населеніемъ въ Германіи, Австріи и тѣмъ болѣе въ Россіи—ничтожно. Въ „Бюллютенѣ Географическаго Общества“ издающемся въ Марселѣ, оно показано въ 1885 г., въ Алжирѣ—35000 чел., а во Франціи въ 70,000 чел. [51]), изъ которыхъ по другимъ свѣдѣніямъ 50,000 чел. проживало въ Парижѣ [52]) такъ что на остальную часть Франціи приходилось всего 20,000 чел. Такимъ образомъ, собственно во Франціи почти двѣ трети Евреевъ живутъ въ Парижѣ, въ которомъ они уже владѣютъ только въ Еврейскомъ кварталѣ имуществомъ въ домахъ и фабрикахъ на 500 мил. франковъ изъ 11-ти милліардовъ франковъ такого имущества всего Парижа [53]). Значительная часть Французскихъ Евреевъ принадлежитъ къ образованнымъ классамъ общества и, занимаясь кромѣ торговли и промышленности, интеллигентными профессіями, должна была бы оставить дурныя племенныя наклонности; но Евреи-интеллигенты отличаются тою же племенной солидарностью на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, плутовствомъ, жестокостью и другими пороками, какъ и ихъ малообразованные соплеменники и, какъ послѣдніе, приносятъ Французамъ большой матеріальный и нравственный вредъ. На такое вредное положеніе Евреевъ въ государствѣ, до восьмидесятыхъ годовъ, Французы не обращали вниманія изъ поклоненія *великимъ* космополитическимъ началамъ Французской революціи и потому что многіе изъ нихъ заражены матеріалистическими ученіями и подобно Евреямъ поклоняются золотому тель-

[49]) „Новое Время“ 1891 г. № 5443. „Сынъ Отечества“ 1891 г. № 294.
[50]) „Новое Время“ 1891 г. №№ 5446 и 5447. «Сынъ Отечества“ 1891 г. № 118.
[51]) Русскія Вѣдомости 1885 г. № 258.
[52]) Нива 1885 г. № 32.
[53]) Сынъ Отечества 1891 г. № 43.

цу [54]). Только въ восьмидесятыхъ годахъ, подъ вліяніемъ антисемитическаго движенія въ средней Европѣ, часть Французскаго общества пробуждалась отъ равнодушія къ грозящей ему опасности отъ Евреевъ, и антисемитизмъ—враждебное отношеніе къ Евреямъ за ихъ вредную дѣятельность возникаетъ и въ немъ: 1883 г. газета „L'Antisémitique" изъ Моннидье переводится въ Парижъ въ виду оказываемой ей поддержки публикой [55]), въ 1886 г. въ Парижѣ устраивается общество для изученія Еврейства и выходятъ, одно за другимъ, сочиненія Дрюмона „La France juive", „La fin d'un monde, которыя произвели сильное впечатлѣніе на Французовъ помѣщенными въ нихъ фактами о вредной дѣятельности передовыхъ Парижскихъ Евреевъ на поприщахъ промышленности, литературы и искусства и видныхъ представителей Французскаго общества, служившихъ интересамъ Еврейства въ ущербъ Франціи [56]). Пользуясь сообщеніями Русской печати, остановимся на нѣкоторыхъ современныхъ типахъ Французскихъ Евреевъ и явленіяхъ изъ ихъ жизни для доказательства, что равноправіе, образованіе и даже высокое положеніе, занимаемое ими во Французскомъ обществѣ, не измѣнили ихъ іудейскаго духа.

Во главѣ такихъ Евреевъ, по громадному богатству и значенію дѣятельности не только для Франціи, но и для всей западной Европы, стоятъ, разумѣется, члены фамиліи Ротшильдовъ. Въ Парижѣ живетъ бóльшая часть членовъ этой фамиліи [57]) которые, какъ и остальные ихъ родственники, поселившіеся въ Лондонѣ и Вѣнѣ, подтверждаютъ на себѣ то главное положеніе тайнаго мемуара Кремье, что у Евреевъ національность—ихъ религія и другой національности они не признаютъ. Всѣ Ротшильды, по мѣсту жительства состоятъ подданными Франціи, Англіи и Австріи и путемъ денежныхъ услугъ правительствамъ этихъ государствъ [58]) пожертвованій, полезныхъ подар-

---

[54]) Изъ содержанія преній, происходившихъ въ 1891 г. въ Парижской медицинской академіи о причинахъ постепенной убыли, съ 1870 г. прироста населенія во Франціи, оказывается, что главная причина этого—произвольное воздержаніе отъ дѣторожденія, а другія причины по мнѣнію доктора Гарди—*упадокъ религіозныхъ и вообще нравственныхъ идеаловъ стремленіе жить только настоящимъ, непропорціональный ростъ потребностей по отношенію къ способностямъ*, удаленіе человѣка отъ земли и отъ естественной жизни въ природѣ. „Новое Время" 1891 г. № 5488.

[55]) Сочиненія И. С. Аксакова т. III, стр. 829,

[56]) Новое Время 1886 г. № 3637.

[57]) Въ 1887 г. объ этихъ членахъ и ихъ состояніи были сообщены „Московскими Вѣдомостями" слѣдующія свѣдѣнія:

Баронъ Альфонсъ Ротшильдъ, глава банкирскаго дома въ Парижѣ, владѣетъ состояніемъ въ	850	милл. франковъ.
Баронъ Густавъ Ротшильдъ въ	600	„ „
Баронъ Эдмондъ Ротшильдъ въ	600	„ „
Баронъ Артуръ Ротшильдъ въ	560	„ „
Вдова и дочь бар. Соломона Ротшильда	450	„ „
Всего	3060	милл. франковъ,

Московскія Вѣдомости 1887 г. № 301.

[58]) Въ 1887 году глава банкирскаго дома Ротшильдовъ въ Вѣнѣ баронъ Альбертъ Ротшильдъ за услуги оказанныя государственному кредиту, удостоенъ съ супругой полнымъ досту-

ковъ [59]) и роскошныхъ праздниковъ [60]) они втерлись въ ихъ гордыя аристократіи; но ни подданство, ни принадлежность къ высшему въ государствѣ сословію, обязанному особенно строго относиться къ исполненію своихъ гражданскихъ обязанностей и правилъ сословной чести, не исправили Ротшильдовъ отъ специальныхъ пороковъ ихъ племени. Ведя свои банкирскія дѣла, по завѣщанію основателя фирмы, *вкупѣ*, Ротшильды нерѣдко дѣйствуютъ въ разрѣзъ интересамъ государствъ, въ которыхъ состоятъ подданными [61]), и, когда бываетъ возможность, не исполняютъ основныхъ обязанностей гражданъ. Такъ, подобно своимъ соплеменникамъ, мелкимъ банкирамъ, Ротшильды уклоняются отъ уплаты установленныхъ сборовъ съ процентныхъ бумагъ. При требованіи сборовъ въ Англіи, фирма Ротшильдовъ увѣряетъ, что ея главныя операціи, а слѣдовательно и книги находятся, во Франкфуртѣ; на требованіе того же во Франкфуртѣ, они объясняютъ, что главныя ихъ операціи въ Вѣнѣ; изъ Вѣны посылаютъ сборщиковъ въ Парижъ, а изъ Парижа въ Лондонъ [62]). Занявъ мѣста царей биржи, Ротшильды уже не довольствуются биржевыми спекуляціями, а захватываютъ въ свои хищническія руки всемірную торговлю нѣкоторыми предметами и промыслы. Напримѣръ, въ Мартѣ 1890 г. Голландскія газеты сообщили, что вслѣдствіе колоссальной спекуляціи Лондонскаго дома Ротшильда, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ всю торговлю брилліантами и поднявшаго на нихъ цѣны, многія изъ крупныхъ Амстердамскихъ шлифовальныхъ мастерскихъ принуждены были закрыться, и болѣе 7000 рабочихъ остались безъ работы [63]). Въ послѣдніе годы имѣла несчастіе подвергнуться хищническому набѣгу Ротшильдовъ и нефтяная промышленность на Кавказѣ, которая обѣщала доставлять большія выгоды Русскому населенію, но на половину уже попала въ руки ихъ фирмы въ Парижѣ. Напомнимъ въ короткихъ словахъ, какъ это произошло. Въ 1886 г. Альфонсъ Ротшильдъ купилъ за 600,000 р. заложенныя у него акціи (стоимостью въ 4 милл. р.) Каспійско-Черноморскаго общества, устроившагося для продажи Русскаго керосина за границу, и предложилъ преимущественно мелкимъ заводчикамъ продавать ему въ Баку или въ Батумѣ весь изготовляемый керосинъ съ выдачею впередъ части цѣны за него, но подъ усло-

---

номъ къ императорскому двору, несмотря на то, что въ его родѣ нѣтъ обязательныхъ шестнадцати рыцарскихъ предковъ. Русскія Вѣдомости 1887 г. № 354.

[59]) По словамъ Дрюмона Ротшильды дѣлаютъ иногда крупные подарки, большею частію полезные, по случаю великосвѣтскихъ свадебъ; напримѣръ графу X. они поднесли каминные часы съ приборомъ, а маркизу Z.—мебель для гостиной. Новое Время 1886 г. № 3668.

[60]) Въ Августѣ 1890 г. на великолѣпный праздникъ устроенный баронессою Ротшильдъ на яхтѣ на Женевскомъ озерѣ, многіе аристократы пріѣзжали спеціально изъ Парижа. Сынъ Отечества 1890 г. № 220.

[61]) Въ подтвержденіе этого, ссылаемся на приведенный нами фактъ открытія Альфонсомъ Ротшильдомъ въ 1891 г. компаніи для пониженія Русскихъ цѣнностей, отчего пострадала масса Французовъ, владѣльцевъ этихъ цѣнностей, пріобрѣтшихъ ихъ въ виду установившихся дружественныхъ отношеній Франціи къ Россіи.

[62]) Новое Время 1888 г. № 4516.

[63]) Русскія Вѣдомости 1890 г. № 73.

ніемъ долгосрочныхъ контрактовъ. Многіе мелкіе заводчики приняли это предложеніе, соблазнившись полученіемъ впередъ денегъ отъ Ротшильда и попали къ нему въ кабалу. За 10 мѣсяцевъ 1888 г. эти заводчики получили отъ Ротшильда по 127 р. за вагонъ керосина въ Баку, а другіе заводчики, сбывавшіе свой керосинъ также за границу, получили за тоже время по 233 р.; или: коммиссіонерство Ротшильда обходилось первымъ въ 106 р. на вагонъ [64]). За 1889 г. законтрактованные Ротшильдомъ заводчики получили въ среднемъ числѣ по 5 коп. за пудъ меньше заводчиковъ, которые продавали керосинъ сами. Весь вывозъ керосина на внутренніе рынки и за границу въ 1889 г. исчислялся въ 32 мил. пудовъ, изъ которыхъ 17½ мил. пуд. приходилось уже на долю Ротшильда т. е. болѣе половины всего изготовляемаго керосина [65]).

Захваты Ротшильдами половины нефтяной промышленности въ Россіи и всей торговли бриллiантами показываютъ въ ихъ дѣятельности чисто еврейскія черты характера, которыми они отличаются и въ частной жизни. Не смотря на огромное богатство, Ротшильды, говоритъ Дрюмонъ, отъявленные скареды. О нихъ ни какъ нельзя сказать, какъ о Медичи, что „они тратятъ по царски то, что заработали какъ купцы". Хотя ими основаны больницы для единоплеменниковъ и пристраиваются всѣ, кто имѣетъ какіе-нибудь вѣроятности добиться успѣха; но пожертвованія ихъ на это пропорціонально богатству, по вычисленію газеты „L'Antisémitique", не превышаютъ пожертвованій простаго смертнаго, подающаго нищему два су. Впрочемъ, эти пожертвованія Ротшильды даже обязаны дѣлать въ качествѣ „нази", царей Еврейскаго міра; другія же пожертвованія они дѣлаютъ просто изъ тщеславія, какъ вообще всѣ Еврейскіе банкиры [66]). Значеніе благотворительности Ротшильдовъ, объясненное Дрюмономъ, и ихъ скупость, подтверждаются извѣстіями печати. Въ 1888 г. Евреи колонисты основанной Эдмономъ Ротшильдомъ въ Палестинѣ колоніи „Зихронъ-Якова" заявили его уполномоченному Шейду, что „они ничѣмъ не обязаны филантропу, такъ какъ не они его искали, *а онъ къ нимъ напросился съ своею благотворительностью*". Въ томъ же году, Альберту Ротшильду, во время его путешествія по Закаспійскому краю, въ Бухарѣ, былъ устроенъ праздникъ тамошними Евреями, и они предложили ему какую-то „особую великую честь при обрядѣ обрѣзанія двухъ младенцевъ; но онъ отклонилъ это лестное предложеніе, *подаривъ каждому новорожденному по 10 рублей*" [67]).

Слѣдующій по богатству послѣ Ротшильдовъ, Парижскій банкиръ баронъ Гиршъ [68]) особенно прославился постройкой желѣзныхъ дорогъ въ Турціи. На этомъ поприщѣ своими злоупотребленіями и безцеремоннымъ неисполне-

---

[64]) Новое Время 1888 г. № 4483 и 1889 г. № 4738.

[65]) Новое Время 1890 г. №№ 5027 и 5034 и 1889 г. № 4619.

[66]) Новое Время 1886 г. № 3668.

[67]) Новое Время 1888 г. №№ 4470 и 4567.

[68]) Состояніе барона Гирша опредѣляютъ въ 400 милл. франковъ. Новое Время 1887 г. № 4218.

ніемъ принятыхъ условій онъ много превзошелъ строителей Русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ концѣ 1887 г., по поводу пріѣзда барона Гирша въ Константинополь для окончанія возбужденнаго тамъ дѣла по постройкѣ имъ желѣзныхъ дорогъ въ Турціи, газеты сообщили, что онъ долженъ былъ строить эти дороги не только по Румеліи, но и по гористымъ мѣстностямъ, какъ Боснія и Албанія. „Гиршъ построилъ дороги только на легкихъ и особенно доходныхъ участкахъ, чѣмъ отбилъ охоту у другихъ предпринимателей къ постройкѣ дорогъ въ Европейской Турціи, лишивъ большую часть страны рельсоваго пути". Порта потребовала съ него 65 милл. франк. за эксплуатацію дорогъ въ теченіе 11 лѣтъ, 25 милл. франк. за облигаціи уступленныя ею Гиршу и 110 милл. франк. за территоріальныя уступки и за работы, произведенныя на ея счетъ для постройки дорогъ, всего 200 милл. франк. Но Гиршъ никакихъ долговъ не призналъ и потребовалъ 65 милл. франк. за коммиссію по реализаціи нѣсколькихъ крупныхъ займовъ, заключенныхъ Портою въ Европѣ при его посредствѣ. Такъ какъ всѣ прежнія свои споры съ Портою Гиршъ рѣшалъ въ свою пользу посредствомъ подкупа чиновниковъ, то онъ надѣялся также окончить и этотъ [69]).

Характеръ дѣятельности Ротшильдовъ и вообще Еврейскихъ капиталистовъ во Франціи прекрасно объясняетъ изслѣдователь положенія Французскихъ желѣзныхъ дорогъ Ферье слѣдующими словами: „Мы видимъ распростертыми у ногъ дѣльцевъ, управляющихъ большими компаніями—парламентскія, административныя и судебныя власти. Эти дѣльцы не довольствуются монополіей желѣзныхъ дорогъ, они захватили посредствомъ хитрости и мошенничества всѣ существующія монополіи. Монополія водопроводовъ, газа, омнибусовъ, доковъ, пароходовъ, банковъ—все захвачено этими пѣнкоснимателями. Милліоны людей состоятъ подъ ихъ начальствомъ, и изъ конца въ конецъ Франціи нельзя пройти ни одной мили, чтобы не наткнуться на ихъ рабовъ или не ступить ногой на область ихъ концессій. *Откройте уставы анонимныхъ обществъ*, захватившихъ крупную торговлю при помощи учета, мелкую торговлю посредствомъ синдикатовъ, крупную промышленность посредствомъ ажіотажа, земельную собственность посредствомъ заклада, транспортированіе кладей посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, и *вы найдете въ этихъ уставахъ одни и тѣже имена нѣсколькихъ Еврейско-нѣмецкихъ банкировъ, которые оказываютъ постоянное дѣйствіе на правительство, создаютъ и свергаютъ министровъ*, проводятъ или уничтожаютъ политическія системы, противныя ихъ финансовымъ интересамъ, и постоянно налагаютъ на государство неимовѣрныя требованія. *Въ сущности всѣ экономическія силы Франціи въ настоящее время сосредоточены въ рукахъ нѣсколькихъ денежныхъ воротилъ, во главѣ коихъ стоитъ Ротшильдъ. Ротшильды! Мы встрѣчаемъ ихъ на каждомъ шагу въ исторіи нашихъ желѣзныхъ дорогъ, точно также, какъ и въ исторіи всѣхъ бѣдствій нашей страны*" [70]).

---

[69]) Московскія Вѣдомости 1887 г. № 329. Новое Время 1887 г. № 4233.

[70]) Новое Время 1891 г. № 5415.

Съ эксплуататорской дѣятельностью Еврейскихъ капиталистовъ во Франціи связано направленіе большей части газетъ, издающихся въ Парижѣ, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ—христіанскія — подкупаются Евреями-капиталистами для защиты ихъ интересовъ, всѣ же Еврейскія—защищаютъ эти интересы по племенной солидарности [71]). Но, участвуя въ матеріальномъ вредѣ, который приносятъ Евреи-капиталисты Французамъ, Еврейская печать имъ вредитъ и своимъ безнравственнымъ направленіемъ. Такъ изъ характеристики видныхъ представителей Еврейской печати въ Парижѣ, сдѣланной Дрюмономъ, оказывается, что хроникёръ „Figaro“ Альбертъ Вольфъ былъ [72]) самымъ удивительнымъ изъ журналистовъ-шантажниковъ. Обо всемъ, чего порядочный человѣкъ обыкновенно избѣгаетъ касаться, Вольфъ распространялся какъ можно подробнѣе. „Еще не успѣли закрыть гробъ актрисы Габріели-Готье, какъ уже онъ принялся расписывать въ грубыхъ подробностяхъ ея интимную жизнь, объявивъ, что она была любовницей нѣкоего Еврея, не то биржевика, не то драматическаго писателя, Эрнеста Блума. Этотъ Блумъ тутъ же воспользовался случаемъ, чтобы сдѣлать рекламу на могилѣ своей сожительницы“. Не забывая своего славнаго происхожденія, Вольфъ не упускалъ случая для прославленія достоинствъ выдающихся Евреевъ въ Парижѣ, напр. добродѣтелей Ротшильдовъ, великаго драматическаго таланта Сарры Бернаръ и другихъ, съ цѣлью показать Французскому обществу, какимъ украшеніемъ они для него служатъ. Другой журналистъ—Артуръ Мейеръ—сумѣлъ заслужить расположеніе великосвѣтской знати; онъ путается рѣшительно во все и исполняетъ всѣ порученія. Устройство благотворительныхъ праздниковъ въ пользу пострадавшихъ Евреевъ поручается комитетомъ „Всемірнаго Израильскаго Союза“ обыкновенно Артуру Мейеру, который „подкарауливаетъ бѣдствія подобно тому какъ моряки на островѣ Бацѣ когда-то подстерегали крушеніе кораблей: чуть только случится несчастье, онъ сейчасъ же конфискуетъ его въ свою пользу“ [73]). Изъ новѣйшихъ фактовъ, характеризующихъ нравы Евреевъ-писателей, укажемъ на строгое постановленіе суда исправительной полиціи въ Парижѣ, состоявшееся въ Апрѣлѣ 1891 г., которымъ отвѣтственный редакторъ газеты „National“ Еврей Дрейфусъ за диффамацію въ статьѣ „Est-ce un krach“, направленной противъ „Société du crédit commercial et industriel“, приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ на четыре мѣсяца; къ 100,000 фр. возмѣщенія убытковъ, къ 2000 фр. штрафа и къ напечатанію судебнаго рѣшенія въ 75 газетахъ. Этотъ же Дрейфусъ многими газетами обвиняется въ вымогательствѣ денегъ отъ содержателя игорнаго дома въ Монако [74]).

Захвативъ въ свои нечистыя руки значительную часть Парижскихъ газетъ, просвѣщенные Евреи втерлись въ несоразмѣрно-большомъ числѣ въ административныя и судебныя учрежденія. На это печальное слѣдствіе Еврей-

[71]) Новое Время 1891 г. № 5415. Московскій Листокъ 1891 г. № 150.

[72]) Альбертъ Вольфъ умеръ 11 Декабря 1891 г.

[73]) Новое Время 1886 г. №№ 3677, 3668 и 3681.

[74]) Новое Время 1891 г. № 5435.

ской равноправности во Франціи Дрюмонъ указалъ въ своемъ сочиненіи „La fin d'un monde“, изданномъ въ 1888 г.; но на его слова тогда не было обращено должнаго вниманія Французскимъ обществомъ, и только въ 1891 г. по поводу столкновенія 1 Мая, въ Фурми́, войска съ толпою рабочихъ, которые сдѣлали попытку освободить изъ мэріи арестованныхъ товарищей, многія газеты жаловались на переполненіе Французской администраціи Евреями. Газеты обвиняли префекта сѣвернаго департамента и супрефекта-Евреевъ въ жестокой, свойственной ихъ племени, расправѣ съ народомъ, такъ какъ супрефектъ Исаакъ (конечно съ согласія префекта) приказалъ стрѣлять въ него безъ всякой нужды. Дѣло не ограничилось бы 14 убитыми и 22 ранеными, еслибъ приходскій священникъ, съ опасностью для своей жизни, не прекратилъ стрѣльбы [75]). Что обвиненія печатью супрефекта въ жестокости, не оправдываемой обстоятельствами, были основательны, доказываетъ рѣшеніе правительства, по которому оно смѣстило его съ дожности [76]). Въ Сентябрѣ того же года, по случаю исполнившагося столѣтія дарованія Евреямъ равноправности, независимая Французская печать, обсуждая результаты равноправности, признала, что Евреи, не смотря на свое ничтожное меньшинство, крѣпко засѣли во всѣхъ учрежденіяхъ, отъ которыхъ зависитъ правительственная и общественная дѣятельность и представляютъ грозную опасность для будущности Франціи. Даже въ издаваемой Артуромъ Мейеромъ газетѣ „Gaulois“ указано на то, что уже *болѣе четверти префектовъ* (*губернаторовъ*)—*Евреи* и сдѣлано замѣчаніе, что это слишкомъ крупная пропорція [77]).

Мы ограничиваемся приведенными свѣдѣніями о дѣятельности просвѣщенныхъ Евреевъ во Франціи, потому что эти свѣдѣнія достаточно характеризуютъ ихъ, и теперь перейдемъ къ описанію результатовъ равноправности Евреевъ въ Алжиріи. Въ этой Французской колоніи бывшій предсѣдатель „Всемірнаго Израильскаго Союза“ Кремье, занимая въ 1872 г. высокій постъ генералъ-губернатора, показалъ, чего можно ожидать Французамъ и вообще не Евреямъ, если во главѣ какого-нибудь высшаго учрежденія бу-

---

[75]) Московскій Листокъ 1891 г. № 130.

[76]) Сынъ Отечества 1891 г. № 114.

[77]) Сынъ Отечества 1891 г. № 259.

Также по поводу столѣтія равноправности Евреевъ во Франціи, Парижскій корреспондентъ „Times“, Бловицъ, котораго никакъ нельзя заподозрить въ юдофобствѣ, высказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Нельзя не обратить вниманія на фактъ, что 68,000 Французскихъ Евреевъ стоятъ во главѣ всѣхъ крупныхъ предпріятій и, благодаря своему богатству, своему спеціальному положенію, своему вліянію, первенствуютъ въ странѣ, населеніе которой превосходитъ ихъ численностью въ 600 разъ. Само собою возникаетъ вопросъ: какою бы силою они обладали, еслибъ численное соотношеніе Евреевъ къ остальному населенію было такимъ же во Франціи какъ напр. въ Россіи? Ни между Евреями, ни между Еврейками испорченность нравовъ не достигла такой степени какъ между другими народностями; но съ другой стороны, *они сдѣлались скорѣе эксплуататорами и угнетателями, чѣмъ помощниками другихъ народовъ, и не думаю, чтобы будущее столѣтіе уничтожило въ нихъ тѣ повидимому неистребимыя дурныя качества, которыя возбуждаютъ въ ихъ врагахъ идею преслѣдованія*». Новое Время 1891 г. № 5591.

детъ поставленъ самый образованный Еврей или если имъ будутъ управлять вообще образованные Евреи.

Декретъ о дарованіи Евреямъ въ Алжиріи всѣхъ правъ Французскаго гражданства состоялся 24 Октября 1870 г. исключительно по настоянію и вліянію Кремье, бывшаго тогда членомъ правительства національной обороны, при поддержкѣ Гамбетты [78]). Между тѣмъ, Арабы были оставлены по прежнему Французскими подданными на положеніи народа только что завоеваннаго. Такое нарущеніе справедливости относительно кореннаго населенія знаменитымъ юристомъ и первымъ государственнымъ человѣкомъ Іудейской вѣры въ западной Европѣ имѣло для Алжиріи гибельныя послѣдствія. Арабы были до того оскорблены предпочтеніемъ оказаннымъ Евреямъ, что въ 1872 г., когда въ Алжиріи былъ генералъ-губернаторомъ Кремье, взялись за оружіе, и „вспыхнувшее возстаніе было потоплено въ цѣломъ морѣ крови". *Во время возстанія, Евреи слѣдовали за Французскими отрядами и, скупая за безцѣнокъ конфискованный у Арабовъ скотъ, перепродавали его имъ же.* Послѣ возстанія Евреи начали усердно эксплуатировать Арабовъ [79]), пріобрѣли значительное вліяніе на администрацію въ Алжиріи и, какъ вездѣ, злоупотребляли имъ, что̀, при ненависти къ нимъ Французовъ-колонистовъ, вызвало антисемитическое движеніе въ 1882 г. Напримѣръ, въ тяжбахъ съ Французами-колонистами и туземцами, Евреи уклонялись отъ обычнаго суда и, не признавая его рѣшенія компетентнымъ, добивались собственнаго консисторскаго разбирательства и нерѣдко успѣвали въ этомъ, потому что представляли въ странѣ несокрушимую финансовую силу. „Въ особенности это господство проявлялось въ Оранскомъ департаментѣ, гдѣ почти вся администрація подчинилась ихъ вѣдѣнію. Спустя три года, въ 1885 г., въ Алжирѣ уже происходили три дня антиеврейскіе безпорядки, сопровождавшіеся дракой и криками: „Долой Евреевъ! Смерть Евреямъ!" Безпорядки начались по причинѣ снятія префектомъ съ репертуара оперетки, въ которой Евреи изображались въ нѣсколько смѣшномъ видѣ. Распорядился такъ префектъ по просьбѣ Алжирскаго раввина [80]).

Въ 1891 г. обнаружилось, что эксплуатація Евреевъ привела Алжирію въ большое экономическое разстройство, почему оно и было предметомъ продолжительныхъ преній Французскаго Сената, окончившихся рѣшеніемъ уволить Алжирскаго губернатора Тирмана отъ должности и произвести строгое дознаніе на мѣстѣ.

Изъ этихъ преній, между прочимъ, оказалось, что первымъ результатомъ равноправности Алжирскихъ Евреевъ было то, что въ Алжирію переселилась масса Евреевъ изъ Франціи и другихъ мѣстъ и началась нещадная эксплуатація туземцевъ и даже колонистовъ. Сенаторы, основываясь на тщательно провѣренныхъ фактахъ и данныхъ, доказывали, что практикуемое

---

[78]) Палестина, Еврейскій сборникъ, стр. 118, изд. 1884 г.

[79]) Русскія Вѣдомости 1886 г. № 177.

[80]) Новое Время 1882 г. № 2404 и 1885 г. № 3345.

Евреями и не только не стѣсняемое, но даже поощряемое властями ростовщичество довело громадное большинство населенія Алжира до нищеты; 16 проц. за три мѣсяца—это самое обыкновенное явленіе, на которое давно уже перестали обращать вниманіе. Мусульмане эксплуатируются преимущественно мелкими Евреями - ростовщиками, а колонисты—разными банками, которые тоже сплошь находятся въ рукахъ Евреевъ и которые тоже ведутъ свои операціи на чисто-ростовщическихъ началахъ. Одинъ изъ сенаторовъ выразился въ томъ смыслѣ, что Евреи раздѣлили между собою Алжирію такъ: богатые разоряютъ колонистовъ, а тѣ изъ Евреевъ, которые еще не располагаютъ капиталами для эксплуатаціи en grand, грабятъ Арабовъ. Въ Сенатѣ приведена была масса примѣровъ Еврейской эсплуатаціи, свидѣтельствующихъ лишь о томъ, что вездѣ Евреи прибѣгаютъ къ тѣмъ же пріемамъ для наживы, въ ущербъ труженикамъ, и слѣдовательно и государству. Въ настоящее время громадное большинство колонистовъ разорено, имущество ихъ сдѣлалось достояніемъ Еврейскихъ банковъ, а Арабы либо превращены въ нищихъ, либо находятся въ полнѣйшей кабалѣ у торговцевъ ростовщиковъ".

„Власти держатъ сторону Евреевъ. Со времени Кремье, Евреи имѣютъ haute main въ администраціи края, и потому колонисты, а тѣмъ болѣе туземцы не могутъ расчитывать на покровительство властей противъ хищниковъ. Если колонисты, у которыхъ отнимаютъ за долги послѣдняго вола, или Арабы, которыхъ лишаютъ послѣдняго барана, вздумаютъ оказать малѣйшее сопротивленіе—дѣлу тотчасъ придаютъ характеръ открытаго бунта, и учиняется жестокая расправа".

Всѣ эти результаты дѣятельности Евреевъ въ Алжиріи произвели удручающее впечатлѣніе на Французское общество, доказавъ ему, что равноправные Французскіе Евреи тотчасъ же открыто проявляютъ свои племенныя порочныя наклонности къ эксплуатаціи народа, если для этого представляется возможность, какъ напр. въ Алжиріи, при ея добродушномъ и непросвѣщенномъ коренномъ населеніи, и что Евреи могутъ довести эту страну до окончательнаго разоренія, если для пресѣченія ихъ зловредной дѣятельности не будутъ приняты мѣры [81]).

IV.

Въ Германіи равноправность была предоставлена Евреямъ въ началѣ настоящаго вѣка по требованію или по вліянію Французовъ. Такъ въ образованномъ Наполеономъ Вестфальскомъ королевствѣ она объявлена въ 1808 г. декретомъ короля Жерома. Затѣмъ Евреи получили равноправность и въ другихъ мелкихъ государствахъ и вольныхъ городахъ, а въ 1812 г.—въ герцогствѣ Мекленбургскомъ и въ Пруссіи. Въ послѣдней король Фридрихъ-Вильгельмъ III эдиктомъ 11 Марта 1812 г. узаконилъ пользованіе Евреями равными правами съ христіанами, исключая права занимать государственныя и общественныя должности.

[81]) Новое Время 1891 г. № 5390.

Съ паденіемъ Наполеона началась реакція противъ реформъ государственнаго устройства, введенныхъ при Французскомъ господствѣ въ Западной Европѣ и, между прочимъ, и противъ Еврейской равноправности. Въ Германіи появились сочиненія „объ опасности, угрожающей со стороны Евреевъ благосостоянію и характеру Нѣмцевъ, о необходимости поставить ихъ въ прежнее средневѣковое положеніе", и другія, которыя настолько возстановили прежнюю враждебность христіанскаго населенія къ Евреямъ, что во многихъ мѣстахъ Германіи равноправность Евреевъ была отмѣнена, какъ то въ Гановерѣ, Брауншвейгѣ, Гессенѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, Гамбургѣ, Любекѣ и Бременѣ. Въ Пруссіи эдиктъ 11 Марта 1812 г. былъ отмѣненъ, и король Фридрихъ-Вильгельмъ издалъ для Евреевъ въ провинціяхъ своего королевства разные ограничительные законы. Въ 1819 году возбужденіе христіанъ дошло до того, что произошли антиеврейскіе безпорядки, сопровождавшіеся насиліями: въ Вюрцбургѣ, Франкфуртѣ, Дармштадтѣ, Карсруэ, Гейдельбергѣ, Гамбургѣ и другихъ мѣстахъ. Враждебное настроеніе Нѣмцевъ относительно Евреевъ измѣнилось только къ 1830 г. послѣ Іюльской революціи во Франціи, вслѣдствіе ихъ увлеченія снова космополитическими идеями Французской революціи о свободѣ, равенствѣ и братствѣ народовъ. Въ 1831 г. обѣ палаты великаго герцогства Баденскаго приняли рѣшеніе въ смыслѣ предоставленія Евреямъ равноправности. Тоже было поставлено въ 1833 г. въ Гессенъ-Касселѣ. Во всѣхъ же остальныхъ государствахъ Германіи, за исключеніемъ Пруссіи и Австріи, подъ вліяніемъ новаго революціоннаго движенія въ Западной Европѣ, полная равноправность дарована Евреямъ въ 1848 году. Въ Пруссіи, не смотря на принятое ея конституціей 1848 г. начало равенства всѣхъ вѣроисповѣданій, существовали до 1869 г. ограниченія правъ Евреевъ занимать высшія политическія, судебныя, академическія и военныя должности [82]).

Такимъ образомъ прошло болѣе 40 лѣтъ, какъ Евреи въ Германіи пользуются равноправіемъ. Этого времени было бы имъ достаточно, чтобы путемъ честной и полезной дѣятельности, если не сблизиться съ Нѣмцами, то по крайней мѣрѣ уничтожить ихъ враждебное отношеніе къ себѣ. Но Германскіе Евреи, измѣнившись по внѣшности, какъ и ихъ Французскіе соплеменники, не измѣнили своего характера и вредной дѣятельности и снова возбудили вражду Нѣмцевъ. Серьезная опасность Еврейской дѣятельности для Нѣмцевъ и вообще для христіанъ была указана въ семидесятыхъ годахъ нѣкоторыми органами Германской печати, особенно „Крестовой Газетой" и, не смотря на горячую защиту Евреевъ Юдофильскою и Еврейскою прессой, стала признаваться значительною частью Германскаго общества. Еще въ 1878 г., для огражденія христіанъ отъ матеріальнаго и нравственнаго Іудейскаго зла, въ Германіи образовалась христіанско-соціальная или антисемитическая партія, во главѣ которой сталъ бывшій придворный проповѣдникъ пасторъ Штеккеръ. Послѣ того, враждебное настроеніе Нѣмцевъ противъ Евреевъ посте-

---

[82]) «Очеркъ исторіи Еврейскаго народа" Э. Гехта, перев. съ Нѣмец. Бакста, стр. 203 и 204 „Роковое недоразумѣніе" Песковскаго, стр. 143—159.

пенно усиливается, особенно въ Пруссіи, гдѣ въ 1881 г. оно повело даже къ антисемитическимъ безпорядкамъ въ Нейштетинѣ и въ Штетинѣ.

Въ 1882 г. 30 Августа (11 Сентября) въ Дрезденѣ собрался первый большой конгрессъ антисемитовъ изъ Германіи и Австріи, на которомъ были установлены главныя обвиненія противъ Евреевъ и необходимость ограниченія ихъ равноправности. На первомъ засѣданіи этого конгресса присутствовало около 300 членовъ, въ томъ числѣ пасторъ Штеккеръ, миссіонеръ дела-Руа, редакторъ „Крестовой Газеты", докторъ Гёфтеръ, маіоръ Бредовъ, Венгерскіе депутаты Источи, Ононди и Симони и другіе. По обсужденіи цѣлаго ряда предложеній, внесенныхъ Штеккеромъ и другими членами, на конгрессѣ рѣшено передать на разсмотрѣніе особой коммиссіи слѣдующія выработанныя Штеккеромъ положенія: „1) необходимо образовать международный союзъ для противодѣйствія преобладанію Евреевъ; 2) Еврейскій вопросъ не религіозный, а вопросъ культурно-историческій; 3) *вліяніе Евреевъ зиждется на безсовѣстномъ пріобрѣтеніи и израсходованіи денегъ и на враждебности къ христіанскому государственному строю*; 4) *Евреи не способны быть органическою частью христіанскаго народа: такъ называемые просвѣщенные Евреи не только не составляютъ исключенія, но представляютъ даже бо́льшую опасность*; 5) *эманципація Евреевъ съ точки зрѣнія не только одинаковой правоспособности, но и полной равноправности въ обществѣ, противорѣчитъ самому существу христіанской идеи и есть принципіальная ошибка.* Высшія должности не должны быть удѣломъ Евреевъ, равно какъ не слѣдуетъ допускать ихъ къ преподаванію въ христіанскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Пункты 6 и 7 касаются революціонныхъ тенденцій Евреевъ и желанія ограничить силу капитала законодательными средствами. Въ 8-мъ пунктѣ выставляется на видъ, *что торжество еврейства объясняется главнымъ образомъ ослабленіемъ въ христіанскихъ народахъ христіанскаго духа*". Три года спустя (въ 1885 г.), на происходившемъ въ Берлинѣ засѣданіи антисемитическаго союза, была принята слѣдующая резолюція: „въ виду того, *что Еврейскіе капиталы въ союзѣ съ Еврейскою прессою оказываютъ деморализующее вліяніе на народы, вносятъ въ него растлѣвающія идеи космополитизма и отучаютъ отъ уваженія къ родной исторіи, къ роднымъ обычаямъ и порядкамъ, антисемитическій союзъ въ его борьбѣ съ іудаизмомъ обращается за содѣйствіемъ къ правительству*" [83]).

Приведенныя постановленія антисемитическихъ собраній сами по себѣ представляютъ важныя доказательства вреда предоставленія Евреямъ въ Германіи равноправности и ихъ вредной дѣятельности, потому что основаны на знаніи ея многочисленными и компетентными членами собраній; но въ подтвержденіе этихъ постановленій приведемъ извѣстные намъ наиболѣе характеристическіе факты и прежде всего такіе, которые доказываютъ большой матеріальный вредъ, приносимый Евреями христіанскому населенію.

Германскою печатью уже давно было замѣчено распространеніе въ деревняхъ ростовщичества и гибельное вліяніе его на сельское населеніе. 24

---

[83]) Новое Время 1882 г. № 2341 и 1885 г. № 3334.

Мая 1880 г. состоялся законъ о строгомъ наказаніи ростовщичества въ формѣ денежной ссуды подъ высокіе проценты и эксплуатаціи нужды или легкомыслія. Но оказалось, что законъ этотъ не имѣетъ силы надъ цѣлымъ рядомъ другихъ ростовщичьихъ продѣлокъ, и потому для борьбы съ ростовщичествомъ взялся изучить его „Verein für Socialpolitik". Изъ составленнаго имъ въ 1887 г. обширнаго изслѣдованія „Der Wucher auf dem Lande", на основаніи вполнѣ достовѣрныхъ донесеній мѣстныхъ корреспондентовъ всей Германіи, между прочимъ, видно, что *преобладающій контингентъ въ средѣ ростовщиковъ составляютъ Евреи* [84]).

Такимъ образомъ полноправные Германскіе Евреи не оставили любимаго занятія вообще всѣхъ своихъ соплеменниковъ; но замѣчательно то, что большая часть Евреевъ, обвиняемыхъ въ мошенничествахъ, принадлежитъ къ числу зажиточныхъ. Напр., въ 1889 г. „Berliner Tageblatt", жалуясь, что духомъ антисемитизма проникается мало по малу не только чиновничество, но и судейское сословіе, подкрѣпляетъ свои жалобы выдержками изъ рѣчи Бреславскаго прокурора, въ которой сей послѣдній указываетъ на тотъ фактъ, что при разборѣ дѣлъ о мошенничествахъ случается вообще около 20% оправданій; когда же обвиняемыми являются Евреи, то процентъ оправданій возвышается до 50%. Объясненіе этому странному факту кроется не въ томъ, по мнѣнію прокурора, что Евреи дѣйствительно менѣе повинны въ мошенничествахъ, чѣмъ христіане, но въ томъ, что мошенничества свои они продѣлываютъ гораздо искуснѣе. *Въ большинствѣ случаевъ этими „операціями" занимаются сравнительно-зажиточные Евреи, обладающіе достаточнымъ досугомъ и средствами для того, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ обставить мошенничество такъ, чтобы виновники были неуязвимы и неуловимы, что достигается въ нужныхъ случаяхъ ложными свидѣтелями* и тому подобными средствами, которыми располагаетъ кагалъ. Изъ своего опыта прокуроръ вынесъ убѣжденіе, что *существуютъ совершенно самостоятельный типъ мошенничествъ, который онъ и предложилъ назвать Еврейскимъ мошенничествомъ"* [85]). Преимущественно къ Еврейской мошеннической дѣятельности, о которой говорилъ Бреславскій прокуроръ, слѣдуетъ отнести и занятіе большей части также зажиточныхъ Евреевъ, въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, ввозомъ контрабанды въ Россію, чѣмъ въ 1883 г., по извѣстіямъ Берлинскихъ газетъ, занималось болѣе тысячи товариществъ [86]).

Нѣтъ сомнѣнія, что такая преступная дѣятельность Германскихъ Евреевъ играла значительную роль въ быстромъ накопленіи ими богатства посредствомъ захвата торговли и банкирскихъ операцій. Корреспондентъ „Figaro", въ 1888 г., изъ Берлина, сообщилъ, что за послѣднее пятидесятилѣтіе Евреи въ Германіи захватили въ свои руки высшую долю общественнаго богатства. Седьмая часть всѣхъ капиталовъ тамъ принадлежитъ Евреямъ,

---

[84]) Русскія Вѣдомости 1887 г. №№ 192 и 306.

[85]) Новое Время 1889 г. № 4952.

[86]) Новое Время 1883 г. № 2528.

хотя на 45 милліоновъ жителей Германіи, Евреевъ 570 тысячъ. Это несоразмѣрное скопленіе капиталовъ у Евреевъ представляетъ большую опасность для экономической жизни Германіи, потому что и въ главныхъ своихъ профессіяхъ, въ торговлѣ и банкирскихъ дѣлахъ, Евреи не могутъ обойтись безъ разныхъ спекулятивныхъ и мошенническихъ продѣлокъ, которыя много вредятъ торговлѣ и промышленности Германіи и ведутъ къ бѣдности христіанское населеніе. Вотъ что сказалъ пасторъ Штеккеръ, въ Мартѣ 1891 г., въ Берлинѣ, на многолюдной сходкѣ христіанско-соціальной партіи: „О тлетворномъ вліяніи Евреевъ на биржу и говорить не стоитъ; но и въ мірѣ крупной промышленности и торговли Евреи играютъ такую преобладающую роль, такъ всѣхъ тероризируютъ, что просто стыдно становится за Нѣмецкій народъ. Уже страшная опасность грозитъ намъ отъ того, что *Евреи завладѣли торговлею. Въ виду этого они не иначе могутъ относиться къ производительному труду, предоставленному ими христіанамъ, какъ съ точки зрѣнія наживы. Само производство стало падать въ качествѣ вслѣдствіе Еврейскаго правила „дешево, но гнило“* [87]). Прошло всего семь мѣсяцевъ послѣ произнесенія этихъ словъ, какъ въ Берлинѣ обнаружились грозные факты мошенническаго веденія Евреями банкирскаго дѣла. Говоря это, мы имѣемъ въ виду извѣстные крахи Еврейскихъ банковъ въ Берлинѣ, которые произошли въ Ноябрѣ 1891 г. отъ растратъ ихъ владѣльцами вкладовъ и цѣнныхъ бумагъ, данныхъ на храненіе, или отъ убытковъ, понесенныхъ ими на спекулятивныхъ предпріятіяхъ и биржевой игрѣ, и отъ большихъ тратъ денегъ на роскошную представительную жизнь. Самая солидная изъ девяти обанкрутившихся банкирскихъ конторъ въ Берлинѣ, контора Гиршфельда и Вольфа, имѣвшая въ числѣ своихъ вкладчиковъ нѣсколько членовъ Прусской королевской фамиліи и много лицъ изъ Нѣмецкой аристократіи, *около 20 лѣтъ поддерживала свое существованіе лишь благодаря систематическому мошенничеству и перезалогу чужихъ ввѣренныхъ на храненіе бумагъ.* Одновременная несостоятельность столькихъ Еврейскихъ банкировъ, которая явилась слѣдствіемъ ихъ мошенническихъ продѣлокъ и спекуляцій, крайне перепугала Берлинскій кагалъ, такъ какъ для него было ясно, что обворованные вкладчики банковъ еще болѣе усилятъ ненависть христіанскаго населенія къ Евреямъ. Казалось бы, что Еврейскому обществу слѣдовало высказать правдивое порицаніе мошеннической дѣятельности своихъ членовъ; но Берлинскіе Евреи старались ихъ оправдать въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ Еврейскихъ газетахъ, и съ тою же цѣлью прибѣгли къ возмутительно-грязной продѣлкѣ. Когда еще публика была сильно возбуждена происшедшими крахами банковъ Зоммерфельда и Вольфа, вдругъ въ Берлинѣ стали распространять слухи о банкротствѣ уважаемой христіанской фирмы Краузе, а масса вкладчиковъ этой фирмы получила анонимныя письма съ увѣреніями о томъ же. Естественно, что вкладчики, подчиняясь общей паникѣ и слухамъ, бросились къ конторѣ Краузе за полученіемъ своихъ вкладовъ и могли бы поставить его въ затрудненіе, если

---

[87]) Новое Время 1891 г. № 5394.

бы онъ не предусмотрѣлъ подобнаго случая и не принялъ соотвѣтствующихъ мѣръ. Всѣ ввѣренныя конторѣ на храненіе цѣнныя бумаги были немедленно выданы, и въ одинъ день Краузе пришлось уплатить 14 милл. марокъ вкладчикамъ, которые, успокоившись и устыдившись своего недовѣрія, просили контору снова принять ихъ вклады. Такъ, вопреки ожиданіямъ Евреевъ, ихъ гнусная интрига только обнаружила безукоризненно-честное веденіе банкирскаго дѣла христіанской фирмой и явилась новой причиною для возбужденія противъ нихъ Нѣмцевъ. А что эта ненависть въ нихъ достигла высшей степени по случаю краховъ, главный органъ націоналъ-либеральной партіи „National-Liberale Correspodenz", въ статьѣ „Биржа и Банки", доказываетъ слѣдующими словами: „*Ненависть, накопившаяся въ громадномъ большинствѣ населенія противъ нынѣшняго биржеваго гешефтмахерства*, растетъ неудержимо и принимаетъ опасный характеръ, что не мѣшало бы всѣмъ честнымъ финансистамъ и дѣловымъ людямъ принять въ серьезное соображеніе, иначе и они сдѣлаются жертвами общей вражды и недовѣрія. И законодательству слѣдуетъ вмѣшаться въ дѣло: должно устроить *болѣе строгій контроль биржевыхъ операцій и подвергать виновныхъ въ мошенническихъ гешефтахъ болѣе строгимъ наказаніямъ*. Но и публика должна наконецъ понять, что безусловнаго довѣрія ея заслуживаютъ одни лишь государственныя учрежденія". Кромѣ того, сильное возбужденіе публики противъ Евреевъ наглядно выразилось въ томъ, что ея собралось необыкновенно много (четыре съ половиною тысячи) для выслушанія рѣчи пастора Штеккера, обвинявшаго, по поводу тѣхъ же Еврейскихъ банкротствъ, не только Евреевъ въ развращающемъ вліяніи на христіанъ, но и послѣднихъ въ стремленіи къ легкой наживѣ и къ роскоши [88]).

Еще опаснѣе развитія Евреями въ Нѣмцахъ спекулятивнаго духа, дѣятельность Евреевъ (въ нравственномъ отношеніи) въ такъ называемыхъ интелигентныхъ профессіяхъ, къ которымъ они стремятся, не довольствуясь преобладающимъ вліяніемъ въ промышленности и торговлѣ. Это стремленіе доказывается большимъ процентомъ учащихся Евреевъ въ реальныхъ и особенно въ классическихъ гимназіяхъ, вызывая боязнь даже у юдофиловъ. Въ началѣ 1890 г. въ Прусскихъ палатахъ депутатовъ и господъ, при обсужденіи смѣты министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, было заявлено о вредныхъ слѣдствіяхъ большаго числа учениковъ-Евреевъ въ учебныхъ заведеніяхъ, особенно въ старшихъ классахъ. Въ палатѣ депутатовъ такое заявленіе сдѣлалъ пасторъ Штеккеръ. Въ своей рѣчи онъ, между прочимъ, указалъ на то, что, вслѣдствіе громаднаго процента воспитанниковъ-Евреевъ [89]), увеличивается изъ года въ годъ и число преподавателей изъ

[88]) Новое Время 1891 г. №№ 5628, 5629, 5634, 5637и 5640.

[89]) По свѣдѣніямъ Штеккера, „въ одномъ Берлинѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ на 6,904 учениковъ евангелическаго и 278 Римско-католическаго исповѣданій приходится 1,898 Евреевъ. Такая несоразмѣрность еще поразительнѣе въ Берлинскихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ числится 3,446 воспитанницъ Евангелическаго исповѣданія, 63 Католички и 1,639 Евреекъ. Въ народныхъ училищахъ тоже масса Еврейскихъ дѣтей. Новое Время 1890 г. № 5043.

Евреевъ, которые не могутъ, напримѣръ, преподавать исторію въ христіанскомъ духѣ, и высказалъ мнѣніе, что цѣлесообразнѣе всего учредить для Евреевъ особыя училища. Министръ народнаго просвѣщенія Госслеръ призналъ, что нѣкоторыя изъ неудобствъ, объясненныхъ Штеккеромъ, дѣйствительно существуютъ, что въ этомъ отношеніи министерство располагаетъ уже обильнымъ матеріаломъ, но что пока онъ не можетъ еще высказаться о средствахъ къ устраненію этихъ неудобствъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи палаты, въ отвѣтъ на нападки юдофиловъ, консерваторъ Кремеръ сказалъ, что Евреямъ и ихъ защитникамъ вовсе не подобаетъ давать уроки терпимости и умѣренности христіанамъ. „Вѣдь всѣмъ извѣстно, что нѣтъ расы въ мірѣ, которая была бы такъ чужда всякаго чувства терпимости, какъ Евреи. Сліяніе съ другими элементами—дѣло немыслимое, и кто утверждаетъ противное, тотъ завѣдомо лжетъ. *Эмансипація Евреевъ была ошибкою* и, принимая эту мѣру, христіанскія государства измѣнили самимъ себѣ“... Министръ заявилъ, что во многихъ городахъ Евреи завели свои собственныя училища и что „коль скоро Евреи такъ обособляются, не должно удивляться тому, что и христіане выступаютъ съ подобными же требованіями“ [90]). Въ палатѣ господъ графъ Пфейль отъ имени 24 членовъ палаты внесъ слѣдующее предложеніе. На основаніи факта, заявленнаго министромъ просвѣщенія, что въ Прусскихъ общественныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, вслѣдствіе слишкомъ большаго числа учениковъ Еврейскаго исповѣданія, въ Еврейскій шабашъ и другіе праздники, необходимо было измѣнить учебный планъ: палата господъ приглашаетъ правительство принять мѣры къ устраненію вызванныхъ этимъ непорядковъ. Потомъ графъ Пфейль произнесъ рѣчь, согласную съ рѣчью Штеккера. Министръ высказался противъ предложенія графа Пфейля объ учрежденіи для Евреевъ особыхъ училищъ, такъ какъ на 15,000 Евреевъ понадобилось бы 500 учителей, а они повели бы дѣло воспитанія въ такомъ направленіи, которое въ дальнѣйшей жизни оказалось бы опаснымъ. Поэтому онъ просилъ палату отнестись къ предложенію Пфейля патріотически и не возлагать на правительство новыхъ заботъ. Но предложеніе Пфейля, пущенное на голоса, было принято палатой господъ [91]). Въ концѣ того же 1890 г. Берлинскіе студенты подали своему начальству просьбу о воспрещеніи принимать въ высшія учебныя заведенія Берлина Евреевъ, иностранныхъ подданныхъ и объ установленіи такого же процента пріема Евреевъ въ эти учебныя заведенія, какой опредѣленъ въ Россіи [92]).

Приведенные нами факты доказываютъ, что опасность переполненія Евреями среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, и слѣдовательно интеллигентныхъ профессій, все болѣе и болѣе проникаетъ въ сознаніе Нѣмецкаго общества, преимущественно въ Пруссіи, гдѣ живетъ большая часть Германскихъ Евреевъ. Дѣйствительно, эта опасность велика, если и теперь Евреи

---

[90]) Новое Время 1890 г. № 5043.

[91]) Московскія Вѣдомости 1890 г. № 119.

[92]) Сынъ Отечества 1891 г. № 39.

захватили, по словамъ Штеккера, „девять десятыхъ Нѣмецкой печати и сдѣлали ее орудіемъ прославленія разныхъ Еврейскихъ гешефтовъ, обмана публики и разложенія христіанской нравственности и религіи. Въ 1891 г. въ Берлинѣ вышла брошюра доктора Меринга „Капиталъ и пресса", въ которой находятся свѣдѣнія, представляющія нравы либеральныхъ Нѣмецкихъ журналистовъ, преимущественно Евреевъ, въ позорномъ свѣтѣ. Такъ Мерингъ сообщаетъ, что Сонеману, издателю распространенной „Франкфуртской газеты", большинство вновь учреждаемыхъ Вѣнскихъ акціонерныхъ предпріятій, въ года, предшествовавшіе знаменитому „краху", принуждено было выдавать „изъ личной дружбы" и „уваженія" до 40 тыс. гульденовъ въ видѣ „дохода" за „неуплаченныя, но записанныя на его счетъ акціи": „ибо (какъ писалъ директоръ Deutsches Vereinsbank въ 1872 г.) Frankfurter-Zeitung—газета весьма важная и можетъ надѣлать много непріятностей". Другіе Франкфуртскіе журналисты также получили отъ 2-хъ до 18-ти тысячъ гульденовъ за прославленіе плутовскихъ акціонерныхъ компаній [93]).

Въ послѣднее время, по поводу Берлинскихъ краховъ, Еврейская печать, какъ мы уже сказали, оправдывала проворовавшихся соплеменниковъ. Но, разлагая подобными оправданіями и всѣмъ своимъ направленіемъ нравственность Нѣмцевъ, она также старается унизить самый источникъ ея—христіанскую религію, и вытѣснить ее изъ общественной жизни, пользуясь упадкомъ христіанскаго духа въ народахъ Западной Европы. О такомъ направленіи Еврейской печати свидѣтельствуетъ знаменитый богословъ епископъ Мартенсенъ [94]), а какъ на главныхъ руководителей этого направленія, ученый Тиршъ указываетъ на Еврейскихъ раввиновъ съ университетскимъ образованіемъ. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ Западно-Европейскихъ государствахъ отъ раввиновъ требуются свидѣтельства объ окончаніи курса въ мѣстныхъ университетахъ. Въ университетъ поступаютъ Евреи обыкновенно изъ Талмудической школы и, выслушивая философскія науки, знакомятся съ міровоззрѣніемъ, совершенно чуждымъ ихъ религіи. У нихъ исчезаетъ вѣра въ Талмудъ и, вмѣстѣ съ нею, вѣра въ Ветхій Завѣтъ. „Христіанскій богословъ, испытывающій подобную внутреннюю борьбу", говоритъ Тиршъ, „еще въ состояніи найти для себя совѣтъ и помощь: существуетъ христіанская философія и философская христіанская теологія; здѣсь положенъ примирительный путь. Въ значительно болѣе неблагопріятномъ положеніи находится Іудейскій теологъ: онъ не въ состояніи переварить философію и усвояетъ только одно невѣріе. Не находя такой философіи, которая безъ посредства христіанства привела бы его къ вѣрѣ въ Ветхій Завѣтъ и въ тоже время, потерявшій всякое довѣріе къ Талмуду, раввинъ поступаетъ въ синагогу съ полнымъ невѣріемъ въ отношеніи Моисеева закона. Модное невѣрующее іудейство служитъ порчею Израильскаго народа и въ тоже время упрекомъ для христіан-

---

93) Новое Время 1891 г. № 5481.

94) Мартенсенъ „Ученіе о христіанской нравственности" т. II, ч. 2, стр. 539 и 540 перев. съ Англійск. А. П. Лопухина, изд. 1890 г.

скихъ народовъ. Тамъ, гдѣ требуется клевета, издѣвательство и глумленіе надъ всѣмъ издревле преданнымъ и самымъ дорогимъ наслѣдіемъ человѣчества, тамъ въ первыхъ рядахъ стоятъ атеистическіе Іудейскіе писатели. Вмѣстѣ съ вѣрою потеряли они и свое отечество; нѣтъ ничего для нихъ святаго. *Ихъ наслажденіе въ разрушеніи...* Трудно рѣшить, какая сторона причинила большій вредъ другой: невѣрующіе ли христіане Іудеямъ или невѣрующіе Іудеи христіанамъ. *Несомнѣнно лишь одно: если въ Нѣмецкой прессѣ преобладаетъ кощунственный и антирелигіозный тонъ, то своимъ происхожденіемъ онъ обязанъ большею частію Іудейскому элементу* [95]).

Кромѣ разложенія христіанства косвенно, путемъ печати, Евреи принимаютъ и прямое участіе въ распространеніи безвѣрія между Нѣмцами и вообще западными христіанами. Такъ въ „Новомъ Времени", въ 1888 г., были сообщены свѣдѣнія объ одной сектѣ въ Германіи и въ Австріи, члены которой называютъ себя безвѣрами—Confessionslose. Большинство ихъ выходцы изъ іудейства, послѣдователи Спинозы, отвергшіе Талмудъ-Тору и не принявшіе Евангелія; но есть среди нихъ и много бывшихъ христіанъ. Безвѣры дѣлятся на Западѣ на двѣ категоріи: 1) на безвѣровъ отвергающихъ всякую религію, замѣняя ее культомъ чистаго разума и 2) на нигилистовъ, отрицающихъ всякую вѣру и не заполняющихъ пропасти ничѣмъ. Въ Германіи безвѣры первой категоріи давно сформировались въ вольныя общины (freie Gemeinde), и число этихъ общинъ уже возрасло до 240 [96]).

Всѣ приведенные нами факты доказываютъ, что Евреи въ Германіи подъ вліяніемъ равноправности не сдѣлались полезными гражданами, и что враждебное имъ движеніе въ ней—антисемитизмъ, происходитъ отъ сознанія значительной частью христіанскаго населенія дѣйствительной опасности, которая угрожаетъ ему отъ растлѣвающей и разорительной дѣятельности Евреевъ, а не составляетъ результатъ пропаганды Штеккера и другихъ ненавистниковъ Евреевъ, что̀ утверждаетъ Еврейская печать въ Германіи. Если бы такое утвержденіе было вѣрно, то послѣ неодобрительнаго отношенія императора Вильгельма II къ антисемитической дѣятельности Штеккера, который въ началѣ 1889 г получилъ предписаніе отъ нея воздержаться, а въ концѣ 1890 г. былъ уволенъ отъ должности придворнаго проповѣдника, антисемитическое движеніе въ Германіи должно было бы пріостановиться; между тѣмъ оно продолжаетъ возбуждать сочувствіе въ Нѣмецкомъ обществѣ и раз-

---

[95]) W. S. Thiersch. Ueber den christlichen Staat. Basel. 1875, VIII. Die Emancipation der Juden. Жур. Странникъ 1889 г. т. II, стр. 205 и 206.

По поводу того же направленія Еврейской печати въ Германіи депутатъ Рейхенспергеръ сказалъ въ Германскомъ парламентѣ слѣдующія проникнутыя горечью слова: «Въ награду за равноправность, дарованную нами Евреямъ, мы, Германцы, встрѣтили крайнюю, весьма сильную вражду и преслѣдованіе именно со стороны тѣхъ же Евреевъ. Во всѣхъ сферахъ Іудейская печать превзошла всякую мѣру оскорбленій, нанося ихъ намъ во всеуслышаніе и преднамѣренно сосредоточивая ихъ противъ нашихъ священнѣйшихъ чувствъ и интересовъ». „Евреи въ Исторіи" А. Шмакова. Московскій Листокъ 1892 г. № 26.

[96]) Новое Время 1888 г. № 4552.

вываться. Отставка Штеккера произвела сильное впечатлѣніе въ Германіи, а въ Берлинѣ для выраженія ему сочувствія было устроено экстренное собраніе „христіанско-соціальной партіи“ [97]) Въ 1890 г. въ Ганноверѣ на многочисленномъ съѣздѣ антисемитовъ рѣшено систематически подготовлять почву къ тому, чтобы на будущихъ парламентскихъ выборахъ было избрано возможно большее число антисемитовъ. Въ 1891 г., въ Виртембергѣ образовалась Германо-соціальная антисемитическая партія, которая задалась цѣлью пропагандировать необходимость отмѣны равноправности Евреевъ и подчиненія всѣхъ Нѣмецкихъ Евреевъ законамъ объ иностранцахъ [98]); а въ 1892 г. въ новую программу Прусской консервативной партіи вошла борьба съ биржевыми безобразіями, систематическимъ разореніемъ помѣщиковъ и ростовщичествомъ, виновниками чего считаются преимущественно Евреи [99]).

Но, не смотря на эти видимые успѣхи антисемитизма въ Германіи, партія антисемитовъ въ ней все еще слаба и не находитъ поддержки какъ въ правительствахъ Германскихъ государствъ, которыя боятся денежной силы Евреевъ и не хотятъ съ ними ссориться [100]), такъ и въ многочисленныхъ Нѣмцахъ-либералахъ и шовинистахъ, предполагающихъ распространять Нѣмецкое господство и вліяніе въ Европѣ и даже въ другихъ частяхъ свѣта въ союзѣ съ Евреями. Что такія цѣли дѣйствительно существуютъ у Нѣмцевъ, видно изъ сочиненія Лейпцигскаго професора государственнаго права Карла Валькера „Политика въ конституціонныхъ государствахъ“, вышедшаго въ 1890 г. въ Карльсруэ. Въ немъ онъ выступаетъ энергичнымъ противникомъ антисемитизма и совѣтуетъ Нѣмцамъ въ собственныхъ интересахъ относиться къ Евреямъ, какъ къ полноправнымъ соотечественникамъ и тѣмъ заслужить ихъ преданность къ Германіи: потому что, не имѣя своей территоріи, они проникнутся этимъ чувствомъ скорѣе Германскихъ подданныхъ Французовъ и Славянъ, тяготѣющихъ къ своимъ единоплеменнымъ государствамъ. „Мы — говоритъ Валькеръ — Нѣмецкіе протестанты и католики, должны *заключить союзъ съ Германскимъ еврействомъ и даже съ еврействомъ другихъ странъ*, хотя бы уже для того, чтобы тѣмъ легче побороть Германскій и иноземный феодализмъ, ультрамонтанство, Французскихъ шовинистовъ и панславистовъ. Если намъ удастся овладѣть симпатіями Еврейства, *то всякая Еврейская община въ не-протестантскихъ странахъ явится форпостомъ Германской культуры. Даже въ Персіи или въ Марокко всякій Еврей явится тогда носителемъ Германской культуры*“ [101]).

Хотя союзъ Нѣмцевъ съ Евреями, предлагаемый Валькеромъ, принадлежитъ къ области иллюзій, но нѣтъ сомнѣнія, что возможность и польза этого

---

[97]) Сынъ Отечества 1890 г. № 293.

[98]) Новое Время 1890 г. № 5075 и 1891 г. № 5332.

[99]) Сынъ Отечества 1892 г. № 115.

[100]) Императоръ Вильгельмъ II, бывши принцемъ, сочувствовалъ цѣлямъ «христіанско-соціальной партіи», а сдѣлавшись императоромъ, въ 1890 г. опредѣлилъ къ себѣ личнымъ секретаремъ некрещенаго Еврея, чтобы удовлетворить Евреевъ, представляющихъ въ Германіи и особенно въ Берлинѣ большую силу.

[101]) Песковскій «Роковое недоразумѣніе», стр. 202.

союза для Германіи пока раздѣляется многими Нѣмцами и вѣроятно служитъ причиною того лицемѣрія по Еврейскому вопросу, въ которомъ обвиняетъ ихъ пасторъ Штеккеръ. Болѣе всего такое обвиненіе относится къ Нѣмецкимъ либераламъ, которые ради созиданія величія и могущества Германіи поддерживаютъ дружбу съ Евреями и препятствуютъ развитію антисемитизма и, слѣдовательно, принятію ограничительныхъ мѣръ противъ Евреевъ. Можно ожидать, что въ недалекомъ будущемъ, особенно послѣ Берлинскихъ краховъ 1891 г., либералы отрезвятся отъ своего увлеченія и поймутъ, что спасеніе Нѣмцевъ и другихъ христіанскихъ народовъ отъ вреднаго вліянія живущихъ среди нихъ Евреевъ заключается въ законной борьбѣ противъ этого вліянія и въ ограниченіи равноправности послѣднихъ. Если же либералы этого не поймутъ и достигнутъ вступленія Нѣмцевъ въ союзъ съ Евреями, то можно съ увѣренностью предсказать, что онъ будетъ имѣть для нихъ болѣе гибельный конецъ, чѣмъ союзъ Польской шляхты съ Евреями, окончившійся гибелью Польши; потому что отъ такого союза подвергнется нравственной порчѣ не одинъ только классъ народа, а весь Нѣмецкій народъ.

V.

Въ Австріи, подъ вліяніемъ космополитическихъ принциповъ Французской философіи, императоръ Іосифъ II отмѣнилъ нѣкоторыя ограниченія правъ Евреевъ еще эдиктомъ 2 Іюня 1782 г.; но послѣ паденія Наполеона, съ началомъ общей реакціи въ Зап. Европѣ противъ порядковъ, установившихся въ ней подъ Французскимъ вліяніемъ, Австрійское правительство стало издавать ограничительные законы о Евреяхъ, и это продолжалось и послѣ 1849 г., не смотря на провозглашеніе Австрійской конституціей равенства передъ закономъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Только съ 1860 г. оно снова вступило на путь отмѣны ограниченій правъ Евреевъ и законами 21 Декабря 1867 г. окончательно даровало имъ полныя гражданскія и политическія права. Такимъ образомъ, этими правами Австрійскіе Евреи пользуются всего 25 лѣтъ; но они уже успѣли довести христіанское населеніе Галиціи и Венгріи до разоренія. Такой ужасный результатъ полноправности Евреевъ кажется просто невѣроятнымъ, а между тѣмъ онъ подтверждается множествомъ вѣрныхъ статистическихъ свѣдѣній и свидѣтельствъ депутатовъ, писателей и корреспондентовъ, хорошо знающихъ эти несчастныя страны. Правда, успѣху вредной дѣятельности Евреевъ въ Австріи много способствовали слѣдующія обстоятельства: большое число ихъ, которое въ 1885 г. опредѣлялось въ 1,643,708 ч., а по послѣднимъ извѣстіямъ опредѣляется до 2-хъ милліоновъ ч.; разноплеменный составъ населенія Австріи и вражда племенъ между собою; характеръ Славянъ и Венгерцевъ, отличающихся мягкосердечіемъ, безпечностью и любовью къ праздной и расточительной жизни; отсутствіе у нихъ союзовъ взаимопомощи, въ родѣ Нѣмецкихъ ферейновъ и проч.; но всетаки, повторяемъ, результатъ Еврейской дѣятельности въ Галиціи и Венгріи ужасенъ.

По народной переписи, произведенной сто лѣтъ тому назадъ, въ Австріи оказалось менѣе 6,000 Евреевъ. Сравнивая эту цифру даже съ цифрой об-

щаго числа Евреевъ въ 1885 г. въ 1,643,708 ч., нельзя не удивиться чрезвычайному ихъ размноженію. Положимъ, по оффиціальной статистикѣ Австріи такое размноженіе объясняется тѣмъ, что у христіанскаго населенія рождается четыре съ половиною процента дѣтей, а у Евреевъ свыше десяти процентовъ [102]); но нѣтъ сомнѣнія, что въ Австрію переселилось много иностранныхъ Евреевъ, и преимущественно изъ Россіи. Послѣднихъ привлекали въ Австрію, конечно, характеръ Славянъ и Венгерцевъ, удобный для ихъ эксплуатаціи, и безграничная свобода дѣятельности. Дѣйствительно, въ Австріи Евреи показали, какъ, пользуясь равноправностью и благопріятными обстоятельствами, о которыхъ мы сказали, они могутъ быстро разрушить народное благосостояніе, и какъ необходимы для обузданія ихъ разные ограничительные законы. Съ извѣстной племенной жадностью къ пріобрѣтенію денегъ, Евреи занялись самымъ безпощаднымъ ростовщичествомъ и устройствомъ мошенническихъ акціонерныхъ компаній и банкирскихъ конторъ, изъ которыхъ многія въ семидесятыхъ годахъ оказались несостоятельными, причемъ пострадали, разумѣется, христіане. Преобладаніе такой дѣятельности у Австрійскихъ Евреевъ и въ настоящее время подтверждается отчетами министерства юстиціи, по которымъ 62% всѣхъ приговоренныхъ къ наказанію Евреевъ осуждено за ростовщичество и болѣе 34% за злостныя банкротства [103]). Послѣ ростовщичества, банкирскаго дѣла, торговли, значительная часть Евреевъ въ послѣднее время занимается выгодными интелигентными профессіями, благодаря племенной солидарности и тому, что дѣти Евреевъ безъ ограниченія числа принимаются во всѣ учебныя заведенія, во вредъ христіанамъ. Отъ этого особенно терпятъ недостаточные сельскіе жители изъ христіанъ, не имѣющіе средствъ отдавать своихъ дѣтей въ учебныя заведенія, находящіяся въ городахъ, тогда какъ Евреи—преимущественно городскіе жители—могутъ переполнять ихъ своими дѣтьми съ удобствомъ и при самыхъ небольшихъ издержкахъ.

Отъ общихъ замѣчаній о положеніи и дѣятельности Евреевъ въ Австріи, мы перейдемъ къ результатамъ ихъ дѣятельности въ Вѣнѣ, Венгріи и Галиціи, потому что въ этихъ мѣстахъ живетъ главная масса Австрійскихъ Евреевъ, именно: въ Вѣнѣ до 100,000 ч., въ Венгріи 624,680 и въ Галиціи до 800,000.

Въ Вѣнѣ болѣе 30% всѣхъ домовъ принадлежатъ Евреямъ; изъ остальныхъ домовъ до 60% заложены имъ же. Банки и биржи какъ въ Вѣнѣ, такъ и вообще въ Австріи, въ ихъ рукахъ. Болѣе половины Вѣнскихъ магазиновъ и девять десятыхъ питейныхъ и увеселительныхъ заведеній принадлежатъ Евреямъ. Всѣ Нѣмецкіе театры переполнены артистами изъ Евреевъ; между врачами—ихъ три четверти, между адвокатами—половина. Изъ пятнадцати Вѣнскихъ газетъ только пять: „Oester. Volksfreund", „Vaterland"

---

[102]) Новое Время 1889 г. № 4598.

[103]) Новое Время 1890 г. №№ 5007 и 5008.

„Weltblatt“, „Deutsches Volksblatt“ и „Deutsches Montagsblatt“ принадлежатъ христіанамъ, остальныя десять—Евреямъ [104]).

Захвативъ значительную часть печати [105]), просвѣщенные Евреи приносятъ нравственной порчей христіанамъ болѣе зла, чѣмъ ихъ соплеменники ростовщики и разные спекуляторы. Въ бесѣдѣ съ г. Молчановымъ, издатель первой по времени основанія антисемитской газеты „Österr. Volksfreund“ Псеннеръ опредѣлилъ цѣли „Всемірнаго Израильскаго Союза“ и направленіе Еврейской печати въ слѣдующихъ словахъ. У союза есть ясно опредѣленная программа – забирать въ Еврейскія руки деньги, земли и печать. При помощи первыхъ они получаютъ силу въ правительствѣ, въ парламентѣ etc.; при помощи земли они пріобрѣтаютъ прочное главенство надъ мѣстнымъ христіанскимъ народонаселеніемъ. Самую же могучую службу имъ оказываетъ пресса. При помощи ея они соблазняютъ христіанскіе народы, выкрикивая слова: *„свобода“*, *„равенство“*, *„конституція“*... Убѣдившись наглядно, какую огромную пользу принесла уже имъ проповѣдь о свободѣ, Евреи до сихъ поръ неизмѣнно поддерживаютъ своего главнаго пріятеля *„либерализмъ“*, такъ что въ Австріи слово *„либералъ“ означаетъ „Judenknecht'а“, т. е. Еврейскаго слугу* и нерѣдко на вопросъ—„вы либералъ?“ прямо отвѣчаютъ: „Нѣтъ, я антисемитъ“. Но этимъ не исчерпывается служба прессы Іудейскому племени. Евреи систематически стараются своими газетами расшатать всѣ основы христіанскаго общества. Вмѣсто Бога—у нихъ призывъ къ золотому тельцу въ видѣ милліона рекламъ самому отчаянному гешефтмахерству; вмѣсто беллетристики эта пресса приподноситъ читателямъ самые безнравственные романы; въ отдѣлѣ объявленій вы постоянно встрѣчаете покровительство тайнымъ болѣзнямъ, предложенія незаконныхъ сожительствъ и браковъ по разсчету, совѣты падшимъ дѣвицамъ и проч. Все это, по мнѣнію Псеннера, печатается Евреями не только съ цѣлью корыстной, но и во имя исполненія программы „Еврейскаго союза“ — убить въ христіанахъ окончательно нравственную силу и тѣмъ сдѣлать ихъ неспособными къ протесту противъ Жидовскаго гнета“ [106]).

Насколько пошатнулась вѣра и нравственность у христіанъ Вѣны и вообще Австріи, доказываютъ слѣдующіе факты.

Въ Вѣнѣ ни одна газета не рѣшается написать слово „богослуженіе“ (Gottesdienst), а всегда замѣняютъ его выраженіемъ „благочестивая церемонія“ (die fromme Ceremonie).

---

[104]) Новое Время 1890 г. № 5007 и 1889 г. № 4958.

[105]) Захватъ Евреями печати и интелигентныхъ профессій въ Вѣнѣ объясняется несоразмѣрно большимъ числомъ Евреевъ, учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ въ городскихъ училищахъ половина учениковъ—Евреи и нерѣдко учителя тоже Евреи; въ гимназіяхъ 2,254 Еврея (29%); изъ 5,926 общаго числа всѣхъ студентовъ—2,095 суть Евреи т. е. 35%. Хорошо понимая угрожающее значеніе этихъ цифръ для христіанъ, Евреи настояли, чтобы въ дипломахъ студентовъ значились только отмѣтки въ наукахъ, въ томъ числѣ и изъ Закона Божія, безъ поясненія христіанскаго или Іудейскаго. Точно также Евреи настояли на исключеніи въ таблицахъ городской росписи графы о вѣроисповѣданіи хозяевъ, чтобы Вѣнцы не знали, сколько Еврейскихъ домовъ въ Вѣнѣ. «Новое Время» 1889 г. № 4958 и 1890 г. № 5008.

[106]) Новое Время 1890 г. № 5008.

Самое же печальное явленіе, доказывающее упадокъ христіанства вообще въ Австро-Венгріи, заключается въ томъ, что число Евреевъ, желающихъ креститься годъ отъ году уменьшается, тогда какъ *число христіанъ, желающихъ обрѣзанія, годъ отъ году увеличивается, особенно между бѣдными дворянами* [107]). Напримѣръ, еще въ 1872 г., въ Австрійской имперіи, перешло: изъ христіанства въ еврейство—200 ч., изъ католичества въ протестанство—80 ч., изъ протестанства въ католичество—20 ч. [108]).

Въ Венгріи все среднее землевладѣніе принадлежитъ Евреямъ, а крупныя помѣстья всѣ заложены имъ же. Послѣдствіями этого общее обѣдненіе кореннаго населенія и усилившаяся эмиграція его въ Америку. Въ пятидесятыхъ годахъ эмигрантовъ насчитывалось не болѣе 600—700 въ годъ, а въ послѣдніе годы изъ одного Гамбурга отправляется въ Америку ежегодно до 7000 Венгерскихъ подданныхъ. Въ Пештѣ только мелкая печать еще не въ Еврейскихъ рукахъ. Ремесла монополизированы Евреями и находятся въ полномъ упадкѣ. Каково вообще положеніе Венгріи, объясняютъ слѣдующія слова профессора Нейдвахта, которыя онъ сказалъ въ 1888 году въ судѣ, защищаясь отъ обвиненія его газетою „Pesther-Lloyd“ въ диффамаціи: „Я глубоко убѣжденъ, что если не будутъ приняты надлежащія мѣры, то черезъ какія нибудь пятьдесятъ лѣтъ вся страна перейдетъ въ руки Евреевъ, и коренные жители ея сдѣлаются рабами этого безнравственнаго, грязнаго, гнуснаго и презрѣннаго народа“ [109]). По позднѣйшему свидѣтельству корреспондента „Новаго Времени“, Венгрію ожидаетъ еще худшая будущность. „Сила еврейства въ Венгріи—писалъ онъ въ 1890 г.—такова, что тамъ уже прекратились обращенія Евреевъ въ христіанство изъ-за карьеры, а наоборотъ все чаще становятся обращенія христіанъ (спеціально Туранцевъ-Мадьяръ) въ еврейство, *какъ болѣе служащее личной выгодѣ честолюбцевъ*. Кромѣ всякихъ поощреній и искушеній, особенно браками богатыхъ Евреекъ съ промотавшимися или запутавшимися магнатами, раввины Венгріи приняли общія мѣры для облегченія переходовъ: они отмѣнили обрѣзаніе послѣ 30-лѣтняго возраста и даже часто не настаиваютъ на его точномъ выполненіи и для младшихъ прозелитовъ“ [110]).

Какъ ни великъ успѣхъ Евреевъ по эксплуатаціи христіанъ въ Вѣнѣ и Венгріи, но успѣхъ, достигнутый ими въ этомъ отношеніи въ Галиціи, прямо угрожаетъ существованію народа, благодаря тому, что Евреи находятъ сильную поддержку въ старыхъ своихъ пріятеляхъ—Польскихъ шляхтичахъ, которые совмѣстно съ ними теперь управляютъ Галиціей.

О большомъ числѣ Еврейскаго населенія въ Галиціи мы уже сказали. До семидесятыхъ годовъ Евреи жили преимущественно въ городахъ и мѣстечкахъ, составляя въ нихъ болѣе трети общаго числа жителей. Есть и теперь

---

[107]) Новое Время 1887 г. № 4145.

[108]) „Покореніе міра Евреями“, сочин. маіора Османа-Бея, стр. 35, изд. 1874 г.

[109]) Новое Время 1888 г. № 4555 и 1890 г. № 5007.

[110]) Новое Время 1890 г. № 5077.

города и мѣстечки почти сплошь Еврейскіе. Но съ семидесятыхъ годовъ Евреи стали поселяться въ значительномъ числѣ и въ деревняхъ, по мѣрѣ пріобрѣтенія ими помѣщичьихъ имѣній и крестьянскихъ участковъ. Къ 1889 г. они купили уже 513 большихъ барскихъ имѣній съ 400,000 акровъ земли, а съ 1874 г. по 1889 г. пріобрѣли съ публичнаго торга 41,000 крестьянскихъ земельныхъ участковъ. Завладѣвъ такимъ количествомъ земли, Евреи сами земледѣліемъ не занимаются, а обращаютъ обезземеленыхъ ими крестьянъ въ своихъ батраковъ, положеніе которыхъ, какъ свидѣтельствуетъ Польская газета „Rola“, гораздо хуже прежнихъ крѣпостныхъ [111]). Въ такое кабальное положеніе масса крестьянъ попала, конечно, отъ разоренія ихъ Евреями-ростовщиками; но виноваты и крестьяне, что по безпечности легко запутались въ разставленныхъ Евреями долговыхъ сѣтяхъ, а также Австрійское правительство, допустившее это.

Когда въ 1848 г. Галиційскіе крестьяне получили возможность своевольно распоряжаться своимъ имуществомъ, они тогда же стали занимать деньги у Евреевъ, не торгуясь о процентахъ. Уплачивать занятыя деньги и проценты крестьяне не спѣшили, а Евреямъ это было очень выгодно; проценты они приписывали къ капиталу, а за отсрочку взысканія долговъ они брали отъ крестьянъ всѣмъ что только было возможно: хлѣбомъ, сѣномъ, пряжей и даже работой. Законъ 1868 года еще болѣе расширилъ право крестьянъ дѣлить свои надѣлы и распродавать ихъ по частямъ [112]). Долги, приращенные процентами, дошли до огромной цифры, и Евреи бросились тогда отнимать земли у должниковъ. Хотя въ 1869 г., будто бы для огражденія крестьянъ отъ ростовщиковъ, былъ открытъ въ Львовѣ частными лицами крестьянскій банкъ, но на чисто-спекулятивныхъ началахъ, потому что выдавалъ ссуды за 12%. Многочисленные агенты, чтобы получать больше коммиссіонныхъ процентовъ, уговаривали нуждающихся брать какъ можно больше денегъ, и превратили заемщиковъ банка въ неоплатныхъ должниковъ, прибѣгающихъ за помощью къ тѣмъ же Евреямъ. Съ этого времени начинается всеобщее обѣдненіе крестьянъ, которое уже нельзя было остановить изданіемъ въ 1875 г. закона противъ ростовщичества и которое наглядно выразилось въ постигшемъ Галицію въ 1889 году неурожаѣ; сосѣднія губерніи Царства Польскаго находились въ одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ, а неурожая въ нихъ не было.

Не въ лучшемъ положеніи, сравнительно съ крестьянами, находятся и мѣщане въ Галиціи. Газета „Червонная Русь“ сообщила въ 1889 г. слѣдующія статистическія данныя о несоразмѣрномъ съ ростомъ населенія увеличеніи податей, уплачиваемыхъ 15-ю Галицкими городами. Въ 1864 г. въ этихъ городахъ было 255,600 жителей, платившихъ прямыхъ налоговъ 851,215 гуль-

---

[111]) Новое Время 1889 г. № 4827 и 1890 г. № 5314.

[112]) При устройствѣ быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, для охраненія принадлежащихъ имъ земель отъ перехода во владѣніе другихъ сословій и Евреевъ, закономъ было установлено, что крестьяне могутъ продавать свои земельные участки только крестьянамъ.

деновъ. Спустя 19 лѣтъ, т. е. въ 1883 г., въ тѣхъ же городахъ населеніе увеличилось до 396,593 ч., а подати—до 2.457,711 гульденовъ, или населеніе увеличилось на 60%, а подати на 200%.

Подобно крестьянамъ мѣщане-ремесленники обременены долгами, недостаточно образованы и нуждаются въ заработкахъ. Послѣднее происходитъ отъ того, что ремесленники не могутъ конкурировать съ Вѣнскими фабрикантами, переполняющими магазины недоброкачественными, но дешевыми издѣліями, которыя легко сбываются бѣдному населенію Галиціи [113]).

Безпощадно эксплуатируя христіанское населеніе Галиціи, Евреи уже безцеремонно относятся къ его вѣрѣ, требуя отмѣны празднованія Воскресенья и содѣйствуя своимъ пріятелямъ-шляхтичамъ ополячивать Русскихъ Галичанъ и въ союзѣ съ Поляками оскорблять религіозныя чувства послѣднихъ. Такъ въ Варшавскую газету „Dziennik dla wszystkich", корреспондентъ изъ Львова, въ 1886 г., сообщилъ, что Евреи подняли сильную агитацію противъ *„нелиберальнаго"* закона въ новомъ промысловомъ уставѣ о праздновании Воскресенья и подали въ министерство массу прошеній объ отмѣнѣ безработья. Требовали этого Евреи потому, что желали торговать въ Воскресенье и были недовольны такимъ установленнымъ преимуществомъ этого дня противъ шабаша. Когда же одинъ изъ депутатовъ Галиціи ксёндзъ Хотковскій, противъ отмѣны празднованія Воскресенья, прислалъ въ избравшій его округъ прошеніе во множествѣ экземпляровъ для подписи, то Евреи-корчмари распустили между крестьянами слухи, будто оно имѣетъ значеніе просьбы о возстановленіи барщины. Крестьяне начали грозно волноваться, такъ что намѣстникъ Галиціи долженъ былъ командировать спеціальнаго коммиссара для ихъ усмиренія.

Львовская газета „Glos Wolny" обвинила Поляковъ въ ложной политикѣ за то, что они замѣнили Русскій языкъ въ народныхъ школахъ (въ городкахъ восточной Галиціи, населенныхъ Русскими и Евреями) Польскимъ языкомъ, внушивъ имъ, чтобы они назвались при народной переписи Поляками, и число ихъ дѣтей съ дѣтьми Польской народности превысило число Русскихъ дѣтей [114]).

Въ Январѣ 1890 г., городская дума въ г. Перемышлѣ, въ Галиціи, состоящая изъ однихъ Поляковъ и Евреевъ, приказала изготовить для собакъ, подлежащихъ налогу, новые нашейники, на которыхъ изображенъ восьмиконечный крестъ. Въ виду этого Уніатскій епископъ въ Перемышлѣ Ступницкій обратился въ городскую думу съ протестомъ; но послѣдняя отвѣчала, что восьмиконечное изображеніе креста на собачьихъ нашейникахъ не должно оскорблять религіознаго чувства Русскихъ Уніатовъ, такъ какъ католическая церковь признаетъ только крестъ четыреконечный [115]).

Общее положеніе дѣлъ въ Галиціи Польскій писатель Щепановскій ха-

---

[113]) Московскія Вѣдомости 1889 г. № 223 и 1890 г. № 23.

[114]) Новое Время 1886 г. № 3639 и 1890 г. № 5258.

[115]) Московскія Вѣдомости 1890 г. № 22.

рактеризуетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Галиція наиболѣе отягощена податями изо всѣхъ земель, съ какими только ее можно сравнивать. Много крестьянскихъ земель тамъ перешло въ Еврейскія руки. Значительная часть крупныхъ земледѣльцевъ составляютъ Евреи, либо иностранцы; изъ туземцевъ независимыми можно назвать очень небольшое число магнатовъ (едва 1% общаго числа землевладѣльцевъ); изъ остальныхъ—20% едва сводятъ концы съ концами и 80% тонетъ въ долгахъ. *Положеніе дѣлъ въ Галиціи сходно съ давней Польшей.* Власть политическая въ рукахъ немногихъ, народъ остается въ темнотѣ и скудости; голодная интеллигенція чрезъ магнатскія переднія добивается мѣстъ, синекуръ, карьеры; *надъ всѣми вообще царитъ могущественное еврейство, ласкаемое аристократіей*“ [116]).

Вполнѣ естественно, что у Австрійскихъ христіанъ должно было, наконецъ, пробудиться сознаніе о томъ, что дѣятельность Евреевъ приноситъ имъ большое зло и что необходимо ей противодѣйствовать. Нужно удивляться только тому, что сознаніе это, выразившееся въ антисемитическомъ движеніи, явилось слишкомъ поздно, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, и то лишь въ двухъ мѣстахъ скученности Еврейскаго населенія въ Австріи, въ Вѣнѣ и въ Венгріи. Въ несчастной Галиціи, придавленной шляхетскимъ управленіемъ и Еврейскимъ экономическимъ игомъ, только два-три писателя и депутата осмѣлились одиноко заявить объ Іудейскомъ злѣ, но для борьбы съ нимъ не предложили никакихъ практическихъ мѣръ.

Въ Вѣнѣ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, христіане основали первое антисемитское общество и газету „Oster-Volksfreund“, которая издается съ тѣхъ поръ подъ редакціей Шеннера. Въ 1889 г. Вѣнскіе антисемиты, сплотившись въ большое общество подъ названіемъ „Соединенные Христіане“, основали для борьбы съ Евреями еще газ. „Deutsches Volksblatt“ и пріобрѣли для того же клерикальную газету „Vaterland“. Въ томъ же году появился „Die Laterne“, сатирическій листокъ, поставившій своею задачей „непреклонную борьбу ради освобожденія отъ Еврейскаго ига“. Всѣ эти органы стали съ энергіей раскрывать вредъ, причиняемый Евреями христіанамъ на разныхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности, призывать христіанъ къ борьбѣ съ Евреями и къ подачѣ голосовъ въ пользу антисемитовъ на выборахъ въ городскую думу и въ рейхстагъ и рѣзко, иногда грубо, полемизировать съ Еврейскою печатью [117]). Пропаганда антисемитской печати и дѣятельность „Соединенныхъ Христіанъ“ привели къ важнымъ результатамъ: на городскихъ выборахъ, происходившихъ въ Апрѣлѣ 1889 г., антисемиты были избраны въ шести округахъ Вѣны. Составивъ партію въ Вѣнскомъ общинномъ совѣтѣ всего изъ 33 чел. [118]), антисемиты уже стали оказывать вліяніе на направленіе дѣлъ въ совѣтѣ. Они, наприм., не допускаютъ голосованія по неблагопріятнымъ для себя вопросамъ, оставляя засѣданія совѣта, въ ко-

[116]) Новое Время 1889 г. № 4832.

[117]) Московскія Вѣдомости 1889 г. № 123.

[118]) Всѣхъ гласныхъ въ Вѣнскомъ общинномъ совѣтѣ 120.

торыхъ число либеральныхъ совѣтниковъ оказывается недостаточнымъ, такъ какъ они рѣдко бываютъ въ полномъ сборѣ. Кромѣ того, они добились большинства для себя въ томъ отдѣленіи совѣта, которое разсматриваетъ прошенія о припискѣ разныхъ лицъ къ городу съ цѣлью не допускать Евреевъ въ число Вѣнскихъ гражданъ [119]); а одинъ изъ вожаковъ антисемитовъ, гласный Феттеръ внесъ въ совѣтъ предложеніе: „поручить спеціальной коммиссіи перевести на Нѣмецкій языкъ употребляемую въ Еврейскихъ школахъ Австро-Венгріи законодательную Еврейскую книгу „Шулханъ-Арухъ" [120]) съ тѣмъ, чтобы рѣшить, по скольку содержащіяся въ этой книгѣ законоположенія отвѣчаютъ дѣйствующимъ въ Австро-Венгріи законамъ и обычаямъ культурной страны. По мнѣнію Феттера, принципы, установленные этою Еврейскою книгою, опасны для нравственности христіанско-Арійскаго населенія имперіи, и потому онъ предложилъ переводъ ея съ заключеніями коммиссіи повергнуть на усмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія. Предложеніе Феттера было передано въ школьную коммиссію [121]).

Другимъ важнымъ результатомъ дѣятельности „Соединенныхъ Христіанъ" слѣдуетъ считать усиленіе въ рейхстагѣ антисемитской партіи, состоявшей всего изъ нѣсколькихъ депутатовъ. На выборахъ, происходившихъ въ началѣ 1891 г., было избрано въ рейхстагъ отъ 14 округовъ Вѣны восемь антисемитовъ, въ томъ числѣ энергическій ихъ сторонникъ князь Лихтенштейнъ [122]); и отъ другихъ мѣстностей семь, такъ что въ рейхстагѣ уже образовалась антисемитская партія въ 15 депутатовъ [123]), съ значеніемъ, которое выразилось въ томъ же году въ предложеніи, внесенномъ депутатомъ Шнейдеромъ. При обсужденіи смѣты министерства юстиціи, онъ настаивалъ, чтобы тяжбы между христіанами и Евреями разбирались непремѣнно судьями изъ христіанъ, такъ какъ судьи изъ Евреевъ пристрастны къ своимъ единомышленникамъ, въ доказательство чего и привелъ нѣсколько фактовъ. Кромѣ того, чувство католиковъ возмущается тѣмъ, что ихъ нерѣдко приводятъ къ присягѣ Евреи-судьи. Министръ юстиціи отвѣчалъ, что законъ о равноправіи Евреевъ нужно соблюдать, но слѣдуетъ уважать и чувства католиковъ [124]).

Важное значеніе избирательной побѣды антисемитовъ въ Вѣнѣ въ 1891 г., положеніе въ ней Евреевъ и причину болѣе значительнаго успѣха антисемитизма въ Вѣнѣ, чѣмъ въ Берлинѣ, пасторъ Штеккеръ подробно объяснилъ въ рѣчи, произнесенной имъ на сходкѣ христіанско-соціальной партіи въ Берлинѣ. „Въ

---

[119]) Русскія Вѣдомости 1889 г. № 139.

[120]) По объясненію Еврейскихъ писателей Сегаля, Бермана, Хвольсона и другихъ, «Шульханъ-Арухъ» есть сборникъ Талмудическихъ правилъ или сборникъ Еврейскихъ законовъ, имѣющихъ у Евреевъ наибольшее значеніе. «Евреи. Ихъ вѣроученіе и нравоученіе», С. Диминскаго, изд. 1891 г., стр. 30—33.

[121]) Московскія Вѣдомости 1889 г. № 194.

[122]) По его почину въ палатѣ въ 1891 г. образовался антисемитическій клубъ подъ названіемъ «Вольный союзъ для экономической реформы на началахъ христіанства».

[123]) Сынъ Отечества 1891 г. №№ 54 и 58.

[124]) Новое Время 1891 г. № 5514.

Вѣнѣ, сказалъ между прочимъ Штеккеръ, произошли событія первостепенной важности. Большинство Вѣнскаго населенія избрало антисемитовъ, а такъ какъ въ Вѣнѣ существуетъ поразрядная система выборовъ, то побѣда антисемитовъ въ Вѣнѣ имѣетъ еще бо̀льшее значеніе, чѣмъ у насъ. Ничего не значитъ, что въ провинціи антисемиты не имѣли такого же успѣха: въ области духовной генеральныя сраженія происходятъ всегда въ столицахъ. Побѣда антисемитовъ въ Вѣнѣ не останется безъ послѣдствій и для Берлина. Но какъ объяснить то, что у насъ народный духъ не достигъ еще той степени развитія, какъ въ Вѣнѣ? Въ извѣстномъ отношеніи еврейство въ Вѣнѣ могущественнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. Въ области финансовъ Евреи тамъ полные хозяева; да и государство, по плохому состоянію финансовъ, находится во многихъ отношеніяхъ въ зависимости отъ Евреевъ, вслѣдствіе чего правительство стоитъ за нихъ горой. Время, когда Вѣна была настоящимъ императорскимъ городомъ, прошло безвозвратно. Нынѣ въ финансовомъ, а отчасти и въ промышленномъ отношеніи Вѣна клонится къ упадку, благодаря Евреямъ, которые притѣсняютъ среднее сословіе, а народъ, какъ и въ Берлинѣ, превратили въ рабовъ. Относительно печати, литературы и искусства въ Вѣнѣ дѣла обстоятъ еще хуже, чѣмъ у насъ. Гдѣ свиваютъ свое гнѣздо Евреи, тамъ духовная трава уже не растетъ: тамъ вся жизнь превращается въ биржу, тамъ все направлено только къ наживѣ. Но Вѣна имѣетъ одно преимущество передъ нами: въ Вѣнѣ именно нѣтъ невѣрующаго протестантизма; Вѣнцы, при всемъ своемъ легкомысліи, люди вѣрующіе, преданные католической церкви, и этимъ въ значительной степени объясняется противодѣйствіе, оказываемое ими посягательствамъ Евреевъ“ [125]).

Каково было въ послѣдніе годы настроеніе низшихъ классовъ народа въ Вѣнѣ относительно Евреевъ, можно судить по слѣдующимъ фактамъ Въ Сентябрѣ 1888 г. состоялось собраніе сапожниковъ Вѣны, на которомъ, между прочимъ, было постановлено не допускать въ среду сапожнаго Verein'а Евреевъ и въ засѣданіе Verein'а не допускать Еврейскихъ журналистовъ. Въ 1889 г. уже произошли антисемитическіе безпорядки во время стачки конно-желѣзно-дорожныхъ служащихъ, а въ Мартѣ 1890 г. безпорядки повторились въ большихъ размѣрахъ: было разграблено много лавокъ, исключительно Еврейскихъ, и бунтовщиковъ пришлось усмирять войсками [126]).

Въ Венгріи, также какъ и въ Австріи, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ появились въ парламентѣ между депутатами антисемиты, и ранѣе чѣмъ въ Австріи произошли серіозные антиеврейскіе безпорядки; но въ послѣдующіе годы антисемитизмъ въ Венгріи, судя по молчанію объ немъ Русской печати, не развивался, вѣроятно потому, что небольшой кружокъ Венгерскихъ патріотовъ, затѣявшій непосильную борьбу съ Евреями, не нашелъ поддержки въ дворянствѣ и вообще въ христіанской интеллигенціи, попавшей въ матеріальную зависимость отъ Евреевъ, и, разумѣется, въ печати.

---

[125]) Новое Время 1891 г. № 5394.

[126]) Новое Время 1888 г. № 4500. Московскія Вѣдомости 1890 г. № 87.

Вотъ нѣкоторые извѣстные намъ факты объ антисемитизмѣ въ Венгріи. Въ 1882 г., какъ уже мы сказали, Венгерскіе депутаты: Источи, Оподи и Симони участвовали въ конгрессѣ антисемитовъ въ Дрезденѣ. Въ томъ же году произошли въ Венгріи и антисемитическіе безпорядки. Въ докладѣ исполнительной коммиссіи о такихъ безпорядкахъ въ Пресбургскомъ комитетѣ говорится, что въ 41 общинѣ и 4-хъ городахъ комитата произошли насилія надъ Евреями, за что было привлечено къ отвѣтственности 287 лицъ; что враждебное Евреямъ настроеніе массъ поддерживалось сходками, газетами, брошюрами и летучими листками, и если безпорядки не приняли бо̀льшихъ размѣровъ, то благодаря только энергическимъ усиліямъ мѣстныхъ властей и вмѣшательству войскъ [127]). Въ 1884 г. представители антисемитовъ въ Венгерской палатѣ депутатовъ составили особый проектъ адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь. Въ немъ они высказали, что эманципація Евреевъ была ошибкой; что, пользуясь ею всего 17 лѣтъ, Евреи завладѣли значительною частью земли и вынудили тысячи коренныхъ жителей эмигрировать, и настаивали на принятіи мѣръ для оставленія мелкой земельной собственности за земледѣльцами, чтобы Венгрію не постигла участь Галиціи и Буковины, которыя вполнѣ эксплуатируются Евреями.

Хотя попытки Венгерскихъ антисемитовъ противодѣйствовать эксплуатаціи Евреевъ и не привели пока къ полезнымъ результатамъ, но самое существованіе антисемитовъ въ Венгріи доказываетъ, что въ ней еще есть возможность борьбы христіанъ съ Іудейскимъ зломъ. Въ Галиціи же не поднималось Польскою интеллигенціей даже и вопроса о борьбѣ съ вредною дѣятельностью Евреевъ по случаю союза съ ними шляхты. Депутатъ Галиційскаго сейма графъ Дзедушицкій въ письмѣ въ газету „Kraj", не находя возможности достигнуть радикальнаго рѣшенія Еврейскаго вопроса (выселенія Евреевъ изъ Галиціи), даетъ Польскому народу неисполнимый совѣтъ: поискать возможности сліянія съ Евреями [128]). Такой совѣтъ графа Дзедушицкаго и умышленное нерадѣніе Австрійскаго правительства о пользѣ своихъ Славянскихъ и особенно Русскихъ подданныхъ доказываютъ, что несчастный народъ въ Галиціи не можетъ надѣяться на помощь правительства и интеллигенціи для выхода изъ своего отчаяннаго положенія. Дѣйствительно, онъ и не надѣется на нее и выражаетъ свой протестъ противъ невыносимаго гнета Евреевъ и шляхтичей усиленною эмиграціей въ Америку [129]) и въ Россію (особенно

[127]) Новое Время 1882 г. № 2409.

[128]) Совѣтъ о сліяніи съ Евреями путемъ смѣшанныхъ браковъ былъ предложенъ Полякамъ еще въ 1878 г. однимъ изъ кандидатовъ на мѣсто депутата отъ г. Львова въ Австрійскомъ парламентѣ, журналистомъ-Полякомъ Ревакович̆емъ. Въ рѣчи къ своимъ избирателямъ онъ сказалъ, что кровь нынѣшнихъ Поляковъ никуда не годится и для ея обновленія необходимо, чтобы Поляки женились на Еврейкахъ. Въ этомъ онъ видѣлъ средство къ возстановленію Польши. „Голосъ" 1878 г. № 74.

[129]) Въ 1890 г. докторъ Клобуковскій, по поводу открытыхъ злоупотребленій Еврейско-Нѣмецкихъ эмиграціонныхъ агентовъ въ Вадовицахъ, въ западной Галиціи, издалъ брошюру объ эмиграціи изо всѣхъ Польскихъ земель въ промежутокъ времени съ 1871 г. по 1887 г., въ которой онъ на долю Галиціи опредѣляетъ 100,000 эмигрантовъ. «Русскія Вѣдомости» 1890 г. № 52.

въ 1892 г.) и антиеврейскими безпорядками, которые не принимаютъ общаго характера только оттого, что Галиція переполнена войсками. Напримѣръ, въ Апрѣлѣ 1890 г. въ окрестностяхъ Коломыя въ восточной Галиціи произошли антиеврейскіе безпорядки среди крестьянъ въ селеніяхъ: Гвоздоцѣ, Кулачковцахъ, Трафоновцѣ, Балинцахъ, Иллинцахъ и нѣкоторыхъ другихъ. Поводомъ къ безпорядкамъ послужило постановленіе крестьянъ, состоявшееся въ послѣдній базарный день въ Гвоздоцѣ, не наниматься на работу къ Евреямъ и помѣщикамъ. Во время совѣщанія крестьянъ, между ними и Евреями возникла драка; одновременно такія же драки произошли и въ другихъ гминахъ (волостяхъ). Въ домахъ Евреевъ и нѣкоторыхъ помѣщиковъ выбиты окна, навозъ съ арендуемыхъ Евреями полей перевезенъ крестьянами на свои. Во время безпорядковъ въ Гвоздоцѣ убитъ одинъ, но раненыхъ много. На другой день крестьяне собрались въ Кулачковцахъ для совѣщанія о выступленіи противъ „Евреевъ и пановъ". Усилія мѣстной полиціи для водворенія порядка между крестьянами оказались недостаточными, и въ помощь ей были посланы войска [130]).

Н. С. Граве.

*

Статья эта (плодъ долголѣтняго труда) имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ „Русскому Архиву"; но мы обязаны помѣстить ее, оставаясь вѣрны той мысли, которая выражена въ эпиграфѣ нынѣшней нашей тетради. Въ статьѣ этой наглядно изображено то что могло угрожать и намъ до благотворныхъ охранительныхъ мѣръ, которыя приведены и приводятся въ исполненіе въ нынѣшнее царствованіе. Нельзя въ тоже время не порадоваться, что этотъ темный, но жгучій вопросъ уже на столько разъясненъ въ нашей печати, что почтенный авторъ, въ изложеніи своемъ, могъ пользоваться почти исключительно свѣдѣніями, почерпнутыми изъ Русскихъ книгъ и повременныхъ изданій. П. Б.

КЪ БІОГРАФІИ А. С. ХОМЯКОВА.

Біографія Хомякова до сихъ поръ не составлена подробно, и если можно объ этомъ съ одной стороны сожалѣть, то нельзя съ другой не признать и нѣкоторую законность такого, повидимому, страннаго явленія. Жизнь Хомякова (и многихъ изъ его друзей) протекла при условіяхъ самыхъ обыкновенныхъ; внѣшними событіями она не богата, и все ея историческое значеніе состоитъ въ томъ, что она не отвлекала его отъ постоянной умственной и духовной работы, выражавшейся въ его бесѣдахъ и въ его письменныхъ трудахъ. Безъ полнаго уразумѣнія его ученія (внѣшняя, блестящая разносторонность коего до сихъ поръ еще не даетъ многимъ усвоить всю силу его внутренней цѣлостности) не представляется возможнымъ возсоздать съ должной полнотой и самый историческій образъ его въ подробностяхъ біографическаго повѣствованія. Но теперь уже настаетъ и, можетъ быть, настало время, когда ученіе Хомякова и его единомышленниковъ начинаетъ оцѣниваться и раскрываться во всей глубинѣ и широтѣ, и теперь же наступаетъ время, когда біографія лицъ Славянофильскаго кружка является все болѣе и болѣе желательной. Покуда „Русскій Архивъ" довольствуется собираніемъ матеріаловъ, могущихъ послужить будущему біографу, и чѣмъ таковые скуднѣе, тѣмъ болѣе надо ими дорожить. Молодые годы Алексѣя Степановича всего менѣе извѣстны въ ихъ біографическихъ подробностяхъ. Печатаемыя ниже двѣ рукописи относятся къ 1826 году *). Первая изъ нихъ есть отрывокъ (начало и конецъ) статьи о зодчествѣ, сложившейся подъ вліяніемъ созерцанія величаваго Миланскаго собора во время путешествія, совершеннаго Хомяковымъ за границей по выходѣ въ отставку изъ его первой военной службы въ конно-гвардейскомъ полку. Это есть вѣроятно самая ранняя изо всѣхъ задуманныхъ Хомяковымъ статей. Она явно носитъ на себѣ отпечатокъ молодости автора. Въ ней однако уже выступаютъ отличительныя черты его мышленія, всегда и во всемъ старавшагося доискаться первооснову и всякое отдѣльное явленіе возвести къ первоначалу. Замѣчательно, что уже въ столь юномъ возрастѣ онъ стоялъ на той же почвѣ, какъ и въ пору полной зрѣлости, почитая вѣру главнымъ и почти исключительнымъ стимуломъ всѣхъ духовныхъ явленій въ жизни человѣчества.

*) А. С. Хомяковъ родился въ 1804 г.

Второй печатаемый нами документъ писанъ не имъ, а къ нему, отцемъ его Степаномъ Александровичемъ, въ Парижъ, въ томъ же 1826 году. Это письмо любопытно само по себѣ, какъ изложеніе подробностей воцаренія императора Николая Павловича написано оно для распространенія въ Парижѣ и имѣло цѣлью опроверженіе ложныхъ слуховъ, распускавшихся Французской печатью. Нѣкоторыя замѣчанія по адресу самого Алексѣя Степановича интересны для уясненія тѣхъ политическихъ воззрѣній, которыхъ онъ держался въ началѣ своего поприща. Въ политикѣ, какъ и во всемъ остальномъ, убѣжденія А. С. Хомякова не измѣнились во всю его жизнь. Изъ этого позволительно заключать, что они въ немъ самомъ были чѣмъ-то не надуманнымъ, а живымъ плодомъ непосредственнаго общенія вѣры и мысли со средою и народомъ, изъ которыхъ онъ вышелъ *). Его умъ и обширная образованность придали его ученію строго-логическую форму и научное обоснованіе; но настоящая сила его направленія заключается именно въ томъ, что оно болѣе всѣхъ другихъ можетъ почитаться выраженіемъ міровоззрѣнія по преимуществу Русскаго, т. е. того, которое сложилось и живетъ вѣками въ душѣ Русскаго человѣка.

I.

Статья А. С. Хомякова о зодчествѣ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1826-го г. стоялъ я около 6-ти часовъ вечера на соборной площади въ Миланѣ. Передо мною огромная церковь подымалась какъ гора бѣлаго мрамора, и ея легкая, красивая башня, ея безчисленные готическіе столбы, украшенные богатою рѣзьбою, ярко отдѣлялись на темноголубомъ грунтѣ Итальянскаго неба. Каждая впадина въ стѣнѣ была наполнена святыми изображеніями, на каждомъ остроконечномъ столбѣ молился какой-нибудь угодникъ высоко надъ землею, какъ будто посредникъ между нею и небомъ. Долго стоялъ я передъ этимъ великолѣпнымъ зданіемъ, неподвиженъ отъ удивленія и глубокаго, неизъяснимаго наслажденія. Я не видалъ толпы, которая съ наступленіемъ вечера высыпала изъ домовъ и безпрестанно мелькала по площади; а веселые, безпечные Итальянцы не обращали вниманія на меня: они привыкли видѣть иностранцевъ, благоговѣющихъ передъ памятниками ихъ прелестнаго отечества. Солнце закатилось, наступила ночная тѣнь, и съ нею размышленіе.

Я сталъ вопрошать себя и допытываться причинъ того удовольствія, которое такъ долго оковало, такъ сказать, всѣ мои чувства. Я вспомнилъ все, что я когда - нибудь читалъ о зодчествѣ, и все мнѣ показалось неудовлетворительнымъ. Никто еще не проникнулъ въ тайны этого художества, никто не объяснилъ ни пра-

*) Объ этомъ самъ онъ говоритъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ графинѣ Блудовой См. Р. Архивъ 1879, I, 372.

вилъ его, ни дѣйствія, которое оно производитъ на нашу душу, ни средствъ, которыми оно достигаетъ своей цѣли. Иные писали о Зодчествѣ Классическомъ, но всегда въ какомъ - то школьномъ духѣ, занимаясь болѣе мертвымъ правиломъ, чѣмъ живымъ, пламеннымъ геніемъ художествъ. Другіе писали о Зодчествѣ Романтическомъ; но, не понимая общей теоріи искусствъ и управляясь болѣе чувствомъ, чѣмъ просвѣщеннымъ разсудкомъ, они на истину попадали рѣдко, какъ будто невзначай, и изъ самой истины не могли выводить заключеній.—Можетъ быть, покажется странно выраженіе мною употребленное: Зодчество Романтическое. Я постараюсь его оправдать.

Всѣ искусства суть формы различныя одного чувства, различныя средства, удовлетворяющія одной и той же потребности души. Они между собою связаны невидимою, но неразрывною цѣпію, и ихъ существованіе до такой степени нераздѣльно, что какъ скоро произойдетъ перемѣна въ духѣ котораго нибудь изъ нихъ, мы смѣло можемъ сказать, что общее понятіе объ изящномъ измѣнилось, и съ нимъ должны были измѣниться всѣ три его выраженія, т. е. посредствомъ словъ, звуковъ и формъ. Какой же человѣкъ, нѣсколько знакомый съ ходомъ ума человѣческаго, усумнится въ томъ, что тѣ самыя причины, которыя раздѣлили Поэзію на Классическую и Романтическую, должны были распространить свое вліяніе на всѣ искусства и подобнымъ образомъ раздѣлить Музыку, Живопись, Ваяніе и Зодчество. Иные скажутъ, что даже въ Поэзіи это раздѣленіе не ясно и еще остается неопредѣленнымъ. Не спорю, но оно существуетъ несомнѣнно и, можетъ быть, вся загадка сего раздѣленія находится въ двухъ чувствахъ: *наслажденія* и *желанія*.

Общая цѣль искусствъ есть нѣкое спокойное и возвышенное созерцаніе, посредствомъ котораго облагороживается наше существованіе и усиливается дѣйствіе нашихъ нравственныхъ способностей. Но какими же средствами достигаетъ Зодчество сей благородной цѣли? Можетъ быть (но это одно предположеніе), можетъ быть, приведеніемъ пространства къ формѣ простой, въ которой рѣдко является оно въ природѣ, и гармоническимъ расположеніемъ свѣта, тѣней и красокъ. Едва ли можно принять безусловно мнѣніе (впрочемъ остроумное) тѣхъ, которые объясняютъ тайну этого искусства единственно какимъ-то свойствомъ геометрическихъ фигуръ, представляющихъ намъ въ видѣ вещественномъ общее понятіе пространства. Вопервыхъ, оно отвергаетъ вліяніе тѣней и свѣта, которое однако чувствительно для всякаго внимательнаго наблюдателя произведеній Зодчества. Вовторыхъ, происходя отъ начала слишкомъ отвлеченнаго, оно предполагаетъ доказаннымъ согласіе геометріи съ наукой изящнаго, которое многимъ можетъ ка-

заться сомнительнымъ. Отчего же встрѣчаются такъ часто правильныя фигуры геометрическія въ формахъ Зодчества? Постараюсь объяснить это обстоятельство. Всякій изъ насъ испыталъ то сладкое чувство, которое производитъ видъ безпредѣльнаго моря или широкихъ озеръ или степей нашей южной Россіи или того, что̀ еще прекраснѣе—однообразной синевы свѣтлаго неба. Глаза отдыхаютъ пріятно на этихъ предметахъ, и какое-то возвышенное спокойствіе овладѣваетъ душою. Въ геометріи ли будемъ искать нача̀ла нашего удовольствія? Но небосклонъ часто ограничивается ломанною и неправильною линіею горъ, озера заключены въ берегахъ, которые природа начертила не по законамъ Эвклида. Что̀ же насъ въ такихъ случаяхъ привлекаетъ? Можетъ быть, мое мнѣніе покажется парадоксомъ; но я думаю, что намъ нравится это однообразіе формъ и красокъ, которое передаетъ нашимъ чувствамъ впечатлѣніе чего-то полнаго, цѣлаго. Разнообразіе формъ въ явленіяхъ природы рѣдко доставляетъ намъ это наслажденіе, и искусство должно вознаградить насъ за ея скупость. Ему предоставлено было соединять въ одно цѣлое массы огромныя, однообразныя, на которыхъ глаза наши могли бы покоиться. Но при переходѣ отъ плоскости къ другой плоскости глазъ требуетъ соразмѣрности въ линіяхъ, гармоніи въ оконечностяхъ для того, чтобы ничто не тревожило его спокойствія. Вотъ почему правильность (симметрія) сдѣлалась необходимою спутницею Зодчества. Она не есть идея отвлеченная, одѣтая въ вещественныя формы, но условіе тишины въ нашемъ чувственномъ мірѣ, тишины, которая возбуждаетъ силы нравственныя и ведетъ насъ къ высокому познанію самого себя.

Я говорилъ до сихъ поръ только о гармоніи формъ; но изъ нея вытекаетъ подобное же правило для свѣта, тѣней и красокъ. Никакая плоскость, какой бы она ни была величины, не можетъ казаться величественною, если при однообразіи размѣра она не соединяетъ однообразія въ освѣщеніи и въ цвѣтѣ, и шахматная доска, составленная изъ двухъ красокъ совершенно противуположныхъ, никогда не произведетъ пріятнаго впечатлѣнія на зрѣніе. Не хочу изъ этого вывести заключеніе, чтобы всякое произведеніе Зодчества должно было во всѣхъ частяхъ быть одного цвѣта, но утверждаю только, что гармонія должна быть сохранена въ переходѣ отъ цвѣта къ другому, что эти переходы не должны быть ни слишкомъ рѣзки, ни слишкомъ часты и что художникъ не долженъ забывать соотношенія между массами линейными и массами поверхностей цвѣтныхъ.

Изо всего вышесказаннаго можно заключить, что Зодчество (также и всѣ прочія искусства) обязано существованіемъ своимъ Религіи или, по крайней мѣрѣ, въ началѣ своемъ должно было быть ей посвя-

Для „Русскаго Архива“.

Четырнадцатое декабря 1825 г. въ Петербургѣ.

Съ рисунка Кольмана, изъ кабинета графа А. Х. Бенкендорфа въ Фаллѣ подъ Ревелемъ.

щеннымъ. Огромность формъ, стройность переходовъ порождаютъ невольное благоговѣніе и напоминаютъ человѣку о существѣ высшемъ. Не у Римлянъ-подражателей, не у Римлянъ, которые дали всѣмъ искусствамъ направленіе ложное и превратный смыслъ, должны мы искать первобытной цѣли Зодчества и его истиннаго назначенія. На берегахъ Нила, въ Индіи, гдѣ люди такъ рано составили общества образованныя, въ Персіи и, наконецъ, въ землѣ любимой всѣми искусствами—Греціи увѣримся мы, что всѣ памятники, которымъ хотѣли придать величіе и красоту, всѣ зданія, которыя могли противиться разрушительной работѣ вѣковъ, были въ тѣснѣйшей связи съ Рилигіею. Храмы, гробы и изрѣдка дворцы царей, которымъ народы Восточные поклонялись какъ живымъ изображеніямъ боговъ,—вотъ что̀ встрѣчаетъ взоръ путешественника. И теперь еще Европеецъ, вступая въ жилище забытаго божества или умершаго полу-бога, еще чувствуетъ ихъ присутствіе и умѣряетъ шаги свои, чтобъ не нарушать священной тишины, царствующей въ опустѣломъ зданіи. Огромность и гармонія—вотъ въ чемъ древніе видѣли Божество. Пусть, смотря на остатки ихъ произведеній, скажутъ, что они ошибались.

II.

Письмо къ А. С. Хомякову въ Парижъ отца его о событіи 14 Декабря 1825 года.

3 (15) mai 1826. Lipitzi.

Cher et bien aimé Alexis.

J'ai reçu ta dernière lettre, avec les fragments de ta tragédie. Ils m'ont paru très énergiques et très naturels, quoique le manque de rimes et le mélange de mètre me paraissent une pierre d'achoppement pour les acteurs et les oreilles des spectateurs, accoutumées à attendre la cadence des rimes. Je suis très impatient de lire le tout. Le dernier monologue de Ermak mourant est très naturel; c'est justement le langage qu'il devait tenir, et son exaltation en parlant de la gloire est d'un sentiment sublime. Le premier fragment qui est une allusion à la vocation d'un poëte, n'est pas si éminent. Ne te rebutes pas par l'ennui et tâches de copier le tout et de me le faire parvenir.

Tes descriptions de Paris, ton jugement sur Talma et les autres acteurs, comme aussi sur les tableaux, m'ont été très agréables. Tes leçons de peinture vont très bien, je t'en félicite; mais ne t'y adonnes pas trop. Tu sais que ta vocation n'est pas celle d'un artiste, mais que tu es appellé à jouer dans la patrie le rôle d'un membre utile à la société; tes principes sûrs et raisonnables,

ton jugement sain et juste sur l'infâme complot peuvent te présager une possibilité de carrière plus honorable, surtout sous un Souverain, qui, à son début, nous donne les espérances les plus brillantes.

Il y a une foule d'anecdotes très intéressantes sur son compte, que les journaux, je ne sais par quelle négligence ou réticence impardonnable, ne communiquent pas au public, qui n'en est informé que par des récits de personnes autentiques. Comme tu me dis que les papiers publics à Paris font circuler les bruits les plus ignorés et les plus ridicules, je prends sur moi la tâche de te communiquer quelques détails circonstanciés sur toute la suite des événemens qui ont eu lieu, d'après le dire de personnes bien instruites et des témoins irrécusables.

Tu sais déjà, que feu l'Empereur gagna sa maladie par un refroidissement de la tête, pendant une excursion dans les montagnes de la Crimée. Sa maladie au commencement fut peu grave, mais prit un caractère dangereux, quand il reçut un avis très circonstancié de la trâme infernale qui s'ourdissait et de l'attentat projetté contre sa personne. L'avis vint dit-on de Wittgenstein et confirmé par des nouvelles de France, qu'on y faisait imprimer un projet de constitution. Son médecin Willié lui proposa des remèdes, qu'il refusa, disant que ce n'était pas le physique, mais le moral, qui le tuait *), et qu'il ne désirait pas survivre à la dégradation de la nation: preuve qu'il crut la ramification du complot plus sérieuse, et ne se doutait nullement que le tout n'était qu'un complot d'imberbes. Ce ne fut qu'aux supplications de son confesseur qu'il consentit à des sangsues et des vésicatoires; mais il était déjà trop tard.

Après son décès, le général Dibitsch envoya la dénonciation à Varsovie; mais comme l'adresse portait à l'empereur Constantin, lui, fidèle et persistant strictement dans sa renonciation au trône, n'ouvrit pas le rapport et l'envoya à Pétersbourg. Sur ces entrefaites le général Dibitsch fit l'acte méritoire de rassembler un conseil des généraux les plus marquans à Taganrog, qui conclut à l'unanimité de sévir en qualité de l'état major-général contre les conspirateurs, et envoya ordre d'arrêter quelques colonels, entre autre le plus taré, Pestel 2. Cela fit éclater l'insurrection de Mouraview-Apostoll, avec une partie du régiment de Tchernigoff; mais sans cette mesure il y aurait eu peut-être cinq à six régimens à soumettre, au lieu de quelques compagnies. Gloire en soit à Dibitsch d'avoir prévenu une plus forte commotion.

A Pétersbourg le nouvel Empereur, par une magnanimité sans exemple, ne voulait pas profiter du manifeste posthume d'Alexandre et de la renoncia-

*) Съ боку приписано А. С. Хомяковымъ: „Въ первый разъ слышу и не вѣрю".

tion du Grand-Duc, et fut le premier à prêter serment à l'empereur Constantin, pendant que celui-ci en prêtait à Varsovie à l'empereur Nicolas; et, persistant dans sa déférence aux arrangemens pris avec son défunt frère, il réitéra avec instance sa renonciation formelle au trône. D'après cela le nouveau Monarque songeait à concilier son manifeste avec des mesures qui ne pussent pas choquer le serment prêté tout récemment par tout l'Empire; mais le gouverneur-général Miloradowitsch vint lui annoncer qu'on remarquait des menées sourdes, indiquant quelque projet sinistre, et qu'il fallait se prononcer plus promptement. Là-dessus parut le nouveau manifeste de Nicolas I-er et toutes les pièces y attenantes, et le 14 (26) décembre fut désigné pour la prestation de serment et d'hommage à la cour. Toute la cour était en grand galà, l'Empereur et tous les généraux en grande tenue, avec toutes leurs décorations, quand tout à coup on vint annoncer au Monarque que le régiment de Moscou s'était refusé au serment, avait maltraité le général Fréderichs et se dirigeait sur la place du Sénat avec des mouvemens séditieux. L'Empereur descend au corps de garde, fait charger les fusils des fonctionnaires, et donne des ordres pour faire arriver plusieurs régimens de la garde et le bataillon des sapeurs, au quel il confie les avenues du palais. Il envoie le comte Miloradowich apaiser les insurgés, auxquels s'étaient jointes plusieurs personnes de différens services et en fracs, quelque peu de soldats de l'équipage marin et des leibgrenadiers.

Le comte s'approcha des insurgés, dont les soldats avaient été séditionnés par une soi-disant fidélité au serment prêté à Constantin et criaient: hourra Constantin! Le comte commença à les sommer de se rendre à la raison, en leur disant, que s'il était question de dévouement à Constantin, il aurait été le premier à le témoigner, puisqu'il a été toujours comblé des bienfaits de ce prince; que toutes les distinctions, dont lui, comte, était honoré, ont été accordées à la recommandation du Grand-Duc, et même cette épée pour la valeur. En même tems il y porta la main pour la faire voir. Le prince Obolensky, qui se trouvait auprès de lui, craignant sans doute que cela n'eût d'influence sur l'hésitation des soldats, lui tira dans ce moment un pistolet à bout portant, qui, perçant le cordon de St. André, lui fit une blessure mortelle, et arrachant le fusil d'un des soldats, lui porta un coup de bayonnette. Telle fut la fin de ce brave militaire, sans peur et sans reproche. La nouvelle en parvint à l'Empereur, quand il était déjà sorti du palais et se dirigeait sur la place avec tout son cortège.

Le premier régiment qu'il rencontre est celui d'Izmaïlowsky; il s'en approche et lui demande, s'il est pour lui ou contre lui. Quelques hourras lui apprirent, qu il y régnait de l'incertitude. Alors il lui ordonne de charger les

fusils à balles, et quand les armes furent chargées, il s'adressa de nouveau au régiment, lui disant: Je suis devant vous, vos fusils sont chargés; eh bien, repondez: êtes vous pour, êtes vous contre moi? Un hourra unanime répondit à cette interpellation et le paya de son énergie et de son courage. Alors il se rendit sur la place où étaient les insurgés, les fait sommer, et en même tems il apperçoit un individu, portant le chapeau militaire de travers; il l'appelle et lui en demande la raison, l'autre lui fait voir une blessure au front. C'était le scélérat Yacoubowitch; il faisait alors des signes au colonel Boulatoff, apposté derrière l'Empereur, pour décharger contre lui des pistolets, qu'on lui avait donnés à cet effet. Mais Boulatoff (d'après son propre aveu, quand il se remit lui-même le lendemain à la Commission d'Enquète) dit, que la contenance ferme et courageuse de l'Empereur lui avait paralysé les bras. Yacoubowitsch, persévérant à lui donner des signes d'intelligence, s'approcha de l'Empereur, simula un repentir, disant qu'il était aussi des insurgés. Le Monarque lui dit: Pour preuve de ton repentir, va mettre à la raison ces insensés. Mais l'emissaire, s'approchant d'eux, leur dit: ne craignez rien, on a peur de vous; et retournant vers le Souverain rapporta, qu'on ne l'écoutait pas. L'Empereur lui ordonna de nouveau d'aller leur annoncer qu'on allait procéder à les soumettre par la force armée et qu'il les sommait de nouveau. Yacoubowitsch partit, mais ne revint plus, parce qu'il vit que Boulatoff ne faisait plus attention à ses signes.

Dès lors les insurgés commencèrent à tirer, mais non avec ordre, mais à la billebaude; les balles sifflaient autour de l'Empereur. Kükhelbéker avait ajusté son pistolet contre le grand-duc Michel, mais un soldat lui fit sauter le pistolet des mains et la balle ne fit que raser la terre. Le Monarque ne s'en tint pas là dans ses intentions de prévenir l'effusion du sang; il prit la résolution téméraire d'aller lui-même les haranguer; mais le général Wassiltschikoff retint son cheval par la bride et lui annonça avec fermété qu'il ne le laisserait pas aller exposer sa personne. Les pourparlers avaient duré plus de quatre heures. Une charge de cavalerie par votre ci-devant régiment fut ordonnée; par le manque d'espace, elle ne fut qu'au trot et fut repoussée. Alors l'Empereur, se retirant un peu, ordonna à l'artillerie d'agir. Huit coups à mitrailles furent tirés; le premier dirigé par-dessus les têtes fut répondu par les insurgés par une acclamation de: vive la liberté! Le second mieux dirigé modifia un peu les hourras; mais le troisième les culbuta et mit en fuite, qu'ils dirigèrent par la Galernaya; le 4-e 5-e et 6-e en firent un affreux carnage, en plongeant dans leur masse encombrée dans cette rue étroite; le 7-e et le 8-e

dirigés contre quelquels pelotons, qui se réformaient sur la glace de la Néva, ne les atteignirent pas, parce que ce n'était pas à boulets.

Alors on procéda à les capturer. On fit des recherches dans le domicile des plus tarés et des plus notoires; on saisit leurs papiers, on y trouva leurs plans, projets de constitution, partage en douze républiques, nomination de consuls et dictateurs, la liste des conjurés; enfin, toutes leurs sottes et infâmes machinations furent découvertes. Après cela les arrestations furent très nombreuses. Les deux jeunes Konownitzine, le prince Wolkonsky, frère cadet de Repnine, en sont aussi, et beaucoup de personnes à Moscou ont été saisies; mais pas une seule d'un âge et d'un caractère solide, si ce n'est Michel Orloff. En Russie, les arrestations semblent avoir cessé; à présent c'est dans la Pologne, et même à Dresde, qu'on s'empare de quelques complices.

Vous aurez peut-être lu dans le Journal de St.-Pétersbourg un détail plus ample des aveux de ces infâmes conspirateurs et de leurs plans absurdes et homicides. Leur crime est un crime de lèze-nation; mais ce qu'on ne publie pas, au grand étonnement de tout le monde, ce sont les beaux traits de l'Empereur, qui vraiment montre un caractère des plus grands et des plus généreux.

Boulatoff, qui avoue lui-même son attentât, demande à voir ses enfans; les plus jeunes ne le reconnaissent pas: tant il est défiguré par son crime avorté. Cela produit sur lui une si forte impression, que spontanément il devint fou et meurt le quatrième jour à l'hôpital. L'Empereur dit alors: il a sévi contre ma personne, je lui pardonne. Il lui fait rendre à son convoi les honneurs militaires et prend sa famille sous sa protection.

La femme de Ryléeff et la mère des Bestougeffs implorent sa miséricorde pour elles et leur pauvre existence. On leur accorde des pensions. L'un des cinq frères Bestougeffs, pris à Cronstadt, où il s'était réfugié, amené devant l'Empereur pour l'interrogatoire, commence par demander à manger; on le lui accorde; après il a l'effronterie de débiter plusieurs réponses très impertinentes, frondant le gouvernement de feu l'empereur et son choix des ministres, alléguant pour exemple Moller, qui a entre ses mains la marine, tandis que Séniavine, qui s'est aquis une réputation européenne, par une prévention personnelle est délaissé. L'Empereur l'écoute patiemment. Le lendemain Séniavine est rappellé et fait aide-de-camp-général, et on dit que le Souverain proféra ces paroles mémorables, qu'il n'espérait pas dans tout le cours de son régne entendre autant de vérités, que Bestougeff lui en a dit. Mais ceci n'est pas authentique, comme les autres nouvelles; ce ne sont que des bruits.

Quelques jeunes cadets impliqués ont été relâchés dans l'instant. L'Empereur lui-même les a vu, gourmandé, consolé et pardonné.

Un des dignitaires de Moscou, questionné par le Monarque, si on ne craignait pas qu'il fût trop sévère, répondit: au contraire, Sire, on craint que vous ne soyez trop clément. Ni l'un, ni l'autre, répliqua l'Empereur. Je suis dans la rigoureuse nécessité de faire des exemples; mais on ne me contestera pas, je crois, le plus beau droit des souverains, celui de faire grâce. Il dit à un autre: Je ne regne pas encore, mais je me mets au courant, en débrouillant les papiers de feu l'Empereur. Il accorde un douaire d'un million à l'Impératrice Élizabeth, l'ordonne au ministre des finances, qui demande, si on ne lèveroit par des nouveaux impôts. „Comment des impôts! s'écrie le Souverain; il n'y en a déjà que trop. Je vais vous assigner les sources d'où vous pouvez puiser. Mille roubles sont assignés journellement pour ma table; 500 suffiront et même feront vivre les fournisseurs.“ L'Impératrice n'accepta que 600 m. douaire fixé par la loi, et Kamennoy Ostrof, dont l'Empereur lui fit présent; elle le céda au grand-duc Michel, et d'autres disent à l'Héritier. On dit qu' elle demande à passer le reste de sa vie à Moscou ou aux alentours et qu'elle ne veut plus retourner à Pétersbourg. Elle a montré un caractère plus qu'humain; sa fermeté, sa résignation sont héroïques, et sa douleur concentrée est des plus fortes. Je joins ici une copie de sa lettre à l'Impératrice-Mère.

L'Empereur s'occupe des affaires avec une assiduité persévérante, bien avant dans la nuit; aucune affaire ne reste sans décision. Le gouverneur civil de Twer demanda la démission d'un conseiller de la régence, celui-ci se disculpe; le Conseil et le Sénat n'infligent qu'une reprimande. L'Empereur décide, que d'après les loix, la peine que l'on veut attirer sur quelqu'un, doit retomber sur le solliciteur injuste, donne la démission au gouverneur lui-même, avec une remarque très rigoureuse au Conseil et au Sénat.

On ne sait pas au juste quand sera le couronnement: les uns disent, le 29 mai; d'autres, au mois de septembre, après avoir fini le procès des conspirateurs. Pour procéder à leur jugement, on a exhibé des archives, la procédure de Mirowitsch, l'affaire du czarévitsch Iwan et celle de Pougatscheff.

Je vous écris tout ceci en français, contre mon ordinaire, pour que, dans l'occasion, vous puissiez démentir les faux bruits des gazettiers parisiens et faire briller dans un jour véritable les espérances que la Russie fonde avec raison sur son nouveau Souverain. Je n'ai pu que rassembler à la hâte les traits de courage, de magnanimité et de générosité que je vous ai rapportés; mais combien d'autres qui ne me sont pas encore parvenus à la campagne. On s'accorde unanimement à dire qu'il surpasse l'attente de tout le monde, et que son énergie n'est surpassée que par sa bontée, sa douceur et son affabilité. Justesse de jugement, équité, appréciation des personnes de mérite, tout

se réunit dans sa noble conduite. Il consolidera la gloire et le bonheur de a Russie.

Vous avez parfaitement raison en disant que pour faire la critique de cette infâme et absurde conspiration, il ne faudrait que faire l'énumération de l'âge de tous les conspirateurs; mais leur plan d'organisation pour la Russie n'est-il pas aussi d'une ignorance crasse de l'esprit du peuple? Partage en douze républiques fédérées; des provinces cédées (à la Pologne sans doute, car quelle autre puissance voisine aurait voulu profiter d'une pareille infamie?), des consuls, un dictateur: comme cela s'assortirait bien dans l'étendue de notre patrie! N'ont-ils pas lu dans Karamzine les suites funestes qui ont eu lieu du partage de la Russie entre les ci-devant grands-ducs? (Il sont) plus coupables que les Jacobins français, qui n'ont jamais pensé au démembrement de l'état. La liberté pour les paysans russes consisterait dans la liberté de s'énivrer. Il faut entendre leurs idées sur la liberté! Ils disent: nous ne payerons rien, nous ne dépenderons plus de personne, nous aurons l'eau-de-vie à meilleur marché, et quand ils auraient vu, qu'il faut pourtant payer, et peut-être plus qu'à présent (comme vous le remarquez bien à l'égard des impôts constitutionnellement imposés) quand pourtant ils se veraient astreints à l'obéissance aux loix d'administration et de morale: ils se seraient bientôt révoltés et auraient massacré consuls et dictateurs. Pour les reprimer ou les prévenir, la police surveillante des nobles n'existerait plus; la force militaire ne serait pas suffisante, et peut-être ne voudrait pas agir contre la classe dont elle est prise et qui lui tient de si près; et alors tout tomberait dans l'anarchie et la barbarie; le massacre des autorités, des gens de lettres serait leur premier exploit. Car voyez dans toute la Russie, quelle est la civilisation du peuple. Elle est nulle, et ceux qui ont quelques petites notions, c'est à dire, savent lire, sont les plus dépravés, ou tombent dans une irréligion parfaite, ou dans les sectes schismatiques des rascolniks, et leur lecture se confine dans les bouquins schismothéologiques. Vous connaissez la plupart de leurs monstrueuses erreurs; leurs dogmes autorisent l'inceste, toutes les prostitutions possibles, absence de tout culte et toutes sortes d'infamies. Pour ce qui s'agit des connaissances dans les arts, le peu d'artisans qu'il y a, ont été formés par les seigneurs gentils-hommes. Écoles, hospices, hôpitaux, tout cela ne se trouve institué que par des nobles et le gouvernement, et jamais dans aucune propriété de la couronne, où le paysan est presque constitutionnel.

A propos de constitution, je vous dirai une anecdote plaisante, sans en garantir la véracité. Au 14 décembre, quelques chefs des insurgés parlaient de constitution; un de soldats qui les écoutait, demande à un bas-officier ce

que c'est que la constitution, et l'autre lui répond: Sôt que tu es, c'est la femme de Constantin. La constitution! Et pourquoi? Pour mettre des limites à la volonté du Souverain, à celle de faire les bienfaits. Le convoi depuis Taganrog a été le plus bel éloge funèbre d'Alexandre; le dévouement le plus parfait, la vénération la plus profonde, la tranquillité, et même un silence morne, les regrets les plus sincères, des sanglots, des pleurs de détresse pour avoir perdu un père et un Monarque bien aimé, ont accompagné la marche funèbre dans tous les lieux; et après cela, qu'on dise que le peuple souffre du pouvoir absolu du souverain! A présent une opinion unanime se répand parmi le peuple, les marchands et les bourgeois; on dit, qu'on connaît à présent la cause des impôts: ils ont été conseillés par des gens, qui voulaient pousser à la révolte, mais que l'Empereur n'y a jamais consenti de bonne grâce. Assurément qu'il serait à désirer, qu'il y eût quelque institution ou quelque chambre de comptabilité pour les opérations des ministres, dont quelques abus, non aperçus du Souverain, pourraient y être discutés et mis en évidence.

Ce qu'il y a de fâcheux et de plus mortifiant dans la dernière insurrection, c'est qu'elle a été projettée par des gentils-hommes qui devaient y perdre le plus; mais au reste la chose est très naturelle: les gens d'esprit qui y ont participés n' avaient puisé leur connaissance que dans des écoles et dans des livres, n'avaient jamais étudié l'esprit de la nation, qui ne se trouve bien décrit dans aucun ouvrage. L'exemple de la France, où quelques personnes d'esprit et de talens ont surnagé sur les flots de sang de la révolution (évènement totalement impossible en Russie), les a séduit, et puis le carbonarisme et l' illuminatisme des sectes, dont les ramifications s'étendent dans toute l'Europe; et puis le luxe et l'état délabré de finances des Hidalgos russes, qui depuis longtems exigerait des loix somptuaires, toutes ces circonstances leur faisait désirer une possibilité d'amélioration de leur existence. Ah qu'ils se seraient cruellement trompés, les malheureux! Ils auraient été tous égorgés. Nous en avons vu des echantillons dans la révolte de Pougatscheff. C'est vraiment une protection évidente de la Providence Divine, qui a découvert et anéanti cet infâme complot et qui a placé sur le trône un Monarque, doué de toutes les qualités énergiques qui sont nécessaires pour couper le mal jusque dans les racines. L'Empereur défunt, qui a su employer pour la réussite de ses plans en 1813 l'effervescence des sectes de l'Allemagne, était en quelque sorte entravé par une espèce de reconnaissance, qu'il leur devait; son successeur actuel n'est plus astreint aux mêmes ménagemens, et une surveillance stricte et sévère sur les societés secrètes préviendra toutes les machinations, qu'elles pourraient produire. J'en reviens pourtant toujours à l'opinion du feu comte

Rostoptschine, qu'il faudrait une réorganisation totale pour les postes aux lettres, avec une espèce de purification espagnole pour les préposés à cette partie. La seule perlustration ne suffit pas; il faudrait une assurance complète du non-carbonarisme de ceux qui s'en occupent. Vous vous étonnerez peut-être qu'en parlant de perlustration, j'ai osé vous donner des détails aussi exacts sur toutes les affaires; mais je crois n'avoir rien dit au détriment du gouvernement; d'autant moins le pouvais-je, qu'il n'y a qu'une voix pour faire l'éloge du nouveau Monarque, dont le début lui pronostique le surnom de sage. Son courage, sa fermeté, sa perspicacité et sa modération sont d'autant plus méritoires, qu'on n'a jamais remarqué qu'il se soit préparé au rôle brillant qu'il joue. Son éducation n'a été que militaire, et point administrative; il n'a jamais eu part aux affaires civiles, et ses talens sont pour ainsi dire spontanés. Personne ne s'y est attendu, et d'autant plus grande est l'admiration, qu'on a pour lui. Mais le plus beau de ses attributs c'est qu'il entend la vérité: elle ne se cachera plus dans un puits; pour l'éviter, il la reçoit de partout, d'où elle se fait jour jusqu'à lui. Si ceux qui l'entourent et dont personne encore ne peut se vanter d'avoir captivé sa confiance entière, si ces gens pouvaient devenir des Sullys, Henri IV est là pour les entendre. Un *mais* se présente à mon esprit, en pensant aux ministres et grands dignitaires; pourtant un autre *mais* peut redonner des espérances. Les qualités du Monarque influent sur son entourage, et des qualités qui peut-être se trouvaient comprimées par les circonstances dans le fond des esprits de ces gens-là, peuvent en ressortir, en voyant qu'elles sont accueillies et prisées à leur juste valeur par le Souverain. La Russie est grande; et il y a beaucoup d'individus, dont le coeur et l'esprit sont en diapason; peut-être leur rang, leur état de retraite ne correspond pas au poste qu'ils pouraient occuper; mais c'est au Souverain à savoir leur procurer la possibilité d'être utiles à la patrie, dont il est le véritable Père.

Mais trève à ces raisonnemens, qui sont peut-être hors de propos dans ma bouche. Revenons à quelques sujets plus à notre portée. Le titre de la comédie *Горе отъ ума* s'est vérifié. Son auteur Griboédoff *) est coffré aussi. Le nombre de ces misérables révolutionnaires qu'on a happés, est assez considérable et monte selon les bruits circulants à plus de 9000; mais je me plais à croire qu'il y a plus de séduits que de séducteurs. Tous ces jeunes gens imberbes, que les infâmes ont subornés, verront avec horreur l'abyme, où on les avait entraînés et deviendront peut-être des grands Condés pour la patrie, et non contre elle. Ces Catilinas manqués auront reçu une leçon dont ils

*) Недавно выпущенъ.

pourront profiter pour redresser leurs opinions absurdes et criminelles. Ce sera pour eux une seconde éducation pratique. Mais ce pauvre Odoewsky dont le domestique s'était jété à ses genoux pour le retenir et qu'il a menacé de lui brûler la cervelle, est, à ce qu'il paraît, fortement impliqué. Son civisme mal entendu l'a perdu. Sans atténuer l'horreur que j'ai pour les forfaits projettés par Bestoujeff, je n'en regrette pas moins ses talens littéraires et son Étoile Polaire. Ce qui a paru cette année dans ce genre fait sentir plus vivement la perte que la littérature a faite dans un homme, qui, au lieu de s'en tenir au culte des Muses, s'est lancé dans la guerre des Titans et a attiré la foudre sur lui et ses adhérens.

La citadelle a été sauvée par une paire de pantalons, qui ont manqué à un des complices, qui devait y monter la garde, et par la présence d'esprit d'un fonctionnaire, qui a hissé le pont-levis en voyant une troupe en désordre en approcher. Avez-vous connu le jeune Panoff? C'est lui qui avec un détachement de leibgrenadiers, après avoir tué Sturler, devait effectuer le massacre de la famille impériale. L'infâme, il allait se marier, et il quitte sa promise pour aller à un crime abominable. Les sapeurs n'ont prévenu l'attentat que de cinq minutes, dit-on.

Après des affaires publiques je ne conçois pas, comment vous ne recevez pas mes lettres. C'est la quatrième que je vous écris de retour dans mes foyers; j'en soupçonne la cause dans votre genre de vie retirée; on n'a pas de notions sur vous à la chancelerie de l'ambassade, et peut-être votre frère les aurat-il adressés à ses soins obligeants.

Maman désirerait votre retour pour que vous puissiez, en revenant par Würzbourg, y engager le manipulateur Kimetti, de l'institut de Heyne, à venir avec vous: il est très nécessaire à Annette. Je ne suis pourtant pas de son avis: je ne voudrais pas déranger le plan de vos voyages que je ne connais pourtant plus. Kimetti pourrait arriver tout seul. Mais la seule remarque que je vous ferai c'est de bien compter vos fonds et leur suffisance; n'étant pas dans la possibilité de vous en fournir encore, je voudrais qu'en les voyant décroître, vous vous arrangiez tellement que le restant pût vous suffire pour le retour en Russie.

Adieu, mon bon ami; je vous embrasse aussi tendrement que je vous aime. Mes complimens au cousin Chatiloff et à son compagnon. A propos, on parle que le ministère de la guerre passera à Zakrewsky. Ceci dénote la non-existance de la faveur gigantesque du comte Arakchéeff. C'était pourtant un homme intègre et laborieux. Cher ami, porte-toi bien et continues par ta conduite à être la consolation de ton vieux père Ckomiakoff.

Переводъ.

3 (15) Марта 1826 года, Липицы [1]).

Дорогой и любезный Алексѣй.

Съ послѣднимъ письмомъ твоимъ я получилъ отрывки твоей трагедіи, и они показались мнѣ очень выразительными и естественными; однако я думаю, что отсутствіе рифмъ и разнообразіе размѣра будутъ служить камнемъ преткновенія для актеровъ и зрителей, привыкшихъ ждать отъ стиховъ размѣренной рифмы Мнѣ очень хочется поскорѣе прочесть все. Послѣдній монологъ умирающаго Ермака [2]) очень естественѣнъ: именно такъ онъ долженъ былъ выражаться, и его пылкость, когда онъ говоритъ о славѣ—необыкновенно возвышенное чувство. Первый отрывокъ, намекающій на призваніе поэта, не представляетъ такихъ достоинствъ. Не побойся скуки и постарайся списать и прислать мнѣ все.

Твои описанія Парижа, твои сужденія какъ о Тальмѣ и другихъ актерахъ, такъ и о картинахъ, были мнѣ очень пріятны. Поздравляю тебя съ успѣхами въ живописи, но не предавайся ей слишкомъ. Ты знаешь, что не твое призваніе быть художникомъ, и что ты предназначенъ занимать мѣсто полезнаго члена общества въ твоемъ отечествѣ; твои вѣрныя и разумныя убѣжденія, твои здравыя и правильныя сужденія о недостойномъ заговорѣ [3]) предвозвѣщаютъ тебѣ возможность болѣе почетнаго поприща, особенно при Государѣ, который съ самаго начала подаетъ уже блестящія надежды. О

---

[1]) Липицы, старинное помѣстье Хомяковыхъ, нынѣ принадлежащее внуку Степана Александровича (писавшаго это письмо) губернскому предводителю Смоленскаго дворянства Николаю Алексѣевичу Хомякову, находятся въ близкомъ сосѣдствѣ съ извѣстнымъ Панинскимъ Дугинымъ, гдѣ тогда проживалъ политическій изгнанникъ графъ Никита Петровичъ Панинъ, по связямъ своимъ съ Петербургомъ имѣвшій возможность получать достовѣрныя извѣстія о событіи 14 Декабря. Графъ Панинъ и С. А. Хомяковъ жили добрыми сосѣдями и видались другъ съ другомъ. Зимніе мѣсяцы С. А. Хомяковъ обыкновенно проводилъ въ Москвѣ, гдѣ, по общественному положенію своему, могъ знать о ходѣ современныхъ дѣлъ (онъ былъ однимъ изъ учредителей Англійскаго клуба). П. Б.

[2]) «Ермакъ», трагедія А. С. Хомякова, въ стихахъ, появился въ печати лишь въ 1832 году, въ Москвѣ. П. Б.

[3]) Молодой Хомяковъ, отправлявшійся осенью 1825 года въ чужіе края, проѣздомъ черезъ Петербургъ бывалъ у Рылѣева, у котораго обыкновенно собирались тогдашніе словесники, принимавшіе участіе въ прекрасномъ сборникѣ «Полярная Звѣзда», выходившемъ съ 1823 года. Ея издателями были, какъ извѣстно, Рылѣевъ и А. А. Бестужевъ (позднѣе писавшій подъ именемъ Марлинскаго). Первыя стихотворенія Хомякова появились въ печати именно въ „Полярной Звѣздѣ". Еще Пушкинъ смѣялся надъ Рылѣевымъ, говоря, что онъ ходитъ въ книжную лавку Оленина изучать политику по Русскимъ газетамъ; но образъ мыслей Рылѣева и Бестужева былъ нѣкоторое время сочувственъ Пушкину; Хомяковъ же рѣшительно съ ними не сходился въ понятіяхъ политическихъ и однажды на вечерѣ у Рылѣева до того раздразнилъ его своими возраженіями, что тотъ безъ шапки убѣжалъ отъ себя въ сосѣднюю квартиру (Рылѣевъ былъ правителемъ дѣлъ Сѣвероамериканской Компаніи и въ домѣ ея у Синяго моста имѣлъ помѣщеніе). Хомяковъ говорилъ будущимъ Декабристамъ, что дѣло ихъ вовсе не есть дѣло свободы, а напротивъ дѣло насилія, такъ какъ они не имѣютъ права располагать судьбами отечества, замѣняя единоличную власть деспотизмомъ немногихъ. П. Б.

немъ ходитъ множество интересныхъ разсказовъ, которыхъ журналы, по небрежности или по непростительному замалчиванью, не предаютъ гласности и которые извѣстны только изъ показаній свидѣтелей. Въ виду того, что, по твоимъ словамъ, Парижскія газеты разносятъ самые невѣжественные и смѣшные слухи, я постараюсь сообщить тебѣ, со словъ хорошо знающихъ людей и достовѣрныхъ свидѣтелей, нѣсколько обстоятельныхъ подробностей обо всемъ ходѣ только что происшедшихъ событій.

Ты знаешь уже, что покойный Государь заболѣлъ, простудивъ себѣ голову во время поѣздки по горамъ Крыма. Въ началѣ болѣзнь его не была тяжела, но потомъ приняла опасный оборотъ, когда онъ получилъ обстоятельныя свѣдѣнія о возникавшемъ адскомъ заговорѣ и о покушеніи, замышлявшемся противъ его особы. Свѣдѣнія эти, говорятъ, шли отъ Витгенштейна и подтверждались вѣстями изъ Франціи, что тамъ печатается проектъ конституціи. Врачъ государя, Виллье, прописалъ ему лекарства; но онъ отказался, говоря, что не тѣлесная болѣзнь, а нравственная убиваетъ его [4]) и что онъ не хочетъ пережить народнаго униженія: доказательство, что онъ считалъ заговоръ обширнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ и не подозрѣвалъ, что все это было не болѣе, какъ заговоръ молокососовъ. Лишь склонясь на убѣжденія духовника, онъ согласился поставить піявки и нарывной пластырь; но было уже поздно.

По кончинѣ его генералъ Дибичъ послалъ донесеніе въ Варшаву; но такъ какъ на адресѣ значилось „императору Константину“, то Константинъ, вѣрный и настойчивый въ своемъ отреченіи отъ престола, не распечаталъ донесенія и отослалъ его въ Петербургъ. Въ этихъ обстоятельствахъ генералъ Дибичъ поступилъ достохвально: онъ собралъ въ Таганрогѣ совѣтъ изъ наиболѣе значительныхъ генераловъ, который постановилъ, по единогласному рѣшенію, въ качествѣ главнаго штаба, строго наказать заговорщиковъ и послалъ приказъ арестовать нѣкоторыхъ полковниковъ, между прочими самаго вреднаго, Пестеля 2-го. Это вызвало бунтъ Муравьева-Апостола, съ частью Черниговскаго полка; но безъ такой мѣры вмѣсто нѣсколькихъ ротъ пришлось бы усмирять пять или шесть полковъ. Поэтому слава Дибичу, умѣвшему предупредить болѣе сильное возмущеніе.

Въ Петербургѣ новый государь, по безпримѣрному великодушію, не хотѣлъ воспользоваться посмертнымъ манифестомъ Александра и отреченіемъ Великаго Князя и первый присягнулъ императору Константину, тогда какъ этотъ присягнулъ въ Варшавѣ императору Николаю и, оставаясь настойчиво вѣренъ своему соглашенію съ покойнымъ братомъ, снова формально отрекся отъ престола [5]). Послѣ этого новый государь началъ обдумывать мѣры, ко-

---

[4]) Съ боку приписка А. С. Хомякова: Въ первый разъ слышу и не вѣрю.

[5]) Образъ дѣйствій Николая Павловича, въ это слишкомъ трехнедѣльное междуцарствіе, еще и до сихъ поръ иногда возбуждаетъ недоумѣніе; между тѣмъ онъ поступалъ вполнѣ сообразно своей прямой и строго-честной природѣ. Онъ зналъ о завѣщаніи, сдѣланномъ въ его пользу, но не желалъ царствовать по завѣщанію, а по праву, которое предоставлялось ему „Уставомъ Императорской Фамиліи“ въ силу самопроизвольнаго отреченія брата Константина. П. Б.

торыя объяснили бы его манифестъ и не были бы въ противорѣчіи съ присягою, только что принесенной всей страною. Но генералъ - губернаторъ Милорадовичъ заявилъ ему, что примѣтно глухое броженіе, указывающее на какое-то зловѣщее намѣреніе и что надо скорѣе объявить себя Государемъ. Тогда появился новый манифестъ Николая I-го со всѣми къ нему приложеніями, и 14 (26) Декабря было назначено для принесенія присяги и представленія двора. Весь дворъ былъ въ мундирахъ, Государь и генералы въ парадной формѣ со всѣми орденами. Вдругъ приходятъ сказать Государю, что Московскій полкъ отказался присягать, взбунтовался противъ генерала Фридрихса и идетъ на Сенатскую площадь, мятежно волнуясь. Императоръ сходитъ въ караульную комнату, велитъ караулу зарядить ружья и отдаетъ приказъ прибыть нѣсколькимъ гвардейскимъ полкамъ и батальону сапёровъ, которому поручаетъ охранить выходы дворца. Онъ посылаетъ графа Милорадовича умиротворить бунтовщиковъ, къ которымъ присоединилось много военныхъ разнаго рода оружія и штатскихъ, нѣсколько матросовъ морскаго экипажа и лейбгренадеры. Графъ подошелъ къ мятежникамъ, у которыхъ солдаты были взбунтованы внушеніемъ соблюдать присягу Константину и которые кричали „ура, Константинъ". Графъ началъ требовать, чтобы они опомнились, говоря имъ, что если бы дѣло шло о преданности Константину, онъ первый показалъ бы ее, потому что всегда былъ взысканъ милостями Великаго Князя, что всѣ отличія, которыми онъ, графъ, почтенъ, были даны ему по представленію Великаго Князя, и даже эта сабля за храбрость... Въ это время онъ положилъ руку на саблю, чтобы показать ее. Князь Оболенскій, который стоялъ близъ него, боясь, должно быть, чтобы это не подѣйствовало на колеблящихся солдатъ, выстрѣлилъ въ него въ упоръ изъ пистолета; пуля пробивъ Андреевскую ленту, смертельно ранила графа и, вырвавъ ружье у одного солдата, Оболенскій прокололъ Милорадовича штыкомъ [6]). Таковъ былъ конецъ этого храбраго воина безъ страха и упрека.

Вѣсть объ этомъ дошла до Государя, когда онъ вышелъ уже изъ дворца и направлялся на площадь со всею свитой. Первый полкъ, который онъ встрѣтилъ, былъ Измайловскій. Государь подъѣзжаетъ къ нему и спрашиваетъ, за него онъ или противъ него. Рѣдкое ура засвидѣтельствовало о нерѣшительности. Тогда онъ приказываетъ полку зарядить ружья и когда это было сдѣлано, обращается снова къ полку и говоритъ: „Я передъ вами, ваши ружья заряжены; такъ отвѣчайте же, вы за меня или противъ меня?" Единодушное ура было отвѣтомъ на эти слова и данью его твердости и мужеству. Тогда онъ прибылъ на прощадь, гдѣ находились бунтовщики, и приказалъ убѣждать ихъ. Въ это время онъ замѣтилъ человѣка въ военной фуражкѣ, надѣтой накриво. Государь подозвалъ его и спросилъ о причинѣ этого, и тотъ показалъ ему

---

[6]) По донесенію Слѣдственной Коммиссіи (см. „Русскій Архивъ" 1881 года, II, 326 и 327) смертельно ранилъ графа Милорадовича Каховскій, а князь Евгеній Петровичъ Оболенскій ткнулъ его штыкомъ. П. Б.

рану на лбу. Это былъ злодѣй Якубовичъ. Онъ дѣлалъ тогда знаки полковнику Булатову, стоявшему сзади Государя, чтобы тотъ выстрѣлилъ въ Государя изъ пистолетовъ, данныхъ ему для этой цѣли. Но Булатовъ, когда онъ на другой день самъ явился въ Слѣдственную Коммиссію, признался, что твердая и мужественная осанка Государя ему связала руки Якубовичъ, не переставая дѣлать ему знаки, приблизился къ Государю и притворился раскаявшимся, говоря, что онъ тоже принадлежитъ къ бунтовщикамъ. Государь сказалъ ему: „въ доказательство твоего раскаянія поди и уговори этихъ безумцевъ". Но Якубовичъ, подошедши къ нимъ, сказалъ: „не опасайтесь ничего, васъ боятся" и, вернувшись къ Государю, донесъ, что его не слушаютъ. Государь опять послалъ его сказать, что противъ нихъ станутъ дѣйствовать вооруженной силой и что онъ еще разъ ихъ убѣждаетъ смириться. Якубовичъ ушелъ, но не вернулся, такъ какъ видѣлъ, что Булатовъ не обращаетъ вниманія на его знаки. Съ этой минуты бунтовщики начали стрѣлять, но не въ порядкѣ, а какъ попало, и пули свистали вокругъ Государя. Кюхельбекеръ прицѣлился изъ пистолета въ Великаго Князя Михаила; но солдатъ вышибъ ему пистолетъ изъ руки, и пуля только взбороздила землю. Государь и на этомъ не остановился въ своемъ намѣреніи предупредить кровопролитіе: онъ принялъ безстрашное рѣшеніе самъ идти убѣждать бунтовщиковъ; но генералъ Васильчиковъ удержалъ его лошадь за узду и твердо объявилъ, что не пуститъ его подвергаться опасности. Переговоры длились болѣе четырехъ часовъ. Вашему бывшему полку [7]) приказано было произвести аттаку. По недостатку мѣста она была сдѣлана на рысяхъ и отбита. Тогда Государь, отступивъ немного въ сторону, приказалъ дѣйствовать артилеріей. Было сдѣлано восемь выстрѣловъ картечью. На первый выстрѣлъ, пущенный поверхъ головъ, бунтовщики отвѣчали крикомъ „да здравствуетъ свобода!" Второй выстрѣлъ, лучше направленный, нѣсколько ослабилъ крики „ура", а третій смѣшалъ бунтовщиковъ и обратилъ ихъ въ бѣгство; они направились по Галерной [8]). Четвертый, пятый и шестой выстрѣлы, врѣзавшись въ ихъ безпорядочную толпу по этой узкой улицѣ, произвели страшное опустошеніе. Седьмой и восьмой, направленные противъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ кучекъ, собиравшихся на льду Невы, не достигли ихъ, потому что стрѣляли не ядрами. Тогда начались аресты. Сдѣлали обыскъ въ квартирахъ самыхъ опасныхъ и за-

---

[7]) А. С. Хомяковъ, въ очень ранней молодости, началъ службу въ Конногвардейскомъ полку (гдѣ нынѣ возникла мысль поставить его портретъ въ полковой залѣ). Алексѣй Степановичъ вспоминалъ позднѣе, что однажды ночью стоялъ онъ на караулѣ, и къ нему подошелъ Николай Павловичъ, тогда еще великій князь. У Хомякова на долго осталась въ памяти величавая красота этого человѣка. Читатели „Русскаго Архива" припомнятъ прекрасныя частныя письма Хомякова по поводу кончины Николая Павловича; онъ сочувственно говорилъ о немъ, вопреки цензурнымъ нелѣпымъ преслѣдованіямъ, которымъ онъ подвергался въ послѣдніе годы его царствованія. Государь же сознавалъ значеніе богословскихъ сочиненій Хомякова и въ частныхъ отзывахъ не только отдавалъ ему полную справедливость, но однажды приказалъ благодарить его за нихъ. П. Б.

[8]) Пули по Галерной долетали до самаго конца ея, и одна изъ нихъ сохранилась въ домѣ графа Бобринскаго. П. Б.

мѣтныхъ бунтовщиковъ; забрали ихъ бумаги и нашли ихъ планы, проекты конституціи, раздѣленіе Россіи на двадцать республикъ, назначеніе консуловъ, диктаторовъ, списокъ заговорщиковъ; однимъ словомъ, всѣ ихъ глупые и недостойные замыслы были открыты. Аресты были очень многочисленны: двое молодыхъ Коновницыныхъ, князь Волконскій, младшій братъ Репнина, также въ числѣ заговорщиковъ. И въ Москвѣ было взято много людей, но между ними ни одного въ зрѣломъ возрастѣ и характерѣ, если не считать Михаила Орлова. Въ Россіи аресты, кажется, кончились; теперь отыскиваютъ въ Польшѣ и даже въ Дрезденѣ нѣкоторыхъ соумышленниковъ.

Ты, можетъ быть, читалъ въ Journal de St.-Pétersbourg большія подробности о признаніяхъ этихъ гнусныхъ заговорщиковъ и объ ихъ безсмысленныхъ и человѣкоубійственныхъ планахъ. Ихъ преступленіе есть оскорбленіе націи. Но объ чемъ не печатаютъ, къ великому удивленію всѣхъ, это о прекрасныхъ поступкахъ Государя, который по истинѣ выказываетъ характеръ величавый и благороднѣйшій.

Булатовъ, сознающійся въ своемъ покушеніи, проситъ повидаться съ дѣтьми своими; самые младшіе не узнаютъ его, — до такой степени его исказило неудавшееся преступленіе. Это производитъ на него до того сильное впечатлѣніе, что внезапно онъ сходитъ съ ума и на четвертый день умираетъ въ больницѣ. Государь сказалъ тогда: „онъ жестоко поступилъ относительно меня; я ему прощаю", велѣлъ отдать ему при погребеніи воинскія почести и взялъ подъ свое покровительство его семью.

Жена Рылѣева и мать Бестужевыхъ молятъ о милосердіи къ себѣ и къ своей бѣдности; имъ даютъ пенсію. Одинъ изъ пяти братьевъ Бестужевыхъ, взятый въ Кронштадтѣ, гдѣ онъ скрывался, и приведенный передъ Государя на допросъ, начинаетъ съ того, что проситъ ѣсть; ему даютъ. Послѣ этого онъ имѣетъ безстыдство много разъ отвѣчать очень дерзко, порицая царствованіе покойнаго государя и его выборъ министровъ, приводя въ примѣръ Моллера, у котораго въ рукахъ морское дѣло, тогда какъ Сенявинъ, который пріобрѣлъ себѣ Европейскую извѣстность, отстраненъ по личному предубѣжденію. Государь терпѣливо его слушаетъ. На другой день Сенявинъ былъ призванъ и сдѣланъ генералъ-адъютантомъ, и, говорятъ, Государь произнесъ замѣчательныя слова, что онъ не надѣется во все время своего царствованія услышать столько правды, сколько сказалъ ему Бестужевъ. Но это не доподлинно извѣстно, какъ другіе разсказы; это только слухи.

Нѣсколько замѣшанныхъ въ дѣло молодыхъ кадетовъ были немедленно отпущены. Государь самъ видѣлъ ихъ, пожурилъ, утѣшилъ и простилъ.

Одинъ изъ Московскихъ сановниковъ [9]), когда Государь спросилъ его, не

---

[9]) Вѣроятно Сергѣй Ильичъ Мухановъ. П. Б.

боятся ли, что онъ будетъ слишкомъ суровъ, отвѣчалъ: „напротивъ, Государь, боятся, что вы будете слишкомъ милостивы". —Ни то, ни другое, возразилъ Государь, я нахожусь въ настоятельной необходимости дать урокъ: но надѣюсь, у меня не станутъ оспаривать лучшее право государей—прощать и смягчать наказаніе. Другому онъ сказалъ: я еще не царствую, но вникаю въ дѣло, разбирая бумаги покойнаго государя. Онъ назначаетъ вдовью часть императрицѣ Елисаветѣ въ милліонъ рублей и отдаетъ объ этомъ приказаніе министру финансовъ, который спрашиваетъ, не новыми ли налогами собрать эти деньги. „Какъ налоги! восклицаетъ Государь, ихъ и такъ слишкомъ много. Я укажу вамъ источники, откуда вы можете взять. Тысячу рублей ежедневно ассигнованы на мою кухню; 500 р. будетъ достаточно и даже дастъ барыши поставщикамъ". Императрица приняла только 600.000 руб., вдовью часть, положенную закономъ, и Каменный островъ, который ей подарилъ Императоръ; она уступила его Великому Князю Михаилу, а другіе говорятъ, Наслѣднику. Говорятъ, что она просится провести остатокъ жизни въ Москвѣ или ея окрестностяхъ и не хочетъ опять возвращаться въ Петербургъ. Она выказала характеръ сверхчеловѣческій; ея твердость и безропотность героическія, а сосредоточенное горе очень сильно. Я прилагаю здѣсь списокъ съ ея письма Императрицѣ-матери [10]).

Государь занимается дѣлами съ постояннымъ усердіемъ до глубокой ночи, ни одно дѣло не лежитъ дня безъ рѣшенія. Гражданскій губернаторъ Твери проситъ объ увольненіи одного изъ совѣтниковъ правленія; этотъ представляетъ оправданія. Совѣтъ и Сенатъ опредѣляютъ сдѣлать только выговоръ. Государь рѣшаетъ, что по законамъ, наказаніе, которое хотятъ наложить на кого-нибудь, должно обратиться на несправедливаго истца и увольняетъ самого губернатора при строгомъ замѣчаніи Совѣту и Сенату.

Навѣрное не знаютъ, когда будетъ коронація. Одни говорятъ 29 Мая, другіе, что въ Сентябрѣ, по окончаніи судебнаго дѣла надъ заговорщиками. Чтобы приступить къ суду надъ ними, изъ архива достали судопроизводство надъ Мировичемъ, по дѣлу царевича Ивана и судопроизводство надъ Пугачевымъ.

Противъ моего обыкновенно, пишу тебѣ все это по-французски, чтобы при случаѣ ты могъ опровергнуть ложные толки Парижскихъ газетчиковъ и выставить въ настоящемъ свѣтѣ тѣ надежды, которыя Россія не безъ основанія возлагаетъ на своего новаго Государя. То, чтò я тебѣ сообщаю, это только на спѣхъ записанные поступки мужества, великодушія и щедрости, а сколько еще такихъ, которые не дошли до меня въ деревню. Но всѣ единодушно сходятся во мнѣніи, что Государь превосходитъ всякія ожиданія и что одна лишь его доброта, мягкость и сердечность способны превысить его дѣя-

[10]) Это извѣстное письмо (нашъ ангелъ на небесахъ). П. Б.

тельность. Правильность сужденія, безпристрастіе, оцѣнка людей достойныхъ—все это соединяется въ благородствѣ его поступковъ. Онъ упрочитъ славу и счастіе Россіи.

Ты совершенно правъ, говоря [11]), что для оцѣнки этого недостойнаго и нелѣпаго заговора достаточно было бы перечислить возрастъ всѣхъ заговорщиковъ. Но ихъ организаціонные планы для Россіи не отличаются-ли тоже грубымъ незнаніемъ народнаго духа? Раздѣлить ее на двѣнадцать союзныхъ республикъ, уступить области (вѣроятно Польшѣ, ибо какая другая сосѣдняя держава захотѣла бы воспользоваться такою низостью?), учредить консуловъ, диктатора,—какъ это все вяжется съ обширностью нашего отечества. Не читали ли они у Карамзина о гибельныхъ послѣдствіяхъ раздѣла Россіи между прежними великими князьями? Они болѣе виновны, чѣмъ Французскіе Якобинцы, никогда не помышлявшіе о расчлененіи государства. Для Русскихъ крестьянъ свобода заключалась бы въ свободѣ напиваться. Надо знать ихъ мысли на счетъ свободы! Они говорятъ: мы не будемъ платить ничего, мы ни отъ кого не будемъ зависѣть, у насъ водка будетъ дешевлѣ. А когда они увидятъ, что приходится однако платить и, можетъ быть, болѣе, чѣмъ теперь (ты дѣлаешь вѣрное замѣчаніе въ этомъ смыслѣ относительно налоговъ, конституціонно налагаемыхъ), и когда вмѣстѣ съ этимъ они себя увидятъ подчиненными законамъ о порядкѣ и нравственности, они скоро возмутятся и перебьютъ консуловъ и диктаторовъ. Для того, чтобы ихъ усмирять или заблаговременно предупреждать, уже не будетъ бдительнаго управленія дворянъ; военной силы будетъ недостаточно, и даже она, можетъ быть, не пожелаетъ дѣйствовать противъ сословія, изъ котораго она набрана и которое ей такъ родственно. Тогда все будетъ поглощено анархіей и варварствомъ; избіеніе властей и образованныхъ классовъ будетъ первымъ шагомъ на этомъ пути. Взгляни пожалуйста, каково просвѣщеніе народа въ Россіи – оно ничтожно: а тѣ, которые имѣютъ нѣкоторыя небольшія свѣдѣнія, болѣе другихъ развращены или впадаютъ въ совершенное безвѣріе, либо въ схизматическія секты раскольниковъ, у которыхъ чтеніе ограничивается одними схизматически-богословскими книженками. Ты знаешь бо̀льшую часть ихъ безобразныхъ заблужденій: ихъ догматы допускаютъ развратъ и всякія возможныя распутства; нѣтъ у нихъ никакого богослуженія, но всяческія безобразія. Что же касается до развитія ремеслъ, то немногіе имѣющіеся у насъ ремесленники обязаны своимъ образованіемъ исключительно помѣщикамъ-дворянамъ. Школы, богадѣльни, больницы—все учреждено только дворянами и правительствомъ: ничего подобнаго нѣтъ у казенныхъ крестьянъ, которые однако почти что на конституціонномъ положеніи.

По поводу конституціи я тебѣ разскажу забавный анекдотъ, не отвѣчая однако за его достовѣрность. 14-го Декабря нѣсколько начальниковъ возму-

[11]) Къ сожалѣнію, не имѣемъ мы писемъ А. С. Хомякова къ его родителямъ. П. Б.

щенія разговаривали о конституціи; одинъ солдатъ, слышавшій ихъ разговоръ, спросилъ унтера-офицера, что̀ такое конституція? а тотъ ему отвѣчалъ: дуракъ—это жена Константина! Конституція! А для чего? Для того, чтобы ограничить свободу Государя, свободу оказывать благодѣянія. Проводы отъ Таганрога были самымъ краснорѣчивымъ надгробнымъ словомъ Александру; похоронное шествіе вездѣ встрѣчало совершенную преданность, глубочайшее почитаніе, спокойствіе и даже грустное молчаніе, искреннѣйшую скорбь, плачи и рыданія объ утратѣ отца и возлюбленнаго Государя, и пускай скажутъ послѣ этого, что народъ страдаетъ отъ самодержавнаго правленія. Въ настоящее время распространяется общее убѣжденіе въ средѣ крестьянъ, купцовъ и мѣщанъ: извѣстна-де причина налоговъ, ихъ присовѣтовали люди, желавшіе вызвать безпорядки, но Государь на нихъ никогда охотно не соглашался. Конечно, нельзя не пожелать какого нибудь учрежденія или какой нибудь учетной палаты для наблюденія за министрами, въ которой могли бы обсуждаться и выясняться нѣкоторыя злоупотребленія таковыхъ, незамѣчаемыя самимъ Государемъ.

Всего прискорбнѣе и обиднѣе въ послѣднемъ возстаніи это то, что оно задумано дворянами, которые болѣе всего должны были отъ него пострадать; но, тѣмъ не менѣе, это обстоятельство вполнѣ естественно: умные люди, которые въ немъ участвовали, почерпали свои свѣдѣнія только въ школахъ или въ книгахъ, никогда не изучали народнаго духа, ни въ одномъ сочиненіи хорошо не описаннаго. Примѣръ Франціи, въ которой нѣсколько умныхъ и даровитыхъ людей спаслись отъ кровавыхъ потоковъ революціи (что̀ въ Россіи совершенно невозможно) ихъ увлекъ, ихъ прельстилъ, а потомъ карбонарство и иллюминатство сектъ, охватившихъ своими отпрысками всю Европу, затѣмъ роскошь и жалкое состояніе Русскихъ Гидальго, которые давно уже нуждались въ стѣснительныхъ по этой части законахъ — всѐ эти обстоятельства побуждали желать возможнаго улучшенія ихъ быта. О, какъ эти несчастные были бы обмануты; ихъ бы всѣхъ передушили. Примѣромъ тому Пугачевскій бунтъ. Очевидно Божественному Промыслу обязаны мы открытіемъ и подавленіемъ этого подлаго заговора и тѣмъ, что на престолѣ оказался Государь, одаренный всѣми качествами, потребными для пресѣченія зла въ самомъ его корнѣ. Покойный императоръ, умѣвшій воспользоваться для своихъ успѣховъ въ 1813 г. броженіемъ сектъ въ Германіи, былъ до нѣкоторой степени связанъ нѣкоего рода благодарностью къ нимъ; но его преемникъ уже не находится въ томъ же положеніи, и строгое, неукоснительное наблюденіе надъ тайными обществами предупредитъ всѐ подвохи, которые они могли бы устроить. Я однако все-таки возвращаюсь къ мнѣнію покойнаго графа Растопчина [12]), что надо было бы совершенно преобразовать почтовое учрежденіе на основаніи нѣкоей Испанской „пурификаціи" чиновниковъ этого вѣдомства. Одной перлюстраціи недостаточно; потребна полная увѣренность въ „не-карбонаризмѣ" занимающихся ею. Ты удивишься, можетъ быть, что, говоря

---

[12]) Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ скончался въ Москвѣ, въ Январѣ этого 1826 года. П. Б.

о перлюстраціи, я рѣшился тебѣ сообщать такія точныя подробности обо всѣхъ дѣлахъ; но я думаю, что мною ничего не сказано во вредъ правительству; тѣмъ менѣе могъ я это сдѣлать, что всѣ въ одинъ голосъ восхваляютъ новаго Государя, первые шаги котораго предвѣщаютъ ему въ будущемъ наименованіе мудраго. Его храбрость, твердость, прозорливость и умѣренность тѣмъ болѣе почтенны, что онъ никогда не подавалъ вида человѣка, готовившагося занять свое теперешнее блестящее положеніе. Его воспитаніе было чисто-военное, а не административное; никогда онъ не занимался гражданскими дѣлами, въ области коихъ его дарованіе проявляется какъ бы внезапно. Никто этого не ожидалъ, и тѣмъ сильнѣе восторгъ, который онъ вселяетъ; но лучшее изо всѣхъ его качествъ—чуткость къ правдѣ; она уже не будетъ скрываться на днѣ колодца; чтобы избѣжать этого, онъ ее привѣтствуетъ, откуда бы она къ нему ни приходила. Если бы окружающіе его, изъ которыхъ еще ни одинъ не можетъ разсчитывать на его полное довѣріе, если бы эти люди могли сдѣлаться подобными Сюлли, то Генрихъ IV на лицо, чтобы внимать имъ. Одно „но" представляется мнѣ, это, когда я думаю о министрахъ и сановникахъ; однако другое „но" можетъ оживить надежды. Свойства Государя дѣйствуютъ на его окружающихъ, и достоинства, которыя могли бы быть подавлены обстоятельствами, въ умахъ этихъ людей, могутъ также проявиться, когда на нихъ будетъ запросъ и имъ будетъ достойная оцѣнка со стороны Государя. Россія велика: въ ней немало людей, у которыхъ умъ и сердце въ полномъ согласіи. Можетъ быть, по чину, по нахожденію въ отставкѣ, они не соотвѣтствуютъ должностямъ, которыхъ были бы достойны; дѣло Государя пріискать для нихъ возможность быть полезными отечеству, коего онъ истинный отецъ.

Но довольно разсуждать о предметахъ, можетъ быть, въ устахъ моихъ неумѣстныхъ. Возвратимся къ нѣкоторымъ предметамъ, болѣе намъ доступнымъ. Названіе комедіи „Горе отъ ума" оправдалось. Авторъ ея, Грибоѣдовъ тоже арестованъ[13]). Число этихъ несчастныхъ революціонеровъ, подвергшихся аресту, довольно велико и по слухамъ превышаетъ 9000; льщу себя мыслью, что совращенныхъ однако больше, чѣмъ совратителей. Всѣ эти безбородые юноши, которыхъ злодѣи увлекли, увидятъ съ ужасомъ бездну, въ которую ихъ заманили и сдѣлаются, можетъ быть, великими Конде на пользу отечества, а не во вредъ ему. Эти неудавшіеся Катилины получатъ урокъ, которымъ будутъ имѣть возможность воспользоваться для исправленія своихъ нелѣпыхъ и преступныхъ мнѣній. Это будетъ для нихъ второе воспитаніе—практическое. Но этотъ бѣдный Одоевскій, слуга коего бросился передъ нимъ на колѣна, чтобы его остановить и которому онъ грозилъ застрѣлить его, повидимому, очень сильно замѣшанъ. Ложно понятый цивизмъ погубилъ его. Не скрывая отвращенія, которое я питаю къ задуманнымъ Бестужевымъ злодѣяніямъ, я чувствую, тѣмъ не менѣе, утрату его литературныхъ талантовъ и его Полярной Звѣзды. Нынѣшній годъ заставилъ особенно

---

[13]) Недавно выпущенъ.

почувствовать утрату для литературы такого человѣка, который промѣнялъ служеніе Музамъ на борьбу Титановъ и навлекъ перуны на себя и своихъ послѣдователей.

Крѣпость была спасена благодаря панталонамъ, которые исчезли у одного изъ заговорщиковъ, имѣвшаго быть тамъ дежурнымъ, а также благодаря смѣтливости одного служащаго, который вздернулъ подъемный мостъ при видѣ подходившей безпорядочной толпы. Зналъ ли ты молодаго Панова? Онъ долженъ былъ съ отрядомъ лейбъ-гренадеровъ, послѣ убійства Стюрлера, перебить всю императорскую фамилію. Злодѣй—онъ собирался жениться и бросилъ невѣсту, чтобы идти на отвратительное преступленіе. Говорятъ, что сапёры предупредили это покушеніе только пятью минутами.

Покончивъ съ общественными дѣлами, не понимаю, какъ это ты не получаешь моихъ писемъ. Вотъ уже четвертое пишу тебѣ по возвращеніи во свояси. Подозрѣваю причину въ твоей отчужденности: о тебѣ не имѣютъ свѣдѣній въ канцеляріи посольства, а можетъ быть, твой братъ [14]) адресовалъ письма мои туда.

Твоя мать желала бы возвращенія твоего для того, чтобы ты могъ по пути черезъ Вюрцбургъ пригласить костоправа Киметти изъ института Гейне пріѣхать съ тобою: онъ очень нуженъ для Анеты [15]). Я однако не раздѣляю ея мнѣнія и не желалъ бы разстраивать планъ твоего путешествія, въ настоящее время мнѣ впрочемъ неизвѣстнаго. Киметти могъ бы пріѣхать одинъ. Единственное замѣчаніе, которое я тебѣ сдѣлаю — сочти хорошенько твои средства и ихъ достаточность; не имѣя возможности послать тебѣ новыхъ, я бы желалъ, чтобы умаленіе ихъ было согласовано съ возможностью возвратиться въ Россію. Прощай, мой добрый другъ; цѣлую тебя столь же нѣжно, сколь и люблю тебя. Поклонись братцу Шатилову и его спутнику. Между прочимъ, говорятъ о переходѣ военнаго министерства къ Закревскому. Это указываетъ, что чрезвычайная сила графа Аркачеева миновала. Это однако былъ человѣкъ честный и трудолюбивый. Дорогой другъ, будь здоровъ и продолжай твоимъ поведеніемъ быть утѣхою твоего стараго отца Хомякова [16]).

---

[14]) Старшій братъ А. С. Хомякова, Ѳедоръ Степановичъ; онъ состоялъ на службѣ при Парижскомъ посольствѣ, а въ это время, кажется, былъ въ отпуску въ Россіи. П. Б.

[15]) Единственная сестра А. С. Хомякова Анна Степановна, мать Ивана и Степана Васильевичей († 1838), была въ замужествѣ за Васильемъ Ивановичемъ Хомяковымъ же. П. Б.

[16]) Степанъ Александровичъ Хомяковъ, человѣкъ обширной начитанности, знатокъ въ словесности и въ тоже время занимавшійся математикою, скончался въ 1836 году. П. Б.

ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦЫНА СЪ З. Я. КАРНѢЕВЫМЪ *).

1.

Получено Ноября 24-го.

Милостивый государь мой, Захаръ Яковлевичъ.

Предъ отъѣздомъ вашимъ отсюда вы мнѣ обѣщали содѣйствовать по возможности въ дѣлѣ Божіемъ; нынѣ представляется случай вашему превосходительству быть очень полезну, не выѣзжая съ вашего мѣстопребыванія.

Намѣреніе есть перемѣнить нынѣшняго попечителя Харьковскаго университета, и кто можетъ быть полезнѣе употребленъ, какъ вы, на истинное просвѣщеніе? Государь Императоръ поручилъ мнѣ снестись съ вашимъ превосходительствомъ, согласитесь ли вы быть попечителемъ Харьковскаго университета. Я съ своей стороны счастливымъ сочту имѣть такого сотрудника въ дѣлѣ столь важномъ для блага общаго. Призовемъ въ помощь истинный свѣтъ просвѣщенія всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, и да распространится онъ вмѣсто той тьмы, которая взяла верхъ надъ свѣтомъ во всѣхъ училищахъ государства.

Я васъ прошу, какъ христіанина, не отказать мнѣ въ моемъ предложеніи; Господь вознаградитъ васъ за все добро, которое вы произвести можете.

Въ ожиданіи отвѣта пребуду навсегда съ истиннымъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностію вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

6-го Ноября 1816.
С. Петербургъ.

P. S. Прошу оставить сіе письмо въ секретѣ, ибо графъ Потоцкой не долженъ еще объ немъ знать.

---

*) Это переписка министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ попечителемъ молодаго тогда Харьковскаго университета. Подробности о З. Я. Карнѣевѣ см. въ XII-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1892 г. Нижеслѣдующее сообщено въ подлинникахъ правнукомъ Карнѣева Г. Г. Примд. П. Б.

2. Отвѣтъ З. Я. Карнѣева.

Почтеннѣйшее вашего сіятельства письмо отъ 6-го Ноября, которымъ вы призываете меня въ сотрудники вамъ по дѣлу просвѣщенія, сначала поразило меня страхомъ; ибо представилось мнѣ внутреннее мое недостоинство: какъ могу я пуститься въ страшную борьбу тьмы со свѣтомъ въ другихъ, тогда какъ и собственная моя тьма еще совершенно не побѣждена свѣтомъ истины, для чего единственно искалъ и ищу внутренняго уединенія въ душѣ моей? Но по нѣкоторомъ порученіи дѣла сего Богу, почувствовалъ я въ сердцѣ моемъ, что страхъ сей происходитъ отъ поврежденной природы, которая всегда втирается въ Промыслъ Божій объ насъ, примѣшивая остатки воли собственной въ волю Божію, избирающую къ дѣйствованію своему орудія слабыя и презрѣнныя.

Въ такомъ положеніи чувствую себя предъ Богомъ и, видя тутъ черты благаго Его о насъ промысла, вдохнувшаго въ сердце ваше сіе желаніе и располагающаго и сердцемъ всемилостивѣйшаго Государя Императора, истинно болящимъ, сколько о благоустройствѣ внѣшняго порядка къ благоденствію Россіи, не меньше и о внутреннемъ просвѣщеніи своихъ подданныхъ познаніемъ съ младыхъ лѣтъ Источника истины, отъ котораго всякое благо и самый внѣшній порядокъ происходитъ; видя, говорю, такое свыше изволеніе, не смѣю и не могу отказаться, предаваясь совершенно волѣ Божіей и монаршей, да творитъ со мною, еже ей благоугодно.

Мое дѣло, не взирая на слабость здоровья и старость лѣтъ, посвятить всего себя на службу Богу и Государю и молить Господа и Учителя нашего Іисуса Христа, да просвѣтитъ и научитъ меня, какъ въ толико богоугодномъ дѣлѣ споспѣшествовать всевысочайшей волѣ Государя Императора, исполняя съ неутомимымъ усердіемъ все то, что̀ отъ верховнаго начальства предначертано будетъ къ славѣ Божіей и къ пользѣ любезнаго отечества.

Почтенно-любезнѣйшій князь, дѣйствуйте по благоволенію Божію и государеву; я готовъ всѣмъ сердцемъ повиноваться и распространять далѣ и далѣ свѣтъ истины. Заключаю сіе совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностью,съ коими имѣю честь быть и пр.

3.

Получено 30-го Ноября.

Милостивый государь мой Захаръ Яковлевичъ.

Извините меня, что такъ долго не отвѣчалъ на ваше откровенное письмо въ разсужденіи будущихъ намѣреній вашихъ. Истинно

столько я озабоченъ, что тѣ письма, кои должно своею рукою писать, иногда, не хотя, откладываются. Изъ сего отношенія видѣлъ я, что вы жалуетесь на 74 года, и что иногда чувствуете слабость, но надѣетесь съ помощію Господа послужить сколько вамъ возможно будетъ. Я сіе намѣреніе ваше доводилъ до свѣдѣнія Государя Императора, и Его Величество мнѣ сказалъ, что, бывъ доволенъ вашею службою, онъ желаетъ, чтобъ вы остались столь долго, сколько ваши силы вамъ позволятъ, послѣ вы можете ко мнѣ отнестись. А выборъ вашъ совершенно согласенъ съ моимъ желаніемъ: Егоръ Васильевичъ *) идетъ мнѣ къ сердцу; онъ христіанинъ, и вотъ что̀ я первое ищу въ моихъ сотрудникахъ. Всѣ познанія и таланты безъ основанія *настоящаго, которое есть Христосъ*, для меня ничтожны. Въ нынѣшнія времена, гдѣ сраженіе тьмы со свѣтомъ удивительно какъ становится явно, безъ сего основанія и путеводителя пропа̀сть можно всякую минуту. Сатана старѣется и чувствуетъ приближеніе кончины своего царствованія на земли, то и употребляетъ послѣднія усилія хитрѣйшія и покрывается даже личною религіозною наружною, но воюетъ на внутренній ходъ. Книги выходятъ въ Нѣмецкой землѣ, которыя пасторами протестантскими совѣтуются для чтенія и гдѣ разсѣяно ученіе противъ божественности Спасителя, сомнѣніе на Его смерть, воскресеніе и прочее, и всѣ сіи черты разбросаны иногда въ 8-ми томахъ, такъ что одна опытность въ Священномъ Писаніи можетъ открыть глаза.

Въ С.-Петербургскомъ университетѣ Руничъ открылъ ученіе также пагубное. Я ему поручилъ исправленіе должности попечителя по выбытіи Уварова, и не успѣлъ онъ войти, какъ замѣтилъ въ урокахъ нѣкоторыхъ профессоровъ ученіе, вредное противъ религіи и правленія; напримѣръ въ историческомъ классѣ преподавали матеріализмъ и частію атеизмъ, опроверженіе достовѣрности Священнаго Писанія и свою систему творенія міра безъ Бога. Въ статистикѣ Россійской ученіе, потрясающее христіанство и наполненное вольнодумствомъ. Руничъ отобралъ тетради у учениковъ и отъ нѣкоторыхъ профессорскія, представилъ мнѣ и, по разсмотрѣніи оныхъ въ Главномъ Правленіи Училищъ, я нашелъ нужнымъ призвать сихъ профессоровъ въ полное собраніе университета, гдѣ возмутъ съ нихъ отвѣты и представятъ ко мнѣ для внесенія въ Главное Правленіе Училищъ для дальнѣйшаго заключенія, что̀ съ ними дѣлать. Я вамъ признаюсь, что я, при слушаніи вышеписанныхъ тетрадей въ Главномъ Правленіи Училищъ истинно страдалъ, слышавъ такое богохульство, и что сіе ученіе сво-

*) Карнѣевъ, племянникъ и преемникъ Захара Яковлевича. П. Б.

бодно продолжалось столько времени. Надобно будетъ обратить вниманіе, что̀ теперь и дѣлается, на учебныя книги, также на конспекты профессоровъ.

Во Франціи нынѣ столько стали за симъ смотрѣть, что курсъ нравственной философіи пріостановленъ до сочиненія классической книги.

Господь началъ обличать науки, потому что онѣ вмѣсто употребленія себя на славу Божію и пользу народовъ ищутъ вознести разумъ выше Бога и тѣмъ губятъ души. Обличеніе таковое есть судъ, которое должно распространиться и на другіе предметы, чтобъ все очистить и приготовить къ царствію Господа. Станемъ просить у Спасителя нашего силъ исполнить Его святую волю и сражаться со всѣми Его врагами внутри насъ и внѣ находящимися, да все покорится Ему и послужитъ подножіемъ Его: тогда обновится все, и старцевъ жизнь продолжится; Господу все возможно.

Радуюсь, что вы видите плоды трудовъ вашихъ по университету въ отношеніи къ христіанству; имѣя ректора и двухъ профессоровъ въ семъ духѣ, уже можете благодарить Господа, что гнѣздо начинается; даже примѣтна по занятіямъ университетскимъ, присылаемымъ въ департаментъ, разница съ тѣхъ поръ, какъ нынѣшній ректоръ вступилъ.

За симъ, поручая себя молитвамъ вашимъ, пребуду навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностію вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

С. Петербургъ,
9-го Ноября 1821 года.

4.

(1822).

М. г. князь А. Николаевичъ!

Часъ отъ часу съ приближеніемъ глубокой старости, чувствуя умноженіе слабости душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, а именно частое круженіе головы, боль въ груди и притупленіе зрѣнія, никакъ не въ состояніи съ соотвѣтственною званію моему дѣятельностію управлять обширнымъ округомъ Харьковскаго университета и прочими особливо ввѣренными мнѣ частями. И потому, ссылаясь на всемилостивѣйшее Государя Императора позволеніе, сообщенное вами мнѣ въ письмѣ отъ 9-го Ноября прошедшаго года, осмѣливаюсь приложить у сего на имя Его Величества всеподданнѣйшее прошеніе объ увольненіи меня отъ сей должности и покорнѣйше прошу поднести оное Государю Императору.

При исходатайствованіи сего увольненія, усерднѣйше просилъ бы я ваше сіятельство ходатайствовать и объ опредѣленіи на мое мѣсто племянника моего Егора Васильевича Карнѣева, такъ какъ въ томъ же письмѣ отъ 9-го Ноября мнѣ и ему вы то обѣщать изволили.

Въ разсужденіи разстроеннаго моего состоянія отъ продолжающагося здѣсь трехлѣтняго неурожая (поелику малую мою деревню, состоящую въ двухъ стахъ душахъ, долженъ былъ я кормить изъ своего пенсіона), нужно мнѣ на старости подкрѣпленіе; посему и осмѣлился бы я просить ваше сіятельство о исходатайствованіи у Государя Императора, чтобъ столовыя три тысячи шестьсотъ рублей оставлены были мнѣ по смерть въ прибавку къ прежнему пенсіону.

Не могу при семъ случаѣ не отдать справедливости сотруднику моему, старшему письмоводителю, надворному совѣтнику Подвысоцкому, котораго честность, духъ истиннаго христіанства и неусыпность по дѣламъ службы облегчали во все время тяжкіе труды моего званія, и который, по бѣдности своей, не имѣя ничего кромѣ жалованья, заслуживаетъ вниманіе начальства; почему и осмѣлился бы я всепокорнѣйше просить ваше сіятельство, чтобъ исходатайствовали ему въ пенсіонъ нынѣ получаемые въ жалованье изъ канцелярской суммы тысячу пятьсотъ рублей, которыми могъ бы онъ пользоваться и впредь, сверхъ получаемаго по мѣсту жалованья, сколько въ награду понесенныхъ имъ при мнѣ трудовъ, столько и въ поощреніе къ свободнѣйшему продолженію впредь службы, къ которой онъ, особливо по ученой части, великую имѣетъ способность и обширное знаніе.

Сверхъ того, сколько изъ опыта я узналъ и вашему сіятельству изъ представленій моихъ извѣстно, весьма запутана по университету часть хозяйственная и слаба часть правительственная: ибо хотя ректоръ г-нъ Джунковскій самыхъ христіанскихъ и честныхъ правилъ и неусыпенъ; но и преподавая лекціи, и присутствуя въ совѣтѣ, правленіи, училищномъ и строительномъ комитетахъ, не имѣетъ времени входить въ хозяйственную и правительственную часть, да и всѣ господа профессоры, присутствующіе съ нимъ, хотя и весьма честные и христіанскихъ правилъ, но, занимаясь прилежно своими частьми, не сдѣлали привычки къ дѣламъ по правленію и потому попадаютъ безъ намѣренія въ ошибки. Почему обязанностію нахожу въ откровенности доложить вашему сіятельству, что для введенія совершеннаго порядка и наблюденія точности по всѣмъ частямъ, нужно и Харьковскому университету дать директора и преобразить все по инструкціямъ Казанскаго университета. На чтò если угодно будетъ вашему сіятельству рѣшиться, то въ званіе сіе нахожу я весьма способнымъ надворнаго совѣтника Подвысоцкаго, сколько по совершенной извѣ-

стности ему университета и всего учебнаго его округа, столько и по способности его къ дѣламъ и обработыванію оныхъ; въ какомъ случаѣ покорнѣйше прошу ваше сіятельство обратить на него милостивое ваше вниманіе.

Все сіе предая благоразсмотрѣнію вашего сіятельства и благодѣтельному вашему по просьбамъ моимъ ходатайству, ожидать буду успокоенія, въ которомъ могъ бы всею душею предаться вожденію духа Божія и молиться объ Отцѣ отечества и объ васъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію и пр.

5.

Получено 17 Августа.

Милостивый государь мой Захаръ Яковлевичъ.

Согласно съ желаніемъ вашего превосходительства объ увольненіи васъ, по слабости здоровья вашего и преклоннымъ лѣтамъ, отъ службы вовсе, докладывалъ я Государю Императору. Его Величество, снисходя на просьбу вашу, всемилостивѣйше соизволилъ на таковое увольненіе ваше, съ обращеніемъ вамъ въ пенсіонъ столовыхъ денегъ по званію попечителя 3600 рублей въ годъ сверхъ получаемой уже вами пенсіи по 6000 рублей годъ. На мѣсто ваше благоугодно было Его Величеству опредѣлить племянника вашего Егора Васильевича Карнѣева.

Копію съ высочайшаго о семъ указа, въ 25-й день сего мѣсяца состоявшагося, имѣю честь доставить вамъ, милостивый государь мой, приватно для вашего свѣдѣнія. По полученіи же мною указа объ ономъ изъ Правительствующаго Сената, я не премину увѣдомить васъ о томъ надлежащимъ образомъ.

Сколько съ одной стороны прискорбно для меня лишиться пріятныхъ сношеній съ вами по службѣ, столько съ другой радуюсь, что симъ исполнилось желаніе ваше, тѣмъ паче, что и на мѣсто ваше опредѣленъ такой чиновникъ, отъ котораго я ожидаю продолженія толь же благонамѣреннаго усердія и христіанскихъ побужденій въ управленіе учебнымъ округомъ, каковыя мнѣ пріятно было видѣть и при васъ. Касательно рекомендованнаго вами письмоводителя вашего, надворнаго совѣтника Подвысоцкаго, то и о немъ, согласно представленію вашему, послѣдовалъ высочайшій указъ, съ коего прилагаю также копію для вашего свѣдѣнія.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ коими честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою князь Александръ Голицынъ.

Въ С.-Петербургѣ,
28-го Іюля 1822.

ИЗЪ БУМАГЪ С. Д. НЕЧАЕВА [1]),

Письма и записки Александра Николаевича Муравьева къ С. Д. Нечаеву.

Александръ Николаевичъ Муравьевъ (1792—1863), старшій изъ пяти братьевъ Муравьевыхъ, сыновей основателя Школы Колонновожатыхъ (1768—1840) и Александры Михаиловны Мордвиновой (1768+1809), человѣкъ большаго ума и участникъ великихъ войнъ, былъ первымъ по времени декабристомъ: еще въ 1817 г. вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ Никитою Михаил. Муравьевымъ, Пестелемъ и княземъ С. П. Трубецкимъ устроилъ онъ тайное политическое общество или *Союзъ Спасенія*, и подобно своимъ сообщникамъ сосланъ былъ въ Сибирь, гдѣ какъ-то успѣлъ вступить въ службу, на которой такъ повезло ему, что онъ, еще при Николаѣ Павловичѣ, уже былъ губернаторомъ въ Тобольскѣ, а при Александрѣ Николаевичѣ занялъ важное мѣсто военнаго губернатора въ Нижнемъ Новгородѣ. Натура сложная и любопытная. Служившій съ нимъ въ Нижнемъ В. И. Даль, живучи въ Москвѣ, не рѣдко говорилъ съ нами о немъ. Онъ нашелъ бы подтвержденіе своего о немъ мнѣнія въ нижеслѣдующихъ письмахъ: знаменитый декабристъ является съ такихъ сторонъ, которыя доселѣ не были извѣстны. П. Б.

1.

М. г. Степанъ Дмитріевичъ. Предварительно считаю нужнымъ увѣдомить васъ, что давно уже высочайше разрѣшено мнѣ писать и получать письма по почтѣ, обыкновеннымъ порядкомъ, не подвергая ихъ никакой особой цензурѣ. Я смѣю надѣяться, что вы не прогнѣваетесь за сіе письмо и, воспоминая прежнее наше знакомство, не осудите того чувства, которое повлекло меня напамятовать вамъ о себѣ. Могу васъ увѣрить, что я пишу ко многимъ и многіе ко мнѣ пишутъ.

Господь, по премудрому Своему Промыслу и любви къ намъ, возвелъ васъ на такую степень, въ которой ожидаетъ отъ васъ благихъ и Ему угодныхъ плодовъ; меня же смирилъ и умалилъ такъ, что гордости моей нѣтъ большаго пространства. Вамъ конечно извѣстно, что

[1]) См. выше, стр. 418.

скоро три года, какъ я, по приказанію Государя Императора, городничимъ въ г. Иркутскѣ [2]). Какъ ни различны состояніе и обоюдное званіе и обязанности наши; но, признавая во всемъ премудрую десницу Божію, съ радостію повинуюсь волѣ Его и несу жребій мой, благословляя руку Провидѣнія, руку, наказующую меня.

То, что̀ я буду описывать ниже, прошу не почесть за доносъ; но вамъ, какъ блюстителю порядка по части синодальной, должны быть извѣстны люди, которые посылаются для того, чтобы быть орудіями доброй нравственности и столпами Церкви Іисуса Христа между племенемъ человѣческимъ. И потому упомяну нѣчто о здѣшнемъ архіепископѣ Иринеѣ, который съ одной стороны, всѣми силами стараясь исправить Иркутскую епархію, употребляетъ на то средства, кажется мнѣ, неприличными архіерею, какъ то: брань и шумъ во время служенія, остановленіе обѣдни для разныхъ мелочныхъ замѣчаній и наставленій, что̀ соблазняетъ до чрезмѣрности всѣхъ жителей города. Причемъ, ежели бы и не обратить на сіе вниманіе, нельзя не сказать, что онъ есть гонитель внутренняго истиннаго христіанства, не требуя ни покаянія, ни сердечной молитвы, ни исправленія существеннаго, но токмо наружное хожденіе въ церковь, поклоны, словомъ сказать одни внѣшніе знаки христіанства; не токмо не заботясь о внутреннемъ пути, но, напротивъ того, весьма заботясь о томъ, чтобы онаго совсѣмъ не было, преслѣдуя тѣхъ, кои, при наружномъ богослуженіи, упражняются и внутреннимъ, преслѣдуя ихъ насмѣшками, бранью и даже выходя изъ границъ благопристойности, сжимая кулаки и тѣлодвиженіями походящими на драку и побои. О многомъ другомъ умалчиваю, но о существенномъ должно быть вамъ извѣстно. Если онъ долго останется здѣсь, то истребитъ самое сѣмя истинной религіи, если истребить оное можно, если бы оно не было глубоко въ сердцахъ человѣческихъ начертано. Великій почитатель *Фотія*, архимандрита гдѣ-то въ Новѣгородѣ, онъ бранитъ все, что̀ не *Фотій* и не отъ *Фотія*. Прошу васъ не прогнѣваться за сіе описаніе; я долгомъ своимъ почелъ довести о семъ до свѣдѣнія вашего, для надлежащихъ заключеній; считая обязаностію своею открывать о всякомъ хотящемъ разрушить внутреннюю церковь Спасителя. Надѣясь на вашу скромность, я увѣренъ, что имя мое по предмету сему ни въ какомъ дѣлѣ упомянуто не будетъ. Вы скоро получите отъ другихъ людей жалобы формальныя; по крайней мѣрѣ, многіе хотятъ жаловаться.

30 Января 1831 года. Иркутскъ,

---

[2]) Слѣд. вслѣдъ за тѣмъ какъ декабристовъ привезли въ Сибирь. П. Б.

2.

Не дождавшись еще отвѣта на писанное къ вамъ письмо въ послѣднихъ числахъ Января сего года и не узнавъ еще отъ васъ самихъ о расположеніи вашемъ къ человѣку истинно васъ любящему и почитающему, я рѣшился однако прибѣгнуть еще одинъ разъ къ вамъ, заступаясь за невинно-угнетенную, добродѣтельную и почтенную бывшую игуменью Иларію, здѣшняго женскаго монастыря, гонимую и угнетаемую здѣшнимъ звѣрскимъ, лютымъ, корыстолюбивымъ и соблазнительнымъ архіепископомъ Иринеемъ. Я увѣренъ, почтеннѣйшій Степанъ Дмитріевичъ, что хотя бы и не я самъ васъ просилъ, то самая невинность ея и чистота будутъ ходатаями за нее въ благородной и высокой душѣ вашей и что вы защитите и оправдаете ее въ Святѣйшемъ Синодѣ и у тѣхъ лицъ, власти коихъ вопіющее дѣло сіе, уже въ Синодѣ находящееся, представлено. Приложенная записка [3]) для васъ собственно будетъ служить указателемъ самымъ вѣрнѣйшимъ. Въ ней изображена чистая истина.

Иркутскъ 4 Апрѣля 1831 года.

3.

Благодарю васъ за письмо ваше отъ 21-го Марта. Вы желаете знать о нашемъ образѣ жизни и занятіяхъ. Жена [4]) моя и княжны благодарятъ васъ за воспоминаніе ваше. Господь явилъ надъ нами великое Свое милосердіе, одною рукою наказуя, другою же поддерживая насъ. Вамъ извѣстно, какъ Прасковья Михайловна была больна въ Москвѣ, теперь совершенно здорова; дѣти наши умирали, теперь живутъ и двое еще вамъ незнакомыхъ, Прасковья и Іоаннъ, пришли въ міръ сей раздѣлять изгнаніе и участь родителей своихъ. Истинные пришельцы и странники на землѣ сей, мы съ упованіемъ и вѣрою живемъ, держась изреченія Премудрости: *Довлѣетъ дневи злоба его.* Имѣніе наше совсѣмъ разорено моимъ оттуда отсутствіемъ; средствъ къ поправленію не предвижу безъ особенной помощи всемилостивѣйшаго Государя нашего. Но дерзну ли просить о помощи я, который уже столько разъ и столь много былъ предметомъ милосердія августѣйшаго Монарха, я, который обязанъ ему и своею жизнью, и жизнью жены моей! Терпѣть, молчать и всѣми силами и во всѣхъ состояніяхъ доказывать свою благодарность и преданность Государю есть долгъ мой: и вотъ чѣмъ я занимаюсь.

---

[2]) Эта записка сохранилась и содержитъ въ себѣ изложеніе разныхъ мелочныхъ обидъ, нанесенныхъ пылкимъ Иринеемъ игуменьѣ Иларіи. П. Б.

[3]) А. Н. Муравьевъ женатъ былъ на княжнѣ Прасковьѣ Михайловнѣ Шаховской († 1835). П. Б.

Съ мѣсяцъ тому назадъ я еще писалъ къ вамъ, защищая невинно-отрѣшенную и гонимую бывшую игуменью Иркутскаго Знаменскаго монастыря Иларію. Теперь я постараюсь оправдать довѣренность вашу, доставивъ требуемыя вами свѣдѣнія самыя вѣрныя и безпристрастныя.

Состояніе духовенства въ здѣшнемъ краю весьма похоже на то, въ которомъ находится оно въ Россіи. Порядокъ ученія и самыя науки въ семинаріи, будучи тѣже самыя, какъ и въ Россіи, послѣдствія должны быть одинаковы. Выходятъ люди знающіе; но одушевлены ли они истинною вѣрою и горячею любовію къ Богу и ближнему, о томъ прошу васъ самихъ сдѣлать свое заключеніе. Конечно Господь, при скудныхъ человѣческихъ способахъ, избираетъ и изъ сего сословія нѣкоторыхъ овецъ въ Свое вѣрное стадо, которыя составляютъ украшеніе своего сана и изливаютъ благословеніе въ нѣдра паствы своей; таковые есть и здѣсь, а именно *іеромонахъ Израиль*, строитель Селегинскаго Троицкаго заштатнаго монастыря за Байкаломъ; онъ жизнью своею и благочестіемъ, и истиннымъ просвѣщеніемъ можетъ и долженъ бы занимать несравненно высшее мѣсто нежели то, въ которомъ теперь находится, ибо кругъ дѣйствія его, къ сожалѣнію, нынѣ весьма тѣсенъ. Архіепископъ Ириней, какъ ни врагъ такому роду людей, не могъ однако не подтвердить выбора покойнаго архіерея, поручивъ ему по прежнему наблюденіе за священниками Забайкальскаго края. Израиль соединяетъ мужество, твердость и искусство управлять съ человѣколюбіемъ, кротостію и необычайною любовію; о безкорыстіи его и упоминать не нужно, ибо любостяжаніе съ истиннымъ христіанствомъ несовмѣстно.—Другой, *за нимъ слѣдующій*, іеромонахъ *Нифонтъ*, впрочемъ до высоты Израиля далеко не досягающій. Сіи двое сверхестественно терпѣливы; истинное христіанское смиреніе ихъ все переноситъ безъ жалобы и ропота.

Говоря о всѣхъ прочихъ, общимъ словомъ скажу, что образованность ихъ равняется образованности Русскаго духовенства; хотя впрочемъ бо̀льшая часть сельскихъ священниковъ весьма безнравственны, крайне пьянливы и заслуживаютъ точнѣйшаго и строжайшаго присмотра. Съ другой стороны, бѣдность ихъ такъ велика, что могла бы нѣкоторымъ образомъ свидѣтельствовать о степени ихъ честности.

Ректоръ семинаріи, *архимандритъ Иларій*, человѣкъ довольно образованный, нѣсколько капризный, но тихій и акуратный; семинаріею управлять въ состояніи, но едва ли способенъ къ высшей должности.

Соборный *протоіерей Громовъ* былъ бы, какъ поведеніемъ и образованностью, такъ и служеніемъ, проповѣдями и даже благочести-

вою и пріятною наружностію своею, украшеніемъ лучшаго прихода въ столицѣ. Онъ пріобрѣлъ общее уваженіе и довѣренность. Нынѣ совершенно невинно гонимъ архіереемъ.

Парняковъ, хотя предъ симъ, по временной слабости, и велъ себя невоздержно, но много исправился и ведетъ нынѣ жизнь воздержную. Человѣкъ добрый, изрядно образованный, пользуется расположеніемъ города; но управлять, по моему мнѣнію, безъ особеннаго присмотра, неспособенъ. Хотя въ продолженіи многихъ лѣтъ и до самаго пріѣзда Иринея, съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ, велъ онъ дѣла Консисторіи въ большомъ порядкѣ; но сего недовольно: правитель долженъ еще быть безпристрастенъ. Онъ гонимъ архіереемъ за бывшія еще до пріѣзда его обстоятельства, вовсе никакой связи не имѣющія съ настоящимъ его поведеніемъ, которое безпорочно и правильно. Я слышалъ, что онъ также писалъ и г. оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода. Пользовавшись сначала расположеніемъ Иринея, онъ сообщилъ весьма важныя о немъ и связяхъ его свѣдѣнія.

Ключарь—человѣкъ пьяный и пустой.

Секретарь Консисторіи *Копыловъ*, бѣдный, добрый, тихій и исправный служивый, изрѣдко попиваетъ, но не забывая своей службы; по крайней мѣрѣ такъ о немъ гласитъ общая молва. Дѣла Консисторіи при Парняковѣ и при немъ не только не были запущены, но напротивъ, они оба вели ихъ въ большомъ порядкѣ; нынѣ же, съ пріѣзда архіепископа Иринея они такъ разстроились и до такой степени запущены и запутаны отъ безтолковыхъ и беззаконныхъ резолюцій его, что нѣтъ теперь ни одного присутственнаго мѣста въ такомъ безпорядкѣ. Сей добрый и бѣдный Копыловъ жестоко гонимъ архіереемъ и даже былъ битъ имъ.

Объ *архимандритѣ Ѳеодоритѣ*, Посольскаго монастыря за Байкаломъ, всеобщая молва гласитъ, что онъ корыстолюбивъ и развратенъ, и сіе кажется не безъ основанія. Но онъ былъ вызванъ самимъ Иринеемъ, принятъ съ отличною почестью, сказываютъ, за значительные подарки; а наконецъ, за неисполненіе неумѣстной воли преосвященнаго, со стыдомъ прогнанъ въ свой монастырь.

Бывшая *игуменья* Знаменскаго монастыря въ Иркутскѣ *Иларія*, женщина почтенная и благочестивая, пособіями братьевъ своихъ 1-й гильдіи купцовъ Басниныхъ и другими сборами значительно украсившая монастырь свой и порядкомъ, устроеннымъ между сестрами, заслужившая публичную благодарность Иринея, чему самъ я былъ свидѣтелемъ, при чемъ былъ и самъ генералъ-губернаторъ, понесла жестокій гнѣвъ и гоненіе архіепископа и отрѣшена; а за что̀, о томъ я препроводилъ къ вамъ подробную записку, на которую еще разъ

покорнѣйше прошу обратить ваше вниманіе и защитить невинно-страждующую и добродѣтельную Иларію.

Говоря о здѣшнемъ духовенствѣ, я не долженъ умолчать и о незнакомомъ мнѣ лично, но извѣстномъ по общимъ отзывамъ благомыслящихъ людей: о Якутскомъ *протоіереѣ Амвросовѣ* всѣ говорятъ съ отличной похвалою во всѣхъ отношеніяхъ; а Красноярскаго *Кремлева* называютъ человѣкомъ съ большими злоупотребленіями. Болѣе сего не смѣю сказать о нихъ, потому что совершенно ихъ не знаю лично.

Не говоря уже о вышеупомянутомъ *іеромонахѣ Израилѣ*, который во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ превосходный, сіи трое: *Громовъ*, *Парняковъ* и *Копыловъ* при хорошемъ архіереѣ могутъ быть весьма полезны. Они и все духовенство приняли Иринея съ совершенною преданностію и покорностію, и даже въ самомъ жесточайшемъ гоненіи сохраняютъ все то почтеніе и повиновеніе, которымъ обязаны пастырю своему.

Но чтó скажу о самомъ архіепископѣ Иринеѣ? Еслибы не боялся преступить заповѣди о любви, то долженъ бы по справедливости многое написать. Однимъ словомъ, онъ навлекъ на себя всеобщій ропотъ, неудовольствіе, негодованіе и даже пренебреженіе. Повторяю: правда, что вообще духовенству здѣшнему, особенно сельскому, нужно исправленіе, что сельскій священникъ безъ присмотра, за дальнимъ разстояніемъ, предается пьянству, разврату и соблазну; но гдѣ сего не бываетъ и, можетъ быть, еще въ бóльшей степени чѣмъ здѣсь? Но есть законы, есть мѣры ближайшія къ исправленію таковыхъ. Пастырь долженъ разбирать между правымъ и виноватымъ, а не увлекаться одними наговорами и не ожесточать, и особенно въ дѣлахъ, до правосудія касающихся, не быть руководиму сребролюбіемъ. Нѣтъ, не поступки подчиненныхъ, не сильная ревность о порядкѣ раздражаютъ его, но сильное, ни съ чѣмъ несравненное корыстолюбіе. Сіе скажу, не обинуясь.

Иркутскъ,
9 Маія 1831 года.

4.

Хотя нынѣ во всей Европѣ многія безпокойства, но кажется, Россіи подъ мудрымъ скипетромъ своего Государя назначено отдохновеніе. По крайней мѣрѣ во внутренности отечества нашего миръ и тишина водворяются. Слава Богу, слава великому мужу Царю, правящему Россіею. Съ такимъ Государемъ Россія спасена отъ многихъ бѣдъ!

Вообразите себѣ, почтеннѣйшій Степанъ Дмитріевичъ, что Азіатская наша отдаленность не воспрепятствовала и намъ быть свидѣтелями одного важнѣйшаго происшествія въ Иркутскѣ, какого у васъ,

кажется, и примѣра нѣтъ. Знамя бунта и возмущенія было воздвигнуто и здѣсь; но кѣмъ же? Архіепископомъ Иринеемъ! И еслибы не мудрыя распоряженія нашего генералъ-губернатора, который лицемъ своимъ дѣйствовалъ, еслибы не твердость, неустрашимость и мужество его, то Иркутскъ безъ сомнѣнія увидѣлъ бы черные дни, и многія жертвы принесены были бы злонамѣренному бѣшенству Иринея. Вотъ какъ сіе происходило.

Когда полученъ былъ здѣсь указъ Синодскій объ отрѣшеніи Иринея, то и генералъ-губернаторъ получилъ отъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода отношеніе, коимъ (вамъ сіе конечно извѣстно) поручается ему, по сдачѣ соборнаго имущества архіепископомъ, отправить его съ чиновникомъ въ Вологду въ монастырь. Назначенъ былъ чиновникъ, служащій по особымъ порученіямъ у генералъ-губернатора, 8-го класса, Александръ Голубовъ, человѣкъ образованный и надежный, который 20-го Сентября, въ Воскресенье, явился къ архіерею утромъ въ полномъ мундирѣ, свидѣтельствовалъ ему свое почтеніе и спросилъ его, когда ему угодно будетъ ѣхать? Но вмѣсто отвѣта Ириней на него бросился, взялъ его за воротъ и съ помощью своихъ служителей, самъ же въ клобукѣ, въ звѣздѣ и панагіи, отвелъ его въ ближайшую караульню; а, обратившись къ солдатамъ, сказалъ имъ: православные воины, заступитесь за меня; взялъ двухъ солдатъ, самъ привелъ его на главную гауптвахту, твердя дорогой всякому встрѣчающему, что указъ о его отрѣшеніи ложный и поддѣльный и что онъ есть настоящій архіепископъ.

Пришедъ на гауптвахту въ самый церковный благовѣстъ, когда народъ стекался въ церковь и слѣдовательно былъ свидѣтелемъ, что архіепископъ въ такомъ видѣ явился на площади, Ириней (сему я самъ свидѣтелемъ и со мною многіе другіе) въ ужасномъ изступленіи и запальчивости обратился къ солдатамъ, въ караулѣ стоящимъ, говоря: «Воины, именемъ Бога и Царя, именемъ религіи и закона, взываю къ вамъ. Я отдаюсь вамъ, я готовъ умереть съ вами, избавьте меня, выручите меня, меня хотятъ зарѣзать; я—вашъ архіерей. Указа обо мнѣ нѣтъ никакого; тотъ, о которомъ говорятъ, есть ложный и поддѣльный; еслибы онъ былъ истинный, то былъ бы напечатанъ; но нигдѣ его нѣтъ. Непечатаннымъ указамъ не велѣно вѣрить. Вы будете отвѣчать за меня, если отдадите гражданскому начальству. Меня хотятъ засадить въ тюрьму и зарѣзать; избавьте меня, заклинаю васъ именемъ Божіимъ! Мелетія никакого нѣтъ и не будетъ, васъ обманываютъ». Потомъ, вышедши на платформу и замѣтивъ большое стеченіе народа, онъ, поднявъ руки къ небу, заклиналъ народъ именемъ Божіимъ и Государя, чтобы онъ выручилъ и избавилъ его, что указъ

о немъ есть ложный и поддѣльный, что непечатнымъ указамъ вѣрить не должно, что его хотятъ засадить и зарѣзать, и многое тому подобное, къ возмущенію и бунту и кровопролитію возбуждающее. Уже нѣкоторые голоса были слышимы въ народѣ, уже начинались толки и волненія; еще немного, и толпа была готова къ ужасамъ. Но вдругъ является самъ генералъ-губернаторъ на платформу; тутъ опять глубокая тишина въ народѣ; ожидаютъ, что̀ будетъ. Изступленный архіепископъ продолжаетъ свою рѣчь къ народу, опять призываетъ его къ мятежу и насиліямъ. Но генералъ-губернаторъ съ кротостію и твердостію при всѣхъ обращается къ архіепископу, уговариваетъ его, упрашиваетъ, чтобы онъ пощадилъ санъ свой, успокоился, что никакого зла съ нимъ не послѣдуетъ; проситъ его, чтобы онъ воротился домой, что онъ самъ его проводитъ. Но ничто не въ состояніи было удержать сначала бѣшенства и злости лютаго Иринея. Видя, что народъ замолчалъ, что присутствіе и твердость генералъ - губернатора разстроили всѣ его замыслы и надежды, онъ усугубилъ мятежническое свое краснорѣчіе и опять заклиная народъ и войско небомъ и землею, подымая руки крестообразно вверхъ, говорилъ: «Нѣтъ Мелетія, не будетъ Мелетія; я вашъ архипастырь, возьмите меня, избавьте меня, выручите! Васъ обманываютъ, указа нѣтъ, все ложь; гдѣ царевичъ Николай Николаевичъ? За него по сіе время не пѣли молебна; смотрите, какъ васъ обманываютъ!» Но все было тщетно: присутствіе генералъ-губернатора и обращеніе его уничтожило всѣ его замыслы; онъ, не выигрывая ничего, началъ успокаиваться и сталъ просить, чтобы позвали коменданта. Генералъ-губернаторъ немедля послалъ за нимъ, и когда онъ явился, то генералъ-губернаторъ приказалъ коменданту сейчасъ же идти съ нимъ въ его келью и самъ въ сопровожденіи многихъ (и я въ томъ числѣ) проводилъ его домой. Тутъ народъ, видя, что архипастырю никакого зла не причиняютъ, что его уговорили идти домой и что его провожаютъ съ почтеніемъ, успокоился и разошелся. Но зрѣлище сіе ужасное на платформѣ продолжалось болѣе часа.

Пришедъ въ свою келью, онъ съ изступленіемъ и яростью обратился на генерала-губернатора и повторилъ все то, что̀ говорилъ къ войску и народу съ угрозами и укоризнами и намъ чиновникамъ. Но наконецъ, утомившись отъ злонамѣреннаго мятежническаго своего бѣшенства и изступленія, захотѣлъ отдохнуть, и генералъ - губернаторъ объявилъ ему, чтобы онъ изъ дому своего не выходилъ, приставилъ военный караулъ ко всѣмъ выходамъ и вмѣстѣ съ нами удалился.

Но что̀ бы было, еслибы не твердость и присутствіедуха начальника нашего! Чернь уже начинала роптать и войско также; сіе узнали уже послѣ, слыша рѣчи и разсужденія каждаго.

И такъ Господь избавилъ насъ отъ ужаснаго кровопролитія; ибо вы знаете, что̀ составляетъ чернь въ Сибири! Вотъ вамъ подробно все, какъ я самъ видѣлъ своими глазами и слышалъ своими ушами. Заключайте теперь, что̀ за человѣкъ этотъ Ириней.

Но пора уже кончить; курьеръ сейчасъ отправляется. Вы конечно уже знаете, почтеннѣйшій Степанъ Дмитріевичъ, о монаршей ко мнѣ милости. Какъ глубоко проникнуто благодарностью сердце мое за столь великое благодѣяніе Государя Императора; теперь врата Отечества какъ будто отпираются для меня, и я имѣю надежду узрѣть опять родину свою! Я постараюсь службою своею оправдать милости моего Государя.

22 Сентября 1831 года Иркутскъ.

5.

Въ Омскѣ находится дивизіоннымъ Евангелическимъ пасторомъ *Гильденгагенъ*, человѣкъ истинно-христіанинъ и пастырь въ духѣ Іисуса Христа. Генералъ-губернаторъ Западной Сибири представлялъ о переводѣ его изъ Омска въ Тобольскъ на мѣсто здѣшняго дивизіоннаго пастора *Вальтера*, который печется о земномъ болѣе, чѣмъ о небесномъ; но кажется, Лютеранская Консисторія въ томъ отказала, потому что *Вальтер*, будучи земной, имѣетъ много земныхъ друзей и въ Петербургѣ; а *Гильденгагенъ*, по примѣру истинныхъ христіанъ, несетъ крестъ. Между тѣмъ въ Омскѣ Лютеранская паства самая малая и даже ничтожная; въ Тобольскѣ же она весьма значительна, и общее оной желаніе есть имѣть пасторомъ *Гильденгагена*. Покорнѣйше прошу васъ употребить стараніе ваше о переводѣ *Гильденгагена* изъ Омска въ Тобольскъ на мѣсто *Вальтера*; сто̀итъ только вамъ сказать слово г. Пезоровіусу, который членъ Нѣмецкой Консисторіи, и конечно для васъ и, можетъ быть, для меня, если онъ еще меня не забылъ, сіе сдѣлаетъ. Впрочемъ это была бы истинная услуга христіанству: ибо такихъ людей, каковъ *Гильденгагенъ*, немного, очень немного. Хорошо бы также, еслибы Консисторія перестала тѣснить сего христіанина. Секретарь оной, по проискамъ *Вальтера*, крѣпко на него налегаетъ.

Теперь о себѣ скажу, что скоро девять мѣсяцевъ, какъ я, по неизреченному ко мнѣ милосердію августѣйшаго Государя, управляю Тобольскою губерніею, не будучи однако губернаторомъ. Путь мой есть путь терпѣнія и смиренія; Промыслу такъ угодно,—да будетъ воля Его! Надобно, чтобы всѣ наросты и горбы содраны были; безъ сего брачная одежда не лѣзетъ.

12 Іюля 1833. Тобольскъ

---

*) Ириней († 1864) уволенъ былъ на покой въ Спасо-Прилуцкій (подъ Вологдою) монастырь 28 Іюня 1831 года. П. Б.

6.

Теперь мы и сами вслѣдъ за симъ письмомъ оставляемъ Тобольскъ, думая выѣхать отсюда, если Богъ позволитъ, 18 Февраля въ Вятку.

Ваше письмо, почтенный другъ, много меня утѣшило; благодарю за любовь вашу. Слышать такія слова въ такой дичи, въ какой мы живемъ, производитъ несказанное удовольствіе.

Я весьма согласенъ съ тѣмъ, что̀ вы пишете о братѣ Андреѣ. Онъ имѣетъ отличныя естественныя качества; копошится въ немъ и начатокъ жизни, да пробиться не можетъ. Внѣшность, подъ благовиднымъ покровомъ мнимой духовности, самодѣльщины, крѣпко его гнететъ. Но я думаю однако, что онъ званый гость. Онъ слишкомъ разсѣянъ и немало о себѣ мечтаетъ. Что̀ дѣлать,—кто не былъ рабомъ гордости? Вотъ какъ примутся за него, посмотрите, что̀ изъ него выйдетъ. При томъ крайне сожалѣю, что служебныя ваши отношенія служатъ препятствіемъ между вами; но отношенія сіи весьма часто не отъ насъ зависятъ и какъ бы ни старался все согласить, все связать, все слить въ любви, но часто сіе намъ не удается, особенно когда свѣтъ борется со тьмою и когда духъ чуетъ духа. Это матерія весьма сложная; можетъ быть, Богъ позволитъ когда-нибудь изустно о семъ поговорить.

Тобольскъ.
16 Февраля 1834.

7.

Вскорѣ по полученіи письма вашего я отправился въ дальній путь. Послѣ продолжительнаго путешествія я наконецъ прибылъ въ Симферополь не очень давно. Я заѣзжалъ въ Одессу, гдѣ представился супругѣ вашей и дѣточекъ вашихъ обнялъ. Всѣ, славу Богу, были здоровы. Дѣти на васъ очень похожи. Разстроенное состояніе нервъ супруги вашей, если несовсѣмъ, то по крайней мѣрѣ много улучшилось. Весною вѣроятно вы будете въ объятіяхъ другъ друга.

Сонъ, вами описываемый, весьма значителенъ и для васъ, и для меня. Можетъ быть, удастся, и отъ всего сердца желаю, переговорить съ вами объ ономъ. Онъ истинно очень много предвѣщаетъ и указываетъ мнѣ на священную въ отношеніи къ вамъ, почтеннѣйшій другъ, обязанность мою. Мы еще сидимъ во тьмѣ и тѣни смертной, во всей силѣ значенія словъ сихъ, и къ намъ относится сказанное 2 Петра I, 19, 20, 21. Слѣдовательно *до разсвѣта дня* дѣйствія наши могутъ почтены быть правильными. Сіи знаменательныя изрѣченія Апостола по-

казываютъ, что есть въ жизни человѣка нѣкая эпоха, и когда она настаетъ, тогда все внутри и внѣ насъ пріемлетъ другой для насъ видъ, подобно какъ *при разсвѣтѣ дня* всѣ предметы, до того мракомъ покрытые, озаряясь благодѣтельнымъ свѣтомъ, показываются въ подлинномъ ихъ видѣ, и самыя внутреннія ощущенія души *съ разсвѣтомъ дня* становятся радостнѣе.

Вотъ, почтеннѣйшій другъ, о чемъ надлежитъ говорить съ вами; вотъ что̀ выражали мои объятія и рыданія; но почему именно рыданія, о томъ также я долженъ въ свое время объясниться.

Пребываніе со мною брата Андрея нынѣшнимъ лѣтомъ не принесло ему видимой пользы, развѣ только привело его въ нѣкоторую недовѣрчивость къ тому неправильному образу мыслей, которымъ онъ руководствуется. Часъ обращенія его еще не ударилъ; онъ внѣшностью и обстоятельствами пріуготовляется къ сему вождѣленному часу, и я не сомнѣваюсь въ его избраніи. Не безъ причины и онъ, хотя издали, но стоялъ и внимательно на наши объятія и мои рыданія смотрѣлъ.

Еслибы я могъ оставаться съ вами на ногѣ приличій, то благодарилъ бы васъ за дружеское ваше письмо и участіе во мнѣ; но дружба моя къ вамъ не хочетъ подчиниться внѣшнимъ формамъ, предоставляя мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ. Я просто вамъ скажу, что люблю и почитаю васъ и обнимаю васъ всѣмъ сердцемъ.

30 Декабря 1835 г. Симферополь *).

Изъ письма графа М. С Воронцова къ С. Д. Нечаеву.

Алупка, 31-го Марта 1836 г.

... На счетъ несогласій между А. И. Казначеевымъ и г. Муравьевымъ я желаю душевно, чтобы вы успѣли уговорить сего послѣдняго пріѣхать къ вамъ въ Одессу и тамъ смягчить несчастную его наклонность къ подозрѣнію и удаленію противъ такихъ людей, которые хотя какъ и всѣ люди, и какъ онъ самъ, часто могутъ ошибаться, но въ прямомъ усердіи къ добру и къ пользѣ службы конечно ему не уступаютъ. Еслибы онъ хотѣлъ не только, какъ вы говорите, сдѣлать половину дороги для встрѣчи и объясненій, но даже и четвертую часть оной: то вѣрно бы дѣла̀ пошли иначе. Александръ Ивановичъ не только отъ сего не отказывается и никогда не откажется, но въ немъ даже есть всѣмъ извѣстная и необыкновенная страсть и себя и другихъ со всѣми мирить дружественными и точно искренними объясненіями и признаніями. За нимъ дѣло не станетъ; но я боюсь, что гос-

---

*) Намъ неизвѣстно какую именно должность занималъ Муравьевъ въ Крыму, гдѣ А. И. Казначеевъ былъ губернаторомъ. П. Б.

подинъ Муравьевъ ни шага не сдѣлаетъ и что въ странномъ увѣреніи, что кромѣ его въ губерніи нѣтъ ни одного честнаго человѣка, онъ все будетъ продолжать удаляться, доносить и тѣмъ болѣе и болѣе портитъ всѣ дѣла, которыхъ коснется. Я думалъ по извѣстной всѣмъ его набожности, что на Страстной недѣлѣ онъ будетъ нѣсколько склоненъ къ примиренію и устраненію личностей; но къ несчастію и тутъ я ошибся. Александръ Ивановичъ, который сначала часто бывалъ у него и дѣлалъ ему всевозможныя привѣтствія, послѣ того неоднократно просилъ его заѣхать къ нему и объясниться на словахъ на счетъ нѣкоторыхъ дѣлъ, прежде нежели пустить оныя офиціально; но г. Муравьевъ никогда не хотѣлъ сего сдѣлать. Я ему все сіе сказалъ въ Симферополѣ и, видя, что чувствовать сего онъ не можетъ (не смотря на то, что онъ не могъ не признаться, что въ отвѣтѣ моемъ на его пространныя бумаги и жалобы я не слишкомъ бралъ сторону мнимаго его противника), я его просилъ впредъ не жаловаться уже мнѣ о такихъ вещахъ, которыхъ я, ей Богу, не понимаю, но представлять прямо министру юстиціи. Я же съ своей стороны, если и затѣмъ что либо опять получу подобнаго, то конечно прямо и немедленно пошлю на разсмотрѣніе и рѣшеніе министра и Сената. Повторяю еще, что если есть еще надежда поправить сіи странныя сношенія, то она только состоитъ въ дружескомъ вашемъ посредничествѣ. Сіе бы было дѣло доброе, для всѣхъ полезное, за которое мы бы всѣ были искренно вамъ благодарны.

Изъ писемъ Андрея Николаевича Муравьева къ С. Д. Нечаеву.

1.

Долгомъ поставляю васъ увѣдомить, что проѣздомъ черезъ Тверь я узналъ, что тамъ въ древнемъ *Отрочь* монастырѣ хотятъ обратить въ придѣлъ Великомученицы *Варвары* келлію, въ которой св. митрополитъ *Филиппъ* былъ убитъ по волѣ Іоанна Грознаго и которая доселѣ оставалась неприкосновенною. Нельзя ли упросить архіепископа Григорія не прикасаться къ такой древности и святыни, а ежели уже хотятъ дѣлать изъ нея церковь, то не во имя *св. Варвары*, а во имя св. митрополита *Филиппа*, хотя въ монастырѣ уже есть одинъ придѣлъ въ его имя. Мы такъ скудны священными памятниками, а всетаки смѣло налагаемъ на нихъ руку, хотя со временъ *св. Филиппа* прошло уже *300* лѣтъ. Представляю сіе, какъ Русскій и любитель нашей святыни и древности, на благоусмотрѣніе ваше, чтобы въ послѣдствіи не заслужить нарѣканія отъ соотечественниковъ.

Осташово, 23 Сентября 1833.

2.

Послѣ краткаго пребыванія въ Москвѣ и поѣздки къ Троицѣ и въ Ростовъ, достигнувъ наконецъ своей деревни и обнявъ чрезъ столько лѣтъ брата, я долгомъ поставляю увѣдомить васъ и касательно его состоянія нравственнаго, и о тѣхъ предметахъ, которые на пути моемъ казались мнѣ достойными вниманія вашего. Начну сперва о братѣ. Благодаря Бога, я нашелъ его въ спокойствіи духа, хотя слабаго тѣломъ [1]). Невозможно было ожидать, чтобы онъ перенесъ такъ твердо такую потерю и нельзя сомнѣваться, чтобы необычайныя утѣшенія не были ему даны въ началѣ для поддержанія его духа. Онъ весьма благодаритъ васъ за участіе, какое ему вы оказывали. Я возьму у него многія записки о Сибири. Меня сокрушаетъ его описаніе духовенства. Если не примутъ рѣшительныхъ и дѣятельныхъ мѣръ для исправленія бѣлаго духовенства и умноженія монашества въ Сибири, то Богъ знаетъ, чѣмъ это кончится. Подробности о Иринеѣ такъ не хороши, что еще весьма счастливо ему сошло съ рукъ. Преосвященные Аѳанасій и Мелетій весьма добродѣтельные люди, но оба не выходятъ изъ своихъ келлій и мало сообщаются; а въ Сибири нужно дѣйствовать. Евгеній по словамъ брата былъ отмѣнно хорошъ для Сибири. Не знаю, не будетъ ли слабъ Иннокентій Харьковскій [2]) для Иркутска? Братъ говоритъ, что необходимъ викарій для сей епархіи столь обширной, ибо никто изъ архіереевъ по отдаленію не можетъ заглянуть въ Якутскъ, рѣдко даже и за Байкалъ; а надзоръ необходимъ. Хорошо бы, еслибъ дали викарія въ Иркутскъ, тѣмъ паче, что однажды уже тамъ былъ викарій для Америки. Въ Твери и Рязани, право, менѣе нужно.

Теперь скажу о томъ, что̀ самъ видѣлъ. Патріаршая библіотека въ Москвѣ въ жалкомъ положеніи: каталогъ не полный, а сдѣлать новый весьма легко, ибо надобно только дополнить къ старому различныя статьи, которыя не всѣ прописаны въ оглавленіи каждой книги; а ризничій человѣкъ образованный и можетъ это сдѣлать. Онъ занятъ разборомъ тѣхъ рукописей, которыя недавно найдены Строевымъ; но сіе дѣло можно бы до времени отложить. Нѣкоторыя книги патріаршія такъ ветхи и оборваны переплетомъ, что я просилъ для предохраненія ихъ, чтобы онъ отнесся къ прокурору для ихъ переплета, а не то могутъ совсѣмъ истребиться. Но важнѣйшая причина неустройства библіотеки есть недостатокъ мѣста для шкаповъ, отчего и

[1]) А—ъ Николаевичъ Муравьевъ передъ тѣмъ лишился первой своей супруги. П. Б.

[2]) Это былъ епископъ Иннокентій Александровъ; 22 Іюня 1835 г. онъ перемѣщенъ въ Иркутскъ. П. Б.

книги лежатъ одна на другой или стоятъ другъ за другомъ, и такимъ образомъ, доставая одну, приводишь многія въ безпорядокъ, да и долго искать; а комнатъ нѣтъ. Есть подлѣ одна большая комната за глухой стѣною; не знаю, можно ли пробить двери изъ-за алтаря церкви ризничной? Теперь же входъ въ нее изъ покоевъ ризничаго. Время уже привести въ порядокъ сіе сокровище.

Въ Ростовѣ протоіерей соборный отличный и ревностный священникъ, содержитъ святыню въ должномъ благолѣпіи; но кремль Ростовскій, прилежащій собору и ему приписанный съ 5-ю церквами, въ совершенномъ упадкѣ, потому что нечѣмъ содержать: всѣ церкви закрыты по повелѣнію архіерея, и на одной, бывшей прежде монастыремъ Григорія Богослова, гдѣ посвященъ былъ *св. Стефанъ Пермскій*, даже крыши нѣтъ; стоитъ какъ развалина Татарскихъ временъ; а кресты на ней четвероконечные, что̀ могло бы служить обличеніемъ раскольникамъ. Больно смотрѣть; приличіе требуетъ хотя покрыть ее, да это и не дороже 1000 р. стоитъ. Вступитесь за соимяннаго вамъ угодника Божія, вступитесь и за соимяннаго отцу и сыну вашему святителя Димитрія. Мы кланяемся мощамъ его; а прежній домъ архіерейскій и даже самая комната, гдѣ онъ преставился и гдѣ прежде хотѣли учредить домовую церковь, теперь принадлежитъ гражданскому вѣдомству и стоитъ какъ развалина безъ оконъ и крыши. Хотятъ отдать подъ полицію. Какой соблазнъ! Ради св. Димитрія выпросите домъ сей обратно у министра Блудова; тамъ можно устроить духовное училище, которое теперь весьма не кстати за 15 верстъ, въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ; можно устроить и жилье для пріѣзда архіереевъ и для священнослужителей, хотя и строится имъ домъ особый. Арх. Инокентій; протоіерей и другіе благочестивые въ Ростовѣ весьма грустятъ о такомъ запустѣніи келлій святителя. Видѣлъ я тамъ пр. Августина и подивился его дѣятельности и обширнымъ трудамъ.

Въ Переяславлѣ соборъ Горійской, бывшій монастыремъ съ великолѣпными зданіями, въ совершенномъ упадкѣ по нищетѣ своей. Онъ хотя и городской соборъ, но стоитъ на самомъ краю города, и никто тамъ не бываетъ даже въ праздники; протопопъ живетъ на 60-ти рубляхъ, и жалко видѣть, какъ постепенно падаетъ строеніе; надобно бы вывести изъ него соборъ въ центръ города, а здѣсь учредить монастырь. Было время, что арх. Фотій хотѣлъ его возобновить по сосѣдству съ Ѳедоровскимъ. Удивляюсь равнодушію пр. Авраама и Парѳенія.

Осташово,
30 Іюня 1835 г.

3.

Вчера, т. е. въ Среду, получилъ я въ Синодѣ письмо ваше и прочелъ его членамъ, которые всѣ приняли живое участіе въ горестномъ положеніи вашемъ. Нынѣ же поспѣшаю къ вамъ отправить записку сенатора Безобразова по экстра-почтѣ, желая, чтобы она принесла пользу болящей супругѣ вашей столь же рѣшительную, какую по его увѣренію приносило это средство совершенно безнадежнымъ. Сенаторъ увѣрялъ меня, что на его глазахъ многіе совершенно исцѣлялись. Молю Бога, чтобы сіе исполнилось и надъ вашей супругою для вашего утѣшенія съ семействомъ.

Вы спрашиваете о Синодѣ. Благодаря Бога, все покамѣстъ идетъ успѣшно, только митрополитъ Московскій уже болѣе недѣли какъ боленъ простудою; но теперь, кажется, лучше. Слухи, до васъ дошедшіе о графѣ Протасовѣ, совершенно справедливы: нельзя было сдѣлать счастливѣе выбора во всѣхъ отношеніяхъ и хотя, признаюсь, мундиръ военный сперва казался страннымъ въ Синодѣ; но, узнавъ человѣка, невозможно было не полюбить его. Всѣ владыки и Новгородскій, и Московскій, и прочіе имъ весьма довольны. Но деликатность, съ какою онъ дѣйствуетъ во всѣхъ дѣлахъ, вами начатыхъ или до васъ собственно относящихся, по истинѣ заслуживаетъ всякое уваженіе: онъ вездѣ является только исполнителемъ желаній вашихъ и старается угадать вашу мысль въ протоколахъ, которые вы оставили для исполненія; а на Пасхѣ всѣ книги, которыя вы обыкновенно разсылаете, онъ разослалъ по вашимъ роднымъ и знакомымъ, какъ будто отъ лица вашего. Преосвящ. Казанскаго *) ждемъ въ началѣ Маія; онъ поѣхалъ черезъ Воронежъ. Но гдѣ онъ остановится, не знаю; развѣ что на подворьѣ Тверскомъ, потому что Ярославское требуетъ починокъ на все лѣто. Ждемъ Иринарха для посвященія въ викаріи Тверскіе. Награды всѣ утверждены. Вотъ всѣ наши новости.

Если будете устраивать съ графомъ Воронцовымъ эпархію Херсонскую, постарайтесь учредить каѳедру въ Одессѣ, а не въ Херсонѣ. Простите, что не въ свое дѣло я мѣшаюсь; но эта мысль давно у меня на сердцѣ. Такой портъ, гдѣ всѣ стекаются иностранцы, безъ архіерея! Еще одна просьба: благоволите отслужить панихиду по іерарху Константинопольскому Григорію, почивающему въ соборѣ. Я сего не исполнилъ, а можетъ быть сія панихида будетъ полезна и супругѣ вашей.

Петербургъ, 16 Апрѣля 1836 г.

---

*) Филарета, впослѣдствіи митрополита Кіевскаго. П. Б.

Изъ писемъ Алексѣя Ивановича Войцеховича къ С. Д. Нечаеву.

1.

Благодареніе Богу, и въ Минскъ я доѣхалъ также скоро и благополучно, какъ въ Житомиръ, тому назадъ пять мѣсяцевъ, и тому назадъ пять мѣсяцевъ съ нѣсколькими днями, какъ я и во снѣ не видѣлъ такъ скоро и такъ близко узнать Минскъ и Житомиръ. Минскъ построенъ гораздо лучше Житомира, но скученъ до чрезвычайности, при томъ же климатъ не хорошъ, вода весьма дурна, и потому всѣ пріѣзжающіе болѣе и менѣе подвергаются болѣзнямъ. Заплатилъ нѣкоторую дань климату и братъ мой, съ которымъ, благодаря вашему превосходительству, теперь вижусь и который скоро, думаю, возвратится въ Петербургъ, ибо дѣла ихъ приходятъ къ окончанію. И ровно теперь пять мѣсяцевъ, какъ онъ ведетъ жизнь затворническую; а я, чего никакъ не думалъ, странствую.

Теперь не могу еще представить вашему превосходительству никакихъ свѣдѣній по нашей части, кромѣ общихъ: о недостаточномъ образованіи нашихъ духовныхъ, бѣдности ихъ и даже нищетѣ. Надѣюсь собрать и представить достаточный запасъ положительныхъ свѣдѣній и, какъ ваше превосходительство дозволили мнѣ, соображеній, основанныхъ на *возможномъ*. Кажется, что здѣшняя епархія, столько бѣдная по наружности, заключаетъ въ себѣ много способовъ къ поправленію и значительному улучшенію безъ вспомоществованія извнѣ. Въ Минскѣ общій голосъ: недостаетъ усердія и желанія въ арх..

28 Февраля 1832.
Минскъ.

2.

Исполненіе всего, чтò ваше превосходительство изволите увидѣть изъ моего рапорта, заняло меня въ столицѣ Литовской два дни. Особеннаго труда стоило мнѣ умолить Дмитрія Михайловича Обрѣзкова отпустить архитектора, который, говорятъ, чрезвычайно занятъ, какъ и вообще бываютъ заняты архитекторы губернскіе. За то я несказанно радъ пріобрѣтенію его, не упущаю изъ вида и везу съ собою. Разсказыютъ, что монастырь огроменъ, великолѣпенъ, но зданія нѣсколько повреждены и требуютъ исправленій, а фундушъ монастырскій, какъ я увидѣлъ изъ описей, не представляетъ большихъ надеждъ на значительное увеличеніе доходовъ. Впрочемъ чтò еще окажется при ближайшемъ разсмотрѣніи.

Доппельмейеръ еще не пріѣхалъ. Мѣсто его занимаетъ пока чиновникъ министерства финансовъ Голубцовъ. Мы съ нимъ сошлись, о чемъ я особенно хлопоталъ и достигъ: мнѣ вдругъ доставлены были свѣдѣнія. Боясь разсѣяться разными предметами, я и не заходилъ теперь въ Виленскій Свято-Духовскій монастырь, т. е. въ церковь онаго, предоставляя себѣ то на возвратномъ пути.

Сколько дозволено судить о людяхъ по разговорамъ при первомъ знакомствѣ, по сему наружному виду ума, то архимандритъ Платонъ *) есть весьма достойный и образованный духовный. Въ его пользу говоритъ и общій голосъ, къ которому я успѣлъ нѣсколько прислушаться.

2 Марта 1832
Вильно.

3.

Пріемъ Пожайскаго монастыря и собраніе мною всѣхъ свѣдѣній объ ономъ окончились въ три недѣли. Кажется, я представляю все, и на все, чтò представляю, имѣю доказательства, хотя не входилъ ни въ какія офиціальныя сношенія. Однакоже относительно нѣкоторыхъ предметовъ о фундушѣ мнѣ доставилъ свѣдѣнія на бумагѣ засѣдатель Нижняго Земскаго Суда и то вмѣстѣ съ свѣдѣніями собственно о монастырѣ безъ моего запроса.

Я восхищаюсь отъ мысли, какую пользу можетъ принесть учрежденіе училища въ Пожайскомъ монастырѣ. Выгоды неисчислимы для него: высота горы, на которой онъ построенъ, живописнѣйшее мѣстоположеніе, поразительный красотою видъ на Нѣманъ, сколько могутъ сдѣлать пріятнѣйшихъ впечатлѣній, какъ приготовить дѣтей къ принятію и постиженію всего лучшаго и добраго! А чистота воздуха, обширность помѣщеній сколько будутъ полезны для здоровья! Лучшаго мѣста для училищнаго заведенія выбрать нельзя.

Теперь Пожайскій монастырь совершенно пустъ, никого кромѣ нашего игумена Іоны съ двумя служителями, и тѣ въ большомъ горѣ и страхѣ, какъ они тутъ останутся. Хотя страхъ сей не имѣетъ никакого основанія (ибо все важнѣйшее заперто и запечатано, да и въ окрестностяхъ вездѣ тихо и спокойно), однакоже, чтобы ихъ болѣе нежели словами обезпечить, я просилъ исправника, не на бумагѣ однакоже, навѣдываться чаще въ монастырь и обезпечить его во всемъ. Между тѣмъ, по пріѣздѣ въ Вильну, склоню архимандрита, по его обязанности, взять какія либо по сему обстоятельству мѣры, дабы живущіе теперь въ Пожайскомъ монастырѣ были совершенно спокойны.

Между разными бумагами по Комальдульскимъ домикамъ нашлась и прилагаемая при семъ отъ Антіохійскаго патріарха съ переводомъ

*) Въ наши дни митрополитъ Кіевскій. П. Б.

на Итальянскій языкъ, котораго я не знаю. Мнѣ чрезвычайно любопытно дойти, какое отношеніе могло быть между патріархомъ Ант. и Комальдулами. Ваше превосходительство дадите свѣтъ, до котораго я съ архимандритами и нашей и Западной церквей дойти не могъ.

21 Марта 1832.
Пожайскій монастырь.

4.

Окончивъ всѣ дѣла въ Пожайскѣ и отправляя въ Ковенской почтовой конторѣ конверты, я совершенно неожиданно получилъ предписаніе его сіятельства отъ 14-го сего мѣсяца и крестъ.

Что̀ и какъ мнѣ изъяснить предъ вашимъ превосходительствомъ всю признательность мою къ особѣ вашей? Она невыразима, таится въ глубинѣ души моей и выразиться должна временемъ. Вы меня осыпали; сколько остается мнѣ оправдывать, поддерживать! Дай Богъ, чтобы ваше превосходительство были въ жизни вашей счастливы столько. сколько дѣлаете другимъ и сколько я вамъ пламенно, пламенно желаю.

21 Марта 1832.
Ковно.

5.

Остается теперь посѣтить Могилевъ и Псковъ; все это, полагаю, займетъ у меня недѣли двѣ съ половиною.

По возвращеніи, я представлю вашему превосходительству подробную записку о Минской семинаріи, которую, проѣздомъ черезъ Слуцкъ, посѣщалъ и въ которую всмотрѣлся. Теперь въ томъ токмо затрудняюсь и тѣмъ удерживаюсь, что хочу сдѣлать сравненіе съ другими семинаріями, которыя увижу. Не думаю однакоже и не желею видѣть помѣщенія другихъ семинарій подобныхъ Слуцкой, которая поразила меня. Вообразите нѣсколько домиковъ, ветхихъ, вросшихъ въ землю, на болотистомъ мѣстѣ: это домики, въ которыхъ тѣснится семинарія съ уѣзднымъ училищемъ, а въ нихъ болѣе 200 воспитанниковъ. Въ одной небольшой комнатѣ живутъ по 8-ми человѣкъ, на одной узкой кровати спятъ по два, иногда по три. Какое пораженье для здоровья, и я не видѣлъ лицъ здоровыхъ; не думаю, чтобы и успѣхи въ ученіи могли быть какіе либо. Такова доселѣ колыбель духовенства Минской епархіи; а каково духовенство, ваше превосходительство изволите знать. Здѣсь нетерпѣливо ожидаютъ преосвященнаго Евгенія, возлагая многія на него надежды. Дѣйствительно много преосвященный найдетъ занятій.

3 Апрѣля 1832.
Минскъ.

Изъ писемъ Игнатія Брянчанинова *) къ С. Д. Нечаеву.

1.

Пишу къ вамъ, тихо бесѣдую съ вами, какъ бы съ присутствующимъ, и получаю ваше письмо, въ которомъ вы замѣчаете, что мы писали другъ другу въ одно время. Усерднѣйше благодарю васъ за пособіе, оказанное обители нашей. Съ пріятностію читалъ я письмо Стурдзы и избранныя повѣсти о милосердіи изъ житій Святыхъ Отцовъ. Это прочное средство къ поддержанію и усовершенствованію въ благочестивомъ и добромъ Россійскомъ народѣ по природѣ сильной наклонности къ вспоможенію ближнимъ. Вы спрашиваете, почему начатое при васъ изданіе отдѣльныхъ житій, принятое публикою столь благосклонно, нынѣ остановлено? Что̀ вамъ на это отвѣчать? Этому причиною страсти человѣческія. Письмо о монашествѣ очень дѣльное оставляю у себя на недѣлю, чтобы имѣть время сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія и препроводить оныя къ вамъ. Не была ли у васъ въ рукахъ книжка писемъ Задонскаго затворника Георгія? Вотъ духовный писатель, ушедшій далеко отъ всѣхъ духовныхъ писателей нашего времени. Дворянинъ, воинъ, онъ сложилъ съ себя оружіе вещественное, чтобы вступить въ поприще брани духовной, провелъ въ неисходномъ затворѣ семнадцать лѣтъ и скончался въ 36-мъ году, будучи 47-ми лѣтъ отъ роду, духовнымъ успѣхомъ замѣнивъ лѣта многа. Писалъ онъ многимъ къ нему расположеннымъ особамъ письма, которыя по смерти его собраны, сколько можно было собрать, и напечатаны. Съ пера его текутъ струи благодатныя, и недостаточество внѣшняго образованія замѣняется обильнымъ достоинствомъ духовнымъ. Книжка сія сдѣлалась одною изъ моихъ настольныхъ. Въ Москвѣ можно ее достать: вы будете пить чашу утѣшенія, которая вамъ теперь нужна. Святый Іоаннъ Богословъ, когда увидѣлъ рай, наполненный святыми бѣлоризцами, и спросилъ: кто эти бѣлоризцы? то ему было сказано: это тѣ, которые пришли, претерпѣвъ великія скорби; они вымыли одежды свои и убѣлили одежды свои кровію Агнца. Таковъ обычай Царя Небеснаго: кого любитъ—наказуетъ, біетъ всякаго сына, о которомъ благоволитъ (Евр., гл. 12). Пишу вамъ съ натуры; если еще не знаете, то конечно узнаете отъ Мальцевыхъ. Вы можете видѣть мое сердце; оно грѣшно и нечисто, но любитъ безкорыстно. Въ томъ, что вы желали и желаете мнѣ добра, удостовѣрялъ меня и теперь удостовѣряетъ самый опытъ.

1840 года Апрѣля 29-го дня.

---

*) Архимандрита Сергіевой пустыни подъ Петербургомъ. П. Б.

2.

По мнѣнію моему, происхожденіе монашества не довольно правильно изложено. Оно не есть плодъ гоненій, хотя нѣкоторые точно удалились въ пустыни отъ гоненія. Нѣсколько частныхъ случаевъ не дозволяютъ заключать о цѣломъ. Это объясняется въ особенности тѣмъ, что пустыни начали наполняться монахами по окончаніи гоненій, во время коихъ пустынножителей было весьма мало. Вотъ наружное доказательство. Есть и внутреннее, сильнѣйшее: почти всѣ иноки древніе входили въ искушенія явныя отъ бѣсовъ, послѣ чего искушенія отъ человѣковъ не страшны. Такимъ ли бояться мучителей? Антоній Великій, когда услышалъ о начавшемся гоненіи въ Александріи, пришелъ туда, объявилъ себя христіаниномъ, желалъ мучиться; но никто не посмѣлъ возложить рукъ на него: ибо и монашество есть долговременное мученичество. Отъ чего же явилось монашество? Въ первые три вѣка, церковь Христова была гонима правительствомъ. Принять христіанство—значило лишиться всѣхъ правъ гражданства, всего имущества, самой жизни. Принятіе христіанства не могло быть какъ слѣдствіемъ сильнаго убѣжденія. Христіане жили, какъ приговоренные къ смерти, не зная, въ который часъ Женихъ пріидетъ, приготовлялись къ смерти, расточая тлѣнное имущество нищимъ, пребывая непрестанно въ молитвахъ и сердцемъ живя болѣе на небѣ, нежели на землѣ. Весьма многіе проводили жизнь дѣвственную, подвижническую всѣ. Не было мысли о забавахъ, роскоши, стяжаніи, своеволіи. Можно сказать: всѣ были монахами, не имѣя платья монашескаго, какъ и клиръ не отличался одеждами во время гоненій отъ общества. Когда гоненія прекратились, то жизнь христіанъ посреди градовъ измѣнилась, ослабла. Вѣру христіанскую принимали не всегда по одному убѣжденію, но весьма часто по обычаю; вступило въ церковь много гнилыхъ удовъ, кои во время гоненій тотчасъ бы обнаружились отпаденіемъ; общество христіанское посреди градовъ измѣнилось. Женѣ-Церкви, коей первородный плодъ (ликъ мученическій) восхищенъ къ Богу на небо, даны были два крыла орла великаго бѣжать въ пустыню: явился ликъ монашествующій.

Недостаточно объяснена разность между міряниномъ и монахомъ, столь явная изъ словъ Спасителя къ юнюшѣ: *аще хощеши спастися, заповѣди сохрани*; *не убей*, *не прелюбодѣйствуй*, *не укради* и проч. Вотъ дѣятельность мірянина, коей цѣль—*спасеніе*. На вопросъ юноши: *что́ есмь не докончалъ*? Господь научаетъ, что есть въ христіанскомъ жительствѣ *совершенство;* тотъ, кто хочетъ онаго достигнуть, долженъ сперва оставить все земное и потомъ, обнаженный отъ всего, при-

нять трудъ о достиженіи совершенства. Это изображаетъ и Евангельская притча, въ коей царствіе небесное уподобляется купцу, узнавшему, что на нѣкоторомъ селѣ скрыто сокровище и продавшему все имѣніе для покупки села того (замѣтьте, а не сокровища). Святый Макарій Египетскій говоритъ, что тотъ, кто расточилъ имѣніе, оставилъ все пріятное земное, удалился въ пустыню, еще ничего не сдѣлалъ, только обнажился для вступленія въ поприще; неизвѣстно, достигнетъ ли цѣли.

Совершенство христіанское состоитъ въ чистотѣ сердечной, коей является Богъ, обнаруживающій Свое пребываніе въ сердцѣ многоразличными дарами Духа Святаго. Достигнувшій сего совершенства есть свѣтильникъ, не тѣлеснымъ служеніемъ, но служеніемъ Духа исполняющій заповѣдь любви къ ближнему, руководящій *спасающихся*, возставляющій ихъ отъ паденій, цѣлящій ихъ душевныя раны. Монашескій ликъ доставилъ церкви Христовой пастырей, которые не пререкательными словесами человѣческой мудрости, но словесами Духа споспѣшествуя ученію чудесами, пасли и утверждали церковь. Вотъ почему церковь, по окончаніи мученій, представлена бѣжавшею въ пустыню. Туда бѣжало совершенство церковное, источникъ свѣта церковнаго, главная сила церкви воинствующей. Кто были Златоустъ, Василій Великій, Епифаній, Алексѣй и Филиппъ митрополиты, словомъ всѣ святые пастыри?

Но и не въ чинѣ архіерейскомъ, а въ простомъ монашескомъ есть много свѣтильниковъ отъ Антонія Великаго, Іоанна Дамаскина до Сергія Радонежскаго и Георгія Затворника. Вѣру утверждали, ереси обличили и попрали. Безъ монаховъ пропало бы христіанство въ мірянахъ. Вотъ сколь необходимо въ церкви Христовой *совершенство*, безъ коего и *спасеніе* съ самою вѣрою легко можетъ утратиться и непремѣнно утратится: ибо нужны чувства, обученныя долгимъ временемъ въ различеніи добра отъ зла (Евр.). Сего совершенства достигали въ первенствующей церкви аскеты и мученики, послѣ—монахи. Безбрачіе, нестяжаніе, постъ, трудъ, бдѣніе, дѣятельная любовь, это орудія, средства къ достиженію совершенства, но не самое *совершенство*. Кажется, въ письмѣ объ этомъ сказано темно, отъ чего различіе и необходимость монашества выставлены не въ полной силѣ. Хорошо бы сочинителю прочитать бесѣды Макарія Египетскаго и слово усилить понятіями духовными. Скажутъ: какой гордый отзывъ о монашествѣ, обличающій гордость сердца? Отвѣчаемъ: въ темной комнатѣ значительная нечистота непримѣтна; въ освѣщенной яркими лучами солнца тонкій прахъ весьма замѣтенъ и безпокоитъ хозяина. Духъ Святый есть учитель смиренія; вселившись въ сердце, воздыхаетъ воз-

дыханіями неизглаголанными и показываетъ человѣку ничтожность праведности его, какъ говоритъ Исаія: вся наша правда, яко портъ жены-блудницы. Настоящая дьявольская гордость—отвергать даръ Божій существующій, какъ бы несуществующій.

Маія 5-го дня (1840).

3.

И прекрасный переводъ житія Іоанна Милостиваго читаю съ наслажденіемъ, и гляжу любовно на знакомую руку, которою надписанъ конвертъ, ищу коротенькой записочки, хочу знать, здоровъ ли, благополученъ ли Кормитель Нищихъ въ столицѣ христолюбивой; ищу напрасно, напрасно любопытствую съ такою заботливостію. Впредъ кладите въ такіе конверты маленькій листочекъ съ симъ двусловіемъ *я здоровъ*. Полезно употребляемое вами время оставляетъ вамъ мало времени, а я не нуждаюсь въ длинныхъ письмахъ отъ васъ, имѣя продолжительное письмо въ сердцѣ; оно начинается сначала нашего знакомства, конецъ его... о! Я хочу, чтобы оно было безъ конца, чтобъ продолженіе его перешло за предѣлы гроба и сдѣлалось вѣчнымъ во Христѣ. Какое наслажденіе любовь! Пишу къ вамъ, и на языкѣ моемъ чувствую какую-то особенную сладость. Это сладость древа райскаго.

12 Ноября (1840).

4.

Отчетъ Комитета за 40-й годъ показываетъ чрезвычайный успѣхъ благодѣтельнаго учрежденія, управляемаго мудрою вашею распорядительностію. Въ концѣ Маія мѣсяца скончалась въ Петербургѣ благодѣтельная особа княгиня Татьяна Васильевна Юсупова, которая дѣлала много пособій, часто большими очень суммами; за нѣсколько времени до кончины своей она познакомилась со мною коротко, усилила благотворительность свою и намѣревалась рѣшительно оной предаться, какъ по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ внезапно потребована въ вѣчность. Въ числѣ неисполнившихся ея намѣреній находится и изданіе книги св. Исаіи отшельника, которую она хотѣла напечатать на свое иждивеніе и напечатанные экземпляры, за исключеніемъ небольшаго количества, нужнаго для раздачи безденежной почитаемымъ и благочестивымъ людямъ, предоставить въ ваше распоряженіе. По разрушеніи сего плана смертію княгини Юсуповой, можетъ ли трудъ мой быть полезнымъ для братій, нуждающихся въ хлѣбѣ вещественномъ? Я самъ не имѣю на что́ напечатать съ единственною цѣлію пожертвованія; равно не имѣю въ виду лица, которое бы из-

держки напечатанія взяло на себя. Но если вы, почтеннѣйшій Стефанъ Дмитріевичъ, найдете выгоднымъ напечатать на иждивеніе Комитета, то съ любовію жертвую трудомъ моимъ. Книга, кромѣ предисловія, оглавленія и проч., сама по себѣ имѣетъ 332 страницы, кои, сравнивъ съ страницами вашего отчета, нахожу соотношеніе между ими, какъ 4 и 3, то есть книга Исаіи можетъ имѣть таковыхъ печатныхъ страницъ 250. Для обращика книги, которая прямо монашеская, но и для всякаго внимательнаго христіанина крайне полезна, прилагаю при семъ нѣкоторые отрывки. Прошу извѣстить меня о вашемъ распоряженіи, по коему могу выслать къ вамъ рукопись, которую остается доправить и дополнить алфавитомъ. Вся моя корысть вещественная будетъ ограничиваться покорнѣйшею просьбою о доставленіи мнѣ ста экземпляровъ для безденежной раздачи за цѣну, чего будетъ стоить Комитету; вторая же просьба: чтобъ имя мое нигдѣ не было обнаружено.—Мой казначей отправился въ Кіевъ; онъ часто видалъ васъ, и я ему поручилъ быть у васъ и доставить мнѣ подробное свѣдѣніе о васъ. Какъ васъ домашнія обстоятельства требуютъ въ Рязань, такъ меня наоборотъ Сергіевскія обстоятельства не пустятъ въ Москву. Столь шумнаго лѣта у насъ не бывало. Петергофская дорога усѣяна экипажами.

1841 Іюня 24.

5.

Служеніе ваше по духовному вѣдомству, дало вамъ возможность употребить слово *мытарства* для названія тѣхъ разсматриваній продолжительныхъ и многообразныхъ, коимъ подвергаются у насъ книги существенно полезныя и отъ коихъ такъ свободны книги умѣренной пользы, въ особенности же пустыя и даже вредныя. Я улыбнулся при прочтеніи этого слова и теперь часто улыбаюсь, видя оживотвореніе его дѣломъ. Книга св. Исаіи была у преосвященнаго Кіевскаго въ продолженіи 3-хъ мѣсяцевъ; онъ прочиталъ ее и одобрилъ къ напечатанію, ублаживъ духоноснаго писателя величайшими и должными похвалами. Теперь конечно пойдетъ на разсмотрѣніе къ Московскому. Наслѣдники Юсуповой не наслѣдовали ея щедрости или, можетъ быть, и наслѣдовали, но безъ того расположенія ко мнѣ, которое имѣла покойная. Здѣсь подобный пожертвователь нелегко открывается: большая часть пожертвователей ищутъ публикацій въ газетахъ и благоволеній, а не тайной сердечной награды. Если трудъ мой можетъ послужить съ какою нибудь пользою для нуждающихся братій, то по совершенномъ одобреніи рукописи къ напечатанію не премину представить оную къ вамъ. Будьте раздаятелемъ хлѣба и вещественнаго, и духовнаго! Тѣхъ и другихъ нищихъ много.

Опасенія ваши по отношенію къ климату и нравственности очень справедливы: никакой глазъ не можетъ замѣнить родительскаго, не говоря уже о сердцѣ. Да и изъ учебныхъ заведеній въ настоящее время едва ли не первое мѣсто должны занимать учрежденія, приготовляющія къ статской службѣ, а изъ нихъ вообще университеты. Мы вѣтрены; количество знаній, которое возростаетъ съ возрастомъ міра, мы имѣемъ бо̀льшее, нежели наши предки; это самое многознаніе дѣлаетъ насъ поверхностными, и мы уступаемъ предкамъ въ качествѣ знаній, въ сущности знанія. — Вы промолвились о уединеніи. Когда эта мысль приходитъ, надо ее спрашивать: не рано ли? хотя и опаздывать не должно. Точно, міръ не веселитъ людей размышляющихъ; но онъ, питая насъ горестями, отталкиваетъ нашу любовь къ нему и направляетъ ее къ Богу. Міръ ранитъ наше сердце и тѣмъ исцѣляетъ его болѣзни — земныя пристрастія. Безвременное уединеніе уничтожаетъ сію работу сердца, которое, нашедши покой, часто снова примиряется съ міромъ и дѣлается холоднѣе къ Богу. Это не мои мысли, но я заимствовалъ ихъ изъ аскетическихъ Отцевъ Церкви, и когда приходится видѣть опыты, то они постоянно утверждаютъ меня въ семъ образѣ мыслей. Съ большимъ бы удовольствіемъ прислалъ вамъ рецептъ того лѣкарства, коимъ я избавился отъ солитера; но тотъ пріѣзжій докторъ, который пользуетъ отъ сей болѣзни, предлагаетъ нашему правительству купить рецептъ его за 5000 р. ежегодной пожизненной пенсіи; а до тѣхъ поръ не открываетъ своего способа, въ который входятъ одни растительныя вещества. Кого онъ здѣсь ни пользовалъ, всѣхъ удачно.

1842 года Генваря 17-го дня.

6.

Единообразно текутъ дни мои среди немощей душевныхъ и тѣлесныхъ. Сергіева пустыня расцвѣтаетъ годъ отъ года болѣе, а я годъ отъ году хилѣю, слабѣю и по зимамъ почти не выхожу изъ своихъ комнатъ. Иногда мелькаетъ мысль о путешествіи въ Воронежъ или Кіевъ, о путешествіи столько нужномъ для моего здоровья, и опять подавляется безчисленными препятствіями, не позволяющими оставить монастырь на продолжительное время, особливо лѣтомъ. Но въ то время, когда занимаетъ меня мысль сія, бываю въ Москвѣ, вхожу въ домъ, стоящій близъ Дѣвичьяго поля, вижу хозяина съ тою же улыбкою любви на устахъ, съ каковою всегда видѣлъ его въ Петербургѣ. И привѣтливо смѣются мнѣ его голубые глаза; все лицо его живописуется въ моемъ воображеніи съ сходствомъ точно идеальнымъ! Сердце гармонируетъ фантазіи нѣжнымъ восторгомъ и трепетаніемъ.

1843 года Декабря 13 дня. Сергіева пустыня.

Письмо А. А. Краевскаго къ С. Д. Нечаеву.

Зная всегдашнюю готовность вашего превосходительства содѣйствовать достиженію какой бы то ни было доброй цѣли, особливо если съ этимъ достиженіемъ соединяется маломальская польза отечественнаго просвѣщенія, принимаю смѣлость обратиться къ вамъ съ всепокорнѣйшею просьбою.

Съ 1839 года предпринялъ я возобновленіе Отечественныхъ Записокъ, журнала, переданнаго мнѣ покойнымъ П. П. Свиньинымъ. Цѣлью моею въ этомъ дѣлѣ было сколько доставленіе публикѣ чтенія пріятно полезнаго, столько же и направленіе нашихъ литературно-ученыхъ мнѣній въ ту сторону, которую, по искреннему, сердечному убѣжденію моему, считалъ я лучшею стороною. Правъ ли я былъ въ назначеніи себѣ этого направленія и до какой степени достигъ предположенной цѣли, объ этомъ не мнѣ судить. Могу сказать только, что во все продолженіе изданія моего журнала я неослабно стремился къ этой цѣли, не внимая ни бранямъ, которыми осыпали меня печатно еще до появленія первой книжки моего журнала, ни ругательствамъ и клеветамъ тайнымъ и явнымъ, которыя до сихъ поръ еще не прекращаются отъ людей, злобствующихъ на меня за то, что я началъ свой журналъ безъ ихъ покровительства и напалъ на то недостойное коммерческое направленіе, въ которое вовлекли было они бѣдную Русскую литературу. Эти люди давнымъ давно уже были извѣстны публикѣ; ихъ голосъ не могъ не быть уваженъ большинствомъ нашихъ читателей, и они, имѣя возможность ежедневно бранить меня и хвалить себя, естественно должны были внушить публикѣ недовѣрчивость къ новому, только что начинающемуся журналу, отъ котораго публика не могла еще знать, чего ей ожидать, тогда какъ къ старымъ журналистамъ она привыкла, какъ привыкаютъ иногда къ самому плохому и слабому за недостаткомъ лучшаго. Начатыя при такихъ нападеніяхъ со стороны недоброжелателей, Отечественныя Записки не могли имѣть въ первый годъ своего существованія такого успѣха, который доставилъ бы имъ обезпеченіе въ издержкахъ, требуемыхъ обширнымъ изданіемъ. Но рѣшившись твердо идти впередъ, несмотря ни на какія препятствія и вполнѣ убѣжденный въ правотѣ своего дѣла, я съ самыми незначительными средствами довелъ изданіе до конца года, неизбѣжно вступая въ бо̀льшіе и бо̀льшіе долги съ каждою новою книжкою журнала. Надежда не обманула меня: въ нынѣшнемъ году журналъ имѣетъ гораздо большее число подписчиковъ, нежели въ прошломъ, что̀ доказываетъ, что направленіе Отечественныхъ

Записокъ, не смотря ни на какіе крики, разносимые во всѣ концы Россіи, оправдывается просвѣщенными читателями, что оно нравится. Но бо̀льшая часть денегъ, собранныхъ за нынѣшній годъ, поступила на уплату долга прошлогодняго, такъ что небольшое количество ихъ остается на изданіе журнала въ нынѣшнемъ году, котораго прошло только четыре мѣсяца. Единственное средство къ поддержанію Отечественныхъ Записокъ въ семъ году заключается въ содѣйствіи людей просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ къ доставленію имъ способовъ окончить нынѣшній годъ честно, послѣ чего смѣло можно ожидать увеличенія числа подписчиковъ въ будущемъ году.

Вотъ, ваше превосходительство, на какомъ основаніи я осмѣливаюсь убѣдительнѣйше просить васъ помочь намъ въ этомъ, смѣю сказать, благонамѣренномъ и добросовѣстномъ дѣлѣ. Я увѣренъ, что рекомендація съ вашей стороны и предложеніе подписаться на Отечественныя Записки лицамъ, которыя имѣютъ къ тому возможность, будетъ однимъ изъ величайшихъ пособій къ продолженію существованія журнала, отъ котораго, позвольте мнѣ быть откровеннымъ, можно ожидать пользы для науки и литературы Русской. Не имѣя никакихъ правъ на ваше вниманіе, я избираю ходатаями за себя вашъ просвѣщенный вкусъ и доброе сердце и почту себя счастливымъ, если Отечественныя Записки, заслуживъ ваше одобреніе, заслужатъ въ тоже время и содѣйствіе съ вашей стороны къ ихъ поддержанію въ нынѣшнее затруднительное для нихъ время.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Андрей Краевскій.

22 Апрѣля 1840. Санктпетербургъ.

*

Приложенный къ 4-й книжкѣ Русскаго Архива портретъ ген. лейт. Ильи Ивановича Алексѣева, о которомъ такъ часто говорится въ запискахъ шурина его Ф. Ф. Вигеля, цинко-графически воспроизведенъ съ гравюры, въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ. Гравюра работы Поля (Paul) сдѣлана съ портрета писаннаго Келемъ (Keel).

Къ нынѣшней книжкѣ приложенъ видъ Сенатской площади въ Петербургѣ 14 Декабря 1825 г., по фотографіи, любезно сообщенной княземъ Александромъ Петровичемъ Волконскимъ и снятой имъ съ подлиннаго рисунка, находящагося въ бывшемъ кабинетѣ его прадѣда, графа А. Х. Бенкендорфа, въ замкѣ Фаллѣ, подъ Ревелемъ. П. Б.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893 года.

(Годъ тридцать первый).

Русскій Архивъ въ 1893 г. издается по прежнему двѣнадцатью тетрадями, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1893 году съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за одну по 1 р. 25 к., за двѣ по рублю, за три по 80 к., за четыре и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Для личныхъ объясненій съ издателями—Четвергъ отъ 9 до 3 ч. дня.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“: **Петръ Бартеневъ.**

Годъ XXXI-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893

6.

Стр.

161. Письма митрополита Московскаго **Филарета** къ Симбирскому епископу Евгенію (1849—1867).

177. Нѣсколько словъ объ архіепископѣ Херсонскомъ Иннокентіи. **И. І. Палимпсестова.**

183. Черты внутренняго быта Россіи при Петрѣ Великомъ (Тамбовскій край). **И. И. Дубасова.**

190. Записка о сенаторѣ А. А. Столыпинѣ († 1825).

196. Къ исторіи Еврейства. VI—X. **Н. С. Граве.**

246. Украина въ изображеніяхъ Французовъ. **В. П. Горленка.**

257. Изъ записокъ генералъ-адъютанта **Г. И. Ностица.** Съ послѣсловіемъ сына его графа Н. Г. Ностица о командировкѣ его въ Берлинъ въ 1869 году.

281. Изъ дневника **Елены Андреевны Штакеншнейдеръ** (1856).

284. Епископъ Симбирскій Евгеній, біографическій очеркъ.

288. Плачъ Московскихъ церквей. **В. К.** Съ послѣсловіемъ **Н. А. Скворцова.**

300. Къ исторіи Русской гравюры. П. П. Бекетовъ. **А. П. Новицкаго.**

304. Поправка **И. І. Палимпсестова** (о Кіевскомъ митрополитѣ Платонѣ).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1893.

Въ Конторѣ РУССКАГО АРХИВА

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175).

ПОЛУЧАТЬ МОЖНО.

Годовыя изданія „Рускаго Архива“ (12 выпусковъ въ трехъ книгахъ каждая съ особымъ счетомъ страницъ, съ приложеніемъ указателя собственныхъ именъ) 1892 г. по 9 р. съ пересылкой, 1881, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891 по 8 р. съ пересылкою, 1874, 1877, 1878, 1879, 1884 по 6 р. съ пересылкою. Остальные года вышли изъ обыкновенной продажи.

Контора „Русскаго Архива“ принимаетъ на себя въ опредѣленный срокъ собрать и доставить полное изданіе за тридцать лѣтъ съ 1863 по 1892 годъ, по цѣнѣ 250 рублей за экземпляръ.

Главныя статьи „Русскаго Архива“ 1889 года.

Бояринъ и воевода князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. **Г. А. Воробьева.**

Автобіографія стольника В. А. Даудова XVII вѣка.

О значеніи слова «Кормленіе» статьи **Д. Д. Голохвастова** и **В. О. Ключевскаго.**

Донесенія Рижскаго губернатора Дальберга Карлу XII о посѣщеніи Риги **Петромъ Великимъ.**

Письма къ царицѣ Екатеринѣ I.

Письма и рескрипты **Екатерины Великой** (1765—1774).

Письма къ князю Потемкину протоіерея **Петра Алексѣева** и митрополита **Платона.**

Воспоминанія графини **А. Д. Блудовой.**

Записки **Н. Н. Муравьева-Карскаго.** Персидская война. 1826—1827 годы.

Персидское посольство въ Россію въ 1829 году. По бумагамъ графа **П. П. Сухтелена.**

Изъ записокъ князя И. Ѳ. Паскевича (до Августа 1826 года).

Дневникъ графа П. П. Сухтелена о пребываніи **Хозрева-Мирзы** въ Россіи.

Императрица Марія Ѳеодоровна. Ея біографія, написанная **Е. С. Шумигорскимъ.**

Татьяна Васильевна Шлыкова. Статья графа **С. Д. Шереметева.**

Письма митрополита **Евгенія** къ Анастасевичу (1813—1820).

Инструкція **графа Бенкендорфа** чиновнику „Третьяго отдѣленія“.

Изъ дневника и записной книжки графа **П. Х. Граббе** (1849—1873).

Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Его біографія. **А. А. Зиссермана.**

Записки митрополита **Филарета** о раскольническомъ и единовѣрческомъ духовенствѣ.

Изъ архива кн. **А. И. Барятинскаго.**

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ЕПИСКОПУ СИМБИРСКОМУ ЕВГЕНІЮ [1].

1.

От 4 Декабря 1849 г.

Преподобнѣйшій отецъ ректоръ [2].

Благодарю васъ и сотрудниковъ вашихъ за доброжелательный привѣтъ. Споспѣшествуйте молитвами, чтобы даруемое мнѣ милосердіемъ Божіимъ время не безполезно было для васъ и для меня не потеряно. Оптинскіе старцы поручили мнѣ препроводить къ вамъ въ цензуру рукопись, которую и препровождаю. Будьте милостивы къ нимъ не тѣмъ, чтобы одобрять неодобрительное, но тѣмъ, чтобы справедливое разсмотрѣніе было не очень медленно.

Миръ вамъ и сущимъ съ вами. Филаретъ м. Московскій [3].

2.

Пришлите мнѣ, отецъ ректоръ [4], поскорѣе списокъ съ распоряженія о томъ, кого уволить отъ Академіи, и кого поставить на мѣсто увольняемыхъ [5]. Филаретъ м. Московскій.

Іюля 20. 1854.

---

[1] Печатаются съ подлинниковъ, въ которыхъ въ началѣ почти каждаго письма поставленъ крестикъ.—Воспитанникъ Московской Духовной Академіи, а потомъ ректоръ ея, Евгеній Сахаровъ-Платоновъ 6 Октября 1857 года, будучи архимандритомъ Высокопетровскаго монастыря, посвященъ былъ въ санъ епископа Дмитровскаго, т. е. митрополичьяго викарія, а 13 Октября 1858 года переведенъ въ Симбирскъ, гдѣ и кончилъ добродѣтельную жизнь свою, предварительно уволившись на покой (съ 7 Декабря 1874). П. Б.

[2] Евгеній былъ тогда ректоромъ Виѳанской Семинаріи.

[3] Это обычный у Филарета вѣжливый отвѣтъ на поздравленія, которыя приносились ему Академіею и Семинаріею въ день Ангела его, къ Рождеству и къ Пасхѣ (дня рожденія своего, 26 Декабря, Филаретъ не праздновалъ и гнѣвался на Снегирева, когда тотъ поздравлялъ его съ этимъ днемъ). Эти поздравленія были составляемы очень тщательно; ими Академія и Семинаріи старались щегольнуть.

[4] Въ этомъ году Евгеній былъ уже ректоромъ Московской Духовной Академіи.

[5] Въ числѣ уволенныхъ отъ службы въ Академіи были: славный Голубинскій (который въ Августѣ того же года и скончался), ебраистъ Аничковъ-Платоновъ, поступившій священникомъ къ церкви Косьмы и Дамьяна въ Шубинѣ (близъ Тверской площади) и іеромонахъ Ѳеодоръ Бухаревъ, переведенный въ Казань, впослѣдствіи снявшій съ себя санъ и женившійся.

3.

Миръ отцу ректору и сущимъ съ тобою.

Соглашаюсь, чтобы уволенные отъ Академіи священники представлены были къ денежнымъ награжденіямъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ и нужду въ томъ, не имѣя еще мѣстъ въ епархіальной службѣ, по неоткрытію вакансій.

Посылаю вамъ письмо Андрея Николаевича [6]). Рукопись его придетъ послѣ. По обычаю, посылаю вамъ двѣ моихъ рукописи, для употребленія или истребленія, какъ угодно [7]).

Прочитайте прилагаемую проповѣдь протоіерея Сахарова [8]), и не хотите ли предложить ее на разсужденіе редакціи вашего повременнаго изданія? Велите списать и пришлите мнѣ Греческій текстъ начала 18 слова Исаака Сирина [9]). Новый переводъ, мнѣ кажется, менѣе удовлетворяетъ, нежели прежній. Филаретъ м. Московскій.

Ноябр. 2. 1854.

4.

Возвращаю вамъ, отецъ ректоръ, біографію Θеодора Александровича [10]).

Сочинитель, сказавъ, что пр. Голубинскій «преимущественно слѣдовалъ системѣ Шеллинга», клевещетъ на него и доноситъ на себя и естьли бы это было напечатано, то обратилось бы въ порицаніе и Академіи. Шеллингъ половину своей жизни преподавалъ философію, о которой потомъ самъ сказалъ, что она неудовлетворительна, потому что это только половина и что она сдѣлается удовлетворительною, когда онъ прибавитъ другую половину. Эту другую половину пытался онъ преподавать въ Берлинѣ; но, видно, самъ примѣчалъ, что она не дополняетъ, и запретилъ слушателямъ публиковать свои лекціи, и самъ, ничего не написавъ, умеръ. Сочинитель самъ выписываетъ вы-

---

[6]) Муравьева.

[7]) Говорится о проповѣдяхъ Филарета, которыя печатались въ прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцовъ, издаваемыхъ при Московской Духовной Академіи.

[8]) Сахаровъ - протоіерей Московской церкви Богоявленія въ Елоховѣ.

[9]) Творенія Исаака Сирина переводились на Русскій языкъ при М. Духовной Академіи. Филаретъ предпочиталъ старинный Церковно-славянскій переводъ ихъ этому новому.

[10]) Разсмотренная и сокращенная біографія Θ. А. Голубинскаго была напечатана въ 1855 году. Голубинскій не всегда пользовался благорасположеніемъ митрополита, который неодобрительно отзывался и о лекціяхъ М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева, читанныхъ въ Московскомъ университетѣ по исторіи философіи, миθологіи, на основаніи позднѣйшей Шеллинговой системы. На это есть намекъ въ Леонтьевскихъ „Пропилеяхъ“, гдѣ митрополитъ означенъ словами «нѣкоторый специалистъ»; выраженіемъ этимъ потѣшались тогдашніе студенты. П. Б.

шедшія изъ устъ пр. Голубинскаго и записанныя иностранцемъ слова, что Шеллингъ отъ одного берега отсталъ, а къ другому не присталъ, и самъ же пишетъ, будто пр. Голубинскій преимущественно слѣдовалъ Шеллингу. Мнѣ прискорбно, что и вы, отецъ ректоръ, не замѣтили нѣкоторыхъ мѣстъ біографіи, нетерпимыхъ. Московская Академія еще не пережила многолѣтнихъ на нее клеветъ, а вы вашею невнимательностію даете имъ пищу. На что длинная выписка изъ книги профессора Шевырева [11]), въ которой даже есть повторенія того, что сказывалъ біографъ? Всякая слишкомъ длинная въ сочиненіи выписка изъ другаго сочиненія представляется не членомъ тѣла, а килою на немъ. Я исключалъ лишнее; но вы должны пересмотрѣть еще. Мнѣ недосугъ слѣдить за всякимъ вашимъ словомъ и неудобно одному бодрствовать за многихъ дремлющихъ.

Смотрите за сочинителемъ біографіи, не сѣетъ ли онъ плевелъ въ урокахъ, какъ посѣялъ ихъ въ біографіи.

Миръ вамъ и сущимъ съ вами. Ф. м. Московскій.

Ноября 14. 1854.

5.

Миръ вамъ, отецъ ректоръ, и сущимъ съ вами.

Въ цензурный комитетъ посылается грамота [12]). Сомнѣнія, думаю, не будетъ, потому что ее положилъ уже напечатать Св. Синодъ. Скажите, чтобы не помедлилъ Комитетъ и свое рѣшеніе прислалъ ко мнѣ. Ф. м. Московскій.

Ноября 19. 1854.

6.

Миръ вамъ, отецъ ректоръ, и сущимъ съ вами.

Читалъ я часть сочиненія о согласіи Евангелистовъ. Въ существѣ оно благонамѣренно и православно, но въ изложеніи неосмотрительно и подаетъ поводъ къ нападеніямъ на него, которыя и случились. Сочинитель ставитъ себя на точку зрѣнія испытующихъ по разуму, не заботясь объясниться, что это дѣлается по цѣли разсужденія, и что между тѣмъ онъ принадлежитъ къ вѣрующимъ и благоговѣющимъ предъ Евангеліемъ. Онъ говоритъ о Евангелистахъ, какъ будто о сочинителяхъ, не заботясь показать, что это писатели богодухновенные. Въ одномъ мѣстѣ представляетъ цѣлый рядъ сказаній, повидимому, разнорѣчащихъ, и тѣмъ смущаетъ читателя, вмѣсто того, чтобы, указавъ одно мнимое разнорѣчіе, тотчасъ успокоить читателя основательнымъ соглашеніемъ. Много лѣтъ говорилъ я вашимъ пред-

[11]) Говорится о книгѣ «Поѣздка въ Кирилобѣлозерскій монастырь». П. Б.

[12]) Это, конечно, грамота Восточныхъ патріарховъ въ отвѣтъ Римскому папѣ, которую такъ радостно привѣтствовалъ покойный А. С. Хомяковъ. П. Б.

шественникамъ и вамъ, чтобы студенты не поставляли достоинства въ толстотѣ сочиненій, отъ чего они опаздываютъ представлять ихъ, а у наставниковъ недостаетъ времени и терпѣнія тщательно пересматривать ихъ. Меня продолжали не слушать, и плоды такого дѣйствованія возрастали. Иногда имѣлъ я по сему предмету борьбу въ Синодѣ, но она оканчивалась словами, а разрядные списки утверждались. Теперь оффиціально ударили Академію по головѣ неутвержденіемъ двухъ представленныхъ въ магистры. Удивляюсь ректору Академіи, который представляетъ въ Св. Синодъ сочиненіе своего студента, не узнавъ, что̀ въ немъ есть.

Грамоту печатать, думаю, вамъ не нужно, когда она уже напечатана и разослана при указахъ. Читателямъ непріятно встрѣчать въ изданіи то, что̀ они уже знаютъ. Впрочемъ, какъ хотите.

Посылаю двѣ рукописи, которыя можете, естьли захотите, напечатать, переписавъ вѣрно. Филаретъ м. Московскій.

Ноября 26. 1854.

7.

Преподобнѣйшій отецъ ректоръ и архимандритъ!

Доброму оку доброе и видится: думалъ я, читая писанное отъ васъ и отъ сотрудниковъ вашихъ ко мнѣ въ первый день сего Декабря. Похвала да будетъ вашему оку, а не тому, что̀ вамъ видится въ моемъ служеніи. Благодарю Академію, давшую мнѣ преемственно уже нѣсколько полезныхъ ближайшихъ помощниковъ [13]). Благословеніе Божіе усердно призываю всѣмъ вамъ. Филаретъ м. Московскій.

Дек. 3, 1854 г.

Прилагаемыя тетради поспѣшите отдать въ цензуру. Да поспѣшать цензоры: сего требуетъ писатель.

8.

Отцу ректору миръ.

Радуюсь, что выпуска изъ журнала Нецвѣтова не пропала, а напечатана. Не помню, почему съ нею не послано было къ вамъ письмо преосвященнаго Иннокентія [14]). Посылаю оное теперь, означивъ карандашемъ, что̀ можетъ быть выписано и напечатано. Разсудите ли напечатать, или покажется вамъ поздно: какъ разсудите, такъ и поступите.

Посылаю вамъ еще двѣ выписки изъ его писемъ. Одну сдѣлалъ я своею рукою: потому что въ письмѣ есть нѣчто такое, чему лучше оставаться между архіереями, а не доходить до писцовъ.

---

[13]) Т. е. викаріевъ.

[14]) Иркутскаго.

О послѣдней строкѣ сей послѣдней выписки вы, можетъ быть, спросите: полно, печатать ли? Можете не печатать; но мнѣ кажется, не бѣда не скрыть немощь Креола, какъ объясненіе, что народъ еще не доросъ до того, чтобы имѣть туземное священство. Филаретъ м. Московскій.

Генв. 16, 1855 г.

9.

Извѣстно вамъ, отецъ ректоръ, замѣчаніе одной высокой особы [15]) что въ комнатахъ студентовъ Духовной Академіи есть запахъ табака. Непріятно думать, что особы, которыхъ сужденіе столь же достойно глубокаго уваженія, сколь чиста ихъ нравственная мысль, будутъ видѣть между получающими высшее образованіе къ духовной службѣ людей, порабощенныхъ суетной прихоти, выдуманной мимо природы. Естьли противъ сего нѣтъ запрещающаго предписанія: то потому, что желательно было оказать довѣріе благоразумію людей, уже не дѣтскаго ума.

Не странно ли, что люди изобрѣли себѣ новаго рода голодъ, котораго природа не знала, и новаго рода пищу, о которой она не думала; посредствомъ привычки сдѣлали себя рабами сей неестественной прихоти и умножили число своихъ нуждъ, сдѣлавъ необходимымъ излишнее?

Изобрѣтеніе, чуждое порядка природы и благоразумія, перестаетъ ли быть такимъ потому, что многими принято?

Люди, имѣющіе притязаніе на любомудріе, должны ли слѣпо перенимать обычай, принятый другими, потому что они не приняли труда подумать?

Древній законъ говорилъ служителямъ алтаря: *вина и сикера не пійте, егда входите въ скинію свидѣнія, или приступающимъ вамъ ко алтарю* (Лев. X. 9.), хотя вино, кромѣ сего случая, благословлено было къ употребленію, и даже удостоено быть приносимо къ алтарю. Никто не станетъ спорить, что христіанскій алтарь требуетъ еще бóльшаго благоговѣнія, нежели ветхозавѣтный. Посему позволительно ли служителю алтаря христіанскаго приносить къ нему не запахъ вина, естественно употребленнаго, но смрадъ по неестественной прихоти употребленной ядовитой травы? И не долженъ ли готовящійся къ сему служенію предварительно остеречься, чтобы не основать въ себѣ привычки несообразной съ достоинствомъ служенія? О естественномъ и законномъ употребленіи сказалъ Апостолъ: *не имамъ ясти мяса во вѣки, да не соблазню брата моего* (1 Кор. VIII. 13). Неужели служащій алтарю, или готовящійся къ сему, рѣшится сказать: буду угождать неестественной прихоти; пусть соблазняются?

---

[15]) Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Письмо это уже было напечатано.

Скажутъ ли: предметъ маловажный не требуетъ строгаго вниманія? Но вы почему же не откажетесь отъ маловажнаго предмета, а держитесь за него упорно и хотите, чтобы другіе отказались отъ него, въ пользу вашей прихоти? Маловажно ли сіе слово: *горе человѣку тому, имже соблазнъ приходитъ* (Мат. XVIII, 7)? Отдаю сіе на размышленіе ваше и ввѣренныхъ вашему руководству. Мнѣ надлежало исполнить мой долгъ. Желаю, чтобы вы исполнили вашъ.

Филаретъ м. Московскій.

Въ Москвѣ, Окт. 8. 1855 г.

10.

Отцу ректору миръ.

Проповѣдь, о которой пишете, имѣетъ такой мѣстный характеръ, что сомнѣваюсь предать ее общему чтенію; скажу о семъ послѣ.

Посылаю другую проповѣдь. Посмотрите, и естьли вамъ не понадобится, возвратите.

Чтò касается до худой травы: естьли дѣло шло о строгомъ запрещеніи, я далъ бы предложеніе. Въ письмѣ именно сказано, что не дано запрещенія, въ надеждѣ на здравое разсужденіе. Запрещеніе строгое можетъ сдѣлать то, что будутъ исполнять прихоть скрытно; и слѣдственно къ нехорошему присоединится худшее—поступать не по совѣсти предъ начальствомъ. Потому я писалъ въ письмѣ разсужденіе, чтобъ въ разсужденіе здравое ввести имѣющихъ въ семъ нужду. Сего достигнуть надобно стараться. Ф. м. Московскій.

Нояб. 4, 1855 г.

11.

Отцу ректору и богомудрствующей братіи миръ.

О г. Гиляровѣ не бросьте на землю слова, мною сказаннаго [16]).

Сочтите, сколько слѣдовало бы ему жалованья отъ дня увольненія его до конца года, возмите отъ меня у лаврскаго казначея и отдайте ему, сказавъ, что я прошу его не отказываться отъ сего, потому что, сдѣлавъ чтò находилъ нужнымъ, не желаю, чтобы онъ былъ въ затрудненіи. Трудно мнѣ было бы утвердить, что онъ заслужилъ награжденіе. Естьли представите частію о награжденіи за немаловременную службу, частію о пособіи (такъ какъ онъ, оставивъ академическую службу, можетъ терпѣть нужду, доколѣ найдетъ мѣсто и содержаніе): съ симъ удобнѣе будетъ мнѣ согласиться.

Въ подобномъ смыслѣ далъ я резолюцію Виѳанскому семинарскому правленію о священникѣ Быстрицкомъ. Не излишне будетъ вамъ прочитать сію резолюцію. Ректору же скажите, что онъ, опираясь на

[16]) Замѣчательна забота митрополита о прославившемся впослѣдствіи Никитѣ Петр. Гиляровѣ-Платоновѣ. Очевидно, что онъ уже тогда цѣнилъ необыкновенныя его дарованія. Н. Б

сію резолюцію, можетъ сдѣлать представленіе академическому правленію.

Двѣ бесѣды, прежде удержанныя, посылаю. Дѣлайте, что̀ хотите.

Ф. м. Московскій.

Нояб. 16, 1855 г.

12.

Отъ 1 Декабря 1855 г.

Отцу ректору и подвизающимся о просвѣщеніи свѣтъ и миръ отъ Источника свѣта. Что вы свѣтлымъ окомъ смотрите на меня въ день мой: въ томъ вижу ваше достоинство, а не мое. За благія желанія много благодарю. Господь да споспѣшествуетъ вамъ въ распространеніи свѣта Истины и православія, и никакой посторонній дымъ да не потемнитъ вашего чистаго дѣла. Вы конечно и тѣмъ, которые темно видятъ чужое дѣло, пожелаете не инаго, какъ того, чтобы они болѣе свѣтили сами. Филаретъ м. Московскій.

Письмо архимандрита Евгенія къ митрополиту Филарету отъ 10 Декабря 1855 года.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ!

Принося вашему высокопреосвященству нижайшую благодарность за сообщеніе намъ проповѣдей вашихъ, осмѣливаюсь изъяснить при семъ нѣкоторыя наши недоумѣнія.

Въ бесѣдѣ, говоренной по освященіи храма въ Барыковской богадѣльнѣ, на страницѣ 3-й, сказано: «молящійся предъ симъ образомъ Господнимъ получилъ исцѣленіе отъ немощи». Члены цензурнаго комитета говорятъ, что Комитетъ самъ собою не можетъ разрѣшить къ напечатанію такихъ мѣстъ въ какой-либо рукописи, гдѣ повѣствуется о чудесахъ неизвѣстныхъ Св. Синоду. Въ отношеніи къ такимъ мѣстамъ Комитетъ обязанъ испрашивать разрѣшеніе отъ Св. Синода.

Въ той же бесѣдѣ, стран. 6, сказано: «благотворная помощь *простодушному* молитвеннику». По видимому, эта помощь благотворна не однимъ простодушнымъ молитвенникамъ.

Въ бесѣдѣ, говоренной по освященіи храма въ Варваринскомъ сиротскомъ домѣ, на стр. 12, сказано: «пекущіеся о своихъ дѣтяхъ... служатъ наиболѣе себѣ», но вмѣстѣ, по видимому, служатъ и отечеству земному и небесному (какъ далѣе говорится о призрѣвающихъ чужихъ дѣтей), хорошимъ воспитаніемъ приготовляя добрыхъ гражданъ и сыновъ церкви.

Представляя сіе на благоусмотрѣніе вашего высокопреосвященства, нижайше прошу возвратить намъ упомянутыя двѣ бесѣды для напечатанія въ здѣшнемъ изданіи.

Вашего высокопреосвященства, милостиваго архипастыря и отца, нижайшій послушникъ, Академіи ректоръ архимандритъ Евгеній.

Отвѣтъ митрополита Фаларета на томъ же письмѣ:

Дек. 10. Возвращаются со сдѣланными перемѣнами въ замѣченныхъ мѣстахъ. Выраженіе: *ощутилъ благодатные дары молитвы*, думаю, не затруднитъ Комитетъ, а естьли затруднитъ, возвратите мнѣ рукопись. Мнѣ нѣтъ нужды въ напечатаніи. ея [17]).

13.

Прочитайте, отецъ ректоръ, прилагаемую при семъ выписку изъ письма Андрея Николаевича членамъ редакціоннаго и цензурнаго комитетовъ.

Возраженіе, что Ѳеодоритъ не святый отецъ, заслуживаетъ вниманія. Долго ли могутъ продолжаться въ изданіи его толкованія, естьли печатать всё? Правда, что иные вопросы мелки, иные отвѣты слабы; но есть примѣчательное, и любопытно видѣть древній взглядъ на Священное Писаніе, при недостаточныхъ внѣшнихъ пособіяхъ къ разумѣнію ѻнаго. Не знаю, осудитъ ли сіи толкованія такъ строго, какъ осуждаетъ письмо. Разсудите и скажите, не остановиться ли, и на чемъ и къ чему перейти?

Скажите, чтобы и книги і. Парѳенія [18]) лучше пересмотрѣли.

Ф. м. Московскій.

Генв. 25. 1856.

14.

Доставьте мнѣ, отецъ ректоръ, засвидѣтельствованные послужные списки ректоровъ обѣихъ семинарій и напишите проектъ донесеній отъ меня С. Синоду съ изъясненіемъ достоинства ихъ службы, для представленія ихъ ко 2-й степени ордена Св. Анны.

Но скажите Виѳанскому ректору, что не пошлю о немъ представленія, доколѣ не увижу порученной ему программы: потому что

---

[17]) Строгій къ обмолвкамъ другихъ, митрополитъ легко признавалъ и свои обмолвки, когда ему на нихъ указывали. Это письмо не единственный примѣръ, что онъ исправлялъ себя по указаніямъ цензуры. Въ архивѣ Цензурнаго Комитета вѣроятно цѣлы еще замѣчанія цензора Делицына на многія мѣста изъ бесѣдъ митрополита при полномъ изданіи его проповѣдей 1849 г.; на нѣкоторыя изъ замѣчаній онъ возражалъ, съ другими соглашался безпрекословно. Въ одной изъ проповѣдей у него вырвалось слово (Дѣян. 12, 8): на пути спалъ и выспалъ спасеніе изъ темницы. Молодые люди, слышавшіе проповѣдь, подхватили это выраженіе и долго носились съ нимъ; въ печати эта фраза была измѣнена по настоянію цензуры. Филаретъ всегда самъ писалъ свои проповѣди и всегда говорилъ по тетрадкѣ. Представляется не совсѣмъ понятнымъ, какъ у такого строгаго ума могли проскользать обмолвки; развѣ только объясняется это поспѣшностію, съ какою писалъ онъ. И если такой умъ не свободенъ былъ отъ ошибокъ, чего ждать отъ прославляемаго нынѣ экспромптнаго произнесенія поученій?

[18]) Извѣстное путешествіе іеромонаха Парѳенія. П. Б.

естьли безъ сего представлю, а насъ съ нимъ въ тоже время обличатъ въ медленности, то успѣха не будетъ, а будетъ стыдъ.

Генв. 26. 1856.

15.

Отцу ректору съ братіею миръ.

Прилагаемую бесѣду отдайте въ цензуру и, естьли пропустятъ возвратите мнѣ, чтобы отдать храмоздателямъ, которые сего просятъ.

Андрей Николаевичъ, можетъ быть, строго судитъ; но вы не слабо ли защищаетесь отъ сего суда? Заглавіе вашего изданія ясно говоритъ о святыхъ отцахъ: и потому ввести въ оное Θеодорита надобно было съ усиліемъ и по убѣжденію въ полезности его писаній; а естьли они возбуждаютъ даже прекословіе, не для чего было усиливаться. Святѣйшій Синодъ конечно не перечитывалъ писаній Θеодорита, когда разрѣшалъ печатать ихъ, а полагалъ, что сіе должны были сдѣлать и сдѣлали издатели. Приводимый вами примѣръ правилъ Θеофила не къ дѣлу. Естьли онъ и не святой отецъ, то правила его освящены отцами шестаго вселенскаго собора. А вы не можете освятить писаній Θеодорита.

Толкованія на Псалмы не будутъ ли лучше толкованій на историческія книги? И какъ уже сдѣлано распоряженіе печатать ихъ въ нынѣшнемъ году, то сіе такъ и должно остаться.

Для слѣдующаго года надобно теперь же посмотрѣть, каковы толкованія Θеодорита на Пророковъ и на Посланія, и десять рѣчей о Провидѣніи. Догматы—часть сочиненія Θеодорита—будутъ, думаю, скучны и не соотвѣтствуютъ потребностямъ настоящаго времени. Исторія Θеодорита и *Боголюбецъ* напечатаны недавно въ Петербургѣ. Разсудите о семъ съ редакціоннымъ комитетомъ и скажите, чтò вамъ разсудится.

Ф. м. Московскій.

Генв. 31. 1856.

16.

Въ консисторію присланы два магистерскихъ креста *для доставленія рукоположеннымъ*. Это значитъ, что кресты должна *доставить* консисторія безъ благословенія архіерейскаго. Желательно знать, почему такъ угодно академическому правленію.

Марта 16. 1856.

17.

Не у васъ ли, отецъ ректоръ, моя записка о томъ, что въ книгѣ: *Истинная Церковь* изреченіе: *у раскольниковъ нѣтъ крещенія*, требуетъ ограниченія? Естьли у васъ, пришлите мнѣ: она мнѣ нужна.

Скажите о. ректору Виθанскому, чтобы онъ тщательно просмотрѣлъ полученныя отъ покойнаго владыки Новгородскаго письма ми-

трополита Платона, нѣтъ ли въ нихъ (чтò мнѣ помнится) упоминанія о дворцѣ царя Михаила Өеодоровича въ Знаменскомъ монастырѣ, мнимомъ. Естьли найдется такое мѣсто, выпишите и доставьте мнѣ.

Ф. м. Московскій.

Сент. 21. 1856.

18.

6 Октября 1856 г.

Посылаю книжку Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ которой есть разборъ описанія рукописей Синодальной библіотеки. Покажите его г. Горскому и сберегите для справокъ.

Скажите еще отъ меня ему слѣдующее. Я говорилъ ему, чтобы при описаніи церковнослужебныхъ книгъ не слишкомъ рѣзко выставлять разности, чтобы не возбуждать сомнѣній и прекословій. Теперь въ Христіанскомъ Чтеніи, въ Сентябрской книжкѣ, встрѣчаю описаніе богослужебныхъ рукописей, въ которомъ разности выставлены безъ осторожности и судимы безъ церемоніи. Напримѣръ, сказано о ирмологѣ 12 или 13 вѣка, что въ немъ порядокъ ирмосовъ *хуже* нынѣшняго. Послѣ сего осторожность нашихъ описателей рукописей, думаю, должна быть обращена уже не на то, чтобы не смущать выставленіемъ *иныхъ* разностей, но на то, чтобы скромность описаній не дала повода обвиненію въ неточности и неполнотѣ. Впрочемъ не правило симъ даю, а отдаю сіе на разсужденіе.

19.

Отцу ректору миръ.

Юридическаго конспекта все нѣтъ. Слышу сему ту причину, что о. ректоръ Виөанскій одобряетъ конспектъ неодобренный и не хочетъ другаго. Что же онъ молчитъ? Искренность, прямодушіе, твердость не требуютъ-ли, чтобы сказать свое мнѣніе, хотя оно и несогласно съ мнѣніемъ начальства? А отъ какихъ качествъ и расположеній происходитъ противное сему? Естьли бы и непріятно было начальнику противное его мыслямъ мнѣніе: не въ десять ли разъ хуже безъ конца тянуть дѣло и притомъ съ ложными назначеніями срока представить конспектъ? Прочитайте сіе о. ректору и скажите ему, чтобы написалъ мнѣ правду. Пришлите мнѣ дѣло и конспектъ, на которыхъ сдѣланы мною, помнится, замѣчанія и который онъ одобряетъ.

Абутъ [19]) говоритъ, что въ Академіи удержано его сочиненіе и что Академія хочетъ обратить оное въ свою выгоду и славу. Хотя бы,

---

[19]) Сирійскій православный Арабъ, довольно долго жившій въ Москвѣ и оказавшій потомъ добрыя услуги своей церкви. Про него кто-то съострилъ, что у насъ онъ былъ не только *обутъ*, но и *одѣтъ*. П. Б.

говоритъ, деньги мнѣ заплатили. Найдутся столь же разсудительные люди, которые повѣрятъ. Отдайте ему сочиненіе. И на что было удерживать?

Сергіевскій писалъ сочиненіе о патріархѣ Фотіи, но не довелъ работы до конца. Но первая часть была представлена, и, кажется, была напечатана въ академическомъ изданіи. Такъ ли? И естьли была напечатана, то въ которой книгѣ, и нѣтъ ли отдѣльнаго экземпляра?

Естьли Сергіевскому недосужно докончить, надобно бы заставить другаго написать о патріархѣ Фотіи. Восточные причли его къ святымъ, а западные клевещутъ на него. Надобно противустать клеветѣ.

Думаю, полезно было бы для Православной Церкви основательное разсужденіе о Тридентскомъ соборѣ. Филаретъ М. Московскій.

Октября 12. 1856.

Возвращаю толкованіе на Пѣснь-пѣсней. Не удовлетворитъ оно нынѣшнихъ искателей разумѣнія писаній. Думаю, хорошо поступите, естьли отложите печатать. Пусть будущіе по насъ еще разсмотрятъ сей вопросъ и рѣшатъ, какъ хотятъ.

Октября 13.

20.

Возвращаю вамъ, отецъ ректоръ, свѣдѣніе о Алтайской миссіи. Читать не имѣю времени. Полагаюсь на благоразуміе редакціоннаго комитета. По его усмотрѣнію можете напечатать оную.

Что миссія ежегодно остается въ долгу, сіе напечатать не сомнѣвайтесь. Пусть знаютъ правду. Можетъ быть и сжалятся.

Но сомнѣваюсь, годится ли напечатать статью о бланковыхъ билетахъ отъ гражданскаго начальства. Эта благодарность не сдѣлала бы ему затрудненія, естьли оно дѣлаетъ пособіе миссіи по снисхожденію, а не по закону? Священникъ поручилъ мнѣ доставить вамъ другую книгу о томъ же, частію также, частію иначе. Можетъ быть, въ послѣдней найдете, чѣмъ пополнить первую. Ф. м. Московскій.

Показаніе обращенныхъ въ христіанство почему было бы сомнительно, не вижу. Пусть будетъ видна правда. Нельзя винить миссію, естьли не всякій годъ довольно успѣваетъ.

Декабря 16. 1856.

21.

Миръ отцу ректору и сущимъ съ вами.

Естьли я не благодарилъ васъ за доброжелательное воспоминаніе перваго дня Декабря: въ томъ извольте видѣть не мою неблагодарность, а мою немощь и худую память. Иногда воспоминаніе намѣренія кажется мнѣ воспоминаніемъ исполненія и обратно.

Скажите тоже и о. ректору Виѳанскому. Говорилъ, или писалъ я вамъ, что его къ награжденію представлю по составленіи порученной

ему программы, чтобы въ противномъ случаѣ не встрѣтить непріятнаго возраженія? Программу я видѣлъ и слово сдержалъ.

Въ Москву добро жаловать. Филаретъ м. Московскій.

Декабря 18. 1856 г.

22.

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

Благословенъ воскресшій Господь, дарующій намъ радость вѣры и радостныя общенія. Съ утѣшеніемъ простираю къ вамъ гласъ общей и взаимной радости: Христосъ воскресе!

Моля Воскресшаго, да Своею благодатію пребываетъ съ вами въ жизни и въ дѣлахъ служенія и прося молитвъ вашихъ о моей немощи, съ истиннымъ почтеніемъ и, яже о Господѣ, любовію пребываю вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

Благодарю за *благословеніе*.

Простите, что долго молчу. Дѣла растутъ, а силы малятся.

18 Апрѣля 1859.

23.

От 13 Апрѣля 1860 г,

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

Полна сама собою радость о Господѣ, воскресшемъ ради нашего воскресенія Однако взаимныя общенія вѣрующихъ въ сей радости, по духу любви и доброжелательства, суть новые пріятные лучи сей радости. Утѣшительно для меня, что мы съ вами встрѣтились словомъ такого братолюбнаго общенія. Молю Господа, чтобы радость Его многократно возвращалась для васъ въ ея торжественныя времена и въ обыкновенныя у васъ не оскудѣвала, укрѣпляя васъ въ служеніи святой Церкви и спасеніи души. Простите меня, котораго справедливо можете обвинить въ молчаніи. Недостаетъ меня.

Съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ, митрополитъ Московскій.

24.

Отъ 9 Февраля 1861 г.

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

На сихъ дняхъ изъ устъ путешествующаго архимандрита узналъ я, что вы меня вспомнили. Благодарю и, сіе вѣдый, дерзновеннѣе рѣшаюсь писать.

Недавно назначенный Харьковскій военный губернаторъ Алексѣй Петровичъ Ахматовъ, въ вашей епархіи, въ своемъ имѣніи построилъ церковь и теперь желаетъ при ней образовать приходъ изъ близъ живущихъ, которые нынѣ имѣютъ приходскую церковь за семь

верстъ. Дѣло правое; однако, по желанію Алексѣя Петровича, свидѣтельствую вамъ, что достойно вашего вниманія, чтобы сей христіански-живущій и дѣйствующій мужъ безъ затрудненія получилъ просимое.

Прося молитвъ вашихъ, съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

25.

От 11 Января 1862 г.

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

Съ утѣшеніемъ принялъ я ваше братское со мною общеніе въ радости Рождества Христова. Пришедшій на землю благоволеніе Отца Небеснаго да возблаговолитъ о вашемъ братолюбіи и да благословитъ продолженіе жизни вашей миромъ души, силою и благопоспѣшествомъ въ служеніи Церкви Божіей и утѣшеніемъ видѣть плоды благодѣланія.

Съ истиннымъ почтеніемъ и братскою любовію пребываю вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

Расколъ—наша общая скорбь, усиленная съ тѣхъ поръ, какъ правительство попускаетъ ненаказанно волкамъ-лжеархіереямъ ходить всюду и увлекать овецъ. Теперь для дѣйствованія на раскольниковъ требуется не просто вѣра, разумѣніе и усердіе, но крѣпкая вѣра, неутомимая ревность и готовое на страданія самоотверженіе. Да возбудитъ Господь такихъ дѣйствователей.

26.

Отъ 6 Февраля 1863 г.

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

Привѣтствую васъ въ новое лѣто, хотя уже поздно. Да будетъ оно, подъ кровомъ Провидѣнія Божія, для васъ мирно и чрезъ васъ благотворно для ввѣренныхъ вашему служенію и попеченію.

Благодарю, что вы посѣтили меня братскимъ словомъ.

Забота, причиняемая вамъ усиліемъ раскола, справедлива и почтенна. Но къ уврачеванію отъ сего зла прежней помощи, по измѣнившимся на предметы управленія воззрѣніямъ, намъ уже нѣтъ. Напримѣръ, писано было высшему духовному и отъ него свѣтскому начальству, что цѣховой Андрей Шутовъ называетъ себя архіепископомъ Антоніемъ, и представлена была въ подлинникѣ ставленная грамата, данная имъ крестьянину на званіе священника, и правительство отвѣтствовало, что иное слышно, иное примѣтно, и что предписано наблюдать, чтобы не было оказательства раскола. При семъ сказано было, что естьли бы Шутовъ назвалъ себя генераломъ и далъ крестьяни-

ну дипломъ на званіе офицера: то это, вѣроятно, не было бы оставлено безъ вниманія. На сіе не дано никакого отвѣта.

Надобно сказать правду, что и мы не довольно тщательно изучали и употребляли искусство духовно-нравственнаго врачеванія раскольниковъ, охотнѣе опираясь на помощь власти. Нынѣшнее время не хочетъ подвизаться для вспоможенія намъ, а отсылаетъ насъ къ Слову Христа Спасителя, что Его царствіе нѣсть отъ міра сего. Надобно возвращаться ближе къ первымъ вѣкамъ христіанства и изощрять оружіе, которое тогда побѣждало міръ,—вѣру нашу. Вѣра, ревность по вѣрѣ, самопожертвованіе для служенія Богу и спасенія ближнихъ, сіи должны быть наши средства, наши силы противъ неправославія, невѣрія и нравственнаго растлѣнія, такъ усиленно распространяемыхъ письменностію и примѣрами.

Прошу молитвъ вашихъ о мнѣ изнемогающемъ. Вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

Правило, возбраняющее освящать церкви въ великій постъ, постановлено частію потому, что освященіе храма есть событіе радостное, и посему непостное, частію потому, что неудобно совмѣщеніе многихъ службъ. Первый опытъ изъятія изъ сего правила видѣлъ я у митрополита Михаила, который назначилъ освященіе церкви въ недѣлю сыропустную и, занемогши, предоставилъ мнѣ совершить оное. По сему примѣру, и я разрѣшалъ освящать церковь въ постъ въ такомъ случаѣ, естьли приходъ не имѣетъ другой освященной церкви и, слѣдовательно, не имѣетъ удобства пріобщаться Св. Таинъ.

27.

Отъ 2 Сентября 1864 г.

Преосвященный владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

Отъ Господа вамъ утѣшеніе въ скорби, укрѣпленіе въ перенесеніи затрудненій, милость въ восполненіи лишеній. Что̀ не даете вы намъ вѣсти о васъ, и о томъ, что̀ окрестъ васъ? Сохраненъ ли отъ пожирающаго огня вашъ домъ? Въ какомъ положеніи духовенство и церкви вашего града? Въ чемъ терпятъ нужду и въ чемъ скорѣе нужно пособіе? Можетъ быть, мы могли бы что нибудь сдѣлать къ облегченію. Естьли домъ вашъ не сохраненъ: то гдѣ вы, и куда къ вамъ писать? Для искренняго участія неизвѣстность иногда печальнѣе печальной извѣстности.

Вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

28.

От 10 Іюня 1865 г.

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

Братское благословеніе ваше и сущаго при васъ духовенства, ознаменованное святою иконою, принялъ я съ благоговѣніемъ и благодарностію.

Не приписываю себѣ заслуги, но благодарю Бога, естьли нѣсколько послужилъ утѣшенію вашему въ скорбныхъ обстоятельствахъ и облегченію пострадавшихъ. Надѣюсь вскорѣ препроводить къ вамъ нѣкоторое собраніе книгъ для семинарской библіотеки.

Всеблагое Провидѣніе Божіе да уврачуетъ совершенно все, что у васъ пострадало; вѣра же и *благозаконіе* [20]) да привлекутъ и удержатъ благодать, охраняющую для будущаго.

Прося молитвъ вашихъ, съ братскою о Господѣ любовію пребываю вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

Игуменію и уволить, и опредѣлить имѣете власть, безъ представленія Св. Синоду. Св. Синодъ, ограничивъ власть архіереевъ производить въ протоіереи, стѣснилъ невинныхъ за немногихъ виновныхъ, неумѣренно употреблявшихъ сію власть.

29.

Отъ 12 Ноября 1865.

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

Сказать слово предосторожности, которое оказывается намъ ненужнымъ, не бѣда. Не сказать слова осторожности, когда оно нужно,— это можетъ быть не безъ вины и не безъ вреда. Посему рѣшаюсь сказать вамъ слово предосторожности.

Говорятъ, что близкія къ вамъ и довѣренныя лица нѣсколько заграждаютъ васъ отъ духовенства и отъ паствы и имѣютъ вліяніе на рѣшенія дѣлъ, которыя могли бы быть инаковы, естьли бы употреблено было ваше болѣе непосредственное дознаніе и разсмотрѣніе. Это требуетъ болѣе труда и терпѣнія; но они обязательны для всякаго христіанина и тѣмъ болѣе свойственны епископу, который и въ отношеніи къ власти долженъ быть безгнѣвенъ, и въ отношеніи къ прекословящему великодушенъ, силенъ и побѣдителенъ благоразсужденіемъ и кротостію.

Примите съ терпѣніемъ и сіе мое слово, воспомянувъ рекшаго: *достовѣрнѣе суть язвы друга, нежели вольная лобзанія врага* [21]).

---

[20]) Это ли слово хотѣлъ сказать Филаретъ, утверждать нельзя. Многіе разбирали это слово въ подлинномъ письмѣ, и никто не увѣренъ, что это такъ.

[21]) Притчей XXVII в.

Прося молитвъ вашихъ, съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

По тому, чтò слышится, нужно вамъ обратить вниманіе, не сѣются ли плевельныя мысли въ семинаріи, и не входятъ ли люди такихъ мыслей въ приходское духовенство.

30.

От 22 Авг. 1867 г.

Преосвященнѣйшій владыко, досточтимый о Господѣ братъ!

Сверхъ моего чаянія, Божіею милостію даровано мнѣ пройти пятидесятилѣтнее поприще служенія въ епископствѣ, и выше моего чаянія то вниманіе, которое обратили на предѣлъ сего поприща досточтимые отцы и братія, общники священноначальственнаго и священнаго служенія Престолу Господню. Съ утѣшеніемъ вижу въ семъ дѣйствующій духъ общенія, единенія, любви, столь вожделѣнный въ сословіи, которое Господь опредѣлилъ Себѣ въ особенный жребій. Преосвященнѣйшій и сущее съ вами священство, примите за ваше благое и благожелательное о мнѣ воспоминаніе искреннюю благодарность мою вмѣстѣ съ моимъ истиннымъ въ любви о Господѣ почтеніемъ. Вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

*

Письмо преосвященнаго Евгенія къ его племяннику В. И. Сахарову.

Любезный Василій Ивановичъ!

Благодарю тебя за письмо твое ко мнѣ отъ 20 минувшаго Ноября. Нѣтъ нужды объяснять тебѣ, какое дѣйствіе произвело въ сердцѣ моемъ извѣстіе о кончинѣ великаго святителя Московскаго: по особеннымъ отношеніямъ моимъ къ покойному святителю, отцу и благодѣтелю моему, можешь самъ судить объ этомъ. Но и кромѣ меня усердствующихъ къ памяти почившаго святителя здѣсь много: на панихидѣ, которую я со всѣмъ здѣшнимъ духовенствомъ совершалъ въ каѳедральномъ соборѣ о упокоеніи души новопреставленнаго святителя, было много молящихся изъ всѣхъ сословій общества.

3 Декабря 1867 г. (Симбирскъ).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ ИННОКЕНТІИ ХЕРСОНСКОМЪ

Нельзя не замѣтить съ самымъ отраднымъ чувствомъ, что за послѣднія десятилѣтія мы все болѣе и болѣе припоминаемъ нашихъ выдающихся дѣятелей, дорожа каждымъ ихъ словомъ, если оно имѣетъ особенный смыслъ или значеніе. Но нечего грѣха таить: въ большинствѣ мы лѣнивы (на что̀ указывалъ еще Пушкинъ) и ко многому родному какъ-то равнодушны, хотя бы это родное и имѣло самую высокую цѣнность. Русская земля богата была и есть высокодаровитыми и высокоблагожелательными личностями, принесшими ей великія услуги; но все ли мы записали или записываемъ съ тою цѣлью, чтобы эти личности ярко свѣтились на страницахъ нашей исторіи, свѣтились и освѣщали путь грядущимъ поколѣніямъ? За небольшими въ общей сложности исключеніями, мы равнодушны къ самымъ выдающимся трудамъ, къ плодотворной дѣятельности нашихъ историческихъ личностей.

Выписываемъ нѣсколько словъ, сказанныхъ незабвеннымъ М. П. Погодинымъ о трудахъ Иннокентія, архіепископа Херсоно-Таврическаго, словъ во истину прискорбныхъ и подтверждающихъ только что сказанное нами. „Незамѣченный, непризнанный, неоцѣненный прошелъ онъ предъ нами. Близорукіе, мы думали, что Иннокентій только красно говоритъ, точно какъ мы думали о Пушкинѣ, что онъ только стихи бойко пишетъ! [1]) Впрочемъ, даже этимъ низшимъ, очевиднымъ его достоинствамъ, не воздали должной чести слѣпые, грубые и жестокіе современники. Въ журналахъ нашихъ, навязывающихъ намъ въ каждомъ нумерѣ по новому, пряничному своему генію, въ журналахъ нашихъ, въ продолженіе двадцатилѣтней слишкомъ дѣятельности Иннокентіевой, вы не найдете двухъ страницъ о его сочиненіяхъ. Обильныя образцами высокаго краснорѣчія и примѣрами ораторскихъ движеній новыхъ и сильныхъ, составляющія сокровище Русской словесности и Русской науки, сокровище христіанскаго міра всѣхъ исповѣданій, драгоцѣнныя сочиненія Иннокентія пройдены молчаніемъ отъ современной критики“ [2]).

Иннокентій истинно былъ надѣленъ всѣми десятью талантами, и его труды, посвященные православной церкви, наукѣ, народно-государственной жизни, должны перейти въ потомство какъ драгоцѣнное наслѣдіе. Я нѣкогда

---

[1]) Этотъ отзывъ о Пушкинѣ нынѣ отлично подтверждается появляющимися въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ“ Записками А. О. Смирновой. П. Б.

[2]) Вѣнокъ на могилу Иннокентія. Москва 1867 г., стр. 69—70. Книга нынѣ рѣдкая.

пользовался его добрымъ расположеніемъ, слушалъ его дивныя рѣчи и не могъ не назвать его въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ о немъ *) дивнымъ во святителяхъ. Но что мои слова предъ словами историка Погодина, академика Давыдова, историка, богослова и академика митрополита Макарія и другихъ знавшихъ и умѣвшихъ цѣнить эту такъ ярко и такъ живительно-свѣтившую личность? Вотъ что говоритъ первый изъ нихъ: „Мая 26-го въ пятомъ часу утра, скончался въ Одессѣ, послѣ кратковременной болѣзни, на 57-мъ году отъ роду, высокопреосвященный Иннокентій. Но что же? Это архіерей, богословъ, витія... Нѣтъ, это не только архіерей, богословъ, витія,—это великій гражданинъ Русскій, котораго душа отзывалась на всѣ вопіющіе вопросы отечества, котораго сердце болѣло всѣми его ранами, котораго умъ занятъ былъ постоянно мыслями объ ихъ исцѣленіи, который готовъ былъ всегда жертвовать своею жизнію. Нѣтъ, это не только архіерей, богословъ, витія,—это другъ человѣчества, который горячо желалъ ему вездѣ законнаго преуспѣянія, въ духѣ Христовой вѣры. Нѣтъ, это не только архіерей, богословъ витія,—это братъ, пылавшій любовію къ меньшой братіи, принимавшій живое участіе въ ея скорбной долѣ, призывавшій всѣмъ существомъ своимъ ея возрожденіе, провидѣвшій въ немъ, съ радостнымъ біеніемъ сердца, зарю новыхъ, славныхъ судебъ. Иннокентій былъ государственный человѣкъ, который въ затруднительныхъ обстоятельствахъ всегда могъ подать благой совѣтъ и указать на новыя стороны вопроса. Иннокентій былъ просвѣщенный человѣкъ, стоявшій съ вѣкомъ наравнѣ, для котораго въ области познаній не было ничего незнакомаго, которому геологія была также близка, какъ гомилетика, анатомія, военное искусство, политическая экономія извѣстны наравнѣ съ патристикою“.

Отзывъ Давыдова: „И церковь, и Академія (Наукъ) понесли въ этомъ архипастырѣ утрату, надолго невознаградимую. Свѣтлый умъ, обширная память, творческое воображеніе, всесторонняя ученость, увлекательное краснорѣчіе, величественный и благолѣпный видъ—всѣ лучшіе дары неба соединялись въ нашемъ архипастырѣ“.

А вотъ слова высокопреосв. Макарія: „Это былъ человѣкъ, въ собственномъ смыслѣ, геніальный; высокій, свѣтлый, проницательный умъ, всегда богатое, неистощимое воображеніе, живая и обширнѣйшая память, легкая и быстрая сообразительность, тонкій и правильный вкусъ, даръ творчества, изобрѣтательности и оригинальности, совершеннѣйшій даръ слова—все это, въ чудной гармоніи, совмѣщено было въ покойномъ іерархѣ. При такихъ необыкновенныхъ талантахъ, онъ имѣлъ и необыкновенное образованіе: не однѣ духовныя науки, которыя извѣстны были ему въ совершенствѣ, онъ зналъ, болѣе или менѣе, весьма многія свѣтскія науки, такъ что могъ разсуждать о нихъ съ спеціалистами и нерѣдко своими мѣткими, оригинальными вопросами или отвѣтами поражалъ знатоковъ дѣла. Это былъ образцовый про-

*) Книга моя вышедшая въ 1888 году

фессоръ; своими вдохновенными импровизаціями онъ пробуждалъ, увлекалъ, восторгалъ умы слушателей".

После такихъ свидѣтельствъ о геніальномъ іерархѣ православнаго Русского царства, осудитъ ли кто меня за передачу во всеобщую извѣстность нѣкогда сказанныхъ имъ словъ, правда не геніальныхъ, но знаменательныхъ. Эти слова я слышалъ отъ умершаго въ прошедшемъ году вице-адмирала И. Г. Попандопуло, и слышалъ не одинъ разъ. Но позволяю себѣ думать, что не осудятъ меня, если я скажу нѣсколько словъ и объ этомъ героѣ Крымской войны. Такіе доблестные воины не должны умирать въ памяти потомства, и кому ближе сохранять ихъ для этой памяти, какъ не „Русскому Архиву"?

Покойный вице-адмиралъ И. Г. Попандополо былъ однимъ изъ достойныхъ учениковъ незабвеннаго адмирала М. П. Лазарева и, по сознанію служебнаго долга по благородству и чистотѣ души, по безукоризнѣйшей честности, по любви къ подчиненнымъ, наконецъ по мужеству и храбрости, онъ имѣетъ полное право называться братомъ Нахимовыхъ, Корниловыхъ, Истоминыхъ, Новосельскихъ и другихъ дивныхъ орловъ Черноморскаго флота. Мы вполнѣ раздѣляемъ теплыя слова, сказанныя однимъ изъ достойныхъ служителей церкви, о. Владимиромъ Сластовниковымъ, въ 9-й день поминовенія покойнаго вице-адмирала. „Что я, смиренный служитель престола Божія, скажу въ утѣшеніе ваше? Нужна великая сила краснорѣчія, чтобы утѣшить скорбь, такъ глубоко потрясшую наше сердце неожиданностію смерти. Велика утрата, которую понесли всѣ въ скончавшемся; но въ особенности она ощутительна въ тѣхъ учрежденіяхъ, которымъ онъ покровительствовалъ и во главѣ которыхъ онъ стоялъ. Почившій былъ одинъ изъ тѣхъ мужей, жизнь которыхъ была всегдашнимъ служеніемъ государству и обществу и память коихъ, по слову Божію, *въ родъ и родъ*. Перечислять заслуги почившаго на поприщѣ военномъ и гражданскомъ нѣтъ надобности, ибо онѣ болѣе или менѣе извѣстны каждому изъ предстоящихъ. Онъ съ юношескаго возраста и до послѣднихъ дней жизни посвятилъ себя служенію на пользу общества. Онъ былъ славнымъ защитникомъ многострадальнаго Севастополя въ Крымскую войну и охранителемъ его въ минувшую войну Турецкую. Нѣтъ нужды также перечислять участіе почившаго въ разныхъ комитетахъ, коммиссіяхъ и исполненіе имъ многихъ порученій высочайшей воли".

Покойный вице-адмиралъ поступилъ на службу Черноморскаго флота едва ли не на 15-мъ году своей жизни и полюбилъ море какъ родную стихію, которая, подъ часъ грозная и опасная, можно сказать, и воспитала въ немъ мужество, твердость и самую глубокую вѣру въ Промыслъ. Правда, правда, говаривалъ онъ, кто на морѣ не бывалъ, тотъ и Богу не маливался. Во время Крымской войны первымъ его дѣломъ былъ бой, въ качествѣ старшаго офицера, на пароходѣ „Владимиръ" съ Турецкимъ 10-ти пушечнымъ пароходомъ „Первасъ-Бахри", который и былъ взятъ въ плѣнъ. Это было 5-го Ноября 1853 года, и въ этотъ-то день 1891 года Севастополь хоронилъ своего доблестнаго воина и гражданина. Когда началась осада Севастополя, покойный И. Г. Попандополо, командуя пароходомъ „Одессой", гдѣ только возможно

было для него, громилъ непріятеля. Такъ, когда (26 Мая 1855 г.) непріятель хотѣлъ отбить у насъ Селенгинскій и Волынскій редуты, командиръ „Одессы" подошелъ къ Киленъ-балкѣ и оттуда посылалъ ядра, и приступъ непріятеля былъ отбитъ. Таже неудача, благодаря пушкамъ И Г. Попандополо, постигла непріятеля 6 Іюня, когда онъ ринулся на 1-й и 2-й бастіоны и Малаховъ курганъ. Изъ той же Киленъ-бухты И. Г. Попандополо посылалъ свои мѣткіе снаряды и 27 Августа, когда былъ взятъ Малаховъ курганъ и когда одно изъ многочисленныхъ непріятельскихъ ядеръ произвело пожаръ на пароходѣ „Одесса", оставшемся однако, благодаря мужеству командира, почти безъ вреда для его команды.

Но пора, наконецъ, перейти и къ словамъ Иннокентія.

Въ 1836 г. Иннокентій (какъ значится въ его послужномъ спискѣ), „состоя ректоромъ Кіевской Духовной Академіи, по предписанію Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, былъ отправленъ, въ качествѣ ревизора, для обозрѣнія духовно-учебныхъ заведеній Кіевскаго округа, преимущественно же Волынской, Кишеневской и Воронежской семинарій". Вѣроятно въ это время онъ осмотрѣлъ и будущую Пальмиру Южной Россіи, Одессу, и послѣ Одессы, какъ было такому любознательнѣйшему человѣку не побывать въ Крыму и частнѣе въ Севастополѣ, не увидѣть Инкерманскихъ святынь, гдѣ нѣкогда подвизался св. Климентъ, ученикъ апостола Петра, и не полюбоваться Черноморскимъ флотомъ? Можетъ быть, до Крымской войны и сохранялись преданія объ этомъ посѣщеніи Иннокентіемъ Крыма, который въ послѣдствіи представилъ такое широкое поприще для его архипастырскихъ трудовъ (мы здѣсь въ особенности разумѣемъ возстановленіе древнихъ святынь); но въ настоящее время эти преданія исчезли, и мы можемъ сообщить только одно, слышанное нами отъ покойнаго вице-адмирала И. Г. Попандополо, котораго дружескимъ расположеніемъ мы такъ долго пользовались.

Восторгаясь съ берега величественнымъ флотомъ, любознательный архимандритъ и ученый мужъ пожелалъ осмотрѣть корабли во всемъ ихъ внутреннемъ устройствѣ. Доложили объ этомъ адмиралу М. П. Лазареву, который и далъ на то позволеніе. Иннокентій была личность, жаждавшая самыхъ разностороннихъ знаній: онъ, кажется, не пропустилъ ни одного уголка, осматривая нѣкоторые изъ кораблей. Сопутствующіе ему знакомили его и съ боевыми силами этихъ водяныхъ твердынь, и съ устройствомъ парусовъ, и съ способами править кораблемъ въ моряхъ и океанахъ. И надобно было видѣть, какъ все это впивала въ себя любознательная душа ученаго мужа; его глаза какъ будто горѣли какимъ-то особымъ огнемъ и на лицѣ выражалось самое сладкое удовольствіе; очутившись въ иномъ, доселѣ невѣдомомъ для него мірѣ, онъ казался счастливцемъ. Обзоръ кончился, и Иннокентій изъявилъ желаніе представиться М. П. Лазареву. Докладываютъ, и получается отвѣтъ: я занятъ, и нѣтъ у меня времени принять архимандрита. О, не сомнѣваемся, если бы такъ высоко стоявшій по своимъ душевнымъ качествамъ М. П. Лазаревъ увидѣлъ Иннокентія и поговорилъ съ нимъ, то едва ли бы пожелалъ скоро разстаться съ этою дѣйствительно чарующею личностію.

И вотъ что сказалъ Иннокентій, легко улыбаясь: „Весь свѣтъ объѣхалъ, но свѣта не видѣлъ“.

Эти слова быстро облетѣли весь составъ флота, начиная отъ матроса до командировъ кораблей (неизвѣстно, дошли ли они до Лазарева), облетѣли и остались памятными до позднѣйшихъ временъ. Мало этого, они очень часто служили между моряками предметомъ объясненій. Что значитъ и свѣта не видѣлъ. Одни объясняли такъ: это значитъ М. П. Лазаревъ не знаетъ приличій свѣта; какъ отказать въ пріемѣ ректору и профессору высшаго учебнаго заведенія, архимандриту, уже извѣстному витіи и носившему на груди докторскій крестъ и орденъ св. Владимира 3-й ст.? Другіе толковали такъ: что такое наши епископы и священники? Преемники апостоловъ. А своихъ апостоловъ какъ назвалъ Христосъ? Свѣтомъ, свѣтильниками міру. Это названіе естественно принадлежитъ и преемникамъ ихъ. На основаніи этого, пожалуй, и можно разумѣть слова „свѣта не видѣлъ“ такъ: Лазаревъ, объѣхавши весь свѣтъ, свѣта Христова не пожелалъ видѣть. Думаемъ, что такое толкованіе слишкомъ глубоко.

Въ сказанныхъ словахъ Иннокентія нельзя не видѣть и мужества его духа. Вѣдь эти слова могли дойти до Лазарева, занимавшаго такое высокое мѣсто; онъ могъ оскорбиться ими и пожаловаться на Иннокентія даже непосредственно самому Государю. Да и въ самомъ дѣлѣ не жаловался ли онъ? Нѣтъ: это было несвойственно величавому и великодушному складу ума и сердца перваго орла Черноморскаго флота.

Но вотъ роковой годъ для нашего незабвеннаго и истинно-именитаго М. П. Лазарева—1851, когда онъ, прослуживши такъ честно, такъ доблестно и такъ плодотворно, создавши цѣлую школу обезсмертившихъ себя Черноморцевъ, отошелъ въ вѣчность.

Ожидая его гроба, нѣкоторые изъ учениковъ его задавали себѣ вопросъ: пріѣдетъ ли Иннокентій, нѣкогда оскорбленный Лазаревымъ, похоронить его? Этотъ вопросъ возникалъ по незнанію высоты души Иннокентія и его добраго, нѣжнаго сердца. Явился дивный святитель, и моряки были поражены его истинно-высокимъ и глубокимъ уваженіемъ, истинно-сердечною преданностію къ ихъ отцу-учителю.

Что создало (поставилъ Иннокентій вопросъ) такого мощнаго дѣятеля, такаго вѣрнаго и преданнаго сына Русской земли, каковымъ былъ высокопарившій и теперь почившій нашъ орелъ? Блестящія дарованія, твердость воли, высота и широта полета? Нѣтъ; съ одними этими качествами души много добраго можно принести родной землѣ, но можно и нанести ей великое множество всякаго рода зла. Что же нужно для общественнаго дѣятеля, высоко поставленнаго на службу царю и отечеству,—нужно для того, чтобы дѣятельность его была плодотворною, достойною своего высокаго назначенія? Нужны глубокое и сердечное сознаніе святости долга, рыцарская честь и честность, безграничная любовь къ родной землѣ и къ ближнему, и во главѣ всего этого нужна вѣра въ Бога, въ Его промыслъ, въ Его судъ и здѣсь, и за гробомъ. И всѣмъ этимъ сугубо была надѣлена душа нашего

почившаго Лазарева. Припомнимъ и нашихъ незабвенныхъ собирателей земли Русской, нашихъ выдающихся государственныхъ дѣятелей: не видимъ ли и въ нихъ именно эти черты, и изъ нихъ едва ли не самою выдающеюся, какъ бы осязаемою, представляется сознаніе святости долга, во имя чего всего чаще и жертвовали они своею жизнію за благо родной земли?

Севастопольцы упивались подобными рѣчами нашего Златоуста, и чѣмъ больше смотрѣли на него, тѣмъ свѣтлѣе и теплѣе представлялся имъ образъ его*). Не могу не припомнить, закончилъ свой разсказъ Иванъ Григорьевичъ, съ какимъ попеченіемъ, истинно-отеческимъ и пастырскимъ, относился Иннокентій къ убитой горемъ супругѣ почившаго Лазарева; сколько утѣшительныхъ словъ изливалось предъ нею изъ золотыхъ устъ этого святителя! Мы отъ него же слышали, что въ Крыму у него есть дѣлà; и, не смотря на это, онъ проводилъ удрученную тяжкимъ горемъ Екатерину Тимофѣевну до Николаева, чтобы еще хоть сколько нибудь пролить утѣшеніе въ ея осиротѣвшее сердце.

Да, незабвенный нашъ Иннокентій имѣлъ самое теплое сердце и умѣлъ проливать утѣшеніе въ печальную душу. И не въ немъ ли находила себѣ отраду и утѣшеніе покойная княгиня Е. К. Воронцова, лишившись своего именитаго супруга? По смерти князя она только и бывала, что въ храмѣ Божіемъ и у своего ангела-утѣшителя, владыки Иннокентія.

Ив. Палимпсестовъ.

ЧЕРТЫ ВНУТРЕННЯГО БЫТА ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ *).

...Я работалъ въ Москвѣ, преимущественно въ Архивѣ Министерства Юстиціи, въ этомъ знаменитомъ и образцовомъ учрежденіи, только пять дней. Въ эту поѣздку мнѣ пришлось обратить особенное вниманіе на эпоху императора Петра Великаго, и именно на первые годы XVIII вѣка. Матеріалъ оказался (при любезномъ содѣйствіи давно знакомыхъ мнѣ почтенныхъ дѣятелей архива) богатый. Я успѣлъ просмотрѣть архивныя *описи* только *по городу Шацку*. Нѣкоторыя *дѣла* я прочиталъ самъ и сдѣлалъ изъ нихъ выдержки; съ иныхъ *дѣлъ*, по моему указанію, сняты копіи, которыя и представляю для напечатанія въ нашихъ «Извѣстіяхъ»...

Эпоха императора Петра Великаго, безпримѣрнаго самодержавнаго трудолюбца, не легка была и для нашего края. Работая *не покладаючи рукъ*, великій Царь и всѣхъ своихъ подданныхъ державною волею призывалъ къ труду *во всю народную мочь*. Вся Россія призывалась Царемъ-работникомъ къ безсмѣнной тягловой работѣ *безъ всякія понаровки*. Личная служба и усиленныя денежныя и натуральныя повинности обязательны были для всѣхъ Русскихъ подданныхъ. Еще въ 1700 году въ Шацкой провинціи собрали на государеву службу всѣхъ солдатъ и подростковъ, солдатскихъ дѣтей. Въ туже службу *бездоимочно* брали и со всѣхъ обывателей: кого въ драгуны и матросы, кого въ копейщики и рейтары, кого въ плотники, ямщики, каменьщики и судорабочіе; а привиллегированную молодежь собирали и отправляли въ школы. Тогда же съ пяти дворовъ брали у насъ работника *на слюзное дѣло со всѣмъ нарядомъ*. А которые обыватели, противъ царскихъ приказовъ, являлись въ бѣглецахъ и нѣтчикахъ, на тѣхъ устраивались облавы. Царскіе воеводы могли освобождать отъ государевыхъ дѣлъ только дряхлыхъ стариковъ и калѣкъ, за ихъ *со-*

---

*) Изъ рѣчи читанной въ Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи достопочтеннымъ предсѣдателемъ ея И. И. Дубасовымъ, по поводу поѣздки его въ Москву для собиранія свѣдѣній объ исторіи Тамбовскаго края въ Московскихъ архивахъ. И Б.

вершенною негодностію; да и тѣхъ норовили подольше продержать или въ сельскихъ приставахъ, или въ засѣчныхъ сторожахъ... Въ тоже время со всей Шацкой провинціи, *со шти дворовъ*, брали подводу съ проводникомъ и *нарядомъ*. Да съ каждаго двора, безъ всякаго *послабленія, имали* муки по три четверика, и почти столько же крупъ, овса, сухарей и всякаго провіанта... Все это—кромѣ подушныхъ, таможенныхъ, промышленныхъ, полоняничныхъ и разныхъ иныхъ чрезвычайныхъ натуральныхъ и денежныхъ сборовъ, включая сюда, напримѣръ, мочалу и нитки... Въ то время ношеніе Нѣмецкой одежды предписывалось и у насъ, и потому, если кто входилъ или въѣзжалъ въ наши города въ Русскомъ платьѣ, съ тѣхъ на заставахъ особые цѣловальники брали штрафъ. Тогда обнаружились у насъ сотни брошенныхъ запустѣлыхъ дворовъ и тысячи бездомниковъ-бѣглецовъ, которые *шли куда глаза глядятъ* и—или погибали въ разныхъ захолустьяхъ отъ безкормицы, отъ босоты-наготы, или же попадали въ руки сыщиковъ, которые и направляли ихъ въ самыя тяжелыя работы. Наиболѣе запустѣлымъ нашимъ поселеніемъ въ 1701 году было извѣстное село Сасово, вотчина Сибирскаго царевича Кучумовича.

Когда съ нашей Шацкой стороны требовались правительствомъ разный хлѣбъ и провіантъ, *окладной* и *запросный*, а также лошади и иная живность, то все это доставлялось на мѣста назначенія самими жителями, ихъ *коштомъ*. А мѣста эти были не ближнія, напр. Петербургъ, Азовъ и Таганрогъ...

Разнымъ нашимъ горемыкамъ-рабочимъ, которыхъ съ семьями высылали и на крайній Сѣверъ, и на крайній Югъ, жилось, разумѣется, въ силу неизбѣжныхъ условій, нелегко. Они умирали массами или же *бѣжали на пропалую*. Тогда на ихъ мѣсто вызывались новые и новые обыватели на туже неисходную *страду*, вызванную необходимыми государственными потребностями, при осуществленіи которыхъ первымъ по энергіи и самоотверженію работникомъ былъ самъ великій Царь... Такъ, въ 1708 году съ нашихъ провинцій былъ особый наборъ: съ десятаго двора брали по человѣку на пополненіе умершихъ, больныхъ и бѣглыхъ въ Петербургѣ...

Въ описываемое время насъ поражаетъ именно огромное число бѣглыхъ, укрывавшихся отъ службы и повинностей. Разныхъ работниковъ часто высылали отъ насъ въ чуже-дальнія стороны съ женами и дѣтьми. Не смотря на это, многіе изъ нихъ, *очертя головы*, бѣжали куда попало. Женъ и ребятишекъ своихъ прятали они гдѣ нибудь въ лѣсныхъ землянкахъ, а сами выходили на промыселъ, какой придется; то пробавлялись кое-какъ скудной милостыней и мелкимъ воровствомъ, то рѣшались на открытый дневной грабежъ и раз-

бой. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ, озвѣрѣвшіе, они никому не давали пощады.

На государеву службу въ то страдное время призывались не одни мущины, но и женщины. Въ 1708 году Шацкихъ *виноватыхъ* бабъ и дѣвокъ, по царскому указу, высылали въ Москву на работу, *на полотняные и прядильные заводы* [1]).

Между прочимъ правительство обратило у насъ вниманіе на развитіе мѣстной промышленности, земледѣльческой и фабричной. Высланы были къ намъ *мастера* съ косами-граблями, и подъ ихъ надзоромъ *косьба* пошла по новому. Обращено было также вниманіе на обработку льняныхъ и пеньковыхъ тканей, при чемъ все производство было строго регулировано. По указу великаго государя отъ 31 Декабря 1708 года, велѣно *въ Шацкой провинціи всѣ льняныя и пеньковыя полотна, толстыя и тонкія, дѣлать широкія, какъ въ Европскихъ государствахъ, а именно шириною въ $1^1/_2$ аршина съ $^1/_4$ вершка, а уже того вновь отнюдь не дѣлать... И о томъ публиковать и въ пристойныхъ мѣстахъ листы выставить* [2]).

Но замѣчательно! Какъ ни строгъ былъ великій царь Петръ, его указы не сразу исполнялись мѣстнымъ коснымъ населеніемъ. Кажется, нужно было *ни мало не мòтчавъ* спѣшить исполнять его самодержавную волю, а этой волѣ *чинились* препятствія. И вотъ грозный Царь, въ *третьемъ* своемъ указѣ, пишетъ Шацкому воеводѣ такъ: «если по тому указу учинено не будетъ, то вмѣсто четвертаго указа прислана будетъ экзекуція и ослушники будутъ наказаны наижестокимъ штрафомъ зѣло строго...» [3]).

Вслѣдъ за тѣмъ Шацкому комисару И. Е. Апушкину данъ былъ такой царскій указъ: «По указамъ было не только слабое отправленіе дѣлъ, но на оные указы и отвѣтствованія не было. И какъ получишь сей указъ, *тотчасъ отвѣтствовать*. А если отвѣтствовать не будешь, то подлежать будешь, яко преступникъ и ослушникъ, разоренію, и наказанію, и высылкѣ, и лишенію живота. А прочихъ подчиненныхъ, которые до сего касаются, сковать за ноги и на шею положить чепь и держать въ приказѣ по та мѣстъ, пока вышеписанное исполнится» [4]).

Не смотря на извѣстную строгость правительственныхъ мѣропріятій въ описываемое время, все же мѣстная и пришлая вольница косно стояли на своемъ. Многіе бѣглые доходили у насъ до такой

---

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, опись по Шацку, вязка 5, № 260.
[2]) Тамъ же № 403.
[3]) Моск. Арх. Мин. Юстиціи, вязка 5 по Шацку, № 403.
[4]) Тамъ же.

дерзости, что самовольно и цѣлыми партіями селились на чужихъ земляхъ, выбирая для этого самыя глухія лѣсныя захолустья. Такъ было, напримѣръ, въ 1711 году.

«На рѣкѣ на Хопрѣ (жаловался прикащикъ Нарышкиныхъ Гаврилъ Юшинъ), въ бортномъ Миткирѣевскомъ ухожьѣ, въ звѣриныхъ стойлахъ, безъ указу поселился невѣдомый старецъ и съ нимъ невѣдомыхъ людей человѣкъ 80. И нынѣ въ тѣхъ угодьяхъ селитьбу завели и стали рубить лѣсъ на хоромное строеніе, и звѣриныя водилища разорять, и рыбу въ рѣчкахъ и озерахъ вылавливать, и стали чужія зимовья жечь со всякимъ строеніемъ... Вели, государь, по того старца съ товарищи послать подъячаго съ служилыми людьми» *).

Просьба Юшина была, разумѣется, уважена: Шацкія власти, взявъ съ собою *многихъ окольныхъ людей, лѣсные пожоги* осмотрѣли и описали, а невѣдомыхъ людей взяли и привели въ Шацкъ за крѣпкимъ карауломъ. Между этими бѣглецами оказались люди разнаго званія. Тутъ были и дворяне, и подъячіе, и духовные, и солдаты, и крестьяне. Съ ними было и денегъ немало, которыя были припрятаны ими, по тогдашнему обычаю, въ земляныхъ тайникахъ.

Мѣстная земская *страда* еще болѣе усиливалась отъ крайней необезпеченности населенія. *Многіе* наши обыватели изживали вѣкъ свой *въ полону въ Крыму, и въ Ногаѣхъ, и въ Туркахъ*. А тѣ Крымцы и Ногаи, и Турки великому Государю *измѣняли и наши украины разоряли до конца повсягодно...*

Крайне тяжелы были для населенія и мѣстные воеводы, не всѣ, конечно, но нѣкоторые. Достаточно вспомнить про извѣстнаго С. А. Колычова, чтобы другихъ примѣровъ уже и не искать. Не даромъ царь Петръ Великій приказалъ водить его на конюшенный дворъ *въ застѣнокъ*. Подъ пытками Колычовъ сознался въ своихъ винахъ и оговорилъ себя въ похищеніи 10,000 р. Но это неправда: на самомъ дѣлѣ онъ похитилъ гораздо болѣе, болѣе 270,000 р. Между прочимъ онъ ухитрился обложить *данью поголовно всѣхъ мѣстныхъ женщинъ*.

За крупными лиходѣями тянулись и мелкіе. Особенно донимали жителей разные подъячіе, кабацкіе, таможенные откупщики и сборщики податей, между которыми оказывалось множество самозванцевъ. Такъ, въ 1705 году на этомъ поприщѣ отличились два сборщика Ѳедоръ Долгій и Никифоръ Ивановъ. На иныхъ обывателей-простачковъ они набрасывались съ тою цѣлью, чтобы забрать ихъ съ собой, *якобы на каторгу въ Таганрогъ*, и тѣ вынуждены были откупаться... Что̀ можетъ быть *мелче* въ служебной іерархіи какихъ нибудь раз-

*) Тамъ же, вязка 8, стр. 613.

сыльныхъ, а и тѣ умѣли и могли *поживиться* на счетъ обывателей. Такъ, въ 1717 году разсыльный Шацкой *губной* избы И. Потаповъ собралъ въ свою пользу деньги съ 500 дворовъ. При такихъ условіяхъ весь Шацкій край сравнительно обезлюдѣлъ. Многіе обыватели принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы обойти законъ. Даже на Шацкомъ архіерейскомъ подворьѣ служки завели корчемство [1]).

Вообще, удивительное и непонятное было въ то время самовольство. *Многіе* неизвѣстные люди часто насильно селились на чужихъ земляхъ, *выбивая* ихъ собственниковъ, а сосѣди засѣвали чужія поля, или же сосѣдскій посѣвъ убирали въ свою пользу. При этомъ чужую лошадь угнать, чужую корову или овцу зарѣзать не считалось за преступленіе. А которые обыватели были побогаче и посильнѣе, тѣ не стѣснялись открыто, среди бѣлаго дня, травить собаками разныхъ непріятныхъ имъ людей и ихъ скотину.

Въ 1716 году у насъ былъ такой случай. Владѣлецъ извѣстнаго Моршанскаго села Гагарина, князь Ѳедоръ Гагаринъ, солдатъ Преображенскаго полка, по какому-то дѣлу взятъ былъ въ Преображенскій приказъ, по указу князя Ѳ. Ю. Ромодановскаго. Въ его отсутствіе помѣщикъ Степанъ Вельяминовъ отнялъ у него, передъ самыми его хоромами, землю въ количествѣ 150 десятинъ, поселилъ здѣсь своихъ крестьянъ, завелъ пашню, огороды и коноплянники и началъ *житъ-поживать, да добра наживать*. И все это такъ нагло и самоувѣренно, что никому и въ голову не приходила крайняя беззаконность *насильства*. Наконецъ, уже самъ заточенный князь-солдатъ *затѣялъ* дѣло, и Вельяминова *приструнили*: тоже взяли въ Преображенскій приказъ[2]).

Мѣстное самовольство доходило у насъ до того, что *бабы* отъ живыхъ мужей выходили за другихъ; взаимное кулачное право выражалось въ частыхъ смертоубійствахъ; нѣкоторые помѣщики забирали въ свои крѣпостные даже священниковъ [3]).

Въ 1718 году въ Шацкой провинціи былъ такой примѣръ *чрезвычайнаго обывательскаго насильства.*

Сарминскаго майдану бутникъ Осипъ Мурзинъ съ товарищи, *мирными* обывателями сосѣднихъ селъ, *разбилъ* Саровскую пустынь. Дѣло было зимою. Богомольцевъ, которые заступились бы за обитель, въ пустыни почти не было. Разгромъ Сарова былъ полный. Бутники перебили и разогнали монаховъ и, *благополучно* собираясь домой, за-

---

[1]) Москов. Арх. Мин. Юстиціи, № 1438.

[2]) Копія съ этого дѣла хранится въ Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи.

[3]) Дѣло о стольникѣ Чубаровѣ. Моск. Арх. Мин. Юстиціи, № 1741.

хватили съ собой всѣ *ризы, стихари, коробьи съ мантіями, рясами и холстами, иконы, книги и кадила; а также угнали монастырскую скотину, свезли монастырскій хлѣбъ и разграбили казну монастырскую* *).

И это далеко не единственный случай. Многіе мѣстные помѣщики, напримѣръ Лукьянъ Порошинъ и Иванъ Иванчинъ, *вооруженною рукою* отымали чужихъ крестьянъ и *сильно* водворяли ихъ въ своихъ вотчинахъ. А когда обиженные помѣщики, *собравшись многолюдствомъ*, шли за своимъ *добромъ*, похитители отстрѣливались отъ нихъ изъ ружей и луковъ. При такихъ бытовыхъ условіяхъ укрывательство бѣглыхъ даже и не считалось за преступленіе, такъ что бѣглыхъ скликали къ себѣ даже и такіе важные господа, какъ стольникъ Александръ Вельяминовъ-Зерновъ. А между этими бѣглыми бывали и одинокіе ребятишки. Шли они крадучись по лѣсамъ и степнымъ балкамъ, наивно ища какой-то воли, и рады были, если ихъ *привѣчали* на пути такіе владѣльцы, какъ Вельяминовъ-Зерновъ.

Старую Русь иные считаютъ образцомъ въ религіозномъ отношеніи для настоящаго времени; но это очень сомнительно. *Свѣточи* христіанства были, конечно, и тогда, какъ есть они, по милости Божіей, и теперь; общій же уровень христіанской нравственности, мнѣ кажется, въ старые годы, былъ ниже современнаго. Это видно изъ былаго отношенія къ лицамъ духовнаго званія, отношенія въ настоящее время немыслимаго. Такъ, въ 1715 году Тамбовскій дворянинъ Битяговскій, *наказывая своего попа Андрея*, засѣкъ его до смерти. Но вдова-попадья оказалась женщиною смѣлою: она *дошла* до самого Царя и вызвала цѣлое обширное *дѣло* въ Сенатѣ, въ главной губернской канцеляріи и во всѣхъ инстанціяхъ.

Тогда же приказный Рюминъ, злобствуя на попа Тимоѳея, пришелъ однажды въ церковь къ вечернѣ. Отецъ Тимоѳей отправлялъ богослуженіе и стоялъ въ алтарѣ. Кажется, въ это время онъ былъ совершенно неприкосновенною личностію; однако Рюминъ, *вшедъ въ алтарь, сталъ громко бранить попа неподобными словами и, ухватя за ризы и епитрахиль, разорвалъ ихъ.*

Къ довершенію всѣхъ этихъ неурядицъ, въ нашемъ краѣ въ царствованіе императора Петра I бывали и *особливые* случаи. 1708 годъ былъ у насъ особенно тяжелымъ годомъ. Въ это время по всему Цнинскому бассейну бунтовали *Булавинцы. Шли* за безумцемъ-Булавинымъ наши слѣпые и подневольные люди, шли за счастьемъ, за волей и угодьями, а находили вмѣсто того погибель: то на широ-

*) Тамъ же, № 2034 (по Шацку).

комъ полѣ, въ бою съ царскими служилыми людьми, складывали они свои буйныя и неразумныя головы, то въ *застѣнкахъ*, среди лютыхъ мукъ суроваго XVIII вѣка, расплачивались за свои ошибки.

Въ Маѣ 1715 года снова чуть было не случилась съ нами такая же бѣда. По нашимъ городкамъ и селамъ *тайно*, въ нищенскомъ и монашескомъ одѣяніи, стали ходить шпіоны и посланцы-подговорщики отъ бунтовщиковъ Некрасова и Яшки Шешкова, съ Кубани. Во главѣ этихъ Некрасовскихъ шпіоновъ стоялъ нѣкто Сокинъ, мѣстный бѣглый нашъ монастырскій крестьянинъ. Смута отъ нихъ прошла у насъ немалая. Власти встревожились и начали ловить измѣнниковъ, а по всѣмъ дорогамъ и переправамъ организованы были разъѣзды, такъ какъ со дня на день ожидалось нападеніе на нашъ край Кубанцевъ и Некрасовцевъ. Но Богъ пронесъ грозу. Некрасовцы идти къ намъ войною не рѣшились [1]). Это отчасти объясняется тѣмъ, что въ то время было у насъ немало вооруженныхъ служилыхъ и жилецкихъ государевыхъ людей. Въ мѣстныхъ гарнизонахъ, особенно въ Тамбовѣ, стояли драгуны и солдаты, между которыми были и *люди Прусскія земли, и Нѣмцы, и Поляки*, которымъ выдавался отъ казны особый *прибавошный кормъ*; а по чертамъ, переправамъ, перелазамъ и городкамъ сторожили казаки и засѣчные сторожа. Кромѣ того, у насъ много было государевыхъ и вельможныхъ вотчинъ, которыя, конечно, при случаѣ могли и сами оборониться отъ непріятельскихъ шаекъ. Шацкая сторона въ описываемое время была одною изъ первыхъ житницъ для государева дворцоваго обихода. У насъ были государевы конскіе заводы, хмѣлиныя угодья, пашни и рыбныя ловли. Еще въ 1664 году въ Тамбовѣ объявился даже казенный *виноградный заводчикъ* Илья Өедоровъ съ товарищи и какой-то арбузныхъ дѣлъ мастеръ, *который дѣлалъ арбузы съ раденіемъ и поспѣшеніемъ* [2]).

Уже изъ этихъ краткихъ моихъ сообщеній видно, съ какою народною *тугою* созидалось въ старину наше великое царство, и какую гигантскую тяготу несъ на своихъ богатырскихъ плечахъ нашъ великій Царь-преобразователь.

Но за то уже и теперь мы пользуемся плодами былой всенародной страды. Мы живемъ въ мирѣ. Ни внѣшній врагъ, ни внутренній воръ-разбойникъ не страшны намъ. Просвѣщеніе, порядокъ и законъ— вотъ наше счастье, нажитое трудами нашихъ предковъ.

И. Дубасовъ.

29 Апрѣля 1893 г.
Тамбовъ.

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юстиціи, по Шацку, № 1204.

[2]) Русская Историческая Библіотека, изд. Археографич. Коммиссіи, 1889 г.

ЗАПИСКА ОБЪ АРКАДІИ АЛЕКСѢЕВИЧѢ СТОЛЫПИНѢ.

Тайный совѣтникъ и сенаторъ Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ (род. 15 Декабря 1778, скончн. 7 Мая 1825), отецъ нашего посланника при Нидерландскомъ дворѣ Николая Аркадіевича (р. 1814, сконч. въ 1884), дѣдъ-дядя Лермонтова, женатый на дочери славнаго адмирала Мордвинова, Вѣрѣ Николаевнѣ, принадлежалъ къ числу передовыхъ, замѣчательнѣйшихъ людей царствованія Александра Павловича. Выдержки изъ писемъ къ нему Сперанскаго, который въ теченіи многихъ лѣтъ былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ" 1871 года. Печатаемая нынѣ некрологія А. А. Столыпина сообщена намъ, вмѣстѣ съ другими бумагами, въ 1874 году, княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ. Да послужитъ она предварительнымъ очеркомъ для составленія полной біографіи этого достопамятнаго лица, каковой мы, къ сожалѣнію нашему, до сихъ поръ сообщить нашимъ читателямъ не могли. П. Б.

Поступки и дѣйствія человѣка суть слѣдствія разсудка, качествъ души его и сердца. Большая часть людей подчиняють ихъ правиламъ своего общества, весьма часто основаннымъ на однихъ предразсудкахъ и заблужденіяхъ своего вѣка, которыя потому только и не кажутся странными, что общи для всѣхъ; меньшая часть не слѣдуетъ имъ, или по упрямству нрава, или отъ равнодушія къ послѣдствіямъ своего поведенія. Но гораздо менѣе бываетъ такихъ людей, которые, не уклоняясь отъ правилъ общественныхъ, дѣйствовали бы въ тоже время и по правиламъ собственнымъ и, предаваясь движеніямъ пылкой души своей, подчиняли бы увлекающую волю страсти силѣ разума.

Къ симъ послѣднимъ принадлежалъ Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ, умершій на 47-мъ году своей жизни, о коемъ воспоминаніе неразлучно со скорбію и утѣшеніемъ.

Аркадій Алексѣевичъ былъ одаренъ отъ природы умомъ самымъ основательнымъ, проницательнымъ и дальновиднымъ. Онъ смотрѣлъ на предметы въ настоящей ихъ сущности, не увлекаясь наружностію,

которая часто столько же обманчива, какъ и прелестна; не прежде оцѣнивалъ поступки другаго, пока не проникалъ причины ихъ и, наблюдая за ними, вѣрно угадывалъ послѣдствія, отчего весьма рѣдко ошибался въ людяхъ и былъ ими обманутъ. Зналъ онъ до возможности всѣ изгибы сердца человѣческаго, и узналъ ихъ по глубокимъ примѣчаніямъ и размышленіямъ; любя предаваться сужденіямъ, онъ не увлекался мнѣніемъ собственнымъ, не повѣривъ онаго строго истиною, и потому сколь возможно остерегался заблужденій, всегда помня, что легче ошибиться, нежели сказать правду. Любилъ спорить и оспаривать для того только, чтобы точнѣе узнавать истину, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самихъ людей; но, испытавши многое въ продолженіе кратковременной жизни своей и зная, что сердце человѣческое, по несовершенству нашему, слабо, онъ былъ благоразумно-снисходителенъ къ слабостямъ другихъ и строгъ къ своимъ собственнымъ, стараясь удаляться отъ нихъ сколь возможно: ибо кто не имѣетъ слабостей? Видя же, что ошибки людей большею частію происходятъ или отъ равнодушія къ своимъ поступкамъ и невниманія къ ихъ послѣдствіямъ, или отъ того, что многому допускаютъ имѣть вліяніе на свой нравъ и, не имѣя силы воли противустать препятствіямъ, малодушно измѣняютъ характеръ свой почти съ каждымъ положеніемъ, онъ часто говаривалъ, что «должно имѣть непреложныя правила для своего поведенія, и онѣ во всѣхъ случаяхъ жизни будутъ вмѣстѣ съ вами». Ничего не дѣлалъ онъ, не размысливъ прежде, и отъ того во всѣхъ дѣлахъ его былъ большой порядокъ; когда же размышлялъ о какомъ либо предметѣ, то старался совершенно проникнуть оный своимъ понятіемъ, и тогда ничто не могло развлечь его, доколѣ онъ не обозрѣвалъ предмета своего вполнѣ: такова была въ немъ сила вниманія и глубокомыслія.

А. А. имѣлъ необыкновенную твердость духа, но безъ упрямства, и рѣшительность соединенную съ благоразуміемъ. Какъ размышленія всегда предшествовали у него дѣйствію, отъ чего и поступки его согласовались съ разсужденіемъ, то когда доходило до ихъ выполненія, онъ болѣе не колебался и былъ чрезвычайно рѣшителенъ и скоръ. Какъ ты скоро рѣшаешься, сказала однажды ему жена. «Ты ошибаешься, отвѣчалъ онъ: я рѣшаюсь очень тихо, и каждая вещь стоитъ мнѣ много размышленій; но когда я уже рѣшился, то люблю скорѣе исполнить». Повѣряя поступки совѣстію, всегда дѣйствовалъ онъ открыто и гнушался притворствомъ; будучи же увѣренъ въ ихъ непорочности, переносилъ безъ оскорбленія всякіе толки, которые бываютъ тѣмъ обширнѣе и злѣе, чѣмъ болѣе выходитъ человѣкъ изъ обыкновеннаго круга людей. Въ достиженіи какой либо цѣли былъ постоянно муже-

ственъ, и потому не оставлялъ того, что̀ предпринималъ. Въ каждой должности и въ жизни частной обязанности свои исполнялъ такъ строго, что не могъ раскаеваться; ни въ чемъ не было у него упущенія, ибо былъ чрезвычайно дѣятеленъ. Одинъ умный человѣкъ сказалъ объ немъ, что «онъ спѣшилъ жить», потому что пользовался каждою минутою и ничего не откладывалъ до другаго времени. Бывали случаи, когда отъ строгаго исполненія своей обязанности предвидѣлъ онъ негодованія другихъ и даже великій для себя вредъ, но и тогда не колебался жертвовать собою. «Дѣлай что̀ должно, говорилъ онъ; будетъ то, что̀ можетъ быть». Всегда съ восхищеніемъ онъ разсказывалъ анекдотъ о лордѣ Чатамѣ, который, будучи очень старъ и слабъ, не ѣздилъ болѣе въ Парламентъ; но узнавши, что тамъ будутъ судить объ одномъ важномъ дѣлѣ, велѣлъ себя привезти туда и, подавши голосъ, упалъ безъ чувствъ и черезъ нѣсколько дней умеръ. А. А. въ послѣдній разъ поѣхалъ въ Сенатъ, будучи уже больнымъ. *Нѣжная* жена его просила остаться дома. «Когда дѣйствуешь по долгу своему, отвѣчалъ онъ, должно умѣть жертвовать собою», и подобно Чатаму присутствовалъ въ Сенатѣ, чтобъ спасти честь одного несчастнаго человѣка, противъ котораго были самые сильные люди. Склонивъ мнѣнія и вдохнувъ мужество въ трусливыхъ, онъ такъ ослабѣлъ, что его вывели изъ Сената почти безъ чувствъ: подагра поднялась въ грудь и голову, и чрезъ шесть дней его уже не было на свѣтѣ!

При столь рѣдкихъ качествахъ А. А. обладалъ и рѣдкимъ великодушіемъ, которое иногда вовлекало въ опасность и самую жизнь его. Кромѣ долга и чести не было жертвы, которой онъ не рѣшился бы принести дружеству. Во время одного бѣдственнаго случая для своего друга, уже бывшаго близко къ погибели, онъ оказалъ истинное великодушіе: совершилъ длинный и трудный путь къ нему, утѣшалъ его, старался доставить ему не только безопасность, но даже спокойствіе, изыскивая всѣ средства къ облегченію тяжести его положенія; сохранилъ честь, спасъ жизнь—и за неблагодарность его, которую онъ предвидѣлъ, отвѣтилъ забвеніемъ и продолженіемъ дружбы. Онъ поставлялъ себя выше всякаго оскорбленія и обиды единственно по одному великодушію, а не по гордости или надменности, которыя часто сходны съ нимъ въ дѣйствіяхъ, не смотря на то, что въ побужденіяхъ совершенно противуположны: и мы иногда называемъ великодушными поступками такіе, кои суть токмо слѣдствіе надменности или низкаго презрѣнія къ другому. Его сердце, исполненное истиннаго благородства, не могло нанести оскорбленія другому или вреда от-

сутствующимъ, ни даже тѣмъ, кои по какимъ нибудь личнымъ выгодамъ были къ нему вовсе равнодушны; и для нихъ онъ жертвовалъ собою столь быстро, что дѣйствіе его болѣе казалось порывомъ сердца, а не слѣдствіемъ размышленія; въ свѣтѣ же мы часто видимъ противное: первое побужденіе есть пожертвовать прежде другими.

Сія высокая душа еще болѣе возвышалась покорностію къ волѣ Божіей и твердымъ упованіемъ на небесный Промыслъ. Неудача въ дѣлахъ, неуспѣхъ въ предпріятіяхъ или другихъ какихъ случаяхъ, хотя бы они были и славны и выгодны, не могли унизить его души уныніемъ или сѣтованіемъ. Онъ не былъ явно ревностнымъ исполнителемъ обрядовъ, установленныхъ церковью, но въ глубинѣ души своей былъ истиннымъ христіаниномъ: сердце его ощущало умиленіе и вѣра жила въ немъ вмѣстѣ съ надеждою. Нерѣдко встрѣчаемъ такихъ, кои, отвергая Промыслъ, смѣются упованію на оный другихъ, какъ бы надъ самымъ заблужденіемъ; для сихъ людей, достойныхъ болѣе сожалѣнія, счастіе непрочно, хотя бы они и достигли его: оно кажется для нихъ обманчивый призракъ, безпрестанно увлекающій и вмѣстѣ измѣняющійся, за коимъ они всегда стремятся и, заблуждаясь отъ ослѣпленія почти съ каждымъ днемъ, достигаютъ того ужаснаго и жалкаго отчаянія, которое мы часто видимъ въ ожесточенныхъ безбожникахъ, какъ печать отверженія высокаго душевнаго спокойствія и чистой радости сердца—безцѣнныхъ даровъ божественной вѣры. А. А. часто болѣлъ. Страдая ежеминутно, онъ никогда не роптал, и даже въ жестокихъ припадкахъ своей болѣзни, которые иногда продолжались до трехъ мѣсяцевъ, не позволялъ себѣ другой жалобы: «Ахъ, еслибы Богъ далъ, чтобы мнѣ немножко полегче было... Я прошу только немножко». Силою души своей и покорностію Богу онъ останавливалъ въ себѣ всякій ропотъ, потому что ясно видѣлъ свое положеніе и предвидѣлъ умноженіе своимъ страданіямъ. Часто люди истинно-несчастные бываютъ спокойны не отъ твердости духа, но отъ слабости ума своего, которая не даетъ имъ чувствовать всего ихъ положенія. Разсуждая о своемъ здоровьѣ, онъ говаривалъ: «Если бы Богъ былъ ко мнѣ такъ милостивъ, чтобы здоровье мое поправилось, сколько бы нравъ мой сдѣлался лучше!» Другъ мой, говорила ему жена, и теперь нравъ твой хорошъ. «Увидѣла бы разницу, отвѣчалъ онъ; да нѣтъ, этому никогда не бывать. Впрочемъ и за болѣзни мои я долженъ благодарить Бога: если бы я былъ здоровъ, то съ дѣятельностію моею не столько бы размышлялъ, какъ теперь». Человѣкъ непрестанно желаетъ быть лучшимъ, оставаясь недовольнымъ своими достоинствами и рѣдкими качествами, какъ бы самыми слабостями. Столь непостижимо создано сердце человѣче-

ское! И чѣмъ оно совершеннѣе, тѣмъ сильнѣе стремится еще къ большему. Оно столь хитро и жадно, что часто обманываетъ самый проницательный умъ и, чтобы достигнуть желаемаго, очаровываетъ нашъ разумъ прелестію чистоты намѣреній и истиной цѣли; гдѣ же предѣлъ нашихъ помысловъ и желаній?

Но было бы странно и несправедливо вѣрить человѣческому совершенству, коего мы желаемъ, но коего достигнуть препятствуютъ намъ самыя же наши желанія. Кажется, нѣтъ ни одного человѣка, въ которомъ бы не соединялось, хотя въ малѣйшей степени, дурное съ хорошимъ или злое съ добрымъ, и всякій почитается достойнѣйшимъ или презрительнымъ по тѣмъ свойствамъ, какія болѣе отличаютъ его отъ другихъ; посему не должно удивляться, когда въ одномъ и томъ же человѣкѣ бываютъ они вовсе противуположны.

А. А. имѣлъ также довольно слабостей, изъ коихъ самолюбіе было главнѣйшею: оно простирало свое вліяніе на его волю и даже благоразуміе, порождало въ немъ пристрастіе къ любимому предмету, съ полною увѣренностію, что онъ достоинъ любви его, и отъ того, при всей своей проницательности, иногда онъ ошибался. Онъ съ большимъ усиліемъ измѣнялъ свое мнѣніе и неохотно соглашался на опроверженіе его. Однакожъ самолюбіе его не простиралось на поступки ко вреду другаго и хотя оно весьма сродно съ эгоизмомъ, но А. А. вовсе не имѣлъ его. Часто говаривалъ онъ: «я стараюсь истребить изъ моего сердца и малѣйшій эгоизмъ». Также не любилъ онъ говорить дурнаго про другихъ, а когда случалось, что описывалъ кого-нибудь, то представлялъ безъ пристрастія, а въ порокахъ, казалось, видѣлъ однѣ слабости и, сожалѣя объ оныхъ, говорилъ: «Таковъ человѣкъ, ахъ сколь слабо человѣческое сердце!» Не будучи эгоистомъ, былъ онъ очень честенъ, справедливъ, а потому не имѣлъ ни малѣйшаго своекорыстія; всѣ родственники и всѣ тѣ, которые имѣли съ нимъ дѣла̀, знаютъ, сколь велика была въ немъ сія добродѣтель.

Мстительность, подруга оскорбленнаго самолюбія и эгоизма, и сопутница ея, злоба, всегда сопровождаемая жестокосердіемъ, сіи порочныя и унижающія насъ качества никогда не проникали въ его нѣжное сердце, исполненное добротою чрезвычайною. Хотя онъ былъ вспыльчивъ, но кратковременный, почти мгновенный порывъ пламенной души его никогда не наносилъ зла ближнему. «Пріятно имѣть чистую совѣсть», говорилъ онъ. Любилъ дѣлать добро не изъ тщеславія, но по любви къ добру, которое воздавало высокой душѣ его наслажденіемъ самымъ чистымъ и котораго всегда жаждало его сердце; но,

опасаясь дать людямъ лучшее о себѣ мнѣніе, нежели какое онъ заслуживалъ, какъ ему казалось, всегда скрывалъ тѣ добродѣтельныя побужденія, по коимъ дѣйствовалъ. «Я сотворенъ для счастія, говорилъ онъ, потому что въ счастіи сердце мое дѣлается добрѣе». Желалъ, чтобы всѣ зависившіе отъ него были счастливы и старался сдѣлать ихъ счастливѣе, нежели они были прежде. «Живи, говорилъ онъ, и не препятствуй жить другимъ». Добродѣтель была столь свойственна ему, какъ привычка, которой болѣе не замѣчаешь.

Благодарность приносила ему такое же удовольствіе, какъ и самое благодѣяніе: онъ былъ чрезвычайно признателенъ и за малѣйшую даже, и она удивляла его, какъ будто бы его никогда не любили. Столь рѣдкая доброта сердца всегда возбуждала въ немъ человѣколюбіе и сострадание къ ближнему.

При чрезмѣрной пылкости духа и великой силѣ чувствованій А. А. былъ весьма кротокъ, не имѣлъ ни малѣйшей строптивости въ правѣ и не былъ *гордъ*, но напротивъ для всякаго доступенъ; всякій говорилъ съ нимъ смѣло и съ удовольствіемъ, ибо въ рѣчахъ его не было ни лукавства, ни грубости. Зналъ онъ свѣтское обращеніе во всей его утонченности и обхожденіемъ своимъ не могъ оскорбить никакого характера: ибо былъ необыкновенно гибокъ въ собственномъ, учтивъ, привѣтливъ, занимателенъ по уму, любезенъ, шутливъ, но никогда не насмѣшливъ и безпрестанно веселъ. Можно сказать, что онъ всегда былъ душою общества, но нимало симъ не тщеславился и не призиралъ того, кто не имѣлъ счастливой способности привлекать къ себѣ другихъ. Пріятность и веселость нрава его обнаруживались даже и въ самыхъ страданіяхъ...

КЪ ИСТОРІИ ЕВРЕЙСТВА *).

VI.

Сдѣлаемъ общіе выводы изъ приведенныхъ нами фактовъ, мнѣній писателей и статистическихъ свѣдѣній для доказательства вреда дарованія Евреямъ равноправности во Франціи, Германіи и Австріи, оговариваясь, что очень хорошо сознаёмъ ихъ неполноту. Впрочемъ мы привели значительную часть существенно-важныхъ свѣдѣній по Еврейскому вопросу въ этихъ государствахъ, сообщенныхъ Русскою печатью, которая брала ихъ изъ заграничной печати, доставляющей пока по этому вопросу скудный матеріалъ. Это объясняется тѣмъ, что Еврейскій вопросъ въ названныхъ государствахъ снова возбужденъ всего въ восьмидесятыхъ годахъ и еще недостаточно изслѣдованъ частными лицами, а къ сожалѣнію, не правительствами, которыя во Франціи, изъ обязательнаго (фарисейскаго) поклоненія принципамъ Французской революціи, а въ Германіи и особенно въ Австріи изъ страха передъ финансовымъ могуществомъ Евреевъ—не рѣшаются возбуждать и тѣмъ болѣе изслѣдовать его. Но даже и немногіе факты, статистическія свѣдѣнія и мнѣнія авторитетныхъ писателей, приведенные нами, даютъ убѣдительные выводы о вредѣ дарованія Евреямъ равноправности въ Западной Европѣ и необходимости издать противъ нихъ разные ограничительные законы.

Вотъ эти выводы.

Главной причиною дарованія Евреямъ равноправности во Франціи, Германіи, Австріи и въ другихъ государствахъ Западной Европы было господство въ ней въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ настоящаго столѣтій принциповъ Французской философіи о разумѣ, свободѣ, равенствѣ и братствѣ людей, о естественныхъ правахъ человѣка и о прирожденной ему добродѣтели и увѣренность, что съ полученіемъ равноправности Евреи переродятся въ полезныхъ гражданъ. Правда, правительства Германіи и Австріи обнаружили колебанія по этому вопросу, и они то расширяли, то ограничивали права Евреевъ; но, хотя гораздо позже, чѣмъ Французское правительство, всетаки, по его примѣру, даровали имъ равноправность. Такимъ образомъ эти правительства разрѣшили Еврейскій вопросъ по предвзятымъ теоріямъ, не ознакомившись съ болѣе важнымъ, чѣмъ Пятикнижіе Моисея, устнымъ закономъ

*) См. выше стр. 59.

Евреевъ—Талмудомъ, какъ источникомъ ихъ нравовъ и дѣятельности. Произведенная Наполеономъ I попытка установить обязательныя для Евреевъ правила съ цѣлью обращенія ихъ въ полезныхъ гражданъ и слiянiя съ Французами путемъ смѣшанныхъ браковъ, когда онъ убѣдился, что равноправiе не измѣнило ихъ вредоносности, была сдѣлана также безъ знакомства съ ученiемъ Евреевъ, и оказалась безуспѣшной. Мало того, ошибочно придавъ раввинамъ значенiе христiанскаго духовенства, Наполеонъ образовалъ изъ нихъ, съ характеромъ государственныхъ учрежденiй, синедрiонъ и раввинскiя консисторiи. Какъ дѣятельность этихъ Еврейскихъ управленiй, такъ и основанныхъ по образцу ихъ другими государствами раввинскихъ консисторiй, повела къ совершенно-противоположному результату, котораго ожидали Наполеонъ и другiя правительства, а именно: къ соединенiю враждовавшихъ Еврейскихъ общинъ и къ устройству „Всемiрнаго Израильскаго союза" для объединенiя Евреевъ всего земнаго шара и *огражденiя ихъ отъ слiянiя съ народами, среди которыхъ они живутъ*.

Кромѣ космополитическихъ началъ Французской философiи, при рѣшенiи Еврейскаго вопроса въ Западной Европѣ имѣло важное значенiе и распространенное до послѣдняго времени мнѣнiе о тождествѣ нравственныхъ правилъ христiанства и iудейства, которое усердно поддерживалось Еврейскими писателями для пользы iудейства. Между тѣмъ, такое мнѣнiе, происходившее все же отъ незнакомства съ Талмудомъ, было ошибочно. По ученiю христiанской церкви пять книгъ Моисея признаются откровенiемъ Бога для воспитанiя избраннаго Имъ народа къ принятiю Спасителя мiра, а нѣкоторыя находящiяся въ нихъ правила, несогласныя съ христiанскимъ ученiемъ о нравственности (объ истребленiи народа въ завоеванныхъ городахъ, ст. 16 и 17 гл. XX Второзаконiя и другiя) установленными *временно* для предупрежденiя смѣшенiя Евреевъ съ языческими народами и для сохраненiя у нихъ вѣры въ единаго Бога [1]). *Евреи же, считая Ветхiй Завѣтъ о пришествiи Мессiи неисполненнымъ, признаютъ и всѣ обособляющiя ихъ отъ другихъ народовъ и возвышающiя надъ ними правила Библiи обязательными для себя и въ настоящее время*. Болѣе важный для Евреевъ, чѣмъ Библiя, устный законъ—Талмудъ [2]) развиваетъ всѣ эти правила въ томъ же смыслѣ до крайности и заключаетъ въ себѣ вообще искаженное толкованiе Библiи и много безнравственнаго

Для доказательства этого и ложности утвержденiя Еврейской печати за границей и въ Россiи о томъ, что ученiе талмудистовъ тождественно съ христiанскимъ, приведемъ лишь нѣкоторыя мнѣнiя авторитетныхъ изслѣдователей Талмуда, такъ какъ мы еще остановимся на его безнравственномъ

---

[1]) Мартенсенъ «Христiанское ученiе о нравственности», перев. съ Англ. Лопухина, т. I, стр. 394—398.—Фарраръ «Жизнь и труды св. Апостола Павла», перев. съ Англ. Лопухина, часть II, стр. 533. — Никаноръ архiеписк. Херсонскiй „Въ защиту Библiи", «Странникъ» за 1889 г.

[2]) В. И. Карасевскiй „Критическiй разборъ Талмуда", изд. 1879 г., стр. 91 и 92. С. Я. Диминскiй „Евреи. Ихъ вѣроученiе и нравоученiе", изд. 1891 г., стр. 121 и 122.

ученіи при описаніи причинъ ограниченія и вредныхъ слѣдствій расширенія правъ Евреевъ въ Россіи. Фарраръ, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Жизнь Іисуса Христа" высказываетъ, между прочимъ, слѣдующія замѣчанія о Талмудѣ: „По вѣрованію Іудеевъ законъ распадается на два отдѣла — писанный законъ (тора шебекетебъ) и устный законъ или „законъ на устахъ" (тора шебеалъ-пи), и изъ нихъ послѣдній считался не менѣе важнымъ, чѣмъ первый, или даже важнѣе его. Талмудъ собственно состоитъ изъ Мишны и Гемары. Невозможно представить себѣ что нибудь болѣе неисторическое, чѣмъ Талмудъ. Вѣроятно ни въ одномъ сочиненіи человѣческомъ имена, числа и факты не перемѣшаны съ такимъ равнодушіемъ къ исторіи, какъ здѣсь". Что касается событій, то они, по выраженію глубокаго и замѣчательнаго ученаго, „переработаны въ видахъ назидательности и даже въ видахъ развлеченія читателей. Исторія прикрашена вымыслами воображенія, поэтическими, но часто чудовищными; истина не считается достаточно привлекательною, и потому все преувеличивается и расширяется".

„Нѣкоторые задавались вопросомъ (какъ напр. Дейчъ), справедливо ли судить о Талмудѣ по краткимъ извлеченіямъ и отрывкамъ взятымъ внѣ контекста. На это я отвѣчаю, что, вопервыхъ, теперь всякій можетъ изслѣдовать всѣ трактаты Талмуда, какъ Мишну, такъ и Гемару, въ переводахъ безспорно-точныхъ и добросовѣстныхъ, и вовторыхъ, что свой взглядъ на Талмудъ я составилъ не только на основаніи такихъ изслѣдователей какъ Ляйтфутъ, Шеттгенъ, Ото, Суренгузій, Буксторфъ, Реландъ, Ветштейнъ, Гфререръ, Этериджъ, Пирицъ и другіе, но и на основаніи самихъ Іудейскихъ писателей, какъ Маймонидъ, Грецъ, Гейгеръ, Іостъ, Мункъ, Деренбургъ, Швабъ, Когенъ, Франкль, Рафаллъ, Дейчъ, Сальвадоръ и другіе. Я изслѣдовалъ всѣхъ этихъ писателей, и взгляды, заимствованные мною изъ открытыхъ поклонниковъ и приверженцевъ раввинистической литературы, совершенно также неблагопріятны, какъ и тѣ, которые я беру у Эйзенменгера и Вагенгейля".

„Изъ Талмуда, конечно, можно привести нѣсколько превосходныхъ изреченій, даже близко сходныхъ съ нѣкоторыми изреченіями Христа; *но тамъ они какъ перлы лежатъ въ „морѣ" тьмы и мусора.* Мнѣ кажется безспорнымъ, и въ этомъ теперь каждый можетъ удостовѣриться самъ, *что такихъ перловъ въ немъ изумительно мало* въ сравненіи съ огромной массой національной литературы, въ которой находятся они. *Но затѣмъ, кто можетъ доказать, что эти изреченія дѣйствительно произнесены тѣми раввинами, которымъ они приписываются? Кто представитъ хотя тѣнь доказательства, что они (когда не основаны на Ветхомъ Завѣтѣ) не обязаны своимъ происхожденіемъ прямому или косвенному вліянію христіанства и христіанской мысли?* А многія ли изъ нихъ совершенно независимы отъ Ветхаго Завѣта? Даже Дейчъ, одинъ изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ Талмуда, говоритъ: „Эти изреченія часто нѣжны, поэтичны, возвышены, но они не абсолютно новы; между ними нѣтъ такихъ, которыя бы по существу не содержались въ каноническихъ или неканоническихъ писаніяхъ Ветхаго Завѣта".

Далѣе Фараррь приводитъ нѣкоторыя изреченія, которыя сопоставляются съ Евангельскими изреченіями и говоритъ о нихъ слѣдующее: „Эти примѣры (и ихъ можно бы еще привести изъ другихъ источниковъ) взяты изъ сочиненія Когена, Les Déicides, Англ. пер. 150 и сл. Этотъ Еврей-писатель выставляетъ ихъ съ цѣлью уменьшить „самобытность" Іисуса. Но такая аргументація, не смотря на ея распространенность, показываетъ полный недостатокъ образованности и проницательности. „Самобытность" Сына Божія, если вообще можно употреблять это слово, состояла въ томъ, что Онъ спасъ и возродилъ растлѣнный и умиравшій міръ, *на который цѣлые ряды Еврейскихъ мудрецовъ*—соферимы, танаимы, амораимы, себораимы и геонимы—*не оказали никакого замѣтнаго вліянія и для котораго всѣ они со всею ихъ „самобытностью» не имѣютъ ни малѣйшаго значенія"* [3]).

Дѣйствительно, для возвышенія нравственнаго и умственнаго развитія человѣчества, труды талмудистовъ не имѣютъ значенія; но для *пониженія* того и другаго они черезъ своихъ послѣдователей оказали и продолжаютъ оказывать вліяніе, особенно тѣми безнравственными правилами, которыми опредѣляются *отношенія Евреевъ къ иновѣрцамъ*. Лучшій знатокъ Талмуда изъ Русскихъ ученыхъ христіанъ С. Я. Диминскій, въ своемъ замѣчательномъ трудѣ о вѣроученіи и правоученіи Евреевъ, говоритъ, что общій характеръ этихъ отношеній по Шулханъ-Аруху (сборнику наиболѣе важныхъ правилъ Талмуда) опредѣляется для Еврея такъ: „*не смѣшивайся съ ними, не щади ихъ и ни въ чемъ не уподобляйся имъ*".

Частными же правилами, подробно разработанными Еврейскими канонистами, установлены для Евреевъ:

„а) воспрещеніе возвращать потерянное не-Евреями";

„б) право обманывать всѣхъ не-Евреевъ *въ силу того, что* послѣдніе, имѣя обманныя умопредставленія, *постоянно обманываютъ самихъ себя* и они ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться ближними Евреевъ".

„в) право пользоваться ошибками не-Евреевъ, сбивать ихъ съ толку при разсчетахъ, а также не платить не-Евреямъ причитающихся съ нихъ долговъ" и т. д. [4]).

[3]) Фарраръ «Жизнь Іисуса Христа", пер. съ Англ Лопухина, стр. 479 и 480 и 501—503. Въ сущности, такое же мнѣніе о талмудистахъ высказалъ и писатель противоположнаго направленія Эрн. Ренанъ, въ заключеніи своей брошюры „Розореніе Іерусалима". „Какъ же іудейство—говоритъ въ немъ Ренанъ—лишенное своего святаго града и храма, намѣрено преобразоваться? *Какъ талмудизмъ выйдетъ изъ того положенія, въ которое событія поставили Израиля? Послѣ появленія христіанства на свѣтъ, іудейство не имѣло болѣе основанія существовать»*. Объяснивъ, что іудейство не пожелало подчиняться этой участи, Ренанъ далѣе говоритъ: „Исторія не представляетъ страннѣе того зрѣлища, какъ зрѣлище этого сохраненія народа въ положеніи мертвеца, того народа, который въ теченіе почти тысячи лѣтъ потерялъ чувствительность къ совершившемуся, *не написалъ страницы достойной прочтенія, не далъ намъ вѣрной о себѣ справки.* Нужно ли удивляться тому, что, проживъ такимъ образомъ цѣлые вѣка внѣ вольной атмосферы человѣчества, *въ подвалѣ*, если позволительно сказать, *въ состояніи особаго рода безумія*, онъ выходитъ изъ него блѣднымъ, чахлымъ?". Э. Ренанъ „Разореніе Іерусалима", перев. съ Франц. П. Надеждина, изд. 1886 г. стр. 78 и 79

[4]) С. Я. Диминскій, „Евреи. Ихъ вѣроученіе и правоученіе" изд. 1891 г., стр. XXXV и 127—139.

Понятно, что, слѣдуя такому безнравственному ученію Талмуда [5]), Евреи не могли обратиться въ нравственныхъ, полезныхъ гражданъ подъ вліяніемъ равноправія и измѣнились только по внѣшности. Незначительная часть Евреевъ прогресистовъ или ново-Іудеевъ, не признающихъ Библіи и Талмуда и замѣнившихъ религію своихъ отцовъ матеріалистическими и космополитическими ученіями, не отказалась отъ національныхъ притязаній на господство надъ иноплеменниками и вмѣстѣ съ правовѣрными Евреями на всѣхъ поприщахъ дѣятельности стремится къ ихъ осуществленію. Не измѣнивъ права Евреевъ, равноправіе дало имъ полную возможность своею дѣятельностью приносить вредъ христіанскому населенію Франціи, Германіи, Австріи и вообще въ Западной Европѣ несравненно значительнѣе, чѣмъ прежде, когда ихъ права были ограничены. Этотъ вредъ двоякаго рода: матеріальный и нравственный.

Болѣе всего равноправные Евреи вредятъ благосостоянію народа во Французской колоніи Алжирѣ, въ Германіи и Австріи своимъ любимымъ занятіемъ—ростовщичествомъ, которымъ они, будто бы, прежде, при ограниченіи ихъ правъ, занимались по принужденію. Въ Алжирѣ Евреи ростовщичествомъ разорили коренное населеніе Арабовъ и разоряютъ и Французскихъ колонистовъ посредствамъ банковъ, ведущихъ свои операціи на чисто-ростовщическихъ началахъ. При этомъ Евреи сумѣли подчинить себѣ Французскія мѣстныя власти на столько, что онѣ оказываютъ покровительство ихъ хищнической дѣятельности. Въ Германіи по произведенному въ 1887 г. „обществомъ соціальной политики“ обширному изслѣдованію о распространенномъ ростовщичествѣ въ деревняхъ, не смотря на изданный въ 1880 г. законъ, воспрещающій это занятіе, оказалось, что преобладающій контингентъ ростовщиковъ составляютъ Евреи. Въ Австріи же ростовщичествомъ Евреи довели населеніе большей ея части, въ Венгріи, Галиціи и Буковинѣ, до разоренія, вынудивъ правительство, хотя и поздно, постановить въ 1875 г. строгія наказанія для ростовщиковъ. Посредствомъ ростовщичества и спекулятив-

---

[5]) По словамъ Диминскаго религіозно-нравственные курсы, какъ то: «Пространны Еврейскій катихизисъ» Б. Сегаля, «Основы Моисеева закона» Л. Бермана и „Законъ Еврейской вѣры» О. Гурвича, принятые для преподаванія Закона Божія для Евреевъ въ Русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого значенія въ глазахъ Еврейскихъ массъ. Катихизисы эти составлены съ исключительною цѣлью выставить Еврейскую религіозную доктрину въ такихъ формахъ, которыя представляли бы нѣкоторое соотвѣтствіе и аналогію съ христіанской догматикой, и не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ содержаніемъ Шулханъ-Аруховъ».«Евреи. Ихъ вѣроученіе и правоученіе». С. Диминскаго, стр. 20 и 21.

Тоже слѣдуетъ сказать о существующихъ Еврейскихъ религіозно-правственныхъ учебникахъ въ Западной Евромѣ. „Шулханъ-Арухъ (первое изданіе въ Венеціи въ 1565 г.) съ дополненіями раввина Иссерлеса былъ подтвержденъ какъ законъ для Евреевъ *навсегда* и *повсюду* на ихъ генеральномъ собраніи *въ 1866 г.* Но при этомъ было и постановлено, что въ глазахъ христіанъ эти книги должно *выставлять какъ отвергнутыя Евреями.* Постановленіе подписано 94 раввинами, 182 адвокатами, 45 врачами и 11,672 Евреями разныхъ другихъ профессій. Письмо къ присяжнымъ повѣреннымъ Московскаго судебнаго округа А. Шмакова. „Московскій Листокъ“ 1890 г. № 333.

ныхъ банковъ Евреи въ Венгріи захватили все среднее землевладѣніе, а крупныхъ помѣщиковъ-магнатовъ запутали долгами. Въ несчастной Галиціи Евреи къ 1889 г. купили 513 большихъ барскихъ имѣній, а съ 1874 г. по 1889 г. пріобрѣли съ публичнаго торга 41,000 крестьянскихъ участковъ. Поселяясь въ деревняхъ, Евреи сами земледѣліемъ не занимаются, а обращаютъ обезземеленныхъ ими крестьянъ въ своихъ батраковъ, положеніе которыхъ хуже прежнихъ крѣпостныхъ. Обѣднѣвшие низшіе классы жителей Венгріи и Галиціи находятъ единственный выходъ изъ своего отчаяннаго положенія въ эмиграціи въ Америку, куда изъ одного Гамбурга, въ восьмидесятыхъ годахъ отправлялось до 7000 Венгерскихъ подданныхъ ежегодно, а изъ Галиціи съ 1871 г. по 1887 г. выѣхало до 100,000 эмигрантовъ. Высшіе классы также попали въ зависимость отъ Евреевъ, вслѣдствіе бѣдности, и развращаются, что̀ видно изъ того, что многіе разорившіеся Венгерскіе дворяне, для устройства своей карьеры, даже переходятъ въ іудейство. Въ Галиціи 80% коренныхъ землевладѣльцевъ тонетъ въ долгахъ, и голодная интеллигенція черезъ магнатскія переднія добивается мѣстъ. Вообще же въ ней царитъ надъ всѣмъ могущественное Еврейство, ласкаемое Польской аристократіей. Это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что Евреи настойчиво требовали отмѣны празднованія Воскресенья и въ союзѣ съ Польской администраціей края притѣсняютъ и оскорбляютъ Русскихъ Галичанъ. Такъ въ г. Перемышлѣ городская дума изъ Поляковъ и Евреевъ приказала изготовить для собакъ, подлежащихъ налогу, нашейники, на которыхъ изображенъ православный восьмиконечный крестъ.

Какъ въ занятіи ростовщичествомъ, такъ и во всѣхъ родахъ человѣческой дѣятельности, Евреи строго держатся племенной солидарности, выраженной въ извѣстномъ изреченіи Талмуда: „всѣ Евреи за одного и одинъ за всѣхъ“, и это дало имъ возможность захватить въ свои руки въ Западной Европѣ банки и значительную часть торговли и промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и скопить огромныя богатства. Матеріальный вредъ для населенія Западной Европы отъ такой преобладающей дѣятельности Евреевъ неисчислимъ, потому что она сопряжена съ устройствомъ монополій, кабалой рабочихъ-христіанъ, часто съ самой отчаянной спекуляціей и со множествомъ мошенническихъ продѣлокъ.

Во главѣ захваченнаго Евреями въ Европѣ банкирскаго дѣла стоятъ Ротшильды, биржевые цари, которые уже теперь не довольствуются монополіей на помѣщеніе займовъ государствъ Европы и другихъ частей свѣта, а монополизируютъ и разныя отрасли торговли и промышленности. Такъ въ послѣднее время Лондонскій домъ Ротшильдовъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ торговлю бриллiантами и, поднявъ на нихъ цѣну, лишилъ тысячи бѣдныхъ Амстердамскихъ шлифовальщиковъ заработка. Парижскій домъ Ротшильдовъ въ нѣсколько лѣтъ захватилъ болѣе половины нефтяной промышленности на Кавказѣ и закабалилъ значительную часть мелкихъ Бакинскихъ керосиновыхъ заводчиковъ къ себѣ на работу. Въ банковыхъ операціяхъ даже цари биржи не считаютъ для себя безчестнымъ отступать отъ принятаго и

подписаннаго условія на помѣщеніе займа, какъ напр. поступилъ въ 1891 году съ Русскимъ министерствомъ финансовъ Парижскій Ротшильдъ; значительная же часть мелкихъ банкировъ изъ Евреевъ и подавно не стѣсняется въ выборѣ безчестныхъ способовъ для веденія дѣла, лишь бы они вели къ наживѣ. Это доказали многочисленные крахи Еврейскихъ банковъ въ семидесятыхъ годахъ въ Вѣнѣ и въ 1891 г. въ Берлинѣ, которые произошли отъ растратъ ихъ владѣльцами вкладовъ и цѣнныхъ бумагъ, данныхъ на храненіе, или отъ убытковъ, понесенныхъ ими на спекулятивныхъ предпріятіяхъ и биржевой игрѣ и разорили десятки тысячъ вкладчиковъ—христіанъ.

Не меньше вреда для христіанъ приносятъ торговля, промышленность и разныя акціонерныя компаніи Евреевъ.

Во Франціи, по свидѣтельству Ферье, Ротшильды и Еврейско-Нѣмецкіе банкиры являются воротилами анонимныхъ обществъ, захватившихъ крупную торговлю при помощи учета, мелкую торговлю посредствомъ синдикатовъ, крупную промышленность черезъ искусственное пониженіе цѣнности разныхъ товаровъ, земельную собственность посредствомъ заклада, транспортированіе кладей посредствомъ желѣзныхъ дорогъ. Въ Германіи захватъ Евреями торговли и зависимость отъ нихъ христіанъ, занимающихся производительнымъ трудомъ, повелъ къ тому, что, по словамъ Штеккера, само производство стало падать въ качествѣ, вслѣдствіе Еврейскаго правила: „дешево, но гнило“. Въ Австріи же торговля и промышленность еще болѣе сосредоточены въ рукахъ Евреевъ, а какъ они добросовѣстно занимаются ими, можно отчасти судить по отчетамъ Австрійскаго министерства юстиціи, по которымъ 62% всѣхъ приговоренныхъ къ наказанію Евреевъ осуждены за ростовщичество и болѣе 34% за злостныя банкротства. Къ мошенническому образу веденія торговли и промысловъ Евреями слѣдуетъ отнести занятіе значительной части ихъ въ восточныхъ областяхъ Пруссіи и Австріи ввозомъ контрабанды въ Россію, хотя то и не преслѣдуется правительствами этихъ государствъ.

На сколько вообще дѣятельность Евреевъ во Франціи, Германіи и Австріи по банкирскимъ операціямъ, торговлѣ и промышленности вредна для христіанскаго населенія и въ тоже время прибыльна для Евреевъ, кромѣ приведенныхъ уже нами свѣдѣній о пріобрѣтеніи ими земли въ Галиціи и Венгріи, даютъ понятіе слѣдующія цифры: въ Парижѣ при 2,400,000 числѣ жителей со включеніемъ 50,000 Евреевъ, собственно въ Еврейскомъ кварталѣ имъ принадлежитъ имущество въ домахъ и фабрикахъ на 500 мил. франковъ изъ 11-ти милліардовъ франковъ такого имущества всего Парижа. Въ Германіи въ 1888 г. *седьмая часть* капиталовъ принадлежала Евреямъ, хотя на 45 милл. жителей въ ней считалось Евреевъ 570 тыс. Въ Вѣнѣ принадлежитъ Евреямъ 30% всѣхъ домовъ; а изъ остальныхъ 80% заложены имъ же.

Само собою разумѣется, что матеріальный вредъ, причиняемый Евреями христіанамъ, соединенъ и съ нравственнымъ вредомъ, такъ какъ спекулятивный духъ Еврейской дѣятельности развиваетъ и у христіанъ стремленіе къ легкой наживѣ, въ чемъ пасторъ Штеккеръ упрекалъ ихъ въ рѣчи по

поводу краховъ Еврейскихъ банковъ въ Берлинѣ. Но *прямой нравственный вредъ Евреи приносятъ христіанамъ въ такъ называемыхъ интеллигентныхъ профессіяхъ*, которыя, благодаря неограниченному пріему въ учебныя заведенія, они во Франціи, Германіи и Австріи стали переполнять несоразмѣрно съ кореннымъ населеніемъ, особенно въ журналистикѣ, имѣющей теперь такое важное вліяніе на жизнь государствъ. Казалось бы высшее образованіе на христіанскихъ началахъ, которое получаютъ Евреи для занятія этими профессіями, и равноправіе должны были измѣнить къ лучшему дурныя черты ихъ племеннаго характера: обособленность, жестокость, ненависть къ христіанамъ и т. д.; но эти свойства остаются у нихъ такими же, какъ и у малообразованныхъ Евреевъ [6]). Такъ, по настоянію Еврея Кремье, бывшаго члена временнаго правительства во Франціи въ 1870 г., Евреямъ въ Алжирѣ была дарована равноправность, а кореннымъ жителямъ—Арабамъ въ ней отказано, что̀ повело къ ихъ возстанію, усмиренному съ большимъ кровопролитіемъ въ то время, когда Кремье же занималъ должность Алжирскаго генералъ-губернатора. Въ 1891 году во Франціи, въ Фурмі, по распоряженію супрефекта изъ Евреевъ войска безъ нужды стрѣляли въ бунтовавшихъ рабочихъ. Въ Австріи Евреи - судьи оказались пристрастными въ пользу своихъ единомышленниковъ. Вообще въ Западной Европѣ, Евреи-писатели, раввины съ университетскимъ образованіемъ и ново-Іудеи путемъ печати усердно поддерживаютъ племенныя надежды и солидарность и въ тоже время стараются разложить и унизить христіанскую религію и нравственность.

Слѣдующее замѣчательное мнѣніе высказываетъ епископъ Мартенсенъ въ своемъ классическомъ сочиненіи „Христіанское ученіе о нравственности“ о дѣятельности ново-Іудеевъ и вообще просвѣщенныхъ Евреевъ въ Западной Европѣ, въ сущности согласное съ приведенными нами отзывами Штеккера, Тирша и Псеннера и съ постановленіями антисемитическихъ собраній и дополняющее ихъ. Объяснивъ, что новѣйшіе, просвѣщенные Іудеи замѣнили религію своихъ отцевъ космополитическими началами Французской революціи, но не оставили Еврейскихъ притязаній на господство надъ народами, епис-

---

[6]) Если бы въ этомъ могло быть сомнѣніе, то его совершенно отвергаетъ Еврей Гецъ въ статьѣ „Что̀ такое Еврейство?“ помѣщенной въ „Еврейскомъ Обозрѣніи“ за 1884 г. слѣдующими словами: „Еврей всегда всѣми силами стремился къ сближенію съ окружающими его народами, но онъ всегда былъ далекъ отъ всякаго растворенія въ немъ, *отъ котораго предохраняла его религія разными предписаніями прямо или косвенно. Нѣтъ ни одного народа, который бы болѣе Еврейскаго отличался общностью чертъ характера*, дарованій и способностей, наклонностей и привычекъ, нравовъ и обычаевъ. Какъ бы ни отличался счастливый, пользующійся всѣми гражданскими правами Французскій или Американскій Еврей отъ его несчастныхъ Румынскихъ соплеменниковъ, они какъ по внѣшности, такъ и по характеру похожи другъ на друга... *Не смотря на разсѣяніе Евреевъ по свѣту, они составляютъ „націю“, и слѣдовательно всѣ эти Англичане, Французы, Нѣмцы, Поляки, Русскіе Моисеева закона въ дѣйствительности только Евреи, члены своей собственной націи и случайные сожители другихъ націй.* Еврейская же нація находитъ сильную поддержку въ своей самобытной и чисто-національной религіи, которая проникнута національнымъ духомъ, пропитана и преисполнена національными воспоминаніями и надеждами“ и пр. „Новое Время“ 1884 г. № 3114.

копъ Мартенсенъ говоритъ, что они сдѣлали дѣйствительный починъ къ осуществленію этого господства, вступивъ именно въ обладаніе тремя могущественными средствами, которыя имѣютъ опредѣляющій характеръ для всего какъ общественнаго, такъ и политическаго состоянія. *Это именно капиталъ, участіе въ политическихъ парламентахъ, наконецъ пресса.* При помощи капитала они оказываютъ свое вліяніе и на политическіе вопросы, гдѣ дѣло идетъ о войнѣ и мирѣ. *Въ политическихъ собраніяхъ они постоянно держатъ сторону либерализма и стоятъ за полное отдѣленіе церкви отъ государства* [7]) *за отказъ въ денежныхъ ассигновкахъ на церковныя цѣли, за гражданскій бракъ и другія либеральныя предложенія.* Газетная печать въ большей части главныхъ странъ Европы находится также по преимуществу въ рукахъ Евреевъ, которые талантливо и въ живо написанныхъ статьяхъ вліяютъ на общественное мнѣніе касательно всѣхъ текущихъ вопросовъ, даже опредѣляютъ ихъ, когда особенно возникаетъ споръ между христіанскими исповѣданіями, между ультрамонтанствомъ и протестантизмомъ, папой и императоромъ—все конечно съ точки зрѣнія рѣшительно Іудейскихъ интересовъ. *Верховною цѣлью всѣхъ этихъ усилій служитъ Іудейско-мессіанское царство человѣчности, и главное условіе, отъ котораго зависитъ достиженіе его, есть ничто иное какъ вытѣсненіе христіанства изъ общественной жизни.* Для этой цѣли (именно совершенно изгнать христіанство изъ общественной жизни, изъ законодательства и общественныхъ учрежденій, порвать всѣ связи, которыми доселѣ народы привязаны ко Христу) они настойчиво работаютъ и денно и нощно, такъ какъ Мессія, въ котораго вѣруютъ христіане, но котораго оттолкнули отъ себя и распяли Іудеи, постоянно стоитъ на пути ихъ стремленій неопреодолимымъ камнемъ преткновенія, такъ какъ признаніе Его народами, законы и учрежденія, представляющіе свидѣтельство о Его господствѣ и Его царствѣ возбуждаютъ въ нихъ досаду, производятъ на нихъ впечатлѣніе укоризны и осужденія... Чтобы осуществить свой идеалъ, они, какъ сказано, вступаютъ въ союзъ съ либерализмомъ и на всевозможные лады *проповѣдуютъ евангеліе вѣротерпимости, которое имѣетъ для нихъ то значеніе, что всѣ религіозныя исповѣданія должны быть безразличны въ политической и общественной жизни.* Во имя этой вѣротерпимости они стремятся къ тому, чтобы устранить всѣ религіозныя и церковныя различія, прежде всего—основывающіяся на нихъ различія въ правахъ, стараются оттѣснить все христіанство въ область частной жизни и его значеніе низвести на степень простаго, частнаго дѣла, стремятся именно къ тому, *чтобы доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ, безъ исключенія, напр. къ судебнымъ должностямъ, открытъ былъ для всѣхъ и не обусловливался религіей.* Изъ общественныхъ школъ *они хотятъ удалить преподаваніе христіанской религіи* и, самое боль-

---

[7]) Въ послѣднее время, въ Октябрѣ 1891 г., эти слова Мартенсена подтвердились внесеніемъ во Французскую палату депутатовъ членомъ радикальной партіи Евреемъ Дрейфусомъ (родственникомъ Парижскаго главнаго раввина) законопроекта объ отдѣленіи церкви отъ государства, который впослѣдствіи былъ отвергнутъ палатой. „Сынъ От.“ 1891 года № 285.

шое, допускаютъ деистическую религію, съ общими нравственными понятіями, безъ принятія чего-либо положительно-религіознаго; желаютъ, чтобы въ общественныхъ школахъ имя Іисуса называлось только какъ имя исторической личности древняго міра, а не какъ то единственное имя, которымъ могутъ спасаться люди, ибо въ немъ для Іудеевъ заключается соблазнъ. *И уступка имъ въ этомъ отношеніи при помощи либерализма уже сдѣлана въ Голандіи* [8]).

Далѣе Мартенсенъ замѣчаетъ, что Евреи по духу и чувству не принадлежатъ ни къ какому народу; во время историческихъ кризисовъ, имѣвшихъ рѣшительное значеніе для судьбы народовъ, они безмятежно занимались своими спекуляціями и въ заключеніе говоритъ: „*Отсюда мы можемъ видѣть лишь заблужденіе въ томъ, если Евреямъ, безъ всякаго ограниченія, предоставляютъ тѣже самыя политическія права, какъ собственнымъ сынамъ земли. Они живутъ среди каждаго народа только какъ гости, и къ нимъ поэтому, при всей гуманности, нужно относиться именно какъ къ такимъ. Сколько бы ни оказывали предупредительности гостю, во всякомъ случаѣ никому не придетъ въ голову сдѣлать его въ своемъ домѣ соправителемъ, со-хозяиномъ*“ [9]).

Когда Мартенсенъ высказалъ приведенное мнѣніе о дѣятельности просвѣщенныхъ Евреевъ, именно въ 1878 г., христіане еще не знали о тѣхъ грандіозныхъ задачахъ „Всемірнаго Израильскаго Союза“, которыя опредѣлены въ секретномъ мемуарѣ Кремье. Изъ этого мемуара, опубликованнаго въ заграничныхъ и Русскихъ газетахъ въ 1883 году сдѣлалось извѣстнымъ, что союзъ, подъ видомъ благотворительности, имѣетъ главной задачей посредствомъ денежной силы Евреевъ объединить ихъ для устройства новаго Іудейскаго царства и распространенія Еврейскаго ученія по всему міру и представляетъ собой центральное управленіе Евреевъ, бывшее въ древніе вѣка въ Іерусалимѣ. Что Евреи не считаютъ подобную задачу мечтою, вѣрятъ въ ея исполненіе и настойчиво стремятся къ этому, доказываютъ многіе факты. Такъ въ 1881 г. центральное, областныя и мѣстныя управленія союза, находящіяся въ государствахъ Европы, Азіи, Америки и Африки, гдѣ толь-

---

[8]) Во Франціи, со времени министерства Жюля Ферри, преподаваніе Закона Божія изъято изъ программы казенныхъ учебныхъ заведеній. Впослѣдствіи изъ нихъ же было удалено Распятіе, такъ какъ *видъ Распятія оскорбляетъ религіозныя чувства учениковъ другихъ вѣроисповѣданій* (т. е. Евреевъ). Съ тѣхъ поръ газеты, не сочувствующія радикальнымъ идеямъ, какъ консервативныя, такъ и республиканскія, указывали на то, что система эта, принятая очевидно въ угоду Евреямъ, окажетъ самое пагубное вліяніе на воспитаніе дѣтей въ христіанскомъ духѣ. Послѣдствія этого уже сказались. На засѣдавшемъ въ 1891 г. въ теченіи нѣсколькихъ дней въ Парижѣ католическомъ съѣздѣ кардиналъ-архіепископъ Ришаръ сказалъ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ, *что антирелигіозное направленіе, господствующее нынѣ во Французскихъ учебныхъ заведеніяхъ, принесло уже плоды: больше трети воспитанниковъ этихъ заведеній не были на конфирмаціи, вслѣдствіе чего, по словамъ архіепископа, ихъ нельзя считать за христіанъ.* „Московскій Листокъ“ 1891 г. № 125.

[9]) Мартенсенъ «Христіанское ученіе о нравственности», перев. съ Англійск. А. Лопухина. изд. 1890 г. т. II. ч. 2. стр. 538—542.

ко живутъ Евреи, насчитывали 24,174 членовъ и слѣдовательно въ лицѣ этихъ членовъ объединеніе всѣхъ Евреевъ отчасти осуществилось. Вскорѣ послѣ своего основанія, союзъ въ качествѣ опекуна или правительства Евреевъ уже сталъ домогаться расширенія ихъ правъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы и въ послѣднее время въ 1891 г., за отказъ Русскаго правительства въ этомъ Ротшильдамъ, устроилъ съ ними понижательную компанію противъ Русскихъ цѣнностей. Кромѣ того, несомнѣнно, что многочисленные члены союза поддерживаютъ солидарность Евреевъ по захвату банковъ, недвижимыхъ имуществъ, торговли, промышленности и печати и ловкую и кощунственную пропаганду Еврейской печати, направленную къ разложенію христіанской религіи и нравственности, о которой говорятъ Мартенсенъ и Тиршъ. Въ цѣляхъ же союза Гиршемъ были предложены Русскому и Австрійскому правительствамъ пожертвованія для устройства Еврейскихъ ремесленныхъ и земледѣльческихъ училищъ въ Юго-западныхъ губерніяхъ Россіи и въ Галиціи съ тѣмъ, чтобы скорѣе завершить въ нихъ экономическое порабощеніе Евреями христіанъ и основать фактически обширную область будущаго ново-Іудейскаго царства, которую, благодаря отказу названныхъ правительствъ въ принятіи пожертвованій Гирша, теперь должна замѣнить земля, купленная Гиршемъ у Аргентинской республики, хотя невѣроятно, чтобы природные хищники-- эксплуататоры народовъ—стали мирно жить сами съ собой и заниматься тяжелымъ земледѣльческимъ трудомъ [10]).

Вся вообще растлѣвающая дѣятельность просвѣщенныхъ Евреевъ въ Западной Европѣ не была бы такъ опасна, еслибы ей не способствовали упадокъ вѣры у христіанъ и распространенныя между ними разныя ученія, разлагающія ихъ религію и нравственность. Вотъ что Мартенсенъ, между прочимъ, говоритъ о такихъ печальныхъ явленіяхъ въ духовной жизни христіанъ Западной Европы: „Въ наше время среди христіанскихъ народовъ водворилась эмансипація не отъ неоправдываемыхъ стѣсненій только, но и отъ самого христіанства, предъ авторитетомъ котораго не хотятъ долѣе преклоняться. У очень многихъ, не только въ высшихъ, но также и въ низшихъ классахъ общества, подорвана вѣра, и умы разъѣдаются сомнѣніемъ и индифферентизмомъ [11]). Вмѣсто Евангелія Іисуса Христа во многіе круги про-

---

[10]) Распространенный между Евреями въ Германіи органъ ихъ «Allgemeine Zeitung des Judenthums», относительно будущаго колоній, устраеваемыхъ Гиршемъ, высказалъ слѣдующее откровенное мнѣніе: „Колонисты, какъ только они окрѣпнутъ въ экономическомъ отношеніи, вернутся непремѣнно въ своимъ освященнымъ вѣками традиціямъ. Они продадутъ свои земли и переселятся въ сосѣднія земли. Отчего это требуютъ, что бы Русскіе Евреи занимались совсѣмъ чуждымъ дѣломъ? Неужели потому, что ихъ считаютъ тунѣядцами за то, что они не желаютъ заниматься земледѣліемъ? Заставить народъ, играющій выдающуюся роль въ исторіи міровой торговли, заниматься дѣломъ, отъ котораго онъ отвыкъ уже 2000 лѣтъ—идея по-истинѣ безпримѣрная въ исторіи колонизацій". «Новое Время» 1891, № 5469.

[11]) Въ Германіи существуютъ общины, которыя хотя и называются христіанскими, но не могутъ быть признаны таковыми. Объ этомъ заявила Евангелическо-лютеранская генеральная консисторія въ Петербургѣ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ на его запросъ, какое имѣетъ

никли новѣйшія, такъ сказать, евангелія гуманности и счастья, съ ихъ раціоналистическими, натуралистическими и матеріалистическими доктринами [12]). Многочисленные послѣдователи этихъ доктринъ, разумѣется, совершенно равнодушно относились къ растлѣвающей дѣятельности Евреевъ; но такъ какъ, сравнительно съ невѣрующими христіанами, вѣрующіе христіане въ Западной Европѣ все еще составляютъ большинство, то у лучшихъ изъ нихъ пробудилось сознаніе въ страшной опасности, какою она угрожаетъ христіанству. Хотя и поздно, въ семидесятыхъ годахъ, сознаніе это выразилось въ Нѣмецкой, а послѣ и во Французской печати указаніями на нравственный и матеріальный вредъ, приносимый Евреями христіанамъ, на сдѣланную ошибку дарованіемъ Евреямъ равноправности и т д. и вызвало въ значительной части христіанскаго общества въ Западной Европѣ движеніе, которое принято называть антисемитизмомъ. Постепенно усиливаясь, это движеніе повело къ устройству союзовъ христіанъ для борьбы съ Іудейскимъ зломъ, а въ послѣдніе годы въ Германіи и Австріи перешло и въ парламенты, гдѣ членами ихъ высказываются правительствамъ требованія о принятіи мѣръ для огражденія христіанъ отъ вредной дѣятельности Евреевъ. Такимъ образомъ антисемитизмъ въ Западной Европѣ, не говоря о его прискорбныхъ проявленіяхъ въ безпорядкахъ, производимыхъ низшими классами народа, составляетъ не искусственное явленіе, вызванное ненавистниками Евреевъ, какъ утверждаютъ Еврейская печать и юдофилы, а естественное слѣдствіе ненормальныхъ отношеній Евреевъ къ христіанамъ и въ тоже время какъ протестъ послѣднихъ противъ дарованія Евреямъ равноправности и ея вредныхъ результатовъ.

Сравнивая теперь эти результаты съ результатами предоставленія широкихъ правъ Евреямъ Польскими королями въ средніе вѣка, нельзя не видѣть, что дарованіе равноправности Евреямъ народами Западной Европы принесло гораздо болѣе вреда, чѣмъ расширеніе ихъ правъ Польскими королями. Широкія права Евреевъ въ бывшей Польшѣ, сравнительно съ безправнымъ ихъ положеніемъ въ средніе вѣка, въ Западной Европѣ, дали имъ, правда, возможность заняться разными видами эксплуатаціи народа, разорить его и главнымъ образомъ способствовать паденію Польши; но вредная дѣятельность

значеніе „свободное христіанское общество въ Бреславлѣ", о принадлежности къ которому стали представлять свидѣтельства Германскіе Евреи во избѣжаніе высылки изъ Россіи. „Современныя Извѣстія» 1887 г. № 224.

По послѣднимъ извѣстіямъ, безвѣріе все болѣе и болѣе распространяется въ Германіи. Въ большихъ городахъ есть множество Нѣмцевъ, не получившихъ ни крещенія, ни конфирмаціи, и число это постоянно ростетъ. Въ одной Пруссіи сотни тысячъ некрещенныхъ, не считая получившихъ крещеніе, но отвергающихъ Бога и всякую религію. *Число язычниковъ, записанныхъ въ книги Пруссіи, увеличилось въ одномъ 1889 году болѣе чѣмъ на 30,000 чел.* „Сынъ Отечества" 1891 г. № 61.

[12]) Мартенсенъ «Ученіе о христіанской нравственности», перев. съ Англ. А. Лопухина, изд. 1890 г., т. II, ч. 2, стр. 535.

ихъ не касалась еще религіи. Между тѣмъ дарованная Евреямъ въ Западной Европѣ равноправность открыла имъ доступъ въ правящіе, высшіе классы народа и интеллигентныя профессіи, и они направили свою вредную дѣятельность не только на разрушеніе народнаго благосостоянія, но и на разложеніе религіи и нравственности христіанъ и притомъ у высшихъ, самыхъ просвѣщенныхъ ихъ представителей или, по словамъ И. С. Аксакова, Евреи внесли разложеніе въ центръ христіанской цивилизаціи. Кромѣ того, равноправность же соединила Евреевъ всего свѣта въ одну корпорацію подъ названіемъ „Всемірнаго Израильскаго Союза“, которая имѣетъ грандіозную и пагубную для другихъ народовъ цѣль: устроить всемірное ново-Іудейское царство и подчинить ихъ господству Евреевъ.

Этимъ объясняется, отчего просвѣщенные и правовѣрные Евреи не могли и не могутъ слиться со своими соотечественниками въ Западной Европѣ послѣ полученія равноправности. Весь смыслъ существованія какъ тѣхъ, такъ и другихъ Евреевъ заключается въ отрицаніи христіанскаго государства и въ стремленіи его разрушить. Потому они такіе же закоренелые враги христіанскаго государства, какъ и ихъ союзники радикалы—крайніе послѣдователи либерализма; разница между ними и радикалами заключается только въ томъ, что послѣдніе стремятся разрушить его прямыми, насильственными мѣрами, а Евреи дѣлаютъ тоже косвенными: сосредоточеніемъ въ своихъ рукахъ богатствъ-капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ посредствомъ ростовщичества и банковъ, распространеніемъ экономическаго ига на христіанъ посредствомъ торговыхъ промышленныхъ монополій и всевозможныхъ стачекъ и разложеніемъ ихъ религіи и нравственности посредствомъ печати. Такимъ образомъ Евреи болѣе опасные враги для христіанскаго государства, чѣмъ радикалы и не только не могутъ пользоваться въ немъ равноправностью, а должны быть признаны противо-государственными сектантами и ограничены въ своихъ правахъ, насколько этого требуетъ ихъ вредоносность. *Всякая надежда на перерожденіе Евреевъ въ полезныхъ гражданъ путемъ равноправности, какъ доказалъ столѣтній опытъ, должна быть оставлена* [13]; оно возможно только съ переходомъ ихъ въ христіанство, и этотъ конецъ ихъ религіозныхъ заблужденій предсказанъ св. апостоломъ Павломъ въ его посланіи къ Римлянамъ (гл. XI) [14].

---

[13]) По словамъ С. Диминскаго, „всѣ усилія къ исправленію и перерожденію Евреевъ, предпринятыя какъ Еврейскими учеными и реформаторами, такъ и иновѣрными правительственными властями, не безъ участія въ этомъ Еврейскихъ ученыхъ, привели только къ замаскировкѣ Еврейскихъ доктринъ, къ наружному измѣненію Еврейскаго типа; но сущность Еврейскихъ доктринъ и существо Еврейскаго типа остались неизмѣняемыми и непоколебимыми». „Евреи. Ихъ вѣроученіе и правоученіе“. С. Диминскаго, стр. 203.

[14]) Фарраръ „Жизнь и труды св. апостола Павла“, перев. съ Англійск. А. П. Лопухина, изд. 1887 г., час. 2, стр. 553.

Мартенсенъ „Христіанское ученіе о нравственности“ перев. съ Англійск. А. П. Лопухина. изд. 1890 г., т. II, час. 2, стр. 543.

VII.

Переходя къ разсказу о положеніи Евреевъ въ Россіи, изъ многихъ относящихся къ нимъ законовъ, которые были изданы со времени поступленія ихъ въ число Русскихъ подданныхъ до царствованія императора Александра II, мы будемъ говорить только о болѣе важныхъ; потому что въ этотъ періодъ времени права Евреевъ то расширялись, то снова ограничивались, и значительной перемѣны въ ихъ положеніи не произошло. На тѣхъ же законахъ, которые изданны при императорѣ Александрѣ II и которые много расширили права Евреевъ, а также на ихъ причинахъ и слѣдствіяхъ, мы остановимся подробнѣе.

Извѣстно, что Евреи въ первый разъ поступили въ число жителей Московскаго царства послѣ присоединенія къ нему по Андрусовскому договору въ 1667 г. части Малороссіи по лѣвую сторону Днѣпра и что они вскорѣ были высланы за границу по царскимъ повелѣніямъ [1]). Въ этомъ случаѣ царь Алексѣй Михайловичъ поступилъ согласно твердо установившемуся у его предшественниковъ (которые вовсе не допускали Евреевъ въ Московское царство) взгляду на Евреевъ, какъ на враговъ Христа и людей вредныхъ. Такого же взгляда на Евреевъ держались императоръ Петръ Великій и его преемники до императрицы Екатерины II. Въ царствованіе же этой императрицы, императора Александра I и особенно императора Александра II, отъ этого взгляда были сдѣланы отступленія.

Вотъ какъ однажды императоръ Петръ Великій высказался о Евреяхъ: „Я хочу видѣть у себя лучше магометанскія и языческія вѣры, нежели Жидовъ. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложаю. Не будетъ для нихъ въ Россіи ни жилища, ни торговли, сколько о томъ ни стараются и *какъ ближнихъ ко мнѣ ни подкупаютъ*" [2]). Твердое рѣшеніе императора Петра Великаго не допускать Евреевъ въ Россію не помѣшало имъ еще при немъ пріѣзжать въ Малороссію и Новороссію для торговли на ярмарки; но на другой годъ послѣ его смерти, 26 Апрѣля 1726 г., состоялся указъ императрицы Екатерины I въ которомъ, между прочимъ, сказано: „Жидовъ, какъ мужеска, такъ и женска пола, которые обрѣтаются на Украйнѣ и въ другихъ Россійскихъ городахъ, тѣхъ всѣхъ выслать вонъ изъ Россіи за рубежъ немедленно и впредь ихъ ни подъ какими образы въ Россію не впускать, и того предостерегать во всѣхъ мѣстахъ на крѣпко" [3]). Въ царствованія императора Петра II и императрицы Анны Іоанновны Евреямъ было разрѣшено пріѣзжать для торговли на ярмарки въ Малороссію и Смоленскую губернію [4]). Не смотря на разрѣшеніе лишь временныхъ по-

---

[1]) Рѣчь профессора Кояловича по поводу пятидесятилѣтняго юбилея возсоединенія уніатовъ съ православною церковью. Жур. «Странникъ» 1889 г., т. II, стр. 407 и 408.

[2]) „Сынъ Отечества" 1890 г. № 318.

[3]) П. С. З., т. VII № 5,063.

[4]) П. С. З., т. VIII, №№ 5324 и 5852.

ѣздокъ въ эти мѣста, Евреи постоянно проживали въ нихъ и занимались даже шинкарствомъ, разумѣется, при потворствѣ мѣстныхъ властей. Вотъ что говорится въ указѣ императрицы Елисаветы Петровны, 2 Декабря 1742 г. (послѣ ссылки на законъ Екатерины I, 26 Апрѣля 1726 г.): „Нынѣ намъ извѣстно учинилось, что оные Жиды еще въ нашей Имперіи, а наипаче въ Малороссіи, подъ разными видами, яко то торгами и содержаніемъ корчемъ и шинковъ, жительство свое продолжаютъ, отъ чего не иного какого плода, по токмо, яко отъ таковыхъ имени Христа Спасителя ненавистниковъ, *нашимъ вѣрноподданнымъ крайняго вреда ожидать должно*... Того для, всемилостивѣйше повелѣваемъ изъ всей нашей Имперіи, какъ изъ Великороссійскихъ, такъ и изъ Малороссійскихъ городовъ, селъ и деревень, всѣхъ мужеска и женска пола Жидовъ, *какого бы кто званія и достоинства ни былъ*, со всѣмъ ихъ имѣніемъ немедленно выслать за границу и впредь ни подъ какимъ видомъ въ нашу Имперію ни для чего не впускать; развѣ кто изъ нихъ захочетъ быть въ христіанской вѣрѣ Греческаго исповѣданія, таковыхъ крестя въ нашей Имперіи жить имъ позволить, токмо вонъ ихъ изъ государства уже не выпускать, а некрещенныхъ ни подъ какимъ претекстомъ никому не держать". Далѣе въ указѣ предписано губернаторамъ, воеводамъ и старшинамъ за немедленнымъ выселеніемъ Евреевъ „на крѣпко смотрѣть, подъ опасеніемъ за неисполненіе по сему высочайшаго нашего гнѣва и тягчайшаго истязанія" [5]). Вопреки выраженному мнѣнію Императрицы о вредной дѣятельности Евреевъ, у послѣднихъ, однако, нашлись покровители въ лицѣ генеральной войсковой канцеляріи въ Малороссіи, Лифляндской регирунсъ-канцеляріи и Рижскаго магистрата, которые просили Сенатъ о дозволеніи Евреямъ пріѣзжать для торговли въ Малороссію и въ Ригу, въ виду того, что они необходимы какъ торговцы для жителей, должны мѣстнымъ купцамъ, а послѣдніе имъ, и отъ высылки Евреевъ пострадаютъ какъ интересы мѣстныхъ жителей, такъ и казны. Согласно съ этими ходатайствами представилъ докладъ Императрицѣ и Сенатъ; но она 16 Декабря 1743 г. положила на немъ слѣдующую извѣстную резолюцію: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли" [6]).

Отъ этого точно опредѣленнаго взгляда на Евреевъ Московскихъ царей, вытекавшаго изъ ихъ религіозныхъ понятій и основательнаго знанія вредной дѣятельности Евреевъ въ Польшѣ, императрица Екатерина II сдѣлала рѣзкое отступленіе. Подчиняясь началамъ Французской философіи о разумѣ и естественныхъ правахъ человѣка, которыя господствовали въ Западной Европѣ, вскорѣ послѣ присоединенія въ 1772 г. Бѣлоруссіи къ Русскому государству, Императрица высказала въ нѣсколькихъ указахъ мнѣніе, что Евреи, какъ и всѣ подданные, должны пользоваться правами „безъ различія закона и народа" [7]). Болѣе опредѣленно это мнѣніе выражено въ 1786 году въ слѣ-

[5]) П. С. З., т. XI, № 8673.
[6]) П. С. З., т. XI, № 8840.
[7]) П. С. З., т. XXI, № 15,724.

дующемъ повелѣніи Сенату: „Императрица примѣтить указала, что когда означенные Еврейскаго закона люди вошли уже, на основаніи указовъ ея величества, въ состояніе, равное съ другими, то и надлежитъ при всякомъ случаѣ наблюдать правило ея величествомъ установленное, что всякъ, по званію и состоянію своему, долженствуетъ пользоваться выгодами и правами, безъ различія закона и народа". Еще ранѣе изданія этого указа, по жалованной грамотѣ городамъ 1785 г., Евреи были сравнены въ правахъ со всѣми другими городскими сословіями. Они были допущены въ составъ городскаго управленія и подчинены общимъ для всей Имперіи законамъ. Существовавшіе при Польскомъ правительствѣ особые Еврейскіе суды были уничтожены; но кагалы (коллегіальныя управленія изъ Еврейскихъ старшинъ, раввиновъ, судей) остались исключительно для духовныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что Императрица была убѣждена въ справедливости космополитическаго начала, опредѣляющаго, что всѣ люди безъ различія религіи и народа должны пользоваться равными правами, и примѣнила его къ Евреямъ. Въ такомъ убѣжденіи ее, какъ видно, не поколебалъ и докладъ перваго генералъ-губернатора возвращенныхъ отъ Польши областей Чернышова, который еще въ 1772 г. указывалъ въ немъ на разорительность для крестьянъ арендованія Евреями населенныхъ имѣній и проектировалъ разрѣшать такія аренды не болѣе какъ на пять лѣтъ, съ высочайшаго разрѣшенія. Но въ послѣдніе годы своего царствованія Императрица отступила отъ принципа равноправности Евреевъ. Въ указѣ 23 Декабря 1791 г. по вопросу о предоставленіи Евреямъ правъ гражданства въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ, между прочимъ, сказано: „Евреи не имѣютъ никакого права записываться въ купечество во внутренніе Россійскіе города и порты, а только по указамъ нашимъ дозволено имъ пользоваться правомъ гражданства и мѣщанства въ Бѣлоруссіи" [8]); а послѣдовавшимъ 27 Іюня 1794 г. указомъ о сборѣ съ Евреевъ (записавшихся по городамъ въ мѣщанство и купечество) установленныхъ податей вдвое противъ положенныхъ съ мѣщанъ и купцовъ-христіанъ, права Евреевъ ограничивались уже отчасти и въ мѣстахъ ихъ поселенія [9]), которыя и были перечислены и названы впослѣдствіи *чертою постоянной осѣдлости* Евреевъ.

Ошибочность прежняго мнѣнія Императрицы о томъ, что въ христіанскомъ государствѣ равноправность можетъ быть предоставлена всѣмъ подданнымъ безъ различія религіи и народа, особенно Евреямъ, и справедливость представленій высшаго правителя возвращенныхъ отъ Польши областей объ ограниченіи правъ Евреевъ, наглядно обнаружились черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ея смерти. По случаю двухлѣтняго неурожая въ западныхъ губерніяхъ, императоръ Павелъ лѣтомъ 1797 г. объѣхалъ ихъ и былъ поло-

[8]) П. С. З., т. XXIII, № 17006.

[9]) Въ 1795 г., по представленію Новороссійскаго генералъ-губернатора графа Зубова, состоялся указъ объ освобожденіи отъ двойной подати Евреевъ-караимовъ и о предоставленіи имъ и другихъ выгодъ съ тѣмъ, чтобы въ общество ихъ не входили Евреи-талмудисты. П. С. З., т. XXIII, № 17249.

жительно пораженъ бѣдностью крестьянъ. Только что въѣхавъ въ Минскую губернію, онъ далъ повелѣніе губернатору Карнѣеву созвать съѣздъ дворянъ губерніи для обсужденія мѣръ къ улучшенію въ ней хозяйства. Съѣхавшіеся на съѣздъ маршалы отъ дворянъ Минской губерніи, въ своемъ постановленіи, объяснили причины разоренія крестьянъ ихъ неразвитіемъ, бывшими революціями, войнами, неурожаями, болѣе же всего вредною дѣятельностью Евреевъ. О послѣдней маршалы выразились такъ: „При сихъ несовершенствахъ *вящею еще суть причиною Евреи,* на арендахъ и шинкахъ владѣльцами удерживаемые въ противность повелѣній отъ начальства, предназначающихъ имъ жительство по городамъ; которые (Евреи) безъ собственнаго труда, проживая съ немалыми семействами въ селеніяхъ, и послѣднее съ крестьянъ разными имъ свѣдомыми средствами высасываютъ, а именно дачею вина крестьянамъ въ долгъ, приводящею ихъ къ пьянству, ложными напастями и разными поступками, чѣмъ крестьянъ приводятъ въ убожество и неспособными дѣлаютъ къ хозяйствованію". Для улучшенія хозяйства крестьянъ маршалы проектировали безусловное выселеніе Евреевъ изъ деревень и селъ и безусловное воспрещеніе продажи „горячаго вина" въ долгъ, подъ залогъ; причемъ, если бы оказалось нарушеніе послѣдняго, то залогъ безмездно возвращается первоначальному его владѣльцу. Согласно высочайшей волѣ, губернаторъ Карнѣевъ представилъ постановленіе маршаловъ въ подлинникѣ Государю, который немедленно приказалъ ему, „чтобы онъ по должности своей предпринялъ мѣры, сходныя съ распоряженіемъ маршаловъ дворянства, *объ ограниченіи правъ Евреевъ разоряющихъ крестьянъ*". „Всеподданнѣйшее доношеніе" Карнѣева съ приложеніемъ постановленія маршаловъ Государь передалъ генералъ-прокурору князю Куракину, „соизволяя, чтобы онъ предложилъ все то на разсмотрѣніе Сенату". Куракинъ исполнилъ высочайшее повелѣніе, а Сенатъ, въ виду уже послѣдовавшаго высочайшаго повелѣнія Минскому губернатору, потребовалъ онъ него только донесенія о томъ, какія мѣры приняты и, получивъ донесеніе о принятіи мѣръ, проектированныхъ маршалами, утвердилъ ихъ и послалъ указы въ Литовскую и Подольскую губерніи съ изложеніемъ всего дѣла—для свѣдѣнія и руководства. По сенатскимъ указамъ, губернаторами этихъ губерній были созваны съѣзды дворянскихъ маршаловъ, которые въ своихъ постановленіяхъ также высказали мнѣнія о необходимости принятія мѣръ противъ вредной дѣятельности Евреевъ и проектировали между прочимъ такія мѣры: большинство маршаловъ Литовской губерніи признало „необходимымъ ограничить нынѣшній образъ жизни Евреевъ, сдѣлавъ извѣстное положеніе о способѣ ихъ пропитанія и промышленности". „Чтобы пресѣчь корень зла", они предложили воспретить Евреямъ винокуреніе и содержаніе собственныхъ шинковъ, уничтожить кагалъ— „сіе начальство ихъ, которое они сами себѣ избираютъ" и которое "не только присвоиваетъ себѣ духовную власть, но и вмѣшивается также во всѣ гражданскія и до полиціи касающіяся дѣла и, такимъ образомъ, содержа въ полномъ управленіи Евреевъ" не рѣдко оставляетъ постановленія и распоряженія правительства безъ дѣйствія, если только предвидитъ, что они противны

его власти [10]). Всѣ эти постановленія вполнѣ подтвердились подробнымъ изслѣдованіемъ министра юстиціи Державина, который былъ командированъ въ 1799 г. въ Бѣлоруссію. Напримѣръ, въ своемъ изслѣдованіи, послѣ разсказа о сборахъ, существующихъ между Евреями и о бѣдности Еврейской черни, Державинъ опредѣлилъ значеніе кагаловъ въ слѣдующихъ вѣрныхъ словахъ: „Напротивъ, кагальные богаты и живутъ въ изобиліи, управляя двоякою пружиною власти, т. е. духовною и гражданскою, въ рукахъ ихъ утвержденною, имѣютъ великую силу надъ ихъ народомъ. Симъ средствомъ содержатъ они его, повидимому, разсѣянное общество, ихъ политическое тѣло, не токмо въ неразрывной связи и единствѣ, но въ великомъ порабощеніи и страхѣ“ [11]).

Для разсмотрѣнія труда Державина и выработки мѣръ въ виду улучшенія быта Евреевъ былъ учрежденъ уже императоромъ Александромъ, 9-го Ноября 1802 г., особый комитетъ, въ составъ котораго вошли министръ юстиціи Державинъ [12]), графъ Потоцкій и либеральные совѣтники императора, князь Адамъ Чарторыжскій и министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей. Свой основной либеральный взглядъ на Еврейскій вопросъ комитетъ высказалъ въ журналѣ отъ 20 Сентября 1803 года. Въ этомъ журналѣ говорится, что *реформы предпринимаемыя непосредственно правительствомъ вообще непрочны* и лучше всего вести Евреевъ къ совершенству, удаляя препятствія къ этому, но не дѣйствуя за нихъ: *„сколь можно меньше запрещеній, сколь можно больше свободы, вотъ простыя стихіи всякаго устройства“*. Потому и для Евреевъ нужно принять мѣры тихаго ободренія, возбужденія собственной ихъ дѣятельности и пресѣченія тѣхъ только препятствій, кои зависятъ непосредственно отъ правительства и сами собой пресѣчься не могутъ“. Тѣ же мнѣнія комитетъ высказалъ и въ докладѣ, при которомъ было представлено Государю положеніе о Евреяхъ. Оно было утверждено 9-го Декабря 1804 г. и опубликовано при слѣдующемъ именномъ указѣ: „*По жалобамъ, многократно къ намъ и въ Правительствующій Сенатъ доходившимъ, на разныя злоупотребленія и безпорядки во вредъ земледѣлію и промышленности обывателей въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ Евреи обитаютъ, происходящіе*, признали мы нужнымъ указомъ въ 9-й день Ноября 1802 г. составить особый комитетъ для разсмотрѣнія дѣлъ къ сему относящихся и для собранія средствъ къ исправленію настоящаго Евреевъ положенія. Комитетъ, собравъ всѣ свѣдѣнія, къ сему принадлежащія, и сообразивъ разныя предположенія объ устройствѣ Евреевъ, доселѣ бывшія, поднесъ намъ положеніе вновь для нихъ составленное, съ изъясненіемъ въ особомъ докладѣ началъ, на коихъ оно составлено. Разсмотрѣвъ положеніе, мы находимъ начала, комитетомъ принятыя, весьма справедливыми и всѣ статьи онаго сообразными сколь умѣренности и попеченію о истинномъ благѣ Евреевъ, столь и основанными на пользахъ корен-

---

[10]) «Еврейскій вопросъ въ связи съ неурожаемъ въ Западной Россіи въ концѣ прошлаго столѣтія“. С. Г. Р. „Новое Время» 1891 г. № 5670.

[11]) Я. Брафманъ „Книга Кагала“, изд. 1888 г., ч. I, стр. 81—83.

[12]) Черезъ годъ Державинъ былъ замѣненъ по Министерству Юстиціи княземъ Лопухинымъ.

ныхъ обывателей тѣхъ губерній, гдѣ людямъ симъ жить дозволяется" [43]). Дѣйствительно, во многихъ статьяхъ этого положенія, которое обнимаетъ всѣ стороны быта Евреевъ, установлены мѣры для поощренія ихъ къ образованію и полезной дѣятельности, согласно принятымъ комитетомъ либеральнымъ началамъ, и высказывается надежда, что Евреи окажутся достойными попеченія о нихъ правительства. Въ отдѣлѣ положенія о просвѣщеніи Евреевъ сказано, что дѣти ихъ могутъ обучаться „безъ всякаго различія отъ другихъ дѣтей" въ народныхъ училищахъ, гимназіяхъ и университетахъ. „Никто изъ дѣтей Еврейскихъ, бывъ въ училищѣ, во время его воспитанія не долженъ быть ни подъ какимъ видомъ отвлекаемъ отъ своей религіи, *ни принуждаемъ учиться тому, что ей противно и даже несогласно съ нею быть можетъ* (§ 2). Если же, не взирая на всѣ сіи побужденія, Евреи не захотятъ отдавать дѣтей своихъ въ общія народныя училища, тогда установить на счетъ ихъ особенныя школы, гдѣ бы дѣти ихъ были обучаемы" (§ 6).

Особенныя поощрительныя мѣры для обращенія Евреевъ къ производительному труду установлены въ отдѣлѣ о разныхъ ихъ состояніяхъ и промыслахъ. Евреямъ, желающимъ заниматься земледѣліемъ, было разрѣшено покупать незаселенныя земли и арендовать ихъ у помѣщиковъ въ Западныхъ, Астраханской и Кавказской губерніяхъ. Не имѣющимъ же средствъ для этого было опредѣлено отвести 30,000 десятинъ казенной земли въ губерніяхъ Литовскихъ, Новороссійскихъ, Минской, Волынской, Подольской, Астраханской и Кавказской. Евреи-земледѣльцы освобождались на десять лѣтъ отъ разныхъ податей, кромѣ земскихъ, и могли получать изъ казны ссуды для обзаведенія съ уплатою ихъ въ продолжительный срокъ. Евреи-фабриканты и ремесленники, какъ и Евреи-земледѣльцы, освобождались отъ двойной подати. Въ случаѣ устройства Евреями суконныхъ, кожевенныхъ и нѣкоторыхъ другихъ фабрикъ, правительство обѣщало отводить имъ нужныя земли и выдавать денежныя ссуды. Ремесленникамъ дозволено проживать въ губерніяхъ Новороссійскихъ, Астраханской и Кавказской, если у нихъ не будетъ заработка и средствъ для пропитанія въ чертѣ осѣдлости. Кромѣ того, фабриканты и ремесленники, съ разрѣшенія губернаторовъ, могли временно пріѣзжать по торговымъ дѣламъ и во внутреннія губерніи на короткіе сроки. Наконецъ, правительство обѣщало Евреевъ уравнять въ податяхъ со всѣми подданными, если они окажутъ „постоянное направленіе и прилежаніе въ земледѣліи, мануфактурахъ и купечествѣ". Только для прекращенія Еврейской питейной торговли правительство приняло суровую мѣру, несогласную вообще съ духомъ положенія, но вызванную громаднымъ вредомъ, который Евреи приносили коренному населенію. Такъ въ § 34 говорится: „Никто изъ Евреевъ, начиная съ 1 Января 1807 г., въ губерніяхъ Астраханской и Кавказской, Малороссійскихъ и Новороссійскихъ, а въ прочихъ начиная съ 1-го Января 1808 г., ни въ какой деревнѣ и селѣ не можетъ содержать никакихъ арендъ, шинковъ, кабаковъ и постоялыхъ дворовъ, ни подъ своимъ, ни подъ чужимъ именемъ, ни продавать въ нихъ вино и даже жить въ нихъ".

---

[43]) П. С. З. т. XXVIII, № 21547.

Въ отношеніи раввиновъ и кагаловъ опредѣлено, что первые должны надзирать за обрядами вѣры и судить всѣ споры, относящіеся до религіи, не позволяя себѣ, подъ страхомъ уголовной отвѣтственности, накладывать наказанія на Евреевъ—херемъ и др.; а кагалы должны наблюдать, чтобы казенные сборы были исправно и бездоимочно вносимы, распоряжаться ввѣренными имъ отъ общества суммами и т. д.

Приведенныя нами существенныя мѣста „положенія“ доказываютъ, что оно предоставляло Евреямъ возможность обратиться отъ ихъ вредныхъ занятій къ производительному труду. Но, не смотря на поощрительныя мѣры, Евреи не пожелали имъ заниматься. Никакихъ фабрикъ и ремесленныхъ заведеній они не открыли; а Евреи, поселенные на казенныхъ земляхъ въ Херсонской губерніи, оказались совершенно неспособными къ земледѣлію, такъ что на докладѣ объ этомъ министра внутреннихъ дѣлъ состоялась въ 1810 г. высочайшая резолюція остановить поселеніе ихъ на казенныхъ земляхъ [14]). Безуспѣшность мѣръ для обращенія Евреевъ къ производительному труду защитники ихъ объясняютъ тѣмъ, что для занятія фабричной промышленностью у нихъ не было подготовки и денегъ; что развитію между ними ремеслъ препятствовала черта осѣдлости, недостатокъ заработковъ и что земледѣліемъ они не могли съ успѣхомъ заниматься, такъ какъ не занимались имъ болѣе 1500 лѣтъ, и поощрить ихъ къ этому занятію могло только предоставленіе *права пріобрѣтать земли во всей Россіи*, внѣ черты осѣдлости, въ которой цѣны на землю были уже высоки [15]). Такая защита тунеядства Евреевъ не имѣетъ основанія. Всякое дѣло, разумѣется, требуетъ подготовки, чтобы имъ можно было съ успѣхомъ заниматься; но что же мѣшало Евреямъ подготовиться къ фабричной промышленности и земледѣлію, при пособіяхъ и льготахъ отъ правительства, и тѣмъ болѣе выдѣлывать хорошія ремесленныя издѣлія, которыя могли бы сбываться и внѣ черты осѣдлости и вызвать развитіе фабричной промышленности, какъ это было вездѣ? Мѣшало всему этому, какъ и всегда, просто уклоненіе Евреевъ отъ производительнаго труда, какъ тяжелаго и умѣренно-оплачиваемаго, и стремленіе къ скорой и легкой наживѣ ростовщичествомъ и торговлей, что имъ настойчиво предлагается Талмудомъ [16]), который бѣдныхъ Евреевъ-ремесленниковъ и вооб-

---

[14]) П. С. З. т. XXXI, № 24185.

[15]) М. Песковскій «Роковое недоразумѣніе» ч. II, стр. 271 и 272, изд. 1891 г.

[16]) «*Нѣтъ болѣе плохаго занятія*, сказано въ Талмудѣ, *какъ земледѣліе*. Если кто имѣетъ 100 серебренниковъ въ торговлѣ, то онъ можетъ ежедневно ѣсть мясо и пить вино; если же кто употребляетъ 100 серебрянниковъ на земледѣліе, то онъ можетъ ѣсть лишь хлѣбъ съ солью“. «Слово правды о Талмудѣ», по поводу сочиненія „Талмудическій Еврей“ А. Ролинга, профессора Франца Делича. Перев. съ 7-го Нѣмецкаго изд. Борисова, стр. 26, изд. 1885 г.

Э. Ренанъ, въ своей брошюрѣ «Разореніе Іерусалима», по поводу притязаній Евреевъ сохранять свои особенные законы и не нести общихъ гражданскихъ обязанностей, при пользованіи общими правами народовъ, среди которыхъ они жили и живутъ, замѣчаетъ: „Нѣкоторые ученые наивно говорятъ, что обязанность Израиля сохранять законъ, и что поэтому

ще рабочихъ, не имѣвшихъ возможности изучать его „Амъ-гаарецовъ“—лишаетъ Іудейскихъ гражданскихъ правъ и позволяетъ даже убивать [17]). По причинѣ такихъ взглядовъ Талмуда, къ реформѣ правительства Еврейскихъ занятій несочувственно относились и кагалы. Еврейскіе или, что̀ тоже, кагальные депутаты, приглашенные правительствомъ для соображеній о способахъ точно исполнить „положеніе“ высказали, что требуемое § 34 переселеніе Евреевъ изъ деревень въ города невозможно по недостатку у нихъ средствъ и вызвало бы затрудненія для помѣщиковъ, и просили отсрочить эту мѣру на нѣсколько лѣтъ. Въ виду представленій и губернскихъ властей о невозможности переселенія Евреевъ, 5-го Января 1809 г. состоялся указъ, которымъ былъ учрежденъ комитетъ для разсмотрѣнія затрудненій по исполненію закона 1804 г. и пріисканія мѣръ, *„посредствомъ коихъ Евреи, бывъ удалены отъ единственнаго ихъ промысла (продажи вина по селамъ, деревнямъ, постоялымъ дворамъ и шинкамъ) могли бы себѣ доставлять пропитаніе работою“* [18]). Но и комитетъ не пріискалъ мѣръ для исполненія ст. 34, а въ докладѣ, представленномъ въ 1812 г., высказалъ мнѣніе даже за ея отмѣну, что̀ съ послѣдствіями тяжелой войны и побудило правительство пріостановить выселеніе Евреевъ до 1821 г. Въ этомъ же году, въ 1822 и 1823 годахъ послѣдовали три указа съ строжайшимъ предписаніемъ мѣстной власти лишить Евреевъ права содержать кабаки въ селахъ и деревняхъ и выселить ихъ оттуда въ города Черниговской, Полтавской, Могилевской и Витебской губерній. Въ указѣ, относящемся къ двумъ послѣднимъ губерніямъ, между прочимъ, сказано, что „главною причиною разстройства крестьянъ Бѣлорусскихъ признано пребываніе Евреевъ въ селеніяхъ и продажа вина ими въ оныхъ производимая; что *Евреи не только не обращались ни къ какимъ занятіямъ или трудамъ, кои положеніемъ 1804 года имъ для собственной ихъ пользы предоставлены, но напротивъ усиливаясь водворяться въ селеніяхъ, число ихъ еще больше умножилось въ оныхъ къ сугубому разоренію хлѣбопашцевъ“* [19]). Высказанные въ этихъ словахъ упреки Евреямъ, что они не обратились къ производительному труду и не оправдали надежды правительства, были повторены и въ указѣ 1824 г. о запрещеніи иностраннымъ Евреямъ постояннаго жительства въ Россіи, въ виду занятія ими контрабандой и размноженія Евреевъ въ пограничныхъ, западныхъ губерніяхъ. Относительно Русскихъ Евреевъ въ указѣ говорится слѣдующее: „Укоризны, кои всегда и вездѣ дѣлаемы были Евреямъ въ образѣ отправленія ихъ промысловъ и въ способахъ ихъ обогащенія, безъ сомнѣнія, были первою причиною мѣръ правительства къ пресѣченію переселенія ихъ во внутреннія губерніи. Мѣры, которыя принимало правительство къ извлеченію изъ сего племени пользы для государства составленіемъ для управленія онаго особаго положенія и изысканіемъ

Богъ заставляетъ остальной міръ трудиться для него». Talm. de Bab. Beracosh., 35, 6. «Разореніе Іерусалима“ Э. Ренана, перев. съ Французск. П. Надеждина, стр. 17, изд 1886 г.

[17]) В. М. Карасевскій «Критическій разборъ Талмуда“, стр. 172—183. изд. 1879 г.

[18]) П. С. З. т. XXX, № 23435.

[19]) П. С. З. т. XXXVIII, № 29420.

средствъ къ переведенію Евреевъ изъ селеній, не могли имѣть доселѣ желаемаго успѣха". Далѣе сказано, что Евреи всячески уклоняются отъ уплаты податей и рекрутской повинности, утаивая при ревизіи и переписи дѣйствительную свою численность [20]). Контрабандный промыселъ, въ которомъ обвинялись иностранные Евреи, проживавшіе въ Россіи, былъ очень распространенъ и между Русскими Евреями въ западныхъ губерніяхъ; потому въ 1825 г. состоялось высочайшее повелѣніе о высылкѣ на 50 верстъ отъ границы Евреевъ, не имѣющихъ недвижимой собственности [21]). Еще ранѣе этихъ законовъ двадцатыхъ годовъ, показывающихъ рѣзкую перемѣну въ прежнемъ либеральномъ взглядѣ императора Александра I на Евреевъ, была сдѣлана попытка способствовать разрѣшенію Еврейскаго вопроса радикальной мѣрою: въ 1817 г. состоялось высочайшее повелѣніе объ учрежденіи комитета для облегченія перехода Евреевъ въ христіанство и покровительства Евреямъ-христіанамъ съ предоставленіемъ имъ земли и другихъ льготъ [22]).

Разсматривая ходъ законодательства о Евреяхъ въ царствованіе императора Александра I, нельзя не видѣть въ немъ аналогіи съ изданіемъ законовъ въ царствованіе императрицы Екатерины II. Какъ первые законы въ царствованіе этой Императрицы издавались подъ вліяніемъ либеральныхъ началъ о естественныхъ правахъ человѣка, такъ и первый систематическій законъ о Евреяхъ Русскаго правительства, изданный при императорѣ Александрѣ I (положеніе 1804 г.) основанъ на тѣхъ же началахъ, за исключеніемъ установленнаго въ немъ выселенія Евреевъ изъ деревень въ города. Затѣмъ, въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II и императора Александра I, подъ вліяніемъ уликъ вредной дѣятельности Евреевъ и обманутыхъ надеждъ, что они пойдутъ по дорогѣ, которая могла сдѣлать ихъ полезными гражданами, правительствомъ издаются ограничительные законы. Такой результатъ расширенія правъ Евреевъ и реформы ихъ быта въ эти два царствованія произошелъ отъ того, что принятыя для нихъ начала были ошибочны и не исходили изъ *единственно-вѣрнаго взгляда на Евреевъ, какъ на народъ вредный и только терпимый въ христіанскомъ государствѣ*. Но расширеніе правъ Евреевъ императрицею Екатериною II отчасти оправдывается недавнимъ поступленіемъ ихъ въ число Русскихъ подданныхъ и ея незнакомствомъ съ Еврейскимъ бытомъ; довѣріе же къ полезной самодѣятельности Евреевъ и особенно довѣрчивое предоставленіе административной власти надъ Евреями кагаламъ, по закону 1804 г., оправдать нельзя. Свѣдѣнія, поступившія къ Русскому правительству послѣ объѣзда западныхъ губерній императоромъ Павломъ, и, особенно, собранныя Державинымъ, вполнѣ доказали вредную дѣятельность Евреевъ и ихъ управленій—кагаловъ. Потому правительству не слѣдовало полагаться на нихъ, а принять мѣры по устройству для Евреевъ, выселяемыхъ изъ деревень въ города, ремесленныхъ заве-

---

[20]) П. С. З. т. XXXIX, № 30004.
[21]) П. С. З. т. XXXVIII, № 29443.
[22]) П. С. З. т. XXXIV, №№ 26752 и 26753.

деній и впослѣдствіи фабрикъ и, уничтоживъ кагалы, подчинить всѣхъ Евреевъ городскимъ управленіямъ. Можетъ быть, и устройство правительствомъ ремесленныхъ заведеній имѣло бы такой же результатъ, какъ и устойство Еврейскихъ земледѣльческихъ колоній; во всякомъ случаѣ, для Евреевъ было бы сдѣлано все возможное, чтобы облегчить имъ переходъ отъ шинкарства и ростовщичества къ производительному труду.

Неудовлетворительность началъ и мѣръ по реформѣ быта Евреевъ, установленныхъ положеніемъ 1804 г., была сознана правительствомъ въ концѣ царствованія императора Александра I, и въ 1823 г. былъ высочайше утвержденъ „Особый комитетъ для лучшаго устройства Евреевъ". Причина и цѣль его учрежденія опредѣлены въ слѣдующихъ словахъ положенія Комитета Министровъ: „Комитетъ, усматривая, *сколь важный вредъ происходитъ отъ водворенія Евреевъ въ селеніяхъ какъ въ Бѣлоруссіи, такъ и въ другихъ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ*, признаетъ, что къ отвращенію зла, ими причиняемаго, одни частныя распоряженія не могутъ быть достаточны и для того... полагаетъ составить изъ членовъ Комитета Министровъ особый комитетъ, который бы занялся подробнымъ соображеніемъ о всѣхъ вообще Евреяхъ, въ Россіи находящихся и, разсмотрѣвъ изданныя доселѣ постановленія объ нихъ, изложилъ мнѣніе свое, *на какомъ основаніи удобнѣе и полезнѣе было бы учредить пребываніе ихъ въ государствѣ, какія обязанности должны они нести въ отношеніи къ правительству; словомъ, чтобы комитетъ начерталъ вообще все, что можетъ принадлежать къ лучшему устройству гражданскаго положенія сего народа*" [23]).

Вновь учрежденнымъ комитетомъ было составлено новое положеніе о Евреяхъ уже въ царствованіе императора Николая I, къ законамъ котораго по Еврейскому вопросу мы теперь и перейдемъ.

VIII.

Императоръ Николай I, строго руководствуясь началами Православія и Русской исторіи въ управленіи государствомъ, естественно долженъ былъ руководствоваться тѣмъ же въ изданіи законовъ и по Еврейскому вопросу или, другими словами, возвратиться къ взгляду на Евреевъ Русскихъ государей до императрицы Екатерины II-й. Какъ въ законахъ, изданныхъ въ первые годы царствованія императора Николая, такъ и въ послѣдующихъ, особенно въ положеніи 1835 г., выраженъ ясно взглядъ на Евреевъ, какъ на людей по ученію и дѣятельности вредныхъ, для обращенія которыхъ въ полезныхъ гражданъ установлены разнообразныя поощрительныя и стѣснительныя мѣры, вмѣстѣ съ мѣрами, ограждающими коренное населеніе отъ Еврейской вредоносности. Въ числѣ этихъ мѣръ есть ошибочныя, по очевидному незнакомству правительства со многими темными сторонами Еврейскаго быта, и очень суровыя; но въ нихъ настойчиво преслѣдуются указанныя цѣли.

---

[23]) П. С. З. т. XXXVIII, № 29443.

Въ первый же годъ царствованія императора Николая состоялось высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ денежной платы съ Евреевъ, установленной императрицею Екатериною II-ю вмѣсто натуральной рекрутской повинности, и изданъ „Уставъ о рекрутской повинности и военной службѣ Евреевъ". Въ высочайшемъ повелѣніи высказана увѣренность, что „образованіе и способности, кои пріобрѣтутъ Евреи въ военной службѣ, по возвращеніи ихъ изъ оной, послѣ выслуги законныхъ лѣтъ, сообщатся ихъ семействамъ для вящей пользы и лучшаго успѣха въ ихъ осѣдлости и домашнемъ хозяйствѣ" [24]). Въ уставѣ возрастъ рекрутовъ-Евреевъ опредѣленъ отъ 12 до 15 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы малолѣтнихъ изъ нихъ отдавать въ заведенія, учрежденныя для приготовленія къ военной службѣ до 18-ти-лѣтняго возраста, съ котораго считалась дѣйствительная служба. Этою мѣрою правительство имѣло цѣлью давать малолѣтнимъ Евреямъ-кантонистамъ воспитаніе въ христіанскомъ духѣ и способствовать переходу ихъ въ христіанство. Но какъ ни была хороша такая цѣль, нельзя не замѣтить, что принятая мѣра, чтобы ее осуществить, имѣла принудительный видъ и возбуждала сильное неудовольствіе между Евреями, которые старались всевозможными средствами уклоняться отъ рекрутской повинности. Ошибочною мѣрой слѣдуетъ признать и освобожденіе отъ рекрутской повинности Еврейскаго купечества всѣхъ гильдій, такъ какъ для уклоненія отъ нея Евреи еще болѣе, чѣмъ прежде, стали записываться въ купцы и заниматься торговлей, значительно умноживъ и безъ этого многочисленный и вредный классъ Евреевъ-торговцевъ. Распространеніе же по уставу такого преимущества на Евреевъ, кончившихъ курсъ съ отличіемъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, земледѣльцевъ, ремесленниковъ-мастеровъ и работающихъ на фабрикахъ, вполнѣ соотвѣтствовало цѣли правительства поощрить Евреевъ къ производительному труду и если оно не имѣло успѣха, какъ и поощрительныя мѣры императора Александра I, то въ этомъ виноваты сами Евреи, считающіе земледѣліе, ремесленныя и фабричныя занятія рабскимъ трудомъ. Между тѣмъ, Евреямъ необходимо было обратиться къ ремесламъ и фабричнымъ работамъ еще и потому, что правительство снова принялось за выселеніе Евреевъ изъ деревень въ города. Въ 1827 г. состоялось высочайшее повелѣніе объ исполненіи этой мѣры въ чертѣ осѣдлости, начиная съ Гродненской губерніи [25]). Встрѣтивъ прежнія затрудненія, правительство въ 1833 г. пріостановило выселеніе Евреевъ въ губерніяхъ Подольской, Волынской и Кіевской и разрѣшило даже Евреямъ тѣхъ губерній, въ которыхъ имъ дозволено временно жить въ селеніяхъ, содержать корчмы для огражденія отъ убытковъ казны [26]). Съ 1827 же года издаются распоряженія о высылкѣ Евреевъ изъ городовъ Кіева, Николаева и Севастополя, такъ какъ пребываніе въ нихъ Евреевъ признано вреднымъ [27]); а въ 1828 г. воспрещено по-

---

[24]) В. П. С. З. т. II, № 1329.

[25]) В. П. С. З т. II, № 1582.

[26]) В. П. С. З. т. IX, № 7645.

[27]) В. П. С. З. т. II, № 1583 и т. IV, № 8286.

стоянное жительство въ чертѣ осѣдлости Евреямъ Царства Польскаго, „дабы преградить чрезвычайное размноженіе сихъ людей въ Россіи, болѣе вредныхъ, нежели полезныхъ для государства“ [28]). Одновременно съ этими ограничительными законами, правительство продолжало принимать мѣры для поощренія Евреевъ къ переходу въ христіанство. Такъ Евреи, принявшіе христіанство, освобождались на три года отъ податей [29]). Малолѣтнимъ Евреямъ дозволено переходить въ христіанство безъ согласія родителей по разрѣшенію министра внутреннихъ дѣлъ [30]).

Всѣ приведенные нами законы и другіе, изданные съ начала царствованія императора Николая до 1835 г., имѣли характеръ отдѣльныхъ мѣръ; въ 1835 же году было опубликовано новое обширное положеніе о Евреяхъ при указѣ слѣдующаго содержанія: „Въ 1804 г. издано было особое положеніе о гражданскомъ устройствѣ Евреевъ, но при введеніи сего положенія въ дѣйствіе открылись затрудненія, указавшія необходимость нѣкоторыхъ въ ономъ перемѣнъ. Послѣдствіемъ сихъ затрудненій и возникшихъ съ теченіемъ времени нуждъ и случаевъ были многія частныя и отдѣльныя о Евреяхъ постановленія. По разнообразію ихъ началъ и по происшедшимъ отъ того неудобствамъ въ исполненіи, признано было нужнымъ поручить особому комитету, обозрѣвъ всѣ доселѣ изданныя о Евреяхъ положенія и сообразивъ ихъ съ указаніями опыта, составить общее положеніе, объемлющее права ихъ и обязанности, какъ личныя, такъ и по имуществамъ, съ тѣми изъ общихъ законовъ изъятіями, какія по вѣрѣ Евреевъ, образу ихъ жизни и мѣсту водворенія представятся необходимыми. *Главною цѣлью сего положенія постановлено было устроить положеніе Евреевъ на такихъ правилахъ, кои бы, открывая имъ свободный путь къ снисканію безбѣднаго содержанія упражненіями въ земледѣліи и промышленности и къ постепенному образованію ихъ юношества, въ тоже время преградили имъ поводы къ праздности и незаконнымъ промысламъ*“ [31]).

Въ началѣ положенія подробно указываются мѣста жительства Евреевъ въ чертѣ постоянной ихъ осѣдлости [32]). Далѣе оно требовало, чтобы всѣ Евреи были приписаны къ своимъ обществамъ по городамъ, хотя бы жили въ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ, подчинивъ ихъ, къ сожалѣнію, не государственнымъ властямъ, а кагалу, который долженъ былъ „наблюдать, подъ строгою отвѣтственностью, чтобы предписанія начальства, къ сословію мѣст-

---

[28]) В. П. С. З. т. III, №. 2558.

[29]) В. П. С. З. т. V, № 395.

[30]) В. П. С. З. т. VII, № 5260.

[31]) В. П. С. З. т. V, № 8054.

[32]) Евреямъ было дозволено проживать въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Кіевской, Екатеринославской, Херсонской, Полтавской и въ двухъ областяхъ: Бессарабской и Бѣлостокской, въ городахъ (за исключеніемъ городовъ Кіева, Николаева и Севастополя), селеніяхъ (кромѣ казачьихъ и казенныхъ селеній Черниговской и Полтавской губерній) и деревняхъ; въ Витебской и Могилевской за исключеніемъ селеній и въ Курляндской и Лифляндской тѣмъ Евреямъ, которые жили въ нихъ осѣдло до послѣдней ревизіи. Запрещеніе Евреямъ селиться въ 50-ти верстной полосѣ отъ границы было подтверждено.

ныхъ жителей изъ Евреевъ принадлежащія, были исполнены въ точности". Другая сдѣланная въ положеніи ошибка, по недостаточному знакомству составителей его съ Еврейскимъ бытомъ, заключалась въ томъ, что на раввина, кромѣ обязанности блюстителя и истолкователя Еврейскаго закона, было возложено совершеніе обрядовъ обрѣзанія, бракосочетанія, бракорасторженія и погребенія, совершаемыхъ самими Евреями. Въ правилахъ положенія 1804 г. относительно образованія Евреевъ, положеніемъ 1835 г. не сдѣлано измѣненій; только § 111 было дозволено Евреевъ-докторовъ медицины, по засвидѣтельствованію министромъ народнаго просвѣщенія объ отличныхъ способностяхъ ихъ, принимать въ учебную и гражданскую службу, съ особаго высочайшаго разрѣшенія. Точно также Евреямъ-земледѣльцамъ оставлены безъ измѣненія дарованныя имъ прежде льготы въ податяхъ и повинностяхъ.

Какъ ни старалось правительство положеніемъ 1835 опредѣлить необходимыя ограничительныя и поощрительныя мѣры для предупрежденія законныхъ промысловъ Евреевъ и обращенія ихъ въ полезныхъ гражданъ, съ 1836 г. ему пришлось издавать законы о новыхъ такихъ мѣрахъ или объ исправленіи прежнихъ по указанію опыта, и въ этомъ направленіи законодательство о Евреяхъ шло до конца царствованія императора Николая. Въ 1836 г. Евреямъ была запрещена продажа питей въ помѣщичьихъ селеніяхъ Новороссійской губерніи и Бессарабской области [33]). Въ 1837 г. состоялось высочайшее повелѣніе не назначать въ карантинную стражу *людей дурной нравственности и нижнихъ чиновъ изъ Евреевъ* [34]). Сыновьямъ Евреевъ-солдатъ дозволено жить при своихъ родителяхъ внѣ „черты осѣдлости", если послѣдніе изъявятъ согласіе на зачисленіе дѣтей въ число кантонистовъ [35]). Нижнимъ военнымъ чинамъ изъ Евреевъ, по окончаніи срока военной службы, воспрещено проживать внѣ черты осѣдлости [36]).

Въ 1837 г. было учреждено „Попечительство надъ Еврейскими колоніями" въ Херсонской губерніи для надзора за порядкомъ и веденіемъ хозяйства въ этихъ колоніяхъ; но по своему составу оно не соотвѣтствовало этой цѣли, такъ какъ въ попечительство опредѣлено назначить отставныхъ военныхъ— на должность управляющаго колоніями штабъ-офицера, на должности его двухъ помощниковъ оберъ-офицеровъ и на должности смотрителей надъ колоніями унтеръ-офицеровъ [37]), которые по своей прошлой дѣятельности не могли удовлетворительно знать сельское хозяйство и, слѣдовательно, не могли руководить колонистовъ въ занятіяхъ земледѣліемъ.

Въ виду облегченія Евреямъ перехода въ христіанство, въ 1842 г. были высочайше утверждены „Правила для Евреевъ, принимающихъ христіанскую вѣру", которыми опредѣлено: если у принимающихъ христіанство Евреевъ есть малолѣтнія дѣти до семилѣтняго возраста, то слѣдуетъ крестить и ихъ.

[33]) В. П. С. З. т. XI, №№ 8695 и 9155.
[34]) Тамъ же, № 10159.
[35]) Тамъ же, № 11040.
[36]) В. П. С. З. т. XI, № 11386.
[37]) В. П. С. З. т. XIX, № 18562.

Въ случаѣ принятія христіанства только отцемъ или матерью необходимо крестить: въ первомъ случаѣ —сыновей, во второмъ дочерей. Принявшимъ христіанство Евреямъ назначено пособіе: взрослымъ мужчинамъ и женщинамъ отъ 15-ти до 30 рублей, а дѣтямъ—половину этого пособія.

Въ 1844 г. правительство исправило неудачную мѣру о попечительствѣ надъ Еврейскими колоніями въ Херсонской губерніи изданіемъ „Положенія о Евреяхъ-земледѣльцахъ". Въ управленіе колоніями, вмѣсто отставныхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, назначены чиновники съ подчиненіемъ ихъ губернской администраціи. Евреямъ-колонистамъ, какъ и государственнымъ крестьянамъ, предоставлено было выбирать старшинъ и другихъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія. Для поощренія Евреевъ къ земледѣлію, положеніемъ предоставлялись имъ важныя преимущества. Такъ переходъ въ земледѣльцы былъ дозволенъ и Евреямъ, находившимся на очереди къ отбыванію рекрутской повинности, цѣлыми семействами. Всѣ Евреи-колонисты освобождались отъ этой повинности на 25 лѣтъ. Имъ разрѣшено селиться на казенныхъ земляхъ въ чертѣ осѣдлости, а также на земляхъ, купленныхъ или арендованныхъ ими, съ выдачею пособій изъ суммъ коробочнаго сбора. Кромѣ того, колонисты могли въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ поселенія „для пріобрѣтенія необходимыхъ познаній въ земледѣліи" нанимать рабочихъ изъ христіанъ-земледѣльцевъ свободнаго состоянія, освобождались еще на 10 лѣтъ отъ всѣхъ казенныхъ податей и повинностей, а также и отъ платежа недоимокъ по прежнему состоянію. Для поощренія Евреевъ-земледѣльцевъ были установлены медали, награды.

Если прежнія поощрительныя мѣры для привлеченія Евреевъ къ земледѣлію были недостаточны или суровы (какъ приведенный законъ 1837 г. о попечительствѣ изъ отставныхъ военныхъ надъ Евреями-колонистами) и отчасти оправдывали ихъ уклоненіе отъ земледѣльческаго труда: то въ законѣ 1844 г. правительство приняло всѣ мѣры, какія только могло принять для поощренія Евреевъ къ этому занятію, и все-таки безуспѣшно. Такой печальный результатъ стараній правительства пріучить Евреевъ къ земледѣлію былъ очевиденъ еще въ царствованіе императора Николая, но лишь 30 Мая 1866 г. состоялось высочайшее повелѣніе прекратить дальнѣйшее поселеніе Евреевъ на казенныхъ земляхъ [38]). По словамъ П. Чубинскаго, осматривавшаго въ шестидесятыхъ годахъ Еврейскія колоніи въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ, онѣ „представляютъ мерзость запустѣнія; главная масса труда падаетъ на работниковъ-христіанъ, нанимаемыхъ Евреями-земледѣльцами. На колонистахъ накопились громадныя недоимки безъ всякой надежды взысканія". Неудача устройства колоній произошла, по мнѣнію Чубинскаго, отъ того, что „каждый Еврей считаетъ себя рожденнымъ для коммерціи и почти презираетъ ремесла" [39]). Чтобы не возвращаться къ вопросу о безуспѣшности Еврейскихъ колоній по нежеланію Евреевъ заниматься земледѣліемъ

[38]) В. П. С. З. т. XLI, № 43354.

[39]) «Голосъ» 1873 г. № 56.

что въ послѣдніе годы оспаривается Еврейской печатью и нѣкоторыми юдофилами, мы сошлемся на оффиціальныя свѣдѣнія. Директоръ департамента общихъ дѣлъ министерства государственныхъ имуществъ Трироговъ, совершившій поѣздку въ Екатеринославскую губернію для изученія быта Еврейскихъ колоній, нашелъ, что онѣ не достигли цѣли, съ какою были устроены, и затраты на улучшеніе ихъ быта являются излишними [40]). К. К. Случевскій, командированный Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ въ Херсонскую и Екатеринославскую губерніи для осмотра Еврейскихъ колоній, въ статьѣ, напечатанной въ Апрѣльской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1890 г., говоритъ, что самый внѣшній видъ Еврейскихъ колоній возбуждаетъ удручающее чувство, такъ какъ онѣ имѣютъ видъ степныхъ кочевокъ—безъ садовъ, безъ огородовъ, безъ мельницъ и т. д. Незначительное разбогатѣвшее меньшинство колонистовъ беретъ землю за низкую арендную плату у остальныхъ своихъ односельцевъ, занимающихся торговлей или ремеслами. Наконецъ, чинами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, изслѣдовавшими состояніе Еврейскихъ колоній, былъ составленъ для коммиссіи по-еврейскому вопросу докладъ, въ которомъ сгруппированы многочисленныя данныя, свидѣтельствующія о полной безуспѣшности Еврейской колонизаціи. Несмотря на значительные душевые надѣлы (не менѣе 4 дес.), состояніе хозяйствъ весьма плохое: хозяйственныя строенія и инвентарь находятся въ полномъ упадкѣ; почти во всѣхъ колоніяхъ—масса брошенныхъ по нерадѣнію хозяйствъ; школъ нѣтъ. Единенія съ сосѣдними поселянами не только не существуетъ, но почти вездѣ замѣчаются крайне натянутыя отношенія и т. д. Всѣ эти обстоятельства побудили изслѣдователей современнаго состоянія Еврейскихъ колоній высказать мнѣніе, что на будущее время такія колоніи устраивать не слѣдуетъ и освобождающіяся отъ умершихъ и исключенныхъ колонистовъ земли должны поступать, на общемъ основаніи, въ число казенныхъ земель. Также должно быть поступлено и съ запасными участками колонистскихъ земель, на которые теперь имѣютъ притязаніе Еврейскіе колонисты [41]). Не смотря на приведенныя нами оффиціальныя свѣдѣнія, доказывающія безуспѣшность Еврейскихъ колоній, находятся Русскіе писатели, которые, вмѣстѣ съ органами Еврейской печати, утверждаютъ, что Евреи-колонисты занимаются земледѣліемъ съ полнымъ успѣхомъ. Такъ г. Песковскій, въ своей книгѣ „Роковое недоразумѣніе“ (стр. 309) смѣло утверждаетъ, что „возникшія на основаніи этого закона (1844 г.) *Еврейскія земледѣльческія колоніи суть дѣйствительно земледѣльческія въ полномъ смыслѣ слова; Евреи-же, поселенные въ нихъ, честные, трудолюбивые земледѣльцы, какихъ только можно желать*“ и въ подтвержденіе такой отличной аттестаціи Евреевъ - колонистовъ ссылается на сочиненіе Улейникова „Еврейскія земледѣльческія колоніи Екатеринославской губерніи въ 1890 году“. Г. Песковскій объясняетъ, что изъ подворной переписи всѣхъ 17-ти колоній Екатеринославской губерніи, составленной г. Улей-

---

[40]) Русскія Вѣдомости 1889 г. № 332.
[41]) Сынъ Отечества 1890 г. № 330.

никовымъ, видно, что, не смотря на незначительность надѣла (3,35 дес. на душу), отсутствіе лѣса и проч., „Евреи - колонисты крѣпко сидятъ на своихъ земляхъ, *проявляя безпримѣрную, можно сказать, энергію въ преодолѣваніи невообразимо-затруднительныхъ условій.* Нѣкоторые достигли даже солидной спеціализаціи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, такъ что *хозяйства ихъ можно назвать образцовыми*"... Далѣе онъ приводитъ слѣдующее заключеніе г. Улейникова о бытѣ колонистовъ: „*Мы видимъ полную картину сельской жизни, массу земледѣльческаго труда* и довольно значительное накопленное этимъ трудомъ достояніе" [42]). На похвалы г. Улейникова Евреямъ-колонистамъ, замѣтимъ, что онъ расточаетъ ихъ колонистамъ тѣхъ колоній, о которыхъ выше мы привели отзывъ К. К. Случевскаго. Послѣдній, отвѣчая на статью Еврея А. Б. (напечатанную въ № 20 за 1890 годъ въ Еврейской „Недѣльной Хроникѣ Восхода"), въ статьѣ „Еврейскія колоніи", помѣщенной въ „Новомъ Времени" (1890 года, № 5133), не только подтвердилъ все сказанное имъ о колоніяхъ, но между прочимъ прибавилъ слѣдующее: „Помимо личнаго ознакомленія съ рабочимъ персоналомъ колоніи, ознакомленія, изъ котораго я убѣдился, что громадное большинство ихъ— портные, сапожники, жестянники и пр., что цѣлый контингентъ мужчинъ къ плугу никогда не прикасался, запречь его не умѣетъ и никогда землю не пахалъ; что множество хозяевъ совсѣмъ отсутствуютъ: что другое множество, въ самую горячую пору работы, въ Сентябрѣ, ко времени посѣщенія мною, ревизоромъ, куда-то отбыло, даже ко времени моего прибытія; что, наконецъ у многихъ хозяевъ, какъ разъ вслѣдъ за сборомъ хлѣбовъ, не имѣлось въ наличности ни половы, ни соломы, ни зерна—я имѣю и положительное свидѣтельство вполнѣ надежнаго оффиціальнаго источника, гласящее, что „ни одинъ Еврей-колонистъ свою землю положительно не обрабатываетъ, хотя какую-нибудь часть отдаетъ въ аренду сосѣдямъ - Нѣмцамъ или мѣстнымъ крестьянамъ на разныхъ условіяхъ". Тотъ же несомнѣнно-правдивый источникъ гласитъ, что „почти половина Евреевъ находится въ отлучкѣ, занимаясь разными промыслами и не имѣя ни малѣйшаго желанія заниматься когда-либо хлѣбопашествомъ". Эти слова г. Случевскаго доказываютъ, насколько заслуживаетъ довѣрія составленная г. Улейниковымъ подворная опись Еврейскихъ колоній Екатеринославской губерніи. Даже между исключительными людьми изъ всѣхъ Евреевъ-колонистовъ въ Россіи, которые занимаются земледѣліемъ, не было отличнаго и тѣмъ болѣе образцоваго хозяина, о чемъ заявляетъ г. Улейниковъ. Это доказывается тѣмъ, что въ числѣ спеціальныхъ средствъ департамента земледѣлія и сельской промышленности со 2-го Іюня 1856 г. числится неприкосновенный капиталъ въ 10 тыс. рублей, пожертвованный почетнымъ гражданиномъ Гинцбургомъ для выдачи премій отличнымъ Евреямъ-земледѣльцамъ; но до 1888 г., въ теченіе 32 лѣтъ, не нашлось ни одного достойнаго преміи Еврея [43]).

---

[42]) М. Песковскій „Роковое недоразумѣніе", стр. 310—312, изд. 1891 г.

[43]) Новое Время 1888 г., № 4515.

Какое ничтожное число переселяющихся Евреевъ въ Палестину обращается къ занятію

Ограничиваясь приведенными свѣдѣніями о безуспѣшности стараній правительства въ теченіи 88 лѣтъ [44]) (считая съ основанія первыхъ колоній въ 1804 г.) пріучить Евреевъ къ земледѣлію, мы скажемъ теперь объ остальныхъ важныхъ законахъ по реформѣ быта Евреевъ, изданныхъ въ царствованіе императора Николая.

Въ 1844 г. состоялся высочайшій указъ [45]), которымъ, въ виду того, что образованіе и происходящее отъ того убѣжденіе въ пользѣ производительнаго труда должно содѣйствовать къ улучшенію быта „Евреевъ", независимо отъ права Евреевъ обучаться въ общихъ христіанскихъ учебныхъ заведеніяхъ, определено учредить для нихъ: начальныя училища 1-го разряда; второстепенныя 2-го разряда соотвѣтствующія уѣзднымъ училищамъ и раввинскія училища для приготовленія учителей Еврейскаго закона и раввиновъ. На основаніи этого закона были учреждены въ Вильнѣ и Житомирѣ раввинскія училища, и къ концу царствованія императора Николая постепенно открылось значительное число училищъ 1-го и 2-го рязрядовъ, которыя много способствовали развитію общаго образованія между Евреями.

Также съ цѣлью улучшенія быта Евреевъ 19 Декабря 1844 года упразднены кагалы [46]). По дѣламъ полицейскимъ Евреи подчинялись городской или земской полиціи, а дѣла ихъ о правахъ состоянія, хозяйственныя и податныя переданы для производства въ думы или ратуши городовъ, гдѣ они приписаны. Кагальное управленіе было оставлено въ Курляндской губерніи, по мѣстнымъ привилегіямъ и для Евреевъ-караимовъ. Законъ объ уничтоженіи въ чертѣ осѣдлости кагаловъ [47]), какъ оффиціальныхъ Еврейскихъ управленій, имѣлъ бы хорошее вліяніе на ослабленіе отчужденности Евреевъ, если бы этимъ же закономъ не были учреждены новыя выборныя должности, въ лицѣ

земледѣліемъ, не смотря на пособія Еврейскихъ богачей, Ротшильдовъ и другихъ, можно судить по статьѣ «Еврейское населеніе въ Палестинѣ», помѣщенной въ „Сообщеніяхъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества за 1892 г." (книжка III приложеній къ журналу „Русскій Паломникъ" за 1892 г., стр. 221 и 222), въ которой между прочимъ сказано, что Еврейское населеніе въ Палестинѣ съ 18,000 душъ въ 1879 г. увеличилось въ 1890 г. до 42,455 душъ, изъ которыхъ едва десятая часть обратилась къ земледѣлію, а остальныя 9/10 частей увеличили только городское населеніе. По другимъ извѣстіямъ, ничтожная часть Евреевъ-земледѣльцевъ въ Палестинѣ, живущихъ преимущественно въ Ротшильдовскихъ колоніяхъ, занимается земледѣліемъ лѣниво, недовольна своимъ положеніемъ и постоянно интригуетъ. «Новое Время» 1889 г. № 4656.

[44]) Здѣсь невольно просится сравненіе: Русское правительство не могло въ 88 лѣтъ пріучить Евреевъ къ земледѣлію, не смотря на всѣ поощрительныя мѣры, а въ Галиціи Евреямъ понадобилось всего 17 лѣтъ, чтобы забрать въ свои руки всю земельную собственность и оставить только 1% мѣстныхъ земледѣльцевъ, которые имъ не должны. П. Б.

[45]) В. П. С. З. т. XIX, № 18420.

[46]) В. П. С. З. т. XIX, № 18546.

[47]) Въ Царствѣ Польскомъ кагалы были уничтожены еще высочайшимъ указомъ 20 Декабря 1821 г. «для отклоненія постоянныхъ жалобъ Евреевъ на ихъ притѣсненія», а въ 1824 г. постановленіемъ намѣстника установлены «божничные дозоры» изъ трехъ выборныхъ членовъ для составленія раскладокъ на содержаніе Еврейскими общинами молитвенныхъ домовъ, раввиновъ, богадѣленъ, бань и другихъ Еврейскихъ учрежденій.

которыхъ надъ ними возродился кагалъ только подъ другимъ названіемъ. Такъ въ § 16 сказано: „Евреи, живущіе въ городахъ и мѣстечкахъ, избираютъ изъ благонадежнѣйшихъ людей своего сословія сборщиковъ податей и ихъ помощниковъ"; а въ §§ 18 и 19 „сборъ (государственныхъ) податей съ Евреевъ возлагается на сборщиковъ податей, которые обязаны вести въ исправности данныя имъ приходо-расходныя книги". Властное значеніе этихъ сборщиковъ еще усилилось изданнымъ въ 1844 г. положеніемъ о существовавшемъ коробочномъ и новомъ свѣчномъ сборахъ [48]), изъ которыхъ первый предназначался на облегченіе средствъ къ бездоимочному вносу податей и исправному отбыванію повинностей, на уплату общественныхъ долговъ, на учрежденіе и содержаніе Еврейскихъ училищъ, на пособіе Евреямъ, поступающимъ въ земледѣльцы и на предметы общественнаго призрѣнія и благотворительности, а второй—исключительно на устройство Еврейскихъ училищъ. При взиманіи коробочнаго и свѣчнаго сборовъ и государственныхъ податей негласно существовавшимъ кагаламъ представилась полная возможность, черезъ сборщиковъ, какъ своихъ членовъ, и откупщиковъ, держать въ подчиненіи себѣ Еврейскую массу тѣмъ болѣе, что послѣднимъ были предоставлены широкія права, обезпеченныя содѣйствіемъ государственныхъ учрежденій. Такъ, при составленіи раскладокъ, кагалъ, черезъ сборщиковъ, устанавливалъ общественные сборы и опредѣлялъ размѣръ этихъ сборовъ и податей съ каждаго Еврея, освобождая отъ нихъ ученыхъ Евреевъ. Черезъ откупщиковъ коробочнаго сбора съ убоя скота и птицъ и тайныхъ агентовъ кагалъ строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы Евреи держались правилъ, предписываемыхъ Талмудомъ относительно Еврейской пищи—главнаго основанія для поддержки въ нихъ Іудейскаго духа.

Послѣдніе законы, изданные въ царствованіе императора Николая, также относятся къ реформѣ Еврейскаго быта. Въ 1850 г. запрещено всѣмъ Евреямъ носить особую Еврейскую одежду [49]), а въ слѣдующемъ году—брить головы и носить парики замужнимъ Еврейкамъ, и установленъ штрафъ въ 5 р., въ случаѣ неисполненія [50]). Въ 1851 г. для уничтоженія праздношатанія и неопредѣленности занятій между Евреями, объявлены „Временныя правила о разборѣ Евреевъ", которыми они были раздѣлены на пять категорій: купцовъ, земледѣльцевъ, ремесленниковъ, мѣщанъ осѣдлыхъ и мѣщанъ неосѣдлыхъ При этомъ Евреи, причисленные къ послѣдней категоріи, подверглись нѣкоторымъ ограниченіямъ въ правахъ и усиленной рекрутской повинности [51]).

Еврейская печать и нѣкоторые Русскіе юдофилы не находятъ словъ для осужденія направленія законодательства о Евреяхъ въ царствованіе императора Николая, признавая его законы собраніемъ всевозможныхъ ограничи-

---

[48]) П. С. З. т. XIX, № 18545.
[49]) В. П. С. З. т. XXV, № 24127.
[50]) В. П. С. З. т. XXVI, № 25113 и т. XXVII, № 26603.
[51]) В. П. С. З. т. XXVI, № 25766.

тельныхъ мѣръ, которыя, отличаясь суровостью и ошибками, поставили Евреевъ въ *„полугражданское“* положеніе и препятствовали сліянію ихъ съ кореннымъ христіанскимъ населеніемъ. Дѣйствительно, въ этихъ законахъ ограничительныя мѣры преобладаютъ надъ поощрительными; но это и не могло быть иначе, такъ какъ императоръ Николай, слѣдуя вѣрному взгляду на Евреевъ какъ на людей болѣе вредныхъ, чѣмъ полезныхъ для государства, постоянно находилъ подтвержденіе тому во вредной дѣятельности Евреевъ, въ ихъ уклоненіи отъ занятія производительнымъ трудомъ и отъ исполненія государственныхъ законовъ и былъ вынужденъ принимать противъ нихъ ограничительныя мѣры, чтобы „прекратить имъ поводы къ праздности и незаконнымъ промысламъ“. Если нѣкоторыя мѣры императора Николая отличались суровостью, какъ напр. пріемъ въ рекруты малолѣтнихъ Евреевъ и устройство въ 1837 г. попечительства надъ Евреями-колонистами, то подобныя мѣры въ его царствованіе и въ предшествовавшее не составляли исключенія, примѣнялись не къ однимъ только Евреямъ, а и къ кореннымъ жителямъ государства, напримѣръ въ военныхъ поселеніяхъ и управленіи ими. Во всякомъ случаѣ, для развитія образованія между Евреями и для привлеченія ихъ къ производительному труду, черезъ устройство множества училищъ и земледѣльческихъ колоній, императоромъ Николаемъ сдѣлано больше, чѣмъ для кореннаго городскаго и сельскаго населенія. Послѣднее, не смотря на тяжелыя условія крѣпостной зависимости, основало и развило ремесленную и фабричную промышленность, наприм. въ извѣстныхъ селахъ Ивановѣ, Владимирской губерніи, въ Павловѣ, Нижегородской губерніи и въ другихъ мѣстахъ, тогда какъ Евреевъ большія льготы и поощренія не могли привлечь къ занятію земледѣліемъ. Цѣлью сліянія Евреевъ съ коренными жителями государства императоръ Николай, какъ видно изъ духа всѣхъ изданныхъ имъ законовъ, вовсе не задавался, считая совершенно основательно, что это сліяніе можетъ состояться только съ принятіемъ Евреями христіанства, къ чему и были приняты имъ разныя поощрительныя мѣры. Потому нѣкоторые Русскіе юдофилы напрасно приписываютъ ему эту цѣль и указываютъ на оставленіе кагаловъ до 1844 г. и на увеличеніе власти раввиновъ, какъ на ошибочныя мѣры, которыя препятствовали ее достигнуть. Ошибочны эти мѣры вовсе не отъ того, что препятствовали сліянію Евреевъ съ кореннымъ населеніемъ (такъ какъ этого не было еще ни въ одной странѣ и не будетъ тѣмъ болѣе въ Россіи) а вслѣдствіе того, что подъ покровомъ самоуправленія, которое представляли собой кагалы, и увеличенной власти раввиновъ, Евреи приносили болѣе вреда государству, чѣмъ они могли бы приносить при подчиненіи ихъ государственной власти. Эти ошибочныя мѣры, а также и учрежденіе въ 1848 г. при департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій раввинской коммиссіи изъ предсѣдателя и четырехъ раввиновъ для разрѣшенія религіозныхъ вопросовъ [52]), способствовавшей объединенію Русскихъ Евреевъ, происходили все еще отъ недостаточнаго

---

[52]) В. П. С. З., т. XXIII, № 22276.

знакомства правительства съ ученіемъ и бытомъ Евреевъ; но это не помѣшало императору Николаю сдѣлать самое важное для правильнаго разрѣшенія Еврейскаго вопроса въ будущемъ, именно—возстановить въ изданныхъ имъ законахъ вѣрный взглядъ Русскихъ государей, до императрицы Екатерины II, на Евреевъ, какъ на людей вредныхъ въ христіанскомъ государствѣ. Подъ вліяніемъ такого взгляда изданные имъ законы, ограничивая вредность Евреевъ для кореннаго населенія въ чертѣ осѣдлости и вполнѣ ограждая отъ нея населеніе остальной Россіи, въ тоже время предоставляли Евреямъ возможность обратиться къ производительному труду и быть полезными гражданами.

IX.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра II былъ сдѣланъ правительствомъ въ третій разъ опытъ разрѣшить Еврейскій вопросъ въ либеральномъ духѣ—путемъ расширенія гражданскихъ и политическихъ правъ Евреевъ для слiянія ихъ съ кореннымъ населеніемъ. Такая цѣль предпринятаго пересмотра всѣхъ законовъ о Евреяхъ была выражена въ высочайшемъ указѣ 31 Марта 1856 г. предсѣдателю Еврейскаго комитета графу Киселеву, которымъ повелѣно: „*пересмотрѣть всѣ существующія о Евреяхъ постановленія для соглашенія ихъ съ общими видами слiянія сего народа съ коренными жителями, поколику нравственное состояніе сего народа можетъ сіе дозволить.* Для этой цѣли предоставить министрамъ, участвующимъ въ занятіяхъ комитета, составить каждому по своей части полныя предположенія касательно соглашенія постановленій о Евреяхъ, и предположенія сіи внести въ комитетъ для предварительнаго обсужденія и представленія потомъ на высочайшее благоусмотрѣніе“ [53]). Въ постановленіи Еврейскаго комитета по поводу этого указа было высказано мнѣніе, что ограниченія правъ Евреевъ вообще несовмѣстны съ государственными выгодами, потому что они способствуютъ вредному обособленію Евреевъ. Такимъ мнѣніемъ комитета, предрѣшившимъ направленіе его работъ, объясняется изданіе ряда важныхъ законовъ, много расширившихъ права Евреевъ. Такъ указами: 16 Марта 1859 г. предоставлены права жительства и торговли внѣ черты постоянной осѣдлости Евреямъ-купцамъ 1-й гильдіи и Евреямъ иностраннымъ подданнымъ при извѣстныхъ условіяхъ. 27 Ноября 1861 г. дозволено поступать на службу по всѣмъ вѣдомствамъ Евреямъ, имѣющимъ дипломы на ученыя степени доктора медицины, а также на степени доктора, магистра или кандидата по другимъ факультетамъ университета [54]). Кромѣ того, имъ разрѣшено постоянное жительство во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Имперіи для занятія торговлею и промышленностію. 28 Іюня 1865 года дозволено проживать повсемѣстно въ Имперіи механикамъ, винокурамъ, пивоварамъ и вообще мастерамъ и ремес-

[53]) В. П. С. З., с. XL № 42264.

[54]) Это переполнило университеты и интелигенцію Евреями и слѣд., какъ раньше видно въ Австріи, внесло въ умы глубокую безнравственность ихъ ученія. П. Б

ленникамъ. Указомъ 26 Декабря 1866 г. „о согласованіи уложенія о наказаніяхъ съ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“, отмѣнены статьи, въ которыхъ опредѣлялись наказанія за содержаніе Евреями у себя христіанъ въ услуженіи, въ виду того, что эти статьи несогласны съ духомъ принимаемыхъ мѣръ терпимости; наконецъ, положеніями о земскихъ учрежденіяхъ и городовымъ и судебнымъ уставомъ уголовнаго судопроизводства на Евреевъ въ чертѣ осѣдлости распространено право участія въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи и въ судѣ, въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, съ нѣкоторыми ограниченіями.

Въ царствѣ же Польскомъ, по иниціативѣ мѣстнаго управленія, указомъ 24 Мая 1862 г. были отмѣнены главныя ограниченія гражданской правоспособности Евреевъ. Этимъ закономъ имъ было дозволено покупать или пріобрѣтать инымъ способомъ въ собственность недвижимыя земскія имѣнія и во всѣхъ городахъ царства домà и всякія иныя недвижимости.

Въ высочайшемъ повелѣніи 31 Марта 1856 г. соглашеніе существующихъ постановленій о Евреяхъ съ общими видами слiянія ихъ съ коренными жителями было поставлено въ зависимость отъ нравственнаго состоянія Евреевъ. Потому естественно является вопросъ: какія же въ министерствахъ находились новыя данныя объ улучшеніи нравственности Евреевъ, чтобы составить приведенные нами законы, значительно расширившіе права Евреевъ? Намъ кажется, что данныхъ, опровергающихъ уклоненіе Евреевъ отъ исполненія государственныхъ законовъ, вредную эксплуатацію Евреями христіанскаго населенія въ чертѣ осѣдлости, ущербъ, причиняемый Евреями государственнымъ доходамъ незаконной питейной торговлей и контрабандой не было. Напротивъ, послѣ усмиренія Польскаго мятежа и учрежденія въ Сѣверо-западныхъ губерніяхъ, вмѣсто Польской, Русской администраціи, правительство получило новыя данныя о косвенномъ участіи Евреевъ въ Польскомъ мятежѣ посредствомъ доставки повстанцамъ оружія, обмундированія, провіанта, фуража, шпіоновъ и проч. и о страданіи народа отъ Еврейской эксплуатаціи. Несоотвѣтствіе приведенныхъ законовъ съ нравственной испорченностью Евреевъ объясняется ничѣмъ инымъ какъ *духомъ всѣхъ реформъ и всего образованнаго Русскаго общества шестидесятыхъ годовъ, а также недостаткомъ у правительства лицъ, хорошо знавшихъ Талмудъ*—источникъ нравственности Евреевъ. Подъ увлеченіемъ либеральными, гуманными и прогрессивными идеями, положенными въ основу всѣхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, правительство и образованное общество измѣнили взглядъ на причины нравственной испорченности и вредной дѣятельности Евреевъ. Причины эти они видѣли не въ ихъ ученіи, характерѣ и вредной для человѣчества организаціи, а въ несчастныхъ обстоятельствахъ ихъ многовѣковой, скитальческой жизни. Потому тогда установился взглядъ на Евреевъ какъ на народъ загнанный, несчастный, который съ измѣненіемъ условій жизни, какъ то при уравненіи въ правахъ съ коренныиъ населеніемъ, общемъ образованіи и разселеніи по всей Россіи, непремѣнно оставитъ дурныя черты своего характера и дѣятельности. Евреи же ремесленники еще и принесутъ большую

пользу внутреннимъ губерніямъ, въ которыхъ число ремесленниковъ недостаточно. Такой взглядъ правительства выразился въ приведенномъ нами постановленіи Еврейскаго комитета и еще яснѣе въ мнѣніяхъ его отдѣльныхъ членовъ. Министръ финансовъ Рейтернъ высказалъ, что разныя ограничительныя мѣры почти не предоставляютъ Евреямъ возможности существовать законными средствами, а министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Ланской—что, по имѣющимся въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ свѣдѣніямъ, отъ ограниченія права Евреевъ проживать внѣ черты осѣдлости всего болѣе страдаетъ классъ ремесленниковъ не только Еврейскихъ, но и христіанскихъ [55]). Русское же образованное общество въ лицѣ писателей, въ періодической и ежедневной печати, высказывалось за уравненіе Евреевъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ во имя человѣчности, цивилизаціи и т. д. Даже такой высокообразованный, талантливый и чуткій къ интересамъ Россіи писатель какъ М. Н. Катковъ и тотъ, въ шестидесятыхъ годахъ, отдавая дань общимъ увлеченіямъ, находилъ полезнымъ разселеніе Евреевъ по Россіи и оспаривалъ ихъ вредное нравственное вліяніе на христіанъ [56]). Исключеніемъ изъ этого согласнаго хора либеральныхъ писателей шестидесятыхъ годовъ былъ И. С. Аксаковъ. Отличаясь глубокою религіозностью, высокими нравственными качествами, талантомъ и знаніемъ Россіи, онъ въ первой же статьѣ, по поводу закона о допущеніи Евреевъ на государственную службу, напечатанной въ газ. „День" 16 Февраля 1862 г., доказалъ, что этотъ законъ долженъ примѣняться съ ограниченіями, такъ какъ нельзя, наприм., предположить, чтобъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода могъ сдѣлаться Еврей, и прекрасно объяснилъ сущность Еврейскаго вопроса. По его словамъ, *у христіанъ вся область человѣческой дѣятельности основана на ученіи Христа, которое Евреи отвергаютъ; какимъ же образомъ христіане могутъ дать Евреямъ—гостямъ въ своей землѣ—власть въ управленіи?* „Можно допустить Евреевъ въ разныя должности, но не въ тѣ должности, гдѣ власти ихъ подчиняется быть христіанъ, гдѣ они могутъ имѣть вліяніе на администрацію и законодательство христіанской страны". Еще не зная о вредной Еврейской системѣ эксплуатаціи христіанъ и крайне враждебной для нихъ организаціи Еврейскихъ общинъ, И. С. Аксаковъ высказалъ желаніе, чтобы обезпечена была Евреямъ полная свобода быта, самоуправленія и проч... и чтобы ихъ допустили даже на жительство по всей Россіи [57]). Не смотря на умѣренность этой статьи, она, какъ говоритъ И. С. Аксаковъ въ той же газетѣ 26 Мая 1862 г., произвела истинный взрывъ негодованія во многихъ, преимущественно Петербургскихъ журналахъ, служащихъ по прогрессивной и либеральной части. Большая часть изъ нихъ съ оффиціальнымъ органомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ „Сѣверной Почтой", не представивъ никакого серьезнаго возраженія, только провозгласила отсталость и „косность" редакціи „Дня" и дала публикѣ новое

---

[55]) М. Песковскій „Роковое недоразумѣніе», изд. 1891 г., стр. 382.

[56]) Новое Время 1887 г. № 4226.

[57]) Сочиненія И. С. Аксакова, т. III, стр. 687—694. Изд. 1886 г.

свидѣтельство „своего благородства, своего великодушія, своего сочувствія къ *меньшей братіи вообще и къ угнетеннымъ въ особенности*". Объяснивъ далѣе, что либерализмъ и большая чувствительность *къ угнетеннымъ* у Петербургскихъ журналовъ, между прочимъ, происходятъ отъ подражательности Западной Европѣ, разрѣшившей либерально Еврейскій вопросъ, онъ замѣтилъ благороднымъ защитникамъ принципа допущенія Евреевъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ, что значительная часть Русскаго народа, безпоповщинцы и вообще старообрядцы, не могутъ быть избираемы въ городскія должности, а они объ этомъ не вспоминаютъ [58]). Въ статьѣ, напечатанной въ газетѣ „Москва" 15 Іюля 1867 г., Аксаковъ указалъ на противорѣчіе высказанной Еврейскою и Русскою печатью мысли, что Евреи такіе же Русскіе, только „Моисеева закона", съ существованіемъ отдѣльныхъ самоуправляющихся общинъ. По его объясненію, вѣра не можетъ служить основаніемъ для этого, потому что ни лютеране, ни католики не составляютъ отдѣльныхъ гражданскихъ обществъ, и существованіе такихъ обществъ у Евреевъ, при пользованіи ими общими гражданскими правами, есть привилегія ихъ племени [59]).

Какою властью надъ образованнымъ обществомъ въ шестидесятыхъ годахъ пользовались либеральныя идеи, видно изъ письма историка Д. И. Иловайскаго, напечатаннаго въ „Новомъ Времени" (въ № 5324-мъ 1890 г.). Оказывается, что въ то время интеллигенція центральной Россіи отличалась *полнымъ невѣдѣніемъ* объ условіяхъ быта Руси западной. Съ Еврействомъ и его значеніемъ въ этомъ краѣ были разумѣется знакомы Русскіе ученые и литераторы, воспитанные въ немъ; но они молчали о дѣйствительномъ положеніи края, потому что у нихъ, главнымъ образомъ, не хватало мужества идти противъ господствовавшихъ либеральныхъ теченій и гуманныхъ увлеченій, по которымъ Евреи считались страдальцами и угнетенными [60]). Эти слова г. Иловайскаго подтверждаются тѣмъ, что до семидесятыхъ годовъ въ Русской литературѣ не было удовлетворительнаго сочиненія по Еврейскому вопросу. О самомъ себѣ г. Иловайскій разсказываетъ, что онъ лично позна-

---

[58]) Сочиненія И. С. Аксакова, т. III, стр. 694—698, изд. 1886.

[59]) Сочиненія И. С. Аксакова, т. III, стр. 708 и 709, изд. 1886 г.

[60]) Здѣсь, кстати, замѣтимъ, что либеральныя увлеченія интеллигенціи шестидесятыхъ годовъ въ центральныхъ губерніяхъ отчасти оправдываются ея незнакомствомъ съ Еврейскимъ вопросомъ; а какое же оправданіе могутъ представить Русскіе интеллигенты, подписавшіе въ Москвѣ, въ концѣ 1890 г., петицію о расширеніи правъ Евреевъ, о чемъ было сообщено „Новымъ Временемъ" (въ № 5320-мъ 1890 г.) и другими газетами? Просто не вѣрится, чтобы это могло быть, когда всякому не только знакомому, хотя немного, съ литературой по Еврейскому вопросу, но читающему газеты должно быть извѣстно, что Евреи—народъ вредный не вслѣдствіе ограниченія ихъ гражданскихъ правъ, а по причинѣ ихъ ученія, и что дарованіе имъ равноправности народами Западной Европы принесло громадный вредъ и вызвало тамъ антисемитизмъ. И гдѣ же Русскіе интеллигенты подписали петицію о распространеніи Іудейской нравственной проказы изъ зараженной части Россіи на все государство? Въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи, въ виду историческихъ памятниковъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ, какихъ многовѣковыхъ страданій и трудовъ стоило Русскому народу устроить свое громадное государство, не желая знать, что и двадцатипятилѣтнее проживаніе въ Москвѣ Евреевъ - ремесленниковъ принесло большой вредъ ремесленной промышленности въ ней.

комился съ Западными губерніями въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и вынесъ изъ этого знакомства гнетущее чувство и коренной переворотъ въ своихъ воззрѣніяхъ на Еврейство. Въ Западныхъ губерніяхъ онъ нашелъ „сплошное непроходимое жидовство и подавленное имъ крестьянство съ полонизованнымъ слоемъ на верху. Русское торгово-промышленное сословіе, какъ оказалось, совсѣмъ съѣдено жидовствомъ“.

Въ Царствѣ Польскомъ, законы 1862 г., отмѣнившіе главныя ограниченія гражданскихъ правъ Евреевъ, какъ извѣстно, были изданы по инціативѣ графа Велепольскаго, управлявшаго тогда гражданской частью царства. Формальнымъ поводомъ къ ихъ изданію были тѣже гуманныя и либеральныя идеи; но дѣйствительною причиною была надежда черезъ дарованіе Евреямъ полноправности слить ихъ съ Поляками и обратить въ „Поляковъ Моисеева закона“, чтобы найти въ нихъ союзниковъ для устройства самостоятельной Польши, къ чему клонились вообще всѣ реформы графа Велепольскаго. Эти иллюзіи замѣчательнаго государственнаго человѣка, оставшагося по натурѣ всетаки истымъ Полякомъ-мечтателемъ, раздѣляла въ шестидесятыхъ годахъ и значительная часть Польскаго образованнаго общества и даже такой даровитый писатель и знатокъ Польскаго быта, какъ Крашевскій. Въ 1860 г. Варшавскій банкиръ Кроненбергъ пригласилъ Крашевскаго на мѣсто редактора „Gazety Polskiej“, издававшейся имъ съ цѣлью разъясненія поднятаго тогда Еврейскаго вопроса. Крашевскій съ такимъ усердіемъ сталъ защищать Евреевъ, что возбудилъ противъ себя неудовольствіе Поляковъ, которые говорили, что онъ „запродался Евреямъ“. Это вынудило его въ 1861 г. оставить Варшаву и поселиться въ Дрезденѣ [61]). Съ своей стороны Евреи тогда находили для себя выгоднымъ поддерживать Польскія иллюзіи о какомъ-то братствѣ между ними и Поляками, что̀ доказывается слѣдующими извѣстными фактами: въ 1861 г., въ Варшавѣ, они поднесли Полякамъ крестъ, а раввинъ шелъ подъ ручку съ ксендзомъ въ процессіи [62]). Многіе изъ Евреевъ разсчитывали, что если Полякамъ и не удастся, при поддержкѣ Западной Европы, устроить самостоятельное Польское государство, то для ихъ успокоенія Русское правительство дастъ Царству Польскому автономію и присоединитъ къ нему нѣкоторыя изъ Западныхъ губерній. Въ послѣднемъ случаѣ Польская администрація, дружественная Евреямъ, сохранилась бы, и они попрежнему вмѣстѣ съ нею также свободно эксплуатировали бы народъ, какъ эксплуатируютъ его въ несчастной Галиціи.

Вотъ подъ какимъ вліяніемъ были изданы приведенные нами либеральные законы.

Перемѣна во взглядѣ значительной части правительства и образованнаго Русскаго общества на Евреевъ произошла послѣ выхода въ 1870 г. извѣстной „Книги Кагала“, Я. Брафмана, выяснившаго въ ней, что вредныя стороны быта и дѣятельности Евреевъ не зависятъ отъ ограниченія ихъ

---

[61]) Всемірная Иллюстрація 1887 г. № 953.

[62]) Сочиненія И. С. Аксакова, т. III, стр. 691.

правъ [63]), а происходятъ отъ источника ихъ быта и нравственности—Талмуда. Потому прежде описанія печальныхъ послѣдствій либеральныхъ законовъ шестидесятыхъ годовъ мы должны остановиться на нѣкоторыхъ разоблаченіяхъ Брафмана о бытѣ и дѣятельности Евреевъ. Книга Брафмана въ первый разъ открыла Россіи и всему христіанскому міру сохранявшуюся въ строгой тайнѣ, мрачную картину Еврейской жизни и привела просто въ ужасъ тѣхъ Русскихъ которые съ нею познакомились [64]). Особенно ихъ поразило открытіе, что Евреи, считавшіеся угнетенными, устроили въ чертѣ своей осѣдлости настоящее (тайное) Израильское царство, раздѣленное на кагальные округа съ кагальными управленіями, облеченными деспотическою властью надъ Евреями и безчеловѣчно эксплуатирующими личность христіанъ и ихъ имущества, и то все это есть логическій результатъ ученія Евреевъ. Объ этихъ крайне вредныхъ чертахъ жизни и дѣятельности Евреевъ, которыя, главнымъ образомъ, измѣнили взглядъ на нихъ части Русскаго общества и которыя въ то же время съ ожесточеніемъ опровергались Русскою Еврейскою печатью, мы и будемъ говорить.

Въ „Книгѣ Кагала“ объясняется, что иновѣрческіе законы не обязательны для Евреевъ и что по образцу Синедріона въ каждой Еврейской общинѣ должны быть: административное управленіе съ деспотическою властью и судъ, вслѣдствіе чего въ Еврейскихъ общинахъ въ Россіи и въ настоящее время негласно существуютъ кагалы (административныя управленія) и бетъ-дины—Еврейскіе суды [65]). Эти власти имѣютъ въ своемъ распоряженіи цѣлый рядъ дисциплинарныхъ и тяжелыхъ наказаній, чтобы принудить Евреевъ имъ повиноваться и исполнять правила Талмуда, обряды и національные обычаи. Напримѣръ, кагалъ можетъ подвергать виновныхъ исключенію изъ мѣстной Еврейской общины (Шамта или Нидуй) и исключенію изъ всего Израиля (херемъ), если исключенный Шамтою не покорится въ продолженіи 30 дней [66]). „Бетъ-Динъ“ же по словамъ „Туръ-Хошенъ-Гамишпотъ“ (св. Еврейск. законъ), 2-й стат. имѣетъ власть наказывать плетью неподлежащаго наказанію плетью, убивать—неподлежащаго смертной казни, не съ цѣлью нарушенія закона, а для поддержанія его согласно требованію времени“. Хотя еще до разоренія Іерусалима Титомъ, Римляне отняли у Синедріона право приговаривать Евреевъ къ смертной казни; но имъ пользовались замѣнившія Синедріонъ Ев-

---

[63]) Я. Брафманъ „Книга Кагала“ стр. 167. изд. 1888 г.

[64]) Русскій Міръ 1873 г. № 300.

[65]) Я. Брафманъ «Книга Кагала“ стр. XIV и XV, 74, 92 и 199.

Г. Карасевскій въ своемъ сочиненіи «Критическій разборъ Талмуда“ (стр. 34) приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Талмуда: «Въ каждомъ Израильскомъ городѣ, въ которомъ находится сто двадцать или болѣе Израильтянъ и проживаютъ въ немъ, должны учредиться малые синедріоны. А изъ сколькихъ членовъ они должны состоять? Изъ двадцати трехъ“. (Гилхотъ Синедріонъ 1, 3) и другое мѣсто (стр. 24), по которому каждый Еврей долженъ слѣпо повиноваться Синедріону, «даже если онъ (Синедріонъ) тебѣ скажетъ, что твоя правая рука есть лѣвая, а лѣвая правая».

[66]) Я. Брафманъ „Книга Кагала“, стр. 188.

рейскія власти въ бывшей Польшѣ [67]). Съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ ея областей къ Россіи и съ подчиненіемъ находящихся въ нихъ Евреевъ дѣйствію общихъ законовъ, кагалы не могли подвергать ихъ какимъ бы то ни было наказаніямъ; между тѣмъ они продолжали негласно судить и наказывать Евреевъ и дѣлаютъ это и въ настоящее время, не затрудняясь даже подвергать смертной казни предателей и отступниковъ отъ вѣры, черезъ тайныхъ преслѣдователей [68]). Мало того, по распоряженію кагала трупы умершихъ Евреевъ, неисполнявшихъ приказаній кагала и беть-дина и вообще Еврейскихъ правилъ, подвергаются возмутительнымъ поруганіямъ Еврейскими погребальными союзами [69]).

Не менѣе деспотическія и безнравственныя отношенія Еврейскихъ властей установлены Талмудомъ къ правамъ Евреевъ по имуществу и особенно къ личности и имуществу неевреевъ. Такъ въ силу правилъ о „Хезкатъ-Іисубъ“ „мѣстный кагалъ имѣетъ право все, что̀ входитъ въ раіонъ данной территоріи подчинить своей власти; опираясь на нихъ, онъ считаетъ себя хозяиномъ всѣхъ имуществъ, какъ Еврейскихъ, такъ и христіанскихъ, лежащихъ въ его раіонѣ“ [70]); а потому воспрещаетъ или разрѣшаетъ жительство иногороднимъ Евреямъ въ управляемой имъ общинѣ; укрѣпляетъ сдѣлки между Евреями о куплѣ и продажѣ [71]); продаетъ Евреямъ право эксплуатаціи личности нееврея (меропія) и право эксплуатаціи имущества нееврея (хазака). Примѣненія въ жизни этихъ двухъ видовъ эксплуатаціи Евреями неевреевъ объясняются Брафманомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Если у Еврея есть меропія [72]) нееврей, то въ однихъ мѣстахъ беть-динъ (судъ) воспрещаетъ другимъ Евреямъ дѣлать подрывъ (тому Еврею, который имѣетъ за собою этого меропію) и имѣть дѣла съ этимъ неевреемъ, а въ иныхъ мѣстахъ разрѣшаетъ и другимъ Евреямъ ходить къ этому нееврею, давать ему деньги въ ростъ, имѣть съ нимъ дѣла, давать ему подкупъ и вытягивать съ него (эксплуатировать его); ибо имущество нееврея свободно (гефкеръ) и кто имъ

---

[67]) Я. Брафманъ „Книга Кагала“, стр. 74 и 75.

[68]) Я. Брафманъ приводитъ три подобныхъ случая, изъ которыхъ одинъ доказанъ судомъ, именно: убійство Еврея Хацкеля Пороховника въ 1873 г., за доносы на Шкловскій кагалъ, тремя Евреями - солдатами, которые были наняты для этого тайнымъ преслѣдователемъ Евреемъ Богузо. Одинъ изъ убійцъ показалъ, что его убѣждали убить Пороховника,говорили, что за него вступятся (кагальные), а раввинъ сказалъ, «что по Еврейскому закону такого человѣка (ослушника кагала) убить можно». Богузо и трое убійцъ были приговорены судомъ къ каторжнымъ работамъ. «Книга Кагала», стр. 194—196.

[69]) На глазахъ цѣлаго семейства и постороннихъ зрителей—говоритъ Брафманъ—служки союза при омовеніи трупа наносятъ ему щипки, толчки, оплеухи, сопровождая ихъ оскорбительными ругательствами, при чемъ каждый изъ нихъ или изъ членовъ союза, желая показать свою ревность въ вѣрѣ, старается перещеголять товарищей своими неистовствами» „Книга Кагала“, стр. 281, изд. 1888 г.

[70]) „Книга Кагала“, стр. 129.

[71]) «Книга Кагала», стр. 116—119.

[72]) Меропія означаетъ въ частности кліента, въ широкомъ же смыслѣ слова—постояннаго покупателя въ отношеніи къ продавцу, заказчика въ отношеніи къ ремесленнику, заемщика къ кредитору и т. д. «Книга Кагала», стр. 126.

раньше завладѣетъ, тому оно и принадлежитъ [73]). Для того чтобы имѣть возможность исключительно, безъ вторженія другихъ Евреевъ, осуществлять свое право на меропію (нееврея), Еврей долженъ купить это право у кагала: и вотъ сегодня кагалъ продаетъ Еврею право на его меропію, нееврея Иванова, завтра онъ продаетъ Еврею Б. право на исключительную эксплуатацію цѣлой группы лицъ, служащихъ въ какомъ-либо учрежденіи и т. д. Однимъ словомъ, личность нееврея, безправная съ точки зрѣнія іудейства, продается, составляетъ для кагала предметъ торговли. Нечего говорить, что существованіе права меропіи тщательно скрывается отъ иновѣрческаго глаза и уха, наравнѣ съ другимъ, еще болѣе рельефнымъ правомъ, о которомъ будетъ сказано ниже. Тѣмъ не менѣе, кто знакомъ съ жизнью христіанскаго населенія Сѣверо и Юго-западнаго края, тотъ безспорно признаетъ тотъ фактъ, что нѣтъ тамъ христіанина, особенно непролетарія, нѣтъ такого учрежденія, нѣтъ и такой крестьянской общины, при которой не состоялъ бы какой-нибудь Еврей; факторъ, шинкарь или перекупщикъ, онъ всегда съумѣетъ втереться, сдѣлаться сначала необходимымъ, а впослѣдствіи и неизбѣжнымъ; но ни отдѣльному лицу, ни учрежденію, ни общинѣ неизвѣстенъ тотъ фактъ, что это вначалѣ какъ бы случайное и впослѣдствіи упорное вмѣшательство Еврея въ дѣла и жизнь ихъ основано на правѣ, купленномъ даннымъ Евреемъ у кагала, съ условіемъ безконкурентнаго со стороны другихъ Евреевъ имъ пользованія" [74]).

Имущество нееврея свободно, говоритъ законъ [75]); *имущество нееврея — что пустыня свободная*", сказано въ другомъ мѣстѣ [76]); а раввинъ Іосифъ Кулунъ, одинъ изъ авторитетнѣйшихъ Еврейскихъ законодательныхъ комментаторовъ, прибавляетъ: „*имущество нееврея—что озеро свободное*" [77]). Согласно такому взгляду закона и толкователей его, кагалъ, руководясь правилами „Хезкатъ-Іисубъ"... и словами закона: „*кто раньше имуществомъ нееврея завладѣетъ, тому оно и принадлежитъ*", предоставляетъ каждому Еврею возможность завладѣть этимъ имуществомъ, если только послѣдній купитъ у кагала „хазаку" на него, т. е. право на владѣніе этимъ имуществомъ. Покупая „хазаку" на недвижимое имущество христіанина, Еврей пріобрѣтаетъ право исключительнаго владѣнія этимъ имуществомъ или точнѣе исключительнаго воздѣйствія на него, вліянія на это имущество. Опираясь на „хазаку", владѣлецъ ея проявляетъ свою дѣятельность по отношенію ко имуществу христіанина въ двоякомъ направленіи: 1) онъ старается окончательно завладѣть этимъ имуществомъ и 2) онъ устраняетъ конкурренцію другихъ Евреевъ на него" [78]).

---

[73]) «Хошенъ-Гамишпотъ», стр. 156. и „Мордехай» тр. „Баба батра" гл. 8 Логахноръ. Примѣчаніе Брафмана. «Книга Кагала», стр. 126.

[74]) Я. Брафманъ «Книга Кагала», стр. 126—128. изд. 1888 г.

[75]) Хошенъ-Гамишпотъ, стр. 156. Примѣчаніе Брафмана. „Книга Кагала", стр. 129.

[76]) Талмудъ тр. Баба-батра стр. 55. Примѣч. Брафмана „Книга Кагала" стр. 129.

[77]) Юрид. респонсы С. Кулуна. Кремона 1552 г. № 132. Примѣч. Брафмана. „Книга Кагала", стр. 129.

[78]) Я. Брафманъ „Книга Кагала", стр. 127, 129 и 130. изд. 1888 г.

Такимъ образомъ, изъ описанія г. Брафмана управленія Еврейскими общинами и системы эксплуатаціи Евреями иновѣрцевъ [79]) оказывается, что все это (какъ и другія темныя черты быта и дѣятельности Евреевъ) установлено ихъ вреднымъ устнымъ ученіемъ—Талмудомъ, съ давнихъ временъ, очевидно, съ цѣлью охраны Іудейства отъ разложенія насильственными мѣрами и поддержанія преимуществъ и благосостоянія Евреевъ надъ всѣми народами дозволеніемъ Евреямъ безгранично эксплуатировать послѣднихъ.

X.

Послѣ выхода „Книги Кагала" въ 1870 г., Русскіе Евреи были очень встревожены сдѣланными въ ней разоблаченіями ихъ вреднаго ученія, организаціи и темныхъ сторонъ жизни [80]) и множествомъ газетныхъ статей и брошюръ старались опровергнуть эти разоблаченія, доказывая, что они ложны и основаны на неправильныхъ толкованіяхъ Талмуда и на поддѣльныхъ документахъ. Въ одномъ изъ подобныхъ сочиненій, въ брошюрѣ „О книгѣ Кагала" (изд. 1872 г.) И. Шершевскаго, отвергаются всѣ тѣ черты жизни и дѣятельности Русскихъ Евреевъ, которыя мы привели изъ „Книги Кагала". Г. Шершевскій, не возражая противъ точности приведенныхъ Брафманомъ выдержекъ изъ Талмуда о Меропіи (эксплуатаціи личности не-Еврея) и Хазаки (эксплуатаціи имущества не-Еврея) утверждаетъ, что Хазака прекратила свое существованіе почти столѣтіе и что правила Меропіи и Хезкатъ-Ішубъ не примѣнялись въ бывшей Рѣчи Посполитой. Кромѣ того, онъ отвергаетъ существованіе кагаловъ, уничтоженныхъ въ 1844 г., и обычая подвергать тѣла умершихъ Евреевъ поруганіямъ и, между прочимъ, исправляя выдержку г. Брафмана изъ Талмуда о необязательности для Еврея государственнаго закона, приводитъ ее въ слѣдующихъ словахъ: „Законъ государственный—законъ, имѣетъ значеніе въ тѣхъ только случаяхъ, когда онъ клонится къ пользѣ государя или благосостоянію жителей страны, *но не чтобы (Евреи) судились по законамъ не-Еврейскимъ; ибо тогда упразднятся всѣ законы Израиля*" [81]).

Мы считаемъ излишнимъ разбирать, какъ толкуетъ г-нъ Шершевскій цитаты изъ Талмуда о правилахъ Хазаки, Меропіи и Хезкатъ-Ішубъ потому что это объяснено, согласно съ Я. Брафманомъ, С. Я. Диминскимъ, въ его сочиненіи „Евреи. Ихъ вѣроученіе и правоученіе" (стр. 142—149 и 151) и потому что послѣ изданія „Книги Кагала" прошло болѣе 20-ти лѣтъ,

---

[79]) Въ подтвержденіе и объясненіе этой эксплуатаціи и вообще разнообразной дѣятельности кагала и бетъ-дина, къ „Книгѣ Кагала" приложено болѣе тысячи документовъ.

[80]) Вотъ что свидѣтельствуетъ объ этомъ г. К. Р—кій, авторъ большой статьи «Евреи въ Южной Россіи», помѣщенной въ 10-ти нумерахъ „Русскаго Міра" за 1873 г.: „Мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія, что въ нѣкоторыхъ Западно-Русскихъ городахъ, Евреи тотчасъ по появленіи въ книжныхъ магазинахъ «Книги Кагала» Я. Брафмана, раскупили ее до послѣдняго экземпляра, съ цѣлью, чтобы она не получила извѣстности между читающими Русскими». «Русскій Міръ" 1873 г., № 300.

[81]) И. Шершевскій „О Книгѣ Кагала", стр. 100, 121, 137, 20, 15, изд. 1872 г.

и въ этотъ періодъ времени многими фактами подтвердились именно тѣ черты жизни и дѣятельности Евреевъ, существованіе которыхъ отвергали г. Шершевскій и другіе Еврейскіе писатели. Къ этимъ фактамъ мы теперь и обратимся.

Еще въ 1866 г. Я. Брафманъ представилъ документы и записки по Еврейскому вопросу Виленскому генералъ-губернатору Кауфману, который и назначилъ для ихъ разсмотрѣнія коммиссію [82]). Въ 1867 г. преемникъ Кауфмана, графъ Барановъ, въ циркулярѣ отъ 27 Августа къ губернаторамъ, уже обращаетъ ихъ вниманіе на то, „что замкнутость Евреевъ влечетъ множество злоупотребленій и тяжела для большинства ихъ самихъ, такъ какъ она способствуетъ *сохраненію въ тайнѣ кагальнаго управленія*, отмѣненнаго правительствомъ; обособленіе же Евреевъ, ставя ихъ въ независимое положеніе отъ христіанскихъ обществъ, даетъ имъ возможность злоупотреблять отношеніями къ христіанамъ, такъ какъ каждый Еврей хорошо знаетъ, что найдетъ всегда поддержку *въ своемъ общественномъ управленіи*". Это первый, по времени, правительственный документъ, удостовѣрившій справедливость словъ Брафмана въ „Книгѣ Кагала" о существованіи кагаловъ въ Еврейскихъ общинахъ. Затѣмъ, изъ II-го приложенія къ докладу высочайше утвержденной въ 1872 г., коммиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства въ Россіи, подъ предсѣдательствомъ графа Валуева [83]), мы узнаёмъ, что по свѣдѣніямъ отъ землевладѣльцевъ, „вліяніе Евреевъ дурно отражается на сельскомъ хозяйствѣ въ Сѣверо-западномъ и Юго-западномъ краѣ, въ Малороссійскихъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ. Въ Гродненской губерніи помѣщичьи имѣнія близки въ окончательному переходу въ завѣдываніе Евреевъ, а разъ покончивши съ помѣщиками, Евреи возмутся за крестьянъ. Евреи эксплуатирують всѣхъ и все; они выжимаютъ послѣднюю кроху у простолюдина, разоряютъ достояніе землевладѣльца, совращаютъ чиновника, убиваютъ промышленность. Въ ихъ рукахъ кредитъ, аренда, торговля виномъ и хлѣбомъ; какъ содержатели шинковъ, они не столько получаютъ барышей отъ продажи водки, сколько отъ обмѣровъ, обвѣсовъ и обмановъ всякаго рода, залоговъ вещей и ссуженія крестьянамъ денегъ. Аренда Евреями земли имѣетъ характеръ хищническаго истощенія ея. *Сила Евреевъ сосредоточивается въ кагалѣ*".

Переходя къ фактамъ, сообщеннымъ Русскою ежедневною печатью, замѣтимъ, что нѣкоторые изъ ея органовъ помѣстили въ семидесятыхъ годахъ большія выдержки изъ „Книги Кагала" и статьи Брафмана и, конечно, много способствовали ознакомленію своихъ читателей съ бытомъ и дѣятельностью Евреевъ [84]). Тогда-то разныя дурныя явленія въ жизни Евреевъ, которыя

---

[82]) Я. Брафманъ, «Книга Кагала», стр. XVI.

[83]) „Приложеніе II. Сводъ мѣръ, предлагаемыхъ для устраненія недостатковъ современнаго положенія сельско-хозяйственной промышленности". Отдѣлъ IX, сельско-хозяйственное законодательство. „Народное благосостояніе» пун. 6, „Вліяніе Еврейскаго населенія" стр. 8.

[84]) «Русскій Міръ» 1873 г., №№ 300, 302, 304.—«Голосъ» 1873 г., № 314; 1876 г. №№ 117, 216.

прежде не замѣчались просто по незнанію, стали описываться въ газетахъ корреспондентами изъ мѣстъ въ чертѣ осѣдлости Евреевъ и, подтвердивъ во многомъ описанные Брафманомъ ихъ бытъ и дѣятельность, постепенно установили въ значительной части Русскаго образованнаго общества взглядъ на Евреевъ какъ на людей вредныхъ по ихъ ученію и дѣятельности.

Изъ многихъ фактовъ, сообщенныхъ Русскою печатью, о существованіи и разнообразной дѣятельности кагаловъ и судовъ въ Еврейскихъ обществахъ и системѣ эксплуатаціи Евреями христіанъ, мы приведемъ слѣдующіе.

Въ 1873 г. изъ разсмотрѣннаго мировымъ судьей 3-го участка въ г. Васильковѣ, Кіевской губерніи, дѣла по жалобѣ содержателя коробочнаго сбора Еврея Лейченко на раввиновъ Волька и Абрума Кимельфельдовъ за наложеніе ими проклятія (*херема*) на продаваемое изъ Еврейскихъ лавокъ мясо и за распространеніе ложныхъ слуховъ, оказалось, что вслѣдствіе паденія цѣны на кошерные продукты Лейченко пересталъ уплачивать раввинамъ Кимельфельдамъ поступавшую въ ихъ пользу много лѣтъ, противозаконно, дополнительную плату съ этихъ продуктовъ. Разсердившись за это, они и начали распускать про него ложные слухи и разбрасывать записки, которыя по переводу казеннаго раввина оказались такого содержанія: „*Въ засѣданіи десяти, мы всѣ согласились и наложили запретъ херема,* чтобы не ѣсть съ рѣзанія Якова, рѣзника, да сотрется его имя. Кто сломаетъ заборъ, того укуситъ змѣя“ [85]). Въ г. Венгровѣ, Сѣдлецкой губерніи, въ 1890 г., въ Субботу, во время моленія, было получено письмо о распродажѣ однимъ Евреемъ „трефнаго“ (негоднаго къ употребленію Еврея) мяса отъ зарѣзанныхъ имъ коровы и теленка. Какъ только содержаніе письма сдѣлалось извѣстнымъ, раввинъ прервалъ моленіе и со всѣми находившимися въ синагогѣ Евреями бросился „очищать“ городъ. Все мясо, какое оказалось еще у Евреевъ, было выброшено, посуда побита; тѣмъ же, которые уже успѣли попробовать мяса, давались въ значительной дозѣ рвотныя и слабительныя средства. Еврейскіе праздники прошли поэтому въ Венгровѣ очень печально, а на головы преступниковъ, сдѣлавшихъ нечистымъ весь городъ, посыпались со всѣхъ сторонъ страшныя клятвы [86]). Въ г. Симферополѣ, въ 1890 г., два Еврея заявили гражданскій искъ и обвиненіе въ употребленіи фальшивыхъ гирь противъ богатыхъ Евреевъ, мясниковъ Балтинскихъ, у которыхъ они были приказчиками; но при производствѣ судебнаго слѣдствія отказались отъ иска и обвиненія. На судѣ же одинъ изъ нихъ заявилъ, что вынужденъ былъ къ первоначальному отказу насиліемъ со стороны раввина и сборщика коробочнаго сбора, воспретившихъ ему торговлю и грозившихъ полнымъ разореніемъ, если онъ не помирится съ Балтинскими [87]). Въ 1876 г., вслѣдствіе жалобы бѣдныхъ Евреевъ г. Бѣльска, Гродненской губерніи, на злоупотребленія и притѣсненія мѣстнаго кагала, по распоряженію Виленскаго генералъ-губер-

---

[85]) Голосъ 1873 г. № 212.

[86]) Новое Время 1890 г. № 5068.

[87]) Новое Время 1890 г. № 5030.

натора было произведено слѣдствіе, по которому обнаружилось существованіе въ Еврейскомъ обществѣ Бѣльска кагала, содержащаго бѣдныхъ Евреевъ въ строгомъ подчиненіи себѣ и немилосердно эксплуатирующаго ихъ, не дозволяя даже съѣсть Еврею кусокъ хлѣба безъ платы десятины (мосеръ) кагалу. Корреспондентъ, сообщившій это извѣстіе, добавляетъ, что хотя кагалъ уничтоженъ по закону, но въ дѣйствительности существуетъ [88]). Въ 1888 г., въ одномъ изъ мѣстечекъ Сквирскаго уѣзда, Кіевской губерніи, умеръ Еврей, оставившій женѣ капиталъ въ 10,000 р. Въ обычаѣ Евреевъ погребать умершихъ немедленно послѣ смерти; но этого покойника продержали отъ утра до вечера, требуя отъ вдовы 1000 р. въ пользу кагала. Однако та предложила лишь 500 р., увѣряя, что у нея нѣтъ больше денегъ. Тогда несчастную вдову заковали въ желѣзное путо, въ которомъ она находилась до тѣхъ поръ, пока не уплатила требуемую сумму. Такъ какъ потерпѣвшая получила пораненія ногъ и, кромѣ того, имущество ея было разграблено заправилами кагала, то она подала жалобу на виновныхъ судебному слѣдователю [89]). Въ 1890 г. въ Елисаветградѣ Еврейское „братство" потребовало отъ Еврея Гройсмана 200 р. за похороны его отца и отсрочило обрядъ погребенія умершаго, пока Гройсманъ не уплатилъ этихъ денегъ [90]).

Точно также какъ и въ чертѣ осѣдлости, въ Царствѣ Польскомъ, тайно существующія погребальныя братства [91]) часто вымогаютъ отъ родственниковъ умершихъ Евреевъ значительныя суммы и позволяютъ себѣ дѣлать описанныя Брафманомъ поруганія надъ трупами тѣхъ, которые при жизни отступали отъ правилъ Талмуда.

О другаго рода злоупотребленіяхъ погребальныхъ братствъ и кагаловъ разсказалъ одинъ раввинъ въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ „Виленскомъ Вѣстникѣ" за 1887 г. „У Евреевъ—говоритъ въ этихъ воспоминаніяхъ раввинъ—существуетъ особое погребальное братство, завѣдывающее погребальнымъ обрядомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ведущее списки объ умершихъ. Этими списками обыкновенно пользуются раввины для составленія по своимъ метрическимъ книгамъ записей объ умершихъ; но такъ какъ *братство это зависитъ отъ кагала, то понятно, что списки его составляются такъ, какъ укажетъ кагалъ въ своихъ интересахъ. Такъ, напримѣръ, въ семействѣ богача покажетъ всѣхъ членовъ умершими, съ цѣлью уклоненія отъ воинской повинности, а въ семействѣ бѣдняка не отмѣтитъ дѣйствительно умер-*

[88]) Голосъ 1876 г. № 243.

[89]) Новое Время 1888 г. № 4562.

[90]) Сынъ Отечества 1890 г. № 322.

[91]) Бывшая правительственная коммиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ еще въ 1822 г. распорядилась закрыть погребальныя братства за произвольное взиманіе платы за погребеніе и притѣсненія и возложила обязанности по распоряженію похоронами и взиманію за это платы на божничные дозоры (синагогальныя попечительства); но погребальныя братства тайно продолжаютъ существовать, а божничные дозоры, только для формы, показываютъ въ смѣтахъ доходовъ и расходовъ Еврейскихъ общинъ ничтожный доходъ отъ погребенія умершихъ.

шихъ, чтобы не дать ему права на льготу, какъ одиночкѣ". Борьба съ такими продѣлками бываетъ не безопасной для тѣхъ, кто желаетъ оставаться на почвѣ требованій закона. Однажды раввинъ обратилъ вниманіе на „странный фактъ почти полнаго прекращенія рожденій мальчиковъ у Евреевъ, какъ будто Еврейскія женщины по уговору перестали рождать. Недоумѣніе мое въ скоромъ времени объяснилось тѣмъ, что предусмотрительные родители не желали регистрировать новорожденныхъ съ извѣстною цѣлью избавить ихъ отъ предстоящей нѣкогда воинской повинности. Для парализованія этого излишняго чадолюбія, я обратился ко всѣмъ ученымъ Евреямъ, старостамъ и казначеямъ молитвенныхъ домовъ съ настоятельнымъ требованіемъ, чтобы о всякомъ фактѣ рожденія въ ихъ участкѣ немедленно было доводимо до моего свѣдѣнія. Кагальные чрезвычайно обидѣлись моимъ требованіемъ и захотѣли побить меня моимъ же собственнымъ оружіемъ т. е. закономъ. Въ XI т. Св. Зак. есть статья 1086, въ силу которой раввинъ обязанъ самъ совершать обрѣзаніе младенцевъ, а не предоставлять эту операцію мееламъ-операторамъ. Вотъ этою-то статьей меня было совсѣмъ поддѣли кагальные. Въ одинъ прекрасный день меня пригласили самолично совершить обрѣзаніе". Далѣе изъ разсказа раввина видно, что онъ могъ избавиться отъ отвѣтственности за отказъ совершить обрѣзаніе, которое всегда совершаютъ меелы, только благодаря снисходительности администраціи [92]).

Въ подтвержденіе злоупотребленій кагаловъ по воинской повинности и для доказательства какъ они ужасно мстятъ Евреямъ-доносителямъ на нихъ, приведемъ слѣдующій фактъ. Въ 1877 г. въ мѣстечкѣ Уцяны, Вилкомирскаго уѣзда, Ковенской губерніи, при разбирательствѣ мировымъ судьей дѣла о кражѣ, ему заявили, что Евреямъ, не достигшимъ призывнаго возраста, было показано въ подлежащихъ спискахъ по 24, 25 и болѣе лѣтъ; за нѣкоторыхъ Евреевъ были подставныя лица, которымъ по наружному виду не трудно было дать возрастъ болѣе 21 года; въ нѣкоторыхъ семействахъ были добавлены небывалыя дѣти, другимъ—уменьшены лѣта или измѣнены имена. Всякій изъ Евреевъ, кто далъ кагальнымъ депутатамъ деньги, былъ освобожденъ, а за нихъ отбывали повинность бѣдные, которымъ нечего дать. Главными обличителями этихъ злоупотребленій (о которыхъ мировой судья сообщилъ Ковенскому прокурору) были отецъ и сынъ Пресъ-Аайзены. Въ день окончанія дѣла у мироваго судьи ихъ встрѣтили угрозами защитники злоупотребленій, а черезъ нѣсколько дней имъ и еще двумъ членамъ семьи была подмѣшана въ пищу отрава. Всѣхъ ихъ нашли въ безсознательномъ положеніи съ признаками отравленія, засвидѣтельствованными прибывшимъ докторомъ. Молодые члены семьи, благодаря усердію врача, черезъ два дня немного поправились; но ихъ родители не подавали надежды на выздоровленіе [93]).

---

[92]) Новое Время 1887 г. № 4229.

[93]) Голосъ 1877 г. № 93. С. Я. Диминскій, въ своемъ сочиненіи „Евреи. Ихъ вѣроученіе и правоученіе" (стр. 170) говоритъ, что по Талмуду: «Всякаго предателя можно убивать даже въ настоящее время, и если кто, затѣявъ предательство, упорствуетъ въ своемъ намѣреніи, то убійство такого человѣка будетъ дѣломъ великаго благочестія со стороны всякаго, по-

Этотъ и предыдущіе факты, доказывая существованіе въ Еврейскихъ общинахъ кагаловъ, достаточно характеризуютъ ихъ деспотическую власть надъ Евреями. Но особенно жестоко эта власть проявляется въ разнообразныхъ насиліяхъ и даже въ убійствахъ, которымъ подвергаются Евреи, переходящіе въ христіанство. Многія лица изъ администраціи и образованнаго общества совершенно ошибочно приписываютъ такого рода преступленія исключительно религіозному фанатизму Евреевъ. Конечно, Евреи совершаютъ эти преступленія подъ вліяніемъ фанатизма, но, главнымъ образомъ, по распоряженію и при содѣйствіи кагаловъ. Это объясняется строгимъ требованіемъ Талмуда, чтобы отступники отъ религіи были подвергаемы смертной казни [94]) и обстоятельствами преступленій, напримѣръ, въ слѣдующихъ случаяхъ.

Въ 1882 г. въ Варшаву прибылъ Еврей М., учитель, съ цѣлью перейти въ христіанство. Не смотря на полученіе нѣсколькихъ писемъ, въ которыхъ угрожали его убить, если онъ это сдѣлаетъ, М. принялъ христіанство и черезъ нѣсколько дней послѣ того посѣтилъ своихъ родственниковъ на Гусиной улицѣ. Когда М. возвращался домой, то на него напало нѣсколько Евреевъ, которые мгновенно накинули ему на голову мѣшокъ, повалили на землю и начали жестоко бить. При приближеніи полиціи они разбѣжались, и никто изъ нихъ не былъ задержанъ и открытъ, а М., избитый до полусмерти, отправленъ въ больницу на излѣченіе [95]). Также въ Варшавѣ, въ 1 90 г. Еврейка Фуферманъ, 18-ти-лѣтняя дѣвушка, крестилась, желая выйти замужъ за католика. Отъ родителей она бѣжала и поселилась у матери своего жениха. Когда она, однажды, съ своей подругой-христіанкой отправилась въ костелъ, то ее схватили три Еврея, посадили на извощика, также Еврея, и увезли. Прохожіе погнались за похитителями на извощикахъ, но не могли ихъ догнать. Не смотря на поиски, мѣстопребыванія Фуферманъ не открыли, почему предполагали, что она уже отправлена въ Америку, какъ это случилось ранѣе съ ея сверстницами - Еврейками, принявшими христіанство [96]).

Въ 1883 г., въ одномъ селеніи Херсонской губерніи, принявшая православіе Еврейка Елена Згорданова отправилась навѣстить свою крестную мать. Когда она проходила мимо дома Еврейки Итальянской, послѣдняя зазвала ее къ себѣ въ квартиру. Какъ только Згорданова вошла въ сѣни, Итальянская втолкнула ее въ темную комнату, куда немедленно явились нѣсколько Евреевъ, накинулись на Згорданову, зажали ей ротъ, сняли съ нея всю одежду, сорвали съ груди крестъ, говоря при этомъ: „тебя ужъ больше крестить не будутъ“ и дали ей что-то понюхать изъ бутылки, отчего Згорданова тот-

---

спѣшившаго выполнить такое общеполезное дѣло. Впрочемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ канонистовъ, не прибѣгая къ убійству предателя, можно ограничиться урѣзаніемъ предателю языка или ослѣпленіемъ.“

[94]) С. Я. Диминскій (стр. 171) объясняетъ, что относительно отступниковъ отъ вѣры „и вообще относительно неблагонадежныхъ въ общееврейскомъ смыслѣ лицъ, существуетъ въ Талмудическо-раввинскомъ законодательствѣ общее правило, состоящее въ томъ, что такихъ людей обыкновенно спускаютъ въ яму или погребъ, но оттуда ихъ не вынимаютъ».

[95]) Варшавская Газета 1882 г. 27 Ноября.—[96]) Сынъ Отечества 1890 г. № 218.

часъ же лишилась чувствъ Очнулась она вполнѣ только тогда, когда ее съ завязанными глазами везли въ степь на подводѣ четыре Еврея. Она сорвала съ глазъ повязку и стала взывать о помощи. На ея счастье въ это время не вдалекѣ проѣзжали крестьяне. Воспользовавшись минутнымъ смущеніемъ Евреевъ, она выскочила изъ повозки и успѣла спастись отъ своихъ преслѣдователей. Разсмотрѣвъ это дѣло, Елисаветградскій окружный судъ приговорилъ Евреевъ къ восьмимѣсячному тюремному заключенію, и Одесская судебная палата утвердила этотъ приговоръ [97]).

Болѣе возмутительное дѣло разсматривалось въ 1886 г. въ Кіевскомъ окружномъ судѣ. Еврейку Шевченкову, проживавшую послѣ крещенія у своего крестнаго отца, Евреи тайно схватили и отвезли въ одно село, гдѣ бросили въ погребъ. Тамъ продержали Шевченкову нѣсколько дней, истязая ее, и перевезли въ другое мѣсто, въ которомъ содержали подъ карауломъ и замкомъ. Наконецъ, при перевозкѣ Шевченковой далѣе окольными дорогами, она, воспользовавшись тѣмъ, что извощикъ задремалъ, бѣжала въ ближайшее село и заявила тамъ о случившемся съ нею сельскому старостѣ. Цѣль истязаній Евреями Шевченковой состояла въ томъ, чтобы она возвратилась въ іудейство. Изъ 11-ти Евреевъ и Еврейкъ, привлеченныхъ за это къ суду, кромѣ одной обвиняемой, всѣ осуждены на каторгу: семеро мужчинъ на 8 лѣтъ и три женщины на 5 лѣтъ и четыре мѣсяца каждая. Въ преслѣдованіи Шевченковой участвовали родственники и Евреи, которыхъ она прежде не видѣла. Хотя обстоятельства дѣла были фактически установлены, Шевченкова отказалась подтвердить свои показанія, данныя при слѣдствіи, что прокуроръ отнесъ къ страху передъ тайной силой кагала, отъ которой никуда не уйдешь [98]).

Какъ въ послѣднемъ, такъ и въ другихъ случаяхъ замѣчательно, что въ различныхъ насиліяхъ надъ Евреями и Еврейками, принявшими христіанство, участвовали посторонніе имъ Евреи. Что побуждало послѣднихъ на такія преступленія, когда Талмудъ подвергаетъ позору собственно родственниковъ Евреевъ, отступающихъ отъ іудейства, и когда они могли ожидать

---

[97]) Новое Время 1885 г. № 3310.—[98]) Новое Время 1886 г. № 3584.

Здѣсь замѣтимъ, что большее число переходящихъ въ христіанство Еврейкъ, сравнительно съ такимъ же числомъ Евреевъ, объясняется унизительнымъ положеніемъ, въ которое ихъ поставилъ Талмудъ, и тѣмъ, что онѣ вовсе не изучаютъ его, и потому не отличаются такимъ религіознымъ фанатизмомъ какъ мужчины. По Талмуду женщина не можетъ быть свидѣтелемъ; наравнѣ съ рабами и малыми дѣтьми ей запрещено изучать законъ, такъ какъ она считается неспособной для этого; она обязана исполнятъ только три обряда: 1) *миква* – обрядъ омовенія, 2) *лихтъ-бенштейнъ*—зажженія свѣчей въ Пятницу и 3) *хала*—бросанія кусочка тѣста въ огонь, въ воспоминаніе дани, которая во время храма приносилась первосвященнику. Какъ извѣстно, Талмудъ дозволяетъ многоженство и хотя оно Евреями оставлено въ Европѣ съ XI столѣтія,но они по правиламъ Талмуда пользуются большой свободой въ выборѣ причинъ для разводовъ съ своими женами, и эти разводы они сами же и даютъ въ формѣ разводныхъ писемъ. Даже въ молитвахъ Талмудъ высказываетъ презрѣніе къ женщинѣ. Такъ мужчина долженъ ежедневно произносить слѣдующія слова: «Да будетъ благословенъ Господь Богъ нашъ, который не сотворилъ меня женщиной»,а женщина въ своей молитвѣ должна говорить: «Да будетъ благословенъ Господь Богъ нашъ, Царь всего міра, за то, что сотворилъ меня по волѣ Своей". В. Карасевскій «Крит. разборъ Талмуда,» стр. 184—194; 203 -207; 211—217. –Я. Брафманъ, стр. 220.

тяжкаго наказанія? По нашему убѣжденію, они исполняли возложенныя на нихъ кагалами порученія тайныхъ преслѣдователей, которыя Евреи подъ присягой обязываются точно исполнять [99]).

Отъ фактовъ, характеризующихъ отношенія кагаловъ къ Евреямъ, перейдемъ теперь къ фактамъ, объясняющимъ отношенія кагаловъ и Евреевъ къ имуществу и личности христіанъ и вообще не-Евреевъ.

По поводу напечатанной въ 1873 г., въ № 111 „С.-Петербург. Вѣдомостей" замѣткѣ о существующей тѣсной солидарности интересовъ между Евреями южной Россіи и Царства Польскаго подъ названіемъ „хазака", корреспондентъ изъ сѣверо-западнаго края сообщилъ въ эту же газету, что такая солидарность въ полномъ ходу и между Евреями Сѣверо-западнаго края и привелъ слѣдующій примѣръ изъ практики судебныхъ учрежденій. Къ одному изъ мировыхъ судей поступила просьба Еврея X. о взысканіи съ другого Еврея Z. 350 р., присужденныхъ домашнимъ рѣшеніемъ трехъ посредниковъ (изъ которыхъ одинъ раввинъ) по дѣлу объ арендѣ мельницы. Z. заявилъ судьѣ, что о существованіи этого акта онъ не зналъ и происхожденіе его объяснилъ состоявшимся соглашеніемъ Евреевъ въ уѣздѣ о томъ, что если Еврей содержалъ оброчную статью или имѣніе не менѣе трехъ лѣтъ, то пріобрѣтаетъ на нихъ въ нѣкоторомъ смыслѣ право собственности, вслѣдствіе котораго никто изъ Евреевъ не можетъ ни перебить ихъ у него, ни даже взять ихъ въ аренду послѣ него, безъ его согласія. X., содержавши въ арендѣ мельницу четыре года за 600 р. въ годъ, понизилъ плату на половину, въ увѣренности, что никто изъ его единовѣрцевъ не нарушитъ „хазаки". Но когда въ арендѣ ему было отказано и Z. взялъ мельницу за прежнюю плату 600 р., то онъ обратился къ раввинскому суду. Послѣдній, не успѣвъ заставить Z. отказаться отъ аренды мельницы, и составилъ приведенное рѣшеніе. Z. прибавилъ, что этотъ случай не единственный, и что многіе изъ его единовѣрцевъ, рѣшившіеся въ подобныхъ случаяхъ идти наперекоръ „хазакѣ", уступили передъ угрозами или насиліями. Согласно рѣшеніямъ мироваго судьи и мироваго съѣзда, въ искѣ X. отказано, и дѣло передано прокурору для производства слѣдствія объ устройствѣ тайнаго незаконнаго общества [100]). Въ туже газету корреспондентъ, въ 1873 г. сообщилъ о томъ, что кагалами Еврейскихъ обществъ въ Западномъ краѣ налагается „херимъ" для возвышенія цѣнъ на разные предметы торговли, на покрытіе убытковъ и расходовъ этихъ обществъ и ихъ членовъ, напримѣръ, по случаю задержанія властями у какого-нибудь Еврея контрабандныхъ товаровъ и проч. и о существованіи „хазаки", что̀ доказывается разбиравшимся у мироваго судьи дѣломъ о взысканіи однимъ крестьяниномъ съ Еврея-шинкаря убытковъ, причиненныхъ ему удаленіемъ изъ его (крестьянина) шинка Еврея - приказчика, посредствомъ угрозъ, высказанныхъ этимъ шинкаремъ и мѣстными Евреями [101]). Примѣромъ, въ какомъ размѣрѣ Евреи произвольно возвышаютъ цѣну на предметы первой необходимости, служитъ корреспонденція изъ г. Вилейки,

[99]) Я. Брафманъ „Книга Кагала", стр. 194.— [100]) С.-Петерб. Вѣдомости 1873 г. № 146
[101]) Голосъ 1873 г. № 214.

Виленской губерніи, помѣщенная въ „Голосѣ“ въ 1876 г. Въ этой корреспонденціи сказано, что Евреи вдругъ повысили цѣну стеариновыхъ свѣчъ съ 27 к. на 32 к. за фунтъ, сахара съ 16 к. на 20 к., керосина съ 11 к. на 15 к. и т. д. и что слѣдовало бы установить какой-нибудь контроль надъ ними, такъ какъ вся торговля края находится въ ихъ рукахъ [102]).

Также въ „Голосѣ“ помѣщена въ 1877 г. слѣдующая корреспонденція изъ Одессы. „Въ южную Россію стеклянная посуда доставляется преимущественно изъ Кіевской губерніи. Евреи-торговцы, развозящіе эту посуду, раздѣлили между собою край: кто ѣздитъ въ Одессу, не имѣетъ уже права ѣхать въ Херсонъ и т. д. Аптекари и другіе потребители посуды терпятъ не мало отъ этихъ порядковъ, потому что сверхъ того, что тутъ не можетъ быть конкурренціи, покупатели должны брать что привезено; часто случается сидѣть вовсе безъ посуды, если Еврей-торговецъ почему-нибудь замедлитъ своимъ пріѣздомъ. Въ Херсонѣ, напримѣръ, въ теченіе многихъ лѣтъ, аптечную посуду доставлялъ Еврей Шкляревскій. Не такъ давно онъ умеръ, и кагалъ рѣшилъ, что право торговать посудою въ той мѣстности должно перейти къ его вдовѣ, и никто другой не смѣетъ туда являться. Легко понять, какую тяжкую и несправедливую кабалу несутъ покупатели отъ произвола и своего рода стачки торговцевъ-Евреевъ“ [103]).

Система уничтоженія кагалами конкуррентовъ - Евреевъ въ торговлѣ христіанъ хорошо объяснена корреспондентомъ „Сына Отечества“ изъ г. Орши, Могилевской губерніи. Онъ въ 1876 г., въ своемъ письмѣ въ эту газету, замѣтивъ, что вся торговля въ большей части городовъ сѣверо-западнаго края находится въ рукахъ Евреевъ и что по Субботамъ и во время Еврейскихъ праздниковъ ничего нельзя купить, сообщилъ, что при крѣпкой сплоченности Евреевъ конкуррировать съ ними не представляется никакой возможности. Если Русскій купецъ открываетъ лавку въ городѣ и начинаетъ съ успѣхомъ вести торговлю, то Евреи устраиваютъ стачку и понижаютъ въ своихъ лавкахъ цѣны на всѣ товары. Низкія цѣны держатся до тѣхъ поръ, пока опасный конкурентъ не разорится совершенно. Происшедшіе отъ стачки убытки частью уплачиваются кагаломъ, а частью возмѣщаются на покупателяхъ, которымъ долгое время приходится платить высокія цѣны за дурной товаръ. Если же конкуррентъ обладаетъ на столько значительнымъ капиталомъ, что можетъ выйти изъ борьбы побѣдителемъ, то обыкновенно случается, что его магазины и склады со всѣми находящимися въ нихъ товарами дѣлаются жертвами пламени. Причина пожара въ подобныхъ случаяхъ навсегда остается невыясненною [104]).

Всѣ приведенные нами факты и свѣдѣнія объ эксплуатаціи Евреями христіанскаго населенія относятся къ семидесятымъ годамъ; но никакихъ перемѣнъ не произошло въ ней и въ послѣдующіе годы. Подъ гнетемъ мѣстныхъ хасидовъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточены торговля и промыселъ,

---

[102]) Голосъ 1876 г. № 325.—[103]) Голосъ 1877 г. № 79.
[104]) Современныя Извѣстія 1876 г. № 310.

о развитіи и улучшеніи сельскаго хозяйства мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ и рѣчи быть не можетъ [105]). Въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ Волынской губерніи, въ мѣс. Купелѣ въ 1889 году, одинъ Еврей предложилъ мѣстному кагалу платить 500 р. съ тѣмъ, чтобы ему была предоставлена исключительная продажа дрожжей и чтобы Евреи покупали у него на 2 к. на фунтъ дороже, а христіане—по цѣнѣ, какую онъ назначитъ. Кагалъ согласился на это предложеніе, и Еврей, уплативъ ему 500 р., сталъ продавать дрожжи по 60 к. за фунтъ, тогда какъ обыкновенная ихъ цѣна не болѣе 40 к. По примѣру этого мѣстечка, монополія на дрожжи установилась и въ другихъ мѣстечкахъ, при высшихъ продажныхъ цѣнахъ [106]). Въ мѣст. Корсунѣ, Кіевской губерніи, купецъ-христіанинъ Тетенко, имѣя право пропинаціи (исключительной питейной торговли въ мѣстечкѣ), платилъ въ 1885 и 1886 годахъ мѣстному Еврейскому обществу по 1400 р. въ годъ за дозволеніе безпрепятственной торговли виномъ; но въ слѣдующіе два года отказался платить и за это подвергся гоненіямъ отъ Евреевъ. Въ мѣстечкѣ открылось 40 безпатентныхъ шинковъ, противъ содержателей которыхъ Тетенко долженъ былъ возбуждать дѣла въ мировыхъ учрежденіяхъ. Затѣмъ, Евреи стали мстить ему ложными доносами, наложили на него „херемъ“ и подали доносъ объ оскорбленіи имъ какой-то волостной власти. Окружный судъ приговорилъ Тетенко къ заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца; но въ судебной палатѣ, куда было перенесено дѣло, обнаружились Еврейскія продѣлки, и она отмѣнила приговоръ суда [107]).

Приведемъ еще позднѣйшее, 1890 г., свидѣтельство землевладѣльца о Еврейской эксплуатаціи. „Одинъ Опочецкій землевладѣлецъ, который нѣсколько лѣтъ прожилъ въ своемъ большомъ имѣніи въ Витебской губерніи, бросилъ его, переѣхалъ на жительство въ Опочецкій уѣздъ, Псковской губерніи и поселился на принадлежащей ему небольшой пустоши. На вопросъ о причинѣ перемѣны мѣста жительства, онъ объяснилъ, что вся Витебская губернія распредѣлена Еврейскимъ кагаломъ на извѣстное число коммерческихъ районовъ или факторій, которые отдаются на кагальныхъ торгахъ. Еврей „факторъ“, сторговавшій для себя одинъ районъ, дѣлается въ немъ торговымъ монополистомъ, такъ что другой Еврей-факторъ не имѣетъ права въ означенномъ районѣ покупать и продавать; за нарушеніе этого кагалъ взыскиваетъ огромныя штрафныя деньги. При такомъ положеніи сельскій хозяинъ, какъ крупный помѣщикъ, такъ и малоземельный крестьянинъ, находится въ рукахъ мѣстнаго фактора и долженъ за свои сельско-хозяйственные продукты брать ту цѣну, которую назначаетъ и предлагаетъ мѣстный факторъ; другіе Евреи-факторы, не говоря, конечно, что имъ кагаломъ запрещено дѣлать покупки въ чужомъ районѣ, предлагаютъ еще меньшія цѣны, чѣмъ мѣстный факторъ. Такая же исторія разыгрывается, если землевладѣлецъ попытается продать хлѣбъ не въ своемъ имѣніи, а въ уѣздномъ или губернскомъ городѣ: въ виду кагальной грозы, торговцы-Евреи предлагаютъ цѣны на хлѣбъ и пр. ниже

[105]) Новое Время 1886 г. № 3751.—[106]) Новое Время 1889 г. № 4695.
[107]) Новое Время 1889 г. № 4923.

той, которую предлагаетъ мѣстный факторъ. Ясно что *правильное веденіе сельскаго хозяйства невозможно при такой экономической зависимости сельскихъ хозяевъ отъ факторовъ-Евреевъ*, разставившихъ свои сѣти по всей губерніи" [108]).

Въ Царствѣ Польскомъ существуетъ такая же система Еврейской эксплуатаціи христіанскаго населенія какъ и въ Сѣверо и Юго-западномъ краѣ. Къ приведенному нами сообщенію корреспондента „С.-Петерб. Вѣдомостей" о существованіи въ Царствѣ Польскомъ между Евреями права „хазаки" добавимъ, что раздѣленіе въ немъ торговли и промысловъ Евреевъ по кагальнымъ округамъ доказывается тѣмъ, что всякіе поставки и подряды (какъ-то: поставка дровъ и соломы для войскъ, продовольствія содержащимся въ тюрьмахъ, подряды по постройкѣ шоссейныхъ дорогъ и другіе) на торгахъ, разумѣется правильно произведенныхъ, съ уступками отъ смѣтныхъ цѣнъ, всегда остаются за прежними, мѣстными Евреями поставщиками и подрядчиками; а эксплуатація личности христіанъ—тѣмъ, что у землевладѣльцевъ, ксендзовъ и вообще состоятельныхъ христіанъ-Поляковъ находятся постоянные несмѣняемые факторы, которые свои должности передаютъ даже по наслѣдству отъ отца къ сыну.

На основаніи всего вышеприведеннаго слѣдуетъ признать: 1) существованіе въ Сѣверо и Юго-западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ, въ Еврейскихъ общинахъ, тайныхъ управленій (кагаловъ) и судовъ(бетъ-диновъ), съ деспотическою властью надъ Евреями, которая выражается въ наложеніи на нарушителей законовъ Талмуда проклятія (херема); въ преслѣдованіи, истязаніи и даже убійствѣ, черезъ тайныхъ преслѣдователей, такихъ Евреевъ; 2) раздѣленіе черты постоянной осѣдлости Евреевъ и Царства Польскаго на кагальные округа (хезкатъ-ішубъ) для выгодной, безконкурентной, эксплуатаціи христіанскаго населенія, причемъ оно съ своимъ имуществомъ считается какъ бы кагальною собственностью, а появляющіеся въ округахъ конкуренты изъ христіанъ по торговлѣ и промышленности устраняются кагалами всевозможными преступными средствами; 3) существованіе права „хазаки", т. е. права исключительной эксплуатаціи Евреями имущества христіанъ, съ дозволенія кагаловъ за извѣстную плату и 4) существованіе права „меропіи", т. е. права исключительной эксплуатаціи личности христіанъ, что̀ наглядно доказывается несмѣтнымъ числомъ факторовъ въ Сѣверо и Юго-западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ [109]), состоящихъ въ услугѣ у однихъ и тѣхъ же лицъ.

---

[108]) Сынъ Отечества 1890 г. № 206.

[109]) Расположенію Евреевъ-факторовъ во владѣніяхъ бывшей Польши много способствуетъ нелѣпая спѣсь Польской шляхты, которой она не оставила и въ настоящее время. Помѣщикъ, бывая въ городѣ, проходитъ мимо лавки, гдѣ факторъ ему покупаетъ какія-нибудь вещи, но ни за что ничего не купитъ въ ней самъ; факторъ же его, разумѣется, платитъ за вещи дороже, получая извѣстный процентъ для себя съ торговца и съ помѣщика.

УКРАИНА ВЪ ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ ФРАНЦУЗОВЪ.

Въ переживаемое нами время Французской дружбы и политическаго сближенія съ Франціей было бы интересно разсмотрѣть во всемъ его объемѣ запасъ свѣдѣній о Россіи, имѣющійся во Французской литературѣ и весь трудъ, который положенъ на это дѣло Французскими писателями и учеными. Французскую науку и литературу часто упрекали въ національной исключительности, въ маломъ знакомствѣ со всѣмъ иноземнымъ. Въ этомъ ея сила и слабость. Исключительность эта сказывалась болѣе всего въ такихъ отрасляхъ знанія, какъ землевѣдѣніе, исторія, этнографія, особенно когда дѣло касалось страны, столь отдаленной и отличной по своему складу, какъ Россія. Въ послѣднее время, въ числѣ другихъ новыхъ вѣяній, замѣчается во Французской научной литературѣ поворотъ въ сторону серьезнаго изученія нашего края: прочная дружба вѣдь только и создается на почвѣ основательнаго знакомства другъ съ другомъ... Обзоръ всего писаннаго во Франціи о Россіи, какъ трудъ обширный, представлялъ бы размѣры цѣлаго изслѣдованія. Въ настоящей замѣткѣ мы хотимъ очертить только одинъ уголокъ такихъ изученій: Французскія писанія о Россіи Южной. Если и въ этой области прошлое представляетъ по большей части собраніе курьезовъ, то въ настоящемъ и здѣсь замѣчаются явленія иного, болѣе серьезнаго характера, значеніе и послѣдствія которыхъ, при большемъ ихъ числѣ, должны быть также иныя. Литература объ Украинѣ во Франціи очень не велика, и нѣсколько книжекъ и статей, которыя пройдутъ передъ читателемъ, почти вполнѣ исчерпаютъ ее.

*

Книжка, вышедшая въ Руанѣ въ XVII вѣкѣ, остановитъ наше вниманіе прежде всего. Это знаменитое «Description d'Ukranie, qui sont plusieurs provinces du royaume de Pologne», Боплана. Удалясь на родину изъ Польши, гдѣ служилъ при Сигизмундѣ III и Владиславѣ IV, Французскій инженеръ составилъ эту книгу, первоисточникъ для знакомства съ козацкими жизнью и бытомъ. Самые рьяные изъ библіомановъ, увы, не мечтаютъ даже о счастьи обладать первымъ ея изданіемъ 1650 года, появившимся «à Roüen, chez Jacques Cailloüé, dans la Cour du Palais», или хотя бы вторымъ, 1660 года. Давно вышелъ изъ обращенія и Русскій переводъ Устрялова 1832 г.; да въ немъ и опущены многія примѣчанія Боплана, почему новое

изданіе этого общеизвѣстнаго историческаго источника рѣшительно необходимо.

Менѣе рѣдки, но менѣе и цѣнны «Annales de la Petite Russie» Jean Benoit Scherer'a (Парижъ, 1788), представляющіе переводъ, съ перестановкой главъ, старинной рукописи князя Мышецкаго о Запорожцахъ. Шереръ былъ домашнимъ врачемъ у графа Кирилы Разумовскаго и книгу свою издалъ по его порученію, а подлинная рукопись князя Мышецкаго издана въ Одессѣ въ 1847 году.

Въ своей «Histoire de l'Empire de Russie», кумиръ XVIII вѣка, Вольтеръ привелъ легендарный разсказъ о молодости Мазепы, обратившій гораздо большее вниманія на Украину, чѣмъ два отмѣченныя выше изслѣдованія. Этой страницей Вольтера воспользовался Байронъ для созданія извѣстной своей поэмы. Русскій переводъ ея тяжелъ и плохъ. (Читая наши переводы Европейскихъ классиковъ, часто вообще спрашиваешь себя—почему этихъ писателей считають великими?) Благодаря Байрону, Мазепа сталъ одной изъ любимыхъ фигуръ романтизма. Во Франціи имя его сдѣлали извѣстнымъ картина Луи-Буланже и ода Виктора Гюго. У Гюго Мазепа не болѣе какъ маріонетка, посаженная на пресловутую дикую лошадь. Вся поэма изображаетъ изъ себя географическій кошмаръ. Неукротимый конь, уносящій въ степь Мазепу, «вскормленъ морскими травами» (nourri d'hebres marines). Онъ несется по «движущимся пескамъ», и какъ въ хаосѣ, мелькають передъ нимъ «города съ башнями и длинныя цѣпи мрачныхъ горъ» (villes et tours, monts noirs, liés en longues chaînes). Таковы были представленія выдающагося поэта о степной Украинѣ, и недаромъ еще «Фернейскій мудрецъ» говорилъ Французамъ: «Изъ всѣхъ наукъ географія нуждается всего болѣе въ нашемъ вниманіи; а до сихъ поръ въ людяхъ замѣтно болѣе склонности опустошать землю, чѣмъ изслѣдовать».

Одинъ изъ образованнѣйшихъ писателей Франціи, переводчикъ Русскихъ поэтовъ, Проспeръ Меримé, на основаніи труда Костомарова о Богданѣ Хмельницкомъ, составилъ въ пятидесятыхъ годахъ книжку «Les cosaques d'autrefois». Книга написана искусно и держится близко подлинника. Въ маленькомъ введеніи Меримé не удержался однако отъ одного изъ тѣхъ «словечекъ», которыя такъ любятъ Французскіе авторы. Выставляя значеніе и заслуги Хмельницкаго, онъ говоритъ, что для Европейской славы ему недоставало лишь «менѣе труднаго въ произношеніи имени» (un nom moins difficile à prononcer).

У того же Костомарова, значительно позже, заимствовалъ Мельхіоръ-де-Вогюэ матеріалъ для этюда своего о Мазепѣ (Le fils de Pierre le Grand.—Mazeppa.—Un changement de règne. Paris 1884). Произведенія поэтовъ создали легендарнаго Мазепу, которымъ авторъ и занимается сперва, переходя потомъ къ Мазепѣ историческому. Еслибы въ началѣ нашего вѣка, говоритъ де-Вогюэ, до Байрона, спросили объ этомъ имени въ собраніи сорока Французскихъ академиковъ, то

весьма вѣроятно поставили бы «безсмертныхъ» въ большое затрудненіе. Можно впрочемъ смѣло сказать, что если стало извѣстнымъ имя Мазепы, то свѣдѣнія о немъ по Русскимъ источникамъ были новостью для Французовъ и «въ концѣ вѣка», когда передалъ ихъ Вогюэ. Историческій Мазепа, по мнѣнію автора, интересенъ не менѣе чѣмъ легендарный; но изображеніе этого сложнаго характера, скажемъ мы, прочитавъ очеркъ Вогюэ, очевидно труднѣе. Писатель останавливается преимущественно на анекдотической сторонѣ въ жизни Мазепы и для уразумѣнія его личности даетъ слишкомъ мало. Для этого надо бы нарисовать картину того времени, переполненнаго въ южномъ краѣ внутренней борьбой. Но авторъ знаетъ своихъ читателей: «они не послѣдовали бы за мной, еслибъ я на этомъ остановился», говоритъ онъ прямо. Поэтому онъ едва затрогиваетъ политику двадцатилѣтняго гетманства Мазепы, для характеристики которой трудъ Костомарова даетъ такой богатый матеріалъ. Заслуга Вогюэ однако уже въ томъ, что онъ разрушаетъ исполненную выдумокъ и неправдоподобія легенду Мазепы, къ области которой относится и изображеніе его въ великолѣпной поэмѣ Пушкина.

Такъ какъ эта поэма продолжаетъ служить источникомъ представленій о знаменитомъ гетманѣ, вдохновляетъ художниковъ, композиторовъ (какъ Чайковскій) и пр., то мы позволимъ себѣ маленькое отступленіе о ней.

Есть скептики, подвергающіе сомнѣнію самый прославленный романъ Мазепы съ Матреной (а не Маріей) Кочубей. Они говорятъ, что Мазепѣ, перешедшему за шестьдесятъ лѣтъ и задумавшему одну изъ сложнѣйшихъ политическихъ комбинацій, было тогда не до любовныхъ интригъ. Сохранившіяся въ копіяхъ письма влюбленныхъ писаны безъ адресовъ. Разбиравшій дѣло Кочубея графъ Головкинъ отослалъ ихъ Мазепѣ, сомнѣваясь, чтобъ они писаны были его рукой. «Цидулы и письма посылаю подлинныя, не переписывая и никому оныхъ не показывая», увѣрялъ онъ, снявши уже копіи и какъ бы поставивъ на первый планъ выгоды исторіографіи, а свою репутацію на второй.

У Пушкина пытки Кочубея производятся при дворѣ гетмана, значитъ какъ бы въ генеральномъ судѣ. Два вида пытокъ, допускавшіеся въ Малороссіи Магдебургскимъ правомъ (растягиваніе и припеканіе свѣчей) производились въ судахъ магистратскихъ, исключительно вѣдавшихъ судебную область. Но допросъ и пытки Кочубея и его товарищей и не производились совсѣмъ въ Малороссіи: они происходили въ Витебскѣ у барона Шафирова и графа Головкина съ 21 Апрѣля по 28 Мая 1709 года. Протоколы его сохранились въ архивахъ. Тамъ же, въ Витебскѣ, Кованько, Святайло и Яценко приговорены къ ссылкѣ, а Кочубей и Искра къ смертной казни.

Орликъ былъ генеральнымъ писаремъ и пытокъ никогда не производилъ. На послѣднемъ допросѣ Кочубея, въ Борщаговкѣ, за Бѣлою Церковью, присутствовалъ сопровождавшій его Вельяминовъ-Зерновъ. Козакъ, везущій у Пушкина доносъ Кочубея, былъ въ дѣйствительно-

сти не козакъ, а Полтавскій выкрестъ Петръ Яценко. Онъ отвезъ второй доносъ, а первый переданъ былъ Кочубеемъ черезъ прохожихъ монаховъ Никанора и Трифилія.

Матрена Кочубеевна увезена не была, а послѣ нѣсколькихъ подговорокъ, убѣжала сама въ гетманскій дворъ. Черезъ нѣсколько дней Мазепа отправилъ ее въ домъ родителей съ начальникомъ бывшей при немъ Великорусской стражи, Анненковымъ. Къ разочарованію чувствительныхъ душъ, она впослѣдствіи прозаически вышла замужъ *).

Всѣ эти обстоятельства, выясненныя архивными розысканіями, могли быть неизвѣстны великому поэту въ двадцатыхъ годахъ, но съ ними необходимо считаться теперь при оцѣнкѣ этого знаменательнаго момента Петровской эпохи и ея дѣятелей. Нельзя также продолжать искаженіе исторической правды въ угоду вымыслу. Вѣдь отличіе историческихъ лицъ отъ людей толпы въ томъ и состоитъ, что о судьбѣ ихъ сохранились достовѣрныя свѣдѣнія, что жизнь ихъ извѣстна въ подлинныхъ чертахъ, которыя можно такъ или иначе толковать, но нельзя измѣнять по своему.

Извѣстный политикъ, поэтъ и дуэлистъ Поль Дерулэдъ поступилъ очень благоразумно, взявши для своего «Гетмана» (драмы изъ Украинской исторіи) лицъ исключительно вымышленныхъ. Какъ это обстоятельство, такъ и то, что въ драмѣ его Украинцы и Поляки только «отводъ глазъ», подъ коимъ надо разумѣть Французовъ и Прусаковъ, обязываютъ читающаго эту драму къ большой снисходительности. Украинскаго въ этой пьесѣ только имена дѣйствующихъ лицъ, да и то передѣланныя на Французскій ладъ, въ родѣ Фролъ Герасъ, Стенко, Полюкъ, Роговьянъ и т. п. Написана она по шаблону Французскихъ трагедій и, хотя безъ соблюденія пресловутыхъ «единствъ», но тѣмъ же несноснымъ, однообразнымъ Александрійскимъ стихомъ, который способенъ, кажется, заморозить всякій порывъ, всякое чувство, хотя придаетъ и глупости какъ бы внѣшне-приличный видъ. (Стендаль превосходно называлъ его «cache sottise»). Психологическія основы драмы—порывы патріотизма и стремленіе къ освобожденію, а въ лицахъ главныхъ героевъ—старый мотивъ борьбы долга съ чувствомъ. Есть забавныя подробности. Однимъ изъ воротилъ Запорожской Сѣчи является пожилая женщина, la Marucha, нѣчто въ родѣ Пиѳіи, вдохновляющая козаковъ на бой и сражающаяся въ ихъ рядахъ. Далеко до нея женѣ Тараса Бульбы, не смѣющей даже какъ слѣдуетъ проститься съ сыновьями! Поляки подстерегаютъ козаковъ въ *горномъ ущельи*; въ Сѣчи, тотчасъ за населеніемъ, видны Днѣпровскіе пороги; героиня піесы Микла, умирая, произноситъ «merci», такъ какъ ее убили рядомъ съ возлюбленнымъ; послѣдняя декорація должна изображать нѣчто совсѣмъ невозможное: «une grange dans une isba aban-

---

*) За генеральнаго судью Чуйкевича. П. Б.

donnée» (рига посреди заброшенной избы)! Даже имя Украины произносится вездѣ въ піесѣ «Ukraine» и риѳмуетъ съ haine, ramène и т. п. Но Дерулэду нельзя отказать въ энергіи и искреннемъ подъемѣ чувства тамъ, гдѣ звучитъ патріотическая нота. У него есть сжатые и сильные стихи, и героизмъ говоритъ иногда словами, отъ которыхъ не отказался бы Запорожецъ. Одного изъ козацкихъ вождей, Моисея, приводятъ, напримѣръ, плѣннаго въ Польскій лагерь; онъ не раненъ и на вопросъ, гдѣ же скрывался онъ, что уцѣлѣлъ въ бою, отвѣчаетъ:

La place est rouge encore, où je me suis caché,
Et plus d'un m'a trouvé, qui ne m'a pas cherché!

*

За исторіей слѣдуетъ литература путешествій. Французы не такъ много ѣздятъ въ чужія земли, какъ напр. Англичане, но они имѣютъ большую наклонность къ описанію своихъ поѣздокъ, и этою отраслью письменность ихъ довольно богата. Изъ путешествій по Южной Россіи мы знаемъ старую книгу графа де-Лагарда и позднѣйшаго Виктора Тиссо. Остановимся на первой, представляющей типичный образчикъ прежняго Французскаго верхоглядства и въ лицѣ автора дающей классическій типъ Француза-пустомели.

«Путешествіе изъ Москвы въ Вѣну» черезъ Кіевъ, Одессу и Германштадтъ (Voyage de Moscou à Vienne, par le comte de Lagarde. Paris 1824) предпринято было де-Лагардомъ въ 1811 году. Намъ неизвѣстна біографія автора, но изъ текста книги ясно выступаетъ его политическій и нравственный образъ. Онъ роялистъ, оплакивающій прошлое и предпочитающій Франціи чужіе края въ то время, когда въ ней господствуетъ «узурпаторъ». По средѣ, въ которой онъ вращается, это человѣкъ высшаго круга, вкусившій однако Европейскаго просвѣщенія, отъ чего въ немъ сгладились тѣ черты тупого высокомѣрія, какими блещетъ иногда наше «хорошее общество». Подобно большей части людей своей среды, онъ скользитъ взглядомъ по явленіямъ жизни и со всего въ мірѣ любитъ срывать только «цвѣты удовольствій». Это что-то напоминающее созданнаго Некрасовымъ, фантастическаго графа Гаранскаго и не совсѣмъ чуждое Пушкинскому графу Нулину, исправленному пощечиной добродѣтельной Россіянки. Немногое сообщаемое имъ относится преимущественно къ жизни въ Южнорусскихъ имѣніяхъ Польскихъ магнатовъ, предъ которой онъ падаетъ ницъ. О Малороссіи рѣчь заходитъ съ Глухова, «прелестнаго города, нѣкогда резиденціи правительства, уничтоженнаго пожаромъ почти на двѣ трети». Тутъ онъ замѣтилъ только съѣденнаго имъ за обѣдомъ превосходнаго карпа и новыя Румянцовскія постройки. Мало найдя что̀ сказать о городѣ, онъ разсказываетъ о разныхъ подмѣченныхъ имъ здѣсь предразсудкахъ, между прочимъ о значеніи Понедѣльника, какъ «тяжелаго дня». «Право досадно, замѣчаетъ роялистъ, что, по свидѣтельству Библіи, Богъ избралъ этотъ день для начала творенія. Конечно этому обстоятельству надо приписать всѣ случившіеся

впослѣдствіи несчастія, начиная со всемірнаго потопа и кончая Французской революціей». Въ Батуринѣ онъ идетъ на могилу графа Кирилы Разумовскаго, умершаго за восемь лѣтъ передъ тѣмъ. «Хотя скульптура и посредственна, но изобиліе мрамора разныхъ цвѣтовъ, бронзы и позолоты показываетъ, какъ тщеславіе силится бороться съ властію забвенія и смерти». Онъ посѣщаетъ дворецъ Разумовскаго и передаетъ разсказы о жизни, которая тутъ текла. «Все что могутъ произвести и выдумать Азіатская роскошь и Европейское великолѣпіе, соперничали въ этомъ мѣстѣ. Балы, спектакли, карусели, охоты при факелахъ, столы въ сто приборовъ, иллюминаціи, фейерверки слѣдовали здѣсь одинъ за другимъ Прибавьте къ этому безпрестанные салюты пушекъ, и вы будете имѣть понятіе о мирной жизни этого тихаго уголка. А теперь что осталось отъ всего этого?»... Гуляя по опустѣвшимъ заламъ гетманскаго дворца, онъ предается философствованію о тщетѣ всего земного. Эффектъ этихъ мечтаній, къ сожалѣнію, сильно ослабляется одной справкой: въ этомъ дворцѣ гетманъ никогда не жилъ, и при жизни его онъ оставался недостроеннымъ. Историкъ рода Разумовскихъ, Васильчиковъ повѣствуетъ объ этомъ подробно.

Въ Кіевѣ графъ де-Лагардъ представляется генералъ-губернатору Милорадовичу, бывшему адъютанту Суворова. Тутъ же знакомится онъ съ княземъ Ипсиланти, бывшимъ господаремъ Молдавіи и Валахіи, два года передъ тѣмъ поселившимся въ Кіевѣ. «Озабоченный весь благосостояніемъ своихъ подданныхъ, замѣчаетъ онъ о князѣ скорѣе наивно, чѣмъ зло, онъ не оставлялъ въ забвеніи заботъ о своемъ состояніи, которое громадно». У Милорадовича дня черезъ два путешественникъ былъ на великолѣпномъ балу. Черезъ нѣсколько дней онъ пишетъ: «Генералъ Милорадовичъ возилъ меня къ гражданскому губернатору Панкратьеву. Гостей было мало, и общество удалилось въ гостиную, уставленную цвѣтами, гдѣ рѣшили разсказывать по очереди разныя исторіи. Дамы потребовали, чтобъ исторіи были страшныя. Тутъ Французъ-путешественникъ почувствовалъ себя въ своей сферѣ и развелъ разводы, которые хвастливо и приводитъ. Вспоминается невольно Грибоѣдовскій «Французикъ изъ Бордо», картинка очевидно списанная съ натуры. Выѣхавши изъ Кіева, въ Васильковѣ, де-Лагардъ смотритъ на ярмаркѣ Цыганскіе танцы. Къ молодымъ Цыганкамъ онъ обращается съ словами упрека за ихъ «слишкомъ вольныя движенія, оскорбляющія стыдливость», упрекомъ едва ли искреннимъ въ устахъ уроженца классической родины канкана.

Путь де-Лагарда изъ Кіева лежалъ въ Тульчинъ къ Потоцкимъ. По дорогѣ онъ мимоходомъ взглянулъ на Бѣлую Церковь Браницкаго, владѣльца 80,000 душъ крѣпостныхъ крестьянъ и на Махновку, которою владѣлъ одинъ изъ Потоцкихъ. Этотъ Потоцкій, оказывается, положилъ основаніе Нѣмецкой колонизаціи въ Юго-западномъ краѣ. Онъ поселилъ у себя триста семействъ Нѣмцевъ, выписавъ ихъ какъ рабочихъ для своихъ фабрикъ. Фабрики въ послѣдствіи закрылись, и состояніе владѣльца разстроилось, а Нѣмцы остались жить въ краѣ.

Достигнувъ Тульчина, графъ буквально плаваетъ въ эмпиреяхъ. Восторгу его передъ красавицей Софьей Потоцкой, ея семьей, предъ роскошью жизни—нѣтъ границъ. Онъ подробно описываетъ дни и вечера въ Тульчинѣ, катанья, пикники въ лѣсахъ съ крѣпостной музыкой, спрятанной въ чащѣ деревьевъ... Въ одинъ изъ вечеровъ въ гостинной Потоцкихъ строились планы основанія въ Крыму новаго города Софіополя, гдѣ и де-Лагарду заранѣе обѣщано было порядочное мѣстечко. Впрочемъ осуществленія этой, поддержанной прихлебателями, графской затѣи не случилось. Во время пребыванія графа въ Тульчинѣ по сосѣдству произошло убійство стараго графа Каменскаго, отца главнокомандующаго, двумя крѣпостными его людьми. Эти юноши отправлены были въ Лейпцигъ учиться музыкѣ и, послѣ окончанія курса, принуждены были вернуться въ крѣпостное состояніе, что̀ и привело ихъ къ преступленію *).

Владѣльцы Тульчина, у которыхъ жилъ путешественникъ, были конечно одними изъ крупнѣйшихъ рабовладѣльцевъ въ свѣтѣ. По словамъ де-Лагарда, у нихъ въ то время было 165,000 крѣпостныхъ крестьянъ одного мужскаго пола. Прибавивъ къ этому дѣтей и женщинъ, получится почти тройная цифра. Какъ примѣръ роскоши Польскихъ магнатовъ, де Лагардъ приводитъ еще графа Ильинскаго, у котораго въ имѣніи Ивановѣ, на Волыни, между всякаго рода затѣями было три труппы актеровъ: Итальянская, Французская и Польская. Каждый спектакль кончался балетомъ, а содержаніе этого скромнаго развлеченія стоило владѣльцу въ то время не менѣе ста тысячъ рублей.

Изъ Тульчина вмѣстѣ съ Потоцкими де-Лагардъ переѣхалъ въ другое ихъ владѣніе Умань. Подробно описываетъ онъ насаженный Ментцелемъ знаменитый Уманскій садъ. «Графъ предоставилъ ему неограниченныя суммы денегъ. Тысячи рукъ отданы были въ его распоряженіе, чтобы исполнять его волю. Съ такими средствами можно исполнить всякій волшебный планъ. Этотъ садъ, насажденный въ честь Софіи Потоцкой среди пустынь Украины, говоритъ о силѣ чувства, давшаго ему жизнь. Но о чемъ говорятъ эти тысячи рукъ, оторванныхъ отъ работъ для своихъ семей,—отвѣта на это не даетъ путешественникъ. Онъ весь предается восхищенію и собирается переводить на Французскій языкъ поэму придворнаго поэта Потоцкихъ, «геніальнаго» Трембецкаго, воспѣвшаго Софіевку. Въ Умани, какъ ни далека была жизнь обитателей замка отъ всякихъ тяжелыхъ воспоминаній и заботъ, нельзя было не услышать чего-нибудь о еще недавней Коліивщинѣ и рѣзнѣ. Всѣ свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ почерпнуты нашимъ авторомъ отъ обитателей замка, а потому отличаются конечно извѣстной точкой зрѣнія. Но любопытнѣе всего сообщенія о Запорожцахъ, ихъ нравахъ и жизни. Де-Лагардъ сообщаетъ, напримѣръ, что званіе кошевого атамана доставалось только тому изъ казаковъ, который при храбрости продѣлалъ всѣ виды жестокостей.

*) И все это конечно сущій вздоръ. П. Б.

Гетману всѣ «племена» платили дань, не считая извѣстной доли добычи. Обиталища Запорожцевъ *курени*, были «подземныя жилища» (demeures souterraines). Запорожцы разбоями наводили ужасъ на весь край и часто заставляли трепетать самый Кіевъ. Вообще въ старой Украинѣ страдали бѣдные паны и блаженствовали сильные и кровожадные казаки.

«La Russie et les Russes» Тиссо хотя появилась почти пятьдесятъ лѣтъ спустя, не далеко ушла отъ де-Лагарда и представляетъ такую же безцеремонную болтовню. По части описаній южной Россіи повезло вообще менѣе, чѣмъ сѣверной, о которой въ Западно-европейской литературѣ есть уже такія солидныя книги, какъ сочиненія Мекензи Уоласа, Леруа-Болье и другія.

*

Во Французской печати время отъ времени появляются романы и повѣсти изъ Русской жизни, писанные Русскими на Французскомъ языкѣ. Есть произведенія этого рода, относящіяся и къ южной Россіи, какъ напримѣръ «La Vie de château en Ukraine» г-жи Багрѣевой-Сперанской, дочери знаменитаго министра. Романическая канва этого пространнаго романа въ письмахъ слаба: *онъ* женился на легкомысленной кокеткѣ, между тѣмъ какъ тутъ же рядомъ была *другая*, которая составила бы его счастіе. Но многія описательныя страницы, рисующія природу и отчасти бытъ центральной Малороссіи, не дурны. Повидимому въ романѣ выведены дѣйствительно существовавшія лица, а можетъ быть и дѣйствительныя событія. Что̀ касается мѣстности, то знакомому съ краемъ ее узнать легко. Всѣ описанія относятся къ юго-западной части Полтавской губерніи, а мѣсто дѣйствія, Степовка, есть ничто иное, какъ благоустроенное село Буромка, центръ обширныхъ имѣній Сперанскаго въ Малороссіи.

Въ нынѣшнемъ году вышелъ въ Парижѣ и другой романъ, имѣющій много общаго съ произведеніемъ г-жи Сперанской, «La Steppe», произведеніе также автора-женщины, скрывшейся за псевдонимомъ Alexandre D'Arc. И по образованію, и по знанію жизни, г-жа д'Аркъ много уступитъ сочинителю «La vie de château», хотя замыслы ея гораздо шире.

Она пытается изобразить цѣлую картину жизни, гдѣ дѣйствующими лицами являются и крупные помѣщики, и крестьяне, и духовенство. Все это чрезвычайно поверхностно, а интрига, связывающая эти разрозненныя явленія жизни—самаго шаблоннаго Французскаго пошиба. Пружина романическаго дѣйствія—месть покинутой женщины, и, по непремѣнному требованію Французскихъ читателей, наказанный порокъ, торжествующая добродѣтель, эффектное «mot de la fin» и чуть не Бенгальское освѣщеніе. Въ книгѣ этой вдобавокъ много нелѣпостей во вкусѣ де-Лагарда, едва ли простительныхъ писателю, описывающему жизнь имъ видѣнную, а не знакомую только по наслышкѣ.

Есть еще одно литературное явленіе совершенно исключительное: два сборника Французскихъ сонетовъ, подписанныхъ характерной Малороссійской фамиліей—Гриценко. Двѣ небольшія книжки его стиховъ «Hellas, sonnets antiques» и «Silhouettes Bibliques» вышли въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ въ Парижской Librairie des Bibliophiles. Во Французскую поэзію сонеты г. Гриценка были конечно единственнымъ вкладомъ, сдѣланнымъ писателемъ южно-Русскаго происхожденія.

Въ своей «Hellas», г. Гриценко является восторженнымъ поклонникомъ той лучезарной дивной Эллады, которая рисуется сквозь дымку историческихъ воспоминаній и воплощается въ поэзіи Гомера и Софокла, въ Греческой миѳологіи и въ непревзойденныхъ до сихъ поръ древнихъ статуяхъ, гдѣ идеальная строгость замысла и высшая простота сказали свое послѣднее слово на вѣчное удивленіе вѣковъ. Въ «Библейскихъ Силуэтахъ» поэтъ вдохновляется образами Ветхаго Завѣта и рисуетъ женщинъ Библіи, какъ Руѳь, Эсфирь, Юдиѳь, Батсеба, мать Соломона, Иродіада и просто «Израильская дѣва», которую онъ изображаетъ идеальными чертами. Греческія пьесы свидѣтельствуютъ о достаточномъ проникновеніи духомъ древности, а въ похвалу библейскимъ сонетамъ достаточно сказать, что они напоминаютъ тонъ, образцомъ котораго служатъ «Еврейскія мелодіи» Байрона и не имѣютъ ничего общаго съ произведеніями современныхъ Жидовскихъ стихотворцевъ, также далекихъ отъ античной красоты, какъ величавый языкъ Библіи далекъ отъ современнаго Еврейскаго жаргона.

По складу своему г. Гриценко (нынѣ умершій) писатель чисто-западный, лучше сказать космополитическій. Группа, къ которой онъ примыкаетъ по своему типу, называется во Франціи «Парнасцами». Идеалъ его—Леконтъ де-Лиль, «непогрѣшимый поэтъ, Эллинскій философъ и представитель библейской правды». Ему посвящены и обѣ книжки сонетовъ. Піесы г. Гриценка не отличаются къ счастью невыносимою растянутостью стихотвореній его Французскаго образца, и многія изъ нихъ рѣшительно очень недурны.

*

Переходимъ къ переводамъ и изслѣдованіямъ. Въ очень рѣдкомъ старинномъ изданіи «Conteurs Russes» помѣщенъ переводъ очерка Нарѣжнаго «Гайдамакъ». Гоголя переводили Мериме́, Віардо и другіе. «Ревизоръ» ставился даже на Палерояльской сценѣ, но успѣха не имѣлъ. Для Гоголя во Франціи еще, кажется, не пришло время, такъ какъ онъ не встрѣтилъ и подобія того успѣха, какой выпалъ тамъ на долю Л. Толстого и Достоевскаго. О Шевченкѣ есть статья Эмиля Дюранъ въ «Revue des deux mondes» 1876 г., гдѣ приведено много отрывковъ изъ его стихотвореній и поэмъ. Цѣликомъ переведена г. Энсомъ (Hins) поэма «Катерина» и еще кое-что. Повѣсть Квитки-Основьяненка «Сер-

дешна Оксана» удачно передана г-жей Моро-де-ла-Мельтьеръ подъ пышнымъ заглавіемъ «Oksana, ou l'orgueil villageois et ses ravages» (Paris 1854). Граціозный историческій разсказъ Марка Вовчка «Маруся» появился первоначально по-французски въ изданіи Этзеля, а потомъ уже по-русски.

Въ своей монументальной «Géographie Universelle» знаменитый Элизе-Реклю далъ обширный и прекрасный очеркъ Малороссіи, составленный съ полнымъ знакомствомъ съ Русскими источниками. Въ послѣдніе годы, съ появленіемъ періодическихъ изданій, посвященныхъ изученію народныхъ вѣрованій, обычаевъ и представленій, и съ наступленіемъ господства въ этихъ изученіяхъ метода сравнительнаго, во Французскихъ изданіяхъ этого рода стали появляться переводы и изслѣдованія, относящіеся къ Малороссійскому народному творчеству и быту. Евгеній Энсъ обнародовалъ въ «Revue des traditions populaires» переводы Украинскихъ народно-библейскихъ легендъ («Légendes chrétiennes de l'Oukraine»). Луи-Леже въ «Recueil des contes populaires slaves» сдѣлалъ тоже для сказокъ, равно какъ и гг. Сиклеръ и Драгомановъ въ журналѣ «Melusine» и Julien de Poradou, въ Римскомъ «Revue Internationale» (Mythes et croyances paiennes de l'Ukraine). Наконецъ, въ названномъ уже Revue des traditions появилось недавно научное изслѣдованіе Малороссійскаго свадебнаго обряда «Rites et usages nuptiaux en Ukraine» г. Волкова, представляющее яркое явленіе въ дѣлѣ народоизученія. Отъ этого ученаго, превосходно знакомаго съ литературой предмета и одинаково хорошо владѣющаго Французскимъ изложеніемъ, позволительно ждать въ этой области работъ очень многаго.

Литературные труды послѣдняго рода могутъ безспорно содѣйствовать укрѣпленію дружескихъ связей между двумя націями, сблизившимися изъ политическихъ видовъ. Ознакомившись съ духовною жизнью и умственнымъ богатствомъ Русскаго народа, Франція можетъ дѣйствительно признать въ немъ друга, а не только союзника, поддержка котораго ей такъ желательна передъ лицемъ врага.

В. Горленко.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ГРАФА НОСТИЦА*).

1806.

Пребываніе принца Людовика Фердинанда Прусскаго въ Дрезденѣ.—Начало военныхъ дѣйствій.—Рудольштатъ.—Странный случай.—Саальфельдское сраженіе.—Смерть принца.

Напечатаніе въ полномъ объемѣ записокъ и мемуаровъ моего покойнаго отца, приведенныхъ мною въ порядокъ и не лишенныхъ интереса какъ воспоминанія человѣка, принимавшаго дѣятельное участіе почти во всѣхъ военныхъ событіяхъ начала настоящаго столѣтія, я считаю неудобнымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ настоящую минуту нахожу возможнымъ подѣлиться съ читающею публикой нѣкоторыми отрывками изъ оныхъ. Первое извлеченіе заключаетъ въ себѣ замѣтки отца, какъ молодаго офицера и адъютанта принца Людовика-Фердинанда Прусскаго, убитаго при Саальфельдѣ. Въ нихъ говорится вскользь о событіяхъ знаменитой Іенской кампаніи, но болѣе о нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ подробностяхъ смерти молодаго принца, подававшаго самыя блестящія надежды. При жизни отецъ не любилъ вспоминать объ этихъ тяжелыхъ дняхъ своей молодости. Его разсказъ о томъ я услышалъ впервыя совершенно неожиданно. Послѣдніе дни своей жизни больной отецъ мой провелъ въ Екатеринославскомъ нашемъ имѣніи. Нѣсколько дней до его смерти мы возвращались съ нимъ изъ степи. Отецъ ѣхалъ въ коляскѣ, я скакалъ подлѣ экипажа верхомъ. Вдругъ у меня оборвался поводъ; я хотѣлъ остановиться, но лошадь, чувствуя дѣйствіе одного только повода, начала со мною волтировать. Отецъ остановилъ коляску и, не говоря ни слова, глядѣлъ, какъ я управлялся съ лошадью. Скоро мнѣ удалось съ нею сладить, и я слѣзъ, чтобы связать оборванный поводъ. „Оставь", сказалъ отецъ, „отдай лошадь человѣку и садись со мной". Подойдя къ коляскѣ, я увидѣлъ, что у отца были на глазахъ слезы, что̀ меня крайне удивило, какъ никогда невиданное явленіе.

„Ты видишь эти раны", прибавилъ онъ, указывая на разрубленное сверху до низу лицо, на шрамъ на головѣ и слѣдъ пули у кисти лѣвой руки. „Ты сегодня нечаянно напомнилъ мнѣ тотъ день, когда я получилъ ихъ, стараясь спасти принца Людовика-Фердинанда. Боль отъ этихъ ранъ была ничтожна сравнительно съ тою сердечною болью, которую я ощущаю при одномъ воспоминаніи объ этомъ несчастномъ днѣ". За тѣмъ послѣдовалъ пе-

---

*) Знаменитый воинъ, въ 1813 году поступившій въ нашу службу, графъ Григорій Ивановичъ Ностицъ, род. 1787 г., ум. въ 1838 году. П. Б.

редаваемый нынѣ разсказъ, который я нашелъ въ послѣдствіи записанный въ его бумагахъ. Эпизодъ Бѣлой Дамы, конечно, обратитъ на себя вниманіе. Отецъ при жизни не говорилъ объ этомъ ни слова. Замѣчу однако, что покойникъ далеко не былъ суевѣренъ. Съ пылкимъ воображеніемъ онъ соединялъ самый строгій анализъ всего слышаннаго и видѣннаго, въ чемъ, конечно, согласятся всѣ его знавшіе. Остается припомнить читателю нѣсколько случаевъ подобнаго же рода, разсказанныхъ въ разныхъ мемуарахъ и запискахъ прошлаго и настоящаго столѣтія, и заключить этотъ родъ предисловія словами Гамлета: „Есть многое въ природѣ, другъ Горацій, чего и на мысль не приходило мудрецамъ“.

*

....Вскорѣ мы съ принцемъ отправились въ Дрезденъ, гдѣ была главная квартира князя Гогенлое, нашего отряднаго начальника. Роскошь моего походнаго снаряженія и въ особенности красота моихъ лошадей обратили на себя общее вниманіе блестящихъ офицеровъ, собранныхъ тогдашними обстоятельствами въ столицѣ Саксоніи. Съ замашками Англійскаго лорда, я былъ спутникомъ принца, когда онъ осматривалъ полки, проходившіе чрезъ Дрезденъ къ мѣстамъ ихъ назначенія.

Наружный и блестящій видъ Прусскихъ войскъ внушалъ слѣпое довѣріе къ успѣху предпринимаемаго. Особенно кавалерія была очень хороша, и молодые Прусскіе офицеры были необыкновенно воодушевлены мыслію о будущей борьбѣ. Вскорѣ къ Прусскимъ войскамъ присоединилась и Саксонская армія, ничѣмъ отъ нихъ не отличавшаяся и одушевленная тѣми же чувствами.

Столица Саксоніи въ то время была наполнена пріѣзжими. Этотъ городъ сдѣлался пристанищемъ всѣхъ лицъ, вынужденныхъ нашествіемъ Французовъ оставить свои постоянныя мѣста пребыванія. Кромѣ того, для многихъ Дрезденъ служилъ какъ бы обсерваторіей политическаго тогдашняго міра; и поэтому насъ совершенно не удивила встрѣча съ Генцомъ [1]), водворившимся здѣсь очень комфортабельно и съ которымъ принцъ Людовикъ, какъ оказалось, былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ.

Въ числѣ пріѣзжихъ нельзя было не замѣтить княгини Багратіонъ, создавшей изъ своей кареты какъ бы второе отечество [2]). Вскорѣ между нею и принцемъ завязалась дружба, благодаря которой княгиня въ послѣдствіи часто говорила о молодомъ и блестящемъ паладинѣ, такъ рано погибшемъ, какъ о своемъ вѣрномъ рыцарѣ.

---

[1]) Извѣстнымъ Австрійскимъ дипломатомъ, который тогда и долго послѣ былъ правою рукою Меттерниха. Онъ оставилъ послѣ себя автобіографическія записки. П. Б.

[2] Княгиня Екатерина Павловна, ур. графиня Скавронская. П. Б.

Кромѣ княгини Багратіонъ между пріѣзжими знатными дамами блистала принцесса Сольмсъ, сестра Прусской королевы, бывшая короткая знакомая принца; но дружба эта въ Дрезденѣ какъ-то пошатнулась. Однажды, войдя къ ней, я нашелъ ее въ слезахъ. Угадать причину было не трудно, но я счелъ излишнимъ принять участіе въ этой скорби и съ должною скромностію предоставилъ потоку слезъ принцессы увеличить воды Эльбы. Всегда готовый принять участіе, не жалѣя жизни, во всѣхъ боевыхъ предпріятіяхъ и случайностяхъ моего генерала, я никогда не желалъ быть его наперсникомъ; скажу болѣе, я даже избѣгалъ этой роли и никогда не вмѣшивался въ частныя его дѣла. Честь быть боевымъ товарищемъ принца была достаточна для моего самолюбія, и я оставался въ дали остальнаго и въ особенности всего того, что̀ относилось къ сердечнымъ дѣламъ, имѣя свои собственныя заботы по этой части. Словомъ, мои отношенія къ принцу ограничивались, по возможности, служебными обязанностями.

Поѣздка въ Тарантъ почти обязательна для каждаго, кто бываетъ въ Дрезденѣ. Принцъ воспользовался свободнымъ днемъ и далъ великолѣпный обѣдъ въ тамошней залѣ. На этомъ обѣдѣ были княгиня Багратіонъ, принцесса Сольмсъ, Генцъ, Бозе, я и нѣсколько другихъ лицъ. Дипломатическая холодность двухъ дамъ нарушила общее веселье, и послѣ обѣда мы разошлись по саду, окружающему купальное заведеніе Таранта. Садъ этотъ со своими узенькими, чопорными дорожками, представляя сильный контрастъ съ окружающею величественною природою, есть какъ бы олицетвореніе Саксонскаго характера. Саксонскій народъ вѣчно копошится въ тихомолку, укладывая въ тѣсную рамочку ежедневной жизни грандіозную сцену, подготовленную для него природой въ его отечествѣ. Жители Саксоніи представляютъ маленькое племя, очень добродушное, немного натянутое, немного чопорное, но умѣющее чрезвычайно хорошо устроить свой домашній очагъ и наслаждаться семейною жизнію. Саксонцы въ моемъ понятіи всегда представляются промышленными бобрами Германіи; они окружены непріятелями, и каждые полвѣка всѣ ихъ труды уничтожаются войною, какъ бы для того, чтобы у нихъ не было недостатка въ постоянномъ занятіи. И въ самомъ дѣлѣ, общее разореніе, вслѣдствіе ужасовъ войны, въ Саксоніи ничто иное какъ знакъ начала новаго устройства, до котораго тамошній народъ достигаетъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и знаніемъ дѣла.

Это было бы очень хорошо, еслибы въ то время, когда пишу эти строки, мой собственный корабль не погибъ въ общемъ бѣдствіи, постигшемъ страну, о которой идетъ рѣчь.

На возвратномъ пути мнѣ досталось ѣхать съ Генцомъ, отъ котораго, какъ дипломата, хотѣлось узнать кое-какія соображенія на

счетъ предполагаемыхъ движеній войскъ и вообще ознакомиться съ его воззрѣніемъ на тогдашнія дѣла. Для человѣка, который, подобно мнѣ въ эту эпоху, не понимаетъ тайныхъ двигателей различныхъ общественныхъ вопросовъ, нѣсколько минутъ разговора съ умнымъ и знающимъ человѣкомъ могутъ ознакомить съ основаніями современной политики лучше всякой журнальной брошюры и другихъ изданій. Впрочемъ собесѣдничество Генца въ описываемое время не принесло мнѣ этой пользы. Онъ уже былъ ловкій дипломатъ, а потому, разставшись съ нимъ и отдавая себѣ отчетъ въ нашемъ разговорѣ, нашелъ я, что имѣю понятіе о современныхъ событіяхъ еще болѣе спутанное, нежели до встрѣчи съ нимъ. Поэтому я былъ снова предоставленъ собственнымъ своимъ соображеніямъ, но только нѣсколько искаженнымъ. Подобное заключеніе какъ бы опровергаетъ первоначально высказанную мысль; но не должно упускать изъ виду, что Генцу вѣроятно не хотѣлось дѣлиться мыслями съ молодымъ неопытнымъ человѣкомъ, а онъ былъ такъ ловокъ, что провелъ бы господина и постарше меня, даже вполнѣ знакомаго со всѣми возможными журнальными бреднями.

Вскорѣ послѣ поѣздки въ Тарантъ, адъютантомъ къ принцу былъ назначенъ офицеръ Саксонской гвардіи капитанъ Бозе, вмѣсто Тилемана. То было прекрасное пріобрѣтеніе для нашего штаба: Бозе былъ отличный товарищъ и хорошій офицеръ, съ которымъ я вскорѣ очень подружился. Веселый поклонникъ Эпикура, одаренный сильною волею, честный и благородный человѣкъ, Бозе умѣлъ также строго бичевать шуткою неспособность старшихъ, какъ и глупость равныхъ. Любимымъ поприщемъ своихъ подвиговъ онъ избиралъ обыкновенно домъ Дрезденскаго ресурса, находившагося подъ особымъ покровительствомъ и служившаго сборомъ для лучшаго общества.

Тамъ, просиживая долгіе вечера, нашъ новый товарищъ былъ неподражаемъ. Всѣ знакомые съ Дрезденомъ въ эту эпоху знали Бозе и восхищались его пріятнымъ и свѣтлымъ умомъ. Кто изъ нашихъ сверстниковъ не помнитъ Бозе на его любимомъ мѣстѣ за столомъ, куда онъ помѣщался обыкновенно въ 10 часовъ вечера и гдѣ просиживалъ далеко за полночь? Онъ страстно любилъ общество, которое было ему необходимо, какъ рыбѣ вода, и Бозе было легко удовлетворить этой страсти. Репутація его, какъ веселаго собесѣдника, была установлена на прочныхъ основаніяхъ. Вопреки принятому въ Дрезденѣ обычаю ложиться рано спать, многіе забывали сонъ и усталость собственно для того, чтобы принадлежать къ кружку пріятелей нашего новаго милаго товарища. Бывало, съ стаканомъ въ рукѣ, не поддаваясь нимало вліянію вина, цѣлыя ночи на пролетъ, онъ гово-

ритъ о самыхъ разнородныхъ предметахъ, увлекая своимъ изложенiемъ и блестящею логикою людей самыхъ противуположныхъ мнѣнiй. Чего не зналъ, чего не читалъ этотъ замѣчательный человѣкъ, почти не выѣзжавшiй изъ Дрездена! Память его была по истинѣ изумительна. Онъ могъ приводить наизустъ цѣлыя страницы произведенiй великихъ авторовъ прошлаго и настоящаго столѣтiя. Не менѣе изумительно было его практическое знанiе людей и свѣта. Какъ офицеръ, онъ имѣлъ блестящую и основательную репутацiю, выказавъ свои способности и знанiе дѣла въ бытность адъютантомъ генералъ-лейтенанта Бенкендорфа.

Въ заключенiе скажу, что Бозе былъ бичемъ тѣхъ господъ, которые, если можно такъ выразиться, готовы на четверенькахъ ползать и распластываться изъ-за почестей или для удовлетворенiя глупаго желанiя добиться какого-нибудь пошлаго значенiя.

Часто выходя со мною изъ Дрезденскаго ресурса, Бозе въ свѣтлую ночь принимался за звѣзды, которыя словно были его любимицы. Иногда, любуясь ими, мы гуляли съ нимъ до самаго утра. Эти ночи мнѣ врѣзались въ память, и еще въ настоящую минуту, въ звѣздную ночь, видъ Орiона, любимой нами тогда звѣзды, напоминаетъ мнѣ веселаго собесѣдника и друга, уже давно опередившаго меня въ могилѣ.

Но между тѣмъ какъ мы шутили съ Бозе, военныя дѣйствiя шли своимъ чередомъ. Непрiятель уже старался занять ключъ дороги, идущей у подошвы горы, отъ границы Богемiи къ Саксонiи. Простой здравый смыслъ предписывалъ намъ предупредить непрiятеля и занять эту дорогу, какъ естественную связь между Рейномъ и Эльбою. Къ несчастiю этотъ смыслъ былъ какъ бы въ командировкѣ изъ головъ нашихъ тогдашнихъ политиковъ. Хитросплетенность ихъ соображенiй оказалась неурядицею мыслей и чистою неспособностiю въ то время, когда судьба Пруссiи ставилась на карту.

Принцъ Людовикъ-Фердинандъ, какъ уже сказано, принадлежалъ къ отряду князя Гогенлое, который выступилъ изъ Дрездена съ своимъ штабомъ. Полагали, что онъ двинется чрезъ Альтенбургъ, Хемницъ, Цвикау и Гофъ на Майнъ. Мой начальникъ приказалъ мнѣ слѣдовать вмѣстѣ съ этимъ штабомъ. Я отправился, жадно желая угадать будущность и полный надежды, что вскорѣ приму дѣятельное участiе въ важныхъ для Германiи и, главное, счастливыхъ случайностяхъ новой Европейской драмы.

Пользуясь нѣсколькими часами свободы, Людовикъ-Фердинандъ отправился изъ Дрездена въ Эйзенбергъ въ Богемiи къ князю Лобковичу, гдѣ предполагалъ встрѣтиться съ нѣкоторыми прiятелями Австрiйцами, прибывшими къ границѣ, чтобы ближе слѣдить за воен-

ными дѣйствіями. Время охотъ уже началось, и на одной изъ нихъ, данной въ честь пріѣзжаго гостя, онъ подвергнулся сильной опасности отъ раненаго кабана, который бросился на него съ яростію; хладнокровіе принца спасло его: онъ убилъ звѣря, оказавшагося необыкновенной величины.

На второмъ переходѣ, въ Одеранѣ, нашъ молодой генералъ догналъ свой отрядъ. Между прочимъ, онъ привелъ съ собою великолѣпную Англійскую лошадь, купленную у фельдмаршала князя Шварценберга. Бѣдный Слонъ! Твоя красота и сила, которыми мы такъ любовались, не спасли твоего новаго хозяина отъ смерти.

Всѣ признаки войны вокругъ насъ мало-по-малу стали высказываться яснѣе. Войскъ собиралось все болѣе и болѣе; насъ уже окружала цѣлая толпа генераловъ. Приказы, диспозиціи мѣнялись одни за другими. Съ отвращеніемъ вспоминаю о томъ времени, о томъ безпорядкѣ и хаосѣ, который царствовалъ вокругъ насъ. Тогдашняя неопытность не позволяла мнѣ понять вполнѣ всю опасность этихъ предвѣстниковъ неудачи. Впрочемъ ничтожное мое значеніе въ военной іерархіи не позволило не только пособить горю, но даже неосторожнымъ словомъ или сужденіемъ нарушить довѣріе войскъ къ ихъ начальникамъ.

Здѣсь замѣчу, что самый ужасный недостатокъ войска въ виду непріятеля это—безпорядокъ; но еще хуже поколебавшееся или не установившееся довѣріе войскъ къ начальникамъ, ведущимъ ихъ въ бой. Полки, имѣющіе подобные задатки, впередъ могутъ считать себя разбитыми.

Въ Хемницѣ отрядъ князя Гогенлое получилъ приказаніе податься назадъ по дорогѣ къ Войхтланду для сближенія съ главною арміею герцога Брауншвейгскаго, въ главной квартирѣ котораго находился король. Это приказаніе поразило всѣхъ, отнимая у нашихъ войскъ возможность опереться на Богемію и предоставляя Тауенцина въ жертву непріятелю. Вѣроятно мы хотѣли схитрить и полагали, что совершили что-то очень мудреное.

Принцъ Людовикъ-Фердинандъ былъ приведенъ въ совершенное отчаяніе этимъ распоряженіемъ. Сосредоточенный его характеръ позволилъ ему подъ маскою веселости скрыть отъ многихъ свое огорченіе; но это могло обманывать только тѣхъ, кто близко не зналъ принца.

Всѣ переходы принцъ дѣлалъ на конѣ со мною вдвоемъ, безъ свиты и съ однимъ только вѣстовымъ. Безъ орденовъ, въ одномъ мундирѣ, онъ былъ принимаемъ часто Саксонскими полками, которыхъ мы обгоняли на походѣ, за простаго лейтенанта, догоняющаго свой полкъ. Это неумышленное инкогнито веселило насъ, потому что очень часто

ординарцы и вѣстовые, слѣдуя съ приказаніями по одной съ нами дорогѣ, вступали съ принцемъ въ дружескіе разговоры. Помнится, однажды командиры проходившихъ полковъ, узнавъ принца, отдали ему честь съ музыкой; лошадь его, бросившись въ сторону, сбила музыкантовъ съ такта, при чемъ одинъ солдатъ позволилъ себѣ фамильярно замѣтить его свѣтлости, что онъ мѣшаетъ полку идти въ ногу, не подозрѣвая, что весь музыкальный гамъ былъ поднятъ въ его честь.

Въ концѣ Сентября мы были въ Іенѣ. Тамъ была назначена квартира князя Гогенлое и принца Людовика-Фердинанда. Въ Эрфуртѣ же была главная квартира герцога Брауншвейгскаго и короля.

Каждый часъ проволочки сильно раздражалъ его свѣтлость. Еще никто не зналъ, будемъ ли мы драться или подпишемъ постыдный миръ. Оказывалось между прочимъ, что многаго недостаетъ, что многое забыто въ Берлинѣ, вѣроятно въ надеждѣ, что стоящіе во главѣ нашей великіе геніи все поправятъ и все совершатъ въ одно мгновеніе ока.

Я не буду говорить ни слова о военныхъ совѣтахъ въ Эрфуртѣ, и мое повѣствованіе было бы лишнимъ. Массенбахъ говорилъ уже о нихъ, не забывая ни малѣйшей подробности: въ его разсказѣ упомянутъ даже стаканъ воды герцога Брауншвейгскаго. Принцъ, участвуя въ совѣтахъ, долженъ былъ оставаться въ Эрфуртѣ; мнѣ же было приказано ѣхать въ Рудольштатъ, гдѣ долженъ былъ расположиться нашъ штабъ (то есть штабъ начальника авангарда отряда Гогенлое) и приготовить тамъ квартиры.

Между толпою офицеровъ, которыми наполнилась главная квартира, я нашелъ моего пріятеля Альвенслебена, служившаго по прежнему ротмистромъ въ кирасирахъ Голцендорфа. Онъ осмотрѣлъ мою конюшню и промѣнялъ одну изъ моихъ лошадей на большую Англійскую кобылу. «Эта лошадь», сказалъ онъ при промѣнѣ, «будетъ тебѣ полезна, какъ адъютанту принца; мнѣ же въ полку она не очень нужна. Скажу только, что эта кобыла меня уже выручила однажды изъ бѣды, и ты на нее вполнѣ можешь надѣяться».

Отправляясь въ Рудольштатъ, я получилъ приказаніе передать поклонъ царствующему герцогу Шварцбургскому и узнать, что̀ дѣлается за Франконскимъ лѣсомъ, т. е. у непріятеля.

Первая половина порученія была незатруднительна. Согласно этикета, въ полной парадной формѣ, я былъ представленъ его высочеству гофмаршаломъ Коттельротомъ. Добрѣйшій герцогъ, Богъ упокой его душу, игралъ роль императора въ миніатюрѣ. Министровъ, совѣтниковъ, гофмаршаловъ, маршаловъ, солдатъ, конныхъ и пѣшихъ, всего у него было понемногу. Все это бѣгало, суетилось съ подобающею важ-

ностью, а между тѣмъ весь этотъ знаменитый дворъ могъ бы помѣститься въ одной залѣ очень обыкновеннаго размѣра.

Вторая половина порученія была затруднительнѣе. До этой минуты я былъ знакòмъ съ войной только по сочиненіямъ различныхъ авторовъ, которыхъ изучалъ, могу смѣло сказать, очень добросовѣстно. Къ сожалѣнію, господа писатели, малые и великіе, чрезвычайно подробно разбираютъ общій ходъ войны и сраженій; но въ ихъ сочиненіяхъ положительно нѣтъ рѣшенія тѣхъ мелочныхъ вопросовъ, которые представляются на каждомъ шагу молодому, неопытному офицеру при исполненіи свойственнаго его чину порученія. Словомъ, мнѣ казалось, что я годился въ генералы; а между тѣмъ на дѣлѣ оказалось, что я не зналъ азбуки военнаго дѣла. Помнится, я былъ въ страшномъ затрудненіи, желая примѣнить теорію къ дѣлу и не рѣшаясь руководствоваться однимъ здравымъ смысломъ. Позднѣе, припоминая этотъ случай, я не разъ подсмѣивался надъ самимъ собою.

Изъ этого однако я вывожу слѣдующее заключеніе. Наука, обогащая нашъ умъ, можетъ принести истинную пользу лишь тогда, когда пріобрѣтенный опытъ, соединенный съ здравымъ смысломъ, дозволитъ намъ примѣнить къ дѣлу наши научныя свѣдѣнія. По моему мнѣнію, ученые, но неопытные и безсмысленные теоретики едва ли не вреднѣе здравомыслящихъ и опытныхъ неучей. Первые тотчасъ же хотятъ разыгрывать роль великихъ людей, не имѣя ни ихъ достоинствъ, ни отличительныхъ качествъ; вторые же, по крайней мѣрѣ, умѣютъ исполнять то, чтò имъ приказано, безъ излишнихъ мудрствованій.

7-го Октября Людовикъ-Фердинандъ прибылъ въ Рудольштатъ со своимъ штабомъ; тутъ находились квартирмейстеръ капитанъ Валентини, Клейстъ, Меллендорфъ, ординарецъ офицера принцева полка и два инженерныхъ офицера, изъ которыхъ младшій былъ Шубертъ.

«Слава Богу, наконецъ, кое-что рѣшено», сказалъ мнѣ принцъ, когда я встрѣтилъ его вечеромъ на большой дорогѣ за нѣсколько верстъ отъ зàмка. Но принцъ далеко не былъ веселъ; я тотчасъ же понялъ, что онъ сомнѣвается въ успѣхѣ нашихъ войскъ и разсчитываетъ только лично на самого себя. Въ немъ было столько высокихъ чувствъ, что самыя грустныя обстоятельства не могли его заставить упасть духомъ. Если съ одной стороны онъ видѣлъ ясно всю неспособность главнаго управленія и его слабость въ виду столь важныхъ обстоятельствъ, то съ другой—онъ утѣшалъ себя блестящею надеждою на храбрость и стойкость нашихъ войскъ; вообще онъ жаждалъ честнаго, хотя и не увѣнчаннаго побѣдою боя, предпочитая его постыдному и сопряженному съ уступками миру. Высокая душа съумѣетъ всегда найти въ самой себѣ утѣшеніе; ея энергія усиливается отъ пре-

пятствій; отчаяніе ей неизвѣстно; она играетъ жизнію, хотя и убѣжденная, что жертва послѣднею не принесетъ надлежащей пользы въ минуты общаго упадка духа и чести.

Принцъ Людовикъ-Фердинандъ съ этой минуты обрекъ уже себя на жертву начинающейся борьбы.

Пріѣздъ нашего молодаго генерала ознаменовался въ Рудольштатѣ праздникомъ. Балъ, данный въ его честь, былъ одинъ изъ самыхъ веселыхъ мною видѣнныхъ. Я провелъ вечеръ съ одною изъ придворныхъ фрейлинъ, дѣвушкой очень умной, начитанной и любезной. Воодушевленная мыслью объ освобожденіи Германіи и предстоящими военными дѣйствіями, она казалась какъ бы рожденною для роли Орлеанской дѣвы. Я тотчасъ же приладился къ настроенію ея духа, напомнивъ ей нѣкоторыя избранныя мѣста изъ трагедіи Іоанна д'Аркъ Шиллера, не задолго передъ тѣмъ появившейся въ свѣтъ.

Къ ужину герцогъ Рудольштатскій не пожалѣлъ своего погреба и, какъ истинный хозяинъ, счелъ долгомъ доказать на себѣ доброе качество своихъ винъ. Герцогиня, женщина одаренная тактомъ и умомъ, сумѣла не допустить скандала, удалившись во время въ свои покои съ семействомъ и дамами. Принцъ Людовикъ-Фердинандъ послѣдовалъ за нею и остатокъ вечера провелъ за фортепіано. Онъ, какъ извѣстно, былъ отличный музыкантъ и въ этотъ вечеръ долго и особенно прекрасно игралъ. Знаменитый піанистъ и композиторъ Дюссекъ, пріѣхавшій навѣстить принца, въ тотъ вечеръ вторилъ принцу на другихъ клавекордахъ. То была какъ бы послѣдняя пѣснь лебедя!

8-го Октября 1806 года нашъ отрядъ оставилъ Рудольштатъ и тронулся къ Ильму. Онъ долженъ былъ, какъ авангардъ войскъ князя Гогенлое, стать поперекъ Тюрингенскаго лѣса, поддерживая сообщеніе съ Готою. Численность войскъ у принца состояла изъ 9 т. пѣхоты и 2 т. всадниковъ.

Послѣ небольшой рекогносцировки, его свѣтлости было дано знать, что Французы отрѣзали сообщеніе Тауенцина съ Гофомъ и приближаются къ Саалѣ. Понимая необходимость прикрыть переправу чрезъ эту рѣку, принцъ нашелъ нужнымъ воспрепятствовать движенію непріятеля, а потому возвратился изъ Ильма на старую позицію у Рудольштата, гдѣ предполагалъ сосредоточить обѣщанныя ему подкрѣпленія. Слѣдовательно то было не безразсудное и поспѣшное обратное движеніе войскъ, какъ впослѣдствіи говорили, но разсчитанное отступленіе.

Мѣстность, по которой мы возвращались отъ Ильма къ Рудольштату, въ нѣсколько часовъ совершенно видоизмѣнила свой характеръ. На лицахъ встрѣчаемаго народонаселенія были написаны ужасъ и

безпокойство—неизбѣжные спутники войны. Въ Рудольштатскомъ замкѣ царствовалъ хаосъ.

По прибытіи туда принцъ отдалъ свои приказанія капитану Тилеману, послѣ чего написалъ нѣсколько писемъ и поѣхалъ въ главную квартиру.

Скоро наступили сумерки. Съ возвышенія, на которомъ построенъ Рудольштатскій замокъ, виднѣется амфитеатръ горъ, окаймляющихъ Саалу. На этомъ амфитеатрѣ вечеромъ заблестѣли огни нашихъ аванпостовъ,расположенныхъ тамъ подъ командою капитана Гнейзенау между Саальфельдомъ и Грефенталемъ. Драма начиналась.

Мы ожидали съ нетерпѣніемъ въ Рудольштатѣ возвращенія принца къ ужину. Нетерпѣніе наше было естественно. Принцъ долженъ былъ привезти окончательныя распоряженія главныхъ нашихъ начальниковъ. Каждому изъ насъ надоѣла эта жизнь между войною и миромъ; притомъ непріятель былъ уже, какъ говорится, на носу, а между тѣмъ мы были совершенно не приготовлены къ его встрѣчѣ.

Въ ожиданіи принца мы считали не только часы, но минуты, и секунды. Наконецъ въ 9 часовъ вечера послышался топотъ лошадей, возвѣстившій его возвращеніе. Мы опрометью бросились къ нему на встрѣчу.

Принцъ казался въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, и мы поняли, что расправшивать его нечего и что онъ самъ разскажетъ все что̀ можно сообщить.

«За столъ, господа!» сказалъ принцъ, входя въ залу. «Я страшно голоденъ, и за ужиномъ я сообщу новости, которыя васъ порадуютъ. Мы рѣшительно начинаемъ воевать, и намъ принадлежитъ честь первымъ размѣняться ударами съ Французами».

Ужинъ уже былъ готовъ. Мы сѣли за столъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Доброе старое вино герцога Рудольштатскаго еще болѣе насъ развеселило. Къ концу ужина мы осушили, по предложенію принца, заздравный кубокъ за будущіе успѣхи знаменитаго наслѣдія великаго Фрица, за Прусскую армію. Обаятельныя слова: отечество и слава воодушевили насъ окончательно.

Никогда не забуду этого достопамятнаго вечера. Вообразите себѣ средневѣковую большую залу, на стѣнахъ которой были прибиты рыцарскіе гербы знаменитѣйшихъ домовъ Германіи; сквозь окна виднѣлась луна, выплывавшая изъ амфитеатра окрестныхъ горъ и прихотливо игравшая въ причудливыхъ облакахъ. По серединѣ залы помѣщался столъ, вокругъ котораго сидятъ молодые люди, только что начинающіе жить и радующіеся встрѣчѣ со смертію во имя отечества и славы.

Разговоръ былъ оживленъ, какъ всегда это бываетъ наканунѣ торжественной встрѣчи людей съ предверіемъ смерти.

Вскорѣ общество наше раздѣлилось на кружки. Каждый вспоминалъ прошлое, дѣлился настоящими впечатлѣніями, говорилъ о скоромъ и славномъ возвращеніи или не менѣе славной смерти. Каждый изъ насъ не боялся выразить свою задушевную мысль въ этомъ обществѣ людей, успѣвшихъ уже коротко ознакомиться другъ съ другомъ и долженствующихъ вскорѣ побрататься на вѣчность на полѣ битвы. Посторонній человѣкъ, вошедшій нечаянно въ залу, никогда бы не повѣрилъ, глядя на насъ, что утро завтрашняго или послѣ-завтрашняго дня для нѣкоторыхъ изъ насъ будетъ послѣднимъ утромъ; онъ бы принялъ насъ за веселыхъ друзей, собравшихся послѣ удачной охоты отдохнуть отъ усталости хорошо проведеннаго дня; но оклики часовыхъ и мѣрные шаги ночныхъ патрулей скоро вывели бы его изъ заблужденія, и онъ понялъ бы, что мы радуемся близкой встрѣчѣ съ войскомъ, предводимымъ лучшимъ полководцемъ Европы, съ которымъ намъ хотѣлось уже давно помѣриться. Онъ невольно припомнилъ бы, что этотъ вечеръ ничто иное, какъ прологъ къ великой драмѣ, за которой съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила вся Европа.

Принцъ почти не пилъ; я также. Онъ сидѣлъ на краю стола, къ которому были придвинуты фортепіано и изрѣдка наигрывалъ коекакія фантазіи. Ему вторилъ его пріятель Дюссекъ.

Вечеръ пролетѣлъ незамѣтно, и наступала уже ночь; но мы того не замѣчали въ пылу веселыхъ разговоровъ.

«Ностицъ, какъ я счастливъ сегодня», сказалъ принцъ, когда я подошелъ (не помню уже зачѣмъ) къ нему.

Въ эту минуту огромные старинные часы зàмка стали бить полночь; каждый ударъ ихъ глухо отдавался въ залѣ.

«Наконецъ», продолжалъ онъ, «нашъ корабль въ открытомъ морѣ. Вѣтеръ попутный, и мы на мѣстахъ»...

Въ это время прекрасное лицо принца вдругъ измѣнило выраженіе. Онъ вскочилъ, протеръ глаза и, схвативъ со стола свѣчу, бросился въ корридоръ ведущій въ залу.

Никто изъ присутствующихъ, кромѣ меня, не замѣтилъ этого внезапнаго, какъ мысль, движенія. Я бросился за принцемъ. Въ темномъ неосвѣщенномъ корридорѣ я нашелъ его преслѣдующимъ какой-то бѣлый призракъ. Не успѣлъ я догнать принца, какъ тѣнь, достигнувъ противоположной глухой стѣны, скрылась.

Принцъ, услышавъ мои шаги, обернулся; лицо его было блѣдно, какъ полотно. «Ты видѣлъ, Ностицъ?» — «Видѣлъ, ваша свѣтлость», отвѣчалъ я.

«Такъ это не сонъ, не бредъ?» продолжалъ принцъ и вмѣстѣ со мною сталъ осматривать стѣну, въ которой скрылась тѣнь. Напрасны были всѣ наши усилія отыскать въ ней какое нибудь подобіе двери. Принцъ и я стучали по стѣнѣ эфесами нашихъ сабель, желая убѣдиться, нѣтъ въ ней какого - нибудь изъ тѣхъ тайныхъ проходовъ, которые составляютъ какъ бы принадлежность старыхъ замковъ. Стѣна подъ нашими ударами издавала ровный, глухой звукъ, доказывающій ея плотность.

«Не хорошо, не хорошо», сказалъ принцъ послѣ неудачныхъ попытокъ. «Ступай, спроси у часоваго, не видѣлъ ли онъ чего?»

Я исполнилъ приказаніе. Часовой отозвался, что мимо его прошелъ въ корридоръ человѣкъ въ бѣломъ плащѣ, котораго онъ принялъ за офицера *), а потому пропустилъ, и что этотъ человѣкъ не возвращался. Въ корридорѣ были только двѣ двери; у одной стоялъ часовой, а другая вела въ залу.

«Не хорошо, Ностицъ», сказалъ снова принцъ въ отвѣтъ на мое донесеніе. «Молчи и не разсказывай никому о томъ, что̀ мы видѣли».

Вскорѣ мы всѣ разошлись. Я хотѣлъ остаться съ принцемъ, но онъ приказалъ мнѣ удалиться.

Уходя отъ него, я невольно припомнилъ преданіе, существующее въ фамиліи Гогенцоллерновъ, по которому членамъ этого дома, передъ какимъ либо несчастіемъ, является Бѣлая Дама, графиня Орламюнде.

Прочтя предыдущія строки, многіе подумаютъ, что я суевѣренъ. Вся жизнь моя, какъ послѣ, такъ и прежде описаннаго, говоритъ иное. Говорю о томъ что̀ было и предоставляю судить читателю, какъ ему заблагоразсудится. Не любилъ я вспоминать объ этихъ несчастныхъ дняхъ, ознаменованныхъ потерею любимаго всею душею и уважаемаго начальника, и еще менѣе любилъ разсказывать случай о Бѣлой Дамѣ, частію изъ опасенія смѣшной репутаціи духовидца, частію изъ боязни дѣйствовать на пылкое воображеніе слушателей. Теперь же предоставляю читателю судить о случившемся, какъ ему вздумается: вѣрующій—да вѣритъ, et vice versa.

Впрочемъ, какъ помнится, уже на другой день, подъ впечатлѣніемъ событій, быстро смѣнявшихся одно за другимъ, занятый исполненіемъ своихъ обязанностей, усложненныхъ обстоятельствами, я совершенно забылъ объ этомъ. Случившееся позже врѣзало мнѣ это событіе въ память.

*) Саксонскіе кавалерійскіе офицеры въ то время носили бѣлые плащи.

Съ наступленіемъ ночи, съ 9 на 10-е, городъ Рудольштатъ наполнился проходящими Саксонскими полками, которые, по своему обычаю, сильно шумѣли. Нѣмецкій солдатъ хорошо дерется, хорошо служитъ, но природа его болтлива и ворчлива. Въ его болтовнѣ и руготнѣ смѣсь самая странная здраваго смысла съ глупостью и откровенностію.

Я отправился въ городъ, по приказанію принца, наблюдать за порядкомъ прохожденія войскъ. Крикъ и гамъ со всѣхъ сторонъ просто оглушали меня. Нѣсколько разъ я возвращался въ замокъ для доклада принцу о происходившемъ. Въ третій мой приходъ, около 2-хъ часовъ ночи, я вошелъ въ его комнату.

Комната эта была средней величины; въ углу стояла кровать, на которой лежалъ полураздѣтый принцъ. По срединѣ находился столъ, заваленный топографическими картами и бумагами. Почти весь штабъ былъ на лицо съ перьями въ рукахъ; ближе всѣхъ сидѣлъ къ принцу Тилеманъ, который, находясь въ Бланкенбургскомъ отрядѣ, случайно попалъ въ замокъ и остался ночевать у насъ.

«Посмотрите», сказалъ принцъ, выслушавъ мое донесеніе, «нашъ лѣнивый Меллендорфъ также съ перомъ. Кстати Ностицъ, вы здѣшній; потрудитесь сказать, чтобы намъ принесли Шампанскаго. Тилеманъ умираетъ отъ жажды».

Входя въ комнату, я замѣтилъ въ передней громадную фигуру герцогскаго гайдука, а потому, исполняя желаніе принца, поручилъ ему принести вина.

Съ цѣлію оклеветать послѣдніе дни моего незабвеннаго принца, впослѣдствіи припоминали это приказаніе, это несчастное вино; припоминали конецъ ужина во время бала, бывшаго, 7-го числа, въ замкѣ; увѣряли, что принцъ пошелъ въ бой, запечатлѣнный его смертію, послѣ оргіи, воодушевленный винными парами. Я разсказалъ выше истину объ ужинѣ, въ началѣ котораго его свѣтлость удалился въ покои герцогини; принесенныя же двѣ бутылки Шампанскаго, въ настоящую минуту, были выпиты нами, а принцъ не дотрогивался до бокала. Окончивъ работу, онъ раздѣлся и легъ спать; а я отправился снова къ своему мѣсту въ городъ наблюдать, по прежнему, за проходомъ войскъ.

10-го Октября, въ 6 часовъ утра, я былъ снова у принца. Онъ одѣвался; на немъ былъ мундиръ со звѣздою Чернаго Орла и орденомъ Магдебурга.

«Взгляните», сказалъ онъ, указывая на амфитеатръ прибрежныхъ къ Саалѣ горъ. «Вотъ огни Французовъ. Мы не пошли къ нимъ, они идутъ къ намъ. Гнейзенау доноситъ, что ихъ колонны проходили

чрезъ лѣсъ цѣлую ночь; нужно идти на встрѣчу къ нимъ: иначе они будутъ у насъ на пятахъ, прежде нежели мы успѣемъ одуматься».

Принцъ былъ спокоенъ, какъ и всегда; таковъ онъ былъ за нѣсколько минутъ до начала сраженія. Истинное величіе души заключается въ спокойствіи и отсутствіи блеска: ей не нужна особенная сцена или обстановка.

Нѣсколько полученныхъ донесеній объяснили принцу окончательно планъ непріятеля. Послѣдній, какъ то можно было угадать, подвигался къ Саалѣ и въ долинѣ, образуемой этой рѣкою, собиралъ свои массы съ тѣмъ, чтобы идти сначала на Прусскую армію. Онъ намѣревался этимъ движеніемъ отрѣзать ее отъ Саксонской и разбить каждую особо, прежде нежели та или другая успѣютъ развернуть свои силы, что̀ и было исполнено, и этимъ смѣлымъ маневромъ Наполеонъ уничтожилъ силы Пруссіи, а съ нею и послѣднюю надежду Германіи.

Позднѣе говорили, что пылкость принца, вступившаго въ бой съ неравными силами у Саальфельда, такъ сказать, вызвала этотъ маневръ. Но въ оправданіе покойнаго скажу слѣдующее.

Послѣдняя инструкція, данная принцу, предписывала ему охранять Грефентальское ущелье и, главное, воспрепятствовать переходу непріятеля чрезъ Саалу. Онъ не могъ отступить отъ этой инструкціи. Понимая вполнѣ, что Саальфельдъ есть конечный пунктъ нашей операціонной линіи, принцъ долженъ былъ защищать его до послѣдней возможности. Вступая же въ неровный бой, его свѣтлость не могъ не расчитывать на поддержку близъ стоявшихъ войскъ остальной нашей арміи. Конечно, бываютъ случаи, когда бездѣйствіе въ виду непріятеля облекается громкимъ именемъ осторожности, но на подобные подвиги принцъ Людовикъ-Фердинандъ былъ неспособенъ. Наконецъ, замѣтимъ, что непріятельскій маневръ, одна изъ лучшихъ комбинацій Наполеона, въ сущности начался не у Саальфельда, но у Кобурга, съ той минуты, какъ Французы у Гофа вытѣснили Тауенцина изъ верхней Франконіи.

10-го Октября, въ 7-мь часовъ утра, мы выѣхали изъ замка по направленію къ Саальфельду. Свиту принца составлялъ штабъ, т. е. Валентини, Клейстъ, Меллендорфъ, Бозе, я и главнокомандующій Рудольштатскими войсками. По поводу послѣдняго, т. е. для объясненія, какъ онъ попалъ въ нашу свиту, нужно сдѣлать маленькое отступленіе.

Странное дѣло: отчего въ самыя важныя минуты жизни ко всему великому примѣшивается почти всегда смѣшное и къ торжественнымъ воспоминаніямъ присоединяется какой - нибудь забавный эпизодъ?

Маленькій герцогъ Рудольштатскій смѣшилъ меня своей фигуркой съ перваго же дня знакомства. 9-го Октября, съ самаго ранняго утра, онъ уже бѣгалъ по корридорамъ своего замка, въ полномъ мундирѣ своей гвардіи. Встрѣтивъ меня, идущаго къ принцу, онъ поручилъ очень торжественно сообщить его свѣтлости о своемъ отчаяніи по случаю невозможности слѣдовать за нимъ на поле чести; «но», добавилъ онъ съ уморительною важностію, «сегодня я долженъ подписать смертный приговоръ: въ подобный день, по принятому изревле обычаю предковъ, я не могу оставить замка. Я предписалъ, впрочемъ, начальнику моихъ войскъ быть при его свѣтлости со всею моей кавалеріей». Кавалерія же эта состояла вся изъ 6-ти гусаръ. Не понимаю, какъ я не расхохотался въ отвѣтъ на эту рѣчь почтеннаго герцога Рудольштатскаго и Шварцбургскаго.

Чрезъ нѣсколько минутъ возникшая картина ужасовъ войны изгладила это веселое впечатлѣніе. Во дворѣ замка уже толпились перепуганныя и потерявшія, по обычаю, голову женщины, укладывавшія въ разныя повозки и экипажи нужныя и ненужныя вещи. По дорогѣ толпился народъ, убѣгавшій отъ непріятеля; женщины, дѣти плакали и кричали.

Вслѣдъ за нами изъ замка выѣхало и семейство герцога. Послѣдній, какъ видно, не подписалъ смертнаго приговора, потому что былъ въ числѣ уѣзжающихъ. Къ вечеру, впрочемъ, онъ самъ и его участь уже зависѣли отъ воли врага-побѣдителя.

Видъ войскъ, къ которымъ мы вскорѣ подъѣхали, былъ неутѣшителенъ. Много было писано и говорено о духѣ войска, esprit des troupes, какъ говорятъ Французы. Съ своей стороны я могу сказать, что солдатъ отлично предугадываетъ, за нѣсколько минутъ до начала сраженія, успѣхъ дня. Мой глазъ въ послѣдствіи никогда меня не обманывалъ; когда я замѣчалъ въ рядахъ даже не уныніе, но отсутствіе пылу и восторженности или лучше, такъ сказать, жизненности въ стоящихъ передо мною стройныхъ войскахъ, я напередъ могъ навѣрное предсказать неудачу. Первый урокъ въ этомъ отношеніи былъ полученъ мною подъ Саальфельдомъ.

Былъ отданъ приказъ войскамъ двинуться впередъ къ деревнѣ Шварцъ и, построившись въ боевой порядокъ, слѣдовать къ Саальфельду. Меня принцъ послалъ къ генералу Пелле, отрядъ котораго занималъ Бланкенбургъ, съ приказаніемъ охранять дефиле, поддерживая и прикрывая нашъ правый флангъ. Только въ 10-ть часовъ я возвратился къ принцу, котораго нашелъ у егерскихъ полковъ.

Клейстъ въ это время что-то совѣтывалъ принцу и дѣлалъ какія-то замѣчанія; но послѣдній ѣхалъ молча, не обращая вниманія на говорящаго. Изрѣдка его свѣтлость обращался съ нѣкоторыми вопро-

сами къ Валентини, единственному лицу между нами, уже окуренному порохомъ и очень замѣчательному по своему уму, способностямъ и познаніямъ.

Во время моего отсутствія принцъ завтракалъ у герцога Кобургскаго, при чемъ присутствовалъ капитанъ Австрійской службы графъ Менсдорфъ, женатый на одной изъ молодыхъ герцогинь Кобургскихъ, старый знакомый принца.

Главныя силы нашего отряда, между тѣмъ, уже перешли д. Шварцъ и медленно подвигались колоннами впередъ, имѣя Саксонскую артиллерію на флангѣ и поддерживая сообщеніе съ генераломъ Пелле. Деревня Шварцъ была занята Саксонскимъ полкомъ курфирста подъ командою генерала Бовилаква, расположившаго свою первую линію на крутизнѣ у подошвы горы. Прусская артиллерія расположилась на небольшой возвышенности позади Саальфельда; два баталіона Прусскихъ мушкатеровъ занимали этотъ городокъ. Впереди стояли Саксонскіе гусары, а на высотахъ расположились егеря, поддерживая сообщеніе съ Гнейзенау, медленно выступавшимъ изъ горныхъ дефиле.

Принцъ стоялъ, какъ уже сказано, около егерей, когда я возвратился отъ генерала Пелле. Оттуда можно было видѣть небольшіе отряды непріятеля, расположенные на лѣсистыхъ высотахъ, окружающихъ нашу позицію. Все было тихо, дѣло еще не начиналось.

Принцъ былъ вездѣ встрѣчаемъ громкими привѣтствіями войскъ; но эти клики сливались съ воплями женщинъ, понимавшихъ, что большая часть ужасовъ войны падетъ и на нихъ.

Солдаты громко шутили надъ плачущими.

«Чего плачете», говорили одни, «словно на похороны собрались! Ваши слезы размочатъ только дорогу».—«И безъ васъ обойдемся; воды-то вдоволь», добавлялъ другой.

Принцъ поѣхалъ впередъ. Онъ улыбался и казался веселымъ, говоря съ нами; но привычному глазу было нетрудно угадать, что эта улыбка не естественна и что онъ чѣмъ-то озабоченъ.

Вдругъ, на небольшомъ возвышеніи, мы всѣ ясно увидѣли фигуру женщины покрытую бѣлымъ покрываломъ и горько плачущую. Ничего въ этомъ удивительнаго не было. Быть можетъ, то была мать, потерявшая сына и оплакивающая юношей-сыновей другихъ матерей, которыя вечеромъ окажутся безжизненными трупами; быть можетъ, то была домовитая хозяйка одного изъ селеній, уже разграбленныхъ непріятелемъ; наконецъ, жена одного изъ тысячи солдатъ готовившихся къ смерти.

Я не обратилъ бы на нее вниманія, если бы принцъ не вскрикнулъ: «Ностицъ, опять она! Бѣлая женщина меня преслѣдуетъ», и съ

этимъ словомъ, крикнувъ «за мной!» онъ поскакалъ впередъ, какъ бы желая избавиться отъ этого видѣнія.

Мнѣ однако хотѣлось узнать, бредъ-ли то воображенія или истинное привидѣніе было передъ нами. Къ несчастію, моя лошадь, привыкшая слѣдовать за лошадью принца, въ эту самую минуту понесла меня. Я едва съ нею справился и когда, послѣ двухъ-трехъ вольтовъ, могъ подъѣхать къ холмику, на которомъ видѣлъ женщину, подѣйствовавшую на воображеніе принца—ея уже тамъ не было.

Я обратился къ близъ стоявшимъ солдатамъ, чтобы узнать истину.

— «Мало ихъ тутъ таскается!» отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— «Но вы замѣтили женщину въ бѣломъ?» продолжалъ я разспрашивать.

— «Какъ же, г. поручикъ», отвѣчалъ другой, «не замѣтить этой безстыдницы; на ней была одна рубаха и какое-то покрывало».

— «Нечего сказать, не разодѣлась!» добавилъ третій.

— «Да куда же она дѣвалась?»

— «А кто ее знаетъ? Видно, стыдно принца стало: какъ онъ только пріѣхалъ, она и пропала».

Странное дѣло, Бѣлая Дама была передъ нами, мы ее всѣ видѣли, и она вдругъ скрылась, какъ тѣнь. На протяженіи довольно значительнаго пространства, находившагося передъ мною, я видѣлъ много женщинъ, но ни одной въ бѣломъ.

Нечего было дѣлать! Пришлось мнѣ догонять свиту принца, не разъяснивъ этой тайны, и мнѣ снова невольно пришла въ голову легенда дома Гогенцоллерновъ.

Принцъ догадался о причинѣ моего отсутствія, и когда я присоединился къ штабу, онъ сказалъ мнѣ, прикладывая палецъ къ губамъ: «молчи навсегда».

Вскорѣ раздался первый выстрѣлъ Саальфельдскаго сраженія.

Пруссаки и Саксонцы двинулись впередъ. Вскорѣ, раздавленные превосходствомъ непріятельскихъ силъ, они должны были податься назадъ; два полка Французскихъ гусаръ бросились ихъ преслѣдовать, но встрѣченные огнемъ Саксонскаго полка курфирста, отступили въ свою очередь. Вслѣдъ за отступающей непріятельской кавалеріей бросились пять нашихъ эскадроновъ; но нашъ успѣхъ былъ непродолжителенъ: непріятель, поддержанный своей второй линіей, бросился на насъ въ превосходныхъ силахъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ наша кавалерія была вынуждена отступить въ безпорядкѣ и увлекла за собой тѣ эскадроны, которые подходили къ ней на выручку. Началась страшная свалка. Саксонцы, Французы, Пруссаки смѣшались въ какую-то не-

стройную кучу, бросавшуюся на нашу артиллерію, которая отступала къ Вольфсдорфу.

Въ эту минуту принцъ, понимая всю опасность нашего положенія и необходимость порядка, кинулся со своей свитой къ бѣгущимъ и успѣлъ возстановить бой. Около него, какъ около знамени, толпились наши всадники. Я слѣдилъ за каждымъ изъ его движеній, мало заботясь о себѣ, и имѣлъ счастіе отбить не одинъ ударъ, противу него направленный. Вдругъ принцъ покачнулся на сѣдлѣ. Рана по шеѣ, другая въ грудь, полученныя въ одно мгновеніе заставили его уронить саблю и поводъ. Отчаяніе и сознаніе долга спасти моего дорогаго начальника придали мнѣ необыкновенную силу и находчивость. Я схватилъ принца поперекъ туловища, перебросилъ чрезъ сѣдло и помчался какъ безумный съ своей ношей *).

Французскій гусаръ, нанесшій ударъ принцу, озадаченный въ первую минуту моимъ поступкомъ, опомнившись, поскакалъ вслѣдъ за мной. Къ счастію, подо мною была кобыла, уступленная мнѣ въ Эрфуртѣ Альвенслебеномъ, и я невольно припомнилъ слова моего друга: «Она пригодится тебѣ, какъ адъютанту принца». И точно, моя добрая лошадь, разгоряченная боемъ и шпорой, мчалась, какъ бы не замѣчая своей двойной ноши, перепрыгивая съ удивительной легкостью черезъ трупы людей и животныхъ, попадавшихся на пути. Принцъ былъ въ обморокѣ и лежалъ поддерживаемый мною на переди сѣдла. Избирая, послѣ первой минуты, самое удобное для него положеніе, я невольно придержалъ лошадь, что̀ дало возможность моему противнику ко мнѣ приблизиться. Оглянувшись назадъ, я уже видѣлъ его лицо, обезображенное впечатлѣніями рукопашной схватки. Я вынулъ пистолетъ и выстрѣлилъ назадъ почти на удачу. За моимъ выстрѣломъ раздался другой, снесшій мою шляпу и ранившій меня въ голову. Къ счастію, и мой выстрѣлъ былъ удаченъ: онъ убилъ лошадь противника. Это дозволило мнѣ пріостановить бѣгъ коня и осмотрѣться. Моя рана, хотя и легкая, сильно меня безпокоила; я уже чувствовалъ страшное утомленіе, и глаза мои начинали туманиться преддверіемъ обморока.

Въ это время, невдалекѣ отъ меня, я увидѣлъ Прусскаго, какъ мнѣ показалось по цвѣту доломана, гусара безъ кивера, подтягивающаго подпруги своей лошади.

«Ко мнѣ, товарищъ», крикнулъ я, «помоги спасти раненаго принца; я выбился изъ силъ».

Гусаръ взглянулъ на меня съ удивленіемъ, потомъ вскочилъ на коня и съ крикомъ «постой, я помогу твоему принцу и тебѣ» бросился за мной съ обнаженной саблей.

*) Отецъ мой былъ очень высокаго роста и атлетическаго сложенія.

Мнимый Прусскій гусаръ оказался непріятельскимъ, и къ тому же Альзасцемъ. Доломаны гусаръ были, какъ и всегда, очень сходны, и все отличіе заключалось въ киверахъ, котораго у моего новаго противника, какъ уже сказано, не было.

Затѣмъ началась скачка, одна изъ тѣхъ, которыхъ призомъ служитъ жизнь. Здѣсь же призъ для меня былъ дороже жизни: отъ быстроты моего коня зависѣло существованіе моего дорогаго принца. Съ ужасомъ я замѣтилъ, что моя кобыла начинаетъ выбиваться изъ силъ и что противникъ приближается быстро ко мнѣ.

Къ счастію, мѣстность, по которой мы скакали, была довольно пересѣченная: на каждомъ шагу попадались небольшіе водомоины и ручьи. Кобыла моя на каждомъ изъ нихъ выигривала то, что́ теряла на ровномъ мѣстѣ. Уже я надѣялся ускакать, какъ выстрѣлъ перебилъ мнѣ лѣвую руку. Боль разбитой руки затянула поводья, и лошадь умѣрила скокъ.

Какъ теперь помню физіономію гусара, налетавшаго на меня съ поднятой саблей. Лошадь его, доведенная до безумія шпорами, очевидно несла его; онъ направлялъ ея бѣгъ уже не поводомъ, но корпусомъ.

Поровнявшись со мною, онъ замахнулся, чтобъ нанести ударъ, угрожавшій принцу, голова котораго болталась у кобуръ на лѣвой сторонѣ сѣдла. Съ усиліемъ сверхестественнымъ прижалъ я дорогое тѣло къ груди, желая защитить его. Мои усилія увѣнчались успѣхомъ. Ударъ концомъ сабли пришелся мнѣ по лицу, оставивъ на немъ слѣдъ на всю жизнь; но голова дорогаго принца была спасена. Обезумленная лошадь противника занесла его въ Саалу, въ волнахъ которой онъ вѣроятно погибъ.

Совершенно уже истощенный, почти не видя ничего отъ крови, залившей мнѣ глаза, я хотѣлъ остановить лошадь; но моя послушная кобыла, не умѣряя скоку, стала вольтировать на право. Въ первую минуту я не понялъ, что̀ это значило и, желая ее удержать, еще болѣе разгорячилъ ее. Вольты стали сокращаться и, наконецъ, моя лошадь, окончательно закружившись, упала. Оказалось, что ударъ, разрубившій мнѣ лице, перерубилъ въ тоже время лѣвыя поводья, и лошадь, чувствуя давленіе праваго повода, поворотила къ полю сраженія и при отчаянномъ дерганьи повода начала кружиться, сокращая вольты, пока не упала.

Послѣ паденія лошади я уже ничего не помню. Знаю только, что я прижалъ къ груди принца и потерялъ сознаніе. Какъ бы въ смутномъ снѣ, мнѣ слышались лошадиный топотъ, гулъ выстрѣловъ, крикъ и стонъ; но уже ни въ чемъ я не могъ дать себѣ отчета.

Я очнулся въ госпиталѣ.

— «Гдѣ принцъ?» было первое мое слово.

— «Убитъ Французами», отвѣчали мнѣ.

Тогда только предо мною возникло прошлое: я вспомнилъ всѣ обстоятельства Саальфельдскаго дѣла, рану принца, мои усилія спасти его. Собственныя же мои раны доказывали, что то былъ не сонъ, а грустная дѣйствительность.

Я вспомнилъ потомъ топотъ коней, крики, стоны, слышанные мною какъ бы во снѣ послѣ паденія моей лошади. Вѣроятно побѣдители проходили мимо того мѣста, гдѣ я лежалъ съ умершимъ уже принцемъ, и одинъ изъ нихъ, узнавъ его санъ по орденской звѣздѣ, не постыдился похвастать его убійствомъ. Меня же оставили въ покоѣ, предполагая, что я убитъ. Рана, проборóздившая черепъ, другая чрезъ все лице и окровавленная рука оправдывали это заключеніе. На другой день битвы, при уборкѣ тѣлъ, меня хотѣли даже предать землѣ; но, замѣтивъ слабые признаки жизни, отнесли меня въ госпиталь.

Съ какимъ негодованіемъ читалъ я впослѣдствіи Французскій бюллетень Саальфельдскаго сраженія! Въ немъ сказано, будто принцъ Людовикъ-Фердинандъ, въ общемъ пораженіи, былъ узнанъ, благодаря орденской звѣздѣ. На предложеніе сдаться, сдѣланное ему унтеръ-офицеромъ Гиндé, принцъ вмѣсто отвѣта будто бросился на него самъ, и тотъ, защищаясь, нанесъ его свѣтлости смертельный ударъ въ грудь. Послѣ этого Гиндè представилъ тѣло убитаго принца къ ногамъ Наполеона, какъ трофей побѣды. Этотъ бюллетень ничто иное, какъ наглая ложь: Гиндé просто подобралъ мертвое тѣло.

Въ первую минуту я хотѣлъ напечатать грустную истину, но къ чему могъ послужить мой правдивый разсказъ? Познакомить публику съ моей преданностію къ принцу, сказать ей, что я выполнилъ свой долгъ? Я слишкомъ высоко цѣнилъ себя, чтобы прибѣгать къ подобнымъ выходкамъ и обращать на себя общественное вниманіе. Совѣсть говоритъ мнѣ, что я выполнилъ честно свой долгъ, и этого для меня болѣе нежели достаточно.

Я записываю все случившееся для будущаго. Быть можетъ, послѣ моей смерти, когда наступитъ время исторіи для моихъ современниковъ, мой сынъ, роясь въ моихъ бумагахъ, найдетъ этотъ разсказъ и познакомитъ съ нимъ читающую публику.

*

26 Ноября 1869 года, въ день, когда праздновался въ Петербургѣ столѣтній юбилей ордена Св. Георгія Побѣдоносца, покойный императоръ Александръ Николаевичъ послалъ меня въ Берлинъ поднести королю Прусскому Вильгельму знаки этого ордена 1-й степени, а наслѣдному принцу пе-

редать тотъ же орденъ 4-й степени. Его Императорское Величество поручилъ мнѣ сказать наслѣдному принцу, что посылаемый орденъ— тотъ самый, который носилъ императоръ Александръ Павловичъ, когда соединенныя войска, Русскія и Прусскія, шли во Францію избавить Европу отъ гнета Наполеонова. Dites à son altesse, que la décoration que je lui envoie, quoique de la 4-me classe, a un grand sens pour moi; car notre oncle commun l'a porté à la tête des armées victorieuses de 1813 et 1814 [1]), сказалъ Государь и добавилъ по-русски: „Ты, какъ Георгіевскій кавалеръ, знаешь, что̀ императоръ Александръ 1-й сдѣлалъ для ордена [2]). Это объясни наслѣдному принцу".

29 Ноября я былъ уже въ Берлинѣ, и немедля король Прусскій принялъ меня въ торжественной аудіенціи, окруженный генералами, въ числѣ которыхъ были графъ Бисмаркъ и военный министръ Роонъ Я передалъ его величеству слова Императора и вручилъ ему орденъ.

— Сколько у васъ кавалеровъ 1-й степени? спросилъ меня король.—Одинъ, отвѣчалъ я: это ваше величество.—А 2-й степени?—Пять генераловъ, былъ мой отвѣтъ: Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, князь Барятинскій, графъ Лидерсъ и графъ Евдокимовъ.—3-й степени? спросилъ король.—23 кавалера. Это поразило короля, а еще болѣе генераловъ, которые тутъ находились.

— Но, вѣроятно, много кавалеровъ 4-й степени? спросилъ король и удивился, узнавъ, что кавалеровъ 4-й степени было всего 160 человѣкъ..

— Какъ, на всю вашу громадную армію такое ограниченное число? Я зналъ, сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ генераламъ, что славный этотъ орденъ очень рѣдко дается, но никогда не полагалъ, что число храбрецовъ, украшенныхъ этимъ бѣлымъ крестомъ, такъ ограничено

Тогда я поднесъ королю взятую мною передъ выѣздомъ изъ Петербурга на всякій случай у графа Гейдена исторію ордена Св. Георгія, которая была тогда напечатана по случаю юбилея, и указалъ королю, въ подтвержденіе словъ моихъ, цифры, означенныя въ этомъ роскошномъ изданіи.

— Какой мундиръ носите вы? спросилъ король; я знаю всѣ мундиры вашей арміи, но не видалъ еще этого.

— Ваше величество, отвѣчалъ я, я имѣлъ счастіе командовать славнымъ боевымъ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ и удостоился получить

---

[1]) Скажи его высочеству, что знакъ, который я ему посылаю, хотя и 4-й степени, имѣетъ для меня великое значеніе, такъ какъ его носилъ общій нашъ дядя, когда находился во главѣ побѣдоносныхъ полковъ 1813 и 1814 годовъ. (Мать наслѣднаго принца Прусскаго, королева Августа, дочь великой герцогини Веймарской Маріи Павловны, была двоюродною сестрою императора Александра Николаевича. Такимъ образомъ императоръ Александръ Павловичъ приходился наслѣдному принцу Прусскому, отцу нынѣшняго Германскаго императора, дѣдомъ-дядею. П. Б.)

[2]) Т. е. возстановилъ его значеніе, упраздненное при императорѣ Павлѣ. Самъ Александръ Павловичъ носилъ знакъ этого ордена по поводу своего личнаго участія въ бояхъ. Императоръ Павелъ желалъ умалить значеніе двухъ славныхъ орденовъ, основанныхъ его матерью императрицею Екатериною, Св. Георгія Побѣдоносца и Св. Владимира Равноапостольнаго, и въ теченіи своего царствованія не жаловалъ никому этихъ орденовъ и даже намѣревался ихъ уничтожить. Однимъ изъ первыхъ распоряженій императора Александра I было возобновленіе всѣхъ правъ и статутовъ этихъ орденовъ.

мундиръ на основаніи случая, когда командиръ части имѣетъ право у насъ носить всю жизнь мундиръ своего полка. Я не могъ получить это право, потому что всѣ знаки отличія, на основаніи которыхъ жалуется командиру мундиръ, полкъ уже имѣлъ (у него уже были Георгіевскіе штандарты, Георгіевскія трубы и золотыя петлицы); но Его Величество во вниманіе къ боевымъ заслугамъ старѣйшаго кавалерійскаго полка Русской арміи соблаговолилъ дать ему еще невиданное отличіе, состоящее въ петлицахъ на воротникахъ у нижнихъ чиновъ изъ басона Георгіевской ленты. Эту высокую награду полку приравняли къ тѣмъ случаямъ, когда командиръ получаетъ право имѣть мундиръ своего полка, и я, передавая по порученію Августѣйшаго моего Монарха пожалованный вамъ орденъ, надѣлъ мундиръ моего боеваго полка.

Король желалъ, чтобы я перевелъ ему нѣсколько параграфовъ изъ статута ордена, что̀ я тутъ же исполнилъ, при чемъ указалъ ему на то мѣсто, гдѣ значится, что Великая Учредительница нашего славнаго военнаго ордена повѣлѣваетъ праздновать день основанія его вездѣ, гдѣ находиться будетъ кавалеръ первой степени.—Это я свято исполню, сказалъ король, преклонивъ голову, и дѣйствительно, въ теченіи всей своей жизни, 26 Ноября онъ собиралъ во дворцѣ кавалеровъ своего боеваго ордена Pour le mérite и находившихся случайно въ Берлинѣ Георгіевскихъ кавалеровъ и кавалеровъ ордена Маріи Терезіи.

30 Ноября былъ назначенъ обѣдъ во дворцѣ, на который были приглашены кромѣ принцевъ командиры полковъ въ Берлинѣ квартирующихъ и всѣ на лицо состоящіе кавалеры ордена Pour le mérite. За обѣдомъ его величество сказалъ глубоко прочувствованную рѣчь и дозволилъ нашему послу и мнѣ отвѣчать ему. Это удивило всѣхъ, потому что по этикету Прусскаго двора не принято отвѣчать на рѣчи короля на офиціальныхъ обѣдахъ. Нашъ посолъ со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ мастерски исполнилъ желаніе короля. Онъ говорилъ о 1814 годѣ, когда король, будучи молодымъ принцемъ, получилъ Георгіевскій крестъ 4-й степени. Въ своей прекрасной рѣчи посолъ дипломатически обошелъ 1866 годъ. Король видимо остался очень доволенъ всѣмъ сказаннымъ нашимъ посломъ и благодарилъ его. Пришелъ чередъ говорить и мнѣ. Я не ораторъ и говорить, въ особенности послѣ краснорѣчиваго нашего посла, было не легко. Но сила солому ломитъ и, вооружившись бокаломъ, я по просту сказалъ доброму королю: Au nom de tous les chevaliers de St. Georges de l'armée Russe je félicite Sa Majesté le Roi, actuellement chevalier de la 1-me classe de notre ordre militaire, et porte sa santé [3]).

Король благодарилъ меня и, поднявъ бокалъ, сказалъ въ пол-голоса, но всѣ сидѣвшіе за столомъ это слышали: Je bois à la santé de l'envoyé de sa

[3]) Во имя всѣхъ Георгіевскихъ кавалеровъ Русской арміи поздравляю его величество короля, нынѣ кавалера 1-й степени нашего военнаго ордена, и провозглашаю его здоровье.

majesté l'Empereur de Russie, fils de l'ancien aide-de-camp de mon cousin le prince Louis-Ferdinand, qu'il a défendu avec tant d'abnégation à Saalfeld [4]).

*

Наслѣднаго принца въ то время въ Берлинѣ не было. Онъ возвращался съ торжества открытія Суэзскаго канала и былъ задержанъ болѣзнію своихъ дѣтей въ Каннѣ, гдѣ прожилъ до новаго года Я, по приказанію Государя, остался въ Берлинѣ, чтобы лично передать наслѣдному принцу какъ слова Императора, такъ и письмо, въ которомъ находился орденъ. Пользуясь временемъ, испросилъ я у короля разрѣшенія съѣздить въ Лозанну, гдѣ находился тогда малолѣтній мой сынъ, и наканунѣ новаго 1870 года (столь знаменательнаго для Пруссіи) былъ уже обратно въ Берлинѣ.

На пріемѣ у короля его величество, обходя всѣхъ генераловъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: Dites à Sa Majesté que je ne me séparerai jamais de la glorieuse décoration qui m'a eté remise par vous. Ce croix me portera bonheur: tel est mon pressentiment [5]). Слова эти сбылись: нѣсколько мѣсяцевъ спустя, король сдѣлался императоромъ Германскимъ.

Наслѣдный принцъ, котораго я встрѣтилъ во дворцѣ тотчасъ по прибытіи его изъ Канны, назначилъ мнѣ аудіенцію въ часъ дня. Въ пріемной его дворца собрались къ этому часу всѣ генералы, чтобы принести ему поздравленіе. Тутъ были графъ Бисмаркъ, старый фельдмаршалъ Врангель, военный министръ Роонъ, графъ Валдерзе. Меня, какъ посланца Русскаго Царя, пригласили немедля войти въ кабинетъ. Я вручилъ принцу царское письмо, изъ котораго онъ вынулъ старый крестъ съ полинялой лентой. Видимо онъ былъ тронутъ вниманіемъ нашего Императора и сказалъ: „Вы, какъ Георгіевскій кавалеръ, надѣньте мнѣ этотъ орденъ, и я не забуду, нося его, что поднесъ его мнѣ сынъ любимаго адъютанта принца Людовика-Фердинанда, котораго онъ такъ храбро защищалъ въ злополучномъ Саальфельдскомъ дѣлѣ". Зная, что принца ожидали генералы, я хотѣлъ удалиться; но принцъ остановилъ меня, сказавъ: „Я слышалъ, что въ вашемъ семействѣ сохраняется преданіе о графинѣ Орламюнде, такъ называемой Бѣлой Дамѣ нашего рода, которая, какъ гласитъ молва, является Гогенцоллернамъ, обреченнымъ умереть насильственною смертью".

Я хотѣлъ уклониться отъ бесѣды, потому что мнѣ казалось неприлично говорить въ новый годъ наслѣдному принцу про легенду о Бѣлой Дамѣ, и я доложилъ ему, что повѣствованіе мое продлится, а въ пріемной ожидаетъ его весь генералитетъ Берлина. Я вамъ даю полчаса или даже болѣе на разсказъ; останьтесь здѣсь, я чрезъ 20 минутъ возвращусь; возьмите сигару и курите, добавилъ добрый и обходительный принцъ и улыбаясь сказалъ: „Вы видите, я настойчивъ и, чтобы побѣдить васъ, я долженъ былъ васъ арестовать въ мо-

---

[4]) Пью за здоровье лица, присланнаго ко мнѣ отъ его величества императора Всероссійскаго: это сынъ человѣка, который былъ адъютантъ моего двоюроднаго брата принца Людовика-Фердинанда, котораго онъ съ такимъ самоотверженіемъ защищалъ при Саальфельдѣ.

[5]) Скажите Его Величеству, что я никогда не разстанусь съ орденомъ, который вы мнѣ передали. Этотъ крестъ принесетъ мнѣ счастіе: таково мое предчувствіе.

емъ кабинетѣ, потому что горю нетерпѣніемъ узнать новыя подробности о Бѣлой Дамѣ; но прошу васъ: не говорите Императору, что я осмѣлился арестовать свиты его генерала; потому что, если онъ узнаетъ, какъ я безцеремонно обращаюсь съ ними, онъ не будетъ болѣе присылать ихъ къ намъ".

Какъ умѣлъ этотъ принцъ обворожить каждаго, какъ онъ умѣлъ всякаго обласкать! Царствіе ему Небесное!

Черезъ полчаса принцъ возвратился въ кабинетъ, посадилъ меня подлѣ себя, и я ему передалъ все что̀ зналъ про легенду о Бѣлой Дамѣ.

„Пришлите мнѣ выписку изъ мемуаровъ отца вашего, гдѣ онъ говоритъ о графинѣ Орламюнде", сказалъ принцъ, прощаясь со мною.

По пріѣздѣ въ Россію я исполнилъ желаніе наслѣднаго принца и получилъ отъ него слѣдующее письмо:

Potsdam, 11 juin 1870.

Mon cher comte, je vous remercie bien sincèrement de l'attention que vous avez eu de m'envoyer l'extrait des mémoires de feu votre père, l'aide-de-camp-général comte Nostitz, que vous m'aviez promis lors de votre séjour à Berlin. Ce manuscrit sera inséré à nos archives et sera toujours considéré comme un document intéressant, ayant rapport à une époque remarquable de l'histoire de ma maison.

Je suis, mon cher comte, votre très affectionné

Frédéric Guillaume
Prince royal de Prusse [6]).

Напечатанный выше отрывокъ изъ записокъ отца моего писанъ по-французски и переведенъ мною.

Графъ И. Г. Ностицъ.

---

[6]) Потсдамъ, 11 Іюня 1870. Любезный графъ. Чувствительнѣйше благодарю васъ, что вы любезно прислали мнѣ выдержку изъ записокъ покойнаго отца вашего, генералъ-адъютанта графа Ностица, обѣщанную мнѣ, когда вы были въ Берлинѣ. Эта рукопись поступитъ въ наши архивы и всегда будетъ почитаться любопытнымъ документомъ, имѣющимъ отношеніе къ замѣчательной эпохѣ въ исторіи моего дома. Пребываю, любезный графъ, вашъ весьма доброжелательный Фридрихъ-Вильгельмъ, наслѣдный принцъ Прусскій.

ИЗЪ ДНЕВНИКА ЕЛЕНЫ АНДРЕЕВНЫ ШТАКЕНШНЕЙДЕРЪ *).

Среда, 1 Февраля (1856 года).

Тургеневъ, Дружининъ и Григоровичъ хотятъ играть у насъ. Они были въ прошедшую Субботу. Пьесу, которую думають они играть, они сами всѣ вмѣстѣ сочинили и уже играли въ деревнѣ у Тургенева. Называется она *Школа Гостепріимства.*

Напечатана она никогда не была, да и списка, кажется, т. е. цѣльной рукописи, не существуетъ. Они еще должны сами ее возстановить въ цѣлости; это просто что-то въ родѣ фарса. Признаюсь, что, какъ ни дорого стоятъ наши увлеченія во всѣхъ отношеніяхъ, но видѣть Тургенева на своихъ подмосткахъ—вознагражденіе немалое.

Четвергъ, 2 Февраля.

Вотъ тебѣ и разъ! Тургеневъ играть не будетъ, да и Дружининъ и Григоровичъ также. Уже тогда, уходя отъ насъ, Тургеневъ сказалъ Полонскому: «*Не знаю, какъ это я буду ломаться на подмосткахъ передъ Гречемъ*». Полонскій ничего ему не отвѣчалъ, но и его взяло раздумье. Между тѣмъ, Григоровичъ долженъ ѣхать куда-то и не можетъ отложить свою поѣздку; его роль не столь главная въ пьесѣ. «*Какъ же мы будемъ играть безъ Григоровича*», говоритъ опять Тургеневъ, «*онъ насъ всѣхъ поддерживалъ*». Григоровичъ уѣзжаетъ, Тургеневъ не хочетъ играть безъ него; но за то Дружининъ, хотя тоже отказавшійся, потому что Тургеневъ и Григоровичъ отказались, востановилъ пьесу. Пріѣхавъ отъ насъ домой, онъ тотчасъ же сѣлъ и въ продолженіи ночи написалъ ее всю вновь, почти на память, потому что и черновой цѣлой у нихъ не было, а были только отрывки. Утромъ онъ ее переписалъ съ помощью Михайлова, но когда узналъ, что Тургеневъ не будетъ играть, то объявилъ, что и онъ не играетъ. Михайловъ ужасно обозлился на нихъ и выбранилъ ихъ. Если бы не онъ, или лучше сказать, не Шелгунова, которой хочется, чтобы пьеса была постановлена, то все бы пропало; но рѣшили, что будутъ играть и безъ нихъ, т. е. безъ этихъ авторовъ—тузовъ-аристократовъ, какъ ихъ прозвала Шелгунова. Михайловъ взялъ пьесу у Дружинина,

*) Нижеслѣдующая выписка служитъ дополненіемъ къ Воспоминаніямъ Д. В. Григоровича, появившимся въ „Русской Мысли". П. Б.

принесъ намъ и долго еще бранился, но наконецъ успокоился. . . . Но довольно о театрѣ, который можетъ сбить съ толку хоть кого и отъ котораго можно окончательно одурѣть. Сколько разъ у насъ разстраивалось и устраивалось, сколько перемѣнялось актеровъ и актрисъ, сколько при этомъ было анекдотовъ—этого и разсказать нельзя.

*

Суббота 11 Февраля.

Театръ снятъ, и точно гора съ плечъ! Во Вторникъ былъ спектакль въ пользу бѣдныхъ, и шла пресловутая «*Школа Гостепріимства*». Надо признаться, что для спектакля съ благотворительной цѣлью, слѣдовательно за деньги, слѣдовательно такого, на которомъ могли быть и незнакомые, выборъ пьесъ былъ не совсѣмъ удаченъ. Не говоря уже о «*Школѣ Гостепріимства*», «*Жидъ за печатью*», гдѣ Ознобишинъ былъ просто отвратителенъ, не очень-то подходящая для такого спектакля пьеса.

«Школа Гостепріимства» состоитъ въ томъ, что одинъ легкомысленный помѣщикъ, возвращаясь къ себѣ въ деревню изъ Петербурга, назвалъ къ себѣ оттуда пропасть гостей. Между тѣмъ, у него въ деревнѣ сварливая жена, которая его держитъ подъ башмакомъ, дерзкая и ворчливая ключница и полнѣйшій безпорядокъ. Лѣстница сломана, мебель сломана, прислуга пьяная, и ѣсть нечего. А между тѣмъ, приглашая гостей, хозяинъ насказалъ имъ, что его деревня рай, полная чаша, что всего тамъ много, и сады, и оранжереи. Дѣйствіе начинается тѣмъ, что томимый предчувствіемъ пріѣзда гостей, хозяинъ не знаетъ, чѣмъ задобрить жену. Несчастный мужъ былъ *Михаилъ Иларіоновичъ Михайловъ*, жена—*Шелгунова*, ключница—*Игнатовичъ*, студентъ, сынъ директора 1-ой гимназіи. И вотъ гости пріѣзжаютъ. Первымъ является Щепетильниковъ (Моллеръ), дѣйствительный статскій совѣтникъ, со звѣздой, подагрикъ и старый волокита. За нимъ пріѣзжаетъ Брандахлыстовъ (Волковъ), актеръ и настоящій ураганъ. Начинаетъ онъ съ того, что выталкиваетъ изъ комнаты хозяина и съѣдаетъ яичницу, приготовленную для генерала и которую тотъ, впрочемъ, не могъ ѣсть, потому что она была изъ тухлыхъ яицъ. Онъ ломаетъ стулья, куритъ и пускаетъ прямо въ носъ Щепетильникову дымъ; декламируетъ безпрестанно и, въ пылу декламаціи, стибриваетъ у генерала кольцо съ дорогимъ солитеромъ. Впрочемъ Брандахлыстовъ вина не пьетъ, а женщинъ называетъ ничтожными созданьями, хотя и поетъ: «*Прощаюсь, ангелъ мой съ тобою*». Третій гость Хлыщовъ (*Андреевъ*), модный литераторъ, авторъ «Клѣтчатыхъ Жилетовъ», однимъ словомъ, *Иванъ Ивановичъ Панаевъ*, издатель «*Современника*», котораго Щербина прозвалъ: «*Коленкоровыхъ манишекъ безпощадный Ювеналъ*». Хлыщовъ начинаетъ

разговоръ съ Щепетильниковымъ, и оба они стараются перещеголять другъ друга великосвѣтскостью, задаютъ тоны; но Брандахлыстовъ внезапно вмѣшивается въ ихъ разговоръ и говоритъ какую-то дерзость. Хлыщовъ отвѣчаетъ тѣмъ же, и происходитъ потасовка. Покуда они дерутся, является Таратаевъ (*Ознобишинъ*), Петербургскій виверъ. Онъ ихъ миритъ и отряжаетъ Брандахлыстова и Хлыщова распорядиться на счетъ комнатъ, гдѣ бы они могли расположиться; велитъ занять дѣтскія, а дѣтей перевести въ оранжерею и потравить ихъ собаками, если они станутъ сопротивляться. Между тѣмъ, самъ онъ успѣваетъ отхлопать Щепетильникова, разругать хозяина, а хозяйкѣ разсказать кучу возмутительныхъ вещей про мужа ея, наприм., что дѣтей онъ травитъ собаками, однимъ словомъ поднять невѣроятную кутерму. За тѣмъ онъ приказалъ принести сѣна, чтобы послѣ обѣда на немъ выспаться. Сѣна приносятъ, и въ это время возвращаются изъ своей экспедиціи Хлыщовъ и Брандахлыстовъ; Хлыщовъ затравилъ дѣтей, а Брандахлыстовъ поджегъ домъ. Во время этого содома, Таратаевъ вдругъ подаетъ знакъ Брандахлыстову, и они валятъ генерала со звѣздой въ сѣно. Хозяинъ бѣжитъ ему на помощь, но они валятъ и его. Карабканье въ сѣнѣ продолжается довольно долго. Наконецъ хозяинъ изъ него выпутывается, вооружается палкой и подымаетъ ее на бунтовщиковъ, но попадаетъ въ Щепетильникова, убиваетъ его, и отъ испуга падаетъ самъ мертвымъ. Остальные цѣпенѣютъ отъ ужаса. Въ это время вбѣгаетъ ключница съ крикомъ «пожаръ», а по дорогѣ ѣдутъ еще три тарантаса гостей.

Вотъ этотъ фарсъ. Неудивительно, что Тургеневъ не хотѣлъ въ немъ участвовать; но гдѣ была голова у остальныхъ, что его давали именно въ спектаклѣ съ благотворительной цѣлью, когда двѣ трети зрителей были лица вовсе постороннія, едва ли знакомыя и намъ, и актерамъ? Тургеневъ уѣхалъ въ половинѣ пьесы, и за нимъ и Дружининъ; оба переконфуженные. Панаевъ присутствовалъ и видѣлъ свой портретъ на подмосткахъ, со знаменитымъ kокомъ на лбу. Теперь пророчатъ, что у папа̀ будутъ непріятности изъ-за этой пьесы, что нельзя было выставлять такимъ образомъ генерала и его звѣзду. Вотъ ужъ можно сказать, что это бы было для бѣднаго папа̀ въ чужомъ пиру похмѣлье; но авось, Богъ пронесетъ. А при Николаѣ Павловичѣ не сдобровать бы! Кромѣ этой прелести и *Жида за печатью*, шла еще Французская пьеска «*Cerezette en prison*» гдѣ главную роль играла Маша (сестра) съ Ознобишинымъ. Спектакль длился очень долго. Если бы «Школу Гостепріимства» играли между собою, да играли бы ее сами ея авторы, то конечно и смыслъ ея, и интересъ были бы совсѣмъ иныя. А такъ вышла какая-то балаганщина.

ЕПИСКОПЪ СИМБИРСКІЙ ЕВГЕНІЙ *).

Евгеній, бывшій епископъ Симбирскій, въ мірѣ Макарій Димитріевичъ Сахаровъ-Платоновъ, родился въ 1813 г. въ селѣ Уренѣ, Варнавинскаго у. Костромской г., гдѣ отецъ его, Димитрій Вакховичъ, былъ причетникомъ. Еще въ младенчествѣ лишившись родителей, онъ выросъ на попеченіи старшихъ своихъ сестры и брата, бѣднаго причетника, который помѣстилъ его въ Макарьевское духовное училище, когда ему было 10 лѣтъ отъ роду. Преосвященный часто съ особенною любовью вспоминалъ объ этихъ дорогихъ ему лицахъ, т. е. о сестрѣ, братѣ и еще о женѣ послѣдняго, и бережно хранилъ холщевый кошелекъ, который съ посильнымъ вложеніемъ далъ ему братъ, отправляя его въ Костромскую семинарію, куда онъ перешелъ первымъ ученикомъ. Въ 1834 г. первымъ же воспитанникомъ поступилъ онъ въ Московскую Духовную Академію, гдѣ, по возобновленіи содержанія студентовъ на счетъ стипендій митрополита Платона, какъ лучшій изъ студентовъ во всѣхъ отношеніяхъ, и былъ избранъ и утвержденъ митрополитомъ Филаретомъ въ первые стипендіаты, съ присоединеніемъ имени „Платонова“ (С. К. Смирнова, Исторія М. Д. Академіи, стр. 237) 29 Августа 1838 г., окончивъ курсъ въ Академіи со степенью магистра богословскихъ наукъ, „при способностяхъ отличныхъ, прилежаніи неослабномъ и поведеніи примѣрно-добромъ“, какъ значится въ академическомъ аттестатѣ, онъ принялъ монашество съ именемъ Евгенія.

Новопостриженный инокъ, первый въ своемъ курсѣ магистръ, былъ оставленъ при Академіи сначала на каѳедрѣ герменевтики и библейской археологіи, а въ 1841 г. ему было поручено преподаваніе только что введеннаго тогда въ Академіи предмета—патристики, и потомъ онъ перемѣщенъ былъ на классъ св. Писанія, что̀ продолжалось до 1847 года. Патристику онъ поставилъ такъ хорошо и твердо, что составленныя имъ по этому предмету лекціи долго и послѣ того служили руководствомъ въ Академіи (С. К. Смирнова, Исторія М. Д. Акад. стр. 43—44) Митр. Филаретъ съ особенной любовью относился къ о. Евгенію и на столько цѣнилъ его таланты и труды, что иногда какъ-бы грудью защищалъ его. Такъ въ 1842 году оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода графъ Протасовъ намѣтилъ было Евгенія для Константинопольской миссіи; но Филаретъ энергично возсталъ противъ этого назначенія и убѣдительно доказывалъ графу необходимость оставить о. Евгенія при Академіи. „Много монаховъ ученыхъ, писалъ онъ графу Протасову, но немного способныхъ, и не каждаго монаха можно рекомендовать для Академіи“. (При-

---

*) См. выше, стр. 161—176, письма къ нему Московскаго митрополита Филарета.

бавл. къ Твореніямъ Св. Отецъ 1883 г., XXXI, 262). Во второй половинѣ того же года въ своемъ отчетѣ Св. Синоду по ревизіи Московской Духовной Академіи, при письмѣ на имя оберъ-прокурора отъ 27 Іюля, Филаретъ далъ такой отзывъ объ іеромонахѣ Евгеніи: „Преподаетъ съ ревностнымъ усердіемъ, основательностью и успѣхомъ, поведенія добраго и честнаго" (Собран. мнѣній и отзывовъ Филарета, т. дополнит., стр. 118, Спб. 1887).

Въ Сентябрѣ того же 1842 года Евгеній былъ назначенъ инспекторомъ Академіи. По разсказамъ одного изъ находящагося въ живыхъ (въ Симбирскѣ) ученика его, это назначеніе было восторженно встрѣчено студентами, и оффиціальная объ этомъ назначеніи бумага была торжественно прочитана въ собраніи студентовъ, что̀ объясняется той отеческой любовью и вниманіемъ, съ которыми о. Евгеній всегда относился къ своимъ ученикамъ. Будучи инспекторомъ, прибавляетъ разсказчикъ, о. Евгеній во время вечернихъ занятій студентовъ очень часто приходилъ въ занимаемыя ими комнаты, спрашивалъ, кто чѣмъ занимается, о чемъ пишетъ, есть ли у него пособія, и объяснялъ все, что̀ онъ зналъ по тому или другому предмету.

Въ Февралѣ 1843 года о. Евгеній былъ возведенъ въ санъ архимандрита. Поднимаясь быстро по ступенямъ духовно-учебной службы, онъ всей душой принадлежалъ Академіи и почти все свое время употреблялъ на составленіе лекцій, которыя, какъ разсказываютъ, ловились его слушателями на лету. Слабому здоровьемъ о. Евгенію особенно трудно было возвышать голосъ при чтеніи лекцій въ аудиторіи; но студенты такъ дорожили каждымъ его словомъ, что соблюдали при его чтеніи полнѣйшую тишину, какъ бы затаивая дыханіе. Лекціи его отличались ясностью излагаемаго предмета, строгою обдуманностью и точностью выраженій. Съ особеннымъ усердіемъ изучалъ онъ Творенія Св. Отецъ и неуклонно слѣдовалъ ихъ руководству. Плодами такихъ занятій о. Евгенія служатъ его прекрасныя и основательныя статьи, напечатанныя въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отецъ; таковы: „Св. Ириней епископъ Ліонскій" (ч. I. Прибав.) „О любящихъ Бога" (ч. III), „Оброцы грѣха смерть" (ч. XIII), „О преобразовательномъ смыслѣ Св. Писанія" (ч. IV) и др.

Въ 1847 году о. Евгеній былъ назначенъ ректоромъ Виѳанской Семинаріи, а черезъ нѣсколько дней настоятелемъ Московскаго Златоустовскаго монастыря.

Въ 1849 г. онъ былъ переведенъ на должность ректора въ Московскую Семинарію и назначенъ настоятелемъ Высокопетровскаго монастыря, гдѣ его еще ближе узналъ митрополитъ Филаретъ. Нижеслѣдующіе случаи показываютъ какъ понималъ и цѣнилъ Евгенія святитель Московскій. Когда въ 1850 г., по высочайшему повелѣнію, отъ митрополита Московскаго требовали аттестовать личный составъ настоятелей Московскихъ монастырей, то Филаретъ не усумнился поставить Евгенія первымъ въ ряду другихъ Московскихъ архимандритовъ-настоятелей, которые „при доброй монашеской жизни, какъ прежде усматриваемы были попечительными о благоустройствѣ ввѣренныхъ имъ монастырей и внимательными въ надзорѣ за братствами, такъ и впередъ усматриваются для сего благонадежными". (Собран. мнѣній и отзыв. Филарета,

т. III, 396. Спб.) Возникло тогда предположеніе назначить его на должность ректора Казанской Духовной Академіи. По этому поводу митрополитъ Филаретъ частно писалъ къ искреннему другу своему Казанскому архіерею Григорію: „Ректоръ Московской семинаріи Евгеній, человѣкъ честный и добрый, основательный въ познаніяхъ, тихаго характера и голоса. Для своихъ хорошъ, не блистательный для внѣшнихъ. Мнѣ было бы желательно, чтобы онъ продолжалъ службу у насъ; но если ему открывается путь къ высшему довѣрію начальства, да будетъ то, что̀ служитъ къ общей пользѣ и ему можетъ быть полезно для дальнѣйшей службы. Только если возьмете его, будьте милостивы къ нему, что̀ не всегда случается съ взимаемыми отъ насъ". (Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовн. Просвѣщенія 1877 г. III, 168). Однако все устроилось такъ, какъ писалъ Филаретъ, и затѣмъ въ Августѣ 1853 г., какъ только открылась должность ректора въ Московск. Академіи, первымъ кандидатомъ на нее Филаретъ представилъ о. Евгенія. Такъ и сдѣлано было, какъ представлялъ Филаретъ.

Въ бытность свою ректоромъ, какъ и раньше инспекторомъ Академіи, о. Евгеній отличался добрыми качествами ума и сердца, за которыя его любили и не могли не любить и не уважать всѣ. Въ Академіи хранятся живыя преданія о глубокомъ его умѣ, разсудительности, крайней осторожности и т. п. и о величайшей добротѣ, милосердіи къ нищимъ, о дивномъ его смиреніи, о строго-аскетическомъ образѣ жизни и т. д. Его отношеніе къ подчиненнымъ и студентамъ было основано на строгихъ началахъ справедливости и вмѣстѣ отеческой любви.

Въ Октябрѣ 1857 г. состоялось назначеніе Евгенія во епископа Дмитровскаго, викарія Московскаго, а въ 1858 году преосвященному Евгенію была дана самостоятельная каѳедра—Симбирская. Разсказываютъ, что Филаретъ, участвовавшій въ назначеніи своего викарія Евгенія на Симбирскую каѳедру, говорилъ нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ: „посылаю въ Симбирскъ ангела мирна". И дѣйствительно, въ продолженіе 16-ти-лѣтняго управленія Симбирскою епархіей, Евгеній явилъ собою по истинѣ „правило вѣры и образъ кротости, воздержанія учителя", примѣръ высокаго смиренія и нищеты, какъ духовной такъ и тѣлесной, соединенной съ величайшимъ милосердіемъ къ нищимъ, благодаря чему, не смотря на довольно значительные доходы отъ епархіи, у него никогда не бывало сбереженій.

Надобно замѣтить, что при высокомъ устроеніи своего духа Евгеній не чувствовалъ себя сильнымъ администраторомъ и былъ преимущественно кабинетнымъ труженикомъ. Поступавшія къ нему бумаги онъ разсматривалъ, правда, не довольно скоро, но весьма внимательно, и поэтому всѣ резолюціи его запечатлѣны обдуманностью и дальновидностью Вообще же его управленіе епархіею было весьма полезно для паствы. Онъ твердо стоялъ за благо духовенства и, испытавъ на себѣ невзгоды бѣдности и сиротства, особенно заботился объ участи вдовъ и сиротствующихъ дѣтей духовенства, оказывая имъ помощь какъ изъ средствъ епархіи, такъ и изъ собственныхъ. Евгеній поучалъ свою паству не столько словомъ, сколько примѣромъ своей благочестивой жизни. Это былъ по истинѣ свѣтильникъ добродѣтелей, съ вы-

соты свѣтившій многочисленной паствѣ. Онъ былъ человѣкъ въ высшей степени набожный и смиренный, проводилъ жизнь уединеннаго подвижника, искренно любилъ дѣтей, что и обнаруживалъ прежде всего въ заботахъ о своихъ пѣвчихъ мальчикахъ, за которыми слѣдилъ самъ и для которыхъ держалъ даже особаго учителя.

Слабое его здоровье между тѣмъ давало себя знать, и множество дѣлъ по управленію епархіей стало сильно утомлять его, особенно при вышесказанномъ настроеніи его духа. Все это побуждало его оставить епархіальную службу и просить увольненія на покой, и 7 Декабря 1874 г., согласно прошенію, онъ былъ уволенъ отъ управленія епархіею на покой. Для жительства ему предоставляли Сызранскій Вознесенскій первоклассный монастырь; но онъ не воспользовался этимъ предложеніемъ и предпочелъ остаться въ приписномъ къ архіерейскому дому Симбирскомъ Покровскомъ монастырѣ Выборъ именно этого мѣста объясняется любовью преосвященнаго къ своей бывшей паствѣ и отсутствіемъ у него стремленія къ какимъ бы то ни было удобствамъ жизни. Въ бѣдной Покровской обители преосвященный занималъ небольшое помѣщеніе изъ двухъ комнатъ, въ общемъ братскомъ корпусѣ. Прямо передъ окнами кельи, гдѣ онъ прожилъ почти 14 лѣтъ, возвышается монастырская церковь, на которую и обращены были его молитвенные взоры. Во все это время преосвященный велъ жизнь строгаго аскета, отказывая себѣ часто даже въ необходимомъ и употребляя въ весьма маломъ количествѣ самую простую пищу.

Будучи еще въ силахъ, преосвященный часто посѣщалъ церковныя службы и колѣнопреклоненный молился въ алтарѣ. У себя въ кельѣ большую часть времени онъ также молился, при чемъ утреннія и вечернія молитвы не читалъ, а пѣлъ; ходя по комнатѣ постоянно повторялъ слова: „Господи помилуй!"

Въ послѣднее время преосвященный наложилъ на себя какъ бы обѣтъ молчанія, и хотя изрѣдка принималъ приходившихъ за совѣтомъ къ нему, но мало разговаривалъ; затѣмъ пересталъ совсѣмъ принимать къ себѣ и отдался весь самосозерцанію.

Жизнь преосвященнаго угасала медленно. За нѣсколько дней до смерти у него отнялась правая сторона тѣла, отчасти и языкъ Въ послѣднюю ночь на 26 Іюня 1888 г. онъ долго молился и передъ иконами, и на церковь; рано утромъ умылся, надѣлъ чистое бѣлье и, принявъ Богоявленской воды, съ молитвой на устахъ легъ на койку своего прислужника; когда же силы стали ослабѣвать, онъ попросилъ позвать священника и, по прочтеніи отходной, сдѣлалъ нѣсколько вздоховъ и тихо скончался

Какъ только узнали въ городѣ о кончинѣ преосвященнаго, толпы народа потянулись къ Покровскому монастырю, чтобы поклониться усопшему, котораго еще при жизни его считали святымъ. 27 Іюня его тѣло было перенесено съ крестнымъ ходомъ отъ всѣхъ церквей Симбирска въ лѣтній каѳедральный соборъ, куда безпрерывно входили на поклоненіе люди всѣхъ сословій. Погребеніе происходило 29 Іюня при участіи всего города и множества народа не только изъ окрестныхъ, но и изъ дальнихъ селеній.

ПЛАЧЪ ЦЕРКВЕЙ МОСКОВСКИХЪ.

Въ одномъ изъ Итальянскихъ «плачей» о паденіи Константинополя, святая Софія и другія «неутѣшныя, дорогія ея сестры», Цареградскія церкви, «вздыхая, со стонами и слезами», въ трогательныхъ выраженіяхъ жалуются на то, какъ ихъ безчестятъ и разрушаютъ невѣрные, взявшіе столицу христіанскаго міра. (См. 1-ое Lamento di Costantinopoli въ «Lamenti Storici dei secoli XIV, XV & XVI raccolti a cura di A. Medin & L. Frati». Bologna, 1888, ч. 1-я, стр. 137—141. Другой плачъ Софіи во 2-мъ Lam. di Cost. тамъ же, стр. 173—174).

Въ наше время многія церкви въ столицѣ Русскаго православнаго міра, церкви «третьяго Рима», могли бы плакать о томъ, что ихъ безчеститъ, давитъ и душитъ ихъ же родной городъ, когда-то видѣвшій въ созиданіи ихъ подвигъ благочестія и первой необходимости, теперь же равнодушно и безжалостно поглощающій ихъ мутными волнами своихъ «современныхъ» торгово-промышленныхъ дѣлъ. Словами своихъ «овдовѣвшихъ», «осиротѣвшихъ» Цареградскихъ сестеръ, Московскія церкви имѣли бы право воскликнуть: «Сжальтесь надъ нами, благочестивые строители наши! Придите, взгляните, чѣмъ мы стали! Насъ не разрушаютъ чужіе, невѣрные; насъ тѣснятъ, задушаютъ свои, родные, правовѣрные. Цареградскія церкви жалуются на то, что ихъ «великія зданія раздвинуты, разрушены нечестивыми»; мы скорбимъ о томъ, что великія зданія, воздвигнутыя для служенія нечестивымъ цѣлямъ, заслоняютъ насъ собою, отодвигаютъ насъ назадъ, за то, что мы, какъ Софія, Премудрость Божія, святая и чистая, не заботимся о мірскомъ».

Городъ, центръ свѣтскихъ, земныхъ дѣлъ, не можетъ не тѣснить храмовъ, и будетъ тѣснить ихъ все болѣе и болѣе по мѣрѣ развитія своего односторонняго преуспѣянія. Было время, когда храмъ являлся средоточіемъ всей жизни христіанскаго общежитія: городъ возникалъ подъ охраною храма и ставилъ храмъ въ своемъ центрѣ, какъ святыню, какъ свою главную достопримѣчательность. Даже на Западѣ,

который ранѣе насъ секуляризировался, забота о храмахъ, въ особенности о главномъ, центральномъ, соборномъ храмѣ, составляла одну изъ первыхъ заботъ и гражданъ, и общественнаго управленія. Готическіе соборы строились въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, и рядъ поколѣній не уставалъ тратить на нихъ и труды свои, и денежныя средства. Итальянскія общины не скупились ни на какіе расходы для возвеличенія своихъ храмовъ, полагая, что это относится «къ чести города». При такомъ взглядѣ на значеніе храмовъ естественно было ставить ихъ на самыхъ лучшихъ и видныхъ мѣстахъ, и во многихъ сочиненіяхъ по теоріи искусства временъ Возрожденія (напр. у L. B. Alberti, De Architectura) мы встрѣчаемъ опредѣленныя предписанія на этотъ счетъ; тѣснить храмъ другими зданіями, отодвигать его на задній планъ представлялось нравственною и художественною безсмыслицею, даже въ такихъ тѣсныхъ и небольшихъ городахъ, какъ средневѣковые Нѣмецкіе и Итальянскіе. О первенствующемъ положеніи храмовъ въ старыхъ Русскихъ городахъ, при еще бо́льшей скромности частныхъ построекъ, нечего и говорить.

Измѣнившееся направленіе общественной жизни измѣнило и отношеніе свѣтскихъ зданій къ священнымъ. Городъ «печется о многомъ» житейскомъ и растетъ не по днямъ, а по часамъ; ему до̀рогъ каждый вершокъ земли, въ особенности въ центрѣ *); онъ не можетъ уступать землю для того, чтобы храмы оставались среди прежняго простора: они и такъ, опираясь на jus primi occupantis и давнее владѣніе, заняли мѣста̀, на которыя городъ смотритъ съ жадностью и сожалѣніемъ, какъ на безплодно, съ его точки зрѣнія, пропадающія. Разрушать храмы, какъ въ Турціи, у насъ, конечно, нельзя; но ничто не препятствуетъ благочестивому городу задушать ихъ. Это постепенное изолированіе храма, блокада его враждебными ему зданіями и постепенное задушеніе — явленія нормальныя, происходящія на нашихъ глазахъ во всѣхъ большихъ городахъ, не исключая славной своимъ усердіемъ къ храмамъ Божіимъ Москвы. Это своего рода борьба за существованіе, вытѣсненіе слабѣйшаго сильнѣйшимъ, вытѣсненіе, въ которомъ побѣждаемый, чтобы не умереть совсѣмъ, принужденъ кое-какъ приспособляться къ новымъ стѣснительнымъ условіямъ окружающей среды, поступаться своими правами, даже иногда прямо содѣйствовать тому, что̀ его губитъ, какъ увидимъ ниже.

*) Десятина земли, купленная по цѣнѣ, заплаченной (судя по газетнымъ сообщеніямъ) городскимъ управленіемъ Москвы одному домовладѣльцу на Кузнецкомъ мосту за нѣсколько саженъ у его дома для расширенія тротуара, обошлась бы въ 700,000 рублей.

Намъ могутъ возразить, что не всегда такъ бываетъ; что еще въ недавнее время многія частныя зданія были снесены для расширенія площади вокругъ храма Христа Спасителя. Но на это мы можемъ отвѣчать, что, еслибы священнымъ зданіямъ была свойственна та зависть, которая несомнѣнно присуща зданіямъ свѣтскимъ по отношенію другъ къ другу, то старые Московскіе храмы имѣли бы основаніе позавидовать исключенію, сдѣланному для своего младшаго собрата, въ который впрочемъ многіе ходятъ скорѣе подивиться его великолѣпію, нежели помолиться, и вокругъ котораго скверъ и цвѣтники не замедлили превратиться въ мѣсто гулянья, какъ бы въ продолженіе Пречистенскаго бульвара. Старые храмы могли бы сказать: не одинъ храмъ, воздвигнутый въ воспоминаніе объ избавленіи отъ послѣдняго нашествія враждебныхъ Москвѣ племенъ, имѣетъ право на подобающій ему просторъ, но и всѣ другіе, раньше его принявшіе подъ свою охрану «сердце Россіи». Но храмы мира и любви не завистливы и кротки; городъ же, пользуясь ихъ миролюбіемъ, съ успѣхомъ ведетъ противъ нихъ свою мирную блокаду: онъ неустанно загораживаетъ, огораживаетъ ихъ, отодвигаетъ съ фасада улицъ на задворки, закрываетъ и доступъ къ нимъ, и видъ на нихъ. Онъ не пренебрегаетъ никакими средствами для устраненія неизбѣжнаго въ современной жизни большаго города явленія — помѣхи церквей: если церковь слишкомъ широко захватила землю вокругъ себя, заставляетъ горожанъ дѣлать небольшой объѣздъ и терять на это двѣ минуты того времени, которое Англичане называютъ деньгами, то заботливое городское управленіе находитъ возможнымъ устроить проѣзды по церковнымъ дворамъ. Примѣръ — «Большое Вознесеніе» у Никитскихъ воротъ, у котораго такой переѣздъ разлучилъ колокольню съ храмомъ, не смотря на ничтожное разстояніе, отдѣляющее это мѣсто отъ ближайшаго поворота улицы. Недавно предполагалось устроить проѣздъ по двору церкви св. Іоанна Предтечи въ Староконюшенной для ближайшаго соединенія такихъ ничтожныхъ путей сообщенія, какъ прилегающіе переулки.

Тамъ, гдѣ нельзя сдвинуть мѣшающій городскимъ интересамъ храмъ, можно его огородить или загородить. Успѣхъ этой мѣры не вездѣ одинаковъ, по независящимъ впрочемъ отъ города причинамъ. Во-первыхъ, нѣкоторыя церкви сами предусмотрительно приняли предохранительныя мѣры противъ блокады: такъ большинство монастырей и многіе храмы на окраинахъ во-время окружили себя стѣнами, башнями или простыми, широкими оградами. Укрѣпленія этихъ храмовъ, воздвигнутыя въ старыя времена для охраны города и дѣйстви-

тельно его охранявшія и спасавшія, въ новыя времена служатъ уже для спасенія ихъ самихъ отъ неблагодарнаго спасеннаго ими города, который только издали безсильно шлетъ имъ, въ противоположность ихъ молитвенному кадильному дыму, удушливый дымъ своихъ фабричныхъ трубъ (Новодѣвичій, Новоспасскій и другіе монастыри) и силится заглушить звонъ ихъ колоколовъ свистками фабричныхъ машинъ и локомотивовъ, мчащихся подъ монастырскими стѣнами желѣзнодорожныхъ поѣздовъ (Андроніевъ монастырь надъ полотномъ Курской желѣзной дороги). Примѣру окраинныхъ монастырей благоразумно послѣдовали нѣкоторые изъ расположенныхъ въ центрѣ города: Зачатіевскій, Страстной, Ивановскій *); не сдѣлавшіе же этого не могли вполнѣ противустоять непріятелю, пробившему бреши въ ихъ невысокихъ укрѣпленіяхъ въ видѣ товарныхъ конторъ въ фасадѣ зданій Знаменскаго монастыря на Варваркѣ, мелкихъ лавокъ въ стѣнахъ Петровскаго и Срѣтенскаго и многихъ торговыхъ помѣщеній въ зданіяхъ монастырей Богоявленскаго и Греческаго на Никольской, конечно съ согласія самихъ монастырей.

Немногія церкви ограждены отъ врага въ силу одного своего удачнаго мѣстоположенія, какъ напримѣръ, единственный въ Москвѣ (кромѣ одного домоваго храма) храмъ въ честь крестителя Руси, благовѣрнаго князя Владимира, близъ Солянки, «что̀ въ Старыхъ Садѣхъ», расположенный на маленькомъ, но крутомъ холму, къ которому нѣтъ подъѣзда. Затерянный въ захолустьѣ, на неровной мѣстности, совершенно неудобной для «дѣловыхъ» построекъ, огражденный къ тому же сосѣдствомъ могучихъ укрѣпленій Ивановскаго монастыря, храмъ этотъ, кажется, вполнѣ обезпеченъ отъ враждебныхъ нападеній города. Такое же неприступное положеніе занялъ храмъ Введенія въ Новинскомъ переулкѣ и Николая Чудотворца, что̀ на Ямахъ, около котораго ограничились разведеніемъ сквера, удобнаго для отдыхновенія гуляющихъ. Другихъ спасаетъ положеніе на совершенно открытой площади (Борисъ и Глѣбъ у Арбатскихъ воротъ, Богоявленіе въ Ело-

*) Этотъ новѣйшій изъ Московскихъ монастырей простеръ свою предусмотрительность, быть можетъ, даже дальше, чѣмъ, по его мѣстоположенію, слѣдовало бы; во всякомъ случаѣ своими колоссальными стѣнами и башнями онъ оградился отъ бойко торгующей Солянки съ находящимся на ней Государственнымъ Банкомъ, а также получилъ возможность сохранить во всей чистотѣ и неприкосновенности прелесть своихъ дворовъ, обвитыхъ плющемъ, засаженныхъ цвѣтниками, на подобіе католическихъ монастырей, отъ грязнаго сосѣдства примыкающаго къ нему Хитрова рынка, хотя картины нищеты и болѣзней этого послѣдняго могли бы, со старой точки зрѣнія, быть для монахинь поучительнѣе впечатлѣній ихъ изящнаго цвѣтника.

ховѣ), третьихъ—ихъ громадность (архид. Евпла на Мясницкой, Никиты мученика на Старой Басманной, Петра и Павла—на Новой, Вознесенія на Серпуховской и многія другія Замоскворѣцкія церкви); четвертыхъ, наконецъ, удачное положеніе на углу улицъ или, болѣе всего, отдаленность отъ центра города. Но горе остальнымъ! Всѣ силы городской культуры какъ бы сговорились вести правильную блокаду противъ нихъ, и она ведется тѣмъ энергичнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ ближе церковь къ центрамъ дѣятельности этой культуры.

Самый Кремль остался непощаженнымъ въ борьбѣ: не говоря объ упраздненныхъ храмахъ, Верхоспасскій соборъ, зависящія отъ него церкви и Спасъ на Бору стиснуты въ каменныхъ объятіяхъ окружающихъ ихъ зданій. Къ Чудову монастырю съ одной стороны придвинулся дворецъ, съ другой—храмъ свѣтскаго правосудія, Окружный Судъ и Судебная Палата, и рядомъ съ такими сосѣдями фасадъ древняго монастыря кажется и некрасивымъ по формамъ и линіямъ, и мизернымъ по размѣрамъ.

У подножія Кремля — «городъ», городъ по преимуществу, въ смыслѣ центра торгово-промышленныхъ дѣлъ. Заранѣе можно бы предсказать, что именно въ этомъ пунктѣ блокада противъ церквей должна вестись особенно энергично. Такъ оно и оказывается. Центръ этого центра—Ильинка, названная такъ въ честь храма св. пророка Иліи. Но пророкъ Илія, по народнымъ воззрѣніямъ, покровитель не городскихъ, а сельскихъ, земледѣльческихъ занятій, и потому улица противоположнаго имъ торгово-фабричнаго міра не задумалась стѣснить храмъ святаго, имя котораго она получила, настолько, что большинство проѣзжающихъ или проходящихъ по ней не въ состояніи разсмотрѣть этого храма, а многіе, конечно, и не знаютъ о его существованіи. Онъ чрезвычайно удачно запертъ и спрятанъ среди высокихъ торговыхъ помѣщеній Новгородскаго подворья и такъ называемыхъ «Теплыхъ рядовъ», и вѣроятно даже большинству торгующихъ въ сихъ послѣднихъ не приходилось посѣщать забытую церковь когда-то грознаго пророка, не имѣющую теперь своего собственнаго причта. Въ старину, когда и храмы, и ряды были «холодные», они могли еще кое-какъ существовать рядомъ на мирномъ положеніи; но когда дѣла въ рядахъ разрослись до того, что оправдали расходы на введеніе комфорта для торгующихъ и превратили ряды въ «Теплые», естественно было охладѣть въ усердіи къ церкви, которая и была (фактически) упразднена, хотя въ тѣхъ же столь цѣнящихъ мѣсто рядахъ нашлось однако мѣсто для трактира, бывшаго недавно, если

не ошибаемся, первымъ по величинѣ платимаго въ городскую думу оклада.

Если другая церковь той же улицы (Николы Большаго Креста) осталась неприкосновенною, то потому лишь, что и занимаемое ею мѣсто менѣе важно, и сама она стоитъ непосредственно на линіи фасада улицы. Разумѣется, съ остальныхъ сторонъ къ ней, насколько можно, придвинулись торговыя помѣщенія, вывѣски которыхъ однако не могутъ затмить привлекательности ея архитектуры и золотыхъ звѣздъ ея темносинихъ главъ. За то въ подножіи церкви торгъ нашелъ возможнымъ открыть хотя бы одинъ магазинъ (мѣховыхъ товаровъ Бутина). Напротивъ помѣщается «солиднѣйшій» изъ Московскихъ банковъ, Купеческій. Занимая противоположную сторону улицы, онъ не имѣетъ надобности конкуррировать съ храмомъ несребролюбиваго святителя. За то отъ торгующихъ въ находящемся на той же сторонѣ извѣстномъ магазинѣ суконъ намъ случалось не разъ слыхать жалобы на то, что красный цвѣтъ, въ который былъ выкрашенъ храмъ, дѣлаетъ невозможнымъ правильную оцѣнку цвѣта суконъ и трико въ магазинѣ, и вѣроятно владѣльцы послѣдняго довольны тѣмъ, что года два тому назадъ неудобный «визави» былъ перекрашенъ въ болѣе нѣжный, свѣтло-сѣрый цвѣтъ.

На второй торговой улицѣ «города», Никольской, Греческій Николаевскій монастырь достаточно прикрытъ торговыми помѣщеніями, точно также какъ и Богоявленскій. Церковь Св. Троицы, стоявшая во время оно, судя по названію, «на поляхъ», въ настоящее время загнана въ такой тѣсный уголъ новѣйшими постройками, что проѣздъ къ ней до крайности затруднителенъ. Удачнѣе всѣхъ отстаиваетъ существованіе свое и сосѣднихъ церквей церковь Варвары Мученицы на третьей улицѣ «города» Варваркѣ, какъ бы подтверждая народное повѣрье, что святая эта охраняетъ отъ напрасной смерти. (Даже смотрѣвшій на нее долгіе годы въ упоръ знаменитый Лопашевскій трактиръ закрылся и замѣненъ складомъ какихъ-то иностранныхъ издѣлій). За исключеніемъ Знаменскаго монастыря, который, не смотря на свою величину, становится мало замѣтнымъ, благодаря фасаду зданій, выходящихъ на улицу и занятыхъ торговыми помѣщеніями, остальныя церкви Варварки всѣ пока на виду, хотя, судя по окружающему ихъ сосѣдству, очевидно «не на мѣстѣ» съ современной точки зрѣнія.

Городъ изобилуетъ такъ называемыми подворьями разныхъ монастырей и пустынь, которымъ подворья эти служатъ обильнымъ источникомъ дохода, ростущаго сообразно съ развитіемъ торговыхъ дѣлъ. Не-

удивительно, что въ борьбѣ за существованіе владѣльцы подворій, обитатели прежнихъ «пу́стынь», широко пользуются преимуществами своихъ столичныхъ владѣній и для увеличенія ихъ доходности принимаютъ дѣятельное участіе въ воздвиженіи зданій, подавляющихъ церкви. Вышеупомянутый нами храмъ Ильи Пророка, столь удачно взятый въ плѣнъ Теплыми Рядами, находится въ предѣлахъ владѣнія Новгородскаго подворья, которое, эксплуатируя цѣнное принадлежащее ему мѣсто, нашло возможнымъ въ самомъ подножіи храма дать пріютъ цѣлой стаѣ мѣняльныхъ лавокъ, и даже не поконфузилось помѣстить одну изъ нихъ при входѣ на самую лѣстницу, ведущую въ храмъ, вѣроятно забывъ, что именно столы мѣнялъ, стоявшіе при входѣ въ храмъ, были когда-то опрокинуты Тѣмъ, Кто заповѣдалъ «дома молитвы не превращать въ домъ торговли» (Іоан. 2, 16). Непосредственно къ зданіямъ Новгородскаго подворья примыкающій домъ Свято-Троицкой Лавры, поставленный какъ разъ напротивъ Биржи, превосходитъ красотою и высотою всѣ зданія Ильинки, приноситъ колоссальный доходъ отъ сдаваемыхъ въ наймы подъ трактиръ, магазины и амбары помѣщеній, но, къ сожалѣнію, не даетъ въ своихъ стѣнахъ мѣста ни одному учрежденію, соотвѣтствующему дѣятельности и завѣщаніямъ основателя Лавры и ученію о Св. Троицѣ, икона которой тѣмъ не менѣе красуется на воротахъ дома между вывѣсками фабрикантовъ мануфактурныхъ издѣлій и неизбѣжнаго посредника торговыхъ оборотовъ—нотаріуса.

Лаврѣ, по мѣрѣ силъ, подражаютъ въ лицѣ своихъ подворій другіе монастыри и пу́стыни: расширяютъ, пристраиваютъ, надстраиваютъ свои торговыя помѣщенія, если не хотятъ быть поглощенными своими свѣтскими сосѣдями, какъ это мы видимъ на Антіохійскомъ подворьѣ, церковь котораго, представляющая собою древнюю восточную патріархію, оцѣпленная (не безъ участія впрочемъ своего собственнаго многоэтажнаго дома) съ трехъ сторонъ грандіозными новѣйшими торговыми постройками (ряды Александрова), остается маленькою, жалкою, грязною, совершенно заброшенною, среди густо заселенныхъ окружающихъ ее величественныхъ зданій. И внѣ центра проявляется тоже стремленіе: не успѣлъ маленькій храмъ Св. Сергія въ Крапивникахъ (мѣстѣ вовсе не бойкомъ) перейти во владѣніе Константинопольскаго подворья, какъ вокругъ него съ замѣчательною быстротою выросъ и окружилъ его многоэтажный домъ, предназначенный для сдачи подъ квартиры и обращающій на себя издали вниманіе чисто-восточною яркостью облицовки своихъ стѣнъ. Наоборотъ, Іерусалимское подворье, вѣроятно по неблагопріятнымъ условіямъ мѣста,

въ Филиповскомъ переулкѣ, вѣроятнѣе за недостаткомъ средствъ, не предприняло еще никакихъ грандіозныхъ сооруженій и украшено до сихъ поръ еще не вывѣсками конторъ и магазиновъ, а изображеніями иконъ и чудесъ изъ житій святыхъ. Борьба за существованіе среди городскихъ церквей сказалась повидимому и въ томъ, что Пантелеймоновскій Аѳонскій монастырь, имѣвшій прежде очень скромную часовню на Никольской, счелъ нужнымъ замѣнить ее несравненно болѣе обширною и замѣтною въ болѣе благопріятномъ мѣстѣ той же улицы, украсивъ часовню затѣйливою, издали видною архитектурою и не менѣе затѣйливыми украшеніями фасада майоликою, словно желая обратить на себя побольше вниманія, что̀ и достигается, такъ какъ часовня эта на много превосходитъ эффектностью стоящій напротивъ древній храмъ Владимирской Божіей Матери, не имѣющій собственнаго причта и, какъ многіе другіе, очевидно стоящій «не на мѣстѣ», при входѣ на торговую улицу и на «толкучку» [1]).

Но и за предѣлами торговаго центра торговые инстинкты или стараются извлечь пользу изъ церковныхъ владѣній, или тѣснятъ храмы тамъ, гдѣ они имъ мѣшаютъ. Отдача внаймы частей церковныхъ зданій—явленіе заурядное. Мы упомянули о мѣховомъ магазинѣ подъ одною изъ церквей на Ильинкѣ; въ томъ же нижнемъ этажѣ церкви, съ другой, надворной стороны находятся склады товаровъ [2]). Въ подножіи ограды одной изъ церквей на Срѣтенкѣ устроены лавченки, въ которыя съ улицы невозможно даже проникнуть, такъ какъ ихъ вѣчно открытыя окна, черезъ которыя производится торгъ, приходятся на уровнѣ самаго тротуара: очевидно,—помѣщеніе неудобное, вѣроятно и недорогое; но и имъ не брезгаютъ разсчетливые владѣльцы и наниматели. Еще одно странное совпаденіе: въ колокольнѣ церкви Благовѣщенія на Тверской устроена миніатюрная лавочка съ надписью: «продажа галантерейнаго товара и гармоній», хотя гармоніи, предназначаемыя, по обычаю, служить призывомъ преимущественно къ пьяному разгулу, плохо гармонируютъ съ призывомъ къ молитвѣ и къ дѣламъ благочестія, съ тѣмъ благовѣстомъ, который раздается съ вершины храма Благой Вѣсти.

Въ Москвѣ находятся три церкви Св. Софіи; изъ нихъ только одна не имѣетъ основанія присоединиться къ жалобѣ Цареградской

---

[1]) Владимирская церковь на Никольской (не древнѣе 1694 года) принадлежитъ Заиконоспасскому монастырю. Едва ли имѣла она когда-либо свой приходъ. М. Б.

[2]) Это напомнило намъ, что въ нижнемъ этажѣ почтеннаго по своей древности собора въ Рязани устроенъ складъ артиллерійскаго обоза и другихъ военныхъ принадлежностей.

Софіи на оскорбленія, которымъ подвергаются храмы. Эта единственная, пощаженная городскою цивилизаціей церковь—«Св. Софіи и ея трехъ дщерей, Вѣры, Надежды и Любви», на Міусскомъ кладбищѣ. И неудивительно: храмъ, воздвигнутый во имя вѣры, надежды, любви и мудрости, объединеннныхъ въ святомъ, чистомъ, родственномъ чувствѣ и поставленный среди могилъ одного изъ бѣднѣйшихъ Московскихъ кладбищъ, на мѣстѣ, призванномъ, какъ и всякое мѣсто упокоенія умершихъ, напоминать живущимъ о задачѣ мудрости, о предметѣ вѣры и надежды, о чувствѣ и долгѣ любви,—этотъ храмъ стоитъ внѣ опасности быть поглощеннымъ свѣтскою суетою и остается для нея неприкосновеннымъ. Не такова судьба двухъ другихъ храмовъ Софіи, именуемыхъ въ точности храмами «Софіи Премудрости Божіей». Премудрость человѣческая, утратившая пониманіе премудрости Божіей, обратившаяся на служеніе исключительно матеріальнымъ благамъ, для удовлетворенія этой потребности, ощутила надобность въ созданіи домовъ, оттѣснившихъ и подавившихъ домъ, который, выражаясь словами Писанія, «создала себѣ Премудрость Божія». Храмъ Софіи на Софійской набережной изчезъ отъ взоровъ, благодаря надвинувшемуся на него Кокоревскому подворью. Кокоревъ, откупщикъ, финансовый дѣлецъ, неутомимый предприниматель, быстро наживавшій крупное состояніе, прогоравшій на спекуляціяхъ и снова быстро обогащавшійся, Кокоревъ, котораго «Новое Время» послѣ его смерти сочувственно назвало дѣльцомъ новаго въ Россіи чисто-Американскаго типа, воздвигъ рядомъ съ церковью Софіи образцовую для того времени по солидности и размѣрамъ постройки громаду своего подворья, предназначавшагося для гостинницы, торговыхъ складовъ, конторъ и магазиновъ, постройку, которая если и не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ и любви къ наживѣ, тѣмъ не менѣе подавила собою Софію настолько, что послѣдняя стала совершенно невидимою снаружи. Правда, высокая, красивая ея колокольня обличаетъ присутствіе церкви гдѣ то по сосѣдству, но сама помогаетъ закрывать ее съ улицы; церкви не видно даже съ вершины высокаго Кремлевскаго холма.

И другой храмъ Софіи на улицѣ, названной въ честь его, представляетъ видъ какъ бы загнаннаго въ тѣсный уголъ между стѣнами сосѣднихъ домовъ, въ томъ числѣ и своего «церковнаго», и совершенно подавленъ близостью колоссальнаго, на три улицы выходящаго дома величайшаго изъ докторовъ нашего практическаго вѣка. Геній наживы при помощи науки на поприщѣ полезнаго служенія страждущему человѣчеству, геній веселья въ лицѣ помѣщающагося рядомъ съ храмомъ Нѣмецкаго клуба, геній торговли, олицетворенный находящи-

мися на противоположной сторонѣ и внизу улицы пассажами, освѣщенными электрическимъ свѣтомъ, послѣднимъ изобрѣтеніемъ науки, готовой прислуживаться щедро отплачивающей торговлѣ и промышленности,—все это должно съ ироническимъ сожалѣніемъ смотрѣть на маленькій храмъ Премудрости Божіей, темный, точно робко прижавшійся къ стѣнамъ среди всего этого, чуждаго ей и подавляющаго ее, новаго величія. Кстати!. Разсадникъ электрическаго освѣщенія въ Москвѣ, центральная электрическая станція основалась на снятой (или купленной?) землѣ упраздненнаго Георгіевскаго монастыря на Большой Дмитровкѣ, и ея колоссальная труба побѣдоносно высится выше главъ храма Георгія Побѣдоносца; также точно, какъ и музей той отрасли знаній, которою больше всего гордится нашъ вѣкъ, Политехническій Музей, представляетъ величественное зданіе сравнительно съ храмомъ Георгія Побѣдоносца, стоящимъ почти напротивъ него. Достойно замѣчанія, что еще третій храмъ того же святаго, «на Красной Горкѣ», на Моховой, оказался въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ разсадникомъ свѣта (умственнаго), съ храмомъ знаній, и притомъ высшимъ, съ Университетомъ. До сихъ поръ храмъ Св. Георгія не пострадалъ отъ своего почетнаго сосѣдства; надѣемся, и впредь не пострадаетъ. Но можемъ ли мы, оставаясь искренними, сказать, что это сосѣдство двухъ храмовъ просвѣщенія, умственнаго и нравственнаго, знаменуетъ собою тѣсную, родственную, живую связь между ними, связь, возможную только при проникновеніи общею задачею и единою для обоихъ цѣлью? Къ несчастью для человѣчества, этой-то общности, этого-то единства и нѣтъ, а по мнѣнію большинства представителей современной науки, и быть не можетъ. Не смотря на то, что вышеуказанная близость храмовъ Георгія Побѣдоносца къ центрамъ научнаго и техническаго просвѣщенія настоятельно твердитъ и ученымъ, и техникамъ о необходимости превращенія немирнаго состоянія людей въ мирное, твердитъ о томъ, что свѣтъ знанія и рессурсы техники должны быть неотлагательно направляемы на ихъ главную задачу—на овладѣніе слѣпыми стихійными силами природы для разумной регуляціи ихъ на пользу человѣчества, безъ чего не можетъ быть установленъ и прочный миръ между людьми, при чемъ, для выполненія этой великой общечеловѣческой задачи, призваны, вмѣстѣ съ учеными и неученыя народныя массы, и прежде всего направленное не на увеличеніе вражды, а на достиженіе мирныхъ цѣлей войско, покровителемъ котораго и считается Св. Георгій,—не смотря на все это, храмъ Георгія Побѣдоносца и храмъ науки, не въ Москвѣ только, но повсюду поставленные жизнью рядомъ и призванные быть союзниками, въ дѣйствительности—не союзники, чѣмъ и надо въ значительной степени объяснять отсутствіе

побѣдъ надъ удручающими людей бѣдами, а въ связи съ этимъ и отсутствіе мира въ мірѣ.

В. К.

*

Стѣсненіе церквей въ наше время (время упадка вѣры и благочестія) неудивительно. Болѣе поражаетъ то явленіе, что и прежде, когда сильнѣе была вѣра, когда глубже было въ сердцахъ уваженіе къ храмамъ, эти послѣдніе терпѣли очень часто различныя утѣсненія. Укажемъ нѣсколько примѣровъ изъ времени XVIII вѣка.

Въ селѣ Хорошевѣ-Троекуровѣ, Московскаго уѣзда, въ 1699 году начата княземъ Иваномъ Борисовичемъ Троекуровымъ постройка церкви въ честь святителя и чудотворца Николая съ придѣломъ св. Алексѣя, митрополита Московскаго, и отстроена, послѣ его смерти, дочерью его и внукомъ А. И. Троекуровымъ. Тетка послѣдняго, вдова княгиня Ирина Петровна Троекурова, по злобѣ на него, построила на церковной землѣ близъ самой церкви „скотскіе дворы и прочее непотребное строеніе". (Арх. Моск. Свят. Синода Конторы 1739 г. № 342).

Къ древней (построенной въ 1527 году) Борисоглѣбской, что у Арбатскихъ воротъ, церкви графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, будучи при Петрѣ I начальникомъ Монастырскаго Приказа, самовольно пристроилъ на церковной землѣ другую церковь въ честь Воскресенія Христова и притомъ выше Борисоглѣбской. Новая церковь поставлена была такъ, что пришлось въ Борисоглѣбской заложить окна и двери (съ сѣверной стороны); дождь съ Воскресенской церкви лилъ на Борисоглѣбскую и въ проходъ между ними который зимою весь засыпался снѣгомъ; отъ этого „не токмо проходу приходящимъ людямъ, но и проносу воздуха не было, и сѣверная вся сторона Борисоглѣбской церкви находилась во всегдашней сырости и мокротѣ" (Арх. Моск. Свят. Син. Конт. 1763 г. № 44).

Въ 1774 году отъ причта и прихожанъ Ильинской, что за Ветошнымъ рядомъ (на Новгородскомъ подворьѣ), церкви въ Московскую Свят. Синода Контору поступило заявленіе, что купецъ Петръ Дим. Пастуховъ, которому Новгородское подворье было отдано въ аренду съ 1766 года, церковные каменные ворота передѣлалъ въ лавку, такъ что въ церковь чрезъ нихъ проходить уже нельзя, а ходятъ „чрезъ поповы сѣни малыми дверьми", что онъ же близъ самой церкви устроилъ трактиръ, въ которомъ „приготовляется мясная и рыбная пища, отчего происходитъ къ церкви противной воздухъ, отъ многочисленнаго въ трактирѣ народа бываетъ въ церкви слышенъ крикъ, разныя игры и пѣсни и музыки, а церковное кладбище засыпалъ щебнемъ" (Арх. Моск. Свят. Син. Конт. 1774 г. № 229).

Близъ алтаря Варваринской что на Варварке церкви въ 1781 году стояло три лавки, въ которыхъ жарили рыбу, отчего въ церкви распространялся смрадъ. (И. Забѣлина Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики г. Москвы. Москва, 1891 г., ч. 2, стр. 1065—1066).

У уничтоженной церкви Спаса Смоленскаго, что у Москворѣцкихъ воротъ, строеніе священника было пригорожено къ самой церкви, такъ что домъ имѣлъ только три стѣны, а четвертою служила церковная (Арх. Моск. Свят. Син. Конт. 1774 г. № 480), а у церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ каменное и деревянное строеніе священника пристроено было къ самому алтарю. (И. Забѣлина. Матеріалы, ч. 1, ст. 494—496).

Иногда загораживали самые проходы и проѣзды къ цервамъ, чтобы отрѣзать ихъ отъ приходскихъ домовъ. Такъ въ 1757 году, съ дозволенія полицеймейстерской канцеляріи, генералъ Николай Мих. Леонтьевъ загородилъ переулокъ проѣзжій къ Николаевской что въ Хлыновѣ церкви, а въ 1774 году генералъ-маіоръ, Московскій оберъ-комендантъ Павелъ Матв. Ржевскій загородилъ другой проѣзжій къ церкви переулокъ, находившійся между его домомъ и садомъ, и началъ здѣсь строить каменный домъ (Арх. Моск. Свят. Син. Конторы 1774 г. № 724).

Въ 1781 году одинъ прихожанинъ Троицкой что въ Старыхъ Поляхъ церкви, имѣвшій близъ нея домъ, устроивъ крыльцо у дома, загородилъ проѣздъ къ церкви (И. Забѣлина. Матеріалы, ч. 2, стр. 1059).

Представленныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно. Застроить со всѣхъ сторонъ церковь, загородить къ ней проѣздъ, наполнить церковь смрадомъ, шумомъ празднаго пьянаго люда—дѣло бывалое. Но это зло было поправимое: съ нимъ считались и духовныя власти, и болѣе благонамѣренныя свѣтскія лица, и все оканчивалось большею частію къ благу и чести храмовъ Божіихъ.

Былъ другой родъ утѣсненія храмовъ, и зло, имъ причиненное, непоправимо. Это совершенное уничтоженіе храмовъ. Исторія его весьма любопытна, и мы надѣемся представить ее въ рядѣ очерковъ.

Свящ. Н. Скворцовъ.

КЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ГРАВЮРЫ.

П. П. Бекетовъ.

Первый предсѣдатель Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ Платонъ Петровичъ Бекетовъ былъ однимъ изъ первыхъ собирателей и описателей Русскихъ гравюръ. Рукописи Бекетова, къ сожалѣнію немногія, были случайно пріобрѣтены издателемъ „Библіографическихъ Записокъ" Касаткинымъ, а по смерти его, вмѣстѣ съ его библіотекою, куплены покойнымъ фельдмаршаломъ княземъ А. И. Барятинскимъ и нынѣ хранятся въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ музеѣ. Тамъ же находится слѣдующее письмо П. П. Бекетова къ попечителю Московскаго университета Александру Александровичу Писареву, отъ 26 Декабря 1828 года.

„Милостивый государь Александръ Александровичъ! По желанію вашему, выполняю теперь давно обѣщанное мною. Я нѣсколько уже разъ собирался доставить къ вамъ оставшіеся лоскутки мои, но мнѣ всегда казалось, что они, по неполности своей, не заслуживаютъ никакого вниманія, и это удерживало меня отъ посылки; теперь же, когда вы еще мнѣ объ нихъ напомнили, то я, желая сдѣлать вамъ угодное, все что могъ собрать, къ вамъ посылаю. Давно уже была у меня мысль составить словарь о Русскихъ гравюрахъ, и я принялся было за исполненіе сего, что, по значительному числу собранныхъ тогда мною эстамповъ, было не трудно, и дѣло шло довольно успѣшно. Но въ двѣнадцатомъ году и эстампы, и все написанное исчезло, такъ что и пятой доли не осталось, и я, возвратясь, нашелъ только разбросанные лоскутки. Собравъ ихъ, я прибавилъ къ нимъ еще кое-что изъ новыхъ работъ означенныхъ уже граверовъ, на память; самыхъ же новѣйшихъ граверовъ, которые сдѣлались извѣстными послѣ 1812 года, равно какъ и иностранцевъ, здѣсь работавшихъ, я совсѣмъ и не помѣстилъ. Посылаю вамъ то, что могу, желая искренно, чтобы оно пригодилось вамъ для составленія чего нибудь лучшаго и полнѣйшаго. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства, милостивый государь, покорнѣйшій слуга Платонъ Бекетовъ".

Мы не будемъ выписывать всей рукописи Бекетова, а приведемъ только тѣ мѣста изъ нея, которыя служатъ пополненіемъ или поправками къ извѣстному труду Д. А. Ровинскаго. Замѣтимъ сперва, что цѣли этихъ двухъ авторовъ не вполнѣ совпадаютъ. П. П. Бекетовъ озаглавилъ свою рукопись такъ: *Опытъ Словаря о Русскихъ гравюрахъ, собранный Платономъ Бекетовымъ.*

Какъ видно изъ самаго этого заглавія, онъ имѣлъ въ виду не одни только гравированные портреты, но и сюжетныя гравюры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не касался портретовъ Русскихъ дѣятелей, гравированныхъ иностранными художниками; за то его интересовали и портреты иностранныхъ лицъ, вышедшіе изъ подъ рѣзца нашихъ художниковъ. Такимъ образомъ задача его заключаетъ въ себѣ задачи двухъ сочиненій Д. А. Ровинскаго: „Русскіе гравюры и ихъ произведенія съ 1564 года до основанія Академіи Художествъ" и „Словарь Русскихъ гравированныхъ портретовъ".

Соединяя замѣтки П П. Бекетова, сохранившіяся въ видѣ отдѣльныхъ набросковъ, будемъ держаться азбучнаго порядка граверовъ.

Берсеневъ, Иванъ Архиповичъ. „Моисей, держащій скрижали Завѣта, съ Эделинкова эстампа, въ листъ.—Апостолъ Матѳей, въ полъ-листа.—Богородица, въ полъ-листа.—Saint Jérome, съ картины Доминикина, въ полъ-листа.—Tentateur (Искуситель), съ картины Тиціана Вечелли, въ полъ-листа. Оба послѣдніе эстампа гравированы въ Парижѣ и помѣщены въ Galerie de Palais Royal".

Дашковъ, князь Павелъ Михаиловичъ, сынъ княгини Екатерины Романовны и князя Михаила Ивановича. Род. въ 1763 г., ум. въ 1807 г. Имѣлъ дипломы отъ разныхъ ученыхъ обществъ, а отъ Эдинбургскаго университета—званіе доктора медицины. Былъ Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Съ 1792 г.—генералъ-лейтенантъ, а съ 1805-го—генералъ-поручикъ. „Нѣсколько пейзажей дѣланныхъ крѣпкой водкой".

Жуковъ, „Положеніе Спасителя во гробъ, копія съ эстампа Саделерова, въ листъ".

Иванова, вдова гравера Скородумова, вышедшая послѣ него за втораго мужа. (Въ словарѣ Д. А. Ровинскаго, въ алфавитномъ спискѣ граверовъ, она указана подъ именемъ Ивановой, гдѣ сдѣлана ссылка на имя Скородумовой, подъ этимъ же послѣднемъ именемъ она пропущена вовсе). „Богородица", въ листъ".

Ивановъ Г. Пейзажъ съ водопадомъ, въ малый листъ, и Ангелъ являющійся пастырямъ, въ малый листъ. Оба гравированы штрихомъ, отлично.

Касаткинъ, Д. А. Ровинскій не даетъ о немъ никакихъ біографическихъ свѣдѣній, у Бекетова же сказано: „Касаткинъ, Артемій, крестьянинъ графа Румянцова, а потомъ г. Балашова".

Кошкинъ, Елисей Ивановичъ. „Святой Францискъ въ пустынѣ". Пейзажъ, въ коемъ вдали пастушка со стадомъ, въ малый листъ.

Масловъ, Иванъ Николаевичъ „дѣйствительный камергеръ. Довольное число головъ и другихъ мелкихъ піесъ, во вкусѣ Рембрандта, очень удачно".

Машутинъ, Андрей. Кромѣ портретовъ, описанныхъ Д. А. Ровинскимъ, указанъ Бекетовымъ еще портретъ герцога Бирона, а про самого гравера сказано: „воспитанникъ Императорской Академіи Художествъ въ С.-Петербургѣ; работалъ послѣ у Валькера тушевальнымъ манеромъ, но что—неизвѣстно".

Мерцаловъ. „Женщина окруженная дѣтьми, въ полъ-листа, крѣпкою водкою".

Осиповъ, Алексѣй Агаповичъ. Вмѣсто свѣдѣній, данныхъ Д. А. Ровинскимъ, сказано: „Крѣпостной человѣкъ коллежскаго совѣтника Филипповскаго. (Д. А. Ровинскій называетъ его крѣпостнымъ самого Бекетова), служащій при Императорскомъ Московскомъ университетѣ“. Работы его, кромѣ поименованныхъ у Ровинскаго: „Портретъ князя Андрея Петровича Оболенскаго, въ полъ-листа.—Прасковьи Петровны Бекетовой, въ 4°.—Кинеля, живописца, въ 4°.—Императора Павла I, въ ростъ, верхомъ, въ большой листъ, штрихомъ.—Эстампы въ книгѣ: Смерть Маріи Стюартъ.—Эстампъ при заглавіи: Элегія на смерть графини Шереметевой, въ 8°.—Родословное древо Государей Россійскихъ отъ Петра I до Александра I, съ ихъ портретами, съ эстампа Клауберова, въ листъ. (У Д. А. Ровинскаго это изданіе описано, но не было извѣстно, кѣмъ гравировано), см. т. IV, столб. 51).—Въ книгѣ: „Краткое изображеніе жизни Россійскихъ Государей“, фронтиспись и нѣкоторые изъ портретовъ гравировалъ онъ самъ, а всѣ прочіе дѣланы подъ его смотрѣніемъ.—Въ книгѣ: „Юнговы Ночи“ портретъ Юнга и нѣкоторые виньеты. Гравировалъ пунктиромъ, но иногда также и штрихомъ“.

Пастуховъ. „Видъ города Тулы отъ Оружейнаго завода“.

Розановъ, Иванъ, крестьянинъ Вадковскаго. Портретъ императрицы Екатерины II, съ эстампа Скородумова, въ листъ.—Другой, ея же, съ боку, въ 8°.—Великаго Князя Александра Павловича и Великаго Князя Константина Павловича, оба въ кругахъ, въ полъ-листа.—Императора Александра I въ листъ.—Нельсона.—Палатина эрцгерцога Карла.—Крея. Всѣ въ кругахъ, въ полъ-листа.—Аллегорическая мистическая картина въ листъ, съ эстампа, гравированнаго въ Лондонѣ.—Монументъ Суворова, съ эстампа въ листъ.—Началъ гравировать и не докончилъ виды Москвы съ птичьяго полета, планъ и фасадъ Голицынской больницы и множество другихъ досокъ. Онъ работалъ штрихомъ, пунктиромъ и тушевальнымъ манеромъ, и все самоучкою“. Это послѣднеее замѣчаніе особенно интересно, потому что раньше не было ничего извѣстно о художественномъ образованіи Розанова, и сходство манеры, а можетъ быть и то, что онъ копировалъ со Скородумова, заставило Д. А. Ровинскаго предположить, что онъ ученикъ этого послѣдняго.

Сахаровъ, Александръ. „Пейзажъ, въ полъ-листа“.

Сихусинъ, П. „Святое семейство, въ малый листъ, очень хорошо отдѣланный эстампъ, штрихомъ“.

Скородумовъ, Гаврила Ивановичъ. „Діана купающаяся съ нимфами, вдали Актеонъ, превращенный въ оленя, въ большой листъ, съ Англійскою подписью, пунктиромъ.—Іоаннъ Креститель съ агнцемъ, въ листъ.—Богоматерь съ младенцемъ, въ малый листъ.—Лотъ съ дочерьми, въ полъ-листа.—Нѣсколько эстамповъ въ кругахъ, красныхъ и другихъ“. О гравюрѣ „Смерть князя Потемкина-Таврическаго“ прибавлено: „замѣтить должно, что ошибкою у всѣхъ шпаги выгравированы на правой сторонѣ“.

Скотниковъ, Егоръ Осиповичъ. „Іисусъ Христосъ на крестѣ.—Образъ Спаса Нерукотвореннаго, въ 8°, гравированъ на серебряной доскѣ, для меня.—Рождество Іисуса Христа, съ Рафаэлевой картины, контуромъ, въ листъ, въ высоту. Всѣ штрихами“.

Соколовъ, Николай Ивановичъ. „Портретъ Великаго Князя Петра Ѳеодоровича, въ листъ, штрихомъ". Можетъ быть этотъ портретъ Бекетовъ приписалъ ему ошибкою, смѣшавъ его съ другимъ Соколовымъ, Иваномъ, работы котораго портретъ Петра Ѳеодоровича, съ оригинала Грота, извѣстенъ и описанъ у Д. А. Ровинскаго (столб. 1507, № 6). „Великой княжны Александры Павловны, въ полъ-листа, съ эстампа.—Грузинскаго (Армянскаго) митрополита Іосифа Аргутинскаго - Долгорукова, съ портрета.—Ал. Никол. Кожина, въ полъ-листа. —Николая Ѳедоровича Головина". Въ Пантеонѣ Россійскихъ авторовъ, кромѣ указаннаго Д. А. Ровинскимъ портрета Баяна „выгравированъ еще его портретъ въ другомъ видѣ, не помѣщенный въ изданіе.— Фронтисписъ при диѳирамбѣ на безсмертіе души Делиля, переводъ Палицына, въ полъ-листа.—Святая Магдалина, съ Эделинкова эстампа, въ листъ.—Изображенія разныхъ царскихъ украшеній и другихъ достопамятныхъ древностей изъ Оружейной Палаты, которыя смерть не дозволила ему докончить и изъ которыхъ нѣкоторыя дѣлалъ онъ самъ, а другія дѣлали подъ его смотрѣніемъ; разныхъ форматовъ. Сверхъ того множество другихъ досокъ. Гравировалъ штрихомъ и пунктиромъ".

Сребреницкій, Григорій Ѳедоровичъ. „Отецъ семейства больной, съ Грёза, въ полъ-листа.—Римская любовь, въ малый листъ".

Ухтомскій, Андрей Григорьевичъ. „Видъ садовъ Павловска, отъ рѣшеточныхъ бесѣдокъ, въ листъ.—Видъ колонны и храма по другую сторону пруда, въ саду города Гатчины, въ листъ.—Видъ крѣпости г. Павловска при лунномъ сіяніи, въ листъ.—Видъ съ Каменнаго острова противолежащаго ему берега, въ листъ".

Ушаковъ, Симонъ, „кто былъ, неизвѣстно. Работы его: при заглавіи книги Псалтирь царя и пророка Давида, художествомъ риѳмотворнымъ равномѣрно слога и согласно конечно по различнымъ стиховъ родамъ преложенная, сочиненія іеромонаха Симеона Полоцкаго, въ полъ-листа, эстампъ, представляющій царя Давида, стоящаго предъ Кивотомъ Завѣта посреди храма, съ двумя вверху и внизу эстампами, въ стихахъ подписями и съ слѣдующимъ означеніемъ: Симеонъ Ушаковъ знамена ҂зрпи҃ году, и еще знакомъ Z, штрихомъ".

Фадѣевъ (Ѳадѣевъ), Григорій. „Дѣвушка въ профиль, держащая бокалъ, въ полъ-листа.—Портретъ великаго князя Рюрика, въ 4°, штрихомъ".

Февриццкій. „Святое семейство, въ малый листъ, хорошая копія съ эстампа Сихусина".

Флоровъ, Александръ. „Іисусъ Христосъ, несущій крестъ съ надписью: иго мое благо, и бремя мое легко есть; въ большой листъ, въ вышину. Первые отпечатки безъ подписи". Про портретъ Суворова прибавлено: „въ самый большой листъ, дѣланъ для меня".

Ческій И. „Видъ загороднаго дома графа Строганова, въ листъ".

А. Новицкій.

ПОПРАВКА.

И на старуху бываетъ проруха. Конечно, отъ прорухъ не изъяты и старики, особливо доживающіе свои семидесятые годы. Просматривая написанную мною и напечатанную въ „Русскомъ Архивѣ“ нынѣшняго года статью подъ заглавіемъ: „Митрополитъ Платонъ Кіевскій объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ“, я нашелъ въ ней проруху, правда, неважную, касающуюся не существа дѣла, а времени, однако требующую исправленія. Ошибка въ слѣдующихъ словахъ: „именно въ концѣ сорокауста“. Прочитавъ въ печати эти слова, я пришелъ въ раздумье: могъ ли митрополитъ такъ выразиться, когда между сорокаустомъ и видѣніемъ прошли уже годы? Беру набросокъ и нахожу, что въ немъ написано такъ: „конечно уже не во дни сорокауста“. Это выраженіе я не понялъ во время составленія или переписки статьи, и переиначилъ; но теперь вижу, что оно именно и должно быть таково. Въ нашей православной церкви существуетъ вѣрованіе, что отошедшіе отъ насъ въ загробную жизнь, съ теченія 40 дней, какъ будто не разстаются съ нами, и явленіе ихъ оставшимся въ живыхъ чаще повторяется именно въ эти дни, чѣмъ въ послѣдующее за тѣмъ время. Отсюда ясно, что владыка-митрополитъ, передавая мнѣ повѣсть о своемъ видѣніи и упомянувъ о сорокоустѣ, хотѣлъ такъ сказать, поставить его какъ выходящее изъ ряда подобныхъ явленій.

Кромѣ этой поправки считаю долгомъ сообщить читателямъ слѣдующее. Въ Севастополѣ доживаетъ свой вѣкъ, однако въ полной крѣпости силъ, одинъ изъ доблестнѣйшихъ героевъ-защитниковъ Севастополя, контръ-адмиралъ Ѳ. Ѳ. Нарбутъ. Прочитавъ мою статью, онъ далъ мнѣ право заявить въ печати, что все написанное мною о видѣніи митрополита Платона и онъ дословно слышалъ отъ него, часто бесѣдуя съ нимъ въ Одессѣ, и питалъ донынѣ чувство глубокаго уваженія къ этому достойному святителю нашей церкви.

Ив. Палимпсестовъ.

18 Мая 1893.
Севастополь.

Письма Бутакова, М. П. Погодина, кн. П. П. Вяземскаго.

Воспоминанія о М. С. Щепкинѣ. **А. В. Щепкиной.**

Письма **М. С. Щепкина** къ Н. В. Гоголю.

Изъ записокъ сенатора **К. Н. Лебедева.**

Воспоминанія **П. П. Ларія** о Пушкинѣ.

Письмо Пушкина къ И. И. Мартынову. (1815).

Письма **П. А. Жуковскаго** къ Пушкину.

Письмо **Н. В. Гоголя** въ Оптину пустынь (1850).

Письма **И. И. Давыдова** къ А. А. Прокоповичу-Антонскому.

Изъ бумагъ **Н. П. Гилярова - Платонова.**

Изъ воспоминаній княжны В. Н. Репниной.

А. С. Яковлевъ. Очеркъ изъ исторіи Русскаго театра. **А. Н. Сиротинина.**

Главныя статьи „Русскаго Архива" 1890 года.

Боярское Кормленіе. Критическое изслѣдованіе **П. Д. Голохвастова.**

Братья **графы Панины.** Ихъ переписка (1755).

Новыя показанія о воцареніи **Екатерины Великой.**

Переписка **Екатерины Великой** съ братьями Людовика XVI.

Журнальная дѣятельность Екатерины. Статья **Е. С. Шумигорскаго.**

Императрица Марія Θеодоровна. **Его же.**

Письма митрополита **Платона** къ Маріи Θеодоровнѣ.

Тайная переписка о предполагавшемся бракѣ Наполеона съ великой княжной Анною Павловною. Съ объясненіями **С. С. Татищева.**

Бесѣды Александра Павловича съ кн. Адамомъ Чарторижскимъ о дѣлахъ Польскихъ.

Переписка князя Воронцова съ А. П. Ермоловымъ (1845—1855).

Письма князя Воронцова къ графу Бенкендорфу о крѣпостномъ правѣ и о поѣздкѣ Николая Павловича на Кавказъ.

Письма **Филарета** къ Ахматову, гр. Д. А. Толстому.

Воспоминанія **М. М. Муромцева.**

Записки **Θ. Я. Мирковича.**

Двѣнадцать лѣтъ молодости. **Г. Д. Щербачева.**

Даргинскій походъ 1845 года. Барона **А. П. Николаи.**

Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. **А. Л. Зиссермана.**

Письма **А. С. Пушкина** къ І. М. Пеньковскому, графу Е. Ф. Канкрину, В. И. Туманскому.

Исторія моего знакомства съ Гоголемъ. Посмертное сочиненіе **С. Т. Аксакова.**

Гоголь и славянофилы. Статья **Н. М. Павлова.**

Письма **К. С. Аксакова, Н. Ф. Павлова** къ Гоголю.

Изъ воспоминаній княжны В. Н. Репниной о Гоголѣ.

Изъ воспоминаній **Б. Н. Чичерина.**

Письма **М. И. Глинки** къ П. П. Дубровскому (1853—1854).

Н. И. Костомаровъ. Воспоминанія **А. А. Корсунова.**

Въ приложеніяхъ:

Капище моего сердца князя **И. М. Долгорукова.**

Записки Степана Петровича **Жихарева.**

ПЕЧАТАЕТСЯ

Указатель къ «Русскому Архиву» за тридцать лѣтъ (1863—1892).

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893 года.

(Годъ тридцать первый).

Русскій Архивъ въ 1893 г. издается по прежнему двѣнадцатью тетрадями, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1893 году съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за одну по 1 р. 25 к., за двѣ по рублю, за три по 80 к., за четыре и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Для личныхъ объясненій съ издателями—Четвергъ отъ 9 до 3 ч. дня.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" Петръ Бартеневъ.

Годъ XXXI-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893

7.

Стр.

305. Записки инженернаго офицера **Мартоса** о Турецкой войнѣ въ царствованіе Александра Павловича (1806—1812). Сообщены **А. А. Титовымъ**

369. Къ исторіи еврейства. XI—XIII. **Н. С. Граве.**

391. Эпизодъ изъ исторіи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Воспоминаніе **академика К. С. Веселовскаго.**

399. Къ свѣдѣніямъ объ Украино-Славянскомъ Обществѣ, его Программа и Правила (Н. И. Костомаровъ). **М. К.**

417. Еще о Кіевскомъ митрополитѣ Платонѣ. **А. А. Карасева.**

421. Маркизъ Кастельбажакъ объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ (изъ его депешей). **А. Ч.**

427. Изъ приготовительныхъ работъ по біографіи Н. П. Гилярова. Замѣтки **князя Н. В. Шаховскаго.**

431. А. Н. Труворовъ. **Ю. Б.**

432. Могила княгини А. П. Волконской. **Н. П. Мордвинова.**

Приложена фототипія съ рисунка: князь В. Ѳ. Одоевскій и его супруга въ бесѣдѣ съ баронессою Е. Ѳ. Раденъ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1893.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ торжественномъ собраніи гг. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 11-го Мая 1893 года, по случаю исполнившагося 25-лѣтія существованія Общества, учрежденъ конкурсъ, съ двумя преміями, одной въ 3,000 рублей и другой въ 1,000 рублей, имени **А. Ѳ. Гильфердинга**, за лучшія сочиненія на слѣдующія темы:

1) „Представить сжатый, но обстоятельный, основанный на возможно-полномъ изученіи доступныхъ источниковъ, при знакомствѣ съ литературою предмета, очеркъ исторіи Южныхъ и Западныхъ Славянъ, начиная съ такъ называемой исторической эпохи ихъ существованія въ Европѣ до 1879 года включительно, въ связи съ исторіей сопредѣльныхъ народовъ и государствъ. Въ предлагаемомъ очеркѣ должно быть обращено вниманіе не на внѣшнія только политическія судьбы Славянскихъ народовъ, но и на внутреннюю ихъ жизнь — церковь, литературу, право и т. п., причемъ съ большею полнотою должны быть изложены тѣ періоды и отдѣльныя событія въ исторической жизни Славянъ, которые оставили болѣе глубокій слѣдъ въ судьбахъ той или другой Славянской народности, въ общеславянской и общеевропейской исторіи. Очерку долженъ быть предпосланъ обзоръ главнѣйшихъ источниковъ для исторіи Южныхъ и Западныхъ Славянъ и указатель по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ пособій для болѣе подробнаго ознакомленія съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ Славянской исторіи“ (премія въ 3,000 р.).

2) „Представить обстоятельный, основанный на точномъ знаніи источниковъ, очеркъ исторіи и современнаго положенія заграничной Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской) въ отношеніяхъ—политическомъ, религіозномъ, экономическомъ (за послѣднее время) и пр., причемъ, конечно, больше вни-

Дозволено цензурою. Москва, 24 апрѣля 1893 г.

Фототипія Выс. утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

Князь В. Ѳ. Одоевскій. Баронесса Э. Ѳ. Раденъ. Княгиня О. С. Одоевская.

ЗАПИСКИ ИНЖЕНЕРНАГО ОФИЦЕРА МАРТОСА

о Турецкой войнѣ въ царствованіе Александра Павловича.

1806—1812.

Оставляя военную службу, которой было посвящено двѣнадцать лѣтъ лучшихъ моей жизни, я поставилъ себѣ долгомъ кратко описать всѣ мои занятія въ оной, порученія, дѣлаемыя отъ начальства, и походы противу Турокъ и Французовъ. Мысль сія явилась у меня отъ желанія когда нибудь передать сіи Записки моимъ друзьямъ, которыхъ я пріобрѣлъ служа и которыхъ выборомъ могу гордиться. Они мнѣ простятъ за то, что нѣкоторые матеріалы будутъ слишкомъ растянуты, нѣкоторые описаны кратко, ибо прощали мнѣ и прежде въ моей съ ними перепискѣ сіи погрѣшности, которыя строго не требуются отъ человѣка взрощеннаго въ кругу военномъ и слѣдовательно не имѣющаго ни случая, ни удобности и самой возможности содѣлаться краснорѣчивымъ и пріятнымъ писателемъ.

Такъ, друзья мои! Мысль быть полезнымъ на самомъ дѣлѣ своему отечеству и желаніе сражаться и увидѣть опасности внушили мнѣ избрать классъ военнаго состоянія предпочтительнѣе другихъ; выборъ военной службы перетянулъ другіе, и я, казалось мнѣ, не ошибся въ выборѣ сего ремесла благородства, съ жаромъ молодости показывая себя готовымъ быть тамъ, гдѣ болѣе требовалось отваги. Но двѣнадцатилѣтняя опытность поселила во мнѣ не меньшую охоту разстаться съ службою и охладила прежній порывъ къ славѣ или блеску.

Вступленіе въ службу.

Посвятивъ себя военной службѣ, я рѣшился пріобрѣсти въ оной нужнѣйшія познанія, дабы содѣлаться хорошимъ офицеромъ, почему и избралъ вступить въ Инженерный Корпусъ.

Служба въ нижнихъ чинахъ.

1806 года Августа 11-го я былъ опредѣленъ юнкеромъ 2 класса въ С.-Петербургскую крѣпость, гдѣ и не служилъ болѣе $1^1/_2$ мѣсяца. Первое случившееся оттуда отправленіе въ Кіевъ подало мнѣ желаніе быть въ семъ назначеніи. Признаться, страсть посмотрѣть незнакомыхъ мѣстъ, которая была мнѣ внушена любимыми мною путешествіями по Южной Россіи Измайлова и другихъ авторовъ, и надежда въ Кіевѣ скорѣе получить офицерскій чинъ, мнѣ не давали ни на минуту покоя быть на одномъ мѣстѣ. Я былъ отправленъ въ Кіевскую крѣпость къ инженерной командѣ, въ началѣ Ноября, на казенный счетъ, и прибылъ черезъ шестнадцать дней къ исходу того мѣсяца. Большіе морозы и глубокіе снѣга, обманы на станціяхъ и воровство почтовыхъ смотрителей, которымъ они щедро надѣляютъ неопытныхъ молодыхъ людей (къ тому же, по несчастію, я ѣхалъ въ нижнемъ чинѣ, а потому имѣлъ всюду не уваженіе, а притѣсненіе), содѣлали сей вояжъ весьма несноснымъ. Въ таковомъ расположеніи духа, наконецъ, достигъ я до Кіева, города великолѣпнѣйшаго по наружности, величественнѣйшаго и поражающаго взоры путешественника красивостію мѣстъ, горами, огромными монастырями, массами церквей. На переправѣ Днѣпра я забылъ дорогу, любуясь противулежащимъ городомъ. Грубость станціонныхъ смотрителей, которая провождала меня слишкомъ 1200 верстъ, должна была послѣдній разъ побесѣдовать со мною на станціи Броварахъ, въ 18-ти верстахъ отъ Кіева, въ Малороссіи; ибо я уже послѣ того отправлялся почтою черезъ $3^1/_2$ года офицеромъ и мстилъ симъ извергамъ жестоко въ моемъ мнѣніи: мнѣ тогда еще было шестнадцать лѣтъ.

1807, 1808, 1809 годы.

Явившись по службѣ къ кому слѣдуетъ, первоначально любопытствовалъ всѣ достопримѣчательности въ Кіевѣ, о коихъ много писано, а потому и не распространяюсь излишнимъ повтореніемъ, и занялся должностію. Читалъ Курсъ математики Войтяховскаго, одинъ изъ лучшихъ на нашемъ языкѣ, чертилъ планы, профили и мало-по-малу, чувствуя необходимость не терять время, заглядывалъ и въ Фортификацію поминаемаго автора, которая была моимъ вступленіемъ къ другимъ лучшимъ и полезнѣйшимъ книгамъ. Я просилъ книгъ изъ Петербурга, доставленіе которыхъ сколь удовлетворило моей страсти читать безпрестанно, столь и послужило руководствомъ къ усовершенствованію въ сей полезной наукѣ убивать людей съ проворствомъ

и искусствомъ. Изъ фортификаціи Сентъ-Поля и маршала Вобана, которыя я и имѣлъ, увидѣлъ я обширной геній послѣдняго и сколь Сентъ-Поль нечувствительно пріохочиваетъ познакомиться со всѣми деталями сей важной науки. Разумѣется, что г. Войтяховской брошенъ къ сторонѣ, на переплетѣ коего одна пыль возъимѣла свой престолъ. Зная Французскій языкъ грамматическимъ образомъ, при помощи лексиконовъ Татищева, я разбиралъ Сентъ-Поля, также атаку и оборону крѣпостей Вобана, не имѣя же никакого учителя, кромѣ самого себя, оставилъ до времени его высокое разсужденіе о минахъ. Между тѣмъ по положенію въ инженерной командѣ дѣлали экзаменъ юнкерамъ два раза въ годъ, которые экзаменные листы отправлялись въ Петербургъ къ инспектору Инженернаго Департамента. Въ 1807 году отъ него былъ присланъ прожектъ укрѣпить дальнія пещеры въ Печерской Лаврѣ, которыя угрожали паденіемъ въ рѣку Днѣпръ и которое очень возможное событіе повлекло бы за собою гробы святыхъ угодниковъ, угрожая паденіемъ одной церкви. Сіи несчастныя послѣдствія, гдѣ фанатизмъ народа Русскаго первый разъ удержало искусство гидравлики въ предѣлахъ почтенія и довѣренности къ святымъ мощамъ, инженеръ—генералъ-маіоръ Глуховъ долженъ былъ отвратить и на развалинахъ испорченной крутой горы и предразсудкахъ тамошняго духовенства, создать новое зданіе, которое долженствовало успокоить набожныхъ... Генералъ Глуховъ, приступая къ сей трудной работѣ, взялъ къ себѣ въ помощь инженерныхъ офицеровъ, практиковаться молодыхъ юнкеровъ, въ томъ числѣ и меня. Сія пространная упавшая гора сначала была снята нами въ планѣ и детальныхъ профиляхъ чрезъ самые крутые обрывы. Потомъ упавшая масса земли очищена, и открылось въ материкѣ песчанаго грунта множество ключей, которые, не имѣя постояннаго выхода, текли разными своими извилинами внутрь горы, промывали подошву ея, отъ чего земля, будучи рыхла, дѣлала осадку по всему пространству, и только на 3½ фута одинъ угодникъ Божій оставался отъ обвала; осенніе дожди могли бы тотчасъ размыть слабой грунтъ песка, и вотъ когда паденіе всѣхъ пещеръ было неминуемо. Обстоятельство сіе много тревожило генерала; работы поспѣшали цѣлое лѣто до глубокой осени и успѣли кончить продольные и поперечные акедюки или трубы со сводами для стока водяныхъ ключей. Сіи трубы двумя трубами коммуникаціонными сообщали всю воду чрезъ твердую каменную стѣну, на которую опиралась вся гора, въ рѣку Днѣпръ. Исчислено, что въ продолженіе 24 часовъ вытекало воды изъ пещерной горы 343 кубическихъ фута, или одна кубическая сажень. Вотъ главнѣйшая причина, нарушающая спокойствіе монашествующихъ братій и самые

гробы въ обители преподобныхъ. На слѣдующій годъ продолжалась еще работа насыпать земляныя крутости до вершины горы, дабы дождевая вода, туманы и другія физическія причины не имѣли болѣе никакого повода вредить горѣ у пещеръ, называемыхъ дальними. Отъ продольныхъ акедюковъ была опять насыпана земляная крутость подъ профиль, которая насыпь для прочности соединена была съ материкомъ деревянными сваями и плетневыми квадратными анкерами. Дѣйствительно, одна сія мѣра могла отвѣчать за успѣхъ сей работы и продолжительной, и очень трудной. Мы окончили ее въ 1809 году.

Въ продолженіе сихъ трехъ зимъ, я занимался въ инженерной командѣ и въ канцеляріи генерала Глухова сочиненіемъ смѣтъ и отчетовъ съ планами по изданнымъ формамъ, которые отсылаются въ Инженерный Департаментъ. За сію службу, особенно при работахъ о исправленіи Кіевскихъ военныхъ гошпиталей, 1808 года въ 20 день Декабря произведенъ юнкеромъ 1-го класса. Награда сія нимало не льстила меня, ибо смѣло могу сказать, что занимался болѣе моихъ товарищей и офицеровъ, сидѣлъ въ чертежной всякой день до полночи при свѣчахъ, а приходилъ туда послѣ пробитія утренней зари. Жизнь провождалъ единообразную: не притворяясь никогда въ молодыхъ лѣтахъ солиднымъ, былъ веселъ, пріобрѣлъ хорошее знакомство и хорошо былъ принятъ въ лучшихъ домахъ, не смотря на то, что не имѣлъ еще офицерскаго чина. Случай познакомилъ меня съ генераломъ Димитріемъ Матвѣевичемъ Бѣгичевымъ, благороднѣйшимъ и умнѣйшимъ изъ людей. Чувство признательности и уваженія, какъ къ ему, такъ и къ Ивану Васильевичу Сабурову, который меня любитъ нѣжно, никогда во мнѣ не погаснетъ. Въ семействѣ генерала Полынева, котораго сыновья служили вмѣстѣ со мною, я былъ принятъ какъ родной. Потерявъ свою матушку, я нашелъ въ генеральшѣ Полыневой почти такое же ко мнѣ участіе и симъ образомъ, какъ бы сказать, наградилъ потерю.

1809 года 20-го Іюня по экзамену я былъ произведенъ въ подпоручики. Всякому, кто получилъ первый офицерскій чинъ и шпагу, извѣстно, что въ свѣтѣ рѣдкое удовольствіе можетъ сравниться съ сею наградою. Я отъ радости, очень помню, не спалъ цѣлую ночь, ожидая утра, когда поѣхалъ къ коменданту присягать подъ знаменами. Всѣ мои знакомые брали истинное участіе въ сей моей радости, не имѣвшей ни границъ, ни мѣры. Будучи службой старѣе моихъ товарищей, я потому скорѣе ихъ помѣщенъ былъ на вакансію. По общему военному порядку и правиламъ общежитія первый чинъ былъ вспрыснутъ у хозяина; утро напомнило гостямъ о времени оставить пирушку и разойтиться. Въ сіе время маіоръ Корольковъ, начальникъ

мой, поручилъ мнѣ присмотръ за работами строющагося въ ретраншаментѣ пороховаго погреба на 5000 пудовъ пороха и одного каменнаго строенія на дворѣ окружнаго командира. Будучи офицеромъ, я по долгу службы долженъ былъ смотрѣть за юнкерами при составленіи плановъ или отчетовъ ежемѣсячно по Кіевской крѣпости. Юнкера, товарищи мои, предпочитали всегда веселую жизнь канцеляріи и чертежной, я же совѣтывалъ имъ работать въ тонѣ инженернаго офицера, но они меня мало слушали; жаловаться же на нихъ мнѣ казалось стыдно, и вотъ причина, что я всѣ вечера убивалъ вмѣстѣ съ ними. Даже и теперь не могу умолчать о пріятнѣйшей моей съ ними связи, и тотъ, кто не питаетъ въ себѣ искры дружества, не можетъ чувствовать, какъ чувствую я. Прошло около десяти лѣтъ, но гдѣ бы я ни встрѣчался съ моими Кіевскими сослуживцами, я всегда нахожу себя въ довѣренности расположенія и братства къ нимъ.

Потомъ я просился въ отпускъ въ Петербургъ, на которой и получилъ согласіе инспектора корпуса, съ тѣмъ однакоже, что ежели я вмѣсто отпуска соглашусь отправиться въ Молдавскую армію, послать меня къ генералъ-маіору Гартингу. Сіе случилось по силѣ его требованій, послѣ неудачнаго штурма крѣпости Браилова, гдѣ убито и переранено нѣсколько нашихъ офицеровъ. Разумѣется, что желаніе быть въ арміи былъ мой выборъ. Генералъ Глуховъ совѣтовалъ мнѣ быть менѣе опрометчивымъ и побесѣдовать съ своимъ разсудкомъ. Мой разсудокъ не далъ мнѣ покоя оставаться на мѣстѣ, и я спѣшилъ отъѣздомъ къ арміи, боясь даже, чтобъ сіе повелѣніе не было кѣмъ отмѣнено. Маіоръ Корольковъ, еще вдобавокъ къ сему, остановилъ меня на два мѣсяца. Боже мой, какая скука, какое малодушіе! Домъ президента Проскуры, одинъ сей домъ разсѣявалъ мою грусть, мое нетерпѣніе. Здѣсь я старался забыть веселости своихъ товарищей и жизнь столь разсѣянную и столь однакоже пріятную. Почтенный Каетанъ Николаевичъ меня любилъ какъ сына и заставилъ меня казаться и прослыть любезнымъ, какъ говорятъ люди нынѣшняго свѣта. Спросите причину: онъ имѣлъ племянницу *) милую Польку, прекрасную, любезную, воспитанную и добрую. Она меня очаровала. Кажется, наши лѣта требовали сего обоюднаго, чистаго и искренняго дружества. Чрезъ сію фамилію я познакомился съ лучшими Польскими домами, и мечты пріятной будущности слѣдовали за мною, какъ тѣнь моя собственная. Вотъ, друзья мои, моя исповѣдь. Больно и не хотѣлось разставаться съ столь драгоцѣнными предметами; мнѣ казалось, что слава ждала меня и грозила пальцемъ за то, что я уже почти не хотѣлъ оставить Кіева.

*) Въ рукописи пропущено имя. П. Б.

3-го Марта, рано поутру, я объѣздилъ всѣхъ знакомыхъ, казался вездѣ веселымъ и былъ очень счастливъ. Обѣдалъ у генерала Глухова, и разумѣется, что вечеръ былъ посвященъ прощанію съ семействомъ почтеннаго президента. Я мало говорилъ, но умная тетушка все видѣла, брала участіе, и я торжествовалъ. Всѣ мои планы тогда стремились: отличиться, воротиться въ Кіевъ съ хорошею репутаціею, прослыть храбрымъ противу такого непріятеля, о коемъ я ничего не слыхалъ, а наслышался отъ господъ офицеровъ (они, признаться по совѣсти, солгать не любятъ) и воротиться въ Кіевъ, который мнѣ оставлять никакъ не хотѣлось, и такъ далѣе. Но я простился, получивъ отъ всѣхъ и милой Катерины искреннее желаніе всѣхъ счастій. Президентъ Проскура меня поцѣловалъ, а я въ отвѣтъ говорилъ всѣмъ имъ, но безъ складу.

Отъѣздъ въ Яссы, къ арміи.

На квартирѣ меня ожидали товарищи, съ которыми простился, и сіи минуты были самыя убивственныя и самыя черныя. Представляя себѣ хорошую перспективу, я до отъѣзда всегда былъ развлеченъ или обществомъ или пріуготовленіемъ въ дорогу; послѣ укладывалъ самъ бѣлье, мундиры, завязывалъ шпагу, предназначенную карать невѣрныхъ, суетился и ничего не дѣлалъ. Но когда все кончилось, и почтовая телѣжка была готова, я истинно раскаивался своему намѣренію,—бросилъ изъ головы бить Турокъ, плакалъ, какъ ребенокъ, самъ не зная отъ чего, и 4-го Марта по утру въ 10 часовъ велѣлъ ударить по лошадямъ. Никогда, кажется, не могли быть желанія молодаго человѣка столь удовлетворенными, какъ теперь мои; но съ отъѣздомъ изъ Кіева, въ страны мнѣ неизвѣстныя, я былъ встревоженъ и нашелъ только отраду въ домѣ г-дъ Тишенскихъ въ Бѣлой-Церкви, съ которыми я давненько знакомъ и у коихъ провелъ время съ удовольствіемъ. Погода столь была грязна, что я всегда откладывалъ по сей причинѣ верховую прогулку, не умѣя еще ѣздить верхомъ. Доброе сіе семейство я никогда не забуду, равно какъ и фамиліи генераловъ Глухова, Полыневыхъ и Бѣгичева, почтеннѣйшую г-жу Яновскую, у которой въ домѣ я жилъ и которая во всемъ, а наипаче въ жестокой моей лихорадкѣ, лѣтомъ 1808 года, смотрѣла за мною, какъ мать. 9-го Марта я переправился за Днѣстръ, подъ Могилевымъ, изъ котораго города видны горы Молдавіи. Здѣсь мы намѣняли Турецкихъ серебряныхъ и золотыхъ денегъ и вмѣстѣ съ другими пассажирами сѣли на паромъ.

Взглядъ на Молдавію.

Итакъ я въ Молдавіи, думалъ я, достигаю своей цѣли. Не зная будущаго, я не зналъ, что сія земля будетъ урокомъ моей жизни и службы, что здѣсь я найду начальника, которому я буду обязанъ многимъ на свѣтѣ, что здѣсь меня ожидаютъ горести и удовольствія, воспоминаніе коихъ столь пріятно и понынѣ, что я, кажется, рѣшился бы жить и умереть въ сихъ странахъ. Между тѣмъ паро̀мъ присталъ къ берегу, и тогда прощай Россія! Первая встрѣча жителей мѣстечка Атакъ уже сильно меня поразила: нашелъ иныхъ людей языкомъ, одеждою, обычаями, образомъ жизни, людей добрыхъ и только имѣющихъ съ нами сходство одной религіей. Я вмѣсто скуки, которая гостила на моей телѣжкѣ въ проѣздъ изъ Кіева черезъ Польскія губерніи и города̀, наполненные Жидами и грязью, началъ обрѣтать какое-то спокойствіе, разсматривая прекрасныя и счастливѣйшія мѣста и людей; казалось, замѣчалъ, что они брали участіе въ доставленіи мнѣ удобствъ: у меня ничего не было украдено, не смотря, что почтовыя телѣжки, которыя тамъ употребляются, способствуютъ лучше Русскихъ вытащить все мое богатство, заключавшееся въ двухъ маленькихъ чемоданахъ.

Вотъ земля, думалъ я, въ которой такъ хорошо описаны подвиги Македонскаго Александра Квинтомъ-Курціемъ, въ которой смѣлая опрометчивость Скиѳовъ остановила могущество величія Римлянъ, выгнала сихъ владыкъ вселенной обратно черезъ Дунай. Земля сія славилась издревле храбростію своихъ народовъ, населенная подъ именемъ Дакіи, Бритолагами, Гетами, Теврискими и Анартскими народами, окруженная Понтомъ-Евксинскимъ, рѣками: Истеромъ, (Дунаемъ), Тирасомъ (Днѣстромъ), народами: Рокіаланами, Сарматами—и опять покоренная Римлянами. Безпечность и малодушіе Восточныхъ императоровъ, вмѣстѣ съ сокрушеніемъ колосса Константинопольскаго престола, покорили подъ власть Турокъ и земли между Дунаемъ и Днѣстромъ, разоряемыя при императорахъ Поляками и Нѣмцами. Молдавія однако защищала свою независимость и вольность, но посланныя Турецкія арміи принудили ее признать своихъ завоевателей. Гораздо послѣ того Петръ, побѣдивши Карла при Полтавѣ, имѣлъ величайшій планъ вырвать, такъ сказать, сіи прекрасныя провинціи изъ Турецкихъ рукъ; его предположеніе не имѣло успѣха, необдуманная его переправа за рѣку Прутъ противу урочища Рябой-Могилы, несогласная съ планомъ общаго похода или пріуготовленіями господаря князя Кантемира, заплачены честію оружія нашего. Умъ одной жены

тогда только сохранилъ полки храбрыхъ, по ошибкѣ своего государя и начальника заведенные въ такія мѣста, гдѣ они безъ выстрѣла должны были сдаться или умереть съ голоду. Турки, заключивъ съ Петромъ миръ, поступали съ невинными жителями Молдавіи гораздо хуже, и даже варварски. Они же много потеряли отъ привязанности къ Русскимъ во время 1-й и 2-й Турецкой войны при Екатеринѣ. Исполинскими шагами Румянцовъ-Задунайскій прошелъ Бессарабію до Кагула и, проникнувъ внутрь Булгаріи, занялъ княжества Молдавію и обѣ Валахіи; но недисциплина войскъ, злоупотребленіе чиновъ, безпорядки внутренняго управленія оставили и по сіе время слѣды опустошеній. Образъ тогдашней войны отвратилъ сердца добраго Молдавскаго народа отъ Русскихъ. Такъ прошли грозные годы несчастій. Народъ, будучи опять предметомъ зависти Австрійскаго дома, былъ оставленъ Туркамъ по Ясскому трактату: это была награда за его усилія и пожертвованія къ пользамъ нашимъ. Въ исходѣ 1806 года, генералъ Михельсонъ вступилъ въ Молдавію и занялъ оба княжества безъ потери людей и времени. Война продолжалась шесть лѣтъ и окончилась полезнымъ пріобрѣтеніемъ Россіею всей Бессарабіи съ пятью крѣпостями и части Молдавіи.

Я ѣхалъ вслѣдъ за графомъ Каменскимъ, назначеннымъ главнокомандующимъ арміею, вмѣсто князя Багратіона, и не засталъ его уже въ Яссахъ, городѣ хорошо выстроенномъ и красивомъ. Азіатской вкусъ архитектуры здѣсь мнѣ понравился; онъ конечно не имѣетъ правильности расположенія, но, признаюсь, имѣю я такой характеръ, что ежели мнѣ при первомъ взглядѣ нравится, тогда и всѣ ваши возраженія не сильны доказать и математическими проблемами противное. Что̀ дѣлать—я не виноватъ.

Марта 14-го числа, откланявшись графу Ланжерону, получилъ я прогоны изъ коммиссаріата, поѣхалъ въ Валахію, къ главной квартирѣ, въ Бухарестъ. Городъ Фокшаны лежитъ на границѣ Молдавіи съ Валахіею; онъ есть, лучше сказать, пространной садъ, въ коемъ раскинуты монастыри, церкви и домы, вкуса Азіатскаго, столь мнѣ нравящагося. За городомъ поле, извѣстное побѣдою Суворова, въ правой сторонѣ виноградныя горы и деревни Адабешти, славящіяся своимъ вкуснымъ виномъ. Вотъ мѣста, стоющія быть описаны кистію художника и перомъ не простаго офицера, сидящаго на перекладной телѣжкѣ и безпрестанно готоваго растрясти всѣ кости свои, но перомъ писательскимъ романиста, который, видѣвъ много живописной натуры и богатствъ ея подъ счастливымъ небомъ, такъ хорошо обворожаетъ чувства читателей и милыхъ читательницъ.

Прибытіе въ Валахію.

Я привѣтствовалъ Валахію какимъ-то радостнымъ восторгомъ, удивлялся множеству садовъ фруктовыхъ, рѣчкамъ, лугамъ и точно такъ доѣхалъ до Римника. Вамъ, извѣстно, друзья мои, сіе мѣсто. Суворовъ помогъ принцу Кобургскому разбить здѣсь Турокъ, пришелъ къ нимъ столь быстро и скрыто, что они не ожидали героя и, однимъ постояннымъ мужествомъ выручивъ Цесарцевъ изъ бѣды, рѣшилъ сраженіе. Въ 3-хъ часахъ ѣзды отъ рѣчки Римника, при урочищѣ Тыргу-Кукулуй, Суворовъ выстроился въ ордеръ-де-баталіи и пошелъ въ дѣло. Мнѣ показана сія удивительная дорога; она мнѣ будетъ всегда памятна, сколь и самое мѣсто, которое столь плѣняетъ взоры путешественника. Суворовъ разбилъ верховнаго визиря, топилъ Турокъ въ разлившемся Римникѣ, и чувствовалъ ли тогда старикъ, что сія же самая рѣка, давшая ему имя Римникскаго, будетъ нѣкогда гробомъ сыну его? Вы увидите ниже сего смерть молодаго графа Римникскаго. Мѣстечко разорено и очень бѣдно отъ безпрестаннаго прохода командъ и полковъ. Я любопытствовалъ видѣть древній монастырь, въ которомъ и теперь еще видны стѣны, простреленныя ядрами въ Римникскую баталію.

Здѣсь я нашелъ адъютантовъ главнокомандующаго, которые ѣхали въ главную квартиру и отъ которыхъ я былъ принужденъ отстать, захворавъ ночью. На сей станціи по утру настигъ меня инженерный капитанъ И. А. Гульковіусъ, который ѣхалъ обратно къ генералу Гартингу и меня взялъ съ собою. Вотъ мой первый товарищъ и другъ, котораго случай со мною встрѣтилъ въ Римникѣ; онъ мнѣ много помогалъ, познакомилъ со вступленіемъ на военное поприще и бралъ участіе въ моемъ положеніи. Миръ праху твоему, истинно храбрый и благороднѣйшій изъ людей! Ты своими добродѣтелями украшалъ дни твоихъ товарищей и вездѣ, гдѣ опасность и слава, стремился первый на оныя. Друзья мои! Гульковіусъ убитъ послѣ Турецкой войны, подъ Лейпцигомъ.

Отъ Римника переѣхали рѣку Бузео на паромѣ, при городѣ того же имени, и только были въ ста верстахъ отъ Букареста. Я въ сіе время дѣлалъ множество вопросовъ г. Гульковіусу, и такимъ образомъ сокращена сія дорога. Отъ загороднаго дома Марія-Домняска спустившись съ горы, въ 3-хъ часахъ разстоянія, начали показываться монастыри и церкви въ Букарестѣ, а потомъ и самый городъ, величественно раскинутый на 17 верстахъ пространства на пространной равнинѣ и скрытый въ садахъ и рощахъ.

Прибытіе въ главную квартиру.

Это было 22-го Марта; въ Букарестѣ давно наступила весна; все цвѣло, поселяне работали въ полѣ, и армія, получивъ новаго главнокомандующаго, готовилась открыть кампанію. Я явился у своего генерала Гартинга, который былъ начальникомъ инженеровъ, и оставленъ при главной квартирѣ. Четыре недѣли прошли до похода, носились разные слухи про Турецкія силы. Я познакомился съ г-ми инженерными офицерами, бывшими при Молдавской арміи, и съ образомъ жизни настоящихъ военныхъ людей. Сначала скучалъ, но мало по-малу привыкъ, гулялъ по городу, за городомъ, квартировалъ у купца Василья Ивановича, достаточнаго человѣка, очень любезнаго, съ которымъ жили всегда на дружеской ногѣ и которымъ я отмѣнно доволенъ.

Выступленіе въ походъ.

Апрѣля 23-го числа, въ день св. Георгія, мы выступили въ походъ въ Слободзею, что́ на рѣкѣ Яломицѣ, правымъ берегомъ рѣки, гдѣ назначенъ былъ сборный лагерь, разстояніемъ отъ Букареста 117 верстъ и въ четыре марша прибыли туда. Здѣсь собралась армія, которая будетъ дѣйствовать противу Турокъ подъ предводительствомъ генерала графа Каменскаго 2-го. Она простиралась съ прибывшими двумя дивизіями изъ Подоліи до 90.000 человѣкъ. Авангардъ находился на той сторонѣ Дуная, въ крѣпости Гирсово, гдѣ онъ и зимовалъ. Дунайская флотилія была въ готовности и послѣ согласовала свои движенія съ движеніями арміи.

Открытіе кампаніи 1810 года.

11-го Маія изъ лагеря у Слободзеи армія получила повелѣніе слѣдовать къ Дунаю. Всѣ инженеры поступили въ корпусъ г.-л. графа Ланжерона, которому назначено осаждать крѣпость Силистрію. Въ два перехода сдѣлали 60 верстъ, достигли Дуная и тотчасъ перешли понтонный мостъ, занявъ позицію на высотахъ при крѣпости Гирсово.

Переправа за Дунай.

Крѣпость Гирсово сдалась въ прошедшую кампанію князю Багратіону. Она прикрывала переправу Дуная, и ежели бы мы оной не имѣли, то должно бы ее избирать боемъ, и съ тою потерею, какая случается при переходѣ черезъ большія и быстрыя рѣки. Самое расположеніе крѣпости не важно; высоты горъ командуютъ городомъ,

съ коихъ тотчасъ можно принудить гарнизонъ къ сдачѣ. Замокъ подлинно живописательный: онъ, какъ бы сказать, возсѣдаетъ на скалахъ и обрывахъ горъ при Дунаѣ, и величавость его трогаетъ, поражаетъ. Древность его неизвѣстна; мы усмотрѣли на башняхъ нѣсколько надписей Греческихъ Палеологовъ, оставивъ безъ вниманія имена пустыхъ людей, изъ глупаго суевѣрія изгладившихъ имена Грековъ изъ числа Европейскихъ народовъ. При занятіи Силистріи, куда переведенъ и понтонный мостъ, главнокомандующій приказалъ сжечь Гирсово, и замокъ подорванъ, какъ пунктъ безполезной. Я вамъ прибавлю, друзья мои, что Суворовъ, занимая Гирсово, былъ въ самомъ критическомъ положеніи. Турки въ великихъ силахъ должны были проглотить его въ невыгодной крѣпости. Суворовъ это предвидѣлъ и съ слабымъ гарнизономъ пошелъ встрѣтить непріятеля въ полѣ, удивилъ Турокъ рѣшимостію и, на голову разбивши непріятелей, побѣдитель возвратился зимовать въ Гирсовскую крѣпость, спокойнѣе прежняго. Я читалъ его письмо, гдѣ онъ признается, «что онъ было подъ Гирсовымъ пропалъ». Вотъ она чѣмъ знаменита въ нашей военной исторіи.

Изъ Гирсова корпусъ графа Ланжерона сдѣлалъ два марша въ Карасу 60 верстъ, степными мѣстами, почти безводными.

Въ Румянцовскую кампанію славный Вейсманъ здѣсь побилъ Турецкое войско и взялъ весь ихъ лагерь. Скоро, друзья мои, прочтете про Дервентскія дефилеи, гдѣ Вейсманъ, за всѣ труды и славу, имъ доставленную Румянцову, пожертвованъ симъ послѣднимъ. Зависть послала Вейсмана на смерть неизбѣжную: онъ убитъ въ тѣхъ дефилеяхъ и похороненъ въ Измаилѣ въ Греческомъ монастырѣ. Могилу его пріобрѣла Россія вмѣстѣ съ покореніемъ сей важной крѣпости.

О Траяновомъ валѣ.

Траяновъ валъ, о которомъ я пишу, идетъ отъ Чернаго моря, при крѣпости Кистенжи, къ Дунаю, у урочища Черноводы. Карасу есть средина онаго, простирающаяся на 47 верстъ. Валъ теперь весьма примѣтенъ, и кто изъ васъ не знаетъ, что вообще дѣла Римскихъ рукъ и самое время не можетъ истребить? Императоръ Траянъ имѣлъ одинъ земляной валъ въ Бессарабіи и части Молдавіи, удерживая сіи мѣста, какъ Римскія провинціи. Всего удивительнѣе, что Римляне имѣли каменный мостъ черезъ Дунай, которое мѣсто довольно примѣтно у крѣпости Исакчи. Послѣ того, будучи пораженъ Скиѳами и другими народами, Траянъ насыпалъ другой валъ, тотъ самый, про который я говорю теперь, гдѣ мы стояли лагеремъ, и принужденъ былъ истребить Дунайскій мостъ, ради спокойствія отъ набѣговъ. Передъ симъ

валомъ простирается цѣпь озеръ, которыя заросли камышемъ и травою. Легко быть могло, что сіи озера были копаны руками человѣковъ и служили надежнымъ и вѣрнымъ оплотомъ сей части границъ Римской имперіи противу варваровъ. Но предоставимъ это доходить ученымъ и историкамъ.

Изъ Карасу армія слѣдовала на городъ Кузгунъ въ два перехода по страшнымъ горамъ. Всѣ деревни по дорогѣ и въ окрестностяхъ и самый городъ, любимое мѣсто пехлевана, сожжены, городъ испорченъ и разграбленъ жалкимъ образомъ, мечети раскрыты и оборваны, свинцовыя крыши, всѣ лучшіе домы и дворецъ сераксира-пехлевана преданы огню. Нѣкоторые г-да офицеры хотѣли насъ увѣрить, что сіе необходимо по правиламъ военнымъ; но, кажется, сіе послужило затрудненіемъ операцій нынѣшней кампаніи и раздражило противу насъ бѣдныхъ, несчастныхъ жителей, которые при видѣ солдатъ или казаковъ бѣжали съ дѣтьми и женами въ лѣса и укрывались тамъ вмѣстѣ съ дикими звѣрями отъ варварской руки хищнаго солдата. Разумѣется, что въ столь пространной пустынѣ мы вездѣ только встрѣчали голодъ, а часто и недостатокъ и въ самой водѣ. Такимъ образомъ продолжали маршъ опустѣлыми деревнями 30 верстъ, безъ проводниковъ, не видя человѣческаго жилья, кромѣ слѣдовъ опустошеній, къ Дервентскимъ дефилеямъ. Въ сихъ ужасныхъ мѣстамъ, гдѣ невольно содрогаешься и спѣшишь миновать ихъ, убитъ генералъ баронъ Вейсманъ: съ горстью людей онъ былъ посланъ противиться тѣмъ силамъ Турокъ, которыя противустояли цѣлой нашей арміи. Онъ погибъ, и его отрядъ вырѣзанъ.

Армія выступила въ походъ и расположилась за 8 верстъ, отъ Дервентскаго моста, ближе къ крѣпости. Лагерь еще былъ занятъ въ отдаленіи отъ Силистріи. Многочисленныя ея мечети и высокія городскія башни напоминали мнѣ, что многія опасности и трудности походовъ уже минованы; но здѣсь мой будетъ первый урокъ испытать свое мужество и твердость духа, ежели его имѣю. Въ продолженіи тихаго вечера я любовался, когда солдаты начинали оттачивать свои штыки, отвастривать тесаки и палаши, и былъ не совсѣмъ равнодушенъ. Дунайская флотилія тянулась въ виду насъ, противу Силистріи; на островѣ Каларашѣ стоялъ отрядъ генерала Штетера для закрытія Букарестской дороги, гдѣ же и пріуготовлялись фашины, туры и другія потребности къ открытію осады. Вечеромъ генералъ Гартингъ раздѣлилъ инженерныхъ офицеровъ въ колоны осаждающаго корпуса. Я вмѣстѣ съ адъютантомъ его превосходительства, капитаномъ Гейченковымъ, поступилъ въ колонну генералъ-маіора Попандопуло, который послѣ того убитъ 11-го Іюня, подъ крѣпостію Шумлой.

Осада Силистріи.

22-го Маія, по утру, главнокомандующій сдѣлалъ форсированную рекогносцировку въ виноградные сады, въ коихъ и занялъ позицію корпусъ Ланжерона за выстрѣлами крѣпостныхъ орудій.

23-го, по назначенію генерала Гартинга, лагерь осаждающаго корпуса, раскинутый по возвышеніямъ, укрѣпленъ сильными редутами. Крѣпостные верки анфилированы нами, устроенными рикошетными батареями, и по обѣимъ сторонамъ Цареградской дороги выстроена кессель-батарея. Большая часть осадной артилеріи поставлена на противулежащемъ берегу Дуная, которая могла удобнѣе всего дѣйствовать по слабой сторонѣ крѣпости и жечь городъ, а для начала осады въ формѣ ведена летучая сапа и поставлена брешъ-батарея на пистолетномъ выстрѣлѣ. При сихъ столь трудныхъ и смѣлыхъ работахъ ранено нѣсколько нижнихъ чиновъ. Дунайская флотилія подъ командою храбраго капитана Акимова подтянулась на самую близкую дистанцію, и вдругъ со всѣхъ батарей и флота открылся жестокій огонь по крѣпости. Я невольно содрогнулся; первое ядро, казалось, назначило меня убить. Я разговаривалъ на горѣ съ полковникомъ Ульрихомъ, ядро мгновенно прилетаетъ къ ногамъ нашимъ и по счастію дѣлаетъ рикошетъ. Тогда же по утру взорванъ въ цитадели пороховой погребъ. Упорное защищеніе паши Еликъ-оглу принесло ему много чести. Я послѣ былъ знакомъ съ симъ храбрымъ Туркой, когда онъ по обстоятельствамъ прибѣгнулъ подъ покровительство Россійскаго престола и жилъ въ Измаилѣ. Силистрію бомбардировали 7 сутокъ, разбили бастіоны, подбили ихъ пушки, но осады не превозмогла упорная защита, и 31-го Маія, въ полдень, Силистрія принуждена сдаться непріятелямъ. Всѣ отдавали справедливость гарнизону и искуснымъ дѣйствіямъ Турецкой артилеріи. Графу Ланжерону поднесены ключи знаменитой крѣпости, о стѣны коей дважды тщетно сокрушились усилія Румянцова и Багратіона. Нашего отряда Колыванскій полкъ первый вступилъ въ крѣпость Силистрію съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ.

Друзья мои, сіи минуты сколь я былъ восхищенъ, гордъ, сколь чувствовалъ прелесть удачи въ войнѣ! Никакія удовольствія на земномъ шарѣ не могутъ, кажется, возвышать душу нашу, какъ чувствованіе побѣдоноснаго и счастливаго вашего друга на стѣнахъ Силистріи. Я былъ рекомендованъ за осаду крѣпости, генералъ мною былъ доволенъ; расторопностію и готовностію, какія случается перенести инженеру при осадѣ крѣпости, пріобрѣлъ любовь нашихъ офицеровъ

и, будучи младшимъ подпоручикомъ, награжденъ вмѣстѣ съ старыми нашими поручтиками и армейскими штабъ-офицерами. Вотъ рескриптъ на орденъ мой:

Господинъ инженеръ-подпоручикъ Мартосъ.

Въ воздаяніе отличнаго усердія вашего къ службѣ, мужества, оказаннаго вами противу Турокъ, при осадѣ крѣпости Силистріи, во время коей находились вы при траншейныхъ, батарейныхъ и сапной работѣ и съ особливою храбростію и расторопностію исполняли даваемыя вамъ порученія, жалую васъ кавалеромъ ордена Св. Анны третьяго класса, коего знакъ у сего къ вамъ препровождая, повелѣваю возложить на себя и носить по установленію, увѣренъ будучи, что сіе послужитъ вамъ поощреніемъ къ вящему продолженію усердной службы вашей. Пребываю вамъ благосклонный Александръ.

Въ С.-Петербургѣ,
26 Сентября 1810 года.

Контросигнировалъ военный министръ Барклай-де-Толли.

1-го Іюня я получилъ позволеніе любопытствовать покоренную нами крѣпость. Внутри города нѣтъ ничего примѣчательнаго; но какъ это былъ почти первый Турецкій городъ, который я видѣлъ, то меня весьма занимали узкія и темныя улицы, кофейные дома, гдѣ Турки съ важностію сидя курили трубки, были къ намъ учтивы, подчивали кофеемъ и фруктами. Надобно отдать имъ справедливость, что они гостепріимны и въ обращеніи съ иностранцами любезнѣе, нежели Нѣмцы. Въ городѣ всѣ дома внутри дворовъ, и такимъ образомъ, проходя черезъ лавки, гдѣ встрѣчали часто звѣрообразныя ихъ физіономіи, а другія добрыя лица, дошли мы до цитадели. Все окрестное жилье къ замку выжжено отъ канонады, и земля во дворахъ и на улицахъ изрыта бомбами; всюду валялись куски убивственнаго чугуна,—картина непріятная и печальная! Къ намъ не умедлилъ подойти Турокъ, виду важнаго; онъ былъ, какъ послѣ узнали, начальникъ крѣпостной артилеріи, которую онъ уже сдалъ нашимъ, и шелъ къ себѣ домой. Мы были имъ приглашены; угощеніе состояло въ фруктахъ и въ кофе безъ сахару, что̀ меня крайне удивило, но въ послѣдствіи отмѣнно нравилось и теперь нравится. Надобно знать, что они пьютъ кофе Левантской, гораздо вкуснѣйшій, нежели употребляемый Европейцами. Послѣ обыкновенныхъ учтивостей, за которыхъ мы не могли ручаться, такъ ли были ему пересказаны отъ пьянаго Черноморскаго казака, нашего переводчика, мы разстались. Турокъ подарилъ каждому изъ насъ по хорошей трубкѣ; я ее долго сберегалъ, но послѣ она затерялась.

Окрестности Силистріи живописательны; здѣсь, кажется, натура отдала всѣ свои дары богатства счастливымъ жителямъ. Какое благо-

словенное небо въ сравненіи тѣхъ мѣстъ, гдѣ основана столица Россіи! Самый Кіевъ я считалъ тогда тюрьмою беднѣйшею въ сравненіи мѣстъ у Силистріи. Высокія ея горы усѣяны виноградными садами, черешнями, вишнями, абрикосовыми и столѣтними орѣховыми деревьями, которыя своею величавостію превосходятъ огромнѣйшія сосны въ нашихъ Литовскихъ лѣсахъ. Всюду видна трудолюбивая рука земледѣльца, всюду радость и счастіе. Въ тѣни сихъ деревъ мы находили успокоеніе отъ зноя, брали чистую и холодную воду изъ мраморныхъ фонтановъ, которыми такъ щедро окружена Силистрія; величественный Дунай, огромныя мечети съ своими высокими минаретами, раскинутые лагери въ разныхъ мѣстахъ, мраморныя Турецкія кладбища, военныя суда, безпрестанное движеніе людей, были такіе предметы, которые удивляли наблюдателя и оставили въ моей душѣ пріятное впечатлѣніе.

Послѣ занятія Силистріи, главнокомандующій повелѣлъ главной арміи идти къ Шумлѣ, гдѣ находился лагерь верховнаго визиря.

Взглядъ на кампанію Румянцова.

Успѣхи занятія Базарджика графомъ Каменскимъ 1-мъ (его старшимъ братомъ и покореніе Силистріи) увѣрили графа, что побѣдитъ главныя Турецкія силы и предпишетъ миръ. Послѣдствія не оправдали сего предпріятія. Румянцовъ самъ не такъ достигалъ своей цѣли. Онъ выманилъ великаго визиря изъ Балканъ отъ Шумлы, уклонялся отъ генеральнаго дѣла, утомлялъ непріятеля движеніями, отрѣзалъ комуникаціи, грозилъ и не атаковалъ. Напослѣдокъ, генералы Суворовъ и Каменскій, отецъ нашего главнокомандующаго, исполнили назначеніе Румянцова,—и безъ одного выстрѣла, кромѣ искусства тактики, подписанъ славный и полезный Россіи миръ на барабанѣ, при Кучукъ-Кайнарджи. Вотъ славнѣйшій подвигъ генія Румянцова!

Сравненіе Каменскаго съ Румянцовымъ.

Теперь дѣлалось совсѣмъ противное. Графъ Каменскій, выступая подъ Шумлу, въ самонадѣянности на удачу въ Финляндскую войну, удалилъ людей, которые дѣлали прежнія кампаніи противу Турокъ и знали опытомъ образъ ихъ войны. Окруженный толпою молодыхъ людей, пріѣхавшихъ съ нимъ изъ Петербурга, онъ ставилъ себя въ числѣ первѣйшихъ генераловъ, но совершенно ошибся. Онъ не рекогносцировалъ позицію, окружающую Шумлу, повелѣлъ запереть визиря (это значило отрѣзать ему комуникаціи съ Румеліей и Цареградомъ), но вскорѣ самъ увидѣлъ, какъ по Константинопольской дорогѣ шли

къ хитрому визирю подкрѣпленія и верблюды съ провіантомъ. Это значило, что начальникъ арміи составилъ сей планъ на удачу.

Надобно вамъ знать, что всѣ инженеры изъ главной арміи были отправлены въ корпусъ генералъ-лейтенанта Засса, подъ Рущукъ, лѣвою стороною Дуная; осадная артиллерія до времени оставлена у Силистріи. При графѣ занимали должность главныхъ инженеровъ полковники Фридерицій и Бержеръ, пріѣхавшіе съ нимъ изъ Финляндіи, которые не имѣли большой практики въ сей для нихъ новой войнѣ.

Итакъ, друзья мои, я опять тащусь въ походъ. Новый восторгъ, новая радость! Я увижу Рущукъ, Туртукай, думалъ я; мы ихъ возмемъ. Какъ лестно, сколько славы! Конечно, Рущукъ былъ бы взятъ, ежели бы не разныя обстоятельства и ошибки грубыя военачальника, которыя вы прочтете ниже. Но чтобы васъ познакомить съ успѣхами большой арміи, я на время отступлю отъ собственнаго о себѣ описанія.

Графъ Каменскій, достигнувъ Шумлы, 11-го Іюня, атаковалъ высоты передъ городомъ. Позиція столь скрытая, всюду пересѣкаемая буераками и глубокими рытвинами, никѣмъ не была рекогносцирована. Турки были не вдругъ атакованы, генералы Левизъ и Раевскій штурмовали не вмѣстѣ, и Турки имѣли возможность отбивать ихъ каждаго порознь: прежде бьютъ Левиза, Раевскій на это смотритъ; Левизъ отступитъ, они отбиваютъ Раевскаго. Главнокомандующій не умѣлъ исправить сей важной погрѣшности; никто не зналъ, что̀ дѣлать, и такъ солдаты дрались съ храбростію, но не исполняли въ виду непріятеля никакихъ движеній. Главныя силы непріятеля были скрыты въ самой Шумлѣ; они удержали съ честію возвышенія, съ коихъ графу очень хотѣлось ихъ сбить. Въ такомъ положеніи дѣлъ наступила ночь и прекратила драку. Мы лишились генерала Попандопула и множества убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Главнокомандующій, желая загладить прошедшую неудачу, по крайней мѣрѣ отдалъ приказъ, чтобы завтрашній день, т. е. 12-го Іюня, взять штурмомъ Шумлу и грабить до отбою. Эта строгая и благоразумная мѣра не помогла взять крѣпость и побить на голову всю силу Турокъ, до послѣдняго человѣка; ибо сіе значитъ штурмовать, какъ, и вы помните, взятъ Измаилъ Суворовымъ. Войска наши, одушевленныя храбростію, оказали и въ сей день не менѣе оной; но всѣ распоряженія были неумѣстны и безтолковы, и сраженіе потеряно. Вечеромъ 12-го Іюня главнокомандующій началъ опасаться нападенія отъ Турокъ, далъ повелѣніе отступить: это все, что̀ было предпринято противу главныхъ Турецкихъ силъ. Генералъ Раевскій высланъ коман-

довать резервомъ, а Левизъ поѣхалъ лечиться. Теперь стало меньше двумя. . . . *)

Теперь обратимся ко мнѣ. Вы увидите, сколь нечаянно явился къ намъ подъ Рущукъ главнокомандующій съ частію своихъ силъ, совсѣмъ безъ нужды; слѣдовательно общій планъ кампаніи при открытіи кампаніи вдругъ отмѣненъ, и война сего года не могла окончиться, какъ желали: ибо даже въ Военномъ Журналѣ Рахманова было писано, что Каменскій отрѣзалъ верховнаго визиря отъ Андріанополя, что визирь долженъ сдаться, и такъ далѣе. Полагали, что мы будемъ въ семъ послѣднемъ городѣ или на маршѣ къ столицѣ Константина; но вы увидите, что побѣдоносныя войска отступили 300 верстъ и имѣютъ предметомъ занять только одну крѣпость.

Простившись съ Силистріею, которую я больше не видалъ, переправились мы на лѣвый берегъ Дуная, въ селеніе Калорашъ; оно разорено отъ войны, или лучше сказать отъ безпорядочной войны, лежитъ въ виду Силистріи, верстахъ въ 8-ми. Я съ сихъ поръ былъ всегда вмѣстѣ съ нашимъ капитаномъ М. Н. Клименкою, свѣдущимъ и храбрѣйшимъ офицеромъ и человѣкомъ превосходнаго сердца и правилъ. Здѣсь течетъ рѣка Барщъ. Въ пріятный вечеръ мы катались на лодкахъ, сами гребли, шутили, смѣялись и провели время съ удовольствіемъ. Это было 4-го Іюня, поутру. Узнавши, что сія рѣка славится своими стерлядями, мы достали множество сихъ превосходныхъ рыбъ и обѣдали на берегахъ ея. Всѣ служители, бывшіе при инженерномъ паркѣ, ѣли стерлядей, сколько кому позволялъ аппетитъ или крѣпость натуры.

Изъ Калараша до с. Ольтеницы, держась берегу Дуная, въ три перехода сдѣлали 70 верстъ. Въ Ольтеницѣ устроенъ редутъ для наблюденія противулежащаго Туртукая и обезпеченія устья рѣки Аржиса. Понтонный мостъ былъ наведенъ, и я опять въ Булгаріи.

Вторичная переправа за Дунай.

Мы перешли Дунай у самаго Туртукая, столь извѣстнаго переправою и побѣдою Суворова въ первую войну, изъ коего онъ послалъ донесеніе графу Румянцову:

«Слава Богу! Слава вамъ! Туртукай взятъ и я тамъ!»

Небольшой Турецкій гарнизонъ не могъ защищать переправу корпуса генерала Засса, назначеннаго осадить Рущукъ, и закрыть отъ крѣпости Журжи большую Букарестскую дорогу. Турки немедленно

*) Такъ въ рукописи. П. Б.

оставили безъ выстрѣла Туртукай, ретировались въ Рущукъ и не были преслѣдуемы. Но Зассъ, слѣдуя принятому правилу, не оставилъ описать сію блестящую побѣду и переправу и былъ награжденъ. Но развѣ мало имѣемъ передъ глазами подобныхъ примѣровъ?

На высочайшей горѣ мы отыскали мраморный камень съ Латинскою надписью, изъ которой догадаться можно было, что здѣсь заключенъ былъ миръ между Римскими императорами, Британцами, Персидскими и другими народами. Я скопировалъ надпись и послѣ, стоявши на зимнихъ квартирахъ въ Яссахъ, отдалъ ее перевести знакомому Французскому аббату; но онъ мнѣ ея не отдалъ обратно. Турецкая мечеть разбита ядрами при Суворовѣ, и башня ея, испорченная выстрѣлами, представляетъ смѣшную кривую колонну; на вершинѣ ея большія птицы, называемыя пеликанами или хаджи, вьютъ гнѣзда. По невозможности раздѣлить войска генералъ-лейтенанта Засса, въ мѣстахъ неизвѣстныхъ и не снятыхъ въ прошлыя войны квартермейстерскими офицерами, корпусъ шелъ въ одной колоннѣ отъ Туртукая до с. Турсимилъ, прекраснѣйшими урочищами и виноградными садами, переходъ 15 верстъ.

Отъ Турсимила переходъ 20 верстъ до Булгарской деревни, гдѣ находится большая мечеть, разоренная въ первую войну графомъ Салтыковымъ, наблюдавшимъ тогда Рущукъ. Имя сей деревни я не могъ узнать, потому что, при приближеніи нашего авангарда, жители оставили ее и удалились одни въ Рущукъ, а другіе въ лѣса, откуда дѣлали нападенія на наши транспорты, отбивали обозы и рѣзали головы отставшимъ солдатамъ. День былъ очень жаркій; я цѣлый маршъ спалъ, закрывшись въ кибиткѣ. Въ опустѣлой деревнѣ достали множество бѣлаго меда, гусей и другихъ живностей. Первый разъ люди наши пригнали намъ рогатаго скота и буйволовъ; мясо ихъ молодыхъ, изъ котораго вмѣстѣ съ виноградными листьями, въ отдаленности отъ отечества своего за Дунаемъ, варили мы себѣ Русскія щи, было очень хорошо. Съ кофеемъ и вечерами съ чаемъ употребляли буйволовое молоко; оно густо, цвѣту желтѣе обыкновеннаго и весьма вкусно.

Отъ сей деревни сдѣлали маршъ къ пустой деревнѣ Моратинъ, переходу 15 верстъ. Корпусъ расположился правымъ флангомъ къ высокой горѣ, на которой построена Турецкая батарея. Въ прошлую кампанію князь Петръ Васильевичъ Репнинъ *) имѣлъ смѣлость штурмовать сію отъ натуры крѣпкую и сильную позицію. Онъ взятъ въ

*) Пропущенный въ Родословной Книгѣ кн. Долгорукова, младшій братъ фельдмаршала. Онъ умеръ въ 1775 г. въ чинѣ полковника. П. Б.

плѣнъ и его цѣлый корпусъ вырѣзанъ. Надобно знать, что сія неудача происходила въ виду цѣлой арміи, стоявшей на противулежащей сторонѣ Дуная и въ виду графа Румянцова; однако не было возможности выручить Репнина отъ опасности и постыднаго плѣна.

Остается до Рущука 8 верстъ; корпусъ шелъ въ боевомъ порядкѣ. Я былъ при своемъ генералѣ, на правомъ флангѣ каре, шелъ по ржи, которая почти была съ человѣка малаго роста. Непріятель показался въ кавалеріи, фланкировалъ, и нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ противу Турецкихъ лодокъ принудили ихъ возвратиться въ Журжинской проливъ. Тогда предпринято сильное рекогносцированіе, и наша кавалерія принудила непріятельскую отойти подъ пушки крѣпости.

Осада Рущука и Журжи.

14-го Іюня, корпусъ Засса занялъ позицію на Туртукайской дорогѣ у большой лощины въ 3 верстахъ отъ города, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ лагеремъ въ прошлую войну графъ Салтыковъ. Правый нашъ флангъ былъ безпокоенъ пушечными выстрѣлами изъ Журжи, а потому и принуждены были примкнуть къ двумъ большимъ курганамъ. Найдено, что позиція сія невыгодна, а потому лагерь перенесенъ за лощину впередъ, гдѣ и расположились ночевать въ неизвѣстности о положеніи главной арміи подъ Шумлой и о нашихъ коммуникаціонныхъ дорогахъ. Мы брали воду изъ колодцевъ, которые были въ лощинѣ, ибо Дунайская была мутна и иловата.

Генералъ-маіоръ Хитровъ, съ отрядомъ лѣвѣе насъ, занялъ горы надъ городомъ, въ виноградныхъ садахъ; генералъ-маіоръ князь Вяземскій и полковникъ графъ Оруркъ приняли лѣвѣе его, и такимъ образомъ, лѣвымъ флангомъ осаждающій корпусъ примкнулъ къ рѣкѣ Лому, предоставивъ гарнизону большую Систовскую дорогу. Скоро примѣчена сія ошибка, составленъ особый отрядъ въ начальствѣ полковника Бердяева. Я былъ назначенъ отъ своего генерала для укрѣпленія сей позиціи отчасти невыгодной, а отчасти представляющей всѣ удобства жечь съ нѣкоторыхъ высотъ городскія строенія, магазейны и пороховые погреба.

Положеніе островов противу Рущука.

Городъ Рущукъ, съ честію выдержавшій продолжительную осаду и два приступа, который послѣ мнѣ столь нравился, лежитъ на крутыхъ горахъ при Дунаѣ; противъ его крѣпость Журжа съ своимъ каменнымъ замкомъ Донъ-Жуанъ и два большіе острова Кашара и Назирлуй, раздѣленные проливомъ, входъ коего защищается сильною батареею, называемою Разбойничьею.

Городъ основанъ великимъ княземъ Святославомъ; герой любилъ изящное, ему понравился за-Дунайскій берегъ, и столица Кіевъ немедленно была оставлена. Жаль, что его преемники не слѣдовали склонности Святослава; они безпечно остались въ мѣстахъ бѣдныхъ и климатѣ неблагословенномъ. Нѣкоторыя колоніи Славянъ случайно зашли еще далѣе на Сѣверъ, къ озерамъ Ильменю и Ладогѣ, гдѣ и основали города; тогда планъ Святослава самъ собою уничтожился. Замокъ въ крѣпости Журжѣ, называемый Донъ-Жуанъ, выстроенъ Генуэзцами и Венеціанами во время владѣнія ихъ нѣкоторыми мѣстами на Дунаѣ. Сіи мѣста я знаю очень хорошо; два года сряду стояли лагеремъ, и на островѣ Кашарѣ, гдѣ есть укрѣпленіе Малая-Слободзея, на слѣдующую кампанію взята была нами вся Турецкая армія военноплѣнною.

Осада Рущука продолжалась 93 дня; комендантъ Боснякъ-ага оспорилъ здѣсь славу Палафокса, защитителя Сарагоссы; онъ отбилъ два приступа и сдался, не имѣя хлѣба, но и здѣсь требовалъ свободнаго выхода гарнизону съ военными почестями. До послѣдней минуты сохранивъ въ себѣ приличіе истиннаго военачальника, онъ взялъ съ собою уваженіе его побѣдителей.

15-го числа Іюня, на другой день по занятіи позиціи, по утру въ восемь часовъ, гарнизонъ сдѣлалъ вылазку въ виноградные сады, на отрядъ генерала Хитрова, былъ отбитъ и прогнанъ въ крѣпость. Первая сія вылазка намъ очень не понравилась: онѣ ежели продолжатся, то помѣшаютъ нашимъ полевымъ работамъ. Генералъ Гартингъ сдѣлалъ сильное рекогносцированіе, избралъ пункты для укрѣпленія лагеря, и на высотахъ, командующихъ городомъ, заложены рикошетныя батареи для анфилированія двухъ полигоновъ. Батарея маіора Веселицкаго, выгодно поставленная у Цареградской дороги, удачно дѣйствовала въ самую внутренность города. Настоящая правильная атака поведена на равнинѣ у Туртукайской дороги, гдѣ расположенъ нашъ правый флангъ. Піонеры работали на островахъ туры, фашины и прочія потребности. Дунайская флотилія стояла ниже Журжи; ей назначено отрѣзать коммуникацію обѣихъ крѣпостей съ городомъ Систовымъ. Но какимъ образомъ пройти ей мимо сихъ мѣстъ, столь укрѣпленныхъ, усѣянныхъ батареями и противу теченія быстраго Дуная? Вы увидите, что сія отважная экспедиція совершилась.

Между тѣмъ я былъ отправленъ на лѣвый флангъ, въ отрядъ полк. Бердяева. Осмотрѣвъ позицію между рѣкой Ломой и Дунаемъ, я счелъ за нужное перекопать дороги отъ разоренныхъ двухъ деревень при Ломѣ къ городу, сдѣлалъ нѣсколько флешей, гдѣ впереди линіи поставлены легкія орудія, а въ центрѣ пятиугольный редутъ съ барбетами, которые могли очищать все пространство впереди позиціи

лагеря. Мы стояли отъ города на возвышеніи, гораздо далѣе пушечнаго выстрѣла; слѣдовательно не было надобности увеличивать сіи полевыя укрѣпленія. Я успѣлъ познакомиться съ А. Н. Бердяевымъ и жилъ съ нимъ вмѣстѣ въ одной палаткѣ.

Флотилія пробивается по Дунаю.

Генералъ Зассъ приказалъ флотиліи пройти боемъ между Рущукомъ и Журжею, дабы отрѣзать имъ водою сообщеніе съ городомъ Систовымъ. 4-го Іюля, въ полдень, вѣтеръ нѣсколько благопріятствовалъ, 17-ть военныхъ судовъ на парусахъ тронулись и были встрѣчены убивственнымъ огнемъ съ крѣпостей и Разбойничьей батареи и съ береговъ ружейными выстрѣлами. «Все потеряно!» вскричали мы, когда въ сіи критическія минуты утихъ вѣтеръ и суда неподвижно остановились на одномъ мѣстѣ выдерживать адскій огонь. Однако 11-ть барказовъ Черноморскихъ и одинъ Галацкій усильно и рѣшительно прошли боемъ, тянувшись бичевой; всякій шагъ земли имъ оспоривалъ упорный непріятель, въ виду цѣлаго корпуса, и эта побѣда куплена пролитіемъ дорогой врови! Храбрый лейтенантъ Центиловичъ убитъ; онъ похороненъ мною въ глубокой лощинѣ, у подошвы горы, за Дунаемъ. Мѣсто сіе, освященное прахомъ истиннаго сына отечества, прахомъ героя и моего друга, никому непримѣтно, нѣтъ камня, нѣтъ надписей; но ежели случай когда приведетъ меня въ тѣ мѣста, я найду его могилу. Теперь да будетъ благословенна память его! Ядро оторвало ему всю правую ногу и раздробило часть праваго бока выше груди. Тогда Турки, видя, что остальные баркасы стоятъ безъ вѣтра на одномъ мѣстѣ, устремились съ обоихъ береговъ на абордажъ; они взяли пять канонерскихъ судовъ, на коихъ 15 пушекъ, 9 офицеровъ и 170 нижнихъ чиновъ; кто болѣе сопротивлялся, всѣ преданы смерти, и головы несчастныхъ брошены въ Дунай.

Сраженіе 6-го Іюля.

5-го Іюля вечеромъ полковникъ Бердяевъ, возвратившись изъ корпусной квартиры, получилъ диспозицію на слѣдующее утро вести фосъ-атаку въ садахъ отъ каменнаго магазейна и прочіе отряды также. Настоящее нападеніе поручено инженеру генералъ-маіору Гартингу, на правомъ флангѣ съ Малороссійскимъ гренадерскимъ полкомъ. Генералъ Зассъ располагалъ завладѣть однимъ разбитымъ бастіономъ и тамъ ложироваться. Конечно сіе бы привело городъ немедленно къ сдачѣ, но не было успѣха. Всѣ винятъ солдатъ, которые, не успѣвъ достигнуть крѣпостнаго рва и влѣзть на лѣстницы, потеряли муже-

ство и присутствіе храбрости. Офицеры впереди принуждали трусливыхъ гренадеръ овладѣть бастіономъ; но смѣлые Турки, собравшись въ превосходныхъ силахъ, опрокинули и принудили нашихъ отступить. Сіе происходило на правомъ флангѣ. Въ нашемъ отрядѣ сдѣланы нужныя распоряженія съ разсвѣтомъ вмѣстѣ начать фосъ-атаку, для коей съ полночи посланъ 27-й егерскій полкъ въ сады у самой крѣпости и каменнаго укрѣпленнаго бастіона; люди дошли смирно и должны были открыть огонь по извѣстному сигналу и такимъ образомъ сдѣлать большую диверсію. Вятскій пѣхотный полкъ подкрѣплялъ егерей и Тверской драгунскій составлялъ резервъ. До свѣту услышали огонь на правомъ флангѣ, а потомъ и въ прочихъ отрядахъ; онъ усиливался гораздо болѣе, и заключали, что тамъ происходило жаркое дѣло. Потомъ наступило тише и скоро замолкло. Отъ нашего отряда посланъ офицеръ узнать, чтò тамъ происходило. Когда 27-му егерскому полку должно производить фосъ-атаку, совсѣмъ неожиданно мы услышали страшную канонаду изъ крѣпостныхъ бастіоновъ; вскорѣ наши егеря отвѣчали сильнымъ ружейнымъ залпомъ и открыли въ садахъ перепалку. Отрядный командиръ послалъ имъ повелѣніе отступить, но вмѣсто того они требовали сикурса, куда и командированъ Вятскій полкъ. Мы всѣ были удивлены и не знали, чтò сіе бы значило. Въ то время, когда вездѣ успокоилось, у насъ начиналось жестокое сраженіе. Переранено много солдатъ. Полковникъ Бердяевъ просилъ меня наискорѣе поѣхать въ сады къ егерямъ и велѣть шефу полковнику Генгаммеру ретироваться на высоты, гдѣ ожидали, что мы будемъ атакованы. Я поскакалъ къ крѣпости, гдѣ была перестрѣлка, нашелъ людей въ разстройствѣ, встрѣтилъ полк. Гренгаммера и отдалъ ему приказаніе отступить. Огонь тутъ былъ самый страшный, ядра и гранаты били въ деревья, и должно было надѣяться быть убиту или ранену каждую минуту щепами и обломками; я же въ разсѣянной толпѣ былъ одинъ верхомъ. Полковникъ Гренгаммеръ требовалъ, дабы я ему тотчасъ доставилъ лѣстницы, что онъ съ двумя своими баталіонами хочетъ штурмовать городъ и возметъ его. Я ему сказалъ, что предметъ его назначенія была фосъ-атака, а не штурмъ, что здѣсь водяной ровъ и что прежде должно всю воду изъ рѣки Лома вылить или выпить, а потомъ ставить лѣстницы на приступъ. Множество егерей въ сіи минуты перебито, остальные отступили. Но вдругъ въ крѣпости спущаютъ подъемный мостъ, и непріятель дѣлаетъ вылазку. Я поотъѣхалъ въ первый случившійся садъ. Гренгаммеръ командовалъ впереди стрѣлять изъ ружей по крѣпости, Турецкіе стрѣлки въ превосходныхъ силахъ стали обходить, наши егеря собрались къ отступленію. Видя, что изъ города выѣзжаетъ множество ка-

валеріи съ байраками, я сблизился къ стрѣлкамъ, которые были въ суматохѣ, не зная зачѣмъ такъ далеко заведены. Гренгаммеръ уже взятъ въ плѣнъ и потащенъ въ Рущукъ. Я донесъ объ опасности нашего положенія отрядному командиру. Онъ спѣшилъ часть драгунъ, пославъ ихъ въ сады удерживать вылазку и прикрыть бѣгство пѣхоты. Сіе произвело хорошее послѣдствіе. Турки возвратились обратно въ крѣпость, а мы въ прежній лагерь, потерявъ много егерей 27-го полка; нѣсколько офицеровъ ранено и шефъ взятъ въ плѣнъ. Вотъ чтò дѣлаетъ пустая горячность одного хмѣльнаго человѣка, который еще нашелся выдать себя за пашу; иначе бы потерялъ голову!

Вотъ чѣмъ кончилось сраженіе 6-го Іюля. Я былъ отлично рекомендованъ отъ полковника Бердяева корпусному начальнику, но ничѣмъ не награжденъ. На другой день получилъ повелѣніе отъ генерала Гартинга, по надобности въ офицерахъ, прибыть къ нему наипоспѣшнѣе, чтò и исполнилъ.

Послѣ неудачнаго предпріятія завладѣть крѣпостнымъ бастіономъ, положено продолжать осаду, и работы начались; непріятель вредилъ намъ бомбами, ядрами и гранатами, а послѣ ружейными и пистолетными выстрѣлами. Не имѣя двухъ или трехъ баталіоновъ пѣхоты, сожалѣли, что не могли занять острововъ Кашары и Назирлуя и чрезъ то отрѣзать коммуникацію Журжи съ Рущукомъ.

Сія неудача 6-го Іюля нимало не разстроила общихъ распоряженій взять Рущукъ, и надѣялись принудить городъ къ сдачѣ. Осадная артиллерія на брешъ-батареи дѣйствовала удачно, пожары внутри города по ночамъ увеличивались, многіе дома и лавки были объяты пламенемъ, но жители тушили; тогда всѣ орудія какъ съ высотъ, такъ и отъ рѣки Лома и гдѣ ведена атака, устремлены на тѣ пункты, гдѣ показывался пламень. Темныя ночи много способствовали наводить къ одному предмету орудія, послѣ залповъ въ городѣ было отвѣтствуемо ревомъ умирающихъ и стенаніями раненыхъ. Работы продолжались дѣятельно, прорытъ крошетъ отъ кессель-батареи и летучая сапа на пистолетномъ выстрѣлѣ; ежели бы гарнизонъ и тогда не сдался, то чрезъ нѣсколько дней одинъ бастіонъ былъ бы минами подорванъ.

Въ сіе время вдругъ нечаянно является въ лагерь главнокомандующій съ большими силами подкрѣпить корпусъ Засса. Мы имѣли нужду въ двухъ полкахъ пѣхоты; теперь чрезъ мѣру и ожиданіе находимъ свѣжія войска, приведенныя сюда изъ-подъ Шумлы. Графъ Каменскій хотѣлъ свою неудачу противъ визиря наградить взятіемъ Рущука; но попытка стоила дорого: цѣлые полки погибли на несчаст-

номъ приступѣ, и послѣ того, подобно рыцарямъ крестовыхъ походовъ, намъ ничего не оставалось, какъ искать приключеній.

22-го Іюля, въ день Маріи Магдалины, главнокомандующій назначилъ штурмъ; вмѣсто торжественнаго вѣнка, боязнь и угрызеніе совѣсти преслѣдовали его. Мы видѣли его въ семъ положеніи у батареи № 1-й, когда онъ, безъ надобности, начавъ и потерявъ сраженіе, ѣхалъ въ свой лагерь. Причина сего приступа и кто подалъ первый жестокую мысль жертвовать арміею, осталась отъ всѣхъ сокрытою.

Приказъ главнокомандующаго въ армію, отданный Іюля 21-го 1810 года, за № 200. Лагерь при Рущукѣ въ Булгаріи.

«Завтрашняго числа имѣетъ быть штурмъ городу Рущуку по данной отъ меня диспозиціи. Храбрые воины! Я удостовѣренъ, что мужествомъ вашимъ, усердіемъ и рвеніемъ всѣ препоны преодолѣются».

Подписано: генералъ графъ Каменскій 2-й, дежурный генералъ Булатовъ.

22-го числа, по утру въ 8 часовъ, наши колоны были отбиты на всѣхъ пунктахъ. Дѣло продолжалось 4 часа и 20 минутъ. Армія потеряла лучшихъ 422 офицера, 3 полковниковъ, генерала графа Сиверса и болѣе 10 тысячъ рядовыхъ, столько же переранено. Съ начала неудачи, когда взошло солнце, должно бы велѣть отступить и чрезъ нѣсколько дней опять попробовать; но главнокомандующій форсировалъ и скоро послѣ разсвѣта на стѣнахъ Рущука увидѣлъ 7500 отрѣзанныхъ головъ, воткнутыхъ на наши же ружья: Турки считаютъ сей не очень вѣжливый обрядъ своимъ блестящимъ трофеемъ. Колоны были въ прежестокомъ огнѣ, со всѣхъ сторонъ осыпаны дождемъ пуль, картечь и ядра; въ чрезвычайной опасности и смятеніи всѣ кричали, никто ничего не дѣлалъ; солдаты, спустившіеся въ глубокую канаву, не могли вылѣзти ни на стѣны, ни назадъ, ибо почти всѣ штурмовыя лѣстницы перепорчены. Начальники колонъ не исполняли свою должность; они сами не знали, что̀ имъ дѣлать, и никто изъ насъ не зналъ, что̀ кому дѣлать: ибо въ диспозиціи графа ни слова не сказано о неудачѣ, ежели бы случилась. Не было опредѣлено сборныхъ пунктовъ для колонъ куда ретироваться, а только болѣе всего упомянуто: влѣзть на бастіоны, отбить ворота, броситься въ улицы и проч. Въ сіи критическія минуты непріятель употребилъ всѣ жестокости, лютость, безчеловѣчіе, которыхъ никакое перо не въ состояніи изобразить. Турки, воспламененные примѣромъ неустрашимаго коменданта и утомившись, какъ бы сказать, пить кровь Русскую, прибѣгли къ злѣйшей выдумкѣ: катали по стѣнамъ бревна, лили кипящую воду и металлъ, малые ребята косами и кольями сбрасывали раненыхъ гренадеръ въ глубокій ровъ, гдѣ они всѣ преданы смерти. Женщины,

въ сей примѣчательный день, оказали храбрости не менѣе своихъ мужей, заряжали ружья, нѣкоторыя стрѣляли со стѣнъ, рѣзали головы; напослѣдокъ, потеряно терпѣніе, и остатки полковъ безъ всякой команды бросились бѣжать. Преодолѣвъ здѣсь препятствія, разсѣянныя толпы въ полѣ и около рва крѣпости, безъ начальниковъ, всюду смѣшанныя со своими офицерами, были провожаемы сильнымъ крѣпостнымъ огнемъ; и тутъ множество лишено жизни.

Графъ рвалъ на себѣ волосы и поѣхалъ въ лагерь. Въ сіи важныя минуты не было сдѣлано никакихъ распоряженій. Турки тотчасъ воспользовались и хотѣли сдѣлать вылазку; но наша осадная артиллерія, видя, что уже все предоставлено одному Промыслу, искуснымъ дѣйствіемъ удержала ихъ; нѣсколько сотъ смѣльчаковъ убиты. Я скажу, что графъ обязанъ сохраненіемъ лагеря и артиллеріи полковникамъ Полю, Богуславскому, Тимофѣеву, капитану Бантышу, поручикамъ Фигнеру, Фролову, инженернымъ капитану Клименкѣ, поручику Черкасову и мнѣ. Это справедливо.

Немедленно было заготовлено донесеніе въ Петербургъ, и генералъ Ушаковъ, полковники Бриммеръ и Голенищевъ-Кутузовъ, на коихъ сложена неудача приступа, представлены къ выключкѣ; скоро они были отставлены. Другіе болѣе сихъ виновные остались, и я самъ часто слышалъ во многихъ домахъ въ Букарестѣ разсказывающихъ о своихъ доблестяхъ. Умалчиваю ихъ имена, ибо они того не стоятъ.

23-го былъ день похоронъ. Я оплакалъ смерть моего лучшаго друга Ивана Ивановича Шультена, съ которымъ вечеромъ, до вступленія въ дѣло, я простился на вѣки. Его тѣло не отыскано; онъ былъ любезнѣйшій молодой человѣкъ, да будетъ его память всегда священною! О другихъ убитыхъ умолчу, ибо потребна особая книга включить несчастныхъ жертвъ. Нашему офицеру Крети отрѣзана голова. Полковникъ князь Степанъ Васильевичъ Мещерскій, который меня всегда ласкалъ и любилъ, убитъ.

Въ странахъ чуждыхъ, далеко отъ отечества, остались ваши могилы. Но вы сражались и умерли честно: всякій изъ васъ исполнялъ свою должность. Надъ вами, почтенные сотоварищи, не поставлены памятники: мы боялись, чтобы непріятель по симъ признакамъ уваженія къ памяти храбрыхъ не отрылъ труповъ вашихъ, и тѣмъ даже бы не нарушилъ вашего спокойнаго, крѣпкаго, славнаго сна! Памятники сіи глубоко впечатлѣны въ сердцахъ нашихъ. Я уважаю сіи мѣста, самое время не истребитъ ихъ изъ моей памяти. Прошло болѣе 8 лѣтъ*), пройдетъ и 20 и 40, и я все, мысленно переносясь на

*) И такъ Записки эти писаны около 1819 года. П. Б.

кровавыя побоища Рущукскія, вижу: тамъ лежитъ графъ Сиверсъ, подлѣ него адъютантъ князь Баратаевъ, рядомъ артилеріи поручикъ Лисенко и другіе; они погребены на высокой горѣ, подъ деревомъ.

Ночь съ 22 на 23 число была проведена въ безпокойствѣ и какой-то неизвѣстности. Остатки арміи совершенно потеряли духъ; общій страхъ и малодушіе были написаны на лицахъ каждаго. Полки, каждый въ особенности, походили на осиротѣвшее семейство, которое потеряло родителей и руководимо отчаяніемъ. Въ палаткахъ ужасно было слушать разговоры солдатъ на счетъ главнокомандующаго и положенія ихъ. Безъ охоты и съ робостію заняты кое-кѣмъ караулы на батареяхъ и въ траншеяхъ.

24-го поутру, прибылъ въ главную квартиру, изъ подъ Шумлы, отъ графа Каменскаго старшаго, адъютантъ съ донесеніемъ о побѣдѣ, одержанной имъ надъ великимъ визиремъ въ 30 т. человѣкъ, гдѣ взято 40 знаменъ и 2 жезла начальничьихъ. Сраженіе происходило въ 8 верстахъ отъ Шумлы 23 Іюля, или на другой день, когда мы были отбиты отъ Рущукскаго приступа. Въ армію поджидали прибытія артиллерійскихъ парковъ для того, что заряды и снаряды были израсходованы. Но съ какими издержками и трудностію было сопряжено сіе! Надобно знать, что 5-ти пудовая бомба изъ Кіева къ Дунаю везлась на колесахъ, и доставка каждой стоила 104 рубля, кромѣ чугуна и состава ея. Въ семъ содержаніи видны и прочіе снаряды. Въ иной день по повелѣнію главнокомандующаго бросали со всѣхъ батарей до 700 бомбъ. Итакъ, чего стоитъ осада обширнаго города?

Занятіе и укрѣпленіе двухъ острововъ.

Послѣ неудачи 22-го числа, велѣно занять два острова, Кашару и Назирлуй, дабы отрѣзать Журжу и удовольствоваться овладѣніемъ оной. Всегда несчастія дѣлаютъ людей опытнѣе. Сіи острова дадутъ намъ способъ отплатить Туркамъ. Два брата Мишо (нынѣшніе одинъ генералъ, а другой флигель-адъютантъ) посланы для занятія острововъ и построенія набережныхъ укрѣпленій, противу города на самомъ выстрѣлѣ; къ нимъ я былъ назначенъ и піонерная рота. Мы приступили къ работамъ въ то время, когда вся армія спокойно была расположена по возвышеніямъ, окружающимъ Рущукъ, и съ 13 Августа по 1 Сентября отрѣзали коммуникацію Журжи, завладѣли Разбойничьею батареею, взяли тамъ 5 пушекъ и много шанцоваго инструмента, разбили янычарскія казармы, анфилировали городскія улицы, и въ самомъ Рущукѣ посѣянъ ужасъ. Они начали помышлять о сдачѣ. Журжинскій паша въ свою очередь всякій вечеръ дѣлалъ свои вылаз-

ки въ большемъ числѣ кавалеріи, и мы принуждены днемъ драться, а ночью работать. Такъ прошло 15 дней, и операція наша кончилась. Главнокомандующій былъ доволенъ успѣшными работами; я вмѣстѣ съ г-ми Мишо былъ отлично рекомендованъ къ ордену, но не награжденъ.

Работы въ тетъ-де-понѣ у Маратина.

Получивъ отъ генерала Гартинга повелѣніе, я отправился обратно къ Маратину, гдѣ былъ наведенъ понтонный мостъ, который предполагалось укрѣпить, дабы конныя непріятельскія партіи не могли безпокоить и даже уничтожить сію главную переправу арміи. Мнѣ досталось строить большую батарею для комплектнаго баталіона съ артиллеріею на лѣвой сторонѣ Дуная, въ 7-ми верстахъ отъ Журжи, близъ урочища, называемаго Чадырджи-оглу; работа была кончена поспѣшно. Графъ пріѣхалъ смотрѣть и при собраніи генераловъ объявилъ мнѣ свою благодарность.

Отъ сего мѣста до самой Журжи простирается низменный полуостровъ, заросшій камышемъ. Турки высылали туда часто своихъ стрѣлковъ и насъ безпокоили. Генералъ Гартингъ, дабы отучить отъ сихъ шалостей, желалъ болѣе выиграть земли ближе къ непріятелю и на одномъ возвышеніи, которое изъ горъ нѣсколько выдалось впередъ къ сему низменному полуострову, поручилъ мнѣ выстроить легкій редутъ. Я поспѣшилъ окончить его въ одну ночь. Журжинскіе Турки по обыкновенію и на завтрашній день дѣлали тоже, что̀ и прежде; но какъ они зашли слишкомъ далеко, то мы, воспользовавшись симъ, внезапно ударили, и всѣ фуражиры взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ одинъ байрактаръ; нѣсколько человѣкъ убито и ранено. Въ семъ дѣлѣ командовалъ полковникъ Грековъ 8-й, изрядный пьяница и козакъ. Послѣ сего никто не смѣлъ изъ Журжи показываться, а мы въ свою очередь подвинули переднюю цѣпь къ самому ретраншаменту, держали гарнизонъ въ респектѣ, принудивъ его не вдаваться въ опасности, а запереться въ тѣсной крѣпости. У полковника Грекова я былъ отмѣнно хорошо угощаемъ, разумѣется, по военному; спали подлинно, какъ говорится, на носу у непріятеля, съ заряженными ружьями, подъ маленькимъ шалашемъ на травѣ, въ головахъ казачья подушка; изрядный столъ, болѣе рыба и икра, а какъ она особенно въ жары даетъ большую жажду, то пили доброе Молдавское вино, послѣ чай; отъ скуки опять за икру; тамъ посмотрѣть, что̀ дѣлаютъ Турки, на перепалку пошалить, а вечеръ опять, что̀ подадутъ пить и ѣсть, до тѣхъ поръ, пока Морфей не приметъ насъ въ свои предѣлы забвенія. Съ странными, но добрыми козаками простился и явился въ главную

квартиру къ генералу Гартингу, куда былъ вытребованъ. Онъ обошелся со мною отмѣнно хорошо. Я развѣдалъ, что, желая перемѣнить своего прежняго адъютанта капитана Гейченкова, я былъ назначенъ въ сію должность, о чемъ и послано представленіе къ инспектору Инженернаго Департамента.

Сдача на капитуляцію Рущука и Журжи.

15-го числа Сентября, Рущукскій и Журжинскій паши, послѣ переговоровъ и соглашеній съ обѣихъ сторонъ, сдались на капитуляцію, по содержанію коей вышли съ военными почестями. Нѣтъ, думалъ я, мы славнѣе заняли Силистрію, гораздо славнѣе! Рущукъ, теперь подобно Данцигу въ 1807 года кампанію, сдается отъ самой обыкновенной причины, отъ голоду и недостатку въ снарядахъ. Мы осаждали его 93 дни, потеряли лучшихъ офицеровъ, болѣе половины арміи, сколько пролито крови на окрестныхъ поляхъ, сколько стоятъ издержки, употребленныя на осаду? 6 и 22 числа Іюля, первый разъ дали Туркамъ перевѣсъ храбрости противу Русскихъ. Эти два роковые дня должны имъ быть жестоко отплачены.

Главнокомандующій совершенно перемѣнилъ свое мнѣніе, какое прежде имѣлъ о инженерахъ; онъ насъ ласкалъ и потребовалъ отъ генерала представленій отличнѣйшихъ. Я былъ помѣщенъ въ семъ спискѣ за работы, произведенныя подъ крѣпостнымъ огнемъ, подъ картечьми, за вылазки и сраженіе. Графъ одобрилъ, увѣрилъ насъ, и опять мы не были награждены. Это насъ огорчило. Мы чувствовали, что заслуги инженера только видны при осадѣ крѣпости, а не въ полевомъ дѣлѣ. Вся армія свидѣтельствовать хотѣла въ справедливости нашего требованія, и этого довольно, хотя мы не были награждены. Пріятство дружбы и безпечность военной жизни, благодаря Бога, никого не подвергли изъ моихъ товарищей ни параличу, ни спазмамъ.

Такимъ образомъ знамена Русскихъ стоятъ на высокихъ стѣнахъ Рущука и Журжи.

Я теперь опишу окончаніе кампаніи главнокомандующаго, которая была блестящѣе самаго начала и поставила его на ряду лучшихъ генераловъ. Послѣ неудачныхъ дѣлъ подъ Шумлой и у Рущука, главнокомандующій, образомъ своего поведенія съ заслуженными генералами и привѣтливостію, казался инымъ человѣкомъ: всѣ имѣли къ нему доступъ; въ послѣднемъ же походѣ я и многіе наши всегда обѣдали у его сіятельства. Онъ былъ вспыльчиваго характера, но добръ и чувствителенъ. Замѣчали также въ солдатахъ весьма возрастающую любовь къ графу. Это часто случается, говорили намъ старые слу-

живые, что новые начальники, не узнавъ прежде людей, съ коими имъ доведется служить, не хотятъ или обращать къ нимъ своего вниманія, или обласкать ихъ. Замѣчаніе совершенно справедливое.

Турецкая армія на Янтрѣ.

Еще во время осады Рущука получено извѣстіе, что корпуса Турецкихъ войскъ сераскира Кушанцъ-Али, соединившись съ Мухтаръ-пашею, переправились черезъ рѣку Янтръ, которая находилась отъ насъ въ два небольшіе перехода, числомъ до 30 т.; они имѣли намѣреніе приблизиться къ городу, ударить намъ въ тылъ и принудить снять осаду. Послѣднія новости были непріятны, и слухи, которые носились, кажется, на каждомъ шагу, на всякой тропинкѣ поставили непріятельскіе отряды, которые отрѣзали наши коммуникаціи и проч. Графъ тотчасъ оставилъ осаду и назначилъ блокаду; осадная артиллерія свезена съ ближнихъ батарей, взяты всѣ предосторожности, какъ въ лагерѣ, такъ и окрестностяхъ его. Сіи распоряженія принесли графу много чести; можно сказать, что съ тѣхъ поръ онъ пріобрѣлъ привязанность войскъ, и побѣда его уже болѣе не оставляла.

Немедленно храбрый Кульневъ былъ посланъ въ партію къ рѣкѣ Янтру открывать непріятеля, летучіе отряды разосланы по Цареградской, Туртукайской и Тырновской дорогамъ. Корпусъ Каменскаго 1-го изъ-подъ Шумлы форсированными маршами подоспѣлъ къ Рущуку, у коего сосредоточилась вся Молдавская армія, и всѣ ожидали большихъ сраженій.

Батинское сраженіе.

По полученнымъ свѣдѣніямъ отъ передовыхъ постовъ, главнокомандующій рѣшается самъ предупредить непріятеля, занявшаго въ 35 верстахъ выше Рущука сильную позицію. Для наблюденія и блокады сего города оставленъ обсерваціонный корпусъ. Турки заняли три высокія горы, которыя, по ихъ обыкновенію, тотчасъ окопали ретраншаментами. Лѣвый ихъ флангъ былъ прикрытъ Дунаемъ и флотиліею, назначенной съ снарядами и провіантомъ для Рущукскаго гарнизона. 26-го Августа поутру, графъ, раздѣливъ армію на пять колонъ, атакуетъ Турокъ; они упорно защищаются и опрокидываютъ нѣкоторыя наши линіи назадъ. Средній ретраншаментъ былъ важнѣйшій, въ коемъ начальствовалъ самъ сераскиръ. Генералъ Кульневъ получилъ повелѣніе главнокомандующаго штурмовать сіи высоты. Онъ представилъ графу невозможность, что Турки въ среднемъ лагерѣ гораздо многочисленнѣе, нежели въ остальныхъ двухъ укрѣпленіяхъ,

что слѣдуетъ прежде атаковать слабые пункты, занять ихъ, и что только тогда главныя силы сдадутся. Графъ огорчился симъ справедливымъ замѣчаніемъ, и Кульневъ даже былъ арестованъ. Вторичная неудача противъ средней горы перемѣнила общій планъ нападенія. Главнокомандующій быстро велѣлъ штурмовать два слабѣйшіе редута. Генералъ Иловайскій 2-й въ точности исполнилъ сіе назначеніе; онъ выбилъ Турокъ изъ крѣпкой позиціи, очистилъ нашъ правый флангъ, отрѣзавъ непріятеля отъ берега, но раненъ смертельно. Графъ Мантейфель принялъ по немъ команду.

Графъ Каменскій послѣ сего рѣшительно ударилъ на правый непріятельскій флангъ; непріятельскіе редуты и ретраншаменты попеременно были взяты, и упорный непріятель бросился въ свой средній лагерь. Кавалерія спаслась бѣгствомъ чрезъ большія лощины и деревню Батинъ, по Никопольской дорогѣ. Послѣ продолжительной канонады изъ 60-ти орудій, побѣда склонялась на нашу сторону, но Турки держались отчаянно. Сераскиръ Кушанцъ-Али-Галиль-паша, хорошій полководецъ, убитъ; онъ не пережилъ постыднаго плѣна остатковъ ему ввѣренныхъ войскъ и умеръ, какъ герой. Тѣло его предано землѣ, на самомъ мѣстѣ его смерти. Окруженные со всѣхъ сторонъ Турки, безъ военачальника, лишенные имѣть воду, томились жаждою; множество раненыхъ померло отъ зною, и уже ночью прислали парламентеровъ просить пощады, согласившись сдаться военноплѣнными. Побѣдители получили въ добычу одну булаву, два начальничьихъ жезла, 14 пушекъ и весь лагерь, болѣе 5000 плѣнныхъ, бунчужнаго Ахметъ-пашу и множество другихъ чиновниковъ. Остатки сильной арміи погибли во время сраженія, кромѣ кавалеріи, которая спаслась.

Взятіе Систова.

Такимъ образомъ кончено Батинское сраженіе, и 30-ти тысячная Турецкая армія, рѣшительностію графа Каменскаго и быстротою его нападеній, уничтожена, какъ бы сказать, однимъ разомъ. Немедленно корпусъ Каменскаго 1-го перешелъ Янтръ, обложилъ городъ Систовъ и взялъ его. Послѣ сраженія 26-го числа, графъ, побѣдитель при Батинѣ, обратно прибылъ въ лагерь подъ Рущукъ, гдѣ и находился по 15-е Сентября, день покоренія онаго. Въ нашей арміи какъ-то повеселѣло, изъ Молдавіи прибыли резервы, раненые подъ Рущукомъ начали вылѣчиваться, полки усилены, и лагери по прежнему представляли видъ удовольствія и братства. Солдаты, забывши прежнія неудачи, хотѣли подраться; однимъ словомъ, тотъ, кто видѣлъ сію самую армію въ ея несчастнѣйшіе дни, теперь не повѣрилъ бы самъ своимъ глазамъ.

Сожженіе Систова.

Извѣстія, получаемыя изъ Шумлы, гдѣ находился верховный визирь, удостовѣряли, что онъ располагаетъ оставить свою крѣпкую позицію въ неприступныхъ горахъ, намѣренъ выступить по Разградской дорогѣ и ударить намъ въ тылъ. Корпусъ, перешедшій Янтръ, въ слѣдствіе того получилъ повелѣніе опять сблизиться съ главною арміею, и городъ Систовъ, древній, прекраснѣйшій, которымъ Булгарія славилась нѣсколько столѣтій, котораго жители, будучи Славянскаго поколѣнія, приняли насъ, какъ родныхъ, былъ сожженъ. Они не вѣрили сему ужасному намѣренію; но пламень, свирѣпствовалъ въ Турецкой части города, наскоро собрали свои пожитки и принуждены удалиться отъ жилища своихъ предковъ, на лѣвую сторону Дуная, къ городу Зимницѣ, тоже нами разоренному, откуда смотрѣли на свирѣпство пламени, пожиравшее ихъ домы. Послѣ того, 15-го Сентября, крѣпости Рущукъ и Журжа сдались, армія заняла позицію на бывшемъ правомъ флангѣ; всѣ укрѣпленія, батареи, тетъ-де-поны на островѣ Кашарѣ срыты. Главнокомандующій у Рущука при арміи учредилъ свою главную квартиру. Жители продавали свои вещи, которыя можно было купить за недорогую цѣну; но лучшіе кинжалы, пистолеты, сабли и ружья нельзя было достать за самую большую плату: Турки столь великіе охотники до сихъ вещей, что рѣшаются ихъ продавать въ самой необходимости. Нѣкоторые изъ офицеровъ имѣли позволеніе входить въ городъ. Я воспользовался онымъ и, по билету князя Вяземскаго, былъ пущенъ въ тотъ городъ, на который только смотрѣлъ три мѣсяца издали. Внутреннее расположеніе такое же, какъ и въ Силистріи; нѣкоторые дома лучше, но мечети великолѣпнѣе, нежели въ первой. Городъ весьма много почернѣлъ отъ бомбардированія, цѣлыя улицы сожжены; къ сожалѣнію сгорѣлъ великолѣпный домъ Мустафы-байрактара, человѣка извѣстнѣйшаго на новой политической сценѣ, въ послѣднюю Константинопольскую революцію. Сады всѣ прекрасны, опрятные кофейные дома и богатые мраморные фонтаны. Булгарская и Армянская части болѣе прочихъ уцѣлѣли отъ пожаровъ. Идучи по улицѣ къ цитадели, встрѣтился я съ старухою, которая должна была быть Сербка, по одѣянію; ея видъ, столь уважительный, позволилъ мнѣ адресоваться со всею откровенностію. Я оглядывался по сторонамъ, не примѣчаетъ ли кто меня; но мимоходящіе вооруженные Турки проходили безъ вниманія, слѣдовательно я опять повторилъ мою надобность къ любезной бабушкѣ. Я говорилъ языкомъ довольно страннымъ, дабы она поняла меня; она плутовка давно догадалась, но я продолжалъ идти и, преслѣдуя ее, нагналъ, положилъ въ руку золотую

монету и опять пошелъ на нѣкоторое разстояніе за нею далѣе мимо рынку, называемаго здѣсь Цыганскій базаръ, и опять въ тѣсную улицу. Старуха вошла въ дворъ. Я прохаживался по улицѣ безъ всякой цѣли, жалѣлъ, что позволилъ себя обмануть и радовался, что помогъ бѣдности. Нѣсколько спустя изъ двора вышла таже самая старуха, осмотрѣлась и опять туда же; я думалъ, что это служило мнѣ знакомъ, подошелъ къ воротамъ, вошелъ на дворъ, и тамъ очутился одинъ со старухой, опасаясь, что какой-нибудь проклятый Турка нечаянно войдетъ туда же и по своему обыкновенію и запальчивости обнажитъ саблю, не смотря, что я былъ Русскій офицеръ; тогда должно бы было драться, на шумъ могли бы и другіе черти сбѣжаться, могли бы селадона поколотить и послѣ насмѣяться. Вотъ, что̀ я тогда думалъ, и ей Богу простительно; пусть всякій изъ васъ будетъ на моемъ мѣстѣ, въ Турецкомъ городѣ, въ глухой улицѣ, да еще на дворѣ, да еще одинъ. Старушка показала мнѣ что-то, знакъ ли чтобъ шелъ тише или скорѣе. Однако вошли въ дверь, и я остался одинъ въ комнатѣ довольно темной; окна были завѣшаны, на полу диваны, вездѣ простота, но довольно чисто. Старуха вошла съ женщиною и тотчасъ вышла. Незнакомка сняла съ головы покрывало, которое тамъ всѣ женщины носятъ. Она была бѣлаго лица, черные глаза, какъ смоль, розовыя уста, не искусствомъ поддѣланныя, густые, черные локоны были небрежно разбросаны по грудямъ бѣлѣйшимъ снѣга. Она была Турчанка, я ея словъ не понималъ, она меня тоже; но она понимала меня столь же хорошо, какъ и я ее; она была моложе меня годомъ, то есть въ своей девятнадцатой веснѣ. О Іорикъ, твоя горничная дѣвушка, которая, сидя у тебя на кровати въ Парижѣ, зашивала тебѣ манжеты у во̀рота, была ничто въ сравненіи моей милой Турчанки. Ежели Француженки любезны, то Турчанки, которыхъ послѣ я имѣлъ случай многихъ знать,—ангелы небесные. Младая красавица, подобно Праксителевой Венерѣ, упоевала мое сердце, и каждой взоръ ея, проникшій въ глубину души моей, приводилъ меня въ краску и смятеніе. Прочь хладные люди! Не читайте строкъ моихъ: онѣ худо писаны, но отъ сердца, обожающаго женщинъ нѣжныхъ, чувствительныхъ. Ваше хладнокровіе, или ваши совѣты, вы, мнимые школьные учители, ничто въ сравненіи съ объятіями прежде пылкой, нѣжной, а послѣ томной Азіатки. Я былъ совершенно счастливъ. Благодарю тебя, другъ мой Іорикъ: ты опровергъ закоснѣлые предразсудки, описавъ столь хорошо пріятности любви. У меня это была первая!...... Время напоминало мнѣ о своей должности, о лагерѣ, о своемъ генералѣ. Я не узналъ хорошенькую незнакомку, какъ ее зовутъ, а она не узнала моего имени; я ее поблагодарилъ, она отказалась отъ подарка и была тогда еще тыся-

чу разъ привлекательнѣе, положа по своему обыкновенію одну руку на сердце, а другую поднявъ къ глазу, означая знакъ благодарности. Нѣтъ, еще рано! думалъ я, останусь еще въ домѣ радостей. И такъ я опять тамъ же, откуда хотѣлъ уйти,—и опять въ объятіяхъ красоты. Она не могла догадаться, что̀ я говорилъ ей въ упоеніи чувствъ; переводчикомъ были наше сердце и чувства. Между тѣмъ наступилъ вечеръ; по тѣсной улицѣ я шелъ назадъ скорыми шагами, ослабленный удовольствіями, которыя не имѣли мѣры, и прежде заревой пушки прошелъ переднюю цѣпь. По окончаніи дѣлъ, какія въ лагеряхъ случаются, геній удовольствій водилъ меня туда, куда страстно влекло сердце. Послѣ я сдѣлался смѣлѣе, ѣздилъ верхомъ къ самому дому красавицы и отдавалъ своему казаку держать на улицѣ мою лошадь. Турки, по силѣ капитуляціи, выбираясь изъ города, тогда очень присмирѣли; я былъ всегда спокойнѣе, не опасаясь быть зарѣзаннымъ или застрѣленнымъ на дворѣ. Вѣрьте, друзья мои! Это не загадка: нѣкоторые купцы въ Рущукѣ и тамошніе Жиды говорили намъ, что въ городѣ много есть молодыхъ женщинъ, которыя работаютъ и, посредствомъ добрыхъ, набожныхъ старушекъ, знакомятся; а старухи во всемъ свѣтѣ одинаковы. Вотъ мое знакомство; оно не есть романическое, и моя богиня, которой образъ столь мнѣ нравился, досталась мнѣ безъ серенадъ, безъ подземельевъ или пустаго острова, куда я брошенъ сердитой бурею и гдѣ, въ готическомъ обветшаломъ замкѣ, она томится, стонетъ и проч., но досталась случаемъ обыкновеннымъ. Черезъ нѣсколько дней сдѣлалось привычкою навѣщать ее, а послѣ необходимостію; но какъ не кстати получено повелѣніе выступить въ походъ, и должно все оставить! Возвратившись сюда черезъ два мѣсяца, я никого не нашелъ въ семъ домикѣ, кромѣ солдатъ, расположенныхъ на квартирахъ. Я старался тогда же разспросить у сосѣдовъ, но никто не понималъ про кого я говорю и что̀ спрашиваю. Я не зналъ самъ, что́ спрашивалъ и былъ смѣшонъ.

Назначенъ адъютантомъ къ генералу Гартингу.

20-го Сентября изъ Петербурга по почтѣ получено отъ нашего инспектора утвержденіе меня адъютантомъ къ инженеръ-генералъ-маіору Гартингу; и того же дня, получивъ сіе повеленіе, вступилъ я въ новую должность, принялъ всѣ письменныя дѣла и планы въ свое вѣдомство. Должность сію исправлялъ я болѣе 5-ти лѣтъ и былъ призванъ въ Петербургъ. Сіе меня разлучило съ генераломъ, но мыслями я никогда не могу разлучиться съ моимъ благодѣтелемъ: генералъ въ походахъ былъ моимъ отцемъ, въ семействѣ его я нашелъ себѣ лучшихъ

родныхъ; княгиня, мать генеральши, была ко мнѣ весьма благосклонна. Въ домѣ ихъ, въ Яссахъ, на зимнихъ квартирахъ, я пользовался всѣми удобствами и былъ содержимъ не такъ, какъ бы знакомый, но совершенно какъ родной. Вотъ при какомъ почтеннѣйшемъ человѣкѣ я почти началъ свою дѣйствительную службу и провелъ лучшіе годы моей жизни. Генералъ, по своимъ военнымъ талантамъ, занималъ важнѣйшій постъ при арміи, и я изъ-за сего былъ видѣнъ и старался имѣть хорошее знакомство.

Походъ арміи къ Никополю.

Оставивъ въ Рущукѣ сильный гарнизонъ, армія 9-го Октября выступила въ походъ до разореннаго селенія Тарсенекъ, переходъ 25 вер Другой маршъ къ рѣкѣ Янтру до селенія Чаушъ-Кіой, 20 верстъ.

Авангардъ расположился по той сторонѣ Янтра въ превосходнѣйшей позиціи.

Рѣка Янтръ течетъ въ крутыхъ горахъ извилинами, берега ея каменисты и покрыты лѣсомъ; мѣста отъ Рущука по мѣрѣ приближенія насъ къ Янтру становились веселѣе.

Отъ Чаушъ-Кіой до сожженнаго предъ симъ города Систова переходъ 30 верстъ, прекраснѣйшими мѣстами, населенными деревнями, богатыми фруктовыми и виноградными садами.

Лагерь расположенъ на большой равнинѣ при Дунаѣ. Обгорѣлыя стѣны города и его замокъ, построенный на высочайшей горѣ, дѣлали сей видъ мрачнымъ; окрестная зелень въ садахъ привлекательна и для взора представляетъ противуположную картину.

Отъ Систова до крѣпости Никополя считаютъ 35 верстъ. Армія сдѣлала маршъ 25 верстъ и расположилась лагеремъ въ 7 верстахъ отъ города.

Изъ Систова посланъ отрядъ г.-м. графа Воронцова въ Малые Балканы для развѣданія непріятельскихъ силъ и для диверсіи Никополю, которой, полагали, что будетъ держаться. Воронцовъ занялъ города: Плевно, Ловчу, Сельве, съ окрестными дефилеями, и отрядъ послѣ присоединился къ арміи, съ великою добычею рогатаго скота, овецъ и верблюдовъ. Это было собрано реквизиціею, сирѣчь насильственною рукою у беззащитныхъ жителей.

Покореніе Никополя и Турно.

Главнокомандующій, подступивъ къ Никополю, послалъ къ пашѣ парламентера, требуя сдачи города, и на другой день, 16-го Октября городъ сдался, безъ потери съ нашей стороны ни одного человѣка и безъ выстрѣла. За нѣсколько дней передъ занятіемъ Никополя, проти-

вулежащая крѣпость Турно взята княземъ Вяземскимъ. Теперь, начиная отъ устьевъ Дуная, всѣ крѣпости по обоимъ его берегамъ до Виддина и минуя его до рѣки Савы, впадающей въ Дунай при Бѣлградѣ, были во владѣніи нашемъ. Оставалось на слѣдующую кампанію идти въ Балканы, проникнуть въ сердце Турецкой монархіи; но обстоятельства перемѣнились, и въ будущемъ году, при Кутузовѣ, мы принудили упорныхъ Турокъ просить мира у побѣдителей.

Описаніе Никополя и окрестностей.

16-го Октября Никопольскіе ключи поднесены главнокомандующему, и городъ занятъ. Въ тотъ же день генералъ со мною ѣздилъ осматривать крѣпость и по возвращеніи въ прежній лагерь отъ его превосходительства даны повелѣнія инженернымъ офицерамъ снять его и противулежащую крѣпость Турно съ устьемъ рѣки Алты, при коемъ она лежитъ. На другой день, по приказанію генерала, я ѣздилъ въ Никополь съ генералъ-адъютантомъ Уваровымъ. Крѣпость расположенія неправильнаго, эскарпъ и контръ-эскарпъ по обыкновенію Турецкому земляные, а мерлоны на батареяхъ и бастіонахъ плетневые съ дубовыми перекладами. Набережная часть отдѣлана каменной работой на извести, тутъ и комендантскій домъ Азіатской архитектуры, на ровномъ мѣстѣ и близъ его гавань, гдѣ пристаютъ грузиться суда. Самый городъ разбросанъ по крутымъ горамъ и ущельямъ, домà и часть лавокъ почти висятъ, и боишься, дабы тотчасъ не обрушились. Турки, какъ мы замѣтили, любятъ выбирать такія мѣста строиться. Улицы узки и чрезвычайной крутизны. Надъ городомъ возвышается древній готическій замокъ, который имѣетъ коммуникацію съ Дунаемъ, довольно скрытой каменной потерной со сводомъ, по которой мы принуждены были ходить наклонившись.

Къ самому городу примыкаютъ горы бѣлаго мѣлу, неимовѣрной высоты. Я не былъ въ Швейцаріи; но случившіеся съ нами офицеры увѣряли насъ, что сіи высочайшія горы столько же высоки, какъ и нѣкоторыя въ Швейцаріи. По крайней мѣрѣ возвышенія, на коихъ лежитъ Кіевъ, не составятъ одной трети противу Никопольскихъ высотъ. Какъ величественна, какъ прекрасна, казалась намъ картина сія; какъ разнообразно изобрѣла натура свои перемѣны, чтобы удивить или нравиться человѣку. Я былъ изумленъ; мы всѣ въ сравненіи высотъ, прилегающихъ къ живописному городу, были маленькія насѣкомыя или не составляли ничего! На правой сторонѣ города, по ровнымъ, богатымъ лугамъ течетъ извивающаяся рѣка Осьма, которая въ Никополѣ своими водами, столь привлекательными, соединяется съ шумнымъ и быстрымъ Дунаемъ.

Лѣвѣе отъ города, саженяхъ въ полутораста, въ мѣловой висящей, можетъ быть, нѣсколько столѣтій скалѣ, находится въ пещерѣ, изсѣченной руками человѣческими, церковь; сюда приходили истинные сыны религіи молиться Творцу; здѣсь, въ объятіяхъ вѣры, находили они отраду и утѣшеніе въ несчастные дни гоненія христіанъ; можетъ быть, здѣсь спасались невинныя жертвы отъ смерти лютой и всеобщаго врага нашего счастія и спокойствія. Это чудовище я назову фанатизмомъ.

По крайней мѣрѣ древность сей церкви священна. Генералъ Уваровъ и множество офицеровъ были всѣ удовлетворены сколь симъ случайнымъ для насъ отысканіемъ, столь и предметомъ нынѣ изглаженнымъ изъ памяти нашей, то есть взаимной враждой народовъ отъ разности вѣръ, волновавшей умы народовъ происками духовенства. Я оставилъ сіи мѣста съ воспоминаніемъ пріятнымъ. Прощай, Никополь! Прощайте, прелестныя окрестности, и мѣловыя горы, и рѣка Осьма, и церковь посвященная столь дивно истинному Богу природы! Вы пережили множество неизмѣримыхъ вѣковъ, переживете и мой вѣкъ; но я васъ всегда помню, и самое время не изгладитъ васъ изъ моей памяти. Воображеніе мое отвлекло меня отъ исторіи. Близъ Никополя еще въ 1396 году христіане были разбиты Турками. Тому уже прошло 420 лѣтъ *), и магометане еще пользуются плодами своихъ завоеваній. Въ Никополѣ оставленъ гарнизонъ и учреждена переправа съ Валахіею.

Выступленіе арміи на зимнія квартиры.

Побѣдоносная армія получила повелѣніе идти обратною дорогою къ Рущуку и оттуда на зимнія квартиры по росписанію. Обратный маршъ былъ прежнею дорогою на Систовъ, Чаушъ-Кіой и Тарсенеки.

Осень была прекрасная; но ночи сдѣлались чувствительно холодны, и мы почти всегда сколь тяжело переносили днемъ жаръ, столь же трудно было согрѣваться подъ палатками въ холоднѣйшія ночи. Трудолюбивые Булгары работали въ своихъ садахъ вино, встрѣчали насъ, подчивая зрѣлымъ виноградомъ. Видя, какъ разработываютъ вино, я смотрѣлъ всегда съ непріятностію на голыя ноги, коими топчатъ ягоды въ кадкахъ; вино молодое мнѣ также не нравилось, но за то сколь пріятенъ вкусъ всякаго стараго вина, когда подадутъ его на столъ дружескаго обѣда, или лучше сказать: старое вино также вкусно и пріятно, какъ молодыя женщины, а молодое я сравниваю со старухами вкусомъ и здоровьемъ. Изъ Тарсенекъ выступили въ походъ въ Рущукъ, надѣясь, что тамъ нѣсколько обогрѣемся отъ лагерной жизни и даже забудемъ ее.

---

*) Сличи выше, стр. 329, примѣчаніе. П. Б.

Тріумфъ главнокомандующаго.

Подъѣзжая въ должномъ порядкѣ къ мѣсту, гдѣ занятъ лагерь для главнокомандующаго и уже поставлены его палатки, мы были встрѣчены знатнѣйшимъ Булгарскимъ духовенствомъ; митрополитъ, почтеннѣйшій старецъ, вышелъ изъ города пѣшкомъ, предшествуемъ юношами, одѣтыми въ бѣлое платье, каждый изъ нихъ имѣлъ масличную вѣтвь и бросалъ цвѣты подъ ноги главнокомандующаго. Графъ былъ изумленъ сею нечаянностію. Старецъ-митрополитъ, на открытомъ полѣ, окруженный полками храбрыхъ, повелѣваетъ, и народъ воспѣлъ кантаты въ честь побѣдителей! Мы восхитились, и слезы полились невольно изъ очей каждаго. Эхо далеко повторялось въ горахъ; митрополитъ велитъ окончить пѣніе, съ крестомъ выходитъ одинъ нѣсколько шаговъ впередъ, молится, приближается къ графу и надѣваетъ на него лавровый вѣнокъ; весь народъ произноситъ радостные клики, войска кричатъ ура, все оканчивается. Величественнѣйшая и прекраснѣйшая церемонія, какую я видѣлъ въ жизни моей! Ни одинъ военачальникъ, кромѣ графа Каменскаго, не имѣлъ такой почести отъ духовенства и народа Булгарскаго. Какой радостный и пріятный день для всѣхъ насъ! Графъ былъ веселъ и принималъ съ удовольствіемъ всѣ поздравленія о благополучномъ и славномъ окончаніи кампаніи. Замѣчено однакоже много принужденности въ его рѣчахъ и даже въ самой радости. Онъ простудился въ сей походъ и страдалъ жестоко своею болѣзнію, однако переносилъ всѣ трудности, но вскорѣ впалъ въ болѣзнь неизлѣчимую и въ цвѣтущихъ лѣтахъ окончилъ свои славные дни.

Я знаю, вы догадываетесь, гдѣ я былъ въ Рущукѣ; вы не ошибаетесь, друзья мои. Это былъ мой первый визитъ, но вмѣсто столь любезнаго мнѣ предмета, вошедши на дворъ, нашелъ квартирующихъ солдатъ, запоръ испорченъ, и въ комнатѣ удовольствій была полковая швальная. Это огорчило меня, и я долженъ былъ идти грустить къ себѣ домой. Любезные мои знакомые развеселили меня, были въ трактирѣ, шутили, смѣялись, играли, пили и разошлись. Рано поутру прислали за мной отъ генерала, который отпросился у графа въ отпускъ къ своей супругѣ. Того же дня должно было переправиться черезъ Дунай въ крѣпость Журжу и оттуда скакать на почтовыхъ прежде въ Букарестъ, а потомъ въ Яссы. Я уложилъ мой чемоданъ, распорядился о своемъ экипажѣ и былъ готовъ къ отъѣзду.

Кампанія въ Сербіи.

Графъ Цукато, генер.-маіоръ, командующій отдѣльнымъ отрядомъ въ Сербіи, былъ также счастливъ, какъ и главнокомандующій въ Булгаріи, переправился за Дунай черезъ Большой Островъ, соединившись съ Сербами, завладѣлъ укрѣпленіями: Зимна-Дуду, Бирза-Паланкой и своими искусными маневрами въ землѣ, столь невыгодной въ позиціяхъ, отвлекъ съ одной стороны силы Нисскаго паши, который шелъ ворваться въ Сербію, а съ другой—удержалъ Босняковъ. За рѣкой Дриной народъ воинственный и непримиримый враждою съ Сербами. Въ самое блистательное время кампаніи смерть похитила графа Цукато; онъ умеръ въ Гогошѣ 25 Августа. Вскорѣ послѣ смерти сего искуснаго генерала сдалась крѣпость Кладово, которая съ честію выдержала приступъ нашихъ войскъ, подъ командою ген. Исаева или, лучше сказать, ген.-адъютанта князя Трубецкаго.

Генералъ Зассъ принялъ начальство въ Сербіи и Малой Валахіи послѣ смерти графа Цукато, продолжая его распоряженія столь обдуманныя; скоро были заняты укрѣпленія Нѣготинъ, Брегово, Гургузовцы; графъ Орурктъ съ своимъ летучимъ отрядомъ взялъ штурмомъ укрѣпленіе Баню, близъ крѣпости Ниссы. Онъ соединяется потомъ съ Сербами, атакуетъ непріятеля, разбиваетъ, преслѣдуетъ его и чрезъ нѣсколько дней принуждаетъ Нисскаго пашу ретироваться, убивъ у него множество людей во время сраженія при Варваринцахъ. Быстрота и успѣхи графа Орурка на берегахъ Тимока посѣяли вездѣ ужасъ и страхъ; кажется, сими успѣхами пробудилась дремавшая Сербская храбрость; корпусъ въ Сербіи, послѣ сихъ побѣдъ, расположился въ семъ княжествѣ на зимнія квартиры.

8-го числа Ноября мы пріѣхали съ генераломъ въ Яссы. Тутъ прожили около двухъ мѣсяцевъ, въ продолженіе коихъ я былъ посыланъ съ письмами въ Букарестъ, но главнокомандующаго не видалъ по причинѣ его болѣзни, которая съ окончаніемъ кампаніи болѣе и болѣе увеличилась.

Ясская жизнь.

Въ Яссахъ я былъ принятъ во всѣхъ лучшихъ домахъ. Домъ княгини Маріолы Стурдзы былъ одинъ изъ первѣйшихъ; здѣсь я познакомился со всѣми лучшими фамиліями; съ генераломъ часто ѣздили въ собранія и на балы, куда рѣдкій день проходилъ, чтобы насъ не приглашали. Время летѣло непримѣтно: каждую недѣлю два раза былъ благородный клубъ; тамъ танцами и другими невинными забавами сокращали длинные вечера, волочились за пригожими и часто бѣсили

старухъ-кокетокъ, особенно сенаторшу Милашевичеву. Съ сихъ поръ я полюбилъ Молдаванокъ; онѣ милы и имѣютъ сколь много пріятности, столь и выразительности въ физіономіи. Мы можемъ гордиться, что сіи несравненныя женщины любили Русскихъ офицеровъ предпочтительнѣе другихъ. Одежда ихъ довольно со вкусомъ, и богатствомъ своихъ шалей; дамы Ясскія перещеголяли Русскихъ: большія охотницы украшаться бриллiантами и драгоцѣнными каменьями, что̀, кажется, у насъ не въ обыкновеніи, или отъ недостатку, или подлинно отъ того, что не въ обыкновеніи.

Путешествіе въ Бессарабію.

По повелѣнію главнокомандующаго, генералъ отправился въ Измаилъ осмотрѣть сію крѣпость, куда и пріѣхали 9-го Генваря вечеромъ. На другой день въ домѣ генерала Тучкова, гдѣ мы квартировали, сдѣлался пожаръ, при жестокомъ вѣтрѣ; къ счастію, что его потушили; хотя большая часть дома сгорѣла, но не было вредныхъ послѣдствій.

Генералъ сдѣлалъ въ Измаилѣ нужныя распоряженія: при началѣ весны немедленно приступить къ работамъ, и 14-го числа выѣхали въ Браиловъ. Я теперь ничего не скажу объ Измаилѣ; въ послѣдствіи моихъ записокъ будетъ подробно говорено о сей знаменитой крѣпости. Морозъ и вьюга были ужаснѣйшіе, не смотря, что я былъ одѣтъ тепло, промерзъ до костей; мнѣ казалось, что и кровь перестала меня грѣть; всѣ дороги занесло мятелью, и мы принуждены ѣхать по снѣговымъ глыбамъ. Напослѣдокъ наступилъ вечеръ, а мы еще не сдѣлали 30 верстъ. Лошади наши не могли тащить коляску, поставленную на сани; не оставалось болѣе, какъ ночевать въ холоднѣйшую ночь въ полѣ. Но вѣтеръ и морозъ увеличивались; гораздо болѣе въ здѣшнихъ пустыняхъ, гдѣ нѣтъ никакого жилья на 50 и 70 верстъ, сіи вьюги опасны. Однако слышимъ лай въ отдаленности; мы думали, что это лаяли собаки и слѣдовательно есть и жилье или хуторъ; но по приближеніи къ тому мѣсту оказалось, что это лай волковъ, которые, какъ намъ сказывали почталіоны, здѣсь бѣгаютъ стадами въ чрезвычайно большомъ числѣ. Я рѣшился ѣхать верхомъ до ближней почты, дабы выслать оттуда на перемѣну свѣжихъ лошадей. Верхами вмѣстѣ съ почтаремъ поскакали по озеру Ялпуху и къ полночи успѣли коекакъ добиться на станцію Табакъ. Можете себѣ представить мою радость при видѣ землянки, въ которой думалъ согрѣться и уснуть послѣ скучнаго вояжа. Я вхожу въ маленькую и душную землянку, считая себя укрытымъ отъ непогоды; но первый предметъ, встрѣтившійся моимъ глазамъ, былъ больной, блѣдный, умирающій человѣкъ; подлѣ

него на койкѣ сидѣла молодая, здоровая женщина. Надобно вамъ признаться, друзья мои, что я очень боюсь умирающихъ и мертвыхъ; это смѣшное предубѣжденіе увеличивалось еще болѣе, когда мнѣ случалось видѣть умирающихъ съ растворенными глазами, страшныя, безобразныя, отвратительныя лица. Вы скажете, что это малодушіе въ военномъ человѣкѣ; ваша правда. Я видѣлъ смерть во всемъ ея величествѣ, во всемъ блескѣ и не ужасался. 1811 года, 4-го Октября, въ 5-мъ часу вечера, подлѣ меня стоявшему канонеру Епифану Менщикову Турецкое ядро оторвало голову и меня обрызгало мозгами; я не боялся. Сколько видѣлъ убитыхъ Французовъ, сколько ихъ замерзло рядомъ подлѣ меня въ лѣсу у Молодечны во время сраженія, сколько убитыхъ товарищей пулями подъ Рущукомъ, съ которыми тогда я разговаривалъ; но я не боялся. А все же я остался большимъ и превосходнымъ трусомъ, когда доведется видѣть людей, умирающихъ на постели или уже мертвыхъ. Между тѣмъ человѣкъ, лежащій въ землянкѣ на рогожѣ, испускалъ тяжкіе вздохи и отходилъ на тотъ свѣтъ: началъ прежде стонать, потомъ ревѣть. Боже мой, въ какомъ худомъ состояніи я былъ тогда! Я хотѣлъ выбѣжать, но мятель свистѣла въ разбитое окно, и двери выхода уже были занесены снѣгомъ. Я дрожалъ, лихорадка начала меня одолѣвать. Женщина, сидѣвшая у умирающаго, все находилась въ одномъ положеніи; она хладнокровно говорила ему: «Скажи, кто тебѣ долженъ? Вѣдь ты скоро умрешь». При сихъ словахъ, не знаю отъ чего, былъ я въ изступленіи ужаса, полѣзъ на печь согрѣться, закрылъ голову шинелью и лежалъ какъ человѣкъ приговоренный къ смерти. Лихорадка мучила меня болѣе и болѣе, и я почувствовалъ по всему тѣлу холодный потъ. Я задремалъ; къ моему счастію послышались голоса почтарей: это былъ генералъ, который, подъѣхавъ на станцію, вошелъ въ сырую землянку. Онъ примѣтно удивился, взглянувъ на меня, замѣтилъ, что я вѣрно простудился и былъ желтъ и блѣденъ. Намъ немедленно согрѣли чаю, напившись коего съ ромомъ, я началъ согрѣваться и вошелъ самъ въ себя. Сидя у камина, я разсказалъ мое приключеніе о сидящей женщинѣ. Генералъ смѣялся словамъ ея: «ты скоро умрешь, скажи, кто тебѣ долженъ?»

Рано поутру погода нѣсколько поутихла, и мы отправились въ дорогу, переправились рѣку Прутъ по льду у селенія Вадулу-Исааки и на другой день къ обѣду поспѣли въ Галацы.

Городъ построенъ во вкусѣ Турецкомъ при Дунаѣ, на мѣстѣ весьма выгодномъ, имѣетъ хорошій портъ. Онъ лежитъ между устьями рѣкъ Серета и Прута и есть одинъ пунктъ, куда обращается вся коммерція богатой Молдавіи. Отсюда обыкновенно вывозятся водою въ

Константинополь пшеница, медъ, сало, кожи, селитра, строевой и другой лѣсъ и множество разныхъ произведеній. Въ Греческомъ монастырѣ въ городѣ похороненъ Малороссійскій гетманъ Мазепа, послѣ Полтавской баталіи принятый въ покровительство Турецкаго двора. Мазепа умеръ въ отдаленности отъ отечества своего, коего онъ защищалъ независимость; онъ былъ другъ свободы и за сіе стоитъ уваженія потомства. Послѣ его удаленія изъ Малороссіи, жители ея потеряли свои права, столь священныя, которыя Мазепа долго защищалъ съ свойственною каждому патріоту любовью и горячностью. Его не стало, и имя Малороссіи и ея храбрыхъ казаковъ изгладилось изъ списка народовъ, хотя не великихъ числомъ, но извѣстныхъ своимъ существованіемъ и конституціей. Теперь богатая Малороссія составляетъ на ряду съ прочими двѣ или три губерніи; но это общій удѣлъ государствъ и республикъ: стоитъ только заглянуть въ политическую исторію націй. Кромѣ другихъ добродѣтелей, Мазепа былъ другъ наукъ: онъ увеличилъ въ Кіевѣ академію въ Братскомъ монастырѣ, который имъ возобновленъ и украшенъ, снабдилъ ее библіотекою и рѣдкими манускриптами. Однако основатель академіи и многихъ церквей и человѣколюбивыхъ заведеній ежегодно исправно проклинается въ Воскресенье первой недѣли Великаго поста, вмѣстѣ съ Стенькою Разинымъ и иными ворами и разбойниками. Но какая разность! Послѣдній былъ разбойникъ-святотатецъ, Мазепа—просвѣщеннѣйшій, человѣколюбивѣйшій человѣкъ, искусный полководецъ и повелитель вольнаго, слѣдовательно, счастливаго народа. Я слушалъ сію гнусную церемонію въ Кіевѣ, которую совершаетъ митрополитъ съ архіереями и всѣмъ духовенствомъ, совершенно съ пренебреженіемъ имени нашей церкви.

16-го Генваря, вечеромъ, пріѣхали въ крѣпость Браиловъ. Генералъ на другой день далъ нужнѣйшія приказанія о работахъ. Я смотрѣлъ обширные ретраншаменты, окружающіе городъ и крѣпость. Внутри ея былъ каменный замокъ, который прошедшею зимою отъ неосторожности весь взлетѣлъ на воздухъ. Инженерные офицеры должны были осмотрѣть казематы и пороховые погреба; они вошли въ одинъ изъ оныхъ съ фонаремъ; вдругъ раздался ужасный трескъ, замокъ взлетѣлъ весь на воздухъ, и никого не стало. Настоящія причины сего несчастнѣйшаго происшествія покрыты вѣчною тайною. Всѣ погребены въ развалинахъ камней. Крѣпость Браиловская не важна, ретраншаменты слабой профили; но извѣстно, что цѣлая наша армія была отбита отъ приступа съ большою потерею. Турки превосходно защищаются.

Генералъ, получивъ письма изъ Яссъ по своимъ дѣламъ, поѣхалъ туда на самое короткое время, приказавъ мнѣ поспѣшнѣе отправиться въ главную квартиру и дожидать его тамъ. Нѣтъ, друзья мои, мнѣ не такъ легко было разставаться съ Браиловымъ: здѣсь я нашелъ добрыхъ армейскихъ знакомыхъ, которые меня удерживали и, не краснѣя скажу, что обвороженъ былъ прелестьми Авдотьи Ивановны Сазоновой, у коей мужа мы и обѣдали. Это была первая Русская дама, съ которой я имѣлъ удовольствіе познакомиться въ Молдавіи и которая такъ сильно подѣйствовала на меня; я уже страстно любилъ ее и, кажется, не могъ скрыть передъ миловидной и пріятной Московкой моихъ чувствъ, и вмѣсто курьерской ѣзды я походилъ на тяжелую почту и провелъ самые прекраснѣйшіе дни въ моей жизни въ Браиловѣ. Несравненная женщина, нѣжная, какъ роза, была пылкаго ума и отмѣнно пріятна. Какая разница, какое несходство въ характерахъ: мужъ ея изрядной наружности, естественный флегматикъ, удивилъ меня, когда я зашелъ къ нему проститься и засталъ его въ колпакѣ. Какую смѣшную фигуру представлялъ счастливѣйшій изъ смертныхъ въ моихъ глазахъ! Но время напоминало мнѣ о моей должности, о почтенномъ генералѣ. Прощайте, Браиловскія башни, прощай милая, единственная, несравненная женщина! Генералъ, отъ котораго въ послѣдствіи не могъ я скрыть моихъ чувствъ и обстоятельства, часто заговаривалъ при дамахъ со мною и шутилъ на мой счетъ; я, какъ чувствительный любовникъ, долженъ былъ переносить и смѣялся самъ отъ души.

22 Генваря, послѣ обѣда я пріѣхалъ въ Букарестъ. Благодаря Бога, генералъ еще не возвратился изъ Яссъ потому я имѣлъ полное право обмануть его, сказавъ, что я давно уже здѣсь и что соскучился ждать его превосходительства. Квартиру для себя получилъ подлѣ генерала, на улицѣ Поду-Могушой и цѣлый день употребилъ на отдохновеніе.

Между тѣмъ, здоровье графа Николая Михайловича *) становилось часъ отъ часу слабѣе: онъ гасъ, подобно утухающей свѣчкѣ, и не было никакой надежды къ выздоровленію. Всѣ вечера до полуночи сидѣли у больнаго графа полномочный нашъ министръ при Портѣ Андр. Яков. Италинской, генералы Рѣзвой, кн. Суворовъ, Сабанѣевъ, Гартингъ и еще нѣкоторые. Какъ мнѣ казался тогда жалокъ главнокомандующій: въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, обладая многими талантами, долженъ былъ перестать жить, когда былъ нуженъ отечеству. Графъ скончался въ Одессѣ, куда его повезли лѣчиться, 4-го Маія.

*) Каменскаго. Замѣчательно, что Мартосъ ничего не говоритъ о томъ, что графъ Каменскій заболѣлъ вслѣдствіе отравы, въ чемъ былъ убѣжденъ его адъютантъ (гр.) Закревскій. П. Б.

Новый главнокомандующій.

Во время его продолжительной болѣзни, назначенъ главнокомандующимъ нашею арміею Михайло Ларіоновичъ Кутузовъ. Свиданіе ихъ было трогательно. Графъ хотѣлъ что-то говорить Михайлу Ларіоновичу, но отъ истощенія силъ и слабости ничего не могъ. Старикъ, видя болѣзненное состояніе графа, успокоивалъ его; но примѣтно, что онъ былъ сильно тронутъ и въ растроганномъ положеніи вышелъ изъ залы. Тогда же князь Аркадій Александровичъ Суворовъ-Римникскій отправился къ своей дивизіи въ Яссы и, переправляясь въ бродъ рѣку Римникъ, въ 135 верстахъ отъ Букареста, утонулъ; коляска была въ рѣкѣ, куда она спустилась, опрокинута порывистымъ вѣтромъ и сильнымъ стремленіемъ прибылой воды. Генералъ Удомъ сидѣвшій съ княземъ рядомъ въ коляскѣ, волною былъ выброшенъ на отмель и вскорѣ вывезенъ на берегъ верховыми обывателями. Съ княземъ утонулъ маленькій Турокъ, котораго онъ очень любилъ и съ которымъ они только и умерли. Странно, что стоявшій за коляской любимый князя гусаръ, не потерявъ присутствія духа, успѣлъ, всплывши, схватить князя за ногу, но къ сожалѣнію, поймавъ за ногу, стащилъ съ нея сапогъ. Судьба опредѣлила иначе. Ночью рѣка Римникъ прибыла гораздо болѣе отъ шедшаго дождя, на вершинѣ ея въ Карпатскихъ горахъ, но къ утру сбыла, и найдено тѣло погибшаго князя, болѣе половины занесенное пескомъ и иломъ. Друзья мои! Это та самая рѣка и почти самое то мѣсто, гдѣ старикъ Суворовъ выигралъ столь славное Римникское сраженіе, и здѣсь-то Провидѣніе назначило кончить жизнь сыну героя, подававшему большія надежды достигнуть знаній своего отца въ военномъ искусствѣ. Онъ былъ истинно добродѣтельный и храбрый человѣкъ, любимъ своими подчиненными до страсти. Величественная его наружность была одушевлена откровенностію сердца и пріятностію лица. Я пользовался отличнымъ расположеніемъ князя, часто былъ у него съ генераломъ, съ которымъ князь былъ друженъ со времени Итальянской кампаніи, находившись весь походъ при безсмертномъ отцѣ его.

Тѣло князя, со всѣми военными почестями, свойственными его сану, было похоронено въ Римникскомъ монастырѣ и послѣ перевезено въ Россію.

Вотъ стихи на смерть сего любезнаго человѣка:

«Гдѣ Славой Русскій Марсъ-Суворовъ увѣнчался
И гдѣ она клялась ему предтечей быть....
Тамъ сынъ его безвременно скончался,
Горѣвши рвеніемъ отечеству служить».

Отъѣздъ къ Днѣстру.

Получивши отъ генерала предписаніе освидѣтельствовать переправы черезъ Днѣстръ у Могилева и подъ Бендерами, я проѣзжалъ Римникъ 23-го Апрѣля и былъ на гробѣ князя. Всякій разъ, когда я бываю въ Римникѣ и переправляюсь сію рѣку, меня поражаетъ чувство соболѣзнованія о несчастной кончинѣ князя Суворова. По повелѣнію же генерала, кромѣ мостовъ, я долженъ былъ освидѣтельствовать паромы на Днѣстрѣ, наличные матеріалы, расходъ оныхъ и сочинить, что̀ будетъ стоить на сей годъ содержаніе обоихъ мостовъ и переправъ.

Время было прекрасное; исходъ Апрѣля въ Молдавіи всегда хорошъ. Все разцвѣло, поля покрыты безчисленнымъ множествомъ пасущагося скота, сады зеленѣли; дорога, простирающаяся въ оба пути болѣе 1000 верстъ, была лучшая прогулка, какую можно желать. Въ Яссахъ пробылъ я день, откуда, переправившись за рѣку Прутъ по Бендерской дорогѣ, въ 40 верстахъ отъ столицы Молдавіи, подъ крутой горой возвышается каменная колонна, поставленная на томъ мѣстѣ, гдѣ умеръ Потемкинъ. Я осмотрѣлъ мѣсто съ любопытствомъ и скопировалъ надпись, высѣченную на колоннѣ:

«Покровъ
«Имѣя твердь
«И землю одръ,
«Средь поль
«Оставилъ
«Міра такъ
«Мятежну онъ юдоль».

На противулежащей сторонѣ:
«На семъ мѣстѣ
«преставился
«князь Григорій
«Александровичъ
«Потемкинъ
«Таврической.
«1791. Октября въ 5-й день».

Переѣздъ черезъ горы, гдѣ умеръ Потемкинъ.

Окрестныя горы высоки и поразительны, на низу течетъ ручей, деревянный мостикъ, близъ его колодезь и корчма, называемая Ла-Талпъ. Мѣсто сіе именуется по Молдавански Фунду-Быкулуй. Я его проѣхалъ 27 Апрѣля, въ полдень.

Въ какомъ величественномъ уединеніи умеръ Потемкинъ! Здѣсь его послѣдніе часы не были нарушены шумностію городскихъ вѣстей или обмановъ, онъ скончалъ свои дни на лонѣ природы, видѣлъ ее блестящею. Какъ поражаетъ сіе мѣсто путника! Оно уединенно, пре-

красно, спокойно, величественно; оно создано единственнымъ, можно сказать, дабы человѣкъ, утопающій въ роскошахъ, закрывая глаза на всегда, помыслилъ о вѣчности, о безсмертіи души, о Творцѣ своемъ! Видѣвши такъ часто сіи пропасти, сіи лѣса на вершинахъ горъ, сіи луга, я вѣрю, что Потемкинъ, этотъ Валленштейнъ новѣйшаго времени, умеръ спокойно, ежели имѣлъ твердость характера и въ жизни своей былъ чистъ сердцемъ и совѣстію.

28 Апрѣля я пріѣхалъ въ Бендерскую крѣпость, гдѣ остался 4 дни и успѣлъ кончить свою порученность; въ самыя подробности не входилъ, а просилъ начальствующаго по нашей части порутчика Алексѣева доставить мнѣ вѣдомости о наличныхъ матеріалахъ; я ихъ подписалъ и, всѣ бумаги относительно моего освидѣтельствованія переправы подъ Бендерами отправивъ 1-го Маія по почтѣ въ Букарестъ, поѣхалъ въ крѣпость Тирасполь, изъ коего расположился ѣхать лѣвымъ берегомъ рѣки Днѣстра до Могилева и уже тамъ переправиться въ Молдавію. Отъѣздъ мой изъ Бендеръ былъ не очень счастливъ: отъ верхнихъ воротъ къ нижнему укрѣпленію находится крутой вымощенный камнемъ въѣздъ; кучеръ, разогнавши лошадь, послѣ не могъ удержать съ горы, лошадь удивительно какъ понесла и стала бить, кучеръ, перепугавшись, бросилъ возжи, я ее съ трудомъ могъ своротить съ повозкою на сторону и правилъ прямо на стѣну, гдѣ насъ выкинуло къ черту. Со мною сидѣлъ инженерный офицеръ Гасвицкій. Я имѣлъ честь разбить лѣвую руку о камень, а онъ ушибся гораздо крѣпче меня; но оттуда доѣхали до Тирасполя благополучно. Два дня я провелъ съ удовольствіемъ въ Тираснолѣ, познакомившись съ нашими офицерами, при сей крѣпости служащими, въ числѣ коихъ и Николай Васильевичъ Бахметевъ, мой будущій сослуживецъ, товарищъ и другъ.

Мѣста̀ здѣсь не здоровы, и бѣдность царствуетъ у обывателей. Городъ Тирасполь лежитъ въ виду Бендерской крѣпости, при Днѣстрѣ, въ 7 верстахъ отъ оной, населенъ старовѣрцами и раскольниками, которые отправляютъ свое богослуженіе въ часовняхъ.

9-го Маія отправился изъ Тирасполя на Дубосарры, Балту, Ольгополь къ Могилеву, слѣдуя по дорогѣ близъ Днѣстра и имѣя передъ собою возвышенный берегъ Молдавіи, покрытый лугами, селеніями и мѣстечками. Въ отакахъ, на Молдаванской сторонѣ былъ наведенъ пловучій мостъ въ городъ Могилевъ, я скоро осмотрѣлъ оный. Матеріаловъ въ наличности не было, сіе нѣсколько облегчило мои хлопоты; капитану Куцевичу, содержащему съ піонерною ротою ту переправу, я доставилъ экстраординарную сумму. Прошлою осенью сей мостъ былъ снесенъ сильною кригою льда, и большая часть пропала

въ семъ случаѣ; для того капитанъ Куцевичъ заимствовался въ гор. Могилевѣ бревнами, досками и другими матеріалами отъ жителей, коимъ казна должна была заплатить значительную сумму. Я долженъ былъ разсмотрѣть, но справедливость сихъ показаній лежала на совѣсти г. Куцевича; онъ выставилъ мнѣ Могилевскихъ Жидовъ, у которыхъ заимообразно браты лѣса; не вѣря ни въ чемъ сынамъ Израиля, которые формально всѣ естественные воры и плуты, я подписалъ бумаги и отправилъ къ генералу. Я такъ былъ счастливъ, что сіе представленіе принято во вниманіе и по повелѣнію главнокомандующаго ассигнованы требуемыя деньги.

Въ Могилевѣ время проводилъ отмѣнно весело, часто былъ въ клубѣ; городъ былъ наполненъ множествомъ офицеровъ, почти всѣхъ мнѣ знакомыхъ; вечера бывали у таможеннаго чиновника г. Даріенкова, который, имѣя доброе семейство, живетъ по состоянію, не роскошно, но открыто; въ его хорошемъ саду, на берегу Днѣстра, пили чай, и въ дружеской бесѣдѣ, гдѣ не было никакихъ пересудовъ или осмѣяній, вечера пролетали стрѣлою. Со мною были неразлучны артиллерійскій подполковникъ Гиршъ, поручикъ Блиновъ и любезнѣйшій Константинъ Павловичъ Сахновскій. Они меня проводили въ Молдавію, куда я отъѣзжалъ 11-го Маія, и съ тѣхъ поръ я съ ними еще не видался, а съ почтеннымъ Гиршемъ не увижусь никогда: онъ послѣ убитъ подъ Бородинымъ.

16-го числа Маія я пріѣхалъ въ Букарестъ, отдалъ всѣ нужныя бумаги генералу и опять вступилъ въ свою должность. Сія обратная дорога была чрезвычайно хороша, много встрѣчалъ проѣзжихъ знакомыхъ, время было ясное и теплое. Я нечувствительно проѣхалъ всю Молдавію и Валахію и уже опять въ Букарестѣ.

Перемѣна въ положеніи арміи.

Въ сіе время нѣкоторыя дивизіи получили повелѣніе выступить изъ Молдавіи въ нашу Польшу. Резервы наши оставались въ Бырлатѣ, Яссахъ, Стефанешти и Хотинѣ, по сему росписанію они должны подкрѣплять нашу армію, а въ случаѣ надобности и тѣ войска, которыя растянуты отъ Днѣстра къ Бресту-Литовскому. Армія подъ начальствомъ генерала Кутузова, столь ослабленная, должна была весною открыть кампанію; въ семъ предстояло главнѣйшее затрудненіе главнокомандующаго. Было предположено дѣйствовать оборонительно, или смотря по обстоятельствамъ. Слѣдовательно наша операціонная линія сама собою уничтожалась, вслѣдствіе чего Силистрія разрыта, замокъ подорванъ и городъ сожженъ, Туртукай также, Никополь еще

къ началѣ года былъ оставленъ, замокъ подорванъ и городъ превращенъ въ пламень. Мостъ у Силистріи былъ снятъ, и Дунайская флотилія подтянулась къ Рущуку, которой единственной пунктъ въ Булгаріи предположено удерживать.

6-го Іюня главная квартира выступила изъ Букареста. Всѣ дамы и знатнѣйшее дворянство провожали насъ и желали счастливыхъ успѣховъ. Но какъ можно было намъ надѣяться съ слабыми силами противиться Туркамъ и одержать поверхность? Желаніе жителей Букареста сбылось: мы возвратились въ него по окончаніи кампаніи, побѣдивъ нѣсколько разъ силы Турецкія, и самая ихъ армія, хорошо устроенная, имѣющая отборный корпусъ Янычаровъ, сдалась военноплѣнною. Въ 16-ти верстахъ отъ Букареста въ с. Капочени, гдѣ и мостъ на рѣкѣ Аржисѣ, нагналъ насъ главнокомандующій. Генералъ не умедлилъ насъ представить главнокомандующему; старикъ былъ тогда очень вѣжливъ и любезенъ. Онъ спросилъ мою фамилію и, поднявъ свой киверъ, сказалъ ласково: «прошу познакомиться, вмѣстѣ служить будемъ». Мы тутъ же завтракали у Михайла Ларіоновича; онъ, не оставаясь болѣе, тотчасъ поѣхалъ въ Журжу, а мы въ слѣдъ за нимъ уже отправились подъ вечеръ. Въ Рущукѣ командовалъ генералъ-лейтенантъ Эссенъ 3-й. Корпусъ графа Ланжерона былъ расположенъ лагеремъ по сю сторону Дуная и 12-го числа Іюня началъ переправляться за Дунай въ противулежащій городъ. Получено извѣстіе о непріятелѣ, кавалерійскія партіи имѣли сшибки, и авангардъ поступилъ подъ начальство Войнова, отличнѣйшаго генерала.

Приготовленіе къ сраженію.

Авангардъ былъ расположенъ въ 4 верстахъ впереди Рущука, минуя сады, на мѣстѣ довольно открытомъ, гдѣ послѣ того было жаркое кавалерійское дѣло. Главнокомандующій далъ повелѣніе моему генералу отправиться въ авангардъ для избранія позиціи обще съ генералъ-квартирмистромъ Хоментовскимъ. Лѣвый флангъ былъ открытъ, его можно было обойти большою лощиною, простирающеюся около 10-ти верстъ отъ лѣса при урочищѣ Черноводы. Здѣсь отъ плѣнныхъ узнали, что верховный визирь Ахметъ-эффенди, который былъ комендантомъ въ Браиловѣ и отбилъ насъ отъ приступа, самъ при арміи, расположенной въ укрѣпленной позиціи при селеніи Кади-Кіой, въ 10-ти верстахъ отъ насъ; онъ имѣлъ при себѣ лучшихъ генераловъ и дожидалъ подкрѣпленій, дабы атаковать насъ. Вечеромъ въ отдаленности пушечные выстрѣлы возвѣстили, что ожиданный имъ сикурсъ или восемь аяновъ прибыли.

Бывшій Рущукскій комендантъ Боснякъ-Ага, Яуръ-Гассанъ, Мухтаръ-паша, Вели-паша, два сына славнаго Албанскаго Али-Паши, и сераскиръ Чапанъ-Оглу были при арміи. Верховный визирь, сражавшійся еще противу насъ при Румянцовѣ, имѣлъ превосходную конницу и артиллерію и съ сими силами вѣроятно надѣялся имѣть удачу. Наши аванпосты стояли противу Турецкой цѣпи. Ночью была принята всякая предосторожность отъ нечаяннаго нападенія. Мы сидѣли въ палаткѣ генерала Войнова, пили чай, курили трубки; разсуждаемо было о завтрашнемъ днѣ и нападеніи, которое предпримутъ Турки. Въ полночь получено отъ главнокомандующаго повелѣніе, содержаніе коего было двоесмысленно. Генералъ, оставшись въ авангардѣ, послалъ меня испросить объясненія у дежурнаго генерала Сабанѣева. Я его разбудилъ, и онъ обѣщалъ рано до свѣту самъ прибыть изъ города въ нашъ лагерь. Съ симъ отвѣтомъ я возвратился, съ трудомъ сидя на лошади: такъ сонъ клонилъ меня.

20-го Іюня, рано по утру, непріятель въ большихъ кавалерійскихъ силахъ показался. Онъ, казалось, рекогносцировалъ нашу позицію, но былъ вездѣ отбитъ и преслѣдуемъ. Когда онъ получалъ подкрѣпленія изъ своего лагеря при Кади-Кіой, по мѣрѣ того и къ намъ изъ Рущука высылались вспоможенія. Въ полдень огонь прекратился, и наша армія стала на позицію.

Расположеніе арміи было въ двѣ линіи пѣхоты. Вся кавалерія находилась въ третьей линіи, резервы въ городѣ, сзади насъ въ 4-хъ верстахъ отстоящемъ: 1-ю линіею командовалъ графъ Ланжеронъ, 2-ю г.-л. Эссенъ 3-й, всею кавалеріею г.-л. Войновъ. Правый флангъ примыкалъ къ садамъ и къ рѣкѣ Лому и былъ поставленъ довольно выгодно къ выдержанію нападенія, лѣвый поставленъ къ одной большой лощинѣ на мѣстѣ открытомъ, возвышенности командовали имъ; его было можно обойти, ударить въ тылъ, но что̀ еще опаснѣе—скрыто по лощинѣ тѣснить и во флангъ. Не было взято никакихъ мѣръ укрѣпить сіе невыгодное мѣсто, ибо уже послѣ сраженія 22-го числа главнокомандующій, нашедъ сказанный пунктъ слабымъ, назначилъ устроить одинъ сильный редутъ, который я и работалъ. Это послѣ покойника посылать по лекаря. Генералъ Гартингъ поставленъ закрывать и удерживать лѣвый флангъ, съ 7-мъ и 37-мъ егерскими полками. Во время дѣла 37-й полкъ взятъ на правый флангъ, и мы остались въ каре 7-го полка.

Армія ночевала въ сей позиціи и слѣдующее 21-е число была спокойна.

Сраженіе 22-го Іюня.

22-го числа было самое туманное утро. Турки, пользуясь имъ, атаковали насъ на лѣвомъ флангѣ, быстро прорвались между кареевъ, выдержавъ жестокій залпъ изъ ружей и опрокинули Бѣлорусскихъ гусаръ и Кинбурнской драгунскій полкъ. Въ сей несчастной атакѣ отрѣзаны въ виду нашемъ наѣздниками головы полковнику Небольсину, и у маіора Булгакова отбита пушка подполковника Кривцова 2-го. Отчаянные Турки вогнали драгунъ и гусаръ въ виноградные сады, гдѣ безчеловѣчно предавали ихъ смерти. Ужасъ посѣялся въ Рущукѣ, бѣдные жители съ безпокойствомъ принялись за оружіе и вышли на городскіе валы защищаться. Въ сіи минуты, когда у насъ происходило большое сраженіе, Турки не оставили въ покоѣ центръ и правый флангъ нашъ; но тамъ атака была ничтожная, лучше сказать они занимали нашу пѣхоту одною перестрѣлкою. Въ такомъ положеніи дѣлъ не было отъ главныхъ начальниковъ никакихъ приказаній, что̀ кому дѣлать, всѣ заимствовались вздорнымъ батальнымъ огнемъ; непріятель, господствующій полемъ битвы, спокойно рѣзалъ конницу, и тогда рѣшительность генерала Гартинга и храбрость егерей 7-го полка исторгла побѣду изъ рукъ уже кичливыхъ Турокъ. Гартингъ, не получая никакого приказанія и видя, что не время дремать, самъ собою вышелъ изъ второй линіи, и одинъ каре смѣло тронулся впередъ къ Турецкому лагерю, въ виду всѣхъ нашихъ войскъ, ведущихъ пустой ружейный огонь. Успѣхъ увѣнчалъ мудрость сего генерала. Едва мы спустились въ глубокую, но довольно отлогую лощину (гдѣ есть и мраморный фонтанъ) и стали вздыматься на гору, не смотря на усиліе непріятеля задерживать насъ и довольно сильный огонь конной артиллеріи, Турецкая кавалерія, рубившая нашу въ виноградникахъ, видѣвши, что егеря идутъ впередъ въ ихъ лагерь, немедленно сама собою обратилась въ бѣгство. Ольвіопольскіе гусары и Чугуевскій уланскій полкъ воспользовались ихъ безпорядкомъ или лучше изнеможеніемъ и живо тѣснили на плечахъ. Вся эта толпа неслась прямо на насъ; ихъ крикъ, развѣвающіяся знамена, пестрота одеждъ, составили прекрасную картину для глазъ и непріятную, страшную музыку для слуха. Каре хладнокровно и славно встрѣтилъ смѣльчаковъ; въ нѣсколько минутъ навалены были груды мертвыхъ тѣлъ, и ряды ихъ совершенно разстроились. Надобно знать, что гусары и уланы, сомкнувшись, заняли уже свое мѣсто, предоставивши егерямъ управиться съ противниками.

Преслѣдуютъ непріятеля.

Главнокомандующій въ полной мѣрѣ одобрилъ искусный манёвръ генерала Гартинга и далъ повелѣніе на всѣхъ пунктахъ преслѣдовать непріятеля. Нашею кавалеріею отбито тринадцать знаменъ. Армія подвинулась впередъ верстъ на семь (откуда началъ показываться непріятельскій лагерь при Кади-Кіой), а вечеромъ ретировалась и вошла на прежнюю позицію.

Тогда только примѣтили страшныя невыгоды нашего лѣваго фланга, который ежеминутно могъ быть атакованъ по скрытой рытвинѣ. Тамъ главнокомандующій велѣлъ построить редутъ на два баталіона. Мнѣ отъ генерала до свѣту приказано исполнить то повелѣніе. Но гдѣ взять фашинъ и туровъ? Вязать и пріуготовлять ихъ было некогда, а требовались въ самоскорѣйшемъ времени. Итакъ третью ночь я не сплю! Два дня дрались, двѣ ночи и третій день употреблены за приказаніями; я отъ разслабленія не походилъ самъ на себя. На работу откомандированы наши храбрые егеря 7-го полка, и работа началась. Линіи редута трасированы въ виноградныхъ и фруктовыхъ садахъ. Скуки ради въ теплую ночь я забавлялся персиками и абрикосами, которые рвали мнѣ егеря съ деревьевъ, назначенныхъ въ рубку. Удивительное богатство фруктовъ въ Рущукскихъ садахъ, и въ военное время созрѣлые плоды такъ и пропадали на своихъ вѣтвяхъ. Одежду редута я сдѣлалъ изъ рубленныхъ виноградныхъ кустовъ, они замѣнили фашины и были очень прочны. Къ разсвѣту редутъ конченъ, я поѣхалъ въ каре донести генералу; съ трудомъ, сквозь зубы, могъ я пересказать, какимъ образомъ устроенъ редутъ, отказался отъ завтрака и, завернувшись плащемъ, бросился на земь. Вечеромъ разбудили меня мои душевные пріятели Степанъ Герасимовичъ Соболевскій и князь Оболенскій. Я не вѣрилъ, чтобы лѣтній день былъ такъ коротокъ, но заходящее солнце за лѣсъ и заревые выстрѣлы въ Турецкомъ лагерѣ доказали истину ихъ словъ. Поздно вечеромъ главнокомандующій ѣздилъ осматривать мою работу, былъ доволенъ и подарилъ егерямъ 20 червонныхъ. Я льстился, что за два сраженія, гдѣ былъ употребленъ въ самыя опаснѣйшія мѣста, за устроеніе полевыхъ укрѣпленій, буду награжденъ лучше армейскихъ офицеровъ, съ которыми находился вмѣстѣ; но вы увидите, что я ошибся: былъ помѣщенъ какими-то метафизиками Лейбницевой системы на ряду козачьихъ офицеровъ, спокойныхъ зрителей прошлыхъ дѣлъ, и награда моя состояла только въ благоволеніи.

По 24-е число не было никакихъ перемѣнъ въ нашемъ расположеніи: Турки были смирны и насъ не трогали; передніе форпосты дѣлали разъѣзды, содержали цѣпь, а мы жили на бивуакахъ подъ открытомъ небомъ. Гроза висѣла надъ головами сражающихся сторонъ.

Сожженіе Рущука и ретирада арміи.

25-го рано поутру получено повелѣніе главнокомандующаго оставить нашу позицію и всей арміи ретироваться въ городъ, куда мы и выступили немедленно. Жителямъ предоставлялось, не теряя времени, съ семействами и пожитками своими перебираться на ту сторону въ Валахію. Городъ было должно зажечь, цитадель, Янычарскія казармы и каменный магазейнъ подорвать. Я не описываю сего трогательнаго зрѣлища, ни бѣгства Булгаръ изъ своихъ домовъ; они бросили ихъ на жертву пламени; изъ сихъ несчастливцевъ множество больныхъ, которыхъ было прибрать некому, также сгорѣло. Упорные Армяне никакъ не хотѣли оставить Рущукъ; имъ объявлено, что ихъ кварталъ будетъ зажженъ первый, всѣ они единогласно пожелали лучше сгорѣть, чѣмъ удалиться; ихъ желаніе было удовлетворено. Такъ прошли 24, 25 и до полдня 26 числа. Народъ обширнаго, цвѣтущаго города волновался, сбирался шумно на улицахъ и, кажется, судя по ихъ лицамъ, имѣлъ столько къ Русскимъ довѣренности, что не вѣрилъ нашему гибельному предпріятію. Но война имѣетъ свои законы, они вредны въ частномъ, но полезны въ общемъ; они безчеловѣчны, опустошительны, они мараютъ достоинство человѣка, сего совершеннѣйшаго изъ тварей созданія, но законы сіи необходимы, и такъ покоримся необходимости! Скоро наступили проклятія Болгаръ, на насъ изливаемыя. Они правы, думалъ я, совершенно правы; ихъ блѣдныя лица, плачъ ребятъ, крикъ женъ и стоны старцевъ, коихъ поспѣшно волокли къ мосту, были предметы, приводящіе въ ужасъ желѣзныя сердца.

26-го вечеромъ, всѣ матеріалы жечь городъ пріуготовлены, и сдѣлано распоряженіе, какимъ образомъ отступятъ полки, занимающіе городскіе валы. Къ сему несчастію и къ суматохѣ, обыкновенно бывающей на пожарахъ, солдаты, которымъ назначено класть сожигательныя вещества, вмѣсто порядка, бросились первые грабить, отбивать лавки и все, что̀ только попадалось имъ на глаза; они другъ передъ другомъ торопились скорѣе напиться. Пьяный солдатъ всегда дерзокъ и опасенъ. Ихъ стращали, уговаривали, но никто не слушался: продолжали грабительства, и сладить не было возможности. Скоро армія стала оставлять Рущукъ и потянулась черезъ мостъ. На-

ступила темная ночь, и мгновенно городъ вспыхнулъ въ разныхъ мѣстахъ. Величественныя Янычарскія казармы, на каменныхъ терассахъ возвышающіяся предъ всѣми строеніями, загорѣлись первыя; цитадель и магазейнъ взлетѣли на воздухъ. По безпорядку пьяной, зажигательной каманды, нѣкоторыя улицы загорѣлись прежде, чѣмъ успѣли пройти полки, и люди пробѣгали въ пламени. Пожаръ увеличивался болѣе и болѣе; мы перешли послѣдній понтонный мостъ, который тотчасъ былъ снятъ, и очутились на противулежащей сторонѣ. Какое разительное зрѣлище видѣть пылающій городъ! Зарево играло въ спокойномъ Дунаѣ. Картина ужаснѣйшая; все было тихо, сверкающіе пламенные столбы восходили клубомъ къ верху и мало-по-маку сливались съ густыми, багровыми облаками. Наконецъ, изъ всего Рущука версты на четыре составилась одна горящая масса; гибельное пламя, подобно быстрому потоку, все уничтожало и гдѣ предстояло больше препятствій, тамъ являлось больше свирѣпства. Черезъ нѣсколько часовъ вспыхнули лавки, зарево увеличилось, увеличился трескъ и громъ, и самъ Дунай началъ пѣниться. Я закрылся плащемъ, сошелъ на самый берегъ и прислонился къ одному большому якорю, теперь вытащенному отъ понтоннаго моста. Въ сіе время главнокомандующій, при свѣтѣ пожара, сидѣлъ по близости моста на барабанѣ. Полки въ безпорядкѣ бѣжали мимо его, онъ былъ недоволенъ своею ретирадою, онъ думалъ и говорилъ, что наши пушки брошены въ Рущукѣ,—предлогъ совсѣмъ неосновательнаго страха. Скоро старикъ вышелъ изъ себя; его оскорбительныя слова гр. Ланжерону, Эссену, Гартингу и всѣмъ безъ исключенія около его стоящимъ генераламъ были чрезмѣрны. Мы видѣли, что онъ не умѣлъ владѣть собою, что̀ принесло ему въ глазахъ страшнаго множества чиновниковъ, слышавшихъ его площадныя ругательства, немного чести. Я довольно близко слушалъ происходившую комедію и скоро заснулъ между другими якорями; надобно знать, что весь прошлый день и половину ночи я ни на минуту не имѣлъ покоя, измучилъ себя и лошадь, скакавши туда и сюда по обширному Рущуку къ командамъ, такъ ли онѣ дѣйствуютъ, чтобы жечь строенія.

Главная квартира расположилась въ раззоренномъ форштатѣ крѣпости Журжи. Армія была въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ, примыкая правымъ флангомъ къ бывшему Турецкому укрѣпленію Малой-Слабодзеѣ, на мѣстѣ довольно выгодномъ. Верховный визирь стоялъ на томъ берегу Дуная немного лѣвѣе Журжи, отъ насъ внѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Корпусъ генерала Засса прикрывалъ Малую Валахію отъ нападеній Видинскаго паши. Небольшіе отряды находились противу Туртукая и Силистріи.

31-го Іюля пѣли въ Журжѣ молебенъ о побѣдѣ, одержанной 20 и 22 числъ Іюня надъ верховнымъ визиремъ Ахметомъ. Въ этотъ день пріѣхалъ изъ Петербурга адъютантъ Кайсаровъ съ разными наградами. Главнокомандующему пожалованъ государевъ портретъ съ бриллiантами, моему генералу бриллiантовая шпага за храбрость, всѣмъ офицерамъ отъ его рекомендованнымъ ордена, кромѣ артиллерійскихъ и меня; надобно знать, что мы были точно тамъ, гдѣ и первые. Намъ дали благоволеніе (терминъ, думаю, техническій); хотя оно по своему свойству и прибавляетъ мнѣ годъ службы, но я, чувствуя себя достойнымъ получить другую болѣе значущую награду, былъ крайне огорченъ и не ходилъ на молебенъ. Признаться, что было весьма непріятно быть выкинутымъ какимъ-нибудь аудиторомъ или, еще хуже, скврнымъ писаремъ или, еще хуже, пьянымъ дежурнымъ генераломъ, врагомъ Гартинга, у коего я служилъ, но которому онъ самъ лично не могъ мстить. Здѣсь помѣщаю повелѣніе, мною полученное при объявленіи высочайшаго благоволенія.

Господину адъютанту, инженеръ-подпоручику и кавалеру Мартосу.

Августа 8 дня 1811 года, № 501. Крѣпость Журжа.

Господинъ главнокомандующій, генералъ отъ инфантеріи и кавалеръ Голенищевъ-Кутузовъ, приказомъ, отданнымъ сего Августа 4-го, за № 106, далъ знать всѣмъ войскамъ Молдавской арміи, что по засвидѣтельствованію его высокопревосходительства,Государь Императоръ, между прочими чиновниками, ознаменовавшими себя мужественными подвигами и храбростію въ сраженіяхъ противу Турокъ, въ 20 и 22 дни Іюня, сего года, за Дунаемъ, въ Булгаріи, въ 4-хъ верстахъ впереди крѣпости Рущука бывшихъ, изволилъ объявить вашему благородію монаршее благоволеніе, сего же года Іюля въ 19 день. О каковой высочайшей наградѣ, васъ, съ удовольствіемъ моимъ извѣстить честь имѣю. Подписано инженеръ-генералъ-маіоръ Гартингъ.

Генералъ замѣтилъ мое неудовольствіе, сколь я ни старался скрыть. Нечѣмъ было пособить; но скоро опять откроются безпрестанныя сраженія, и я совершенно буду развлеченъ.

Бездѣйствіе великаго визиря весьма подавало поводъ къ догадкамъ; но никто не полагалъ, чтобы Турки осмѣлились перейти Дунай: ибо можно воспрепятствовать ихъ переправѣ всюду, гдѣ бы они ни хотѣли. Пріуготовленія ихъ продолжались два мѣсяца.

Дѣйствія Турокъ противъ генерала Засса.

21-го Іюля, Измаилъ-бей съ 20 тысячнымъ корпусомъ перешелъ Дунай въ полуторѣ верстахъ выше Видина, въ Малую Валахію, противу генерала Засса и 22 числа старался ворваться внутрь провин-

ціи, но былъ отбитъ. Онъ укрѣпился 5-ю редутами на острову, отдаленномъ отъ лѣваго берега Дуная болотами и тростникомъ. Измаилъ-бей, занявши сію позицію, согласовался съ движеніями верховнаго визиря, перешедшаго Дунай 28-го Августа въ виду нашей арміи, выше Рущука, въ 3-хъ верстахъ, на островъ Малую-Слободзею.

Переправа визиря въ виду арміи черезъ Дунай.

Съ 27-го на 28-е ночью непріятель перешелъ Дунай. Главнокомандующій по утру далъ повелѣніе атаковать перешедшихъ Турокъ; найдено, что они уже успѣли окопаться ретраншаментами, слѣдовательно, все опоздано и потеряно. Они встрѣтили наши колонны сильнымъ огнемъ. Генералъ Булатовъ дрался съ своимъ отрядомъ; скоро онъ замѣтилъ многочисленность Турокъ и невыгоду своего положенія, увидѣлъ невозможность, или лучше, нелѣпость удерживать переправу, когда уже она хитро безъ его согласія приведена въ дѣйствіе. Непріятель дѣйствовалъ въ разсыпную въ густой лозѣ, батареи съ противулежащихъ высотъ защищали его и выхватывали рядами нашихъ. Булатовъ употребилъ въ дѣло всѣ резервы, но это была жертва людей. Къ стыду послали нѣсколько орудій въ камыши, тогда отчаянные Турки бросились на артиллеристовъ, вырѣзали ихъ кинжалами и отняли одну пушку Черемисиновой роты; артиллерійской поручикъ Соколовъ изрубленъ въ сей атакѣ. На лѣвомъ нашемъ флангѣ дѣла происходили не лучше праваго и центра атакующаго корпуса. Полковникъ Жабокритскій съ своимъ Старо-Ингерманландскимъ полкомъ принужденъ былъ ударить въ штыки. Сей храбрый офицеръ неустрашимо бросился на непріятеля; но два баталіона, при коихъ онъ находился, были окружены превосходными силами, солдаты отступили; тогда Жабокрицкій устраиваетъ ихъ; онъ идетъ впередъ, съ знаменемъ въ рукахъ, сильно вторгается въ толпы устрашенныхъ Турокъ и погибаетъ. Ему отрѣзана голова, и отбито знамя. Это единственный трофей, коимъ могутъ гордиться Турки: со временъ Петра, воюя съ нами, они никогда не пріобрѣтали знаменъ Русскихъ.

Генералъ Булатовъ находился въ самомъ критическомъ положеніи; онъ потерялъ множество людей убитыми и ранеными. Нѣсколько разъ присылалъ онъ адъютантовъ съ донесеніями главнокомандующему о невыгодѣ мѣста, гдѣ дрались наши почти въ разсыпную въ густыхъ камышахъ, имѣя передъ собою всю непріятельскую армію. Булатова отрядъ могъ быть весь выбитъ непріятельскою артиллеріею, осыпавшею его со всѣхъ сторонъ ядрами и гранатами. Вскорѣ генералъ Булатовъ потребовалъ себѣ подкрѣпленія. Адъютантъ его донесъ

главнокомандующему, но, не получая резолюціи, осмѣлился напомнить объ опасности дравшагося отряда. Въ числѣ другихъ мнѣ тогда случилось стоять подлѣ Кутузова палатки; старикъ былъ взбѣшенъ и гнѣвно возразилъ адъютанту: «скажи Булатову, что мнѣ негдѣ взять ему сикурса, а что я пошелъ спать!» Слова неприличныя предводителю арміи. Мы удивились его безпечности или равнодушію, видѣли на дѣлѣ ошибки его; но осмѣлился ли кто подать видъ, что примѣчаетъ ихъ? И къ чему бы послужили толки молодыхъ, неопытныхъ офицеровъ?

Однакоже немедленно положено было избрать лагерное мѣсто на Букарестской дорогѣ, отсюда верстахъ въ 16-ти. Журжинской гарнизонъ усиленъ тремя баталіонами, изъ чего и догадывались, что главнокомандующій имѣетъ въ предметѣ отступить. Между тѣмъ на берегу рѣки происходило жаркое сраженіе, и пушечный и ружейный огонь все болѣе и болѣе усиливался.

Генералъ Булатовъ, сообразивъ всѣ свои невыгоды и видя, что онъ оставленъ дѣйствовать безъ всякой цѣли или плана, что старшіе генералы, графъ Ланжеронъ и Эссенъ 3-й, были въ 3 верстахъ отъ мѣста сраженія на однихъ высотахъ, отступилъ самъ собою, и сіе онъ сдѣлалъ весьма благоразумно. Непріятельскія батареи, расположенныя на ближнихъ горахъ, открыли сильный огонь по нашей разстроенной пѣхотѣ и довершили ея пораженіе.

Такимъ образомъ, Турецкая армія перешла черезъ Дунай боемъ, въ виду нашей, разбила ее на всѣхъ пунктахъ, взяла знамя и отбила одну пушку. Наша потеря 28-го Августа простирается болѣе 2000 человѣкъ; къ сожалѣнію лучшіе офицеры всѣ переранены. Турки скоро окопались обширнымъ ретраншаментомъ, украсили его своими знаменами и отрѣзанными Русскими головами и вечеромъ по обыкновенію страшнымъ крикомъ молились Богу. Мы не знали, что̀ съ нами будетъ и были не больше, какъ зрителями ихъ радости и восхищеній.

Но не то слѣдовало Туркамъ дѣлать. Они не должны были ограничиться одною переправою: имъ слѣдовало тотчасъ самимъ атаковать насъ. Тогда бы несомнѣнна была ихъ побѣда.

28-е Августа ничего не было предпринято отъ непріятеля; онъ продолжалъ окапываться.

Главнокомандующій послѣ неудачнаго дѣла рѣшился вторично атаковать Турокъ въ ихъ окопахъ. 16 баталіоновъ, 29-го передъ разсвѣтомъ, должны взять штурмомъ укрѣпленіе и лагерь, а въ тоже время 12 баркасовъ должны бичевой пройти мимо Рущука, къ самымъ непріятельскимъ ретраншаментамъ и сжечь всѣ ихъ перевозныя суда и лодки. Тогда, будучи отрѣзанными, они бы принуждены были сдаться.

Впрочемъ, кто знаетъ будущее? Часто одинъ случай, часто одно отчаяніе вѣнчаетъ успѣхомъ сражающихся. Генералъ Гартингъ, командующій тою флотиліею, отправилъ, вслѣдствіе распоряженій генерала Кутузова, меня съ приказаніями къ флотскому начальнику капитану 2 ранга Акимову, дабы привести въ исполненіе планъ главнокомандующаго. Мнѣ позволено отъ него быть въ числѣ охотниковъ на военныхъ судахъ. Будучи въ нѣскольнихъ полевыхъ сраженіяхъ, я кипѣлъ желаніемъ сразиться на водяной стихіи, и мое намѣреніе, благодаря судьбамъ казалось, мнѣ, теперь достигло своей цѣли.

Проходъ флотиліи подъ пушками Рущука.

Вскорѣ по пробитіи зари въ Журжѣ, флотилія тронулась; я сидѣлъ въ авангардѣ съ капитаномъ Акимовымъ; къ разсвѣту довольно благополучно успѣли пройти Турецкіе отводные караулы, батареи ихъ, а послѣ и самый Рущукъ; сначала темнота ночи, а послѣ густой туманъ благопріятствовали намъ. Къ полночи мы страшнымъ образомъ перезябли, особенно я отъ непривычки къ водѣ весь передрогъ; скоро посредствомъ грока старикъ Акимовъ вывелъ меня изъ столь скучнаго положенія. Мнѣ было стыдно, дабы матросы не причли трусости это дрожаніе, которое, какъ думаю, дѣлало изъ меня не очень пріятную фигуру. Туманъ все становился гуще, это значило скорый разсвѣтъ; уже начали показываться огни въ Турецкомъ лагерѣ, сдѣлались слышны голоса часовыхъ, мы были въ маленькой верстѣ отъ ихъ главныхъ ретраншаментовъ. Тотчасъ на маленькой лодкѣ мы съѣхали на берегъ и, по счастію, почти наткнулись на казачій пикетъ. Здѣсь казаки сказали намъ, что вмѣстѣ съ ними была и егерская цѣпь, но она снята, что никакой пѣхоты по близости нѣтъ, что она отступила на возвышенія въ $3^1/_2$ верстахъ отсюда и что они имѣютъ приказаніе съ разсвѣтомъ уѣхать въ лагерь. Сіе извѣстіе совершенно было противно тому назначенію флотиліи, за чѣмъ она послана къ Турецкому лагерю; оно оставило насъ въ ужасной неизвѣстности на счетъ самихъ насъ. Ежели отступить, то, проходя по Дунаю, должно намъ выдержать огонь съ набережныхъ укрѣпленій; ежели здѣсь остаться, тогда Турки могутъ подвести свои пушки на самый берегъ и принудятъ баркасы отойти, перебьютъ и изранятъ премножество людей, перепортятъ суда и снасти.

Между тѣмъ казаки уѣхали въ лагерь, стало на горахъ виднѣть, и прояснѣвшее утро указало Туркамъ наши суда. Можете себѣ представить ихъ неожиданность, ихъ пронзительные крики, которые я еще и теперь будто слышу, ихъ безпокойство; они большими толпами опро-

метью прибѣжали на берегъ, засѣли въ камышѣ и производили ружейную пальбу. На нашемъ суднѣ убито 4 и ранено 6 человѣкъ. Капитанъ 2 ранга Акимовъ, видя невозможность удержаться, будучи подъ градомъ выстрѣловъ изъ ружей и пушекъ, далъ сигналъ спуститься въ свою прежнюю позицію ниже Журжи. На обратномъ проходѣ нашемъ насъ проклятые Турки изрядно провожали; нѣсколько ядръ попало въ мачту и закидало насъ щепами. Одинъ баркасъ въ виду Рущука сѣлъ на мель; экипажъ и артиллерія были свезены съ него, а ночью и онъ стащенъ.

Сія неудачная экспедиція намъ была досадна. Если бы главнокомандующій не перемѣнилъ своего плана, наша бы флотилія тогда сожгла всѣ перевозныя суда; сіе славное дѣло вѣрно наградило бы насъ.

Въ положеніи переправившихся Турокъ не было примѣчено никакихъ перемѣнъ; они упустили самое дорогое время воспользоваться своею побѣдою, надъ нами 28-го числа одержанною, и переправа ихъ черезъ Дунай, въ виду неприятельской арміи, какъ сказать, потеряла всю цѣну; тогда трудно было Ахмету достигнуть своей цѣли, безъ коей никто не воюетъ. Турки безпечно сидѣли въ своихъ ретраншаментахъ; у насъ, напротивъ того, была совершенная противуположность. Ошибки столь непростительныя 28-го числа были исправлены; главнокомандующій отбросилъ свое лѣнивое бездѣйствіе, лагерь нашъ укрѣпленъ редутами, выстроенными на мѣстахъ выгодныхъ, кои могли остановить на всѣхъ пунктахъ Турокъ, ежели бы они хотѣли пробиваться въ Валахію. У насъ на правомъ флангѣ находился высокій курганъ, неприятели упустили занять его; мы упредили ихъ и, сдѣлавши имъ сію вѣжливость, въ одну ночь поставили сильную батарею съ ложементами. Она всегда со вредомъ анфилировала часть ихъ лагеря.

Вслѣдствіе расположенія Турецкаго лагеря наша армія раздѣлилась на три корпуса:

1. Въ центрѣ находились главнокомандующій, графъ Ланжеронъ и генералъ Эссенъ 3-й.

2. На правомъ флангѣ генералъ Булатовъ.

3. На лѣвомъ флангѣ генералъ Гартингъ. Онъ командовалъ Якутскимъ и Колыванскимъ пѣхотными полками, баталіонами 39-го егерскаго полка, Лифляндскимъ драгунскимъ полкомъ и Дунайскою флотиліею.

Центръ занималъ возвышенія правѣе Слободзейскаго укрѣпленія, разстояніемъ до трехъ верстъ отъ главнаго Турецкаго лагеря. Правый флангъ подвинулся гораздо ближе, а нашъ лѣвый находился въ 170 саженъ отъ ретраншаментовъ, защищая флотилію съ береговой

стороны. Ночью же всегда отступали на двойную дистанцію. Мы были весьма непріятны Туркамъ, и сами часто выдерживали ихъ жестокій огонь.

Сраженіе 23-го Сентября.

23-го, Турки, желая прикрыть свой лѣвый флангъ и выиграть болѣе земли для фуражированія, сдѣлали вылазку къ нашему кургану, весьма въ большихъ силахъ, подъ прикрытіемъ пѣхоты и артиллеріи, и стали работать отдѣльное укрѣпленіе отъ своего главнаго ретраншамента. Подъ вечеръ они были открыты въ прегустой лозѣ. Генералъ Булатовъ съ 7-мъ егерскимъ полкомъ ударилъ въ штыки, обратилъ пѣхоту въ бѣгство и взялъ штурмомъ редутъ, почти оконченный. Давно Русскіе не дѣлали столь прекраснаго дѣла: 600 человѣкъ храброй Албанской пѣхоты при семъ случаѣ заколото егерями, множество потоплено въ Дунаѣ.

Въ тоже время графъ Мантейфель и ген. Ланской врубились въ непріятельскую кавалерію, прикрывавшую на полянкѣ работу своего редута; Турки разбиты и преслѣдуемы до своего лагеря. Въ семъ дѣлѣ плѣнныхъ не было, ибо наши ожесточенные солдаты вовсе никому не давали пардону. Такимъ счастливымъ происшествіемъ ознаменовано 23-е Сентября. 7-й егерскій полкъ въ виду всей арміи дрался съ удивительною храбростію; кавалерія равнымъ образомъ пріобрѣла себѣ славу. Съ нашей стороны потеря маловажна: въ числѣ убитыхъ два адъютанта 7-го егерскаго полка и командиръ С.-Петербургскаго драгунскаго полка полковникъ Козыревъ.

Послѣ прогнанія Турокъ съ мѣста, гдѣ они почти кончили редутъ, по повелѣнію главнокомандующаго, ген. Гартингъ осмотрѣлъ сіе мѣсто. Онъ нашелъ его невыгоднымъ, и въ туже ночь разрыты неоконченныя линіи; убитые Албанцы складены въ ровъ и сравнены землею. Мѣсто избрано еще ближе къ Турецкому ретраншаменту, гдѣ при самомъ берегѣ предположено поставить сильный редутъ. Такимъ образомъ Турки въ своемъ лагерѣ съ нашей стороны совершенно будутъ заперты, обложенные полевыми укрѣпленіями. Долгъ умнаго генерала велѣлъ ихъ сераскиру, послѣ неудачи 23-го числа, бросить лагерь и поспѣшнѣе выиграть противулежащій высокій берегъ; но верховный визирь не зналъ предусмотрѣть своего будущаго критическаго положенія, противу коего не принялъ никакихъ дѣятельныхъ мѣръ и былъ побѣжденъ тѣми слабыми полками, кои онъ разбилъ съ толикою для себя честію на Дунайской переправѣ.

Сраженіе ночью съ 23-го на 24-е Сентября.

Съ 23-го на 24-е назначена рабочая команда для построенія редута, по близости того, который взятъ отъ Турокъ. Бѣлостокскій и Старооскольскій полки находились въ прикрытіи, также послано 200 человѣкъ пѣхоты и три эскадрона спѣшившихся драгунъ чистить и топтать высокій и очень густой камышъ, окружавшій нашъ курганъ. Въ полночь Турки сдѣлали вылазку, атаковали съ превеликимъ крикомъ наше прикрытіе. Старооскольскій и Бѣлостокскій полки и часть передовой цѣпи вдругъ бросились бѣжать; они разстроились, и ужасъ посѣялся въ темнотѣ ночи: въ глазахъ испугавшагося солдата все увеличивало его страхъ. Я находился подлѣ генерала Гинкуля, изъ предосторожности слѣзъ съ лошади и держалъ ее въ поводѣ. Огонь открылся все болѣе и болѣе. Бѣдный Гинкуль не могъ скрыть своего замѣшательства; скоро онъ потерялся; это было, какъ мнѣ сказали послѣ, первое сраженіе, въ которомъ онъ находился въ цѣлую свою жизнь, и черезъ нѣсколько минутъ онъ убитъ ружейною пулею. Полки пришли въ совершенный безпорядокъ, начали крикъ, потомъ стрѣлять, и свои били своихъ. Я бѣжалъ вмѣстѣ съ своими. Между тѣмъ наши, которые успѣли ранѣе пробраться впередъ, тамъ устроились и открыли по насъ ужаснѣйшій огонь. Тогда я примкнулъ къ нѣкоторымъ егерямъ, мы повернули въ камыши къ Дунаю и кое-какъ пробрались тропинками до укрѣпленнаго кургана. Моя лошадь при первомъ залпѣ вырвалась и на слѣдующее утро поймана въ лагерѣ.

Необычайная перепалка на правомъ флангѣ встревожила всю армію. Какъ и обыкновенно въ войнѣ бываетъ, мало-по-малу все замолкло, и скоро возстановленъ прежній порядокъ. Рано поутру я поѣхалъ къ генералу съ донесеніемъ объ окончаніи работы. Расспрашивая меня о ночномъ происшествіи, онъ далъ мнѣ замѣтить, что въ тѣхъ камышахъ, гдѣ я находился, огонь былъ чрезвычайно великъ, и полагали, что я непремѣнно долженъ быть убитымъ. Мои товарищи, не видя меня рано въ землянкѣ, также думали, что я отправленъ въ лучшій свѣтъ, и ихъ безпокойное недоумѣніе на счетъ меня я разрѣшилъ, вошедши вдругъ въ наше жилище. Я отдыхалъ все 24-е число, чувствовалъ усталость и благодарилъ Промыслъ, что покуда мнѣ не предоставлена участь генерала Гинкуля быть ни за что убитымъ.

24, 25, 26 и 27 Сентября со всѣхъ нашихъ батарей производилась сильная канонада по непріятельскому лагерю. 26-го числа ранены два егеря 39-го егерскаго полка.

Съ 28-го на 29-е ночью я строилъ батарею на восемь батарейныхъ орудій для воспрепятствованія непріятелю прохода изъ укрѣпленнаго лагеря паромами или судами въ Рущукъ.

29-го и 30-го, изъ Рущука и съ праваго берега Дуная по оной батареѣ непріятель производилъ сильную канонаду, безъ всякаго намъ вреда. Батарея была повреждена, а въ ночное время исправлена.

Главнокомандующій, желая рѣшительно кончить кампанію и принудить упорныхъ Турокъ, перешедшихъ на островъ Малую Слободзею, сдаться, назначилъ ген.-лейт. Маркова съ корпусомъ перейти на ту сторону Дуная, разбить непріятеля и такимъ образомъ отрѣзать ихъ переправившуюся армію. Сей искусный маневръ, поставившій Кутузова на ряду величайшихъ генераловъ, только одинъ помогъ къ заключенію выгоднаго мира съ Портою.

Переправа корпуса 2-го Октября за Дунай.

Съ 1-го на 2-е Октября ночью корпусъ генерала Маркова переправлялся выше насъ въ восьми верстахъ. Его полки рано показались на противулежащихъ высотахъ, опрокинули Турецкую кавалерію, и лагерь визиря взятъ безъ малѣйшей потери: нѣсколько плѣнныхъ, восемь пушекъ, визирская богатая палатка и множество оружія. Турки цѣнятъ свою потерю въ семъ лагерѣ въ 7 милліоновъ левовъ. День былъ прекраснѣйшій, наши побѣдоносныя войска на тѣхъ высокихъ горахъ закричали ура! Мы здѣсь приняли также, и въ нѣсколько минутъ вся армія, одушевляемая радостію, повторила тѣ восклицанія. Всюду было слышно ура! Побѣда! Въ Турецкомъ лагерѣ было тихо и мрачно: съ сихъ поръ счастіе оставило ихъ, они подвергнутся игралищу Фортуны.

Ошибки генерала Маркова.

Генералъ Марковъ удовольствовался взятіемъ лагеря. Ему бы слѣдовало пользоваться побѣдою и разстройствомъ непріятеля; онъ долженъ былъ быстро его преслѣдовать, ворваться на его плечахъ въ Рущукъ, послать сильныя партіи по всѣмъ дорогамъ, столь намъ знакомымъ, и тогда самъ великій визирь со всѣми чинами достался бы намъ военноплѣннымъ. Тогда бы заключенъ былъ на развалинахъ Рущука миръ блестящій и выгодный для Россіи. Я не осмѣливаюсь дѣлать сравненія дѣла у Кучукъ-Кайнарджи съ сраженіемъ здѣсь упоминаемымъ: одни и тѣже обстоятельства, кто помнитъ кампанію Румянцова, но страшная разница въ генералахъ!

Марковъ, упустивъ изъ рукъ сей драгоцѣннѣйшій случай, еще бы могъ исправить ошибку, хотя впрочемъ самую непростительную

въ генералѣ. Ему бы слѣдовало тотчасъ перейти за Ломъ и обложить Рущукъ. Турки были бы мгновенно отрѣзаны ото всѣхъ коммуникацій, и обѣ арміи заперты: одна на пустомъ острову, другая въ пустомъ городѣ. Но великія предпріятія лишь предоставлены умамъ великимъ.

Вотъ двѣ важныя ошибки, послѣ счастливой переправы осьмитысячнаго корпуса на правый берегъ Дуная.

Каре, составленное на лѣвомъ флангѣ арміи, подъ начальствомъ генерала Гартинга, дабы маскировать часть переправы нашихъ войскъ, подвинулось впередъ къ непріятельскому лагерю подъ пушечные выстрѣлы. Сраженіе было довольно сильное. Тяжело раненъ рядовой Якутскаго полка. Непріятель весь тотъ день продолжалъ канонаду на вновь построенную мною батарею, изъ коей наши артиллеристы, искусными выстрѣлами, остановили ретирующіеся въ Рущукѣ два парома и девять большихъ лодокъ, которыми и овладѣли полки корпуса Маркова.

Сію ночь къ намъ подошла Дунайская флотилія. Предметъ ея назначенія былъ отрѣзать всю водяную коммуникацію съ городомъ, для чего 3-го Октября за часъ передъ разсвѣтомъ, принимая къ Дунаю, подвинулся впередъ, отрядивъ отъ себя 100 стрѣлковъ къ самому берегу въ кустарники. Турки, увидѣвши сіе движеніе, открыли по насъ жестокій огонь. Мы стояли на 350 сажень отъ непріятельскаго лагеря и продолжали цѣлый день канонаду.

4-го Октября, флотилія изъ 11 военныхъ баркасовъ, поставлена поперекъ Дуная въ линію; дистанція взята ею столь прекраснѣйшая, что 18-ти фунтовыми картечьми стрѣляли въ средину непріятельскаго лагеря. Къ полдню у насъ началось жаркое сраженіе. Турки, собравшись въ большихъ силахъ, начали пресильную перепалку, но наша артиллерія искусствомъ и проворствомъ принудила замолчать ихъ и, кажется, оставить намѣреніе сдѣлать на насъ вылазку. Подъ генераломъ ядромъ ранена лошадь, возлѣ убитъ бомбардиръ, ранено 4 человѣка и 16 лошадей. Давно не помню я столь большаго дѣла. Съ двухъ сторонъ мы были осыпаемы огненнымъ дождемъ картечей, ядръ и пуль. Вечеромъ главнокомандующій просилъ генерала не подвергаться столь очевидной опасности; онъ присовокупилъ, что, въ случаѣ несчастнаго случая, его некѣмъ замѣнить. Это было сказано въ присутствіи многихъ генераловъ.

Съ 4-го на 5-е ночью, для лучшаго поддержанія флотиліи и демонтированія четырехъ Турецкихъ орудій, дѣйствующихъ по нашей переправѣ, я строилъ при Дунаѣ батарею съ ложементами на четыре баталіона орудій, изъ коей 5-го числа цѣлый день производилась без-

прерывная канонада, подорванъ пороховой ящикъ и демонтированы тѣ четыре орудія.

6, 7, 8, 9, 10 и 11-го производилась денно и ночно съ батарей и флотиліи сильная канонада. Сначала Турки отвѣчали намъ, но послѣ гораздо слабѣе. Мы были весьма счастливы, ибо въ сіи шесть дѣлъ ранено 2 и убито 2 человѣка.

12-го по утру въ 10 часовъ, по повелѣнію главнокомандующаго, остановлены военныя дѣйствія впредъ до повелѣнія.

12-го числа, по просьбѣ великаго визиря, заключено съ нимъ перемиріе, вслѣдствіе котораго уполномоченный отъ Порты рейсъ-эфенди съ знатнѣйшими Турецкими и Греческими чиновниками, 13-го числа въ 5-мъ часу вечера, переправился на нашу сторону Дуная къ батареѣ № 1-й и послѣ продолжали шествіе въ городъ Журжу, мѣсто назначенное для конгресса. Я смѣялся, когда полномочный министръ прежде всталъ на спину своего чиновника, въ пребогатой одеждѣ павшаго навзничь, и послѣ въ стремя и на лошадь.

Съ Турецкой стороны былъ первымъ драгоманомъ князь Мурузій *), просвѣщеннѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, какихъ я немного видѣлъ и который, дѣлая сей миръ, много дѣйствовалъ къ пользѣ Россіи. Скоро за сію привязанность онъ потерялъ жизнь. Наполеонъ, овладѣвъ Москвою, требовалъ смерти Мурузія, и онъ пожертвованъ въ угодность страшному повелителю. Таковы плоды просвѣщенія и политики! Я очень часто имѣлъ удовольствіе видѣть князя въ домѣ генерала, удивлялся его любезному характеру и глубокимъ познаніямъ. Его жена и дѣти были оставлены въ Константинополѣ, и могъ ли онъ не возвратиться къ нимъ? Съ нашей стороны на конгрессѣ присутствовали чрезвычайный посолъ Италинской, дежурный генералъ Сабанѣевъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фонтонъ и полковникъ Кайсаровъ, адъютантъ главнокомандующаго.

Послѣ переѣзда на нашу сторону Турецкихъ полномочныхъ, сношенія съ великимъ визиремъ сдѣлались весьма часты. 15 Октября отъ главнокомандующаго я былъ посланъ съ письмомъ къ великому визирю въ Рущукъ. Вышедши на берегъ, я тотчасъ былъ окруженъ множествомъ Турокъ и Запорожцевъ, которые чистымъ Русскимъ языкомъ спрашивали меня, что̀ мнѣ надобно? Я сказалъ, что имѣю къ визирю письмо, которое долженъ самъ отдать ему. Одинъ Турокъ побѣжалъ въ городъ сказать о мнѣ, а другіе между тѣмъ просили меня войти въ кофейный домъ, близъ сгорѣвшихъ янычарскихъ казармъ, и по своему обыкновенію подчивали меня кофеемъ, трубкою

*) Дѣдъ (по матери) графини Р. С. Эдлингъ? П. Б.

и зрѣлымъ виноградомъ. Скоро пріѣхалъ отъ визиря чиновникъ, разспросилъ, что̀ я за человѣкъ, и сказалъ, чтобы я тутъ нѣсколько подождалъ отвѣта. Послѣ того пріѣхалъ другой чиновникъ пожилыхъ лѣтъ. (Это былъ Мустафа-Ага, съ коимъ впослѣдствіи мы сдѣлались самыми добрыми друзьями; въ прежнюю войну онъ былъ плѣннымъ въ Полтавѣ и очень хорошо говорилъ по-русски. Старикъ обо всѣхъ дѣлахъ судилъ весьма основательно. Почти каждый день по надобностямъ Мустафа бывалъ въ нашемъ каре. Первый разъ генералъ подчивалъ его ромомъ. Турка всегда отговаривался, но послѣ, познакомившись покороче, не уступалъ въ истребленіи горячихъ напитковъ самымъ сѣвернымъ жителямъ. Онъ всегда, просивши у насъ рому или водки, прибавлялъ, чтобы давали ему изъ серебрянаго стакана, дабы мои люди этого не замѣтили, говорилъ шутливый Азіатецъ, а они очень глупы). Я объявилъ Мустафѣ, что имѣю приказаніе лично отдать письмо. Онъ поѣхалъ и, возвратившись, извинялся, что верховный визирь никакъ не можетъ теперь принять меня, что это письмо не столь важное, ибо служитъ только отвѣтомъ на посланное наканунѣ и что визирь проситъ меня взять съ собою, на нашъ берегъ, племянника главнокомандующаго Ольвіопольскаго гусарскаго полка, маіора Бибикова, который въ сраженіи 2-го Октября раненый захваченъ въ плѣнъ, а теперь размѣненъ. Скоро пріѣхалъ и Бибиковъ съ Турецкимъ чиновникомъ, довольно важной наружности, и мы всѣ вмѣстѣ сѣли въ мою лодку.

Несчастный случай.

На самой рединѣ Дуная, который здѣсь шире версты, въ лодкѣ показалась течь; ежеминутно она увеличивалась, и мы непремѣнно должны были утонуть. Матросы гребли сильно на всѣхъ веслахъ, я и Бибиковъ отливали воду, она страшно какъ хлынула въ лодку; напослѣдокъ, и спѣсивой Турка, потерявъ свою важность, присоединяется къ намъ и также отливаетъ воду. Не откудова было ждать помощи? Я никогда не забуду этой роковой минуты, когда блѣдный Бибиковъ вскричалъ, что онъ только для того избавился Турецкаго плѣну, дабы послѣ утонуть въ Дунаѣ. Мы не переставали работать и, благодаря Промыслу, скоро сѣли на мель, которая простиралась до самаго берегу. Множество любопытныхъ собрались видѣть сіе зрѣлище; офицеры съ берега что-то кричали намъ, махали руками, мы опять снялись съ мели и гребли, все держась ея. Разныя мысли колебали насъ, и кто можетъ быть въ подобномъ случаѣ равнодушнымъ? Однако вотъ и берегъ. Бибиковъ и прилежный въ опасности Турка

поѣхали въ главную квартиру, и я простился съ ними въ нашемъ каре.

На сихъ дняхъ получено изъ Петербурга извѣстіе, что я прошлаго Сентября 20-го на вакаціи произведенъ въ инженеръ-поручики съ оставленіемъ въ прежней должности. Генералъ объявилъ мнѣ вновь пожалованный чинъ 14-го Октября, на вѣрность коего я присягалъ въ крѣп. Журжѣ у полковаго священника Старооскольскаго полка.

Во время мирныхъ переговоровъ Турецкій лагерь все былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ по прежнему; наступила глубокая осень, проливные дожди, холодныя ночи, напослѣдокъ и выпалъ снѣгъ. Турки, не имѣя никакого продовольствія, ѣли лошадей, за недостаткомъ же соли, пересыпали падаль порохомъ. Скоро главнокомандующій вошелъ въ ихъ жалкое положеніе, и всякій день въ ихъ лагерь доставлялся печеный хлѣбъ. Тогда нѣкоторымъ образомъ облегчили ихъ голодъ и страданія съ нимъ неразлучныя.

Армія Турецкая взята военноплѣнною.

Переговоры продолжались съ 15 Октября по 27 Ноября. Тогда переправившійся корпусъ на островъ Малую Слободзею, подъ начальствомъ сераскира Чапанъ-Оглу, одного изъ храбрѣйшихъ военачальниковъ, положилъ оружіе и сдался военноплѣннымъ. Множество знаменъ, 56 мѣдныхъ пушекъ и весь лагерь достался побѣдителямъ; корпусъ сей обратно выпущенъ по размѣнѣ ратификацій Букарестскаго мирнаго трактата.

Главнокомандующій далъ повелѣніе генералу всѣхъ больныхъ и раненыхъ Турокъ изъ лагеря переправить въ Рущукъ, отвозомъ коихъ, числомъ до 3000 человѣкъ, занялись цѣлый день. Боже, какая трогательная картина видѣть сихъ блѣдныхъ страшилищъ! Какъ горестно было слышать ихъ всхлипиванія, ихъ прощанія съ друзьями, родными своими, ихъ наказы, повторенія, что̀ сказать у себя дома. Я скоро далеко отъѣхалъ отъ сихъ мрачныхъ сценъ, но онѣ глубоко вкоренились въ моемъ сердцѣ. Тогда въ первый разъ я почувствовалъ ужасы войны во всемъ ея блескѣ. О, Боже, думалъ я, ежели Ты справедливъ, почему допустилъ Свое совершеннѣйшее твореніе сдѣлаться хищнымъ звѣремъ, почему Ты далъ ему сердце тигра и не воззришь на тучи бѣдствій, покрывающихъ сію планету! Но судьбы Твои неисповѣдимы...

За сообщеніе этихъ Записокъ (въ спискѣ) обязаны мы Андрею Александровичу Титову. П. Б.

КЪ ИСТОРІИ ЕВРЕЙСТВА *).

XI.

Для полноты характеристики отношеній Евреевъ къ не-евреямъ приведемъ факты и данныя, которые показываютъ, какъ Евреи вообще относятся къ государственнымъ законамъ и властямъ. Мы считаемъ важнымъ полнѣе выяснить такое явленіе въ жизни Евреевъ, потому что оно настойчиво отвергалось Русскою Еврейскою печатью.

Въ ряду фактовъ, подтверждающихъ это явленіе, первое мѣсто, конечно, занимаетъ общее уклоненіе Евреевъ отъ воинской повинности. Но уклоненіе Евреевъ отъ исполненія этой самой важной обязанности жителей всякаго государства настолько извѣстно по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, свидѣтельствующимъ изъ года въ годъ о громадной цифрѣ недобора Евреевъ, что его уже перестала отвергать и Русская Еврейская печать, которая старается оправдать Евреевъ тѣмъ, что уклоняться отъ воинской повинности ихъ вынуждаетъ неполноправность и невозможность имъ сдѣлать въ военной службѣ карьеру. Потому мы и не будемъ приводить многія, записанныя у насъ оффиціальныя свѣдѣнія и извѣстія ежедневной печати въ доказательство общаго уклоненія Евреевъ отъ воинской повинности [1]), а упомянемъ только о большой шайкѣ Евреевъ-членовредителей для освобожденія преимущественно Евреевъ отъ военной повинности и службы, судившейся въ Одесскомъ военномъ окружномъ судѣ. Дѣятельность этой шайки распространялась на все пространство отъ Варшавы и Кіева до Кавказа, а число освобожденныхъ ею лицъ отъ военной службы и повинности считаютъ въ нѣсколько тысячъ [2])

Большою извѣстностью пользуется и обычай Евреевъ, поступившихъ въ военную службу, нести ее насколько возможно легче и безопаснѣе въ разныхъ нестроевыхъ должностяхъ: писарей, цирюльниковъ, музыкантовъ и

---

*) См. выше, стр. 196.

[1]) Газета «Свѣтъ» составила слѣдующій длинный списокъ способовъ такого уклоненія Евреевъ: подлогъ документовъ, удостовѣряющихъ личность и лѣта; подкупъ лицъ, отъ которыхъ зависитъ оцѣнка годности новобранцевъ къ службѣ; подделка зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій; приписка подлежащихъ призыву къ семьямъ бездѣтныхъ Евреевъ; укрывательство; членовредительство, искусственное причиненіе болѣзней, освобождающихъ отъ повинности; превращеніе въ Турецкихъ и иныхъ подданныхъ и т. д. Новое Время 1886 г., № 3604.

[2]) Сынъ Отечества 1891 г., № 229.

другъ. Но только въ 1891 г. сдѣлалось общеизвѣстнымъ о побѣгахъ строевыхъ нижнихъ чиновъ Евреевъ изъ нѣкоторыхъ полковъ арміи въ послѣднюю Турецкую войну. Вотъ что объ этомъ сообщилъ г. П. Г. въ „Развѣдчикѣ“. „Въ одномъ изъ отрядовъ, перешедшихъ границу, послѣ перваго же перехода и дневки, одинъ изъ командировъ полковъ, сконфуженный, докладываетъ начальству, что изъ его полка въ одну ночь бѣжала крупная цифра солдатъ-Евреевъ. Присутствовавшій при этомъ другой командиръ полка только улыбнулся, а на другой день выяснилось, что изъ *его полка въ туже ночь бѣжали почти всѣ Евреи, находившіеся въ строю, даже унтеръ-офицеры*. Когда сдѣлалось это извѣстнымъ, въ слѣдующихъ отрядахъ были приняты мѣры къ пресѣченію побѣговъ Евреевъ; но, не смотря на это, побѣги продолжались, хотя и въ меньшемъ числѣ. Насколько помнится, въ первомъ отрядѣ одновременные побѣги Евреевъ доходили до 50 и болѣе человѣкъ съ полка, въ послѣдующихъ же отрядахъ уже не болѣе 15—20 человѣкъ съ полка. Затѣмъ по мѣрѣ движенія къ Дунаю, бѣгство продолжалось: на каждомъ переходѣ подъ мостами и въ кустахъ подбирали оружіе и аммуницію, а по приходѣ на ночлегъ не досчитывались Евреевъ [3]). Мы замѣтимъ, что причина умолчанія о томъ Русскими корреспондентами, состоявшими при дѣйствующей арміи, объясняется нежеланіемъ военнаго начальства огласить побѣги, чтобы не бросить нѣкоторую тѣнь на Русскую армію. Во всякомъ случаѣ жаль, что Русское общество не узнало объ этомъ своевременно; потому что тогда Московскій раввинъ г. Миноръ не могъ бы въ Сентябрѣ 1877 г. въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ утверждать, что *„Евреи несутъ свою долю въ тягостяхъ войны“* [4]).

Другаго рода уклоненіе Евреевъ отъ исполненія государственныхъ законовъ составляютъ противузаконныя занятія, какъ-то: контрабандный промыселъ, обманная питейная торговля, ростовщичество и проч.

Контрабанднымъ промысломъ продолжаетъ заниматься значительная часть Евреевъ въ чертѣ осѣдлости и Царства Польскаго; по таможеннымъ спискамъ девять десятыхъ контрабандистовъ — Евреи [5]). Оффиціальныя свѣдѣнія о суммѣ, на какую ежегодно задерживается контрабандныхъ товаровъ, не могутъ дать и приблизительнаго понятія о суммѣ водворяемой въ Россію контрабанды. Въ доказательство этого сошлемся на указанный не разъ газетами и хорошо извѣстный намъ, по случаю 17-ти-лѣтняго проживанія въ г. Калишѣ, фактъ, что во многихъ населенныхъ пунктахъ на Восточной границѣ Пруссіи и Австріи существуютъ склады товаровъ, водворяемыхъ въ Россію контрабандистами. Можно сказать утвердительно, что значительная часть Австрійскихъ, Прусскихъ и Германскихъ цѣнныхъ товаровъ (шелковыхъ, хлопчато-бумажныхъ, шерстяныхъ и проч.) получается въ Россіи не черезъ таможни, а посредствомъ Евреевъ-контрабандистовъ, которые въ Пруссіи и Австріи составили многія товарищества, занимающіяся кон-

---

[3]) Сынъ Отечества 1891 г., № 77.

[4]) Новое Время 1877 г., №№ 569 и 571.

[5]) Новое Время 1890 г., № 5258.

трабандой, при дѣятельномъ участіи Русскихъ Евреевъ, совершенно открыто. Въ 1883 г. въ Берлинскихъ газетахъ былъ напечатанъ отчетъ товарищества Евреевъ-контрабандистовъ, состоящаго человѣкъ изъ 20-ти. Товарищество это пріобрѣло въ 1882 г. въ Гамбургѣ и Кенигсбергѣ 17,925 цибиковъ чая за 537,750 руб. для водворенія въ Россію контрабанднымъ путемъ. Пошлина въ Пруссіи обошлась 8,662 р., контрабандистамъ уплачено 71,000 р.; провозъ стоилъ 700 р. Всего израсходовано 617,112 рублей: 736 цибиковъ задержаны Русскою пограничною стражею на границѣ, остальные же 17,189 цибиковъ были доставлены по назначенію и проданы по 60 р. за штуку, на сумму 1,031,340 р. Такимъ образомъ товарищество, за вычетомъ расходовъ, получило 414,228 р. чистаго барыша или 80 процентовъ на капиталъ, вложенный въ предпріятіе [6]). По годовому отчету этого товарищества заграничныхъ Евреевъ, можно отчасти судить, какой громадный ущербъ причиняетъ государственнымъ доходамъ и правильной торговлѣ въ Россіи вся масса ихъ союзниковъ—Русскихъ Евреевъ, занимающихся контрабанднымъ промысломъ въ чертѣ осѣдлости и въ Царствѣ Польскомъ, особенно теперь, когда они имѣютъ почти во всѣхъ городахъ внутреннихъ губерній Россіи многочисленныхъ компаніоновъ и агентовъ изъ своихъ единовѣрцевъ, подъ названіемъ *купцовъ* или *ремесленниковъ*.

Еще болѣе распространеннымъ и вреднымъ видомъ дѣятельности Евреевъ считается ихъ питейная торговля, потому что она соединена съ любимымъ занятіемъ Евреевъ—ростовщичествомъ. Для огражденія казны и народа отъ неисчислимаго вреда, который причиняютъ Евреи этими занятіями, правительство принимало еще болѣе строгія и разнообразныя мѣры, направленныя къ прекращенію ихъ, чѣмъ при борьбѣ съ Еврейской контрабандой. Оно старалось пресѣчь Евреямъ всевозможные обходы законовъ; однако изобрѣтательность ихъ въ этомъ отношеніи такъ неистощима, что правительство не достигло значительнаго успѣха и въ настоящее время. Это объясняется свѣдѣніями, собранными департаментомъ неокладныхъ сборовъ и центральнымъ статистическимъ комитетомъ и обработанными г. Аленицынымъ для бывшей Еврейской коммисіи графа Палена. Изъ нихъ видно, что такъ называемая „подъименная торговля", т. е. содержаніе заводовъ для выдѣлки крѣпкихъ напитковъ и питейныхъ заведеній на имя подставныхъ лицъ не изъ Евреевъ, ведется Евреями въ чертѣ осѣдлости и въ Царствѣ Польскомъ въ обширныхъ размѣрахъ. Такъ въ чертѣ осѣдлости они противозаконно владѣютъ: 46 проц. общаго числа трактировъ и харчевенъ, 45 проц. корчемъ, 54 проц. кабаковъ, 40 проц. винныхъ погребовъ, 29 проц. ренсковыхъ погребовъ; а въ Царствѣ Польскомъ они, между прочимъ, незаконно владѣютъ 89 проц. корчемъ. Способовъ для такой противузаконной торговли Евреями изобрѣтено множество. Большею же частью практикуются слѣдующіе: открытіе заведенія на чужой землѣ, по соглашенію съ владѣльцемъ, на имя не-еврея и съ сидѣльцемъ изъ не евреевъ; пріобрѣтеніе отъ не-еврея довѣренности на надзоръ за питейною

[6]) Новое Время 1883 г., № 2528.

торговлею, съ правомъ веденія всѣхъ дѣлъ; открытіе заведенія въ арендованномъ чужомъ домѣ на имя квартиранта не-еврея; содержаніе заведенія на имя хозяевъ дома, причемъ дѣйствительные хозяева Евреи живутъ при немъ въ качествѣ квартирантовъ и другіе. „Вообще дѣло подъименной торговли обставляется настолько „аккуратно", что нѣтъ возможности разобраться въ немъ ни чинамъ акцизнаго, ни чинамъ прокурорскаго надзора" [7]).

Но непризнаніе Евреями обязательности для себя государственныхъ законовъ не ограничивается ихъ уклоненіемъ отъ исполненія этихъ законовъ: они явно не исполняютъ ихъ, оказывая неповиновеніе властямъ, когда распоряженія послѣднихъ затрогиваютъ ихъ интересы. При этомъ, дѣйствуя обыкновенно сборищами, Евреи часто позволяютъ себѣ насилія надъ властями, особенно, если могутъ разсчитывать на безнаказанность. Въ м. Тальномъ, Кіевской губерніи, въ 1882 году ночью, толпою Евреевъ, человѣкъ въ 40, были избиты акцизный ревизоръ Квитницкій и двое понятыхъ за преслѣдованіе первымъ безпатентной питейной торговли [8]). Въ м. Ужугости, Виленской губерніи, въ 1885 году акцизный надсмотрщикъ Голубъ былъ вытолкнутъ толпою Евреевъ изъ шинка, въ которомъ онъ хотѣлъ составить протоколъ о продажѣ вина незаконной крѣпости, и затѣмъ Еврей шинкарь нанесъ ему оскорбленіе дѣйствіемъ [9]). Въ м. Шаргородѣ, Подольской губерніи, въ 1887 г., толпа Евреевъ избила акцизнаго надзирателя М., при осмотрѣ имъ лавки Еврея, торговавшаго безбандерольнымъ табакомъ, и когда онъ скрылся, задержала прибывшаго на мѣсто происшествія акцизнаго контролера, выпрягла его лошадей и стала гнать, нанося оскорбленія. Изъ этой толпы Евреевъ были преданы военному суду шесть мужчинъ и одна дѣвушка. Пятерымъ изъ нихъ, Кіевскимъ военно-окружнымъ судомъ назначены каторжныя работы на 20 лѣтъ, а двумъ несовершеннолѣтнимъ срокъ каторги уменьшенъ на одну треть [10]). Въ г. Верхне-Днѣпровскѣ, Екатеринославской губерніи, полицейскій надзиратель Потолкинъ былъ избитъ въ лавкѣ восемью Евреями, по поводу отданнаго хозяину этой лавки приказанія убрать бочки съ керосиномъ и другіе предметы, загромождавшіе улицу. По словамъ жителей города, Евреи-лавочники давно уже были недовольны г. Потолкинымъ за то, что онъ не входилъ съ ними ни въ какія сдѣлки, и избіеніе его было умышленное и заранѣе подготовленное [11]).

Приведемъ еще болѣе дерзкія насилія Евреевъ надъ представителями власти. Въ 1877 г., въ г. Вильнѣ, огромная толпа Евреевъ набросилась на конвой изъ 15-ти солдатъ, чтобы отбить Еврея, одного изъ конвоируемыхъ ими арестантовъ. Если бы не арестанты - христіане, которые закричали конвойнымъ: „Защищайтесь сами, а мы Жида не выпустимъ" (и дѣйствительно схватили его за руки и держали), то Евреи несомнѣнно отбили бы Еврея аре-

---

[7]) Новое Время 1886 г., № 3599.

[8]) Новое Время 1882 г. № 2403.

[9]) Новое Время 1885 г. № 3272.

[10]) Русскія Вѣдомости 1887 г. № 54.

[11]) Новое Время 1888 г. № 4474.

станта [12]). Въ Варшавѣ, въ 1877 г., на Валовой улицѣ собралась толпа Евреевъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ и стала бросать камнями въ лавку, въ которую спряталась принявшая христіанство Еврейка Бяловичъ. Узнавъ объ этомъ, околоточный надзиратель Третьяковъ съ нѣсколькими полицейскими взялъ Бяловичъ, чтобы доставить въ канцелярію участка. На улицѣ Евреи бросились на полицейскихъ съ намѣреніемъ отбить Бяловичъ, но это имъ не удалось сдѣлать, благодаря смѣлости полицейскихъ. „Болѣе дерзкіе Евреи бросали въ Бяловичъ камни и полѣнья дровъ, которые къ счастью не попадали въ нее“ [13]). Въ Вильнѣ, въ 1890 г., на Рудницкой улицѣ христіанами Вaверисомъ и Тышковскимъ была задержана Еврейка Паренгъ, тащившая за руку христіанскаго мальчика лѣтъ 4-хъ, который кричалъ. Позванный ими городовой хотѣлъ препроводить ее въ участокъ; но собравшіеся Евреи, человѣкъ двѣсти, оттолкнули полицейскаго, Ваверисa и Тышковскаго, а Еврейку вмѣстѣ съ ребенкомъ втолкнули въ ворота дома Шмуля Швейда въ Госпитальномъ переулкѣ. Ворота были поспѣшно захлопнуты и заперты на ключъ. Въ это время прибыли околоточный надзиратель съ нѣсколькими христіанами и затѣмъ десять человѣкъ пожарныхъ. Околоточнаго надзирателя, пытавшагося разломать дверь, Евреи, которыхъ уже собралось болѣе тысячи, оттолкнули, крича при этомъ неистово. Пожарные успѣли оттѣснить толпу. Дверь была разломана, и околоточный надзиратель, четыре городовыхъ, пожарные и человѣкъ 10 прохожихъ христіанъ ворвались на дворъ дома Швейда; за ними нахлынули и Евреи. Во дворѣ произошла схватка; Евреи старались вытолкнуть полицію и христіанъ на улицу; но на мѣсто безпорядка явился Виленскій полиціймейстеръ г. Раевскій съ казаками, которые и прогнали Евреевъ со двора. Ворота были захлопнуты, кругомъ дома Швейда разставлены часовые. Послѣ долгихъ поисковъ мальчика нашли въ чуланѣ за дровами, связаннаго по рукамъ и ногамъ, а Еврейку Паренгъ на чердакѣ дома Швейда. Паренгъ и нѣсколько Евреевъ были арестованы и посажены въ тюрьму [14]).

Вообще случаи сопротивленія Евреевъ властямъ, когда послѣднія исполняютъ разныя невыгодныя для нихъ мѣры, составляютъ въ чертѣ осѣдлости и въ Царствѣ Польскомъ обыкновенное явленіе. Кромѣ приведенныхъ нами случаевъ, изъ многихъ записанныхъ у насъ, мы указываемъ на постоянное сопротивленіе Евреевъ пограничной стражѣ, при выемкѣ и задержаніи ею контрабанды у Евреевъ. Такое самоуправство Евреевъ происходитъ, какъ мы уже сказали, отъ непризнанія ими вообще обязательности для себя государственныхъ законовъ; но во многихъ случаяхъ—и по подстрекательству кагаловъ и раввиновъ, ревниво охраняющихъ интересы Іудейства. Потому кажется намъ страннымъ, когда нѣкоторые изъ администраторовъ, вмѣсто принятія соотвѣтствующихъ энергическихъ мѣръ, обращаются за содѣйствіемъ къ Еврейскимъ начальникамъ-выборнымъ и раввинамъ для укрощенія дерзости и буйства сборищъ Евреевъ противъ властей, хотя эти сборища и устраи-

---

[12]) Голосъ 1877 г. № 27. Знаменательное проявленіе.

[13]) Голосъ 1877 г № 179.

[14]) Сынъ Отечества 1890 г. № 199.

ваются часто по распоряженію кагаловъ и раввиновъ, а вовсе не случайны. Напримѣръ, въ 1884 г., въ Одессѣ, четыре Еврея за вполнѣ доказанное предварительнымъ слѣдствіемъ изнасилованіе несовершеннолѣтней Еврейки были преданы суду. По словамъ „Новорос. Телегр.“, „Одесскій кагалъ всполошился и по обыкновенію сталъ изыскивать средства освободить своихъ единовѣрцевъ. Пошли въ ходъ всѣ средства, между которыми угрозы и запугиванія потерпѣвшей и свидѣтелей играли главную роль“. Въ день разбора дѣла вокругъ зданія суда собралась чуть ли не тысячная толпа Евреевъ, изъ которой угрозы свидѣтелямъ и потерпѣвшей раздавались громко безъ всякаго стѣсненія. На требованіе полиціи разойтись, Евреи отвѣчали ей бранью, криками и оскорбленіями. Тогда была вызвана рота стрѣлковъ, при появленіи которой Евреи разошлись. „На судѣ потерпѣвшая и свидѣтели такъ были напуганы угрозами толпы, которая просто угрожала убить ихъ, если обвиняемые будутъ осуждены, что они отреклись отъ своихъ показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, а потерпѣвшая объявила, что ее не изнасиловали, а она сама изъявила согласіе“. По поводу этого случая и происшедшей въ томъ же году въ г. Ананьевѣ, Херсонской губерніи, передъ зданіемъ суда подобной же демонстраціи Евреевъ, напугавшихъ присяжныхъ-крестьянъ на столько, что тѣ оправдали завѣдомыхъ мошенниковъ.[15]), генералъ-губернаторъ призывалъ къ себѣ Одесскаго раввина Швабахера и предложилъ ему, чтобы онъ лично и черезъ своихъ подчиненныхъ раввиновъ внушилъ массѣ Евреевъ вести себя не вызывающимъ образомъ, дабы Евреи ни въ чемъ не выдѣлялись изъ общаго населенія и повиновались бы безпрекословно властямъ, предупредивъ, что въ противномъ случаѣ будутъ приняты энергическія мѣры [16]). Но это гуманное предупрежденіе Евреи, какъ оказалось, недолго помнили; потому что, черезъ нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1890 г. Одесскому градоначальнику въ извѣстномъ оповѣщенія пришлось снова обвинять ихъ въ вызывающемъ поведеніи и предупреждать, что онъ будетъ подвергать виновныхъ взысканію административнымъ порядкомъ. Подробно объясняя это поведеніе, которое имѣло видъ преслѣдованія, открытаго Евреями противъ христіанъ, „Новороссійскій Телеграфъ“, между прочимъ, сообщилъ слѣдующее: „Куда бы вы ни пошли, гдѣ бы вы ни находились—всюду вы встрѣтите Семита, нахальнаго, дерзкаго, назойливаго. Онъ безъ стѣсненія горланитъ, кричитъ, бранится, не стѣсняясь присутствіемъ публики и даже дамъ. Онъ васъ толкаетъ, наступаетъ на ноги, задѣваетъ палкою, зонтикомъ, и не считаетъ нужнымъ даже извиниться передъ вами“ и т. д. [17]).

Вызывающее поведеніе Евреевъ относительно христіанъ и должностныхъ лицъ въ Одессѣ, въ 1890 г., кромѣ выраженія ненависти и неуваженія къ нимъ, имѣло еще и другое значеніе: оно находилось въ очевидной связи съ такимъ поведеніемъ Евреевъ въ 1890 г. вообще въ мѣстахъ постоянной

---

[15]) Новое Время 1884 г. № 3167.

[16]) Новое Время 1884 г. № 3176.

[17]) Сынъ Отечества 1890 г., № 184.

осѣдлости и съ агитаціей ихъ единовѣрцевъ за границей. Такъ, Могилевскій губернаторъ, въ своемъ циркулярѣ къ подвѣдомственнымъ ему властямъ, указалъ на невѣжливое и даже грубое отношеніе молодыхъ Евреевъ къ должностнымъ лицамъ [18]). Виленскій генералъ-губернаторъ между прочимъ замѣтилъ Еврейской депутаціи, что Евреи собираются толпами въ случаѣ задержанія какого-нибудь вора изъ ихъ единовѣрцевъ и стараются его отбить отъ полиціи и вообще безчинствуютъ [19]). Уже послѣ этой рѣчи, въ одномъ изъ губернскихъ городовъ въ чертѣ осѣдлости, къ губернатору стали поступать жалобы и заявленія обывателей, что Евреи никому не даютъ прохода и дерзость ихъ дошла до того, что одинъ изъ Евреевъ при встрѣчѣ съ женою губернатора на улицѣ такъ ее толкнулъ, что она упала [20]). Наконецъ, въ Варшавѣ, по внушенію, сдѣланному оберъ-полицеймейстеромъ раввинамъ, на синагогахъ было вывѣшено объявленіе, приглашавшее Евреевъ и особенно молодежь скромно вести себя и не позорить своихъ единовѣрцевъ передъ правительствомъ и согражданами [21]).

Почти одновременно съ этими явленіями въ газетахъ „Times„ и „Figaro“ были помѣщаемы статьи, въ которыхъ сообщались ложныя извѣстія о преслѣдованіяхъ Евреевъ и объ ограниченіи ихъ правъ, въ Россіи, наприм. о томъ, что предполагается выселить четыре милліона Евреевъ, что многія тысячи Евреевъ изгнаны изъ ихъ мѣста жительства въ черту осѣдлости, что Евреямъ закрытъ доступъ въ учебныя заведенія и въ адвокатуру и проч. и требовалось отъ правительствъ Западной Европы ни болѣе, ни менѣе какъ разрыва дипломатическихъ сношеній съ варварской Россіей [22]). Не довольствуясь этимъ, Англійскіе Евреи и юдофилы устроили въ Гильдголѣ, подъ предсѣдательствомъ лорда-мера, митингъ, на которомъ, вопреки международному праву, было постановлено обратиться къ Русскому правительству съ петиціей въ защиту Русскихъ Евреевъ. Петиція, какъ извѣстно, была послана въ Петербургъ, но оттуда возвращена въ Лондонъ лорду-меру съ вѣжливымъ указаніемъ на ея неумѣстность [23]).

Какая же была причина одновременныхъ демонстрацій въ 1890 г. Русскихъ и заграничныхъ Евреевъ?

Мы убѣждены, что тѣ и другіе дѣйствовали по приказу „Всемірнаго Израильскаго союза“ и его тайнаго Русскаго областнаго отдѣла съ цѣлью выразить неудовольствіе *Еврейскаго народа и цивилизованной Европы* Русскому правительству за задержку рѣшенія Еврейскаго вопроса въ смыслѣ дарованія Евреямъ равноправности и такимъ образомъ произвести на него двойное давленіе для рѣшенія этого вопроса именно въ такомъ смыслѣ. Имѣли же демонстраціи Поляковъ въ 1861 г. успѣхъ для расширенія ихъ правъ; почему было не испытать вліяніе демонстрацій для того же и Евреямъ?

---

[18]) Новое Время 1890 г., № 5137.
[19]) Сынъ Отечества 1890 г., № 237.
[20]) Новое Время 1890 г., № 5318.
[21]) Сынъ Отечества 1890 г., № 253.
[22]) Новое Время 1890 г., №№ 5172 и 5183.
[23]) Сынъ Отечества 1890 г., № 336 и 1891 г., № 8.

XII.

Приведенныя нами въ двухъ предъидущихъ главахъ свѣдѣнія, подтверждая особенно вредныя черты быта и дѣятельности Евреевъ, описанныя въ „Книгѣ Кагала", также доказываютъ, что гуманные законы о Евреяхъ прошлаго царствованія не могли оказать хорошаго вліянія на нихъ и принести пользу для государства. Дѣйствительно, одни изъ этихъ законовъ — о правахъ участія Евреевъ въ городскомъ и земскомъ управленіи и въ судѣ, поднявъ значеніе Евреевъ въ жизни христіанскаго населенія черты осѣдлости, усилили ихъ вредное вліяніе на него; другіе — о правахъ Евреевъ, кончившихъ курсъ въ университетахъ съ учеными степенями, поступать на государственную службу и проживать повсемѣстно въ Россіи и о правахъ Русскихъ и иностранныхъ купцовъ 1-й гильдіи и ремесленниковъ и техниковъ проживать внѣ черты осѣдлости и заниматься торговлей и ремеслами—распространили вредное вліяніе Евреевъ на всю Россію. Такія вредныя послѣдствія подтверждаются множествомъ записанныхъ у насъ свѣдѣній

Прежде всего остановимся на участіи Евреевъ въ городскомъ и земскомъ управленіи и въ судѣ черты осѣдлости. Преслѣдуя всегда и вездѣ исключительно свои интересы, Евреи въ чертѣ осѣдлости стали, конечно, избирать въ гласные городскихъ думъ допущенную закономъ третью часть гласныхъ изъ не-христіанъ только изъ своихъ единовѣрцевъ. Для обезпеченія же вліянія послѣднихъ на направленіе дѣлъ въ городскихъ думахъ, Евреи старались избирать въ остальныя двѣ трети гласныхъ такихъ христіанъ, которые находились у нихъ въ зависимости или которые по неспособности не могли имъ противодѣйствовать.

Въ путевыхъ замѣткахъ г. Случевскаго о Сѣверо-западныхъ губерніяхъ, печатавшихся въ 1888 г. въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", между прочимъ говорится, что въ Ковенской губерніи въ мѣщанскихъ управахъ и управленіяхъ на мѣста старшинъ большинство избирателей—Евреи, нерѣдко выбираютъ человѣка изъ христіанъ глуповатаго, и дѣлами въ этихъ управленіяхъ заправляютъ Евреи-сборщики. Тоже самое дѣлается Евреями и въ городскихъ управленіяхъ: въ число гласныхъ изъ Евреевъ они избираютъ самыхъ энергичныхъ и значительныхъ своихъ единовѣрцевъ, а въ остальныя двѣ трети—христіанъ, изъ людей неспособныхъ, безхарактерныхъ и зависимыхъ отъ нихъ. Понятно, что избраніе подобныхъ христіанъ въ гласные давало полную возможность гласнымъ изъ Евреевъ направлять городскія дѣла въ ихъ интересахъ, на что̀ постоянно указывали въ думахъ независимые отъ Евреевъ гласные христіане и корреспонденты газетъ. Даже въ Одессѣ гласные Евреи распоряжались, какъ истинные хозяева города: по ихъ указаніямъ выбирались нужныя имъ лица изъ христіанъ на должности участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей, изъ которыхъ многіе вмѣстѣ съ Евреями получали по выбору платныя должности кредитныхъ обществъ. Мировые же судьи, не сумѣвшіе угодить Евреямъ на вторичныхъ выборахъ, забалло-

тировывались. Въ 1890 г. послѣ выборовъ въ наблюдательномъ комитетѣ Одесскаго городскаго кредитнаго общества, состоящемъ изъ шести членовъ, оказалось три Еврея, изъ которыхъ одинъ былъ избранъ предсѣдателемъ, тогда какъ въ комитетѣ членовъ-Евреевъ не можетъ засѣдать болѣе трети общаго числа членовъ. Существующее въ Одессѣ анонимное Бельгійское общество трамвеевъ (въ дѣйствительности Еврейское, такъ какъ правленіе его и кондукторовъ составляютъ Евреи), получая большіе доходы, отличается самымъ безцеремоннымъ отношеніемъ къ контракту съ городомъ и къ публикѣ. „Инвентарь общества находится въ жалкомъ состояніи. Вагоны по городскимъ линіямъ тащатся на тощихъ клячахъ со скрипомъ и брякомъ и производятъ качку, поднимаясь то передомъ, то задомъ. Число вагоновъ недостаточно. Кондуктора, въ огромномъ большинствѣ Евреи, до крайности грубы и дерзки съ христіанскою публикою и забываютъ часто давать сдачу при продажѣ билетовъ“. Въ 1890 г. въ городской думѣ былъ возбужденъ вопросъ о невыполненіи контракта этимъ обществомъ и о передачѣ трамвея другому предпринимателю, главнымъ образомъ потому, что паровая фонтанская линія не доведена версты на три до назначеннаго пункта. Но въ думѣ нашлись гласные, заявившіе, что не слѣдуетъ настаивать на полномъ выполненіи начальнаго контракта [1]). Болѣе вредно вліяніе Евреевъ выразилось въ покровительствѣ городской управы Еврейской мясной торговлѣ, вслѣдствіе чего мясная торговля христіанъ перешла въ руки Евреевъ. Въ 1890 г. въ Одессѣ осталось не больше трехъ самостоятельныхъ мясныхъ торговцевъ изъ христіанъ, тогда какъ 15 лѣтъ назадъ ихъ было не меньше пятидесяти. Въ 1885 г. двѣнадцать мясопромышленниковъ христіанъ подали въ Одесскую городскую думу прошеніе, въ которомъ они жаловались на злоупотребленія откупщика кашернаго мяса, вынуждавшаго часто продавать ему заказанное имъ мясо на кашеръ по цѣнѣ въ нѣсколько разъ низшей дѣйствительной его стоимости; но этому прошенію не было дано хода. Потомъ дѣло о мясоторговлѣ было возбуждено въ 1887 г. по предписанію Одесскаго генералъ-губернатора и опять осталось безъ результата, потому что составленная думою коммисія изъ *двухъ христіанъ и четырехъ Евреевъ* рѣшила оставить мясное дѣло въ Одессѣ безъ измѣненій. Между тѣмъ цѣна мяса отъ захвата Евреями мясной торговли въ нѣсколько лѣтъ возвысилась съ 5 до 10 коп. за фунтъ [2]).

Въ г. Бобринцѣ, Херсонской губерніи, въ 1888 г. одинъ изъ гласныхъ-Евреевъ, имѣющій нѣсколько кабаковъ, подалъ прошеніе въ думу о разсрочкѣ ему уплаты городскаго долга въ 300 р. Дума постановила разсрочить долгъ на пять лѣтъ, тогда какъ за подобные же небольшіе долги у мѣщанъ-бѣдняковъ описывали послѣднюю корову. Дѣйствуя все смѣлѣе и смѣлѣе въ своихъ интересахъ, Евреи завладѣли и общественною библіотекой. „Подписчики-христіане всѣ отказались отъ подписки, чтобы избѣжать непріятностей. Для

---

[1]) Новое Время 1890 г., №№ 5064, 5178, 5074, 5172, 5186 и 5217.

[2]) Новое Время 1890 г. № 5298.

нихъ никогда нѣтъ ни новыхъ журналовъ, ни новыхъ книгъ“ и проч. [3]). Въ г. Сорокахъ, Бессарабской губерніи, многіе домовладѣльцы изъ Евреевъ ничего не платили въ городской сборъ со времени введенія „городоваго положенія“ и такъ какъ понудительныхъ взысканій не практиковалось, то къ 1889 г. накопились большія недоимки, которыя Евреи постановили пополнить заимообразно изъ коробочнаго сбора. Но правительство не разрѣшило такое позаимствованіе, и съ Евреевъ стали взыскивать недоимки понудительнымъ порядкомъ [4]) Въ 1889 г. корреспондентъ изъ г. Ровно, Волынской губерніи, между прочимъ писалъ въ „Кіевлянинъ“ слѣдующее: „не смотря на дешевизну нѣкоторыхъ припасовъ, жителямъ приходится платить въ тридорога, такъ какъ Евреи ежедневно, съ самаго утра, собираясь цѣлыми отрядами, отправляются за городъ и перекупаютъ у крестьянъ всю провизію, такъ что крестьяне въѣзжаютъ въ городъ съ пустыми возами или везутъ на возу вмѣстѣ съ провизіей и закупившаго все Еврея“. Описанная корреспондентомъ изъ г. Ровно скупка Евреями припасовъ составляетъ до сихъ поръ общее явленіе въ городахъ черты осѣдлости и не преслѣдуется городскими управленіями, потому что она доставляетъ большія выгоды ихъ руководителямъ Евреямъ. Въ г. Аккерманѣ дерзость Евреевъ дошла до того, что въ 1889 г. они подали въ думу прошеніе объ отмѣнѣ запрещенія торговли въ Воскресенія и христіанскіе праздники, такъ какъ они вынуждены праздновать еще 52 Субботы, и городская дума изъявила согласіе на ихъ просьбу, отмѣнивъ свое постановленіе, состоявшееся три мѣсяца тому назадъ. Во время разсужденій по этому дѣлу одинъ гласный-Еврей заявилъ, что нужно дозволить торговлю въ христіанскіе праздники на томъ основаніи, что христіане все равно не празднуютъ своихъ праздниковъ и даже въ Бога не вѣруютъ. Вредное вліяніе гласныхъ-Евреевъ на городскія дѣла въ г. Екатеринославлѣ оказалось такъ значительно, что для охраны отъ него городскихъ интересовъ въ думѣ въ 1889 г. былъ возбужденъ вопросъ о ходатайствѣ передъ правительствомъ, чтобы число гласныхъ изъ Евреевъ было ограничено десятью процентами общаго числа гласныхъ. По вѣрному замѣчанію „Новорос. Телеграфа“, хорошо знакомаго съ условіями жизни населенія Юго-западнаго края, такое ходатайство могли бы представить всѣ города черты осѣдлости, потому что они одинаково страдаютъ отъ вліянія Евреевъ [5]).

Это замѣчаніе „Новорос. Телеграфа“ вполнѣ подтверждается и оффиціальными свѣдѣніями. Въ 1891 г. въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ было приведено изъ записки министра внутреннихъ дѣлъ, по вопросу объ участіи Евреевъ въ городскомъ самоуправленіи, между прочимъ слѣдующее: „По положенію 16 Мая 1870 г., участіе не-христіанъ и особенно Евреевъ въ общественномъ управленіи опредѣляется примѣнительно къ общему установленному въ семъ отношеніи правилу такъ, что оно не должно превышать одной

---

[3]) Новое Время 1888 г., № 4588.

[4]) Новое Время 1889 г., № 4887.

[5]) Новое Время 1889 г., №№ 4937 и 4898.

трети въ составѣ всѣхъ коллегіальныхъ учрежденій общественнаго управленія. Правило это, однако, оказалось очень неудобнымъ на практикѣ, такъ какъ опытъ показалъ, что при сплоченности и замкнутости инородческихъ элементовъ, они повсюду заняли твердое положеніе и, дѣйствуя съ полнымъ единодушіемъ въ племенныхъ своихъ интересахъ, замѣтно вліяютъ на ходъ общественныхъ дѣлъ; допускаемая же закономъ совмѣстность производства выборовъ лицъ христіанскаго и не-христіанскаго исповѣданій даетъ этимъ элементамъ возможность, въ большей или меньшей мѣрѣ, вліять на направленіе выборовъ вообще. Но нигдѣ такъ рѣшительно не проявляется исключительность даннаго положенія, *какъ въ мѣстностяхъ съ значительнымъ Еврейскимъ населеніемъ, положительно угнетающимъ христіанское населеніе. Обнаружилось это скоро послѣ введенія положенія 1870 года, и черезъ весь періодъ дѣйствія оного проходитъ непрерывный рядъ заявленій о настоятельной необходимости освободить христіанское населеніе отъ Еврейскаго гнета,—заявленій, исходящихъ какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ правительственныхъ органовъ.* Въ нынѣшнемъ году при составленіи соображеній о желательныхъ измѣненіяхъ въ строѣ общественнаго управленія, заявленія эти еще болѣе усилились и получили вполнѣ опредѣленную форму. *Признавая господствующее вліяніе Евреевъ на выборы фактомъ неоспоримымъ и зломъ великимъ, всѣ губернскія начальства и оба генералъ-губернатора въ Западномъ краѣ единогласно высказываютъ, что Евреи не должны имѣть мѣсто не только въ должности головъ, но и въ качествѣ членовъ управы, что они не должны принимать участія въ выборѣ христіанъ* и что существующія для нихъ ограниченія въ составѣ думъ представляются недостаточными. Исходя изъ этихъ основаній и не рѣшаясь отойти отъ того пути ограничительныхъ мѣръ, по которому шло до сихъ поръ наше законодательство, большая часть губернаторовъ останавливается на мысли объ установленіи отдѣльныхъ Еврейскихъ выборовъ и объ уменьшеніи Евреевъ въ думахъ отъ $^1/_4$ до $^1/_{20}$ части общаго числа гласныхъ“ [6]).

Нѣтъ сомнѣнія, что согласныя представленія губернскихъ начальствъ о вредномъ участіи Евреевъ въ городскомъ управленіи и послужили основаніемъ для составленія ст. XIV высочайше утвержденнаго 11-го Іюня 1892 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта объ изданіи новаго городоваго положенія, по которой они не допускаются къ участію въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ домохозяевъ и къ занятію должностей по городскому общественному управленію. Въ гласные же или уполномоченные Евреи избираются мѣстнымъ земскимъ и городскимъ или по городскимъ дѣламъ присутствіемъ въ числѣ не болѣе одной десятой общаго собранія думы или собранія, изъ особаго списка, составляемаго городскою управою или городскимъ старостою.

Въ земскомъ управленіи Евреи не могли причинять большаго вреда только потому, что число Евреевъ-землевладѣльцевъ въ губерніяхъ черты осѣдлости, въ которыхъ введены земскія учрежденія, пока незначительно. Но,

---

[6]) Сынъ Отечества 1891 г., № 147.

разумѣется, когда представлялась возможность, Евреи также преслѣдовали свои интересы въ земскомъ общественномъ дѣлѣ, какъ и въ городскомъ. Например̃ъ, въ 1886 г. въ г. Глуховѣ, Черниговской губерніи, подъ вліяніемъ агитаціи 30 явившихся Евреевъ на выборы въ гласные въ Глуховское уѣздное земское собраніе, была выбрана одна треть гласныхъ изъ Евреевъ. „Одинъ Еврей изъ выборщиковъ, если предлагали неугоднаго Евреямъ, прямо заявлялъ: „вы лучше не баллотируйтесь, бо все одно поѣдете на вороныхъ!“ И предсказаніе сбывалось“ [7]). Вредное вліяніе Евреевъ въ земскомъ управленіи побудило правительство даже устранить ихъ отъ участія въ немъ, такъ какъ по ст. XII высочайшаго повелѣнія объ утвержденіи положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ 1890 г. Евреи, не допускаются къ участію въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ и съѣздахъ.

О томъ, какое вліяніе имѣютъ присяжные засѣдатели изъ Евреевъ на своихъ товарищей изъ христіанъ, печать не могла сообщить свѣдѣнія, потому что совѣщанія присяжныхъ засѣдателей составляютъ тайну; но само собою разумѣется, что, если Евреи не стѣсняются открыто, при зданіи суда, угрожать присяжнымъ засѣдателямъ убійствомъ, чтобы они произнесли желаемый ими приговоръ, какъ это было въ Одессѣ, то, пользуясь тайной совѣщаній присяжныхъ засѣдателей и ихъ безотвѣтственностью за приговоры, они дѣйствуютъ въ ихъ составѣ въ своихъ Еврейскихъ интересахъ и слѣдовательно во вредъ правосудію.

XIII.

Переходя къ характеристическимъ результатамъ дѣятельности Еврейской интеллигенціи, въ которую входятъ Евреи, кончившіе курсъ наукъ въ университетахъ и въ другихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, замѣтимъ, что съ конца семидесятыхъ годовъ число Евреевъ въ университетахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ стало чрезмѣрно увеличиваться. Изъ статистическихъ данныхъ о числѣ Евреевъ въ Русскихъ университетахъ за 1886 г., помѣщенныхъ въ „Новомъ Времени“, между прочимъ оказывается, что въ 1865 году во всѣхъ университетахъ было всего 120 Евреевъ, не болѣе 30 на каждую тысячу студентовъ вообще. Число это, изъ года въ годъ увеличиваясь, въ 1878 году утроилось, а въ 1886 году достигло 145 чел. на тысячу, причемъ болѣе половины всѣхъ Евреевъ - студентовъ (1050 ч.) состояло на медицинскомъ факультетѣ и болѣе четверти (627 ч.)— на юридическомъ [1]). Такимъ образомъ значительное число Евреевъ, получившихъ образованіе въ университетахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, слишкомъ 20 лѣтъ назадъ могло заниматься и занималось такъ называемыми интеллигентными профессіями. На сколько же эти Евреи оправдали ожиданія правительства на то, что, съ образованіемъ на христіанскихъ началахъ, они

[7]) Русскія Вѣдомости 1886 г., № 204.

[1]) Новое Время 1887 г. № 4087.

оставятъ дурныя черты характера своего племени и превратятся въ полезныхъ гражданъ?

Оправдать эти ожиданія, прежде всего, должны были бы Еврейскіе писатели, какъ представители самой просвѣщенной части Еврейской интеллигенціи. Они были обязаны добросовѣстнымъ объясненіемъ вредныхъ сторонъ ученія, быта и дѣятельности своихъ единоплеменниковъ и указаніемъ мѣръ для ихъ исправленія помочь правительству въ разрѣшеніи запутаннаго Еврейскаго вопроса. Но они пошли по тому же пути голословнаго отрицанія этихъ сторонъ или объясненія ихъ неравноправностью и преслѣдованіями Евреевъ и восхваленія Іудейства, по которому идутъ и западные Еврейскіе писатели и какъ и послѣдніе пропагандируютъ либеральныя и матеріалистическія идеи, конечно, съ цѣлью водворенія въ Россіи тѣхъ либеральныхъ порядковъ въ ея управленіи, при которыхъ такъ хорошо живется ихъ соплеменникамъ въ Западной Европѣ. Вся разница въ дѣятельности между Русскими и Западными Еврейскими писателями состоитъ въ томъ, что первые ведутъ свою пропаганду осторожно и не смѣютъ явно порицать правительство за разные невыгодные для нихъ законы и распоряженія и глумиться надъ христіанской религіей, а послѣдніе все это дѣлаютъ не стѣсняясь.

Основаніе Русской Еврейской печати и руководство ею принадлежитъ „Обществу распространенія просвѣщенія между Евреями въ Россіи", возникшему въ 1863 году, которое считается Русскимъ областнымъ отдѣломъ „Всемірнаго Израильскаго союза". Въ главѣ XXVI „Книги Кагала" подробно описаны организація и дѣятельность этого общества, устроившаго уже въ 1880 году мѣстные отдѣлы въ городахъ: Одессѣ, Екатеринославлѣ, Вильнѣ, Москвѣ, Минскѣ, Казани и Кіевѣ. По словамъ Брафмана, оно усердно стремится къ развитію *Еврейской науки* (?) и къ обученію и воспитанію Еврейскихъ дѣтей въ *„національно-Іудейскомъ духѣ"* и съ этою цѣлью само устраиваетъ Еврейскія школы, поддерживаетъ существующія и разсылаетъ въ нихъ соотвѣтствующія цѣли сочиненія только Еврейскихъ писателей. По его иниціативѣ возникли въ Россіи всѣ Еврейскіе журналы и газеты на Русскомъ языкѣ, въ которыхъ подъ редакціей членовъ общества постоянно печатаются статьи сказаннаго выше содержанія и статьи, требующія дарованія Евреямъ равноправности, толкующія о средневѣковыхъ предразсудкахъ Русскихъ относительно Евреевъ, христіанскомъ фанатизмѣ, Еврейскихъ талантахъ, величіи Еврейской науки, Талмуда и т. д. Въ такомъ направленіи издаются обществомъ и вообще Еврейскими писателями и отдѣльныя сочиненія. Напримѣръ, для распространенія въ Русскомъ обществѣ хорошихъ понятій о Талмудѣ „общество распространенія просвѣщенія между Евреями" издало сборникъ „Міровоззрѣніе талмудистовъ", въ которомъ, по объясненію Брафмана, помѣщены отрывки изъ Талмуда, могущіе показать христіанамъ его ученіе въ лучшемъ свѣтѣ и измѣнены нѣкоторыя неудобныя слова противъ подлинниковъ [2]). Въ томъ же самомъ обвиняетъ Еврейскихъ писателей и

---

[2]) Я. Брафманъ, стр. 298—303.

ученый изслѣдователь Талмуда С. Я. Диминскій, который, въ своемъ вышеупомянутомъ сочиненіи, говоритъ, что въ выпискахъ изъ символическо-каноническихъ Еврейскихъ книгъ, авторы: Финъ, Канепеленбогенъ, Хвольсонъ и др. „имѣющіе полное право на то, чтобы признавать ихъ вполнѣ свѣдущими въ своихъ профессіяхъ людьми, по какой-то странной случайности, приводятъ тезисы и правила, благопріятствующіе только тенденціямъ къ представленію Еврейскаго вѣроученія и правоученія исключительно въ возвышенномъ свѣтѣ, вполнѣ соотвѣтствующемъ міровоззрѣнію и морали христіанской, и вовсе не хотятъ видѣть и указать намъ тезисовъ и правилъ противоположнаго характера, находящихся на указываемыхъ ими самими страницахъ, а иногда въ другихъ параграфахъ тѣхъ же сочиненій“ [3]). Для лучшаго убѣжденія Русскаго общества въ неосновательности мнѣнія, что Талмудъ заключаетъ въ себѣ много безнравственныхъ правилъ, г. Борисовъ издалъ въ 1885 году въ Петербургѣ переводъ брошюры Франца Делича (профессора богословія при Лейпцигскомъ университетѣ) „Слово правды о Талмудѣ“ по поводу сочиненія „Талмудическій Еврей“ Ролинга. Въ предисловіи къ Русскому переводу г. Борисовъ, между прочимъ, объясняетъ, что книжка Ролинга, заключая разныя устарѣвшія цитаты изъ Талмуда, не должна бы имѣть никакого значенія, потому что Евреи подлежатъ въ каждомъ государствѣ дѣйствію общихъ законовъ; въ Западно-Европейскихъ государствахъ уравнены въ правахъ, получаютъ одинаковое съ своими согражданами воспитаніе и *участвуютъ въ созиданіи общей культуры*. „Въ виду того, говоритъ г. Борисовъ, что наши доморощенные оцѣнщики іудаизма и Талмуда сплошь и рядомъ пользуются для разныхъ недостойныхъ цѣлей книжкою Ролинга, мы сочли полезнымъ представить оцѣнку этого сочиненія, принадлежащую Францу Деличу, въ возможно дословномъ переводѣ“. Оцѣнка Деличемъ сочиненія Ролинга, имѣвшаго цѣлью многочисленными выдержками изъ Талмуда доказать рѣзкое противорѣчіе ихъ съ современною христіанскою нравственностію, дѣйствительно очень доброжелательна для Евреевъ; но намъ кажется, она все-таки не удовлетворяетъ г. Борисова и вообще просвѣщенныхъ Евреевъ. Правда, Деличъ утверждаетъ, что въ сочиненіи Ролинга находятся ложные переводы, толкованія многихъ цитатъ изъ Талмуда; ложные выводы изъ нихъ и т. д.; но онъ соглашается, что „изъ признанія прерогативы Израиля предъ Богомъ, какъ народа закона, Талмудъ выводитъ нѣкоторыя законоположенія, устанавляющія различія относительно обязанностей и преступности дѣйствій между Евреями и не-Евреями — *различія, находящіяся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ современными принципами гуманизма*“. Деличъ защищаетъ Іудейство, главнымъ образомъ тѣмъ, что „въ самомъ Талмудѣ эти законоположенія встрѣчаютъ множество сильныхъ возраженій со стороны выдающихся учителей; что со времени открытія новой эры для Еврейства Моисеемъ Мендельсономъ, эти законоположенія давно осуждены самими Евреями, какъ несправедливыя, и не только съ точки зрѣнія Еврейской реформы, и что *нѣтъ ни-*

---

[3]) С. Я. Диминскій, стр. 66 и 67.

какого основанія къ подозрѣнію, чтобы Евреи могли отвѣчать на уравненіе ихъ правъ черною неблагодарностью сохраненіемъ этихъ законоположеній неравноправія" [4]). На это послѣднее и самое важное основаніе защиты Делича Евреевъ считаемъ достаточнымъ замѣтить, что оно опровергается эксплуататорской и растлѣвающей дѣятельностью ихъ въ Западной Европѣ, вызвавшею антисемитизмъ, и также ошибочно, какъ ошибочны и другія его идеальныя мнѣнія относительно Евреевъ.

Мы уже сказали о томъ, съ какою энергіей Еврейская печать старалась опровергнуть правдивое описаніе въ „Книгѣ Кагала" [5]) ученія, быта и дѣятельности Евреевъ. Съ 80-хъ годовъ, когда понятіе о вредѣ Евреевъ, послѣ основанія христіанской религіи, для человѣчества и особенно для Россіи въ Русской печати сдѣлалось преобладающимъ и этотъ вредъ, по словамъ И. С. Аксакова, сталъ служить „точкою отправленія при всякомъ обсужденіи Еврейскаго вопроса, при всякомъ законодательномъ его разрѣшеніи" [6]), Еврейская печать начала вести съ нею ожесточенную и часто грубую полемику, особенно съ тѣми ея органами, которые наиболѣе способствовали выясненію Русскому обществу Еврейскаго вопроса, съ „Русью" и „Новымъ Временемъ". Для характеристики этой полемики приводимъ изъ статьи И. С. Аксакова „О Талмудѣ", напечатанной въ газетѣ „Русь" 15-го Октября 1883 года, слѣдующія слова: „Казалось бы, отъ кого и ожидать реформаторскаго движенія, какъ не отъ Евреевъ, просвѣтившихся высшимъ образованіемъ? Казалось бы именно на Евреяхъ-писателяхъ и публицистахъ должна бы лежать обязанность содѣйствовать воспитанію Еврейской массы и исправленію національно-религіозныхъ инстинктовъ, дѣлающихъ Евреевъ язвою для христіанскаго населенія? Къ несчастію происходитъ совершенно иное; именно-то Еврейскіе органы печати (по крайней мѣрѣ Русской), щеголяя „высшимъ развитіемъ", стараясь явить себя на уровнѣ современной цивилизаціи, въ тоже время совершенно воздерживаются отъ всякаго честнаго слова осужденія своимъ соплеменникамъ, не преподаютъ имъ ни одного полезнаго совѣта, тѣмъ менѣе увѣщанія!.. Съ развязностью людей, которые чувствуютъ себя дома, чуть не хозяевами, и не сознаютъ за собою предъ кореннымъ населеніемъ ни малѣйшей вины, да и никакихъ, кажется, особенныхъ обязанностей, они, во имя „культуры и цивилизаціи", встрѣчаютъ рѣзкою бранью всякій укоръ Евреямъ въ эксплуататорствѣ и дерзко отрицаютъ самую неподдѣльную дѣйствительность Наши двѣ статьи объ Евреяхъ [7]) не вызвали со стороны газеты „Русскій Еврей" ни одного разумнаго

---

[4]) «Слово правды о Талмудѣ» по поводу сочиненія «Талмудическій Еврей» А. Ролинга. Фр. Делича. Перев. Н. Борисова, стр. 2—4 и 9.

[5]) Надо сказать, что Брафманъ, авторъ „Книги Кагала" былъ самъ Еврей и хорошо зналъ Еврейскій бытъ.

[6]) Сочиненія И. С. Аксакова, т. III, стр. 787.

[7]) Статьи: «О томъ какъ бы обезвредить Евреевъ для христіанскаго народонаселенія?» и «Обезвредятся ли Евреи, преобразовавшись въ культурный слой?», напечатанныя въ газетѣ «Русь» въ №№ отъ 15 Сентября и 1 Октября 1883 г.

возраженія, а только возгласы въ такомъ родѣ, что статьи г. Аксакова исполнены „ядовитой злобы“ и фанатической ненависти, для которой не существуетъ ни доводовъ, ни предѣловъ, которая способна на всякіе подвиги, не исключая повидимому и торквемадовскихъ!!“ [8]). Въ томъ же родѣ Еврейская печать продолжала вести полемику съ Русскою печатью и послѣ прекращенія изданія „Руси“ со смертью И. С. Аксакова. Не говоря объ ея особенномъ ожесточеніи противъ редакціи „Новаго Времени“, которая почти въ каждомъ нумерѣ своей газеты печатаетъ извѣстіе или статью о темныхъ сторонахъ дѣятельности и быта Евреевъ, она не лучше относится и къ либеральнымъ Русскимъ публицистамъ, когда они вмѣсто смягченія и оправданія этихъ сторонъ позволяютъ сказать о нихъ правду. Такъ въ № 31 за 1890 годъ „Недѣли“, въ статьѣ о Еврейскомъ броженіи, между прочимъ, было сказано, что все несчастіе Еврейства—въ нынѣшнемъ его типѣ. На эту, по словамъ „Недѣли“ вполнѣ доброжелательную попытку помочь рѣшенію Еврейскаго вопроса гг. Еврейскіе публицисты (въ „Недѣльной Хроникѣ Восхода“) отвѣтили „въ такомъ тонѣ, который невольно переноситъ насъ въ Одессу и заставляетъ присутствовать при одной изъ сценъ, вызвавшихъ извѣстный циркуляръ мѣстнаго градоначальника объ обузданіи Еврейской наглости“ [9]).

Послѣ Евреевъ писателей, прославились дурными чертами своего племеннаго характера Евреи-адвокаты. Не смотря на требованія высшаго образованія и правила корпораціи такія черты характера особенно проявляли Евреи-адвокаты въ судебныхъ округахъ, гдѣ ихъ много скопилось, и они, подчиняясь своей природѣ, могли дѣйствовать смѣлѣе, именно въ Петербургскомъ, Московскомъ и Одесскомъ. Во первыхъ, согласно извѣстному изреченію Талмуда: „всѣ Евреи за одного и одинъ за всѣхъ“, Евреи-адвокаты съ Русскими адвокатами либералами образовали сильныя партіи, преслѣдовавшія Еврейскіе интересы, нерѣдко подъ видомъ либеральныхъ проектовъ объ огражденіи правъ членовъ корпораціи и улучшеніи ихъ быта; во вторыхъ, изъ жажды быстрой наживы, Евреи-адвокаты не удовольствовались веденіемъ судебныхъ дѣлъ, а занимались еще факторствомъ и коммиссіонерствомъ. Съ какою безцеремонностію они иногда добывали себѣ дѣла, можетъ служить примѣромъ слѣдующій случай, бывшій въ Петербургѣ въ 1891 г. Въ одно семейство, въ которомъ только что умеръ глава, вслѣдъ за гробовщикомъ, явился адвокатъ-Еврей и нахально сталъ требовать хозяйку. Послѣ настойчиваго приставанія онъ былъ къ ней допущенъ и предложилъ свои услуги по утверж-

---

[8]) Сочиненія И. С. Аксакова т. III, стр. 808.

[9]) Сынъ Отечества 1890 г., № 220.— Въ слѣдующемъ 1891 году Еврейская печать высказала столько вражды къ Русскимъ порядкамъ и народу и лжи о положеніи Евреевъ въ Россіи, что понесла наказаніе въ лицѣ своихъ главныхъ органовъ: распоряженіями Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 13 и 20-го Марта 1891 года было пріостановлено изданіе журнала «Восходъ» съ издаваемой при немъ въ видѣ приложенія «Недѣльной Хроникой Восхода» и объявлено второе предостереженіе газ. «Новости» и «Биржевой газетѣ» въ лицѣ издателя-редактора Нотовича. Сынъ Отечества 1891 года, №№ 70 и 77.

деніи сына въ правахъ наслѣдства; но былъ удаленъ явившимся сыномъ хозяйки [10]). При Петербургскомъ коммерческомъ судѣ, Евреи-адвокаты составляли въ 1890 г. 80% и распоряжались выборами должностныхъ лицъ въ судъ отъ купцовъ, пользуясь довѣренностями, которыя имъ давали послѣдніе по непростительному равнодушію къ своимъ интересамъ. Это повело къ тому, что на должность товарища предсѣдателя суда былъ выбранъ кандидатъ Еврейской партіи г. Гувицъ, а его конкуррентъ г. Мансветовъ забаллотированъ [11]). Въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ Петербургскаго округа Евреи-адвокаты съ Русскими адвокатами, зависимыми отъ нихъ и отъ своихъ помощниковъ-Евреевъ, доставляющихъ имъ дѣла, и Русскими адвокатами-либералами образовали сильную партію, подъ вліяніемъ которой на общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ округа 4 Февр. 1890 г. не былъ принятъ непріятный Евреямъ проектъ правилъ объ ограниченіи числа помощниковъ, согласно съ правилами, утвержденными 3 Марта 1890 г. Московскимъ совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ [12]). Дѣйствительно, примѣненіе этихъ послѣднихъ правилъ въ Московскомъ судебномъ округѣ повело къ значительному сокращенію числа помощниковъ Евреевъ и возбудило сильное негодованіе Еврейской партіи. Евреи-помощники и адвокаты и нѣсколько Русскихъ адвокатовъ подали въ Московскую судебную палату жалобу на совѣтъ, но палата признала дѣйствія его правильными. Тогда Еврейская партія стала усердно агитировать, чтобы на выборахъ 2-го Декабря 1890 г. въ члены совѣта виновники правилъ 3 Марта были забаллотированы, но и тутъ потерпѣла полное пораженіе: прежніе члены были избраны въ совѣтъ огромнымъ большинствомъ [13]). Этому результату много способствовало сознаніе противною Русскою партіей присяжныхъ повѣренныхъ опасности переполненія ихъ корпораціи Евреями, которая была хорошо объяснена въ большомъ письмѣ присяжнаго повѣреннаго А. С. Шмакова къ его Русскимъ товарищамъ. Вотъ что́ онъ говоритъ: „Вы ждете, collegae, чего-нибудь о Евреяхъ въ адвокатурѣ. Но вѣдь вы можете наблюдать сами, не хуже меня: вы знаете, кто является магомъ и волшебникомъ въ конкурсахъ, кто прорицаетъ въ администраціяхъ, кто наполняетъ залы коммерческаго суда, кто добивается дешевой славы, изощряясь надъ ловлею уголовныхъ защитъ; кто, наконецъ, спеціализируется даже по бракоразводнымъ дѣламъ?! Не всѣ вы сталкивались лично, но слыхали, конечно, другъ отъ друга, съ какимъ ябедническимъ коварствомъ ведутъ всякія вообще судебныя дѣла многіе изъ сыновъ Израиля... Вѣдомо вамъ также, и каковъ изъ Еврея бываетъ товарищъ“ [14]). Такова характеристика Евреевъ-адвокатовъ, сдѣланная лицомъ отлич-

---

[10]) Н. Время 1891 г. № 5448.—[11]) Н. Время 1890 г. № 5310. [12])—Н. Время 1890 г. № 5044. Эти правила имѣли цѣлью поднять корпорацію въ нравственномъ отношеніи и, въ виду закона 8 Ноября 1889 г., сократить число помощниковъ вообще и особенно изъ Евреевъ, изъ которыхъ въ Москвѣ (какъ и въ Петербургѣ) многіе не занимались судебными дѣлами, а носили названіе помощниковъ, чтобы имѣть право быть присяжными повѣренными. Н. Время 1891 г. № 5340 и 1890 г. № 5311.—[13]) Н. Время 1890 г. № 5311 и № 5316.—[14]) Московскій Листокъ 1890 г. № 333.

но знакомымъ съ ихъ дѣятельностью и кромѣ того изучившимъ Еврейскій вопросъ. Теперь мы приведемъ отзывъ также Московскаго присяжнаго повѣреннаго и о Евреяхъ помощникахъ, высказанный корреспонденту „Новаго Времени". „Нѣкоторые изъ такихъ помощниковъ, сказалъ онъ, буквально унижаютъ корпорацію, беря на себя веденіе недостойныхъ, случайныхъ дѣлъ, дѣлаютъ кляузы и отводы, придираются къ самымъ ничтожнымъ промахамъ противника въ довѣренности и полномочіяхъ; словомъ развили ябедническое коварство. Мало того, они же даютъ взятки мелкимъ канцелярскимъ чиновникамъ за уголовную защиту получше, платятъ сторожамъ, смотрителямъ остроговъ, да и всякому проходимцу изъ кабака и съ улицы, лишь бы имъ добывали дѣла, какъ бы грязны они ни были" [15]).

Въ Одесскомъ округѣ Евреевъ-адвокатовъ состояло, разумѣется, больше, чѣмъ въ Московскомъ или въ Петербургскомъ и ихъ племенныя наклонности проявлялись свободнѣе и влекли за собою еще худшія послѣдствія. Такъ въ Одессѣ адвокаты на половину были изъ Евреевъ, а частные повѣренные у мировыхъ судей—почти всѣ изъ Евреевъ. Большинство Евреевъ-адвокатовъ съ такимъ успѣхомъ добывало себѣ, черезъ факторовъ, дѣла и кліентовъ, что адвокаты-христіане оставались безъ дѣлъ и должны были уѣзжать изъ Одессы. Въ Симферополѣ, по словамъ корреспондента „Новорос. Телеграфа", размноженіе адвокатовъ изъ Евреевъ повело къ развитію сутяжничества и къ увеличенію съ каждымъ годомъ числа „несостоятельностей" [16]).

Для ограниченія числа Евреевъ адвокатовъ [17]) 8 Ноября 1889 года состоялось, какъ извѣстно, высочайшее повелѣніе о принятіи въ присяжные и частные повѣренные лицъ не-христіанскихъ вѣроисповѣданій не иначе какъ съ разрѣшенія министра юстиціи [18]).

О дѣятельности Евреевъ-докторовъ печать сообщаетъ гораздо меньше свѣдѣній и фактовъ, чѣмъ о дѣятельностя Евреевъ-адвокатовъ. Это происходитъ вѣроятно отъ того, что бо́льшая часть первыхъ—вольнопрактикующіе врачи, не составляющіе и въ большихъ городахъ корпорацій, члены которыхъ, подобно адвокатамъ, были бы обязаны слѣдить за поведеніемъ и дѣятельностью другъ друга, а каждый врачъ занимается практикой самъ по себѣ безъ контроля своихъ товарищей. Во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы сдѣлать общіе выводы о дѣятельности Евреевъ - докторовъ, и хотя всѣ записанные у насъ факты и свѣдѣнія (которые приводимъ

---

[15]) Н. Время 1891 г. № 5311.—[16]) Н. Время 1890 г. № 5178 и 1888 г. № 4486.

[17]) Въ послѣдніе годы число адвокатовъ-Евреевъ и особенно помощниковъ значительно увеличилось, что доказываютъ слѣдующія офиціальныя свѣдѣнія, приведенныя въ „Новомъ Времени":

	Было въ 1885 г.	Было въ 1890 г.
всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ	1549	1771
Евреевъ присяжныхъ повѣренныхъ	201	249
всѣхъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ	710	1069
Евреевъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ	135	456

Слѣдовательно процентъ Еврвевъ-адвокатовъ увеличился съ 12,9 до 14, а помощниковъ—съ 19 до 42,6. Новое Время 1891 г. № 5379.

[18]) Русскія Вѣдомости 1889 г. № 319.

ниже) и указываютъ на дурныя (племенныя) черты ихъ характера, мы допускаемъ, что онѣ относятся лишь къ незначительной части, и замѣтимъ только, что у докторовъ-христіанъ онѣ встрѣчаются, развѣ, въ видѣ исключенія.

Въ газетѣ „Врачъ“ въ Апрѣлѣ 1890 года напечатано: „Имѣя положительныя данныя, указывающія на позорное для чести врачебнаго сословія поведеніе вольнопрактикующаго врача гор. Золотоноши Исайи Яковлевича Брайловича, выразившееся какъ въ способахъ распространенія своей популярности, такъ и въ постоянныхъ осужденіяхъ всѣхъ врачей, не стѣсняясь ни временемъ, ни мѣстомъ для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей, мы, врачи Золотоношскаго уѣзда, пригласили его 21 Марта с. г. на общее собраніе товарищей для личнаго объясненія. Врачъ Брайловичъ прислалъ на имя врача Гуссова письмо, въ которомъ онъ отказывается явиться, признавая собраніе товарищей некомпетентнымъ для сужденія его поступковъ. А потому мы нижеподписавшіеся рѣшили выразить врачу Брайловичу свое порицаніе и отказаться впредъ отъ всякой солидарности съ нимъ“. Въ томъ же № „Врача“ было приведено содержаніе афиши о пріѣздѣ въ г. Бердянскъ Еврея-глазнаго доктора и сообщено, что докторъ Погорѣльскій, исключенный за гипнотическія рекламы изъ общества Елисаветградскихъ врачей, выбранъ Одесскими Евреями въ раввины [19]). Въ поведеніи доктора Брайловича ясно выражается чисто-Еврейская черта характера: не стѣсняться никакими безнравственными поступками для добыванія денегъ. Весьма вѣроятно, что въ извѣстномъ происшествіи въ 1891 г. въ г. Бѣлостокѣ съ докторомъ Грановскимъ, вольнопрактикующій врачъ-Еврей Хазановичъ, обвиненный съ раввиномъ Маркусомъ въ подстрекательствѣ Евреевъ къ насиліямъ противъ доктора Грановскаго, дѣйствовалъ столько же въ интересахъ кагала, сколько и въ собственныхъ, чтобы выжить изъ Бѣлостока конкуррента-христіанина [20]).

Слѣдующіе примѣры объясняютъ, какъ относятся нѣкоторые Евреи-врачи къ главнымъ правиламъ врачебной этики, объ исполненіи которыхъ даютъ обѣщаніе всѣ вообще медики-студенты при окончаніи курса. Такъ въ Одессѣ санитарный врачъ городскихъ скотобоенъ, Еврей, въ 1890 г., предложилъ мѣстной городской управѣ проектъ о варкѣ на бойняхъ бульона для бѣднаго городскаго населенія изъ туберкулезнаго мяса, вреднаго для здоровья [21]). Одинъ изъ помѣщиковъ Минской губерніи, увлекшись сочиненіемъ Дарвина „о происхожденіи видовъ“, вообразилъ, что ему суждено обратиться въ первообразъ — въ обезьяну, такъ какъ его борода распространяется все болѣе къ носу. Помѣщикъ пригласилъ врача-Еврея, который доказывалъ ему, что такое превращеніе бываетъ, но что его можно остановить, и потребовалъ за излѣченіе 50 р., и 50 р. на лѣкарство [22]). Г. Степановичъ въ 1890 г. въ „Сынѣ Отечества“, между прочимъ, сообщилъ, что одинъ военный врачъ-Еврей пріѣхалъ въ Петербургъ защищать диссертацію на доктора медицины, но ока-

[19]) Сынъ Отечества 1890 г. № 95.—[20]) По распоряженію Виленскаго генералъ-губернатора, Хазановичъ былъ высланъ изъ Бѣлостока на 2 года, а раввинъ Маркусъ на 1 годъ, съ воспрещеніемъ проживать въ сосѣднихъ губерніяхъ съ Гродненской. Новое Время 1891 г. № 5359. [21]) Н. Время 1890 г. № 5308.—[22])—Н. Время 1888 г. № 4482.

зался бездарностью и ученой степени не получилъ. Къ этому времени подоспѣлъ приказъ, ограничивающій доступъ Евреевъ въ Военно-медицинскую академію, и эскулапъ разсвирѣпѣлъ. „Насъ въ Россіи жмутъ; такъ вспомнитъ же насъ Россія, сказалъ онъ со злостью: мы въ долгу не останемся". И когда его спросили, чѣмъ же они думають отблагодарить Россію? то Еврей нахально отвѣчалъ: „Мы безъ ружья, въ случаѣ войны, уложимъ вашу армію: глазная болѣзнь и сифилисъ—неизбѣжные спутники каждой арміи на войнѣ, продолжалъ онъ развивать свою мысль, и въ нашей волѣ привить сифилисъ глазамъ всѣхъ солдатъ" [23]). Допуская, что этотъ врачъ съ своей чудовищною мстительностью (хотя свойственной преимущественно Еврею) составляетъ между военными врачами-Евреями исключеніе, нельзя сомнѣваться, что вообще ихъ служба въ войскахъ признана вредной, если по новому положенію для Военно-медицинской академіи, выработанному въ 1890 г. особою коммиссіей, Евреи въ академію совершенно не допускаются [24]).

Наконецъ, въ 1892 г., когда Русскіе врачи вообще проявили энергическую и полезную дѣятельность и высокія нравственныя качества въ борьбѣ съ холерной эпидеміей и тѣмъ заслужили искреннюю благодарность пострадавшаго населенія, между ними нашлись два врача Еврея, которые, напротивъ, отличились возмущающими нравственное чувство поступками. Одинъ Еврей-врачъ, будучи приглашенъ товариществомъ бр. Нобель, въ концѣ Іюня, въ г. Царицынъ для поданія медицинской помощи рабочимъ и служащимъ, по донесенію старшаго врача, производившаго дознаніе о его дѣятельности, „не являлся къ больнымъ, а посылалъ лѣкарства черезъ фельдшера; никуда не ѣздилъ безъ фельдшера, необходимаго для дезинфекціи его собственной особы. Оставшись при больномъ 10 секундъ, онъ дезинфекцировалъ себя $1/2$ часа; нѣкоторыхъ больныхъ онъ смотрѣлъ изъ второй комнаты, а крупозное воспаленіе легкихъ лѣчилъ амбулаторно, заставляя больнаго приходить къ себѣ". За такое неисполненіе прямыхъ обязанностей врача ему было отказано отъ мѣста правленіемъ т-ва [25]). Другой Еврей-врачъ, приглашенный помѣщикомъ А. на время эпидеміи въ имѣніе, вскружилъ голову его дочери и тайкомъ женился на ней, принявъ за шесть дней до свадьбы христіанство. Все это онъ продѣлалъ въ разсчетѣ на богатое приданое и когда А. отказался простить дочь, то выѣхалъ неизвѣстно куда, оставивъ жену безъ всякихъ средствъ [26]).

Эта жажда наживы, побуждающая Евреевъ-врачей унижать свое званіе, кажется, еще болѣе распространена между Евреями-аптекарями, стоящими близко къ Евреямъ-врачамъ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ „Русской Медицины" за 1892 годъ: „Аптекаря-Евреи уже берутъ верхъ и какъ грибы растутъ. Въ Москвѣ на Тверской—три аптеки Еврейскія, на Петровкѣ, на Долгоруковской, на Кузнецкомъ, на Пятницкой, у Москворѣцкаго моста и, откровенно говоря, довѣрія къ нимъ нѣтъ; потому что отпускаютъ Богъ

---

[23]) Сынъ Отечества 1890 г. № 214.—[24]) Н. Время 1890 г. № 5100.—[25]) Сынъ Отечества 1892 г. № 309.—[26]) Сынъ От. 1892 г. № 310.

вѣсть что̀ и какъ: то на 10 коп. дороже, то микстура вѣсомъ 6-ть унцъ впихивается въ 4-хъ унцевую стклянку, Fluida extracta слишкомъ fluida (жидка) и пр. [27]).

Много хуже Евреевъ-адвокатовъ показали себя на дѣлѣ въ разныхъ государственныхъ учрежденіяхъ Евреи съ среднимъ образованіемъ. Въ 1886 году министръ юстиціи сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи въ двухмѣсячный срокъ всѣхъ писцовъ и письмоводителей Евреевъ, находившихся при канцеляріяхъ судебныхъ слѣдователей *за многочисленныя злоупотребленія при слѣдственныхъ дѣлахъ* и предложилъ на будущее время къ занятіямъ при судебныхъ слѣдователяхъ Евреевъ не допускать [28]). Въ 1887 году Евреямъ воспрещено заниматься въ конторахъ нотаріусовъ [29]), въ которыхъ въ одномъ Одесскомъ судебномъ округѣ ихъ числилось 600 человѣкъ [30]). Въ 1888 году, по распоряженію временнаго Одесскаго генералъ-губернатора, полиціей были закрыты въ Одессѣ частныя конторы для составленія прошеній и всякаго рода другихъ бумагъ, устроенныя Евреями, удаленными отъ занятій у нотаріусовъ и судебныхъ приставовъ [31]). Въ 1889 году въ г. Минскѣ по распоряженію полиціи были сняты вывѣски разныхъ ходатаевъ по дѣламъ изъ Евреевъ, не имѣющихъ на то права, по причинѣ постоянныхъ жалобъ обманутыхъ кліентовъ и безуспѣшности налагаемыхъ на нихъ судомъ дисциплинарныхъ взысканій [32]). Одинъ изъ губернаторовъ, въ 1890 году вошелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ съ ходатайствомъ о воспрещеніи Евреямъ заниматься письмоводствомъ въ канцеляріяхъ сословныхъ учрежденій, въ виду пресѣченія имъ возможности содѣйствовать своимъ единовѣрцамъ къ уклоненію отъ исполненія воинской повинности посредствомъ совершенія различнаго рода подлоговъ и обмановъ, при составленіи посемейныхъ и призывныхъ списковъ. Поэтому въ томъ же году было воспрещено допускать Евреевъ къ занятіямъ письмоводствомъ въ канцеляріяхъ тѣхъ учрежденій, на которыхъ лежитъ обязанность составлять призывные списки или вообще какого-либо рода документы по отправленію воинской повинности [33]). А въ 1891 году въ высшихъ правительственныхъ сферахъ рѣшено: ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не принимать лицъ Еврейскаго происхожденія и исповѣданія на службу въ полицейскія учрежденія не только въ городахъ, но и въ уѣздахъ [34]).

Въ заключеніе характеристики просвѣщенныхъ Евреевъ скажемъ и объ отношеніи къ нимъ въ настоящее время интелигенціи Царства Польскаго, тѣмъ болѣе, что сближеніе Польскаго народа съ Евреями и даже обращеніе послѣднихъ въ „Поляковъ Моисеева закона“, черезъ дарованіе Евреямъ равноправности и просвѣщеніе ихъ, было одною изъ самыхъ любимыхъ политическихъ иллюзій. По свидѣтельству Польской печати и въ Царствѣ Польскомъ, какъ и въ Западной Европѣ, развился антисемитизмъ. Въ 1889 г. газ.

---

[27]) Сынъ От. 1892 г. № 77 — [28]) Московскій Листокъ 1886 г. № 160.— [29]) Русскія Вѣдомости 1887 г. № 63.— [30]) Н. Время 1887 г. № 3910.— [31]) Н. Время 1888 г. № 4344.— [32]) Н. Время 1889 г. № 4917.— [33]) Сынъ От. 1890 г. № 146.— [34]) Сынъ От. 1891 г. № 215.

„Glos“ причину разрыва (rozbratu) между Польской и Еврейской интелигенціей объяснила тѣмъ, что, когда 20 лѣтъ назадъ, равноправность открыла Евреямъ двери всякой карьеры, въ школы стали отдавать дѣтей всѣ Евреи, у кого были деньги, преимущественно изъ средняго класса, состоящаго почти изъ однихъ ростовщиковъ и плутовъ (oszustów). Изъ такого класса составилась большая часть современной Еврейской интелигенціи, которая, отличаясь худшими чертами своего племени, и возбудила къ себѣ отвращеніе въ Польской интелигенціи. Далѣе „Glos“ признаетъ необходимость ограниченія Еврейской равноправности и сожалѣетъ, что вводимыя ограниченія пріема Евреевъ въ училища могутъ уменьшить расположеніе *вредной Еврейской интелигенціи* только отчасти. Кромѣ „Глоса“, за ограниченіе Еврейской равноправности высказались: газета „Край“, и въ „Ежедневномъ Курьерѣ“ талантливый Польскій писатель Болеславъ Прусъ, принадлежавшій къ самымъ твердымъ защитникамъ Евреевъ [35]); а газ. „Роля“, по поводу двадцатипятилѣтняго юбилея крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ въ 1889 году, указала на вредъ размноженія Евреевъ въ деревняхъ [36]).

Антисемитическое направленіе Польскаго образованнаго общества стало выражаться и на практикѣ. Въ 1890 году въ Варшавѣ прекратился иллюстрированный журналъ „Klosy“, пользовавшійся въ теченіе 25 лѣтъ большимъ успѣхомъ въ Польской публикѣ: Редакторъ-издатель Соломонъ Левенталь, между прочимъ, заявилъ, что причиною гибели его журнала было то, что онъ, Левенталь—Еврей, а въ Польской печати и обществѣ теперь господствуетъ антисемитизмъ [37]). Для освобожденія христіанскаго населенія отъ Еврейской эксплуатаціи въ Радомской губерніи устроились христіанскія торговыя товарищества, обороты которыхъ въ 1891 году уже превышали 600,000 руб. [38]), а въ Варшавѣ приступлено въ 1891 году къ организаціи христіанскаго общества для устройства склада товаровъ, потребляемыхъ въ губерніяхъ Царства Польскаго и для отпуска ихъ мелкимъ торговцамъ въ возможно-льготный кредитъ [39]).

[35]) Варшавскій Дневникъ 1889 г. 26 Октября.

[36]) Новое Время 1889 г. № 4684. Вѣроятно Польская интелигенція, по склонности къ политическимъ мечтамъ, относилась бы снисходительнѣе къ порокамъ Еврейской интелигенціи и старалась бы скрыть свое нерасположеніе къ ней, еслибы послѣдняя подавала хотя слабую надежду на сліяніе Поляковъ съ Евреями. Къ тяжкому разочарованію Польской интелигенціи, просвѣщенные Евреи, по словамъ Варшавской газеты «Slowo», о сліяніи съ какой бы то ни было народностью и не думаютъ и при разсужденіяхъ съ Поляками по Еврейскому вопросу всегда заявляютъ себя солидарными съ Еврействомъ. Новое Время 1890 г. № 5010.

[37]) Новое Время 1890 г. № 5155.

[38]) Сынъ Отечества 1891 г. № 92.

[39]) Новое Время 1891 г. № 5407.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ „С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ".

Воспоминаніе непремѣннаго секретаря Императорской Академіи Наукъ К. С. Веселовскаго.

Для всякаго нравственно и умственно развитаго человѣка одну изъ насущныхъ потребностей составляетъ общеніе съ тою средою, въ которой онъ живетъ и дѣйствуетъ. Ему нужно ежедневно знать, что̀ дѣлается вокругъ него на бѣломъ свѣтѣ, и при томъ—не изъ одного простаго любопытства, а потому что всѣ его интересы, всѣ его радости и печали находятся въ неразрывной связи съ движеніемъ вокругъ него жизни общества. Органомъ, служащимъ къ удовлетворенію этой потребности, является главнымъ образомъ періодическая печать, такъ что степень развитія ея можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ культурнаго роста самаго общества.

Постепенное развитіе нашей повременной политической прессы, отъ первыхъ ея бѣдныхъ зачатковъ при Петрѣ Великомъ, до настоящаго многообразнаго ея развѣтвленія, еще ждетъ себѣ историка. А исторія эта могла бы быть очень интересна и во многомъ поучительна. Когда исторія разскажетъ, что̀ были за люди, которыми эта печать двигалась, въ какихъ находились они внѣшнихъ условіяхъ для своей дѣятельности, и какое имѣли вліяніе на современное имъ общество: то мы получимъ положительные и осязательные факты для сужденія о ростѣ одной изъ важнѣйшихъ сторонъ гражданской культуры. Можетъ быть, что для такой исторіи, по близости къ намъ наиболѣе интересной, новѣйшей эпохи ея, еще не настала пора, хотя есть примѣры, что для умѣлаго пера возможно и въ настоящее время браться за подобныя темы: довольно указать на полные интереса *Очерки исторіи Русской цензуры*, 1700—1863 (Спб. 1892), въ которыхъ авторъ, А. М. Скабичевскій прослѣдилъ историческія судьбы одной изъ существенныхъ сторонъ литературной жизни въ Россіи, не прибѣгая къ иносказаніямъ, хитрымъ евфемизмамъ и фиговымъ листоч-

камъ. А исторія нашей періодической печати могла бы послужить благодарною темой для изслѣдователей нашей культуры. Сколько бы нашлось въ ней поводовъ для интересныхъ сравненій и сближеній съ исторіею прессы въ другихъ странахъ, наприм. Франціи [1]) или Австріи [2]).

Въ ожиданіи такой исторіи, полезно теперь же подготовлять матеріалы для нея. Въ этомъ убѣжденіи я полагаю, что нелишнимъ для нея будетъ, въ качествѣ матеріала, разсказъ объ одномъ эпизодѣ въ исторіи старѣйшей изъ Русскихъ газетъ—«С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», а именно объ отдачѣ ихъ въ аренду Валентину Ѳедоровичу Коршу съ Января 1863 года. Избираю этотъ эпизодъ, потому что имѣю возможность освѣтить его нѣкоторыми своими личными воспоминаніями, предметомъ которыхъ служатъ

Дѣла давно минувшихъ лѣтъ,
Преданья старины....

хотя и не очень глубокой, однако все же такой, о которой уже позволительно сказать правду, всю правду, безъ прикрасъ и утайки. Къ тому же всѣ лица, являющіяся въ моемъ разсказѣ, болѣе или менѣе давно сошли въ могилу. Въ то время, о которомъ я говорю, наша теперь сташестидесятисемилѣтняя газетная старушка еще принадлежала ученой старушкѣ—Академіи Наукъ, въ видѣ доходной статьи, назначенной для покрытія части расходовъ на ея содержаніе.

Извѣстно, что до введенія, съ 1863 года, нынѣ дѣйствующихъ правилъ составленія финансовыхъ смѣтъ и системы единства кассъ, только часть расходовъ на содержаніе Академіи Наукъ покрывалась отпускомъ суммъ по штатнымъ положеніямъ изъ Государственнаго Казначейства; для остальныхъ же потребностей, и въ томъ числѣ для расходовъ по изданію ученыхъ сочиненій, по снаряженію ученыхъ путешествій и экспедицій и другихъ подобныхъ предпріятій на пользу наукъ, ей предоставлялось самой извлекать нужныя средства изъ назначенныхъ ей для этой цѣли доходныхъ статей, какъ-то: Типографіи, календарной привилегіи и газеты «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», съ казенными и частными объявленіями. Изъ этого понятно, что попеченія о ея самыхъ существенныхъ интересахъ обязывали Академію заботиться объ извлеченіи изъ права изданія «С.-Петербургскихъ Вѣдо-

---

[1]) Для сравненій съ Франціей можно найти любопытныя данныя въ сочиненіи *Eugène Hatin*, Histoire politique et littéraire de la presse en France, 1859.

[2]) E. V. *Zenker*, Geschichte der Wiener Journalistik von den Anfängen bis zum Jahre 1848. Wien. 1892.

мостей» наибольшаго дохода, и поэтому она издавна признала наиболѣе выгоднымъ для себя способомъ пользоваться этимъ правомъ отдачею газеты въ аренду. При этомъ главною задачею и обязанностію Академіи было пріискать для арендованія Вѣдомостей такое лицо, которое своимъ литературнымъ талантомъ и умѣніемъ вести дѣло могло бы доставить газетѣ наибольшее распространеніе и значеніе, отвѣчающее современнымъ требованіямъ образованнаго общества. Но, разъ сдѣлавши такой выборъ и сдавши изданіе газеты въ аренду, Академія не имѣла права вмѣшиваться, и дѣйствительно никогда не вмѣшивалась, въ дѣла редакціи въ отношеніи внутренняго содержанія и направленія газеты, такъ какъ подобное вмѣшательство противорѣчило бы сущности аренднаго контракта. Эти замѣчанія да послужатъ къ оцѣнкѣ полемическихъ пріемовъ, бывшихъ въ прежнее время въ ходу у нѣкоторыхъ органовъ печати, которые не считали неумѣстнымъ при своихъ перебранкахъ съ «С.-Петербургскими Вѣдомостями» примѣшивать имя Академіи Наукъ.

Ранѣе 1863 года эти Вѣдомости выходили въ свѣтъ, въ теченіе болѣе 25 лѣтъ, подъ редакціею Очкина.

Амплій Николаевичъ Очкинъ, человѣкъ въ высшей степени честный и благородный, не отличался талантливостью. Отъ него не осталось ни одного самостоятельнаго литературнаго труда, если не считать множество переводовъ, которыми онъ наполнялъ журналы 30-хъ и 40-хъ годовъ. Одно время онъ издавалъ «Дѣтскій Журналъ». Къ нему могъ бы быть вполнѣ примѣненъ нелестный отзывъ Пушкина о Петербургскихъ литераторахъ его времени, что это были по большей части не литераторы, а предпріимчивые и смышленые литературные откупщики. Сперва Очкинъ былъ только редакторомъ (на жалованьи) «Петербургскихъ Вѣдомостей», когда онѣ еще издавались самою Академіей, а потомъ получилъ газету въ арендное содержаніе, соединяя въ себѣ званіе и редактора, и издателя. Послѣдній контрактъ его съ Академіей былъ заключенъ 28 Декабря 1856 года, срокомъ на шесть лѣтъ, т. е. по 31 Декабря 1862 года. Очкинъ велъ редакторское дѣло «акуратно и благонамѣренно», не ссорился съ своимъ цензоромъ [3]), такъ какъ онъ и самъ былъ прежде цензоромъ; понимая свое время и будучи по природѣ человѣкомъ смирнымъ, и даже смиреннымъ, онъ

[3]) «С.-Петербургскія Вѣдомости» до 1848 г. издавались безъ цензуры; но въ этомъ году, въ числѣ другихъ мѣръ усиленія надзора за періодическою печатью, и имъ данъ, съ 9 Апрѣля, цензоръ. См. Воспоминанія С. Д. Полторацкаго въ «Русской Старинѣ» 1892 г., Іюль стр. 46.

былъ самъ, для своей газеты, строже всякаго цензора. При этомъ конечно онъ не могъ придать «Вѣдомостямъ» особой жизни и значенія, и, если свою аренду, впрочемъ весьма умѣренную [4]), онъ долгое время уплачивалъ исправно, т. е. другими словами—велъ дѣло не безъ выгоды для себя, то единственно благодаря тому, что «С.-Петербургскія Вѣдомости» были долгое время вполнѣ защищены отъ всякой конкурренціи [5]). Но эта вольготная для редакціи пора постепенно, незамѣтно смѣнялась иными днями: съ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ литература стала оживляться, печатному слову понемногу давалось болѣе свободы, начали появляться новыя періодическія изданія, и къ ежедневнымъ газетамъ ходъ времени предъявлялъ новыя требованія, тогда какъ самъ Очкинъ старѣлъ, сталъ одолѣваемъ старческими недугами и, послѣ случившагося съ нимъ параличнаго припадка, былъ вынужденъ ежегодно въ лѣтніе мѣсяцы ѣздить для леченія за границу, на минеральныя воды. Въ этихъ обстоятельствахъ онъ взялъ себѣ въ помощники А. А. Краевскаго, съ которымъ и заключилъ частный контрактъ. Этотъ контрактъ, какъ частная между ними сдѣлка, былъ заключенъ помимо Академіи, которой содержаніе его и было неизвѣстно. Кажется, по заключеніи такого контракта, Очкинъ былъ только по имени редакторомъ газеты, а въ дѣйствительности редактировалъ, а можетъ быть и издавалъ ее, Краевскій; но до этого Академіи не было никакого дѣла, такъ какъ всѣ обязательства контрагента по отношенію къ ней въ точности исполнялись. Краевскій, я думаю, видя въ Очкинѣ человѣка отжившаго, разбитаго параличемъ, не упустилъ бы, если бы могъ, перевести на свое имя весь контрактъ его съ Академіею; но дѣло въ томъ, что едва ли онъ въ то время могъ получить на такую передачу разрѣшеніе со стороны цензурнаго вѣдомства, у котораго еще съ 1848 года состоялъ онъ подъ интердиктомъ [6]), такъ что когда въ 1855 г. Очкинъ на три лѣтнихъ мѣсяца уѣзжалъ за границу лечиться, непремѣнный секретарь Академіи получилъ отъ вице-президента князя С. И. Давыдова предложеніе о томъ, что министръ народнаго просвѣщенія (въ вѣдомствѣ котораго тогда находилась цензура), разрѣшивъ поручить статскому совѣтнику Краевскому на время отсутствія Очкина всѣ обязанности редактора и

---

[4]) Онъ платилъ Академіи за право изданія по 13,000 р. въ годъ, и сверхъ того по 1 рублю за каждый годовой экземпляръ газеты свыше 5.000 экземпляровъ.

[5]) Въ то время еще не утратилъ силы циркуляръ графа Уварова по цензурному вѣдомству отъ 1 Октября 1836 г., запрещавшій входить съ представленіями о разрѣшеніи новыхъ періодическихъ изданій.

[6]) См. „Русская Старина», 1892, Іюль, Воспоминанія С. Д. Полторацкаго, стр. 46.

издателя «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», предложилъ имѣть за редакціею Вѣдомостей *самое строгое наблюденіе*. Конечно, это была только канцелярская отписка, pour acquit de consience (такъ какъ какія же непремѣнный секретарь имѣлъ средства для такого наблюденія?); но такое распоряженіе во всякомъ случаѣ несомнѣнно показываетъ, что Краевскій не былъ persona grata у тогдашняго цензурнаго вѣдомства.

При этихъ обстоятельствахъ, въ виду предстоявшаго истеченія срока контракта съ Очкинымъ (31 Дек. 1862), Академія должна была заблаговременно позаботиться о томъ, чтобы передать газету въ болѣе способныя руки, чтобы въ то время, когда подготовлялись великія реформы государственныя, открывались новые горизонты для общественной дѣятельности и зарождалась у насъ публицистика, имѣть во главѣ редакціи человѣка, который сдѣлалъ бы изъ старѣйшей Русской газеты органъ, отвѣчающій требованіямъ времени [7]). Въ охотникахъ сѣсть на редакторское кресло послѣ Очкина недостатка не было, особенно между чиновниками и такого сорта претендентами, которые готовы были, за неимѣніемъ литературныхъ заслугъ, проложить себѣ дорожку путемъ протекціонизма. При этомъ случаѣ нельзя не вспомнить съ глубокою признательностью о графѣ Д. Н. Блудовѣ. Высоко цѣня Академію, онъ никогда не оказывалъ на нее какого-либо давленія, въ угоду какихъ бы то ни было вліяній на него со стороны. По отличавшемуся его возвышенному чувству справедливости, онъ во всѣхъ дѣлахъ, связанныхъ съ честью Академіи, оказывалъ ей полное довѣріе и предоставлялъ ей самой свободно рѣшать всѣ тѣ самые существенные и деликатные вопросы, по которымъ она одна несла отвѣтственность. Когда я, по своей должности, въ первый разъ докладывалъ ему дѣло о газетѣ и спросилъ, не имѣетъ ли онъ въ виду кого либо, кому онъ считалъ бы желательнымъ поручить редакцію, то графъ Блудовъ сказалъ мнѣ, что онъ предоставляетъ Академіи поискать достойнѣйшаго, полагаясь вполнѣ на ея выборъ, но не желаетъ стѣснять Академію какимъ-либо съ своей стороны указаніемъ, *лишь бы только не былъ ею предложенъ въ редакторы Краевскій*; это произнесъ онъ съ особымъ удареніемъ, которое давало знать, что это не мимолетная фраза. Тогда я обратилъ вниманіе Блудова на то, что

---

[7]) Что такимъ человѣкомъ не могъ быть и физически и умственно отжившій Очкинъ, въ томъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Это доказалъ всего лучше самъ же Очкинъ, когда, по прекращеніи своего контракта съ Академіею, онъ затѣялъ издавать новую ежедневную газету «Очерки», жалко просуществовавшую всего съ небольшимъ три мѣсяца (съ 1 Января по 8 Апрѣля 1863 года); а черезъ два года и самъ Очкинъ скончался, 12 Марта 1865 года.

лучшею большою политическою газетою были тогда «Московскія Вѣдомости», что своимъ превосходствомъ они, конечно, обязаны таланту ихъ редактора М. Н. Каткова, а такъ какъ газета издавалась тогда еще за счетъ университета, съ платою редактору жалованья, то Катковъ могъ бы имѣть для себя болѣе выгоды отъ изданія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» на арендномъ правѣ, и поэтому, можетъ быть, согласился бы переселиться въ Петербургъ и взять въ аренду Академическую газету. Эта мысль очень понравилась графу Блудову; онъ поручилъ мнѣ написать объ этомъ Каткову въ Москву и передать ему отъ имени графа предложеніе о принятіи въ его руки изданія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Вернувшись къ себѣ, я тотчасъ же написалъ Каткову и, не будучи съ нимъ знакомъ лично, но зная, что онъ человѣкъ знающій себѣ цѣну, я постарался не просто передать ему предложеніе, но вмѣстѣ облечь его въ такую форму и обставить такими аргументами, которые могли бы подѣйствовать на рѣшеніе принять предложеніе. Но со времени отправленія этого письма прошло около шести мѣсяцевъ, а отъ Каткова, къ изумленію, не было ни отвѣта, ни привѣта. Такое молчаніе нельзя было иначе понять, какъ за отказъ. Сама собою представлялась догадка, что Катковъ не рѣшается перенести всю свою дѣятельность изъ Москвы въ Петербургъ. А между тѣмъ время летѣло, и долѣе медлить рѣшеніемъ дѣла о газетѣ не было возможно. Тогда явилась мысль о Валентинѣ Ѳедоровичѣ Коршѣ. Его въ Академіи лично не знали; но на него, какъ на желаннаго кандидата, указывало то обстоятельство, что онъ, какъ помощникъ Каткова по редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», конечно имѣлъ немалое участіе въ трудахъ, доставившихъ этой газетѣ ея выдающееся положеніе въ Русской тогдашней прессѣ. Въ этихъ соображеніяхъ было, по порученію графа Блудова, писано Коршу, который, вмѣсто того, чтобы перекидываться письмами, тотчасъ же пріѣхалъ изъ Москвы и подалъ графу Блудову, 23 Января 1862 года, записку объ условіяхъ, на которыхъ онъ соглашался принять на себя изданіе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Между тѣмъ, Блудовымъ получено было 16 Апрѣля того же года увѣдомленіе отъ министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина, что по всеподданнѣйшему докладу его о порядкѣ отдачи въ аренду «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ предоставить графу Блудову отдавать эти Вѣдомости собственною его властію лицамъ по его избранію и на усло-

віяхъ, какія онъ признаетъ правильными [8]). При этомъ Головнинъ просилъ увѣдомить его, въ свое время, *только для свѣдѣнія*, кому и на какихъ условіяхъ будетъ предоставлено изданіе Вѣдомостей съ 1-го Января 1863 года. На этомъ основаніи проектъ контракта съ Коршемъ былъ утвержденъ графомъ Блудовымъ 28-го Апрѣля 1862 года, срокомъ на шесть лѣтъ, съ 1-го Января 1863 по 31 Декабря 1868 г.

Прошло затѣмъ нѣсколько дней, вдругъ графъ Блудовъ потребовалъ меня къ себѣ. Когда я явился, онъ сказалъ мнѣ: «Вотъ Катковъ пріѣхалъ изъ Москвы, зашелъ къ Антонинѣ [9]), которая проситъ отдать ему «Петербургскія Вѣдомости». Я этого сдѣлать не могу, такъ какъ я уже далъ слово Коршу; но я готовъ доставить ему вознагражденіе въ иномъ видѣ: повидайтесь съ нимъ и предложите ему, не хочетъ ли онъ взяться издавать отъ имени Академіи ученый журналъ въ родѣ Парижскаго «Journal des Savants», при чемъ мы бы могли предоставить ему нужныя средства. А между тѣмъ онъ незнакомъ министру народнаго просвѣщенія и желаетъ быть ему представленнымъ. Вы хорошо знакомы съ А. В. Головнинымъ: такъ съѣздите къ нему съ Катковымъ и представьте его министру».

Такъ и было сдѣлано. Я заѣхалъ за Катковымъ въ гостинницу, въ которой онъ остановился, и привезъ его къ Головнину, который жилъ тогда на Гагаринской пристани. Представленіе было не длинное и ограничилось обычнымъ въ этихъ случаяхъ обмѣномъ фразъ. Головнинъ, который, съ близкими ему людьми и въ интимномъ кругу всегда былъ привѣтливъ и утонченно-любезенъ, почему-то, когда говорилъ какъ министръ съ людьми мало ему знакомыми, старался принимать на себя видъ какой-то напускной важности, которая мало шла къ его внѣшности. Этимъ ли, или чѣмъ другимъ, только на Каткова произвелъ онъ впечатлѣніе невыгодное. Когда мы вышли отъ министра, Катковъ тутъ же коротко сказалъ мнѣ: «*а не нравится мнѣ вашъ Головнинъ*».

Сдача съ 1863 года «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» въ аренду Коршу повлекла за собою два эпилога. Для Каткова она была поводомъ просить и получить въ арендное содержаніе «Московскія Вѣдомо-

---

[8]) Этимъ отмѣнялся существовавшій дотолѣ порядокъ, по которому объ отдачѣ Вѣдомостей въ аренду Академія входила съ представленіями къ министру народнаго просвѣщенія, а тотъ представлялъ въ Комитетъ Министровъ.

[9]) Графиня Антонина Дмитріевна Блудова, жившая съ отцомъ и всегда живо интересовавшаяся Русскою литературою.

сти», которыя онъ прежде издавалъ только какъ редакторъ на жалованьѣ, за счетъ университета, и создать, одною силою своего таланта, ѳрганъ печати небывалаго до того времени значенія. Въ немъ онъ явился систематическимъ и сильнымъ противникомъ Головнина. А Краевскій нашелъ себѣ дорогу къ сердцу министра народнаго просвѣщенія и при его поддержкѣ основалъ свою ежедневную политическую газету «Голосъ», съ характеромъ официоза Министерства Народнаго Просвѣщенія, который однако не смогъ защитить Головнина отъ страстныхъ нападокъ Московской газеты, но за то съ самаго своего основанія радушно открылъ свои столбцы, вѣроятно въ интересахъ народнаго просвѣщенія, безпрестаннымъ и всяческимъ нападкамъ на Академію Наукъ.

Нѣсколько позже вотъ какъ объяснялъ А. В. Головнинъ свои отношенія къ «Голосу». Въ письмѣ къ его непремѣнному секретарю Академіи отъ 20 Ноября 1863 года сказано: «Особыя отношенія этой газеты къ Министерству Народнаго Просвѣщенія заключаются въ томъ, что, по представленію министерства, г. Краевскому было разрѣшено издавать газету «Голосъ» *вслѣдствіе того, что „С.-Петербургскія Вѣдомости“ переданы были г. Коршу безъ соблюденія тѣхъ обыкновенныхъ условій приличія, на которыя имѣлъ полное право прежній редакторъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“*». Это очевидно писалось безъ всякой провѣрки, со словъ самого Краевскаго; а справедливо то, что относительно его не было со стороны Академіи ни малѣйшаго нарушенія какихъ бы то ни было приличій, по самой простой причинѣ, что онъ для Академіи и не былъ редакторомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»: если онъ, на время отлучекъ Очкина заграницу, и исполнялъ его обязанности, то эта была частная сдѣлка между ними, а для Академіи Краевскій былъ въ редакціи газеты лишь закулиснымъ дѣятелемъ, съ которымъ она не имѣла никакого дѣла и въ отношеніи къ которому не имѣла никакихъ обязательствъ.

К. Веселовскій.

КЪ СВѢДѢНІЯМЪ ОБЪ УКРАИНО-СЛАВЯНСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Напечатанные въ № 7 «Русскаго Архива» за 1892 г. матеріалы объ Украино-Славянскомъ Обществѣ (Н. И. Костомарова и его друзей) обратили на себя вниманіе въ Славянщинѣ и за предѣлами Россіи. Идея о Славянской взаимности многимъ кажется утопичной; по временамъ событіе, недальновидность и партикуляризмъ слабыхъ и сильныхъ подвергаютъ тяжкимъ испытаніямъ самое существованіе этой идеи. Но всетаки въ ней есть на столько жизненности, что дума всякаго мыслящаго Славянина, нѣтъ-нѣтъ, да и остановится на ней. А потому, даже помимо архивно-научнаго интереса, важно прослѣдить всѣ формы, какія принимала эта идея въ разныхъ странахъ и въ разныя времена. Проявленіе этой идеи въ Украино-Славянскомъ обществѣ, конечно, одно изъ самыхъ любопытныхъ, хотя бы по своей оригинальности, потому что она выражалась въ ученыхъ и поэтическихъ трудахъ такихъ даровитыхъ людей, какъ Костомаровъ и Шевченко.

Вотъ почему желательно опубликованіе всякаго рода матеріаловъ объ этомъ Обществѣ.

Въ сочиненіи Львовскаго профессора Е. Огоновскаго «Исторія Литературы Русской» (Малорусской, въ Россіи и Австро-Венгріи), печатающемся въ Львовской же газетѣ «Заря» и потомъ выходящемъ отдѣльно, помѣщены (во II части, 2 отдѣлѣ) два важныхъ документа объ Украино-Слявянскомъ обществѣ, которые лучше могутъ характеризовать стремленіе его членовъ, чѣмъ показанія на судебно-полицейскомъ допросѣ. Первый изъ этихъ документовъ есть *программа общества* слѣдующаго содержанія.

1. Принимаемъ, что духовное и политическое соединеніе Славянъ есть истинное ихъ назначеніе, къ которому они должны стремиться.

2. Принимаемъ, что при соединеніи каждое Славянское племя должно имѣть свою самостоятельность, и такимъ племенемъ признаемъ Южноруссовъ, Сѣвернoруссовъ съ Бѣлоруссами, Поляковъ, Чеховъ съ Словенцами, Лужичанъ, Иллиросербовъ съ Хорутанами, и Болгаръ.

3. Принимаемъ, что каждое племя должно имѣть правленіе народное и соблюдать совершенное равенство согражданъ по ихъ рожденію, христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и состоянію.

4. Принимаемъ, что правленіе, законодательство, право собственности и просвѣщеніе у Славянъ должны основываться на святой религіи Господа нашего Іисуса Христа.

5. Принимаемъ, что при такомъ равенствѣ образованность и чистая нравственность должны служить условіемъ участія въ правленіи.

6. Принимаемъ, что долженъ существовать общій Славянскій соборъ изъ представителей всѣхъ племенъ».

Напечатавъ эту программу, г. Огоновскій сдѣлалъ къ ней такое примѣчаніе: «Вышеприведенную программу Общества Кирилло-Меѳодіевскаго нашелъ одинъ Украинецъ между бумагами одного изъ членовъ этого политическаго общества и переписалъ ее для автора этой Исторіи литературы Малорусской». «Главныхъ же Правилъ общества» не могъ онъ, кромѣ девятаго пункта, сообщить автору, замѣчая, что о нихъ еще неудобно писать» (1888 г., Ист. литер., Р., ч. II, 2 отд., 447). Впрочемъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ г. Огоновскій напечаталъ въ продолженіи своего труда, въ главѣ о Костомаровѣ, всѣ 11 пунктовъ «Главныхъ Правилъ» въ такомъ видѣ:

1. Установляемъ общество съ цѣлью распространенія вышеизложенныхъ идей, преимущественно посредствомъ воспитанія юношества, литературы и умноженія числа членовъ Общества. Общество именуетъ своими покровителями святыхъ просвѣтителей Кирилла и Меѳодія и принимаетъ своимъ знакомъ кольцо и икону, съ именемъ или изображеніемъ сихъ святыхъ.

2. Каждый членъ общества произноситъ присягу, при поступленіи, употреблять дарованія, труды, состояніе, общественныя свои связи для цѣлей общества, и ежели бы какой членъ претерпѣлъ гоненіе и даже мученіе за принятыя обществомъ идеи, то, по данной присягѣ, онъ не выдастъ никого изъ членовъ, своихъ братій.

3. Въ случаѣ если членъ попадетъ въ руки враговъ и оставитъ въ нуждѣ семейство, общество помогаетъ ему.

4. Каждый принятый членъ общества можетъ принять новаго члена безъ необходимости сообщать ему объ именахъ прочихъ членовъ.

5. Въ члены принимаются Славяне всѣхъ племенъ и всѣхъ званій.

6. Совершенное равенство должно господствовать между членами.

7. Такъ какъ Славянскія племена въ настоящее время исповѣдываютъ различныя вѣроисповѣданія и имѣютъ предубѣжденія другъ противъ друга, то общество будетъ стараться объ уничтоженіи всякой

письменной и религіозной вражды между ними и распространять идею о возможности примиренія разногласій въ христіанскихъ церквахъ.

8. Общество будетъ стараться заранѣе объ искорененіи рабства и всякаго униженія низшихъ классовъ, равнымъ образомъ и о повсемѣстномъ распространеніи грамотности.

9. Какъ все общество въ совокупности, такъ и каждый членъ должны свои дѣйствія соображать съ Евангельскими правилами любви, кротости и терпѣнія; правило же: цѣль освящаетъ средства общество признаетъ безбожнымъ.

10. Нѣсколько членовъ общества, находясь въ одномъ извѣстномъ мѣстѣ, могутъ имѣть свои собранія и постановлять частныя правила для своихъ дѣйствій, но такъ чтобы они не противорѣчили главнымъ идеямъ и правиламъ общества.

11. Никто изъ членовъ не долженъ объявлять о существованіи общества тѣмъ, которые не вступаютъ или не подаютъ надежды вступить въ него (т-же, 751--752).

Костомаровъ въ «Письмѣ къ издателю Колокола», въ «Кіевской Старинѣ» и въ «Автобіографіи», продиктованной г-жѣ Бѣлозерской и напечатанной въ «Русской Мысли» (съ пропускомъ, послѣ напечатаннымъ въ «Русской Старинѣ» въ статьѣ г. В. Семевскаго), воспроизводитъ содержаніе важнѣйшихъ пунктовъ Программы и Главныхъ Правилъ вмѣстѣ, называя ихъ программой общества. Тутъ программа выходитъ то болѣе умѣренной, то болѣе радикальной. Съ наибольшими подробностями изложена эта программа Костомаровымъ въ «Автобіографіи», продиктованной г-жѣ Бѣлозерской:

«Общество имѣло цѣлью распространеніе идей Славянской взаимности и будущей федераціи Славянскихъ народовъ на основаніи полной свободы и автономіи народностей. Въ религіи (предполагалась) полная свобода. Всѣ вѣроисповѣданія должны пользоваться одинаковыми правами. Запрещалась всякая пропаганда, какъ безполезная при свободѣ; но предполагалось склонить Славянъ-католиковъ принять Славянскій языкъ въ богослуженіи.

«Относительно языка, который долженъ былъ сдѣлаться общимъ (посредничающимъ) для всѣхъ Славянъ, не рѣшалось окончательно; но предполагался языкъ Великорусскій, какъ наиболѣе распространенный.

«Предполагалось обязательное обученіе народа, уничтоженіе крѣпостнаго права и всякихъ привилегій, уничтоженіе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній.

«Предполагалось въ будущемъ, чтобы Славянскіе народы примкнули къ Россіи и образовали съ нею федерацію.

«Россія должна была разбиться на части или штаты: сѣверный, сѣверовосточный, юговосточный, два Волжскихъ—верхній и нижній, два Малороссійскихъ, одинъ средній, два южныхъ, два Сибирскихъ, одинъ Кавказскій; Бѣлоруссія составляла (бы) отдѣльный штатъ, также Польша, Чехія съ Моравіей, Сербія, Болгарія; часть Галиціи присоединялась къ Польшѣ, другая къ западному Малороссійскому штату и т. д. Такое дѣленіе не признавалось окончательнымъ и могло быть перестроено сообразно экономическимъ и другимъ потребностямъ.

«Кіевъ не долженъ былъ принадлежать ни къ какому штату и назначался центральнымъ городомъ собранія общаго сейма. Въ сеймѣ двѣ камеры: въ одной выбранные сенаторы и министры, въ другой депутаты. Общій сеймъ долженъ былъ собираться черезъ каждые четыре года и чаще въ случаѣ необходимости. Въ каждомъ штатѣ были (бы) свой сеймъ, который (бы) собирался ежегодно, свой президентъ и сенатъ. Верховная или центральная власть предоставлялась президенту, выбираемому на четыре года и двумъ министрамъ: иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ.

«Для общей защиты федераціи отъ внѣшнихъ враговъ предполагалось имѣть регулярныя войска, но не въ большомъ количествѣ, такъ какъ въ каждомъ штатѣ была (бы) своя милиція, и всѣ учились (бы) военному искусству на случай общаго ополченія».

Тутъ очевидна разница съ вышеприведенной Программой и Правилами по тексту г. Огоновскаго. Особенно характеристично раздѣленіе самыхъ племенныхъ областей Россіи на области земско - географическія.

Чѣмъ объяснить эти различія? Вспомнилъ ли Костомаровъ позднѣйшіе разговоры членовъ общества, или же другіе документы? Изъ Автобіографіи Костомарова видно, что имъ составлена была рукопись въ развитіе программы общества. Рукопись эта передана была на сохраненіе М. В. Юзефовичу, бывшему помощнику попечителя Кіевскаго учебнаго округа, по его предложенію, самимъ Костомаровымъ, за нѣсколько годовъ до обыска у послѣдняго, о чемъ пришелъ его предупредить самъ М. В. Юзефовичъ, и тотчасъ же была передана слѣдственной коммиссіи, допрашивавшей Костомарова предварительно въ Кіевѣ.

Разсказъ объ этомъ въ упомянутой «Автобіографіи» Костомарова напечатанъ былъ еще при жизни М. В. Юзефовича и имъ оспоренъ не былъ. Равно при жизни послѣдняго въ Кіевской газетѣ «Заря»

Н. П. Новицкій, авторъ нѣсколькихъ монографій по Малорусской исторіи и членъ Археографической Коммиссіи (которой М. В. Юзефовичъ былъ предсѣдателемъ), заявилъ, что имѣетъ у себя копію съ рукописи Костомарова, переданной Юзефовичу. Съ тѣхъ поръ и М. В. Юзефовичъ и Н. П. Новицкій умерли. Гдѣ упомянутая рукопись? Что́ говоритъ объ этомъ дѣлѣ другая, болѣе полная автобіографія Костомарова, которая напечатана въ книгѣ «Литературное Наслѣдіе» съ пропускомъ главы объ Украино-Славянскомъ обществѣ и его процессѣ?

Все это пора бы разъяснить, такъ какъ съ 1847 года прошла уже, по нынѣшнимъ временамъ, цѣлая вѣчность.

Въ запискѣ графа Орлова, напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ», нѣтъ указаній на рукопись, данную Костомаровымъ Юзефовичу, но говорится о какой-то «возмутительной рукописи, которую можно назвать объясненіемъ къ уставу общества». Составленіе этой рукописи, равно какъ и уставъ, принималъ на себя, какъ видно изъ записки графа Орлова, Бѣлозерскій. Но оттуда же видно, что составленіе устава бралъ на себя и Гулакъ. Докладъ графа Орлова вѣритъ болѣе Бѣлозерскому, «по его откровенности», нежели скрытному Гулаку. Но возможно, что оба они желали только выгородить Костомарова, при чемъ Бѣлозерскій показывалъ, что «уставъ и къ нему объясненіе онъ составилъ еще бывши студентомъ, въ лѣта́ ранней юности, когда въ головѣ его бродили неустановившіяся идеи, но потомъ бросилъ эти рукописи и болѣе не вспоминалъ о нихъ»; а судьямъ общества неловко было выдвигать Юзефовича, въ качествѣ доказчика на Костомарова. Словомъ, если «уставъ» общества есть скорѣе всего вышеприведенная Программа или Главныя Правила, то объяснительная къ нему записка, весьма вѣроятно, есть именно рукопись, данная Костомаровымъ Юзефовичу. Теперь обнародованіе этой рукописи дало бы почти полное разъясненіе тенденцій Украино-Славянскаго или Кирило-Меѳодіевскаго общества.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Объ арестѣ Костомарова и друзей его было въ свое время напечатано извѣстіе въ Аугсбургской *Allgemeine Zeitung* (1847, № 185, Іюля 4). Замѣтимъ, что докладъ графа Орлова помѣченъ 26 Мая 1847 года.

Извѣстіе это надписано такъ: *Граница Западной Пруссіи. Наказаніе панславистическихъ интригъ* (Umtriebe) и гласитъ слѣдующее: «Русскіе ученые и писатели позволили себѣ въ послѣднее время распространять въ Австрійскихъ провинціяхъ съ Славянскимъ населені-

емъ, а именно въ Богеміи, Славянскія тенденціи, для осуществленія которыхъ они уже, кажется, давно работаютъ *), между тѣмъ какъ пресвѣтлѣйшій Императоръ, котораго политика искони основана на строжайшей законности, противенъ подобнымъ принципамъ,о которыхъ также и иностранныя Славянскія племена не хотятъ знать. Австрійское правительство напало на слѣды этихъ тайныхъ интригъ (Umtriebe) и пожаловалось Русскому, при чемъ оно указало даже мѣсто, гдѣ онѣ развивались въ Богеміи. Тамъ захватили извѣстнаго Кулешу (Kulescha), бывшаго приватъ-доцента Русскаго языка въ Петербургскомъ университетѣ, прибывшаго уже въ Славянскія земли для восполненія своихъ Славянскихъ знаній. Другія подозрительныя лица, между ними преподаватели Кіевскаго университета, были захвачены въ Кіевѣ и въ Малорусскихъ провинціяхъ и привезены въ Петербургъ, гдѣ были заключены въ Петропавловскую крѣпость и подвержены строгому слѣдствію на основаніи существующихъ законовъ. Этотъ урокъ вѣроятно отниметъ надолго у Русскихъ панславистовъ охоту распространять далѣе ихъ бредни (Träume). Впрочемъ все это дѣло окутано въ такую глубокую темноту, что о немъ ничего не извѣстно, кромѣ неясныхъ слуховъ.»

Этимъ извѣстіемъ подтверждаются тѣ свѣдѣнія, которыя почтенный издатель «Русскаго Архива» сообщилъ въ № 7-мъ 1892 года, со словъ покойнаго графа Блудова и его дочери, а именно: «Покойный гр. Блудовъ неоднократно передавалъ намъ, что именно изъ Вѣны (отъ гр. Меттерниха) приходили (въ Петербургъ) напугиванья Украино-и Славянофильствомъ; а дочь его, графиня Антонина Дмитріевна, позднѣе подружившаяся съ Н. И. Костомаровымъ (вѣдь онъ первый заговорилъ о братствѣ свв. Кирилла и Меѳодія), бывало, подшучивая надъ его непріязнію ко временамъ Николаевскимъ, утверждала, что собственно потерпѣлъ онъ отъ Меттерниха».

Но въ извѣстіи Аугсбургской газеты есть крупная неточность, а именно сообщеніе, что г. Кулишъ арестованъ былъ въ Богеміи, по указаніямъ Австрійскаго правительства, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ арестованъ въ Варшавѣ, еще на пути въ Западно Славянскія земли, и по связи съ Кіевскими пріятелями, арестованными вслѣдствіе доноса студента Петрова. Къ тому же мало вѣроятно, чтобы

*) Замѣтимъ, что циркуляръ графа С. С. Уварова о непригодности для Россіи панславизма, напечатанный въ 7-й кн. «Р. Архива» 1892, выводитъ его изъ Богеміи, что гораздо вѣрнѣе въ историческомъ смыслѣ.

правительство Меттерниха было достаточно ознакомлено съ топографическими и историческими условіями въ Россіи, чтобъ открыть тамъ украйнофильство. Достаточно и того, что когда само Русское правительство его открыло, то Меттернихъ могъ воспользоваться этимъ для поддержанія общаго реакціоннаго направленія, какъ воспользовался онъ въ свое время безпорядками въ Семеновскомъ полку [1]).

Въ извѣстіи Аугсбургской газеты интересно во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что общій характеръ Славянскаго общества Костомаровъ опредѣляетъ въ немъ вѣрно. Въ Россіи же, гдѣ все дѣло держалось въ секретѣ, молва приписала обществу цѣли совсѣмъ не Славянскія, а частныя Украинскія и даже цѣль возстановленія гетьманщины Малороссійской. Такое представленіе держалось до самаго послѣдняго времени, до появленія автобіографическихъ статей Костомарова въ «Кіевской Старинѣ» и др. Такъ положено было начало миѳу объ Украинскомъ сепаратизмѣ. Миѳъ этотъ подогрѣтъ былъ въ 1863 г. и осложнился новымъ, о Польской интригѣ, которая будто бы выдумала и Украинское движеніе. Между своими послѣдствіями такія представленія породили и стѣсненіе Малорусской литературы, распоряженіями 1863 и 1876 гг. [2]), при чемъ запрещенію подверглись наименѣе сепаративныя отрасли этой литературы: книги религіозныя, до перевода Св. Писанія включительно, и популярно-научныя.

Тѣмъ часомъ въ Австріи отношеніе къ славизму перемѣнилось. Чехи (по крайней мѣрѣ Старочехи) появляются тамъ въ числѣ министровъ, какъ и Поляки. Славизма перестали бояться, по крайней мѣрѣ въ Цислейтаніи. Дѣлаются попытки не только уложить его въ рамки Австрійскія, но воспользоваться имъ для расширенія Австрійскаго вліянія, даже для превращенія Австріи въ дѣйствительное Восточное Царство. Перестало Австрійское правительство, имѣющее у себя въ Галиціи, Буковинѣ и Вост. Венгріи болѣе 3.000.000 Малороссовъ, перестало бояться и въ частности украйнофильства, хотя еще въ началѣ 60-хъ годовъ, когда въ Австрійскую Русь проникли сочиненія Шевченки, Костомарова, Кулиша и младшихъ Украйнскихъ писателей какъ М. Вовчокъ, Австрійская администрація боялась Украинской «казакоманіи» и «хлопоманіи» (народничества), а Польскіе паны-чиновники въ Галиціи усматривали за этимъ направленіемъ и наклонъ къ Православію отъ Уніи.

---

[1]) И какъ намѣревалось воспользоваться броженіемъ умовъ по кончинѣ Александра Павловича (Австрійскій посланникъ въ Петербургѣ Лебцельтернъ и предполагаемый диктаторъ князь Трубецк[о]й были женаты на родныхъ сестрахъ). П. Б.

[2]) Тутъ [въ] 1876 г. дѣйствовалъ тотъ же М. В. Юзефовичъ, не тѣмъ будь помянутъ! П. Б.

Теперь Австрійское правительство примирилось съ Малорусскимъ языкомъ въ народныхъ школахъ и даже открываетъ для него гимназіи и университетскія каѳедры въ Галиціи и Буковинѣ. Нѣсколько обществъ литературныхъ, педагогическихъ и научныхъ работаютъ для этого языка и издаютъ на немъ болѣе десятка журналовъ. Въ эти журналы посылаютъ свои сочиненія и любители Украинской литературы изъ Россіи. При возрастающемъ числѣ этихъ любителей и при увеличеніи международнаго движенія и обмѣна, вслѣдствіе желѣзныхъ дорогъ, остановить это сотрудничество Украинцевъ въ Австрорусскихъ изданіяхъ нѣтъ возможности. Такимъ образомъ стѣсняемая въ Россіи, Украинская литература притягивается въ Австрію, не смотря на то, что въ послѣдней живетъ только малое меньшинство Малорусскаго племени, а потому естественнѣе было бы видѣть обратное движеніе.

Напечатавъ документы объ Украино-Славянскомъ обществѣ и соображенія о вліяніи Меттерниха на возбужденіе въ Россіи страховъ передъ Украино-славянофильствомъ, издатель «Русскаго Архива» говоритъ: «Читая вышепомѣщенныя бумаги, съ грустью повторяешь: къ чему гибель сія бысть?»

Нѣсколько сходный вопросъ можно теперь предложить и въ виду положенія Малороссійской литературы въ Россіи и въ Австріи.

М. К.

ЕЩЕ О КІЕВСКОМЪ МИТРОПОЛИТѢ ПЛАТОНѢ.

Въ „Русскомъ Архивѣ“, появился разсказъ умершаго митрополита Платона о томъ, какъ ему, *на Дону, въ концѣ сорокоуста по смерти императора Николая*, явилась тѣнь этого государя. Разсказъ этотъ дословно приведенъ г. Палимпсестовымъ, которому преосвященный повѣдалъ всѣ подробности появленія предъ нимъ тѣни усопшаго Императора; а „Новое Время“ нашло этотъ разсказъ „заслуживающимъ вниманія по авторитетности лица“, отъ котораго онъ вышелъ. Мы не будемъ повторять этого повѣствованія, такъ какъ оно для насъ не новость изъ устъ бывшаго Рижскаго, впослѣдствіи Донскаго, потомъ Одесскаго архіепископа, а затѣмъ и Кіевскаго митрополита; читателямъ же оно уже извѣстно изъ подробнаго сообщенія г. Палимпсестова, напечатаннаго въ „Русскомъ Архивѣ“ (вып. 4-й).

Прежде всего мы должны замѣтить, что когда исходилъ сорокоустъ по императорѣ Николаѣ (1855 г.), то преосвященнаго Платона *не было* на Дону, куда онъ пріѣхалъ спустя 12 лѣтъ (1867 г.) послѣ смерти этого государя. Значитъ, видѣніе было никакъ не на Дону, а гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ— въ Ригѣ, Псковѣ, Ковнѣ, гдѣ Платонъ архіерействовалъ попеременно съ 1843 по 1867 годъ.

Переходя затѣмъ къ увѣренію усопшаго митрополита, что онъ „лжецомъ никогда не былъ“, хотя „подъ часъ“ бывалъ „чрезъ мѣру словоохотливъ“, мы не можемъ не обратить особаго вниманія на „словоохотливость“ высокопреосвященнаго. Архіепископъ Платонъ въ 1867 г. замѣстилъ въ Новочеркасскѣ преосвященнаго Іоанна, пробывшаго на Дону 20 лѣтъ и отличавшагося истинно-монашескимъ смиреніемъ, добродушіемъ и симпатичностью, каковыя качества, однако, не мѣшали ему проявлять твердость своего характера въ тѣхъ случаяхъ, когда это было нужно. Поэтому, излишняя слово-

охотливость архіепископа Платона, въ которой онъ и самъ сознается, не могла не показаться мѣстнымъ мірянамъ нѣкоторою рѣзкостью сравнительно съ поведеніемъ преосвященнаго Іоанна. Но такой недостатокъ новаго преосвященнаго, представляя собою одну изъ общечеловѣческихъ слабостей, не помѣшалъ ему въ скорости привлечь къ себѣ симпатіи мѣстнаго общества, хотя не въ такой степени, какъ къ его предшественнику, единодушныя, но тѣмъ не менѣе весьма замѣтныя. Къ этому, вполнѣ простительному, качеству въ природѣ архіепископа Платона нельзя не прибавить еще другаго, тоже словоохотливостью объясняемаго, недостатка—разсказывать своимъ знакомымъ о представлявшихся ему видѣніяхъ, въ числѣ которыхъ, однако, онъ здѣсь не разсказывалъ о явленіи ему тѣни императора Николая Павловича. Я имѣлъ возможность, сравнительно съ другими, часто бесѣдовать съ усопшимъ митрополитомъ, сначала по случаю редактированія мною бывшей газеты „Донской Вѣстникъ", а потомъ, въ 1876 г., когда, согласно приглашенію покойнаго И. С. Аксакова, я состоялъ въ числѣ лицъ, которыя, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Платона, занимались снаряженіемъ и отправкою Донскихъ добровольцевъ на помощь Сербамъ въ войнѣ ихъ съ Турками. Вслѣдствіе такого близкаго соприкосновенія, я получалъ возможность быть *личнымъ* свидѣтелемъ „чрезмѣрной словоохотливости" архипастыря и такимъ же слушателемъ его разсказовъ и о видѣніяхъ, представлявшихся ему въ разное время.

Вотъ одинъ изъ этихъ разсказовъ, наиболѣе похожій на тотъ, который приведенъ г. Палимпсестовымъ. Покойный митрополитъ былъ въ какой-то духовной семинаріи ректоромъ или профессоромъ (это безразлично). Въ одно время въ этомъ учебномъ заведеніи тяжко заболѣлъ одинъ изъ любимыхъ его учениковъ (я даже не забылъ и фамиліи этого воспитанника), за исходъ недуга котораго очень тревожился умершій владыка. Проснулся онъ, въ одно утро, очень рано, хотя свѣтъ уже проходилъ въ его келью въ щель, образовавшуюся отъ неплотно сходившихся внутреннихъ оконныхъ ставней. Владыка остановилъ на нѣкоторое время свои глаза на этой испускавшей свѣтъ щели и вскорѣ увидѣлъ какъ бы облако, освѣщенное этимъ свѣтомъ, а на облакѣ болящаго воспитанника. Умершій архипастырь поспѣшно всталъ съ кровати и устремилъ на видѣніе болѣе пристальный взоръ, сотворивъ крестное знаменіе. Но облако съ сидѣвшею на немъ тѣнью больнаго ученика, какъ будто отъ дуновенія вѣтра, понеслось по комнатѣ и исчезло въ переднемъ ея углу. Черезъ нѣсколько минутъ въ келью Платона постучался келейникъ и сообщилъ, что заболѣвшій ученикъ скончался.

Одна набожная дама при мнѣ разсказывала этому архіерею, что она, до личнаго знакомства съ нимъ, никогда до того не видѣвши владыки, увидѣла его во снѣ и точно такимъ, какимъ она его узрѣла въ первый разъ въ явѣ. Преосвященный, сотворивъ крестное знаменіе, сказалъ въ отвѣтъ

на этотъ разсказъ, что такъ какъ онъ самъ сподобленъ созерцать видѣнія, то естественно, что и онъ можетъ представляться въ видѣніяхъ же тѣмъ благочестивцамъ, которые имѣютъ съ его личностью духовное общеніе.

Кромѣ того, митрополитъ Платонъ, какъ онъ самъ неоднократно увѣрялъ многихъ своихъ собесѣдниковъ, въ томъ числѣ и меня, обладалъ силою исцѣлять недуги чрезъ одно прикосновеніе своей правой руки. Такъ во время архіерейства его въ Лифляндіи, пріѣхало въ Ригу одно знакомое владыкѣ, именитое по рожденію, богатое Русское семейство, состоявшее изъ молодыхъ мужа и жены и груднаго ребенка. Пріѣздъ этотъ состоялся наканунѣ какого-то праздника, о чемъ владыкѣ въ тотъ же день и было доложено. Преосвященный былъ очень удивленъ, когда, на другой день, служа литургію въ мѣстномъ соборѣ, онъ, въ числѣ молящихся, не нашелъ только что пріѣхавшихъ его знакомыхъ. Тотчасъ по возвращеніи изъ обѣдни, онъ посылаетъ къ новоприбывшимъ узнать, почему они не пришли въ храмъ въ праздничный день. Возвратившійся посланецъ доложилъ преосвященному, что пріѣхавшіе очень опечалены внезапною болѣзнью своего ребенка и слезно просятъ архипастыря пожаловать къ нимъ и помолиться Богу надъ недужнымъ Архіепископъ Платонъ немедленно ѣдетъ къ нимъ, застаетъ въ слезахъ отца, а мать, носившую больное дитя на рукахъ, въ совершенномъ отчаяніи. Ребенокъ, получивъ какую-то острую болѣзнь, прокричалъ всю ночь и, въ минуты посѣщенія архіерея, едва дышалъ, находясь при послѣднемъ издыханіи. Преосвященный, помолившись Богу, возложилъ на головку больнаго дитяти свою руку, и ребенокъ тотчасъ успокоился, а чрезъ нѣсколько минутъ, какъ выразился архіепископъ, даже „принялъ сосцы“. Окончательное затѣмъ выздоровленіе больнаго произошло также быстро.

Митрополитъ Платонъ вполнѣ вѣрилъ въ чудодѣйственную силу, которою обладала его правая рука. Въ скорости по прибытіи своемъ въ Новочеркаскъ изъ Риги, онъ посѣтилъ одно пользовавшееся извѣстностью и уваженіемъ семейство, въ которомъ старшій сынъ, имѣвшій болѣе 4 лѣтъ отъ роду, не говорилъ почти ни одного слова, хотя не былъ глухимъ отъ рожденія. Когда отецъ или мать сказали объ этомъ посѣтившему ихъ Платону, то сей послѣдній, подозвавъ къ себѣ малютку и трижды благословивъ его, возложилъ на его голову свою правую руку и приказалъ ему сказать слова̀: папа. мама. Но мальчикъ, бойко глядя въ лицо преосвященному, издалъ только какое-то неясное мычаніе, звуки котораго не имѣли ничего общаго со словами папа и мама. Платонъ повторилъ это до трехъ разъ, но мальчикъ остался при прежнихъ звукахъ. Это происходило въ гостиной, въ присутствіи многихъ лицъ, а въ томъ числѣ и моемъ. Преосвященный объяснилъ эту неудачу многолюдностью собранія, воспрепятствовавшей ему сосредоточиться въ молитвѣ.

Я оставляю въ сторонѣ много другихъ разсказовъ преосвященнаго Платона, относящихся къ области представлявшихся ему видѣній, такъ какъ

всѣ они одного характера, только съ перемѣною мѣстъ, лицъ и времени. Въ Новочеркаскѣ разновременно съ 1867 по 1877 годъ осталось еще много живыхъ свидѣтелей, коимъ такая „словоохотливость" почившаго владыки и увѣренность его въ своей способности исцѣлять недужныхъ извѣстны по личному опыту.

Эти свойства однако не мѣшали знаменитому архипастырю быть мужественнымъ борцомъ за Православіе и Русскую народность.

А. Карасевъ.

Новочеркаскъ,
2 Мая 1893 г.

МАРКИЗЪ КАСТЕЛЬБАЖАКЪ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ ПАВЛОВИЧѢ [1]).

Хотя Николай Павловичъ самымъ рѣшительнымъ образомъ не одобрялъ намѣренія принца Людовика Наполеона перемѣнить во Франціи республиканское правленіе и провозгласить себя императоромъ, но въ бесѣдахъ своихъ съ Французскимъ посланникомъ при Русскомъ дворѣ маркизомъ Кастельбажакомъ онъ не обнаруживалъ ни малѣйшаго чувства непріязни къ человѣку, „избранному всеобщей подачей голосовъ". „Императоръ Николай I-й", доносилъ маркизъ, „государь чрезвычайно эксцентричный. Его трудно вполнѣ разгадать: такъ велико разстояніе между его хорошими качествами и его недостатками. Внушая страхъ и уваженіе окружающимъ его, онъ въ тоже время надежный другъ и своей сердечной нѣжностью нерѣдко уподобляется молодой романической женщинѣ, хотя иногда на ряду съ этимъ чувствомъ обнаруживаетъ необыкновенную суровость и неумолимость при малѣйшей съ чьей либо стороны ошибкѣ. Его прямодушіе и здравомысліе иногда помрачались лестью царедворцевъ и союзныхъ государей и заставляли его впадать въ непростительныя ошибки, но никогда не отвлекали его совершенно отъ предназначенной имъ цѣли. Онъ признателенъ къ тѣмъ, кто ему довѣряетъ, и обижается если ему не довѣряютъ; очень чувствителенъ, не скажу къ лести, но къ одобренію его дѣйствій. Вотъ между такими-то подводными камнями приходится съ нимъ плыть: положеніе весьма трудное для иноземнаго дипломата, которому надлежитъ охранять не только свое личное достоинство, но, что̀ гораздо важнѣе, достоинство представляемаго имъ правительства. Впрочемъ, лично и даже политически, онъ очень расположенъ къ принцу Людовику и, не смотря на то, что ему нелегко бываетъ поступаться съ однажды провозглашенными началами, препятствій и серіозныхъ затрудненій съ его стороны нельзя ожидать. Необходимо однакоже постоянно бороться съ недоброжелательными увѣдомленіями [2]), въ коихъ нѣтъ недостатка. Къ счастію, императоръ откровеннаго характера".

---

[1]) Изъ донесеній Французскаго посланника при Русскомъ дворѣ генерала маркиза Кастельбажака.

[2]) Въ это время жило въ Парижѣ много Русскихъ знатныхъ дамъ: Калержи, Зеебахъ (племянница и дочь графа Нессельроде), княгиня Меншикова, княгиня Ливенъ. Онѣ писали въ Петербургъ о всемъ, что̀ происходило въ Елисейскомъ дворцѣ.

Въ послѣдовавшей за симъ депешѣ маркизъ Кастельбажакъ, упомянувъ о томъ, что императоръ Николай I не всегда вѣритъ сплетнямъ, что проникнутый возвышенными идеями и истинными христіанскими чувствами, онъ стремится ко всему великому и охранительному, продолжаетъ: „Провозглашеніе имперіи можетъ однакоже встрѣтить здѣсь нѣкоторыя затрудненія въ такомъ случаѣ, еслибы мы, подражая примѣру Людовика XVIII по отношенію къ легитимизму, вмѣсто того, чтобы предоставить перемѣну образа правленія свободному выбору народа (какъ это было при провозглашеніи десятилѣтняго президентства), пожелали считать началомъ ея день смерти Наполеона или герцога Рейхштатскаго. Русскій государь восторженно относится къ принцу, онъ видитъ въ немъ спасителя Франціи; но самодержавный монархъ полагаетъ, что еще надолго плотиною, сдерживающей демократическій потокъ, должно служить правленіе республиканское. Это удивитъ не только людей недостаточно знакомыхъ съ его убѣжденіями, но и тѣхъ, кто его хорошо знаетъ. Въ его словахъ: „сохраните республику сильную и консервативную и берегитесь имперіи", слѣдуетъ видѣть искренній совѣтъ друга, который, указывая на опасность, желаетъ ее отдалить". Очарованный обхожденіемъ Николая Павловича, посланникъ не сомнѣвался въ дружбѣ его къ Франціи.

Извѣстно, что императоръ Николай не могъ простить Людовику Наполеону его Бордоской рѣчи, гдѣ было сказано: „когда Франція довольна, вся Европа спокойна". „Эта фраза", писалъ маркизъ, „задѣла за живое истыхъ Русскихъ людей; царь же воскликнулъ: „Франція, повидимому, воображаетъ себѣ, что она служитъ осью, вокругъ которой вращается весь остальной міръ".

Мнѣ стоило много труда успокоить императора Николая относительно появленія Польскаго мундира на праздникѣ 10 Мая. Онъ никогда не пойдетъ на уступки по двумъ предметамъ: во всемъ, что̀ касается Греческой вѣры и Польскихъ повстанцевъ. Во всѣхъ прочихъ вопросахъ онъ болѣе или менѣе легко и охотно уступаетъ, подчиняясь политической необходимости и благоразумію. Хотя онъ и находится во главѣ самодержавнаго правленія, тѣмъ не менѣе онъ обязанъ считаться съ религіозными чувствами и народнымъ духомъ своихъ подданныхъ, источниками своей силы. Я не вѣрю алчнымъ видамъ Россіи на Турцію. Съ моего пріѣзда сюда я отрѣшился отъ взгляда Запада на честолюбивые планы Николая I. Онъ руководствуется не той политикой, которой слѣдовала Екатерина II. Начиная съ 1848 года, его почти исключительно занимаютъ возстановленіе порядка въ Европѣ и развитіе торговли, земледѣлія, промышленности, улучшеніе нравственности и администраціи въ Русскомъ государствѣ. Вотъ въ чемъ видитъ онъ основы истиннаго могущества и процвѣтанія Россіи, и такими заботами достаточна полна его жизнь. Никогда онъ не согласится на то, чтобы закрыли для Россіи входъ въ Босфоръ и Балтійское море, или чтобы какая либо изъ великихъ державъ завладѣла Константинополемъ или Зундомъ; но и самъ онъ не желаетъ ими владѣть, будучи увѣренъ, что владѣніе Стамбуломъ повлечетъ за собой распаденіе Московской имперіи и послужитъ поводомъ для всеобщей войны. „Повѣрьте моимъ словамъ", говоритъ царь, „убѣдитесь, что Россія болѣе всего

желаетъ мира и мирнаго объединенія Польши съ имперіею". „Съ такими намѣреніями Николай I необходимо долженъ сдѣлаться союзникомъ Франціи", заключаетъ свою депешу генералъ Кастельбажакъ.

Возвратившись въ Петербургъ изъ отпуска 14 Ноября 1851, посланникъ доносилъ о слѣдующемъ разговорѣ своемъ съ императоромъ Николаемъ I. *Императоръ*: „Вамъ извѣстны мои чувства къ принцу Людовику-Наполеону; я питаю къ нему высокое уваженіе, но меня непріятно поразили выраженія въ его посланіи къ Сенату [3]. Признаться, я не ожидалъ подобнаго заявленія началъ. Мы считаемъ себя старшими (les anciens) и потому заслуживаемъ, чтобы къ намъ относились съ нѣкоторымъ вниманіемъ и осторожностью. Дядя его, Наполеонъ I, напалъ на Россію, и мой братъ императоръ Александръ I, защищаясь со славой, отстоялъ независимость своей страны. Согласившись безъ оговорокъ со словами посланія, я тѣмъ самымъ отступился бы отъ того, что было совершено моимъ братомъ и его союзниками. Ни Австрія, ни Пруссія, ни даже Англія не могутъ допустить подобную обиду (injure). Признаюсь, что, полный довѣрія къ твердости и прямодушію принца-президента, я не ожидалъ подобнаго опредѣлительнаго заявленія. Я былъ всегда его сторонникомъ, а онъ забываетъ услуги, оказанныя ему мною. Особенно въ Берлинѣ моя посредническая роль была не изъ самыхъ легкихъ. Теперь же, когда всѣ затрудненія устранены, всѣ сомнѣнія разрѣшены и всѣ подозрѣнія улажены, все снова становится вопросомъ вслѣдствіе этихъ несчастныхъ словъ посланія". *Маркизъ Кастельбажакъ*: „Ваше в—во придаете этому акту слишкомъ большое значеніе..." Желая смягчить рѣзкость выраженій Императора, посланникъ писалъ по этому поводу: „Выраженія посланія очевидно ослабили довѣріе Николая I къ будущимъ событіямъ, непріятно затронули его самолюбіе и въ это дѣло, касающееся боковой линіи и титула Наполеона III, внесли болѣе горячности и настойчивости, чѣмъ можно было ожидать. Но если царь и не отказывается отъ своихъ легитимистичныхъ убѣжденій, то, съ другой стороны, онъ не дорожитъ ни графомъ Шамборомъ, ни Орлеанскими принцами; на послѣднихъ онъ смотритъ какъ на воплощенную революцію, а первыхъ, любя и сожалѣя (сказалъ онъ мнѣ) считаетъ не только невозможными, но даже опасными".

„Его величество", говорилъ графъ Нессельроде, „готовъ признать Людовика-Наполеона императоромъ и поддерживать съ нимъ добрыя отношенія; но, будучи для Франціи Наполеономъ III, для Россіи онъ можетъ быть только императоромъ Людовикомъ-Наполеономъ. Впрочемъ явно протестовать мой государь не будетъ; онъ ограничится тѣмъ, что на своихъ письмахъ не выставитъ адреса: Наполеону III. Подобные случаи въ сношеніяхъ Россіи съ Франціей бывали и въ прежнія времена. Послѣдняя въ продолженіи 30 лѣтъ не признавала императорскаго титула Петра В. Затѣмъ, въ первоначальныхъ

---

[3]) „Народъ желаетъ возстановленія императорскаго достоинства въ лицѣ Людовика-Наполеона Бонапарте и его прямаго потомства".

сношеніяхъ между Наполеономъ I и Александромъ I, употреблялось лишь слово „sire“ и выраженіе „mon frère“ появилось уже послѣ ихъ сближенія“. Россія, пишетъ маркизъ, не желаетъ быть воспріемницей (parrain) второй имперіи и оспариваетъ у нея право занять подобающее ей мѣсто въ ряду царствующихъ родовъ; не скрывая презрѣнія къ королю Жерому и его сыну, она отвергаетъ право наслѣдства Наполеонидовъ. Въ досадѣ на неуспѣхъ своихъ переговоровъ, маркизъ Кастельбажакъ восклицаетъ: „Императоръ и его канцлеръ, подобно балованнымъ дѣтямъ, не допускаютъ ни малѣйшаго противорѣчія.“ По прошествіи нѣсколькихъ дней графъ Нессельроде обратился къ Французскому посланнику съ такими словами: „Прошу васъ объявить вашему правительству, что, не отрицая верховной власти въ лицѣ его в—ва императора Французовъ, намъ въ нашихъ актахъ невозможно титуловать его Наполеономъ Третьимъ. Мы вовсе не настаиваемъ, чтобы принцъ-президентъ усвоилъ себѣ нашу историческую точку зрѣнія; но нужно, чтобы и онъ, въ свою очередь, также не заставлялъ насъ смотрѣть на этотъ вопросъ съ его точки зрѣнія.“

Когда Людовикъ-Наполеонъ, занятый мыслью о предстоящемъ переворотѣ, забылъ или не пожелалъ отвѣчалъ на письмо императора Николая I, врученное ему нашимъ посломъ Киселевымъ почти наканунѣ важнаго событія 2-го Декабря, и въ которомъ заявлялось, что титулъ его останется спорнымъ (serait contesté): то обиженный этимъ молчаніемъ и въ досадѣ на презрѣніе къ его совѣтамъ, Николай Павловичъ заявилъ, что императоръ Французовъ навсегда останется лично для него лишь *случайнымъ* монархомъ (souverain de rencontre). Послѣ всѣхъ увѣреній въ чувствахъ симпатіи царя къ принцу маркизъ Кастельбажакъ былъ немало пораженъ такимъ исходомъ переговоровъ и поспѣшилъ къ графу Нессельроде, въ надеждѣ получить объясненіе, смягчающее рѣзкій отзывъ объ его государѣ. Но министръ, ссылаясь на припадки подагры, не принялъ маркиза, который вслѣдъ за тѣмъ также объявилъ, что у него ревматизмъ.

Въ тоже время между нашимъ посломъ и Французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ происходили такого рода объясненія. *Графъ Киселевъ:* Россія не требуетъ отъ Франціи болѣе того, что она сама ей предоставляетъ. *Друенъ-де-Люисъ*: Вы это изволите называть взаимною уступчивостью? Въ чемъ же состоитъ она?—*Посолъ*: Во взаимномъ согласіи.—*Министръ*: Но я этого согласія не вижу, когда на личное дѣйствіе одной стороны отвѣчаютъ съ другой возмездіемъ (représailles).

Несмотря на обостренныя отношенія между Русскимъ и Французскимъ кабинетами, императоръ Наполеонъ принялъ Русскаго посла 5 Января н. ст. на аудіенціи, съ большой торжественностію. Противъ обычая, взявъ письмо Николая I изъ рукъ графа Киселева, распечатавъ и прочитавъ его [4]), онъ ласковымъ голосомъ поручилъ горячо поблагодарить Его Императорское Величество за его благосклонность и особенно за выраженіе „mon bon ami“ [5]),

[4]) Полагаютъ, что содержаніе письма ему было уже извѣстно.—[5]) Николай позже говорилъ посланнику: „императоръ Наполеонъ давно пользуется моимъ довѣріемъ; надѣюсь, что онъ не откажетъ мнѣ также въ своемъ; у меня слова имѣютъ смыслъ, а не суть пустыя рѣчи“.

прибавивъ: „своихъ братьевъ мы обязаны признавать (l'on subit ses frères), но друзей мы избираемъ". Графъ Киселевъ, сходя съ дворцовой лѣстницы, внезапно остановился и, какъ бы сожалѣя, что онъ послужилъ орудіемъ роковой ошибки, сказалъ сопровождавшему его барону Мейендорфу, смущенно смотря на него: „этотъ не позволитъ съ собой шутить" (Décidement c'est quelqu'un).

Извѣщенный по телеграфу объ этой аудіенціи, императоръ Николай тотчасъ же пригласилъ къ себѣ маркиза Кастельбажака. Выйдя къ нему на встрѣчу и горячо обнявъ посла, онъ сказалъ: „Я счастливъ, что наши дѣла такъ хорошо окончились. Благодарю императора Наполеона; благодарю въ особенности за то, что онъ оставилъ васъ при мнѣ. Никто болѣе моего не одобрялъ и не содѣйствовалъ одобренію другими государями смѣлаго дѣла 2 Декабря и вообще всей политики принца; никто болѣе моего не расположенъ поддерживать его правительственныя мѣры; но въ виду всѣхъ тѣхъ перемѣнъ во Франціи, которыхъ былъ я свидѣтелемъ, съ тѣхъ поръ какъ на престолѣ, будетъ ли благоразумно съ моей стороны связывать себя на будущее время, которое не принадлежитъ принцу и которымъ онъ съ увѣренностью не можетъ располагать? Могу ли я питать такое же довѣріе къ его боковой линіи?" Затѣмъ императоръ сталъ дурно отзываться о королѣ Жеромѣ и его семействѣ. Маркизъ хотѣлъ было возражать, но, смущенный грознымъ взглядомъ Николая принужденъ былъ замолчать. Признавая личныя достоинства Наполеона III, Русскій государь будто бы присовокупилъ, что „принцъ-президентъ заслужилъ признательность Франціи и всей Европы, что онъ понялъ вѣрнѣе, нежели мы, все положеніе дѣлъ, вѣрнѣе всѣхъ государственныхъ людей Франціи въ теченіе двухъ послѣднихъ правленій, и что если онъ будетъ вѣрно слѣдовать своей программѣ, не увлекаясь вульгарнымъ честолюбіемъ, то сразу займетъ высокое мѣсто въ Европейской политикѣ и исторіи."

Въ депешахъ, касающихся возникшаго впослѣдствіи спора о Іерусалимскихъ святыняхъ, маркизъ Кастельбажакъ передавалъ слѣдующій разговоръ съ императоромъ Николаемъ I. „Пусть императоръ Наполеонъ отнесется ко мнѣ откровенно, письменно или черезъ васъ, и я точно также стану отвѣчать ему съ полной искренностію. Мы можемъ быть иногда различныхъ мнѣній, но, объяснившись, въ концѣ концевъ согласимся другъ съ другомъ". Затѣмъ Русскій государь внезапно перешелъ къ вопросу о святыхъ мѣстахъ. Нахмуря брови, онъ обратился ко мнѣ: „Вы говорили съ Нессельроде о примирительномъ предложеніи вашего правительства относительно этого достойнаго сожалѣнія дѣла. Вооруженія, на которыя вы указывали, вовсе не такъ значительны, какъ утверждаютъ. Я избѣгаю войны какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ и, если я считаю необходимымъ обратиться въ строгихъ выраженіяхъ къ этимъ лядащимъ (misérables) Туркамъ: то вѣдь изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы я признавалъ ея неизбѣжность. Они позволили себѣ оскорбить мой флагъ и, напуганные де-Лавалетомъ [6]), не только нарушили данное слово, но и позволили себѣ въ отношеніи меня дерзости".

---

[6]) Султанъ, по настоянію Французскаго посланника въ Константинополѣ де-Лавалетта,

По поводу этихъ словъ маркизъ замѣчаетъ, что вопросъ о святыхъ мѣстахъ очень близокъ сердцу Русскаго императора, потому что источникомъ его служитъ народное чувство. Затѣмъ императоръ продолжалъ: „Я вполнѣ довѣряю добрымъ и законнымъ намѣреніямъ вашего правительства и вовсе не думаю, чтобы оно съ цѣлью уклониться отъ затрудненій на Западѣ намѣревалось создать ихъ на Востокѣ. Мнѣ кажется, что этотъ вопросъ поднятъ совершенно не кстати, что его не поняли, запутали и разожгли второстепенные агенты, увлеченные слабостью Турціи, которую поочередно толкаютъ то въ одну, то въ другую сторону. Опасаюсь ежеминутно крушенія несчастной Оттоманской имперіи, тогда какъ поддержаніе ея для меня болѣе важно, чѣмъ для кого либо другаго". Затѣмъ маркизъ Кастельбажакъ прибавляетъ: „Думается мнѣ иногда, что императоръ Николай передъ удивленными взорами Европы готовится сыграть рыцарскую и сантиментальную мелодраму. Меня бы это ни чуть не удивило, принявъ во вниманіе его благородный и странный (bigarre) характеръ. Желая властовать надъ Турціей, онъ, однакоже, не имѣетъ намѣренія ускорять ея паденіе. Онъ желалъ бы только утвердиться тамъ съ помощію какого либо громкаго подвига. Этотъ геройскій и блистательный подвигъ состоялъ бы въ томъ, что, допустивъ Турцію ослаблять себя и распадаться отъ внутреннихъ раздоровъ и соперничества между христіанами и старо-Турками (vieux Turcs), затѣмъ придти къ султану на помощь и, не отнимая у него ни вершка земли, возстановить его на престолѣ. Тогда бы онъ въ великолѣпномъ манифестѣ возвѣстилъ Европѣ: смотрите на мой великодушный поступокъ, оставьте ваши несправедливыя подозрѣнія и впредъ судите обо мнѣ лучше".

„По окончаніи аудіенціи, заключаетъ посланникъ, государь, провожая меня изъ кабинета по смежному съ нимъ залу, и какъ бы желая засвидѣтельствовать мнѣ свою искреннюю симпатію къ Франціи, указалъ мнѣ на большую картину Гораса-Верне, смотръ войска Наполеономъ I въ Тюльери. „Вотъ взгляните, эта картина здѣсь у меня передъ глазами виситъ уже 15 лѣтъ".

Не смотря на дружеское расположеніе къ Кастельбажаку Николая Павловича и на искреннее желаніе посланника устранить недоразумѣнія, возникавшія между Россіей и Франціей, обѣ имперіи, благодаря проискамъ Англіи, были вовлечены въ кровопролитную войну, разрѣшившуюся смертью нашего государя и погромомъ Севастополя.

(Сообщилъ А. Ч.).

не сдержалъ своего слова, даннаго въ собственноручномъ письмѣ къ императору Николаю, и не обнародовалъ относившагося къ святымъ мѣстамъ фирмана.

ИЗЪ ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫХЪ РАБОТЪ ПО БІОГРАФІИ ГИЛЯРОВА.

Съ живѣйшимъ сочувствіемъ отнесется къ этой біографіи всякій, кому дорога Русская самостоятельная мысль, Русское живое умственное дѣло. Нижеслѣдующее написано въ отвѣтъ на отзывъ, полученный отъ одного изъ старѣйшихъ друзей Н. П. Гилярова: „Никита Петровичъ самый крупный Русскій публицистъ. Катковъ былъ блестящъ, но односторонненъ..., а Гиляровъ воистину былъ умозритель, видѣвшій ясно оба полюса каждой мысли. Такихъ умовъ на свѣтѣ немного". Сердечно желаемъ успѣха біографическому труду (образчикъ котораго уже появился въ Ревелѣ) и надѣемся, что со временемъ выйдетъ въ свѣтъ и собраніе сочиненій Н. П. Гилярова. П. Б.

*

Съ этимъ отзывомъ о Гиляровѣ нельзя не согласиться вообще: „такихъ умовъ на свѣтѣ не много". Но былъ ли онъ „самый крупный Русскій *публицистъ?*" Его ли это было истинное поприще? Почему же не занялъ онъ на самомъ дѣлѣ безспорнаго для всѣхъ, первенствующаго положенія въ этой области, а уступилъ первыя мѣста Каткову и Аксакову? Почему онъ не только не былъ популяренъ, но просто мало извѣстенъ, не смотря на то, что поприще его дѣятельности была именно большая дорога, гдѣ онъ былъ у всѣхъ на виду?

Онъ былъ моральный философъ. Въ этомъ едва ли былъ кто сильнѣе его между современными ему людьми. Онъ былъ истинный христіанскій мыслитель, и уже поэтому одному, скорѣе проповѣдникъ, чѣмъ публицистъ. Всего поразительнѣе онъ, конечно, былъ на каѳедрѣ, и тамъ было настоящее его мѣсто... Впрочемъ о Никитѣ Петровичѣ Гиляровѣ нельзя высказаться въ рамкахъ письма. Это океанъ глубины и широты. Чѣмъ ближе знакомишься съ интимною стороной его жизни, съ его перепиской, тѣмъ болѣе изумляешься его многосторонности и неисчерпаемости, и тѣмъ болѣе убѣждаешься, что въ газетныхъ листкахъ (коихъ вся жизнь нѣсколько часовъ) онъ не могъ высказывать лучшей и самой глубокой стороны своей. Особенно въ послѣдніе годы своей жизни онъ какъ бы спѣшилъ съ частными письмами, старался въ частной перепискѣ излить какъ можно болѣе общихъ и научныхъ своихъ взглядовъ — богословскихъ, моральныхъ, общественныхъ и политическихъ. Онъ не только чувствовалъ, что сфера публи-

циста — не его сфера, но и часто высказывалъ это, особенно въ послѣдніе годы, какъ друзьямъ, такъ и окружающимъ его и даже случайнымъ лицамъ. Онъ жаловался, что газета была ему навязана, что онъ въ нее втянутъ насильно, что онъ неудачникъ и пр.

Что касается до Каткова, то я тоже позволю себѣ найти ваше опредѣленіе узкимъ. Катковъ былъ не только „*блестящъ*“, но онъ обладалъ *талантомъ* публициста. У него были истинный энтузіазмъ и лирическое чувство. Онъ не только разъяснялъ вопросы, но онъ *увлекалъ;* онъ дѣйствовалъ не на одинъ умъ, а также и на *волю*, и преимущественно на сію послѣднюю. Катковъ могъ своею статьей *уничтожить* человѣка и тѣмъ подорвать его направленіе, на что Гиляровъ не былъ способенъ, потому что былъ христіанскій философъ-созерцатель, который убѣждалъ, а не сокрушалъ. Катковъ былъ настоящій практикъ, знавшій среду, въ которой ему приходилось дѣйствовать, и умѣвшій изъ людей дѣлать себѣ орудія. Гиляровъ вѣчно ошибался въ людяхъ и неоднократно идеализировалъ сущихъ змѣй, которыхъ еще и согрѣвалъ на своей груди. А сознайтесь, что не вполнѣ публицистъ тотъ, кто плохой практикъ и кто, какъ Гиляровъ, засаживаетъ себя порою за сухія математическія вычисленія только для того, чтобы обуздать неестественное развитіе фантазіи. Знаете ли вы, что онъ, подъ вліяніемъ сознаваемой и радовавшей его необыкновенной силы ума своего, боролся иногда съ физическими законами, напр. (какъ мнѣ разсказывалъ братъ его Ѳ. А. Гиляровъ), при техническихъ сооруженіяхъ на бумажной фабрикѣ своей, онъ пытался „срѣзать законъ природы“: по наукѣ такъ, а я-молъ по своему.

Но у Никиты Петровича не было поэтическаго огня, который слову Каткова и Аксакова придавалъ такую потрясающую силу.

Каткова надо судить по той роли, которую онъ на себя взялъ. За нимъ есть нѣсколько крупныхъ государственныхъ заслугъ. Его, какъ практика, прежде всего надо разсматривать въ связи съ людьми и обстоятельствами его времени, а не теоретически. Онъ не проповѣдывалъ ничего новаго, онъ заботился объ укрѣпленіи старыхъ нашихъ историческихъ и бытовыхъ основъ, потрясенныхъ въ общемъ сознаніи послѣ освобожденія крестьянъ. Святость и неприкосновенность Русской территоріи, добытой нѣкогда Русскою кровью, святость формы правленія, выработанной исторіей народа, незыблемость Православія именно въ томъ видѣ, въ какомъ оно есть и пр.: вотъ чего Катковъ былъ стойкій защитникъ. Въ другое время, можетъ быть, и онъ къ Русской дѣйствительности отнесся бы строже и приложилъ бы къ ней иную мѣрку, какъ это и было съ нимъ до 1863 года. Но въ виду направленныхъ со всѣхъ сторонъ усилій противъ самыхъ основъ нашей жизни, религіозныхъ, политическихъ, соціальныхъ, онъ понялъ свое призваніе въ борьбѣ, въ охраненіи во что бы ни стало нашихъ самобытныхъ началъ, и не позволялъ себѣ ни малѣйшею критикой ослаблять ихъ неприкосновенность.

Словомъ, Катковъ былъ реагирующею въ организмѣ силою, устанавливающею равновѣсіе послѣ сильнаго потрясенія. Если бы среди насъ въ ту критическую пору не оказалось этой силы, Россія не заслужила бы и названія великаго государства. Односторонность его таже, что и односторонность силы оздоровляющей потрясенный организмъ; она гнетъ въ *одну сторону*, въ сторону *здоровья.* Но быть такою силою и прекрасно, и въ тоже время тягостно и неблагодарно. Вотъ какою представляется мнѣ въ общихъ чертахъ дѣятельность Каткова; о ней судить можно только въ связи съ особенностями эпохи и персоналомъ наличныхъ дѣятелей.

Гиляровъ былъ иной: въ каждой его статьѣ сквозилъ уголокъ никому неизвѣстнаго, но тщательно выработаннаго имъ міровоззрѣнія. Оттого ясныя и послѣдовательныя для него мысли казались зачастую странными и невразумительными обыкновенному читателю, который ищетъ въ газетной статьѣ точки опоры въ отношеніи къ недоумѣнному для него событію или факту. А чтобы доказать послѣдовательность и глубину высказаннаго частнаго соображенія, Гилярову пришлось бы написать добрый томъ логически-скрѣпленныхъ, широкихъ и оригинальныхъ мыслей, исходящихъ отъ всесторонне продуманнаго и ясно поставленнаго основанія. Такимъ образомъ Гиляровъ былъ сильнѣе Каткова шириною взглядовъ, строгостью и послѣдовательностью убѣжденій, а съ практической стороны, въ отношеніи къ каждому живому факту, выдвигаемому жизнью и ждущему своего разрѣшенія сейчасъ, сію минуту, онъ долженъ былъ уступать Каткову, который и лучше зналъ среду, пріемы, и обладалъ бо́льшимъ одушевленіемъ и убѣдительностью для читателей.

И. С. Аксаковъ несомнѣнно уступалъ Гилярову и Каткову въ дарованіяхъ и образованіи; но его силу, какъ публициста, составляла *особенно за нимъ* упрочившаяся репутація *честности.* При словѣ Аксаковъ у всякаго прежде всего возникаетъ представленіе о *честности:* честный публицистъ. Онъ такимъ дѣйствительно и былъ; но и Гиляровъ былъ безспорно честенъ, однакоже этого никто о немъ прежде всего не говоритъ, а говорятъ: замѣчательный умъ, разностороннія знанія и пр. Репутація преимущественной честности досталась Ивану Сергѣевичу по наслѣдству, ибо онъ былъ сыномъ Сергѣя Тимофеевича и братомъ Константина Сергѣевича. Эта была выдающая семейная черта. *Честность* прежде всего вызываетъ къ человѣку *симпатіи*, т. е. дѣйствуетъ на чувство. Таково было истинное вліяніе статей Аксакова. Честность проявляется въ писателѣ прежде всего въ *негодованіи* противъ всего противуположнаго этому чувству. И дѣйствительно, главнымъ мотивомъ писаній Аксакова было *негодованіе*, гражданская скорбь. Въ этомъ не было современнаго писателя сильнѣе его. При нѣкоторой неясности идеаловъ и непрактичности, онъ гремѣлъ всегда противъ неправды во всѣхъ ея видахъ.

Такимъ образомъ основной характеръ вліянія трехъ нашихъ великихъ публицистовъ на читающее общество можно представить въ слѣдующемъ

видѣ: статьи Гилярова возбуждали преимущественно умъ, Аксакова - чувство, Каткова—волю. Катковъ зналъ, куда направить волю, отъ которой зависѣли тѣ или другія условія нашей жизни, и какіе указать ей наипрактичнѣйшіе пути. Согласитесь, что именно въ публицистикѣ умъ всего менѣе въ авантажѣ. Трудъ пониманія, да еще сложный и напряженный, не дѣло читателя газеты. Негодованіе и побужденіе къ дѣятельности тутъ въ тысячу разъ важнѣе: за ними долженъ слѣдовать фактъ. Послѣ нѣкоторыхъ статей Гилярова сознаешь себя мелкимъ и невѣжественнымъ, и является желаніе еще, болѣе углубиться въ вопросъ и изучать.

Писанія Гилярова надо изслѣдовать и объяснять; о немъ по настоящему надо читать лекціи. О дѣятельности Каткова можно судить по фактамъ: пробужденіе національнаго чувства въ Русскомъ образованномъ обществѣ во время Польскаго мятежа, учебная реформа, пробужденіе бодрости въ правительствѣ для борьбы съ крамолою, союзъ съ Франціею и пр.

Негодованіемъ одушевляется и потрясается *общество*; за практическимъ указаніемъ цѣпляется *власть*; глубокимъ же анализомъ ни общество (особенно масса читателей „Современныхъ Извѣстій"), ни власть не дорожатъ: онъ für Wenige. Люди подобные Никитѣ Петровичу Гилярову—*роскошь*. Ихъ не замѣчаютъ при жизни, но имъ удивляются и поклоняются послѣ ихъ смерти. Слово Каткова было *съ властью*, слово Аксакова съ благородною *страстью*, Гилярова—*съ убѣжденіемъ*.

Катковъ былъ сохранитель, укрѣпитель и разъяснитель существующаго. Аксаковъ былъ носителемъ убѣжденій *школы*, къ которой онъ примкнулъ и выразителемъ которой почти одинъ остался. У Гилярова у *одного* были *свои собственныя убѣжденія*. Онъ при иныхъ условіяхъ могъ бы положить основаніе новой школѣ. Оттого онъ и остался непонятымъ и непризнаннымъ.

Князь Николай Шаховской.

А. Н. ТРУВОРОВЪ.

Въ Петербургѣ праздновалось недавно пятидесятилѣтіе государственной службы директора Археологическаго института, Аскалона Николаевича Труворова.

Обстоятельства и условія, въ которыхъ протекало дѣтство достопочтеннаго археолога, сложились довольно неблагопріятно; но врожденное стремленіе къ знанію и необычайная энергія взяли свое. Будучи учителемъ рисованія въ уѣздномъ училищѣ, А. Н. Труворовъ посвящалъ свободное время на ознакомленіе съ науками и въ 1847 году блестяще выдержалъ экзаменъ при Казанскомъ университетѣ. Это доставило ему мѣсто учителя Русскаго языка въ Сердобскѣ. Затѣмъ мы видимъ его уѣзднымъ судьей. Знакомство съ Н. В. Калачовымъ окончательно выяснило его призваніе. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ неутомимымъ изыскателемъ Русской исторіи. Цѣлыя страницы заняло бы одно перечисленіе всѣхъ изысканій и работъ Аскалона Николаевича. Нѣкоторыя изъ нихъ поражаютъ необычайною точностью исполненія, наприм., капитальный трудъ „Разыскныя дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ“.

А. Н. Труворовъ давнишній сотрудникъ „Русскаго Архива“; у насъ же онъ и помѣстилъ свою первую, если не ошибаемся, работу по исторіи „Былое изъ Пугачевщины“ (XVIII вѣкъ III, 481).

Въ 1891 году онъ назначенъ директоромъ Археологическаго Института. Трудно было сдѣлать болѣе удачный выборъ. Цѣль Археологическаго Института подготовлять молодыхъ людей, которымъ приходится гдѣ нибудь въ захолустьѣ быть охранителями и въ нѣкоторой степени истолкователями историческихъ памятниковъ. Для этого дѣла необходимы сильная любовь къ предмету и серіозная подготовка. Кто же можетъ лучше вселять эти качества какъ не Аскалонъ Николаевичъ, всегда образцово-добросовѣстный въ своихъ работахъ, всегда проникнутый живою любовью къ нашей родной старинѣ?

Ото всего сердца желаемъ ему новыхъ успѣховъ.

Ю. Б.

МОГИЛА КНЯГИНИ А. П. ВОЛКОНСКОЙ.

Въ „Русской Старинѣ", за 1870 годъ, прочелъ я подстрочную замѣтку, касающуюся одной изъ замѣчательныхъ Русскихъ женщинъ прошлаго столѣтія, кн. Аграѳены Петровны Волконской, супруги шута, матери славнаго Московскаго генералъ-губернатора князя Михаила Никитича Волконскаго и сестры достопамятныхъ графовъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ. Въ этой замѣткѣ, кромѣ указанія на ссылку княгини Волконской въ Тихвинскій Введенскій дѣвичій монастырь, говорится, что, по смерти императрицы Анны Іоанновны, княгиня Волконская была возвращена (ко двору)? Почему-то мнѣ вздумалось провѣрить эту замѣтку. Оказалось, что княгиня А. П. Волконская погребена въ Тихвинскомъ Введенскомъ монастырѣ. Могила ея находится у монастырскаго зимняго храма, какъ разъ при входѣ въ подвалъ, находящійся подъ храмомъ. На могилѣ, въ уровень съ общею каменною пастилкою, положена простая сѣрая плита, нѣсколько съуженная книзу и уже попорченная временемъ. На ней слѣдующая надпись:

„Подъ симъ камнемъ погребена княгиня аграѳена петровна волхонская. дочь граѳа петра михаиловича бестужева рюмина которая была штатсъ дамой у ея величества екатерины алексѣевны первой. По кончинѣ ея въ царствованіе блаженной памяти императрицы анны иоанновны жила въ тихвинѣ въ веденскомъ монастырѣ гдѣ скончалась 1 года".

Надпись на плитѣ изсѣчена гражданскимъ крупнымъ шрифтомъ. Цифръ о времени кончины, къ сожалѣнію, совершенно нельзя разобрать, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ кусокъ плиты выпалъ.

28 Апрѣля 1893 г. Яковлево, Тихвинскаго уѣзда.

Н. П. Мордвиновъ.

О ПРИЛОЖЕННОЙ КЪ ЭТОЙ ТЕТРАДИ «РУССКАГО АРХИВА» ФОТОТИПІИ.

Приложенный рисунокъ подаренъ намъ въ 1871 году покойною княгинею Ольгою Степановной Одоевской (ур. Ланскою). Многіе изъ читателей „Русскаго Архива" еще помнятъ князя и княгиню Одоевскихъ, въ домѣ которыхъ почти полувѣка находили себѣ теплый пріютъ Русская мысль и художественное чувство. Стоящая влѣво отъ княгини женская особа и другая сидящая въ креслѣ, съ краю, намъ неизвѣстны; та, которая сидитъ подъ висящимъ на стѣнѣ портретомъ, есть баронесса Эдита Ѳедоровна Раденъ. Письма Н. И. Пирогова къ этой достопамятной женщинѣ появились въ „Русскомъ Архивѣ" 1892 года. Недавно обнародована особою книжкою Французская переписка ея съ Ю. Ѳ. Самаринымъ. Пользуемся случаемъ, чтобы исправить обмолвку издателя въ примѣчаніи къ 36-й страницѣ этой книжки. Выраженіемъ „un de mes amis" означается именно пишущій эти строки, а отзывъ Ю. Ѳ. Самарина про первое изданіе его сочиненія о Іезуитахъ (criblée de fautes) отнюдь не можетъ относиться къ тому изданію, которое напечатано „Русскимъ Архивомъ". П. Б.

манія должно быть обращено на тѣ стороны и періоды въ историческихъ судьбахъ заграничной Руси, въ которыхъ наиболѣе ярко выразились съ одной стороны упадокъ національной ея жизни, а съ другой—и подъемъ народнаго Русскаго духа. Предлагаемому очерку слѣдуетъ предпослать указатель источниковъ и пособій. Къ сочиненію, въ случаѣ его печатанія,—должна быть приложена карта заграничной Руси" (премія въ 1,000 р).

Сочиненія на вышеизложенныя темы должны быть представлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Общества (С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 9) обязательно на Русскомъ языкѣ, не позже 11-го Мая 1896 года, безъ обозначенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами, въ собраніи гг. членовъ Славянскаго Общества 14-го Февраля 1897 года.

Премированныя сочиненія печатаются (въ количествѣ 1,200 экз.) на счетъ Славянскаго Общества, которое изъ всего количества печатаемыхъ экземпляровъ получаетъ въ свое распоряженіе 600, а другіе 600 уступаетъ автору *).

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893 года.

(Годъ тридцать первый).

Русскій Архивъ въ 1893 г. издается по прежнему двѣнадцатью тетрадями, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1893 году съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за одну по 1 р. 25 к., за двѣ по рублю, за три по 80 к., за четыре и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Для личныхъ объясненій съ издателями—Четвергъ отъ 9 до 3 ч. дня.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" Петръ Бартеневъ.

Годъ XXXI-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893

8.

Стр.

433. Московскій Кремль. Упраздненные монастыри, соборы, церкви и подворья. Изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ. I—V. **Священника Н. А. Скворцова.**

449. Записки инженернаго офицера **Мартоса** (окончаніе). 1812 годъ.—Военныя поселенія.—Служба при графѣ Аракчеевѣ.

543. Къ исторіи Еврейства (окончаніе). XIV—XVI. **Н. С. Граве.**

561. Письмо **Ф. Ф. Вигеля** къ Н. В. Гоголю по поводу книги: «Переписка съ друзьями».

566. Москва и Петербургъ (1853). Сатира **Ф. Ф. Вигеля.**

585. Изъ бумагъ **Николая Соломоновича Мартынова:**

А) Отрывки его автобіографическихъ записокъ о сношеніяхъ съ Лермонтовымъ.

Б) Бумаги о поединкѣ съ Лермонтовымъ.

В) Выдержки изъ семейныхъ писемъ. Съ послѣсловіемъ **князя Д. Д. Оболенскаго.**

613. Записка о противохолерномъ элексирѣ 1831 года.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1893.

МОСКОВСКІЙ КРЕМЛЬ.

Упраздненные монастыри, соборы, церкви и подворья въ Кремлѣ.

Это изслѣдованіе должно войти въ составъ обширнаго труда, который предпринятъ по мысли и благословенію высокопреосвященнѣйшаго митрополита Московскаго Леонтія, учредившаго, 24 Марта прошлаго 1892 года, особый комитетъ для историко-статистическаго описанія церквей и монастырей всей Московской епархіи. Тутъ открывается неисчерпаемый источникъ разнообразныхъ свѣдѣній о родной старинѣ, и нельзя отнестись иначе какъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ этого рода изысканіямъ. П. Б.

Кремль есть средоточіе Московской святыни. Здѣсь на небольшомъ сравнительно пространствѣ (двухъ верстъ и 40 саженей въ окружности) находятся два монастыря, пять соборовъ, дворецъ съ его церквами, синодальный домъ съ церквами, церковь въ Боровицкой башнѣ и двѣ въ нижнемъ саду.

Но все это представляетъ менѣе половины количества храмовъ, существовавшихъ въ Кремлѣ въ старину. Въ этомъ можно убѣдиться, если описать Кремль, сколько это возможно, на основаніи сохранившихся чертежей и плановъ (Герберштейна—XVI вѣка, Годофреда—половины XVII в., И. Мичурина 1739 г. и А. Вельтмана 1842 г.).

Большая улица въ Кремлѣ шла отъ Спасскихъ воротъ къ Ивановской колокольнѣ. На этой улицѣ, направо отъ Спасскихъ воротъ, зданія стояли также, какъ и теперь (Вознесенскій монастырь и митрополичій домъ, нынѣ Николаевскій дворецъ). Противъ Вознесенскаго монастыря чрезъ улицу (всего саженей въ пять ширины) находился Аѳанасіевскій монастырь (подворье Кириллова Бѣлозерскаго монастыря), а противъ митрополичьяго дома—подворье Крутицкаго архіерея съ церковью Благовѣщенія; строенія этого подворья кончались противъ самаго угла митрополичьяго дома. Далѣе улица переходила въ площадь, на которой, влѣво, сзади Крутицкаго подворья, на мѣстѣ бывшаго Татар-

скаго подворья [1]), стоялъ Николо-Гостунскій соборъ. Близъ него были дома князя Петра Михаиловича Щенятева и Морозовыхъ, съ 1560 года Казанскаго царя Александра Сафа-гирея. Позади Аѳанасіевскаго монастыря близъ Набатной башни [2]) стоялъ домъ Шереметева, недалеко отъ котораго на каменной трубѣ, проведенной позади Николо-Гостунскаго собора, находилась церковь въ честь Рождества Богородицы. Рядомъ съ нею, позади Крутицкаго подворья—домъ князей Черкаскихъ съ церковью; ниже его, почти около Константино-Еленинской башни, домъ Морозова. Съ другой стороны дома князей Черкаскихъ, домъ боярина Ѳ. И. Мстиславскаго (въ 1626 г.) съ церковью Гурія, Самона и Авива; близъ дома Мстиславскаго одна церковь въ честь Рождества Христова (до 1555 г.), другая во имя Александрійскихъ чудотворцевъ Аѳанасія и Кирилла.

Отъ двора Мстиславскаго къ Архангельскому собору [3]), по склону холма, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ заложенъ памятникъ императору Александру Николаевичу, тянулись двухъ-этажныя каменныя зданія Приказовъ, въ срединѣ которыхъ (приблизительно противъ первой Безыменной башни) были ворота, а надъ воротами два собора: Черниговскій и Александро-Невскій. Отъ Набатной башни къ Константино-Еленинской стояло зданіе Разбойнаго Приказа, разбиравшаго дѣла по уголовнымъ преступленіямъ; отъ Константино-Еленинской къ Свибловской башнѣ шелъ Константино-Еленинскій застѣнокъ, гдѣ производились допросы и пытки, а рядомъ съ застѣнкомъ помѣщались домы соборнаго духовенства. Позади церкви Константина и Елены въ Петровской башнѣ находилась церковь во имя Петра митрополита, рядомъ съ которою были подворья Коломенскаго архіерея, Угрѣшскаго и Данилова монастырей, а затѣмъ почти до Тайнинскихъ воротъ опять шли дворы соборнаго духовенства. Между Архангельскимъ и Благовѣ-

[1]) На этомъ подворьѣ, во время Татарскаго ига, жили ханскіе чиновники. И. Б.

[2]) Для удобства читателя перечислимъ Кремлевскія башни. На протяженіи стѣнъ Кремля высится 19 башней. На восточной сторонѣ—Спасская (прежде называвшаяся Флоровскою), слѣдующая по направленію къ рѣкѣ Царская, затѣмъ Набатная, Константино - Еленинская, Свибловская (т. е. угловая къ Москворѣцкому мосту). На южной сторонѣ Кремля—Петровская (первая отъ Свибловской), Безъименная 2-я, Безъименная 1-я, Тайнинская, Благовѣщенская, Водовзводная (угловая къ Каменному мосту). На сѣверо-западной сторонѣ—Боровицкая (прежде Предтечевская), Конюшенная, Оружейная, Троицкая, Арсенальная, Угольная Арсенальная (прежде Неглиненская). На сѣверо-восточной сторонѣ—Никольская и Сенатская.

[3]) Кремль въ этомъ мѣстѣ былъ выше теперешняго. Южная стѣна Архангельскаго собора стояла почти на самомъ обрывѣ Кремлевскаго холма, и тутъ дорога пролегала только для пѣшеходовъ.

щенскимъ соборами стояла каменная палата, извѣстная подъ названіемъ Казеннаго двора [1]), гдѣ хранилась государева казна.

Къ Западу отъ Благовѣщенскаго собора стояла такъ называемая Набережная палата, а подлѣ нея (на мѣстѣ Андреевской залы нынѣшняго дворца) Срѣтенскій соборъ. Подъ Срѣтенскимъ соборомъ находились ворота въ верхній государевъ набережный садъ, устроенный на сводахъ зданія Запаснаго двора, на скатѣ горы, къ церкви Благовѣщенія на Житномъ дворѣ. Этотъ садъ имѣлъ въ длину 62 саж., въ ширину до 8 саж. и обнесенъ былъ каменною оградою съ окнами, украшенными рѣзными рѣшетками. Въ 1681 году въ этомъ саду былъ устроенъ прудъ, выложенный свинцовыми плитами, въ который была проведена вода изъ Водовзводной башни. На этомъ прудѣ малолѣтній Петръ плавалъ въ лодкахъ. На сводахъ погребовъ, близъ Набережной палаты къ Тайнинскимъ воротамъ, находился Нижній дворцовый садъ, длиною въ 24 и шириною въ 14 саж. Въ углу, близъ Водовзводной башни, помѣщался Житный дворъ, а отъ Срѣтенскаго собора къ Боровицкимъ воротамъ Денежный Старый дворъ.

У Боровицкихъ воротъ находились подворья монастырей Саввина и Андроніева; вблизи стоялъ домъ митрополитовъ Московскихъ до св. Іоны (впослѣдствіи домъ Патрикѣева), рядомъ съ древнѣйшею церковью Іоанна Предтечи на Бору. На нынѣшнемъ мѣстѣ Оружейной палаты находились Конюшенный приказъ и дворъ или аргамачьи конюшни, гдѣ стояли государевы лошади; на мѣстѣ нынѣшнихъ апартаментовъ Августѣйшихъ Дѣтей—зданіе Приказа Большаго дворца; еще далѣе домъ Милославскаго съ церковью Похвалы Богородицы, впослѣдствіи Потѣшный дворецъ, т. е. театръ, подъ которымъ находились царская аптека и Аптекарскій Приказъ.

Тамъ, гдѣ теперь ворота новаго дворца, близъ собственнаго подъѣзда Его Величества, находились Колымажные или Красные ворота, названные впослѣдствіи Гербовыми или Гербовою башнею. Далѣе до существующей и нынѣ церкви Рождества Богородицы на Сѣняхъ шла Оружейная Палата или мастерскія; за церковью Рождества Богородицы противъ Потѣшнаго дворца стояли деревянные хоромы царевенъ, домъ Стрѣшнева (впослѣдствіи хоромы малолѣтняго Петра съ церковью Петра и Павла) и дворы: Сытный (отъ слова сытà, распущенный въ водѣ мёдъ), Кормовой и Хлѣбенный. На мѣстѣ нынѣшнихъ Кремлевскихъ казармъ, ближе къ Троицкимъ воротамъ и частію на площади предъ этими воротами, стоялъ Богоявленскій монастырь — подворье

---

[1]) Раньше здѣсь былъ дворъ князя Владимира Андреевича, затѣмъ сына его Ярослава, а Іоанномъ III построенъ деревянный дворецъ.

Троице-Сергіева монастыря; отъ Троицкаго подворья по направленію къ Чудову монастырю находился домъ и дворъ Бориса Годунова, который оканчивался у церкви Двунадесяти Апостоловъ.

При входѣ въ Кремль Никольскими воротами, на мѣстѣ нынѣшняго зданія Арсенала, стояла церковь въ честь Входа Господа Іисуса Христа во Іерусалимъ, далѣе—подворье Рождественскаго-Владимирскаго монастыря, еще далѣе домъ боярина Ѳ. И. Шереметева, князя Ивана Голицына (въ 1626 г.); у сборнаго мѣста стрѣльцовъ—домъ кн. Лыкова-Оболенскаго съ церковью (впослѣдствіи подворье архіепископа Архангельскаго). Мимо дворовъ князей Голицына и Лыкова съ одной стороны и Троицкаго подворья и дома Бориса Годунова съ другой, шла улица отъ Троицкихъ воротъ, которая налѣво поворачивала къ Никольскимъ воротамъ, направо мимо Чудова монастыря къ Ивановской колокольнѣ, какъ и теперь.

На мѣстѣ зданія нынѣшнихъ судебныхъ установленій были подворье Симонова монастыря съ церковью Введенія во храмъ Пресвятой Дѣвы Маріи, подворье Новоспасскаго монастыря съ церковью Іоанна Новгородскаго; рядомъ съ этимъ подворьемъ домъ князей Трубецкихъ. Близъ конюшеннаго двора Чудова монастыря стояла церковь во имя Филиппа митрополита, а у самаго Чудова монастыря церковь во имя Космы и Даміана, другая—во имя мученика Христофора. На мѣстѣ такъ называемой Филаретовской пристройки къ Ивановской колокольнѣ стояли Воскресенскій и Рождественскій соборы.

Терема и дворцовыя церкви сохраняютъ донынѣ свои прежнія мѣста.

Было и еще въ разныхъ частяхъ Кремля нѣсколько церквей, мѣсто которыхъ опредѣлить затруднительно. Всѣхъ церквей уничтожено въ Кремлѣ болѣе тридцати. Постройка новыхъ зданій, расширеніе улицъ и площадей, ветхость церквей, удаленіе изъ Кремля предержащихъ властей, все это подавало поводъ къ совершенному ихъ уничтоженію [5].

[5]) При Петрѣ Кремль осиротѣлъ; между зубцами его стѣнъ торчали головы казненныхъ стрѣльцовъ, а самый дворецъ царскій стоялъ въ запустѣніи. Сохранилось его описаніе за послѣдніе годы Петровскаго царствованія: точно послѣ непріятельскаго нашествія, окна перебиты, въ покояхъ груды отъ обвалившися печей, въ иныхъ просто кучи навоза. Екатерина Великая, по геніальнымъ начертаніямъ Баженова и Казакова, предприняла очищеніе и украшеніе Кремля; памятникомъ этихъ заботъ ея осталось нынѣ величавое зданіе бывшаго Московскаго Сената, нынѣ судебныхъ установленій. По ея мысли, всѣ присутственныя мѣста Москвы должны были находиться въ одномъ мѣстѣ, дабы не было поводовъ къ проволочкѣ въ дѣлопроизводствѣ. Туже мысль имѣлъ и Петръ Великій, воздвигая въ Петербургѣ зданіе двѣнадцати коллегій (нынѣшній университетъ). П. Б.

Свѣдѣнія объ уничтоженныхъ церквахъ уцѣлѣли большею частію случайно и разбросаны въ разныхъ мѣстахъ. Собрать ихъ по возможности и изложить въ связи—вотъ цѣль настоящаго очерка. Для этого составитель пользовался матеріалами, добытыми имъ въ архивѣ Московской Конторы Святѣйшаго Синода и указаніями предсѣдателя комитета для историко-статистическаго описанія Московской епархіи, протоіерея Михаила Симоновича Боголюбскаго.

*

I. Церковь Рождества Іоанна Предтечи на Бору.

Древнѣйшею въ Кремлѣ была церковь въ честь Рождества Іоанна Предтечи на Бору, у аргамачьихъ конюшенъ, находившаяся въ разстояніи саженей сорока отъ Боровицкихъ воротъ по направленію къ дворцу. Эта деревянная церковь въ честь Рождества Іоанна Предтечи, по словамъ лѣтописца, была первою церковью въ Москвѣ. До построенія ея здѣсь былъ боръ, изъ котораго она и срублена. Близъ нея находился домъ митрополита Петра, а церковь была его каѳедральнымъ соборомъ (Карамз. Ист. Гос. Росс. V, прим. 386; ср. Полн. Собр. Рус. Лѣт. VIII, 149). Великій князь Василій Васильевичъ Темный на мѣстѣ этой деревянной поставилъ каменную церковь во имя Іоанна же Предтечи, въ 1461 году. Въ страшный пожаръ 28-го Іюля 1493 года эта церковь выгорѣла внутри и затѣмъ обрушилась; въ ней сгорѣлъ священникъ, сгорѣла и хранившаяся подъ церковью казна великой княгини Софіи Ѳоминичны (Полн. Собр. Русс. Лѣтоп. VIII, 227). Іоаннъ III-й соорудилъ здѣсь же новую каменную церковь, которая была освящена 5 Ноября 1508 г. митрополитомъ Симономъ (Карамз. VII, прим. 383).

Рожденіе злополучнаго царевича Димитрія въ день памяти мученика Уара (19 Окт. 1583 г.) ознаменовано сооруженіемъ (съ южной стороны) во имя мученика Уара придѣла Предтеченской церкви, и придѣлъ этотъ существовалъ уже въ 1584 г. (Доп. къ Акт. Ист. I, 191).

Въ этой церкви Іоанна Предтечи бывали у службы въ храмовой праздникъ, 24 Іюня, цари Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, а Ѳеодоръ Алексѣевичъ былъ здѣсь дважды въ день празднованія св. мученику Уару (П. Строева, Выходы царей). 1 Іюня 1632 года у Михаила Ѳеодоровича родился болѣзненный сынъ Иванъ; 10 Іюня царица Евдокія Лукьяновна посылала въ эту церковь служить о здравіи царевича молебенъ мученику Уару, къ которому прибѣгали, какъ и теперь, съ молитвою объ исцѣленіи дѣтскихъ недуговъ (Забѣлина, Дом. бытъ Русск. царицъ, стр. 316).

Императоръ Петръ I-й заботился о сохраненіи этого древняго храма: въ 1722 г. онъ именнымъ указомъ повелѣлъ приступить къ капитальному исправленію его, и потому Синодъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы иконы и церковная утварь были вынесены изъ церкви въ «пристойное мѣсто» (Опис. док. и дѣлъ Синода II, ч. 2-я, стр. 17—18). Поправки произведены въ теченіе 1722—1724 гг. (Забѣлина, Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики Москвы I, 1344). Въ пожаръ 1737 г. церковь пострадала немного: на трапезѣ сгорѣла крыша, въ трапезѣ двери и окончины, кромѣ того нѣкоторыя облаченія (Архивъ Моск. Св. Синода Конторы 1737 г. № 166). Вскорѣ послѣ того она была возобновлена вмѣстѣ съ другими церквами Кремля.

Такъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, постепенно устроялась и возобновлялась церковь Іоанна Предтечи. Въ настоящемъ вѣкѣ, наоборотъ, она постепенно приходила въ упадокъ. Въ 1812 году ее разграбили Французы, и долгое время она не была возобновлена, такъ что въ самой церкви и на паперти имѣли пристанище безпріютные причетники. Около 1818 года начали ровнять мѣстность около церкви: церковь окопали, разобрали трапезу и обнесли каменною до четырехъ аршинъ вышины стѣною съ желѣзною по краямъ ея рѣшеткою. Такимъ образомъ вокругъ церкви образовалась площадка, а съ нея былъ устроенъ входъ въ церковь по каменной, выше трехъ аршинъ, лѣстницѣ. Тогда открылся фундаментъ церкви, устроенный изъ крупныхъ нетесаныхъ булыжныхъ камней, и церковь оказалась стоящею какъ бы на столпѣ, т. е. на площадкѣ возвышенной въ четыре аршина надъ уровнемъ оставшейся несрытою почвы (прот. А. Лебедева, Московскій каѳедральный Архангельскій соборъ. М., 1880 г., стр. 142). На южной сторонѣ церкви тогда же открыты остатки деревяннаго зданія (длиною саженей въ шесть, а шириною въ $2^1/_2$ саж.), примыкавшаго къ самому храму; можетъ быть, это остатки древняго дома митрополитовъ *).

Въ настоящемъ вѣкѣ церковь Іоанна Предтечи существовала въ качествѣ приписной къ Архангельскому собору. При постройкѣ боль-

*) Здѣсь домъ митрополичій былъ до митрополита Іоны, который перенесъ свое мѣстопребываніе ближе къ Успенскому собору: въ 1450 году онъ заложилъ противъ западнаго входа въ Успенскій соборъ каменную палату и въ ней церковь въ честь Положенія ризы Пресвятой Дѣвы Маріи во Влахернѣ (Полн. Собр. Р. Лѣт. V, 270; Карамз., V, прим. 386). Здѣсь церковь существуетъ и въ настоящее время, но считается уже дворцовою со времени патр. Никона, который перешелъ жить въ имъ же устроенный домъ на сѣверной сторонѣ Успенскаго собора (нынѣ синодальный домъ съ церквами 12 апостоловъ и апостола Филиппа).

шаго Кремлевскаго дворца, она оказалась по архитектурѣ бѣдною сравнительно съ столь величественнымъ зданіемъ; кромѣ того, она занимала мѣсто, назначенное для проѣзда, и потому, не смотря на свою почтенную древность, назначена къ упраздненію и сломана въ 1847 году. Тутъ открыто было вокругъ нея древнее, уничтоженное въ 1657 г. [1]), кладбище съ цѣлыми человѣческими скелетами. Подъ кирпичнымъ поломъ каменнаго жертвенника Предтечевской церкви оказались кости животныхъ, лошадиная голова и двѣ голени, изъ которыхъ одна признана была за голень быка, другая — за коровью (Лебедева, Архангельскій соборъ, 142—143).

Святыня изъ придѣла св. мученика Уара вмѣстѣ съ чудотворною его иконою перенесена въ Покровскій придѣлъ при Архангельскомъ соборѣ, и этотъ придѣлъ переименованъ въ Уаровскій (Душеп. Чтеніе 1879 г., Октябрь, 253—254). Святыня Предтеченской церкви перенесена въ Боровицкую башню, гдѣ вновь устроена церковь во имя Іоанна Предтечи, которая и освящена 2 Мая 1848 года митрополитомъ Филаретомъ; послѣ освященія онъ произнесъ слово въ успокоеніе лицъ, скорбѣвшихъ объ уничтоженіи древняго Предтечевскаго храма (Филарета, Слова и рѣчи, IV, 546—550). Памятниками этого древняго храма служатъ два желѣзныхъ осмиконечныхъ креста (одинъ съ Предтеченской, другой съ Уаровской главы) надъ входнымъ въ Боровицкую башню крыльцомъ и на восточной стѣнѣ самой башни, а также четыре колокола въ Боровицкой башнѣ, которые висѣли на паперти Предтеченской церкви.

При древней Предтеченской церкви, какъ сказано, со временъ Петра митрополита до Іоны былъ митрополичій домъ. Послѣ Іоны здѣсь былъ домъ князя Ивана Юрьевича Патрикѣева [2]), который сгорѣлъ въ 1493 году, а впослѣдствіи около церкви домовъ совсѣмъ не было. Причтъ, состоявшій изъ двоихъ священниковъ, діакона, пономаря и просфорницы (не всегда), содержаніе свое получалъ и деньгами, и хлѣбомъ, и сукномъ отъ государя (Забѣлина, Мат. II, 384, 492, 560).

*

[1]) При измѣреніи въ 1657 году кладбища Предтеченской церкви, оказалось „подъ церковью земли кладбища мѣрою вдоль 12 саж. и полпочети сажени, поперекъ 9 саж. съ полусаженью, и то кладбище тѣсно и порожнихъ мѣстъ нѣтъ, и дворовъ около той церкви нѣтъ же“ (Забѣлина, Мат. II, 5).

[2]) Въ него переѣзжалъ со всѣмъ семействомъ въ 1482 году великій князь Іоаннъ III на время постройки новаго дворца (Карамз. VI, прим. 106).

II. Аѳанасіевскій монастырь (подворье Бѣлозерскаго Кириллова монастыря).

Подворье это находилось у Спасскихъ воротъ противъ Вознесенскаго монастыря при церкви во имя св. Аѳанасія Александрійскаго. Церковь св. Аѳанасія существовала уже въ 1389 году: 21-го Іюля этого года «загорѣся отъ церкви св. Аѳанасія, и мало не весь городъ Кремль погорѣ» (Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. VIII, стр. 60). Впослѣдствіи (въ 1514 г.) церковь Аѳанасія Александрійскаго построена Юріемъ Григорьевымъ Бобынинымъ (т. же, стр. 254).

Подворьемъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря назывался Аѳанасіевскій монастырь уже въ 1563 году (Карамз. Ист. Гос. Росс., IX, прим. 86). Несомнѣнно, что съ тѣхъ поръ, какъ Аѳанасіевскій монастырь сдѣлался подворьемъ Кириллова монастыря, въ немъ устроена и церковь во имя Кирилла Бѣлозерскаго, упоминаніе о которой встрѣчается уже въ 1699 г. (Забѣлина, Матеріалы, I, 211), а въ 1722 г. при ней былъ придѣлъ Пантелеймона чудотворца (т. же II, 561).

Къ 1731 году въ Аѳанасіевскомъ монастырѣ оказалось очень много ветхостей: «на церквахъ кровли покрыты черепицею, и та черепица вся обвалилась, и отъ течи своды повредились, и во многихъ мѣстахъ стѣны разсѣлись». Въ томъ же году эти поврежденія исправлены.

Пожаръ 1737 г. произвелъ немало опустошеній въ Аѳанасіевскомъ монастырѣ. Главы на церквахъ сгорѣли и кресты свалились, «въ церквахъ деисусы и мѣстные образа погорѣли, многіе повредились; въ Кирилловской церкви антиминсъ погорѣлъ же, колокольня обгорѣла и колокола опустились, на церквахъ и на кельяхъ кровли, и въ кельяхъ деревянное строеніе погорѣло жъ, а ризница вынесена, и вся въ цѣлости» (Арх. Конторы Моск. Свят. Син. 1737 г., № 166). Осенью того же года велѣно было «погорѣлое деревянное и поврежденное каменное строеніе, а паче что̀ на церкви Божіи, крышку построить и перечинить» (И. Забѣлина, Матеріалы, I, 214).

22 Апрѣля 1757 года стряпчій Кириллова Бѣлозерскаго монастыря подалъ въ Московскую Духовную Консисторію прошеніе, въ которомъ указывалъ, что на Кирилловскомъ подворьѣ каменная теплая церковь во имя Кирилла Бѣлозерскаго пристроена къ алтарю Аѳанасіевской церкви, отчего въ Кирилловской церкви совершенная тьма: въ алтарѣ и церкви только по одному небольшому окну, отъ Аѳана-

сіевской къ Кирилловской церкви каменные крытые переходы также не пропускаютъ свѣта въ церковь. Въ виду этого дозволено было перенести церковь Кирилла Бѣлозерскаго въ находившіяся близъ Аѳанасіевской церкви каменныя три палаты, въ одной изъ которыхъ назначено быть алтарю, въ другой—церкви, въ третьей—трапезѣ. По перенесеніи иконостаса и церковной утвари въ указанныя палаты, прежняя церковь не была разобрана, потому что находилась «при настоящей (Аѳанасіевской) церкви съ папертьми въ однѣхъ стѣнахъ» (Арх. Конторы Моск. Свят. Син. 1757 г., № 329).

По штатамъ 1764 года, Кирилловское подворье поступило въ вѣдѣніе Коллегіи Экономіи и затѣмъ сломано по случаю возведенія новыхъ зданій.

Упоминанія о Кирилловскомъ подворьѣ довольно часты. Здѣсь 5 Авг. 1563 года пострижена княгиня Евфросинія, мать князя Владиміра Андреевича (Карамз. Ист. Гос. Росс. IX, прим. 86). Здѣсь, послѣ собора 18 Іюля 1618 года, томился около года въ оковахъ справщикъ богослужебныхъ книгъ старецъ Арсеній Глухой (Макарія, Ист. Рус. Церкви, X, 185, 191).

Кирилловское подворье неоднократно посѣщали цари Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михаиловичъ (Выходы царей, стр. 15, 31, 49, 62, 99, 282, 353, 492, 596) и однажды была здѣсь (1634 года 12 Авг.) царица Евдокія Лукьяновна (Забѣлина, Дом. бытъ Р. царицъ, стр. 317). Вѣроятно, послѣ этого посѣщенія 14 старцевъ съ Кирилловскаго подворья били челомъ Василію Ивановичу (несомнѣнно, Стрѣшневу, какъ родственнику царицы): «Была царица Евдокія Лукьяновна на Кирилловскомъ подворьѣ, молилася Богу и Пречистой Богородицѣ и преподобному Кириллу чюдотворцу и пожаловала кормъ на братью; а дьяки говорятъ дворцовые приказу-де намъ не бывало. Пожалуй, государь Василей Ивановичъ, доложи государынѣ о томъ и прикажи намъ дати милостыню, или кормъ пожаловати» (Акты Юридич., 392).

Съ 1625 года выдавались ежегодно на Кирилловское подворье «государева жалованья и за понахиды малые столы и по царицѣ великой княгинѣ Аннѣ и по князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ и по царевнѣ и великой княжнѣ Аннѣ на ихъ памяти и на преставленія: строителю, 3 попомъ, дьякону, пономарю, 6 человѣкомъ старцемъ—18 р. 17 алт. 3 ден.» (Доп. къ Акт. Ист., IX, 318). Въ 1681 г. это жалованье отнято, въ 1700 году снова подтверждено о невыдачѣ этихъ денегъ на Кирилловское подворье, а велѣно ихъ употреблять на выкупъ плѣнныхъ (Забѣлина, Матеріалы, II, 408, 477).

Въ XVIII вѣкѣ подворье Кирилловское постоянно было занято посторонними лицами и цѣлыми учрежденіями. Здѣсь была палата суперъ-интенданта иконописцевъ Заруднева (И. Сахарова. Изсл. о Русск. иконописаніи, II, 38). Въ 1722 г. на Кирилловскомъ подворьѣ, по указу Свят. Синода, разрѣшено жить ассесору Синода же, іеромонаху Аѳтипанасію Кондоидію съ служителями. Съ дозволенія игумена Кириллова монастыря Иринарха, тогда же помѣстился тамъ архим. Тихвинскаго монастыря Варлаамъ съ монахами. Когда Варлаамъ переѣхалъ въ Кіевъ архіепископомъ, его помѣщеніе на Кирилловскомъ подворьѣ, по указу Свят. Синода, занялъ (въ 1722 г.) архим. Никифоръ Фока, при чемъ «на пропитаніе его и при немъ будучихъ для иностранства и неимущества его» велѣно выдать ему изъ вотчинъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря ржаной муки и овса по 12 четвертей, да лошадямъ его на кормъ сѣна три копны мѣрныхъ (Полн. Собр. Пост. по вѣд. прав. исповѣданія, II, 258, 482). Въ слѣдующемъ году на Кирилловскомъ подворьѣ была контора «слѣдованія мужскаго полу душъ», производившая первую въ Россіи перепись (Забѣлина, Матеріалы, I, 211). Послѣ пожара 1737 года въ палатахъ надъ въѣзжими воротами Кирилловскаго подворья помѣстилась Коммерцъ-контора, а въ нижней палатѣ устроена отъ той же конторы мелочная продажа гербовой бумаги. Въ 1743 году архим. Кириллова Бѣлозерскаго монастыря Вавила назначенъ былъ ассесоромъ Московской Святѣйшаго Синода Конторы; онъ пріѣхалъ въ Москву съ іеромонахами, іеродіаконами и монастырскими служителями. Оказалось, что подворье было занято еще Коммерцъ-конторою. Вавила просилъ вывести Коммерцъ-контору. Вѣроятно, ходатайство его не было вполнѣ уважено. Въ 1752 году на Кирилловскомъ подворьѣ значилось десять жилыхъ покоевъ: въ четырехъ жили этого подворья строитель-іеромонахъ, стряпчій съ семействомъ и прочіе монастырскіе служители; въ пяти находилась (съ 1749 г.) вѣдомства Коммиссаріатскаго магазейная поклажа, которою были заняты еще три кладовыя подъ церковною папертью, и въ одномъ отъ Мануфактуръ-Коллегіи продажа гербовой бумаги и хлѣбная палата (Арх. Моск. Свят. Син. Конторы 1752 г., № 274). Въ 1757 г. на Кирилловскомъ подворьѣ было семь порожнихъ палатъ, которыя намѣревалась занять Статсъ-контора, послѣ того какъ ей велѣно было, «безъ всякаго продолженія», очистить мѣсто въ Синодальномъ домѣ для патріаршей ризницы и библіотеки (Забѣлина, Мат., II, 908, 912, 953—954).

III. Богоявленскій монастырь (подворье Троицкаго Сергіева монастыря).

Богоявленскій монастырь находился въ Кремлѣ, неподалеку отъ Троицкихъ воротъ, которыя и получили свое названіе отъ того, что монастырь этотъ былъ подворьемъ Троицкаго монастыря: онъ занималъ уголъ теперешнихъ Кремлевскихъ казармъ ближайшій къ Троицкимъ воротамъ и часть площади по направленію къ Арсеналу.

Во вкладной книгѣ Троицкаго Сергіева монастыря записано, что еще великимъ княземъ Дмитріемъ Донскимъ дано преп. Сергію «въ городѣ мѣсто подъ церковь и подъ кельи, близъ его государева двора» (А. В. Горскаго, Опис. Троице-Сергіевой Лавры, 197).

Каменная Богоявленская церковь построена въ 1460 г. при игуменѣ Троицкаго Сергіева монастыря Вассіанѣ, впослѣдствіи архіепископѣ Ростовскомъ (Полн. Собр. Рус. Лѣт. VI, 184; Карамз. V, прим. 386). Въ 1479 г. эта церковь разобрана, «бѣ бо трухла вельми» *), и заложена вновь на томъ же мѣстѣ (П. С. Р. Лѣт. VI, 223). Пожаръ 1480 г. опять повредилъ ее (Карамз. VI, прим. 629); въ 1482 г. каменная церковь Богоявленія заложена снова, а старая каменная разрушена (П. С. Р. Лѣт. VI, 233). Въ 1565 г. 1 Февраля въ ночи Богоявленскій монастырь и у церкви Богоявленія «три верхи» сгорѣли (Карамз., IX, прим. 268). Въ 1628 г. въ Богоявленскомъ монастырѣ были уже двѣ церкви, несомнѣнно, Богоявленская и Сергіевская (Забѣлина, Мат., I, 216); въ 1642 г. около монастыря съ трехъ сторонъ была каменная ограда, «четвертая стѣна отъ патріаршаго дома заборомъ забрана» (Горскаго, Оп. Тр. С. Лавры, 177, прим. 11). Въ 1661 г. устроена между Богоявленскою и Сергіевскою церквами еще церковь во имя св. Ѳеодора Стратилата, въ честь котораго было наречено имя царю Ѳеодору Алексѣевичу. Въ 1666 г. монастырь Богоявленскій сгорѣлъ вмѣстѣ съ патріаршимъ домомъ. По вступленіи на престолъ Ѳеодора Алексѣевича, церковь Ѳеодора Стратилата возобновлена въ 1680 г. (Архивъ Тр. Сергіевой Лавры, дѣла 1680 г.), а въ 1700 г. «поновлена и подписана стѣннымъ иконнымъ письмомъ и для святые службы книги и всякая церковная утварь въ тое церковь даны изъ Приказу Большого Дворца, а ризы изъ Казенного Приказу» (Забѣлина, Мат. II, 493). Въ пожаръ 1737 г. въ Богоявленскомъ монастырѣ «въ церквахъ

---

*) Она пострадала въ пожаръ 1473 года (Полн. Собр. Рус. Лѣт., VIII, 177).

святыя иконы, церковная утварь и кровли погорѣли, и властелинскія и братскія кельи и прочее строеніе все выгорѣло» (Арх. Конторы Моск. Свят. Син. 1737 г., № 166). Церкви Сергіевская и Θеодоровская были скоро поправлены, и 10 Марта 1738 г. данъ былъ указъ объ ихъ освященіи (Забѣлина, Мат. I, 218). Церкви на Троицкомъ подворьѣ были возобновляемы еще при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и освящены 14-го Мая 1754 года.

По сохранившейся описи 1763 г. видно, что изъ трехъ церквей, находившихся въ Богоявленскомъ Троицкомъ монастырѣ, больше всѣхъ была Сергіевская (длиною въ 15 саж., шириною въ 6 саж. *), Богоявленская имѣла въ длину 6 саж., въ ширину 5 саж. 1 арш., а Θеодоровская была длиною въ 5 саж., шириною въ 2½ саж. Подъ деревянною крышею одной церкви висѣло шесть колоколовъ, а отдѣльной колокольни не было. Каменная ограда монастыря имѣла въ длину 32½ саж., въ вышину 1½ саж. и толщиною была въ 1½ арш. (т. же 218—219).

Богоявленскій Троицкій монастырь былъ свидѣтелемъ многихъ событій Русской Исторіи. Сюда послѣ пожара 4 Апрѣля 1473 года, истребившаго митрополичій домъ, былъ перевезенъ митрополитъ Филиппъ и здѣсь скончался въ ночь на 5-е Апрѣля (Макарія, Ист. Рус. Церкви. VI, 63). Здѣсь совершено игуменомъ Троицкимъ Іоасафомъ и Даніиломъ Переславскимъ крещеніе надъ сыномъ великаго князя Василія Іоанновича, Георгіемъ, родившимся 30 Октября 1532 года (Карамз. VII, прим. 312; П. С. Р. Лѣт. VIII, 280). Въ 1542 г. 3 Января, во время бунта противъ Бѣльскаго, заговорщики окружили келіи митрополита Іоасафа, бросали въ окна камнями и едва не умертвили его. Митрополитъ бѣжалъ отъ нихъ на Троицкое подворье; игуменъ Сергіева монастыря и князь Палецкій только именемъ св. Сергія могли удержать бояръ отъ неистовства (Карамз. VIII, 49). Сюда къ знаменитому келарю Троице-Сергіева монастыря, Авраамію Палицыну отправились прежде всего (въ 1613 г.) выборные разныхъ городовъ объявить объ избраніи Михаила Θеодоровича на царство съ прошеніемъ пе-

*) Существованіе Сергіевской церкви на Троицкомъ подворьѣ послѣ 1722 г. несомнѣнно. Тѣмъ страннѣе заявленіе, сдѣланное Синоду въ 1727 году властями Троицкаго Сергіева монастыря, что бывшій архимандритъ этого монастыря (впослѣдствіи епископъ Рязанскій) Гавріилъ Бужинскій самовольно въ 1722 году разобралъ въ Троицкомъ Богоявленскомъ монастырѣ въ Кремлѣ церковь во имя преподобнаго Сергія, которая до Литовскаго разоренія за многіе годы была создана каменная, изряднаго мастерства, съ теплою трапезою, съ папертьми и съ колокольнею" (Опис. док. и дѣлъ хранящихся въ Архивѣ Свят. Прав. Синода, VII, 275).

редать о томъ «державствущимъ бояромъ и воеводамъ». (Сказ. объ осадѣ Тр.-Серг. мон., 252—253). Здѣсь очень часто бывали цари Михаилъ Ѳеодоровичъ, Алексѣй Михайловичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ престольные праздники и другіе дни. (Выходы царей, Указателя стр. 10). Патріархи находились въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Богоявленскому Троицкому монастырю. Въ 1626 г., когда у патріарха Филарета строились новыя келіи, онъ переселялся въ Богоявленскій монастырь (съ 3 Мая по 16 Сентября); сюда онъ давалъ деньги на сорокоустъ и по разнымъ случаямъ здѣсь заказывалъ молебны. Патріархи ходили сюда и служили здѣсь чаще, нежели въ другихъ церквахъ (Забѣлина, Матер., I, 216—218).

По указу 1764 г. 26 Февраля, Троицкое подворье было приписано къ Кремлевскому Императорскому Дворцу. Здѣсь впослѣдствіи (1769 г.) былъ Судный Приказъ (тоже I, 1360), а въ 1778 г. оберъ-комендантскіе покои (тоже II, 1039). По представленію начальника экспедиціи строеній въ Кремлѣ Валуева, не терпѣвшаго старины, Троицкое подворье съ церквами на немъ сломано въ 1807 году (Забѣлина, Дом. бытъ Р. царей I, 104). При Троицкомъ подворьѣ, «противъ древняго установленія», былъ настоятель, который назывался строителемъ. Строитель и другіе монашествующіе пріѣзжали изъ Лавры сюда поочередно, содержаніе получали изъ Лаврской кружки и имѣли монастырскую трапезу. Кромѣ того они получали въ праздники преп. Сергія (только 25 Сентября) и Ѳеодора Стратилата (8 го Февраля и 8-го же Іюня) «праздничныя» деньги—31 р. 50 к.; но въ 1699 г. эти деньги давать имъ не велѣно «для того, что за тѣмъ (Троице-Сергіевымъ) монастыремъ многое число крестьянъ (въ 1699 г. показано крестьянскихъ 19646 дворовъ), а довольствоваться имъ обыкновенною монастырскою дачею» (Забѣлина, Матер. I, 219—220; II, 408, 473).

Хотя Богоявленскій монастырь въ Кремлѣ былъ приписанъ къ Троице-Сергіевой Лаврѣ и здѣсь служили монахи, однако при одной церкви (во имя Ѳеодора Стратилата) долгое время было бѣлое духовенство. Штатъ его въ 1664 г. былъ слѣдующій: два священника, діаконъ, два дьячка, пономарь и сторожъ (съ 1681 г. другой пономарь). Бѣлое духовенство получало отдѣльное содержаніе отъ дворца. Въ 1700 г. царь Петръ указалъ: «быть у той церкви служителемъ Троицкаго монастыря чернымъ попамъ для того, что тотъ предѣлъ на ихъ монастырскомъ подворьѣ, а бѣлымъ попамъ и причетникамъ нынѣ и впредъ у той церкви не быть, а быть тѣмъ попамъ и причетникамъ по указу святѣйшаго патріарха у иныхъ церквей, гдѣ пристойно» (Забѣлина, Матер. II, 493).

IV. Космы и Даміана и Филиппа митрополита у Чудова монастыря.

Церковь Космы и Даміана находилась у заднихъ воротъ Чудова монастыря приблизительно тамъ, гдѣ нынѣ монастырская колокольня. О времени ея построенія не сохранилось опредѣленныхъ извѣстій. Впервыя о ней встрѣчается упоминаніе въ 1475 году: «1475 года Октября 4 дня загорѣся внутри града близъ Никольскихъ воротъ въ 5 часъ дни межъ Введенья *) и Космы и Даміана, и выгорѣ мало не весь градъ по великаго князя дворъ, да по монастырь Спасской» (Карамз. VI, прим. 629). По повелѣнію великаго князя Іоанна Васильевича (П. С. Р. Лѣт. VIII, 241), въ 1504 г. старую церковь Космы и Даміана разобрали и заложили новую.

Съ 1652 г. встрѣчается упоминаніе о другой церкви у Чудова монастыря во имя св. Филиппа митрополита Московскаго (Доп. Акт. Ист. IX, 317), которая отстояла отъ Космодаміанской сажени на четыре по направленію къ нынѣшнимъ зданіямъ присутственныхъ мѣстъ, и впослѣдствіи называлась то придѣломъ Космодаміанской церкви (Забѣлина, Мат. I, 205, 207—210; II, 315), то отдѣльною церковью (тоже II, 494, 561). Церковь во имя св. Филиппа митрополита построена, несомнѣнно, по случаю перенесенія въ 1652 году въ Москву святыхъ его мощей.

Существовавшее при Космодаміанской церкви кладбище уничтожено уже въ 1657 г. (Забѣлина, Мат. II, 1602—1603).

Въ Космодаміанской церкви однажды (1660 г.), въ храмовой праздникъ 1-го Ноября былъ у обѣдни царь Алексѣй Михаиловичъ. (Выходы, 342).

Въ пожаръ 1737 г. ризница и церковная утварь въ обѣихъ церквахъ уцѣлѣла; въ Космодаміанской церкви поврежденъ былъ иконостасъ съ мѣстными иконами, надъ церковью и придѣломъ сгорѣла деревянная крыша и кресты на главахъ (Арх. Моск. Конторы Свят. Синода 1737 г. № 166 сравн. Забѣлина, Мат. I, 207-208). Къ 16 Іюня 1738 г. всѣ вышеуказанныя поврежденія были исправлены на сумму, отпущенную изъ штатсъ-конторы (Арх. Моск. Конторы Свят. Син. 1761 г. № 359). Но оказалось, что архитекторомъ Мичуринымъ не

*) Церковь Введенія во храмъ Пресв. Богородицы на Симоновскомъ подворьѣ, которое шло отъ Никольскихъ воротъ къ Чудову монастырю, гдѣ нынѣ скверъ и часть зданія судебныхъ установленій.

всѣ поврежденія были усмотрѣны. Коллегія Экономіи поручила ему снова осмотрѣть церковь, и 12 Октября 1738 г. Мичуринъ донесъ въ Коллегію Экономіи, что въ Космодаміанской церкви «на Деисусѣ надъ царскими дверьми шти-листовые 25 образовъ ветхи», въ придѣлѣ Филиппа митрополита «въ Деисусѣ 22 образа» ветхи же, вокругъ означенныхъ церквей ограды нѣтъ длиною на 42 саж., надъ церквами двѣ главы, обитыхъ желѣзными листами, закоптѣли и т. под. (Забѣлина, Мат. I, 210). Въ другой разъ осмотрѣнныя ветхости и поврежденія не были исправлены, такъ какъ остатокъ отъ денегъ, назначенныхъ на поправку Космодаміанской и Царе-Константиновской церквей (500 р.), въ размѣрѣ 260 р., былъ уже употребленъ на строеніе и поправку въ Страстномъ монастырѣ.

Въ 1761 г. священникъ Космодаміанской церкви Василій Семеновъ донесъ митрополиту Тимоѳею, что «церковь съ придѣломъ имѣется въ ветхости, на святыхъ престолахъ и на жертвенникахъ одежды ветхи, ризи и подризники, стихари, епитрахили ветхи же, книги старинныя и тѣ ветхи жъ, да оная церковь съ придѣломъ крыта была лещедью каменною, и оная ветха; да при той же церкви имѣются паперть, крыльцо и палатки, которые были крыты тесомъ, и оная кровля и крыльцо обвалились». Онъ просилъ Духовную Консисторію сообщить объ этомъ въ Контору Правит. Сената. Митр. Тимоѳей велѣлъ «крайнее Духовной Консисторіи учинить стараніе въ исполненіи о показанныхъ ветхостяхъ всея показанныя церкви, дабы были откудова надлежитъ совершенно исправлены, не допуская оной къ вящему разоренію и остатнему паденію». Консисторія отнеслась по этому дѣлу въ Контору Свят. Синода, которая и рѣшила просить Контору Прав. Сената, чтобы она «соблаговолила на означенное возобновленіе, вмѣсто помянутыхъ, употребленныхъ въ Страстной Дѣвичій монастырь на строеніе и починку, денегъ ассигновать толикую же сумму, откуда соблаговолено будетъ» (Арх. Моск. Конторы Свят. Син. 1761 г. № 359). Вѣроятно, эти деньги не были отпущены. Въ 1772 г. придѣлъ Филиппа митрополита (въ которомъ службы уже не было въ это время за неимѣніемъ священника) былъ предоставленъ въ распоряженіе священника Великолуцкаго полка для исправленія случающихся въ полку требъ (Арх. Моск. Конторы Свят. Син. 1772 г. № 485).

Церковь уничтожена по случаю Кремлевскихъ построекъ при императрицѣ Екатеринѣ II-й.

Въ приходѣ Космодаміанской церкви было только два двора: протопопа и попа Благовѣщенскаго собора.

При Космодаміанской церкви первоначально (съ 1625 года) были только священникъ и дьячекъ; съ устроеніемъ церкви Филиппа митрополита, при ней положенъ отдѣльный причтъ изъ священника, діакона и дьячка (Доп. Акт. Ист. IX, 317). Въ ружной 1681 г. книгѣ штатъ причта указанъ иной: при Космодаміанской церкви священникъ, дьячекъ, пономарь, просфорница; въ придѣлѣ Филиппа митрополита священникъ, діаконъ, дьячекъ, пономарь (Забѣлина, Мат., II, 385). Такой же составъ причта указывается въ 1699 г. и въ 1722—1726 гг., за исключеніемъ только просфорницы (тамъ же, 491, 494, 561).

Содержаніе причтовъ было обезпечено денежною и хлѣбною ругою изъ дворца.

V. Петра митрополита на городовой стѣнѣ.

Церковь Петра митрополита находилась въ Петровской Башнѣ, первой отъ Свибловской стрѣльни (башня угловая близъ Москворѣцкаго моста) и рядомъ съ подворьемъ Угрѣшскаго монастыря. Впервыя упоминаніе объ этой церкви встрѣчаемъ въ 1479 г.: 4 Сентября этого года «въ 6 часовъ нощи загорѣся Москва внутри града (т. е. Кремля) у церкви Петра Чудотворца на Угрѣшскомъ дворѣ; бѣ бо поварня за градомъ подъ стѣною, и отъ того кровля градная загорѣся... и горѣ подоломъ» (Карамз. VI, прим. 629).

Приходскихъ дворовъ при этой церкви не было, да и причтъ бывалъ не всегда. Такъ въ 1625—1677 гг. при церкви Петра митрополита числился только священникъ (Допол. Акт. Ист. IX, 317), а въ ружной 1681 г. книгѣ замѣчено: «въ той церкви служатъ временемъ Угрѣшскаго монастыря игуменъ съ братіею, потому что та церковь у ихъ монастырскаго подворья, а особаго попа нѣтъ» (Забѣлина, Мат. II, 304). Вскорѣ однако опредѣленъ былъ особый причтъ изъ священника, дьячка и пономаря (1699 г.), а въ 1722 г. дьячка уже не было при этой церкви (тоже, II, 492, 561).

Церковь Петра митрополита сломана «по причинѣ строенія вновь Кремлевскаго дворца» по плану Бажанова при Екатеринѣ II, какъ значится въ дѣлѣ Московской Конторы Святѣйшаго Синода 1773 года (№ 292).

Священникъ Николай Скворцовъ.

ЗАПИСКИ ИНЖЕНЕРНАГО ОФИЦЕРА МАРТОСА *).

Окончаніе кампаніи и войны.

Такимъ образомъ кончилась одна изъ блестящихъ кампаній. Она доставила Россіи миръ выгодный и славнѣйшій. Вся Бессарабія съ 5-ю крѣпостьми и часть Молдавіи влились въ составъ нашего обширнаго, зачѣмъ не могу сказать, счастливаго царства. Рѣка Прутъ есть граница Имперіи. Измаилъ и Килія берегутъ наше владычество на Дунаѣ.

Теперь скажу два слова о дѣйствіяхъ нашихъ прочихъ отрядовъ.

Выше видѣли, что корпусъ Измаилъ-бея, противу генерала Засса, не смотря на всѣ свои усилія, не выигралъ ни шагу земли.

Взятіе Силистріи.

Генералъ-маіоръ Гамперъ съ своимъ отрядомъ переправился за Дунай, въ раззоренную и послѣ исправленную Силистрію, взялъ штурмомъ оную крѣпость, отбилъ всѣ перевозныя суда, 8 пушекъ и два милліона левовъ.

Казачій полковникъ Грековъ 8-й изъ Ольтеницы перешелъ также за Дунай во вновь укрѣпленный Туртукай, разбилъ Турецкій отрядъ и сжегъ магазейны, заготовленные для ихъ арміи.

Сіи согласованныя наступательныя дѣйствія угрожали великому визирю, запершемуся въ Рущукѣ, постыдными послѣдствіями, и тогда только онъ былъ вынуждевъ заключить миръ.

За всю сію кампанію, по представленію главнокомандующаго, я награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени съ бантомъ. Вотъ рескриптъ его.

---

*) См. выше стр. 305.

Нашему инженеръ капитану Мартосу.

Въ воздаяніе ревностной службы вашей и отличія, оказаннаго въ кампаніи 1811 года, противу Турокъ, гдѣ вы употреблены были къ построенію всѣхъ редутовъ и укрѣпленій, на правомъ и лѣвомъ флангахъ арміи, и исполняли даваемыя вамъ порученіи въ точности и съ расторопностію, всемилостивѣйше пожаловали мы васъ, въ 26 день Декабря 1811 года, кавалеромъ ордена св. Владимира 4-й степени съ бантомъ. Грамоту сію во свидѣтельство подписать, орденскою печатью укрѣпить и знаки орденскіе препроводить къ вамъ, указомъ нашимъ въ 9-й день Февраля 1817 года, повелѣли мы капитулу Россійскихъ Императорскихъ орденовъ.

Дана въ С.-Петербургѣ, въ 14 день Ноября 1817 года. Подписано: За отсутствіемъ канцлера, генералъ отъ кавалеріи князь Григорій Волконскій.

Армія выступила на зимнія квартиры. Городъ Букарестъ, столица Валахіи, назначенъ гаубтъ-квартирою, куда мы и прибыли Декабря 2 числа. Между Журжей и Букарестомъ имѣли ночлегъ въ селеніи Капочени, на рѣкѣ Аржисѣ, которое было разорено безпорядками и войною, сими двумя непріятельницами человѣческаго спокойствія.

Букарестъ ликовалъ съ побѣдителями. Графъ Кутузовъ, какъ побѣдитель, въѣхалъ въ тріумфальные ворота, въ честь ему выстроенные. Нѣсколько дней всѣ дома были иллюминованы. Между тѣмъ полки тянулись на свои зимнія жилища, солдатъ имѣлъ нужду въ отдохновеніи, а бурной Декабрь звалъ ихъ подъ кровъ селянина.

Букарестская жизнь.

По вступленіи нашемъ въ Букарестъ, время было самое дурное: проливные дожди съ большими вѣтрами, грязь на всѣхъ улицахъ, жаркіе полдни и холодныя ночи. Это не помѣшало мнѣ съ моими добрыми друзьями жить весело и пріятно. Я квартировалъ на Фокшанскомъ въѣздѣ, на улицѣ называемой Поду-Могушой, у Каменнаго монастыря. Квартира состояла изъ двухъ небольшихъ комнатъ на дворѣ, каменные полы и желѣзныя рѣшетки дѣлали ее мрачною. Товарищъ мой Гаврило Ивановичъ Дунинъ-Барковскій, человѣкъ очень странный, дѣлилъ со мною жизнь мою. Онъ теперь покойникъ. Я чту его память и, не желая распространиться описаніемъ его проказъ, его пылкаго, всеобъемлющаго ума, его правилъ смѣшныхъ, обыкновенныхъ и странныхъ, полезныхъ и вредныхъ, скажу, что ежели бы его философія распространилась или имѣла бы туже возможность правиться людямъ, какъ догматическіе софизмы мечтателя Платона, бесѣдующаго на мысѣ Суніумѣ о высокомъ и изящномъ съ своими учениками, — философія,

говорю, не уступающая правиламъ добраго Гельвеція, пылкаго Мирабо: то другъ мой Барковскій потрясъ бы всѣ умы въ самомъ основаніи и, можетъ быть, успѣлъ бы направить ихъ къ лучшей точкѣ добра. Самодержавное или по просту сказать деспотическое правленіе ему было главнымъ предметомъ осмѣивать. Мы въ глазахъ его были ребята, дѣти ума, свиньи разсудка, невѣжи въ понятіяхъ (собственныя его выраженія). Храбрость, требующая наградъ, ему казалась дурачествомъ. Онъ не утерпѣлъ однажды, чтобы не написать ко мнѣ: «Разумъ твой обольщенъ блескомъ славы, и я увѣренъ, что ты скорѣе будешь застрѣленъ или умрешь отъ голода и дождя на бивуакахъ, нежели будешь мыслить подобно мнѣ въ здравомъ и прямомъ понятіи о вещахъ. А древніе Славяне вовсе не были на насъ похожи. Они были храбры, когда имѣли нужду въ золотѣ, въ самочистѣйшемъ золотѣ! А за эмаль, за вензеля святыхъ вовсе не храбрились, ленточками убирали косы и волосы своихъ женъ и невѣстъ, а не самихъ себя по вашей нынче модѣ. Но оставимъ это, лучше оставимъ. Суди ты, не у меня ли была вся сила громовъ вашихъ, вся цѣна оружія вашего? (Онъ командовалъ артиллерійскими парками, откуда армія имѣла патроны и снаряды). Я продолжаетъ онъ, изъ Слободзеи съ покиваніемъ главы смотрѣлъ на пятьдесятъ тысячъ бѣснующихся, въ томъ числѣ и на тебя, и когда вы истребляли одинъ другаго, я производилъ подобныхъ вамъ» и проч.

Гавріилъ Ивановичъ Барковскій былъ совершенный богословъ, искусный докторъ, хорошій математикъ, также былъ свѣдущъ въ древнихъ языкахъ. Не распространяясь разсказомъ о семъ рѣдкомъ человѣкѣ, скажу, что память его мнѣ осталась священною; ибо онъ любилъ меня нѣжно, и это все чѣмъ я могу отблагодарить умершему. Въ нашемъ обществѣ участвовали Григорій Васильевичъ Бестужевъ, человѣкъ съ большимъ просвѣщеніемъ, одаренный благороднымъ характеромъ и сердцемъ. Мы съ нимъ всегда были неразлучны, и теперь хотя обязанности службы разлучили насъ, мы неразлучны съ нимъ сердцами нашими. Кромѣ его: баронъ Шульцъ *), Рюль и князь Оболенскій, молодые прекраснѣйшіе люди, отлично служившіе сію кампанію Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, князь Оболенскій явилъ на штурмѣ Борисова чудеса

*) 1818 года, Шульцъ командовалъ 8 егерскимъ полкомъ. Полкъ сей находился для обороны и произведенія работъ въ новоучрежденной крѣпости Грозной, при подошвѣ горъ Кавказскихъ, за рѣкою Кубанью, близъ рѣки Сунджи. Въ темную ночь онъ хотѣлъ испытать исправность своихъ часовыхъ, выѣхалъ за переднюю цѣпь. Егерь его окликнулъ, онъ нарочно не отвѣчалъ, егерь выстрѣлилъ и ранилъ его на вылетъ, въ ляшку и кость, убивши наповалъ и его верховую лошадь... Шульцъ, съ обыкновеннымъ присутствіемъ духа, наградилъ значительно часоваго, за исправность произвелъ въ унтеръ-офицеры, а самъ чрезъ нѣсколько дней въ страшныхъ конвульсіяхъ умеръ отъ раны... (Письмо ко мнѣ Г. В. Бестужева изъ Спасска, отъ 29 Сентября 1820 г.).

храбрости; тамъ онъ тяжело раненъ и принужденъ оставить службу. Отечество лишилось въ немъ славнаго, мужественнѣйшаго офицера. Гаврила Ивановичъ Барковскій былъ главою сего знакомства.

Успѣхъ въ войнѣ перерождаетъ человѣка. Побѣдители визиря Ахмета на равнинахъ Слободзейскихъ, отягченные скучными имъ лаврами, скоро начали побѣждать сердца прекраснаго пола. Я, какъ вы очень хорошо знаете, не женщина, но вѣрю, судя по своимъ чувствамъ, что гораздо пріятнѣе любить героя, нежели бородатаго Молдавана. Букарестскія красавицы были неравнодушны къ офицерамъ. Тогда начались собранія, балы, спектакли(по чести, самые пресмѣшные), катанья по городу и въ полѣ. Вездѣ царствовало какое-то желаніе нравиться, вездѣ родилась отъ дружбы любовь; ибо надобно вамъ знать, что Азіатки вообще одарены пламеннымъ воображеніемъ и пылкими чувствами. Разумѣется, что почтенные супруги хмурились, но они не обращали нашего вниманія и были оставлены въ возможномъ покоѣ. Часто мой товарищъ журилъ меня за то, что я пріѣзжалъ домой поздно, а это случалось почти всякій день. «Я запрещаю тебѣ много волочиться, писалъ онъ мнѣ въ Хотинъ: это отнимаетъ духъ дѣятельности. Я же хочу, чтобъ ты былъ уменъ и не мало прозорливъ». Всегда я повторялъ ему, что оставлю волокитство; онъ никакъ не вѣрилъ моему обѣщанію и подлинно имѣлъ на то все право.

Отпускъ въ С.-Петербургъ.

Но посреди жизни столь пріятной и очаровательной иногда вырывалось у меня желаніе видѣть моихъ родныхъ. Кампанія кончилась, думалъ я, отпрошусь въ отпускъ. Генералъ отнесся о семъ рапортомъ графу Кутузову, и желаніе мое было удовлетворено. Я немедленно собрался въ дорогу, оставилъ свой экипажъ въ Букарестѣ и выѣхалъ оттуда 10-го Генваря вечеромъ съ квартиры генерала. 16-го числа я уже былъ въ Кіевѣ, пролетѣвши Молдавію на саняхъ. Тогда же генералъ Глуховъ тоже отправлялся въ столицу, и мы въ дорогу пустились вмѣстѣ. Въ Кіевѣ нашелъ всѣхъ старыхъ знакомыхъ товарищей. Они жадничали знать о разныхъ предметахъ. Разумѣется, что требованія ихъ были удовлетворяемы. Еще они не были въ школѣ опытности, а правду ли говорилъ я, далеко было посылать справки; надобно знать, что трудно знать все до такой степени, дабы удовлетворить каждаго любопытнаго человѣка,—сохрани Боже! еще женщину...

31-го Генваря, поутру въ 11 часовъ, я пріѣхалъ въ Петербургъ. Это было Воскресенье первой недѣли Великаго поста и былъ день самый пріятнѣйшій моей жизни. Въ шестилѣтнее отсутствіе я лишился

матушки и двухъ сестрицъ. Предоставляю вамъ представить себѣ всю силу горести поразившей меня, когда сіи предметы представились моему воображенію, слишкомъ всегда живому. Я оставляю сіи горестныя мысли, кои отравили мои радостные дни. Большая часть моихъ искреннихъ друзей по малолѣтству разъѣхались изъ Петербурга. Это усугубляло скуку; напослѣдокъ 15 числа Февраля вечеромъ я оставилъ Петербургъ. Время было холодное, и я отправился въ путь Изъ города Рогачева я своротилъ въ крѣпость Бобруйскъ: мнѣ хотѣлось видѣться съ Дмитріемъ Степановичемъ Полыневымъ. Крѣпость еще не была кончена, ее хвалили и теперь хвалятъ; но Французы были столь неучтивы, что не удостоили ее своимъ посѣщеніемъ.

Обратный пріѣздъ въ Молдавію.

29-го Февраля я переправился на паромѣ за Днѣстръ въ счастливую Молдавію. Въ то время, когда въ Россіи еще была холодная зима и большіе снѣга лежали по всѣмъ полямъ, здѣсь показывалась самая пріятнѣйшая ранняя весна, и я былъ въ восторгѣ, увидѣвши изъ Могилева Молдавскія горы, покрытыя зелеными коврами щедрой природы. Я скоро проѣхалъ Яссы, Фокшаны, съ которыми мѣстами вы уже прежде познакомились изъ моихъ записокъ, и 9-го Марта на переправѣ рѣки Бузео встрѣтилъ генерала, который былъ назначенъ въ Хотинъ для экстреннаго вооруженія сей крѣпости. Я отдалъ ему бумаги и нѣкоторыя посылки изъ Петербурга и, съ позволенія его превосходительства, на короткое время отправился въ Букарестъ, распорядиться своими дѣлами. 10-го вечеромъ я пріѣхалъ къ себѣ на квартиру. Мои товарищи чрезвычайно обрадовались мнѣ, и я имъ не меньше: сдѣлавши на перекладныхъ слишкомъ 5000 верстъ дороги, я почти не чувствовалъ усталости или лучше сказать забылъ ее. Въ отсутствіе мое всѣ наши представленія были утверждены Государемъ, и я надѣлъ на себя въ 1-й разъ Владимирскій орденъ. Крестъ сей, признаюсь, много увеселилъ мое честолюбіе; я въ полной мѣрѣ чувствовалъ, что точно заслужилъ его храбростію, а не по протекціи. Поздравленія продолжались за поздравленіями, и въ свою очередь, новому кавалеру должно было вспрыснуть своего равноапостольнаго князя. Хотя сей преобразователь религіи древнихъ Славянъ, которые, замѣтьте, не имѣли у себя ни расколовъ, ни раскольниковъ, купался и купалъ весь свой народъ въ водахъ Бористена и даже, не уважая бога-Перуна, бросилъ и его статую въ воду, что очень жалко; но я по совѣту добрыхъ товарищей счелъ за нужное окупать или вспрыснуть моего патрона въ винѣ Венгерскомъ и Шампанскомъ. Я, думаю, что сіе было

не непріятно ему, ибо дружеская отчасти шумная бесѣда не была нарушена громами раздоровъ. Скоро мы согласились, что Владимиръ весьма не одумавши утопилъ Перуна; другая главнѣйшая его ошибка была система удѣловъ. При сихъ глубокихъ и скучныхъ напоминаніяхъ намъ было отмѣнно весело; смѣялись, шутили, разговаривали, пили, хохотали, сколько было выпущено острыхъ словъ, и такимъ образомъ разстались. Нѣкоторая часть рыцарей пошли гулять по городу, я присталъ къ нимъ, послѣ, помнится, отсталъ нечувствительно и очутился... зачѣмъ вамъ сказывать гдѣ?

Но надобно было оставить Букарестъ и спѣшить къ своему генералу въ кр. Хотинъ. Получивши подорожную изъ канцеляріи главнокомандующаго, 16-го Марта я выѣхалъ изъ Букареста, взявши съ собою и мою вѣрную собаку Томса, которая неразлучно была со мною всю кампанію, до города Пружанъ въ Польшѣ, гдѣ одинъ злой Полякъ укралъ ее. Горе вамъ, Поляки! Еслибы я былъ папа, я бы громогласно проклялъ васъ. Горе вамъ! Костюшка, Чарнецкій и Замойскій вѣрно бы не украли моей собаки. Они были гораздо честнѣе васъ, въ тысячу разъ честнѣе васъ, и отъ того-то при нихъ и Польша не совсѣмъ упала.

Каменецъ-Подольскъ.

Не успѣвши осмотрѣться въ Хотинѣ, по приказанію генерала я отправился въ Каменецъ-Подольскъ. Сей городъ лежитъ въ 18-ти верстахъ отъ Днѣстра, имѣетъ древній готическій замокъ и горнъ-веркъ по сю сторону рѣки Смотрича. Окрестныя горы командуютъ городомъ, съ которыхъ можно принудить гарнизонъ къ сдачѣ.

Видъ сего мѣста мнѣ чрезвычайно понравился, замокъ еще существовалъ въ самыя отдаленнѣйшія времена; исторія не сохранила его основателя. Извилистой Смотричъ орошаетъ подошву каменныхъ скалъ, они дали ему имя Каменца; мѣстами проглядываютъ старинныя обвалившіяся башни, они тщетно утомляютъ наблюдателя въ изысканіи древности. Въ городѣ еще видна одна мечеть, построенная Турками, въ тѣ времена, когда они еще владѣли Каменцомъ. Она свидѣтельствуетъ о первобытномъ могуществѣ и силѣ Турокъ. Польскій король Сигизмундъ Великій на лунѣ, возвышающейся на минаретѣ, поставилъ золотаго ангела, не нарушивъ тѣмъ мирнаго трактата, гдѣ было сказано: при уступленіи Каменца Полякамъ сохранять сію мечеть въ ея настоящемъ видѣ. Мнѣ нравится умный оборотъ Сигизмунда: луна въ подножіи ангела славы. Но она осталась невредимою! Здѣсь улицы тѣсны, домы всѣ каменные, три красивыя площади, нѣсколько монастырей, изъ коихъ одинъ женскій. На крутой скалѣ, въ виду замка и

большой дороги въ Молдавію, есть хорошій бульваръ. По всей горѣ, гдѣ только крутизна позволяетъ строиться, раскинуты чистые домики съ огородами и фруктовыми садами. При самой рѣкѣ есть одинъ прекраснѣйшій садъ и въ немъ Инвалидный домъ и больница. Бывшій комендантъ, графъ Виттъ, подарилъ сіе мѣсто городу. Сверхъ того заслуживаютъ примѣчанія казармы, называемыя Кашары, высотою отъ берега въ пять этажей, всѣ со сводами. Онѣ по величинѣ своей могутъ вмѣстить большой гарнизонъ. При мнѣ за выступленіемъ полковъ онѣ были пустыя. Равнымъ образомъ плотина, соединяющая городъ съ горнъ-веркомъ, стоитъ вниманія, тѣмъ паче, что Поляки всегда болѣе любили пить Венгерское вино, болѣе пустословить, нежели строиться на пользу общественную.

О Хотинѣ.

До заключенія Букарестскаго мирнаго трактата, у Хотина сходились границы пяти имперій. Кромѣ крѣпости и цитадели, весь городъ, по обыкновенію Турокъ, обнесенъ ретраншаментомъ. Крѣпость сія имѣетъ важные недостатки; но какъ ни вы друзья мои, ни я ее осаждать никогда не будемъ, то и умолчу о томъ, боясь наскучить и безъ того слишкомъ длиннымъ разсказомъ. Я имѣлъ здѣсь множество занятій. Кромѣ инженерной части генералъ командовалъ 7-мъ отрядомъ арміи, состоящимъ изъ 8 баталіоновъ пѣхоты, съ которыми было премножество переписки, хотя пустой, но необходимой. Здѣшній коммендантъ ген.-м. Лидерсъ жилъ очень хорошо: часто давалъ праздники, куда съѣзжались гости съ Польской стороны.

Новый главнокомандующій.

Въ сіе время назначенъ вмѣсто графа Кутузова главнокомандующимъ Дунайскою арміею и Черноморскимъ флотомъ адмиралъ Чичаговъ.

Генералъ не замедлилъ отправиться въ Букарестъ для полученія себѣ дальнѣйшихъ повелѣній. Мы сдѣлали дорогу въ четыре дня и въ Яссахъ встрѣтили отставнаго главнокомандующаго. Старикъ Кутузовъ обрадовался посѣщенію моего генерала. Адмиралъ утвердилъ всѣ представленія его по предмету усиленія Хотина. Сверхъ того, ему поручено спѣшить поставить крѣпость на военную ногу и развѣдывать о положеніи Австрійцевъ и о намѣреніяхъ ихъ на ближайшихъ къ намъ границахъ.

Начало войны 1812 года.

Тогда открылась загадка: въ началѣ Іюня мѣсяца грозила Россіи война, самая опустошительная и небывалая доселѣ въ лѣтописяхъ міра. Стремительный потокъ, долго угрожавшій инымъ державамъ, хитрою политикою соединившій во едино разные народы, всегда столь между собою различные и непримиримые, съ быстротою молніи вторгся въ Русскую землю. Полмилліона воиновъ, предводительствуемыхъ мужемъ великимъ и счастливымъ, должны были лишить наше отечество его политическаго существованія.

Въ сіи критическія минуты довершенъ мирный трактатъ съ Портою. Она уступаетъ Россіи земли между рѣками Дунаемъ, Прутомъ и Днѣстромъ съ пятью крѣпостями. Армія Дунайская форсированными маршами выступила подкрѣпить генерала Тормасова, который, потерявши сраженіе у Городечны, противъ Австрійцевъ, отступилъ за рѣку Стырь къ Луцку. Генералъ Тормасовъ всегда славился своими неудачами.

Немедленно Сербія, обѣ Валахіи и часть Молдавіи оставлены владычеству султана. Народъ съ сердечнымъ умиленіемъ провожалъ полки наши, желая имъ успѣховъ. Я тогда былъ въ Хотинѣ, куда 28-го Августа пріѣхалъ адмиралъ Чичаговъ. 26-го, въ день Бородинскаго сраженія, вся Дунайская армія перешла Днѣстръ, подъ пушками Хотинской крѣпости, по понтонному мосту. Скоро главнокомандующій отправился въ Каменецъ-Подольскъ, и я получилъ здѣсь включаемое повелѣніе находиться при немъ.

Г. инженеръ-порутчику, адъютанту и кавалеру Мартосу.

Въ исполненіе даннаго мнѣ приказанія господина главнокомандующаго Дунайской арміею, адмирала и кавалера Чичагова, угодно ему, дабы вы находились при собственной его персонѣ, то предписываю вашему благородію немедленно явиться къ его высокопревосходительству.

Подписано: инженеръ-генералъ-маіоръ Гартингъ. № 892.

26 Августа 1812 г.
кр. Хотинъ.

Итакъ, прощай Молдавія! Прощай, жизнь столь пріятная и спокойная! Васъ оставляю и долженъ тащиться въ походъ, забыть удовольствія и снова познакомиться съ трудами, заботливостію, въ войнѣ неизбѣжными. Но Французы уже стояли предъ Смоленскомъ, они несли опустошеніе въ сердце моего отечества, и не надобно было быть Русскимъ, надлежало перестать быть честнымъ человѣкомъ, оставшись въ

сіи критическія времена пустымъ зрителемъ. Нѣтъ! Я чувствовалъ противное и съ радостію переѣхалъ за шумный Днѣстръ. Главная квартира была въ Каменцѣ-Подольскомъ. Адмиралъ приказалъ мнѣ отправиться по почтѣ въ Дубно, куда тянулась армія. Корпусъ Войнова шелъ въ авангардѣ.

Еще въ Каменцѣ-Подольскомъ адмиралъ издалъ прокламацію неспокойнымъ Полякамъ, увѣщевая ихъ не принимать участія въ дѣлахъ нашихъ непріятелей. Имъ объявлено, что наша армія упрочитъ ихъ безопасность и предохранитъ отъ тѣхъ несчастій, которыхъ бы они ожидали. Имъ дано почувствовать, что зачинщики будутъ взяты и суждены по военнымъ законамъ. Такимъ образомъ нѣсколько успокоены умы, а не негодованіе.

30-го Августа я пріѣхалъ въ Дубно; въ сіе же время вступилъ сюда и авангардъ Войнова. Мѣста по дорогѣ отъ Каменца мнѣ весьма понравились, они населены и обработаны самымъ превосходнѣйшимъ образомъ, почва земли такая же, какъ и въ Молдавіи, часто представляются озера и лѣса. Жители Подоліи счастливы, думалъ я, проѣзжая богатыми полями, и не ошибался.

Въ 40 верстахъ отъ Каменца-Подольскаго похороненъ принцъ Насау-Зигенъ. Онъ жилъ и скончался въ м. Тиннѣ. Онъ прославилъ себя странностями, въ Шведскую и Турецкую войну дѣлалъ важныя ошибки и былъ прощенъ. Въ Черномъ морѣ, сражаясь однажды съ Турками, бросилъ въ море одного офицера за то, что тотъ его не понималъ. Въ Бальтикѣ потерялъ весь гребной флотъ и, путешествуя въ знойныхъ Африканскихъ степяхъ, убилъ одного превеличайшаго льва, и тѣмъ возродилъ надежду испугавшихся спутниковъ. Старость его, говорили жители, была весьма спокойна.

Въ окрестностяхъ Каменца-Подольскаго, въ деревнѣ Черной, жилъ генералъ А. Г. Розенбергъ. Онъ самый тотъ, который, къ удивленію всѣхъ, будучи окруженъ революціонными Французами, въ непроходимыхъ снѣговыхъ горахъ Швейцаріи, пробился и еще въ столь сомнительномъ дѣлѣ не удовольствовался однимъ открытіемъ себѣ пути. Онъ смѣло атаковалъ Массену, отбилъ у него множество пушекъ, плѣнныхъ и съ сими трофеями соединился съ Суворовымъ въ Цирихѣ. Надобно знать, что сіи подлинно изумительныя дѣла происходили, когда горе-генералъ Корсаковъ не умѣлъ съ цѣлымъ свѣжимъ корпусомъ отдѣлаться отъ Массены. Слава Розенбергу! Я провелъ у почтеннаго старца лучшій день моей жизни. Послѣ трудовъ военныхъ, Розенбергъ жилъ на отдохновеніи. Грозная туча, носившаяся надъ Россіею, тревожила ясные дни сего истиннаго патріота. Онъ готовъ былъ посвятить себя снова отечеству, но скоро кончилъ свои славные дни.

Соединеніе Дунайской арміи съ 3-ю западною.

6-го Сентября, армія Дунайская соединилась съ 3-ю западною, занимавшею позицію по сю сторону рѣки Стыри, правымъ флангомъ къ г. Луцку. Фельдмаршалъ Шварценбергъ и графъ Ренье принудили Тормасова отступить, мосты на Стырѣ были испорчены. Венгерскіе гусары содержали передовую цѣпь противу нашихъ козаковъ и Калмыковъ.

Шварценбергъ, узнавши о соединеніи обѣихъ армій, отступилъ къ рѣкѣ Бугу. Тормасовъ и Чичаговъ перешли Стырь, дабы принудить Нѣмцевъ дать намъ сраженіе.

9-го Сентября переходъ въ д. Дубляны, на р. Стырѣ, 35 верстъ.

Наканунѣ сего, генералъ-маіоръ графъ Ламбертъ имѣлъ удачную экспедицію на томъ берегу Стыри. Переправившись рѣку вплавь, онъ внезапно атаковалъ непріятеля, взялъ въ плѣнъ цѣлый конный полкъ со всѣми офицерами и 3 штандарта.

Анекдотъ съ плѣннымъ офицеромъ.

Мы пошли смотрѣть плѣнныхъ Нѣмцевъ. Разговаривая съ ранеными Саксонцами, примѣтили одного кирасирскаго офицера; онъ подошелъ къ намъ и, желая что-то говорить, сталъ въ такую позицію, что мы принуждены были улыбнуться противу своей воли. Его запачканный колетъ, запачканное лице, Нѣмецкая важность и глаза, изъ коихъ проглядывала глупость, обратили полное вниманіе посѣтителей. Громогласно нашъ ратникъ сталъ доказывать, сколь велики силы Наполеона, что Россія пропадетъ, и тогда Наполеонъ дастъ ей свои законы. Тутъ всѣ захохотали. Нѣмецъ задрожалъ и взбѣсился. Наши офицеры увѣряли его, что скоро всѣ Французы будутъ такіе же плѣнные герои, какъ и онъ. Кровь вскипѣла въ Саксонцѣ, онъ гордо подался къ намъ, но такъ неловко, что мы едва не умерли отъ смѣху. Сиповато и порывистымъ голосомъ онъ закричалъ: уже это поздно. Мы закричали браво! Шутъ-воинъ закурилъ свою изношенную трубку, попросилъ у насъ выпить водки, и тѣмъ кончилась піеса.

10-го Сентября Дунайская армія перешла за Стырь и сдѣлала маршъ въ 40 верстъ, до мѣстечка Скурча.

Сраженіе 11-го Сентября.

11-го Сентября переходъ 15 верстъ до костела Марковичи.

Отсюда въ 4-хъ верстахъ впереди было жаркое кавалерійское дѣло съ Венгерскими гусарами. Саксонская артиллерія подкрѣпляла ихъ.

Генералъ Войновъ командовалъ противу превосходнаго числа непріятелей. Адмиралъ позволилъ мнѣ находиться при семъ генералѣ. «Пріѣзжайте къ намъ съ добрыми вѣстьми», сказалъ главнокомандующій, оставляя меня у Войнова. Непріятель былъ разбитъ и прогнанъ до деревни Павловичъ, гдѣ, пользуясь весьма выгодною позиціей, занималъ ее и ближній лѣсъ до глубокой ночи, а съ разсвѣтомъ отступилъ къ своей арміи. У насъ убитъ Бѣлорусскаго гус. полка порутчикъ Скирмонтъ и 1 гусаръ. На фланкировкѣ подо мною ранена лошадь, и бурка прострѣлена 3 пулями. Генералъ Войновъ и квартерм. подполковникъ Кратцъ получили легкія контузіи. Между тѣмъ началось преслѣдованіе непріятеля на всѣхъ пунктахъ.

14-го Сентября переходъ 15 верстъ, въ селеніе Озютичи.

15-го переходъ 20 верстъ, въ д. Боблы, лѣсистыми и песчаными мѣстами.

16-го переходъ 20 верстъ, въ д. Олескъ, лѣсами и болотами.

17-го переходъ 20 верстъ, въ д. Вишневъ.

Нужно знать, что всѣ наши коммуникаціи съ главною арміею были отрѣзаны. Черезъ одного офицера было извѣстно, что Французы овладѣли Смоленскомъ, и до сего перехода мы находились въ совершенной неизвѣстности, что̀ дѣлали Наполеонъ и обѣ наши арміи. На семъ переходѣ прибылъ изъ главной квартиры флигель-адъютантъ Чернышовъ съ извѣстіемъ о Бородинскомъ дѣлѣ и о взятіи Москвы непріятелемъ. Новость сія почти нисколько не подѣйствовала на насъ: мы были довольно спокойны, какъ всѣ вообще военные люди, коимъ нужна разсѣянность. Чернышовъ привезъ повелѣніе генералу Тормасову отправиться подъ Москву, для командованія вмѣсто князя Багратіона, тяжело раненаго подъ Бородинымъ. Западная армія поступила въ составъ арміи Дунайской. Чичаговъ здѣсь остался главнокомандующимъ.

Непріятель отступаетъ.

Австрійская и Саксонская арміи отступали на всѣхъ пунктахъ до мѣстечка Любомля, гдѣ и избрали весьма выгодную позицію. Въ центрѣ ея лежало мѣстечко, сады и плотины, на коихъ испортили всѣ мосты. Много батарей расположено въ скрытыхъ мѣстахъ. Большой лѣсъ закрывалъ ихъ правый флангъ, а топкія болота всякое нападеніе дѣлали невозможнымъ. Главнокомандующій, обозрѣвши непріятельскую позицію, назначилъ ударить въ правый флангъ, обошедши лѣсъ. Австрійцы не предоставили намъ чести побить себя; съ великою поспѣшностію они ретировались по большой дорогѣ къ Бресту-Литовскому, бросивши намъ нѣсколько раненыхъ. Армія преслѣдовала непріятеля въ разныхъ пунктахъ.

18-го Сентября, главная квартира заняла мѣстечко Любомль, принадлежащее графу Браницкому.

19, 20-го переходъ 32 версты въ деревню Забужье, черезъ д. Опалинъ, на рѣкѣ Бугѣ, лѣсомъ и песками.

21-го переходъ 35 верстъ въ д. Орховку противу м. Владавы, на Бугѣ въ герцогствѣ лежащую, лѣсомъ и большими песками. На семъ берегу рѣки, для защищенія переправы на Бугѣ, непріятель устроилъ большой тетъ-де-понъ, хорошей профили съ 2 барбетами. Внутреннія крутости по причинѣ мелкаго песку сдѣланы изъ досокъ, а наружныя дерномъ на ребро. Въ семъ мѣстѣ ширина Буга не болѣе 40 саженъ.

22-го Сентября, переходъ до 20 верстъ въ д. Дубокъ, лѣсомъ и топкими болотами.

23-го переходъ 20 верстъ въ д. Збаражъ, лѣсомъ и песками.

24-го переходъ 14 верстъ лѣсомъ и песками въ д. Замшаны.

25-го переходъ 14 верстъ въ д. Рудню лѣсомъ и большими песками.

26-го переходъ 21 верста въ д. Бульковъ открытыми, но песчаными мѣстами.

27-го главнокомандующій рекогносцировалъ непріятеля въ окрестностяхъ Бреста-Литовскаго. Мѣстоположеніе маскировало его позицію. Мы пробыли до полудня въ авангардѣ графа Ламберта.

28-го сего числа Ламбертъ изъ одного ближняго ему лѣса вытѣснилъ Польскую пѣхоту и Венгерскіе конные отряды. Онъ принудилъ ихъ бѣжать къ городу и отбилъ нѣсколько плѣнныхъ.

29-го вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, армія 3 колоннами пошла атаковать непріятеля; но онъ, оставивши Брестъ, отретировался по Бѣлостокской дорогѣ.

Взятіе Бреста.

Адмиралъ при радостныхъ восторгахъ жителей въѣхалъ въ городъ, гдѣ и расположилась гаубтъ-квартира.

Между тѣмъ непріятель, пользуясь выгодной, ему представившейся позиціей за одной рѣчкой при д. Криники, выстроился въ ордеръ-де-баталіи, прикрывая отступленіе своихъ полковъ. Онъ испортилъ всѣ мосты и защищалъ переправу и броды стрѣлками и 6 орудіями. Въ семъ сраженіи раненъ шефъ 38-го егерскаго полка г. м. Удомъ ядромъ въ ногу, убитъ квартирмистерскій поручикъ Савичъ и нѣсколько артиллеристовъ.

Главная квартира учреждена въ Брестѣ-Литовскомъ. Летучія партіи посланы въ Варшавское герцогство. Успѣхи флигель-адъютанта Чернышова и другихъ партизановъ, всюду истребляющихъ магазейны

и запасы, заготовленные Поляками, посѣяли ужасъ въ самой Варшавѣ и принудили князя Шварценберга поспѣшнѣе выступить изъ Бѣлостока для прикрытія Варшавскихъ владѣній.

Сраженіе 6-го Октября.

Генералъ-лейтенантъ Эссенъ 3-й былъ посланъ противу Саксонцевъ. Графъ Ренье предупредилъ его; тогда Эссенъ увидѣлъ на опытѣ, что Французы не позволяютъ себя бить и что съ ними труднѣе ладить нежели съ ратоборцами въ Гатчинѣ. Близъ мѣстечка Залѣсья Эссенъ былъ разбитъ, потерялъ 1 пушку и до 400 человѣкъ убитыми и ранеными.

Армія сосредоточивается у Бреста.

Тогда вся армія сосредоточилась у Бреста на правомъ берегу Буга. Ген.-м. Меллиссино прикрывалъ ретираду корпуса Эссена съ Лубенскими и Ольвіопольскими гусарами. Саксонцы отрѣзали ихъ; но гусары, отыскавши бродъ, присоединились съ арміею.

Окрестности Бреста.

14 дней мы весьма спокойно оставались въ Брестѣ-Литовскомъ. Рѣдко гдѣ можно найти мѣста бѣднѣе здѣшнихъ. Всюду глазъ видитъ одни болота, пески и дремучія лѣса. Война еще болѣе разорила и безъ того уже жалкій край.

Здѣсь-то Шварценбергъ хотѣлъ безъ всякаго дѣла держать западную армію, лишенную продовольствія и всѣхъ выгодъ и уже столь отдалившуюся отъ своихъ магазейновъ, парковъ и гошпиталей.

Армія раздѣлена на двѣ части.

Планъ его былъ предузнанъ. Адмиралъ раздѣлилъ свою армію на двѣ части; поручивши корпусу войскъ изъ 8, 10, 16 и 22 пѣхот. дивизій съ кавалеріею генералъ-лейтенанту барону Сакену держаться противу Австрійцевъ, самъ съ остальною арміею назначилъ идти въ Литву, истребить тамъ формирующіеся полки изъ нашихъ Поляковъ, и послѣ, смотря по обстоятельствамъ, двинуться къ Днѣпру. Надобно знать, что тогда вовсе не было извѣстно, что̀ дѣлалось подъ Москвой и въ корпусѣ Витгенштейна у Полоцка.

15-го Октября армія выступила изъ Бреста, переходъ 16 верстъ въ с. Чернавчичи.

16-го переходъ 14 верстъ въ д. Пелище, песчаными мѣстами.

17-го переходъ 17 верстъ въ д. Рѣчицу.

18-го переходъ 45 верстъ въ городъ Пружаны.

19 растахъ.

20-го переходъ 28 верстъ въ м. Селецъ.

21-го переходъ 32 версты въ м. Ружаны. Мѣстечко принадлежитъ князю Сапѣгѣ. Въ замкѣ находится изрядная библіотека. По словамъ дворовыхъ людей было много хорошаго оружія, но разграблено Саксонцами на ихъ ретирадѣ.

22-го и 23-го растахъ.

Сраженіе 7-го Октября.

Генералъ Чаплицъ, командующій авангардомъ, 7-го Октября быстро атаковалъ генерала Конопку, расположившагося съ уланскимъ гвардейскимъ полкомъ въ городѣ Слонимѣ. Чаплицъ со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ, разбилъ и взялъ въ плѣнъ весь полкъ, сформированный изъ лучшихъ молодыхъ дворянъ, въ числѣ ихъ самаго генерала Конопку и 3-хъ полковниковъ. Успѣхъ сего почти сомнительнаго дѣла, ибо Поляки всегда имѣли возможность отступить, дѣлаетъ честь генералу Чаплицу. Онъ отличался всю послѣдующую войну. Любезный характеръ, скромность и просвѣщенный, образованный умъ составляютъ отличительную черту храбраго, опытнаго Чаплица. Войска его любятъ.

О Слонимѣ.

24-го Октября, главная квартира прибыла въ Слонимъ, сдѣлавъ 40 верстъ переходу.

Городъ лежитъ на рѣкѣ Щарѣ, впадающей въ Нѣманъ, выстроенъ порядочно, имѣетъ три хорошіе костела и изрядныя лавки. Онъ расположенъ на низменномъ мѣстѣ, окруженъ горами, а потому позиція въ немъ невыгодна къ упорному защищенію противу непріятеля, если уже имъ заняты горы. Какъ и случилось здѣсь 7-го числа: Чаплицъ занялъ возвышенія артиллеріею и подъ защитою своихъ батарей атаковалъ конницею Поляковъ, предварительно отрѣзавши имъ большую дорогу на Минскъ. Чаплицъ дѣйствовалъ, какъ искуснѣйшій генералъ.

26-го и 26-го числа, растахъ.

Экспедиція Чернышова.

Флигель-адъютантъ Чернышовъ отсюда былъ посланъ съ казачьимъ полкомъ Пантелѣева открыть коммуникацію нашей арміи съ графомъ Витгенштейномъ. Проходя большое пространство земли никѣмъ не занятое до рѣки Двины, онъ случайно остановился на большой

почтовой Виленской дорогѣ, гдѣ отбилъ нѣсколько Французскихъ курьеровъ, въ числѣ ихъ и нашего генерала Винценгероде съ его свитою. Наполеонъ, увидѣвши въ Москвѣ Нарышкина, который былъ адъютантомъ Винценгероде, сказалъ ему: Я, удивляюсь, что вы молодой, благородный человѣкъ, рѣшились служить адъютантомъ при этомъ подлецѣ! Замѣтьте, что Чернышовъ въ реляціи, напечатанной въ публику, упоминаетъ, что онъ переплылъ 15 рѣкъ, въ виду многочисленнаго непріятеля, тогда какъ тамъ только и встрѣчается одна рѣка, и было по деревнямъ нѣсколько хлѣбопековъ, кои, увидѣвши толпу казаковъ, скрылись.

Извѣстія отъ князя Кутузова.

Въ Слонимъ пріѣхалъ офицеръ отъ фельдмаршала съ извѣстіемъ о разбитіи подъ Тарутиномъ Мюрата, короля Неаполитанскаго и обратномъ взятіи Москвы. Адмиралъ также получилъ извѣстіе, что Наполеонъ удержанъ подъ Мало-Ярославцемъ и что онъ потянулся обратно на Смоленскъ, своею прежнею дорогою, которая тогда слишкомъ была разорена.

Не надобно было терять ни одного часа, ни одной минуты Чичагову. Его быстрота спасла все. Немедленно предписано генералъ-лейтенанту Ертелю, стоявшему безъ всякаго дѣла въ Мозырѣ, форсированными маршами привести въ армію свой корпусъ; тогда бы, получивши свѣжихъ 16 т., мы могли всюду представить Наполеону сраженіе и идти ему на встрѣчу. Эртель замѣшкалъ приходомъ и отданъ подъ военный судъ. Сей генералъ зналъ лучше какъ сѣчь и вѣшать невинныхъ Поляковъ, которые въ глазахъ его были всѣ злодѣи, нежели науку воевать. Сей законопротивный поступокъ поставилъ нашу армію въ критическое положеніе, одно особое счастіе могло поправить дѣла ея. Между тѣмъ наши войска слѣдовали впередъ открывать Наполеона и удостовѣриться, куда будетъ направлена его линія отступленія.

27-го Октября переходъ 28 верстъ въ м. Полонка.

28-го переходъ 22 версты въ м. Сталовичи.

29-го растахъ.

30-го переходъ 23 версты въ м. Сновъ.

31-го переходъ $17\frac{1}{2}$ верстъ въ городъ Несвижъ.

Несвижъ принадлежитъ богатому Радзивилу. Въ старинномъ замкѣ находится хорошая библіотека и множество другихъ рѣдкостей. Между ими особенно замѣтилъ Египетскую мумію. Наши офицеры изъ шалости отрѣзали ей носъ, и нашлось, что это была деревянная кукла, весьма искусно обклееная и расписанная. Открытіе сіе произвело об-

щій смѣхъ. Какому нибудь шарлатану удалось обмануть богатаго Радзивила, но неизвѣстно, въ которое время она поступила въ библіотеку князя. Дѣдъ нынѣшняго князя былъ очень набоженъ и даже ходилъ въ Іерусалимъ; отецъ его любилъ странности, напримѣръ ѣздилъ на 6 медвѣдяхъ въ церковь, когда тамъ было большое собраніе помѣщиковъ; нежданные гости дѣлали большіе хлопоты: лошади вдругъ бѣсились, ломали экипажи, били ихъ по всѣмъ улицамъ, и это составляло любимѣйшее удовольствіе князя. Тогда помѣщики были принуждены оставаться у его, пока вычинять экипажи, и сряду нѣсколько дней великолѣпнѣйшій пиръ. Увѣряють, что никто изъ гостей не могъ выпить вина болѣе князя. Ѣздить въ Іерусалимъ и на медвѣдяхъ въ церковь, въ обоихъ случаяхъ составляетъ не послѣднюю глупость. Это характеристика вѣка.

Въ Несвижѣ есть 3 хорошіе монастыря изъ коихъ 1 женскій.

Здѣсь полученъ рапортъ отъ графа Ламберта, что непріятель показался у м. Новаго Сверженя, въ 28 верстахъ отъ Несвижа.

Сраженіе 3-го Ноября.

Ламберту приказано ударить на непріятеля. Онъ разбилъ цѣлый отрядъ Поляковъ, командуемыхъ ген. Косецкимъ и гналъ его 22 версты до м. Кайданова. Здѣсь на ровномъ полѣ непріятель пріуготовился къ сраженію; но Ламбертъ, не смотря, что еще не подоспѣла его пѣхота, одною кавалеріею врубился въ непріятельской строй и совершенно сбилъ ихъ. При сей блистательной атакѣ взято 2 пушки, 60 офицеровъ, и болѣе 2000 человѣкъ; ген. Косецкій и Чапскій спаслись бѣгствомъ.

Занятіе Минска.

Послѣ Кайдановскаго дѣла, графъ Ламбертъ занялъ губернскій городъ Минскъ. Въ немъ найдены большіе запасы Французовъ и множество ихъ раненыхъ.

Главная квартира слѣдовала по направленію авангарда.

4-го Ноября переходъ 58 верстъ въ д. Гречень.

5-го переходъ 22 версты въ Минскъ.

Ламбертъ, выбивши отсюда непріятеля, тѣснилъ его по Борисовской дорогѣ. Непріятель отступилъ въ укрѣпленіе тамъ построенное Русскими, гдѣ и сосредоточился весь корпусъ ген. Домбровскаго, наблюдавшаго Бобруйскую крѣпость и пунктъ у Мозыря. Домбровскій съ горстью кавалеріи спокойно оставался между сими двумя мѣстами; его не имѣли смѣлости атаковать ни Эртель, имѣя 16 т., ни Игнатьевъ, сидѣвшій въ Бобруйскѣ съ 12 т. Но сіи жалкіе люди не стоятъ, дабы упоминать о нихъ.

Адмиралъ въ Минскѣ учредилъ временное правленіе и обезпечилъ коммуникацію съ Бобруйскомъ.

6-го Ноября мы служили благодарственный молебенъ и 8-го числа выступили въ походъ въ д. Прилѣпы 26 верстъ.

9-го переходъ 28 верстъ въ д. Антаполь, гористыми мѣстами.

10-го переходъ 35 верстъ въ гор. Борисовъ.

Нѣчто о рѣкѣ Березинѣ.

Борисовъ лежитъ на Березинѣ, которая, истекая изъ Литовскихъ лѣсовъ, впадаетъ въ древній Бористенъ. Всюду или непроходимыя топи, вязкія болота, всюду, куда ни обратишь взоръ, вездѣ, вездѣ встрѣчаешь или воды или лѣса. Если рѣка тиха, между прямыми, ровными соснами, кривыми наклоненными дубами, проглядываютъ высокіе пирамидальные утесы и начертываются длинными полосами въ зеркалѣ водъ. Изрѣдка разбросаны бѣдныя деревушки; здѣсь виднѣются трубы нероскошнаго господскаго дома, тамъ кровли крестьянскихъ хижинъ.

Въ сихъ мѣстахъ герой Нарвы пріобрѣлъ лучшій листъ въ свои лавры; вопреки мнѣнію своихъ опытныхъ генераловъ, онъ съ полками шелъ 15 миль по болотамъ или испорченнымъ непроходимымъ дорогамъ; правда, что онъ потерялъ много людей, но успѣлъ обмануть князя Меньшикова, наблюдавшаго его движеніе, и перешелъ Березину у мѣстечка Сапѣжинской Березины, въ 5 миляхъ отъ Головчина. Послѣ сего подвига Карлъ быстро навелъ понтоны черезъ рѣку Бибичу; по переходѣ оной снова ему представились опасности, топи и болота, и онъ снова не устрашился ихъ. Въ сей день шелъ проливной дождь, скоро густой туманъ скрылъ всѣ предметы, и король, столь умѣвшій пользоваться тѣми обстоятельствами, кои колебали мужественныхъ Шведовъ, врѣзался между дивизіями генералъ-фельдмаршала графа Шереметева и генералъ-маіора князя Репнина. Съ удивительною храбростію онъ атаковалъ сего генерала, разбилъ и прогналъ въ ближній лѣсъ. При семъ случаѣ 7 пушекъ достались побѣдителю. Послѣдствіемъ сего сраженія было, что Шведы перешли Днѣпръ подъ Могилевымъ и соединились съ Мазепою. Долго проходилъ онъ стезею побѣдителя, долго побѣда не оставляла своего любимца, напослѣдокъ онъ раненъ и пораженъ подъ Полтавою. Его армія безъ своего обожаемаго короля у Переволочны положила оружіе, и съ тѣхъ поръ Карлъ сдѣлался странствующимъ рыцаремъ. Вотъ все, что̀ я помню о Березинѣ.

Въ 1812 году, въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ наступила другая важнѣйшая эпоха. Здѣсь въ жесточайшую зиму явились полки Наполеона. Необходимость заставила ихъ отважиться на все, лишь бы выдти

изъ земли Русской; они перешли Березину, но дорого куплена сія побѣда! Наполеонъ изъ Москвы мечемъ очистилъ путь себѣ, вездѣ сражался и всюду былъ преслѣдуемъ до Краснинской баталіи. Тогда Кутузовъ удержалъ свои войска, и тридцати тысячамъ было предоставлено разбить семьдесятъ тысячъ героевъ. Старикъ жестоко метилъ Чичагову; онъ думалъ погубить насъ, но сверхъ своего ожиданія та армія, которая годъ тому назадъ дала ему при Дунаѣ лавръ побѣдителя, теперь, подобно легіонамъ древняго Рима, не устрашилась многочисленности враговъ своихъ и одержала надъ ними знаменитую поверхность.

Рѣка Березина послужила гробомъ 17 т. Французовъ; имя ея любезно, священно каждому Русскому, но ужасно всякому другу человѣчества. Сія пространная безмолвная могила враговъ нашихъ передаетъ потомству, что можетъ произвести войско, хотя не многочисленное, но исполненное духомъ мужества и довѣренности къ своему предводителю.

Здѣсь царство унылости. Вѣчное безмолвіе до сихъ поръ обитало въ окрестностяхъ Борисова, какъ вдругъ мѣста уединенія ожились внезапнымъ пришествіемъ полковъ. Здѣсь путникъ чувствуетъ невольный трепетъ въ сердцѣ своемъ онъ спѣшитъ оставить мѣста, наваленныя горами труповъ и костей человѣческихъ и желаетъ отдохнуть взоромъ или на малой ближней полянкѣ, или на величавыхъ соснахъ, или на сихъ прямыхъ проселкахъ вдали ему представляющихся.

Между ими мелькаютъ башни города Борисова съ своею соборною прекраснѣйшею церковью. Городъ сожженъ непріятелемъ, но тысячи жертвъ отплатили несчастія опустошеній. Вотъ течетъ извилистая Березина, она орошаетъ волнами своими мѣста мрачныя и бѣдныя, но гдѣ люди находили счастіе семейственной жизни, съ которымъ никакія блага въ мірѣ сравниться не могутъ. Видишь ли деревни Брилово и Стахово? Тамъ Наполеонъ далъ намъ бой кровопролитнѣйшій; сильныя батареи съ того отлогаго берега прикрывали его переправу и цѣлый день дрались на ней съ перемѣннымъ счастіемъ. Здѣсь величайшій изъ полководцевъ достигнулъ своей цѣли. Хвала ему!

Скоро холодная Ноябрьская ночь ниспустилась на землю, и прекращено сраженіе. Обѣ арміи заняли свою прежнюю позицію. Войско, все равно готовое идти или съ разсвѣтомъ ударить на непріятеля, расположилось въ одномъ рѣдкомъ лѣсу при дорогѣ къ Зембину. Ударили отбой. Тогда снова все приходитъ въ движеніе: пуки зажженныхъ сучьевъ переносимыхъ съ одного мѣста на другое, кривые пни и часто цѣлыя деревья, внезапно вспыхнувшія, отъ которыхъ густой, черной дымъ клу-

бомъ восходитъ до небесъ, шумное движеніе батальоновъ, скрипъ пушекъ, смѣшанные голоса воиновъ, грѣющихся при кострахъ или варящихъ себѣ пищу,—все это представляло зрѣлище поразительное.

Къ полночи мало по малу все успокоилось, и голоса начали замолкать. Опять наступило трогательное молчаніе; изрѣдка слышны были стоны умирающихъ или раненыхъ, коихъ волокли въ ближнее селеніе, или вдали раздавался вой хищнаго волка, идущаго на вѣрную ему добычу. Повсюду опять безмолвіе. Куда ни обратишь взоры, всюду представляются картины достойныя кисти искуснаго художника. Вотъ ратный станъ; видишь ли при этой тропинкѣ на сей снѣговой горѣ маленькій шалашъ? Онъ успокоиваетъ главнокомандующаго и охраняетъ его отъ сильной вьюги, несомой съ Сѣвера. Эти огорѣвшія сосны, сія сожженная деревня и раскрытая церковь ознаменуютъ тѣ мѣста, гдѣ всякій шагъ земли былъ купленъ кровію. Вотъ здѣсь Чаплицъ тѣснилъ упорнаго непріятеля, тамъ сокрушены непобѣдимые орлы и отбиты тысячи плѣнныхъ; но сіи уединенные кресты при большой дорогѣ и у сосновой рощи покажутъ тебѣ, другъ человѣчества, мѣста, гдѣ безмятежно лежатъ наши храбрые товарищи. Множество Французскихъ офицеровъ изъ сострაданія закопаны между ими; но мужественные враги уже, можетъ быть, примирились въ холодной, сырой могилѣ...

Холодъ сдѣлался гораздо нестерпимѣе—это значило скорый разсвѣтъ; мѣсяцъ, склоняясь къ Западу, слабо освѣщаетъ станъ. Выстрѣлъ разбуждаетъ полки храбрыхъ; воспрянувъ отъ сна, они идутъ впередъ. Наполеонъ усиливается, онъ повелѣваетъ своимъ удвоить нападеніе. Русскіе противупоставляютъ рѣшимости рѣшимость и одерживаютъ полную поверхность. Наполеонъ далъ знакъ къ отступленію.

Здѣсь началась сцена ужаса, ознаменовавшая отступленіе Французовъ. Солдаты ихъ вдругъ умирали отъ голоду не десятками, а сотнями; вся дорога была усѣяна мерзлыми трупами и представляла ужасное зрѣлище непрерывнаго поля сраженія. Кто не былъ очевидцемъ сихъ страшныхъ происшествій, съ трудомъ повѣритъ описаніямъ, которыя о томъ дѣланы будутъ. На большой Дорогобужской дорогѣ, близъ Болдина монастыря, найдены были трое Французовъ, жарившіе четвертаго, который умеръ съ голоду, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. Второй еще страшнѣйшій случай былъ со мною: на Виленской дорогѣ, одинъ Французъ, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ и наружности, отказался отъ хлѣба, который я ему давалъ, а умаливалъ, чтобы я изъ состраданія велѣлъ убить его! Сыщите мнѣ въ исторіи всѣхъ вѣковъ подобныя черты отчаянія разсвирѣпѣвшаго человѣчества. Сихъ двухъ примѣровъ достаточно, дабы имѣть истинное понятіе о бѣдствіяхъ, постигшихъ непріятеля.

30*

Теперь я на время отступаю отъ своего описанія, дабы дать мѣсто кампаніи Барклая. Сочиненіе сіе по своему совершенству заслуживаетъ такого же уваженія, какъ и самъ авторъ его по своему почтенному характеру и военнымъ добродѣтелямъ. Оно писано для Государя и случайно досталось мнѣ въ руки; но Боже сохрани, чтобы я до такой степени былъ пороченъ или самолюбивъ, дабы осмѣлился возмечтать, что въ дарѣ повѣствовательномъ могу сравниться съ симъ великимъ человѣкомъ. Одному Гирцію было предоставлено дополнить труды Цезаря. Я только имѣю въ предметѣ сохранить для своихъ друзей кампанію знаменитѣйшаго военачальника, самимъ имъ писанную.

*

ИЗОБРАЖЕНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ 1-й АРМІИ *).

Первоначальное намѣреніе непріятеля и главный предметъ его усилій состояли въ отдаленіи армій другъ отъ друга и проложеніи себѣ чрезъ то прямаго пути въ нѣдра Россіи.

Для уничтоженія сихъ замысловъ Ваше Императорское Величество соизволили утвердить слѣдующее предначертаніе.

Причины, побудившія армію идти по лѣвому берегу Двины.

Первая армія должна была слѣдовать изъ Дриссы, противу теченія Двины, для предупрежденія непріятеля въ Витебскѣ, также между Двиною и Днѣпромъ, для удобнѣйшаго соединенія со второю арміею. Первые переходы арміи до Полоцка прикрывались корпусомъ генерала Докторова, ставшаго въ разстояніи отъ Дисны, занятой его авангардомъ. Мое намѣреніе было занять лагерь при Полоцкѣ. Тогда бы могъ я удобнѣе наблюдать за движеніями непріятеля и подкрѣпить графа Витгенштейна, имѣя въ своемъ расположеніи дороги къ Невелю и Себежу, откуда получалъ я продовольствіе. Но вскорѣ по прибытіи въ Полоцкъ увидѣлъ я, что бóльшая часть непріятельской арміи въ полномъ маршѣ слѣдовала со всѣхъ сторонъ на Витебскъ. Не должно было терять ни минуты для предупрежденія непріятеля въ семъ важномъ пунктѣ. Усиленными переходами армія достигла до сей цѣли. Послѣдствіе происшествій доказало, что если бы мы пришли въ Витебскъ 12-ю часами позже, сіе мѣсто было бы уже занято непріятелемъ, соединеніе обѣихъ армій сдѣлалось бы невозможнымъ, какъ и защищеніе открытой Московской дороги—главнаго предмета непріятельскихъ усилій. Упорныя и славныя сраженія, выдержанныя войсками Вашего

*) Это сочиненіе Барклая-де-Толли, писанное въ подлинникѣ по-французски, уже было напечатано въ «Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древн.“ 1858 г. (кн. 1-я), здѣсь оно въ томъ же переводѣ, но безъ пропусковъ. П. Б.

Императорскаго Величества 13, 14 и 15 при Витебскѣ, тогда же были доведены до вашего свѣдѣнія. Избѣжать сихъ сраженій было невозможно. Они были неминуемы, по неприбытіи еще всего 6-го корпуса. Сей корпусъ прикрывалъ пространное слѣдованіе артиллерійскихъ парковъ, понтоновъ, обозовъ съ припасами и больными, направляющихся съ разныхъ мѣстъ чрезъ Великія Луки къ Торопцу и чрезъ Гродскъ къ Суражу. Мое намѣреніе было сражаться при Витебскѣ, и я могъ предпринять оное, ибо:

1. Непріятель не собралъ еще всѣхъ своихъ силъ. Онъ единственно имѣлъ въ своемъ распоряженіи 3-й корпусъ подъ начальствомъ маршала Нея, 4-й подъ начальствомъ вице-короля Италіянскаго, часть 1-го, находящагося около Сѣнно, два кавалерійскіе корпуса подъ начальствомъ короля Неаполитанскаго и гвардію.

2. Потому, что дѣла 13 и 14 служили мнѣ порукою за мужество и храбрость войскъ. Они могли въ полной мѣрѣ исполнить надежду побѣды, и

3. Потому, что я чрезъ оное достигнулъ бы нарочитой цѣли, обращая на сію точку вниманіе непріятеля, останавливая его и доставляя тѣмъ князю Багратіону удобность къ приближенію къ 1-й арміи.

Причины побудившія отвергнуть намѣреніе сражаться подъ Витебскомъ и отступить къ Смоленску.

Генераламъ были сообщены надлежащія наставленія, и все было въ ожиданіи важнаго происшествія слѣдующаго дня; но въ ночи съ 14-го на 15-е получилъ я отъ князя Багратіона извѣстіе о неудачномъ его нападеніи на Могилевъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что былъ принужденъ принять болѣе вправо и лишился надежды соединиться съ 1-ю арміею, что маршалъ Даву сосредоточилъ всѣ свои силы въ Могилевѣ. Онъ признался мнѣ, хотя съ прискорбіемъ, что ни онъ, ни я, не могли предупредить Даву въ занятіи Смоленска.

Въ сихъ обстоятельствахъ неприлично бы было сражаться подъ Витебскомъ: ибо самая побѣда содѣлалась бы безполезною, еслибъ между тѣмъ маршалъ Даву занялъ Смоленскъ. Военныя происшествія приняли тогда видъ чрезвычайно затруднительный. Я пожертвовалъ бы безъ всякой пользы 20 или 25.000 человѣкъ, не имѣя способа даже по одержаніи побѣды преслѣдовать непріятеля: ибо, занявъ Смоленскъ, Даву нашелся бы въ тылу 1-й арміи. Еслибъ я рѣшился на него напасть, Наполеонъ послѣдовалъ бы за мною, и я былъ бы окруженъ. Единственное мое отступленіе, даже послѣ побѣды, направилось бы черезъ Суражъ къ Велижу и, слѣдовательно все отдалилось бы отъ

2-й арміи. По всѣмъ симъ соображеніямъ и причинамъ рѣшился я немедленно слѣдовать къ Смоленску. Всѣ армейскіе обозы и резервная артиллерія, отправленные въ Суражъ, получили повелѣніе идти къ Порѣчью. Смоленскому губернатору и дворянскому предводителю поручено было попеченіе о продовольствіи арміи.

Армія выступаетъ къ Смоленску въ виду непріятеля.

Для исполненія сего отступленія по возможности въ лучшемъ порядкѣ и дабы непріятель не могъ непосредственно слѣдовать за мною, рѣшился я твердо противустать его арміи до полудня, изъявляя повидимому намѣреніе принять сраженіе. Въ слѣдствіе чего предполагалъ я, что непріятель займется 15-го числа одними рекогносцировками и аванпостными сшибками, оставляя позади себя всю свою силу. Сіе намѣреніе исполнилось превосходно. Я усилилъ авангардъ и предписалъ ему противиться съ упорностію. Авангардъ съ разсвѣта вступилъ въ дѣло и защищалъ отъ непріятеля каждый шагъ; почему выстроилъ я армію въ боевомъ порядкѣ и отрядилъ кавалерію впередъ съ большею частію егерей. Первая представляла на высотахъ впереди арміи нѣкоторымъ образомъ ограду, послѣдніе же занимали отчасти городъ и пространство поля между арміею и авангардомъ. Армія частію своего лѣваго крыла исполнила движеніе влѣво, какъ будто намѣреваясь обойти правый флангъ непріятеля, и принуждена черезъ то нѣсколько остановиться для отряженія вправо части второй своей линіи. Между тѣмъ армія выступала въ трехъ колоннахъ; аріергардъ, подкрѣпляемый егерями, двинувшимися впередъ, удерживалъ непріятеля до вечера, отступалъ потомъ черезъ городъ и около онаго и соединился съ кавалеріей, оставленной ему въ помощь и раздѣленной на три части въ видѣ аріергардовъ за каждой колонной. Первая находилась подъ начальствомъ генералъ-маіора Шевича, вторая подъ командою генералъ-маіора Корфа и третья подъ командою генералъ-маіора графа Палена. Сей послѣдній былъ слабо преслѣдуемъ непріятелемъ. Въ семъ случаѣ взято у непріятеля нѣсколько плѣнныхъ изъ его гвардейскихъ егерей.

Такимъ образомъ исполнилось въ виду предпріимчиваго непріятеля одно изъ опаснѣйшихъ и труднѣйшихъ движеній, въ устройствѣ рѣдко случающемся въ простыхъ воинскихъ маневрахъ въ мирное время.

Соединеніе обѣихъ армій при Смоленскѣ.

Я поручилъ генералу Винценгероде начальство надъ войсками, собранными между Порѣчьемъ и Духовщиной, состоявшими изъ одного драгунскаго и 3-хъ казачьихъ полковъ. Онъ обязанъ былъ прикрывать сими войсвами дорогу къ Духовщинѣ и Бѣлой, освободить Велижскій

уѣздъ отъ набѣговъ непріятеля и наблюдать за нимъ въ Порѣчьѣ, Суражѣ и Витебскѣ.

1) 19-го, 5 и 6-й корпуса прибыли въ Смоленскъ по Рудненской дорогѣ; прочія войска 1-й арміи прибыли 21-го и стали лагеремъ на правомъ берегу Днѣпра.

2) 20-го, генералъ Платовъ прибылъ съ легкими войсками въ окрестности Инькова и вошелъ въ сообщеніе съ арміей.

3) 23-го, 2-я армія пришла къ Смоленску и заняла позицію на лѣвомъ берегу Днѣпра, заграждая дорогу изъ Краснаго въ Смоленскъ.

Послѣ Могилевскаго дѣла князь Багратіонъ нигдѣ не встрѣчалъ непріятеля. Онъ воспользовался сею ошибкою онаго для слѣдованія къ Смоленску усиленными переходами. Можетъ быть, содѣйствовало къ сему скорому движенію желаніе предупредить меня въ занятіи сего города. Причиной сего обстоятельства могло быть одно изъ моихъ писемъ, въ коемъ замѣтилъ я, что по направленію, принятому 2-й арміей, нельзя было уповать на оную и что, слѣдственно, 1-я армія увидѣла бы себя въ необходимости противиться одна соединеннымъ силамъ непріятельскимъ. Потому поспѣшилъ я прибыть въ Смоленскъ, надѣясь, что ничто не представитъ уже ему препятствій къ приближенію къ 1-й арміи.

Сіе соединеніе значительно разстроило предположеніе дѣйствій Наполеона. Оно нанесло ему чувствительный ударъ.

Итакъ, столь желанное соединеніе двухъ армій совершилось вопреки всѣмъ противнымъ оному предпріятіямъ непріятеля, и предположеніе дѣйствій Наполеона нарочито разстроилось. Оно принудило его соединить всѣ свои силы между Двиною и Днѣпромъ, оставить маршалу Удиноту собственные его способы, и сіе было причиной, что сей послѣдній былъ разбитъ, что предварительные виды Наполеона на Лифляндію, Псковъ и Новгородъ были обмануты и что 5-й корпусъ, назначенный съ Австрійцами къ слѣдованію за княземъ Багратіономъ и занятію позиціи между Припетью и Днѣпромъ, былъ ближе подвинутъ для замѣны въ Могилевѣ корпуса Davoû, присоединеннаго Наполеономъ къ главной арміи.

Сіе соединеніе содѣлывается источникомъ затруднительнаго положенія главнокомандующаго.

Никогда разсчеты Наполеона не были столь совершенно предупреждены, но никогда также главнокомандующій какой-либо арміи не находился въ непріятнѣйшемъ положеніи предъ тѣмъ, въ коемъ я находился. Надъ каждой изъ соединенныхъ армій былъ главнокомандующій, зависящій

единственно отъ Вашего Императорскаго Величества и уполномоченный властію принадлежащей къ сему мѣсту. Каждый изъ нихъ имѣлъ право непосредственно доносить Вашему Величеству и располагать по своему мнѣнію ввѣренной ему арміей. Я имѣлъ право, въ качествѣ военнаго министра, объявлять Высочайшія повелѣнія отъ имени Вашего Императорскаго Величества; но въ дѣлахъ столь важныхъ, отъ коихъ зависѣла участь всей Россіи, не дерзалъ я сего исполнить безъ Высочайшаго соизволенія.

Итакъ, для приведенія соединенныхъ армій къ дѣйствіямъ по возможности согласнымъ и стремящимся къ одной цѣли, мнѣ надлежало все употребить, дабы установить между мною и княземъ всевозможное единогласіе; ибо изъ предъидущей нашей переписки о медленности дѣйствій произошло уже нѣкоторое неудовольствіе. Я долженъ былъ льстить его самолюбію и уступать ему въ разныхъ случаяхъ противъ собственнаго своего удостовѣренія, дабы произвести съ бо̀льшимъ успѣхомъ важнѣйшія предпріятія. Словомъ, мнѣ слѣдовало исполнять обязанность для меня непонятную и совершенно противную нраву и чувствамъ моимъ. Не смотря на то, думалъ я, что въ полной мѣрѣ достигъ своей цѣли; но послѣдствія удостовѣрили меня въ совершенной моей ошибкѣ по сему предмету: ибо духъ происковъ и пристрастія, знаменующійся въ арміи, образъ сужденія и неблагопріятные слухи, съ намѣреніемъ распространяемые въ Петербургѣ, воспріяли свое начало при соединеніи обѣихъ армій. Въ сіе самое время, Его Императорское Высочество, Великій Князь Константинъ Павловичъ возвратился въ армію изъ Москвы. Ко всему оному должно еще присовокупить особъ, принадлежащихъ къ главной квартирѣ Вашего Императорскаго Величества.

Для начертанія Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, слабаго изображенія всего происходившаго въ то время, упомяну только о нѣкоторыхъ главныхъ лицахъ, находившихся въ Смоленской главной квартирѣ, изъ коихъ каждое въ особенности побуждаемо было къ осужденію всего. Герцогъ Виртембергскій, генералы Бенигсенъ, Корсаковъ, Армфельдъ, имѣли между адъютантами Вашего Величества и въ обѣихъ арміяхъ приверженцевъ, распространявшихъ все, что̀ доходило до ихъ свѣдѣнія. Я скажу болѣе, самъ начальникъ моего главнаго штаба, г.-л. Ермоловъ, человѣкъ съ достоинствами, но чрезвычайно обманчивый и пронырливый, единственно изъ лести къ нѣкоторымъ вышесказаннымъ особамъ, къ Его Императорскому Высочеству и князю Багратіону, совершенно согласовался со всеобщимъ образомъ обхожденія. Чтожъ до меня въ особенности, я и канцелярія моя были безпрестанно утомляемы людьми, преданными симъ лицамъ, алчущими

узнать предполагаемыя предпріятія. Вскорѣ по исторженіи какого-нибудь свѣдѣнія, по ихъ мнѣнію новаго, сообщали они себѣ вымышленные разсказы, иногда всенародно на улицѣ. Слѣдовательно, нимало неудивительно, что непріятель былъ обо всемъ извѣщаемъ.

Для прекращенія нѣкоторымъ образомъ сего неудобства, употребилъ я все, что̀ отъ меня зависѣло. Я удалилъ особъ, поспѣшающихъ все развѣдывать и распространять, и именно: нѣкоторыхъ адъютантовъ Вашего Императорскаго Величества, князя Любомирскаго, графа Браницкаго, Влодека и многихъ другихъ. Чрезъ сіе, безъ сомнѣнія, я не доставилъ себѣ друзей между ближними окружающими Ваше Величество. Я желалъ бы также имѣть право отправить нѣкоторыхъ особъ высшаго званія.

Расположеніе непріятеля.

По полученнымъ свѣдѣніямъ, непріятельская армія была расположена слѣдующимъ образомъ: вице-король Италъянскій между Суражемъ и Порѣчьемъ съ 4-мъ корпусомъ и 1-мъ резервнымъ кавалерійскимъ. Суражъ и Велижъ заняты были непріятелемъ. Король Неаполитанскій стоялъ между Руднею и Лешной съ 2-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, а позади его въ подкрѣпленіе маршалъ Ней съ 3-мъ корпусомъ. Въ правѣ отъ Рудни, между Березиной и Днѣпромъ, находился генералъ Монбрюнъ съ 3-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, а позади его между Любавичъ и Дубровной маршалъ Даву̀ съ 1-мъ корпусомъ. Утверждали, что самъ Наполеонъ съ гвардіею находился еще въ Витебскѣ.

Предположеніе дѣйствій къ нападенію.

Нападеніе могло исполниться прежде прочихъ на короля Неаполитанскаго и маршала Нея, находившихся въ Руднѣ. Но еслибъ они отступили къ Любавичамъ и Бабиновичамъ безъ сопротивленія, мы бы не могли преслѣдовать непріятеля; ибо неудобно бы было отдалиться отъ Смоленска болѣе нежели на три перехода. Въ противномъ случаѣ вице-король Италъянскій имѣлъ бы время и способъ ударить намъ въ тылъ со стороны Порѣчья. Итакъ, я принялъ по моему мнѣнію приличнѣйшее рѣшеніе, оставляя 2-ю армію въ Смоленскѣ, для наблюденія за непріятелемъ и прикрытія Московской дороги. Подъ покровительствомъ цѣпи передовыхъ постовъ, коимъ надлежало усугубить свою прилежность, предпринялъ я совершеніе слѣдующаго движенія съ 1-ю арміею.

Армія, ра̀сположенная между Мощинками и Холмомъ по дорогѣ къ Порѣчью, напала бы съ превосходствомъ по лѣвому своему крылу

на вице-короля Итальянскаго и опрокинула бы его. По обезпеченіи такимъ образомъ праваго моего фланга, если бы весь край между Суражемъ и Велижемъ освободился отъ непріятелей и былъ занятъ генераломъ Винценгероде, обѣ арміи подступили бы къ Руднѣ и ударили на непріятеля соединенными силами. Еслибъ между тѣмъ непріятель приближался отъ Рудни къ Смоленску, 1-я армія для предупрежденія его присоединилась бы ко 2-й однимъ переходомъ.

По рѣшеніи совѣщанія избрано прямое дѣйствіе къ Руднѣ.

Я предложилъ сіе мнѣніе въ совѣщаніи, къ коему приглашены были: Его Императорское Высочество Великій Князь, князь Багратіонъ, начальники штабовъ и генералъ-квартирмейстеры обѣихъ армій. Общимъ мнѣніемъ рѣшено было двинуться отъ Смоленска прямо къ Руднѣ и оставить предъ Смоленскомъ сильный отрядъ пѣхоты съ нѣсколькими казачьими полками. Я согласился на сіе рѣшеніе, потому что оно было принято общимъ мнѣніемъ; но съ условіемъ отнюдь не отходить отъ Смоленска болѣе трехъ переходовъ, ибо быстрымъ наступательнымъ движеніемъ армія была бы приведена въ затруднительное положеніе; всѣ выгоды, полученныя съ столь великимъ трудомъ, исчезли бы для насъ. Я при семъ замѣтилъ, что мы имѣли дѣло съ предпріимчивымъ полководцемъ, который не упустилъ бы случая обойти своего противника и тѣмъ исторгнуть побѣду. 26-го выступили обѣ арміи къ Руднѣ. По донесеніямъ передовыхъ постовъ непріятель отступилъ. Но при томъ получено также извѣстіе, что вице-король Итальянскій находился въ Порѣчьѣ съ 4-мъ корпусомъ и 1-мъ резервнымъ кавалерійскимъ и подкрѣпился кирасирскою дивизіею подъ начальствомъ графа де-Франсъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ не могъ я устремиться за непріятелемъ и подвергнуть армію обходу оной съ праваго фланга и рѣшился, вопервыхъ, привести въ дѣйствіе вышесказанное намѣреніе для освобожденія праваго своего фланга. Я предложилъ князю Багратіону стать съ арміею въ Выдрѣ, гдѣ позиція была выгоднѣе Смоленской и откуда могъ онъ удобнѣе наблюдать за непріятелемъ и подкрѣплять свои аванпосты, будучи притомъ ближе къ 1-й арміи и отряду ея въ Красномъ. Въ славномъ кавалерійскомъ дѣлѣ 27-го числа нашелся на квартирѣ генерала Себастіани дневной приказъ, удостовѣрившій насъ, что непріятель извѣстился о намѣреніи нашемъ и отступалъ съ умысломъ.

Причины, воспретившія исполненіе сего дѣйствія

Въ Петербургѣ было много разговоровъ и сужденій о семъ происшествіи; въ особенности же князь Багратіонъ и его приверженцы

во многомъ меня обвиняли. За нѣсколько времени передъ тѣмъ, какъ слѣдовало имъ напасть и принудить къ отступленію голову непріятельскихъ силъ, заградившихъ имъ путь, не напали они на него; нынѣ же, не страшась болѣе никакой отвѣтственности, говорили единственно о нападеніяхъ. Поведеніе мое подъ Витебскомъ доказываетъ, что я не страшился ударить на непріятеля. Я то исполнилъ, что̀ слѣдовало бы исполнить Багратіону. Я устремился на голову непріятельской колонны и удерживалъ ее, доколѣ достигъ мѣста, предположен наго къ занятію. Я также ударилъ бы на непріятеля въ Руднѣ, еслибъ онъ тамъ остался, ибо могъ надѣятся уничтожить часть его арміи, до соединенія еще всѣхъ его силъ. Общее сраженіе за Руднею, въ окрестностяхъ Любавичей и Бабиновичей, ни къ чему бы не послужило, еслибъ и мѣсто сраженія за нами осталось. Оно причинило бы намъ потерю въ людяхъ, коихъ нескоро можно было замѣнить, потому что резервы наши были частію отдалены, частію же не устроены. Напротивъ того, непріятель имѣлъ позади себя и на флангахъ корпуса, могущіе его вскорѣ подкрѣпить. Но еслибъ мы были разбиты, и непріятель ударилъ намъ во флангъ со стороны Порѣчья и въ тылъ, не знаю, во что̀ обратилась бы тогда армія, и самая Россія. Участь Имперіи зависѣла отъ сохраненія арміи мнѣ ввѣренной, доколѣ не было еще другой для замѣны оной. Въ таковыхъ обстоятельствахъ предпочтеніе сохранности государства обманчивому стремленію къ славѣ содѣлалось бы измѣной. По что̀ намъ мыслить о славномъ походѣ? Намъ слѣдуетъ довершить войну противъ похитителя вселенной самымъ уничтоженіемъ непріятеля. Сія цѣль не могла иначе быть достигнута, какъ продолженіемъ войны. Подъ Витебскомъ намѣревался я, и несомнѣнно бы сражался, ибо могъ чрезъ то достигнуть предположеннаго предмета: я утомлялъ и удерживалъ непріятеля и доставилъ чрезъ то князю Багратіону время безъ препятствій придти къ Смоленску.

28-го, войска 1-й арміи прибыли въ мѣста̀, изъ коихъ слѣдовало исполнить дѣйствіе на лѣвый флангъ непріятеля. 2-я армія осталась въ Выдрѣ, авангардъ ея въ Семлевѣ и Инковѣ, а 27 дивизія съ нѣкоторою кавалеріею въ Красномъ.

29-го, войска, назначенныя къ дѣйствію на Порѣчье, выступили впередъ. Непріятель отступалъ по Витебской дорогѣ до Трубилова. Генералы Винценгероде и Красновъ преслѣдовали его.

30-го, непріятель направился къ Колышкамъ, а оттуда на Руднинскую дорогу. Генералъ Винценгероде переправился чрезъ Двину и наступалъ вдоль по правому берегу къ Витебску. Красновъ занялъ мѣсто между Двиной и Колышками и слѣдовалъ за движеніями не-

пріятеля. Чрезъ плѣнныхъ получено свѣдѣніе о выступленіи Наполеона съ гвардіею его изъ Витебска въ Любавичи.

Непріятель сосредоточиваетъ всѣ свои силы въ окрестностяхъ Рудни и Любавичей. Полагаютъ, что онъ съ сей стороны учинитъ нападеніе.

31-го. Слѣдовали за движеніями непріятеля, и все удостовѣрило, что онъ собралъ всю свою силу за Руднею, въ Любавичахъ, Бабиновичахъ и Дубровнѣ. Я полагалъ, что онъ вознамѣрится съ сей стороны насъ атаковать, въ надеждѣ, можетъ быть, отрѣзать часть 1-й арміи, распространившейся до Порѣчья. Для предупрежденія сего замысла непріятельскаго, рѣшился я соединить обѣ арміи въ позиціи при Волоковѣ, какъ въ одной изъ выгоднѣйшихъ между найденными нами въ теченіи всего похода, и ожидать въ оной сраженія. 2-го Августа обѣ арміи прибыли въ сію позицію. Желательно было, чтобъ непріятель насъ въ оной атаковалъ, ибо всѣ выгоды были бы нашей стороны.

Непріятель переправляется со всѣми силами на лѣвый берегъ Днѣпра и нападаетъ на Смоленскъ.

Но 3-го получено свѣдѣніе, что непріятель со всѣми силами переправился на лѣвый берегъ Днѣпра. Онъ тѣснилъ генерала Невѣровскаго, принужденнаго къ отступленію въ Смоленскъ съ претерпѣніемъ значительной потери и лишеніемъ 9 пушекъ.

4-го. Непріятель атаковалъ генерала Раевскаго при Смоленскѣ. Въ тотъ же день прибыли обѣ арміи на правый берегъ Днѣпра.

5-го. На разсвѣтѣ является Наполеонъ предъ Смоленскомъ, съ соединенною своею силою, состоящею изъ 150.000 человѣкъ, подкрѣпившеюся 5-мъ корпусомъ князя Понятовскаго, пришедшимъ изъ Могилева.

Цѣль сего непріятельскаго движенія.

Намѣреніе Наполеона было очевидно. Симъ неожиданнымъ движеніемъ отдѣлялъ онъ насъ отъ арміи генерала Тормасова, отъ всѣхъ южныхъ губерній Россіи и даже отъ Москвы. При всякой медленности къ лишенію его сихъ выгодъ пользовался онъ временемъ, дабы распространиться до Дорогобужа и тѣмъ предупредить насъ въ переправѣ Днѣпра, подъ симъ городомъ. Каково было бы впечатлѣніе и страхъ, произведенныя извѣстіемъ о сихъ происшествіяхъ въ Москвѣ и южныхъ губерніяхъ? Болѣе всего должно было заботиться о Украинѣ и Малороссіи.

Польза принесенная непріятелю симъ движеніемъ у него исторгнута.

Вслѣдствіе чего рѣшено, что 2-я армія выступитъ въ ночи съ 4-го на 5-е по Дорогобужской дорогѣ, что 1-я армія будетъ прикрывать сей ходъ, производимый противу лѣваго непріятельскаго фланга. Она должна была удерживать онаго до достиженія 2-ю арміею Соловьевой переправы на Днѣпрѣ. Часть 1-й арміи должна была потомъ слѣдовать по той же дорогѣ. Князю Горчакову надлежало занять съ сильнымъ аріергардомъ пункты при Гедеоновѣ и Заблотьѣ, до прибытія 1-й арміи.

Знаменитыя сраженія, выдержанныя 1-й арміей 5-го и 7-го Августа въ Смоленскѣ, извѣстны по моимъ донесеніямъ. Непріятель былъ остановленъ, и 2-я армія столь удачно прикрыта, что не лишилась ни одного человѣка. По достиженіи настоящей цѣли сихъ сраженій оставлены были непріятелю обрушенныя стѣны Смоленска и городъ, превращенный въ пепелъ его бомбами и гранатами. Армія 7-го числа слѣдовала двумя колоннами по Дорогобужской дорогѣ.

Оставленіе Смоленска.

Касательно оставленія Смоленска также распространяли неблагопріятные слухи и сочиненія противу меня, особенно же находившіеся въ отдаленности отъ Смоленска и слѣдственно не имѣвшіе участія въ защитѣ обрушающихся стѣнъ онаго. Посему-то и могли они разсуждать съ такимъ нахальствомъ.

Для доказательства противорѣчія сего сужденія, безъ сомнѣнія воспріявшаго свое начало единственно отъ обыкновенія почитать предосудительнымъ все что̀ не производилось самыми умствователями, упомяну я только о слѣдующемъ. 2-го Августа предписалъ я обѣимъ арміямъ занять позицію при Волоковѣ, потому что она была единственною во всѣхъ окружностяхъ, гдѣ бы можно было бы съ выгодою ожидать непріятельскаго нападенія. Сіе дѣйствіе съ моей стороны почитали слишкомъ подверженнымъ случайностямъ; говорили, что я подвергаю всю армію опасности, поставляя ее противу соединенныхъ силъ непріятельскихъ. Нынѣ же, когда 2-я армія была отдѣлена отъ 1-й, требовали, чтобы я съ 75.000 противился 150.000. 3-го числа всѣ изступленныя нападенія непріятеля были, правда, отражаемы нашими храбрыми войсками, но сей день стоилъ арміи болѣе 4000 убитыми и ранеными и 2-хъ генераловъ. Если бы я намѣревался долѣе удерживать за собою городъ, то слѣдовало бы мнѣ смѣнить войска подъ Смоленскомъ, пробывшія 5-го числа, въ теченіи 24 часовъ, въ

безпрерывномъ огнѣ, остаткомъ арміи, то есть отборною частію оной, находящейся въ резервѣ и сберегаемой для общаго сраженія. Надлежало также подвергнуться потерѣ нѣсколькихъ тысячъ людей и въ труднѣйшемъ случаѣ какъ 5-го Августа: ибо непріятель занялъ высоты, съ коихъ фланкировалъ Днѣпровскій мостъ и тѣмъ даже пресѣкалъ сообщеніе арміи съ городомъ. Но положимъ, чтобы я удержалъ городъ. 6-го непріятелю слѣдовало только переправиться черезъ Днѣпръ ниже Смоленска съ частію своей арміи и угрожать правому моему флангу, дабы принудить меня къ выводу войскъ изъ города. Тогда оной внезапно достался бы въ руки непріятелю, и я самъ, потерявъ совершенно безъ пользы отъ 8 до 10,000 человѣкъ, увидѣлся бы въ необходимости или противъ воли сражаться съ превосходнымъ непріятелемъ, или отступить въ виду его. 2-я армія могла бы удобно отвлечь непріятеля переходомъ Днѣпра выше Смоленска; но невозможно полагаться на сіи соображенныя движенія, особенно когда двѣ арміи, имѣющія двухъ независимыхъ начальниковъ, должны дѣйствовать совокупно, что̀ доказывается происшествіями 7-го Августа.

Въ сей день, во время отступленія моего изъ Смоленска, полагалъ я, по условленному учрежденію, найти сильный аріергардъ въ важныхъ пунктахъ, чрезъ которые слѣдовало первой колоннѣ въ маломъ разстояніи отъ непріятеля достигнуть Дорогобужской дороги. Вмѣсто онаго, нашелъ я непріятеля! Единственно неустрашимости войскъ нашихъ и искусству ихъ предводителей обязанъ я сохраненіемъ сей колонны, могущей подпасть совершенному разсѣянію. Многіе громогласно объявляли, что обѣимъ арміямъ надлежало остаться въ Смоленскѣ и атаковать непріятеля, вѣроятно для окончанія войны, однимъ разомъ. Въ случаѣ неудачи (ибо я не понимаю, что̀ случилось бы тогда съ арміею, имѣющей въ тылу крутые берега Днѣпра и пылающій городъ), всѣ сіи лица, любящія осуждать и назначать, что̀ надлежало исполнить, нашлись бы въ крайне затруднительномъ положеніи и лишились бы даже присутствія духа, еслибъ увидѣли себя на мѣстѣ главнокомандующаго и имѣли на собственной отвѣтственности защищеніе не только города, но и всего государства. Легко предполагать распоряженія, не обнимая общаго соображенія и не взирая на будущее, особенно же при увѣреніи, что мы сами не обязаны исполнять оныхъ и отвѣчать за послѣдствія.

Сраженіе 7-го Августа.

Сраженія 7-го Августа, извѣстныя по моимъ донесеніямъ, могутъ почитаться совершенными побѣдами. Непріятель былъ отраженъ на всѣхъ пунктахъ, и побѣдоносныя войска ночевали на полѣ битвы.

Они отступили единственно потому, что цѣлью сего хода было соединеніе обѣихъ армій. Одна половина арміи тогда сражалась, ибо остальная часть присоединилась на другой день къ первой, при деревнѣ Соловьевѣ, гдѣ армія переправилась чрезъ Днѣпръ на четырехъ мостахъ. 2-я армія прибыла уже въ Дорогобужъ 9-го числа.

Позиція арміи при Усвятѣ.

1-я армія прибыла 10-го къ деревнѣ Усвятѣ, на рѣкѣ Улѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Дорогобужа. Позиція сія показалась мнѣ выгодною. Я рѣшился дожидаться въ ней непріятельскаго нападенія и предложилъ князю Багратіону присоединить свою армію къ лѣвому флангу 1-й.

11-го аріергардъ, останавливавшій непріятеля почти на каждомъ шагу, приближался къ арміи. Непріятель вскорѣ за нимъ послѣдовалъ. Вечеромъ явился онъ со всею своею силою въ виду арміи и началъ сильную канонаду. Князь Багратіонъ безпокоился о лѣвомъ своемъ флангѣ, подверженномъ обходу, и утверждалъ, что въ самомъ Дорогобужѣ позиція была выгоднѣе. Я долженъ былъ сомнѣваться въ семъ послѣднемъ предположеніи; ибо офицеры, посланные мною уже изъ Смоленска для осмотра всего края, упоминали только о позиціяхъ при Улѣ и Царевомъ Займищѣ; но, по донесеніямъ генераловъ Винценгероде и Краснова, вице-король Итальянскій наступалъ съ своимъ корпусомъ по правому берегу Днѣпра отъ Духовщины къ Дорогобужу, и я рѣшился отступить къ сему послѣднему мѣсту.

Неудобства позиціи при Дорогобужѣ.

12-го армія прибыла въ сію хваленую позицію. Я нашелъ ее неудобнѣйшею изъ всѣхъ занятыхъ во время всей кампаніи, потому что:

1-е. Мнѣ надлежало употребить цѣлый корпусъ на правомъ берегу Днѣпра, дабы сопротивиться вице-королю Итальянскому.

2-е. Я принужденъ былъ растянуть остатокъ арміи, чтобы прислониться вправѣ къ Днѣпру, и въ тоже время занять лѣвымъ флангомъ высоты, на коихъ необходимы были войска. Не смотря на то, оставались еще предъ сею позиціею въ разстояніи пушечнаго выстрѣла превосходныя высоты, съ коихъ непріятель могъ рекогносцировать наше расположеніе и истреблять насъ своею артиллеріею.

3-е. Въ маломъ разстояніи, позади фронта, находился городъ съ деревянными строеніями, на мѣстѣ ископанномъ рытвинами.

4-е. 2-я армія должна была стать подалѣе въ 8 верстахъ отъ 1-й на дорогѣ изъ Ельни къ Вязьмѣ. Можетъ быть, по сему послѣднему обстоятельству показалась Дорогобужская позиція выгодною, ибо 2-я армія была въ оной отдѣлена и независима отъ 1-й и нѣко-

торымъ образомъ ею защищаема. Вслѣдствіе чего рѣшился я продолжать отступленіе до Царева Займища.

17-го прибыли туда обѣ арміи. Позиція была очень выгодна. Арміи, расположенныя въ небольшомъ пространствѣ, имѣли предъ собою открытое мѣсто, на коемъ непріятель не могъ скрывать своихъ движеній. Въ 12-ти верстахъ отъ сей позиціи, позади Гжатска, была другая, найденная также выгодною. Генералъ Милорадовичъ донесъ, что прибудетъ 18-го числа къ Гжатску съ частію своихъ резервовъ. Всѣ сіи причины были достаточны къ пріуготовленію тамъ рѣшительнаго сраженія. Я твердо рѣшился на семъ мѣстѣ исполнить оное; ибо, въ случаѣ неудачи, могъ я удержаться въ позиціи при Гжатскѣ. Я нашелъ въ оной подкрѣпленіе, приводимое по моей просьбѣ генераломъ Милорадовичемъ, состоящее изъ 12-ти баталіоновъ, 8 эскадроновъ и нѣсколькихъ ротъ артиллеріи. Губернаторамъ Тульскому, Орловскому и Черниговскому поручено было доставленіе въ Калугу жизненныхъ припасовъ и фуража, заготовленныхъ въ сихъ губерніяхъ. Инженерамъ обѣихъ армій немедленно было предписано построеніе нѣсколькихъ редутовъ на фронтѣ и флангахъ. Для подкрѣпленія аріергарда, получившаго приказаніе удерживать непріятеля по возможности въ каждой дефилеѣ, отрядилъ я уже 3-ю дивизію и 2-й кавалерійскій корпусъ подъ начальствомъ ген.-лейт. Коновницына. По отозванію генерала Платова въ Москву, по Высочайшему повелѣнію, принялъ команду надъ всѣмъ аріергардомъ генералъ Коновницынъ.

Прибытіе князя Кутузова въ армію. Онъ находитъ позицію выгодною, но приказываетъ на другой день отступить.

17-го Августа князь Кутузовъ прибылъ въ армію. Онъ нашелъ позицію выгодною и приказалъ ускорить работы укрѣпленій. Все пріуготовлялось къ рѣшительному сраженію, какъ вдругъ обѣ арміи получили повелѣніе идти въ Гжатскъ 18-го числа по полудни. Тогда оказались первые признаки духа пристрастія, безпорядковъ и пронырствъ, ежедневно умножавшихся въ послѣдствіи времени и приближавшихъ армію къ погибли.

Вліяніе окружающихъ князя.

Вскорѣ по прибытіи князя окружила его толпа праздныхъ людей. Въ томъ числѣ находились многіе изъ высланныхъ мною изъ арміи. Полковникъ князь Кудашевъ отличился съ самаго начала отъ прочихъ, какъ все дѣлающій и намѣревающійся командовать арміею отъ имени князя Кутузова и компаніи. Прежде сего видѣлъ я его единственно, когда присылалъ его ко мнѣ Великій Князь съ какимъ-либо

порученіемъ. За нимъ слѣдовалъ полковникъ Кайсаровъ, думающій, что, въ качествѣ наперсника и сводника, имѣлъ онъ не менѣе права на командованіе арміею. Съ перваго дня, каждый изъ нихъ имѣлъ уже своихъ приверженцевъ. Но оба условились замѣтить престарѣлому и слабому князю, что, по разбитіи непріятеля въ позиціи при Царевѣ Займищѣ, слава сего подвига не ему припишется, но выбравшимъ позицію: причина достаточная для самолюбца, каковъ былъ князь, чтобы снять армію съ сильной позиціи.

Армія занимаетъ позицію при Гжатскѣ, гдѣ намѣреваются сражаться. Начинаютъ укрѣпляться.

18-го армія прибыла за Гжатскъ. Князь нашелъ сію позицію также выгодною и приказалъ приступить къ работамъ нѣкоторыхъ укрѣпленій, производимымъ 19-го числа съ возможною ревностію. Но нынѣ представилось новое явленіе: генералъ Бенигсенъ, гордящійся похищенною имъ славою и почитающій себя первымъ генераломъ въ свѣтѣ. Сію мысль старается онъ внушать при всякомъ случаѣ. и даже мнѣ онъ объявилъ сіе въ разговорѣ о разныхъ злоупотребленіяхъ, вселившихся въ армію. Все, что̀ не отъ него происходило или не имъ было предлагаемо, подвергалось осужденію. Съ самой Вильны питалъ онъ противу меня злобу, по неудачѣ его происковъ для полученія нѣкотораго вліянія на управленіе арміи.

Онъ по обыкновенію нашелъ Гжатскую позицію невыгодною. Я спросилъ у него на самомъ мѣстоположеніи и въ присутствіи князя, что̀ онъ находилъ неудобнаго въ сей позиціи. Онъ указалъ мнѣ на обширный лѣсъ, находящійся на $1\frac{1}{2}$ пушечныхъ выстрѣла впереди центра. «Тамъ, говорилъ онъ, скроетъ непріятель свои движенія, пріуготовленія къ атакѣ и отступленіе въ случаѣ неудачи». Я не могъ не замѣтить ему, что такимъ образомъ не найдетъ онъ во всей Россіи приличной позиціи, спрашивая притомъ, не извѣстна ли ему другая удобнѣйшая? (Ибо офицеры, посланные мною для осмотра края, за нами находящагося, доѣхали только до Гжатска, откуда князь воротилъ ихъ въ армію). Онъ утверждалъ, что замѣтилъ нѣсколько оныхъ въ путешествіи своемъ между Гжатскомъ и Можайскомъ. Но послѣдствіе доказало, что онъ и сіе дурно замѣчалъ; ибо арміи *) скитались какъ сыны Израиля въ степяхъ Аравійскихъ, отъ мѣста до мѣста, безъ малѣйшаго устройства, доколѣ судьба не привела ихъ въ позицію при Бородинѣ. Въ упомянутомъ разговорѣ князь былъ совершенно моего мнѣнія и твердо рѣшился сражаться на семъ мѣстѣ.

---

*) Подъ его предводительствомъ.

Не смотря на то, въ ночь съ 19-го на 20-е получили мы повелѣніе продолжать отступленіе. 19-го генералъ Бенигсенъ приказомъ по арміямъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба, а полковникъ Кайсаровъ дежурнымъ генераломъ при князѣ Кутузовѣ. Въ тоже время объявлено, что ихъ приказанія должны почитаться приказаніями самого князя. Аріергарду предписано было непосредственно доносить генералу Бенигсену и получать отъ него предписанія.

Князь учреждаетъ порядокъ, уничтожающій власть главнокомандующаго и раздробляющій управленіе арміи.

Полковникъ Толь, генералъ-квартермейстеръ 1-й арміи, былъ причисленъ къ князю Кутузову; слѣдовательно 1-я армія была безъ генералъ-квартермейстера. Всѣ инженеры и квартермейстерскіе офицеры, піонеры и понтоны, были отдѣлены отъ корпусовъ и армій и подчинены непосредственному начальству генерала Бенигсена. При самихъ командующихъ генералахъ не оставлено квартермейстерскихъ офицеровъ, могущихъ сообщить имъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣстоположеніяхъ, дорогахъ и позиціяхъ. Все сіе было достаточно къ истребленію управленія арміи, устроеннаго по новому учрежденію*), и къ уничтоженію власти главнокомандующаго.

Но сего еще мало. Войска часто получали повелѣнія отъ Бенигсена, Толя, Кудашева, Кайсарова, не только безъ свѣдѣнія о томъ главнокомандующаго арміею, но и корпусныхъ командировъ. Тогда содѣлались главнокомандующіе арміями совершенно излишними. Въ самой арміи трудно было изслѣдовать, кто въ точности начальствовалъ; ибо очевидно было, что князь носилъ только имя, подъ коимъ дѣйствовали его сообщники. Сіе устройство дѣлъ возбудило партіи, а отъ оныхъ произошли происки. Сильнѣйшая партія и имѣющая притомъ обширнѣйшее вліяніе принадлежала князю Кудашеву. Хотя армія и не имѣла гласнаго свѣдѣнія о присоединеніи его къ обществу начальствующихъ, но, въ качествѣ зятя князя Кутузова, сохранялъ онъ первенство надъ прочими.

Армія приходитъ въ позицію при Бородинѣ. Описаніе сей позиціи.

По совершеніи трехъ опасныхъ переходовъ прибыли мы наконецъ 22-го въ позицію при Бородинѣ. Она была выгодна въ центрѣ и правомъ флангѣ, но лѣвое крыло въ прямой линіи съ центромъ ничѣмъ

---

*) Т.-е. по общему учрежденію дѣйствующей арміи, не задолго передъ тѣмъ высочайше утвержденному и отпечатанному. П. Б.

не подкрѣплялось и окружено было кустарниками на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Для прикрытія нѣкоторымъ образомъ сего фланга построенъ былъ редутъ. Въ день нашего пришествія, осмотрѣлъ я единственно мѣсто занятое 1-ю арміею. Для прикрытія праваго фланга, приказалъ я генералу Трузсону построить нѣсколько укрѣпленій и засѣкъ, оконченныхъ 25-го числа и снабженныхъ потомъ артиллеріею и войсками. 23-го сопровождалъ я князя Кутузова при осмотрѣ лѣваго фланга, то есть, мѣста назначеннаго для 2-й арміи. Впереди 26-й дивизіи примѣчалась отдѣленная высота, въ виду коей находилось пространство земли вправѣ и влѣвѣ, служащее нѣкоторымъ образомъ ключемъ сей позиціи. Я упомянулъ князю Кутузову о семъ обстоятельствѣ и предложилъ построить на семъ мѣстѣ сильный редутъ. Вмѣсто онаго поставлена была батарея изъ 12-ти орудій. Послѣдствіе доказало, что надлежащее укрѣпленіе сей высоты доставило бы сраженію совершенно иной успѣхъ.

Князь Багратіонъ донесъ князю Кутузову, что въ настоящемъ положеніи лѣвый его флангъ подвергался величайшей опасности. Наконецъ рѣшено, что, въ случаѣ нападенія непріятельскаго, сей флангъ отступитъ и станетъ между упомянутой высотой и деревнею Семеновскимъ. На сей предметъ предписано было построеніе батарей и редутовъ. Я не постигалъ, почему сему движенію надлежало исполниться по нападеніи непріятеля, а не заблаговременно.

Вѣроятно потому, что генералъ Бенигсенъ не желалъ себя опорочить. Онъ выбралъ позицію, и посему слѣдовало пожертвовать 24-го отъ 6 до 7000 храбрыхъ воиновъ и 3 орудія. Князь Багратіонъ также представилъ, что по лѣвой сторонѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни Семеновскаго, находилась прежняя Смоленская дорога, чрезъ которую непріятель могъ обойти его лѣвый флангъ. Но князь Кутузовъ и Бенигсенъ утверждали, что сія дорога могла легко быть защищаема нестроевыми войсками. Еслибъ, напротивъ того, построено было нѣсколько редутовъ на главнѣйшихъ высотахъ при сей дорогѣ, 3-й корпусъ (коего отряженіе сдѣлалось необходимымъ 24 числа) въ полной мѣрѣ удержалъ бы тамъ непріятеля. Въ послѣдствіи обстоятельства принудили къ отряженію въ сіе мѣсто также всего 2-го корпуса и большей части кавалеріи. Не смотря на то, всѣ сіи войска съ великимъ трудомъ удерживались тамъ. Мы не нуждались въ работникахъ для укрѣпленій, ибо имѣли въ своемъ распоряженіи отъ 15 до 16.000 ополченія и множество потребныхъ къ тому орудій, доставленныхъ намъ графомъ Растопчинымъ.

Лѣвый нашъ флангъ атакованъ и разбитъ 24-го числа. При семъ случаѣ потеря наша распространяется болѣе нежели до 6000 человѣкъ.

24-го числа по полудни, аріергардъ подъ начальствомъ генер.-лейт. Коновницына, останавливавшій непріятеля на каждомъ шагу, отступилъ къ позиціи арміи. Непріятель, преслѣдуя его, столкнулся съ упомянутымъ редутомъ на лѣвомъ флангѣ арміи. Близкое разстояніе онаго побудило его къ быстрому нападенію. Тогда началось дѣло, въ которомъ вся 2-я армія была принуждена участвовать. Послѣдствіемъ сего дѣла было взятіе 5 орудій 2-ю кирасирской дивизіей; но наконецъ непріятель сбилъ редутъ, взялъ въономъ 3 орудія и причинилъ намъ безполезный уронъ, состоящій болѣе нежели изъ 6000 человѣкъ. Тогда 2-я армія заняла вторую позицію лѣваго фланга, опирающуюся на д. Семеновское. Подъ вечеръ примѣчено, что нестроевыя войска были недостаточны къ прикрытію старой Смоленской дороги, почему и занята оная ночью 3-мъ корпусомъ. Сіе распоряженіе совершилось безъ малѣйшаго моего о томъ свѣдѣнія. Полковникъ Толь прибылъ къ корпусу и приказалъ оному за собою слѣдовать. Нечаянно извѣстился я о томъ: адъютантъ, посланный мною съ приказаніями въ сей корпусъ, увѣдомилъ меня о семъ происшествіи. Никто не зналъ, подъ чьимъ начальствомъ слѣдовало оному находиться. Также неизвѣстно было, къ кому надлежало ему относиться и получать предписанія. Я представилъ сіе князю и получилъ въ отвѣтъ, что причиною тому была ошибка, которая впредъ уже не случится. Каждое изъ начальствующихъ лицъ уводило войска и располагало оными, не удостоивая главнокомандующихъ извѣщеніемъ. Сіе обстоятельство во время дѣла стоило бы погибели почти всей арміи.

Весь день 25-го употребленъ былъ непріятелемъ для осмотра нашей позиціи и для пріуготовленія къ сраженію слѣдующаго числа. Онъ окопалъ лѣвый свой флангъ противъ центра 1-й арміи, но соединилъ большую часть силъ своихъ на правомъ флангѣ. Посему можно было предвидѣть, что лѣвый нашъ флангъ будетъ главнымъ предметомъ его нападенія.

Князю Кутузову предлагается предупредить сіе нападеніе.

Князю Кутузову предложено было подъ вечеръ, при наступленіи темноты, исполнить съ арміею движеніе такъ, чтобы правый флангъ 1-й арміи опирался на высоты д. Горки, а лѣвый примыкалъ къ д. Семеновскому; но чтобы вся 2-я армія заняла мѣсто, въ которомъ находился 3-й корпусъ. Сіе движеніе не перемѣнилобы боеваго порядка.

Каждый генералъ имѣлъ бы при себѣ собранныя свои войска. Резервы наши, не начиная дѣла, могли быть сбережены до послѣдняго времени, не будучи разсѣяны и, можетъ быть, рѣшили бы сраженіе. Князь Багратіонъ, не будучи атакованъ, самъ бы съ успѣхомъ ударилъ на правый флангъ непріятеля. Для прикрытія же нашего праваго фланга, защищеннаго уже мѣстоположеніемъ, достаточно было построенныхъ укрѣпленій, 8 или 10 баталіоновъ пѣхоты, 1-го кавалерійскаго корпуса и казачьихъ полковъ 1-й арміи. Князь одобривалъ повидимому сію мысль, но она не была приведена въ дѣйствіе.

Сраженіе 26-го Августа.

26-го, на разсвѣтѣ, непріятель съ превосходствомъ напалъ на деревню Бородино, занятую гвардейскими егерями. Онъ столь сильно тѣснилъ сей полкъ къ Москвѣ-рѣкѣ, что не далъ оному времени даже сжечь мостъ. Непріятель, не смотря на огонь, производимый по немъ артиллеріей, слѣдовалъ по пятамъ упомянутаго полка и ежеминутно усиливался. Я приказалъ полковнику Вуичу немедленно ударить въ штыки на непріятеля съ егерской своей бригадой. Сей храбрый офицеръ столь отважно исполнилъ оное, что непріятель былъ вскорѣ опрокинутъ, частью истребленъ, а частью сбитъ въ рѣку. (Малое число онаго спаслось переходомъ моста, немедленно сожженнаго). Между тѣмъ, на лѣвомъ флангѣ 2-й арміи, открылся сильный ружейный и пушечный огонь. Князь Багратіонъ потребовалъ подкрѣпленія. Къ нему отправленъ былъ весь 2-й пѣхотный корпусъ и вскорѣ потомъ по вторичной его просьбѣ гвардейскіе полки: Измайловскій, Литовскій и Финляндскій. 2-й корпусъ былъ отряженъ къ генералу Тучкову 1-му. Гвардейскіе полки были употреблены при деревнѣ Семеновскомъ. Я самъ прибылъ ко 2-й арміи для узнанія ея позиціи. Я нашелъ оную въ жаркомъ дѣлѣ и войска ея въ разстройствѣ. Всѣ резервы были уже въ дѣлѣ. Я поспѣшилъ возвратиться, дабы немедленно привести съ праваго фланга и изъ центра обѣихъ армій 4-й корпусъ, остававшійся еще въ моемъ распоряженіи съ 6-мъ пѣхотнымъ, 2-мя кавалерійскими и 3-мя гвардейскими полками. Я вскорѣ построилъ оные въ видѣ круга на лѣвомъ флангѣ 26-й дивизіи, фронтомъ ко 2-й арміи. До совершеннаго исполненія сего движенія 2-я армія (по отсутствію раненыхъ князя Багратіона и многихъ генераловъ) была опрокинута въ величайшемъ разстройствѣ. Всѣ укрѣпленія съ частью батарей достались непріятелю. Одна 26-я дивизія удерживала еще свою позицію, около высоты, находящейся впереди центра. Она уже два раза отражала непріятельскія нападенія. Сіе происходило около 11-ти часовъ утра. Генералу Докторову поручено было начальство

надъ 2-ю арміею. Ея пѣхота была совершенно разстроена и разсѣяна въ малыхъ кучкахъ, остановленныхъ уже за главной квартирой на большой Можайской дорогѣ. Три гвардейскіе полка отступили въ изрядномъ устройствѣ и приближались къ прочимъ гвардейскимъ полкамъ, выстроеннымъ мною въ резервѣ съ 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ позади 4-го. Въ концѣ лѣваго фланга дѣло происходило съ утра съ перемѣннымъ успѣхомъ. Генералъ-лейтенантъ Тучковъ былъ раненъ, генералъ Багговутъ принялъ начальство и былъ отраженъ въ самое время совершеннаго разбитія 2-й арміи; но онъ съ отличнымъ мужествомъ все еще удерживалъ непріятеля почти на каждомъ шагу. Тогда обратилъ непріятель всю свою силу противъ 4-го корпуса и высоты центра, но встрѣченъ былъ кичливою упорностью. Онъ употребилъ всю свою артиллерію противъ сихъ двухъ предметовъ. По продолженіи сильной канонады около часа, непріятель во многихъ колоннахъ атаковалъ высоту центра, опрокинулъ 26-ю дивизію и овладѣлъ высотою и батареею, оную занимавшею. Въ тоже время генералъ-маіоръ Ермоловъ приблизился къ бѣгущей 26-й дивизіи, съ баталіономъ 24-й, сомкнутымъ въ густую колонну, остановилъ ее и повелъ съ мужествомъ къ высотѣ. Я отрядилъ между тѣмъ два другіе баталіона вправо, для обхода лѣваго крыла непріятельскаго, а еще правѣе выслалъ Оренбургскій драгунскій полкъ, съ повелѣніемъ ударить на лѣвый флангъ непріятельской колонны, слѣдующей въ нѣкоторомъ разстояніи для подкрѣпленія сражающихся войскъ. Я приказалъ всей находящейся въ семъ мѣстѣ артиллеріи дѣйствовать по оной же колоннѣ. Всѣ сіи мѣры увѣнчаны желаемымъ успѣхомъ. Непріятель свергнутъ съ высоты, артиллерія наша обратно отбита, и всѣ не успѣвшіе спастись бѣгствомъ совершенно истреблены. Непріятель потерялъ въ семъ случаѣ по малой мѣрѣ 3,000 человѣкъ; ибо высота и поле окружающее оную, на нѣсколько сотъ шаговъ были устланы непріятельскими трупами. Въ ономъ дѣлѣ взятъ въ плѣнъ генералъ Бонами. По утомленію и разстройству 26-й дивизіи, поручилъ я сіе мѣсто генералъ-маіору Лихачеву съ 24-ю дивизіею, вывелъ 26-ю дивизію изъ дѣла, для возстановленія въ ней порядка и формированія баталіоновъ и предписалъ ей занять мѣсто между 4-мъ корпусомъ и 24-ю дивизіею. Но до вечера не видалъ я сей дивизіи; она стояла позади резервной кавалеріи, генералъ Паскевичъ занимался приведеніемъ ея въ устройство. Во время самаго нападенія на высоту центра, непріятельская кавалерія, состоявшая большею частью изъ кирасиръ и нѣсколькихъ полковъ уланскихъ, ударила на 4-й корпусъ. Тамъ встрѣтила она Перновскій пѣхотный и 24-й егерскій полки. Сіи храбрые полки выждали нападеніе непріятеля съ неимовѣрнымъ мужествомъ, допустили его на

80 или 60 шаговъ и дали по немъ столь удачный залпъ, что онъ отступилъ въ разстройствѣ. Сумскій и Маріупольскій гусарскіе полки и Сибирскій драгунскій преслѣдовали непріятеля, но, столкнувшись съ непріятельскою пѣхотой и артиллеріею, возвратились въ разстройствѣ. Непріятельская кавалерія, усиленная резервами, слѣдовала по пятамъ за нашей конницей, пробилась впередъ между колоннъ и пѣхотныхъ кареевъ и явилась такимъ образомъ въ тылу 4-го и 6-го корпусовъ.

Храбрыя сіи войска не замѣшались, но приняли непріятеля съ заднихъ фасовъ своихъ кареевъ. Огонь, производимый ими и нашей конной артиллеріей, привелъ въ безпорядокъ непріятельскіе ряды. Кавалерія наша снова построилась и съ помощью нѣсколькихъ драгунскихъ полковъ ударила на непріятеля и совершенно его опрокинула, такъ что онъ вовсе изъ виду отступилъ за свою пѣхоту. Тогда снова артиллерія открыла съ обѣихъ сторонъ смертоносное свое дѣйствіе. Казалось, что Наполеонъ рѣшился уничтожить насъ артиллеріею. Пѣхота наша съ чудесною твердостью выдерживала ужаснѣйшій пушечный огонь. Въ особенности же войска, составлявшія уголъ центра, весьма потерпѣли, ибо тамъ пересѣкался огонь со многихъ непріятельскихъ батарей. Во время сей ужасной канонады, сбивавшей съ обѣихъ сторонъ цѣлые ряды, непріятель устроилъ нѣсколько кавалерійскихъ и пѣхотныхъ колоннъ. Я предвидѣлъ жаркое нападеніе со стороны непріятеля. Кавалерія моя уже была крайне утомлена. Я послалъ немедленно за 1-й кирасирской дивизіей, полагая, что оная все еще на мѣстѣ, мною поставленномъ, въ коемъ намѣревался я сохранить ее для рѣшительнаго удара; но по несчастью была она уведена, не знаю кѣмъ, на конецъ лѣваго фланга. Адъютантъ мой едва достигъ двухъ только гвардейскихъ кирасирскихъ полковъ и, воротивъ оные, привелъ немедленно ко мнѣ. Между тѣмъ непріятель началъ уже нападенія. Съ частью своей кавалеріи занималъ онъ нашу, а съ другой врубился въ 24-ю дивизію, употребленную для прикрытія батареи на высотѣ центра. Непріятель опрокинулъ оную и облегчалъ тѣмъ атаку пѣхотнымъ своимъ колоннамъ, подвинувшимся тогда съ другой стороны. Высота съ частью артиллеріи непріятелемъ была взята штурмомъ, а 24-я дивизія возвратилась въ величайшемъ смятеніи, но была немедленно остановлена и построена. Тогда непріятельская кавалерія соединенными силами устремилась на нашу пѣхоту. Я предвидѣлъ уже минуту рѣшенія нашей участи. Кавалерія моя была недостаточна къ удержанію сей громады непріятельской. Я не смѣлъ вести ее противу непріятеля, полагая, что будетъ опрокинута и въ растройствѣ притѣснена къ пѣхотѣ. Всю свою надежду я полагалъ на храбрую пѣхоту и артиллерію, содѣлавшіяся въ сей день безсмертными. Обѣ исполнили мое

ожиданіе. Непріятель былъ пріостановленъ. Въ сію затруднительнѣйшую минуту прибыли на рысяхъ два гвардейскіе кирасирскіе полка. Я указалъ имъ на непріятеля, и они съ рѣдкою неустрашимостью устремились въ атаку. Полки: Сумскій и Маріупольскій гусарскіе, Сибирскій, Иркутскій и Оренбургскій драгунскіе послѣдовали за ними. Псковскій драгунскій и Изюмскій гусарскій, также отряженные безъ моего о томъ свѣдѣнія, прибыли тогда подъ начальствомъ генерала Корфа. Я поставилъ ихъ въ резервъ. Тогда началась кавалерійская битва изъ числа упорнѣйшихъ когда-либо случавшихся. Непріятельская и наша конница попеременно другъ друга опрокидывали. Потомъ строились онѣ подъ покровительствомъ артиллеріи и пѣхоты. Наконецъ, успѣла наша съ помощью конной артиллеріи въ обращеніи непріятельской кавалеріи въ бѣгство: она совершенно отступила съ поля сраженія. Пѣхота, стоявшая противъ 4-го корпуса, также отступила почти изъ виду артиллеріи, оставивъ одну цѣпь стрѣлковъ. Но взятая высота все еще была сильно занята: позади оной находилось еще нѣсколько колоннъ пѣхоты и малое число кавалеріи. Пушечный огонь съ обѣихъ сторонъ возобновился. Непріятельскій мало-по-малу ослабѣвалъ. Но съ нашихъ батарей производилось безпрерывное дѣйствіе до самаго вечера по упомянутой высотѣ и колоннамъ, позади ея поставленнымъ. Наконецъ темнота ночи водворила и съ нашей стороны тишину.

Во время всѣхъ сихъ происшествій князь Кутузовъ отрядилъ 1-й кавалерійскій корпусъ къ рѣкѣ-Москвѣ, для нападенія на лѣвый флангъ непріятеля, съ помощью казаковъ генерала Платова. Еслибъ сіе нападеніе исполнилось съ большею твердостью, не ограничиваясь утомленіемъ непріятеля, то послѣдствіе онаго было бы блистательнѣе. Генералъ Докторовъ занимался приведеніемъ 2-й арміи въ устройство. Кавалерія и часть артиллеріи сей арміи сражались во весь день съ отличнѣйшею храбростью; но пѣхота была по большей части разсѣяна и собрана уже къ вечеру. Генералъ Багговутъ во все сіе время находился въ затруднительномъ положеніи, но съ помощью кавалеріи 2-й арміи удержалъ онъ довольно удачно занятое имъ мѣсто. Высоты, занимаемыя его артиллеріей, были взяты непріятелемъ, но оставлены онымъ подъ вечеръ.

Позиція, занятая непріятелемъ по окончаніи сраженія, для возобновленія онаго на слѣдующій день.

Я поручилъ генералу Милорадовичу занять съ войсками 1-й арміи слѣдующую позицію. Правое крыло 6-го корпуса должно было опираться на высоты при деревнѣ Горки. Направленіе 1-й линіи находилось въ прямой линіи отъ сей точки къ деревнѣ Семеновскому.

4-й корпусъ сталъ возлѣ 6-го корпуса. Во второй линіи оба кавалерійскіе корпуса. За оными 5-й корпусъ въ резервѣ. Для точности направленія приказалъ я разложить огни, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, что̀ и облегчило движеніе войскъ. Я предложилъ генералу Докторову подкрѣпить войска 2-й арміи, собранныя имъ на лѣвомъ флангѣ 4-го корпуса, и занять мѣсто между онымъ и корпусомъ генерала Багговута. Я приказалъ сему генералу снова занять позицію, защищаемую имъ наканунѣ. Я предписалъ пріуготовленія къ построенію редута на высотѣ при д. Горкахъ. 2,000 человѣкъ ополченія были на сіе употреблены. Я донесъ о всѣхъ сихъ мѣрахъ князю Кутузову. Онъ объявилъ мнѣ свою благодарность, все одобрилъ и увѣдомилъ меня, что пріѣдетъ въ мой лагерь для ожиданія разсвѣта и возобновленія сраженія. Вскорѣ потомъ объявленъ письменный приказъ, одобривающій всѣ мои распоряженія. Я предписалъ рекогносцировку, дабы узнать, занимаетъ ли еще непріятель высоту центра. На оной найдены только разсѣянныя команды, занимающіяся своимъ отступленіемъ. Вслѣдствіе сего поручилъ я генералу Милорадовичу занять сію высоту на разсвѣтѣ нѣсколькими баталіонами и одной батареей. Всѣ утѣшались одержанной побѣдой и съ нетерпѣніемъ ожидали слѣдующаго утра. Но въ полночь получилъ я предписаніе, по коему обѣимъ арміямъ слѣдовало отступить за Можайскъ. Я намѣревался ѣхать къ князю, дабы упросить его къ перемѣнѣ сего повелѣнія; но меня увѣдомили, что генералъ Докторовъ уже выступилъ. Итакъ, мнѣ оставалось только повиноваться, съ сердцемъ стѣсненнымъ горестію. Генералъ Платовъ долженъ былъ составлять аріергардъ. Я предложилъ ему перевести войска, находящіяся за Москвою-рѣкой, на нашу сторону, дабы составить цѣпь передовыхъ постовъ по сей сторонѣ рѣки. Я оставилъ ему 3 полка егерей и 1-й гусарскій.

27-го, въ 9 часовъ утра нигдѣ не видѣнъ былъ непріятель въ близости поля сраженія, но послѣ 9 часовъ показались разсѣянныя войска, вѣроятно для рекогносцированія. Причина, побудившая къ сему отступленію, еще и донынѣ сокрыта отъ меня завѣсою тайны.

Разстройство сего отступленія.

Сіе отступленіе почти подъ стѣнами Москвы исполнилось въ величайшемъ разстройствѣ—естественное слѣдствіе нерадивости владѣющихъ тогда начальствомъ къ совершенію какихъ-либо пріуготовленій и учрежденій. Войска безъ проводниковъ часто останавливались на переходѣ по нѣскольку часовъ, при разрушенныхъ мостахъ, или проходѣ дефилей и деревень. Часто тѣ, коими слѣдовало исправлять дорогу, заграждали оную войскамъ понтонами, повозками съ инструментами и обозами

ополченія, сцѣплявшимися другъ съ другомъ. Наконецъ, по исправленіи сего безпорядка и прошествіи трудныхъ маршей, войска прибыли къ мѣсту ночлега; но скитались еще остальное время дня, не зная, гдѣ слѣдовало имъ расположиться. Наконецъ, принуждены они были расположиться при большой дорогѣ и, будучи утомлены трудами, бросались въ грязь для проведенія ночи. Генерала Бенигсена, взявшаго на себя управленіе главнаго штаба, который въ точности уже не существовалъ, невозможно было найти. Должно признаться, что въ семъ отступленіи одинъ Богъ былъ нашимъ путеводителемъ. На второмъ переходѣ сего знаменитаго отступленія почувствовалъ я уже лихорадочные припадки. На слѣдующій день сдѣлались они столь сильны, что я принужденъ былъ лечь въ постель, не бывъ уже въ состояніи ѣздить верхомъ. Сіе было слѣдствіемъ не токмо всего похода и усилій, исполненныхъ мною въ Бородинскомъ дѣлѣ, но еще болѣе досады и обидъ, коимъ подвергался ежечасно.

Армія приходитъ къ Москвѣ. Позиція подъ Москвою.

По прибытіи нашемъ къ Москвѣ укрѣпился я по возможности всѣми силами, къ изслѣдованію позиціи, назначенной для арміи. Я удивился при видѣ оной. Многія дивизіи отдѣлены были непроходимыми рытвинами; въ одной изъ нихъ протекала рѣка, совершенно пресѣкающая сообщеніе; правое крыло примыкало къ лѣсу, продолжающемуся на нѣсколько верстъ къ непріятелю. По превосходству его стрѣлковъ можно было полагать, что онъ безъ труда овладѣетъ симъ лѣсомъ, и тогда не было средствъ къ поддержанію праваго крыла. Первая линія лѣваго крыла имѣла за собою ровъ, имѣющій, по крайней мѣрѣ, отъ 10 до 15 саж. глубины и съ столь крутыми краями, что едва одному человѣку была возможность пройти.

Резервъ въ правѣ столь неудачно былъ поставленъ, что каждое ядро могло постигнуть всѣ четыре линіи. Резервъ на лѣвомъ флангѣ, будучи отдѣленъ отъ корпусовъ, получающихъ отъ него подкрѣпленія упомянутой рытвиною, долженъ былъ въ случаѣ разбитія сихъ войскъ быть спокойнымъ зрителемъ онаго, не имѣя возможности доставить имъ помощь. Пѣхота сего резерва могла, по крайней мѣрѣ, стрѣлять по нашимъ и по непріятелю; конница же не имѣла и того преимущества, но обязана была, еслибы и не рѣшилась немедленно обратиться въ бѣгство, спокойно ожидать своего уничтоженія непріятельской артиллеріей. Вообще сія позиція простиралась на разстояніе почти 4 верстъ, на которыхъ армія, ослабленная Бородинскимъ сраженіемъ и пагубнымъ смѣшеніемъ отступленія, была растянута подобно паутинѣ. Позади сей позиціи находился обширный городъ Москва и рѣка

сего имени. На оной построено было 8 пловучихъ мостовъ какъ выше, такъ и ниже города. При семъ должно замѣтить, что 4 моста выше города были поставлены при столь крутыхъ берегахъ, что одна пѣхота могла сойти съ оныхъ. Въ случаѣ разбитія вся армія была бы уничтожена до послѣдняго человѣка, ибо отступленіе чрезъ столь обширный городъ предъ преслѣдующимъ непріятелемъ есть вещь несбыточная.

Подробное объясненіе князю неудобствъ сей позиціи.

Я поспѣшилъ отправиться въ главную квартиру князя, находящуюся на окончаніи праваго фланга, и встрѣтилъ на пути генерала Бенигсена. Я открылъ ему всѣ свои замѣчанія о сей позиціи. Я спросилъ у него, «рѣшено ли было погребсти всю армію на семъ мѣстѣ»? Онъ казался удивленнымъ, но объявилъ мнѣ, что вскорѣ самъ будетъ на лѣвый флангъ. Вмѣсто того поѣхалъ онъ въ деревню, находящуюся въ центрѣ, гдѣ назначена была его квартира. По объясненіи положенія арміи князю, исполненномъ мною, съ помощью рисунка позиціи—онъ ужаснулся. Полковникъ Толь, коего онъ спросилъ мнѣнія, призналъ всѣ мои замѣчанія справедливыми; онъ говорилъ, что не избралъ бы сей позиціи и присовокупилъ, что принужденъ былъ искренно объявить, что армія подвергалась въ оной нѣкоторой опасности.

Немедленно было рѣшено собрать всѣхъ корпусныхъ командировъ. Они прибыли въ 4 часа. Генерала Бенигсена ждали до прошествія 6 часовъ. По сообщеніи ему предмета нашего собранія началъ онъ рѣчь, предлагая вопросъ: «предпочтительнѣе ли было сражаться подъ стѣнами Москвы или оставить городъ непріятелю?» Князь сильно опорочилъ сей безполезный и легко принятый вопросъ. Онъ замѣтилъ, что участь не токмо арміи и города Москвы, но и всего государства зависѣла отъ предмета предлагаемаго сужденію. Таковой вопросъ, говорилъ онъ, безъ предварительнаго изъясненія главныхъ обстоятельствъ, есть совершенно лишній. Князь подробно описалъ потомъ собранію всѣ неудобства позиціи арміи. Онъ замѣтилъ, что доколѣ еще будетъ существовать армія и находиться въ состояніи противиться непріятелю, до тѣхъ поръ останется еще надежда счастливо довершить войну; но по уничтоженіи арміи не токмо Москва, но и вся Россія была бы потеряна. Послѣ сихъ соображеній предложилъ князь вопросъ: прилично ли было ожидать нападенія непріятеля въ сей неудобной позиціи или оставить Москву непріятелю? Я съ своей стороны, какъ и генералъ-лейтенанты графъ Остерманъ, Раевскій и Коновницинъ, объявили свое мнѣніе къ отступленію. Графъ Остерманъ и генер. Раевскій присовокупили еще, что Москва не составляла еще Россіи и что

наша цѣль не состояла въ защищеніи Москвы, но всего отечества. Я объявилъ, что для спасенія отечества главнымъ предметомъ было сохраненіе арміи. Въ занятой нами позиціи безъ сомнѣнія слѣдовало намъ быть разбитыми и все, что̀ не досталось бы въ руки непріятеля на мѣстѣ сраженія, было бы уничтожено при отступленіи арміи черезъ Москву. Правда, что горестно было оставлять врагамъ столицу; но если мы, не лишась мужества, содѣлаемся дѣятельными, овладѣніе Москвой пріуготовило бы, можетъ быть, низверженіе непріятеля. Генералъ Бенигсенъ ничего противъ онаго не говорилъ, но предложилъ атаковать непріятеля. Онъ намѣревался оставить корпусъ на правомъ флангѣ для отвода всей остальной арміи за рвы на лѣвый флангъ и атаковать у непріятеля правое крыло. Я замѣтилъ, что надлежало ранѣе о семъ помыслить и вслѣдствіе онаго расположить армію. Время еще къ тому было бы при первомъ моемъ объясненіи съ генер. Бенигсеномъ о опасностяхъ позиціи. Теперь уже было поздно. Въ темнотѣ ночной трудно было различать войска, скрытыя въ непроходимыхъ рвахъ. Прежде ихъ распознанія, непріятель уже на нихъ ударилъ бы. Армія потеряла большую часть своихъ частныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, такъ что многіе полки находились подъ начальствомъ капитановъ, а бригады подъ предводительствомъ неопытныхъ штабъ-офицеровъ. Сія армія могла по храбрости, сродной нашимъ войскамъ, сражаться въ позиціи и отразить непріятеля, но не была въ состояніи исполнять движеній въ виду онаго. Князь одобрилъ сіе мнѣніе и поставилъ въ примѣръ Фридландское сраженіе. Графъ Остерманъ спросилъ немного неосновательно у генерала Бенигсена, отвѣчалъ ли онъ за успѣхъ предполагаемаго нападенія? Онъ умолкнулъ, и князь рѣшилъ отступленіе. Всѣ обозы и большая часть артиллеріи должны были немедленно отступить. Войска должны были тронуться въ 2 часа пополуночи и направиться на Рязанскую дорогу. Отступленіе совершилось не въ величайшемъ порядкѣ. Я утѣшаюсь мыслію, что могу объявить, что, еслибъ я не употребилъ въ сей день чрезмѣрныхъ усилій, до пожертвованія самимъ собою и, не смотря на свою болѣзнь, повсюду не присутствовалъ, армія съ трудомъ вышла бы изъ Москвы. Войска не имѣли проводниковъ. Никого не было изъ квартирмейстерскихъ офицеровъ; а тѣ, коихъ обязанность была исправлять дороги, мосты и наблюдать за порядкомъ оныхъ, часто сами заграждали пути.

Армія переходитъ на старую Калужскую дорогу.

Отъ Дорогомилова, гдѣ мы переправились черезъ Москву-рѣку, исполнили мы два фланговыхъ перехода въ Красную Пахру и нашли въ оной старую Калужскую дорогу. Сіе движеніе есть важнѣйшее и

приличное къ обстоятельствамъ изъ всѣхъ совершенныхъ со времени прибытія князя. Сіе дѣйствіе доставило намъ возможность довершить войну совершеннымъ истребленіемъ непріятеля: удостовѣреніе столь для меня успокоительное, что было въ состояніи облегчить болѣзненное состояніе, изнурявшее меня уже съ самаго Бородина. Не смотря на униженія, ежедневно меня угнетавшія, не взирая даже на обидную и ничего не значущую должность, исполняемую мною въ арміи, я единственно помышлялъ о непремѣнномъ уничтоженіи непріятеля.

Я предложилъ князю занять позицію на Калужской дорогѣ (не говорю о старой, но о такъ называемой новой дорогѣ). Сей позиціи надлежало быть сильно окопанною, для отраженія всей непріятельской силы съ двумя третями арміи. Прочая часть оной отрядилась бы влѣво, для пресѣченія непріятелю всякаго сообщенія съ Смоленскомъ и Витебскомъ. Князь одобрилъ сію мысль. Я полагалъ, что мы направлялись еще лѣвѣе, почему и почиталъ позицію при Красной Пахрѣ, какъ занятую только въ теченіе перехода. Но увидѣвъ, что мы въ ней остаемся, поставилъ я себѣ долгомъ замѣтить князю, что упомянутая цѣль не исполнится сею позиціею и по пространству оной, и по причинѣ высотъ, превосходящихъ ее съ правой стороны. Я предложилъ занятіе другой тѣснѣйшей, находящейся на правомъ берегу Пахры, имѣющей сію рѣку предъ фронтомъ, а не позади онаго, какъ въ тогдашней позиціи. Князь совѣтовался о семъ съ генер. Бенигсеномъ. Вслѣдствіе сего перемѣнена была позиція и избрана на правомъ берегу Пахры; но, вмѣсто стѣсненія оной, распространена еще болѣе. 2, 3, и 4 корпуса расположены были на правомъ флангѣ и снова отдѣлены отъ прочихъ войскъ рвомъ, коего переходъ былъ также крайне затруднителенъ. Вся 2-я армія, большая часть егерскихъ полковъ 1-й арміи и 1-й кавалерійской корпусъ составляли авангардъ арміи, расположенный частію на Московской дорогѣ подъ начальствомъ генерала Милорадовича, а частію на Подольской въ начальствѣ генерала Раевскаго. Я напомнилъ, что надлежало выслать отряды къ окрестностямъ Можайска; тогда отряженъ былъ генералъ-маіоръ Дороховъ съ нѣкоторымъ числомъ войскъ въ направленіи къ Вязьмѣ.

Донесеніе генерала Раевскаго поселяетъ большое безпокойство въ арміи.

13-го донесъ генер. Раевскій, что непріятель наступаетъ на него изъ Подольска. Онъ страшился также, чтобы непріятель не приблизился къ тылу арміи, по дорогѣ ведущей къ Чирикову. Почему отрядилъ уже онъ генералъ-маіора Паскевича съ 26-ю дивизіею и нѣкоторою кавалеріею для прикрытія фланга арміи на сей дорогѣ. Сіе доне-

сеніе причинило вдругъ всеобщее смущеніе. Всѣ уже вообразили себѣ, что Наполеонъ, со всею своею силою, наступалъ во флангъ и въ тылъ нашей арміи. 4-му пѣхотному и 2-му кавалерійскому корпусу предписано было немедленно выступить для присоединенія къ генералу Паскевичу. Графъ Остерманъ донесъ подъ вечеръ, что его аванпосты имѣли сильное дѣло по дорогѣ къ Чирикову и что съ сей стороны показывались непріятельскія колонны. Посему рѣшено было, что генер. Дороховъ, причинившій уже много вреда непріятелю, возвратится въ туже ночь. Генералу Милорадовичу, имѣвшему передъ собой слабые аванпосты, слѣдовало занять съ 2-ю арміею позицію 1-й арміи; сія же напротивъ того должна была обратиться фронтомъ къ грознымъ силамъ непріятельскимъ, ожидаемымъ къ Чирикову. Я увѣрялъ, что можно было успокоиться на счетъ нашего праваго фланга; ибо чрезмѣрно было бы дерзко со стороны Наполеона обратить къ оному всѣ свои силы: онъ подвергнулся бы черезъ то отдѣленію отъ Москвы, Смоленска, Витебска и отъ всѣхъ своихъ отрядовъ и могъ быть совершенно окруженъ и разбитъ. Я предложилъ немедленно атаковать отрядъ, приближавшійся по дорогѣ къ Чирикову, для удостовѣренія неосновательности нашего страха, или, въ случаѣ несогласія, выгоднѣе было правому нашему флангу избѣгать непріятеля, а лѣвому обнять правое его крыло. Но всѣ сіи представленія не произвели ни малѣйшаго дѣйствія. Предположенное движеніе не исполнилось. Генералъ Бенигсенъ казался столь увѣреннымъ въ нападеніи непріятеля, что 14-го поутру, не видя еще пришествія 6-го корпуса къ назначенному мѣсту (ибо сей корпусъ съ трудомъ выступилъ съ мѣста своего, окруженнаго рвами), подъѣхалъ ко мнѣ и сказалъ: «Боже мой! 6-й корпусъ еще не пришелъ. Я страшусь, чтобы непріятель не атаковалъ насъ до прихода сего корпуса». Я отвѣчалъ ему, чтобъ онъ успокоился, что непріятель не окажетъ ему сего удовольствія. Дѣйствительно во весь день не слышно было пистолетнаго выстрѣла. Подъ вечеръ сообщено мнѣ торжественно о найденіи позиціи въ 15-ти верстахъ позади при д. Мочинской, гдѣ Чириковская дорога соединяется съ большою и что армія выступитъ туда, въ слѣдующій день, въ 5-ть часовъ, аріергардъ же послѣдуетъ за оною по обыкновенію. Сей переходъ причинилъ сильное потрясеніе моему здоровью. Я занемогъ сильною лихорадкою. 16-го поутру, адъютантъ, посланный мною въ аріергардъ, дабы узнать что̀ съ онымъ происходило, донесъ мнѣ, что оной отступилъ до 5-ти верстъ отъ арміи и былъ преслѣдованъ непріятелемъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Не смотря на свою болѣзнь, написалъ я дежурному генералу Коновницыну, поручая ему просить князя отъ моего имени о повелѣніи атаковать непріятеля, дабы узнать по крайней мѣрѣ его

силу; также чтобы Боровская дорога не была оставлена безъ наблюденія и сильные отряды посланы къ окрестностямъ Можайска. Сіе обстоятельство дѣйствительно побудило къ нападенію на непріятельскій авангардъ. Генералъ Бенигсенъ самъ туда прибылъ. 2-й корпусъ и 1-я кавалерійская дивизія также были отряжены по сему случаю, по обыкновенію безъ малѣйшаго моего о томъ свѣдѣнія. Но день прошелъ безъ всякаго предпріятія. Наконецъ, 17-го, помышляли о рѣшительномъ нападеніи. Три раза было сіе приказаніе отдано и три раза отмѣнено. Наконецъ, подъ вечеръ Милорадовичъ выступилъ впередъ къ Красной Пахрѣ, атаковалъ сію деревню, занятую непріятелемъ, вытѣснилъ его изъ оной, но отступилъ по наступленіи темноты. Мы потеряли при семъ случаѣ 400 человѣкъ гусаръ.

Но 18-го числа пріуготовлялось все къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Говорили о наступленіи непріятеля въ большихъ силахъ. Аріергардъ получилъ повелѣніе отступить къ арміи, коей слѣдовало выстроиться въ боевомъ порядкѣ. Самъ князь прибылъ къ оной, и все было въ ожиданіи непріятеля. Между тѣмъ найдено, что позиція была невыгодна; къ сему открытію присоединилась мысль объ отступленіи. Резервная артиллерія получила прежде всѣхъ повелѣніе отступить въ полдень. По истеченіи нѣсколькихъ часовъ нашелъ князь Кудашевъ, что недоставало артиллеріи. Вслѣдствіе сего приказано оной возвратиться. При приближеніи артиллеріи, темнота уже наступила, и рѣшено общее отступленіе; слѣдовательно ей слѣдовало снова воротиться. Но непріятель столь былъ неучтивъ, что не умѣлъ цѣнить наше къ нему уваженіе: онъ насъ не атаковалъ.

Въ ночи съ 18-го на 19-е армія выступила и прибыла 21-го въ позицію при Тарутинѣ. 22-го непріятель стѣснилъ нашъ аріергардъ, почти до самой арміи. Тогда ударилъ оной на непріятеля и при первомъ нападеніи отразилъ его на нѣсколько верстъ: доказательство, что Наполеонъ былъ отъ насъ въ отдаленіи.

Извѣстно также, что непріятель, при нападеніи нашей арміи на него, 6-го Октября, имѣлъ только 15.000 человѣкъ. Для избѣжанія стыда, предположена была его сила въ числѣ 50.000.

Между тѣмъ усиливалось мое болѣзненное состояніе, я былъ совершенно изнуренъ, и врачи совѣтывали мнѣ искать отдохновенія. Я отнесся о томъ князю Кутузову, испрашивая у него позволенія оставить армію, для поправленія здоровья. Получивъ оное, отправился я изъ арміи 22-го Сентября вечеромъ.

Сіе краткое изображеніе военныхъ дѣйствій достаточно объясняетъ, какимъ образомъ непріятель былъ предупрежденъ во всѣхъ его замыслахъ, удержанъ по возможности въ быстрыхъ его движеніяхъ и при-

веденъ къ степени, въ коей непремѣнно долженъ былъ подвергнуться совершенному истребленію.

Потеря Москвы совершилась случайно и причинена обстоятельствами, коихъ исправленіе вышло уже изъ моей власти. Впрочемъ несомнѣнно, что сему городу слѣдовало содѣлаться могилою Наполеона, еслибъ не выпустили его изъ Московской губерніи.

Подписано: Барклай-де-Толли.

Переводъ съ Французскаго.
3-го Апрѣля, 1816 года С.-Петербургъ.

***

Продолженіе моего описанія.

Изъ записокъ дѣйствій 1-й арміи вы уже видѣли Тарутинское дѣло, послѣ коего пробужденный Наполеонъ оставилъ Москву. Онъ удержанъ подъ Мало-Ярославцемъ, и совершенно пораженъ корпусъ Нея подъ Краснымъ. Отсюда Кутузовъ предоставилъ Французамъ всю свободу ретироваться. Наполеонъ весьма благоразумно воспользовался сею ошибкою или умышленною лѣностію князя Смоленскаго, 6-ю колоннами переправился черезъ Днѣпръ и послѣ, сосредоточивши всѣ свои силы, шелъ прямо въ Борисовъ, располагая перейти тамъ рѣку Березину подъ обороной городскихъ укрѣпленій.

Штурмъ Борисовскихъ укрѣпленій.

Адмиралъ шелъ ему на встрѣчу. По взятіи Минска, велѣно графу Ламберту взять приступомъ Борисовскія укрѣпленія. Никогда время не было дороже сего. Генералъ Домбровскій защищалъ ихъ сильнымъ гарнизономъ. 9-го Ноября поутру Ламбертъ повелъ полки на штурмъ, онъ былъ отбитъ; однако, не теряя присутствія духа, генералъ возобновилъ нападеніе: сраженіе открылось прежесточайшее, но ничто не могло устоять противу храбрости Русскихъ. 7-й егерскій полкъ безъ лѣстницъ первый ворвался въ отдѣльное укрѣпленіе, онъ былъ примѣромъ соревнованія и прочимъ войскамъ. Крѣпость взята холоднымъ ружьемъ, и вечеромъ въ 4 часа все кончено. Ламбертъ тяжело раненъ въ ногу, ген.-маіоръ Энгельгардтъ, посланный загладить свои поступки, будучи судимъ за провіантскую часть, убитъ картечью. Послѣ взятія укрѣпленій, побѣдоносный авангардъ ворвался на мостъ, преслѣдуя штыками бѣгущаго непріятеля, и самый Борисовъ былъ занятъ. Сраженіе продолжалось до темной ночи, корпусъ Домбровскаго истребленъ совершенно, онъ спасся. Въ плѣнъ взято болѣе 2000 человѣкъ, 1 знамя и 7 пушекъ. Съ нашей стороны убито и ранено до 1000 человѣкъ: это масштабъ, которымъ будетъ можно мѣрить нашу потерю въ слѣдующихъ битвахъ. Мой добрый другъ князь Оболенскій отличился; онъ

первый съ рѣдкою неустрашимостію бросился на валъ, ударилъ въ штыки и отбилъ пушки. Здѣсь онъ тяжело раненъ въ руку, и должно признаться, что его награда, состоящая въ слѣдующемъ чинѣ, не отвѣчаетъ его славному подвигу. По объявленію плѣнныхъ маршалъ Викторъ того же дня вечеромъ обѣщалъ придти на помощь генералу Домбровскому, но, узнавъ обстоятельства дѣла и судьбу города, оставилъ свое намѣреніе. Послѣ раненаго графа Ламберта авангардъ поступилъ подъ команду ген.-маіора графа Павла Палена.

Авангардное дѣло 11-го Ноября.

Паленъ посланъ по большой Смоленской дорогѣ къ селенію Бобру открывать непріятеля. Распоряженіе сіе отдалить свой авангардъ отъ арміи почти на переходъ, въ мѣста скрытыя и когда ждали отовсюду массы непріятельскихъ войскъ, достойно осужденія; оно завлекло непріятныя послѣдствія, и ничто не можетъ оправдать сей поступокъ адмирала. Скоро маршалъ Удинотъ съ корпусомъ своихъ конныхъ егерей, которыми онъ обыкновенно командовалъ, атаковалъ Палена и скоро сбилъ его. Нашъ авангардъ былъ въ полномъ, слѣдов. въ безпорядочномъ бѣгствѣ. Сіе скорое отступленіе произвело сильную тревогу въ гауптъ-квартирѣ, переведенной въ городъ. Это была другая ошибка Чичагова. Немедленно всѣ тягости отправлены за мостъ. Между тѣмъ какъ мы садились обѣдать, Французская кавалерія на плечахъ нашихъ гусаръ врубилась въ Борисовскія улицы. Мы принуждены стремглавъ ретироваться, оставивъ множество обозовъ, и къ сожалѣнію не было никакихъ средствъ спасти нашихъ раненыхъ. Я вамъ не могу описать тогдашней суматохи: ибо она превосходитъ всякое описаніе. Наши раненые оставлены великодушію непріятелей; скоро они погибли въ пожарѣ города...

Мостъ черезъ Березину велѣно было сжечь, и армія выстроилась на противулежащихъ высотахъ въ ордеръ-де-баталіи; сильныя партіи посланы по рѣкѣ для открытія и наблюденія непріятеля. Ниспустившаяся ночь скрыла всѣ предметы; одни большіе огни указывали намъ, гдѣ расположились полки непріятелей. Сей день былъ самый жесточайшій морозъ; думали, что стужа была сверхъ 25 градусовъ.

Итакъ проклятые Французы не дали намъ отдохнуть или хотя бы обогрѣться въ теплыхъ избахъ. Но право сильнаго вездѣ одинаково; теперь мы принуждены жить, какъ Камчадалы, въ снѣгу по поясъ и терпѣть стужу, голодъ, ожидая ежечасно сраженій. Наша армія едва-ли составляла половину Французовъ, коихъ по словамъ плѣнныхъ было до 80 т. коренныхъ старыхъ войскъ. Наполеонъ въ Россіи берегъ ихъ

и не употреблялъ ни въ одно дѣло; теперь представилась необходимость, и они исполнили надежды своего любимаго императора.

Было положено въ двухъ пунктахъ ожидать нападенія непріятеля, у города и выше его верстахъ въ 16-ти на одной проселочной дорогѣ къ Зембину. Послѣдствія почти оправдали сей планъ. Генералъ-лейт. Чаплицъ съ отрядомъ поставленъ у того мѣста, гдѣ думали, что Французы изберутъ свою переправу. Надобно знать, что всѣ болота, до того считаемыя непроходимыми, замерзли, и берега быстрой рѣки также. Противуположный намъ отлогій берегъ весьма защищалъ всякую переправу, и Наполеонъ здѣсь именно избралъ ее. Удинотъ съ конными егерями составлялъ передовой корпусъ. Между тѣмъ примѣтили движеніе Наполеона къ нижней части Березины. Онъ дѣлалъ видъ перейти ее въ прямомъ направленіи Игумена. Адмиралъ не упускалъ его изъ виду. Цѣлый корпусъ паралельно Французамъ потянулся внизъ по рѣкѣ и, идучи 26 верстъ въ лѣсахъ, достигнулъ позиціи при с. Забашевичи.

Военное разсужденіе.

Многіе осуждали адмирала Чичагова за поступки его въ семъ случаѣ, но кажется, что судили его слишкомъ строго. Можно обвинять его только въ одной важной ошибкѣ, что по взятіи Борисова безъ нужды подвергнулъ опасности авангардъ и свою главную квартиру. Но въ замѣнъ того всякъ признается, что онъ хорошо дѣйствовалъ противу Шварценберга. Касательно же упрека партизановъ Кутузова и почти цѣлаго государства, я нахожу оное неосновательнымъ. Должно замѣтить, что Чичаговъ имѣлъ только около 30 тысячъ человѣкъ для сохраненія теченія рѣки противу 70 тысячъ непріятелей. Кромѣ того для Чичагова было гораздо важнѣе воспрепятствовать переправѣ Французовъ къ сторонѣ Игумена, нежели въ окрестностяхъ Зембина. Чтобы удостовѣриться въ томъ, стоитъ только разсудить, что, пробившись къ Игумену, Наполеонъ весьма бы укорачивалъ линію своего отступленія на Варшаву и притомъ еще получалъ возможность соединиться съ Шварценбергомъ въ Слонимѣ. Тогда армія его снова бы возросла до 100 тысячъ, съ которыми онъ могъ надѣяться взять спокойныя зимнія квартиры на лѣвомъ берегу Вислы или между сею рѣкою и Бугомъ.

Если такое опасное послѣдствіе могло быть отъ перехода Французовъ черезъ Березину къ Югу отъ Борисова, то ясно, что Чичаговъ долженъ былъ обращать вниманіе свое въ сію сторону и, говоря по справедливости, обманутый движеніями Наполеона, онъ долженъ былъ туда обратить главныя силы свои. Для него тѣмъ простительнѣе было ошибиться въ намѣреніяхъ Наполеона, что его рѣка раздѣ-

ляла съ непріятелемъ и препятствовала съ точностію наблюдать его движенія. Графъ Витгенштейнъ, который не имѣлъ подобнаго препятствія передъ собою, столько же былъ обманутъ, какъ и адмиралъ: онъ также думалъ, что Наполеонъ идетъ къ Югу, и офиціально извѣстилъ о томъ Чичагова. Сіе увѣдомленіе еще болѣе утвердило адмирала въ заблужденіи, въ коемъ онъ находился.

Контръ-маршъ арміи къ Борисову.

Едва только корпусъ Войнова расположился бивакамп у селенія Забашевичи, какъ адъютантъ графа Ланжерона, Рюль, донесъ главнокомандующему, что Наполеонъ переправляется черезъ Березину по дорогѣ ведущей къ Зембину, близъ того пункта, гдѣ оставленъ наблюдать Чаплицъ. Адъютантъ присовокупилъ, что онъ оставилъ сего генерала въ жаркомъ сраженіи съ маршаломъ Удинотомъ. Адмиралъ, сообразивши всѣ обстоятельства, сдѣлалъ контръ-маршъ къ Борисову. Полковникъ Луковкинъ оставленъ заслонить Игуменскую дорогу и содержать свои разъѣзды до самой Бобруйской крѣпости. Цѣлую ночь, самую холоднѣйшую, мы были на маршѣ и вмѣстѣ съ Ланжерономъ стали бивакамп. Снѣгъ выпалъ еще глубже.

16-го Ноября Наполеонъ перешелъ Березину. На переправѣ ея произошло одно изъ самыхъ кровопролитнѣйшихъ сраженій. Корпусъ Войнова подкрѣплялъ Чаплица. Наполеонъ ввелъ въ дѣло самые отборные полки, которые, пробравшись лѣсомъ, ударили въ правый флангъ 18-й дивизіи князя Щербатова и опрокинули нашу первую линію на вторую. Генералъ-маіоръ Лидерсъ заступилъ съ 9-ю дивизіею мѣсто 18-й, бѣжавшей назадъ; онъ бросился въ штыки, разстроилъ Французовъ и принудилъ ихъ къ отступленію. Тогда наша пѣхота снова начала выстраиваться; она дѣйствовала нерѣшительно и съ робостію, кромѣ генерала Лидерса. Наполеонъ пробилъ нашъ центръ, примыкающій къ большому просѣку, скоро атаковалъ и сбилъ нашихъ драгуновъ; но Чаплицъ съ своими гусарами прилетѣлъ имъ на помощь и остановилъ смѣлый натискъ побѣдителей. Тогда по всѣмъ линіямъ открылся сильный ружейный и пушечный огонь. Ночь застигла сражающихся. Генералъ Лидерсъ съ своими полками ночевалъ на Французскомъ бивакѣ.

Посланъ привести резервъ.

Я не участвовалъ въ семъ сраженіи. Рано поутру, адмиралъ послалъ меня на ту сторону Березины привести сюда на подкрѣпленіе Платова съ казаками или кого встрѣчу изъ авангарда большой арміи. Я благополучно въѣхалъ въ городъ, наполненный Французскими мародерами и, скакавши по Смоленской дорогѣ, нашелъ Платова и

его казаковъ. Я объявилъ ему, куда и зачѣмъ былъ посланъ. Тогда Платовъ поспѣшилъ походомъ и велѣлъ мнѣ своротить на Оршинскую дорогу правѣе, гдѣ я встрѣчу гннерала Ермолова съ отрядомъ. Я поскакалъ туда. Вѣтеръ и морозъ были прежестокіе, всѣ дороги замело снѣгомъ, по ближнему полю шатались толпами Французы, одни кое гдѣ разводили огонь и садились къ нему, другіе рѣзали у лошадей мясо и глодали ихъ кости, жарили ихъ, ѣли сырыхъ; скоро мнѣ показались люди замерзлые и замерзающіе. Никогда сіи предметы не изгладятся изъ моей памяти. . . Я содрогнулся и продолжалъ ѣхать. Улица мертвыхъ тѣлъ, воиновъ и лошадей указывала мнѣ дорогу, которой они шли и которой я долженъ былъ держаться. Верстахъ въ 17-ти отъ Борисова я встрѣтилъ генерала Ермолова, удовольствовалъ на всѣ его вопросы, отдалъ ему приказаніе адмирала и по старымъ слѣдамъ обратно возвратился къ арміи. Подъ вечеръ я засталъ адмирала въ одной маленькой деревушкѣ и донесъ о исполненіи моего порученія. Онъ при собраніи генераловъ объявилъ мнѣ свою совершенную благодарность за расторопность, мною оказанную. Давно не помню я столь тягостнаго для себя дня. Деревушка была завалена нашими и Французскими ранеными и плѣнными, коихъ такъ много увеличивалось, что и дѣвать почти было некуда. Ужасно было видѣть ихъ: большіе и малые, всѣ вмѣстѣ, мужчины и женщины, съ обмотанными соломою ногами, прикрытые какими-то тряпками, безъ сапогъ, съ отмороженными лицами, съ побѣлѣвшими руками. Какъ они несчастны, думалъ я. Это было все, чѣмъ я могъ пособить имъ.

Витгенштейнъ разбиваетъ Виктора.

Послѣ перехода Наполеона на сію сторону Березины, маршалъ Викторъ составлялъ аріергардъ противу графа Витгенштейна. Ошибки сего генерала превосходятъ всякое описаніе; онъ удовольствовался отбивать обозы съ награбленными въ Москвѣ богатствами, но не этого отъ него требовалось. Почему и коснемся нѣсколько подробнѣе сего дѣла.

Ошибки Витгенштейна.

Поведеніе Витгенштейна, исполненное важныхъ ошибокъ на Березинѣ, представляетъ совершенную противоположность дѣйствіямъ Чичагова. Они столь замѣчательны, что нельзя умолчать о нихъ, но для доказанія ихъ упомяну о важнѣйшихъ.

1) Когда корпусъ Французскій, противуположный Витгенштейну, въ Череѣ удалился оттуда, чтобы идти на Борисовъ, Витгенштейнъ худо сдѣлалъ, слѣдуя по пятамъ его изъ Чашниковъ черезъ Черею на Холопеничи, дабы дѣйствовать на лѣвомъ берегу Березины. Вмѣсто

того, онъ бы долженъ былъ еще глубже взять направленіе на Новый Лепель, въ семъ мѣстѣ переправиться черезъ Березинскій каналъ, слѣдовать вдоль западнаго берега сего канала до соединенія онаго съ Березиною, перейти сію рѣку и потомъ, спустясь по правому берегу оной до окрестностей Зембина, соединиться такимъ образомъ съ арміею Чичагова. Обѣ арміи вмѣстѣ составили бы массу около 100 тысячъ человѣкъ, съ которою было можно болѣе надѣяться остановить Наполеона и не допустить его переправиться черезъ рѣку, нежели отъ несвязныхъ усилій двухъ армій, раздѣленныхъ рѣкою.

2) Маршъ Витгенштейна 13-го Ноября изъ Холопеничъ въ Баранъ былъ предпринятъ съ правилами военной науки и подавалъ надежду, что онъ намѣренъ взять на себя наблюденіе за верхнею частію Березины, дабы доставить удобность и Чичагову исключительно заниматься одною только нижнею частію сей рѣки; но фальшивыя демонстраціи и движенія, 13-го числа непріятелемъ сдѣланныя, снова обманули Витгенштейна. 14-го онъ поворотилъ на Борисовъ и изъ Барана пошелъ на Кострицу. Того же дня Французская армія изъ Борисова тянулась вверхъ по Березинѣ къ Студенцамъ. Витгенштейнъ не прежде былъ извѣщенъ о семъ движеніи, которое производилось у него, такъ сказать, подъ носомъ и пресѣкло его маршъ, какъ уже черезъ нѣсколько часовъ по совершеніи онаго и когда уже Французы переправлялись черезъ Березину при Студенцахъ. Такая оплошность въ случаѣ столь важномъ тѣмъ непростительнѣе, что если бы Витгенштейнъ хотя нѣсколько подумалъ о развѣдываніи непріятеля въ правой сторонѣ своего марша, то патрули его немедленно бы встрѣтили Французскія колонны и увѣдомили бы его довольно рано, такъ что онъ успѣлъ бы еще во время напасть на аріергардъ Наполеоновой арміи на самой переправѣ.

3) Наконецъ, когда Витгенштейнъ извѣщенъ былъ о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, то 15-го числа пошелъ изъ Кострицы на Старый Борисовъ. Сей маршъ есть еще новая ошибка. Въ военномъ искусствѣ есть неоспоримое правило, что генералъ, который могъ сдѣлать много, а сдѣлалъ мало, дурно дѣйствовалъ. По сему правилу очевидно, что Витгенштейнъ худо поступилъ, слѣдуя изъ Кострицы на Старый Борисовъ, ибо посредствомъ сего марша онъ успѣлъ только отрѣзать одну дивизію Партоно, вмѣсто того, что, подошедши изъ Кострицы, черезъ Холховцы, прямо на Веселово и Студенцы, непремѣнно бы отрѣзалъ не токмо сію дивизію, но и весь корпусъ Виктора. Сверхъ того, Витгенштейнъ, рѣшительно атакуя при Студенцахъ, могъ бы еще отхватить часть Французской арміи, которую бы нашелъ на лѣвомъ берегу Березины и которая переправлялась черезъ сію рѣку только что 15-го числа пополудни и 16-го поутру.

Независимо отъ сихъ трехъ главныхъ ошибокъ, здѣсь показанныхъ, кажется странно, что въ дѣлѣ 16-го числа, при Студенцахъ, Витгенштейнъ не могъ опрокинуть въ рѣку слабый отрядъ Виктора, который въ продолженіе цѣлаго дня, въ 12 тысячахъ человѣкахъ, сопротивлялся 30 тысячамъ, въ командѣ у Витгенштейна состоявшимъ.

17-го Ноября Французы начали отступать. Генералъ Чаплицъ преслѣдовалъ ихъ на плечахъ. Сей день взято множество плѣнныхъ; главная крартира имѣла ночлегъ въ деревнѣ Бриловѣ, у самаго мѣста лежащей, гдѣ Французы перешли Березину.

Несчастная переправа Французовъ.

Адмиралъ любопытствовалъ видѣть сіе мѣсто, столь славное своими событіями; но при пріѣздѣ нашемъ къ берегу, невольный ужасъ овладѣлъ нашими сердцами. Представьте себѣ широкую, извилистую рѣку, которая была, какъ только позволялъ видѣть глазъ, вся покрыта человѣческими трупами; нѣкоторые еще начинали замерзать. Здѣсь было царство смерти, которая блестѣла во всемъ ея разрушеніи. Такъ, смотря на сіи варварства, на сію цѣпенѣвшую природу, истинный христіанинъ скажетъ: се Господь грозный во гнѣвѣ Своемъ караетъ преступное человѣчество. Но философъ невольно содрогнется при видѣ бѣдствій равныхъ себѣ братій; тогда чувство состраданія перетянетъ всѣ другія страсти, онъ воспламенится негодованіемъ и въ первомъ порывѣ своихъ пламенныхъ чувствъ готовъ отвергнуть и самый Промыслъ. . . Имѣйте терпѣніе читать. Первый, представившійся намъ предметъ, была женщина, провалившаяся и затертая льдомъ; одна рука ея отрублена и висѣла на жилкѣ, другою держала она груднаго младенца; малютка ручонками обвился около шеи матери; она еще была жива, она еще устремляла свои выразительные глаза на мужчину, который также провалился, но уже замерзъ; между ими на льду лежало еще мертвое дитя. Можно было догадаться, что замерзлый былъ ея мужъ, а эти маленькія ихъ дѣти: ибо чувства природы были сохранены до самаго конца въ семъ состояніи. Вмѣстѣ они бѣжали, вмѣстѣ почти перешли рѣку; какая радость быть вмѣстѣ и въ роковую опасность не потерять жизни! Они касаются уже столь ими желаннаго берега; но непріятель, грозный, мстящій, является;—ея мужъ и дитя замерзли, а матери отрублена рука безчеловѣчнымъ солдатомъ. Но ихъ уже нѣтъ на свѣтѣ, они въ тысячу разъ счастливѣе многихъ, которыхъ я буду видѣть на каждомъ шагу по дорогѣ къ Вильнѣ. Адмиралъ, столь отъ натуры чувствительный, тотчасъ отъѣхалъ отъ сего снѣжнаго поля смерти. Я вмѣстѣ съ нимъ оставилъ сіе зрѣлище, которое до гроба не изгладится изъ моей памяти. Наши люди на Березинѣ дрались съ наивеличайшимъ остервенѣніемъ.

18-го Ноября сдѣлали переходъ 80 верстъ, въ село Зембинъ.

Непріятель проходитъ Зембинскія болота.

По дорогѣ всѣ мосты были испорчены или сожжены непріятелемъ. Отъ безпрерывной жестокой стужи непроходимыя Зембинскія болота замерзли и спасли побитую армію. Иначе судьбою ей было предоставлено въ сихъ мѣстахъ или погибнуть, или отдаться плѣнною.

19-го растахъ.

20-го переходъ 28 верстъ, въ деревню Плещеницы.

21-го переходъ 50 верстъ, въ мѣстечко Гилію.

Не доходя 1½ мили до Гиліи, въ большихъ дефилеяхъ, генералъ Чаплицъ настигъ Французскій аріергардъ, положилъ на мѣстѣ множество непріятелей, отбилъ пушку и 2 штандарта. Непріятель отступаетъ, все истребляетъ за собою, селенія, господскіе домы, церкви, мельницы, корчмы, словомъ все истребляетъ и сожигаетъ.

22-го переходъ 35 верстъ, до мѣстечка Молодечны, на большой Виленской дорогѣ.

Маршалъ Викторъ съ аріергардомъ удерживался здѣсь до утра: онъ испортилъ всѣ мосты, черезъ озеро большую греблю занялъ стрѣлками и поставилъ въ зàмкѣ орудія самаго большаго калибра. Маршалъ своими прекрасными, истинно-генеральскими мѣрами заставилъ насъ расположиться въ виду его биваками. Сію ночь стужа доходила до 30-ти градусовъ.

Ночь въ лѣсу у Молодечны.

Платовъ съ казаками составлялъ правый флангъ. Я не помню въ жизни моей столь страшнаго холода, какъ сію ночь, съ 22-го на 23-е Ноября; къ утру холодъ сдѣлался еще нестерпимѣе. Трескучій морозъ, неизмѣнный союзникъ нашъ, и здѣсь истребилъ сотни непріятелей. Адмиралъ ночевалъ въ дормёзѣ, графъ Ланжеронъ ужиналъ съ нами изъ одного котла кипящія щи, которыя въ мгновеніе ока становились льдомъ. Съ трудомъ можно было говорить другъ другу: густой воздухъ почти останавливалъ дыханіе человѣка. Не описываю пространно ужаснѣйшей картины, которую глазъ встрѣчалъ на каждомъ шагу. Вездѣ человѣкъ боролся со смертію, одни шатались и, опираясь о деревья, упадали безъ чувствъ отъ холоду и голоду. Бѣдные Французы, съ отмороженными ногами, не могли ходить болѣе; они ползали на рукахъ, съ ногами обвитыми соломой, въ отвратительныхъ вѣтошкахъ, укутанные, съ черными закопченными отъ дыму лицами, со сверкающими глазами. На каждомъ шагу, на каждой тропинкѣ встрѣчали толпы страшилищъ: они тащатся къ пылающимъ огнямъ, они торопятся грѣть свои лица, ихъ волосы загораются, и несчастли-

вецъ не имѣетъ въ себѣ силы потушить огонь; скоро вся голова объемлется пламенемъ, волосы трещатъ, крикъ и стонъ страдальца увеличиваютъ верхъ бѣдствій—и жертва оканчиваетъ жизнь. Тотчасъ другой бросается на умершаго, можетъ быть на своего брата или друга, съ видомъ осклабляющагося удовольствія, рѣжетъ мясо покойника, жаритъ его и поѣдаетъ. Прошла минута, и тотъ отходитъ въ вѣчность. Такъ сотворенъ человѣкъ, сія премудрѣйшая, чудесная тварь! Я всю ночь лежалъ въ снѣгу, завернувшись плащемъ, вся кровь моя замерзла, я не могъ сомкнуть глазъ. Но скоро наступили новые ужасы. Снѣгъ, большими комьями идущій, потушалъ огни, сіе послѣднее прибѣжище сражающихся. Тогда приползъ ко мнѣ одинъ Французъ, измученный и едва имѣющій видъ мнѣ равнаго существа; онъ прилегъ ко мнѣ, я отворотился, но всюду спокойствіе бѣжало меня. Лишь только данъ сигналъ сражаться, я всталъ. Первый предметъ, представившійся мнѣ, былъ мой товарищъ. Онъ, уснулъ сномъ вѣчнымъ, отчаяніе было означено на его выразительномъ лицѣ. Но это лучше оставить. Весь лѣсъ у Молодечны устланъ мертвецами. Они оставлены въ добычу волкамъ и птицамъ хищнымъ.

Къ довершенію моей горести, когда я дремалъ сначала, сидя у огонька, служившій при мнѣ конвойный упустилъ мою верховую лошадь, или она вырвалась, или была уведена казаками, сими привеликими ворами. На сѣдлѣ была привязана бурка, она всегда прикрывала меня отъ сильной вьюги, и я теперь оставленъ только въ одной холодной шинели.

23-го Ноября, генералъ-маіоръ графъ Орурркъ, въ 15-ти верстахъ впереди Молодечны, по большой Виленской дорогѣ, настигъ непріятельскій аріергардъ, отбилъ болѣе 500 плѣнныхъ, 6 пушекъ и 1 штандартъ.

24-го переходъ 21 версту, въ деревню Марково.

25-го переходъ 21 версту, въ мѣстечко Сморгоны.

Генералъ Чаплицъ съ авангардомъ одержалъ значительную поверхность при Сморгонахъ, аріергардъ непріятельскій истребленъ совершенно. Въ семъ случаѣ Французы потеряли 25 пушекъ и до 3000 плѣнныхъ.

26-го переходъ 35 верстъ, въ городъ Ошмяны.

Чаплицъ сильно преслѣдовалъ отъ Сморгонъ до Ошмянъ непріятеля, который, не будучи прикрываемъ аріергардомъ своимъ, бѣжалъ опрометью. Чаплицъ, пользуясь такимъ замѣшательствомъ, отбилъ 61 пушку и до 2000 плѣнныхъ.

27-го переходъ 21 версту, въ мѣстечко Мѣдники.

28-го главная квартира имѣла растахъ.

28-го же, генералъ Чаплицъ, продолжая преслѣдовать непріятеля, прибылъ къ Вильнѣ и овладѣлъ симъ городомъ, прогнавши непріятеля. Мѣста отъ Сморгонъ открыты, а къ Вильнѣ гористы. Время стояло самое холоднѣйшее, всѣ дороги были покрыты усталыми Французами, коихъ въ плѣнъ брать было некому. На всѣхъ возвышеніяхъ и на малѣйшихъ пригоркахъ стояли пушки, ящики, лазаретныя фуры, экипажи. Не доставало рукъ брать ихъ.

29-го переходъ 28 верстъ въ Вильну. Чаплицъ, занявши сей городъ, отбилъ всю казну Неаполитанскаго короля и гналъ на плечахъ Французовъ. Въ городѣ найдены значительные запасы ржи, большіе магазейны съ военными потребностями и 41 пушка въ арсеналѣ. Плѣнныхъ вмѣстѣ съ больными, оставшимися въ госпиталяхъ, состояло: 7 генераловъ, 242 офицера и до 15 т. рядовыхъ. Стужа, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, весьма жестокая, усугубляетъ бѣдствіе Французской арміи до такой степени, что величайшіе враги ея, удивляясь успѣхамъ Русскихъ, не могутъ не чувствовать ужаса и сострадангія.

Вильна лежитъ въ ямѣ, городъ иррегулярный и обширный, улицы тѣсны и нечисты. При нашемъ вступленіи сюда отъ Острой-Брамы до самой Погулянки вездѣ валялись убитые и замерзлые Французы, всѣ улицы и перекрестки заставлены экипажами. Въ то время Виленскіе Жиды, будто обрадовавшись намъ, выгоняли изъ своихъ домовъ Французскихъ солдатъ уже тогда слабыхъ; они силою толкали ихъ на улицы, гдѣ тѣ отъ сильной стужи умирали. Но я перестаю говорить о сихъ сценахъ, я и безъ того, кажется, слишкомъ писалъ, противъ своего душевнаго побужденія, о сихъ скучныхъ предметахъ.

Въ Вильнѣ мнѣ понравились площадь, на которой построена ратуша изряднаго фасада, университетъ и огромные старинные монастыри. Впрочемъ, городъ чрезвычайно мраченъ. Въѣхавши въ узкія, кривыя улицы, я содрогнулся. Я привелъ себѣ на память здѣшнюю революцію при Екатеринѣ II. Поляки на самыхъ сихъ улицахъ вырѣзали много Русскихъ, но война имѣетъ свои законы. Зачѣмъ скрывать, что они достойны чести, желая свергнуть съ себя иго рабства? Здѣшнее дворянство, какъ можно замѣтить, не любитъ Русскихъ; оно склонно къ возмущенію при малѣйшихъ политическихъ перемѣнахъ, оно оказало съ усердіемъ важныя услуги Наполеону во время его нынѣшней кампаніи.

Я не упустилъ безъ вниманія женскій монастырь, называемый: Милосердыхъ Паней. Здѣсь монахини, пользуясь мірскимъ подаяніемъ, употребляютъ его на самое святое дѣло. Онѣ содержатъ больницу для людей всякаго состоянія, въ которой въ нашъ приходъ было больныхъ до 2,000 человѣкъ. Туда принимаютъ безъ билетовъ и безъ свидѣ-

тельствъ полиціи. Каждый немощный человѣкъ имѣетъ все право на состраданіе сихъ друзей человѣчества. Такъ Шереметевъ поставилъ имя свое превыше завоевателей Очакова и Перекопскихъ линій; такъ Голицыны, Прозоровскіе содѣлались предметомъ священнѣйшаго уваженія благодарнаго потомства: ибо дѣйствіе благотворительности, составляя первѣйшую добродѣтель человѣка, превышаетъ всѣ прочія дѣйствія. Хвала имъ! Безсмертная хвала имъ!

Въ Виленскомъ домѣ призрѣнія вы не встрѣчаете ни комисаровъ, ни смотрителей за порядкомъ и чистотою, ни попечителей или попечительницъ, ни управляющихъ; но все прекрасно и все въ совершеннѣйшемъ порядкѣ. Правда, что въ крашеныхъ палатахъ, гдѣ столь блеститъ наружность, гдѣ толпятся люди въ мундирахъ, въ шпагахъ и въ шпорахъ, называемые дежурными, ревизорами, надзирателями (я первый врагъ этимъ техническимъ терминамъ), гдѣ всѣ кровати, платья, даже оловянныя тарелки и кружки съ кислымъ пивомъ стоятъ по номерамъ, и горе дежурному, если сіи номера случатся въ разбивку, въ сихъ палатахъ, говорю, все сбережено, кромѣ людей; но другъ человѣчества желаетъ противнаго. Въ Виленской больницѣ милосердія, сердобольныя сестры матерински надзираютъ надъ немощными. Онѣ не носятъ никакого наружнаго вида филантропокъ, исполняютъ съ кротостью цѣль великую и благороднѣйшую: онѣ въ полномъ смыслѣ слова помогаютъ страждущимъ. Какое обширное предстоитъ поле для размышленія честному человѣку! Простите, я заговорился; эта матерія не входитъ въ составъ Записокъ, сдѣланныхъ офицеромъ на походѣ; но онъ иногда любитъ мечтать о участи своихъ братій, и сіе только оправдаетъ его разсказъ.

Въ дѣлѣ подъ Вильною тяжело раненъ Ольвіопольскаго гусарскаго полка подполковникъ Бибиковъ *), съ которымъ я прошлаго года, ѣхавши Дунаемъ отъ великаго визиря, едва не утонулъ, и казачій генералъ Тимофей Иловайскій. Они оба умерли.

Пріѣздъ въ Вильну князя Кутузова.

29-го Ноября, послѣ обѣда въ 4 часа, фельдмаршалъ князь Кутузовъ, оставивши свою армію, прибылъ въ Вильну; сюда же ожидали прибытія великаго князя Константина. У насъ не было ни шляпъ, ни шпагъ, ни бѣлыхъ панталонъ; всякій одѣвался какъ кому было теплѣе, и главнокомандующій только требовалъ отъ офицера исполненія его настоящей обязанности. Часъ отъ часу Вильна наводнялась болѣе и болѣе прекрасно одѣтыми героями, пріѣхавшими на почтовыхъ сюда прямо изъ

*) Павелъ Гавриловичъ, отецъ княгини Е. П. Кочубей. П. Б.

Петербурга; стали говорить о разводахъ, стали Дунайскую армію звать Якобинцами (правда, что мы только не имѣли клуба и красныхъ шапокъ). Тогда мы сдѣлались не нужны и къ удовольствію получили повелѣніе выступить въ походъ на границу между Ковно и Меричемъ. Я успѣлъ запастись въ Вильнѣ всѣмъ нужнымъ, особенно теплымъ платьемъ и 4-го Декабря пріѣхалъ въ городъ Новые Троки, переходу 27 верстъ.

5-го, переходу 21 верста, въ мѣст. Семилишки, гористыми мѣстами.

6-го переходъ 24½ версты, въ м. Ужигости, также гористо.

7-го переходъ 17½ верстъ, въ м. Іезна. Оно лежитъ въ одной мили отъ Нѣмана, изрядно расположено и имѣетъ огромный зáмокъ, почти запустѣвшій.

Мѣста отъ Вильны къ Нѣману многонаселенны и богаты, гористы, есть отчасти и лѣса. Жители говорятъ страннымъ нарѣчіемъ, называемымъ здѣсь Литовскимъ языкомъ.

Адмиралъ въ м. Іезнѣ учредилъ главную квартиру. Здѣсь получено повелѣніе князя Кутузова не переходить намъ Нѣманъ. Назначеніе сіе имѣло, думаю, одинакую цѣль, какъ и всѣ ордера князя, даваемые адмиралу, лишить его возможности сдѣлать какое-либо хорошее дѣло. Кутузовъ никогда никому не прощалъ своихъ личныхъ оскорбленій; вина Чичагова состояла въ томъ, что онъ былъ присланъ смѣнить его въ Букарестѣ. (Жалобы цѣлыми стопами, присылаемыя на Кутузова, слишкомъ запятнавшаго себя въ корыстолюбіи, заставили Государя отозвать его. Чичаговъ назначенъ главнокомандующимъ Дунайской арміей, и съ той минуты старикъ поклялся ему въ вѣчной ненависти).

Надобно знать, что король Неаполитанскій, принявшій послѣ Наполеона начальство, потянулся съ арміею на Кенигсбергъ. Мы форсированными маршами могли занять Гейльсбергъ и, отрѣзавши ихъ симъ движеніемъ, принудить искать своего спасенія подъ пушками Данцига. Тогда бы все приняло другой оборотъ: всѣ маршалы, всѣ генералы Франціи и большая разстроенная армія, загнатая въ безплодный уголъ Балтійскаго моря, были бы принуждены сдаться. Но все сдѣлалось иначе, и 813-й и 814-й годы кровавыми чертами заняли мѣсто убивствъ въ исторіи. Сотни тысячъ народовъ могли быть спасены, и война оконченною однимъ разомъ. Кутузовъ, сей спаситель Россіи, думалъ и дѣйствовалъ иначе. Кумиръ льстецовъ забылъ, что онъ былъ человѣкъ, слѣдовательно могъ и ошибаться; ласкатели на всякомъ шагу твердили, что время арміи взять отдыхъ—и рѣка Нѣманъ прекратила на время военныя дѣйствія.

Конецъ кампаніи въ Россіи.

Такимъ образомъ совершилось освобожденіе земли Русской, послѣ шестимѣсячнаго, весьма труднаго похода. Чрезвычайный уронъ, въ теченіи сего времени понесенный непріятелемъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. По счету, довольно умѣренному, Французы потеряли 125 т. челов. убитыми въ сраженіяхъ и сверхъ того плѣнными: 48 генераловъ, 3,800 офицеровъ и 190 т. рядовыхъ. Если къ тому прибавить число людей, пропавшихъ по одиночкѣ черезъ болѣзни, голодъ, морозы и другія случайныя причины, то безъ увеличенія можно полагать общую потерю непріятелей болѣе нежели въ 400,000 человѣкъ. Считаютъ, что около 60 т. дошло до Вислы, но въ томъ числѣ полагаютъ 40,000 Прусаковъ и Австрійцевъ; почему можно заключить, что изъ прочихъ войскъ Наполеона только спаслось около 20,000 человѣкъ!!! Сверхъ того, въ продолженіи кампаніи, непріятельская армія потеряла 75 знаменъ и 926 пушекъ. Въ военныхъ лѣтописяхъ не находится примѣра успѣховъ, столь блистательныхъ и рѣшительныхъ. Слава, безсмертная хвала Россіянамъ! Намъ за сію кампанію выбили и дали медали.

Въ продолженіи сего времени Государь прибылъ въ Вильну. Адмиралъ отправился къ его величеству и, возвратившись обратно, открылъ зимнюю кампанію за предѣлами Литовскаго края.

Походы въ Варшавскомъ герцогствѣ.

17-го Декабря армія перешла границу.

21-го переходъ 10 верстъ въ господскій дворъ Рудкишки. Сюда прибылъ жандармскій Прусскій офицеръ для препровожденія гауптъквартиры. Черезъ него мы узнали, что генералъ Іоркъ съ корпусомъ оставилъ маршала Макдональда и что Пруссаки соединяются съ нами. 23-го Декабря вступили въ Пруссію. Переходъ 3 мили въ мѣс. Сталупенъ.

27-го переходъ 3 мили въ м. Гердауенъ. Прекраснѣйшее мѣстоположеніе, готическій за́мокъ стоитъ на крутой горѣ, внизу большое озеро и раскинутое мѣстечко съ своими древними церквами. Здѣсь въ за́мкѣ нашли прекраснѣйшую дѣвушку, ея рѣдкая красота плѣнила нашихъ молодыхъ людей; она до той степени оставила по себѣ воспоминаніе, что я рѣшился записать этотъ случай, случай самый прекраснѣйшій моей жизни.

1-го Генваря переходъ 3 мили въ городъ Гейльсбергъ. Сего числа за всѣ дѣла прошедшей кампаніи я произведенъ въ инженеръштабсъ-капитаны.

За городомъ Гейльсбергомъ, въ 2-хъ верстахъ, въ 1807 году, на ближнихъ горахъ было большое сраженіе съ Французами. Здѣсь по дорогѣ къ Лаунау похоронены убитые наши генералы: Анрепъ, Кожинъ, Варнекъ и Седморацкой.

Отъ Гейльсберга въ $1^{1}/_{2}$ миляхъ по сей дорогѣ лежитъ деревня Лаунау, гдѣ долгое время въ кампаніи 807-го года стоялъ авангардъ князя Багратіона. Деревня, столь примѣчательная по сраженіямъ, часто въ окрестностяхъ ея бывшимъ, тогда вся была сожжена, но нынѣ выстроилась и имѣетъ до 60 домовъ.

5-го переходъ 3 мили въ городъ Эльбингъ.

Городъ лежитъ на судоходной рѣкѣ Ногатѣ, населенъ купцами и считается послѣ Кенигсберга лучшимъ и богатѣйшимъ мѣстомъ въ Пруссіи. Городъ давалъ адмиралу великолѣпный балъ, всѣ офицеры приглашены на оный. Праздникъ былъ весьма блестящій, и весь городъ иллюминованъ. Адмиралъ былъ въ полномъ мундирѣ, но въ обоихъ Прусскихъ орденахъ. Онъ уѣхалъ рано, былъ весьма веселъ, всѣ офицеры оставлены ужинать. Сначала все шло своимъ порядкомъ, но конецъ не отвѣчалъ началу. Кто бывалъ въ шумныхъ военныхъ собраніяхъ, тотъ можетъ имѣть идею о здѣшнемъ балѣ. Послѣ стола почтеннѣйшее собраніе принялось бурлить, цѣловаться съ Пруссаками; они говорили съ нами по-нѣмецки, а мы, не понимая ихъ, въ одно и тоже время говорили имъ чистымъ Русскимъ языкомъ. Одни бокалы сближали деспотизмъ всякаго языка, не имѣющаго ни тѣни согласія въ словахъ и фразахъ.

Свиданіе съ Фигнеромъ.

Въ Эльбингѣ случай встрѣтилъ меня съ моимъ старымъ искреннимъ другомъ Александромъ Самойловичемъ Фигнеромъ, съ которымъ я послѣ Рущукской осады, гдѣ дѣлили вмѣстѣ и сладкое и горькое жизни, не видался. Онъ служилъ отлично кампанію 812-го года, былъ партизаномъ подъ Москвою и своими геройскими подвигами пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу. Такъ пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ своею искусною кистью изображаетъ намъ моего друга Фигнера:

Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи.
Какъ тѣнь прокрался въ кругъ шатровъ,
Все зрѣли быстры очи.....
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ,
А онъ ужъ витязь на конѣ
Уже съ дружиной грянулъ!

Въ началѣ кампаніи 813-го года онъ былъ посланъ съ отрядомъ за Эльбу открывать непріятеля. Онъ въ виду арміи Блюхера перешелъ на тотъ берегъ, но былъ отовсюду атакованъ многочисленными Французскими полками. Непріятель тѣснитъ и преслѣдуетъ нашихъ партизановъ. Сей отрядъ, состоявшій изъ Итальянцевъ, Поляковъ, Нѣмцевъ и разнаго званія людей, вдругъ кидаетъ оружіе и кричитъ: пардонъ! Фигнеръ съ немногими Русскими скачетъ къ рѣкѣ, бросается въ Эльбу, и тамъ убитъ. Подчиненные его, не думая ни защищаться, ни отступить съ честью, избрали себѣ постыдный плѣнъ. Это сдѣлано слишкомъ по-нѣмецки. Такъ погибъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ храбрый, благородный Фигнеръ. Миръ праху твоему, достойный сынъ отечества! Имя твое станетъ на ряду героевъ, умѣвшихъ защищать свою родину: всюду непріятель трепеталъ и уважалъ тебя: это есть самая лучшая похвала мужественнѣйшему изъ людей.

10-го переходъ 4 мили въ мѣс. Морунгенъ.

Въ 1807 году, въ 3 верстахъ отсюда, близъ деревни Варсфельдхенъ убитъ славный Анрепъ. Тамошній помѣщикъ Зе́нке поставилъ монументъ въ честь убитаго генерала, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ кончилъ свои дни.

12-го сего числа мы выступили изъ Пруссіи. Въ ней мы имѣли возможныя выгоды въ войнѣ, и это много значитъ. Народъ повидимому былъ доволенъ, видѣвши своихъ новыхъ союзниковъ; но, кажется, онъ былъ бы еще болѣе довольнѣе, когда бы, не нуждаясь въ нихъ, не кормилъ прежде даромъ Французовъ, а послѣ Русскихъ. Мнѣ показались Пруссаки не такими эгоистами, какъ прочіе Нѣмцы; однакоже таже скупость, таже холодность.

14-го, Страсбургъ. Мѣстечко обнесено старинною стѣною, почти развалившеюся. Она строена по словамъ жителей еще во время Крестовыхъ походовъ. Адмиралъ имѣлъ квартиру въ за̀мкѣ. Хозяинъ его, добрый старикъ, любилъ увеселенія и потому всякій день былъ навеселѣ, а послѣ игралъ съ нами въ карты. Старикъ, потомокъ Тевтоническихъ рыцарей, сдѣлавшись нашимъ другомъ, имѣлъ страшнаго врага: неудачу въ картахъ. Тогда его разгоряченное воображеніе не давало ему покоя; онъ сердился, разумѣется, самъ на себя. Завтра опять все забыто: день начинается виномъ, а оканчивается виномъ и картами. Впрочемъ, онъ былъ очень гостепріимный и любезнѣйшій изъ Нѣмцевъ.

Имѣя въ предметѣ овладѣть крѣпостью Торномъ, лежащей по сю сторону Вислы, главнокомандующій назначилъ сдѣлать оному форсированную рекогносцировку, которая и поручена полковнику Мишо̀ 1-му. Я и другой адъютантъ Тизенгаузенъ также посланы въ сію операцію. Графъ Орурвъ съ казаками Мельникова 5 го полка прикры-

валъ насъ. 22-го и 23-го Генваря произведено оное рекогносцированіе подъ пистолетнымъ огнемъ. Торнъ (Торунь) обширный, древній городъ, отечество славнаго Коперника, лежитъ при Вислѣ, которая здѣсь шириною 475 саженъ, какъ я самъ вымѣривалъ шагами по льду. Онъ имѣетъ 8 бастіоновъ и 3 люнета; сверхъ того предполагали еще сдѣлать нѣсколько пристроекъ, но онѣ едва зачаты. По причинѣ глубокаго снѣга не можно было замѣтить, въ какомъ положеніи находится крѣпостной валъ. Городъ, исключая крѣпости, обнесенъ высокою старинною стѣною съ башнями, такъ что еслибы быстро удалось ворваться на бастіоны, никакъ бы не удержаться на нихъ. Непріятель съ башенъ и изъ бойницъ, сдѣланныхъ въ стѣнѣ, съ урономъ заставилъ бы оставить крѣпостные занятые верки. Находящіяся на правомъ флангѣ песчаныя высоты отчасти командуютъ городомъ, на коихъ удобно разложить рикошетныя и кессель - батареи и можно анфилировать нѣкоторыя линіи. Въ тоже время надобно сорвать укрѣпленный островъ на Вислѣ, черезъ который лежитъ изъ крѣпости большой мостъ. Тогда открыть правильную осаду и ждать всего отъ обстоятельствъ. Главнокомандующій, сберегающій людей, въ такомъ случаѣ употребить можетъ съ пользою желтыхъ гусаръ. (Выраженіе Великаго Фридриха). Рѣдкій комендантъ устоитъ противу сего приманчиваго войска; самъ Свеаборгъ, сей непреодолимый оплотъ Швеціи, черезъ нѣсколько часовъ смирился предъ звукомъ ихъ и отворилъ ворота.

4000 Баварцевъ защищали Торнъ, корпуса маршала Даву̀. Въ то время, когда наши аванпосты стояли въ виду Торна, комендантъ для очищенія эспланады сжегъ на форштатѣ лежащую деревню Мокрую. Я самъ слышалъ, проскакивая по улицамъ, проклятія, извергаемыя шатающимися жителями, при видѣ пожаровъ своихъ домовъ.

24-го, послѣ рекогносцированія Торна, обратно прибылъ въ главную квартиру, которая перешла въ мѣстечко Голубь, на 4 мили отъ Страсбурга ближе къ Вислѣ.

25-го переходъ 4 мили въ д. Пивницу.

26-го адмиралъ отправилъ меня съ депешами къ князю Кутузову въ городъ Плоцкъ, разстояніемъ отсюда въ 15-ти миляхъ. Сверхъ своего донесенія о крѣпости Торнѣ, главнокомандующему было угодно, дабы я, показавши планъ оной донесъ словесно о состояніи крѣпости и о нашемъ рекогносцированіи. Я ѣхалъ скоро всю ночь; къ разсвѣту, перезябши, думалъ нѣсколько обогрѣться въ селеніи на большой дорогѣ; но сколь я изумился, вошедши въ кормчу, гдѣ нашелъ около 12 или 15 Французскихъ уланъ. Ружья ихъ стояли въ углу, они спали, кромѣ одного, который безъ сомнѣнія былъ ихъ дежурный; онъ бросился

прямо на меня и хотѣлъ притворить дверь, а между тѣмъ ногами толкалъ своихъ сонныхъ товарищей. Я закричалъ моему конвойному улану; тотъ прибѣгаетъ сюда, обнажилъ саблю и говоритъ: позвольте рубануть, ваше благородіе. Жидъ, хозяинъ гостинницы, свидѣтель сей сцены, погасилъ огонь, и мы успѣли выскочить. Тогда я велѣлъ почтальону во весь духъ гнать лошадей до ближайшаго города Липно, избавившись такимъ образомъ опасности: потому что, еслибы не сталъ отдавать своихъ депешъ, господа Французы не подарили бы мнѣ жизни. Да и какъ бы я представился главнокомандующему? Ибо надобно признаться, что ограбленные курьеры, сирѣчь олухи, всегда принимаются худо.

Въ городѣ Липно я объявилъ о семъ случаѣ Павлоградскаго полка полковнику князю Жевахову, гдѣ онъ исправлялъ должность коменданта; онъ обѣщалъ тотчасъ послать туда команду своихъ гусаръ, и Французскихъ мародеровъ еще успѣли схватить.

27-го въ полдень доѣхалъ до Плоцка. Впереди города въ полѣ встрѣтилъ Государя, проѣзжавшаго верхомъ. Онъ поворотилъ въ Плоцкъ и тѣмъ избавилъ меня отъ разныхъ спросовъ. Я остановился на почтовомъ дворѣ.

Меня адресовали съ бумагами къ начальнику штаба всѣхъ армій князю Волконскому. Того же дня поздно вечеромъ я былъ отправленъ обратно и прибылъ къ адміралу 28-го числа передъ обѣдомъ. Въ селеніи я не засталъ главнокомандующаго: онъ охотился въ ближайшемъ лѣсу съ тамошнимъ помѣщикомъ. Я поѣхалъ туда верхомъ и, встрѣтивши дорогой, вручилъ мои депеши. Адміралъ благодарилъ меня за расторопность. Я къ общему удивленію пріѣхалъ очень скоро; ибо надобно вамъ знать, не жалѣлъ ни лошадей, ни почтальоновъ, которые отъ моихъ угрозъ были принуждаемы кидать свою Нѣмецкую важность и гнать ихъ по-русски.

Армія переходитъ Вислу и блокируетъ Торнъ.

Князь Кутузовъ предписывалъ арміи перейти Вислу, графъ Ланжеронъ съ корпусомъ оставленъ обложить Торнъ.

29-го Генваря, сдѣлавши $3\frac{1}{2}$ мили переходу, мы по льду перешли Вислу у мѣстечка Фордонъ и тамъ расположились квартирами.

30-го переходъ $1\frac{1}{2}$ мили въ городъ Бромбергъ.

Бромбергъ, городъ старинный, довольно обширенъ и выстроенъ весьма хорошо. Онъ богатъ фабриками, въ числѣ коихъ находятся сахарныя и бумажныя. Особенно заслуживаетъ примѣчанія здѣшній каналъ, соединяющій рѣку Вислу съ Одеромъ посредствомъ рѣкъ Нетца и Варты. Послѣдняя впадаетъ въ Одеръ при Кистринской крѣ-

пости. Главнокомандующій любопытствовалъ увидѣть сіе произведеніе ума великаго Фридерика, дѣлающее честь основателю и большую пользу промышленникамъ. Каналъ обложенъ дикимъ камнемъ.

Занятіе Позена.

Въ сіе время посланъ графъ Воронцовъ взять городъ Позенъ. Послѣ нѣкотораго сопротивленія онъ овладѣлъ симъ мѣстомъ. Разбитіе Воронцовымъ Баварцевъ была послѣдняя побѣда нашей арміи при командованіи ею адмирала Чичагова.

2-го Февраля адмиралъ сдалъ главное начальство генералу отъ инфантеріи Барклаю-де-Толли и разстался съ арміею.

8-го Февраля мы пріѣхали въ Гродекъ, разстояніемъ отъ Бромберга 66½ миль. 14-го я отправленъ въ Петербургъ, куда и прибылъ 2-го Марта.

Пріѣздъ въ Петербургъ.

Я засталъ въ Петербургѣ еще самую холодную зиму, но умы разгоряченные, какъ бы въ самое знойное лѣто. Столичные жители общими силами сердились на адмирала: «зачѣмъ онъ на Березинѣ не захватилъ Наполеона?» Они хотѣли, чтобы Чичаговъ хотя пропустилъ всю его армію, но поймалъ бы его. Родственники и партизаны князя Кутузова разглашали на счетъ адмирала самые неблагопріятные слухи. Впослѣдствіи его недоброжелатели умолкли; публика, столь прежде недовольная дѣлами Дунайской арміи главнокомандующаго, приняла ихъ съ тѣмъ уваженіемъ, коего они были достойны. Подлинно, что люди весьма похожи на обезьянъ: малые стараются подражать большимъ.

Въ Петербургѣ мнѣ не дали жить спокойно. Вскорѣ по пріѣздѣ получено мною увѣдомленіе изъ канцеляріи департамента инженернаго отъ 10-го Апрѣля, по какому повелѣнію я проживаю здѣсь и насколько времени, и ежели для излѣченія болѣзни, то получилъ ли отъ оной облегченіе и когда полагаю отправиться? Я отвѣчалъ имъ своимъ отъѣздомъ къ главной квартирѣ въ Саксонію. На большой Бѣлорусской дорогѣ я встрѣтилъ фельдъ-егеря, скакавшаго изъ арміи въ Петербургъ съ ключами крѣпости Торна; скоро ѣхалъ другой съ извѣстіемъ о смерти князя Кутузова, скончавшагося 13-го Апрѣля, въ городѣ Бунцлау, на границѣ Силезіи съ Саксоніею лежащемъ. Я поѣхалъ изъ Шклова въ деревню Тимоховку, гдѣ находился тогда адмиралъ въ имѣніяхъ своего брата и, проживши нѣсколько дней, съ его позволенія отправился въ Бессарабію къ моему прежнему генералу, который оставался въ ней военнымъ начальникомъ и командовалъ всѣми войсками въ ней расположенными и Дунайскою флотиліей.

27-го Апрѣля я выѣхалъ изъ Шклова въ Молдавію. Адмиралъ, при нашемъ прощаніи, наговорилъ мнѣ много лестнаго и далъ письмо къ генералу Гартингу, которое я почитаю не излишнимъ включить здѣсь.

«Милостивый государь мой Иванъ Марковичъ! Находящійся при мнѣ адъютантъ вашего превосходительства Мартосъ возвращается къ прежнему своему мѣсту, которое онъ предпочелъ всякому другому назначенію. Я весьма вамъ благодаренъ, что ознакомили меня съ симъ достойнымъ молодымъ офицеромъ. Я нашелъ въ немъ много способности, съ великою и неутомимою дѣятельностію по службѣ и смѣлостію противу непріятеля. Продолжите ваше къ нему расположеніе и доставьте, когда возможность допуститъ, ему случай показать усердіе свое на самомъ дѣлѣ. Вы тѣмъ много обяжете пребывающаго съ особеннымъ почтеніемъ, вашего превосходительства, покорнѣйшаго слугу Павла Чичагова.

27 Апрѣля 1813 г. д. Тимоховка.

Пріѣздъ въ Молдавію.

Я ѣхалъ черезъ Минскъ, Ровно, Каменецъ-Подольскъ, откуда долженъ былъ поворотить на Могилевъ и тамъ переправиться за Днѣстръ. Я нашелъ здѣсь артиллерійскія и піонерную роты, выдерживавшія карантинъ по случаю бывшей въ Бессарабіи моровой язвы. Теперь она прекратилась. 6-го Мая вечеромъ поздно я пріѣхалъ въ Хотинъ и успѣлъ быть на великолѣпномъ праздникѣ у коменданта генерала Лидерса, который праздновалъ своего патрона св. Николая.

Черезъ 4 дня съ генераломъ мы отправились для осмотра крѣпостей, составляющихъ Дунайскій округъ. Генералъ избралъ себѣ мѣстопребываніемъ Кишиневъ, грязное мѣстечко на рѣкѣ Быкѣ, въ 42 верстахъ отъ Бендерской крѣпости. Скоро тамошній гражд. губернаторъ Стурдза уѣхалъ въ Петербургъ, и генералъ принялъ его должность.

Такимъ образомъ я остался Кишиневскимъ жителемъ, гдѣ и провелъ три года изъ лучшихъ моей жизни. Не буду описывать ни сей области, ни класса тамошняго дворянства. Сколь хороша первая, столь низки, подлы, необразованы ея владѣльцы: они не заслуживаютъ никакого вниманія. Я жилъ все это время неразлучно съ моимъ добрымъ другомъ Николаемъ Васильевичемъ Бахметевымъ; у насъ все было общее, были всегда вмѣстѣ и никогда не скучали. Я пріобрѣлъ искреннюю дружбу Петра Дмитріевича Сомова, правителя канцеляріи при генералѣ. Образованный умъ, доброе, благородное сердце составляютъ черту его характера. Мы съ нимъ очень были и теперь откровенны и любимъ другъ друга.

Теперь два слова упомяну о моихъ занятіяхъ въ Бессарабіи, а ежели хоть и не два слова, то, по крайней мѣрѣ, самымъ короткимъ образомъ. 27 Іюня мнѣ дано повелѣніе отправиться на Прутъ для разбирательства жалобъ по дѣлу селенія Кожухари. Жители того берега рѣки Прута, т. е. подданные Оттоманской Порты, переѣхали на нашу сторону, связали козачій пикетъ и перевели обывателей къ себѣ. Дѣло сіе, принятое за важное обстоятельство, было представлено Государю, отъ коего воспослѣдовало повелѣніе нашему полномочному министру въ Константинополѣ требовать отъ Порты удовлетворенія. Виновникомъ всему выставленъ одинъ шляхтичъ, по тамошнему резешъ, Василій Бурьяно; тѣмъ лучше, онъ былъ виноватъ, что умеръ, въ продолженіе переписки, въ Яссахъ, слѣдовательно на томъ свѣтѣ и будетъ отвѣчать чистилищу на вопросные пункты изъ адской канцеляріи, по отдѣленію бѣса Еноха.

Въ исходѣ Маія мѣсяца моровая язва снова показалась въ Хотинѣ; она скоро разлилась и въ окрестныхъ селеніяхъ. Тогда окруженъ весь Хотинской уѣздъ охранительною цѣпью и учреждены на рѣчкѣ Чугурѣ два карантина при двухъ большихъ дорогахъ. Моровая язва показалась въ Одессѣ, въ разныхъ мѣстахъ Херсонской губерніи, въ Крыму, на Кавказѣ, въ Грузіи и стала угрожать Кіевской губерніи.

По повелѣнію Государя, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ посланъ прекратить моровое повѣтріе. Онъ былъ уполномоченъ дѣйствовать во всемъ упомянутомъ краю и основался на то время въ Тульчинѣ, имѣніи графини Потоцкой. Оттуда онъ бомбардировалъ насъ бумагами; страдали писаря, перья и чернила. Мы никогда не имѣли покоя, день и часто цѣлыя ночи отписывали князю; но это есть любимѣйшее правило нашего правительства, и князь въ полномъ блескѣ поддерживалъ себя въ ремеслѣ чернильнаго героя. Между тѣмъ мы писали, а моровая язва истребляла людей. Кто повѣритъ изъ васъ, что и въ сіи гибельныя минуты чиновники стремились къ подаванію помощи не столько немощнымъ, сколько своему карману? Интересъ есть душа людей, къ несчастію многихъ. У князя Куракина толпы штатскихъ служили безъ жалованья; они весьма походятъ на Пушкина кухарку въ Опасномъ Сосѣдѣ. Однако скоро посыпались благопріятныя извѣстія изъ Хотинскаго уѣзда: всѣ зараженные чумою отправились въ лучшій міръ, и умирать кромѣ здоровыхъ было некому. Какой ударъ комитету при истребленіи чумы! Какъ болѣло его отеческое сердце!

Въ Августѣ мѣсяцѣ я былъ посланъ осмотрѣть карантины и казачьи кордоны до Скулянскаго пункта, при большой дорогѣ къ Яссамъ.

Эти жалкіе карантины представляли смѣшную картину. Они почти существовали на бумагѣ, и того довольно. Я писалъ правду генералу.

Отдача ремонтовъ.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ прибыли въ Бессарабію отъ генерала Кологривова два офицера для покупки строевыхъ лошадей. Они отправились по заводамъ, которыми Бессарабія весьма богата и, по обыкновенію, тотчасъ побранились съ отдатчиками: одни находили въ лошадяхъ пороки, другіе имъ приписывали всѣ возможныя добродѣтели; первые протестовали, что лошади мелки, слабы, не подходятъ подъ лошадиную инструкцію; послѣдніе съ торжествомъ увѣряли, что лошади такъ крупны, какъ слоны, сильны, что двадцать человѣкъ одну не удерживаютъ, однимъ словомъ всесовершенныя. Надобно знать, что деньги присланы губернатору, а не даны симъ ремонтёрамъ. Губернаторъ самъ платилъ, а офицеры не имѣли ни малѣйшаго участія въ любезныхъ денежкахъ. Я былъ посланъ посредникомъ между контръ-партіями и жилъ въ скучную зиму, Сорокскаго уѣзда, въ селеніи Баланешти, между превеликими горами. Благодареніе судьбамъ, кавалерія была отправлена.

Самое непріятное происшествіе.

Въ половинѣ лѣта Кишиневскій митрополитъ Гавріилъ, оканчивая для себя новую митрополію, просилъ меня выбрать внѣ ея мѣсто, гдѣ бы расположить какія-то принадлежности. Надобно знать, что внутри архіерейскихъ палатъ, съ самаго перваго начала, стали строить винные погреба и церковь, то и я думалъ, что въ полѣ хотѣли помѣстить училище или дикастерію.

Митрополитъ, епископъ Димитрій и я съ Бахметевымъ отправились въ поле: мы—разбивать линіи строенія, а они, по обыкновенію, отъ нечего дѣлать. Тогда тамъ было страшное множество людей на ярмонкѣ. Мы занимались работою, какъ вдругъ весь народъ закричалъ и сталъ бросаться въ кучу. Мы удивились. Между тѣмъ на насъ кидается свирѣпый быкъ. Митрополитъ съ архіереемъ опрометью побѣжали назадъ къ канавѣ, которая тутъ случилась, я сдѣлалъ шага три впередъ, выжидая момента, когда быкъ подбѣжитъ ко мнѣ, чтобы остановить его, располагая схватить его за рога. Онъ подбѣжалъ ко мнѣ, но, можетъ быть, испугавшись моихъ перьевъ на шляпѣ или чего-нибудь, съ ревомъ отскочилъ въ сторону и смѣшался въ стадѣ, пригнанномъ на ярмонку. Предоставляю вамъ представить мое изумленіе, когда я точно увидѣлъ, что быкъ былъ бѣшеный: его разъяренные, пыла-

ющіе глаза, его свирѣпый видъ удостовѣрили меня въ томъ. Тогда я, въ минуту спасенія, лишь только страшное чудовище поворотило отъ меня, отошелъ въ сторону.

Между тѣмъ митрополитъ и архіерей, потерявъ свои священные костыли, безъ шапокъ, забывъ дряхлость, забывъ важность наружности, сидятъ въ канавѣ; теперь они сдѣлались людьми обыкновенными, людьми перепуганными. Блѣдные, трепещущіе, съ растрепанными волосами скорчились они во рву, близъ баталіи испуга; они собрались съ силами и стали что-то кричать мнѣ, я догадался и скоро подалъ имъ утѣшеніе: я ихъ вытащилъ. Они оправились, взяли костыли и надѣли шапки,—все пошло по прежнему. Самый странный случай спасъ меня; я не зналъ, что быкъ былъ бѣшеный и хотѣлъ придержать его, но онъ бы безъ всякой церемоніи могъ поднять меня на рога.

Такимъ образомъ высокопреосвященнѣйшій и преосвященный владыко вытащены. Особенно митрополитъ весь былъ въ волненіи. Я боялся, чтобы старику не случилось чего еще хуже; но его натура, безъ сомнѣнія монашеская, все превозмогла. Я ихъ проводилъ домой; намъ подали вкусный завтракъ, поговорили о бывшемъ несчастіи, а потомъ и забыли, какъ обыкновенно бываетъ; но я не забылъ сего опаснаго случая и включилъ его въ свои Записки.

Занятія въ Хотинѣ въ Іюлѣ мѣсяцѣ.

Князь Куракинъ, главный истребитель моровой язвы, въ Іюлѣ мѣсяцѣ предписалъ генералу отправиться въ Хотинъ, для изслѣдованія дѣла тамошняго коменданта съ его чиновникомъ маіоромъ Понаревскимъ, посаженнымъ подъ арестъ. Генералъ съ собою набралъ всю свою гражданскую канцелярію, которая съ радостію летѣла на новый подвигъ судить или слѣдовать праваго съ виновнымъ. Воображеніе ихъ до той степени было сильно, что располагали въ своемъ умѣ повторить здѣсь трогательныя сцены изъ суда Шемякина. Я ѣхалъ съ сею свитою. Думаю, для разнообразія картины, къ неудовольствію моему, съ нами не былъ любезнѣйшій Сомовъ; а потому я, чтобы разсѣяться, всю дорогу лежалъ въ бричкѣ и курилъ трубку; я такъ привыкъ ѣздить, что ни горы, ни сильный бѣгъ лошадей не нарушали моего спокойствія. Браво, показались башни Хотина съ его прелестными окрестностями, уже виднѣлся лѣсъ на томъ берегу Днѣстра за деревнею Брагой; на томъ мѣстѣ въ первую войну былъ побитъ князь Голицынъ, котораго смѣнилъ Румянцовъ и поправилъ дѣла; здѣсь стоялъ Салтыковъ, отсюда онъ посылалъ курьеровъ въ Медзибожъ за сѣрою лошадью (я вамъ на словахъ перескажу сей

анекдотъ); время вставать, я сѣлъ и въѣхалъ въ мрачныя Хотинскія улицы.

Толпа судей начали судить. Дѣло состояло въ томъ, что очистительный комитетъ Хотинскаго уѣзда (слово очистительный принадлежало ему во всѣхъ отношеніяхъ) прибылъ на обывательскихъ лошадяхъ, которымъ прогоновъ никогда не платили, въ Хотинскій форштатъ. Онъ открылъ засѣданія и началъ очищать по системѣ славнаго Гитона-де-Морво домы и лавки. Я вамъ съ откровенностію скажу, что Куракинскіе голодные чиновники и комендантъ генералъ Лидерсъ удивительно какъ любили очищать, хотя ни тѣ, ни другой не знали химіи. Послали за старшимъ членомъ; тотъ, занимая квартиру въ Жидовской корчмѣ, съ благородною гордостію, на прямикъ, отказалъ коменданту; комендантъ послалъ команду солдатъ; они взяли штурмомъ маіора Понаревскаго и привели къ коменданту; Понаревскій былъ пьянъ, его арестовали, и оба принялись ругаться по-ямски, и такъ далѣе. Какое обширное поле велерѣчивой юриспруденціи!

Я сіи скучные дни сидѣлъ запершись въ своей комнатѣ и, по требованію князя Куракина, составлялъ ему подробное описаніе Бессарабскихъ границъ, съ показаніемъ выгоды и невыгодъ ихъ и тѣхъ мѣръ, кои необходимы къ точному наблюденію правилъ о кордонахъ, столь спасительныхъ къ твердому спокойствію Имперіи от внесенія въ нее моровой язвы, отъ Турокъ, перепуска запрещенныхъ и опасныхъ товаровъ, тайнаго прогона скота, сношеній жителей обоихъ береговъ Прута и перехода ихъ отъ насъ въ Молдавію.

Сочиненіе сіе удачно написано. Куракинъ весьма благодарилъ; но оно нѣсколько пространно, и я его прехожу молчаніемъ.

Занятія въ Бендерахъ.

Генералъ поручилъ мнѣ отправиться въ Бендеры и Аккерманъ для осмотра тамошнихъ инженерныхъ командъ и прислать свое мнѣніе о упавшей каменной крутости въ Бендерахъ. Пашинскій домъ, на верху ея лежавшій, почти висѣлъ на воздухѣ. Я представилъ все оное при подробномъ донесеніи съ профилями горы и не знаю, чѣмъ кончилось сіе дѣло.

Я донесъ генералу о исправности обѣихъ командъ и изъ Аккермана поѣхалъ на Татаръ-Бунаръ, а оттуда своротилъ на Нѣмецкія новыя колоніи, водворенныя въ собственно-называемой Бессарабіи при рѣкахъ Сакѣ, Чагѣ и Когыльникѣ. Мнѣ кажется, что правительство никогда не воротитъ издержекъ на поселеніе сей толпы нищихъ Нѣмцевъ, или очень долго станетъ ждать возврата своихъ суммъ. Отъ нихъ я знакомыми мнѣ степями добрался въ мѣстечко Каушаны, столь прежде

славную столицу Буджакскихъ хановъ, а нынѣ бѣдное, населенное нищими и грязными Жидами. Въ Каушанахъ я прожилъ лишній день, выдержавши жесточайшій пароксизмъ лихорадки, и благополучно добрался въ Кишиневъ.

Осмотръ въ Хотинѣ работъ.

18-го Іюня генералъ далъ мнѣ повелѣніе отправиться въ Хотинскую крѣпость, для осмотра инженерной команды и работъ, произведенныхъ въ 813 и 814 годахъ. Не было никакой бѣды смотрѣть по изданнымъ формамъ команду, но предстояла трудность дать свидѣтельство о прочности работъ, которыя были весьма непрочны. Я упомяну о двухъ случаяхъ: каменная караульня при Днѣстровскихъ воротахъ была выстроена на фашинномъ фундаментѣ; фашины сгнили, и каменному строенію было угодно обвалиться и представить изъ новой кордегардіи красивыя руины. Это значила прочная работа. Въ провіантскихъ магазинахъ, для сбереженія досокъ, покрыли крышу au jour; она текла во всѣхъ мѣстахъ и портила провіантъ и коммисаріатскія вещи. Это значила прочная работа.

Но деньги были израсходованы, какъ слѣдуетъ по книгамъ и документамъ. У насъ на все есть формы. Крадутъ по методѣ и по изданнымъ формамъ. Лучшимъ доказательствомъ служатъ провіантскіе чиновники и таможенные пристава: всѣ они служатъ по большей части изъ чести и, имѣя на все формы, получаютъ самое пустое жалованье, но наживаютъ и деньги, и имѣнія. Какая утонченная экономія!

Кромѣ сего, я далъ свидѣтельство о работахъ въ 813 и 814 годахъ, произведенныхъ въ Бендерахъ и Аккерманѣ, которое вмѣстѣ съ Хотинскими, послано въ инженерный департаментъ.

Объѣздъ по границѣ, занимаемой Оренбургскими и Уральскими казаками.

Окончивши по инженерной части свое порученіе въ Хотинѣ, я по повелѣнію генерала посланъ объѣхать нашу границу съ Австрійскою Буковиною и Молдавскимъ княжествомъ, до Скулянскаго карантина, для осмотра кордонной стражи, занимаемой Оренбургскими и Уральскими казаками. Мнѣ дано полное право учредить все, что́ найду нужнымъ, и полковымъ командирамъ предписывалось удовлетворять неостановочно всѣ мои требованія по пограничной службѣ. Я отправился верхомъ, отъ Днѣстра по сухопутной границѣ, къ рѣкѣ Пруту и далѣе. Мое положеніе было достойно жалости. Надобно было казакамъ проповѣдывать правила чести и совѣсти! Это столько же трудно, какъ и невозможно. Казаки считаютъ за грѣхъ быть честными людьми, и

они правы. Я съ удовольствіемъ осмотрѣлъ Миниха ретраншаменты и проѣзжалъ лагери Румянцова, остатки коихъ еще виднѣются. Тамъ, гдѣ запрещается грабить или воровать, козаки совершенно глухо-нѣмые люди, и аббатъ л'Епе никакъ бы не излѣчилъ ихъ отъ сей неизлѣчимой болѣзни.

За нужное нахожу приложить здѣсь карту Хотинскаго уѣзда, чѣмъ я избѣгаю повторять одни и тѣже описанія. Мѣста богатѣйшія и презавидныя.

Отъѣздъ въ Австрію въ гор. Черновецъ.

Объѣзжая границу, я любопытствовалъ побывать въ Австріи и, взявши билетъ отъ главнаго пограничнаго начальника, 5-го Іюля поѣхалъ въ губернскій городъ Черновецъ. Іосифъ II-й пріобрѣлъ Буковину отъ Турокъ и учредилъ совершеннѣйшій порядокъ въ судопроизводствѣ и во всѣхъ дѣлахъ области; она столь же богата, какъ Молдавія или Бессарабія, но какая противуположность во всѣхъ учрежденіяхъ правительства въ сравненіи съ нашими! Не успѣвши сдѣлать версты за границу, уже видно, что находишься не въ Россіи.

Скоро я проѣхалъ мѣстечко Сатагуру; влѣво извивается на пространной равнинѣ Прутъ. Вездѣ деревни и деревни прекраснѣйшія, прочные мосты и шоссе, напослѣдокъ показались церкви Черновца. Городъ лежитъ на отлогой горѣ при рѣкѣ Прутѣ, построенъ очень хорошо во вкусѣ Европейскомъ; есть большая площадь и очень богатыя лавки.

Радость Нѣмцевъ о побѣдѣ Блюхера.

Я засталъ въ городѣ необыкновенное радостное движеніе. Меня сіе крайне удивило, ибо Нѣмцы всегда одинаковы и хладнокровны. Но они имѣли торжествовать пивомъ важную новость. Только что передо мной здѣшній военный губернаторъ баронъ Линкъ получилъ извѣстіе о пораженіи Наполеона при Ватерлоо Блюхеромъ и Велингтономъ. Нѣмцы говорили съ величавостію, что Пруссаки отлично храбро дрались въ семъ сраженіи; слѣдовательно они изгладили, думалъ я, свой позоръ при Іенѣ, Ауерштетѣ, Эльхингенѣ; пора имъ перестать быть скверными воинами.

Бунтъ въ нашихъ колоніяхъ.

11-го Іюля генералъ получилъ извѣстіе, что вновь поселенныя колоніи взбунтовались и хотѣли убить или только думали перепугать чиновниковъ, къ нимъ опредѣленныхъ. Въ семъ странномъ случаѣ пасторъ Шнабель наиболѣе казался подозрительнымъ: онъ всегда старался поселить новымъ Русскимъ подданнымъ ненависть къ Русскому

правительству и успѣлъ въ томъ Настоящій служитель религіи! Меня послали съ ротою Нейшлотскаго полка, но одна сила могла обуздать своевольство. Скоро пришелъ Охотскій пѣхотный полкъ, пасторъ посланъ въ Кишиневъ, начинщики наказаны, и все сдѣлалось по прежнему. Первый разъ мы отошли съ ротой на 30 верстъ въ с. Докузы, гдѣ и имѣли ночлегъ; а когда пришли баталіоны и казачья команда, новые Россіяне сдѣлались гораздо сговорчивѣе: они познакомились впервыя съ казачьими нагайками. При всякомъ ударѣ казаковъ, всѣ Нѣмцы единодушно восклицали: Ахъ! Езусъ! Сей мятежъ могъ бы легко вкрасться далѣе по Буджаку къ живущимъ Булгарамъ, и тогда трудно бы было тушить пламя раздоровъ между сими Азіатцами, нашими непримиримыми врагами.

Осмотръ Скулянскаго карантина.

4-го Августа генералъ предписалъ мнѣ отправиться на Прутъ въ Скулянской карантинъ, для осмотра всѣхъ поврежденій, случившихся отъ разлитія рѣки. Въ нѣсколько дней была готова смѣта, самая умѣренная, разумѣется; я поспорилъ съ таможенными чиновниками, но издержки весьма остались ограниченными.

Препровожденіе изъ Измаила Турецкаго чиновника.

13-го Сентября генералъ предписалъ мнѣ отправиться въ Измаилъ и оттуда уже выѣхать съ присланнымъ чиновникомъ отъ Порты для размежеванія пограничной черты на островѣ Чаталѣ, по IV-й статьѣ Букарестскаго мирнаго трактата. Чиновникъ сей назывался Мустафа-Назифъ-эффенди; онъ служилъ по дипломатической части и былъ, какъ почти всѣ Турки, довольно важной наружности и не словоохотенъ. Онъ не избралъ прямѣйшую дорогу, а просилъ меня ѣхать черезъ Аккерманъ и Бендеры, безъ сомнѣнія имѣя въ предметѣ осмотрѣть сіи двѣ крѣпости. Желаніе его было исполнено, мы отправились на устье Днѣстра въ Аккерманъ; но, кажется, онъ или мало смыслилъ фортификацію или зналъ искусство быть равнодушнымъ. Я на него не былъ въ претензіи. Познакомившись со мною короче, Мустафа иногда былъ веселъ и шутилъ остроумно.

Будучи ревностнымъ поборникомъ Магометовой секты, Мустафа все относилъ къ Божескому предопредѣленію и, ссылаясь на великаго Пророка, хотѣлъ, кажется, выхлопотать Турецкимъ подданнымъ значущія выгоды по рыбному и другимъ промысламъ на Дунаѣ, въ чемъ, натурально, ему и было отказано. Правительство наше имѣетъ цѣль удержать за собою весь островъ Чаталъ, дабы оный никѣмъ не былъ обитаемъ и чрезъ то имѣть по немъ скрытую и твердую дорогу къ

переходу въ Булгарію, когда обстоятельства того потребуютъ. Мустафа длилъ свои переговоры, но не имѣлъ возможности обмануть насъ и, не рѣшаясь самъ собою подписать сію деликатную статью, дабы не выдти изъ даннаго ему полномочія, какъ говорилъ, всегда прикладывая, что Богъ устроилъ все премудро для благополучія людей, съ тѣмъ и уѣхалъ въ Яссы, гдѣ располагалъ ждать разрѣшенія отъ своего дивана. Мы разстались съ нимъ добрыми пріятелями. Генералъ поручилъ мнѣ проводить Мустафу до Скулянскаго карантина; тамъ я посадилъ его на паромъ и откланялся Туркѣ.

Отъѣздъ въ Петербургъ.

Въ началѣ Ноября мѣсяца получено въ Кишиневѣ разрѣшеніе отъ директора Инженернаго Департамента уволить меня въ отпускъ въ С.-Петербургъ на три мѣсяца. 15-го Ноября я оставилъ Бессарабію и въ тотъ же день поступилъ въ Дубосарской карантинъ, для выдержанія въ немъ трехъ-дневнаго термина очищенія. Тамъ я еще засталъ моего искренняго друга Астаѳія Никитича Астахова, который шелъ съ своимъ полкомъ на Донъ. Мы вечеръ провели вмѣстѣ въ Дубоссарахъ и, тамъ простившись, разъѣхались въ разныя стороны. Я ѣхалъ на Кіевъ и продолжалъ дорогу по столь мнѣ знакомому Бѣлорусскому пути. Она меня нисколько не занимала, потому что я часто проѣзжалъ сими мѣстами и успѣлъ узнать ихъ. Но въ Бѣлоруссіи война 1812 года оставила свои печальные слѣды, напримѣръ городъ Орша почти весь сожженъ, и такъ далѣе. Народъ чрезвычайно потерпѣлъ; потребно благодѣтельное время, чтобы исцѣлить язвы Бѣлоруссіи. Непріятель не переступалъ черту за Великія Луки; тамъ до самаго Петербурга оставалось все по прежнему.

Вечеромъ 10-го Декабря, я пріѣхалъ въ Петербургъ. Въ Іюнѣ назначенъ адъютантомъ къ генералу отъ артиллеріи графу Аракчееву и до утвержденія по приказамъ исполнялъ сію должность съ Февраля мѣсяца.

1816-й годъ.

Принимаюсь за перо, друзья мои, кончить мои Записки, давши вамъ слово; вы будете, скучая, читать матерію новую и вамъ непонятную. Я постараюсь описать ее какъ можно короче и пишу только для того, чтобы начало имѣло конецъ, какой бы онъ ни былъ.

1816-й годъ я адъютантствовалъ при графѣ въ Петербургѣ. Должность самая пустая,—дежурить въ прихожей комнатѣ и зѣвать на Литейную улицу, которую и исправлялъ я, какъ умѣлъ. Надобно вамъ знать, что графъ часто давалъ мнѣ и прочимъ намеки, что кто слу-

жить при немъ адъютантомъ, долженъ вмѣнять себѣ въ особую честь, чего мы не догадывались, и подлинно какъ были просты. Его вліяніе при дворѣ было самое сильное, однимъ словомъ—другъ царя, первый министръ, должность пріятнѣйшая дѣлать добро, творить людей счастливыми, отереть слезы невинности, быть защитникомъ противу несправедливости и, владѣя симъ небеснымъ даромъ, такъ сказать, выдти внѣ сферы обыкновеннаго человѣка и передать свое имя, подобно Колбертамъ, Сюлліямъ, Долгорукимъ, потомству и безсмертію. Но сколько людей, столько и склонностей; сжели послѣднія имѣютъ направленіе къ точкѣ добра, да украсится сей великій мужъ дубовымъ вѣнкомъ: онъ всегда будетъ великъ и славенъ. Въ своемъ мѣстѣ вы увидите склонности, страсти и дѣянія графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, но только имѣйте терпѣніе читать.

Въ числѣ нашихъ адъютантовъ я познакомился съ княземъ Ильею Андреевичемъ Долгорукимъ, молодымъ, умнымъ, благороднѣйшимъ человѣкомъ. Я горжусь, что пріобрѣлъ его дружбу; горжусь ею, какъ наилучшимъ даромъ, мною владѣемымъ. Князь къ образованному сердцу присоединяетъ пылкую, нѣжную, чувствительную душу. Почти два года я лишился его сообщества: онъ лѣчится въ Италіи, куда сжечасно летятъ мои желанія, дабы не оставила его богиня здравія, счастія и спокойствія. Я большой суевѣръ и слѣпо повинуюсь всѣмъ божествамъ, а особенно женскимъ. Другіе два адъютанта, г. Наумовъ и Александръ Ивановичъ Кожинъ, люди очень хорошіе и добрые товарищи. Меня особенно удостоилъ дружбой Левъ Григорьевичъ Немировскій, человѣкъ любезнаго и почтеннаго характера. Онъ нѣсколько лѣтъ служитъ секретаремъ графа.

Отъѣздъ въ Новгородскую губернію.

Въ Августѣ мѣсяцѣ мнѣ приказано ѣхать Новгородскаго уѣзда въ Высоцкую волость, снять всѣ деревни, описать и сдѣлать дорогу. Я прежде пріѣхалъ въ Новгородъ, откуда отправился водою внизъ по рѣкѣ Волхову, въ село Высокое. Потомъ мнѣ велѣно описать ближніе лѣса, отыскать глину, песокъ; я отыскалъ и описалъ и все еще не зналъ, что̀ будетъ изъ тѣхъ подробностей. Нѣсколько квартермейстерскихъ офицеровъ тамъ же, еще до меня, работали топографическую карту.

24-го Августа, поздно вечеромъ, я возвратился къ себѣ на квартиру, въ с. Высокое и тотчасъ бросился въ постель отъ усталости. Въ самую полночь (нѣсколько романически) разбудилъ меня страшный крикъ. Это былъ престрашный пожаръ. Пламенные вихри уже коснулись моей избы; я кое-какъ выскочилъ на улицу, всѣ мои вещи,

лучшія книги, портфель съ рисунками покойнаго брата сгорѣли; въ два часа времени сгорѣло все село, кромѣ старой церкви. Одна женщина, моя сосѣдка, лишилась жизни при семъ несчастномъ случаѣ.

Нѣкоторые мои планы уцѣлѣли, другіе пропали на пожарѣ, почему мнѣ довелось ихъ снова снимать, а окончивши, я поѣхалъ въ Новгородъ передѣлать ихъ на бѣло, какъ требуется. Графъ пріѣхалъ туда изъ Москвы и приказалъ мнѣ быть въ его селѣ Грузинѣ, на Волховѣ, куда я и отправился, какъ человѣкъ, не зная будущаго.

Начало поселенія войскъ.

26-го Сентября графъ далъ мнѣ ордеръ управлять Высоцкою волостью, въ которой долженъ поселиться его полка гренадерскій баталіонъ; тогда сомнѣніе изчезло, я долженъ былъ повиноваться и все еще не понималъ во всемъ смыслѣ слова: поселять войска въ Россіи, съ которой берутъ рекрутъ, когда хотятъ и дѣлаютъ съ ними чтò хотятъ.

Обязанъ описать справедливыми красками человѣка, слишкомъ 20 лѣтъ дѣйствующаго на политическомъ горизонтѣ, иногда упадавшаго, всюду ненавидимаго и опять поднявшагося на высочайшую степень въ государствѣ. Обязанъ не умолчать о его добродѣтеляхъ и, не касаясь его прежнихъ и теперешнихъ дѣяній, столь унижающихъ имя гражданина и человѣка, коснусь предположенія его поселить въ нѣдрахъ нашего царства войска, или болѣе и болѣе утвердить военное деспотическое правленіе подъ священнымъ именемъ закона. Сохрани меня Боже, чтобы я рѣшился хулить моего государя; я упоминаю о его министрѣ, имъ избранномъ: онъ-то изъ-подъ тишка дѣйствуетъ закономъ. Гдѣ же послѣ сего отечество? Чтó оно такое есть? Пустой звукъ словъ. 1812-й годъ воскресилъ ревность, оживилъ всѣ классы состояній, всѣ двинулись: и малодушный кипѣлъ мужествомъ, и слабый не хотѣлъ уступить сильному. Сіе единодушіе народа и дворянства дало намъ перевѣсъ оружія; 1812-й годъ заставилъ самыя отдаленныя націи чтить доблести Русскихъ, онъ привелъ насъ въ сердце Франціи. Гдѣ же достойные поборники? Одни унижены, другихъ унижаютъ! Они болѣе не нужны и забыты; этимъ масштабомъ измѣряется частное и общее; обширное государство представляетъ огромное тѣло, которымъ одинъ человѣкъ, одинъ изъ порочныхъ людей, располагаетъ такъ, какъ своею деревнею. Какую святую истину сказалъ Шиллеръ: «вѣчною пребудетъ истиною то, что насиліе, если предписывается благоразуміемъ, никогда не должно быть поручаемо склонному къ насиліямъ; пусть только тому поручатъ нарушить порядокъ кто его почитаетъ священнымъ». Историкъ какъ будто живетъ съ

нами, въ одинъ годъ и въ одномъ правленіи. Не прошло двухъ лѣтъ послѣ большой Французской войны, всѣ состоянія начали отдыхать понемногу, особенно крестьяне, столбы государства. Захотѣлось поселить войска. Я вамъ скажу, мысль прекрасная, благодѣтельная! Самый тяготительный членъ государственнаго тѣла есть армія въ военное и мирное время; сколько трудолюбивыхъ рукъ отрывается отъ сохи, и ихъ же другіе должны кормить! Россія всѣмъ богата, особливо можетъ похвалиться необработанными мѣстами, обширными степями при большихъ рѣкахъ, у озеръ лежащими (таковъ почти весь Новороссійскій край); плодородная почва требуетъ только рукъ, чтобы вспахать ее, счастливое небо призываетъ туда воина-поселянина насладиться счастьемъ жизни въ благословенномъ климатѣ, онъ будетъ имѣть собственность (а не такъ, какъ въ нашемъ манифестѣ писали—осѣдлость, ибо только лошадей, а въ горахъ ословъ сѣдлаютъ); идетъ ли въ походъ, тамъ онъ оставляетъ все; это послужитъ побужденіемъ на лучшіе подвиги молодаго солдата. Для лучшихъ примѣровъ читайте Римскую исторію: цари вселенной имѣли поселенные легіоны *), отличный воинъ имѣлъ право требовать себѣ земли и всего, что̀ давало правительство въ такомъ случаѣ. У насъ на Югѣ надобно поселить полки, раздѣлить роскошныя поля на участки, сѣнокосы, рыбныя ловли тоже, и дать способъ тамъ строиться, какъ позволяетъ климатъ, дать водворяющимся солдатамъ всѣ нужныя пособія, купить земледѣльческія орудія, рогатаго скота и все необходимое въ хозяйствѣ. Сколько удобства, какое благодѣяніе обогатить Россію ея же сынами, теперь, подобно узникамъ, заключенными въ тѣсныя казармы и навсегда исторгнутыми изъ нѣдръ семействъ своихъ! Какое будетъ торжество законодателя видѣть свой подвигъ, увѣнчанный успѣхами! Тогда онъ будетъ шествовать путемъ радости и веселія, и подобно Идоменею его счастливое око повсюду будетъ зрѣть селенія, города, тучныя пажити, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дикое безмолвіе наводило ужасъ путнику, случайно сбившемуся съ унылой, опустѣлой дороги; гдѣ рѣдко ступала нога отважнѣйшаго охотника. Слезы радости мудраго монарха сольются съ слезами тѣхъ людей, коимъ онъ далъ новое бытіе.

По крайней мѣрѣ это моя мысль. Я ее основываю на томъ, какъ князь Потемкинъ заселилъ полуденную Россію, основалъ Херсонъ, Николаевъ, Екатеринославъ и много городовъ. Сіи мѣста остались памятниками славы князя Таврическаго, памятниками крѣпчайшими мѣдныхъ изваяній и мраморовъ, гдѣ рѣзецъ художника часто оставляетъ по-

*) Силла въ разныхъ мѣстахъ Италіи вдругъ поселилъ сорокъ семь легіоновъ. Совсѣмъ другіе виды, совсѣмъ иныя надобности!

томству изображеніе или недостойнаго человѣка, или только избалованнаго любимца фортуны.

О Новгородской губерніи.

Захотѣлось поселить войска ближе къ Петербургу и какъ по почвѣ земли не найдено хуже Новгородской губерніи, то и брошенъ на нее жребій, не говоря о Петербургской губерніи, которая еще бѣднѣе и хуже Новгородской. Здѣсь зима продолжается 6 мѣсяцевъ, 3 грязной распутицы и только 3 мѣсяца хорошаго времени, когда крестьянинъ долженъ убрать и засѣять поле, сѣнокосы и сими тремя мѣсяцами обезпечить годичное содержаніе своего семейства. Рожь при хорошемъ урожаѣ болѣе не даетъ, какъ самъ-пять, а овесъ самъ-третей; землю чрезвычайно много удобриваютъ навозомъ, иначе зерно не даетъ никакой прибыли, а посему зажиточному хозяину надобно держать скота какъ можно болѣе. Мѣста при Волховѣ пріятны, и всюду, гдѣ была возможность, трудолюбивая рука пахаря въ лѣсахъ расчистила нивы и луга; болота, мхи, топи, грязныя рѣчки и ручьи лежатъ вокругъ тѣхъ расчистковъ, такъ что, кажется, должно ограничиться тѣмъ, сколько поля имѣетъ всякій хозяинъ, ибо больше почти неоткудова взять. Вотъ главнѣйшая причина неудобствъ жизни въ тамошнемъ краю; я удивился, когда въ Декабрѣ мѣсяцѣ крестьяне приходили у меня спрашиваться ѣхать въ Новгородъ за покупкою муки, ибо своей уже не становилось, и по сему Декабрь, Генварь, Февраль, Мартъ, Апрѣль, Май, Іюнь и до половины Іюля, до новаго хлѣба, жители должны покупать хлѣбъ. Вы спросите: чѣмъ же они кормятся? Худое хлѣбопашество замѣняется другими выгодами: они продаютъ въ Петербургѣ сѣно, дрова, телятъ, которыхъ нарочно отпаиваютъ, домашнюю птицу, иные ѣздятъ съ рыбою и сими изворотами живутъ порядочно.

Поселеніе войскъ 1-й гренадерской дивизіи.

Главнѣйшій предметъ поселенія и первѣйшая потребность есть землепашество. Тамъ гдѣ 720 душъ не могли прокормить себя собственнымъ хлѣбомъ, что̀ достанется пришедшимъ въ добавокъ 1000 чел., кои по проекту поселенія будутъ кормить два дѣйствующіе баталіона или 2000 челов. Жаль, что не прибавили любезнаго словечка: *ежели могутъ.* Но ошибки начали исправлять: прошлую осень (1817 г.) солдаты рубили лѣса, жгли, рыли коренья и успѣли разчистить 93 десятины; число пустое, но работа убивственная, и польза предвидится издали. Надобно вамъ знать, что въ печатномъ проектѣ поселенія войскъ сказано, что казна первые три года кормитъ ихъ мукой и

крупой, а послѣ сего срока уже они сами себя, то есть всякій хозяинъ все свое семейство и двухъ постояльцевъ. Вотъ, одинъ почеркъ пера рѣшилъ поселить 1000 солдатъ на такомъ пространствѣ, гдѣ 720 мужиковъ на своемъ хлѣбѣ часто постились, и они-то сверхъ того пусть кормятъ 2000 гренадеръ! Подлинно, что сіи сумасбродства только дѣлаются на бумагѣ. Ручаюсь всѣмъ, что не только въ три года, когда прекратится казенное продовольствіе, но и въ пятьдесятъ лѣтъ не надѣлаютъ столько пахатной земли, дабы 3000 солдатъ не были голодны.

Вторая статья значитъ, что когда составится поселеніе войскъ, не будетъ рекрутскихъ наборовъ, и каждый солдатъ живетъ въ своемъ семействѣ. Мысль благотворительная, но совершенно неосновательная по разнымъ причинамъ. Я теперь только коснусь разсчету, сколько требуется людей на укомплектованіе одного полка. По предположенію поселенія для одного полка назначена волость отъ 1000 до 1200 душъ, они-то комплектуютъ свои дѣйствующіе баталіоны. По сдѣланному вѣрному опыту въ сихъ душахъ находится молóдыхъ, годныхъ людей 200 или 220 человѣкъ. Настоящая система войны, безпрестанныя движенія, слишкомъ худая одежда Русскаго солдата и убийственная многочисленная артиллерія, совсѣмъ не похожи на прежнія. Читайте Тюренна, Евгенія, Румянцова и, послѣ революціонныхъ Французовъ, ополченія Наполеона въ 1812 году; первые имѣли десятки тысячъ, послѣдніе сотни тысячъ, а по возвращеніи въ свои границы, гдѣ дѣвались старые солдаты? Ихъ пришло къ несчастію очень немного: всѣ или побиты или искалѣчены. Вотъ отчего трехтысячные полки возвратились въ свои предѣлы пятисотными по самой большой мѣрѣ. Чѣмъ же наполнить убыль 2500 недостающихъ людей? 200 не то значитъ, чтó 2500, которыхъ не стало; самъ Эйлеръ никакъ мнѣ не докажетъ, чтобы 200=2500. Слѣдовательно и планъ измѣнился. Объявятъ въ государствѣ рекрутскій наборъ, тутъ обширное поле писать *вѣрно-любезные, вѣра, достоинство Имперіи, обстоятельства*. Хорошо, рекрутъ дадутъ; а въ той волости опредѣленной комплектовать полкъ кто останется дóма? Когда угонятъ (простите принятое слово, хотя оно въ самой вещи значитъ гнать скотъ, но почти принято, все равно) 200 молодыхъ, здоровыхъ крестьянъ, только и останутся въ деревняхъ старый да малый. Кому работать, кто призрить, успокоить семейство? Предоставляю вашимъ мыслямъ пополнить убійственную картину отчаянія, слезъ, бѣдности...

Но конечно надобно имѣть готовую армію и людей. Правда, что наборы рекрутъ, какіе употребляются въ Россіи, также—средство самое безчеловѣчное, но въ сравненіи поселенія войскъ благодѣтельное, святое. Нужны ли люди, требуютъ съ 500 душъ 4-хъ, съ 1000—8; но

все это не 200, которые всѣ должны идти пополнять убитыхъ, искалѣченныхъ и философовъ, называемыхъ дезертирами. Каждая волость въ самый тяжкій наборъ, какіе были въ 1812 и 1813 годахъ, давала по 8 человѣкъ; прочіе молодые люди дома, работаютъ, женятся и доставляютъ государству здоровыхъ дѣтей. Кончился наборъ, рекрутъ погнанъ въ губернію, и снова надежда заглянула въ избу добраго крестьянина; она велитъ отцу съ дѣтьми трудиться до новаго набора (которые что-то при нашихъ временахъ, хотя и благословенныхъ, стали часто посѣщать Россію) и покупаютъ квитанцію. Пришла очередь, и сынъ остается дома: сколько радости! Я имѣлъ случай насмотрѣться, какъ матери и отцы восхищались, имѣя купленную квитанцію: «нашего парня, батюшка, въ солдаты не возьмутъ, мы его женимъ»; я всегда раздѣлялъ съ ними удовольствіе, которое въ самой вещи есть истинное удовольствіе. Въ Высоцкой волости нашлось 8 готовыхъ квитанцій, каждая покупка отъ 2200 до 2500 рубл.; будь первый наборъ изъ 700 душъ, ни одинъ бы человѣкъ не поступилъ на службу, и такъ далѣе. Теперь все перемѣнилось. Прежде волостное правленіе, съ согласія міра, отправляло на службу развратнаго крестьянина и брало квитанцію; листъ бумаги оставлялъ въ домѣ честнаго селянина, и служба ничего не теряла: ибо надобно отдать справедливость, удивительно, какъ искусно умѣютъ въ полевыхъ полкахъ исправлять нравы!

Вотъ двѣ причины, почему вредны поселенія на Сѣверѣ и почему непремѣнно все будутъ и при нихъ рекрутскіе наборы, лишь только случится первая кампанія. Въ своемъ мѣстѣ я буду говорить о Шведскихъ поселенныхъ полкахъ, которые всѣ до одного человѣка передались намъ, лишь только наши войска быстро пошли впередъ.

О моихъ занятіяхъ въ Новгородскомъ уѣздѣ.

Вы помните, что я остановился на томъ, какъ мнѣ графъ далъ ордеръ управлять Высоцкой волостью; но я все еще не понималъ, къ чему оно клонится. Крестьяне были подчинены мнѣ, а поселенный баталіонъ стоялъ у нихъ по квартирамъ въ 23-хъ деревняхъ; они вышли изъ всякой зависимости гражданскаго начальства: я творилъ и судъ, и расправу, я былъ Харонъ съ тою разницею, что этотъ проказникъ перевозилъ существа переставшія чувствовать, а я пріуготовлялъ къ перевозу такихъ же двуногихъ животныхъ, безъ перьевъ, въ жизнь адскую въ сравненіи ихъ прежней. Теперь навязалась мнѣ проклятая коммиссія писать обо всемъ графу; я имѣлъ случай узнать, какъ онъ мелоченъ: почти всѣ конверты самъ печатаетъ и надписываетъ адресы (все это разумѣется ко мнѣ), имѣлъ случай узнать всю его коварность и злость, превышающую понятіе всякаго человѣка, образъ домашней

жизни, безпрестанное сѣченіе дворовыхъ людей и мужиковъ, у коихъ по окончаніи всякой экзекуціи самъ всегда осматриваетъ спины и ..., и горе тому, ежели мало кровавыхъ знаковъ! Это не выдумка, клянусь вамъ; я лучше умолчу, боясь оскорбить ваше самолюбіе; но да избавитъ Промыслъ отъ подобныхъ добродѣтелей и васъ и каждаго. Я вамъ скажу одинъ случай о занятіяхъ сего государственнаго человѣка, а множество подобныхъ укажутъ вамъ масштабъ измѣрять его занятія. Въ деревнѣ Тигодкѣ, одна баба сушила въ банѣ ленъ и когда она затопила печь, то загорѣлась соломенная крыша; это часто бываетъ, и для того изъ предосторожности крестьяне всегда становятъ бани въ отдаленности отъ жилья, близъ воды. Должно было графу писать; пишемъ, переписываемъ, печатаемъ, посылаемъ (въ противномъ случаѣ бѣда за умолчаніе о столь важномъ предметѣ). Графъ, какъ человѣкъ дѣятельный и неутомимый, во все входящій, знающій всю подноготную (это не выдумано, но его самыя слова), пишетъ мнѣ своею рукою: деревни Тигодки женщину, вдову, Матрену Кузьмину, отъ которой загорѣлась баня, высѣчь розгами хорошенько и проч. Какія высокія мысли! Какая логика! Какое утонченное занятіе, въ такое время, когда просителямъ, у порога стоявшимъ съ убѣдительными просьбами о притѣсненіяхъ, отказъ за отказомъ. Признаюсь, что мнѣ часто хотѣлось поймать графа въ неакуратности, коей онъ страшный врагъ, и доложить, что въ такомъ-то повелѣніи онъ забылъ включить, по чемъ именно высѣчь хорошенько Аглаю, сушившую въ банѣ ленъ. Недостатокъ акуратности!

Производство въ инженеръ-капитаны.

26-го Ноября, на ваканцію, я произведенъ въ капитаны по инженерному корпусу, съ оставленіемъ въ прежней должности; въ подобныхъ занятіяхъ, какъ я мелькомъ выше сказалъ, проходили дни и недѣли; тѣмъ и кончился 1816 годъ.

Да, чтобы не забыть о поощреніи моемъ къ службѣ: по представленію графа, я получилъ брилліантовый перстень, который по разстройству финансовъ былъ принужденъ продать, кажется, за 600 рубл.

Прошло четыре мѣсяца новаго года, и дѣла шли своимъ порядкомъ; между тѣмъ обыватели волости, которые впрочемъ всѣ были мною довольны, вѣрно наскучили имѣть дорогихъ гостей и какъ-то стали догадываться, что изъ мужичьяго платья одѣнутъ въ мундиръ, вмѣсто бархатныхъ шапокъ дадутъ фуражки и всѣ украшенія, собрались въ селеніе Дубовицы (такъ что капитанъ, въ верстѣ живущій, не зналъ того), сложились деньгами и послали четырехъ депутатовъ жаловаться государынѣ на графа. Какъ всѣ мужики были сообщниками,

то я узналъ черезъ нѣсколько дней и писалъ въ Петербургъ довольно подробно. Графъ, получивши мою бумагу, успѣлъ схватить черезъ полицію на Сѣнной площади своихъ пріятелей, велѣлъ привести къ себѣ, раздѣлъ до чиста въ своемъ кабинетѣ, обыскалъ, получилъ просьбу, на него писанную въ сильныхъ выраженіяхъ, довольно справедливымъ языкомъ, и какъ этой вещи нельзя было скрыть отъ Государя, то я увѣренъ, что онъ явился съ душевнымъ прискорбіемъ и умиленнымъ тономъ представить жалобы нѣкоторыхъ строптивыхъ крестьянъ, а между тѣмъ велѣлъ ихъ посадить въ погребъ, что̀ въ арсеналѣ на заднемъ дворѣ, дабы жаркіе Майскіе дни не могли дѣйствовать на ихъ здоровье и солнечными теплыми лучами не разслабили ихъ нервы.

Что̀ дальше происходило, я не знаю; только вдругъ скачетъ ко мнѣ курьеръ: тотчасъ прибыть въ Петербургъ съ земскимъ писаремъ, съ головою и зачинщиками, розыскать подробности дѣла, составить списки, кто и гдѣ сходился, по чему брали съ души деньгами для отправленія депутатовъ, и такъ далѣе нѣсколько артикуловъ. Какое прекрасное занятіе! Ѣздить во всѣ концы по деревнямъ, на разстояніи 50 верстъ, ходить по избамъ, спрашивать, писать, доходить.

Наконецъ, мнѣ удалось взять зачинщиковъ; беремъ почтовыхъ лошадей и на четырехъ тройкахъ скачемъ въ столицу. Я пріѣхалъ вечеромъ и явился къ генералъ-маіору Бухмейеру, помощнику графа по поселеніямъ, набитому дураку, ханжѣ, злому и коварному человѣку, во всѣхъ отношеніяхъ достойному его другу, по характеру, уму и чувствамъ.

Тотчасъ моихъ мужиковъ, которыхъ крѣпко растрясло, бросили въ туже яму, дабы не было скучно жить въ разлукѣ съ товарищами. Метода прекраснѣйшая выигрывать сердца людей! А мнѣ Ѳедоръ Бухмейеръ велѣлъ завтра быть у графа.

Надобно вамъ знать, что графу хотѣлось кого-нибудь найти виноватымъ передъ Государемъ; себя же слишкомъ любилъ, дабы сказать, по сущей справедливости, что онъ затѣялъ дурачество въ Новгородской губерніи, которое пожретъ милліоны, разстроитъ жителей, озлобить ихъ противу правительства, сдѣлавши ихъ же непримиримыми врагами тому же правительству. И такъ положено, что я виноватъ. Давай меня ругать, опять ругать, завтра бранить, послѣ завтра стращать, что самъ собою, безъ воли Государя, разжалуетъ въ солдаты. «Ты же видный молодецъ, говорилъ онъ, я тебя опредѣляю въ мой батальонъ, гдѣ будутъ и эти канальи» (указывая на мужиковъ, которые были всегда на сценѣ). На четвертый день прислали опять за мной; тутъ я видѣлъ его совершенно рехнувшимся. Бухмейеръ, какъ тонкій политикъ, смиренно доложилъ, держа пальцы по квартирамъ и сотрясая

головою, что одинъ изъ просителей-мужиковъ, фамиліей Матвѣй Кириловъ Знатной, объявилъ ему, что будто зимою батальонный лѣкарь, ѣхавши съ нимъ, пребольно ударилъ его кулакомъ три раза по спинѣ, хотя онъ и былъ въ тулупѣ, но дескать больно. Вотъ и началась новая піеса. Я при всѣхъ непріятностяхъ жалѣлъ, что Коцебу не могъ посмотрѣть въ щелочку; какъ бы онъ своимъ остроумнымъ перомъ обогатилъ комедію! Графъ, выговоривши все, чтò только можно, заключить изволилъ: «Знаешь ли ты, что ты долженъ считать за честь, что служишь у меня, а Аракчеевъ есть первый человѣкъ въ государствѣ. Ты долженъ быть моею правою рукою, а ты (кривляетъ свое миловидное личико) хочешь быть добрымъ человѣкомъ, хочешь жить дружно съ маіоромъ, съ офицерами, съ мужиками, ты (возвышаетъ величественно сиповатой голосъ) долженъ быть тамъ, какъ собака на цѣпи; тогда будешь настоящій мой адъютантъ» и проч. Я слушалъ и все не понималъ, не въ тысячѣ ли одной ночи я жилъ мечтою. На слѣдующій день опять меня бранить. Мнѣ велѣно быть на квартирѣ г. Наумова, дабы ближе посылать для награжденія ругательствами. Это все равно, чтò арестъ. Хотя графъ и сказалъ, что я заслуживаю сидѣть на гаубтвахтѣ; но онъ, кажется, не хочетъ ли, или не помнитъ, что-то похожее; а въ самой вещи было не за что, и должно было сказать Государю или солгать мое преступленіе, котораго не было.

Потомъ опять приходятъ за мной; я иду пріуготовившись слушать брань со вниманіемъ и молчать: ибо графъ по своей злобѣ, за одно мое слово, былъ въ состояніи назвать его грубостію и велѣть меня судить. Это былъ часъ третій полдня; графъ приходитъ въ три часа, кланяется мнѣ, извиняется, что заставилъ себя ждать, съ видомъ дружелюбія проситъ обѣдать, сердится, что я мало ѣмъ, мало пью и послѣ стола проситъ, дабы я отправился къ своему прежнему мѣсту и продолжалъ бы службу, которой онъ всегда доволенъ.

Его ласки меня нисколько не удивили; но въ образѣ его сужденія обнаруживался все болѣе его характеръ, который пò чести хуже воробьинаго. Вотъ причина, почему меня уже не бранили, а ласкали, просили обѣдать, кормили и угощали: Государь въ зимнемъ дворцѣ у себя въ кабинетѣ изволилъ говорить съ головою, съ земскимъ писаремъ, которые со мною пріѣхали, весьма благосклонно, далъ имъ наставленіе повиноваться начальству, простилъ всѣхъ виноватыхъ и на проходъ приказалъ выдать денегъ. Послѣ сей развязки и я сталъ правъ, но все не понималъ, чего имъ хотѣлось отъ меня? Бухмейеръ, трясучи головою, радовался счастливому успѣху и окончанію. Тѣмъ не кончена комедія. Графу хотѣлось поскорѣе одѣть въ мундиры землепашцевъ, а имъ не хотѣлось, и покуда я съ маіоромъ

Фрикеномъ имѣли порученіе пріуготовить умы, крестьянинъ Филатъ Матвѣевъ, человѣкъ скверной жизни, былъ назначенъ въ солдаты (ибо сначала графъ опредѣлялъ подъ ружье только негодяевъ, а послѣ вдругъ всѣхъ и добрыхъ, и худыхъ). Крестьянинъ поупрямился идти изъ селенія, за нимъ послали ротнаго начальника Назарова; мужикъ все не шелъ. Назаровъ приказывалъ, его не слушали, начали крикъ, одинъ тотчасъ выбѣжалъ съ топоромъ и ударилъ весьма сильно Назарова обухомъ. (Это былъ тотъ самый Матвѣй, который подавалъ въ Петербургѣ на графа просьбу и которому будто лѣкарь три раза кулакомъ ушибъ спину.) Другіе мужики замахивались кольями, а прочіе по сродному людямъ любопытству смотрѣли, кто былъ только дома (ибо это случилось въ самое рабочее время). Сіе происшествіе въ своемъ углу надѣлало много шуму. Графъ, получивши наше донесеніе, изъ Царскаго Села прислалъ ордеръ судить военнымъ судомъ виновныхъ; изъ Петербурга пріѣхалъ презусомъ полк. Петровъ, изъ Новгорода аудиторъ, Уголовной Палаты засѣдатель; сдѣлали ассесоровъ, въ томъ числѣ и меня. Спрашивали, писали отвѣты, судили, обвиняли по регламенту Петра Перваго, кому ноздри рвать, кого повѣсить, колесовать, четвертовать; но графъ, по сродному великодушію, былъ несравненно добрѣе и милостивѣе побѣдителя упрямца Карла: онъ только самъ, отъ своего лица, приказалъ высѣчъ плетьми и сослать въ Оренбургскіе гарнизоны, однако на казенныхъ прогонахъ. Милость не послѣдняя! Да забылъ сказать, что жены и дѣти ихъ не согласны, ибо они не брали участія въ шалости вздорныхъ мужей; они остались несчастными, беззащитными сиротами. Сослали восемь человѣкъ, хотѣли десять, въ чемъ настаивалъ презусъ, и многіе ассесоры, убоявся его премудрости, въ которой онъ не былъ грѣшенъ, краснорѣчивымъ молчаніемъ ободряли его мысль; но 31 Маія въ коммиссіи военнаго суда я воспротивился и доказалъ, что двухъ крестьянъ, не бившихъ Назарова, а кои только издали смотрѣли, слѣдуетъ освободить: ибо приговорить ихъ къ одному и тому же наказанію значило противъ вѣры и справедливости. «Но когда смотрѣли, то вѣрно имѣли намѣреніе бить Назарова», былъ пунктъ преткновенія опозиціонной стороны. Я на этомъ сильно остановился и доказалъ, что мы обязаны судить преступленіе, а не намѣреніе человѣка и, благодаря Бога, два отца возвращены семействамъ.

Такъ только въ Кремлѣ судилъ Петръ Великій своего несчастнаго сына Алексѣя Петровича, по наущенію мачихи. Четвертый артикулъ допроса, писанный рукою отца, царевичу говоритъ: «Когда ты увидѣлъ изъ письма Бауера о возмущеніи моей арміи въ Мекленбургѣ, я думаю, что ты имѣлъ какіе нибудь виды и

навѣрно передался бы возмутителямъ, даже бы при моей жизни?» Это значитъ разспрашивать принца въ его сокровенныхъ чувствованіяхъ, пишетъ Вольтеръ. Можно признаться отцу, который исправитъ ихъ своими совѣтами, и скрывать передъ судьею, который только дѣлаетъ приговоръ о дознанномъ, обнаруженномъ дѣлѣ. Тайныя помышленія сердца человѣческаго не составляютъ предмета, подлежащаго уголовному сужденію. Совсѣмъ другія обстоятельства, правда; но духъ пристрастія тотъ же. Въ обоихъ случаяхъ это судъ Шемякинъ. Я не перестану имѣть сіе дѣло передъ глазами, доколѣ все разрушающая сила не посѣтитъ меня, доколѣ дряхлость не сгрызетъ престолъ разума и рука времени не смахнетъ своимъ желѣзнымъ ударомъ изъ моего сердца всю силу чувствительности. Но еще предстоитъ обширное поле воздавать ближнимъ возможныя услуги и не чуждаться невинныхъ страдальцевъ. *Будемъ работать въ нашемъ саду*; вы помните прекрасное заключеніе Кандида.

Опять поселеніе.

Такимъ образомъ, чтобы устроить счастіе крестьянъ, о чемъ посторонніе люди брали большее участіе, чѣмъ бы сами они искали, пересѣкли иныхъ плетьми и сослали сосѣдами Киргизъ-Кайсаковъ; дабы еще лучшее доставить удовольствіе, всѣхъ жителей одѣли въ солдатскіе мундиры, дали имъ лѣтніе и зимніе панталоны, сѣрыя шинели, фуражки, росписали по ротамъ; во всякомъ селеніи взяли гумно, начали ихъ въ немъ пріучать ворочаться на лѣво и на право, ходить въ ногу, топтать каблуками, выпрямливаться, носить тесакъ; даже до такой степени заботились, что въ тѣхъ гумнахъ не полѣнились выстроить печки, дабы поселяне и въ зимніе дни навѣщали манежъ, маршировали въ немъ и слушали команду горластаго капрала, для ихъ столь особеннаго счастія.

Тогда прощай счастіе земледѣльца, прощай промышленность, а съ нею и довольная безбѣдная жизнь. Не стало торговли; вмѣсто того, чтобы ему ѣхать въ городъ или въ столицу для продажи своихъ продуктовъ, что́ приноситъ большую пользу тамошнимъ жителямъ, хозяина семьи (который, вы не забудьте, уже въ мундирѣ) наряжаютъ вѣстовымъ къ капитану, у котораго въ запачканой кухнѣ толкается цѣлые сутки, будучи въ тягость какъ самъ себѣ, такъ и командирскимъ денщикамъ, затѣмъ что тотъ занимаетъ мѣсто въ тѣсной избенкѣ, гдѣ и тѣмъ жалкимъ Троянцамъ, рванымъ твореніямъ, нѣтъ пріюта.

Происшествіе, когда крестьяне показали свое нерасположеніе броситься въ объятія благополучія и стали шевелиться, принудило раздѣлить ихъ по ротамъ и увеличить постои. Теперь мужикъ, котораго

жаждутъ осчастливить, долженъ кормить по 8, 10 и даже по 12 солдатъ. Послѣ я ихъ сдалъ въ вѣдомство начальника батальона.

Графъ послѣ того позволилъ мнѣ отлучиться въ Петербургъ на нѣсколько дней по моимъ дѣламъ, а между тѣмъ прислали туда же восемь человѣкъ обмундированныхъ поселянъ, въ настоящую форму, на смотръ Государю. Люди выбраны молодые и видные. 28 Іюня люди представлены, Его Величество былъ очень доволенъ, изволилъ пожаловать шестерымъ по триста рублей, кои самъ вынесъ и лично роздалъ, а головѣ и писарю по пятисотъ рублей. Ундеръ-офицеръ Алфимовъ, который съ ними былъ, получилъ отъ Государя черезъ графа тоже пятьсотъ рублей. Его Величество принялъ меня у себя въ кабинетѣ и очень благосклонно благодарилъ за труды при военномъ поселеніи; вотъ слова государевы: «Покорно благодарю васъ за принятый вами трудъ; мнѣ это очень пріятно». Черезъ два дня я получилъ перстень, маіоръ Фрикенъ тоже, жена отличнаго генерала Бухмейера фермоаръ, а три деревенскія бабы по кокошнику. Я имѣлъ нужду въ деньгахъ и продалъ перстень за 2000 рублей.

Тогда я занимался при построеніи домовъ въ с. Высокомъ, которое сгорѣло. Бухмейеръ былъ главный директоръ-строитель, по-просту сказать: и поваръ, и кучеръ, хотя онъ столько же смыслилъ архитектуру, какъ и Татарскій мурза. Начали громоздить домы, сдѣлали проходныя сѣни, раздѣляющія связь на два жилья, по бокамъ избу для хозяина въ три сажени квадр., рядомъ комнату для постояльцевъ, не больше трехъ шаговъ длины, а какъ поставили печки, то и повернуться почти негдѣ. Все это не мѣшало снаружи дать симетрію, насыпать булеваръ; даже на заслонкахъ, литыхъ здѣсь на чугунныхъ заводахъ, изображены купидончики, гдѣ, играючи, коронуютъ себя вѣночками, другія малютки изъ чугуна пускаютъ мыльные пузырьки. Подлинно, что пустили мужикамъ мыльные пузырьки. Издержка непомѣрная; но всѣ сіи новые домы, объявившіе войну хозяйственному расположенію, представляютъ глазамъ путешественника пріятную деревню. Они тѣже казармы, гдѣ нисколько не портятся нравы и гдѣ честность, доброта, гоненіе кражи и мошенничества имѣютъ непреложный престолъ. Вотъ къ чему готовятъ добрыхъ жителей! Смотри на успѣхъ, какъ обошлось поселеніе въ Высоцкой волости, ежели только значитъ поселеніе привести въ каждую избу кучу солдатъ и заставить хозяина того же дому съ сыновьями одѣть мундиръ. Перновскаго полка батальонъ вошелъ въ Халынскую отчиву, Новгородскаго уѣзда, на рѣкѣ Мстѣ и частію на большой Московской дорогѣ, близъ яма Бронницъ. Но здѣсь случилось не такъ смирно, какъ у насъ; я отнюдь не беру на себя, чтобы непосредственно отъ меня Высоцкіе жители безъ бунта, хотя, конечно,

съ тайнымъ прискорбіемъ сердца, одѣлись въ мундиры; но Халынскіе мужики ни за что не хотѣли перемѣнить свою одежду: они сдѣлали гораздо болѣе, чѣмъ тѣ четверо отъ насъ, которыхъ пересѣкли и сослали на берега Урала (ибо, какъ вы знаете, что линія Оренбургскихъ крѣпостей лежитъ по рѣкѣ Уралу).

Когда царская фамилія въ половинѣ Сентября мѣсяца проѣзжала въ Москву черезъ Бронницы, за нѣсколько верстъ вдругъ выходятъ изъ лѣсу нѣсколько сотъ крестьянъ и останавливаютъ великаго князя Николая Павловича, ѣхавшаго съ молодою княгинею и ея братомъ принцемъ Прусскимъ Вильгельмомъ *). Можете судить, сколь поразила подобная встрѣча (незваныхъ, прибавлю); они всѣ бросаются на колѣна, плачутъ, крикомъ своимъ просятъ, дабы ихъ пощадили. Женщины и дѣвки пѣли primo въ сей мелодіи; но великій князь отдѣлался словами и продолжалъ дорогу. Прекрасный, разительный примѣръ Пруссакамъ о нашемъ домашнемъ благоденствіи, улучшеніи, счастіи и пресчастіи. Однако помните, друзья мои, 1812-й годъ: наши крестьяне съ душевнымъ удовольствіемъ летѣли драться за отечество, безъ очереди становились въ ряды; Петербургское ополченіе и Новгородскія дружины съ славнымъ Витгенштейномъ дрались славно, всегда съ охотою, безъ робости, съ преданностію престолу. Что̀ о томъ ни говорите наблюдатели или философы, которые гоняютъ четвернями въ долгъ изъ угла въ уголъ, лѣнятся, обманываютъ и пишутъ, я всегда скажу, что званіе Русскаго крестьянина есть самое почтенное; а сколь оно необходимо, то нѣтъ надобности и распространяться. Зачѣмъ презирать, наругаться имъ? Халынскіе жители отдавали свои домы, свое имущество, все, что̀ нажили подлинно трудолюбіемъ, лишь бы ихъ оставили въ покоѣ. Прибавь намъ подать, требуй изъ каждаго дома по сыну на службу, отбери у насъ все и выведи насъ въ степь: мы охотнѣе согласимся, у насъ есть руки, мы и тамъ примемся работать и тамъ будемъ жить счастливо; но не тронь нашей одежды, обычаевъ отцовъ нашихъ, не дѣлай всѣхъ насъ солдатами. Эти ихъ слова я часто самъ слышалъ, въ Бронницахъ будучи.

Послѣ остановили вдовствующую Государыню, просили ея защиты и милости; рѣшеніе прежнее: имъ велѣно послать отъ себя въ Москву къ Государю и обнадежили, что съ посланными ничего не сдѣлаютъ худаго. Добрый Монархъ троихъ посланныхъ принялъ милостиво: они отпущены въ домы и обнадежили, что ихъ всѣ товарищи будутъ послушны. Подробности ихъ разговора съ Государемъ я не могъ узнать, и графъ при томъ не былъ. Но часто необходимость велитъ говорить

*) Въ наши дни Германскимъ императоромъ. П. Б.

противное чувствамъ, и чрезвычайно трудно троимъ ручаться за образъ мыслей нѣсколькихъ сотъ человѣкъ: сколько людей, столько и мнѣній.

Депутаты возвратились изъ Москвы, а Халынскіе крестьяне разными образами отнѣкивались отъ своего благополучія; тогда взяли всѣ благоразумныя кроткія или краткія мѣры упросить ихъ. Обломокъ дикой, безплодной горы, брошенный громами въ рѣку, которая начинаетъ кипѣть, прибавляетъ ей больше быстрины, больше пѣны. Этотъ обломокъ, имѣющій чувства и до изступленія энтузіастъ къ березамъ, липамъ, ольховымъ и всякаго рода деревьямъ, лишь бы изъ нихъ можно посредствомъ Бюфона вырѣзывать тонкіе и ровные прутья и палочки,—есть мироносный геній окрестностей Бронницъ, другъ стиховъ, которые его терпѣть не могутъ, генералъ Княжнинъ. Въ своей жизни отъ побоевъ онъ отправилъ въ Елисейскія поля множество терпѣливыхъ, молчаливыхъ, глупыхъ солдатъ; съ младшими въ своемъ мѣстѣ дерзокъ, варваръ и грубіянъ, съ старшими представляетъ добраго; иногда въ маскѣ филантропа, въ сраженіи, сберегая себя для будущности, любитъ стоять внѣ пушечнаго выстрѣла, въ тихихъ зеленѣющихся кустарничкахъ, или въ густомъ бору, гдѣ соловей дѣлаетъ звонкія трели и милая горлица воркуетъ съ голубочкомъ сизокрылымъ. Во всемъ смыслѣ словъ другъ графа, только гораздо добрѣе, хотя ежечасно мучитъ людей, гораздо умнѣе его и даже стихотворецъ. Онъ принималъ Халынскихъ жителей отъ Новгородскаго губернатора Муравьева. Муравьевъ, по ходатайству графа, смѣстилъ прежняго благороднѣйшаго губернатора Сумарокова, о коемъ и теперь вся губернія отзывается съ особеннымъ почтеніемъ. Муравьевъ былъ обязанъ сдать въ военное вѣдомство покорныхъ крестьянъ; а военный командиръ, принявши ихъ, стараться смягчить въ глазахъ изумленныхъ людей перемѣну ихъ состоянія, привязать къ себѣ, словомъ, доказавъ имъ необходимость повиноваться въ монархіи, найти ихъ къ себѣ расположеніе и дурному дѣлу дать хорошій ходъ, или, по крайней мѣрѣ, не худой.

Но тутъ дѣлалось совсѣмъ иначе. Княжнинъ, подобно янычарскому наѣзднику, съ заржавленною пищалью, налетѣлъ на стадо овецъ, а губернаторъ, въ видѣ проповѣдника, съ видомъ умиленія, чему слушатели не вѣря дремлютъ на скамьяхъ. Оба неудачно сыграли роли: мужики генералу-стихотворцу хотѣли (по ихъ нарѣчію, простите) пересчитать ребра, онъ умолкъ; губернатору публично кричали, что онъ ихъ продалъ Аракчееву; онъ умолкъ.

Тогда послали за солдатами, окружили деревню Есьяны, въ двухъ верстахъ отъ Бронницы, караулами, поставили кругомъ цѣпь, нашли средство заманить и запереть всѣхъ мужиковъ въ трехъ большихъ домахъ, окружили и тѣ три дома. Генералъ Княжнинъ доказалъ свое искусство въ малой войнѣ, petite guerre (ибо большой не любилъ и не смыслилъ), отрѣзалъ коммуникацію съ колодцемъ и такъ, что они 6 или 7 дней не могли имѣть хлѣба и никакой пищи. Тогда бѣдные крестьяне, не понимая, что ихъ не кормятъ, что солдаты разсыпались по ихъ домамъ, подобно добродѣтельной саранчѣ, собственно для ихъ благополучія, выходятъ покориться силѣ, и на нихъ тотчасъ надѣваютъ сѣрыя шинели. Побѣда важная! Такъ стѣны Ульма были зрителями подвига Мака, съ цѣлою арміею покорившагося законамъ побѣдителя; такъ Задунайскій стѣснилъ, окружилъ, потомъ отрѣзалъ хитраго визиря и, подобно героямъ древняго Рима, диктовалъ условія, законы, на барабанѣ, въ лагерѣ среди ужасныхъ лѣсовъ Кучукъ-Кайнарджискихъ.

Тотчасъ посылается въ Москву донесеніе. Конечно, Княжнинъ и Муравьевъ сдѣлали *прекрасное дѣло*; жаль только, что обезчестили себя, но за то и награда немалая! Имъ дали по звѣздѣ для ношенія и украшенія грудей, Княжнину Владимирскую, а губернатору Анненскую. Вотъ все, что̀ происходило около Бронницъ.

Послѣ того 1-го и 2-го карабинернаго полковъ батальоны поселились въ Медвѣдской Волости, Новгородскаго уѣзда, на Псковской дорогѣ: батальонъ императора Австрійскаго въ Пите́бской отчинѣ, отъ станціи Подберезья до Новгорода; батальонъ короля Прусскаго на той сторонѣ Волхова, рядомъ съ Высоцкою волостью, примыкая къ Новгороду, въ Хутынской волости, называющейся отъ Хутынскаго монастыря, гдѣ похороненъ въ 1816 году знаменитый поэтъ Державинъ.

Вотъ мѣста, гдѣ поселена первая гренадерская дивизія, т.-е гдѣ солдатъ премножество разставлено по обывателямъ. Вездѣ почва земли не плодородна; промышленность награждала ту невыгоду, но и она пресѣклась. Халынская волость богата сѣнокосами, Хутынская—рыбными ловлями; теперь мужикъ трудолюбивый, умный торгашъ, имѣетъ несравненно лучшее занятіе: онъ не дѣлаетъ въ лѣсахъ новыхъ расчистокъ, не ловитъ рыбы, ему некогда ѣздить на продажу продуктовъ: онъ маршируетъ подъ телячью шкуру, онъ счастливъ!

Кажется, думаютъ явить такое же благополучное счастіе и живущимъ при озерѣ Ильменѣ. Туда посланъ описывать совѣтникъ Казенной Палаты Глинкинъ 10 волостей, смежныхъ одна съ другою, гдѣ всего 35 т. душъ; но мужики постращали переломать ему ребра, и за-

пачканый человѣкъ прибылъ во-свояси. Любопытно знать, утвердится ли блаженство озера Ильменя? Дураки не знаютъ, что ихъ хотятъ учить по Ланкастеровой системѣ, писать пальцемъ на песку; какъ простъ Русскій народъ!

Конечно, не надобно всѣ вещи брать въ дурную сторону; черезъ вѣкъ или два столѣтія быть можетъ, что потомки теперешнихъ невѣрныхъ, обращенныхъ въ новую ересь, будутъ довольны своимъ состояніемъ; но я бы желалъ, чтобы они были полезны и отечеству. Проектъ поселить въ Россіи войска не новый: это дурная копія съ того оригинала, который брошенъ Петромъ, не уваженъ Екатериною; ибо всегда было много прожекторовъ и усердствующихъ исполнять дуновеніе царя или часто человѣка съ величайшими слабостями, каковъ и нынѣ графъ Аракчеевъ. Екатерина, которая видѣла вещи вдаль, вникала и взвѣшивала ихъ, отвѣчала подобному прислужнику: «Увѣрены ли вы, что между Русскими крестьянами, когда они будутъ имѣть ружья и узнаютъ, какъ управлять ими, не явится новый Пугачевъ?» Примѣръ на дѣлѣ сильнѣе доказательствъ, писанныхъ невѣждою въ кабинетѣ. Исторія свидѣтельствуетъ, что Пугачевъ съ горстью казаковъ и разнаго сброду, менѣе недовольныхъ, чѣмъ въ нынѣшнее правительство, началъ страшное дѣло, потрясъ сердце Россіи и шелъ на пути знаменитаго мужа; но онъ имѣлъ неудачу, и эшафотъ прекратилъ дни его. Въ наши времена Наполеонъ, дававшій законы всѣмъ царямъ и царствамъ, изъ каприза счастія, нехотя поѣхалъ на Елену, не любя нашихъ женщинъ, и долженъ вести интриги съ старою дамою новаго свѣта!

Опытъ показываетъ намъ, что внутри государства поселенныя войска вредны и государямъ, и государствамъ въ ихъ критическіе дни. Въ 1808 г. Буксгевденъ удачно воевалъ въ Финляндіи, Шведы дрались превосходно, поселенныя войска составляли ихъ аріергардъ. Когда наша армія успѣла выбить непріятеля изъ сильныхъ позицій и быстро устремилась все впередъ, когда заняли берегъ Ботническаго залива далѣе Або и дальше Гангуда, тѣ полки, поселенные въ окрестностяхъ Гельсингфорса, около Куопіо и въ Кареліи, оставили свою армію и всѣ передались намъ; измѣна тутъ не дѣйствовала. «Въ вашей уже власти наши домы, наши дѣти и жены; зачѣмъ намъ быть вашими непріятелями? Зачѣмъ намъ драться противу васъ? Пусть сражается, кто хочетъ; мы лучше станемъ за васъ, нежели противу васъ?» были слова ихъ. Примѣръ опасности, предстоящій въ роковое время государству и воину-селянину: они самые по мановенію новаго вождя охотно устремятся въ бой противу своихъ соотечественниковъ, когда умѣютъ воспользоваться ихъ расположеніемъ духа, увѣрятъ ихъ, что ихъ жены и

дѣти будутъ приняты въ особое покровительство и защиту, дадутъ денегъ и не постыдятся напечатать прокламацію, что такой-то кантонъ на всегда присоединяется къ Имперіи, великой, славной и которая никогда сама не начинаетъ войны, какъ развѣ только для своей защиты, и проч. Скажемъ два слова по военному: положимъ операціонною линіею военныхъ дѣйствій рѣку Волховъ; искусство переходить рѣки доведено на верхъ совершенства, непріятель или обходитъ пунктъ такихъ-то высотъ, или гдѣ захочетъ пробьется на растянутой дистанціи. Ежели какой либо генералишко будетъ такъ простъ, что вездѣ разставитъ солдатъ и станетъ продолжать все далѣе по Тверскому ли тракту, или выдетъ на Псковскую и Петербургскія дороги, думаете ли вы, что тогда Новгородскіе поселяне пойдутъ съ ретирующеюся арміею за черту своего жилища? Ихъ, какъ говорится, и калачемъ не заманишь; они останутся въ своихъ домахъ, что̀ бы и всякій на мѣстѣ ихъ сдѣлалъ и по врожденному нерасположенію къ Русскимъ, кои оскорбили ихъ, готовы передаться первому, который предложитъ имъ свободу, независимость и все, что̀ дѣлается въ подобныхъ случаяхъ.

На счетъ монархіи: молодыхъ людей начинаютъ учить въ поселеніяхъ грамотѣ. Захочетъ ли простолюдинъ съ просвѣщеніемъ повиноваться слѣпо ...., какъ теперь дѣлаютъ бѣдные крестьяне, съ коихъ стригутъ шерсть и продаютъ мясо?

Всѣ поселенія исключены платить подати, не несутъ въ государствѣ никакихъ повинностей. Откуда сыщется сумма пополнить столь важную отрасль доходовъ? И не потерпятъ ли сосѣдніе помѣщичьи и экономическіе крестьяне въ сто, въ тысячу разъ больше въ проводѣ колодниковъ, въ почтовой гоньбѣ, починкѣ дорогъ и проч.?

Казна всѣхъ поселянъ одѣваетъ въ форменное платье. Извѣстно, что всякій стоитъ больше 100 рубл., мундиръ, панталоны зимніе и лѣтніе, шинель, бѣлье, сапоги, киверъ и проч.; все это составитъ расходъ довольно важный. И здѣсь двѣ невыгоды: первая, что правительство лишается отъ нихъ податей, а другая, что оно же тратится, чтобы ихъ одѣть, обуть и почти кормить. Что̀ за польза, когда землепашецъ въ глуши станетъ пахать, косить, боронить, рубить дрова, копать огородъ, колодцы, жечь уголья непремѣнно въ форменной фуражкѣ и шинели съ эполетами дивизіи? Или тотъ же бы самый человѣкъ работалъ, какъ ему свободнѣе, въ рубашкѣ пестрой, въ тулупѣ ли? Можетъ быть, думаютъ, что безплодная, неблагодарная земля у насъ на Сѣверѣ тогда больше дастъ плода, когда за сохою станетъ потѣть несчастливецъ, лишенный не токмо свободы, спокойствія, но и національной одежды, которая въ моихъ глазахъ несравненно лучше этихъ шутовскихъ кафтановъ проклятаго Нѣмецкаго исчадія.

Послѣдняя статья (но она есть первая), чѣмъ держатся престолы и народы есть нравственность, мать религіи .... Метафизики, пробѣжавшіе дважды изъ края до другаго черезъ Европу, вездѣ извлекая все дурное, какъ человѣкъ на походѣ, даже тщеславящіеся, если кто искуснѣе обокралъ своего хозяина, чаще съ ними дрался, чаще бурлилъ, чаще бывалъ пьянъ, а разумѣется и битъ, больше насильствовалъ дѣвушекъ, больше, отнимая, уводилъ женъ, грабилъ, кидалъ ихъ и заразилъ даромъ спутниковъ Колумба,—эти философы или, по просту сказать, разбойники большихъ дорогъ, толпами введены въ селенія, жилища добрыхъ Русскихъ крестьянъ. Какой успѣхъ, можно надѣяться, принесутъ ихъ уроки во всемъ и даже въ семейной жизни? Не угаснетъ ли тѣмъ сильнѣе привязанность къ вѣрѣ? Въ нашихъ же деревняхъ, какъ нарочно, опредѣляютъ самыхъ преглупыхъ поповъ; пастыри не въ состояніи пасти стадо; но пастыри, какъ я насмотрѣлся, страхъ какъ любятъ хмѣльное. Солдаты, сіи строгіе гонители водки и вина (есть надежда), усовершенствуютъ священно и церковнослужителей въ семъ хвальномъ дѣлѣ.

Исторія о поселеніи кончена и мнѣ ужасть надоѣла; она заключаетъ мои Записки, ибо я отъ него-то бросилъ военную службу, которую всегда любилъ до изступленія. Осенью мнѣ велѣно пріѣхать въ Москву, гдѣ былъ графъ. 16-го числа Октября я поспѣлъ въ нее; на тележкѣ по дурной дорогѣ, съ больными руками, некогда было философствовать. Пріемъ былъ обыкновенный; графъ, казалось, не совсѣмъ былъ доволенъ, а между тѣмъ распространялся въ подробности, пропасть вздору и самаго мелочнаго вздору. Въ день пріѣзда я сдѣлался очень боленъ, сдѣлалось хуже, меня разбила дорога; тѣ непріятныя мысли, кои не давали мнѣ покою ни днемъ ни ночью, мысли, что служу исполнителемъ человѣка, всѣми презрѣннаго и исполняю должность противную моему характеру и чувствамъ, слѣдовали какъ собственная моя тѣнь, и я рѣшился взять отставку, а послѣ вступить въ службу, смотря по обстоятельствамъ. На другой день вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ отъ Государя его медикъ Я. В. Виллie, узнать о состояніи моего здоровья и помочь мнѣ. Я включаю сей случай, дабы заключить конецъ тѣмъ вниманіемъ Государя, коимъ я пользовался. Мнѣ сдѣлалось легче, я ѣздилъ къ графу, онъ былъ всегда ласковъ, иногда на самой дружеской ногѣ, иногда опять косился, гнусилъ, однимъ словомъ, опротивѣлъ мнѣ гораздо больше прежняго, и я держался стараго мнѣнія ни за что̀ не служить при немъ.

Изъ Москвы ѣхалъ саньми до Вышняго Волочка, а потомъ на колесахъ по Валдайскимъ горамъ и кое-какъ дотащился до Высокаго, а послѣ въ Петербургъ, гдѣ опять сдѣлался боленъ. Изъ села Высокаго

послалъ просьбу въ отставку. Ее долго волочили. Графъ бѣсился, привезъ ее съ собою въ Генварѣ мѣсяцѣ, когда былъ въ Грузинѣ, и прислалъ мнѣ сказать, что меня отставитъ безъ чина и мундира, ежели я буду настаивать о выходѣ прочь съ столь завиднаго поста. Я не думалъ, чтобы изъ одного каприза можно вредить офицеру, всегда служившему съ честію и еще около 2-хъ или 3-хъ недѣль удостоившемуся получить высочайшее вниманіе, однако по слухамъ и опыту зналъ мерзкій мстительный характеръ Аракчеева и, разсмотрѣвши, что я нисколько не теряю ни самъ для себя, ни въ мнѣніи людей, меня знавшихъ, настоятельно просилъ отставки за болѣзнію. Я получилъ ее 25 Генваря, какъ графъ обѣщалъ, однако не меньше крайне доволенъ, что развязался съ такимъ человѣкомъ, у котораго я никакъ не гожусь и не годился быть адъютантомъ.

Конецъ Записокъ.

Графъ Аракчеевъ учился во второмъ кадетскомъ корпусѣ, слѣд. нигдѣ не воспитывался. Ихъ было три брата; одинъ сумасшедшій умеръ, а меньшой въ Кіевѣ комендантомъ, одаренъ изобильною глупостію и падучею болѣзнію; Алексѣю Андреевичу по доброй частицѣ досталось отъ каждаго изъ братцевъ. Изъ корпуса, какъ увѣряли меня его товарищи, выпущенъ за *мало*знаніемъ наукъ въ армію порутчикомъ, ибо тогда только второй корпусъ давалъ офицеровъ въ инженеры и артиллерію. Послѣ директоръ корпуса нѣкто Грекъ Мелиссино взялъ его учителемъ и послѣ послалъ къ Павлу въ Гатчину. Изъ того мѣста, причинившаго въ послѣдствіи столь общей и частной гибели, вышелъ Аракчеевъ съ причетомъ. Въ день вступленія на престолъ Павла I онъ былъ маіоромъ, прилетѣлъ въ пукляхъ въ Петербургъ и на разводѣ откусилъ ухо гвардейскому солдату. Г. Кастерà въ своей Исторіи придаетъ ему имя le féroce Arakchéef: похвала лестная, да и подвиги немаловажны. Кастерà говоритъ, что Аракчеевъ въ Гатчинѣ изъ своихъ рукъ бивалъ офицеровъ; нѣтъ мудренаго, особливо ежели тѣ позволяли, ибо я очень знаю все его расположеніе и наклонность къ магнетизму подобнаго роду. Скоро потомъ его сдѣлали генераломъ, прогнали изъ службы, приняли въ службу, дали Грузинскую отчину на Волховѣ, прекрасное коронное имѣніе, въ коемъ слишкомъ 2000 душъ, потомъ опять выгнали, и такъ далѣе.

Вотъ все, что̀ я знаю о началѣ его. Ни предметъ Записокъ, ни душевное побужденіе не велятъ мнѣ писать о домашней жизни, какую онъ ведетъ и которая предосудительна всякому честному человѣку. Его девизъ (разумѣется не на печати) злость, гордость, подруга глупости,

и коварство. Лице его есть лучшая оттѣнка грязной, запачканной души. Но мнѣ онъ всегда казался смѣшенъ, ничего не читалъ въ молодости, пустота головы наполнена какими-то вздорами, которые въ нашемъ свѣтѣ слывутъ умѣніемъ дѣла. Любитъ наслажденія жизни, но не знаетъ наслаждаться, имѣетъ любовницу и заживо сдѣлалъ себѣ въ Грузинѣ гробницу съ слѣдующею надписью: Здѣсь погребенъ Новогородскій Русскій дворянинъ, графъ А. А. Аракчеевъ, род. 17 года, умеръ.... Какая логика, какъ будто бываютъ Новгородскіе *Японскіе* дворяне, или Бактріанскіе, или Суздальскіе? Человѣкъ, въ моихъ глазахъ столь марающій имя гражданина, отца семейства, брата или друга, что превышаетъ всѣхъ негодныхъ изъ самыхъ негодныхъ, о коихъ повѣствуетъ намъ Исторія и которую онъ никогда и не читывалъ Я бросаю перо и оканчиваю мои Записки.

1 Августа 1818 года,
С.-Петербургъ.

Записки инженеръ-капитана Мартоса въ подлинникѣ представляютъ собою довольно объемистую рукопись на 176 листахъ, написанную сравнительно мелкимъ, но разборчивымъ почеркомъ и хорошо сохранившуюся. Записки эти были случайно куплены покойнымъ Ярославскимъ историкомъ Вадимомъ Ивановичемъ Лѣствицынымъ въ Ярославлѣ на базарѣ вмѣстѣ съ другими рукописями (совершенно противоположнаго содержанія) и поступили послѣ его смерти въ собраніе И. А. Вахрамѣева. Подробнѣе объ этой рукописи сказано нами въ печатномъ „Описаніи рукописей, принадлежащихъ И. А. Вахрамѣеву“ вып. II, № 601, стр. 400—405. Въ самомъ началѣ на первомъ листѣ сверху, помѣчено: „2 Генваря 1818 С.-Петербургъ“, немного правѣе тѣмъ же почеркомъ: „писано 1816 года“; на послѣднемъ листѣ внизу: „1 Августа 1818 года С.-Петербургъ“. Языкъ Записокъ, для своего времени вполнѣ литературный, теперь конечно, уже нѣсколько устарѣвшій. Описаніе войны 1812 года составляетъ главный предметъ и главную часть Записокъ. Это описаніе, сдѣланное довольно искусною рукою, незамѣтно ведетъ читателя вмѣстѣ съ арміею съ Юга до Вильны, затѣмъ въ герцогство Варшавское и наконецъ въ Пруссію до Торна и Позена, откуда авторъ вмѣстѣ съ Чичаговымъ, сдавшимъ начальство Барклаю де-Толли, возвращается въ Россію. Авторъ началъ свои Записки о 1812 годѣ съ 6 Сентября и потому опустилъ описаніе Бородинской битвы, такъ какъ могъ подробно описать въ нихъ лишь дѣйствія 3-ей арміи. Для восполненія этого пробѣла онъ включаетъ въ свои мемуары Записку Барклая-де-Толли о военныхъ дѣйствіяхъ 1-й и 2-й Русскихъ армій. Мартосъ, вѣроятно, самъ перевелъ эту Записку съ Французскаго. Эта Записка, написанная слезами и кровью главнокомандующаго, отъ глубины сердца, „стѣсненнаго горестію“, поставляетъ главною своею задачей указать и доказать истинную причину неудачъ Русской арміи въ первую половину войны 1812 года.

Хотя исторія войны 1812 года въ настоящее время разработана довольно подробно, но во всякомъ случаѣ записки объ этой войнѣ лица́, бывшаго не только очевидцемъ ея, но и дѣятельнымъ участникомъ, никогда не могутъ оказаться лишними. *Андрей Титовъ.*

КЪ ИСТОРІИ ЕВРЕЙСТВА *).

XIV.

Если Евреи писатели, адвокаты и другіе, получивъ высшее образованіе на началахъ христіанства, не въ силахъ оставить племенныя черты своего характера, то Евреи купцы 1-й гильдіи, Русскіе и иностранные, а также ремесленники тѣмъ болѣе не могли измѣниться съ переселеніемъ во внутреннія губерніи Россіи. Не смотря на недавнее пребываніе въ этихъ губерніяхъ, они уже надѣлали тамъ много зла. Обличается вся ложь утвержденія Русско - Еврейской печати и нашихъ юдофиловъ, будто заниматься дурными дѣлами Евреевъ вынуждаетъ скученность ихъ въ чертѣ осѣдлости и недостатокъ въ честныхъ заработкахъ.

Стоитъ вспомнить о Евреяхъ - строителяхъ желѣзныхъ дорогъ и подрядчикахъ въ послѣднюю Турецкую войну. Кромѣ громадныхъ матеріальныхъ потерь, Россія понесла отъ ихъ дѣятельности и потерю людьми.

Послѣ крушенія 17 Октября 1888 года на Курско-Харьково-Азовской желѣзной дорогѣ, судебнымъ слѣдствіемъ и печатью было выяснено, что безпорядки и злоупотребленія при постройкѣ частныхъ желѣзныхъ дорогъ не могли бы развиться до ужасающихъ размѣровъ, если бы со стороны прежней администраціи Министерства Путей Сообщенія былъ за ними строгій надзоръ. Этимъ воспользовался для наживы весь разноплеменный и пестрый міръ спекуляторовъ и плутовъ, который занимался постройкой желѣзныхъ дорогъ въ былое время; но замѣчательно, что и въ этомъ однородномъ мірѣ людей первое мѣсто, по удивительной изобрѣтательности разныхъ мошенничествъ для обиранія казны и населенія, принадлежитъ Евреямъ. На дорогѣ производились воровство и порча товаровъ въ „весьма значительныхъ размѣрахъ". За порчу товаровъ и потерю ихъ правленіе дороги платило отправителямъ „ничтожную сумму". Контрактъ, заключенный съ артелью, дѣлалъ „потерю товаровъ, воровство ихъ и порчу выгодными для правленія" [1]) и т. д. Краснорѣчивымъ подтвержденіемъ этихъ данныхъ о безпорядкахъ и злоупотреб-

---

*) См. выше, стр. 369.

[1]) Одинъ артельщикъ, сужденный за воровство, сознался на судѣ, что у нихъ воровство было организовано: одни грабили мануфактурные товары, другіе — кожевенные, третьи — пшеницу и т. д. «Борьба Харьковскаго земства съ Харьково-Азовской желѣзной дорогой», историческій очеркъ Н. О. Сумцова. Новое Время 1888 г., № 4567.

леніяхъ, существовавшихъ на Курско-Харьково-Азовской дорогѣ [2]), служитъ то, что со времени открытія движенія на ней до 1889 года было около 200 несчастныхъ случаевъ и нѣсколько катастрофъ [3]).

Въ послѣднюю Турецкую войну, когда Евреи, по необъясненному до сихъ поръ довѣрію интендантства и высшихъ военныхъ властей, получили милліонные подряды, товарищество Грегеръ, Горвицъ и Коганъ посредствомъ стачки съ продавцами, большею частью Евреями, спекуляторами и факторами, установило на всѣ продукты высокія цѣны, которыя въ нѣсколько разъ превышали существующія, и все-таки поставляло продукты въ войска часто дурнаго качества и въ недостаточномъ количествѣ. По ревизіи, произведенной полевымъ контролемъ въ Румыніи, оказалось, что изъ 44 мѣстъ только въ 14-ти продукты были поставлены исправно и въ надлежащемъ количествѣ. Случалось при этомъ такъ, что произведенная сегодня ревизія склада находила все въ исправности, но повторенная ревизія того же склада, два-три дня спустя, находила уже недочетъ продуктовъ. Очевидно, товарищество постаралось въ это время перевезти продукты въ другой, неполный складъ. При ревизіи складовъ въ Александріи, Слатинѣ и Галацѣ оказалось продуктовъ на 30—40 процентовъ меньше того количества, какое товарищество должно было имѣть тамъ по контракту. Вина̀, напр., не оказалось ни въ одномъ складѣ, ячменя, вмѣсто 79,000 четвертей, нашлось 6.000 четв. и пр. О многочисленныхъ нарушеніяхъ контракта и злоупотребленіяхъ товарищества, обнаруженныхъ полевымъ контролемъ, генералъ-контролеръ подалъ начальнику штаба арміи Непокойчицкому докладную записку, въ которой совѣтовалъ отдать поставку продовольствія для каждой части арміи отдѣльно мелкимъ подрядчикамъ [4]). Съ развитіемъ военныхъ дѣйствій, послѣ перехода арміи за Дунай, товарищество вовсе не доставляло продуктовъ во многія мѣста нахожденія отрядовъ, и они продовольствовались сами. Агенты товарищества—почти всѣ Евреи, пустились на всевозможные обманы Болгаръ для пріобрѣтенія отъ нихъ продуктовъ. Одни агенты, ссылаясь на приказъ высшей военной власти, вынуждали ихъ продавать имъ продукты вдвое и даже втрое дешевлѣ, чѣмъ они наканунѣ продавали войскамъ, другіе—доходили до такой наглости, что брали у Болгаръ продукты реквизиціоннымъ порядкомъ [5]). Наконецъ неисправность и злоупотребленія товарищества дошли до того, что въ Октябрѣ 1877 г. главнокомандующій разрѣшилъ войскамъ, въ случаѣ крайности, самимъ покупать хлѣбъ [6]). По вредъ, причи-

---

[2]) Поневолѣ вспомнишь, какъ одинъ шутникъ такъ прочелъ буквы, которыя пишутся на всѣхъ вагонахъ этой дороги: К. Х. А. Ж. Д.—«Кому худо, а Жидамъ добро».

[3]) «Русскій Календарь» на 1889 г. Новое Время 1888 г. № 4607.

[4]) Новое Время 1877 г., № 559.

[5]) Новое Время 1877 г., №№ 559 и 585.

[6]) Новое Время 1877 г., №№ 595 и 597. Въ Октябрѣ же 1877 г. былъ отчисленъ отъ должности главнаго интенданта арміи Аренсъ — авторъ контракта съ товариществомъ Грегеръ, Горвицъ и Коганъ. Правительственный Вѣстникъ 1877 г. № 227 и «Голосъ» 1877 года № 247.

ненный товариществомъ войскамъ и успѣху войны, этимъ не ограничился: полчища Евреевъ агентовъ и подрядчиковъ доставляли свѣдѣнія о нашей арміи Турецкимъ шпіонамъ. Это сообщено первоначально „Новымъ Временемъ", а послѣ подтверждено извѣстнымъ корреспондентомъ Макъ-Гаханомъ въ „Голосѣ" отъ 8 Ноября 1877 г. изъ Дальняго Дубняка [7]).

Участіе Евреевъ въ желѣзнодорожномъ строительствѣ и въ подрядахъ, въ послѣднюю Турецкую войну, создало Евреевъ-милліонеровъ, которыхъ до этого въ Россіи почти не было. Оставшись послѣ желѣзнодорожной строительной горячки и Турецкой войны съ праздными капиталами, въ смыслѣ полученія на нихъ большихъ процентовъ, они принялись за устройство акціонерныхъ, поземельныхъ и другихъ банковъ, подъ прикрытіемъ Русскихъ, нерѣдко титулованныхъ, спекуляторовъ. Такіе банки, разумѣется, большой вредъ. Вспомнимъ про дѣятельность Евреевъ купцовъ по содержанію банкирскихъ конторъ и ссудныхъ кассъ, практиковавшихъ преимущественно въ средѣ бѣднаго Русскаго люда, который не былъ знакомъ съ Еврейскими мошенничествами въ этомъ любимомъ занятіи Евреевъ и относился къ содержателямъ банкирскихъ конторъ и ссудныхъ кассъ съ полнымъ довѣріемъ. Какъ видно изъ судебныхъ дѣлъ о несостоятельностяхъ Еврейскихъ банкирскихъ конторъ, онѣ устраивались многими Евреями съ цѣлью различными операціями (принятіемъ вкладовъ на проценты, исполненіемъ разныхъ порученій владѣльцевъ цѣнностей, по ихъ продажѣ, обмѣну и проч., а главнымъ образомъ продажею въ разсрочку билетовъ выигрышныхъ займовъ) собирать деньги, преимущественно, отъ провинціальныхъ кліентовъ и присвоивать ихъ себѣ. Такъ недавно поступали владѣльцы банкирскихъ конторъ Евреи Кана и Зингера, изъ которыхъ, по несостоятельности въ 1889 году, первый бѣжалъ за границу, а второй (владѣвшій конторами въ Петербургѣ и въ Москвѣ) былъ привлеченъ съ соучастниками въ операціяхъ двумя Евреями къ судебной отвѣтственности и обвиненъ съ ними Петербургскимъ Окружнымъ Судомъ въ многочисленныхъ растратахъ [8]). Эти послѣдніе крахи банкирскихъ конторъ, при которыхъ пострадало множество бѣдныхъ людей, уплатившихъ въ одну контору Кана въ Петербургѣ около полумилліона рублей за купленные въ разсрочку выигрышные билеты, побудили Министерство Финансовъ, между прочимъ, издать правило, по которому отъ банкировъ отбирается обязательство имѣть въ наличности всѣ продаваемые ими въ разсрочку выигрышные билеты [9]).

Дѣятельность Еврейскихъ ссудныхъ кассъ подъ залогъ движимости также ознаменовалась разными мошенническими продѣлками и ростовщическими процентами. Особенно много ссудныхъ кассъ было открыто Евреями въ Москвѣ, какъ въ самомъ большомъ торгово-промышленномъ городѣ въ Россіи. Изъ статистическихъ свѣдѣній 1886 года о ссудныхъ кассахъ Москвы

---

[7]) Новое Время 1877 г., № 557 и «Голосъ» 1877 г. № 284.

[8]) Новое Время 1890 г., №№ 5321 и 5322.

[9]) Новое Время 1889 г., №№ 4665 и 4895.

(Извѣст. Москов. Город. Думы 1886 г. I, вып. 2) видно, что въ нихъ ежегодно поступало болѣе 500,000 закладовъ, а сумма выдаваемыхъ подъ залогъ ссудъ превышала 5 мил. рублей, при условіяхъ уплаты за ссуды до 60% годовыхъ [10]). Эти проценты легли страшнымъ налогомъ на многочисленное рабочее населеніе Москвы, а тутъ еще въ Еврейскихъ кассахъ часто случались пожары, при которыхъ пропадала значительная часть заложенныхъ цѣнныхъ вещей. Вмѣстѣ съ закладчиками несли убытки и страховыя общества, изъ которыхъ большая часть, въ виду происходившихъ не разъ поджоговъ ссудныхъ кассъ, перестала принимать страховку ихъ, особенно содержимыхъ Евреями [11]).

Въ Петербургѣ также открылось много Еврейскихъ ссудныхъ кассъ; но въ послѣдніе годы дѣятельность ихъ была сначала ограничена предложеніемъ градоначальника взимать за выдаваемыя ссуды проценты вмѣсто 10—8 к. въ мѣсяцъ, не болѣе 5—6 к. и представлять залогъ въ 15,000 р. для открытія кассы. Потомъ значительная часть Еврейскихъ ссудныхъ кассъ была закрыта, такъ что общее число ихъ въ 1889 г. болѣе чѣмъ на половину уменьшилось. Открытіе новыхъ ссудныхъ кассъ разрѣшается лицамъ только не Еврейскаго происхожденія съ условіемъ, чтобы общая сумма взимаемыхъ процентовъ за ссуду и храненіе ни въ какомъ случаѣ не превышала 3 к. съ рубля въ мѣсяцъ, т.-е., чтобы ссудныя кассы взимали на одну коп. болѣе, чѣмъ взимаютъ столичный и частный ломбарды и общество для заклада движимыхъ имуществъ [12]).

Если въ столицахъ Евреи-содержатели ссудныхъ кассъ не стѣснялись брать за ссуды ростовщическіе проценты, то въ провинціи они держали себя въ этомъ отношеніи еще развязнѣе. Такъ корреспондентъ „Голоса", въ 1873 г. писалъ изъ г. Орла, что Еврей Нейманъ, открывъ ссудную кассу, первоначально взималъ по 72% въ годъ подъ залогъ золота и по 108%—подъ залогъ другихъ предметовъ, а вскорѣ сталъ брать подъ золото 96% и подъ прочее „по условіямъ" до 144% въ годъ. Каковы могли быть эти условія, можно судить по тому, что Нейманъ чуть-ли не ежедневно судился за разные неблаговидные поступки [13]). Но въ провинціальныхъ городахъ, по недостаточности и слабости полицейскаго надзора, вмѣсто гласныхъ ссудныхъ кассъ, для открытія которыхъ нужно все-таки платить разные сборы, болѣе практикуются тайныя ссудныя кассы, содержимыя Евреями—мнимыми ремесленниками.

Къ вредной дѣятельности купцовъ Евреевъ мы должны отнести и прямое ихъ занятіе — торговлю, потому что она ведется многими изъ нихъ съ тѣми же нарушеніями и обходами законовъ, съ какими ведется и въ чертѣ постоянной осѣдлости. Нарушали законы Евреи-купцы прежде всего тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ занимались продажей контрабандныхъ товаровъ. Напримѣръ, въ Петербургѣ, по обыску, произведенному въ 1882 г. таможенными чиновниками въ оптовыхъ складахъ и магазинахъ купца Еврея Гуре-

[10]) Н. Вр. 1885 г., № 3533. Русск. Вѣд. 1889 г. № 290.—[11]) Тоже 1886 г. № 157. — [12]) Тоже 1889 г. № 225.—[13]) Голосъ 1873 г. № 104.

вича на Большой Садовой, было найдено много контрабандныхъ товаровъ, которые онъ держалъ и пускалъ въ продажу. Дѣло объ этомъ, по иску таможеннаго вѣдомства, было разсмотрѣно Петербургскимъ Окружнымъ Судомъ, который приговорилъ Гуревича къ уплатѣ пени въ размѣрѣ 27,000 р., сверхъ конфискаціи задержанныхъ товаровъ [14]). О значительности Еврейской торговли контрабандными товарами въ Москвѣ мѣстная печать сообщала не разъ. Она указывала, что контрабанда продавалась Евреями въ гостинницахъ и подворьяхъ пріѣзжающимъ изъ провинціи [15]) и доставлялась ими соплеменникамъ, которые занимались ремеслами [16]); Евреи же сбытчики контрабанды вѣроятно получали ее изъ складовъ въ многочисленныхъ Еврейскихъ лавкахъ въ Зарядьѣ и въ прилегающихъ къ нему переулкахъ. О существованіи въ этомъ центрѣ Еврейской торговли въ Москвѣ складовъ контрабанды мы слышали отъ лицъ хорошо знающихъ Москву и имѣемъ указаніе печати. Одинъ достовѣрный свидѣтель заявилъ въ 1889 г. корреспонденту „Новаго Времени", что „по цѣлымъ днямъ въ иныя лавки хотя бы кто заглянулъ; за то какъ только вечеръ, такъ начинается лихорадочное движеніе: привозятъ тюки, шныряютъ люди, и такъ до глубокой ночи. Взглянешь, напримѣръ, на дрянную лавченку мѣховщика и на привезенные туда тюки и поневолѣ задашь себѣ вопросъ: неужели все это мѣха? и какъ сюда можетъ попасть такое богатство, и зачѣмъ непремѣнно вечеромъ [17])!..." Нѣтъ сомнѣнія, что Московскіе Еврейскіе склады контрабандныхъ товаровъ, которые по сообщенію „Московскаго Листка" привозились въ Москву Евреями въ багажѣ по Московско-Брестской желѣзной дорогѣ [18]), не ограничивались сбытомъ ихъ только въ Москвѣ, а разсылали для продажи въ провинціальные города и что, такимъ образомъ, Москва служила центральнымъ складомъ контрабандныхъ товаровъ. Изъ Москвы привозились контрабандные товары и на Нижегородскую ярмарку, на которой Евреи ремесленники ихъ сбывали и въ 1891 г. [19]).

Другія нарушенія и обходы законовъ Евреями торговцами, приносящія неисчислимый вредъ казнѣ и Русскимъ купцамъ, происходятъ отъ занятія многихъ тысячъ Евреевъ торговлей безъ правъ на нее и выкупа торговыхъ документовъ, и подъименной. По сообщенію „Сына Отечества", въ Петербургѣ есть много торговыхъ фирмъ, пользующихся услугами иностранноподданныхъ Евреевъ, которые не испрашиваютъ разрѣшеній на производство торговли въ Министерствахъ Внутреннихъ и Иностранныхъ Дѣлъ и Финансовъ и не берутъ свидѣтельствъ 1-й гильдіи, что̀ требуется закономъ [20]); а изъ приказа Петербургскаго градоначальника въ 1887 г. видно, что Евреи занимались въ Петербургѣ подрядами и поставками, чѣмъ запрещено имъ заниматься въ столицахъ [21]). Въ Москвѣ, въ 1888 г. Купеческой Управой было обнаружено, что Евреи Полонскій и Гольдерарбъ торговали въ лавкахъ,

---

[14]) Н. Вр. 1885 г. № 3269. — [15]) Моск. Лист. 1886 г. № 226 и 1887 г. № 297. — [16]) Тоже 1889 г. № 76 и 1891 г. № 110.— [17]) Н. Вр. 1889 г. № 4717.— [18]) Моск. Лист. 1890 г. № 75.— [19]) Тоже 1891 г. №№ 224 и 239.— [20]) Сынъ От. 1890 г. № 248. — [21]) Моск. Лист. 1887 г. № 56.

въ центрѣ города, въ продолженіи года, безъ документовъ. Объ этомъ былъ составленъ протоколъ и дано знать полиціи, которая, прибывъ на другой день въ Еврейскія лавки, товара въ нихъ уже не нашла: Евреи успѣли его вывезти куда-то ночью и сами скрылись. Коммиссія, осматривавшая мастерскія и торговли драгоцѣнными издѣліями въ Москвѣ въ 1890 г., открыла, между прочимъ, что одинъ Еврей, неимѣющій даже права жительства въ Москвѣ, торговалъ тайно такими вещами нѣсколько лѣтъ на крупныя суммы. Въ 1891 г. владѣльцы дровяныхъ складовъ у Прѣсненской заставы, въ письмѣ, напечатанномъ въ „Московскомъ Листкѣ", жаловались, что Евреи, привозящіе дрова въ Москву по Московско-Брестской желѣзной дорогѣ, торгуютъ ими безъ всякихъ правъ, не уплачивая никакихъ налоговъ [22]). Намъ извѣстно, что Евреи купцы занимаются поставками на нѣкоторыя желѣзныя дороги въ Москвѣ строительнаго матеріала, преимущественно изъ Минской губерніи, и другихъ предметовъ, не имѣя на это права.

Увеличивавшаяся изъ года въ годъ незаконная торговля Евреевъ на Нижегородской ярмаркѣ и вообще вредная ихъ дѣятельность, вынудила, наконецъ, въ 1886 г. купечество обратиться къ губернатору съ просьбой объ ограниченіи наплыва Евреевъ на ярмарку [23]). По распоряженію губернатора была образована спеціальная коммиссія для провѣрки правъ торгующихъ и промышляющихъ на ярмаркѣ Евреевъ, которая въ 1888 г. выслала 600 чел. и пріостановила наплывъ Евреевъ, такъ что число ихъ на ярмаркѣ, обыкновенно доходившее до 5—6 т., уменьшилось до тысячи. Купцамъ 1-й гильдіи изъ Евреевъ дозволено коммиссіей имѣть на ярмаркѣ лишь опредѣленное количество приказчиковъ, а купцамъ 2-й гильдіи торговля воспрещена совсѣмъ. Строгій контроль за Евреями и въ послѣдующіе годы много уменьшилъ ихъ незаконную торговлю, но разумѣется не могъ ее уничтожить [24]).

Въ 1888 г. въ г. Ельцѣ, по случаю давняго скопленія въ немъ значительнаго числа Евреевъ, мѣщанское общество собрало сходъ, на которомъ единогласно постановило: поручить мѣщанскому старостѣ Кожухову возбудить установленнымъ порядкомъ ходатайство о выдвореніи изъ г. Ельца всѣхъ тѣхъ Евреевъ, которые по закону не имѣютъ права проживать въ немъ По собраннымъ мѣщанскимъ обществомъ свѣдѣніямъ оказалось, что изъ числа проживающихъ въ Ельцѣ Евреевъ выбираютъ свидѣтельства 1-й гильдіи—3; 2-й—6; промысловыхъ свидѣтельствъ за установленную плату 6 и 12 безплатныхъ; ремесленныхъ свидѣтельствъ—30. Всего выбираетъ разныхъ документовъ 57 Евреевъ, а всѣхъ ихъ проживаетъ въ Ельцѣ 604 чел. мужескаго пола, которые занимаются главнымъ образомъ торговлею хлѣбомъ [25]).

Въ г. Царицынѣ также давно начался наплывъ Евреевъ, въ большинствѣ занимавшихся торговлею и посредничествомъ безъ торговыхъ документовъ. Для прекращенія этого въ 1888 г., торговой депутаціей сдѣлана провѣрка

---

[22]) Моск. Лист. 1888 г. № 24 и 1891 г. № 233. «Сынъ Отечества» 1890 г. № 155.—[23]) Тоже 1886 г. № 236.—[24]) Н. Вр. 1888 г. №№ 4479 и 4483; 1890 г. № 5175 и 1891 г. № 5538.—[25]) Моск. Лист. 1888 г. № 181. Новое Время 1888 г. № 4500.

правъ Евреевъ, которая въ томъ же 1888 г. и въ 1889 г. повела къ высылкѣ болѣе 300 чел. [26]); но уже въ Ноябрѣ 1890 г. внезапно явившійся въ Царицынъ чиновникъ Саратовской Казенной Палаты составилъ до 300 актовъ о незаконности торговли и промысловъ Евреевъ [27]).

Еврей-купецъ 1-й гильдіи, имѣя право содержать для торговли до 12-ти приказчиковъ, раздаетъ довѣренности на это званіе своимъ единовѣрцамъ, которые ведутъ торговлю самостоятельно. Эти подложные приказчики платили прежде за каждую довѣренность отъ 150 до 250 р., а въ послѣдніе годы платятъ 600 р. и даже 1000 р. Въ 1887 г., въ Москвѣ было обнаружено нѣсколько такихъ Евреевъ, жившихъ въ ней по 25—30 лѣтъ и перемѣнявшихъ только довѣренности съ окончаніемъ срока [28]). Нѣкоторые же изъ нихъ, открывая торговлю въ Москвѣ отъ своего имени, забирали у Русскихъ купцовъ товары въ долгъ на себя на значительныя суммы и безслѣдно скрывались. Особенно широко практиковалась Евреями подъименная торговля въ Кіевѣ. Тамъ, какъ видно изъ корреспонденціи г Молчанова въ „Новомъ Времени", каждый купецъ 1-й гильдіи открывалъ десять лавокъ и, беря нѣсколько свидѣтельствъ 2-й гильдіи, открывалъ на каждое—еще по пяти лавокъ. Такимъ образомъ были въ Кіевѣ Евреи, владѣвшіе по праву 30—40 магазинами самаго разнообразнаго свойства. Въ дѣйствительности же такой Еврей ничѣмъ не торговалъ, а лишь покрывалъ своими гильдейскими свидѣтельствами настоящихъ Евреевъ-торгашей, не имѣвшихъ права на жительство въ городѣ. Осенью 1891 г., въ Кіевѣ было закрыто администраціей до 150 Еврейскихъ винныхъ лавокъ и трактировъ, въ большей части которыхъ производилась Евреями подъименная торговля [29]).

Еще болѣе дурныхъ свѣдѣній сообщила печать о самомъ производствѣ торговли Евреями, преимущественно о хлѣбной торговлѣ, важнѣйшей въ Россіи. Изъ статьи г. И. Иванюшенкова „Перегрузъ и провѣсъ", въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" въ 1889 году и свѣдѣній о хлѣбной торговлѣ въ Либавѣ, собранныхъ въ 1888 г. предсѣдателемъ Курскаго отдѣла Московскаго общества сельскаго хозяйства Б. И. Гладковымъ, оказывается, что многомилліонная отпускная торговля хлѣбомъ въ Балтійскихъ портахъ, главнымъ образомъ, въ Либавѣ, уже сосредоточена въ мелкихъ рукахъ, преимущественно Еврейскихъ, работающихъ при помощи Еврейскихъ же дисконтерскихъ конторъ. Все дѣло ведется на коммиссіонномъ началѣ, и зерновыя хлѣбныя отправки не носятъ и не имѣютъ опредѣленной фирмы [30]). Разсѣянные по всѣмъ станціямъ желѣзныхъ дорогъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ Евреи, мелкіе агенты большихъ Евреевъ, живущихъ въ Либавѣ и въ другихъ портахъ, выдаютъ хлѣбоотправителямъ ссуды и забираютъ у нихъ желѣзнодорожныя квитанціи, которыя отправляютъ своимъ патронамъ съ порученіемъ продать хлѣбъ. Эти патроны или большіе коммиссіонеры, со-

---

[26]) Н. Вр. 1888 г. № 4600 и 1889 г. № 4791.—[27]) Моск. Лист. 1890 г. № 362.—[28]) Н. Вр. 1887 г. № 4228. Моск. Лист. 1888 г. № 24.—[29]) Н. Вр. 1890 г. № 5258 и 1891 г. № 5632.—[30]) Моск. Вѣд. 1889 г. № 206.

ставляя счеты о продажѣ хлѣба, никогда не указываютъ кому хлѣбъ проданъ, дѣлая это умышленно, дабы лишить кліентовъ возможности провѣрить ихъ дѣйствія. Уменьшая въ счетахъ цѣну проданнаго хлѣба, коммиссіонеръ не стѣсняется также и уменьшеніемъ общаго вѣса. Такъ вагонъ овса, отправленный изъ селенія Прохоровки, по квитанціи № 1586, взвѣшенный на станціи отправленія и оказавшійся вѣсомъ въ 657 пудовъ 15 фунтовъ, въ счетѣ Либавскаго коммиссіонера былъ показанъ только въ 601 пудъ. Подобныхъ примѣровъ собрано г. Гладковымъ множество [31]). Въ погонѣ за наживой, Евреи еще портятъ хлѣбъ: пескомъ, соромъ, куколемъ и другими подмѣсями. Изъ офиціальныхъ свѣдѣній о степени засоренія хлѣбныхъ грузовъ, отправлявшихся изъ южныхъ портовъ Россіи за границу въ навигацію 1891 г., между прочимъ, оказалось: въ Одесскомъ портѣ было взято 152 образца хлѣбовъ, въ томъ числѣ 59 пшеницы, 33 ржи и 60 ячменя. Изъ 59 пробъ пшеницы были засорены 31; изъ нихъ 17 заключали въ себѣ посторонней примѣси 22%, 10 пробъ 15% и остальныя нѣсколько менѣе. Изъ 33 образцовъ ржи оказались засоренными 27, изъ нихъ 20 содержали въ себѣ сора 26%, 10—12%. Изъ 60 пробъ ячменя, 24 содержали въ себѣ 29% сора, 14 образцовъ 16%, 10—12% [32]). Даже для голодавшаго населенія въ 1891 г. Евреи юго-западныхъ губерній продавали агентамъ земства хлѣбъ съ подмѣсями [33]), такъ что правленіе юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ огражденіе себя отъ обвиненія въ порчѣ хлѣбныхъ грузовъ, распорядилось, чтобы начальники станцій, въ случаяхъ доставки на станціи испорченнаго хлѣба, составляли протоколы и брали опечатанныя пробы съ каждаго вагона такого хлѣба. Когда образцы хлѣба для голодающихъ, на станціяхъ Бирзулѣ, Мордаровкѣ и Чубовкѣ, подверглись анализу въ лабораторіи Новороссійскаго университета, то въ одномъ оказалось 20,3 процен. куколя, въ другомъ—16,9, въ третьемъ—60,4 [34])! Кромѣ порчи хлѣба, покупка его Евреями во внутреннихъ губерніяхъ сопровождается эксплуатаціей и обманами, какъ и въ чертѣ осѣдлости. Въ Курской губерніи Евреи опутали условіями и векселями большую часть помѣщиковъ, и иныхъ довѣрчивыхъ окончательно разорили. Изъ г. Ельца, въ семидесятыхъ годахъ, бѣжали Евреи Мавшенсонъ, Копылевскій, Гуревичъ, Твинъ и многіе другіе, захвативъ у мѣстныхъ торговцевъ хлѣба болѣе чѣмъ на 200,000 р.; въ концѣ 1890 г. бѣжалъ Еврей Шапиро, захвативъ хлѣба на 120,000 р. [35]). А примѣромъ, какъ Евреи обманываютъ крестьянъ, можетъ служить корреспонденція изъ г. Оренбурга, помѣщенная въ „Новомъ Времени", въ которой сообщено, что въ Іюнѣ 1891 г. масса Евреевъ скупала у крестьянъ Оренбургской губерніи хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ такимъ образомъ: сторговавъ хлѣбъ, Евреи отказывались отъ него подъ предлогомъ паденія цѣнъ и уѣзжали, а остававшійся ихъ соучастникъ покупалъ хлѣбъ у обманутыхъ крестьянъ по цѣнѣ, вдвое дешевлѣ [36]).

---

[31]) Н. Вр. 1888 г. № 4410.—[32]) Н. Вр. 1891 г. № 5679.—[33]) Н. Вр. 1891 г. №№ 5657 и 5658. Сынъ От. 1891 г. № 346.—[34]) Нов. Вр. 1891 г. № 5665. Сынъ От. 1892 г. № 17.—[35]) Нов. Вр. 1889 г. № 4965 и 1891 г. № 5483.—[36]) Нов. Вр. 1891 г. № 5517.

Г. Гладковъ заявляетъ, что, благодаря Евреямъ „много Курскихъ купцовъ окончательно разорилось, а кто еще не успѣлъ обанкротиться, тотъ работаетъ исключительно на Евреевъ, прижимая всѣми силами продавца, какъ помѣщика, такъ и крестьянина [37]).

Гораздо ранѣе чѣмъ въ другихъ городахъ, лежащихъ внѣ черты осѣдлости, Евреи постепенно завладѣли торговлей въ Кіевѣ, чему особенно способствовало устройство Кіево-Брестской желѣзной дороги, по которой они стали ввозить товары изъ Царства Польскаго, вытѣснивъ изъ Кіева Московскіе. Въ 1890 г. въ Кіевѣ числилось купцовъ 1-й гильдіи: Русскихъ—только 20, а Евреевъ—190, которые уже завладѣли торговлей, банками и биржей и были отчасти до послѣдняго времени хозяевами и въ городской думѣ, значительно понизившей оцѣнку принадлежащихъ имъ домовъ [38]). Въ Царицинѣ Евреи захватили отправку въ западныя и южныя губерніи Бакинскаго керосина, доставляемаго до Царицына въ Волжскихъ наливныхъ судахъ, соли и Астраханскихъ уловокъ [39]). Евреи забрались даже въ самую Астрахань, гдѣ стали закупать рыбу на мѣстѣ промысловъ, заготовлять рыбный товаръ и нанимать ловцовъ, преимущественно побѣднѣе, опутывая ихъ убыточными контрактами [40]). Въ Пензѣ и Смоленскѣ Евреи захватили отъ мѣстныхъ купцовъ торговлю хлѣбомъ, саломъ, пенькою и другими товарами [41]). Въ Оренбургѣ, благодаря принадлежности Оренбургской желѣзной дороги Еврейской акціонерной компаніи, Еврейское населеніе съ 700 чел., возрасло въ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ до 5000 чел. „Въ душистый липовый медъ Евреи стали подмѣшивать муку и еще какой-то суррогатъ, въ деревянное масло подливать керосинъ, въ керосинъ—воду; чай фабриковывать на всѣ лады, смѣшивая его съ иванъ-чаемъ, со спитымъ и съ копоркой“ и т. д. На улицѣ города Николаевской всѣ лавки и магазины принадлежатъ Евреямъ, и если Русскій купецъ открываетъ магазинъ между Еврейскими магазинами, то Евреи выживаютъ его посредствомъ пониженія цѣнъ на товары [42]). Еврейская торговля въ Москвѣ достигла значительныхъ размѣровъ по двумъ предметамъ: по торговлѣ готовымъ дешевымъ платьемъ, и по покупкѣ и продажѣ старья. Еврейскія лавки съ послѣднимъ, главнымъ образомъ, пріютились на Грачевкѣ [43]), гдѣ многочисленные трактиры и кабаки посѣщаются Московскими ворами и темнымъ людомъ. Вообще, въ Москвѣ, при массѣ Русскаго купечества, число Евреевъ купцовъ и участіе ихъ въ торговлѣ пока незначительно. Въ Петербургѣ же Евреевъ купцовъ 1-й гильдіи въ 1889 г. числилось 118 на 205 Русскихъ, и они уже оказываютъ гибельное вліяніе на дѣятельность Петербургской биржи [44]).

---

[37]) Нов. Вр. 1888 г. № 4410.—[38]) Нов. Вр. 1885 г. №№ 3179 и 3218 и 1890 г. №№ 5258 и 5270.—[39]) Нов. Вр. 1889 г. № 4791 и 1890 г. № 5149. Моск. Лист. 1890 г. № 351 и 1891 г. № 109.—[40]) Нов. Вр. 1889 г. № 4801 и 1890 г. № 5053.—[41]) Сынъ От. 1890 г. № 285. Нов. Вр. 1890 г. № 5038.—[42]) Нов. Вр. 1889 г. № 4941. Моск Лист. 1891 г. № 175.—[43]) Моск. Лист. 1887 г. № 297 и 1891 г. № 100.—[44]) Нов. Вр. 1890 г. №№ 5106 и 5213.

XVI.

Въ Московское государство до присоединенія къ нему части Малороссіи по лѣвую сторону Днѣпра Евреевъ не пускали вовсе, главнымъ образомъ, какъ закоренѣлыхъ враговъ христіанства и вѣроятно отчасти и по экономическимъ причинамъ, такъ какъ правительству не могло быть неизвѣстно, что Евреи въ сосѣднихъ областяхъ Польши захватили въ свои руки торговлю и промыслы Этотъ строгій карантинъ на границахъ Московскаго государства противъ распространенія въ немъ Іудейской нравственной и экономической проказы спасъ его отъ участи, которая постигла Польшу.

Взгляда Московскихъ царей на враждебность Евреевъ къ христіанамъ и на ихъ вредоносность держались императоръ Петръ Великій и его преемники до императрицы Екатерины II, которая сдѣлала отъ него рѣзкое отступленіе подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ западной Европѣ началъ Французской философіи о разумѣ и естественныхъ правахъ человѣка. Въ нѣсколькихъ указахъ Императрица высказала мнѣніе, что Евреи, какъ и всѣ подданные, должны пользоваться правами безъ различія религіи и народа, и въ городахъ областей, присоединенныхъ отъ Польши, они были подчинены общимъ для всей имперіи законамъ съ оставленіемъ кагаловъ только для духовныхъ дѣлъ. Но объявленная равноправность Евреевъ была примѣнена не вполнѣ, такъ какъ въ указѣ 23 Декабря 1791 г. объяснено, что Евреямъ дозволено пользоваться правомъ гражданства и мѣщанства только въ Бѣлоруссіи, а въ указѣ 27 Іюня 1794 г. уже отчасти ограничено и это право установленіемъ сбора съ Евреевъ, записавшихся по городамъ въ мѣщанство и купечество, вдвое противъ сбора съ мѣщанъ и купцовъ христіанъ. Нѣтъ сомнѣнія, что перейти къ ограничительнымъ мѣрамъ относительно Евреевъ Императрицу вынудили представленія Русскихъ правителей присоединенныхъ отъ Польши областей о вредной дѣятельности Евреевъ, которую первый генералъ-губернаторъ Бѣлоруссіи графъ Чернышовъ обнаружилъ тотчасъ, какъ вступилъ въ исправленіе своей должности. Въ справедливости его представленія и въ тоже время въ ошибочности прежняго мнѣнія Императрицы наслѣдникъ ея лично убѣдился лѣтомъ въ 1797 году при объѣздѣ западныхъ губерній. Въѣхавъ въ первую изъ нихъ, въ Минскую, онъ былъ такъ пораженъ бѣдностью крестьянъ, что повелѣлъ немедленно созвать собраніе дворянъ для обсужденія мѣръ къ улучшенію хозяйства въ губерніи. Собиравшіеся по этому повелѣнію дворянскіе съѣзды Минской, а затѣмъ Литовской и Подольской губерній высказали согласное мнѣніе, что главная причина бѣдности крестьянъ—Еврейская торговля виномъ, при производствѣ которой Евреи даютъ крестьянамъ вино въ долгъ и обманываютъ ихъ всевозможными способами. Для устраненія этого зла дворяне проектировали: выселеніе Евреевъ изъ деревень и селъ, воспрещеніе Евреямъ содержать собственные шинки и продажи вина въ долгъ; уничтоженіе кагаловъ, содержащихъ Евреевъ въ полномъ подчиненіи себѣ и не исполняющихъ неудобныхъ для Евреевъ распоряженій правительства. Какъ вредная дѣятельность Евреевъ, такъ и необходимость принятія противъ нихъ мѣръ, были подтверждены изслѣдованіемъ Державина о

бытѣ и дѣятельности Евреевъ, въ 1799 году. Его трудъ послужилъ матеріаломъ учрежденному въ 1802 г. императоромъ Александромъ I особому комитету для выработки мѣръ по улучшенію быта Евреевъ. Но комитетъ не придалъ должнаго значенія свѣдѣніямъ, собраннымъ Державинымъ, и основамъ быта и дѣятельности Евреевъ, ихъ устному ученію—Талмуду, а при составленіи обширнаго положенія о Евреяхъ 1804 г. руководился либеральными началами о предоставленіи наибольшей свободы народу для его самодѣятельности и о непрочности реформъ, предпринимаемыхъ непосредственно правительствомъ. Подъ вліяніемъ этихъ началъ въ Положеніи опредѣлено не принуждать Евреевъ учиться въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ тому, что противно ихъ религіи; установлены разныя поощрительныя мѣры для Евреевъ желающихъ, заниматься фабричнымъ, ремесленнымъ и земледѣльческимъ трудомъ и оказано довѣріе кагаламъ предоставленіемъ имъ права наблюдать за исправнымъ поступленіемъ съ Евреевъ казенныхъ сборовъ, распоряжаться общественными суммами и т. д. Только вопіющія показанія о большомъ вредѣ, который Евреи приносили крестьянамъ винною торговлею, вынудило составителей Положенія рѣзко отступить отъ объявленныхъ ими либеральныхъ началъ и установить въ немъ суровую мѣру о выселеніи Евреевъ изъ деревень и селъ въ города. Ошибочность надежды правительства на самодѣятельность Евреевъ и на обращеніе ихъ къ производительному труду не замедлила обнаружиться: никакихъ фабрикъ и ремесленныхъ училищъ и заведеній они не открыли, а Евреи, поселенные на казенныхъ земляхъ въ Херсонской губерніи, оказались совершенно неспособными къ земледѣлію, такъ что въ 1810 г. поселеніе ихъ на казенныхъ земляхъ было прекращено. Общественныя же управленія Евреевъ, кагалы и раввины, утаивали дѣйствительную ихъ численность для избавленія отъ уплаты податей и отъ рекрутской повинности и не оказывали правительству содѣйствія для выселенія Евреевъ въ города, такъ что послѣднее было отложено до 1821 г. Такой печальный результатъ довѣрія правительства къ полезной самодѣятельности Евреевъ и къ добросовѣстности кагаловъ и продолжавшаяся Еврейская торговля виномъ въ деревняхъ побудили правительство издать строгіе указы о воспрещеніи Евреямъ содержать въ деревняхъ кабаки и о выселеніи ихъ въ города и высказать имъ горькіе упреки, что они не оправдали его надеждъ. Потомъ, для уменьшенія контрабанды, правительство воспретило иностраннымъ Евреямъ постоянно проживать въ Россіи, а Русскихъ Евреевъ, не имѣющихъ недвижимой собственности, распорядилось выслать на 50 верстъ отъ границы. Сознавая недостаточность этихъ отдѣльныхъ мѣръ и ошибочность Положенія 1804 г., императоръ Александръ учредилъ въ 1823 г. особый комитетъ для пересмотра узаконеній о Евреяхъ и опредѣленія: „на какомъ основаніи удобнѣе и полезнѣе было бы учредить пребываніе ихъ въ государствѣ".

Рѣшеніе этой задачи уже выпало на долю императора Николая, который для этого принялъ за основаніе взглядъ Русскихъ государей до императрицы Екатерины II на Евреевъ, какъ на людей вредныхъ по ученію и дѣятельности въ христіанскомъ государствѣ. Неуклонно слѣдуя такому взгляду

въ изданіи всѣхъ многочисленныхъ законовъ о Евреяхъ, императоръ Николай выразилъ цѣль ихъ въ самомъ важномъ и обширномъ законѣ—Положеніи 1835 г. Главною цѣлью было „устроить положеніе Евреевъ на такихъ правилахъ, кои бы, открывая имъ свободный путь къ снисканію безбѣднаго содержанія упражненіями въ земледѣліи и промышленности и къ постепенному образованію ихъ юношества, въ тоже время преградили имъ поводы къ праздности и незаконнымъ промысламъ". Для того установлены (какъ въ Положеніи 1835 г., такъ и въ изданныхъ законахъ до его выхода и послѣ) многія поощрительныя и ограничительныя мѣры: освобожденіе отъ рекрутской повинности Евреевъ, кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, земледѣльцевъ, мастеровъ-ремесленниковъ, работающихъ на фабрикахъ и купцовъ; устройство правительствомъ съ 1842 г. Еврейскихъ земледѣльческихъ колоній съ отводомъ колонистамъ казенныхъ земель и предоставленіемъ пособія и большихъ преимуществъ; правила для Евреевъ, принимающихъ христіанскую вѣру, съ выдачею денежныхъ пособій, и открытіе раввинскихъ училищъ въ Вильнѣ и Житомірѣ и многихъ училищъ для Евреевъ 1-го и 2-го разрядовъ, на содержаніе которыхъ установленъ новый свѣчной сборъ. Къ наиболѣе важнымъ ограничительнымъ мѣрамъ принадлежатъ: точное опредѣленіе черты постоянной осѣдлости Евреевъ и запрещеніе жительства въ находящихся въ предѣлахъ этой черты городахъ: Кіевѣ, Николаевѣ и Севастополѣ и въ селеніяхъ нѣкоторыхъ губерній; пріемъ малолѣтнихъ Евреевъ съ 12-лѣтняго возраста въ рекруты; уничтоженіе кагаловъ въ 1844 г. съ подчиненіемъ Евреевъ по дѣламъ полицейскимъ городской и земской полиціи, а по хозяйственнымъ — думамъ и ратушамъ городовъ, гдѣ Евреи приписаны, и раздѣленіе Евреевъ на пять категорій: купцовъ, земледѣльцевъ, ремесленниковъ, мѣщанъ осѣдлыхъ и мѣщанъ неосѣдлыхъ, изъ которыхъ послѣдніе были подвержены усиленной рекрутской повинности и нѣкоторымъ ограниченіямъ въ правахъ Не смотря на важныя преимущества, установленныя императоромъ Николаемъ для привлеченія Евреевъ къ фабричной промышленности, ремесламъ и земледѣлію, они не оказали успѣха въ этихъ производительныхъ занятіяхъ, особенно въ земледѣліи. Правда, значительное число Евреевъ, не имѣя возможности промышлять торговлей, ростовщичествомъ, шинкарствомъ, факторствомъ и другими темными дѣлами, было вынуждено заниматься ремеслами; но такіе невольные ремесленники выдѣлывали свои издѣлія плохо и недобросовѣстно или просто занимались поддѣлкой разныхъ заграничныхъ и Русскихъ издѣлій, какъ это было въ Бердичевѣ. Заниматься же земледѣліемъ не могли побудить Евреевъ ни строгія мѣры закона 1842 г., ни большія привилегіи 1844 г., вслѣдствіе чего правительство, уже въ царствованіе императора Александра II, въ 1866 г., прекратило дальнѣйшее поселеніе Евреевъ на казенныхъ земляхъ. Безуспѣшность заботъ правительства привлечь Евреевъ къ производительному труду Еврейскіе писатели и нѣкоторые юдофилы объясняютъ ограничительными мѣрами и главнымъ образомъ установленіемъ черты постоянной осѣдлости Евреевъ, въ которой имъ, будто бы, не было достаточно простора для заня-

тія земледѣліемъ, а Евреямъ-ремесленникамъ не доставало работы. Но неосновательность этого объясненія доказывается громаднымъ пространствомъ (въ 17,529 квад. миль), занимаемымъ съ Царствомъ Польскимъ чертою осѣдлости Евреевъ; недостаткомъ въ ней Евреевъ-ремесленниковъ по нѣкоторымъ болѣе тяжелымъ ремесламъ (каменному, плотничному, столярному, кузнечному и другимъ) и тѣмъ, что если бы Евреи-ремесленники выдѣлывали хорошія издѣлія, то онѣ могли бы сбываться внутри Россіи. Причина заключается въ правилахъ Талмуда, которыя твердятъ, чтобы Евреи занимались промыслами болѣе выгодными и легкими, а не рабскими и въ привычкѣ ихъ, болѣе чѣмъ 18 вѣковъ со времени разсѣянія, вести жизнь тунеядцевъ. Потому Евреевъ не могутъ оправдать и дѣйствительно ошибочныя мѣры по улучшенію ихъ быта, принятыя правительствомъ по недостаточному знакомству съ этимъ бытомъ, наприм., назначеніе выборныхъ сборщиковъ податей, вмѣсто уничтоженныхъ въ 1844 г. кагаловъ, потому что они, пользуясь содѣйствіемъ властей, при взиманіи податей, помогали тайно существовавшимъ кагаламъ по прежнему держать въ подчиненіи себѣ Еврейскую массу; учрежденіе въ 1848 г. раввинской коммиссіи при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и ученыхъ Евреевъ при губернаторахъ въ чертѣ осѣдлости для разрѣшенія религіозныхъ вопросовъ, такъ какъ эта мѣра, въ глазахъ Евреевъ, имѣла значеніе заботы правительства о сохраненіи чистоты Еврейской религіи и его уваженія къ ней. Во всякомъ случаѣ мѣры, принятыя императоромъ Николаемъ, много подвинули Еврейскій вопросъ къ правильному рѣшенію. Этими мѣрами выяснились: вѣрность взгляда Московскихъ государей на Евреевъ, какъ на людей вредныхъ въ христіанскомъ государствѣ и необходимость ограниченія ихъ правъ; въ тоже время имъ были даны средства обратиться въ полезныхъ гражданъ и если ихъ дѣятельность не измѣнилась къ лучшему, то въ этомъ *они сами виноваты.* Съ другой стороны точное опредѣленіе черты постоянной осѣдлости Евреевъ и строгое наблюденіе властями, чтобы Евреи не проживали внѣ ея, принесло Россіи огромную пользу тѣмъ, что ограничивало Іудейскую нравственную и экономическую проказу извѣстнымъ предѣломъ, гдѣ Евреи поселились давно, благодаря легкомыслію и развращенности Польскихъ правителей.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра II былъ сдѣланъ въ третій разъ опытъ разрѣшить Еврейскій вопросъ въ либеральномъ духѣ, путемъ расширенія гражданскихъ и политическихъ правъ Евреевъ для слiянія ихъ съ кореннымъ населеніемъ. Цѣль эта выражена въ высочайшемъ указѣ 31 Марта 1856 г. предсѣдателю Еврейскаго комитета такъ: „Пересмотрѣть всѣ существующія о Евреяхъ постановленія для соглашенія ихъ съ общими видами слiянія сего народа съ коренными жителями, по колику нравственное состояніе сего народа можетъ сіе дозволить". Хотя послѣдними словами указа проекты новыхъ законовъ о Евреяхъ ставились въ зависимость отъ уровня ихъ нравственности, но комитетомъ было высказано мнѣніе, что ограниченія правъ Евреевъ не совмѣстны съ государственными выгодами, и оно послужило основаніемъ для изданія цѣлаго ряда законовъ, много расширившихъ

права Евреевъ. Евреямъ, кончившимъ курсъ въ университетахъ и получившимъ дипломы на ученыя степени доктора, магистра или кандидата, разрѣшено поступать на государственную службу и, кромѣ того, имъ, а также купцамъ 1-ой гильдіи, Русскимъ и иностраннымъ подданнымъ, техникамъ и ремесленникамъ разрѣшено проживать внѣ черты осѣдлости. Положеніями о земскихъ учрежденіяхъ и городовымъ и уставомъ уголовнаго судопроизводства на Евреевъ въ чертѣ осѣдлости распространено право участія въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи и въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, съ нѣкоторыми ограниченіями. Въ Царствѣ Польскомъ отмѣнены главныя ограниченія гражданской правоспособности Евреевъ. Эти законы не соотвѣтствовали нравственной испорченности Евреевъ, извѣстной правительству; но представители его въ комитетѣ, высказались, что она происходитъ отъ ограниченія правъ Евреевъ. Того же мнѣнія держалась и Русская печать, требовавшая даже распространенія на Евреевъ полной равноправности по примѣру западной Европы. Кромѣ увлеченія либеральными идеями, мнѣніе Русскаго образованнаго общества объясняется тѣмъ, что оно, какъ и многіе высшіе представители правительства въ Петербургѣ, отличалось полнымъ невѣдѣніемъ условій быта въ Западной Россіи; у нѣкоторыхъ же Русскихъ ученыхъ и литераторовъ хорошо знакомыхъ съ Еврейством, не доставало мужества идти противъ общихъ либеральныхъ увлеченій, по которымъ Евреи считались страдальцами и угнетенными. Въ Царствѣ Польскомъ главною причиною отмѣны ограниченій гражданской правоспособности Евреевъ была надежда иниціатора этого закона графа Велепольскаго обратить Евреевъ въ Поляковъ Моисеева закона.

Перемѣна во взглядѣ значительной части правительственныхъ лицъ и Русскаго образованнаго общества на Евреевъ произошла послѣ выхода въ 1870 г. „Книги Кагала" Я. Брафмана, выяснившаго, что вредныя стороны быта и дѣятельности Евреевъ не зависятъ отъ ограниченія ихъ правъ, а происходятъ отъ Талмуда. Своимъ сочиненіемъ Брафманъ подтвердилъ справедливость того мнѣнія, что Евреи въ каждомъ государствѣ составляютъ свое особое государство и открылъ Русскому обществу, что въ чертѣ постоянной осѣдлости Евреевъ существуетъ настоящее негласное Израильское царство, раздѣленное на кагальные округа, въ которыхъ Евреи имѣютъ свои суды и административныя управленія (кагалы) съ деспотическою властью и при помощи этихъ учрежденій безчеловѣчно эксплуатируютъ личность и имущество христіанъ. Брафманъ раскрылъ, что весь бытъ Евреевъ и вредная ихъ дѣятельность основаны на правилахъ Талмуда. По наиболѣе важнымъ изъ нихъ: въ каждой Еврейской общинѣ, должны быть, по образцу синедріона, кагалъ и судъ, которые имѣютъ въ своемъ распоряженіи цѣлый рядъ дисциплинарныхъ и тяжелыхъ наказаній до смертной казни, чтобы принудить Евреевъ имъ повиноваться и исполнять правила Талмуда, обряды и племенные обычаи. Кагалы могутъ воспрещать или дозволять жительство и занятія иногороднымъ Евреямъ въ управляемыхъ ими общинахъ, а по другому правилу укрѣплять сдѣлки между Евреями о куплѣ и продажѣ.

По правиламъ же „Меропія“ и „Хазака“ кагалы, въ своихъ районахъ, продаютъ Евреямъ право исключительной эксплуатаціи личности и имущества не-Евреевъ. Иновѣрческіе законы не обязательны для Евреевъ, и имъ дозволяется для своихъ выгодъ обманывать иновѣрцевъ.

Руководители Русскихъ Евреевъ были очень встревожены разоблаченіями Брафмана и во множествѣ газетныхъ статей, брошюръ и книгъ старались ихъ опровергнуть, доказывая, что онѣ основаны на неправильныхъ толкованіяхъ Талмуда и на поддѣльныхъ кагальныхъ документахъ. Но вѣрность показаній Брафмана была впослѣдствіи подтверждена Русскимъ ученымъ изслѣдователемъ Талмуда С. Я. Диминскимъ, а описанные Брафманомъ бытъ и вредная дѣятельность Евреевъ удостовѣрены множествомъ офиціальныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ Русской печатью въ продолженіе 20 лѣтъ послѣ выхода „Книги Кагала“.

Въ средѣ Польскаго образованнаго общества, которое было очень расположено къ Евреямъ по старымъ связямъ шляхты въ совмѣстной эксплуатаціи народа, и по надеждѣ на обращеніе ихъ въ Поляковъ Моисеева закона путемъ равноправія, въ послѣдніе годы высказываются горькія разочарованія. Сталъ развиваться всегда существовавшій въ низшихъ классахъ Польскаго народа антисемитизмъ, который на практикѣ выразился въ устройствѣ христіанскихъ торговыхъ товариществъ для возрожденія народной торговли, уничтоженной Евреями.

XVI.

Выяснившіеся результаты расширенія правъ Евреевъ и правдивыя разоблаченія Брафмана, поколебали увѣренность правительства въ пользѣ либеральныхъ законовъ для рѣшенія Еврейскаго вопроса. Такая перемѣна обнаружилась прежде всего въ послѣдовавшемъ въ 1873 году высочайшемъ повелѣніи о закрытіи раввинскихъ училищъ въ Вильнѣ и Житомірѣ, какъ не соотвѣтствовавшихъ своему назначенію, въ преобразованіи ихъ въ учительскіе институты и упраздненіи казенныхъ Еврейскихъ училищъ 1 и 2-го разрядовъ [1]), потомъ въ ограниченіи предоставленнаго 8 Февраля 1865 г. Евреямъ права питейной торговли въ чертѣ осѣдлости на общихъ основаніяхъ—закономъ 14 Мая 1874 г., по которому Евреямъ дозволено производить питейную торговлю только въ собственныхъ домахъ и быть сидѣльцами только въ заведеніяхъ своихъ единовѣрцевъ, и въ рядѣ ограничительныхъ мѣръ, принятыхъ для пресѣченія уклоненія Евреевъ отъ исполненія воинской повинности по уставу 1874 г.

---

[1]) Собраніе узаконеній и распоряженій правительства за 1873 г. № 324. Какъ на поводъ къ закрытію раввинскихъ училищъ, въ высочайшемъ повелѣніи было указано на то, что эти училища не приготовляли соотвѣтствовавшихъ своему назначенію раввиновъ; но, можетъ быть, правительство имѣло въ виду и прямой вредъ для такого христіанскаго государства, какъ Россія, заботиться о высшемъ талмудическомъ образованіи раввиновъ, черезъ преобразованіе раввинскихъ училищъ въ раввинскія академіи, чего достигли Евреи въ западной Европѣ и чего желали руководители Русскихъ Евреевъ, и такимъ образомъ укрѣплять и развивать между Русскими Евреями изученіе Талмуда—науки тьмы и самой чудовищной вражды къ христіанамъ и вообще не-Евреямъ.

Съ первыхъ же годовъ царствованія императора Александра III, правительство перешло ко взгляду императора Николая на вредоносность Евреевъ въ христіанскомъ государствѣ и на необходимость ограждать отъ нихъ соотвѣтствующими мѣрами коренное населеніе.

Такимъ образомъ печальный опытъ расширенія правъ Евреевъ, сдѣланный Русскимъ правительствомъ въ третій разъ съ тѣхъ поръ, какъ они поступили въ число Русскихъ подданныхъ, и вредные результаты дарованія Евреямъ равноправности въ Западной Европѣ доказали, что такими мѣрами рѣшеніе Еврейскаго вопроса не можетъ быть достигнуто и что, напротивъ, права Евреевъ въ христіанскихъ государствахъ должны быть ограничены на столько, на сколько необходимо для огражденія коренныхъ жителей отъ Іудейскаго зла.

Все это мы старались выяснить въ нашемъ трудѣ и теперь въ заключеніе скажемъ объ особенныхъ условіяхъ положенія Россіи, сравнительно съ государствами Западной Европы, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду при рѣшеніи въ ней Еврейскаго вопроса. Эти условія заключаются: въ многочисленности Евреевъ въ Россіи, въ неудовлетворительномъ положеніи торговли и промышленности и въ чертахъ характера народа, которыя благопріятствуютъ эксплуатаціи его Евреями.

Число Еврейскаго населенія въ Россіи до настоящаго времени съ точностію неизвѣстно; но, во всякомъ случаѣ, оно опредѣляется не менѣе какъ въ 6 мил. чел., составляющихъ около двухъ третей Еврейскаго населенія всего земнаго шара. На значительное уменьшеніе такой большой цифры Русскихъ Евреевъ, черезъ ихъ эмиграцію, и слѣдовательно на облегченіе бремени содержанія ихъ (какъ эксплуататоровъ и тунеядцевъ) для кореннаго населенія, нельзя расчитывать. Правда, потерявъ надежду на дарованіе равноправности, Евреи стали эмигрировать въ послѣдніе годы въ большемъ числѣ, чѣмъ прежде (до 60,000 чел. въ годъ); но если эмиграція, при дѣятельности комитетовъ по переселенію Евреевъ въ колоніи Гирша въ Аргентинѣ, достигнетъ 100,000 чел. въ годъ, то и въ этомъ лучшемъ случаѣ Россія не будетъ избавлена даже отъ ежегоднаго прироста Еврейскаго населенія, превышающаго по статистическимъ свѣдѣніямъ профессора Янсона въ три раза ежегодный приростъ не-Евреевъ [2]). Это доказываютъ вѣрныя данныя о населеніи въ Царствѣ Польскомъ, опубликованныя Варшавскимъ Статистическимъ Комитетомъ, изъ которыхъ видно, что въ 1859 г. въ Царствѣ Польскомъ было Евреевъ до 600 тыс., а въ 1890 г. число ихъ возрасло до 1,134 тыс. [3]).

---

[2]) По словамъ «Новаго Времени» «средній приростъ населенія Россіи по Янсону — 1,07. Приростъ же Еврейскаго населенія 66 проц. въ 20 лѣтъ составляетъ 3,3 годоваго прироста. Поэтому періодъ удвоенія населенія будетъ для Евреевъ менѣе 30 лѣтъ, въ то время какъ для Россіи онъ составляетъ отъ 90—95 лѣтъ, а для всей Европы свыше 150 лѣтъ. Такимъ образомъ въ теченіе того промежутка времени, въ который Русское населеніе нашего отечества удвоится, населеніе Еврейское успѣетъ удвоиться болѣе трехъ разъ (2×2×2), т. е. увеличится въ 8, 9 или даже въ «10 разъ». Нов. Вр. 1890 г. № 5315.

[3]) Сынъ Отечества 1892 г., № 219.

Неудовлетворительность положенія торговли и промышленности въ Россіи, сравнительно въ Западной Европой, какъ извѣстно, зависитъ отъ низкаго уровня образованія торговыхъ и промышленныхъ классовъ населенія и отъ недостатка у нихъ солидарности, предпріимчивости и умѣренности въ полученіи прибылей, чѣмъ, напротивъ, при соотвѣтствующемъ образованіи, отличаются такіе же классы въ Западной Европѣ. Потому, если уже и послѣдніе, подъ дружнымъ натискомъ Евреевъ, постепенно подпадаютъ въ зависимость отъ нихъ, то Русскіе торговцы, фабриканты и ремесленники подвергнутся этой печальной участи еще скорѣе, что́ доказываетъ исторія захвата торговли и промышленности въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ и захватъ Евреями хлѣбной торговли въ нѣкоторыхъ важныхъ торговыхъ пунктахъ во внутреннихъ губерніяхъ.

Благопріятныя же для Еврейской эксплуатаціи черты характера кореннаго, Славянскаго населенія заключаются въ его мягкосердечіи, склонности къ безпечной, веселой и нетрезвой жизни и въ недостаткѣ бережливости, тѣмъ болѣе, что въ немъ нѣтъ союзовъ взаимнопомощи, въ родѣ Нѣмецкихъ „ферейновъ“, которые оказываютъ нравственную и матеріальную поддержку своимъ членамъ.

Эти главныя особенныя условія положенія Россіи относительно Еврейскаго вопроса еще настоятельнѣе, чѣмъ въ государствахъ Западной Европы, требуютъ мѣръ для огражденія кореннаго населенія отъ растлѣвающаго вліянія и вредной дѣятельности Евреевъ и, прежде всего, установленія основнаго закона, ясно опредѣляющаго, что они составляютъ терпимую, но вредную противогосударственную секту. Хотя въ настоящее время возстановленъ взглядъ Русскихъ государей на Евреевъ, какъ на людей вредныхъ, и такой взглядъ служитъ основаніемъ для изданія всѣхъ узаконеній о Евреяхъ; но умолчаніе о немъ въ этихъ узаконеніяхъ, какъ основаніи для ихъ изданія, возбуждаетъ недоразумѣнія въ правительственныхъ учрежденіяхъ и лицахъ. Въ прошлое царствованіе, вслѣдствіе противорѣчія духа новыхъ либеральныхъ законовъ съ существовавшими ограничительными—мѣстная „администрація нерѣдко снисходительно смотрѣла на обходы послѣднихъ Евреями въ предположеніи, что они имѣютъ временный характеръ и предназначены къ отмѣнѣ. Защитникъ равноправности Евреевъ г. Песковскій, въ своей книгѣ „Роковое недоразумѣніе“ свидѣтельствуетъ (ч. II, стр. 3:1), что администрація, придерживаясь, главнымъ образомъ, не буквы, а духа законовъ о Евреяхъ, снисходительно смотрѣла, если происходили на дѣлѣ нѣкоторыя, весьма незначительныя, впрочемъ, отступленія относительно мѣста жительства Евреевъ, пріобрѣтенія ими недвижимой собственности и проч.; но, конечно, при условіи отсутствія злоупотребленій и вреда для какихъ бы то ни было личныхъ и общественныхъ интересовъ со стороны Евреевъ. Такой порядокъ вещей— замѣчаетъ г. Песковскій — называютъ „обходомъ законовъ“, приравнивая притомъ этотъ фактъ преступленію; *но несравненно справедливѣе* назвать его исправленіемъ практическою жизнью органическихъ недостатковъ закона“.

Если же въ законахъ о Евреяхъ будетъ установлено основное правило, что они составляютъ терпимую, но вредную секту въ государствѣ, то никакими недоразумѣніями въ снисходительности къ обходу Евреями законовъ, которую г. Песковскій признаетъ справедливой, мѣстная администрація не будетъ оправдываться, и оно послужитъ логическимъ основаніемъ для всѣхъ существующихъ ограничительныхъ законовъ о Евреяхъ и для тѣхъ, которые, по мѣрѣ надобности, будутъ издаваться вновь.

На сколько удовлетворяютъ своей цѣли существующіе ограничительные законы о Евреяхъ и какія мѣры полезно вновь принять для огражденія населенія Россіи вообще отъ вредоносности Евреевъ и избавленія христіанскаго населенія черты осѣдлости отъ экономическаго ига Евреевъ, мы надѣемся высказать наши мысли въ особой статьѣ, а теперь замѣтимъ только, что одною изъ самыхъ настоятельныхъ мѣръ должна быть отмѣна закона 28 Іюня 1865 г. о правѣ Евреевъ-техниковъ и ремесленниковъ проживать повсемѣстно въ Россіи: потому что, если причиненный ими вредъ вынудилъ правительство воспретить имъ проживаніе въ Москвѣ и въ Московской губерніи, то еще болѣе необходимо принятіе этой мѣры въ другихъ губерніяхъ внѣ черты осѣдлости. Множествомъ фактовъ и свѣдѣній мы доказали, что проживающіе въ этихъ губерніяхъ Евреи ремесленники, вмѣсто занятія ремеслами, занимаются большею частью непроизводительною и преступною дѣятельностью. подтверждая этимъ неоднократно высказанное Русскою печатью мнѣніе, что Евреи представляютъ собою людей, одержимыхъ крайне заразительными болѣзнями въ родѣ проказы или холеры, которыхъ лучше всего не выпускать изъ зараженнаго уже ими района для предупрежденія заноса заразы повсемѣстно въ Россіи и для лучшаго излѣченія самихъ Евреевъ. Не громадный просторъ для жительства Евреевъ въ Россіи, а ограниченный районъ—существующая черта осѣдлости, можетъ излѣчить значительную часть ихъ отъ тунеядства и темныхъ профессій и побудить заняться производительнымъ трудомъ. Полное же излѣченіе Евреевъ отъ ихъ вредоносности или перерожденіе въ полезныхъ гражданъ въ христіанскомъ государствѣ, не можетъ быть достигнуто никакими мѣрами, безъ окончательнаго разрыва ихъ съ ученіемъ Талмуда и перехода въ христіанство.

Н. С. Граве.

15 Февраля 1893 года.

ПИСЬМО Ф. Ф. ВИГЕЛЯ

къ Н. В. Гоголю по поводу книги: „Переписка съ друзьями".

Сочинитель этихъ писемъ также высоко стоитъ надъ авторомъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», какъ сей послѣднiй далеко отстоитъ отъ Шаликова. Не могу описать восторговъ, съ которыми смотрѣлъ я на перерожденiе Гоголя. Я смѣялся надъ тѣми, которые сравнивали его съ Гомеромъ. Теперь я каюсь въ томъ, признавая въ нихъ великiй даръ предчувствiя, предвидѣнiя, хотя сравненiе ихъ въ глазахъ моихъ нѣсколько сохраняетъ еще свою преувеличенность. Гоголь былъ доселѣ вѣрный наблюдатель нравовъ, искусный ихъ живописецъ, остроумный и оригинальный авторъ; но какъ все это далеко отъ необыкновеннаго мужа, умѣвшаго соединить въ себѣ глубокую мудрость съ пламенной поэзiей души. Святость и геройство христiанина и патрiота, которыми онъ, кажется, весь проникнутъ, превыше таланта, превыше даже генiя, котораго впрочемъ въ сей книжкѣ даетъ онъ несомнѣнныя доказательства. Меня увѣряли, что тутъ гордость болѣе видна, чѣмъ смиренiе. Это не совсѣмъ справедливо: правда, и она мѣстами выказывается; но въ этомъ-то несовершенствѣ вся и прелесть сочиненiя! Я смотрѣлъ на него, какъ на изнеможенiе, какъ на остатокъ слабости послѣ сильной борьбы и побѣды надъ собою. И что за мысли! И какая ихъ выразительность! Съ фейерверкомъ сравнить ихъ мало: въ нихъ нѣчто молнiи подобное. Читая, право, какъ будто идешь ослѣпленный свѣтомъ и оглушенный громами; глазамъ и слуху надобно привыкнуть къ его слогу. Меня также увѣряли (ибо я почти никого не вижу), что это дѣйствiе произвело появленiе книги на всѣхъ глупцовъ, которые съ бѣшеннымъ ревомъ въ безсилiи своемъ пали ницъ. Позвольте съ ихъ внезапною ненавистью поздравить васъ, г. Гоголь! Честь и хвала— ихъ досада и осужденiя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, позвольте мнѣ изъявить сожалѣнiе о томъ, что въ вашемъ прекрасномъ творенiи есть мѣстà, на которыя съ большою основательностiю имѣютъ они право нападать. Напримѣръ,

какъ можно въ глаза или въ письмѣ (что̀ все равно) грозить почтенному старцу, вами уважаемому, вами же вездѣ достойно прославляемому, названіемъ *гадкаго старичишки*, если онъ не воздержится отъ негодованія. Нехорошо, какою бы короткостію ни почтилъ онъ васъ.

Не будемте слишкомъ пренебрегать приличіями свѣта. Источникъ учтивости между новѣйшими народами находится въ христіанскомъ законѣ, который поучаетъ насъ не оскорблять самолюбія брата, съ осторожностію говорить ему полезныя истины, не раздражать, а скорѣе смягчать его гнѣвъ ласковымъ словомъ. Древніе народы до Христа знали только лесть, подлость или грубость. Вотъ почему, кажется, надлежало бы вамъ говорить съ бо̀льшею умѣренностію о мнимомъ неряшествѣ и растрепанности слога почтеннаго Погодина. Какъ вы на то рѣшились? Особливо когда среди безчисленныхъ красотъ, вами созданныхъ, не рѣдко встрѣчаются или лайковые штаны или что нибудь тому подобное. Позвольте же изъ васъ же взять тому сравненіе: это напоминаетъ тѣ засаленныя бумажки, которыя валяются въ гостинной, гдѣ все блеститъ позолотой, зеркалами и лакомъ паркетовъ, и о которыхъ вы говорите.

Простите мнѣ: никакого орудія, вами поданнаго, не хотѣлось бы мнѣ видѣть въ рукахъ новыхъ враговъ вашихъ. Воротимтесь къ нимъ; именъ я ихъ не знаю или въ уединеніи моемъ давно ихъ позабылъ. Люди, которые достойны теперь понимать васъ, которые сочувствуютъ вамъ, которые раздѣляютъ со мною восхищенное удивленіе къ произведенію вашему, сказывали мнѣ, что всѣ эти враги были недавно великими почитателями, даже обожателями вашими. Когда, въ первой молодости, создали вы себѣ идеалъ совершенства и начали искать его между вашими соотчичами, когда вмѣсто того, встрѣчали вы часто множество гнусныхъ пороковъ и, вооруживъ руку огромнымъ хлыстомъ, перевитымъ колючимъ терніемъ, съ ожесточеніемъ, безъ милосердія, стали стегать въ нихъ: тогда эти люди съ остервененіемъ вамъ рукоплескали. Что̀ побуждало ихъ къ тому? Любовь ли къ родинѣ, коей сынамъ чаяли они отъ того исправленія? Ненависть ли къ ней за неудачи свои, въ коихъ, право, не она и не правительство, а природа ихъ была виновата? Невольно надобно придержаться послѣдняго мнѣнія; ибо сколь тщательно убѣгали они отъ всякихъ сношеній, даже отъ простыхъ встрѣчъ, съ писателями добрыми, умными, восторженными, которыхъ вся жизнь была любовь и гимнъ отечеству, столь усердно искали они сближенія со всѣми отъявленными руссофобами, въ числѣ коихъ и вы были ими помѣщены. Блескъ необыкновеннаго ума вашего ихъ восхитилъ; они въ состояніи были понять,

даже оцѣнить его, особенно же всю ѣдкость вашей, тогда неумолимой, чудесной, какъ бы не сказать, изящной злости.

Долго, долго близорукія ихъ очи любовались доступными ихъ зрѣнію, всѣми признанными великими литературными вашими достоинствами. Они гордились вами, они уже почитали васъ *своимъ*, какъ вдругъ вамъ вздумалось швырнуть въ нихъ небольшимъ, но для нихъ не менѣе тяжелымъ томомъ, на которомъ какъ будто написано: *Ненашимъ*. И въ тоже время, съ быстротою фузеи, отдѣлившись отъ ихъ взоровъ, вознеслись вы въ нѣчто для нихъ заоблачное, на вершину недосягаемой для нихъ высоты. Чтò можетъ сравниться съ ихъ изумленіемъ!

Раскрывъ уста,
Безъ слезъ рыдая,

какъ влюбленная Черкешенка Пушкина, стояли они и не вдругъ могли опомниться. Наконецъ опомнились и, никакъ не умѣя объяснить себѣ причину столь страшной перемѣны, заскрежетавъ зубами, пустились обвинять васъ, кто въ лицемѣріи, кто въ поврежденіи ума. Все это преданіе, или просто современный разсказъ, до меня нечаянно дошедшій, коему, хотя и передаю его вамъ, я не совсѣмъ вѣрю, тѣмъ болѣе, что упоминаемыя здѣсь лица мнѣ вовсе незнакомы. До нѣкоторой степени они въ глазахъ моихъ извинительны: какъ вѣрить тому, чего не понимаешь? Вотъ почему и я плохо вѣрю озлобленію людей за великій, умилительный подвигъ сердечнаго раскаянія, за краснорѣчивое, увлекательное изображеніе истинъ, поучаемыхъ нашею матерью Православной церковію, за выраженіе нѣжнѣйшей сыновней любви къ нашему великому отечеству. Но если правда все сказанное мнѣ, если дѣйствительно сіи несчастные, измѣнившіе чести своей родины, васъ дерзаютъ называть отступникомъ, тогда. . . о, Русскій Богъ! прости имъ прегрѣшеніе ихъ: не вѣдаютъ, чтò врутъ.

Мнѣ кажется, вы гдѣ-то говорите о двухъ станахъ, о Славянистахъ и Европистахъ, о Восточникахъ и Западникахъ, о старовѣрахъ и нововѣрахъ; я тоже что-то такое слышалъ, только не совсѣмъ такъ. Утверждаютъ, что есть двѣ какія-то партіи, но ничего не упоминается ни о станахъ, ни о враждѣ, ни о ратоборствѣ. Сравниваютъ это со спортомъ (оттого-то такъ много въ журналахъ о спортѣ и порютъ вздору!); у этихъ скакуновъ, говорятъ, одна цѣль, но только двѣ разныя дороги, по которымъ каждый надѣется удобнѣе и скорѣе доскакать. Убѣжденій во мнѣніяхъ, ими излагаемыхъ и проповѣдуемыхъ, уже не ищите; они только средства, а цѣль—знаменитость, которая, по достиженіи, сама тотчасъ обращается въ средство. . . къ полученію приза, т. е. успѣ-

ховъ, какихъ бы то ни было и гдѣ бы то ни было, въ гостиныхъ ли, въ университетѣ, или въ канцеляріяхъ министерствъ; иной ограничивается губернскими дворянскими выборами. Эти двѣ параллельныя линіи такъ близко одна отъ другой и такъ дружно бѣгутъ, что, безъ напряженнаго вниманія, трудно одну отъ другой отличить. Къ наукамъ, къ словесности ни у кого нѣтъ жару, страсти; и потому, по навыку, встрѣчаются изрядные ремесленники; артиста ни одного. Говорите же имъ потомъ языкомъ Гомеровымъ или библейскаго вдохновенія, толкуйте имъ объ Одиссеѣ или о Моисеѣ.

Давно, давно, лѣтъ семь тому назадъ, случалось мнѣ бывать въ одномъ изъ многочисленныхъ ихъ сонмищъ; оглушенный выходилъ я изъ него, и ничего въ памяти моей не оставалось, кромѣ какихъ-то невнятныхъ звуковъ, неясныхъ ликовъ, полузабытыхъ именъ. Кто несетъ католицизмъ, кто гегелизмъ, кто коммунизмъ, кто во чтѝ гораздъ. Все хладнокровно горячится, все бредитъ Европой, все прославляетъ ее, смѣшиваетъ Россію съ грязью, и въ тоже время своими непристойными криками, движеніями служитъ вѣрнымъ изображеніемъ нашихъ громогласныхъ деревенскихъ мірскихъ сходокъ. Такъ было прежде; теперь, можетъ быть, многое уже измѣнилось. О, еслибъ сердца этихъ людей получили способность къ воспріятію двойнаго небеснаго огня, коимъ вы объяты, еслибъ хотя одна искра его туда къ нимъ заронилась! Совершенное перерожденіе ихъ было бы того послѣдствіемъ: всѣ мелочи пустаго, жалкаго ихъ самолюбія отстали бы отъ нихъ, какъ шелуха засохшихъ струпьевъ отпадаетъ отъ исцѣленной кожи. Не улыбки *львицъ*, здѣсь такъ расплодившихся, не ничтожная честь показываться въ ихъ *салонахъ*, а любовь и уваженіе въ толпѣ скрывающихся достойныхъ согражданъ были бы ихъ наградою. Почтенныя имена, пріобрѣтаемыя однѣми истинными заслугами и полезными трудами, сдѣлали бы ихъ болѣе извѣстными современникамъ и, можетъ быть, потомству. По ходу дѣлъ можно предсказать, что оно будетъ судить иначе. Невозможно, чтобы все оставалось, какъ нынѣ; нельзя, чтобы за безтолковымъ броженіемъ умовъ не послѣдовалъ благоразумный устой: тогда удѣлъ сихъ людей будетъ забвеніе, презрѣніе и, можетъ быть, и проклятія сего, болѣе насъ разсудительнаго потомства.

Васъ ожидаетъ совсѣмъ иная участь: напечатанныя письма ваши писали вы не для эффекта и не для похвалъ, а для блага, и уже дѣйствіе вашего примѣра и поученій становится ощутительно. Вы весьма справедливо замѣтили, что Пушкинъ красотою своего стихотворнаго слога увлекъ и обратилъ въ подражателей другихъ отличныхъ поэтовъ, гораздо прежде его на поприще вступив-

шихъ. Такъ точно и вы красотою вашихъ мыслей и чувствъ сильно подѣйствовали на человѣка, далеко васъ въ жизни опередившаго. Вы не могли указать ему на недостатки его; но заставили его самого съ сокрушеніемъ къ нимъ обратиться въ великіе дни, въ которые церковь наша призываетъ насъ къ покаянію, посту и молитвѣ. Ненависти онъ никогда не зналъ, хотя симъ именемъ и пятнали здѣсь сильное негодованіе его не на личныхъ своихъ враговъ, а на внутреннихъ враговъ порядка, вѣры и отечества его. Конечно, въ чувствѣ глубокаго презрѣнія, которое къ тому примѣшивалось, таится несогласная съ христіанскимъ смиреніемъ гордыня. Отнынѣ потщится онъ и сіе чувство замѣнить состраданіемъ къ заблужденіямъ ихъ. Вы сами заставляете кого-то молить Господа, чтобъ Онъ далъ ему гнѣвъ и любовь: сіи дары почти всегда бываютъ неразлучны; я получилъ ихъ, но вѣроятно не умѣлъ сдѣлать изъ нихъ благаго употребленія для человѣчества. Теперь же мнѣ, дряхлому, забытому и забывшему остается только молить Его о терпѣніи и о сохраненіи душевнаго спокойствія.

Въ избыткѣ чувствъ я по-заочности заговорился съ вами; вѣроятно вы меня никогда не услышите и не прочтете; но мнѣ пріятно мечтать, что я бесѣдую съ вами. Было время, что я васъ долго и близко зналъ (о, горе мнѣ) и не узналъ! Съ обѣихъ сторонъ излишнее самолюбіе не дозволяло намъ сблизиться. И какъ, за суровостію вашихъ взглядовъ, могъ бы я угадать сокровища вашихъ чувствъ? До сокровищъ ума не трудно было у васъ добраться: не смотря на всю скупость рѣчей вашихъ, онъ самъ собою высказывался.

Если намъ когда-либо случится еще встрѣтиться въ жизни, то никакая холодность съ вашей стороны не остановитъ изліяній сердечной благодарности моей за восхитительныя наслажденія, доставленныя мнѣ чтеніемъ послѣдне-изданной вами книги *).

---

*) Первоначально напечатано въ книгѣ Н. В. Сушкова: „Московскій Университетскій пансіонъ“, М. 1858. П. Б.

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГЪ.

Письмо къ пріятелю въ Симбирскъ.

(Ф. Ф. Вигеля).

Увѣдомленіе о намѣреніи твоемъ, любезный другъ, провести зиму въ Москвѣ меня бы порадовало, еслибъ я самъ не сбирался въ Петербургъ. Я знаю, что ты будешь бранить меня, осуждать, какъ и всегда, глупое пристрастіе мое къ Чухонской столицѣ. Ты не любишь ея изъ ложнаго патріотизма, ты даже ненавидишь ее; это происходитъ отъ того, что ты ея совсѣмъ не знаешь, что ты никогда не бывалъ въ ней. И что̀ скажешь ты, когда я позволю себѣ объяснить, что именно руссолюбіе мое заставляетъ меня предпочитать ее Москвѣ. Ты вскрикнешь, ты начнешь осыпать меня проклятіями. Какъ! Новый городъ съ Нѣмецкимъ названіемъ болѣе Русскій, чѣмъ древняя, православная Москва! Что̀ дѣлать, какъ быть: оно такъ и есть. Для поддержанія мнѣнія моего, которое назовешь ты страннымъ, даже нелѣпымъ, долженъ я раскрыть передъ тобою исторію обѣихъ столицъ, въ продолженіи цѣлаго столѣтія.

Когда начинался, когда строился Петербургъ, въ немъ долженъ былъ царствовать настоящій хаосъ отъ внезапной встрѣчи быстрыхъ нововведеній и иностранныхъ нравовъ съ навыками, повѣріями Русскихъ, даже съ ихъ закоренѣлыми предразсудками; одно время могло извлечь изъ того порядокъ и устройство. Брошенный Петромъ II-мъ, Петербургъ при Аннѣ Іоанновнѣ возшелъ опять на степень столичнаго города. Усѣянный костями первыхъ Русскихъ переселенцевъ, онъ тогда уже былъ наполненъ ихъ сыновьями и внуками, приросшими къ его болотистой почвѣ, свыкшимися съ новою жизнію. Но Руссоненавистникъ, звѣронравный Биронъ, съ помощью Нѣмцевъ, имъ на всѣ главныя мѣста посаженныхъ, принялся терзать всѣ состоянія сего новаго населенія. Съ терпѣніемъ, свойственнымъ всѣмъ богобоязненнымъ народамъ, жители увидѣли въ томъ гнѣвъ Божій, Вавилонское плѣненіе, новое Татарское нашествіе, и безъ ропота переносили му-

ченія; но желаніе освобожденія и мести таилось во всѣхъ сердцахъ, въ послѣдствіи воспрянуло и превратилось въ вѣчно-живущее преданіе.

Москва совсѣмъ не въ такой мѣрѣ испытывала жестокости Бирона: онъ болѣе щадилъ ее и, видя въ ней сердце Россіи, опасался совершенно раздражить его. Нравы небольшаго числа Нѣмцевъ, въ ней жившихъ и господствовавшихъ, какъ будто смягчились посреди огромной массы ея добродушнаго и безпечнаго населенія. Конечно, она должна была принимать сострадательное участіе въ судьбѣ Петербурга; но кто знаетъ, можетъ быть, не безъ удовольствія видѣла она бѣдствія своего юнаго соперника. Вспомнимъ Новгородъ, богатый и торговый, нѣсколько онѣмеченный тѣснымъ союзомъ съ Ганзой и сосѣдствомъ съ Ливоніей, и равнодушіе его къ униженію Москвы и страданіямъ другихъ Русскихъ городовъ, раздавленныхъ Татарскимъ игомъ.

Съ воцареніемъ Елисаветы Петровны въ Петербургѣ началось сильное противудѣйствіе. Народъ готовъ былъ вырѣзать всѣхъ Нѣмцевъ, еслибъ человѣколюбіе ея не спасло ихъ. Но съ тѣхъ поръ прошла въ немъ рѣзкая черта, раздѣляющая двѣ вѣчно борющіяся стихіи, изъ коихъ по временамъ одна беретъ верхъ числомъ, другая искусствомъ и осторожностію.

Тогда Москва не ощутила очень большой перемѣны; только таже Елисавета, любя ее всѣмъ Русскимъ сердцемъ своимъ, учредила въ ней Университетъ, главный, почти единственный тогда, разсадникъ наукъ въ Россіи. Но гдѣ было взять профессоровъ? Всѣ они были выписаны изъ Германіи. Русское юношество, не въ большомъ еще числѣ, съ алчнымъ остервененіемъ кинулось къ этому источнику и добровольно, безусловно покорило себя наставникамъ своимъ. Съ своей стороны и тѣ возлюбили послушныхъ, прилежныхъ, внимательныхъ питомцевъ своихъ. И вотъ, по моему мнѣнію, начàло совсѣмъ ненасильственнаго преобладанія Нѣмцевъ въ Москвѣ. Такъ продолжалось долго, очень долго! Я даже помню въ отрочествѣ своемъ, съ какимъ колѣнопреклоненіемъ Москвичи произносили имена Шадена, Гейнрихса, Дилтея, Маттея и другихъ, мало извѣстныхъ, а нынѣ совсѣмъ забытыхъ профессоровъ, тогда какъ въ Петербургѣ даже о великомъ Эйлерѣ, о Палласѣ и Гмелинѣ хотя и говорили съ большимъ уваженіемъ, но не возносили ихъ до Олимпа.

Царствованіе двухъ незабвенныхъ женщинъ, Елисаветы и Екатерины, можно почитать въ Россіи вѣкомъ двухъ Астрей. При первой

возродилось у насъ, при другой возросло и утвердилось чувство народнаго достоинства; при обѣихъ—въ Петербургѣ. Не за-долго до Елисаветы въ немъ родилась новая наша Русская литература: Кантемиръ писалъ свои сатиры и жилъ одинъ изъ первородныхъ нашихъ поэтовъ, почитаемый худшимъ, за то трудолюбивѣйшій изъ нихъ, Третьяковскій. При Елисаветѣ процвѣтали въ немъ: вдохновенный и ученый Ломоносовъ и вѣчный соперникъ его Сумароковъ. Отъ сихъ звеньевъ, все тамъ же, почти до нашихъ дней, потянулась длинная цѣпь писателей и стихотворцевъ. Всѣ они проникнуты были патріотическимъ чувствомъ; согрѣтые имъ, иные бывали увлекательны, какъ напримѣръ Богдановичъ, Петровъ и даже Рубанъ. Въ Петербургѣ сочиненіями трагедій, безуспѣшно, хотя и прилежно, занимались Майковъ и Николевъ; въ немъ явились лучшіе наши комическіе авторы, Княжнинъ и Фонвизинъ. Наконецъ, первая опера, совершенно въ Русскомъ вкусѣ «Мельникъ» тамъ же писана Аблесимовымъ и тамъ же въ первый разъ представлена. Всѣ эти люди едва ли были знакомы съ Москвой. На берегахъ Невы впервыя загремѣли великолѣпные звуки отечественной лиры Державина и потомъ слабѣли и угасали на берегахъ Волхова; до Яузы только доходили они, какъ до всѣхъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи.

Собственнымъ примѣромъ Екатерина поощряла подвизавшихся на полѣ словесности. Конечно, ея творенія, «Февей», «Федулъ съ дѣтьми» далеки отъ совершенства, за то другимъ великимъ твореніемъ подарила она словесность нашу: она создала въ Петербургѣ Россійскую Академію, верховное литературное судилище. Она уже не существуетъ; но труды ея заслуживаютъ вѣчную благодарность потомства. Безпрестанно отъ иностранныхъ вкравшихся изрѣченій очищая Русскій языкъ, она оказала ему неизчислимыя услуги и, наконецъ, издала Словарь, который можетъ служить кодексомъ для будущихъ писателей. Кто бы могъ ожидать, что между Русскими сыщется человѣкъ, который святотатственно дерзнетъ посягнуть на существованіе безсмертнаго памятника Екатерининой мудрости? Онъ сокрушенъ при предпослѣднемъ министрѣ просвѣщенія *). Не помню имени того Еврея или Сиріанина, который, проникнувъ въ храмъ Соломона и коснувшись священнаго ковчега, внезапно былъ пораженъ жестокими недугами. Впрочемъ отсутствіе вкуса, вѣрныхъ и строгихъ правилъ, совершенное безначаліе въ литературѣ уже предшествовали сему окончательному истребленію порядка.

*) Графѣ С. С. Уваровѣ (крестникѣ Екатерины Великой!) П. Б.

Съ изящнымъ вкусомъ Екатерины, съ тонкостію ея ума, ей невозможно было не плѣняться Французской литературой, тогда богатѣйшей въ Европѣ. Слѣдствіемъ того было введеніе во всеобщее употребленіе Французскаго языка и въ лучшемъ Петербургскомъ обществѣ. Молодые знатные люди, посѣтители Версаля и Фернея, оттого начинали было забывать Русскій языкъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе чѣмъ когда гордились именемъ Русскимъ. Нѣкоторые изъ нихъ писали даже плохіе Русскіе стихи, какъ, напримѣръ, Бѣлосельскій, авторъ смѣшной, а не забавной оперы «Олинька или первоначальная любовь».

Хорошее общество вездѣ болѣе или менѣе одинаково, и Петербургское съ Московскимъ находится въ сродствѣ; въ гостиныхъ послѣдняго скоро послышался модный языкъ. Но, не говоря уже о купечествѣ, многіе богатые и старинные дворяне не вдругъ рѣшились дѣтей своихъ учить по-французски, продолжая предпочитать Нѣмецкій языкъ. Въ послѣдствіи почти всѣ благовоспитанные Москвичи выучились по-французски и хотя безошибочно, но говорили съ нѣкоторымъ затрудненіемъ и какъ бы на имъ непривычномъ языкѣ.

Во Франціи весьма неизвѣстный Сенъ-Мартенъ основалъ секту Мартинистовъ. Германія себѣ ее присвоила, и она быстро распространилась и усилилась между ея мечтателями. Какъ на приготовленную для нея почву, она удобно пересажена была въ Москву. Николай Новиковъ, другъ и поборникъ просвѣщенія, человѣкъ чистѣйшей нравственности, плѣнился ея ученіемъ, сдѣлался у насъ ея главою и привлекъ въ нее много извѣстныхъ людей, между прочими Лопухина, Трубецкихъ и, наконецъ, честнѣйшаго Тургенева. Не смотря на то, дальновидность Екатерины нашла тутъ корень зла—и всѣ они разосланы были по дальнимъ губерніямъ. Извѣстно, какъ неохотно и только по необходимости приступала она къ строгимъ мѣрамъ. Между тѣмъ мартинизмъ въ Москвѣ усилилъ и утвердилъ германизмъ, особенно когда, по воцареніи Павла, Тургеневъ вызванъ былъ изъ ссылки и сдѣланъ директоромъ Университета.

Въ Петербургѣ мартинизма не знали. Общество совершенно офранцузилось, весьма несправедливо гнушаясь всѣмъ Нѣмецкимъ; литература же и науки устремились ко всему отечественному. Показались въ немъ Русскія имена ученыхъ, Крашенинникова и Рычкова, которые взялись описывать Россію; тамъ же Татищевъ и Щербатовъ принялись было писать ея исторію, а Болтинъ разсуждать объ ней. Въ Петербургѣ же родилась первая мысль объ изученіи ея древностей, и была издаваема «Древняя Русская Вивліоѳика».

Во храминѣ Россійской Академіи все дышало патріотизмомъ. Къ сожалѣнію, исключая духовныхъ ораторовъ, она не изобиловала великими талантами. Отъ того одинъ морякъ, въ самой первой молодости преплывшій воды Балтійскаго моря, а остальное время долголѣтія своего проведшій на берегахъ его, взялъ первенство между ея членами. Умъ и знанія старца Шишкова не соотвѣтствовали пламенному желанію его усовершенствовать Русскій языкъ. Но онъ первый заговорилъ о сродствѣ его съ другими Славянскими нарѣчіями, первый возбудилъ въ насъ участіе къ единокровнымъ и единовѣрнымъ намъ народамъ—и Москвичами, въ насмѣшку, первый прозванъ былъ Славянофиломъ. За то и онъ вооружился на вовсе ему незнакомую Москву и взялъ къ себѣ въ союзники даровитаго, плодовитаго, замысловатаго, но слабодушнаго и легкомысленнаго комика Шаховскаго. Въ тоже время нѣсколько извѣстныхъ писателей, въ разныхъ странахъ Россіи родившихся, Капнистъ, Крюковской, лучшій доселѣ трагикъ Озеровъ и наконецъ безпримѣрный нашъ баснописецъ Крыловъ, загорѣлись и сѣвернымъ сіяніемъ проблистали въ нашей сѣверной столицѣ.

Утверждали тогда, будто зависть заставляетъ Шишкова и Шаховскаго возставать на Московскихъ писателей. И дѣйствительно между ими были два человѣка, которые великими дарованіями, высокими достоинствами и всеобщимъ уваженіемъ, коимъ пользовались, могли возбудить сіе жалкое чувство. Первый Дмитріевъ все лучшее, все прекраснѣйшее по чувству любви къ родинѣ, «Ермака», «Освобожденіе Москвы», «Причудницу», написалъ въ Петербургѣ, будучи гвардіи капитаномъ; а тутъ жилъ онъ почти безъ дѣла, принимая у себя Московскихъ писачекъ, дурача ихъ и забавляясь ихъ нелѣпыми притязаніями. Съ какой же стати было завидовать ему? Послѣ того, пробывъ министромъ, онъ опять отправился сюда дремать; но сонъ его былъ тревожимъ возрастающими глупостями, имъ видѣнными и слышанными, и онъ писалъ къ пріятелю, что радъ бы былъ переселиться въ Петербургъ, еслибъ не былъ прикованъ къ Москвѣ *проклятыми* хоромами, въ ней построенными.

Другой, Карамзинъ, былъ питомецъ Московскихъ музъ. Вліяніе на него тогдашней Нѣмецкой литературы было весьма чувствительно въ его первыхъ произведеніяхъ и особенно въ «Письмахъ Русскаго Путешественника»; но природа съ самаго отрочества вывела его изъ круга обыкновенныхъ людей: не изъ подражанія иноземному, а изъ собственныхъ ума и сердца извлекъ онъ новый, имъ созданный, плѣнительный слогъ. По возвращеніи изъ-за границы поселился онъ въ

Москвѣ и, слѣдуя ея вѣрованіямъ, усердно поклонялся Западу, такъ что издаваемый имъ журналъ назвалъ «Вѣстникомъ Европы» *). Но когда весь погрузился онъ въ изученіе исторіи древней Россіи, когда во тьмѣ невѣжества, страданій и преступленій со временъ Петра презираемыхъ нами предковъ, заблистало передъ нимъ такъ много доблестей, когда открылись ему ихъ твердость въ злополучіи, покорность къ волѣ Неба, постоянная вѣра и надежда на Его помощь, вмѣстѣ со смѣтливостью ума простота ихъ нравовъ, о! тогда предсталъ ему новый міръ. Въ немъ ясно увидѣлъ онъ, какъ собственными средствами, собственными небольшими силами Русь постепенно освободилась отъ Татарскаго ига и какъ, вышедъ изъ бездны золъ и уничиженія, руководимая свыше, она пошла къ настоящему величію, не смотря на всѣхъ сильныхъ окружающихъ ее враговъ. Тогда, можно сказать, онъ не жилъ въ Москвѣ, а въ вѣкахъ, съ коими бесѣдовалъ и кои вопрошалъ. Москва обратилась для него въ пустыню, въ которой напрасно онъ сталъ бы проповѣдовать—и онъ оставилъ ее. Въ Петербургѣ же, гдѣ онъ поселился и гдѣ окончилъ дни свои, святая любовь къ родинѣ разливалась вокругъ него и сообщалась тѣмъ, кои къ нему имѣли доступъ; тамъ вездѣ встрѣчалъ онъ сочувствіе, и въ лѣтахъ болѣе чѣмъ зрѣлыхъ, обрѣлъ молодыхъ друзей, достойныхъ понимать его.

Германія и Дерптъ первые возстали на безсмертный трудъ его. Москва же, почитавшая его своею собственностію, не могла простить ему лишеніе оной. Вскорѣ въ ней выскочилъ изъ грязи купчикъ Полевой, который, подстрекаемый многочисленными недоброжелателями Карамзина, задумалъ сдѣлаться его соперникомъ, затмить его славу и новой исторіей своей уничтожить ту, которой дивилась вся Россія.

Мнѣ кажется, что Шишковъ смотрѣлъ въ увеличительное стекло на недостатки Москвы. Ему и Шаховскому было совѣстно, даже унизительно состязаться съ ея литературною сволочью, съ Владиміромъ Измайловымъ, Шаликовымъ, Макаровымъ, Бланкомъ и другими бездарными, жеманными и приторными подражателями Карамзина. Они нападали на нихъ, а указывали на него, почитая его главою людей, ему совершенно чуждыхъ. Подъ знамена Шишкова между тѣмъ собралась дружина, и хотя въ этомъ сбродѣ ничтожныхъ людей, въ Станевичѣ, Анастасевичѣ, Львовѣ, Гераковѣ, Висковатомъ и многихъ другихъ не

---

*) Прошу замѣтить, что въ Петербургѣ всѣ прежніе журналы носили Русскія названія: Живописецъ, Собесѣдникъ и другіе. Въ Москвѣ же были Меркурій, Иппокрена, Аглая, Мнемозина, все изъ миѳологіи; показался было Европеецъ; за нимъ Телескопъ, Телеграфъ. Русскими названіями какъ будто брезгали; насплу появился Москвитянинъ.

встрѣчалось ни единаго таланта, за то сочиненія ихъ исполнены были безмѣрной, даже преувеличенной любви къ отечеству. Почти въ тоже время, когда въ Москвѣ жалкіе писатели охали, вздыхали, на Нѣмецкій манеръ сентиментальничали, въ Петербургѣ истинная глубокая чувствительность находилась въ стихахъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ поэтовъ. Когда плѣнительные звуки лиры Нелединскаго умолкли, послышался тамъ звонкій, нѣжный, трогательный голосъ Батюшкова, который всѣхъ очаровалъ.

Въ губерніяхъ Тульской и Орловской жило семейство или, лучше сказать, цѣлый родъ Бунино-Протасовскій, коего всѣ члены замѣчательны были умомъ и любознаніемъ. По сосѣдству часто посѣщая Москву и черпая въ ней просвѣщеніе, до того прилѣпились они ко всему Нѣмецкому, что многія изъ дѣвицъ, къ нему принадлежащія, выходили замужъ преимущественно за Нѣмцевъ. Въ этомъ семействѣ воспитанъ былъ Жуковскій.

Надобно всегда говорить правду: въ началѣ столѣтія въ Москвѣ, при Александрѣ, Нѣмцы усмирились или, лучше сказать, примирились съ Россіей. Они продолжали почитать себя нашими единственными образователями, но съ нѣжностію смотрѣли на мнимыхъ своихъ воспитанниковъ. Пріятно теперь вспоминать объ нихъ. Съ разсчетливостію, съ аккуратностію, они совсѣмъ не были алчны въ неправедной добычѣ; и какая была въ нихъ добросовѣстность, какое вѣрованіе въ добро и въ слѣдствіе того какое легковѣріе *)! Всѣ почти были Кандиды, Панглосы, всѣ оптимисты. Надобны были семилѣтнее порабощеніе Наполеону, духъ возмущенія, имъ порожденный и развратъ долго находившейся между ими Французской революціонной арміи, чтобы совершенно испортить ихъ нравы и извратить ихъ характеръ до того, что̀ мы нынѣ видимъ. Слѣдуя не общему примѣру, а влеченію вселюбящаго, дѣвственнаго сердца, привлеченъ былъ къ нимъ неопытный юноша Жуковскій. Онъ боготворилъ также и Россію. Двѣ страсти, изъ коихъ нынѣ, кажется, одна должна бы истребить другую, наполнили кроткую его душу, и два свѣтильника, чистѣйшимъ огнемъ горящіе, до конца освѣщали ему путь прекрасной жизни его.

Какъ нарочно Германія прославилась тогда знаменитѣйшими писателями, Шиллеромъ, Гёте, Виландомъ, которые далеко за собой оста-

---

*) Нашъ простой народъ умѣлъ тѣмъ пользоваться. Извѣстный анекдотъ: „Ну что̀, извошникъ, возмешь къ Никита Мошенникъ на Стары Башмакъ?»—«Да три алтына“.—Нѣтъ, много, возми два полтинъ».—«Ну, ладно, баринъ».

вили предшественниковъ своихъ и въ литературной вѣрѣ должны были произвести переворотъ. Ими воспламенялся нашъ Жуковскій. Я помню, какъ, возвратившись изъ Геттингенскаго университета, другъ его, Александръ Тургеневъ, сынъ и братъ извѣстныхъ и самъ довольно извѣстный, посѣтилъ мое скромное жилище. У меня на сосновыхъ выкрашенныхъ полочкахъ стояло нѣсколько Французскихъ классиковъ дешеваго стереотипнаго изданія, которыхъ тогдашнія скудныя средства мои дозволяли мнѣ покупать. Съ презрительною улыбкою воскликнулъ онъ: «Что̀ это такое? А! Расинъ и Буало, Волтеръ и Лагарпъ, ха-ха-ха!» У него же шкапы наполнялись фоліантами въ пожелтѣвшихъ пергаментныхъ переплетахъ, въ которые никогда онъ не заглядывалъ, но которые показывали Нѣмецкую его ученость. Я не думалъ тогда, чтобы сами Французы, неблагодарные, сумасбродные, бѣшенные, принялись бы когда либо истреблять литературную славу свою.

Прочиталъ ли ты, любезный другъ, въ послѣднихъ номерахъ Москвитянина любопытный дневникъ студента, писанный въ 1805 и 1806 годахъ? *) Не знаю, можно ли умнѣе, забавнѣе и вѣрнѣе изобразить тогдашнее состояніе Москвы. Любо читать то, что̀ пишетъ онъ о широкомъ, роскошномъ и вмѣстѣ неприхотливомъ и нераззорительномъ житьѣ послѣднихъ бояръ. Въ тоже время съ какимъ подобострастіемъ говоритъ онъ о Нѣмцахъ, объ ихъ умѣ и знаніи! Какъ о важномъ дѣлѣ толкуетъ онъ о прибытіи изъ Петербурга Нѣмецкой труппы, на представленія которой изъ порядочныхъ людей тамъ никто не ѣздилъ, а въ которой Москвичи увидѣли ниспосланную имъ благодать. Всѣ драматическія творенія Коцебу сполна были здѣсь переведены на Русскій языкъ, и ими наводнена была здѣсь Русская сцена, тогда какъ въ Петербургѣ только Нѣмцы изрѣдка играли ихъ, и они тамъ прозваны были Коцебятиной.

Не знаю полно, осуждать ли мнѣ Москву за ея пристрастіе къ Нѣмецкому. Можетъ быть, оно до нѣкоторой степени предохранило ее отъ другаго постыднаго пристрастія ко всему Французскому. Оно господствовало въ Петербургѣ, особенно въ высшемъ обществѣ. Только и тогда случалось мнѣ слышать, какъ знатные господа и дамы, коверкая Русскій языкъ, превозносили его благозвучіе, его сладкозвучіе.

Петербургъ стоитъ лицомъ къ лицу съ Европой и прямо смотритъ ей въ глаза. Въ немъ всѣ, довольные или недовольные прави-

*) Говорится про Записки С. П. Жихарева, нынѣ изданныя вполнѣ „Русскимъ Архивомъ“ въ приложеніяхъ къ 1890 и 1891 годамъ и отдѣльною книгою. П. Б.

тельствомъ, судятъ одинаково о заграничныхъ дѣлахъ. Обиды, наносимыя ему, то есть самой Россіи, державами или народами, почитаютъ они собственными и безъ равнодушія, безъ робости готовы вступиться за народную честь нашу. До 1812 года или, лучше сказать, до 1815 года, былъ у насъ одинъ только обидчикъ, Наполеонъ. Я помню, какъ, съ безпокойствомъ, исполненнымъ однакоже рѣшимости и достоинства, смотрѣли тамъ на приближеніе послѣдней окончательной съ нимъ борьбы. Москва же веселилась и сохраняла свою безпечность до самаго того дня, въ который онъ ворвался въ наши границы. Тогда она вдругъ взволновалась, отчасти, можетъ быть, возбуждаемая тугендбундомъ, страждущими заграничными братіями. Четверо изъ богатыхъ, молодыхъ, великодушныхъ бояръ и все купечество вообще сдѣлали великія, сильныя пожертвованія; простой народъ просто готовился за родину положить свой животъ. И въ Москвѣ былъ тогда одинъ и только одинъ до изступленія влюбленный въ свою Россію, Сергѣй Глинка, предметъ постоянныхъ насмѣшекъ просвѣщеннаго въ ней класса; въ страшную же для нея годину нѣсколько времени былъ онъ въ ней честимъ. Я былъ тогда въ провинціи и видѣлъ многихъ бѣжавшихъ изъ Москвы. Конечно не всѣ, но нѣкоторые изъ нихъ показались мнѣ и гадки, и жалки. Одни съ досадой обвиняли правительство, зачѣмъ оно, допустивъ врага до древней столицы, не пало къ его ногамъ и не вымолило мира, на какихъ бы условіяхъ ему ни угодно было предписать его; другіе проклинали Ростопчина за то, что онъ не вышелъ къ Наполеону съ хлѣбомъ и солью и не предложилъ контрибуціи; за сгорѣвшіе дома свои дали бы они выкупу, сколько бы потребовалось. Было даже двое мерзавцевъ, которые, съ примѣтнымъ удовольствіемъ, вычитывали непріятельскія силы, умножали ихъ и доказывали невозможность имъ сопротивляться. Одинъ Московскій писатель Ш. встрѣтилъ у себя Французовъ привѣтственною рѣчью на плохомъ Французскомъ языкѣ; за то былъ онъ раздѣтъ, разутъ, ограбленъ и высѣченъ ими и полунагой едва успѣлъ спастись отъ нихъ бѣгствомъ.

За то какъ славно вели себя наши провинціалы! Древній Римъ изъявлялъ благодарность сынамъ своимъ, которые не отчаявались въ фортунѣ Рима. По всей справедливости и эти сыны отечества заслуживали бы подобную награду.

Напрасно почитать Москву исключительно, чисто-Нѣмецкимъ городомъ: преимущественно— такъ! И за предѣлами Германіи находитъ она для себя множество предметовъ обожанія. Тысячи иноземцевъ ежегодно пристаютъ къ берегамъ Невы; на нихъ смотрятъ тамъ безъ

всякаго замѣчанія; только отборнѣйшіе изъ нихъ по рожденію, талантамъ и воспитанію получаютъ приглашенія въ общества. Въ Москвѣ всякій иностранецъ въ диковинку. Не знаю, случалось ли тебѣ читать плохіе Московскіе журналы до 1812 года: ты бы нашелъ въ нихъ объявленія о пріѣздѣ всякаго неизвѣстнаго ледащаго Англичанина, Француза или Итальянца, описаніе его костюма, наружности и, разумѣется, все въ похвалу. Мнѣ приходитъ на память одна пѣсенка, слышанная мною въ совершенномъ ребячествѣ, написанная какимъ-то тогдашнимъ проказникомъ по случаю прибытія плѣннаго Шведа графа Вахтмейстера, Екатериною отправленнаго въ Москву. Вотъ что̀ помню изъ нея:

Умы дамски помутились,
У всѣхъ головы вскружились,
Какъ сказали, что въ воксалъ
Будетъ Шведской адмиралъ....
А далѣе: Дочерей и внукъ толкаютъ,
Танцовать съ нимъ посылаютъ:
Пошла, дура, не стыдись,
Съ адмираломъ повертись!

И неудивительно ли, что съ тѣхъ поръ и понынѣ все тоже? Мнѣ случалось видѣть на балахъ у важныхъ особъ молодыхъ сидѣльцовъ съ Кузнецкаго моста. Грибоѣдовъ въ комедіи своей помѣстилъ Французика изъ Бордо. Неужели не помнишь ты, немного лѣтъ тому назадъ, плѣшиваго, пятидесятилѣтняго купца изъ того же города, высокаго, сухопараго, неутомимаго танцовщика, который хвасталъ тѣмъ, что каждый вечеръ заставляетъ плясать (fait danser) двѣнадцать барышенъ [1]). Около того же времени былъ молодой, красивый купеческій прикащикъ (commis-voyageur), по имени впрочемъ Стюартъ; его рѣшительно всюду звали на расхватъ. Съ распростертыми объятіями принимали также самозванца-барона Джіордано, изобличеннаго мошенника, которому доказали, что видѣли его когда-то мальчикомъ Савояромъ съ суркомъ, пляшущимъ на улицахъ. Спросилъ бы ты у этихъ господъ: кого знали они въ Петербургѣ? [2]).

*) Этотъ плясунъ—Баль (bal): по шерсти кличка. (Это и слѣдующія примѣчанія принадлежатъ Н. В. Сушкову, въ книгѣ котораго объ Унив. Пансіонѣ первоначально появилась, но съ важными пропусками, эта злая сатира Вигеля. П. Б.)

*) Лѣтъ десять назадъ Вигель самъ не спросту снабдилъ изъ Одессы письмами къ своимъ знакомымъ въ Москвѣ двоихъ самозванцевъ. Одинъ изъ нихъ величалъ себя барономъ и возилъ съ собою въ общество взятую имъ гдѣ-то на прокатъ баронессу, которую выдавалъ за отличную пѣвицу и которая всегда, когда просили ее что нибудь спѣть, была нездорова: то кашель, то боль въ горлѣ, то ломота въ груди; а взглянуть на нее—гора горой!.... Не помню, какъ называлъ себя вгорой спутникъ баронессы; а этотъ не скрывалъ своего имени: Таліандіе или Тальяндеръ. По высылкѣ ихъ изъ Москвы, я видѣлъ въ иностранныхъ газетахъ объявленіе о побѣгѣ барона съ галеры. Н. С.

Пожаръ 1812 года—важнѣйшая эпоха въ исторіи Москвы. Были люди, которые и тогда видѣли въ немъ небесную кару за отступничество высшихъ слоевъ ея жителей. Для всѣхъ же вообще сдѣлалась она драгоцѣннѣе прежняго, какъ искупительница цѣлаго царства, какъ камень претквовенія для властителя Европы. Она названа градомъ чудесъ и для сердецъ руссолюбивыхъ стала тоже чтó Мекка для мусульманъ, чтò Іерусалимъ для христіанскаго міра. Этотъ предразсудокъ сохраняется и понынѣ, и кто болѣе меня былъ имъ увлеченъ, не смотря на то, что Москва пуще прежняго возлюбила сокрушившихъ ея древнія сокровища, наругавшихся надъ ея святынею?

Въ Кишиневѣ жила одна Гречанка Калипсо, коей блистательныя очи воспламенили поэтическое сердце Пушкина, находившагося тогда въ ссылкѣ. Въ 1824 году одинъ хорошій знакомый его изъ Кишинева писалъ къ нему въ Одессу и именемъ этой Калипсо умолялъ его посѣтить мѣсто его жительства, въ шутку называя его странствователемъ-Телемакомъ. Въ отвѣтъ вотъ чтò между прочимъ сказалъ онъ ему стихами:

Скучной ролью Телемака
Я наскучилъ, о друзья!
О Москва, Москва-Итака!
Скоро ли тебя увижу я?

Онъ ея не зналъ, выросъ въ Царскомъ Селѣ, жилъ въ Петербургѣ и сосланъ былъ въ Южную Россію; но, въ душѣ патріотъ, одну Москву почиталъ отчизной. Онъ не совсѣмъ ошибся: ибо въ ней нашелъ онъ счастіе, красавицу-подругу.

Въ 1832 году и нѣсколько лѣтъ послѣ Москва была и моею любимою мечтою: въ ней видѣлъ я мѣсто злачно, мѣсто покойно, гдѣ на лонѣ родномъ могу отдохнуть отъ бурь житейскихъ; туда, туда! Въ помянутомъ году объяснялъ я Пушкину свои желанія и надежды. «Нѣтъ, сказалъ онъ мнѣ, не ѣздите туда. Я самъ долженъ былъ оставить Москву; я васъ знаю, вы будете изнывать, глядя на все, чтò тамъ происходитъ. Въ обществѣ какая безтолковщина, и какой мрачный характеръ принимаетъ зрѣющее, учащееся юношество (ему самому не съ большимъ было тридцать лѣтъ); грустно смотрѣть на него: чтò за правила, чтò за сужденія!» Я не повѣрилъ ему и послѣ долженъ былъ испытать жестокое разочарованіе. Кромѣ самого себя

мнѣ некого упрекать въ своей ошибкѣ; ибо другой пріятель письменно предупреждалъ меня на счетъ того, что̀ я долженъ былъ найдти *).

Въ Петербургѣ выросъ, возмужалъ, женился и началъ авторствовать Загоскинъ; въ Петербургѣ возгорѣлъ онъ священнымъ огнемъ любви къ отечеству. Наконецъ, онъ переселился въ давно желанную Москву. У меня цѣлы письма, въ которыхъ выражаетъ онъ горесть свою и глубокое негодованіе на все, его окружающее. Онъ свыкся съ своимъ положеніемъ: съ необыкновенною добротою души, онъ никакъ не умѣлъ возненавидѣть заблуждающихся братій; онъ даже ихъ любилъ, но безпрестанно роптал на нихъ.

Петербургскій писатель Грибоѣдовъ, за что-то прогнѣвавшійся на Москву, въ «Горѣ отъ Ума» не пощадилъ ея странностей, ея слабостей, которыя тогда уже начинали исчезать и о которыхъ теперь приходится вспоминать съ сожалѣніемъ; онъ нападалъ на ея предразсудки, на ея хвастливое гостепріимство, однимъ словомъ на ея смѣшную сторону. Она заимствовала у старой Германіи чинопочитаніе, титломанію, уваженіе къ лѣтамъ, до нѣкоторой степени любовь къ порядку: отъ того толковала она о своихъ тузахъ, о камергерскихъ ключахъ. Новая, молодая Германія принялась все это истреблять. Изъ-за Эльбы, изъ-за Одера, привычнымъ путемъ, въ слѣдъ за Нѣмецкимъ добромъ, потекло сюда Нѣмецкое зло. Удивляться ли послѣ того успѣху комедіи Грибоѣдова, помогавшей разрушенію былаго? Въ комедіяхъ, сатирахъ, эпиграммахъ, мнѣ кажется, легко отличить веселую склонность автора къ насмѣшкамъ или желаніе мести, желаніе уязвить ненавистныхъ, отъ крика болящаго сердца, вырывающагося изъ глубины его при видѣ пороковъ ближняго. Во всѣхъ твореніяхъ Загоскина ты найдешь намѣреніе, желаніе осмѣяніемъ исправить ихъ, особенно же въ славной комедіи его «Недовольные». Именно отъ того, что онъ слишкомъ удачно попадаетъ въ язвы общества Московскаго, она не могла имѣть удачи. Не отдавая ни малѣйшей справедливости его золотому сердцу, его наблюдательному уму, искусству вѣрно изображать нравы, Москва злилась на него, поносила его и если ему оказываема была нѣкоторая снисходительность, то благодаря занимаемому имъ мѣсту. Увы, его уже нѣтъ, а на него и доселѣ

*) Я видѣлъ руссомана Лермонтова въ послѣдній проѣздъ его чрезъ Москву. «Ахъ, еслибъ мнѣ позволено было оставить службу, сказалъ онъ мнѣ, съ какимъ удовольствіемъ поселился бы я здѣсь!»—«Не надолго, мой любезнѣйшій», отвѣчалъ я ему.

нападаютъ, въ особенности щеголихи, и за что же? За дурное его Французское произношеніе.

За Красными воротами существовалъ отель-Левашевъ, предметъ всеобщаго уваженія, который не въ шутку называли отель-Рамбулье. Общество его состояло изъ руссофобовъ, а еще гораздо болѣе изъ руссофобокъ. Денисъ Давыдовъ, почти съ ребячества вступившій на военное поприще въ Петербургѣ, проведшій большую часть жизни на бивакахъ, подъ шатрами, и по обстоятельствамъ поселившійся въ Москвѣ, не могъ равнодушно смотрѣть на это поганое гнѣздо, гдѣ, какъ говоритъ онъ, *Россіи тáска, да какая!* Какъ забыть стихи его по сему предмету, въ которыхъ такъ забавно и остроумно выставляетъ онъ заговорщицу-блоху съ мухой-якобинкой и старую дѣвку-стрекозу, и маленькаго аббатика съ маленькимъ набатикомъ.

Надобно замѣтить нѣчто весьма странное. Петербургцы, переѣзжая въ Москву, къ счастію, не измѣняютъ своимъ вѣрованіямъ, не становятся противниками Россіи. Москвичи же, еще не состарѣвшіеся въ Петербургѣ, спустя нѣсколько времени, совершенно переливаются въ Русскихъ. Я укажу тебѣ на одинъ примѣръ. Посреди разгульной, буйной молодости, проведенной въ Москвѣ, Вяземскій изобрѣлъ слово *квасной патріотизмъ* и имъ пятналъ у насъ всякую любовь къ отечеству. Тамъ же написалъ онъ богомерзкіе куплеты, оканчивающіеся словами

Вотъ онъ, вотъ онъ Русскій богъ,

которые тамъ иностранцы съ удовольствіемъ вытвердили наизустъ. По нуждѣ, по обстоятельствамъ пришлось ему жить въ Петербургѣ. И что же? Можно ли было ожидать, что послѣ немногихъ лѣтъ, въ немъ проведенныхъ, напишетъ онъ чудные стихи къ памяти Орловскаго, въ которыхъ такъ мило будетъ восхвалять и Русскую тѣлежную ѣзду на перекладныхъ, и удальство нашихъ ямщиковъ. Ты не забылъ ихъ, вѣроятно; ибо я помню, какъ, улыбаясь сквозь слезы, ты прочиталъ то мѣсто, гдѣ говоритъ онъ объ ямской пѣснѣ, исполненной тоски:

Но тоска, струя живая
Изъ роднаго тайника,
Полюбовная, святая,
Молодецкая тоска!

За границей воспѣвалъ онъ самоваръ и недавно еще въ Саксоніи съ какою нѣжною грустію вспоминалъ онъ блескъ и бѣлизну нашего снѣга, веселіе, катанья, попойки и блины нашей Масляницы.

Всѣ Нѣмцы въ Петербургѣ, употребленные по службѣ, должны болѣе или менѣе казаться Русскими, чтобы заслужить уваженіе и довѣренность. Нѣкоторые изъ нихъ, Кюхельбекеръ, бароны Дельвигъ, Розенъ, Корфъ и другіе сдѣлались Русскими писателями. Вообще я знаю по опыту, что Россія не имѣетъ сыновъ преданнѣе обрусѣвшихъ Нѣмцевъ и враговъ злѣе онѣмеченныхъ Русскихъ, каковы напр. Бакунинъ, Герценъ, бѣжавшіе изъ Москвы. Въ Петербургѣ какъ искусно, какъ удачно, какъ мастерски Гречъ, Булгаринъ и Сенковскій прикидываются усердными сынами Россіи! И спасибо имъ за то; честь и слава ожидаютъ ихъ въ потомствѣ, которое лично ихъ не будетъ знать; въ Москвѣ они не имѣли бы нужды того дѣлать: тамъ уваженіе къ Россіи почитается варварствомъ; тамъ знаменитѣйшій Чаадаевъ, сочинитель безъ сочиненій и ученый безъ познаній, останется навсегда Англо-Французомъ, тогда какъ, продолжая жить въ Петербургѣ, онъ бы непремѣнно сдѣлался преполезнѣйшимъ Русскимъ человѣкомъ.

Русское добродушіе въ Петербургѣ облекается вѣжливыми формами прежней Европы; въ Москвѣ оно обратилось въ грубое чистосердечіе Германцевъ, безпощадное для всякаго самолюбія. И вотъ что̀ плѣнило меня, когда въ 1840 году переѣхалъ я въ Москву на вѣчное житье: мнѣ казалось, что, оставивъ вдали отъ себя притворство, нахожу наконецъ милую откровенность; я не подумалъ, что тоже самое могъ бы я встрѣтить между крестьянами въ любой деревнѣ, въ которой я не былъ бы помѣщикомъ.

Славянофиловъ, коихъ такъ много было въ Москвѣ, принялъ я за настоящихъ патріотовъ и гораздо болѣе года находился въ семъ пріятномъ заблужденіи; нѣкоторыхъ изъ нихъ я посѣщалъ и видѣлъ у себя, другихъ встрѣчалъ на ученыхъ вечернихъ собраніяхъ, на которыхъ умиралъ со скуки. Всѣ эти господа почитали себя великими мыслителями или хотѣли казаться ими. Вопросы касались самой высшей философіи; о Кантѣ было рѣдко упоминаемо, а всѣ сужденія и споры шли болѣе о Шеллингѣ и о Гегелѣ. Все мнѣ являлось въ какомъ-то тускломъ свѣтѣ, посреди коего однако слова̀ одного необыкновенно-умнаго человѣка часто блистали, какъ молнія, послѣ коихъ все погружалось опять во тьму непроницаемую. Да это просто Нѣмцы, сказалъ я наконецъ самъ себѣ, Нѣмцы новѣйшихъ временъ, Нѣмцы, переряженные въ армяки и красныя рубашки съ косыми воротниками; кромѣ этого въ нихъ ровно ничего нѣтъ Русскаго. И дѣйствительно, славянизмъ былъ ничто иное, какъ предметъ изученія, новая система,

которую надлежало поддерживать и распространять. Славянофилы были точно тоже, что̀ нынѣ Негрофилы, а прежде Филэллены; между тѣми и другими не было ни одного Арапа, ни одного Грека; въ Англіи, говорятъ, теперь множество Туркофиловъ. Еще болѣе убѣдился я въ мнѣніи своемъ, когда увидѣлъ, какъ чуждаются они всѣхъ умныхъ Русскихъ, сохраняющихъ древній образъ мыслей на счетъ Россіи, съ какимъ омерзеніемъ смотрятъ на нихъ, тогда какъ дружатся съ свободомыслящими Русскими Европейцами, безпрестанными хулами преслѣдующими насъ бѣдныхъ Руссаковъ, какъ напр. съ несчастнымъ Павловымъ *).

Какъ часто среди худаго встрѣчаешь и славное. Родственными и прежними дружескими связями къ Славянофиламъ прикованъ былъ вдохновенный мученикъ Языковъ. Тѣлесныя страданія его умножались еще душевными, при видѣ отступничества ближнихъ отъ постоянно имъ исповѣдаемой вѣры въ величіе Россіи; они прекратили дни его. Негодованіе его иногда изливалось въ энергическихъ стихахъ, коихъ къ сожалѣнію нельзя было печатать; а мнимые друзья его, будто изъ любви къ нему, спѣшили ихъ истреблять, какъ произведенія поврежденнаго.

О диво! И нынѣ въ Москвѣ есть еще ученые и писатели съ умомъ, которые осмѣливаются оставаться Русскими: Ѳедоръ Глинка, Вельтманъ, Сушковъ, Михаилъ Дмитріевъ, Снегиревъ, Бодянскій и другіе. Дерзновенные! Они наслѣдовали Загоскину въ презрѣніи и ненависти всѣхъ Московскихъ литературныхъ матадоровъ.

Но грѣха таить нечего: и въ Петербургъ тихомолкомъ пробралась Москва. Одинъ изъ ея безчисленныхъ князьковъ, весь окутанный въ юродливость Гофмана и въ музыкальную метафизику Баха и Бетховена, пріѣхалъ туда искать счастія — и нашелъ его. Онъ не изъ числа тѣхъ людей, у которыхъ есть убѣжденія, а вездѣ одинъ только разсчетъ. Что̀, спросилъ онъ у себя? Если я распахнусь, если предстану въ природной наготѣ, то не буду имѣть никакого вѣса. Отъ того повидимому онъ одинъ остался неизлѣченнымъ отъ Московскаго германизма. Время благопріятствовало его успѣхамъ. Въ Парижѣ сами Французы гнули тогда колѣна предъ Нѣмецкими учеными и философами; новая революція происходила въ идеяхъ, романтическая школа преуспѣвала и распространялась, совершенное безвкусіе начинало заступать мѣсто прежняго строгаго вкуса въ литературѣ; по примѣру Германцевъ Французы курили на улицахъ и готовились къ возмуще-

*) Когда Вигель писалъ это, Н. Ф. Павловъ былъ сосланъ въ Пермь. П. Б.

ніямъ; по примѣру ихъ, тѣ скоро стали отпускать бороды. На крыльяхъ моды все Парижское прилетаетъ въ Петербургъ и скоро имъ усвоивается; все безобразное начинало изгонять все граціозное, когда въ немъ появился нашъ князекъ. Странный ученый нарядъ, который онъ на себя накинулъ, контрастъ смѣлыхъ его сужденій съ тихимъ, почти молящимъ гласомъ, коимъ онъ ихъ произносилъ, должны были возбудить удивленіе, и онъ прослылъ не чудакомъ, что̀ немного прежде могло бы случиться, а необыкновеннымъ мужемъ. Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья (стихъ Пушкина), кажется, пролетѣлъ надъ его колыбелью; еще въ отрочествѣ не вѣрилъ онъ существованію невидимаго Творца вселенной, а послѣ случилось мнѣ самому слышать, какъ онъ отвергаетъ бытіе всѣми видимой Россіи. И вотъ образчикъ оригинальности князька! *)

По пятамъ мрачнаго юноши изъ Москвы потянулась цѣлая вереница людей, пресмыкавшихся въ неизвѣстности. Примѣръ его ничтожества и успѣховъ возбудилъ ихъ надежды. По большой части то были какіе-то незаконнорожденные, непомнящіе родства, грамотѣи-бродяги, всѣ почти изъ низкаго состоянія. Изъ нихъ образовался ему небольшой княжеской дворъ, свита, партія. Но ихъ число умножалось, масса становилась плотнѣе; они устыдились такого жалкаго меценатства, увидѣли, что упираются не на твердый камень, а на гнилое деревцо, отшатнулись отъ него и начали жить собственною жизнію, промышлять собственнымъ умомъ. Даромъ что Москвичи, что̀ имъ было до Германіи! Нелѣпости въ разныхъ видахъ и измѣненіяхъ потекли тогда изъ Франціи; они начали безпрестанно воспѣвать хвалебную пѣснь всѣмъ чудовищнымъ новизнамъ, оттуда приходящимъ, и наконецъ въ Петербургѣ овладѣли всѣмъ журнализмомъ, благодаря притязаніямъ тогдашняго министерства просвѣщенія на Европейскую извѣстность и чрезмѣрную снисходительность цензуры.

Когда она перешла къ крайней противоположности, должны были умолкнуть ихъ руссохульныя уста. Но они должны были утѣшиться и даже возрадоваться, увидѣвъ, что точно также, какъ съ ними, поступаютъ и съ самыми благонамѣренными писателями. О, еслибъ они не принуждены были величественно отмалчиваться, какими бы перунами грянули они изъ Петербурга въ злодѣевъ нашихъ на Западѣ! Вспомнимъ стихи Пушкина «Клеветникамъ Россіи» въ 1831 году. Съ какимъ живымъ участіемъ рукоплескали имъ въ Петербургѣ; въ Москвѣ же, знаешь самъ, названы они огромнымъ пятномъ въ его поэтической славѣ. Увы! Не только какое нибудь выраженіе вѣрноподдан-

*) Читатели согласятся, что такой отзывъ падаетъ тяжкою нравственною отвѣтственностью на самаго Ф. Ф. Вигеля. П. Б.

ническаго чувства, малѣйшая похвала Россіи почитается здѣсь раболѣпствомъ.

Какъ неизмѣнно въ Москвѣ передъ всѣмъ отечественнымъ предпочтеніе Германіи, что̀ бы въ ней ни происходило! Директоръ Императорскихъ театровъ долго жилъ въ ней и хорошо ее зналъ, когда отправилъ изъ Петербурга для барышей на зиму Нѣмецкую оперу, которой представленій тамъ никто не посѣщалъ. И что же? Никогда еще тамъ столько не восхищались райскимъ пѣніемъ Гризи и Віардо, Рубини и Маріо, какъ здѣсь крикуньей Нейрейтеръ и безгласнымъ Голландомъ. За сумасбродную овацію, которая ожидала Фанни-Эльснеръ при прощаніи съ Москвою, она столько же обязана своему великому таланту, какъ и Нѣмецкому прозванью.

Вотъ еще новое доказательство цѣлымъ вѣкомъ вкоренившагося здѣсь уваженія къ нашимъ западнымъ сосѣдямъ. Нѣмецкій клубъ овладѣлъ большою частію великолѣпнаго зданія нашего Благороднаго Собранія и окуриваетъ его. Лѣтомъ помѣщается онъ въ прекрасномъ воксалѣ Петровскаго парка, такъ недавно служившаго увеселительнымъ мѣстомъ для лучшаго высшаго нашего общества. Члены, новые владѣльцы, горделиво и презрительно смотрятъ на проходящихъ и проѣзжающихъ. Нѣкоторые изъ нашихъ почитаютъ за честь попасть въ число членовъ сего общества торговыхъ и ремесленныхъ людей. Сыщется ли въ Москвѣ хотя одинъ человѣкъ, который бы дерзнулъ осмѣять его, какъ сдѣлалъ сіе Шаховской въ забавной поэмѣ своей «Расхищенныя шубы»? Танцовальное собраніе давно уже существуетъ въ Петербургѣ, только не подъ исключительнымъ названіемъ Нѣмецкаго: люди всѣхъ націй имѣли право вступать въ него; но по большой части его балы и обѣды посѣщаемы были изъ Нѣмцевъ людьми почтенными, просвѣщенными, иными весьма чиновными, съ ихъ благовоспитанными семействами. Шалуны изъ офицеровъ и молодыхъ гражданскихъ чиновниковъ охотно туда ѣздили; и зачѣмъ же? Чтобы проказничать, дурачиться, издѣваться надъ Нѣмцами, достойными ихъ уваженія, и дѣлать дерзости дамамъ. Разумѣется, по всей справедливости для нихъ закрылся входъ въ сіе собраніе; но прозваніе шустеръ-клуба, ему изъ мщенія ими данное, осталось за нимъ и доселѣ. Скажи по совѣсти, изъ двухъ городовъ, который болѣе надлежитъ почитать Нѣмецкимъ?

Конечно и Петербургскія дамы плѣняются Европой, бродяжничаютъ по ней, но подобно Московскимъ барышнямъ по крайней мѣрѣ не ругаютъ Россіи, а провозносятъ ее, гордятся ею. Галломанія же Москвитянокъ и смѣшна, а иногда бываетъ и гадка. Одна изъ нихъ, въ па-

мять мужа, деревеньку свою назвала Mon mari, что въ послѣдствіи мужички передѣлали въ Мымыри; другая—хорошенькой рѣчкѣ, въ ея владѣніи протекающей, дала названіе Шармашки.

И послѣ того есть люди, которые Петербургъ попрекаютъ самымъ именемъ его, какъ будто онъ самъ себѣ его далъ, какъ будто бы оно не можетъ измѣниться. На Югѣ есть также великій градъ, который попеременно назывался Византіей, Новымъ Римомъ, Константинополемъ, Стамбуломъ и Царьградомъ. Отсѣчь только бургъ, и все останется: градъ и Великаго Петра, и Святаго Петра. Подъ благословеніемъ послѣдняго, мнѣ кажется, онъ скорѣе въ духовномъ отношеніи можетъ состязаться съ городомъ, коего епископы дерзаютъ почитать себя преемниками великаго Апостола.

А впрочемъ и въ Москвѣ: Кремль, Арбатъ, Басманная, Таганка, Балчугъ не суть ли Татарскія названія? И зачѣмъ не сохранять ихъ? Это рубцы, излѣченныя раны героя-побѣдителя, который съ гордостію можетъ ихъ показывать.

Отчего же Петербургъ сдѣлался болѣе Русскимъ городомъ, чѣмъ Москва? Вся тайна состоитъ въ томъ, что пока безпрестанныя нововведенія совершенно не измѣнятъ народный духъ нашъ, для насъ Россія и Православіе всегда будутъ тамъ, гдѣ Царь, гдѣ правительство, гдѣ главное духовное управленіе. Тамъ еще дорожатъ народною честью, тамъ встрѣчаешь не одно личное честолюбіе, а часто и честолюбіе государственное; тамъ не станутъ терзать меня унизительными, ненавистными словами «да что мы такое?, да какъ намъ, да гдѣ намъ?», тамъ не будутъ со злорадіемъ пугать меня Англинскимъ флотомъ, въ Мальтѣ находящимся; тамъ главныя лица и по учебной части наперерывъ стараются сохранить и утвердить между преподавателями и студентами добрыя правила, любовь и уваженіе къ отечественному. Нужно ли называть Плетнева, Куторгу, Устрялова?

Тебѣ гораздо лучше меня должно быть извѣстно, можно ли тоже самое сказать о Московскомъ университетѣ?

Въ образцахъ патріотизма Москва не нуждается: въ ней на высотахъ духовнаго краснорѣчія, геніальности и мірской власти стоятъ люди, въ душѣ Русскіе, каковы Филаретъ, Ермоловъ, Закревскій. Примѣръ ихъ подѣйствуетъ ли на просвѣщенныхъ Москвитянъ? Желательно, но сомнительно.

Когда съ набережной возведешь взоры на высокій, древній, зубчатый, златоглавый Кремль и опустишь ихъ на этотъ народъ, неиз-

мѣнный въ своихъ обычаяхъ, вѣрованіяхъ, привычкахъ и одѣяніи, сердце начнетъ какъ бы таять отъ удовольствія. Когда же потомъ войдешь въ любую гостиную и найдешь въ ней Европу въ искаженномъ видѣ, то оно начнетъ съ какою-то болью сжиматься.

Бѣдная Москва! Надъ нею какъ будто тяготѣетъ какое-то наказаніе свыше. Не смотря на всѣ усилія веселиться, пиршествовать, какое царствуетъ въ ней уныніе, какая тоска! Какое разъединеніе въ обществѣ! Вся она кажется размежеванною на особнячки. Къ ней слѣдуетъ примѣнить стихъ Жихарева, надъ которымъ такъ смѣялись:

Тамъ тѣни кучами сидятъ уединенны.

О, наша сердечная, наша родимая! Чтò сталось съ тобою? Куда дѣвались твое прежнее веселіе, твое радушіе и хлѣбосольство? До того дошла ты, православная, что кто-то въ печатныхъ стихахъ осмѣлился назвать тебя старой грѣховодницей. Опомнись!....

Повѣрь, я ни на чтò не досадую и никого не обвиняю, а только съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрю, какъ единоземцы мои, а паче Москвитяне, не умѣютъ или не хотятъ передъ иноземцами поддержать наше народное достоинство, показать нашу народную гордость и тѣмъ самымъ даютъ имъ право явно не уважать Россію. Еслибъ при концѣ дней моихъ могъ бы я въ этомъ увидѣть какую либо счастливую перемѣну, то, кажется, спокойнѣе закрылъ бы глаза свои на вѣки.

Москва. Сентябрь 1853 года.

*

На это причудливое злое произведеніе Ф. Ф. Вигеля, распространенное имъ въ рукописи, кто-то изъ Московскихъ писателей тогда же отвѣчалъ стихами, въ которыхъ находилось такое обращеніе:

Ты, съ виду кающійся мытникъ,
Россіи самозванный сынъ,
Ея непрошенный защитникъ,
На все озлобленный Мордвинъ.

Замѣтимъ, что старый холостякъ Вигель, подъ конецъ дней своихъ, прогнѣвавшись и на Петербургъ, снова поселился въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ 1856 году. П. Б.

ИЗЪ БУМАГЪ НИКОЛАЯ СОЛОМОНОВИЧА МАРТЫНОВА.

А. Отрывки его автобіографическихъ записокъ *).

I.

Пароходъ «Быстрый».

Прошло двадцать восемь лѣтъ со времени моей дуэли съ Лермонтовымъ, болѣе четверти вѣка! Напечатано было объ ней весьма мало: нѣсколько отрывочныхъ статей въ періодическихъ изданіяхъ и текстъ самаго дѣла по офиціальнымъ документамъ съ резолюціей Императора въ «Собраніи замѣчательнѣйшихъ уголовныхъ процессовъ въ Россіи».

На дняхъ появились въ печати, въ «Вѣстникѣ Европы» 1869 г., записки г-жи Хвостовой, въ которыхъ много говорится объ Лермонтовѣ. По поводу этихъ записокъ, издатель въ особомъ примѣчаніи, упоминая объ нѣкоемъ Мартыновѣ, «который, говорятъ, еще живъ», весьма грубо и безцеремонно приглашаетъ его къ покаянію посредствомъ искренняго разсказа о своихъ отношеніяхъ къ Лермонтову, за что обѣщаетъ ему отчасти отпустить его вину. Понятно, что на подобное приглашеніе отвѣта послѣдовать не можетъ. Но эта замѣтка, вмѣстѣ съ тѣмъ, по тону ея озлобленія, навела меня на мысль, что со смертью моею, по всей вѣроятности, явится въ печати и не одна статья въ обвиненіе мое, въ укоръ памяти моей. Чтобы дать возможность дѣтямъ моимъ защитить память отца отъ незаслуженнаго укора, я рѣшаюсь составить эти записки. Къ нимъ будутъ приложены подлинные документы слѣдственной коммиссіи, потомъ суда и, наконецъ, вся подспудная переписка съ секундантами, которая свѣта никогда не видала, но способна сама пролить немалый свѣтъ на темныя стороны этой дуэли. Оговариваюсь въ одномъ: если кто можетъ заподозрить искренность моего разсказа, тотъ пусть лучше закроетъ тетрадь съ первой страницы.

Имѣя въ рукахъ моихъ документы, могущіе совершенно меня оправдать, я молчаніемъ, въ теченіе двадцати восьми лѣтъ, кажется,

*) Печатаются съ подлинниковъ. П. Б.

достаточно доказалъ, какъ мало ищу оправдаться, какъ мало дорожу общественнымъ мнѣніемъ, органомъ котораго служили періодическіе журналы. Поѣздка моя въ Самару, гдѣ, между дѣломъ, я буду имѣть много свободнаго времени, дастъ мнѣ возможность сладить съ этимъ трудомъ.

Съ чего начать? Вѣроятно, читателю будетъ небезъинтересно познакомиться съ характеромъ Лермонтова, какъ я понималъ его, прослѣдить первоначальныя наши сношенія съ нимъ. Обѣщаю ему говорить какъ можно меньше о себѣ и разсказать все то, что̀ только припомню объ особенностяхъ характера Лермонтова.

Въ 18 г. [1]) поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гусары, въ эскадронъ гвардейскихъ юнкеровъ, М. Ю. Лермонтовъ. Наружность его была весьма невзрачна [2]); маленькій ростомъ, кривоногій, съ большой головой, съ непомѣрно-широкимъ туловищемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма ловкій въ физическихъ упражненіяхъ и съ сильно развитыми мышцами. Лицо его было довольно пріятное. Обыкновенное выраженіе глазъ въ покоѣ нѣсколько томное; но какъ скоро онъ воодушевлялся какими-нибудь проказами или школьничествомъ, глаза эти начинали бѣгать съ такой быстротой, что одни бѣлки оставались на мѣстѣ, зрачки же передвигались справа налѣво, и эта безостановочная работа съ одного человѣка на другаго производилась иногда по нѣскольку минутъ сряду. Ничего подобнаго я у другихъ людей не видалъ. Свои глаза устанутъ гоняться за его взглядомъ, который ни на секунду не останавливался ни па одномъ предметѣ. Чтобы дать хотя приблизительное понятіе объ общемъ впечатлѣніи этого неуловимаго взгляда, сравнить его можно только съ механикой на картинахъ волшебнаго фонаря, гдѣ такимъ образомъ передвигаются глаза у звѣрей. Волосы у него были темные, но довольно рѣдкіе, съ свѣтлой прядью немного повыше лба, виски и лобъ весьма открытые, зубы превосходные—бѣлые и ровные, какъ жемчугъ. Какъ я уже говорилъ, онъ былъ ловокъ въ физическихъ упражненіяхъ, крѣпко сидѣлъ на лошади; но, какъ въ наше время преимущественно обращали вниманіе на посадку, а онъ былъ сложенъ дурно, не могъ быть красивъ на лошади: поэтому онъ никогда за хорошаго ѣздока въ школѣ не слылъ, и на ординарцы его не посылали. Если я вхожу въ эти подробности, то единственно потому, чтобы объяснить, какъ смотрѣло на него наше ближайшее начальство,

*) Такъ въ подлинной рукописи. Лермонтовъ поступилъ на службу въ лейбъ-гусарскій полкъ 22 Ноября 1834 года. П. Б.

[2]) Н. С. Мартыновъ, напротивъ, былъ высокаго роста и даже въ старости красивъ собою. Онъ былъ на два года моложе Лермонтова. П. Б.

то есть эскадронный командиръ. Къ числу физическихъ упражненій слѣдуетъ также отнести маршировку, танцы и фехтованіе (гимнастикѣ у насъ тогда не учили). По пѣшему фронту Лермонтовъ былъ очень плохъ: тѣже причины, какъ и въ конномъ строю, но еще усугубленныя, потому что пѣшкомъ его фигура еще менѣе выносила критику. Эскадронный командиръ сильно нападалъ на него за пѣшій фронтъ, хотя онъ тутъ ни въ чемъ виноватъ не былъ.

Странное обстоятельство, которое я припоминаю только теперь.

По Пятницамъ у насъ учили фехтованію; классъ этотъ былъ обязательнымъ для всѣхъ юнкеровъ, и оставлялось на выборъ каждому рапира или эспадронъ. Сколько я ни пробовалъ драться на рапирахъ, никакого толку изъ этого не выходило, потому что я былъ чрезвычайно щекотливъ, и въ то время, какъ противникъ меня колетъ, я хохочу и держусь за животъ. Я гораздо охотнѣе дрался на сабляхъ. Въ числѣ моихъ товарищей только двое умѣли и любили также, какъ я, это занятіе: то были Гр. *) гусаръ Моллеръ и Лермонтовъ. Въ каждую Пятницу мы сходились на ратоборство, и эти полутеатральныя представленія привлекали много публики изъ товарищей, потому что борьба на эспадронахъ всегда оживленнѣе, красивѣе и занимательнѣе непримѣтныхъ для глазъ эволюцій рапиры. Танцовалъ онъ ловко и хорошо.

Умственное развитіе его было на столько выше другихъ товарищей, что и параллели между ними провести невозможно. Онъ поступилъ въ Школу уже человѣкомъ, много читалъ, много передумалъ; тогда какъ другіе еще вглядывались въ жизнь, онъ уже изучилъ ее со всѣхъ сторонъ. Годами онъ былъ не старше другихъ, но опытомъ и воззрѣніемъ на людей далеко оставлялъ ихъ за собой. Въ числѣ товарищей его былъ Василій Вонлярлярскій, человѣкъ тоже пожившій, окончившій курсъ въ университетѣ и потомъ не знаю, вслѣдствіи какихъ обстоятельствъ добровольно промѣнявшій полнѣйшую свободу на затворническую жизнь въ Юнкерской Школѣ. Въ эпоху, мною описываемую, ему было уже 22 года. Эти два человѣка, какъ и должно было ожидать, сблизились. Въ рекреаціонное время ихъ всегда можно было застать вмѣстѣ. Лярскій, лѣнивѣйшее созданіе въ цѣломъ мірѣ (какъ герой «Женитьбы» у Гоголя) большую часть дня лежалъ съ растегнутой курткой на кровати. Онъ лежалъ бы и раздѣтый, но дисциплина этого не позволяла.

*) Т. е. Гродненскій гусаръ. П. Б.

Изъ наукъ Лермонтовъ съ особеннымъ рвеніемъ занимался Русской словесностью и исторіей. Вообще онъ имѣлъ способности весьма хорошія, но съ любовію онъ относился только къ этимъ двумъ предметамъ. Курсъ въ Юнкерской Школѣ для полученія офицерскаго званія былъ положенъ двухлѣтній, но врядъ ли изъ этихъ двухъ лѣтъ ему довелось провести съ нами полныхъ шесть мѣсяцевъ. Объясню сейчасъ какимъ образомъ.

У Лермонтова была бабушка (кажется, ее звали Арсеньевой). Для этой женщины была одна цѣль въ жизни: сдѣлать счастье и по возможности успокоить дорогаго внучка своего, Мишеньку. У каждаго изъ насъ были родители или родственники; всѣ они болѣе или менѣе, нужно предполагать, были люди добрые, или, по крайней мѣрѣ, сколько отъ нихъ зависило, желали намъ добра; каждый изъ нихъ, въ свою очередь, старался быть полезнымъ своему домочадцу. Съ этой цѣлью, бывало, фельдмаршалъ Витгенштейнъ пріѣдетъ въ Юнкерскую Школу и велитъ вызвать къ себѣ Ал. Барятинскаго. Все начальство поднимется на ноги, бѣготня страшная; результатомъ же этого всего выходитъ въ родѣ нравоученія для начальника Школы: ты, дескать, не забывай, что я состою въ родствѣ съ Барятинскимъ. Такимъ образомъ къ намъ ѣздили безпрестанно и Перовскій, и графъ Апраксинъ, и Канкринъ, и сотни другихъ важныхъ лицъ, которыхъ я и именъ теперь вспомнить не могу. Даже мелкіе плебеи, подобные мнѣ, и тѣ удостоивались по временамъ визитовъ своихъ высокихъ покровителей. Такимъ образомъ для меня съ братомъ пріѣзжали нѣсколько разъ въ школу комендантъ Мартыновъ и старикъ Депрерадовичъ; послѣдній очень былъ друженъ съ моимъ отцемъ и по этой причинѣ требовалъ, наступя на горло, отъ нашего начальства всякихъ льготъ въ нашу пользу. Всѣ эти одиночныя попытки оставались безъ всякаго успѣха. Не въ похвалу будь сказано нашему начальнику: потому что не чувство справедливости руководило имъ въ этомъ случаѣ, а ненависть ко всему, что̀ по воспитанію и по положенію въ свѣтѣ стояло выше его...

II.

Моя исповѣдь [1]).

15 Іюля 1871 года, село Знаменское [2]).

Сегодня минуло ровно тридцать лѣтъ, какъ я стрѣлялся съ Лермонтовымъ на дуэли. Трудно повѣрить! Тридцать лѣтъ—это почти цѣ-

---

[1]) Написано черезъ два года послѣ напечатаннаго выше. П. Б.

[2]) Подъ Москвою, гдѣ обыкновенно проводилъ лѣтніе мѣсяцы Н. С. Мартыновъ. П. Б.

лая жизнь человѣческая, а мнѣ памятны малѣйшія подробности этого дня, какъ будто происшествіе случилось только вчера. Углубляясь въ себя, переносясь мысленно за тридцать лѣтъ назадъ и помня, что я стою теперь на краю могилы, что жизнь моя окончена и остатокъ дней моихъ сочтенъ, я чувствую желаніе высказаться, потребность облегчить свою совѣсть откровеннымъ признаніемъ самыхъ завѣтныхъ помысловъ моихъ и движеній сердца по поводу этого несчастнаго событія. Для полнаго уясненія дѣла, мнѣ требуется сдѣлать маленькое отступленіе: представить личность Лермонтова такъ, какъ я понималъ его, со всѣми его недостатками, а равно и съ добрыми качествами, которыя онъ имѣлъ.

Не стану говорить объ его умѣ: эта сторона его личности внѣ вопроса. Всѣ одинаково сознаютъ, что онъ былъ очень уменъ, а многіе видятъ въ немъ даже геніальнаго человѣка. Какъ писатель, дѣйствительно, онъ весьма высоко стоитъ, и, если сообразить, что талантъ его еще не успѣлъ прійти къ полному развитію, если вспомнить, какъ онъ былъ еще молодъ и какъ мало окружающая его обстановка способствовала къ серьезнымъ занятіямъ, то становится едва понятнымъ, какъ онъ могъ достигнуть тѣхъ блестящихъ результатовъ, при столь маломъ трудѣ и въ такихъ раннихъ годахъ. Перейдемъ къ его характеру. Безпристрастно говоря, я полагаю, что онъ былъ добрый человѣкъ отъ природы; но свѣтъ его окончательно испортилъ. Бывъ съ нимъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ, я имѣлъ случай неоднократно замѣчать, что всѣ хорошія движенія сердца, всякій порывъ нѣжнаго чувства онъ старался также тщательно въ себѣ заглушать и скрывать отъ другихъ, какъ другіе стараются скрывать свои гнусные пороки. Приведу въ примѣръ его отношенія къ женщинамъ. Онъ считалъ постыднымъ признаться, что любилъ какую-нибудь женщину, что приносилъ какія нибудь жертвы для этой любви, что сохранилъ уваженіе къ любимой женщинѣ: въ его глазахъ все это было романтизмъ, напускная экзальтація, которая не выдерживаетъ ни малѣйшаго анализа.

Я сталъ знать Лермонтова съ Юнкерской Школы, куда мы поступили почти въ одно время. Предъидущая его жизнь мнѣ была вовсе неизвѣстна, и только изъ печатныхъ о немъ біографій узналъ я, что онъ воспитывался прежде въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ; но, припоминая теперь личность, характеръ, привычки этого человѣка, мнѣ многое становится понятнымъ нынче изъ того, что̀ прежде я никакъ не могъ себѣ уяснить.

По существовавшему положенію, въ Юнкерскую Школу поступали молодые люди не моложе 16 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ и въ большей части случаевъ прямо изъ дому. Исключенія бывали, но рѣдко. По крайней мѣрѣ, сколько я помню, большинство юнкеровъ не воспитывались прежде въ другихъ заведеніяхъ. По этой причинѣ школьничество и дѣтскія шалости не могли быть въ большомъ ходу между нами. У насъ держали себя болѣе серьезно. Молодые люди въ семнадцать лѣтъ и старше этого возраста, поступая въ юнкера̀, уже понимали, что они не дѣти. Въ свободное отъ занятій время составлялись кружки; пре́дметомъ обыкновенныхъ разговоровъ бывали различные кутежи, женщины, служба, свѣтская жизнь. Все это, положимъ, было очень не зрѣло; сужденія всѣ отличались увлеченіемъ, порывами, недостаткомъ опытности; не менѣе того, уже зародыши тѣхъ страстей, которыя присущи были отдѣльнымъ личностямъ, проявлялись и тутъ и наглядно показывали склонности молодыхъ людей. Лермонтовъ, поступивъ въ Юнкерскую Школу, остался школяромъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ общественныхъ заведеніяхъ для дѣтей существуетъ почти вездѣ обычай подвергать различнымъ испытаніямъ или, лучше сказать, истязаніямъ вновь поступающихъ новичковъ. Объяснить себѣ этотъ обычай можно развѣ только тѣмъ, какъ весьма остроумно сказано въ концѣ повѣсти Пушкина «Пиковая дама», что Лизавета Ивановна, вышедъ за мужъ, тоже взяла себѣ воспитанницу; другими словами, что всѣ страданія, которыя вынесли новички въ свое время, они желаютъ выместить на новичкахъ, которые ихъ замѣняютъ. Въ Юнкерской Школѣ эти испытанія ограничивались однимъ: новичку не дозволялось въ первый годъ поступленія курить, ибо взысканія за употребленіе этого зелья были весьма строги, и отвѣчали вмѣстѣ съ виноватыми и начальники ихъ, т. е. отдѣленные унтеръ-офицеры и вахмистры. Понятно, что эти господа не желали подвергать себя отвѣтственности за людей, которыхъ вовсе не знали и которые ничѣмъ еще не заслужили имя хорошихъ товарищей. Тѣмъ и ограничивалась разница въ соціальномъ положеніи юнкеровъ; но Лермонтовъ, какъ истый школьникъ, не довольствовался этимъ, любилъ помучить ихъ способами болѣе чувствительными и выходящими изъ ряда обыкновенно налагаемыхъ испытаній. Продѣлки эти производились обыкновенно ночью. Легко-кавалерійская камера была отдѣльная комната, въ которой мы, кирасиры, не спали (у насъ были свои двѣ комнаты), а потому, какъ онъ распоряжался съ новичками легко-кавалеристами, мнѣ неизвѣстно; но разскажу одинъ случай, который происходилъ у меня на глазахъ, въ нашей камерѣ, съ двумя вновь поступившими юнкерами въ кавалергарды. Это были Эмануилъ Нарышкинъ (сынъ извѣстной красавицы Марьи Антоновны) и Уваровъ.

Оба были воспитаны за границей; Нарышкинъ по-русски почти вовсе не умѣлъ говорить, Уваровъ тоже весьма плохо изъяснялся. Нарышкина Лермонтовъ прозвалъ Французомъ и не давалъ ему житья; Уварову также была дана какая-то особенная кличка, которой не припомню. Какъ скоро наступало время ложиться спать, Лермонтовъ собиралъ товарищей въ свой номеръ; одинъ на другаго садились верхомъ; сидящій кавалеристъ покрывалъ и себя, и лошадь свою простыней, а въ рукѣ каждый всадникъ держалъ по стакану воды (эту конницу Лермонтовъ называлъ «Нумидійскимъ эскадрономъ»). Выжидали время, когда обреченныя жертвы заснутъ; по данному сигналу эскадронъ трогался съ мѣста въ глубокой тишинѣ, окружалъ постель несчастнаго и, внезапно сорвавъ съ него одѣяло, каждый выливалъ на него свой стаканъ воды. Вслѣдъ за этимъ дѣйствіемъ кавалерія трогалась съ правой ноги въ галопъ обратно въ свою камеру. Можно себѣ представить испугъ и непріятное положеніе страдальца, вымоченнаго съ головы...

III.

Экспедиція дѣйствующаго Кавказскаго отряда за Кубанью въ 1837 году, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова.

Въ 1837 году я отправился волонтеромъ на Кавказъ *) отъ Кавалергардскаго полка, для принятія участія въ экспедиціи противу горцевъ. Въ то время существовало слѣдующее положеніе: по волѣ Государя Императора, обнародованной въ войскахъ, ежегодно откомандировывалось по одному оберъ офицеру отъ каждаго гвардейскаго полка или отдѣльной части по роду оружія, какъ-то: артиллеріи, піонеровъ и саперъ, въ распоряженіе начальника Кавказскаго корпуса, съ тѣмъ, чтобы онъ, по своему усмотрѣнію, назначалъ прибывшихъ къ нему офицеровъ въ различные отряды, дѣйствующіе противъ непріятеля. Изъ арміи тоже отправлялись офицеры на Кавказъ, насколько мнѣ помнится, не по одному отъ каждаго полка, а по одному отъ дивизіи; посылались у нихъ также и штабъ-офицеры; на какихъ основаніяхъ сіи послѣдніе имѣли право участія, мнѣ неизвѣстно. Откомандировка эта продолжалась ровно годъ; по истеченіи этого времени тѣ, которые

*) Въ этомъ 1837-мъ году Лермонтовъ тоже находился на Кавказѣ, переведенный въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Онъ принималъ участіе въ дѣлахъ противъ горцевъ, и къ этому именно времени относится ниже изложенная исторія съ распечатаннымъ письмомъ сестеръ Мартынова. Напомнимъ читателю, что 1837 годъ ознаменованъ для Кавказа посѣщеніемъ императора Николая. П. Б.

уцѣлѣли, возвращались въ полки. Я забылъ сказать, что назначеніе офицеровъ отъ полковъ происходило двоякимъ образомъ: или по собственному желанію, заявленному заранѣе, или по жребію. Тамъ, гдѣ желающихъ не оказывалось, метали жребій, и кто изъ офицеровъ вынулъ изъ урны свернутую бумажку съ надписью «Кавказъ», тотъ и отправлялся туда пожинать лавры.

Невыносима тяжела была въ то время служба въ гвардіи: не ученья, не смотры, не караулы допекали насъ, а какой-то нравственный гнетъ тяготѣлъ надъ нами. Даже частная жизнь офицеровъ не была освобождена отъ всесторонняго вмѣшательства начальствующихъ, и дисциплинарныя наказанія прилагались нерѣдко тамъ, гдѣ трудно было пріискать даже малѣйшій поводъ къ обвиненію въ проступкѣ. Кто повѣритъ, напримѣръ, что нашъ полкъ подвергся гоненіямъ въ теченіи многихъ мѣсяцевъ за то, что офицеры охотно посѣщали домъ графини Самойловой, которая въ то время была въ немилости?

При подобной обстановкѣ, если добавить къ этому еще разсказы товарищей, возвращавшихся изъ экспедиціи, о привольной Кавказской жизни, о боевыхъ приключеніяхъ, о красотѣ тамошней природы, о миловидности Черкешенокъ и Гребенскихъ казачекъ, становится понятнымъ каждому, почему вся тогдашняя молодежь стремилась на Кавказъ. Это была настоящая эмиграція. По выраженію одного изъ офицеровъ нашего полка, Карла Ламберта, въ ту эпоху существовали только двѣ дороги въ Россіи: первая—доступная единственно для весьма немногихъ привиллегированныхъ лицъ, шла изъ Петербурга въ Парижъ; вторая, открытая для всѣхъ остальныхъ смертныхъ, вела на Кавказъ. И укатали же эту дорожку до такой степени, что весьма часто случалось офицерамъ, ѣдущимъ по казенной надобности, сидѣть по трое сутокъ на станціи въ ожиданіи лошадей.

Въ Москвѣ я остановился недѣли на двѣ. Все мое семейство жило тамъ постоянно; но въ этотъ годъ и оно поднималось на Кавказъ. Отецъ былъ боленъ, и доктора предписали ему лѣченіе Кавказскими минеральными водами. Сестры мои въ то время еще были очень молоды и не принимали участія въ свѣтскихъ удовольствіяхъ; но для меня Московская жизнь была настоящимъ раемъ. Балы смѣнялись пикниками, загородными прогулками и разнаго рода увеселеніями, болѣе присущими веснѣ, которая въ тотъ годъ была великолѣпная. Военныя власти насъ не тревожили. Московскій комендантъ генералъ Сталь былъ добрѣй-

шій старикъ и самый снисходительный начальникъ. Онъ вообще весьма рѣдко выѣзжалъ, но, когда случалось хорошая погода выгонитъ его изъ дому, и онъ отправится пѣшкомъ погулять въ Кремлевскомъ саду, любопытно было видѣть, какія сцены тутъ разыгрывались: нечаянно наткнется онъ на офицера, который просрочилъ свой отпускъ и давно понуждался имъ къ выѣзду изъ Москвы; комендантъ ударится отъ него въ сторону и пойдетъ по боковой аллеѣ, чтобы сдѣлать видъ, что его не замѣтилъ; а тамъ, какъ нарочно, на встрѣчу ему попадется другой офицеръ, или не въ формѣ, или рапортующійся больнымъ. Старикъ ужъ не знаетъ, куда ему и дѣться и, если тутъ не поспѣетъ кто-либо посторонній на помощь не офицеру, а ему, то иногда случалось, что онъ вынуждался отправить провинившагося подъ арестъ.

Въ Москвѣ въ то время было очень много хорошенькихъ женщинъ. Одна изъ нихъ, графиня Зубова, урожденная княжна Оболенская, дочь князя Александра Петровича, мнѣ сдѣлала разъ на балу довольно оригинальный вопросъ:

— Какъ же это вы ѣдете на Кавказъ, на войну, гдѣ васъ могутъ убить; а между тѣмъ я съ вами встрѣчаюсь всякій день на вечерахъ, и вы веселитесь, какъ будто ни въ чемъ не бывало?

— Что же бы вы хотѣли, что бы я дѣлалъ, графиня?

— Не знаю; но, если бы я была на вашемъ мѣстѣ, то уже навѣрное съ самаго отъѣзда все бы плакала.

Вотъ наивный, чисто-дѣтскій отвѣтъ, обрисовывающій вполнѣ женственную натуру этого милаго и привлекательнаго существа.

Въ эту самую эпоху проѣзжалъ чрезъ Москву Лермонтовъ. Онъ былъ переведенъ изъ гвардіи въ Нижегородскій драгунскій полкъ тѣмъ же чиномъ за стихи, написанные имъ на смерть Пушкина. Мы встрѣчались съ нимъ почти всякій день, часто завтракали вмѣстѣ у Яра; но въ свѣтъ онъ мало показывался. Въ концѣ Апрѣля я выѣхалъ въ Ставрополь.

Не стану описывать своихъ путевыхъ впечатлѣній. Дорога эта, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстная, проходитъ чрезъ мѣста̀, весьма мало замѣчательныя; да при томъ же я нигдѣ и не останавливался, ибо торопился какъ можно скорѣе прибыть въ дѣйствующій отрядъ. Можно сказать, что отъ Москвы и вплоть до Ставрополя тишь и гладь невоз-

мутимыя! Только за чертой этого города начинается собственно Кавказская линія и обрисовывается мѣстная природа и своеобразная жизнь линейныхъ казаковъ, содержащихъ кордоны.

Отецъ мой былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ А. П. Ермоловымъ, а потому онъ просилъ сего послѣдняго, еще до пріѣзда моего, снабдить меня рекомендательнымъ письмомъ къ бывшему начальнику его штаба Алексѣю Александровичу Вельяминову. Рекомендательныя письма уже въ наше время были не въ модѣ; молодые люди избѣгали этого способа заискиванія у новыхъ начальниковъ и, разумѣется, не охотно принимали подобныя письма. Но со старыми людьми ничего не подѣлаешь: у нихъ свой взглядъ на вещи, и разувѣрить ихъ нѣтъ никакой возможности. Дѣлать было нечего, я покорился волѣ отца и поѣхалъ рано утромъ къ Алексѣю Петровичу. Онъ жилъ тогда на какомъ-то бульварѣ; какъ теперь помню, деревянный одноэтажный домикъ съ мезониномъ. Въ этомъ то мезонинѣ онъ принялъ меня; это былъ его рабочій кабинетъ. Большое Венеціанское окно выходило на улицу; перпендикулярно къ нему стоялъ письменный столъ. По одну сторону стола сидѣлъ Алексѣй Петровичъ, по другую—какой-то генералъ въ сертукѣ и въ эполетахъ, который писалъ подъ его диктовку. Когда обо мнѣ доложили, Алексѣй Петровичъ привсталъ со своего мѣста и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ мнѣ на встрѣчу. Онъ очень обласкалъ меня, посадилъ, распрашивалъ о здоровьѣ отца и вообще былъ какъ нельзя болѣе любезенъ. Я видалъ его и прежде, а потому для меня знакомство съ нимъ не было новымъ; но меня давила мысль, что я пріѣхалъ за рекомендательнымъ письмомъ, и чрезъ это самое мнѣ на душѣ становилось весьма неловко. Чтобы выйдти разомъ изъ затруднительнаго положенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, намекнуть Ермолову, что я не солидаренъ съ просьбою отца, я выговорилъ почти не переводя духа: Ваше высокопревосходительство, я на дняхъ отправляюсь на Кавказъ и пріѣхалъ спросить, не угодно ли вамъ будетъ мнѣ дать какое либо порученіе къ Алексѣю Александровичу? Подвижная физіономія Ермолова, какъ мнѣ показалось, выразила нѣкоторое удивленіе или недоумѣніе отъ моего вопроса; но это была одна секунда. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ мнѣ: — Какъ не быть порученій? Мы съ Вельяминовымъ старинные пріятели; слава Богу, есть о чемъ потолковать. Я съ вами отправлю къ нему тяжеловѣсное письмо. Когда вы ѣдете? Я назначилъ день.—Хорошо, я пришлю его къ вамъ на домъ.

Цѣль моя была достигнута: рекомендація являлась на второмъ планѣ, если ей суждено еще пробиться на свѣтъ Божій; но главное мѣсто, во всякомъ случаѣ, принадлежало уже личной перепискѣ...

Б. БУМАГИ О ПОЕДИНКѢ МАРТЫНОВА СЪ ЛЕРМОНТОВЫМЪ *).

I.

Вопросные пункты Слѣдственной Коммиссіи Н. С. Мартынову и его отвѣты.

Господину отставному маіору и кавалеру Мартынову, слѣдователей, подполковника Унтилова, дворянскаго засѣдателя Черепанова, квартальнаго надзирателя Марушевскаго, исправляющаго должность стряпчаго Ольшанскаго и находящагося при слѣдствіи корпуса жандармовъ подполковника Кушинникова.

По предписанію Пятигорскаго коменданта и окружнаго начальника господина полковника и кавалера Ильяшенкова, отъ 16-го сего Іюля (1841) № 1351, производится нами изслѣдованіе о происшедшей 15-го числа дуэли, на которой вы убили изъ пистолета Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручика Лермонтова. Покорнѣйше просимъ ваше высокоблагородіе увѣдомить насъ на семъ же.

Указъ объ отставкѣ и всѣ документы о вашей службѣ, равно и патенты на чины, не оставьте препроводить къ намъ для пріобщенія оныхъ къ производимому дѣлу.

Плацъ-маіоръ подполковникъ Унтиловъ.
Квартальный надзиратель Марушевскій.
Исправляющій должность окружнаго стряпчаго Ольшанской.
Корпуса жандармовъ подполковникъ Кушинниковъ.

№ 5. 17 Іюля 1841 г., г. Пятигорскъ.

На сей запросъ господъ слѣдователей имѣю честь объяснить, какъ было дѣло.

I. На этой дуэли дѣйствительно ли находились за секундантовъ лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетъ Глѣбовъ и служащій во II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи титулярный совѣтникъ князь Васильчиковъ?

I. Дѣйствительно находились за секундантовъ—у меня корнетъ Глѣбовъ, а у поручика Лермонтова титулярный совѣтникъ князь Васильчиковъ.

---

*) Заглавія сдѣланы нами; а все дальнѣйшее, равно какъ и напечатанные ниже вопросные пункты Окружнаго Суда съ отвѣтами на нихъ, писано Н. С. Мартыновымъ собственноручно, въ то время, какъ онъ находился въ Пятигорской тюрьмѣ. При составленіи своихъ отвѣтовъ онъ, какъ видно ниже, совѣтовался съ обоими секундантами. П. Б.

II. На эту дуэль изъ чьей квартиры, или изъ какого мѣста и въ какое время выѣхали? Кромѣ васъ гг. двухъ дуэлистовъ и двухъ секундантовъ, Глѣбова и князя Васильчикова, не выѣзжали ли еще кто изъ постороннихъ особъ для зрѣлища, или, по крайней мѣрѣ, не были ли кто извѣстны объ этой произойтить могущей дуэли?

II. Условлено было между нами сойтись на мѣсто къ 6½ часамъ пополудни. Я выѣхалъ немного ранѣе изъ своей квартиры верхомъ; бѣговыя дрожки свои далъ Глѣбову. Васильчиковъ и Лермонтовъ догнали меня уже на дорогѣ; послѣдніе два были также верхомъ. Кромѣ секундантовъ и насъ двоихъ, никого не было на мѣстѣ дуэли, и никто рѣшительно не зналъ объ ней.

III. Вы и поручикъ Лермонтовъ (нынѣ убитый) въ какомъ именно мѣстѣ подлѣ горы Машухи, въ какомъ часу, на какомъ разстояніи между собою стрѣлялись? Какое было между вами условіе, т. е. обоимъ ли вмѣстѣ, по данному знаку, стрѣлять, или одинъ послѣ другаго? Поручикъ Лермонтовъ выстрѣлилъ ли изъ своего пистолета или нѣтъ и по какой причинѣ?

III. Мы стрѣлялись по лѣвой сторонѣ горы, по дорогѣ, ведущей въ какую-то колонку [1]), вблизи частаго кустарника. Былъ отмѣренъ барьеръ въ 15 шаговъ, и отъ него въ каждую сторону еще по десяти. Мы стали на крайнихъ точкахъ. По условію дуэли, каждый изъ насъ имѣлъ право стрѣлять, когда ему вздумается, стоя на мѣстѣ или подходя къ барьеру. Я первый пришелъ на барьеръ, ждалъ нѣсколько времени выстрѣла Лермонтова, потомъ спустилъ курокъ [2]).

IV. Къ мѣсту происшедшей дуэли на чемъ всѣ вы поѣхали, на дрожкахъ ли, или на верховыхъ лошадяхъ? Кто были при первыхъ кучера, или при послѣднихъ проводники для держанія лошадей?

IV. Какъ уже было сказано выше, я, Лермонтовъ и Васильчиковъ ѣхали верхомъ на назначенное мѣсто, Глѣбовъ на бѣговыхъ дрожкахъ. Проводниковъ у насъ не было. Лошадей мы сами привязали къ кустарникамъ, а дрожки поставили въ высокую траву по правой сторонѣ дороги.

---

[1]) Одна изъ Нѣмецкихъ колоній, поселенныхъ подъ Пятигорскомъ. П. Б.

[2]) Отвѣты Мартынова вчернѣ сохранились еще на отдѣльныхъ трехъ листкахъ. Тамъ этотъ третій отвѣтъ изложенъ такъ: „Условія дуэли были 1-е. Каждый имѣетъ право стрѣлять когда ему угодно, стоя на мѣстѣ или подходя къ барьеру. 2-е. Осѣчки должны были считаться за выстрѣлы. 3-е. Послѣ перваго промаха противникъ имѣлъ право вызвать выстрѣлившаго на барьеръ. 4-е. Болѣе трехъ выстрѣловъ не было допущено по условію. Я сдѣлалъ первый выстрѣлъ съ барьера“.

V. Какіе именно люди находятся у васъ для прислуги?

V. Для прислуги у меня находятся: камердинеръ мой Илья, поваръ Иванъ и казачекъ Ермошка (всѣ трое мои крѣпостные).

VI. Какая причина была поводомъ къ этой дуэли? Не происходило ли между вами и покойнымъ Лермонтовымъ ссоры или вражды? Съ какого времени оная возникла?

VI. Съ самаго пріѣзда своего въ Пятигорскъ, Лермонтовъ не пропускалъ ни одного случая, гдѣ бы могъ онъ сказать мнѣ что-нибудь непріятное. Остроты, колкости, насмѣшки на мой счетъ, однимъ словомъ все, чѣмъ только можно досадить человѣку, не касаясь до его чести. Я показывалъ ему, какъ умѣлъ, что не намѣренъ служить мишенью для его ума; но онъ дѣлалъ, какъ будто не замѣчаетъ, какъ я принимаю его шутки. Недѣли три тому назадъ, во время его болѣзни, я говорилъ съ нимъ объ этомъ откровенно, просилъ его перестать и, хотя онъ не обѣщалъ мнѣ ничего, отшучиваясь и предлагая мнѣ, въ свою очередь, смѣяться надъ нимъ, но дѣйствительно пересталъ на нѣсколько дней. Потомъ взялся опять за прежнее. На вечерѣ въ одномъ частномъ домѣ, за два дня до дуэли, онъ вывелъ меня изъ терпѣнія, привязываясь къ каждому моему слову, на каждомъ шагу показывая явное желаніе мнѣ досадить. Я рѣшился положить этому конецъ. При выходѣ изъ этого дома, я удержалъ его за руку, чтобы онъ шелъ рядомъ со мной; остальные всѣ уже были впереди. Тутъ я сказалъ ему, что прежде я просилъ его прекратить эти несносныя для меня шутки; но что теперь предупреждаю, что если бы онъ еще вздумалъ выбрать меня предметомъ для своей остроты, то я заставлю его перестать. Онъ не давалъ мнѣ кончить и повторялъ нѣсколько разъ сряду, что ему тонъ моей проповѣди не нравится, что я не могу запретить ему говорить про меня то, что̀ онъ хочетъ, и въ довершеніе прибавилъ: «Вмѣсто пустыхъ угрозъ, ты гораздо бы лучше сдѣлалъ, если бы дѣйствовалъ. Ты знаешь, что я никогда не отказываюсь отъ дуэлей; слѣдовательно, ты никого этимъ не испугаешь.» Въ это время мы подошли къ его дому. Я сказалъ ему, что въ такомъ случаѣ пришлю къ нему своего секунданта, и возвратился къ себѣ. Раздѣваясь, я велѣлъ человѣку попросить ко мнѣ Глѣбова, когда онъ придетъ домой. Черезъ четверть часа вошелъ ко мнѣ въ комнату Глѣбовъ. Я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, просилъ его быть моимъ секундантомъ и, по полученіи отъ него согласія, сказалъ ему, чтобы онъ на другой же день, съ разсвѣтомъ, отправился къ Лермонтову. Глѣбовъ попробовалъ было меня уговаривать; но я рѣшительно объявилъ ему, что онъ изъ словъ самого же Лермонтова увидитъ, что въ сущности не я его вызываю, но меня вызы-

ваютъ, и что потому мнѣ невозможно сдѣлать первому шагъ къ примиренію.

VII. Тѣло убитаго поручика Лермонтова, по чьему приказанію и въ какое время послѣ происшествія, привезено съ мѣста случившейся дуэли на его квартиру? Кто именно изъ людей ѣздили за тѣломъ?

VII. Мнѣ неизвѣстно, въ какое время взято тѣло убитаго поручика Лермонтова. Простившись съ нимъ, я тотчасъ же возвратился домой и послалъ человѣка за своей черкеской, которая осталась на мѣстѣ происшествія, чтобы явиться въ ней къ коменданту[1]). Объ остальномъ же и до сихъ поръ ничего не знаю[2]).

VIII. Кто изъ васъ прежде сдѣлалъ вызовъ на дуэль? Гг. секунданты, Глѣбовъ и князь Васильчиковъ, употребляли ли средства къ примиренію васъ, ссорящихся, и кто изъ васъ не склонился на миролюбіе?

VIII[3]). Я первый вызвалъ его. На другой день описаннаго мною происшествія, Глѣбовъ и Васильчиковъ пришли ко мнѣ и всѣми силами старались меня уговорить, чтобы я взялъ назадъ свой вызовъ. Увѣрившись, что они все это говорятъ отъ себя, но что со стороны Лермонтова нѣтъ даже и тѣни сожалѣнія о случившемся, я сказалъ имъ, что не могу этого сдѣлать, что мнѣ на другой же день пришлось

---

[1]) На листкѣ особо написано Мартыновымъ: „Мнѣ еще не высланы изъ полка указъ объ отставкѣ и прочіе документы о моей службѣ; патентъ же на производство въ офицеры и грамоту на орденъ Св. Анны 3-й степени съ бантомъ при семъ имѣю честь препроводить“.

[2]) Въ черновой рукописи зачеркнуто: „Простившись съ нимъ, я тотчасъ уѣхалъ домой и, уже нѣсколько времени спустя, послалъ своего человѣка Илью въ помощь другимъ и велѣлъ ему также привезти мою черкеску“.

[3]) Въ другой черновой рукописи написано и перечеркнуто вмѣсто этого VIII-го отвѣта нижеслѣдующее:

Въ слѣдствіе этихъ словъ Лермонтова: „Вмѣсто пустыхъ угрозъ“ и проч., которыя уже были нѣкоторымъ образомъ вызовъ, я на другой день требовалъ отъ него формальнаго удовлетворенія. Васильчиковъ и Глѣбовъ старались всѣми силами помирить меня съ нимъ; но такъ какъ они не могли сказать мнѣ ничего отъ его имени, а только хотѣли (съ боку приписано: „а только хотѣли провѣрить меня“) уговорить меня взять назадъ мой вызовъ, я не могъ на это согласиться. Я отвѣчалъ имъ, что я уже сдѣлалъ шагъ къ сохраненію мира, прося его оставить свои шутки и что онъ пренебрегъ этимъ, и что сверхъ того теперь уже было поздно, когда самъ онъ надоумилъ меня въ томъ, что̀ мнѣ нужно было дѣлать. Въ особенности я сильно упирался на совѣтъ, который онъ мнѣ далъ наканунѣ, и доказывалъ имъ, что этотъ совѣтъ былъ не что иное, какъ вызовъ. Послѣ еще нѣсколькихъ попытокъ съ ихъ стороны, они убѣдились, что уговорить меня взять назадъ вызовъ есть дѣло невозможное“.

бы съ нимъ пойти на тоже. Они настаивали, напоминали мнѣ прежнія мои отношенія, говорили о веселой жизни, которая съ нимъ ожидаетъ насъ въ Кисловодскѣ, и что все это будетъ разстроено глупой исторіей. Чтобы выйти изъ непріятнаго положенія человѣка, который мѣшаетъ веселиться другимъ, я сказалъ имъ, чтобы они сдѣлали воззваніе къ самимъ себѣ: поступили бы они иначе, на моемъ мѣстѣ? Послѣ этого меня уже никто больше не уговаривалъ.

II.

Записка Глѣбова и князя Васильчикова къ Мартынову въ тюрьму [1]).

Посылаемъ тебѣ брульонъ 8-й статьи; ты къ нему можешь прибавить по своему разумѣнію, но это сущность нашего отвѣта. Прочіе отвѣты твои совершенно согласуются съ нашими, исключая того, что Васильчиковъ поѣхалъ верхомъ на своей лошади, а не на дрожкахъ бѣговыхъ со мной; ты такъ и скажи. Лермонтовъ же поѣхалъ на моей лошади—такъ мы и пишемъ. Сегодня Трескинъ еще разъ говорилъ, чтобы мы писали, что̀ до насъ относится четырехъ, двухъ секундантовъ и двухъ дуэлистовъ. Признаться тебѣ, твое письмо нѣсколько было намъ непріятно. Я и Васильчиковъ не только по обязанности защищаемъ тебя вездѣ и всѣмъ, но и потому, что не видимъ ничего дурнаго съ твоей стороны въ дѣлѣ Лермонтова и приписываемъ этотъ выстрѣлъ несчастному случаю (всѣ это знаютъ, судьба такъ хотѣла, тѣмъ болѣе, что ты въ третій разъ въ жизни своей стрѣлялъ изъ пистолета; второй, когда у тебя пистолеты рвало въ рукѣ, и этотъ третій), и совсѣмъ не тому, чтобы ты хотѣлъ пролить кровь, въ доказательство чего приводимъ то, что ты самъ не походилъ на себя, бросился къ Лермонтову въ ту секунду, какъ онъ упалъ, и простился съ нимъ. Что̀ же касается до правды, то мы отклоняемся только въ отношеніи къ Т. и С., которыхъ имена не должны быть упомянуты ни въ какомъ случаѣ [2]). Надѣемся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всѣми средствами уговаривали. Придя на барьеръ, ты напиши, что ждалъ выстрѣла Лермонтова.

---

[1]) Эта записка, писанная на четырехъ клочкахъ рукою Глѣбова, была уже помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ» 1885 (I, 463), но безъ конца.

[2]) Т. е. къ князю Сергѣю Васильевичу Трубецкому и Алексѣю Аркадіевичу Столыпину. Противъ нихъ обоихъ самъ Государь Николай Павловичъ имѣлъ личное неудовольствіе, и потому товарищи оберегали ихъ. Про князя Трубецкаго, какъ и про двоюроднаго брата его графа Самойлова, знаменитыхъ и высокодаровитыхъ проказниковъ, кто-то сказалъ, что это были Алкивіады, только безъ государственныхъ подвиговъ. Говорятъ, что М. П. Глѣбовъ впослѣдствіи также убитъ на поединкѣ. П. Б.

Скажи, что мы тебя уговаривали съ начала до конца, что ты не соглашался, говоря, что ты Л. предупреждалъ тому три недѣли, чтобъ тотъ не шутилъ на твой счетъ. О веселостяхъ Кисловодска писать нечего. Я долженъ же сказать, что уговаривалъ тебя на условія болѣе легкія, если будетъ запросъ. Теперь покамѣстъ не упоминай о условіи 3 выстрѣловъ; если же позже будетъ о томъ именно запросъ, тогда дѣлать нечего: надо будетъ сказать всю правду.

Отвѣтъ на 8 статью. Вслѣдствіе словъ Лермонтова (см. вопросъ 6): «вмѣсто пустыхъ угрозъ и пр.», которые были уже нѣкоторымъ образомъ вызовъ, я на другой день требовалъ отъ него формальнаго удовлетворенія. Васильчиковъ и Глѣбовъ старались меня (Мартынова) примирить съ Лермонтовымъ; но я отвѣчалъ, что: 1) предупреждалъ Лермонтова не смѣяться надо мною, 2) что слова Лермонтова уже были вызовъ (особенно настаивай на эти слова Лермонтова, которыя въ самомъ дѣлѣ тебя ставили въ необходимость его вызвать, или лучше сказать, были уже вызовъ).

Вотъ вкратцѣ брульонъ, обдѣлай по этому плану.

Отвѣтъ на 4 вопросъ. Глѣбовъ на бѣговыхъ дрожкахъ, Васильчиковъ верхомъ.

Въ 6 вопросѣ: вмѣсто «въ домѣ Верзилиныхъ» напиши «въ одномъ частномъ домѣ».

III.

Записка Мартынова къ Глѣбову (изъ тюрьмы).

Меня станутъ судить гражданскимъ судомъ; мнѣ совѣтуютъ просить военнаго. Говорятъ, что если здѣсь и откажутъ, то я имѣю право подать объ этомъ просьбу на Высочайшее имя. Узнай отъ Столыпина, какъ онъ сдѣлалъ? Его, кажется, судили военнымъ судомъ. Комендантъ былъ у меня сегодня; очень милъ, предлагалъ перемѣнить тюрьму, продолжать лѣченіе, впускать ко мнѣ всѣхъ знакомыхъ и проч. А бестія стряпчій пыталъ меня, не проболтаюсь ли. Когда увижу тебя, разскажу въ чемъ. Н. М.

IV.

Отвѣтъ Глѣбова Мартынову.

Непремѣнно и непремѣнно требуй военнаго суда. Гражданскимъ тебя замучаютъ. Полицмейстеръ на тебя золъ, и ты будешь у него въ лапкахъ. Проси коменданта, чтобы онъ передалъ твое письмо Трескину, въ которомъ проси, чтобы судили тебя военнымъ судомъ. Столыпинъ судился военнымъ судомъ; его теперь нѣтъ дома, а какъ пріѣдетъ, напишетъ тебѣ все обстоятельно. Комендантъ, кажется, рѣшается перевесть тебя изъ тюрьмы. Глѣбовъ.

V.

Письмо А. А. Столыпина къ Мартынову въ тюрьму.

Я не былъ судимъ; но есть параграфъ Свода Законовъ, который гласитъ, что всякій штатскій соучастникъ въ дѣлѣ съ военнымъ долженъ быть судимъ по военнымъ законамъ, и я совѣтую это сдѣлать, такъ какъ законы для военныхъ болѣе опредѣленны, да и кончатъ въ десять разъ скорѣе. Не думаю, чтобы нужно было обращаться къ Трескину; обратись прямо къ коменданту. Прощай. Что же касается до того, чтобы тебѣ выходить, не совѣтую. Дай утихнуть шуму.

А. Столыпинъ.

VI.

Письмо Мартынова къ Глѣбову.

Пятигорскъ, 8-го Августа 1841 года.

Сейчасъ отправляю письмо къ графу Бенкендорфу. Вѣроятно тебѣ интересно будетъ знать его содержаніе; вотъ оно.

«Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь. Бѣдственная исторія моя съ Лермонтовымъ заставляетъ меня утруждать васъ всепокорнѣйшею просьбою. По этому дѣлу я преданъ теперь гражданскому суду. Служивши постоянно до сихъ поръ въ военной службѣ, я свыкся съ ходомъ дѣлъ военныхъ вѣдомствъ и властей и потому за счастіе почелъ бы быть судимымъ военными законами. Не оставьте, в. с., просьбу мою благосклоннымъ вниманіемъ. Я льщу себя надеждою на милостивое ходатайство ваше тѣмъ болѣе, что сентенція военнаго суда можетъ заставить мнѣ въ будущемъ возможность искупить проступокъ мой собственною кровью на службѣ Царя и Отечества».

Скажи ты мнѣ, не находишь ли чего лишняго. Письмо это сочинилъ Діомидъ Пассекъ [1]). Я никогда подобныхъ писемъ не писалъ ни къ кому и потому не надѣялся на себя, чтобы не сдѣлать какого-нибудь важнаго промаха. Можешь прочесть его моимъ [2]); не вижу причины скрывать отъ нихъ просьбы моей, тѣмъ болѣе, что исполненіе ея истинно составило бы счастье мое въ теперешнемъ положеніи. Чего я могу ожидать отъ гражданскаго суда? Путешествія въ холодныя страны? Вещь совсѣмъ не привлекательная. Южный климатъ гораздо полезнѣе для моего здоровья, а дѣятельная жизнь заставитъ меня забыть то, что̀ во всякомъ другомъ мѣстѣ было бы нестерпимо моему раздражительному характеру. Скажи имъ еще отъ меня, что нынче не успѣлъ къ нимъ писать. Легъ въ 3 часа утра, а всталъ въ семь: былъ занятъ дѣломъ, для меня очень важнымъ. Съ будущей почтой онѣ получатъ отъ меня съ избыткомъ за то.

Н. М.

---

[1]) Позднѣе герой Кавказа. П. Б.

[2]) Вѣроятно, родные Мартынова пріѣхали тогда къ заточенному въ тюрьмѣ Н. С. Мартынову; Глѣбовъ же пользовался уже свободою. П. Б.

VII

Вопросные пункты отъ Пятигорскаго Окружнаго Суда отставному маіору Николаю Мартынову, по дѣлу о произведенной имъ дуэли съ поручикомъ Лермонтовымъ, на которой Лермонтовъ убитъ, данные 13 Сентября 1841 года *).

По сему имѣете на семъ объяснить самую сущую правду, не примѣшивая ничего къ дѣлу неподходящаго, и отвѣтъ представить въ судъ въ узаконенный срокъ. Въ должности окружнаго судьи Папыринъ. Засѣдатель Лаппа-Данилевскій. Въ должности секретаря Ольшанской.

I. Какъ васъ звать и прозываютъ, чей сынъ, гдѣ родились и сколько имѣете отъ роду лѣтъ?

I. Имя мое Николай Соломоновъ сынъ Мартыновъ, родился въ Нижнемъ-Новгородѣ, имѣю отъ роду двадцать пять лѣтъ.

II. Какого вѣроисповѣданія, бываете ли на исповѣди и у святаго причастія, изъ какого званія происходите, холосты или женаты, на комъ, и имѣете ли дѣтей, какого пола и какихъ лѣтъ?

II. Вѣроисповѣданія Греко-россійскаго, на исповѣди и у святаго причастія бываю, происхожу отъ дворянской фамиліи, женатъ никогда не былъ.

III. Знаете ли вы законы Божіе и законы Всеавгустѣйшаго Монарха и исполняете ли въ точности оные?

III. Законъ Божій и законы Всеавгустѣйшаго Монарха знаю и исполнялъ до сихъ поръ въ точности.

IV. Съ котораго года поступили на службу, какія имѣете отличія и высочайшія за нихъ награды и съ котораго времени въ отставкѣ?

IV. Поступилъ на дѣйствительную службу въ 1832 году, изъ знаковъ отличія имѣю орденъ св. Анны 3 степени съ бантомъ, въ отставкѣ нахожусь съ Марта мѣсяца нынѣшняго года.

V. Къ дополненію объясненія вашего, даннаго слѣдователямъ по сему дѣлу, нужно имѣть отъ вашего высокоблагородія свѣдѣніе въ слѣдующемъ. Въ какое именно время прибыли вы въ городъ Пятигорскъ и для какой надобности?

V. Я прибылъ въ городъ Пятигорскъ въ концѣ Апрѣля мѣсяца для пользованія водами.

*) Т. е. безъ двухъ дней черезъ два мѣсяца послѣ поединка. П. Б.

VI. По пріѣздѣ вашемъ въ Пятигорскъ, у кого изъ жителей остановились на квартирѣ, одинъ или съ кѣмъ, и чѣмъ занимались?

VI. По пріѣздѣ моемъ въ Пятигорскъ я остановился въ здѣшней рестораціи и тщательно занялся лѣченіемъ.

VII. Съ котораго времени вы имѣли съ Лермонтовымъ знакомство и въ какомъ отношеніи, дружескомъ ли или политичномъ, и какой былъ данъ вами поводъ Лермонтову дѣлать вамъ колкости и остроты (какъ безъ того не могло бы это отъ него произойти), въ чемъ заключались наносимыя вамъ Лермонтовымъ таковыя обиды, не относились ли его слова болѣе къ дружеской шуткѣ, или же къ оскорбленію чести вашей, и какія были принимаемы съ вашей стороны мѣры къ отклоненію непріятностей допрежде сего происшествія и при комъ?

VII. Я былъ знакóмъ съ Лермонтовымъ съ самаго вступленія моего въ Юнкерскую Школу. Отношенія наши были довольно короткія. Поводомъ же къ его остротамъ на мой счетъ, вѣроятно, было ничто иное, какъ желаніе поострить; по крайней мѣрѣ, я другихъ причинъ не знаю. Но, какъ въ подобномъ расположеніи духа человѣкъ легко увлекается и незамѣтно переходитъ отъ неумѣстной шутки къ язвительной насмѣшкѣ, и такъ далѣе: то я былъ принужденъ нѣсколько разъ останавливать его и напоминать, что всему есть мѣра. Хотя подобныя шутки нельзя назвать дружескими, потому что онѣ всегда обидны для самолюбія,но я подтверждаю еще разъ то, чтó выражено мною въ отвѣтѣ на 6 пунктъ слѣдственнаго дѣла, а именно: что честь моя была затронута не насмѣшками его, но рѣшительнымъ отказомъ прекратить ихъ и совѣтомъ прибѣгнуть къ увѣщаніямъ другаго рода; что, вступая съ нимъ въ объясненіе, я и въ виду не имѣлъ вызывать его на дуэль, но что послѣ подобной выходки съ его стороны, по понятіямъ, съ которыми мы какъ будто сроднились, мнѣ уже не оставалось другаго средства окончить съ честью это дѣло: я почелъ бы себя обезчещеннымъ, если бы не принялъ его совѣта и не истребовалъ у него удовлетворенія. Въ томъ же пунктѣ объясняется мной, какимъ образомъ, еще въ началѣ, я хотѣлъ отвратить дальнѣйшія непріятности, чтò и было извѣстно гг. секундантамъ.

VIII. Не заносили ли вы на Лермонтова за оскорбленія васъ колкостями мѣстному начальству жалобы, кому именно и какія были онымъ приняты къ удержанію его, Лермонтова, средства; если же не обнаруживали поступковъ Лермонтова, то чтó вамъ въ томъ служило препятствіемъ, или имѣли намѣреніе допрежде сего случая вызвать его на поединокъ, и не было ли къ тому другихъ, кромѣ остроты и колкости, побудительныхъ причинъ?

VIII. На сей пунктъ имѣю сказать одно въ свое оправданіе. Злобы къ нему я никогда не питалъ, слѣдовательно мнѣ не зачѣмъ было имѣть предлогъ съ нимъ поссориться и, въ доказательство, что поединокъ этотъ былъ совершенно случайный, привожу неоднократный отзывъ мой гг. секундантамъ, въ чемъ именно почиталъ себя обиженнымъ и по какимъ причинамъ не могъ самъ сдѣлать перваго шага къ примиренію.

IX. Когда вы посылали отъ себя приглашеннаго вами секундантомъ корнета Глѣбова къ Лермонтову съ вызовомъ его на дуэль, то каковъ получили отвѣтъ Лермонтова, не говорилъ ли онъ чего относящагося къ миролюбію, или продолжалъ тѣ колкости, кои васъ оскорбляли, съ согласіемъ на вашъ вызовъ, и въ чемъ заключались мѣры секундантовъ гг. Васильчикова и Глѣбова къ примиренію васъ съ Лермонтовымъ?

IX. Не знаю, продолжалъ ли онъ свои колкости во время вызова, только мнѣ Глѣбовъ ничего объ нихъ не говорилъ. Переданный мнѣ отвѣтъ состоялъ въ простомъ согласіи, безъ всякихъ миролюбивыхъ предложеній. Васильчиковъ и Глѣбовъ напоминали мнѣ прежнія мои отношенія съ нимъ и тѣсную связь, которая до сего времени существовала между нами, желая кончить это дѣло дружелюбно *).

X. Когда назначено вами было время дуэли съ Лермонтовымъ и, прибывши на мѣсто разстояніемъ отъ города Пятигорска въ 4-хъ верстахъ, вами ли былъ размѣренъ барьеръ, или же секундантами, и по вашему ли обоихъ съ Лермонтовымъ согласію было назначено это разстояніе для выстрѣла? Чьи были пистолеты и заряды, и сами ли вы заряжали оные, или кто другой? Не замѣтили ли вы у Лермонтовскаго пистолета осѣчки, или онъ выжидалъ вами произведеннаго выстрѣла, и не было ли употреблено съ вашей стороны, или секундантовъ, намѣренія къ лишенію жизни Лермонтова и противныхъ общей вашей цѣли мѣръ?

X. По нашему обоюдному согласію былъ назначенъ барьеръ въ 15 шаговъ. Хотя и было положено между нами считать осѣчку за выстрѣлъ, но у его пистолета осѣчки не было. Остальное же все было

*) Покойный Н. С. Мартыновъ передавалъ, что не задолго до поединка Лермонтовъ ночевалъ у него на квартирѣ, былъ добръ, ласковъ и говорилъ ему, что пріѣхалъ отвести съ нимъ душу послѣ пустой жизни, какая велась въ Пятигорскѣ. Тутъ же Лермонтовъ много рисовалъ. По словамъ Мартынова талантъ къ живописи былъ у него необыкновенный. Н. С. Мартыновъ получилъ прекрасное образованіе, былъ человѣкъ весьма начитанный и, какъ видно изъ краткихъ его Записокъ, владѣлъ перомъ. Онъ писалъ и стихи съ ранней молодости, но, кажется, не печаталъ ихъ. П. Б.

предоставлено нами секундантамъ и какъ ихъ прямая обязанность состояла въ наблюденіи за ходомъ дѣла, то они и могутъ объяснить, не было ли нами отступлено отъ принятыхъ правилъ (зачеркнуты слова: «Наканунѣ дуэли Глѣбовъ мнѣ сказалъ, что пистолеты будутъ, по кому они принадлежали, не знаю»).

XI. По причиненіи вами выстрѣломъ Лермонтову раны, оставался ли онъ на мѣстѣ, при отъѣздѣ вашемъ въ городъ, живъ, говорилъ ли при прощаніи вамъ что-либо, или былъ въ тоже время лишенъ жизни, и въ чемъ прощаніе ваше съ нимъ заключалось?

XI. Отъ сдѣланнаго мною выстрѣла онъ упалъ и, хотя признаки жизни еще были видны въ немъ, но уже онъ не говорилъ. Я поцѣловалъ его и тотчасъ же отправился домой, полагая, что помощь можетъ еще подоспѣть къ нему во̀ время.

VIII.

Справка.

Отставной маіоръ Мартыновъ, за дуэль съ поручикомъ Лермонтовымъ, былъ преданъ военному суду, по Высочайше конфирмованной сентенціи котораго онъ приговоренъ къ трехмѣсячному аресту и потомъ къ церковному покаянію. Военный арестъ повелѣно выдержать ему на Кіевской крѣпостной гауптвахтѣ, гдѣ онъ и содержится съ 26 Января сего *) года; а срокъ церковнаго покаянія для него предоставлено назначить Кіевской Духовной Консисторіи, которая, постановленіемъ своимъ, утвержденнымъ, за отсутствіемъ высокопреосвященнаго Филарета, архіереемъ Іереміемъ, опредѣлила ему Мартынову, для церковнаго покаянія 15-лѣтній срокъ. Покорнѣйшая просьба состоитъ въ исходатайствованіи смягченія приговора Кіевской Духовной Консисторіи, съ дозволеніемъ ему, Мартынову, во время церковнаго покаянія, имѣть жительство, гдѣ домашнія обстоятельства его того потребуютъ.

IX.

Прошеніе Н. С. Мартынова въ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, на Высочайшее имя.

За убіеніе на дуэли поручика Лермонтова я былъ преданъ военному суду и по Высочайшей Вашего Императорскаго Величества конфирмаціи посаженъ на три мѣсяца въ крѣпость, съ повелѣніемъ предать меня церковному покаянію по освобожденіи изъ подъ ареста. Кіевская Духовная Консисторія, на основаніи существующихъ правилъ

*) Т. е. 1842-го. П. Б.

о умышленныхъ убійствахъ, опредѣлила мнѣ пятнадцатилѣтній срокъ для покаянія. Не имѣя средства доказать положительно, что убійство было неумышленное, я могу однакоже представить нѣкоторыя обстоятельства изъ самаго дѣла, сообразуясь съ которыми и послѣдовало столь милостивое рѣшеніе Вашего Императорскаго Величества. По слѣдствію оказалось, что я былъ вынужденъ стрѣляться вызовомъ моего противника, что уже на мѣстѣ происшествія выжидалъ нѣсколько времени его выстрѣла, стоя на барьерѣ, и наконецъ, что въ самую минуту его смерти былъ возлѣ него, стараясь подать ему помощь но, видя безполезность моихъ усилій, простился съ нимъ, какъ должно христіанину. Взявъ во вниманіе всѣ вышеизложенныя мною обстоятельства, я всеподданнѣйше прошу, дабы повелѣно было истребовать означенное дѣло изъ Кіевской Духовной Консисторіи и, разсмотрѣвъ его, сколько возможно облегчить мою участь *). 1842 г. Августа дня. Подпись по формѣ.

В. ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ.

I. Письмо Н. С. Мартынова къ отцу своему.

Екатеринодаръ, 5 Октября (1837) г.

Не могу сдѣлать вамъ лучшаго подарка для дня вашего рожденія, милый папенька, какъ объявить вамъ, что экспедиція наша кончена. Втораго періода не будетъ и, можетъ быть, на дняхъ мы будемъ отправлены обратно въ полки. Все это рѣшилъ пріѣздъ Государя. Онъ хотѣлъ сдѣлать какую нибудь милость для здѣшнихъ войскъ и не могъ лучше угадать, какъ давъ имъ отдыхъ, тѣмъ болѣе, что люди очень истощены и значительно потерпѣли въ первый періодъ. О томъ, будемъ ли мы отправлены тотчасъ или насъ прикомандируютъ на нѣсколько времени къ линейнымъ казачьимъ полкамъ, не могу вамъ сказать навѣрное: это рѣшится въ Ставрополѣ, тотчасъ по пріѣздѣ Государя. Во всякомъ случаѣ вы уже можете быть покойны на мой счетъ: я въ дѣлѣ уже больше не буду. Триста рублей, которые вы мнѣ послали чрезъ Лермонтова, получилъ; но писемъ никакихъ, потому что его обокрали въ дорогѣ, и деньги эти, вложенныя въ письмѣ, также пропали; но онъ, само собою разумѣется, отдалъ мнѣ свои. Если вы помните содержаніе вашего письма, то сдѣлайте одолженіе—повторите;

---

*) Сколько намъ извѣстно отъ самаго Мартынова, ему все-таки пришлось прожить въ Кіевѣ на покаяніи нѣсколько лѣтъ, и онъ не могъ даже прогуливаться по Кіевскимъ окрестностямъ иначе, какъ всякій разъ съ разрѣшенія духовныхъ властей. П. Б.

также и сестеръ попросите отъ меня. Деньги я уже всѣ промоталъ. Пріѣхавъ въ Екатеринодаръ, какъ дикій набросился на всѣ увеселенія; случай удобный: у насъ теперь ярмарка. И самому смѣшно! Представьте, я накупилъ себѣ картинъ, большею частью женскія головки, для того только, чтобы припомнить прошедшее и чтобы забыть эту скучную экспедицію. Увѣренъ, что придетъ время, когда буду и объ ней вспоминать съ наслажденіемъ. Но не присылайте мнѣ теперь. Если насъ скоро не распустятъ, то я напишу вамъ объ этомъ.

Н. М.

Вся суть въ томъ, что письмà отъ отца изъ Пятигорска въ экспедицію на этотъ разъ вовсе не было. По словамъ покойнаго Н. С. Мартынова, въ 1837 году (т. е. за четыре года до поединка) и мать сестры его, жившія въ Пятигорскѣ съ больнымъ отцомъ, написали ему большое письмо, которое Лермонтовъ, отъѣзжавшій въ экспедицію (гдѣ уже находился Мартыновъ), взялся доставить. Прежде чѣмъ запечатать письмо, сестры предложили отцу своему, не захочетъ ли онъ тоже написать или приписать. Тотъ взялъ пакетъ и пошелъ съ нимъ къ себѣ въ комнату, но ничего не написалъ, а только вложилъ деньги и, запечатавъ пакетъ, принесъ его назадъ для врученія Лермонтову, которому о деньгахъ ничего не было сказано. Поэтому, получивъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ, отъ сына вышенапечатанное письмо, старикъ Мартыновъ удивленъ былъ тѣми строками, въ которыхъ говорится о деньгахъ. Да почему же Лермонтовъ могъ узнать о вложеніи ихъ, тогда какъ позабыли сказать ему о томъ? Когда Мартыновъ, по возвращеніи изъ экспедиціи, въ первый разъ увидѣлся съ отцомъ своимъ, тотъ выразилъ ему свое подозрѣніе относительно Лермонтова и прибавилъ: а я совсѣмъ забылъ надписать на пакетѣ, что вложено 300 рублей. Словомъ, Мартыновы заподозрѣли Лермонтова въ любопытствѣ узнать чтò о немъ пишутъ; а содержаніе письма было таково, что ему изъ самолюбія не хотѣлось передать его, и онъ изобрѣлъ исторію съ ограбленіемъ (такъ чудесно потомъ воспроизведенную въ „Героѣ нашего времени"). Подозрѣніе осталось только подозрѣніемъ; но впослѣдствіи, когда Лермонтовъ преслѣдовалъ Мартынова насмѣшками, тотъ иногда намекалъ ему о письмѣ, прибѣгая къ такимъ намекамъ, чтобы избавиться отъ его приставаній. Таковъ разсказъ Н. С. Мартынова, слышанный отъ него мною и другими лицами.

Я встрѣчался съ Н. С. Мартыновымъ въ Москвѣ у пріятеля моего М. П. Полуденскаго (женатаго на его родной племянницѣ), а потомъ посѣтилъ онъ меня по поводу появленія въ „Русскомъ Архивѣ" 1871 года статьи князя Васильчикова о поединкѣ съ Лермонтовымъ. Сначала мнѣ было жутко видѣть человѣка,

Изъ чьей руки свинецъ смертельный
Поэту сердце растерзалъ;
Кто сей божественный фіалъ
Разрушилъ какъ сосудъ скудельный...

но, бывъ свидѣтелемъ того, какъ самъ секундантъ Лермонтова, князь Васильчиковъ, бесѣдуетъ съ нимъ, я перестаіъ уклоняться отъ него, тѣмъ болѣе что онъ съ достоинствомъ переносилъ свое несчастіе и пользовался уваженіемъ своихъ знакомыхъ; близокъ же съ нимъ, какъ увѣряетъ г. Мартьяновъ, я не былъ. П. Б.

II. Выдержки изъ писемъ къ Н. С. Мартынову его матери.

1.

Moscou, 25 may.

Où es-tu, mon bon et cher Nicolas? On ne parle ici que des mauvaises affaires du Caucase; mon coeur tremble pour toi, cher ami; je deviens superstitieuse plus que jamais: tous les soirs le roi de trefle sur la table, et s'il est entouré de piques, je suis au désespoir... Nous sommes encore en ville. Lermontoff est presque tous les jours chez nous. Je ne l'aime pas trop, je l'avoue: il a une langue bien méchante et malgré toute l'amitié qu'il proteste pour tes soeurs, je suis sûre qu'à la première occasion il ne les épargnera pas non plus. Ces dames se plaisent beaucoup dans sa société; grâce à Dieu, il part bientôt; ses visites ne me sont jamais agréables.

Переводъ.

Москва, 25 Мая (1837). Гдѣ ты, мой дорогой Николай? Здѣсь только и говорятъ что̀ о неудачахъ на Кавказѣ; мое сердце трепещетъ за тебя, мой милый; я стала болѣе чѣмъ когда-либо суевѣрна: каждый вечеръ гадаю на трефоваго короля и прихожу въ отчаяніе, когда онъ окруженъ пиками.... Мы еще въ городѣ. Лермонтовъ у насъ чуть ли не каждый день. По правдѣ сказать, я его не особенно люблю; у него слишкомъ злой языкъ и, хотя онъ выказываетъ полную дружбу къ твоимъ сестрамъ, я увѣрена, что при первомъ случаѣ онъ не пощадитъ и ихъ; эти дамы находятъ большое удовольствіе въ его обществѣ. Слава Богу, онъ скоро уѣзжаетъ; для меня его посѣщенія всегда непріятны.

2.

Moscou, le 6 novembre 1837.

Je crains tant pour toi, mon bon ami, et ne serai heureuse et tranquille qu'à ton retour. Comme nous sommes tous désolées que nos lettres écrites par Lermontoff ne te sont point parvenues; il t'a épargné l'ouvrage de les lire: car réellement tu en aurais eu assez. Tes soeurs ont passé toute une journée à les écrire; je crois avoir dit: при сей вѣрной оказіи. Depuis cet accident je fais voeu de ne jamais écrire que par poste; du moins on est sûre de n'avoir pas été lue. La cour est ici depuis longtemps; tout le monde se prépare pour les bals et les plaisirs....

Переводъ.

Москва, 6 Ноября 1837. Я такъ тревожусь за тебя, мой добрый другъ, и буду счастлива и спокойна лишь по твоемъ возвращеніи. Какъ мы

всѣ огорчены тѣмъ, что наши письма, писанныя черезъ Лермонтова, до тебя не дошли. Онъ освободилъ тебя отъ труда ихъ прочитать, потому что въ самомъ дѣлѣ тебѣ бы пришлось читать много: твои сестры цѣлый день писали ихъ; я, кажется, сказала: „при сей вѣрной оказіи“. Послѣ этого случая даю зарокъ не писать никогда иначе, какъ по почтѣ; по крайней мѣрѣ остается увѣренность, что тебя не прочтутъ. Дворъ здѣсь уже давно; всѣ готовятся къ баламъ и веселостямъ...

Послѣсловіе.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1892 г. появилось повѣствованіе г. Мартьянова о послѣднихъ дняхъ жизни М. Ю. Лермонтова. Много, очень много было писано о причинахъ этого злосчастнаго поединка; но г. Мартьянову захотѣлось придать дѣлу еще особую окраску. Онъ прямо обвиняетъ не только Мартынова, но и князя Александра Иларіоновича Васильчикова въ преднамѣренномъ убійствѣ Лермонтова...

Меня, признаюсь, поразилъ тогда же тонъ и безцеремонный пріемъ человѣка, пищущаго подобное обвиненіе чрезъ полвѣка послѣ происшествія, о людяхъ, ему совершенно незнакомыхъ, и при томъ по справкамъ, собраннымъ во время отъ 30 до 50 лѣтъ послѣ поединка: ибо г. Мартьяновъ самъ говоритъ, что былъ впервыя въ Пятигорскѣ въ семидесятыхъ годахъ... Чтò могъ онъ тогда и отъ кого узнать? Ближайшій свидѣтель, старикъ Чиляевъ, бывшій комендантъ Пятигорска, очень вѣрно отвѣчалъ на сдѣланные ему г. Мартыновымъ вопросы, что *ничего не помнитъ* и за давностью *все забылъ*.

Прочтя часть сказаній г. Мартьянова, я тогда же изложилъ въ нѣсколькихъ словахъ, помѣщенныхъ въ «Новомъ Времени», причины поединка, какъ я ихъ слышалъ въ нашей семьѣ (родной мой дядя, А. И. Бибиковъ былъ близокъ съ Лермонтовымъ, а сестры Мартынова были дружны съ моею матерью). Г. Мартьяновъ, отвѣчалъ мнѣ весьма рѣзко. Тогда я отправился къ сыну покойнаго Н. С. Мартынова, который очень любезно сообщилъ мнѣ нѣсколько писемъ и записокъ, сохранившихся въ бумагахъ послѣ отца его; эти-то бумаги и помѣщены выше.

Разумѣется, я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія въ чемъ либо унижать нашего великаго поэта, котораго ничто не можетъ низвести съ того пьедестала, на который поставленъ онъ геніальнымъ своимъ дарованіемъ. Единственною цѣлью моихъ двухъ статей въ «Новомъ Вре-

мени», въ 1892 г., было защитить отъ незаслуженныхъ нареканій личность князя А. И. Васильчикова, извѣстнаго всей Россіи дѣятеля, который пользовался во всю жизнь свою вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ соотечественниковъ. Роль, которую совершенно произвольно даетъ г. Мартьяновъ князю Васильчикову, ни въ чемъ не подтверждается—*нигдѣ!* Общественное мнѣніе, которое не простило Н. С. Мартынову роковой его пули, никогда не винило ни въ чемъ князя Васильчикова; да и въ слѣдственномъ дѣлѣ нѣтъ слѣдовъ той преднамѣренности, о которой все время намекаетъ г. Мартьяновъ, изображая князя «Ксандра» (такъ фамильярно зоветъ онъ князя Васильчикова) іезуитомъ и лицомъ, которое подкапывалось подъ Лермонтова изъ зависти къ славѣ поэта. Г. Мартьяновъ просто клевещетъ. Къ тому же онъ до того мало знакомъ съ дѣломъ, что все время говоритъ о князѣ Васильчиковѣ, какъ о секундантѣ Мартынова, передаетъ разговоръ Лермонтова съ его якобы секундантомъ Глѣбовымъ, и т. д., тогда какъ *князь Васильчиковъ былъ секундантомъ именно Лермонтова*, а Глѣбовъ — Мартынова. Секундантомъ избираютъ обыкновенно лицо, имѣющее репутацію высокой честности. Неужели Лермонтовъ, столь щепетильный въ вопросахъ чести, избралъ бы себѣ секундантомъ князя Васильчикова, если-бъ сколько нибудь сомнѣвался въ его прямотѣ и благородствѣ? И неужели князь Васильчиковъ пошелъ бы въ секунданты къ поэту, если бы принадлежалъ къ числу людей, ненавидѣвшихъ Лермонтова и искавшихъ его гибели? Вся жизнь князя Александра Иларіоновича порукой, что никогда ничего подобнаго не могло быть. Повѣствованіе г. Мартьянова дышетъ какимъ-то озлобленіемъ противъ князя Васильчикова, такъ что прямо можно думать, что авторъ имѣетъ личности къ князю, который, между тѣмъ, былъ близокъ къ Лермонтову и напечаталъ, въ свою очередь, въ «Русскомъ Архивѣ» обстоятельную статью о поединкѣ Лермонтова. Ему и не снилось, думаю, что найдется человѣкъ, который черезъ 50 лѣтъ, его, беззавѣтнаго рыцаря чести, заподозритъ въ такой низости, какъ преднамѣренное натравливаніе на Лермонтова, кончившееся смертью поэта.

Свѣдѣнія о поединкѣ и причинахъ его я получилъ въ нашей семьѣ. Въ помѣщенныхъ выше Запискахъ самаго Н. С. Мартынова (не конченныхъ къ сожалѣнію), онъ, конечно, не говоритъ, что Лермонтовъ компрометировалъ его сестеръ. Письма же матери Н. С. Мартынова ясно указываютъ на то, что письмо или пакетъ его сестеръ, порученный Лермонтову для доставленія Н. С. Мартынову, былъ вскрытъ Лермонтовымъ. Но такъ какъ времени между исторіею писемъ

и поединкомъ прошло много, то, быть можетъ, были еще и другія причины. Несомнѣнно, что Лермонтовъ былъ увлеченъ Натальею Соломоновною Мартыновою (впослѣдствіи замужемъ за графомъ Латурдонне): она была собою красавица, ей было 24 года въ 1841 году (хотя г. Мартьяновъ называетъ ее перезрѣлой дѣвой, по неизвѣстно откуда добытымъ свѣдѣніямъ) и ей, въ свою очередь, конечно, нравился поэтъ. Опять таки я нисколько не имѣю въ виду бросать какое бы то ни было обвиненіе на Лермонтова; мнѣ хотѣлось бы только болѣе пролить свѣта на это несчастное для всей Россіи событіе и указать, что во всякомъ случаѣ не было преднамѣренности ни со стороны Н. С. Мартынова, ни секундантовъ, Глѣбова и князя Васильчикова. Они всѣ были друзьями, а не врагами Лермонтова.

Изъ вопросныхъ пунктовъ Слѣдств. Коммиссіи и Окружнаго Суда и отвѣтовъ видно, *кто* у *кого* былъ секундантомъ. Изъ письма же Глѣбова къ Мартынову мы видимъ еще, что Глѣбовъ указываетъ прямо, что Мартыновъ не умѣлъ стрѣлять: онъ третій разъ въ жизни держалъ въ рукахъ пистолетъ, и видимо было его желаніе не попасть въ Лермонтова. Наконецъ, ясно еще, что Мартыновъ считалъ себя вызваннымъ Лермонтовымъ. Жаль, что Н. С. Мартыновъ не окончилъ своихъ Записокъ. Видно, какъ тяжело было ему обращаться къ воспоминаніямъ и думать объ ужасной драмѣ. Но какъ ни отрывочны оставшіяся послѣ него бумаги, онѣ драгоцѣнны.

Повторю то, чтò было сообщено мною въ «Новомъ Времени».

Лермонтовъ былъ товарищемъ по Юнкерской Школѣ дядѣ моему Александру Ивановичу Бибикову, родному брату моей матери. Стихотворенія Лермонтова, до появленія ихъ въ печати, бывали въ рукахъ сестеръ Александра Ивановича Бибикова, т. е. моей матери и моей тетки Е. И. Раевской. По этому все, касающееся Лермонтова, было близко извѣстно у насъ въ домѣ.

Вотъ чтò у меня осталось въ памяти изъ разсказовъ дяди Бибикова. Сколько я могу себѣ составить понятіе изо всего мною слышаннаго, причины поединка Лермонтова съ Мартыновымъ были не исключительно тѣ, которыя обыкновенно указываются во всѣхъ біографіяхъ Лермонтова. Самъ Николай Соломоновичъ Мартыновъ, лично мнѣ знакомый, не говорилъ о томъ. Гибель Лермонтова, повидимому,

наложила тяжелое бремя на всю жизнь его, такъ что разспрашивать его я никогда не рѣшался. Но отъ А. И. Бибикова сохранился слѣдующій разсказъ.

Никому небезъизвѣстно, что у Лермонтова въ сущности былъ пренесносный характеръ, неуживчивый, задорный, а между тѣмъ его талантъ привлекалъ къ нему поклонниковъ и поклонницъ. Неравнодушна къ Лермонтову была и сестра Н. С. Мартынова, Наталья Соломоновна. Говорятъ, что и Лермонтовъ былъ влюбленъ и сильно ухаживалъ за нею, а быть можетъ и прикидывался влюбленнымъ. Послѣднее скорѣе: ибо, когда Лермонтовъ уѣзжалъ изъ Москвы на Кавказъ, то взволнованная Н. С. Мартынова провожала его до лѣстницы; Лермонтовъ вдругъ обернулся, громко захохоталъ ей въ лицо и сбѣжалъ съ лѣстницы, оставивъ въ недоумѣніи провожавшую.

Въ 1837 году, уѣзжавшему изъ Пятигорска въ экспедицію Лермонтову сестры Мартынова поручили передать брату, Николаю Соломоновичу, письмо, не то цѣлый пакетъ со своимъ дневникомъ. Въ тотъ же пакетъ были вложены триста рублей ассигнаціями, о чемъ Лермонтовъ ничего не зналъ. По словамъ однихъ, Лермонтову былъ врученъ пакетъ съ намекомъ прочесть этотъ дневникъ; по словамъ другихъ, Лермонтовъ не имѣлъ права распечатывать это письмо. Какъ бы то ни было, случилось именно то, что Лермонтовъ, побуждаемый любопытствомъ, распечаталъ пакетъ, чтобы прочесть дневникъ. Найдя въ пакетѣ триста рублей, онъ передалъ ихъ Н. С. Мартынову, но умолчалъ о дневникѣ и сказалъ лишь, что у него украли чемоданъ доро́гой. Николай Соломоновичъ долго не соглашался взять триста рублей, говоря, что разъ деньги украдены, то съ какой стати Лермонтову ихъ возвращать; только послѣ долгихъ увѣщаній Мартыновъ взялъ эти триста рублей.

По прошествіи нѣкотораго времени, сестры писали Мартынову, спрашивая его о своемъ дневникѣ. На это братъ отвѣчалъ, что никакихъ ни письма, ни дневника онъ не получалъ, но 300 р. денегъ получилъ отъ Лермонтова. Тогда сестры Мартынова вновь поручили брату узнать объ участи дневника, указывая на то, что Лермонтовъ не зналъ о вложенныхъ деньгахъ. Такимъ образомъ обнаружилось, что Лермонтовъ распечаталъ письмо Натальи Соломоновны Мартыновой къ ея брату. Изъ за этого и произошла ссора, такъ какъ Мартыновъ имѣлъ полное основаніе упрекать Лермонтова. Ссора же на вечерѣ у Верзилиныхъ была, по всему вѣроятію, ничто иное, какъ

предлогъ къ поединку, уже ранѣе рѣшенному. Къ шуткамъ Лермонтова Мартыновъ относился сперва добродушно, привыкнувъ къ нимъ; но потомъ это ему видимо надоѣло. Злой рокъ рѣшилъ иначе, и безъ прицѣла пущенная пуля угодила въ поэта. Вѣрнѣе еще, что самъ Лермонтовъ, чувствуя себя виновнымъ предъ Мартыновымъ, хотѣлъ искупить вину свою поединкомъ.

Что сестры Мартынова, какъ и многія тогда дѣвицы, были подъ впечатлѣніемъ и обаяніемъ таланта Лермонтова, неудивительно и очень было извѣстно. Вернувшись съ Кавказа, Наталья Соломоновна бредила Лермонтовымъ и разсказывала, что она изображена въ «Героѣ нашего времени». Одной нашей знакомой она показывала красную шаль, говоря, что ее Лермонтовъ очень любилъ. Она не знала, что «Героя нашего времени» уже многіе читали и что «пунцовый платокъ» помянутъ въ немъ совершенно по другому поводу.

Николай Соломоновичъ, по утвержденію многихъ, очень мучился смертью Лермонтова. Говорили, что, въ годовщину смерти поэта онъ постоянно запирался въ своемъ кабинетѣ...

Князь Д. Оболенскій.

ЗАПИСКА О ПРОТИВОХОЛЕРНОМЪ ЭЛЕКСИРѢ.

Нижепомѣщенная записка объ „элексирѣ" найдена въ бумагахъ, относящихся до дѣятельности министра внутреннихъ дѣлъ графа А. А. Закревскаго во время борьбы его съ первою холерой 1830—1831 годовъ. П. Б.

*

Составъ оказываетъ великую пользу въ существующей нынѣ *повальной болѣзни.* Извѣстенъ элексиръ сей между простолюдинами, какъ вѣрнѣйшее лѣкарство отъ болѣзни, *внутренняя Сибирка* называемой.

Взять нашатырю	2	золотника.
Канфоры	2	„
Острой водки	2	„
Нефти	2	„
Скипидару	2	„
Стручковаго перцу	2	стручка.
Ренскаго уксусу	1	стаканъ.
Пѣннаго вина	1	штофъ.

Смѣшавъ весь оный составъ, поставить штофъ въ теплое мѣсто или на солнце на одни сутки; а чѣмъ болѣе стоитъ, тѣмъ лучше. Больному употреблять *элексиръ* сей, какъ ниже сего сказано *въ наставленіи* Каждый разъ хорошенько взболтать въ штофѣ предъ пріемомъ.

Наставленіе.

Коль скоро человѣкъ почувствуетъ дурноту или тошноту, или круженіе головы съ чувствомъ тягости подъ ложечкою; равномѣрно ежели начнется поносъ, рвота или охлажденіе членовъ, то тотчасъ дать рюмку сего *элексира*, не прибавляя *ни одной капли воды* или *чего другаго;* ежели дѣйствія не окажетъ, то другую и третью. Время пріема смотря по обстоятельствамъ, можно чрезъ полчаса и ближе; если не окажетъ пользы, то до пяти рюмокъ, съ тою же разстановкою. По пріемѣ *элексира* брать въ ротъ кусочекъ чернаго хлѣба и пожевать для вкуса, но не глотать; водою и ничѣмъ другимъ рѣшительно не запивать.

Ежели случатся корчи или судороги, то этимъ же *элексиромъ* натирать оныя мѣста, или настоеннымъ въ пѣнномъ винѣ или спиртѣ стручковымъ перцомъ.

Больному ни подъ какимъ видомъ *сырой воды* пить не давать, которая при употребленіи сего *элексира* есть *сущій ядъ;* какъ можно удерживаться отъ частаго питья. Пить можно давать чрезъ два часа послѣ пріема *элексира черный чай, крѣпко настоенный* и пить оный нѣсколько разъ въ день; также можно по вкусу прибавлять и красное вино.

Давать должно больному пить отварную, *а отнюдь не сырую воду, съ краснымъ виномъ* или *уксусомъ* и не холодную. Можно больному давать и одно красное вино, также по немногу. Простому народу можно давать пить вареной квасъ, если можно съ мятой, и чтобъ былъ какъ теплая рѣчная вода, не очень старый и не очень молодой *и отнюдь не давать холоднаго.*

Пить всегда по маленькимъ глоткамъ, чаще, а отнюдь не однимъ разомъ, иначе производитъ рвоту. Можно давать пить остуженный или теплый Аглицкой съ простою мятою смѣшанный чай, или изъ одной Аглицкой мяты прибавлять можно по вкусу краснаго вина.

Весьма умѣренно ѣсть; давать больному супъ чистый или изъ перловыхъ, ячныхъ, Смоленскихъ и овсяныхъ крупъ; изъ сихъ же крупъ употреблять отваръ погуще и для обыкновеннаго питья, также для вкуса съ прибавленіемъ краснаго вина. А для простаго народа изъ простыхъ гречневыхъ крупъ жидкую кашицу или щи, но чтобы не очень кислы были. Мяснаго какъ можно меньше употреблять, отнюдь соленаго мяса, а особливо ветчины, *свинаго мяса* и *сала,* равно рыбы и раковъ не ѣсть, а немного курицы, цыплятъ или телятины. Молока, яицъ и зелени не употреблять; также никакихъ фруктовъ, ягодъ и грибовъ больному не давать.

Носить поясъ на брюхѣ изъ фланели или сукна, чтобы держать всегда животъ въ теплотѣ; въ комнатахъ днемъ открывать окна и курить чаще

уксусомъ съ кирпичемъ или сбрызгивать онымъ полъ и стѣны; особенно принимая *элексиръ*, производящій испарину, избѣгать простуды; возбуждать въ больномъ бодрость духа, ибо вообще *страхъ* много препятствуетъ къ излѣченію.

Во время свирѣпствованія эпидемической болѣзни, *для предохраненія себя отъ оной*, можно отъ двадцати до шестидесяти капель принимать сего *элексира*, ничего не примѣшивая; можно увеличивать пріемъ сей даже до одной рюмки.

Примѣчаніе. Нѣкоторые изъ больныхъ употребляли элексиръ сей, мѣшая *пополамъ съ квасомъ*, и оказывало пользу.

Тѣмъ, которые принимаютъ элексиръ сей, *кровопусканіе* весьма вредно

О молитвѣ.

При составленіи сего *элексира* непремѣнно должно прочитать нижеслѣдующія молитвы:

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Господи благослови! Отче нашъ, иже еси, и прочая. Богородице Дѣво радуйся благодатная, до конца. *Всѣ три раза* и потомъ *три раза нижеслѣдующее:*

Отецъ Небесный! Госпоже Пресвятая Богородице Скорбящая! Святый Іоанне Крестителю, Святый Николае Чудотворче, Святый Архистратигъ Михаилъ, Святый Архангелъ Гавріилъ, Святый Архангелъ Уріилъ, Святый Архангелъ Рафаилъ, Святый Димитрій Ростовскій Чудотворче, святые безсребрянники Косьма и Даміанъ и всѣ святые мученики и мученицы, помогите и пособите и избавьте раба Божія, *имя рекъ,* и всѣхъ православныхъ христіанъ отъ скорби и болѣзни и отъ напрасныя язвы, во вѣки аминь.

При пріемѣ сего элексира, больному весьма полезно прочитать *сіи молитвы* или, оградивъ себя знаменіемъ креста, произнести краткую молитву сію: „*Господи благослови*“.

*

Весьма вѣроятно, что элексиръ этотъ и молитва составлены знаменитымъ Московскимъ врачемъ Матвѣемъ Яковлевичемъ Мудровымъ; у него въ пріемной былъ поставленъ цѣлый рядъ святыхъ иконъ, предъ которыми больные, по его указанію, обыкновенно молились. П. Б.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОЙ КНИГИ
«РУССКАГО АРХИВА»
1893 года
(выпуски 5, 6, 7 и 8).

33. Богатырь-казакъ Илья-Муромецъ, какъ историческое лицо. **Д. И. Иловайскаго.**

433. Московскій Кремль. **Священника Н. А. Скворцова.**

288. Плачъ Московскихъ церквей. **В. К.** Съ послѣсловіемъ **Н. А. Скворцова.**

183. Черты внутренняго быта Россіи при Петрѣ Великомъ (Тамбовскій край). **И. И. Дубасова.**

5. Указы **Екатерины Великой** М. А. Яковлеву, съ предисловіемъ **А. А. Титова** и съ родословіемъ Яковлевыхъ.

432. Могила княгини А. П. Волконской **Н. П. Мордвинова.**

257. Изъ Записокъ генералъ-адъютанта **Г. И. Ностица.** Съ послѣсловіемъ сына его графа И. Г. Ностица **о** командировкѣ его въ Берлинъ въ 1869 году.

305 и **449.** Записки инженернаго офицера **Мартоса** (1806—1818). Сообщены **А. А. Титовымъ.**

129. Переписка **князя А. Н. Голицына** съ **З. Я. Карнѣевымъ.**

190. Записка о сенаторѣ А. А. Столыпинѣ.

421. Маркизъ Кастельбажакъ объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ (изъ его депешей). **А. Ч.**

105. Къ біографіи А. С. Хомякова: 1) Статья его о зодчествѣ, 2) Письмо къ нему отца его въ **Парижъ** о событіи 14 Декабря 1825 года.

613. Записка о противохолерномъ элексирѣ 1831 года.

135. Изъ бумагъ С. Д. Нечаева: письма къ нему **Александра и Андрея Николаевичей Муравьевыхъ, графа М. С. Воронцова, А. И. Войцеховича, Игнатія Брянчанинова** и **А. А. Краевскаго.**

161. Письма митрополита Московскаго **Филарета** къ Симбирскому епископу Евгенію.

284. Епископъ Симбирскій Евгеній, біографическій очеркъ.

18. Изъ воспоминаній молодости. **Н. Я. Скарятина.**

585. Изъ бумагъ **Н. С. Мартынова:** отрывки его автобіографическихъ записокъ, бумаги о поединкѣ съ Лермонтовымъ, выдержки изъ семейныхъ писемъ.

399. Къ свѣдѣніямъ объ Украинно-Славянскомъ Обществѣ, его Программа и Правила (Н. И. Костомаровъ). **М. К.**

177. Нѣсколько словъ объ архіепископѣ Херсонскомъ Иннокентіи. **И. У. Палимпсестова.**

418. Еще о Кіевскомъ митрополитѣ Платонѣ. **А. А. Карасева.**

304. Поправка **И. У. Палимпсестова** (о Кіевскомъ митрополитѣ Платонѣ).

23. Летучія воспоминанія Севастопольца. **Д. В. Ильинскаго.**

561. Письмо **Вигеля** къ Гоголю.

566. Москва и Петербургъ. **Вигеля.**

281. Изъ дневника **Елены Андреевны Штакеншнейдеръ** (1856)

391. Эпизодъ изъ исторіи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Воспоминаніе **академика К. С. Веселовскаго.**

427. Изъ приготовительныхъ работъ по біографіи Н. П. Гилярова. Замѣтки **князя Н. В. Шаховскаго.**

246. Украина въ изображеніяхъ Французовъ. **В. П. Горленка.**

300. Къ исторіи Русской гравюры. Н. И. Бекетовъ. **А. П. Новицкаго.**

431. А. Н. Труворовъ. **Ю. Б.**

59, 196, 369 и **543.** Къ исторіи Еврейства. **Н. С. Граве.**

Приложены фототипіи съ рисунковъ: 1) видъ Сенатской площади въ день 14 Декабря 1825 года, и 2) князь В. Ѳ. Одоевскій и его супруга въ бесѣдѣ съ баронессою Е. Ѳ. Раденъ